3 1761 07061222 1

This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ОР18859
К724000

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

(издателемъ „Русскаго Архива")

КНИГА ВТОРАЯ.

(Вторымъ тисненіемъ.)

МОСКВА.
ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ШИЛОВОЙ.
1869.

LIBRARY
NOV 1 5 1975
UNIVERSITY OF TORONTO

DK
127
B37
kn. 2

Третья книга Осмнадцатаго Вѣка печатается и будетъ содержать въ себѣ межъ прочимъ: статью о Екатеринѣ I-й по новооткрытымъ источникамъ, Письма дука де Лирія о первомъ годѣ царствованія Анны Іоанновны, своеручныя письма Анны Іоанновны къ Остерману, статью Г. В. Есипова о Ванькѣ Каинѣ, новыя письма и бумаги Екатерины II-й и пр. и пр.

КНИГИ, КОТОРЫЯ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ:

РУССКІЕ НА БОСФОРѢ

въ 1833 году.

Записки Н. Н. Муравьева-Карсскаго. Изданіе Чертковской библіотеки. 8°. 8 нен., 462, 092, VII и 2 нен. стр. съ рис. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО,

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 р.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ.)

Съ примѣчаніями и указателемъ. (Изданіе Русскаго Архива) М. 1867 (8°. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ІЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

Сочиненіе Ю. Ѳ. САМАРИНА.

(Изданіе Русскаго Архива.) Цѣна одинъ рубль, съ пересылкою 1 р. 25 к.

1060
304

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Bartenev, Petr Ivanovic

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ

ИЗДАТЕЛЕМЪ „РУССКАГО АРХИВА".

КНИГА ВТОРАЯ.

(Вторымъ тисненіемъ.)

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1869.

DK127
.B3

104837
'07

ПИСЬМА О РОССІИ ВЪ ИСПАНІЮ

ДУКА ДЕ-ЛИРІЯ,

бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ въ Россіи, при императорѣ Петрѣ II и въ началѣ царствованія Анны Іоанновны (*).

Изслѣдователи Русской старины XVIII вѣка давно оцѣнили важное значеніе Записокъ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго (ум. 1733) изданныхъ въ 1845 г. Д. И. Языковымъ (Спб. въ Гутенб. тип. 8°. III и 217 стр.) въ русскомъ переводѣ, который былъ сдѣланъ съ французскаго текста, напечатаннаго въ Парижѣ въ 8-ю долю листа въ 1788 г. подъ заглавіемъ: Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même. Сіе послѣднее указаніе мы находимъ въ предисловіи Д. И. Языкова къ русскому переводу Записокъ Дюка Лирійскаго; самой же французской книги не удалось намъ никогда видѣть. Русскій переводчикъ опредѣлительно говоритъ, что по разнымъ уваженіямъ онъ выпускалъ нѣкоторыя мѣста французскаго текста. Уже нѣсколько лѣтъ какъ мы тщетно отыскиваемъ эту французскую книгу. Неудача наша въ отысканіи оной нынѣ щедро вознаграждена нижеслѣдующими бумагами, переведенными съ испанскихъ подлинниковъ. *Н. Б.*

Первымъ фактомъ въ исторіи прямыхъ сношеній Россіи съ Испаніей нужно считать бывшее при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ извѣстное посольство стольника Потемкина. Впрочемъ, Потемкинъ былъ посланъ собственно во Францію, а въ Испанію онъ долженъ былъ проѣхать только кстати,

---

(*) Считаемъ своимъ долгомъ заявить предъ Русскими читателями о той въ высшей степени любезной внимательности, съ которою настоящій представитель дома де-Лиріевъ, дукъ де-Альба и де-Лирія сообщилъ въ наше распоряженіе бумаги своего предка съ правомъ просмотрѣть ихъ и сдѣлать изъ нихъ всѣ изалеченія, какія могли показаться намъ нужными: на все время нашихъ занятій онъ предоставилъ намъ особую комнату въ своемъ частномъ архивѣ со всѣми удобствами для работы. Здѣсь мы нашли Дневники, которые велись при дукѣ де-Лирія съ самаго дня назначенія его посланникомъ въ Россію и въ которые вносились всѣ его депеши и письма къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ маркезу де-ля-Пасъ, архіепископу Амидѣ-духовнику королевы и другимъ лицамъ; нашли въ подлинникѣ за собственноручною

намъ извѣстно болѣе о его пребываніи во Франціи, чѣмъ въ Испаніи. Объ одномъ особенно мы знаемъ, во время пребыванія его въ послѣдней странѣ — это о его крайней любви, которую онъ показалъ къ испанскимъ червонцамъ: испанское правительство во все время пребыванія его въ испанской столицѣ выдавало ему, на содержаніе его лично и его свиты, значительную сумму своимъ прекраснымъ золотомъ, и онъ получая его, дѣлалъ все возможное, чтобы только не тратить его сообразно съ его назначеніемъ. На наше тогдашнее посольство Испанцы смотрѣли точно также, какъ мы смотрѣли въ недавнее время на посольство Японцевъ: ихъ интересовало не политическое значеніе, котораго они мало видѣли въ посольствѣ Потемкина, но скорѣе громадный ростъ, длинная и окладистая борода и азіатскій костюмъ этого выходца изъ невѣдомой страны. Какъ памятникъ именно такого рода вниманія Испанцевъ къ посольству Потемкина, въ Мадритскомъ Королевскомъ Музеѣ доселѣ можно видѣть превосходно сдѣланный въ то время его портретъ во весь ростъ (*). Онъ одѣтъ въ длинный красный кафтанъ, опоясанный золотымъ поясомъ; на пле-

---

подписью короля Филиппа V секретную инструкцію, данную ему при отправленіи въ Россію. Варшавскій Дневникъ, въ которомъ день за днемъ записывалось его путешествіе при возвращеніи изъ Москвы и во все время его пребыванія въ Варшавѣ, и другія бумаги. Результатъ чтенія этихъ документовъ мы представляемъ теперь Русскимъ читателямъ. У насъ уже есть переводъ съ французскаго *Записокъ дюка Лирійскаго*, сдѣланный г. Языковымъ въ 1845 году. Но при этомъ свой трудъ мы смѣемъ считать все-таки не излишнимъ. Переводъ г. Языкова не полонъ. Да еслибы онъ былъ и полонъ, французскія Записки дука де-Лирія, писанныя имъ послѣ, представляютъ обстоятельства непремѣнно въ сглаженномъ видѣ, тогда какъ въ своихъ депешахъ и письмахъ онъ записываетъ ихъ по свѣжимъ впечатлѣніямъ, по только что полученнымъ извѣстіямъ,—это замѣтно въ его сужденіяхъ о лицахъ, о которыхъ онъ иначе судитъ въ началѣ, какъ только онъ пріѣхалъ въ Россію (когда Испанія была въ союзѣ съ Австріей, а чрезъ Австрію и въ Россіей) и иначе, когда дѣло шло къ разрыву у Испаніи съ Австріей и когда онъ усиливался отклонить Россію отъ союза съ Австріей. Кромѣ того о многихъ обстоятельствахъ, описанныхъ въ его депешахъ, напр. о его переговорахъ по торговому трактату, о дѣлѣ графа Матвѣева, графа Милезимо, влюбленнаго въ невѣсту Петра II, княжну Долгорукую, и другихъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторыя могли показаться дуку де-Лирія компромитирующими его собственную личность, въ его французскихъ Запискахъ нѣтъ и слѣда, а между тѣмъ они могутъ быть очень интересны для характеристики тогдашняго положенія дѣлъ при нашемъ Дворѣ, особенно если принять во вниманіе то, что дуку де-Лирія нельзя отказать ни въ знаніи нашихъ придворныхъ интригъ, ни въ большой проницательности. Всѣ депеши и письма дука де-Лирія писаны по испански. Обычая писать депеши по французски испанскіе дипломатическіе агенты не приняли доселѣ.

Священникъ К. Кустодіевъ. Мадритъ, 11 (23) февраля 1868.

(*) Въ Лондонѣ, куда также ѣздилъ Потемкинъ, былъ снятъ съ него портретъ, такой же какъ здѣсь описывается. См. Русскій Архивъ 1867, стр. 587. *П. Б.*

чахъ у него накинута, кажется, малиноваго цвѣта, шитая по краямъ золотомъ и опушенная соболемъ мантія, съ прорѣзями на мѣстѣ рукавовъ, застегнутая только сверху у шеи; лѣвую свою руку онъ продернулъ въ прорѣзь мантіи, засунувъ ея большой палецъ за поясъ и откинувъ нѣсколько самую полу. Онъ стоитъ подбоченившись: правою рукою, высунутою прямо изъ-подъ мантіи, онъ отмахиваетъ правую ея полу и опирается на длинный бастонъ; на головѣ его шитая золотомъ конической формы красная шапка съ собольей опушкой; изъ подъ кафтана видиѣются, кажется, бархатные сапожки: окладистая, русая, нѣсколько съ просѣдью, его борода, не смотря на то, что далеко раздается въ стороны, мало скрадываетъ его широчайшія плечи, напротивъ, кажется, еще больше выказываетъ ихъ. Выраженіе его лица не говоритъ ни о его развитости, ни высокомъ сознаніи своего достоинства; онъ какъ бы запуганъ, смущенъ, хотя всей своей позой, особенно видимымъ усиліемъ выразить свою энергію въ управленіи своимъ бастономъ, онъ напоминаетъ командующаго умнаго сельскаго старосту.

Впрочемъ, только съ Петра Великаго начались всѣ наши настоящія международныя отношенія. Онъ же намѣтилъ черты, которыми должны опредѣляться и наши отношенія къ Испаніи, — которыя и до сего времени не совсѣмъ установились. По мысли Петра, наши отношенія къ Испаніи должны быть больше торговыя, чѣмъ дипломатическія, и онъ уже замышлялъ заключить съ Испаніей торговый трактатъ, котораго, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ доселѣ. Кажется въ 1717 году, онъ послалъ въ Кадиксъ, въ качествѣ консула, коммерціи совѣтника князя Щербатова. Только позже, въ 1723 году, когда онъ уже ясно видѣлъ, что Россія можетъ играть не послѣднюю роль въ политическихъ комбинаціяхъ Европы, онъ послалъ въ Мадритъ князя Сергія Голицына съ именемъ легаціонс рата. По смерти Петра Великаго, въ 1726 году, уволившійся по своей просьбѣ князь Голицынъ замѣщенъ былъ въ Мадритѣ княземъ Щербатовымъ, до того остававшимся въ Кадиксѣ. Впрочемъ князю Щербатову не дали ни варварскаго титла легаціонс-рата, ни просто посланника, а онъ былъ перемѣщенъ сюда съ тѣмъ же названіемъ коммерціи совѣтника. Какъ посланнику безъ всякаго имени, дипломатическіе агенты другихъ государствъ, бывшіе уже въ Мадритѣ, не хотѣли отдать ему, по пріѣздѣ его въ Мадритъ, перваго визита, какъ того требовалъ тогдашній дипломатическій этикетъ, и онъ горько жаловался на это императрицѣ Екатеринѣ I, не соглашаясь ни въ какомъ случаѣ унижать себя и свою государыню отдаваніемъ имъ перваго визита съ своей стороны. Впрочемъ, онъ былъ утѣшенъ, когда ему отдали первые визиты бывшіе въ Мадритѣ представители мелкихъ государствъ Германіи, обращавшіе вниманіе больше на возрастающую важность Россіи, которой представителемъ былъ князь Щербатовъ, чѣмъ на недостававшій ему особенный ти-

тулъ (¹). Мы не знаемъ только, какъ онъ потомъ поладилъ съ представителями въ Мадритѣ отъ большихъ государствъ. Но недостатокъ ихъ вниманія Испанское правительство восполняло важностью, которую придавало оно теперешнему представителю Россіи, видя въ тѣснѣйшемъ сближеніи съ нею средство добиться своихъ задуманныхъ плановъ: при Испанскомъ Дворѣ Щербатова приняли со всѣми церемоніями, какъ чрезвычайнаго посланника великой державы.

На Западѣ это было время самаго быстраго, самаго непредвидѣннаго измѣненія политическихъ комбинацій: кто нынѣ былъ другомъ, тотъ завтра легко дѣлался врагомъ; и на оборотъ. Мы нынѣ жалуемся на нарушеніе трактатовъ, но дѣло это кажется не вчерашняго происхожденія: въ первой половинѣ прошлаго столѣтія трактаты, какъ будто, и заключались для того, чтобы не соблюдать ихъ и обмануть своего пріятеля.

Альберони, первый министръ Испанскаго короля Филиппа V, послѣ несчастныхъ и разорительныхъ, возбужденныхъ имъ, войнъ въ Италіи, съ Англіей и даже Франціей, гдѣ царствовалъ внукъ Филиппа V, наконецъ въ 1720 году былъ выгнанъ изъ Испаніи, какъ виновникъ всѣхъ ея несчастій и какъ заводчикъ ея враждебныхъ отношеній къ другимъ государствамъ. Въ 1721 году Испанія заключила миръ и союзъ съ Франціей, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ былъ заключенъ мирный и союзный трактатъ между Испаніей, Франціей и Велико-Британіей. Какъ друзья, послѣднія двѣ державы предложили Испаніи свое посредство для улаженія несогласій между нею и Австріей, существовавшихъ еще со времени войны за наслѣдство Испанскаго престола. Для этого въ 1722 году былъ составленъ конгрессъ, извѣстный подъ именемъ Камбрайскаго: переговоры конгресса тянулись больше двухъ лѣтъ. Испанскій король требовалъ, чтобы Австрійскій императоръ отказался отъ титуловъ Испаніи, отъ великаго магистерства ордена Золотаго Руна, чтобы обезпечилъ за Испанскимъ инфантомъ Донъ Карлосомъ владѣнье Неаполемъ и Сициліей; императоръ, напротивъ, хотѣлъ сохранить Испанскіе титулы и требовалъ отъ Испанскаго короля, чтобы онъ отказался отъ Австрійскихъ титуловъ и отъ великаго магистерства ордена Золотаго Руна, чтобы поддерживалъ въ Италіи права герцога Пармы и другихъ принцевъ. Однимъ словомъ, ни та, ни другая сторона не хотѣли уступить въ своихъ требованіяхъ; казалось, конгрессъ долженъ былъ кончиться открытою враждою между Австріей и Испаніей. Но вышло именно на оборотъ. Съ 1714 года Филиппъ V состоялъ въ бракѣ съ Итальянкою Елисаветою Фарнезе, выбранной имъ по указанію кардинала Альберони. По изгнаніи послѣдняго, Ели-

(¹) Свѣдѣнія о князѣ Сергѣѣ Голицынѣ и князѣ Щербатовѣ, какъ посланникѣ въ Мадритѣ, мы имѣемъ изъ весьма немногихъ оставшихся отъ того времени бумагъ въ архивѣ здѣшняго Русскаго посольства.

савета явилась продолжательницею его системы: образованная, любившая исторію и политику, съ характеромъ мущины, въ высшей степени честолюбивая, она управляла своимъ меланхолическимъ мужемъ. Тогда какъ король все еще надѣялся уладить дѣло съ императоромъ на конгрессѣ, королева была въ высшей степени недовольна медленностію его переговоровъ; захотѣвъ во что бы то ни стало добыть владѣній въ Италіи для своего сына, она думала, что лучше всего добьется этого частными переговорами съ Вѣнскимъ дворомъ. Въ октябрѣ 1724 года она тайно послала барона Рипперду въ Вѣну попытаться, нельзя ли заключить съ императоромъ отдѣльнаго мира. Непредвидѣнный случай ей помогъ въ этомъ какъ нельзя лучше. Уже три года Испанская инфанта, дочь Филиппа V, была обручена съ Лудовикомъ XV, и воспитывалась во Франціи, какъ будущая королева: дѣло это было устроено во время регенства герцога Орлеанскаго. Но онъ вдругъ умираетъ; его мѣсто заступилъ герцогъ Бурбонскій, и нареченную невѣсту короля отсылаютъ къ ея отцу въ апрѣлѣ 1725 года Это заставило и самаго Филиппа V сдѣлать крутой поворотъ: онъ тотчасъ же отозвалъ своихъ уполномоченныхъ съ Камбрайскаго конгресса и своего посла изъ Парижа, въ тоже время всѣмъ своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ приказалъ прекратить сношенія съ представителями Франціи, а барону Рипперде (²) поспѣшить заключеніемъ мирнаго договора съ императоромъ. Изъ этого родился такъ называемый Вѣнскій трактатъ 1725 года. Въ тоже время на сѣверѣ между Франціей, Англіей и Пруссіей заключенъ былъ другой трактатъ, такъ называемый Ганноверскій, — и Европа вдругъ раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря. Испанія пріобрѣтала немногое въ этомъ Вѣнскомъ трактатѣ. Испанскій король не могъ даже заставить отказаться императора отъ магистерства ордена Золотаго Руна, вопросъ о которомъ между Италіей и Австріей остается нерѣшеннымъ до сего времени; но,

---

(²) Любопытенъ этотъ человѣкъ, котораго Испанская королева выбрала для того, чтобы обмануть державы, бывшія въ союзѣ съ ея мужемъ. Онъ былъ творцемъ трактата, имѣвшаго вліяніе и на Россію. Будучи голландскимъ посланникомъ при Испанскомъ Дворѣ въ 1715, онъ успѣлъ понравиться Филиппу V, отрекся отъ протестантизма, принялъ католицизмъ и перешелъ на его службу. По заключеніи Вѣнскаго трактата, Филиппъ V сдѣлалъ его своимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, но въ слѣдующемъ же 1726 году онъ былъ посвященъ въ Сеговійскую крѣпость, откуда бѣжалъ въ 1728 году чрезъ Португалію въ Англію и Голландію. Принявши опять протестантизмъ, онъ, по совѣту бывшаго въ Голландіи посланника Мароккскаго императора, отправился въ Африку, принялъ здѣсь исламизмъ и поступилъ на службу къ Мароккскому правительству, командовалъ частію Мароккской арміи противъ Испанцевъ и сначала не безъ успѣха, но, разбитый Испанцами при Сеутѣ, впалъ въ немилость у преемника Магомета и умеръ въ Тетуанѣ 1737 года, составляя проектъ учрежденія новой религіи. Припомнимъ, что въ этоже время и мы имѣли подобнаго, хотя и болѣе благоразумнаго, дипломата—барона Остермана.

что всего важнѣе, Австрійскій Дворъ пріобрѣталъ признаніе со стороны Испаніи прагматической санкціи, по которой преемницею императора Карла VI должна была сдѣлаться дочь его Марія-Тереза. Особенную силу Вѣнскому трактату придало присоединеніе къ нему въ 1726 году Русской императрицы. Съ этимъ вмѣстѣ расширялись виды Испанскаго правительства, и увеличивались опасности, которыя могли выдти изъ Вѣнскаго трактата для державъ Ганноверскаго союза. Австрійское правительство подавало Испаніи надежду выдать въ замужество будущую свою императрицу Марію-Терезу за Испанскаго инфанта Донъ Карлоса; съ этимъ вмѣстѣ честолюбивая Елисавета Фарнезе возбуждала въ своемъ мужѣ притязанія на Французскую корону и лелѣяла мечту видѣть нѣкогда Испанію, Францію и Австрію подъ однимъ скипетромъ. Но для этого она прежде всего должна была еще сослужить службу Богу и своему нерѣшительному, мужу-государю: послѣднюю она видѣла въ отнятіи Гибралтара у Англичанъ, первую въ возведеніи на Англійскій престолъ претендента католика Іакова Стюарта. О Россіи въ Испаніи были тогда такого высокаго понятія, что предполагали, будто она можетъ помѣриться съ Англіей даже своими морскими силами; здѣсь надѣялись (*) тогдашнія недовѣрчивыя отношенія между Россіей и Англіей обратить въ настоящую вражду, такъ чтобы Русскій флотъ и высадка Русскаго войска въ Англію могли разомъ пособить Испаніи, доставить Англійскій престолъ Іакову, и отнять у Англичанъ Гибралтаръ. Все это отзывалось женской мечтательностію; тѣмъ не менѣе всему этому придавали въ Испаніи значеніе. Петръ Великій обнаружилъ въ Россіи такія необычайныя силы, что на Западѣ думали, что она можетъ все, стоитъ только на что-нибудь ее подвинуть. Дукъ де-Лирія не называетъ иначе Петра I, какъ Великимъ. Съ этими мечтами и надеждами Испанія и отправила въ Россію своего перваго посланника.

Самый выборъ онаго указываетъ на тогдашнія тенденціи Испаніи: дукъ де-Лирія-и-Киксена былъ сынъ извѣстнаго маршала Бервика, побочнаго сына короля Іакова II, стало быть родной племянникъ тогдашняго претендента на Англійскій престолъ, титулованнаго короля Іакова III. Маршалъ Бервикъ (**), служившій Французскому королю во время

(*) Геній Петра Великаго и гроза его имени оправдывали таковую надежду. Этимъ же объясняется прошеніе Шотландцевъ, обращенное въ 1745 году къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и напечатанное въ Русскомъ Архивѣ 1865, изд. 2-е, стр. 347—352. Извѣстно также, что не задолго передъ тѣмъ Альберони и Шведскій министръ Герцъ на могуществѣ Россіи основывали цѣлую систему политическихъ видоизмѣненій въ Европѣ. *П. Б*

(**) Этотъ маршалъ Бервикъ оставилъ тоже Записки; но они не имѣютъ никакого отношенія къ Россіи. *П. Б.*

войны за наслѣдство Испанскаго престола, рѣшительною побѣдою надъ Австрійцами въ 1707 году при Альмаксѣ упрочилъ за Бурбонами Испанскую корону. Филиппъ V далъ ему за это титулъ дука де-Лирія. Не желая самъ жить въ Испаніи, онъ оставилъ здѣсь сына своего Якова, которому и передалъ свой титулъ дука де-Лирія. Поселившись въ Испаніи въ молодости, дукъ де-Лирія успѣлъ свыкнуться съ нею, усвоить ея нравы, могъ считать ее своимъ отечествомъ, а ея языкъ своимъ языкомъ; но чуждая кровь въ немъ брала свое. Мечты королевы привились ему какъ нельзя больше по сердцу, потому что сходились съ его собственными мечтами. Ни слабое здоровье, на которое онъ жаловался, ни суровый климатъ и варварскіе нравы Россіи, которыхъ онъ страшился, не помѣшали ему отправиться Испанскимъ посланникомъ къ Русскому Двору.

Таковы предшествующія обстоятельства и таково происхожденіе посольства дука де-Лирія. Время, впрочемъ, скоро показало неосуществимость прямыхъ цѣлей его посольства. Но ихъ именно нужно имѣть въ виду, чтобы лучше слѣдить и оцѣнить постепенныя измѣненія въ его дипломатической дѣятельности относительно Россіи, каковыми измѣненіями часто опредѣлялись и его сужденія объ имѣвшихъ какое-нибудь значеніе при Русскомъ Дворѣ личностяхъ и самыхъ событіяхъ.

Теперь мы приступимъ къ передачѣ самыхъ документовъ, касающихся посольства дука де-Лирія въ Россію, раздѣливъ ихъ на года.

Годъ 1727.

22 января, въ загородномъ дворцѣ Пардо, Филиппъ V подписалъ кредитивныя граматы къ Русской императрицѣ и секретную инструкцію своему посланнику. Въ граматахъ Русская императрица называется, впрочемъ, царицей; императрицей она называется въ перечисленіи различныхъ титуловъ, только какъ *императрица Иберіи и Персидскихъ областей*. Секретная инструкція очень обширна. Въ ней король, приказывая своему посланнику собрать на пути свѣдѣнія о церемоніяхъ, съ которыми принимаются при Русскомъ Дворѣ иностранные посланники и особенно посланникъ Австрійскаго императора (съ которымъ онъ долженъ считать себя равнымъ, чтобы требовать и себѣ такого же пріема) говоритъ ему: «Первое вниманіе ваше при исполненіи вашего служенія должно быть обращено на ваше поведеніе. Ведите себя во всемъ съ такимъ вниманіемъ и скромностію, чтобы вы лично и ваши домашніе были образцомъ для всякаго; пусть все служитъ къ вашей похвалѣ, да не будетъ въ вашемъ поведеніи ни малѣйшаго повода къ вашему осужденію.

Вы знаете, что такая осторожность уже сама по себѣ весьма нужна для вашей службы и для исполненія возложенныхъ на васъ обязанностей; но она тѣмъ болѣе важна при дворахъ, которые не исповѣдуютъ нашей святой религіи и гдѣ поступки, дѣла и слова католиковъ служатъ предметомъ вниманія и сужденія. Позаботьтесь жить со всѣми вашими домашними безъ малѣйшаго повода для соблазна и въ великомъ страхѣ Божіемъ, — что послужитъ главнѣйшимъ шагомъ къ успѣху дѣла.»

«Хотя Московія, по своему разстоянію отъ моихъ владѣній, по своимъ дѣламъ и интересамъ, мало можетъ имѣть общаго съ моей монархіей и хотя ея силы, впрочемъ значительныя, не могутъ много вліять на наши силы; однакоже не мѣшаетъ поддерживать съ нею дружбу и быть съ нею въ добрыхъ отношеніяхъ, особенно при настоящемъ положеніи дѣлъ, при которомъ, еслибы она (какъ того добивались) пристала къ государствамъ, оставшимся недовольными трактатомъ мира, заключеннымъ въ Вѣнѣ 30 апрѣля 1725 года, то дала бы громаднѣйшій перевѣсъ ихъ союзу и ихъ намѣреніямъ во вредъ интересамъ моимъ и моихъ союзниковъ, приступившихъ къ сказанному трактату. По этому было дѣломъ великой важности то, что между государями, приставшими къ сказанному Вѣнскому трактату, между мною и императоромъ, была и царица Московіи, съ которой относящійся сюда трактатъ былъ заключенъ въ Вѣнѣ 6 августа 1726 года министрами императора и царицы, а отъ моего имени и съ моей стороны былъ подписанъ аккредитованнымъ для этого въ Вѣнѣ дукомъ де-Бурбонвилемъ.»

Поручая ему на первой же аудіенціи выразить царицѣ удовольствіе о заключеніи этого трактата, король приказываетъ ему на тѣхъ же основаніяхъ заключить прямой трактатъ между Испаніей и Россіей, только такъ, чтобы «взаимныя условія были выражены въ другихъ терминахъ, болѣе приспособительныхъ къ разстоянію этихъ двухъ государствъ и разнымъ обязательствамъ, имѣя въ виду то, что Испанія еще никакимъ трактатомъ (какъ то сдѣлалъ императоръ) не обѣщала поддерживать возвращеніе герцогства Шлезвига герцогу Голштинъ-Готторпскому.» Въ § 8 Вѣнскаго трактата между царицей и императоромъ, послѣдній, отъ имени Испанскаго короля, обѣщаетъ царицѣ безопасное убѣжище для Русскаго флота въ Испанскихъ портахъ. Дукъ де-Лирія долженъ былъ опредѣлить, какіе корабли и какія суда могутъ приставать и въ какихъ портахъ: они должны заходить въ заливы и порты преимущественно менѣе

укрѣпленные. Онъ также долженъ былъ заключить прямой торговый трактатъ съ Россіей на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ таковой былъ заключенъ съ Австріей. Въ этомъ должна была состоять главная цѣль его миссіи при Петербургскомъ Дворѣ.

При этомъ король признается, что непремѣнно будетъ и даже очень близокъ военный разрывъ между нимъ и Англійскимъ королемъ Георгомъ. Онъ приказываетъ, поэтому, своему посланнику смотрѣть на Россію въ этомъ случаѣ, какъ на лучшаго своего союзника и помощника. Дукъ де-Лирія долженъ былъ всѣми способами дѣйствовать на царицу, чтобы она завела сильный флотъ въ Архангельскѣ, откуда она могла сдѣлать диверсію въ Англію для возвращенія престола королю Іакову и для возстановленія равновѣсія Европы.

Дуку де-Лирія были вручены два экземпляра кредитивныхъ граматъ, однѣ съ титуломъ посла, а другія просто полномочнаго министра. Онъ долженъ былъ принять тотъ или другой титулъ, смотря по обстоятельствамъ. Для этого онъ долженъ былъ узнать проѣздомъ въ Вѣнѣ мнѣніе императорскихъ министровъ. При этомъ король замѣчаетъ, что, хотя оба Русскіе представители Россіи въ Мадритѣ, прежній князь Голицынъ и теперешній князь Щербатовъ, не получили отъ Русскаго Двора характера пословъ, но это вовсе не должно мѣшать дуку де-Лирія принять этотъ характеръ, чтобы польстить Русской царицѣ и лучше склонить ее на свою сторону.

6 февр. 1727 г. ему были пересланы изъ Пардо въ Мадритъ всѣ нужныя бумаги, и онъ долженъ былъ отправиться въ путь. Еще не выѣхалъ онъ изъ предѣловъ Испаніи, какъ король отъ 25 марта послалъ ему приказаніе явиться въ Петербургѣ съ именемъ полномочнаго министра. Такое рѣшеніе принято вслѣдствіе письма Испанскаго посланника въ Вѣнѣ дука де-Бурнонвиля, который сносился объ этомъ съ Австрійскими министрами, давшими ему именно этотъ совѣтъ.

Дуку де-Лирія надлежало ѣхать чрезъ Италію, гдѣ ему было поручено помирить претендента на Англійскій престолъ, короля Іакова, съ его женою, которая, къ соблазну всѣхъ, не хотѣла жить съ нимъ вмѣстѣ. Въ Генуѣ его встрѣтилъ пріѣхавшій туда incognito графъ Инвернесъ, доселѣ ближайшій другъ и совѣтникъ претендента. «Онъ вручилъ мнѣ (пишетъ дукъ де-Лирія) письмо Англійскаго короля, въ коемъ Его Величество удостоиваетъ меня ордена Подвязки». Впрочемъ, величая претен-

дента королемъ Англіи, дукъ де-Лирія не рѣшился возложить на себя его ордена, безъ испрошенія на то позволенія своего короля. Ивернесъ, при этомъ, передалъ дуку де-Лирія, что онъ оставилъ службу претендента, чѣмъ устранялся одинъ изъ поводовъ его размолвки съ своею женою; по крайней мѣрѣ сама королева какъ на причину, по которой она не живетъ съ мужемъ, указывала на присутствіе при немъ ненавидимой ею фамиліи Ивернесъ.

Въ Болоньи дукъ нашелъ самаго Іакова, который жилъ тамъ съ своими дѣтьми очень незавидною жизнью. Всѣ доходы его состояли изъ 24 тысячь римскихъ скудо отъ Франціи, 12 тысячь отъ Испаніи и 16 тысячь отъ папы. Но Франція въ это время не платила ему своего пенсіона уже два года, а Испанія цѣлый годъ, изъ папскаго же пенсіона выдѣлялъ онъ 2 тысячи скудо для своей жены, жившей въ Римѣ, пока папа, недовольный ею, не переставалъ выдавать мужу ту часть, которую онъ отдѣлялъ для нея; такимъ образомъ все его содержаніе состояло въ 14 тысячахъ скудо, такъ что, по словамъ дука де-Лирія, «онъ не могъ бы оплачивать свой столъ, еслибы ему не помогалъ одинъ негоціантъ.»

По дѣлу размолвки съ женою, претендентъ говорилъ дуку де Лирія, что онъ отъ всей души готовъ принимать ее къ себѣ и надѣется, что она къ нему воротится, если только перестанетъ слушаться кардинала Альберони ([3]), который вкрался въ ея милость и старается держать ее въ своихъ рукахъ. О старшемъ сынѣ претендента дукъ де-Лирія писалъ изъ Болоньи: «Я имѣлъ утѣшеніе видѣть здѣсь принца Уэльскаго. Это одинъ изъ прекраснѣйшихъ принцевъ, которыхъ только видѣлъ свѣтъ: ему еще шесть лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами; но онъ отлично ѣздитъ верхомъ, говоритъ по англійски, по французски и по итальянски, танцуетъ, надиво дѣлаетъ военныя экзерциціи, и въ совершенствѣ знаетъ свой катихизисъ; я видѣлъ священника, который учитъ его и имъ восхищенъ» ([4]).

([3]) Изгнанный изъ Испаніи въ 1719 году, осужденный папою Климентомъ XI, какъ нечестивый врагъ Рима и мира, Альберони, послѣ многихъ странствованій, наконецъ исчезъ совершенно, и никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Только по смерти Климента XI онъ опять явился на свѣтъ Божій и даже пріѣхалъ въ Римъ для выбора новаго папы. Теперь онъ жилъ въ Римѣ и мало по малу опять принимался за свои интриги.

([4]) Это тотъ несчастный король Эдуардъ, который въ 1745 году сдѣлалъ послѣднюю и неудачную попытку къ возстановленію Стюартовъ на Англійскомъ престолѣ.

Изъ Болоньи дукъ де-Лирія чрезъ кардинала Бентиволіо послалъ письмо въ Римъ къ женѣ претендента. Отъ имени Испанскихъ короля и королевы онъ убѣждаетъ ее прекратить соблазнительную исторію разлуки, чѣмъ она безконечно вредитъ дѣламъ своей фамиліи; указываетъ ей на другихъ государей, которые желаютъ прекращенія этого скандала; увѣщеваетъ ее именемъ любви къ дѣтямъ уже родившимся и сожалѣетъ о томъ, что она своимъ удаленіемъ лишаетъ короля въ цвѣтѣ лѣтъ удовольствія видѣть увеличеніе своего потомства.

Французскую копію этого письма онъ послалъ въ Мадритъ королю. Впослѣдствіи мы узнаемъ, что это письмо имѣло рѣшительное дѣйствіе, и миръ между несчастными супругами былъ возстановленъ.

Только 15 мая дукъ де-Лирія добрался до Вѣны. Какъ горячій сторонникъ войны, онъ нашелъ здѣсь сочувствіе въ одномъ принцѣ Евгеніѣ Савойскомъ. Первое его письмо отсюда было къ архіепископу Амидѣ, духовнику королевы, которому онъ говоритъ, что Австріи довѣрять нельзя и что въ отношеніи Московіи едва ли можно сообразоваться съ мнѣніями Австрійскихъ министровъ.

Отъ 20 мая въ конфиденціальномъ письмѣ къ маркезу де-ля-Насъ онъ раздражительно жалуется на Испанскаго посланника въ Вѣнѣ, дука де-Бурнонвиля, который будто бы не понимаетъ ничего, котораго Австрійскіе министры обманываютъ на каждомъ шагу и который самаго короля вводитъ только въ заблужденія. «Я (писалъ дукъ де-Лирія) зналъ характеръ товарища, котораго имѣлъ здѣсь встрѣтить. Ну, другъ, я былъ хорошій пророкъ. Здѣсь я съ 15 (мая н. с.) и усталъ, измучился больше, чѣмъ въ тюрьмѣ. Вниманіе, котораго я удостоиваюсь отъ моего гостепріимнаго хозяина, равняется нулю. Но что бросается въ глаза — это то, что онъ ни во что ставитъ мою персону и характеръ министра его величества. Съ того времени, какъ я здѣсь, еще невозможно было заставить этого человѣка вступить въ разговоръ о дѣлахъ, о которыхъ я долженъ говорить съ нимъ по инструкціи. Онъ занятъ только убранствомъ своего дома и приготовленіемъ къ жалкому обѣду, который имѣетъ дать въ день св. Фердинанда.» Сказавъ при этомъ, что Бурнонвиль служитъ предметомъ обмана со стороны министровъ Австріи, Франціи и Голландіи, дукъ де-Лирія продолжаетъ: «Однажды только онъ мнѣ сказалъ, что нужно настаивать на мирѣ. Я хотѣлъ было выразить ему мое крайнее мнѣніе: но онъ такъ считаетъ себя непогрѣшимымъ, что не слушаетъ

никого, кто бы что ему ни говорилъ; скрѣпя сердце, я долженъ былъ замолчать, потому что знаю, что на этого кавалера хорошо смотрятъ наши государи и имѣютъ къ нему довѣріе. Но говорю по всей правдѣ: меня приводитъ въ отчаяніе видъ королевскаго министра, который на своемъ мѣстѣ служитъ посмѣшищемъ. Вѣдь его всѣ презираютъ, его ни во что ставятъ даже его собственные слуги. Непрестанно себѣ толкуетъ о заслугахъ, которыми ему обязанъ король, и о своихъ необыкновенныхъ способностяхъ: вѣдь онъ-де обязанъ дѣлать все самъ, потому что (какъ говоритъ онъ) вы (т е. маркезъ де-ля-Насъ) ничего не понимаете въ иностранныхъ дѣлахъ, и вся тяжесть дѣлъ падаетъ на него. Можно бы не говорить объ этомъ, но я не могу не излить предъ вами всего накопившагося въ моемъ сердцѣ зла, и прошу васъ принять это письмо, какъ отъ человѣка, который находитъ утѣшеніе, высказываясь другу, — не больше. Да поможетъ мнѣ Богъ уѣхать отсюда какъ можно скорѣе! Иначе я заболѣю, во мнѣ испортится вся кровь. Я вижу, что онъ имѣетъ намѣреніе отсюда заключить въ Петербургѣ торговый трактатъ. Этотъ человѣкъ хочетъ дѣлать все самъ, а я бы у него былъ слугою. Мнѣ кажется, еслибы дѣло шло еще о союзномъ трактатѣ, ничего себѣ, его бы можно заключить здѣсь, такъ какъ онъ долженъ имѣть отношеніе къ трактату Московіи съ Вѣнскимъ дворомъ; но другое дѣло трактатъ торговый. Мнѣ кажется, его приличнѣе заключить въ Петербургѣ, гдѣ также будетъ представитель, да и самъ Бурнонвиль говоритъ, что онъ устроитъ это здѣсь по тѣмъ извѣстіямъ, которыя я ему доставлю. Сердечно умоляю васъ, возьмите это во вниманіе и поставьте себя на мое мѣсто: можетъ ли быть что-нибудь хуже пожертвовать собою, оставить свою фамилію (жену свою дукъ де-Лирія оставилъ въ Испаніи) и отправиться въ такую даль и въ такой суровый климатъ для того, чтобы быть ничѣмъ инымъ, какъ покорнымъ слугою дука де-Бурнонвиля? Сдѣлайте милость, прочитавъ это письмо, сожгите его.»

Въ оффиціальной депешѣ маркезу де-ля Насъ отъ того же числа онъ пишетъ, что видѣлъ Русскаго представителя при Вѣнскомъ дворѣ, который говорилъ ему, что онъ не имѣетъ ни приказанія, ни полномочія для заключенія какого-нибудь трактата съ Испаніей, что царица для заключенія трактата съ Испаніей ждетъ Испанскаго представителя въ Петербургъ, что объ этомъ-де онъ уже передавалъ дуку де Бурнонвилю. Дукъ де-Лирія выставлялъ это особенно потому, что Бурнонвиль хотѣлъ быть

дѣйствующимъ лицомъ во всемъ и уже представлялъ своему правительству о возможности заключить прямой трактатъ Россіи съ Испаніей въ Вѣнѣ. Въ этомъ же письмѣ дукъ де-Лирія, предчувствуя миръ, говоритъ, что и посланникъ Испанскій въ Петербургѣ нуженъ только на время войны; а въ мирное время тамъ достаточно имѣть одного резидента.

Отъ 4 іюня онъ доноситъ, что въ Вѣнѣ получено извѣстіе о кончинѣ императрицы Екатерины. Считая весьма важнымъ это событіе, онъ проситъ у своего правительства новыхъ кредитивныхъ грамотъ и инструкцій.

Отъ 7 іюня онъ пишетъ маркезу де-ля-Пасъ, что 30 прошлаго мѣсяца онъ и Бурнонвиль имѣли конференцію съ Австрійскими министрами, на которой графъ Цинцендорфъ читалъ послѣднія предложенія мира, которыя были посланы изъ Вѣны Дворамъ Франціи и Англіи. На конференціи было рѣшено дать ему копію съ этихъ предложеній и чтобы онъ въ Петербургѣ во всемъ сносился съ Австрійскимъ посланникомъ, графомъ Рабутинымъ. Лирія обѣщаетъ это послѣднее, на сколько это нужно; но замѣчаетъ маркезу де-ля-Пасъ: «Предвидятся вещи, въ которыя не долженъ входить ни этотъ министръ, ни его Дворъ, какъ напр. торговый трактатъ.» «Въ тоже самое утро (т. е. 30 мая), прибавляетъ Лирія, прибылъ курьеръ отъ графа Рабутина, и графъ Цинцендорфъ сообщилъ намъ, что Шведы сдѣлали весьма выгодныя предложенія герцогу Голштинскому, чтобы отклонить его отъ Вѣнскаго союза. Предложенія эти такого рода, что могутъ поколебать всякаго менѣе проницательнаго государя; но онъ (герцогъ Голштинскій) извѣстилъ объ этомъ здѣшній Дворъ, дѣлая ему въ тоже время нѣкоторыя предложенія, которыхъ я не передаю въ томъ предположеніи, что это сдѣлаетъ дукъ де-Бурнонвиль. Считаю также лишнимъ говорить, что этого принца, въ случаѣ войны, нужно имѣть на нашей сторонѣ, а для этого необходимо напередъ расположить его къ себѣ, что при вашемъ большомъ благоразуміи сдѣлать не трудно. Впрочемъ, война повидимому намъ не грозитъ, потому что, кажется, Французы и Англичане не преминутъ принять послѣднія предложенія, которыя ставятъ короля нашего государя почти что въ необходимость безмолвно выслушивать отъ нихъ предписанія: не возможно, чтобы они этимъ не удовольствовались.» При этомъ онъ передаетъ, что Австрійскіе министры рѣшительно желаютъ, чтобы онъ остался въ Вѣнѣ,

пока придутъ отвѣты изъ Франціи и Англіи на посланныя туда предложенія.

Въ другомъ конфиденціальномъ письмѣ маркезу де-ля-Насъ отъ того же числа, по поводу этой задержки, онъ изображаетъ свое экономическое положеніе. Жалованье ему, какъ посланнику въ Петербургъ, было положено 8 тысячь доблоновъ въ годъ (считая въ каждомъ доблонѣ 67 реаловъ) которые приблизительно равнялись тогдашнимъ нашимъ четыремъ рублямъ; расходы на чрезвычайные случаи, трауры, балы и разныя торжества, курьеровъ и прочее, правительство обязывалось оплачивать особо по представляемымъ имъ счетамъ. Кромѣ того, ему на проѣздъ и обзаведеніе единовременно было выдано 8 тысячь доблоновъ. Но этой довольно значительной суммы едвали могло быть достаточно: съ нимъ было шесть кавалеровъ (какъ того требовалъ тогдашній этикетъ посланниковъ) священникъ, личный его секретарь и огромнѣйшая ватага слугъ. Впрочемъ, посольскій секретарь оплачивался отъ правительства особо. Теперь онъ жалуется, что задержка въ Вѣнѣ обязываетъ его къ лишнимъ расходамъ, что 8-ми тысячь доблоновъ на проѣздъ и обзаведеніе оказывается недостаточно, что, еще не выѣзжая изъ Мадрита, онъ занялъ 2 тысячи доблоновъ, но и со всею этою суммою ему не справиться: «потому что, говоритъ онъ, расходы, которые мнѣ предстоитъ дѣлать, неисчислимы; мнѣ необходимо будетъ все доставать изъ-за-границы, такъ какъ въ Петербургѣ, кромѣ мяса, нѣтъ ничего. Вы убѣдитесь въ этомъ, если я вамъ скажу, что я поставленъ въ необходимость отсюда захватить провизію такихъ вещей, какъ корица, гвоздика, перецъ и проч. Къ этому еще нужно прибавить, что, такъ какъ Московитскіе слуги дурны, я долженъ взять многихъ отсюда, какъ ливрейныхъ, такъ и другихъ, — и они мнѣ теперь стоятъ уже такого расхода, какъ будто бы я былъ уже на мѣстѣ. Я не считаю при этомъ расхода на 15 слугъ, которые уже въ Петербургѣ, на моихъ тамъ лошадей и на нанятый домъ.»

Отъ 13 іюня онъ пишетъ архіепископу Амидѣ: «Двѣ важныя новости получили мы здѣсь одну за другою: о смерти царицы и объ утвержденіи въ Парижѣ предварительныхъ условій мира въ томъ видѣ, въ какомъ принялъ ихъ здѣсь дукъ де-Бурнонвиль, не прибавляя и не убавляя ни слова. Да принесетъ счастіе это извѣстіе! Умоляю васъ передать его отъ моего имени королевѣ, къ ногамъ которой повергаюсь. Эти двѣ пе-

ремѣны утверждаютъ меня въ мысли, что въ Московіи вовсе ненуженъ посланникъ: говорю не потому, чтобы я не хотѣлъ туда ѣхать (*non recuso laborem*), но безполезенъ расходъ, который для этого дѣлается королемъ нашимъ государемъ. Московія намъ нужна только въ войнѣ съ Англичанами. Въ этомъ случаѣ Московиты не только могутъ доставить намъ громадную помощь диверсіей, какую они могутъ сдѣлать въ Германіи и слѣдовательно отвлечь съ этой стороны наибольшую силу нашихъ враговъ, но они также достаточно сильны въ случаѣ нужды перенести войну внутрь самой Англіи. Но во время мира союзъ ихъ безполезенъ; годится развѣ только относительно торговли, изъ которой мы можемъ извлечь большія выгоды. И для этой послѣдней цѣли, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, нужно заключить торговый трактатъ, обдумавъ его зрѣло и съ людьми знающими, какъ его сдѣлать и какія выгоды можетъ извлечь изъ него наша монархія. Есть еще другой поводъ считать безполезнымъ имѣть теперь посланника въ Петербургѣ — это перемѣна правительства. Оно попало теперь въ руки Московитовъ, между которыми есть еще много такихъ, которые держатся старыхъ обычаевъ, и есть также, которые рѣшительно осуждаютъ всякій союзъ съ нашей монархіей, потому что считаютъ его для себя совершенно безполезнымъ, по причинѣ отдаленности нашей Испаніи, и думаютъ, что имъ нужно быть въ добрыхъ отношеніяхъ только съ Англичанами, коихъ морская сила имѣетъ громадное преимущество предъ ихъ (силою). Очевидно, если Англичане пошлютъ эскадру въ Балтійское море, Московитскій флотъ не дерзнетъ выдти изъ своихъ портовъ. Такого мнѣнія князь Куракинъ, который въ Парижѣ, князь Голицынъ, который командуетъ Персидскимъ войскомъ и многіе другіе, которые въ тоже время жестокіе враги князя Меншикова. Этотъ держится противнаго мнѣнія, а онъ теперь управляетъ всѣмъ. Не мѣшало бы довести до свѣдѣнія короля нашего государя, какія идеи одушевляютъ этого министра. Этотъ человѣкъ величайшій честолюбецъ, какого только видѣлъ міръ. Нельзя сказать, чтобы въ своемъ счастіи онъ ходилъ ощупью, онъ умѣетъ вести дѣла: въ нѣсколько лѣтъ изъ ничего и изъ низкаго состоянія онъ сдѣлался первымъ подданнымъ Московитской монархіи, княземъ Имперіи и богатѣйшимъ вассаломъ во всей Европѣ. Но этимъ счастіемъ его честолюбіе не удовлетворилось. Вы, конечно, знаете, какъ онъ добивался быть выбраннымъ въ герцоги Курляндіи; хотя это ему не удалось, онъ

все-таки не отказался еще отъ этой мысли. Главная же цѣль его быть королемъ Польши (*) и онъ разчищаетъ для этого дорогу на случай смерти короля Августа. По этой собственно причинѣ онъ такъ и преданъ и привязанъ къ императору (Австріи). Теперь онъ заправляетъ почти всѣми дѣлами. Но еще при жизни царицы были нѣкоторыя возмущенія; нужно ждать, что въ несовершеннолѣтіе настоящаго царя онѣ увеличатся, потому что безчисленное множество личностей не любятъ Меншикова, желаютъ его паденія и погибели. Все это не мѣшаетъ передать королю нашему государю, рѣшеніямъ котораго я готовъ повиноваться слѣпо и съ крайнимъ самоотверженіемъ. Мѣсяца чрезъ четыре соберется конгрессъ. Не знаю, не удостоятъ ли государи употребить на немъ мою службу. Если они это сдѣлаютъ, прошу васъ увѣрить ихъ, что никто такъ къ сердцу не приметъ интереса нашей монархіи вообще и нашей *королевы* въ особенности, службѣ которой я готовъ пожертвовать жизнію.»

Въ тоже время, въ конфиденціальномъ письмѣ маркезу де-ля-Пасъ онъ пишетъ: «За послѣднюю недѣлю мы имѣемъ важныя новости: умерла царица, заключено перемиріе, и рѣшено собраніе конгресса. Успѣха послѣднему! Но что касается перваго, думаю, что теперь не такъ необходимъ министръ, аккредитованный въ Московіи, какъ до сего времени. Правительство тамъ совершенно иное, и, хотя Меншиковъ пишетъ императору, что постарается поддержать съ этой монархіей тоже доброе отношеніе, какое существовало доселѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что теперь онъ не такъ безопасенъ, какъ при жизни царицы, которая была самодержавна (despotica) и съ которой онъ дѣлалъ, что хотѣлъ. Теперь же царствуетъ несовершеннолѣтній. Меншиковъ имѣетъ противъ себя много людей недовольныхъ; изъ нихъ многіе принимаютъ участіе въ правительствѣ, къ которому теперешнія отношенія Вѣнскаго двора не могутъ быть такъ надежны, какъ были доселѣ. Есть вѣроятность, что деньги Англія въ непродолжительное время окажутъ дѣйствіе.»

Въ другомъ коротенькомъ письмѣ маркезу де-ля-Пасъ онъ пишетъ, что вещи теперь такъ сложились, что ему не нужно дозволенія короля

(*) Тотъ же замыселъ иностранцы приписывали потомъ и кн. Потемкину. *П. Б.*

на принятіе ордена Подвязки, что если и дано уже это дозволеніе, онъ не можетъ воспользоваться имъ до новаго распоряженія.

Отъ 28 іюня онъ пишетъ маркезу де-ля-Пасъ, что 20-го числа онъ имѣлъ конференцію съ Австрійскими министрами. Право дать полный отчетъ о ней онъ предоставляетъ дуку де-Бурнонвилю, а самъ замѣчаетъ: «Скажу только, что мнѣ кажется дѣломъ большой важности принять предложенія идущія со стороны герцога Голштинскаго. Онъ проситъ 100 тысячь песовъ ([5]) отъ короля нашего государя и столько же отъ императора; на конференціи мы низвели эту цифру на 100 тысячь флориновъ, что будетъ не много больше 50 тысячь песовъ. Я не сомнѣваюся, что онъ удовольствуется и этимъ. Если предстоящій конгрессъ приведетъ къ миру, то онъ и рѣшитъ вопросъ о возвращеніи Шлезвига герцогу Голштинскому, съ чѣмъ вмѣстѣ мы освобождаемся и отъ сказаннаго пенсіона, въ самомъ себѣ очень незначительнаго; но если мира не будетъ, не дурно и даже необходимо напередъ расположить къ себѣ герцога Голштинскаго въ виду той пользы, которую онъ можетъ намъ доставить въ случаѣ войны.» «На дняхъ, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, я говорилъ съ Русскимъ министромъ (коего посѣтилъ для этой цѣли) о трактатѣ съ его Дворомъ. Онъ мнѣ повторилъ то, о чемъ я уже доносилъ вамъ, что онъ-де не имѣетъ ни полномочія, ни инструкціи заключать его здѣсь. Я могъ выпытать отъ него только, что его Дворъ желалъ бы знать напередъ, чего желаетъ нашъ, и что торговый трактатъ долженъ быть заключенъ особо. Не могу не сказать вамъ, что мнѣ кажется было бы не дурно, если бы мнѣ былъ присланъ проектъ трактатовъ, какъ союзнаго, такъ и торговаго, сообразно съ которыми я могъ бы разсуждать по пріѣздѣ въ Московію. По причинѣ совершившейся въ эти дни перемѣны вещей, союзный трактатъ для насъ теперь не такъ важенъ, какъ прежде. Что касается торговаго трактата, онъ намъ можетъ быть весьма полезенъ, и для составленія проекта онаго въ Мадритѣ найдется очень много практическихъ купцовъ, которые могутъ дать вамъ свѣдѣнія о товарахъ Испаніи, нужныхъ на Сѣверѣ, а о товарахъ Московскихъ могутъ дать вамъ всѣ необходимыя свѣдѣнія князь Щербатовъ и Московскій консулъ въ Кадиксѣ.»

([5]) Pesos fuertes испанск. монета нѣсколько меньше тогдашняго нашего рубля. Теперь впрочемъ испанское песо почти въ половину больше его.

«PS. Когда это письмо было уже написано, мы получили извѣстіе, что въ Оснабрюкѣ умеръ отъ апоплексіи Англійскій король Георгъ. Еслибы онъ умеръ мѣсяцемъ прежде, дѣла имѣли бы теперь другой видъ; вмѣсто того, чтобы намъ выслушивать отъ Англичанъ предписанія закона, они бы теперь пришли къ намъ просить его и съ такими условіями, съ какими бы намъ угодно было дать его. Не дѣлаю на этотъ счетъ больше соображеній, чтобы не надоѣсть вамъ, потому что стоитъ только начать, и никакъ не кончить. Зная такъ, какъ я знаю характеръ принца Уэльскаго, скажу только, что не пройдетъ и полугода, а можетъ быть и прежде, въ Англіи вспыхнетъ всеобщая революція, если только на унцію есть смѣлости и благоразумія въ кавалерѣ Робертѣ Вальполѣ: если онъ теперь не позаботится возстановить короля Іакова (а сдѣлать это онъ имѣетъ достаточно силъ), онъ погибъ, и новый король отрубитъ ему голову. Время покажетъ, хорошій ли я пророкъ или нѣтъ.»

Отъ того же 28 іюня де-Лирія пишетъ Амидѣ, что и «Русское министерство обѣщаетъ слѣдовать политикѣ покойной царицы, и герцогъ Голштинскій продолжаетъ твердо держаться насъ, вопреки предложеній, которыя ему сдѣланы изъ Швеціи. Правда, что онъ отъ насъ, какъ и отъ императора, проситъ отъ каждаго по 100 тысячь песовъ до тѣхъ поръ, пока кончится его дѣло о Шлезвигѣ; но на конференціи, которую мы имѣли 20 числа, мы низвели эти цифры на 50 тысячь песовъ. Мнѣ кажется, этотъ пенсіонъ не великъ, и въ тоже время дружба герцога Голштинскаго намъ необходима на всякій случай, и я того мнѣнія, что въ этомъ случаѣ нужно дѣлать тоже, что дѣлаетъ и императоръ.»

Отъ 13 іюля арх. Амидѣ: «Теперь у насъ новость: король Іаковъ въ ту минуту, какъ узналъ о смерти короля Георга, выѣхалъ изъ Болоньи, для того чтобы находиться поближе къ границамъ своего королевства и посмотрѣть, не можетъ ли онъ сдѣлать какую-нибудь попытку къ своему возстановленію. Здѣшній Дворъ не одобрилъ его рѣшенія, которое вовсе не странно: вѣдь несчастный государь ищетъ всѣхъ случаевъ возвратить то, что онъ потерялъ вопреки всѣхъ законовъ права и природы, единственно по винѣ своей религіи. Въ письмѣ отъ 28 прошлаго мѣсяца вы меня извѣщаете о примиреніи его съ королевой, его супругой, и не по заслугамъ приписываете мнѣ наибольшее значеніе въ улаженіи этого важнаго дѣла, говоря, что мое письмо къ ней заставило ее серьезно подумать и наконецъ рѣшиться.»

Королева въ это время возвратилась уже въ Болонью, но не нашла тамъ своего супруга. Дукъ де Лирія посылаетъ ей туда письмо, французскую копію котораго онъ отправилъ арх. Амидѣ. Въ письмѣ своемъ онъ выражаетъ радость о ея примиреніи съ своимъ супругомъ и соболѣзнуетъ ея горю, что она не нашла своего супруга въ Болоньи; но онъ желаетъ, чтобы это горе обратилось въ радость, чтобы до истеченія года Іаковъ былъ возстановленъ на Англійскомъ престолѣ.

Отъ 6 сентября въ конфиденціальномъ письмѣ маркезу де-ля-Пасъ, извѣщая его о своемъ намѣреніи завтра выѣхать изъ Вѣны, онъ пишетъ: «Не распространяюсь много о вещахъ политическихъ, пока не познакомлюсь ближе съ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ касается собственно моей обязанности; но нужно опасаться, чтобы деньги Англіи не заставили царя навсегда поселиться въ Москвѣ. Тогда бы я не далъ и четырехъ плевковъ (chufletas) за его союзъ, и пускай его себѣ возится съ Персами и Татарами: вѣдь государствамъ Европы тогда онъ не можетъ сдѣлать ни добра, ни зла. Это мнѣ напоминаетъ событія нашей исторіи: король Филиппъ II никогда бы не потерялъ Португаліи, еслибы основалъ свою резиденцію въ Лиссабонѣ или даже Бадахосѣ; захотѣлъ подальше и утвердился въ Мадритѣ, — тогда дукъ Браганцскій вдали смѣло могъ поднять голову и явился во главѣ своего государства. Примѣнимъ этотъ примѣръ. Москва гораздо дальше отъ Петербурга, чѣмъ Лиссабонъ отъ Мадрита. Обитатели новыхъ завоеваній царя тяготятся его владычествомъ, и они бы свергли его, если бы ихъ не сдерживала его (царя) присутствіе. Лишь только онъ удалится, они поднимутся, и мы будемъ свидѣтелями всеобщей революціи: флотъ и торговля погибнутъ, потому что въ началѣ только присутствіе государя можетъ заставить процвѣтать ихъ, и такъ какъ старые Московиты, считая за правило держаться какъ можно дальше отъ иностранцевъ, поселятся въ Москвѣ, то вслѣдствіе всего этого Московская монархія возвратится къ своему прежнему варварству.»

Изъ Вѣны, дукъ де-Лирія выѣхалъ не 7 сентября, какъ предполагалъ, а 8, и 14 прибылъ въ Дрезденъ. Здѣсь онъ долженъ былъ передать Польскому королю дружественное письмо отъ своего государя.

Отъ 18 сентября изъ Дрездена онъ пишетъ маркезу де-ля-Пасъ: «Маврицію Саксонскому не удалось быть выбраннымъ въ герцоги Курляндіи. На него напали Московиты, взяли въ плѣнъ всѣхъ его людей, и онъ спасся только съ двумя изъ своей свиты, и пока еще неизвѣстно, гдѣ онъ

теперь находится. Предполагаютъ, что въ герцоги Курляндіи будетъ выбранъ сынъ Меншикова.»

Отъ 5 октября изъ Дрездена, извѣщая маркеза де-ля-Пасъ о паденіи Меншикова, пишетъ: «Въ Московіи ничего не можетъ быть важнѣе этой новости, потому что князь Меншиковъ былъ единственный человѣкъ, который поддерживалъ правила покойныхъ царя и царицы. Съ его паденіемъ, нужно опасаться, Московиты захотятъ поставить свое правительство на старую ногу, увезутъ царя въ Москву, откажутся отъ Вѣнскаго союза, а слѣд. и отъ нашего и возвратятся къ своему древнему существованію. Тогда союзъ съ ними безполезенъ и не можетъ имѣть никакой цѣны. Польскій король того же мнѣнія: онъ мнѣ это говорилъ нынѣшнимъ утромъ. Несчастіе Меншикова приписываютъ прежде всего враждѣ, происшедшей между нимъ и герцогомъ Голштинскимъ, котораго онъ заставилъ удалиться изъ Петербурга въ свои владѣнія; во вторыхъ — интригамъ князей Куракина, Голицина и Долгорукихъ, открытыхъ враговъ Меншикова, котораго власть достигла до такой высоты, что можно было опасаться всего отъ его честолюбія; но прибавлю третье обстоятельство, которое, не сомнѣваюсь, содѣйствовало его паденію столько же, какъ и первыя двѣ причины, — это деньги Англіи. Единственное средство отдалить Московію отъ Вѣнскаго союза, это погубить Меншикова, самаго усерднаго сторонника императора, и я не сомнѣваюсь, что для этого Англичане употребили всевозможныя усилія.»

Изъ Берлина отъ 11 октября онъ пишетъ маркезу де-ля-Пасъ: «Графъ Секкендорфъ (Австр. послан. въ Берлинѣ) и графъ Головкинъ, Русскій министръ въ Пруссіи, увѣряли меня, что политика настоящаго Русскаго министерства послѣ паденія Меншикова не измѣнится. Меншикова хотѣли сослать сначала въ его помѣстья;—Русскіе этимъ снисхожденіемъ хотѣли показать, что они вышли изъ своего варварства. Но въ его бумагахъ нашли какія-то распоряженія о ссылкѣ въ Сибирь большей части высшихъ сановниковъ; опредѣленіе это было отмѣнено, и его рѣшили судить по всей строгости. Его разлучили съ женой и, говорятъ, находятся причины для того, чтобы отрубить ему десять головъ, еслибы только онъ имѣлъ ихъ.»

Отъ того же числа въ конфид. письмѣ маркезу де-ля Пасъ: «Начинаетъ дѣлаться холодно и, кажется, когда доберемся до Русскихъ границъ, будетъ довольно снѣгу. Каскосъ (Хуанъ Каскосъ — секретарь посольства)

боится и говоритъ, что онъ умретъ въ этой странѣ; но я его одушевляю и увѣряю, что буду беречь его здоровье, чтобы онъ былъ всегда молодцомъ.»

Отъ того же числа въ другомъ письмѣ онъ говоритъ, что въ виду того, что Польскій король не отличается здоровьемъ, претенденты на Польскую корону уже начинаютъ дѣйствовать.

Изъ Данцига отъ 28 октября онъ извѣщаетъ, что получилъ извѣстіе, что царь 14 декабря уѣзжаетъ изъ Петербурга въ Москву для коронаціи. Въ другомъ конфиденц. письмѣ маркезу де-ля-Пасъ пишетъ: «Здѣсь подуваетъ сѣверный вѣтерокъ, которой свѣженекъ, почему я запасся хорошими мѣхами, чтобы прикрыться и сохранить свои члены, потому что въ Московіи отпадаютъ носы, руки и ноги съ величайшею легкостію въ мірѣ.»

Изъ Митавы отъ 10 ноября: «Не могу достаточно похвалить вниманіе ко мнѣ этихъ господъ Поляковъ, которые составляютъ здѣсь коммиссію по дѣламъ Курляндіи. На встрѣчу мнѣ за двѣнадцать миль (испанск. leguas, каждая около 4¼ версты) былъ высланъ капитанъ съ 50 драгунами, а за мною выѣхалъ для моего привѣтствія генералъ-майоръ и, по распоряженію Польскихъ коммиссаровъ, предоставилъ въ мое распоряженіе карету шестерней. Изъ коммиссаровъ трое главныхъ: епископъ Вармійскій, князь Радзивилъ и маршалъ Литуаніи, графъ Денгофъ. Хотя эти кавалеры серьезно начали работать по дѣламъ Курляндіи, но туземцы хотѣли бы видѣть ихъ въ тысячѣ миляхъ отсюда.»

Изъ Риги отъ 14 ноября онъ пишетъ, что ему отвели помѣщеніе въ бывшемъ домѣ Меншикова, что при воротахъ его находится стража изъ 100 человѣкъ — честь, какой не воздавали ни одному посланнику, и передаетъ слухи, будто Меншиковъ умеръ въ Казани.

Изъ Петербурга отъ 25 ноября онъ извѣщаетъ маркеза де-ля-Пасъ, что пріѣхалъ туда 23 числа. Жалуясь на чрезвычайно дурную дорогу, особенно по случаю постоянныхъ дождей, отъ самаго Данцига, онъ прибавляетъ: «Экипажи мои постоянно завязали въ грязи, и не рѣдко нужно было стоять по нѣскольку часовъ, чтобы вытаскивать ихъ. На послѣдней станціи предъ Петербургомъ завязла моя собственная карета, и нужно было употребить 12 часовъ для ея вытаскиванія, а чтобы не дожидаться ея, я съ 8 часовъ вечера до утра принужденъ былъ ѣхать верхомъ на жалкой клячѣ, безъ подковъ, безъ сѣдла и съ веревочной уздой.

Такъ подъѣхалъ я за милю къ Петербургу, гдѣ я нашелъ свою городскую карету, выѣхавшую мнѣ на встрѣчу. Только для короля и королевской службы можно сдѣлать такое ужасное путешествіе! Какъ скоро я пріѣхалъ, мнѣ прислали гвардію въ 50 человѣкъ съ сержантомъ, ту самую, которую имѣлъ покойный Рабутинъ (Австр. посланникъ, не задолго предъ тѣмъ умершій). Царь далъ также мнѣ лодку, въ родѣ Венеціанской гондолы, которую я могу употреблять, какъ употреблялъ Рабутинъ; но за содержаніе ея плачу я самъ, какъ это дѣлалъ и Рабутинъ.»

Пріѣхавши въ Петербургъ 23 ноября, дукъ де-Лирія не могъ получить царской аудіенціи до 30 декабря. Въ первые дни онъ не просилъ ея, потому что не были приготовлены ливреи для его огромнѣйшей свиты; за тѣмъ онъ нѣсколько разъ домогался ея, но баронъ Остерманъ каждый разъ говорилъ ему, что на аудіенціи должны присутствовать члены Верховнаго Совѣта, великій канцлеръ Головкинъ и князь Дмитрій Голицынъ, а они жили на другой сторонѣ рѣки и, по случаю нетвердости льда, не могли перебраться во дворецъ. Наконецъ за нѣсколько дней до 29 декабря (дня рожденія в. к. Елисаветы Петровны) онъ настойчиво просилъ Остермана доставить ему аудіенцію, выставляя ему на видъ, что такъ какъ въ день рожденія принцессы на праздникъ во дворецъ приглашаются всѣ иностранцы-министры, а онъ (потому что еще не имѣлъ аудіенціи) не можетъ принять участія въ этомъ праздникѣ, то это будетъ явнымъ оскорбленіемъ его государству, котораго онъ явился сюда представителемъ. Остерманъ ему отвѣчалъ, что въ настоящій разъ, въ день рожденія Елисаветы Петровны, иностранные министры не будутъ приглашены во дворецъ, и празднику будетъ данъ совершенно семейный характеръ. Выставляя это отступленіе отъ обычая, какъ уже совершившійся фактъ, ради только того, что на праздникѣ не могъ присутствовать онъ, дукъ де-Лирія, въ одномъ письмѣ своемъ, писанномъ послѣ праздника, указываетъ на это какъ на особенный знакъ уваженія Русскаго правительства къ Испанскому королю.

Отъ 16 декабря (6) въ письмѣ къ маркезу де-ля-Насъ онъ пишетъ: «День св. Андрея праздновался съ величайшею пышностію. Царь Петръ I въ этотъ день давалъ у себя во дворцѣ обѣдъ всѣмъ кавалерамъ этого ордена и послѣ въ тотъ же день посѣщалъ каждаго изъ нихъ и въ каж-

(6) Числа указываются по новому календарю.

домъ домѣ выпивалъ по три стакана вина, не садясь за столъ, хотя столъ былъ во всѣхъ домахъ накрытъ и совсѣмъ приготовленъ. Въ настоящій разъ царь, давши обѣдъ у себя всѣмъ кавалерамъ, въ слѣдующіе дни по очереди у одного обѣдалъ, у другаго ужиналъ.»

Отъ 23 декабря въ конфиденціальномъ письмѣ маркезу де-ля-Пасъ: «Рѣка замерзла уже девять дней тому назадъ, и съ другаго дня стали переправляться чрезъ нее, впрочемъ, только пѣшкомъ: ледъ еще не довольно крѣпокъ, чтобы можно было ѣздить на саняхъ, — почему я еще не имѣлъ моей первой аудіенціи, такъ какъ великій канцлеръ графъ Головкинъ и князь Димитрій Голицынъ, которые должны присутствовать на аудіенціи, не могутъ явиться во дворецъ, живя на другой сторонѣ рѣки. День морозитъ, другой идетъ снѣгъ, третій дождь, и время такъ не постоянно, что еще не назначено время отъѣзда въ Москву. Я видѣлъ Русскихъ, жалующихся на холодъ, который у насъ былъ нѣсколько дней тому назадъ; но, клянусь вамъ, я не страдаю столько отъ холода, какъ въ Мадритѣ. Мой Каскосъ чувствуетъ тоже, начинаетъ быть смѣлѣе и уже не думаетъ умирать.»

Въ другомъ письмѣ онъ извѣщаетъ о размолвкѣ Русскаго правительства со Швеціей, которая въ довѣренныхъ грамотахъ своему посланнику не хочетъ дать царю титла императора, которое она давала покойнымъ царю и царицѣ.

Отъ 30 декабря пишетъ: «Всѣ, кто живетъ здѣсь давно, говорятъ, что не видѣли подобной зимы. День морозитъ, а за тѣмъ дождь и таетъ. Нева замерзла было такъ твердо, что чрезъ нее ѣздили въ экипажахъ, а теперь не растаяла совершенно, но такъ слаба, что только эти варвары, и то изъ низшаго класса, рѣшаются переходить по ней.»

«Вчера праздновался день рожденія принцессы Елисаветы. Прежде на этотъ праздникъ приглашались всѣ иностранные министры, но вчера этого не было; такъ какъ я не могъ быть, Русскіе министры не захотѣли, чтобы былъ кто-нибудь другой. Это большое вниманіе къ королю, нашему государю.»

Годъ 1728.

Съ курьеромъ отъ 10 января дукъ де-Лирія отправляетъ маркезу де-ля-Пасъ цѣлую кучу писемъ, которыя въ Дневникѣ не обозначаются особыми числами, хотя и видно, что онѣ писаны въ разные дни. Въ самый Дневникъ онѣ внесены, кажется, не въ томъ порядкѣ, въ какомъ писаны: напр. отзывъ Ягужинскаго о желаніи царя имѣть въ подарокъ отъ Испанскаго короля лошадей, вѣроятно, могъ произойти уже послѣ аудіенціи, тогда какъ письмо о немъ здѣсь вписано первое, даже прежде описанія аудіенціи. Мы впрочемъ передаемъ эти письма въ порядкѣ Дневника.

«Генералъ Ягужинскій, старшій конюшій царя, бывши у меня, говорилъ мнѣ, не маскируясь, что его государь чрезвычайно желалъ бы имѣть трехъ или четырехъ Испанскихъ верховыхъ лошадей и пару жеребцовъ. Это онъ мнѣ говорилъ съ такою настойчивостію и незастѣнчивостію, что я не могъ ему не отвѣтить, дамъ-де знать объ этомъ вамъ, какъ и дѣлаю, считая нужнымъ увѣрить васъ при этомъ, что если король нашъ государь захочетъ сдѣлать эту любезность и пришлетъ шесть верховыхъ лошадей и пару жеребцовъ. — это произведетъ здѣсь удивительный эффектъ.»

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ, что баронъ Остерманъ два раза спрашивалъ его, какой характеръ онъ намѣренъ принять, посла или полномочнаго министра. Первый разъ это было тотчасъ по пріѣздѣ; другой разъ, когда онъ получилъ отъ князя Щербатова изъ Мадрита извѣстіе, что-де дукъ де-Лирія имѣетъ кредитивныя грамоты посла. На послѣднее дукъ де-Лирія отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно имѣетъ и такія грамоты, но что намѣренъ принять только титулъ чрезвычайнаго министра. Тогда баронъ Остерманъ выставилъ ему, что царь желалъ бы, чтобы онъ принялъ званіе посла, и что этимъ самымъ онъ былъ бы избавленъ отъ соперничества съ другими иностранными представителями, особенно во время предстоящей церемоніи коронаціи, онъ былъ бы безспорно выше ихъ какъ посолъ. Онъ отвѣчалъ на это, что онъ тогда это сдѣлаетъ, когда Русскій Дворъ дастъ такой же характеръ своему представителю въ Мадритѣ.

Въ третьемъ письмѣ онъ говоритъ, что у него былъ баронъ де-Штамбкенъ, посланникъ Голштинскаго герцога, просить его, чтобы онъ представилъ своему государю объ исполненіи конвенціи, заключенной въ Вѣнѣ съ одной стороны между Испанскимъ королемъ и императоромъ, а съ другой — Голштинскимъ герцогомъ, и что теперь герцогъ особенно нуждается въ деньгахъ. Дукъ де-Лирія отвѣчалъ ему, что конвенція будетъ исполнена, когда Голштинскій герцогъ представитъ явныя доказательства, что онъ держится Вѣнскаго союза, а не сносится съ Англіей. Въ доказательство того, что герцогъ держится именно Вѣнскаго союза, баронъ де-Штамбкенъ показывалъ ему подлинную переписку герцога. Что это за переписка, — дукъ де-Лирія не объясняетъ.

Въ четвертомъ письмѣ дукъ де-Лирія пишетъ: «Въ разговорѣ, который я имѣлъ въ одинъ изъ прошлыхъ дней съ барономъ Остерманомъ, онъ меня спросилъ: что за человѣкъ князь Щербатовъ? — потому что онъ не знаетъ его лично. Я отвѣчалъ ему, что это очень молодцоватый господинъ (muy buen mozo), ведетъ себя весьма хорошо и въ совершенствѣ понимаетъ торговлю. Онъ мнѣ замѣтилъ, что покойный царь Петръ послалъ его съ этою послѣднею цѣлію въ Кадиксъ, потому что всегдашнею мыслію Его Величества было заключить торговый трактатъ съ королемъ нашимъ государемъ; онъ понималъ, какъ бы это было выгодно для обѣихъ монархій: вы-де могли бы покупать изъ первыхъ рукъ то, что являются покупать сюда Англичане и Голландцы, для того чтобы послѣ продавать въ Испаніи; въ свою очередь у васъ много товаровъ, которые нужны здѣсь. — Я отвѣчалъ ему: это совершенная правда, и идеи покойнаго царя были всегда весьма велики и весьма полезны для его монархіи. Послѣ этого Остерманъ еще распространялся о выгодахъ, какія могли бы извлечь обѣ монархіи изъ торговаго трактата.»

Въ пятомъ письмѣ онъ описываетъ свою аудіенцію. «Наконецъ великій канцлеръ графъ Головкинъ могъ переправиться чрезъ рѣку, 29 числа прошлаго мѣсяца. Въ тотъ же день явился ко мнѣ церемоніймейстеръ сказать, что Его Величество можетъ дать аудіенцію въ два часа по полудни въ слѣдующій день ([7]), а послѣ царской аудіенціи я буду имѣть

([7]) Въ Русскомъ переводѣ Записокъ дука де-Лирія говорится, что онъ имѣлъ первую аудіенцію 31 декабря, а отсюда видно, что это было 30 Декабря.

аудіенцію у великой княжны (8) и принцессы Елисаветы. Въ назначенный часъ я отправился во дворецъ со всей своей свитой и былъ принятъ такимъ образомъ: стража, бывшая при воротахъ двора, сдѣлала намъ честь, солдаты ружьями, а офицеры шпагами. На встрѣчу за нѣсколько шаговъ отъ дворца вышелъ церемоніймейстеръ, съ которымъ я вошелъ во дворецъ. Въ дверяхъ первой передней меня принялъ, какъ камергеръ, князь Голицинъ, тотъ самый, который былъ въ нашей столицѣ: въ этотъ день не была его очередь, но на этотъ разъ онъ былъ назначенъ нарочно. Съ минуту я долженъ былъ ждать во второй комнатѣ, пока онъ отправился доложить Его Величеству. Онъ тотчасъ же возвратился. Въ дверяхъ залы, гдѣ находился царь, меня принялъ князь Долгорукій, второй воспитатель царя, и я вошелъ въ сопровожденіи его, князя Голицина и церемоніймейстера. Здѣсь также находилась стража подъ ружьями. Съ Его В — мъ былъ великій канцлеръ по правую руку и баронъ Остерманъ по лѣвую. Въ той же комнатѣ былъ старшій конюшій Ягужинскій, одинъ полковникъ гвардіи и камергеры. Со мною вошелъ сюда только секретарь Донъ-Хуанъ-Каскосъ, который несъ мои кредитивныя грамоты, которыя онъ мнѣ передалъ. Послѣ того какъ я сдѣлалъ мои три почтительные поклоны, онъ остался позади меня въ четырехъ или шести шагахъ. Рѣчь свою я говорилъ на кастильскомъ языкѣ, еще поутру подавъ барону Остерману копію съ нея съ латинскимъ переводомъ. Лишь только я кончилъ, царь сказалъ слова два Остерману, — и тотъ отвѣчалъ мнѣ порусски, приславъ мнѣ послѣ копію отвѣта на французскомъ языкѣ. По окончаніи аудіенціи у царя, церемоніймейстеръ повелъ меня для такой же къ великой княжнѣ, сестрѣ Его Величества. Въ дверяхъ первой ея комнаты меня принялъ ея старшій майордомъ. Я говорилъ Ея В—ву пофранцузски, и отвѣчать мнѣ она приказала барону Остерману, бывшему по лѣвую ея руку, — и онъ исполнилъ это на томъ же языкѣ. Тотчасъ же я отправился въ помѣщеніе принцессы Елисаветы. Такъ какъ Ея В—во не живетъ во дворцѣ, то при уличныхъ дверяхъ меня встрѣтили два каммергера; рѣчь свою ей я говорилъ пофранцузски, и она приказала отвѣчать мнѣ своей статсдамѣ, графинѣ Салтыковой, что она и исполнила также пофранцузски. На этой аудіенціи не

(8) Дукъ де-Лиріа сестру царя, Наталію Алексѣевну всегда называетъ великой княжной, а Елисавету Петровну принцессой.

было Остермана, а сопровождалъ меня церемоніймейстеръ до того самаго мѣста, гдѣ я былъ принятъ.»

«Баронъ Остерманъ вмѣстѣ съ церемоніймейстеромъ замѣтили мнѣ, что я могъ бы называть царя въ своей рѣчи Императоромъ и Императорскимъ Величествомъ, потому что король нашъ государь въ своей кредитивной грамотѣ даетъ же ему титулъ Императора Иберіи. На это я отвѣчалъ имъ, что король мой государь разумѣлъ Императора только этой части, но не всей Россіи и что безъ особеннаго приказанія Е. В. я не могу дать царю другаго титула, кромѣ того, который даетъ ему кредитивная грамата. Впрочемъ это дѣло не имѣло никакихъ другихъ слѣдствій.»

Въ шестомъ письмѣ извѣщаетъ, что нанялъ въ Москвѣ для своего помѣщенія домъ за 800 рублей (960 песовъ) въ годъ и купилъ 80 лошадей за 800 рублей, по 10 рублей каждую, для переѣзда со всей своей свитой въ Москву.

Въ седьмомъ письмѣ пишетъ: «Въ день Рождества (по стар. ст.) былъ на поздравленіи у царя, который меня принялъ съ величайшей благосклонностію и вниманіемъ, удостоивъ меня разговора, чего обыкновенно не дѣлаетъ съ другими министрами и даже ни съ кѣмъ. Въ тотъ же вечеръ я имѣлъ конференцію съ барономъ Остерманомъ. Считая при настоящихъ обстоятельствахъ весьма полезнымъ расположить къ себѣ этого человѣка, я сказалъ ему, что король мой государь, узнавъ, что послѣ несчастія Меншикова всѣ дѣла этой монархіи перешли въ его руки, приказываетъ мнѣ выразить ему особенное удовольствіе при этомъ извѣстіи по особенному уваженію къ его (Остерману) личности, извѣстной своими качествами и способностями, отъ которыхъ онъ (король) ожидаетъ, что въ отношеніяхъ къ Его Цесарскому Величеству (Австр. им.) онъ будетъ держаться тѣхъ же правилъ и намѣреній, какъ и его два предшественника. Я сказалъ также барону, что имѣю достовѣрныя извѣстія, что Англичане употребляютъ величайшія усилія примириться съ этимъ Дворомъ и что эту коммиссію они возложили на министровъ Пруссіи и Голландіи, которые состоятъ при здѣшнемъ Дворѣ. При этомъ я выразилъ увѣренность, что въ этомъ примиреніи ничего не будетъ вреднаго для Вѣнскаго союза. Остерманъ увѣрялъ меня въ своей приверженности къ послѣднему.»

Въ осьмомъ письмѣ онъ говоритъ маркезу де-ля-Насъ о своихъ хозяйственныхъ несчастіяхъ. Для него было закуплено на тысячу доблоновъ

во Франціи вина и другихъ вещей; но корабль, на которомъ все это было нагружено, погибъ, не дошедши до Петербурга, у береговъ Готланда. Также запасъ бургонскаго и шампанскаго, который былъ сдѣланъ въ Петербургѣ еще до его пріѣзда, два раза былъ затопляемъ въ погребѣ и весьма пострадалъ. «Теперь, жалуется онъ, въ Петербургѣ нѣкоторыя вина придется покупать по доблону за бутылку.»

Девятое письмо, посланное съ курьеромъ 10 января, составляетъ его подробное донесеніе о положеніи Русскаго Двора. Въ русскомъ переводѣ Записокъ Дука де-Лирія оно находится съ пропусками интересныхъ мѣстъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не довольно точно. Мы передаемъ его вполнѣ.

«Полагаю, что королю нашему государю весьма важно знать въ подробностяхъ систему управленія Русской земли, которой грозитъ величайшая опасность возвратиться къ прежнему своему состоянію, если только Богъ не предохранитъ ее отъ этого.

«Со времени низверженія князя Меншикова, баронъ Остерманъ, первый воспитатель царя и вице-канцлеръ, есть собственно первый министръ; но, какъ иностранецъ, онъ не смѣетъ дѣлать ничего самъ по себѣ и во всемъ сносится съ тремя другими членами Верховнаго Совѣта, дѣйствуя съ величайшею осторожностію и скрытностію. И хотя государю еще не исполнилось и 13 лѣтъ, но, такъ какъ онъ уже объявленъ совершеннолѣтнимъ, то никто не смѣетъ ни говорить ему ни о чемъ, ни совѣтовать. Только одинъ Остерманъ и сохраняетъ надъ нимъ нѣкоторую власть; но и его замѣчанія не всегда уважаются. Царь уже даетъ знать, что можетъ быть другомъ женскаго пола и даже въ высочайшей степени: онъ уже имѣлъ свои любовныя похожденія. Не удивляйтесь этой преждевременной скороспѣлости: не смотря на всю суровость этого климата, молодежь, какъ мужчины, такъ и женщины, развиваются здѣсь гораздо скорѣе, чѣмъ у насъ, и мальчики одинадцати лѣтъ уже женятся. Царь не терпитъ ни моря, ни кораблей и страстно любитъ псовую охоту. Здѣсь въ Петербургѣ мало гдѣ можно охотиться; но въ Москвѣ для этого раздолье. Вотъ почему предполагаютъ, и мнѣ кажется не безъ достаточнаго основанія, что, заѣхавъ туда разъ, онъ едвали возвратится.

«Главною причиною, по которой покойные царь Петръ I и Царица основали здѣсь свою резиденцію, было то, чтобы всегда имѣть въ виду раждающуюся морскую силу, доставлявшую имъ величайшее удовольствіе, и чтобы держать въ почтеніи сосѣднихъ государей, особенно Швед-

скихъ. Молодой монархъ не походитъ на нихъ: онъ ненавидитъ морское дѣло и окруженъ Русскими, которые, скучая своимъ удаленіемъ отъ родины, непрестанно внушаютъ ему, чтобы онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ жили его предки, превозносятъ ему Московскій климатъ и бездну дичи въ ея окрестностяхъ, а здѣсь-де климатъ не только не здоровъ, но и мраченъ и негдѣ охотиться. Многіе думаютъ, что коронація совершится прежде поста, и послѣ того царь возвратится сюда. Но я думаю, что этого не будетъ, потому что еще не все готово для торжества: купцы, поѣхавшіе въ Ліонъ для закупки шолковыхъ и штофныхъ матерій и другихъ товаровъ, не могутъ воротиться ближе конца этого мѣсяца и даже начала слѣдующаго, и генералъ Ягужинскій, зять великаго канцлера, увѣрялъ меня, что коронація будетъ не ближе какъ послѣ Пасхи, и мы навѣрное не воротимся сюда прежде лѣта.

«Баронъ Остерманъ въ отчаяніи, что его труды по воспитанію царя пропадаютъ даромъ, что Русскіе постоянно интригуютъ противъ него, на каждомъ шагу разставляютъ ему сѣти, желая его запутать и погубить. Онъ видитъ это очень хорошо, и люди, заслуживающіе довѣрія, говорили мнѣ, что послѣ коронаціи онъ откажется отъ званія воспитателя и будетъ просить объ отставкѣ. На дняхъ онъ занемогъ: пущенная ему кровь была вся черная и почти гнилая. Причиною болѣзни его было то, что онъ былъ вынужденъ говорить царю объ его образѣ жизни, а Его Величество, выслушавъ, ушелъ отъ него, не сказавъ ни слова. Спустя нѣсколько дней онъ опять говорилъ ему о томъ же, прибавивъ, что Его Величество чрезъ нѣсколько лѣтъ самъ велѣлъ бы отрубить ему голову, еслибы онъ не предостерегалъ его отъ пропасти, въ которую онъ теперь стремится и что онъ не можетъ быть свидѣтелемъ его погибели, и отказывается отъ званія воспитателя. Царь обнялъ Остермана и со слезами на глазахъ просилъ не оставлять его; но въ тотъ же самый вечеръ принялся за прежнее.

«Чтобы лучше понять настоящее положеніе здѣшняго Двора, нужно знать, что здѣсь существуютъ двѣ партіи. Первая царская, къ которой принадлежатъ всѣ тѣ Русскіе, которые желаютъ выгнать отсюда всѣхъ иностранцевъ. Она подраздѣляется на двѣ: одну составляютъ Голицины, другую Долгорукіе, о чемъ я скажу ниже. Вторая партія есть партія великой княжны, царской сестры, и къ ней принадлежатъ: баронъ Остерманъ, графъ Левенвольдъ и всѣ иностранцы. Цѣль послѣдней партіи со-

стоитъ въ томъ, чтобы поддержать себя противъ Русскихъ милостію и покровительствомъ великой княжны, которую царь пока весьма много уважаетъ. Левенвольда ненавидятъ не только Русскіе, но и всѣ честные люди и, что особенно жаль, Остерманъ очень любитъ этого человѣка, котораго всячески стараются оттѣснить отъ Двора.

«Но больше всѣхъ царь довѣряетъ принцессѣ Елисаветѣ, своей теткѣ, которая отличается необыкновенной красотой; я думаю, что его расположеніе къ ней имѣетъ весь характеръ любви. Впрочемъ она ведетъ себя благоразумно и осторожно; она уважаетъ Остермана и живетъ съ нимъ въ согласіи. Его Величество также любитъ молодаго князя Долгорукаго, который, какъ молодой человѣкъ, угождаетъ ему во всемъ. Принцесса Елисавета такимъ образомъ нѣсколько отстраняется отъ царя, и нѣтъ сомнѣнія, если Долгорукій сдѣлается полнымъ фаворитомъ, принцессѣ и Остерману грозитъ паденіе. Дѣлаютъ все возможное, чтобы отстранить этого Долгорукаго, но пока безъ успѣха. Онъ сынъ князя Долгорукаго, втораго воспитателя царя, служитъ каммергеромъ и пользуется такою довѣренностію, что не оставляетъ царя ни на минуту, даже спитъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Отецъ въ свою очередь старается доставлять царю разныя удовольствія. Они удалили бы уже Остермана, еслибы Русскіе вельможи были между собою въ согласіи.

«Голицины и Долгорукіе—первые и сильнѣйшіе изъ всѣхъ Русскихъ бояръ; но съ нѣкотораго времени они во враждѣ между собою: если одна сторона указываетъ для какаго-нибудь важнаго поста одного изъ своихъ друзей, другая никакъ не хочетъ уступить. Нѣкоторые даже думаютъ, что для своего соглашенія они прибѣгнутъ къ третьему лицу, именно къ барону Шафирову. Послѣдній занималъ нѣкогда туже должность, какую занимаетъ теперь Остерманъ и былъ любимцемъ покойнаго царя; теперь онъ живетъ въ ссылкѣ въ Москвѣ, гдѣ находится и царица, бабка нынѣшняго царя, у которой Шафировъ бываетъ ежедневно. Нѣтъ сомнѣнія, что она получитъ большой вѣсъ въ правленіи съ переѣздомъ Двора въ Москву; и многіе, зная, какъ сильно она ненавидитъ иностранцевъ, думаютъ, что она низвергнетъ Остермана и посадитъ на его мѣсто Шафирова. Впрочемъ, прежде чѣмъ дворъ пріѣдетъ въ Москву, Шафирову послали приказаніе отправиться въ Архангельскъ: въ его безпрестанныхъ посѣщеніяхъ царицы увидѣли дурные замыслы.

«Хотя Шафировъ человѣкъ съ способностями и чрезвычайно искусный въ дѣлахъ; но удаленіе Остермана было бы невозвратимою потерею для нашего союза, во первыхъ потому, что онъ Нѣмецъ и человѣкъ благонамѣренный, во вторыхъ потому, что съ нимъ можно трактовать откровенно, а въ третьихъ потому, что можно быть увѣреннымъ, онъ удержитъ своего государя, чтобъ онъ не слѣдовалъ древнимъ Русскимъ правиламъ. Даже враги Остермана не могутъ упрекнуть его въ томъ, что онъ худо служитъ своему государю, что онъ даетъ ему дурные совѣты, что онъ-де дозволяетъ подкупать себя подарками или деньгами. На него нападаютъ только за то, что онъ очень друженъ съ Левенвольдомъ, какъ я сказалъ выше, и что дозволяетъ царю дѣлать что угодно, не останавливая его ни въ чѣмъ. Касательно перваго обвинители правы; но въ послѣднемъ не правы. Онъ не виноватъ, если его предостереженія не имѣютъ того дѣйствія, какого бы нужно отъ нихъ ожидать; въ этомъ виноваты сами же Русскіе, которые не хотятъ помогать ему, какъ слѣдуетъ: они такъ его ненавидятъ, что готовы обратить въ преступленіе самыя лучшія его дѣла. Впрочемъ, король нашъ государь пусть не подумаетъ, что Остерманъ совершенный человѣкъ: онъ лживъ, для достиженія своей цѣли готовъ на все, религіи онъ не имѣетъ, потому что уже три раза мѣнялъ ее, и чрезвычайно коваренъ; но это такой человѣкъ, въ которомъ мы нуждаемся и безъ котораго не сдѣлаемъ здѣсь ничего.

«Русскіе боятся большой власти, которую имѣетъ надъ царемъ принцесса Елисавета: умъ, красота и честолюбіе ея пугаютъ ихъ; поэтому имъ хочется удалить ее, выдавъ ее замужъ. Хотя это и трудно, но это можетъ быть, если только удачно кончатся начатые объ этомъ переговоры. Графъ Маврикій Саксонскій остается еще при своихъ притязаніяхъ и надеждахъ на Курляндію; но онъ знаетъ, что Русскій Дворъ никогда не допуститъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ. Онъ имѣетъ здѣсь тайнаго повѣреннаго, и дѣла его идутъ недурно. Главнѣйшимъ образомъ онъ добивается вступленія въ бракъ съ принцессою Елисаветою. Такъ какъ Русскіе больше всего желаютъ удаленія принцессы отъ Двора, а тутъ еще предвидится та выгода, что Курляндія не будетъ присоединена къ Польшѣ, то они и отнеслись благосклонно къ предложенію графа. И дѣло это идетъ такъ хорошо, что теперь думаютъ пригласить его въ Москву, хотя еще и неизвѣстно, будетъ ли принято его предложеніе или нѣтъ. Все это величайшая тайна, и я не безъ труда могъ узнать ее. Этимъ путемъ,

я не сомнѣваюсь, графъ Маврикій добьется своихъ искательствъ, а Русскіе вмѣстѣ съ этимъ исполнятъ свое желаніе удалить принцессу.

«Тоже имъ хочется сдѣлать и съ великою княжною и найти ей хорошаго жениха. Но послѣднее очень трудно: вѣдь мало найдется государей, которые бы захотѣли искать себѣ невѣсты въ Москвѣ. Русскимъ весьма бы хотѣлось помѣняться съ Пруссіею, женивъ царя на старшей дочери Его Прусскаго Величества и выдавъ великую княжну за наслѣднаго принца Пруссіи; но я не думаю, чтобы король Прусскій согласился на это, потому что больше всего ему хочется сдѣлать подобную мѣну съ королемъ Англійскимъ.

«Теперь появляется новый фаворитъ, графъ Бутурлинъ, зять фельдмаршала Голицина. Всѣ враги дома Долгорукихъ стараются ввести его въ милость къ царю; и меня увѣряли, что онъ помиритъ обѣ партіи, Голицыныхъ и Долгорукихъ Если это сбудется, то партія Остермана погибла безвозвратно, да и самъ онъ непремѣнно погибнетъ.

«Таково теперешнее состояніе здѣшняго Двора и управленія; но я не ручаюсь, чтобы чрезъ недѣлю не перевернулось все вверхъ дномъ, потому что въ Европѣ нѣтъ Двора непостояннѣе здѣшняго.

«Теперь скажу вамъ о томъ, какъ нужно съ Русскими вести дѣло. Русскіе народъ весьма хитрый и лукавый, какой только есть въ мірѣ. Они никогда не предлагаютъ никакого дѣла, но съ ловкостію разставляютъ сѣти, такъ чтобы предложеніе шло со стороны иностраннаго министра, который съ ними трактуетъ; и если потомъ замѣтятъ, что имъ предлагаютъ вещи, которыхъ предлагающій желаетъ сильно, они заставляютъ его умолять ихъ. Поэтому и съ ними нужно поступать точно такимъ же образомъ, если желательно завлечь ихъ на какое-нибудь предложеніе. Да и тутъ трудно заставить ихъ, чтобъ они сами стали что-нибудь предлагать, потому что это правило здѣшняго министерства: никогда не предлагать ничего иностраннымъ министрамъ. Это меня очень затрудняетъ, потому что я не знаю, желательно ли королю нашему государю заключить трактатъ съ этимъ государствомъ; не знаю также, долженъ ли я самъ настаивать на его заключеніи, или предоставить имъ (т. е. Русскимъ) искать его у меня. Въ первомъ разговорѣ съ барономъ Остерманомъ онъ мнѣ упомянулъ о сказанномъ трактатѣ, и я ему отвѣчалъ: пусть онъ мнѣ скажетъ, чего желаетъ Его Царское Величество отъ короля моего государя, и когда я буду знать это, тогда я могу ска-

зать, чего желаетъ король мой государь относительно § 8 трактата, заключеннаго въ Вѣнѣ 6 Августа 1726 года, который говоритъ о взаимной помощи въ случаѣ войны. Онъ мнѣ замѣтилъ, что будетъ короче, если каждый составитъ свой проектъ, которые-де и сообщимъ другъ другу и что тогда я буду видѣть, на что могу согласиться сообразно съ моими инструкціями. Я предложилъ ему составить объ этомъ только записку, которую я и послалъ ему. На другой же день 16 числа (декабря) (⁹) я опять говорилъ съ Остерманомъ, и онъ меня спросилъ, обдумалъ ли я трактатъ, который намѣреваюсь заключить. Я отвѣчалъ ему: нѣтъ, но вы можете видѣть изъ записки, посланной вамъ, что̀ я думаю объ этомъ предметѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: такъ какъ сказанный § Вѣнскаго трактата уже принятъ королемъ, то со стороны Его Величества всего приличнѣе предложить, чего онъ желаетъ отъ Россіи касательно вспоможенія въ случаѣ войны. Я сказалъ: если бы вы написали такую же записку въ отвѣтъ на мою, тогда бы я съ вами объяснился Онъ мнѣ обѣщалъ это, но не исполнилъ до сего времени Если Русскіе возьмутъ себѣ въ голову, что король желаетъ съ нетерпѣньемъ ихъ союза, они будутъ ждать, пока я буду выпрашивать у нихъ трактатъ, хотя бы даже и написалъ проектъ, чего я не сдѣлаю безъ приказанія Его Величества, или по крайней мѣрѣ, пока мнѣ не посовѣтуетъ этого дукъ де-Бурбонвиль.

« При этомъ я имѣю сообщить вамъ важное извѣстіе. Можетъ возгорѣться война на всемъ Сѣверѣ. Я уже извѣщалъ васъ, что въ новыхъ кредитивныхъ граматахъ Шведскаго министра опущенъ титулъ Импера-

---

(⁹) Первый разъ дукъ де-Лирія видѣлся съ Остерманомъ 29 ноября 1727 г. Именно баронъ Остерманъ былъ у него въ квартирѣ первый. Это случилось такъ. Баронъ Остерманъ назначилъ ему пріемъ у себя 26 числа, и въ этотъ день поутру являлся къ нему посланный отъ Остермана, что онъ-де можетъ быть у Остермана нынѣ. Лирія отправился къ нему въ назначенный часъ, но тамъ ему сказали, что Остермана только что позвалъ къ себѣ царь. Лирія возвратился домой ни съ чѣмъ. Баронъ Остерманъ прислалъ къ нему извиниться и вмѣстѣ просить его назначить часъ, когда бы онъ уже сталъ ждать его. Но дукъ де-Лирія послалъ къ нему своего секретаря сказать ему, что такъ какъ онъ, дукъ де-Лирія, уже былъ у него, то теперь онъ ждетъ его, баронъ Остермана, къ себѣ. И дѣйствительно 29 ноября Остерманъ отдалъ ему визитъ, и здѣсь они увидѣлись первый разъ. (Изъ депешъ дука де-Лирія.)

тора, который его государь давалъ покойнымъ царю и царицѣ. Поводъ, которымъ онъ извиняетъ это опущеніе, онъ выставляетъ тотъ, что этотъ титулъ былъ-де уступленъ царю Петру и его супругѣ, но не потомству. Извиненіе ничтожное, потому что Швеція согласилась дать царю титулъ Императора по торжественному трактату. Шведскій король не можетъ равнодушно смотрѣть на то, что Русскіе владѣютъ всею Шведскою Ливоніей, Эстоніей, Ингріей и частью Финляндіи, называемою Кареліей,— провинціями, которыя царь Петръ I завоевалъ у покойнаго короля Швеціи и за безопасное владѣніе которыми онъ заплатилъ Швеціи по Аландскому миру два милліона рейхсталеровъ. Въ тоже самое время Швеція уступила ему эти провинціи навсегда. Не смотря впрочемъ на это, многіе понимающіе люди думаютъ, будь только Шведы въ состояніи, они нападутъ на эту монархію наступающею же весною со стороны Финляндіи, если только царь переѣдетъ въ Москву и Ингрію оставитъ безъ гвардіи, которая составляетъ его лучшее войско. Она впрочемъ уже и отправлена въ Москву. Шведскій король уже нѣкоторое время ведетъ секретныя сношенія съ Оттоманской Портой, и здѣсь думаютъ, что онъ подниметъ это государство. Дружба Прусскаго короля съ здѣшнимъ Дворомъ весьма охладѣла, и нѣкоторые даже боятся, что Прусскій король вступитъ въ союзъ съ Шведскимъ, который можетъ польстить ему тѣмъ, что, завоевавъ съ его помощію свои прежнія владѣнія, онъ уступитъ ему еще остающуюся въ его владѣніи часть Помераніи, чѣмъ Прусскій король округлитъ свое королевство. Если въ самомъ дѣлѣ состоится союзъ этихъ двухъ государствъ и поднимется Турокъ, эта монархія рискуетъ потерять свои новыя завоеванія. Впрочемъ, мое личное мнѣніе таково, что едвали Шведы серьезно захотятъ войны. Причины слѣдующія: Швеція ничего одна не можетъ сдѣлать противъ силы этой монархіи; ей нужны хорошіе союзники. Единственные, которыхъ она можетъ имѣть, это король Даніи, король Пруссіи и Польши. Первый едвали захочетъ соединиться съ королемъ Швеціи изъ опасенія, чтобы онъ не сдѣлался сильнѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что это его интересъ, чтобы онъ остался тѣмъ, что́ онъ есть. Второй не осмѣлится ввязаться въ войну, которая можетъ привлечь въ его владѣнія всѣ силы Императора (Австріи), по трактату обязавшагося принять сторону этой монархіи, если на нее нападутъ. Третій во всякомъ случаѣ не пойдетъ на войну, а тѣмъ меньше его Республика, которая, видя, что ея король съ

нѣкотораго времени не такъ здоровъ, хочетъ хранить миръ. Все это заставляетъ меня думать, что едвали Швеція будетъ въ состояніи что-нибудь предпринять въ отсутствіе царя.»

Отъ 13 янв. Лирія пишетъ маркезу де-ля Пасъ, что 11 числа имѣлъ разговоръ съ Остерманомъ. Онъ выразилъ Остерману, что онъ-де слышалъ, что Англичане добиваются мира съ Русскими, дѣйствуя чрезъ него, Остермана, и принцессу Елисавету. Остерманъ увѣрялъ его, что это неправда. Но когда Лирія повторилъ ему, что онъ знаетъ это изъ вѣрныхъ источниковъ, Остерманъ отвѣчалъ, что тогда онъ дукъ де-Лирія знаетъ больше, чѣмъ Остерманъ. Дукъ де-Лирія замѣчаетъ при этомъ, что Остерманъ его обманываетъ.

Отъ 24 января извѣщаетъ, что получилъ приказаніе короля относительно полковника Д. Хакобо-Кейтъ и что онъ будетъ его рекомендовать въ царскую службу.

Отъ 27 января пишетъ, что Шведскій король посылаетъ въ Турцію посла, чтобы поднять Турокъ противъ Россіи и что Турція въ настоящее время, пожалуй, въ состояніи это сдѣлать, потому что заключила миръ съ Эзрефомъ Персидскимъ. Онъ смѣется при этомъ: «въ такомъ случаѣ чего добраго, вобьютъ царю въ голову лично отправиться на границу Азіи!»

Отъ того же числа другое письмо. «Здѣсь увѣрены, что я предложу супружество сеньера инфанта Донъ Карлоса съ принцессой Наталіей, сестрой царя, и ея высочество такъ этимъ занята, что, когда видитъ меня, относится ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ. Кое-кто уже говорилъ мнѣ объ этомъ, но я не далъ имъ понять, имѣю ли я на это инструкціи или нѣтъ. Принцесса желаетъ этого безконечно: она отличается удивительными достоинствами и, какъ вы знаете, племянница Императрицы (*). Я также узналъ, что герцогъ Фердинандъ Курляндскій сдѣлалъ предложеніе вступить въ бракъ съ принцессой Елисаветой; но едва ли будетъ принято его предложеніе.»

Отъ 30 января маркезу де-ля-Пасъ: «Касательно торговли нашей Испаніи съ Россіей я разсуждалъ въ подробностяхъ съ лицами, очень понимающими эти вещи. Торговля, которая ведется въ настоящее время со стороны Россіи съ Испаніей, ведется не Русскими подданными, а на счетъ

(*) Т. е. Германской.

Его Царскаго Величества, который конечно не будетъ продолжать этого. Въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы ее взяли на себя Испанцы, составивъ для этого *открытую компанію* торговцевъ на пять лѣтъ, низведя ее потомъ въ *компанію закрытую* на какіе-нибудь 20 лѣтъ, послѣ чего сдѣлать торговлю свободною для націи, предполагая, что къ тому времени она оцѣнитъ важность ея. Этимъ бы король побудилъ своихъ подданныхъ предпринимать путешествія на Сѣверъ, чего они теперь не дѣлаютъ, исключая Бискайцевъ, которые отправляются на ловлю китовъ. Испанцы имѣютъ то громадное преимущество, что ихъ корабли на Сѣверъ никогда не пойдутъ пустыми, но могутъ идти туда съ полнымъ грузомъ. Одна соль, которая требуется въ громаднѣйшемъ количествѣ во всѣхъ Балтійскихъ портахъ, не говоря о Петербургѣ, можетъ дать полный грузъ. Кромѣ того, они могутъ привозить вина, водки, плоды всѣхъ родовъ, нѣкоторыя шерстяныя матеріи и сукна, когда ихъ будетъ достаточно на собственныхъ фабрикахъ; а въ замѣнъ этого они могутъ грузить на Сѣверѣ кораблестроительный лѣсъ, пеньку, парусину для парусовъ и другія полотна, ленъ, конопляное и льняное масло, рыбій жиръ, мѣдь, соленую и сухую рыбу, лососину, треску, сельди и проч. и другіе товары, которые могутъ составить совершенно равномѣрный обмѣнъ между двумя народами. Кромѣ того, Испанская нація чрезъ это будетъ упражнять своихъ моряковъ, можетъ извлекать выгоды изъ собственныхъ товаровъ, не говоря уже о томъ, что товары Сѣвера, который ей продаются теперь другими морскими націями, она будетъ покупать изъ первыхъ рукъ, тогда какъ теперь она покупаетъ ихъ изъ вторыхъ рукъ и гораздо дороже. Испанцы изучили бы торговлю Сѣвера и во время войны могли бы снабжать нашъ флотъ всѣми морскими снастями, которыя ему могутъ недоставать. Бискайцы каждый годъ посылаютъ отъ 10 до 12 кораблей въ Гренландію для ловли китовъ. Послѣ того какъ они оканчиваютъ свою ловлю, они могли бы входить въ портъ Колу, который находится противъ и близко отъ Гренландіи: тамъ бы они могли вытапливать жиръ китовъ, потому что дрова тамъ не стоятъ ничего; а такъ какъ вытопленный жиръ занялъ бы не столько мѣста, сколько не топленый, то въ Колѣ же они могли бы восполнять нагрузку треской, соленой лососиной; а въ случаѣ неудавшей ловли они могли бы плыть въ Архангельскъ и тамъ нагружать Русскіе товары. Въ случаѣ, если король нашъ государь одобритъ идею торговой компаніи, здѣсь есть одинъ очень спо-

собный господинъ, который своими свѣдѣніями можетъ помочь ея учрежденію, потому что удивительно понимаетъ какъ торговлю, такъ и интересы государей.»

Отъ того же числа въ другомъ письмѣ къ маркезу де-ля-Пасъ онъ пишетъ: «Доселѣ, кажется, эти министры намѣрены слѣдовать той же системѣ и твердо держаться нашего союза.» Но онъ высказываетъ опасеніе, что союзъ Россіи теперь будетъ имъ безполезенъ, потому что Турки, заключивъ миръ съ Персіей, объявятъ войну Россіи; въ тоже время и Швеція сдѣлаетъ тоже, по побужденію Англіи. Онъ догадывается, что, отказывая царю въ титулѣ Императора, Швеція хочетъ попытать, обидится ли этимъ Русскій Дворъ, или нѣтъ.

Въ третьемъ письмѣ онъ извѣщаетъ маркеза де-ля-Пасъ, что его секретарь Каскосъ уѣхалъ въ Москву впередъ. «Городъ этотъ,» говоритъ онъ о Петербургѣ, «съ отъѣздомъ отсюда превратится въ совершенную пустыню.» Царь уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву 20 января. Дукъ де-Лирія намѣревается выѣхать 4 февраля, чтобы 9 пріѣхать въ Москву.

Отъ тогоже числа есть письмо къ архіепископу Амидѣ. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: «Всѣмъ извѣстно, что союзники Ганновера смотрятъ на царя, какъ на одну изъ лучшихъ опоръ Вѣнскаго союза и поэтому будутъ стараться довести его до невозможности быть полезнымъ своимъ союзникамъ; и нѣтъ сомнѣнія, что для этой цѣли Англичане пускаютъ въ ходъ свои деньги.»

Въ послѣднемъ письмѣ изъ Петербурга онъ проситъ маркеза де ля Пасъ «вспомнить о ссыльныхъ въ сугробы и о тѣхъ, кому придется скакать 200 миль (Испанскихъ) на саняхъ, не имѣя на дорогѣ никакого пристанища.»

Съ пріѣздомъ въ Москву письма дука де-Лирія дѣлаются разнообразнѣе. Съ нашимъ Дворомъ онъ теперь познакомился ближе. Личность, заслужившая наибольшаго его сочувствія и самыхъ нельстивыхъ и искреннихъ его отзывовъ, была юная великая княжна Наталья Алексѣевна. Онъ узналъ ее еще здоровою; потомъ онъ слѣдитъ за ходомъ ея болѣзни съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и провожаетъ ее въ могилу съ самымъ глубокимъ сожалѣніемъ. Изъ его писемъ выносишь то впечатлѣніе, что это была лучезарная звѣзда, изчезновеніе которой должно было покрыть мракомъ всю Московію. За то на княжну Елисавету Петровну

здѣсь онъ сталъ смотрѣть иначе: того добраго отзыва, который онъ сдѣлалъ о ней изъ Петербурга, онъ изъ Москвы уже не повторяетъ; ея нравственный характеръ, особенно при сопоставленіи ея съ Натальей Алексѣевной, въ письмахъ его рисуется весьма черными красками. Самъ царь, юный Петръ Алексѣевичъ, по письмамъ дука де-Лирія, стоитъ между сестрою и теткою безъ опредѣленнаго нравственнаго характера и физіономіи: у доброй сестры онъ отнятъ не совсѣмъ доброй и не съ добрыми намѣреніями теткой, у которой въ свою очередь онъ былъ отнятъ Долгорукими. Изъ министровъ въ письмахъ дука де-Лирія выступаетъ особенно высокое значеніе барона Остермана, который одинъ является у него дѣльцомъ и за которымъ все—интрига и интриганы.

Что касается дипломатической дѣятельности дука де-Лирія, то для поддержанія Вѣнскаго Союза онъ считаетъ необходимымъ пребываніе Русскаго Двора въ Петербургѣ. Поэтому для возможно скорѣйшаго его возвращенія изъ Москвы онъ употребляетъ самыя необыкновенныя усилія. Однажды, какъ мы увидимъ изъ самыхъ писемъ, для этого онъ съ барономъ Остерманомъ и графомъ Вратиславскимъ даже прибѣгъ къ подлогу. Съ тою же цѣлію онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ воспрепятствовать сближенію Русскихъ съ Англичанами до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не заключили мирнаго трактата въ Севильѣ съ Испаніей; и тогда онъ уже начинаетъ дѣйствовать противъ Австріи и старается отвлечь отъ нея Россію. О заключеніи прямаго союзнаго трактата Испаніи съ Россіей онъ перестаетъ думать весьма скоро, но долго еще не оставляетъ попытокъ къ заключенію торговаго трактата.

Содержаніе множества его писемъ изъ Москвы составляютъ жалобы на невысылку ему жалованья и экстраординарныхъ тратъ. Правительство оставляло его здѣсь безъ денегъ почти два года. Изъ этихъ писемъ интересны тѣ, которыя касаются Русскихъ нравовъ и состоянія въ Москвѣ банкирскаго дѣла.

Большая часть писемъ его изъ Москвы адресованы къ маркезу де-ля-Пасъ, и однѣ оффиціальныя, а другія конфиденціальныя. Приводя ихъ дальше въ переводѣ, мы не будемъ, во избѣжаніе лишнихъ повтореній, упоминать имени маркеза де-ля-Пасъ, а равно и обозначать того, что такое-то письмо оффиціальное; но будемъ означать письма конфиденціальныя и письма, адресованныя другимъ лицамъ.

12 февраля. «Я выѣхалъ изъ Петербурга только 5 числа, а не 4, какъ предполагалъ, потому что въ этотъ день была такая страшная мятель, что даже опытные люди этой страны убѣждали меня отложить путешествіе до слѣдующаго дня. Я ѣхалъ день и ночь и пріѣхалъ только вчера, благодареніе Богу, въ добромъ здоровьи. Да и долженъ благодарить Бога, потому что Онъ именно сохранилъ мое здоровье среди всего того, что мнѣ пришлось вытерпѣть отъ чрезвычайнаго холода, который, не смотря на всѣ предосторожности, заморозилъ всѣ мои съѣстные припасы; даже мое вино замерзло въ первый же день, а отъ Петербурга до сюда по дорогѣ достать рѣшительно ничего нельзя. Мои слуги и кучера отморозили кто ноги, кто щеки. Самъ я, не смотря на большое количество мѣховъ, прикрывавшихъ меня, несмотря на то, что возокъ былъ хорошо закрытъ, не могъ укрыться отъ холода, который такъ и пронизывалъ меня, хотя и не съ такою суровостію, какъ моихъ бѣдняковъ, которые сидѣли на открытомъ воздухѣ. Впрочемъ, это бы еще ничего, если бы мнѣ пришлось вытерпѣть только это. Но замерзъ весь запасъ моего вина на сумму больше двухъ тысячь песовъ; а вмѣстѣ и вино Токау ([10]), которое я купилъ въ Петербургѣ послѣ того, какъ купленное мною во Франціи погибло при берегахъ Швеціи, также замерзло, хотя и было въ бочонкахъ и очень хорошо закрыто. Эта потеря для меня важна не только по своей цѣнности, но и потому что здѣсь даже за деньги не достанешь капли. Здѣсь все вдвое дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, и клянусь вамъ, какъ честный кавалеръ, если король нашъ государь не обратитъ вниманія на мои потери и чрезвычайные расходы, я буду не въ состояніи прилично здѣсь жить.

Царь не въѣзжалъ еще торжественно въ городъ и находится въ двухъ миляхъ (Испанскихъ) отсюда; тамъ онъ лечится отъ полученной имъ въ дорогѣ сильной простуды, которая причиняетъ ему сильную грудную боль и довольно опасна. Если случится какое-нибудь несчастіе, могу увѣрить васъ, здѣсь произойдетъ ужасный безпорядокъ; не безопасны даже иностранные министры, по причинѣ ужасной ненависти, которую туземцы питаютъ ко всѣмъ иностранцамъ.»

([10]) Вино Токау принадлежитъ къ бѣлымъ и получалось изъ винограда близь Монпелье. Въ то время оно было модное.

Отъ того же числа маркезу Санта-Крусъ.

«... Что касается изученія Московитскаго языка, не думайте, чтобы онъ легокъ: при чрезвычайной трудности его самаго по себѣ, еще не радуетъ самая страна.»

16 февр. «Совершенно поправившись, царь вчера совершилъ свой торжественный въѣздъ въ столицу. Что касается коронаціи, то извѣстно за достовѣрное, что она не будетъ до мая, а поэтому нельзя сомнѣваться, мы проживемъ здѣсь все лѣто.

«Нынѣ я просилъ конференціи у барона Остермана. Не знаю еще, приметъ ли, потому что онъ очень занятъ. Съ слѣдующею почтою извѣщу васъ объ этомъ. Между тѣмъ могу сказать вамъ, что онъ такъ худъ съ Русскими, какъ нельзя больше, и они рѣшительно хотятъ удалить его отъ царя. Многіе хотѣли бы удалить его совсѣмъ, но большая часть того мнѣнія, что его нужно удержать въ министерствѣ до того времени, пока не найдется возможность замѣстить его другимъ. Ненависть противъ графа Левенвольда не ослабѣваетъ; и такъ какъ Остерманъ съ упорствомъ продолжаетъ поддерживать его, то оная видимо падаетъ и на его голову, и я боюсь, что эта дружба послужитъ главнымъ мотивомъ къ его низверженію.

«Здѣшнее министерство жалуется на холодность Вѣнскаго Двора, который недостаточно торопитъ графа Вратиславскаго, чтобы онъ скорѣе сюда ѣхалъ, и который даже приказалъ своему резиденту въ Петербургѣ не переѣзжать сюда до пріѣзда графа. Сдѣлаю все возможное, чтобы изъ этого неудовольствія Русскихъ на императорскій Дворъ не вышло ничего худаго и дамъ знать объ этомъ дуку де-Бурнонвилю.»

19 февр. «17 числа я имѣлъ конференцію съ барономъ Остерманомъ. Начавъ съ разговора о современномъ положеніи вещей о Европѣ, я далъ ему замѣтить, что король нашъ государь не сомнѣвается-де, что, въ случаѣ войны, здѣшній Дворъ будетъ слѣдовать тому же направленію, которому слѣдовалъ доселѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что можно быть вполнѣ увѣрену въ томъ. За этимъ я перешелъ къ разговору въ мирѣ Турка съ узурпаторомъ Эзрефомъ и выразилъ ему опасеніе, что Англичане, чтобы дать дѣло здѣшней монархіи, могутъ деньгами убѣдить Оттоманскую Порту предпринять войну противъ Его Царскаго Величества. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это несомнѣнно, что Англичане и Шведы будутъ дѣ-

лать все возможное, чтобы убѣдить Турка къ разрыву съ здѣшнимъ Дворомъ; но что онъ-де того мнѣнія, что по крайней мѣрѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ они не добьются этого, потому что Турки должны еще оправиться отъ потерь прежде, чѣмъ предпринимать новую войну, — и что переговоры Англичанъ и Шведовъ съ Оттоманскою Портою его нимало не безпокоятъ. Такое мнѣніе выразилъ мнѣ этотъ министръ о Туркахъ; но я сомнѣваюсь, чтобы онъ былъ внутренно убѣжденъ въ своихъ словахъ. Что касается положенія этого министра, онъ кажется хорошъ съ государемъ, который дѣлаетъ ему тысячи любезностей (mi fiestas), но въ то же время множество враговъ его не дремлятъ и пожалуй низвергнутъ его изподтишка.

«Назначены, хотя объ этомъ еще и не объявлено, членами Верховнаго Совѣта князья: Василій Долгорукій и Алексѣй Долгорукій, второй воспитатель царя,—оба враги Остермана. Выдаютъ за достовѣрное, что когда Дворъ возвратится въ Петербургъ, великій канцлеръ Головкинъ и великій адмиралъ Апраксинъ останутся здѣсь Если это случится, то въ Верховномъ Совѣтѣ будетъ попрежнему только четверо членовъ: но такъ какъ двое изъ нихъ изъ дома Долгорукихъ, то они будутъ дѣлать что захотятъ и низвергнутъ Остермана. Вчера царь объявилъ своего фаворита, князя Ив. Долгорукаго оберъ-камергеромъ и генералъ-лейтенантомъ и пожаловалъ ему орденъ св. Андрея, а другому фавориту графу Бутурлину далъ чинъ генералъ-майора и сдѣлалъ его прапорщикомъ кавалергардовъ ([11]).

«Въ тоже время царицѣ, своей бабкѣ, Е. Ц. В. назначилъ пенсіонъ въ 60 тысячь рублей и приказалъ, чтобы ей было приготовлено особое помѣщеніе во дворцѣ съ особымъ штатомъ слугъ и служанокъ. Впрочемъ, не смотря на это, съ пріѣздомъ сюда онъ видѣлся съ ней всего только одинъ разъ, и полагаютъ, что бабка не будетъ имѣть вліянія на дѣла управленія. Юный монархъ здѣсь въ отчаяніи и съ нетерпѣніемъ хочетъ воротиться въ Петербургъ, гдѣ ему давали больше свободы; поэтому онъ желаетъ, чтобы коронація была возможно скорѣе, и Остерманъ мнѣ говорилъ, что она будетъ въ концѣ этого мѣсяца.»

([11]) По русскому переводу „Записокъ дюка Лиріискаго“ стр. 24 пожалованіе фаворитовъ отнесено къ 22 февраля, да кромѣ того тамъ не видно, чтобы князь Иванъ былъ пожалованъ еще и генералъ-лейтенантомъ.

26 февраля. «Днемъ для коронаціи государь назначилъ 7 марта. Поэтому предполагаютъ, что мы возвратимся въ Петербургъ прежде, чѣмъ начнетъ таять. Та столица ему нравится больше, и ему хочется уѣхать изъ этой, чтобы избавиться отъ своей бабки и отъ старыхъ Русскихъ, которыхъ идеи и правила онъ ненавидитъ, потому что всѣ они хотятъ только одного, чтобы Е. Цар. В—во остался здѣсь, не обращая вниманія на то, что изъ этого могутъ выдти дурныя послѣдствія для спокойствія и сохраненія цѣлости этой монархіи. Царь хочетъ жить въ Петербургѣ и слѣдовать правиламъ своего дѣда, потому что оттуда онъ можетъ съ большею скоростію предотвратить всякую опасность, какая бы ни случилась. По этому и по другимъ основаніямъ я съ увѣренностію предполагаю, что Е. Цар. В—во, хотя и почитаетъ свою престарѣлую бабку, но видѣлся съ ней всего только однажды именно потому, чтобы не дать ей повода говорить ему объ управленіи. Великая княжна тоже видѣлась съ ней только одинъ разъ и то взяла съ собою принцессу Елисавету, чтобы имѣть въ ней поддержку, еслибы та заговорила о политическихъ или другихъ дѣлахъ, которыя бы не касались взаимнаго удовольствія свиданія.»

Отъ того же числа конфиденціальное. «Положеніе, въ которомъ я нахожусь, повергло меня въ невыносимую меланхолію. Вопервыхъ я не получаю жалованья и не знаю, гдѣ достать денегъ. И при этомъ, по случаю коронаціи, я долженъ дѣлать бездну расходовъ на предметы, которые теперь стоятъ вдвое дороже, чѣмъ въ другое время, — потому что дѣло спѣшное: мнѣ нужны новыя ливреи, платье, сбруя для лошадей и пр. Но не это особенно худо: есть еще кое-что хуже, что̀ трогаетъ меня до глубины души. Здѣсь есть немало людей и даже между иностранными министрами, которые хотятъ унизить меня по ненависти къ нашему союзу; и хотя я, съ того времени какъ здѣсь, только-что не выбрасывалъ деньги за окна, они исподтишка распускаютъ слухъ, что я нищій. Русскіе такъ подлы (viles), что, хотя видятъ противное, вѣрятъ этимъ слухамъ, — и это меня приводитъ въ отчаяніе. Съ другой стороны меня тревожитъ то, что я здѣсь весьма безполезенъ, и мнѣ теперь не о чемъ трактовать, тѣмъ болѣе, что скоро долженъ открыться конгрессъ, а слѣдоват. намъ не о чемъ будетъ вести переговоровъ съ этимъ государствомъ. Именно эта моя безполезность и это мое бездѣйствіе дѣлаютъ для меня эту страну невыносимою. Кромѣ того, дукъ де-

Бурнонвиль относится ко мнѣ какъ къ писцу своей канцеляріи, которому несовсѣмъ довѣряетъ: онъ даже не удостоиваетъ отвѣчать на мои письма. Прибавьте къ этому, Русскіе желаютъ, чтобы я принялъ характеръ посла; они воображаютъ, что это зависитъ отъ моей воли, и такъ какъ я не принимаю его, то это ставитъ меня въ чрезвычайно щекотливое положеніе; они думаютъ, что я этого не дѣлаю по скаредничеству, чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ. Таково мое положеніе, самое несчастнѣйшее въ мірѣ.»

4 марта. «Въ прежнемъ письмѣ я говорилъ вамъ, что церемонія коронованія этого монарха назначена 7 текущаго мѣсяца. Имѣя нѣкоторыя основанія соперничать въ этотъ день о преимуществахъ чести съ находящимися въ этой столицѣ иностранными министрами и особенно съ экстраординарными посланниками, я нарочно видѣлся для этого съ великимъ канцлеромъ и барономъ Остерманомъ и выразилъ имъ, что я-де не сомнѣваюсь, что ихъ сіятельства для избѣжанія споровъ уже распорядились, чтобы каждый иностранный министръ имѣлъ назначенное мѣсто, какъ бываетъ въ другихъ случаяхъ, и что я-де по всѣмъ основаніямъ буду имѣть первое. Они мнѣ отвѣчали на это, что не ихъ дѣло указывать мѣсто каждому министру, но что они назначатъ только соотвѣтствующее мѣсто всѣмъ (иностраннымъ) министрамъ, а тамъ они пусть-де устроиваются сами. На этотъ отвѣтъ я возразилъ, что я не хочу говорить объ этомъ съ другими министрами и прошу ихъ указать мнѣ или первое мѣсто въ томъ отдѣленіи, въ которомъ будутъ всѣ (иностранные) министры, или другое соотвѣтствующее министру короля нашего государя, и что поэтому пусть мнѣ первому дадутъ аудіенцію Его Царскаго Величества для поздравленія его съ коронованіемъ на другой день церемоніи, каковой день назначенъ для (иностранныхъ) министровъ, и что я прошу ихъ, представивъ объ этомъ Его Царскому Величеству, дать мнѣ на это отвѣтъ сколько возможно скорѣе для надлежащихъ соображеній. Они мнѣ отвѣчали, что представятъ объ этомъ своему государю и Верховному Совѣту и что извѣстятъ меня о рѣшеніи. Вчера приходилъ ко мнѣ церемоній-мейстеръ и сказалъ мнѣ, что великій канцлеръ и баронъ Остерманъ приказали сказать мнѣ, что они докладывали Его Величеству и Верховному Совѣту о томъ, что я объяснялъ имъ, и Его Величество во вниманіе-де къ министру короля нашего государя и ко мнѣ лично, коему онъ оказывалъ столько почтенія при всѣхъ обстоятельствахъ, рѣшилъ указать мнѣ

первое мѣсто въ томъ отдѣленіи, которое назначено для фельдмаршаловъ, которыхъ я долженъ быть деканомъ, и по тѣмъ же основаніямъ Его Величество опредѣлилъ, чтобы я первый явился поздравить его и, что хотя бы другіе министры для исполненія этой обязанности явились прежде, онъ-де не приметъ ихъ, пока я не получу аудіенціи. Къ этому онъ прибавилъ еще множество выраженій почтенія и уваженія къ королю нашему государю со стороны Его Царскаго Величества и его министровъ и заключилъ словами, что я-де конечно останусь доволенъ обоими этими отличіями, которыя дѣлаются только для меня. Я выразилъ ему благодарность за все и сказалъ, что доведу до свѣдѣнія короля моего государя о вниманіи Его Царскаго Величества. И въ самомъ дѣлѣ этотъ поступокъ со мною безпримѣренъ; и хотя это отличіе сдѣлано въ уваженіе къ Его Королевскому Величеству, однако я имѣю основаніе думать и увѣрить васъ, что такъ сдѣлали изъ опасенія, что я не буду присутствовать на этой церемоніи, если меня не отличатъ отъ всѣхъ другихъ министровъ (по крайней мѣрѣ, такъ было сказано двумъ изъ нихъ).

«Отдѣленіе, гдѣ присутствуютъ фельдмаршалы, есть самое первое послѣ министровъ Верховнаго Совѣта; — очень доволенъ, что могъ добиться этого преимущественнаго отличія и особенно по отношенію къ тѣмъ иностраннымъ министрамъ, которые напередъ кичились тѣмъ, что я не буду присутствовать при церемоніи по причинѣ спора о мѣстѣ, котораго-де здѣшнее министерство само по всѣмъ соображеніямъ мнѣ не укажетъ, но тѣмъ яснѣе они увидятъ теперь, что оказано надлежащее уваженіе министру короля нашего государя. Надѣюсь, что Его Величество благосклонно одобритъ все, что я въ этомъ случаѣ исполнилъ для наибольшей его чести. Иначе я не могъ поступить: я долженъ былъ избрать среднюю дорогу, потому что, такъ какъ я имѣю характеръ только полномочнаго министра, то я не могъ вступить въ споръ съ экстраординарными посланниками, которые бы мнѣ не уступили, а здѣшнее министерство не захотѣло бы ввязываться въ этотъ споръ. Кромѣ того нужно было подумать о неудобствахъ, которыя бы могли выдти особенно по отношенію къ этимъ *головамъ* (хотя и иностранцевъ) еслибы я не присутствовалъ на этой церемоніи, тѣмъ болѣе, что на ней не будетъ никакого министра императора (Австрійскаго). Хотя я буду поздравлять Его Царское Величество съ коронованіемъ отъ имени нашего государя, но поэтому я считаю не лишнимъ извѣстить васъ, что было бы не худо, еслибы Его Ве-

личество счелъ нужнымъ и приличнымъ написать здѣшнему государю (что, я не сомнѣваюсь, доставило бы здѣсь величайшее удовольствіе и особенно при настоящихъ обстоятельствахъ).»

Отъ того же числа другое письмо (12). «Спустя нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ и по пріѣздѣ другихъ министровъ въ эту столицу, каждому изъ насъ прислали стражу изъ солдатъ, какъ это дѣлалось въ Петербургѣ. Въ моей стражѣ я нашелъ ту новость, что она состояла только изъ осьми человѣкъ и одного капрала. Я сталъ говорить объ этомъ великому канцлеру и барону Остерману. Спросивъ ихъ о поводѣ, по которому они не прислали мнѣ той же самой стражи, какую я имѣлъ въ Петербургѣ, и выразилъ имъ, что эта странность поразила меня тѣмъ болѣе, что другимъ министрамъ прислали туже стражу, какую они имѣли прежде. Они мнѣ отвѣчали, что давать стражу министрамъ не было установленнымъ обычаемъ и что этого не было до Петра I, который приказалъ давать ее нѣкоторымъ министрамъ, которые объ этомъ просили для большей безопасности на случай какого-нибудь народнаго безпорядка; обычай-де этотъ продолжался, и одинаковую стражу давали всѣмъ, кто имѣлъ характеръ только полномочнаго министра и что только по уваженію, какое Его Царское Величество питаетъ къ министру нашего государя, мнѣ прислали теперь двойную стражу. Я отвѣчалъ, что цѣню вниманіе, но что если мнѣ не пришлютъ туже стражу, которую мнѣ дали съ перваго для моего пріѣзда въ Петербургъ и которая была та самая, какую имѣлъ графъ Рабутинъ, я отошлю назадъ ту, которую мнѣ прислали теперь, потому что я лучше желаю отличаться отъ другихъ министровъ, не имѣя никакой стражи, чѣмъ не имѣть той, которую имѣлъ прежде. Они мнѣ сказали, что та стража мнѣ-де была дана какъ послу, такъ какъ думали, что я буду имѣть именно этотъ характеръ, о чемъ извѣщалъ князь Щербатовъ, — и что графъ Рабутинъ не можетъ служить примѣромъ ни мнѣ и никому другому, потому что то отличіе Его Царское Вели-

(12) Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, мы обозначаемъ, что *отъ того же числа другое письмо*, не потому что письмо писано было именно того же числа, но оно въ *Дневникѣ* записано подъ однимъ числомъ. Число это въ Дневникѣ большею частію означаетъ день почты, съ которою отправлено письмо, а самыя письма, не имѣя особыхъ обозначеній, могли быть писаны въ промежутки отъ одной почты до другой.

чество хотѣлъ сдѣлать съ министромъ императора по кровному родству и другимъ обстоятельствамъ. Я отвѣчалъ, что все это хорошо, но что публичныя отличія министровъ должны быть такія, чтобы не давали повода другимъ претендовать на нихъ, какъ это должно случиться всегда, если эти отличія публичны и не одинаковы; что поэтому-де я надѣюсь и вѣрю въ благородство Его Царскаго Величества, что онъ, особенно въ почестяхъ, которыхъ онъ удостоивалъ меня съ самаго начала, не сдѣлаетъ новости съ министромъ короля нашего государя и прикажетъ прислать мнѣ прежнюю стражу и что если не будетъ прислана мнѣ скавинная стража, я отпущу имѣющуюся у меня теперь. Разговоръ былъ законченъ ихъ словами, что они-де обо всемъ доложатъ своему государю и Верховному Совѣту и извѣстятъ меня о рѣшеніи. И въ самомъ дѣлѣ вчера приходилъ ко мнѣ церемоніймейстеръ и сказалъ мнѣ, что великій канцлеръ и баронъ Остерманъ дали ему приказаніе сказать мнѣ, что Его Царское Величество въ уваженіе къ королю нашему государю и къ моей персонѣ рѣшилъ прислать мнѣ туже стражу, какую я имѣлъ сначала, но что это не должно быть примѣромъ для другихъ моихъ преемниковъ, потому что, хотя все это дѣлается въ угоду королю нашему государю, но эту честь Его Царское Величество дѣлаетъ только лично по отношенію ко мнѣ. Я поблагодарилъ за эту честь. Нынѣ или завтра, я надѣюсь, мнѣ пришлютъ прежнюю стражу. Пусть себѣ они говорятъ, что это безпримѣрно и что они это дѣлаютъ только для меня: мои преемники съумѣютъ поддержать тоже самое.»

Оттого же числа третье. «Съ обычною почтою, которая соотвѣтствовала первому числу текущаго мѣсяца, я не писалъ вамъ не только потому, что нечего было писать, но и по причинѣ недосуга. Въ этотъ день я давалъ большой праздникъ: я пригласилъ къ себѣ всѣхъ министровъ Верховнаго Совѣта, всѣхъ высшихъ чиновниковъ Двора, всѣхъ кавалеровъ св. Андрея Первозваннаго и всѣхъ главныхъ министровъ и генераловъ этой столицы. Всѣ повидимому остались довольны моимъ угощеніемъ:

«И нынѣ не представляется ничего особенно достойнаго вниманія короля нашего государя. Всѣ теперь заняты приготовленіемъ къ коронаціи.

«Въ понедѣльникъ 1 Марта бабка царя первый разъ пріѣхала во дворецъ видѣть Его Царское Величество. Она имѣла терпѣніе просидѣть у него очень долго (una hora larga). Чтобы не дозволить ей говорить о дѣлахъ, на все это время онъ пригласилъ быть съ нимъ принцессу Ели-

савету, чтобы она была для того помѣхою. Но она все-таки много говорила ему о его поведеніи; какъ меня увѣряли, она совѣтовала ему жениться, хотя даже на иностранкѣ, что̀ де будетъ все-таки лучше, чѣмъ вести ту жизнь, которую онъ ведетъ въ настоящее время. Эта лекція или откровенность со стороны бабки не только даетъ надѣяться, что Его Царское Величество, чтобы избавиться отъ бабки, поспѣшитъ возвратиться въ Петербургъ, но и утверждаетъ меня во мнѣніи, что она ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть вліянія на дѣла управленія, какъ я уже и писалъ вамъ. Къ этому я долженъ еще прибавить, что царицѣ-бабкѣ приготовляли было помѣщеніе во дворцѣ; но теперь, назначивъ ей 60 тысячъ рублей, оставляютъ ее въ томъ же монастырѣ, въ которомъ она жила, гдѣ она пользуется полнѣйшей свободой и живетъ себѣ съ соотвѣтствующимъ штатомъ слугъ.

«Вчера обнародованъ и прибитъ на болѣе публичныхъ мѣстахъ указъ, которымъ подъ строжайшимъ наказаніемъ запрещается говорить, возвратится ли царь въ Петербургъ или нѣтъ. Вчера же царь возвратился изъ Троицкаго монастыря, куда онъ ѣздилъ по обычаю попоститься и помолиться предъ коронаціей.»

8 Марта. «Хотя коронація этого монарха и совершилась вчера съ величайшей пышностію и *тактомъ*, впрочемъ нынѣ еще я не могу послать вамъ полнаго о ней донесенія, потому что не имѣю времени для этого, такъ какъ нынѣ по полудни Его Царское Величество даетъ аудіенцію иностраннымъ министрамъ и всѣмъ подданнымъ, которые съ великимъ торжествомъ праздновали эту коронацію и будутъ продолжать праздновать ее иллюминаціей въ продолженіе осьми дней.»

15 Марта. Первое письмо. Дукъ де-Лирія получилъ извѣстіе о выздоровленіи Испанскаго короля. Отвѣчая на эту вѣсть, онъ пишетъ: «По случаю этого счастливаго событія я совершилъ Te Deum и благодарную мессу съ такою торжественностію, какую только дозволила маленькая церковь нашей святой религіи, находящаяся въ этой столицѣ, при которой служатъ двое бѣдныхъ капуциновъ. Они-то, вмѣстѣ съ доминиканцемъ, моимъ капелланомъ, и совершали торжественную службу, при которой я присутствовалъ со всей моей фамиліей (*). За этимъ я пригла-

(*) Т. е. со всѣми своими людьми, ибо фамилія въ смыслѣ семейства у дука де-Лирія въ Москвѣ не было.

силъ къ себѣ всѣхъ иностранныхъ министровъ, а вечеромъ устроилъ иллюминацію.»

Второе письмо. «Изъ моего письма отъ 4 текущаго мѣсяца вы видѣли то, что̀ случилось по вопросу о данной мнѣ стражѣ. Теперь и могу прибавить, что 9 числа мнѣ прислали наконецъ ту самую, которую я имѣлъ въ Петербургѣ, т. е. 25 человѣкъ солдатъ съ сержантомъ и барабаномъ. Это довольно озадачило иностранныхъ министровъ и даже туземцевъ. Нѣкоторые захотѣли разгадывать причину всего этого, и нашли только, что причиною былъ именно мой протестъ и желаніе Его Царскаго Величества оказать вниманіе королю нашему государю въ лицѣ его министра. Впрочемъ, говорить объ этомъ не перестаютъ особенно потому, что это совпало съ коронаціей. Могу увѣрить Его Королевское Величество, что съ своей стороны я ни на пядь не отступлю для поддержанія его чести и авторитета и буду поддерживать ихъ съ возможною настойчивостію и всегда заставлю этихъ людей дѣлать что̀ нужно; иначе, впрочемъ, они и не сдѣлаютъ, хотя Его Царское Величество самъ лично и питаетъ величайшее уваженіе къ королю нашему государю.»

Третье письмо. «10 числа текущаго мѣсяца приходилъ ко мнѣ министръ герцога Голштинскаго и извѣстилъ меня, что его государыня-герцогиня счастливо родила *Барона* ([13]). При этомъ онъ мнѣ говорилъ, что герцогъ, его государь, приказалъ ему просить меня написать королю нашему государю, прося Его Величество, чтобы онъ приказалъ заплатить ему пенсіонъ, который онъ имѣлъ благородство предложить ему и который утвержденъ Вѣнской конвенціей, что-де Вѣнскій Дворъ уплатилъ свой съ точностію и что онъ-де увѣренъ также въ благородствѣ Его Величества.»

Четвертое письмо. «Никто было уже не сомнѣвался въ томъ, что государь возвратится въ Петербургъ тотчасъ же послѣ коронаціи. Но теперь мы съ новостію: онъ рѣшился провести здѣсь все лѣто. Поэтому теперь каждый хочетъ устроиться лучше, чѣмъ предполагалъ на короткое время. И я послалъ въ Петербургъ за всею моею мебелью, которую оставилъ было тамъ, взявъ сюда только необходимое. Его Царское Величество будетъ жить въ Слободѣ во дворцѣ, который принадлежалъ князю

([13]) Такъ онъ называетъ родившагося принца, будущаго императора Петра III-го.

Менщикову. Это будетъ очень удобно для всѣхъ иностранныхъ министровъ и для всѣхъ не-русскихъ чиновниковъ. Сказанная Слобода — это предмѣстье, называемое Нѣмецкимъ, и рѣдко чтобы тамъ жилъ кто-нибудь изъ Русскихъ, потому что всѣ они имѣютъ дѣла въ городѣ, а туда разстоянія добрая миля отъ сказаннаго предмѣстья, которое гораздо пріятнѣе и безопаснѣе. Это рѣшеніе Его Царскаго Величества даетъ знать, что не боятся ничего ни со стороны Швеціи, ни со стороны Персіи, откуда Русскіе генералы извѣщаютъ здѣшнее правительство, что тамъ все покойно. Прусскій министръ, г. Мардефельдъ, который живетъ здѣсь уже десять лѣтъ въ качествѣ экстраординарнаго посланника, получилъ дозволеніе возвратиться въ Берлинъ и скоро уѣдетъ. Вмѣсто его остается его племянникъ, который, говорятъ, приметъ тотъ же характеръ. Онъ уже восемь мѣсяцевъ какъ здѣсь и знакомится съ здѣшними дѣлами. Послѣ коронаціи ждали перемѣны въ правительствѣ, но этого пока не случилось; ждутъ этого съ возвращеніемъ Двора въ Петербургъ.»

Пятое письмо. «Изъ приложенной при этомъ реляціи ([14]) вы увидите весь церемоніалъ коронованія этого монарха и всѣхъ празднествъ слѣдующихъ дней, каковую (реляцію) я посылаю какъ могущую быть любопытною Его Королевскому Величеству. Изъ нея вы увидите, какихъ почестей и отличій былъ я удостоенъ отъ царя. Онъ сдѣлалъ для меня то, чего не дѣлалось здѣсь никогда никому; особенно это нужно сказать объ отличіи по мѣсту, которое я занималъ въ церкви и гдѣ для меня былъ поставленъ стулъ, единственный стулъ во всей церкви, что произвело большое впечатлѣніе на всѣхъ иностранныхъ министровъ и бывшихъ съ ними многихъ знатныхъ кавалеровъ. Къ этому нужно еще прибавить то, что для входа мнѣ прислали столько билетовъ, сколько я просилъ, и со мною, поэтому, была вся моя фамилія (свита); тогда какъ этого не сдѣлали другимъ министрамъ, и имъ были присланы билеты только для секретарей посольствъ. Все это показалось новостію и для самихъ Русскихъ, которые не понимали что бы это значило, и нѣкоторые спрашивали церемоніймейстера, почему мнѣ сдѣлано это отличіе, но тотъ

([14]) Къ величайшему сожалѣнію между бумагами дука де-Лирія въ архивѣ дука де-Альба мы, пока, не нашли этой реляціи; въ *Дневникѣ* она не записана, а она, кажется, могла бы дать нѣсколько интересныхъ подробностей о коронованіи юнаго монарха.

отвѣчалъ, что не знаетъ ничего; и такимъ образомъ всѣ остались съ неудовлетвореннымъ любопытствомъ. Изъ сказанной реляціи вы увидите также, какимъ образомъ мы были введены на аудіенцію и какимъ образомъ Шведскій министръ былъ введенъ послѣднимъ, потому что его трактуютъ здѣсь особенно; и мнѣ кажется, онъ оскорбленъ тѣмъ, что ему не сдѣлали такого пріема, какого онъ ожидалъ; нѣкоторые даже говорятъ, что ему не отвѣчали на его поздравительную рѣчь. При всемъ томъ, впрочемъ, ему наравнѣ съ прочими иностранными министрами прислали медаль (выбитую въ память коронаціи), которую намъ принесъ церемоніймейстеръ; изъ этого понятно, что этотъ государь безъ нужды не хочетъ еще давать Швеціи повода къ неудовольствію. Церемоніймейстеръ, при этомъ, мнѣ выразилъ благодарность за иллюминацію и за два фонтана вина и за два фонтана водки, которые я устроилъ въ первую ночь: они очень понравились царю, который два или три раза проѣхалъ мимо моего дома, чтобы видѣть, какъ его народъ во множествѣ пьетъ и празднуетъ его коронацію.»

Шестое письмо. «Въ четвергъ 11 Марта царь удостоилъ меня особенной чести: онъ пріѣхалъ ко мнѣ ужинать со всею своею свитою, съ которою обыкновенно выѣзжаетъ. Я принялъ его такъ великолѣпно, какъ только мнѣ дозволила тѣснота моего дома (хотя онъ изъ лучшихъ въ городѣ) и короткость времени; потому что о намѣреніи царя я узналъ только наканунѣ, о чемъ меня подружески предупредилъ баронъ Остерманъ. Были приготовлены три стола, по 20 кувертовъ каждый. За первымъ изъ нихъ были только: царь съ барономъ Остерманомъ, оберъ-каммергеръ Двора, князь Иванъ Долгорукій—его фаворитъ, очередной каммергеръ, генералъ Ягужинскій, капитанъ гвардіи и старшій майордомъ великой княжны графъ Левенвольдъ и я. Для царя было приготовлено кресло съ подушкой, но онъ не хотѣлъ сѣсть на него, а сѣлъ на табуретку подобно всѣмъ прочимъ. Видя меня, что я хочу сѣсть на соотвѣтствующее хозяину дома мѣсто, царь два раза чрезъ барона Остермана побуждалъ меня сѣсть рядомъ съ собою по правую руку, чего я не допустилъ, сказавъ, что пусть Его Царское Величество на этотъ разъ проститъ мое непослушаніе, потому что я считаю честію служить ему. За столомъ царь сидѣлъ цѣлыхъ полтора часа, тогда какъ обыкновенно бываетъ только четверть часа, и кушалъ съ удовольствіемъ. Послѣ ужина онъ еще пробылъ до половины перваго пополуночи. На вечеръ у меня была при-

глашена музыка лучшая, какая есть въ этой странѣ. Великая княжна, его сестра, и принцесса Елисавета, его тетка, не почтили меня своимъ присутствіемъ, потому что первая нѣсколько нездорова. Какъ мнѣ говорилъ Остерманъ, царь остался очень доволенъ моимъ пріемомъ, потому что я старался все устроить такъ, чтобы не было никакого стѣсненія. Равно остались довольны и низшіе слуги: для нихъ я выставилъ на дворѣ двѣ большія бочки вина и водки, чтобы они могли пить сколько душѣ угодно. И они пили такъ хорошо, что нѣкоторые проспали на дворѣ всю ночь. Домъ мой въ этотъ вечеръ былъ иллюминованъ такъ, какъ въ первые три дня коронаціи. На утро царь прислалъ мнѣ въ подарокъ кабана и оленя. По оленю онъ также послалъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ, исключая Шведскаго.»

Седьмое письмо. «13 числа ([15]) текущаго мѣсяца ко мнѣ явился церемоніймейстеръ сказать мнѣ по приказанію царя, что, въ ознаменованіе счастливыхъ родовъ герцогини Голштинской, во дворцѣ будетъ балъ и чтобъ я удостоилъ его своимъ присутствіемъ. Тоже приглашеніе было сдѣлано и прочимъ иностраннымъ министрамъ. Балъ началъ Его Царское Величество съ принцессой Елисаветой: послѣдняя вытащила меня и удостоила той же чести, какъ и 9 числа ([16]). Великой княжны, сестры царя, не было. Предлогомъ къ этому выставляли ея нездоровье, но я вижу въ этомъ нѣчто другое: это просто хитрость или уловка со стороны великой княжны, сдѣланная ею по совѣту Остермана, который для нея все и инструкціями котораго она руководится. Основанія для такихъ моихъ предположеній вы найдете въ моихъ письмахъ къ вамъ отъ 10 января и еще прежде отъ 30 декабря. Въ этихъ письмахъ я писалъ вамъ, что при здѣшнемъ Дворѣ существуютъ двѣ партіи. Остерманъ, видя это и понимая, что онъ не можетъ удержаться съ своею партіей, такъ какъ

([15]) Въ Русскомъ переводѣ „Записокъ“ (стр. 26) очевидно ошибочно сказано, что извѣстіе получено 13 числа, тогда какъ дукъ де Лирія положительно говоритъ (см. письмо выше), что еще 10 числа извѣщалъ его объ этомъ посланникъ Голштинскаго герцога. Очевидно ошибка и то, что балъ былъ 14 числа: можетъ быть, къ этому числу его отнесъ или самъ авторъ по забывчивости или даже переводчикъ произвольно, чтобы не помѣстить бала такъ сказать въ самый день полученія извѣстія о разрѣшеніи отъ бремени.

([16]) Эти свѣдѣнія должны бы быть въ реляціи о коронаціи, о которой упомянуто выше и которой мы не нашли.

противная партія сильнѣе, присталъ къ Долгорукимъ, чѣмъ онъ усилился въ милости царя, который продолжаетъ оказывать расположеніе къ князю Ивану Долгорукому и питать любовь къ принцессѣ Елисаветѣ, своей теткѣ,—любовь, которую онъ заявляетъ открыто, что не нравится великой княжнѣ, которая, впрочемъ, ведетъ себя съ величайшимъ благоразуміемъ и осторожностію: только чтобы избѣжать публичныхъ заявленій этого, особенно на балахъ, она не является на нихъ вовсе; потому что царь, какъ и естественно, долженъ бы начинать балъ съ нею, но онъ начинаетъ всегда съ принцессой Елисаветой. Думать такъ я имѣю достаточно основаній, и первое то, что ея высочество въ ту ночь, въ которую былъ у меня царь, не удостоила меня своимъ посѣщеніемъ. Тогда я полюбопытствовалъ узнать причину этого, такъ какъ приготовилъ было для нихъ (т. е. для великой княжны и принцессы Елисаветы) балъ, о чемъ меня дружески предупреждалъ Остерманъ на случай, еслибы прибыли ихъ высочества, какъ онѣ дѣлаютъ всегда, когда царь отправляется въ какой-нибудь домъ ужинать. Баронъ Остерманъ мнѣ тогда отвѣчалъ, что она нѣсколько нездорова и что онъ не знаетъ, пріѣдетъ ли принцесса Елисавета одна. Послѣ я узналъ, что болѣзни здѣсь никакой не было, потому что въ тотъ же самый вечеръ великая княжна все время провела въ домѣ герцогини Курляндской, и одна ея фаворитка чрезъ посредство другаго лица мнѣ говорила, что ея высочество жалѣла, что не могла посѣтить мой домъ и что поводомъ къ этому не было нездоровье, потому что, благодареніе Богу, она здорова. Къ этимъ непріятностямъ, которыя лишь по видимому ничтожны, прибавляются еще другія обстоятельства, очень немаловажныя, которыя, я не сомнѣваюсь, увеличиваетъ Остерманъ. Какъ человѣкъ извѣстной способности, долгимъ опытомъ изучившій духъ Двора, министровъ и всѣхъ Русскихъ, онъ всякимъ случаемъ пользуется не только чтобы поддержать себя, но и для того, чтобы указывать царю что нужно для его славы и спокойствія его монархіи. Это онъ подсказалъ царю дать князю Ивану Долгорукому орденъ св. Андрея, возвести его въ оберъ-камергеры и помѣстить въ Верховный Совѣтъ князей Василія и Алексѣя Долгорукихъ, которымъ онъ даетъ знать, что онъ ихъ другъ, и — особенно фавориту Ивану. Признавая въ послѣднемъ тоже честолюбіе, что и въ Меншиковѣ, онъ просилъ Польскаго министра написать своему государю, чтобъ тотъ почтилъ сказаннаго князя орденомъ Бѣлаго Орла, чѣмъ-де сдѣлаетъ величайшее удо-

вольствіе Его Царскому Величеству. Польскій министръ самъ меня увѣрялъ, что объ этомъ уже его спрашивалъ ([17]) и заинтересованный въ этомъ дѣлѣ Долгорукій, который съ этимъ орденомъ (нѣтъ сомнѣнія, что Польскій король его вышлетъ) будетъ имѣть три: св. Андрея, св. Александра и сказанный, и если при этомъ Прусскій король вышлетъ ему свой, то онъ будетъ имѣть тѣже, что и Меншиковъ. Этимъ Остерманъ доставляетъ удовольствіе не только ему (т. е. фавориту) но и всему его дому, на поддержку котораго для себя онъ можетъ надѣяться, потому что эта фамилія пользуется наибольшимъ благоволеніемъ царя. Но такъ какъ продолжается ненависть къ графу Левенвольду, котораго Остерманъ поддерживаетъ, то нужно опасаться, какъ бы эта ненависть не перешла и на него самаго и чтобы не сыграли какой-нибудь штуки при помощи другихъ Русскихъ тѣже самые Долгорукіе, особенно если, какъ думаютъ, когда царь возвратится въ Петербургъ, великій канцлеръ останется здѣсь и его заставятъ отказаться отъ службы, а его должность отдадутъ князю Василію Долгорукому, который есть совершенный Французъ. И такъ какъ Остерманъ Нѣмецъ и расположенъ къ нашему союзу, то нужно бояться, что между ними произойдутъ непріятности, изъ кототорыхъ можетъ выдти паденіе Остермана и разрушеніе нашего союза. При этомъ еще нужно сказать, здѣшнее министерство не довольно тѣмъ, что при коронаціи не было никакого министра императора (Германскаго), который не поторопилъ пріѣхать сюда Вратиславскаго, по послѣднимъ письмамъ бывшаго въ это время въ Дрезденѣ; не пріѣхалъ сюда изъ Петербурга и резидентъ Гогенцоллернъ; хотя его и ждутъ сюда чрезъ два дня, но здѣсь знаютъ, что онъ выѣхалъ изъ Петербурга, только узнавши опредѣленно день коронаціи. Все это я говорю, исполняя свою обязанность, чтобы Его Величество имѣлъ эти извѣстія въ виду на всякій случай.

«Но изо всего, что я видѣлъ, могъ понять и наблюсти на сказанномъ придворномъ балѣ, позвольте мнѣ вывести одно пророчество. Царь, протанцовавши нѣсколько минутъ, послѣ трехъ контрадансовъ ушелъ изъ танцовальной залы въ другую, гдѣ поужиналъ и уже больше не танцовалъ; но принцесса и фаворитъ не пошли съ Его Величествомъ и оста-

---

([17]) Т. е. вѣроятно спрашивалъ о томъ, писалъ ли онъ своему королю или нѣтъ.

лись танцовать. Я замѣтилъ, что царь, стоя вдали отъ нихъ, не сводилъ съ нихъ обоихъ глазъ. Во время самыхъ контрадансовъ (которые Его Величество танцовалъ съ принцессой и въ которыхъ всегда участвуютъ князь Иванъ, я и другіе) я уже замѣтилъ, что Его Величество ревнуетъ. И я имѣю данныя заключать, что честолюбіе этого фаворита достигло такой степени, что нужно опасаться, что онъ влюбится въ эту принцессу; а если это случится, нельзя сомнѣваться въ гибели этого фаворита. И я съ своей стороны увѣренъ, что Остерманъ разжигаетъ эту любовь: я знаю, онъ ничѣмъ бы не былъ такъ доволенъ, какъ еслибы они, удалившись отъ царя, отдались одна другому. Этимъ путемъ погибли бы онъ и она (князь Иванъ и принцесса), а царь излѣчился бы отъ слѣпоты, въ которой онъ находится и отъ которой иначе его нельзя и вылѣчить. Таковы основанія моего пророчества, на которое меня наводитъ еще извѣстіе, что вопросъ о бракѣ Маврикія Саксонскаго съ принцес. Елисаветой въ дурномъ положеніи.»

18 Марта. Получивъ изъ Испаніи извѣстіе о заключеніи двоякаго брака между Испанскимъ наслѣднымъ принцемъ и Португальской инфантой и Бразильскимъ принцемъ и Испанской инфантой и обѣщая дать праздникъ по случаю этого счастливаго событія, дукъ пишетъ:

«Такъ какъ при этомъ Дворѣ всѣ подобныя празднества совершаются съ величайшею пышностію, то и я мой праздникъ устрою съ такою, съ какою только могу. И такъ какъ для приготовленія къ нему мнѣ нужно время, то я буду его имѣть достаточно по случаю Великаго Поста, который по здѣшнему стилю начался вчера и въ продолженіе котораго здѣсь не бываетъ никакихъ увеселеній, потому что онъ соблюдается съ величайшей строгостію.»

22 Марта. «Съ 18 числа не случилось ничего достойнаго вниманія Ея Королевскаго Величества. Дѣла въ прежнемъ положеніи. На этой недѣлѣ царь переѣдетъ жить въ Слободу (Нѣмецкую) и для того чтобы министры и главные придворные чиновники жили поближе ко дворцу, для нихъ взяли домъ, занятый было для Братиславскаго, которому назначили другой. Послѣдній, неизвѣстно еще когда пріѣдетъ. По послѣднимъ письмамъ, которыя получилъ секретарь (Австрійскій) Караме, видно, что онъ еще въ Дрезденѣ. Резидентъ Гогенцоллернъ и сказанный Караме пріѣхали сюда три дня тому назадъ: послѣдній привезъ сюда тѣло покойнаго Рабутина (бывшаго Австрійскаго посланника) для того чтобы по-

хоронить его въ здѣшней каѳедральной церкви, при каковомъ погребеніи я буду присутствовать со всей моей фамиліей.»

29 Марта. «Стѣсненное положеніе, въ которомъ я нахожусь, заставляетъ меня препроводить вамъ при этомъ реляцію ([18]) экстраординарныхъ расходовъ, которые сдѣланы мною съ января этого года донынѣ, что составитъ 1802 рубля и 30 копѣекъ, которые на песы составитъ: 2662 песа и 4 реала. Въ этомъ счетѣ я еще не поставилъ значительныхъ расходовъ, которые я сдѣлалъ по случаю коронаціи этого монарха, для того чтобы присутствовать на ней съ блескомъ, соотвѣтствующимъ министру короля нашего государя, расходовъ на костюмы и ливреи, которые всѣ я сдѣлалъ новыя не только для чести короля нашего государя, но и потому что между иностранными министрами я долженъ былъ представлять первую фигуру, каковую дѣйствительно я и представлялъ. И я надѣюсь, что Его Величество по своей добротѣ удостоитъ приказать заплатить мнѣ и эти расходы, потому что вы знаете, что это расходы случайные. Только мои три костюма стоили 1430 песовъ, костюмы секретарей еще 1400 песовъ, и 20 ливрей и плащей для пажей еще другіе 1400 песовъ. Чтобы все это сдѣлать и для удовлетворенія моихъ ежедневныхъ нуждъ, я взялъ въ долгъ у одного здѣсь Жида 14 тысячъ рублей, за которые плачу проценты; да и съ процентами мнѣ стоило довольно труда отыскать ихъ, потому что въ этой столицѣ, не какъ въ другихъ, не обилуютъ богатые банкиры, чтобы можно было впередъ достать значительную сумму. Я также не сомнѣваюсь, что Его Величество по своей добротѣ прикажетъ заплатить и секретарю посольства Донъ Хуану Каскосъ 640 песовъ, которыхъ ему стоили два костюма, сдѣланные имъ для сказаннаго торжества, на которомъ онъ присутствовалъ со мною, и для того, чтобы блестѣть на немъ какъ слугѣ Его Величества и сообразно съ своимъ званіемъ. Эти деньги онъ взялъ взаймы и не въ состояніи заплатить ихъ, если не прикажетъ заплатить ихъ Его Величество. И повѣрьте, здѣсь все стоитъ *дороже глаза* ([19]), и нельзя надивиться здѣшнему тщеславію въ костюмахъ: здѣшніе магнаты каждый праздникъ надѣваютъ новый костюмъ. Что касается кавалеровъ, которые пріѣхали

([18]) Реляціи этой впрочемъ мы не отыскали.

([19]) *Cuesta mas que un ojo de la cara* — стоитъ дороже чѣмъ глазъ, Испанская поговорка.

со мною, я имъ не давалъ костюмовъ, но они ихъ сдѣлали сами для бо́льшаго приличія и моего блеска. Ихъ шестеро: двое, которые пріѣхали со мною съ позволенія Его Величества, и еще четверо, которые пріѣхали, чтобы раздѣлить со мною компанію. Каждый изъ нихъ истратилъ по 50 доблоновъ, и еслибы Его Величество по своей добротѣ приказалъ вознаградить ихъ за эти расходы, я бы подарилъ ихъ имъ отъ имени Его Величества въ знакъ благодарности за то, что̀ они сдѣлали.»

Третье письмо отъ того-же числа. Получивъ извѣстіе о бракѣ Испанскаго принца на Португальской инфантѣ и Бразильскаго принца на Испанской инфантѣ, дукъ де-Лирія захотѣлъ сообщить объ этомъ царю на особенной аудіенціи, каковую онъ имѣлъ 28 Марта. «Мнѣ, пишетъ онъ, отвѣчалъ баронъ Остерманъ отъ имени Его Царскаго Величества, прося меня увѣрить Его Королевское Величество отъ его имени, что онъ съ удовольствіемъ слышитъ объ этомъ счастливомъ событіи и надѣется, что слѣдствія его будутъ полезны для обѣихъ коронъ. За этимъ я было уже простился и, отошедъ, обратился, чтобъ сдѣлать еще поклонъ, но меня позвалъ Остерманъ, и я опять подошелъ къ царю. Тогда Остерманъ мнѣ сказалъ, что для засвидѣтельствованія почтенія къ королю нашему государю и для того чтобы показать, какъ царь высоко цѣнитъ его дружбу, онъ хочетъ удостоить меня ордена св. Андрея, надѣясь, что я приму его и буду носить его во всю жизнь. Это меня смутило; я наклонилъ голову для благодарности, но Его Величество въ это время надѣлъ мнѣ на шею орденъ, такъ что при этой нечаянности мнѣ оставалось только благодарить за оказанную мнѣ честь. Послѣ этого царь оставилъ меня обѣдать съ нимъ, а въ Четвергъ пріѣдетъ обѣдать ко мнѣ со всѣми кавалерами ордена. Случай этотъ показался величайшею новостію для всѣхъ и особенно для иностранныхъ министровъ, которые весьма много говорили объ этомъ, и особенно враждебные нашему союзу.»

5 *Апрѣля.* «Прошедшій Четвертокъ 1-го текущаго мѣсяца царь удостоилъ обѣдать у меня со всѣми министрами Верховнаго Совѣта, всѣми кавалерами ордена св. Андрея и своими камергерами. Барона Остермана, впрочемъ, не было: въ этотъ день онъ пускалъ себѣ кровь. Особенныхъ новостей здѣсь нѣтъ; вездѣ спокойно, кромѣ Двора, въ которомъ продолжаются разъединеніе и домашнія непріятности, дѣйствующія дурно на здоровье великой княжны, которая день ото дня все худѣетъ. Принцесса Елисавета на дняхъ была тоже нездорова горломъ: ее навѣщала бабка

царя; теперь лучше. Есть также разногласіе между членами Верховнаго Совѣта, и хотя Долгорукіе въ мирѣ съ Остерманомъ, но послѣдній не доволенъ этимъ разногласіемъ. Расположеніе царя къ князю Ивану таково, что царь не можетъ быть безъ него ни минуты; когда на дняхъ его ушибла лошадь, и онъ долженъ былъ слечь въ постель, Его Царское Величество спалъ въ его комнатѣ. Царь благоволитъ также къ Ягужинскому, капитану гвардіи и хочетъ сдѣлать его членомъ Верховнаго Совѣта; онъ отказывается, но наконецъ уступитъ, потому что, какъ меня увѣряли, царь непремѣнно этого желаетъ.»

PS. Собственною рукою дука де-Лиріи къ прежнему письму: «Эти министры предлагаютъ мнѣ дать небольшую сумму денегъ, которая бы была уплачена въ Мадритѣ князю Щербатову. Такъ какъ въ этомъ король нашъ государь сбережетъ издержки перевода что пожалуй будетъ нѣсколько больше моего мѣсячнаго жалованья ([20]). то я и принялъ ихъ предложеніе.»

12 Апрѣля. «Погода теперь стоитъ теплая; нѣтъ ни снѣга, ни морозовъ. Этотъ государь каждый день ѣздитъ на охоту въ окрестности города. Четыре дня тому назадъ онъ былъ нѣсколько нездоровъ и пролежалъ въ постелѣ два дни. Теперь поправился, равно поправилась и его сестра.»

Собственноручный PS къ этому письму: «Письмо это было уже написано, какъ эти господа изъ Министерства Финансовъ прислали мнѣ 3200 рублей, о чемъ я писалъ вамъ въ прежнемъ письмѣ, которые составляютъ 8000 голландскихъ флориновъ, каковая сумма и должна быть уплачена князю Щербатову, для котораго я и выдалъ имъ вексель на имя Pablo Diaz, и прошу васъ сдѣлать уплату возможно скорѣе.»

15 Апрѣля. Конфиденціальное. «Дукъ де-Бурновиль по прежнему ко мнѣ не пишетъ, и я не знаю, что говорить здѣшнему министру касательно трактата, который я долженъ заключить съ царемъ. Съ нетерпѣніемъ жду приказаній короля, чтобы знать что дѣлать. Вѣдь я едва осмѣливаюсь говорить съ Остерманомъ, опасаясь, что вотъ онъ меня и спроситъ, почему я ничего не говорю ему о сказанномъ трактатѣ.... Я

([20]) Годовое его жалованье 8,000 доблоновъ. Выдано было ему, какъ видно ниже, 3200 рублей. Если онъ не преувеличиваетъ, то переводъ вообще денегъ изъ Мадрита въ Москву стоилъ весьма дорого. около 50%.

приготовляюсь къ празднику, который думаю дать въ день св. Филиппа и надѣюсь, что онъ будетъ великолѣпенъ, не смотря на скудость моихъ средствъ. Впрочемъ, къ моему счастію, для устройства праздника дастъ мнѣ денегъ одинъ здѣшній Жидъ.»

19 Апрѣля. Конфиденціальное. «Особенныхъ новостей здѣсь не имѣется. Три дня тому назадъ дошли сюда три лошади, которыхъ Прусскій король прислалъ въ подарокъ царю, съ бархатными великолѣпно вышитыми сѣдлами и со всѣмъ прочимъ, и нѣсколько удивительныхъ ружей и пистолетовъ. Это меня заставляетъ желать, чтобъ и король соизволилъ на мое предложеніе, отъ 10 Января, послать нѣсколько лошадей Его Царскому Величеству: ихъ здѣсь приняли бы съ энтузіазмомъ.»

Другое письмо отъ того же числа. «На этихъ дняхъ государь получилъ анонимное письмо, въ которомъ восхваляются великія заслуги князя Меншикова и которое заканчивается словами, что никогда-де не пойдутъ дѣла этой монархіи какъ должно, если не возстановятъ его въ положеніи и должности, которыя онъ имѣлъ. На другой же день царь обнародовалъ указъ, въ которомъ предлагается хорошее вознагражденіе тому, кто откроетъ сочинителя этого письма, и уже нѣсколько гонцовъ посланы въ Ораніембургъ, гдѣ находится князь, не извѣстно за чѣмъ, но говорятъ, чтобы испытать его и узнать, не принималъ ли онъ участія въ этомъ письмѣ или не знаетъ ли о немъ и объ его сочинителѣ. На этихъ дняхъ тоже арестовали и посадили въ тюрьму Синода духовника царицы-бабки за то, какъ меня увѣряли, что онъ получилъ тысячу (? рублей?) отъ друзей Меншикова, въ пользу котораго чрезъ его посредство они хотѣли заставить дѣйствовать на бабку; но это было скоро открыто, и баронъ Остерманъ тотчасъ же въ его же комнатѣ, которую онъ имѣетъ въ зданіи Синода, сдѣлалъ ему допросъ, слѣдствіемъ коего и было арестованіе этого монаха.

«Меншиковъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ большую партію при Дворѣ, не только между иностранцами, но и между Русскими, даже министрами, каковы всѣ Голицины и враги Остермана; но они легко погубятъ сами себя и только принесутъ вредъ князю, если не будутъ вести себя осторожнѣе; потому что царь любитъ и поддерживаетъ сказаннаго Остермана, и фаворъ Долгорукихъ (съ которыми соединенъ Остерманъ) всевластенъ у царя — а они отъявленные враги Голицыныхъ.

«Царь совершенно поправился отъ незначительной болѣзни, которую онъ имѣлъ прошлую недѣлю, и продолжаетъ каждый день ѣздить на охоту. Его сестра великая княжна чувствуетъ себя лучше. Баронъ Остерманъ страдаетъ глазами ([21]), почему и не можетъ прилежно заниматься дѣлами, а это убійственно для его дѣятельнаго характера. Хотя и не говорятъ теперь о возвращеніи царя въ Петербургъ, но надѣемся, что оно состоится въ Іюнѣ мѣсяцѣ.»

26 Апрѣля. Конфиденціальное. «Хочу разсказать вамъ случай, бывшій со мною на этихъ дняхъ. Графъ Флеммингъ ([22]) рекомендовалъ мнѣ одного въ Москвѣ торговца, по имени Питру, прося для него моего покровительства во всемъ, что будетъ зависить отъ меня. Въ прошломъ Январѣ мѣсяцѣ онъ явился ко мнѣ просить у меня дозволенія выписать нѣсколько тюковъ на мое имя, потому что при этомъ они не будутъ досмотрѣны, и за нихъ не будетъ взята таможенная пошлина. Я ему отвѣчалъ, что я никогда не дозволю, и пусть онъ остерегается дѣлать это. Двѣ недѣли тому назадъ я получаю письмо отъ моего корреспондента изъ Риги, который меня извѣщаетъ, что изъ Данцига на мое имя присланы два громадныхъ тюка и что, не имѣя отъ меня спеціальнаго приказанія, онъ не знаетъ, послать ли ихъ мнѣ сюда, или въ Петербургъ. Я тотчасъ же догадался, какую штуку хочетъ сыграть со мной этотъ Питра. Онъ просто расчитывалъ на мою снисходительность. Я отправился къ барону Остерману и разсказалъ ему все дѣло, жалуясь ему на безстыдство торговца и прося его, чтобы тюки были досмотрѣны и чтобы, если въ нихъ найдется какая-нибудь контрабанда, ихъ конфисковали. Въ тоже время я просилъ его дать приказаніе въ порты Петербурга, Ревеля и Риги, чтобы все, приходящее на мое имя, не выдавалось изъ таможни безъ моего особеннаго приказанія, утвержденнаго моею подписью; потому что я ни въ какомъ случаѣ не желаю, чтобы подъ моимъ именемъ ввозилась контрабанда, вопреки яснымъ указамъ царя: это неприлично ни монарху, котораго я представляю, ни моему рожденію, ни моему образу мыслей. Баронъ принялъ къ сердцу мои слова и далъ нужныя приказа-

---

([21]) Fluxion á los ojos — нагноеніе глазъ съ краснотою. Такова болѣзнь Остермана, принимая, какъ увидимъ ниже, опасный характеръ и довольно странные признаки.

([22]) Первый министръ Польскаго короля, съ которымъ дукъ познакомился проѣздомъ чрезъ Дрезденъ.

нія. На другой день пришелъ ко мнѣ торговецъ просить у меня прощенія, желая меня убѣдить, будто его корреспондентъ изъ Данцига отправилъ тюки безъ его вѣдома и что онъ разорится, если ихъ конфискуютъ. Но я отвѣчалъ ему, что три мѣсяца тому назадъ я предупреждалъ его ничего не выписывать на мое имя и какъ онъ имѣлъ безстыдство злоупотребить моей протекціей, которую я ему обѣщалъ, такъ пусть теперь поплатится за подлогъ, а я больше не мѣшаюсь въ это дѣло. Онъ поднялъ на ноги всѣхъ моихъ друзей, какіе только есть у меня, чтобы я дозволилъ на мое имя выручить изъ таможни тюки, но я не согласился, —и надѣюсь, что вы одобрите мое поведеніе.

«Мы весьма боялись за здоровье барона Остермана, но вчера я видѣлъ его нѣсколько поправившимся и думаю, что онъ скоро будетъ одѣваться. Если бы мы потеряли этого министра, не кѣмъ бы было замѣнить его; но Богъ хотѣлъ сохранить его на этотъ разъ.

«Теперь мы пользуемся хорошей погодой и нѣсколько дней имѣемъ такихъ прекрасныхъ, съ которыми можно сравнивать только прекраснѣйшіе дни Испанской весны. Едвали въ мірѣ можно найти прекраснѣе окрестностей, какъ окрестности этой столицы. Царь все лѣто проведетъ въ развлеченіи охотой, для каковой цѣли приготовили различныя дачи, въ которыхъ онъ будетъ жить попеременно. И такъ нѣтъ надежды возвратиться въ Петербургъ до зимы.

«Здѣсь мы живемъ въ полномъ спокойствіи, и *отъ скипетра до посоха*, по французской пословицѣ, не думаемъ ни о чемъ, какъ только какъ бы провести лѣто въ сельскихъ развлеченіяхъ. Это почти вѣрно, что мы не возвратимся въ Петербургъ до зимы: въ этомъ убѣждаетъ насъ посланное на дняхъ въ Петербургъ приказаніе, чтобы были переведены сюда Коллегіумы. На дняхъ эта монархія была въ опасности лишиться барона Остермана; но теперь онъ внѣ опасности и поправляется. Еслибы онъ умеръ, не легко было-бы замѣнить его, ни найти во всей монархіи министра, такъ расположеннаго къ нашему Вѣнскому союзу. Умерла отъ горя княгиня Меншикова, а князя сослали въ Якутскъ ([23]), который отстоитъ отсюда шесть тысячь Испанскихъ миль. Вотъ все что есть здѣсь новаго теперь.

([23]) Вѣроятно было только такое намѣреніе, ибо Меншикова не ссылали въ Якутскъ.

«Я приготовляюсь къ празднику по случаю нашихъ браковъ съ Португаліей, который дамъ послѣ Пасхи, и надѣюсь, что онъ будетъ такой, какого еще не видѣли въ Россіи.

«PS Письмо это было уже написано, какъ до меня дошло ваше запоздавшее письмо отъ 8 прошедшаго, въ которомъ отъ имени нашей любезнѣйшей патроны вы приказываете мнѣ поддерживать извѣстное дѣло относительно инфанта Д. Карлоса. Будьте покойны, буду поступать по вашей инструкціи съ величайшимъ благоразуміемъ, не навязываясь, не заходя далеко, не отталкивая прежде времени: не буду говорить ни да, ни нѣтъ.»

Третье письмо отъ того же числа. «Въ предшествующемъ письмѣ я говорилъ вамъ о полученіи царемъ анонимнаго письма въ пользу Меншикова и о томъ, что̀ было по этому поводу сдѣлано. Теперь могу еще прибавить, что былъ посланъ курьеръ съ приказаніемъ сослать этого князя въ Якутскъ, городъ находящійся на границѣ съ Китаемъ, на разстояніи отсюда 23 тысячи версты, которыя составятъ почти три тысячи Нѣмецкихъ миль. Подозрѣвая, что это письмо вышло отъ свояченицы Меншикова, бывшей его фаворитки, по имени Варвары, которая по паденіи князя удалилась въ одинъ монастырь, ее также сослали, только въ противоположную сторону, на границу Персіи. Другой свояченицѣ князя, вдовѣ, которая покойно жила въ этомъ городѣ и отъ которой думали узнать какія-нибудь подробности, было приказано дать *кнутъ* (такъ зовется казнь, которою наказываютъ въ этой странѣ) и ее уже привязали для этого, но на исповѣди, которую здѣсь совершаютъ предъ самымъ наказаніемъ, она, какъ меня увѣряли, сказала все, чего только отъ нея хотѣли. Недавно получено извѣстіе, что жена Меншикова умерла. Болѣзнь, о которой я писалъ вамъ въ прежнемъ письмѣ, и которою заболѣлъ Остерманъ, достигла такой степени, что начали было опасаться за его жизнь, потому что онъ имѣлъ ужасный поносъ и въ тоже время постоянную рвоту; теперь впрочемъ онъ внѣ опасности и почти свободенъ отъ сказанныхъ припадковъ; Diaxion, каковою болѣзнію онъ страдаетъ, кажется не упорна, и надѣемся, что онъ въ скоромъ времени поправится. Могу увѣрить васъ, что его болѣзнь надѣлала намъ безпокойства, а особенно мнѣ: не говоря уже о громадной потери, которую бы причинила его смерть нашему Вѣнскому союзу, я здѣсь одинъ, и нѣтъ министра императора ([24]), который

([24]) т. е. Карла VI.

бы могъ мнѣ поставить на его мѣсто человѣка *менѣе другихъ враждебнаго* сказанному союзу, потому что, какъ я писалъ вамъ, Русскіе всѣ враждебны ему (т. е. союзу) и ненавидятъ иностранцевъ. Всѣ иностранные министры и всѣ иностранцы, которые уже завелись здѣсь домами, потеряли бы съ его смертью довольно. Царь навѣщаетъ его очень часто и утѣшаетъ его: онъ тоже весьма безпокоится, потому что любитъ его и имѣетъ къ нему полное довѣріе, не смотря на все, что дѣлаютъ и внушаютъ ему противъ него враги его.

«Шведскій посланникъ получилъ отъ своего Двора приказаніе поддерживать добрыя отношенія съ этимъ Дворомъ.

«Начинаемъ сомнѣваться, возвратимся ли мы этимъ лѣтомъ въ Петербургъ, потому что дано приказаніе, чтобы сюда были переведены Трибуналы, которые оставались въ Петербургѣ — признакъ, что мы остаемся здѣсь все лѣто.»

Четвертое письмо отъ того же числа. «Въ любезномъ письмѣ вашемъ отъ 15 прошлаго мѣсяца вы мнѣ отвѣчаете на то, что я писалъ вамъ о бракѣ, о которомъ здѣсь предполагаютъ, что я буду вести переговоры, именно о бракѣ между инфантомъ Д. Карлосомъ и великой княжной Натальей. Принимаю къ свѣдѣнію приказаніе Его Величества для моего руководства. Такъ какъ великая княжна теперь больна и не выходитъ изъ комнаты, мнѣ передаютъ, что всѣ ея разговоры вертятся на томъ, чтобы разузнать объ обычаяхъ и климатѣ Испаніи. И если кто скажетъ ей, что Испанія ей не понравится (она не хочетъ, чтобъ ей объ Испаніи говорили дурное, а только хорошее), она отвѣчаетъ: все равно, пусть только пріѣзжаетъ инфантъ Д. Карлосъ, тогда увидимъ. И такъ какъ ей очень нравится говорить о нашемъ Дворѣ и о вещахъ Испаніи, это и дѣлаютъ ея приближенные.»

3 Мая. Конфиденціальное. „Вчера была Пасха по ст. ст. По всѣмъ улицамъ происходитъ страшная толкотня, потому что по здѣшнему обычаю поздравляютъ съ Пасхою всякаго, давая печеное яйцо со словами: *Христосъ воскресъ*, и хотя бы то была императрица, и она должна подставлять губы для поцѣлуя, отвѣчая словами: *Воистину воскресъ.* Страстная недѣля въ Москвѣ въ католической церкви, въ которой служатъ два капуцина, здѣсь не праздновалась никогда; но мой капелланъ съ двумя капелланами графа Вратиславскаго и императорскаго резидента нынѣ позаботились устроить въ этой церкви монументъ, по Испанскому

обычаю ([25]), и такой, что заинтересовалъ какъ католиковъ, такъ и еретиковъ, которые приходили посмотрѣть наши службы, чѣмъ былъ я очень доволенъ: потому что, если и не обратятся, по крайней мѣрѣ пусть видятъ наше благоговѣніе, съ которымъ мы служимъ Царю царей.

«Кардиналъ Бентиволіо для моего капеллана, доминиканца отца Бернарда де-Рибера, выпросилъ у папы титулъ апостольскаго миссіонера. Это даетъ ему тотъ же авторитетъ, какой имѣютъ и здѣшніе миссіонеры. Я просилъ этой милости, потому что она возвышаетъ капелланов Испанскихъ министровъ въ этой странѣ, и теперь они уже не зависимы ни отъ кого и могутъ въ своей ораторіи отправлять всѣ религіозныя службы.

«Наконецъ я получилъ извѣстіе, что графъ Вратиславскій пріѣхалъ въ Данцигъ 9 прошедшаго мѣсяца, и думаю, что теперь онъ уже близъ Петербурга. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, какъ онъ мнѣ пишетъ, онъ не останется долго, развѣ только для устройства домашнихъ дѣлъ. Я съ нетерпѣніемъ жду его пріѣзда, потому что здѣшній императорскій резидентъ Гогенцоллернъ такой величайшій глупецъ, какого я еще не видалъ въ моей жизни: онъ не думаетъ ни о чемъ, рѣшительно не понимаетъ дѣлъ этой страны, хотя и прожилъ здѣсь семь лѣтъ. Только секретарь посольства, Караме, который былъ у покойнаго Рабутина и имѣетъ приказаніе служить и съ Вратиславскимъ, утѣшаетъ меня: какъ резидентъ не способенъ, такъ этотъ способенъ служить императору своему государю; онъ уменъ и понимаетъ вещи и, при этомъ, человѣкъ религіозный и нравственный. Нашъ Каскосъ здоровъ какъ быкъ, благодаря моему леченію. Сначала онъ чувствовалъ себя не такъ-то хорошо, и я замѣтилъ, что это было потому, что онъ пилъ одну воду, которая здѣсь плоха, и разстроивалъ желудокъ. По моему совѣту онъ сталъ пить ее въ смѣси съ виномъ, и теперь чувствуетъ себя превосходно.

«Начинается прекраснѣйшее время, которое всѣхъ зоветъ на дачи. И я сдѣлаю тоже, что и другіе. Я уже почти нанялъ себѣ красивенькую дачу въ полмилѣ отсюда.

([25]) Монументъ этотъ выставляется въ Великій Четвертокъ и соотвѣтствуетъ нашей плащаницѣ. Въ Испаніи устраиваютъ его самымъ разнообразнымъ образомъ: онъ бываетъ или въ видѣ пещеры, или въ видѣ храма, всегда съ артистически разставленными свѣчами.

«Что касается моего праздника, мнѣ придется отложить его еще, потому что [illegible]ова неповоротливость здѣшнихъ работниковъ: они не приготовятъ всего къ 12 числу (ст. ст.), которое я было назначилъ для праздника.»

Другое письмо отъ 3 Мая. «Вчера былъ день Пасхи по ст. ст. Всѣ иностранные министры были съ проздравленіемъ у царя, который принялъ всѣхъ съ величайшею любезностію. Я по обыкновенію былъ почтенъ особеннымъ отличіемъ отъ него, какъ и отъ его сестры великой княжны и отъ принцес. Елисаветы. Баронъ Остерманъ совершенно здоровъ и сопровождаетъ царя во всѣхъ церемоніяхъ. Ненависть противъ него продолжаетъ развиваться съ жестокостію, которую не скрываютъ; особенно это выказываетъ фаворитъ царя, князь Иванъ Долгорукій. И какъ онъ пользуется неограниченною милостію, то онъ даетъ исходъ своему зложелательству при удобномъ случаѣ. Поздравивши съ Пасхою царя, я отправился съ тѣмъ же къ Остерману. Начавъ разговоръ о настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ мнѣ сказалъ, что я могу увѣрить короля нашего государя въ непремѣнномъ намѣреніи царя твердо держаться обязательствъ, принятыхъ имъ по Вѣнскому трактату и что онъ съ своей стороны желаетъ того же, и что, хотя бы онъ удалился изъ министерства, его дружба къ союзникамъ неизмѣнна.»

10 Мая. «Послѣ того какъ я отослалъ вамъ послѣднее письмо, царь уѣхалъ отсюда за двадцать миль, такъ что неизвѣстно когда онъ воротится; поэтому и я не могу знать, когда я дамъ свой праздникъ, потому что нужно дождаться возвращенія Его Царскаго Величества. Ея высочество великая княжна послѣдніе два мѣсяца была очень опасно нездорова; вчера вышла на воздухъ первый разъ и, хотя медики опасаются, что она больна лихорадочной чахоткой, нужно впрочемъ надѣяться, что при своемъ крѣпкомъ тѣлосложеніи съ хорошей погодой она поправится въ скоромъ времени. Царицу, бабку Его Величества, третьяго дня, поразилъ въ церкви апоплексическій ударъ, который впрочемъ не имѣлъ роковыхъ послѣдствій. Принцесса Елисавета сопровождаетъ царя въ его охотѣ, оставивши здѣсь всѣхъ своихъ иностранныхъ слугъ и взявши съ собою только одну Русскую даму и двухъ Русскихъ служанокъ. Баронъ Остерманъ тоже отправился съ Его Величествомъ. Ненависть къ нему туземцовъ все больше и больше возрастаетъ. Поводовъ къ этому особенныхъ нѣтъ, кромѣ того, что онъ иностранецъ. Хуже всего то, что

князь Иванъ Долгорукій объявилъ себя врагомъ Остермана; послѣдній видитъ, что Русскіе ищутъ его погибели и начинаетъ тоже заявлять, что онъ хочетъ удалиться и жить частною жизнію.

«Признаюсь, при этихъ придворныхъ интригахъ очень затруднительно положеніе иностранныхъ министровъ, потому что всякій, кто объявляетъ себя другомъ Остермана, врагъ князя Ивана Долгорукаго, а Остерману тоже не нравится, когда угождаютъ тмоу. При всемъ этомъ, я успѣлъ сдѣлаться другомъ обоихъ, давая имъ знать, что я здѣсь вовсе не для того, чтобы мѣшаться въ дѣла Двора: я отношусь съ безконечнымъ довѣріемъ къ Долгорукому, съ которымъ впрочемъ никогда не говорю о дѣлахъ наиболѣе существенныхъ; вижусь часто и съ другимъ (т. е. Остерманомъ), говорю съ нимъ съ величайшею откровенностію и увѣренъ, что заслужилъ его искреннюю любовь. Для графа Вратиславскаго будетъ затруднительно вступленіе въ эту столицу, потому что всѣ будутъ смотрѣть, къ какой сторонѣ онъ пристанетъ. Предупрежу его о всемъ, чтобы онъ при своемъ зрѣломъ и здравомъ сужденіи могъ безошибочно стать въ такое положеніе, какое намъ нужно. Мнѣ уже говорили, что если онъ хочетъ что либо начать, то долженъ прежде всего сблизиться съ Долгорукимъ, а если напротивъ сблизится напередъ съ Остерманомъ, то сдѣлается его открытымъ врагомъ. Такимъ только образомъ онъ откроетъ путь къ дружбѣ съ обоими.»

Другое письмо того же числа. «За день до отъѣзда царя на охоту, князь Иванъ говорилъ мнѣ, что царь желалъ бы имѣть Испанскихъ муловъ, и потому что онъ не видѣлъ ихъ никогда и потому что слышалъ, что Испанскіе мулы очень красивы.»

Третье письмо отъ того же числа. Конфиденціальное. «Чрезъ недѣлю я переѣзжаю жить на прекрасную дачу, которую нанялъ по близости Москвы. Праздникъ свой дамъ уже по возвращеніи царя. Изъ моего оффиціальнаго письма вы увидите, какъ нужно быть здѣсь осторожнымъ. Но при помощи Божіей, надѣюсь побѣдить эти затрудненія, не смотря на бездну подводныхъ камней, какіе встрѣчаются въ громадномъ морѣ этого Двора.»

17-го Мая. «Царь еще не возвратился съ охоты. Бабка поправилась, и великая княжна мало по малу поправляется. Въ день св. Филиппа по ст ст. я далъ бэнкетъ 20 лицамъ изъ самаго высшаго общества.»

24-го Мая. «Этотъ монархъ еще не возвратился съ охоты, такъ что герцогиня Курляндская, уставъ ждать его чтобы проститься съ нимъ, три дня тому назадъ сама отправилась искать его, чтобы послѣдній разъ поцѣловать Его Величество и тотчасъ же возвратиться въ свою резиденцію, въ Митаву.

«Вчера я видѣлся съ Шведскимъ посланникомъ, который мнѣ говорилъ, что имѣетъ отъ своего Двора положительное приказаніе публично говорить, что только лжецы и враги общественнаго спокойствія разсѣеваютъ вѣсти, будто король его государь хочетъ сдѣлать разрывъ съ Россіей.

«Нѣсколько дней тому назадъ ходили слухи, что пріѣхалъ изъ Украйны курьеръ съ извѣстіемъ, будто Татары, въ числѣ 50 тысячь, готовы подняться и наводнить сказанную провинцію. Но допытываясь, я узналъ, что фельдмаршалъ князь Долгорукій, который командовалъ въ Персіи и получилъ дозволеніе возвратиться сюда, пріѣхалъ въ Царицынъ, пограничный городъ Астраханскаго царства, расположенный на Волгѣ и граничащій съ Украйной и что на пути онъ имѣлъ встрѣчу съ Татарами, въ которой было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, но, не смотря на это Татары все таки не хотятъ разрыва съ этимъ Дворомъ.

«Вы помните, что въ письмѣ отъ 10 Января я извѣщалъ васъ о сватовствѣ графа Маврицiя Саксонскаго. Здѣшнее министерство сначала отнеслось было благосклонно къ этому предложенію, но вдругъ прервало переговоры и заставило молчать тѣхъ, кто хлопоталъ по этому дѣлу. Князь Иванъ Долгорукій мнѣ сказалъ откровенно, что предложеніе графа ненавистно всему Двору: это меня утверждаетъ въ той мысли, что Долгорукій самъ влюбленъ въ принцессу Елисавету.

«18 Мая, въ день возшествія на престолъ царя, весь Дворъ былъ во дворцѣ для принесенія поздравленія великой княжнѣ, и она сдѣлала намъ честь приказать намъ остаться обѣдать съ ея высочествомъ, какъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ, такъ и нѣкоторымъ дамамъ и кавалерамъ перваго ранга. Мнѣ, какъ обыкновенно всегда дѣлалось доселѣ, она указала первое мѣсто между мужчинами.»

Другое письмо отъ того же числа. «Узнавши, что изъ Англіи выѣхалъ въ эту столицу консулъ, я счелъ своею обязанностію спросить Остермана, какъ его здѣсь примутъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ еще не знаетъ, ѣдетъ ли дѣйствительно сюда такой господинъ, но во всякомъ случаѣ, если пріѣдетъ и представитъ свои кредитивныя грамоты, они-де

не могутъ не принять его. Я сказалъ ему, что это конечно такъ, но что будемъ надѣяться, что ни этотъ министръ (т. е. консулъ), ни другой министръ Англіи не измѣнятъ добрыхъ отношеній, существующихъ между Россіей, королемъ нашимъ государемъ и императоромъ, и что первая никогда не отстанетъ отъ Вѣнскаго союза. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что я могу быть увѣреннымъ, что царь твердо сдержитъ обязательства, принятыя имъ на себя и что я могу въ этомъ увѣрить и короля нашего государя; что онъ не колеблясь даже можетъ сказать мнѣ, что слышалъ, будто Англичане имѣютъ здѣсь секретныхъ эмиссаровъ, которые сѣютъ множество денегъ, что онъ-де не знаетъ, дѣйствительно ли это правда или нѣтъ, но что еслибы это была и правда, онъ можетъ меня увѣрить, что всѣ ихъ деньги не въ состояніи склонить Россію въ пользу Ганноверскаго союза. Я ему отвѣчалъ, что не слышалъ этого извѣстія, но что оно меня не безпокоитъ, пока бразды правленія въ его рукахъ, потому что я хорошо знаю образъ его мыслей и его неподкупность и, имѣя его на своей сторонѣ, мы не должны бояться другихъ.

«Я также долженъ сообщить вамъ, что это министерство теперь занято допросами множества арестованныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ къ лицамъ высшей сферы, и неизвѣстно, въ чемъ ихъ обвиняютъ: одни изъ нихъ друзья Меншикова, а другіе его враги. Первые, какъ говорятъ, подкапывались подъ настоящее правительство и на допросахъ, какъ меня увѣряли, они указывали на Левенвольда; и такъ какъ его страшно ненавидятъ, то его пожалуй тоже арестуютъ, не смотря на покровительство Остермана, потому что его ненавидятъ не только всѣ Русскіе и князь-фаворитъ, но даже и самъ царь: это извѣстіе я получилъ отъ его собственнаго брата, который мнѣ открылъ это, бывъ подъ вліяніемъ Бахуса.

Третье письмо отъ того же числа. «Познакомившись здѣсь ближе, я натолкнулся на вещь, внушающую мнѣ идею, которую было бы весьма хорошо перевести на практику. Здѣсь есть мануфактура парусовъ и полотенъ для моряковъ и пр. такого хорошаго качества, что нѣтъ лучшихъ въ Европѣ. Я былъ лично на этой мануфактурѣ, разсматривалъ товары и разузналъ цѣны. Я нашелъ, что противъ покупаемыхъ въ Голландіи купленные здѣсь прямо, они обойдутся четвертью цѣны дешевле. Такъ какъ король нашъ государь покупаетъ большое количество этихъ

товаровъ въ Голландіи, мнѣ кажется, покупая ихъ здѣсь изъ первыхъ рукъ, онъ сдѣлалъ бы большую экономію для казначейства.

31 Мая. „Царь воротился съ охоты дня на два и послѣ завтра уѣзжаетъ опять."

7 Іюня. „2 Іюня я отправился къ Остерману съ намѣреніемъ подробно переговорить съ нимъ о разныхъ дѣлахъ для донесенія вамъ. Его сіятельство принялъ меня. Но передъ входомъ въ его комнату, я замѣтилъ, что въ другую дверь входилъ князь Алексѣй Долгорукій, съ нимъ другой сынъ его ([26]) и оберъ-каммергеръ ([27]). Я замѣтилъ, что послѣдній очень покраснѣлъ и смутился. Предполагая, что они о чемъ-то хотятъ говорить на свободѣ, я укоротилъ свой визитъ и ушелъ. На слѣдующій день я отправился къ князю Ивану. Мнѣ не удалось долгое время остаться съ нимъ на единѣ, чтобы выпытать отъ него, что̀ именно произошло въ предшествующій день съ Остерманомъ; онъ мнѣ только сказалъ, что этотъ (Остерманъ) забралъ себѣ въ голову смѣлыя идеи и что почти плача говорилъ ему, что впередъ не желаетъ говорить съ Его Величествомъ ни о какомъ дѣлѣ, развѣ только въ его присутствіи и что усерднѣйше проситъ его удостоить его своей дружбы, на что̀-де онъ князь Иванъ Долгорукій отвѣчалъ весьма вѣжливо. На другой день, т. е. 4 Іюня пришелъ ко мнѣ обѣдать посланникъ Бланкенбурга и имѣлъ со мною длинную конференцію. Онъ началъ съ того, что зная-де, какъ я желаю добра этой монархіи, онъ никому не можетъ лучше открыть своего сердца, какъ мнѣ, потому что я-де моими вліяніями много могу способствовать къ постановкѣ здѣшнихъ дѣлъ на хорошую ногу. Послѣ этого предисловія онъ мнѣ сказалъ, что царю непремѣнно нужно возвратиться въ свою резиденцію въ Петербургъ, не только потому, что онъ тамъ ближе къ другимъ государствамъ Европы, но и потому, что тамъ будутъ на его глазахъ его флотъ и вновь завоеванныя провинціи, которымъ грозитъ погибель, если тамъ не будетъ Его Величество лично; что Русскіе только и думаютъ о томъ, какъ бы удержать его (царя) здѣсь, но что если бы я могъ повліять на князя Долгорукаго и убѣдить его возвратиться въ Петербургъ, мы бы успѣли въ своемъ намѣреніи;

([26]) Вѣроятно князь Николай, къ которому онъ впослѣдствіи ревновалъ кн. Ивана.

([27]) Т. е. князь Иванъ-фаворитъ.

что онъ-де знаетъ о моей дружбѣ съ Долгорукимъ и что никто-де лучше меня не можетъ убѣдить его добрыми резонами согласиться на это, представивъ это его заслугою предъ Вѣнскимъ Дворомъ. Все это показалось мнѣ основательнымъ, и я сдѣлаю съ своей стороны все для убѣжденія Долгорукаго, лишь только царь возвратится съ охоты въ городъ. Но всѣ эти обстоятельства наводятъ меня вотъ на какія соображенія. Посланникъ Бланкенбурга есть искренній и довѣренный другъ Остермана. Въ тотъ день, лишь только удалились Долгорукіе, онъ приходилъ къ Остерману и оставался у него очень долго; а чрезъ два дня вотъ приходитъ ко мнѣ и безъ видимой причины говоритъ мнѣ то, что я передалъ вамъ выше. Это мнѣ даетъ основаніе догадываться, что именно произошло на конференціи, которую имѣлъ Остерманъ съ Долгорукими: это вѣрно былъ вопросъ о возвращеніи Двора въ Петербургъ, котораго желаетъ Остерманъ и которому противятся тѣ двое (Долгорукіе). И посланникъ Бланкенбурга все это мнѣ говорилъ, вѣрно, по приказанію Остермана, который, зная, что фаворитъ Его Величества особенно внимателенъ ко мнѣ, внушилъ ему убѣждать меня, какъ будто лично отъ себя, войти на этотъ счетъ въ переговоры съ Долгорукимъ. Попытаюсь сдѣлать это и донесу вамъ, что изъ этого выйдетъ.

«5 Іюня я опять отправился къ Остерману, чтобы переговорить съ нимъ о предметѣ, о которомъ хотѣлъ было говорить въ предшествующій неудавшійся мой визитъ. Два собственно пункта, о которыхъ мнѣ нужно было съ нимъ переговорить, первый: — это существующіе въ настоящее время слухи, что Турки намѣреваются напасть на эту монархію, и второй: — я подозрѣваю, что Англичане ведутъ здѣсь подземную работу, чтобы удалить эту монархію отъ обязательствъ, связующихъ ее по отношенію къ сторонникамъ Вѣны, и что они дѣйствуютъ для этого чрезъ посланника Вольфенбюттеля, государь котораго, какъ вамъ не безъ извѣстно, приступилъ къ Ганноверскому трактату и получаетъ субсидіи отъ Англійскаго Двора. Касательно перваго пункта я сказалъ Остерману, что если это правда, то Его Царское Величество долженъ бы дать знать союзникамъ обо всемъ, что затѣваютъ Турки. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что почти можетъ увѣрить меня, что со стороны Турокъ нечего бояться (хотя они теперь и подошли къ Русскимъ границамъ) по слѣдующимъ обстоятельствамъ: въ Кубанской провинціи между Татарами произошло большое возмущеніе противъ Крымскаго Хана, который считается ца-

ремъ ихъ всѣхъ. Калмыки, зависящіе отъ этой (Русской) монархіи, подняли оружіе въ пользу предводителя этого возмущенія; они, разбивши Крымскихъ Татаръ, поставили Кубанскимъ Ханомъ бунтовщика и ушли въ свою землю. Турки, взявшіе сторону Крымскаго Хана, приказали визирю Азова съ регулярными войсками отправиться для умиротворенія края и для того, чтобы возвратить дѣла въ первобытное положеніе; при этомъ они дали увѣреніе здѣшнему Двору, что не имѣютъ намѣренія провозглашать разрывъ съ нимъ и чтобы здѣсь не безпокоились ни о чемъ, что они-де возвратятся въ свои владѣнія, лишь только накажутъ бунтовщиковъ Кубанскихъ. Остерманъ прибавилъ, что положеніе дѣлъ именно таково, но что всегда хорошо быть предусмотрительнымъ на всякій случай, а потому войскамъ Украйнской провинціи и дано приказаніе наблюдать за движеніями невѣрныхъ, такъ какъ въ добавокъ можетъ случиться, что нѣкоторые изъ Татаръ ворвутся въ эту страну и будутъ опустошать ее подъ предлогомъ наказанія Калмыковъ. Я отвѣчалъ барону Остерману благодарностію за эти свѣдѣнія. При этомъ я замѣтилъ ему, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я уже сообщалъ ему свое подозрѣніе на счетъ сношеній Англичанъ и Шведовъ съ Оттоманскою Портою и что я и теперь остаюсь твердо съ тѣми же подозрѣніями и боюсь, что все это возмущеніе Татаръ не больше, какъ предлогъ напасть внезапно на Россію, тѣмъ болѣе, что Турки теперь уже на границѣ, а зная ихъ коварство, нельзя много полагаться на ихъ завѣренія, будто они не имѣютъ худыхъ намѣреній; при чемъ теперешнее поведеніе Швеціи именно убѣждаетъ меня, что она не пощадитъ никакихъ усилій, чтобы поднять Турокъ на войну противъ Россіи, въ каковомъ случаѣ она сама нападетъ на Россію со стороны Финляндіи. На это замѣчаніе онъ мнѣ отвѣчалъ, что хотя онъ, также какъ и я, увѣренъ, что Англичане и Шведы сносятся съ Турками, но что онъ того мнѣнія, что эти послѣдніе теперь не могутъ предпринять войны не только потому, что еще не оправились отъ потерь, претерпѣнныхъ ими въ войнѣ съ Персіею, но также и потому, что имъ кажется опять предстоитъ дѣло въ той же странѣ, потому что весьма усилилась партія законнаго сына Софи, который удалился въ провинцію Астрабадъ, оставшуюся еще въ его рукахъ и отъ котораго пріѣхалъ къ Русскимъ границамъ посланникъ; что, поэтому, можно опасаться, чтобы похититель престола Эзрефъ не былъ низвергнутъ и наказанъ за свое похищеніе.

«Послѣ этого я перешелъ къ другому пункту: относительно своего подозрѣнія о подземныхъ ковахъ Англичанъ. Я сказалъ барону, что въ этомъ не сомнѣваюсь и что мнѣ кажется, что они добиваются двухъ цѣлей: втянуть этотъ Дворъ въ войну съ Турціей и Швеціей и отвлечь его отъ Вѣнскаго союза, дабы быть болѣе неумолимыми на предстоящемъ конгрессѣ, когда намъ не будетъ доставать такого могущественнаго союзника; что я-де подозрѣваю, что это дѣло взялъ на свою обязанность посланникъ Вольфенбюттеля, для чего я имѣю слѣдующія основанія: сказанный посланникъ уже просилъ для себя у царя прощальной аудіенціи и продалъ всю свою рухлядь, чтобы возвратиться къ своему Двору, и вдругъ получаетъ приказаніе остаться здѣсь, хотя мы очень хорошо знаемъ, что герцогъ Вольфенбюттеля не имѣетъ здѣсь особенно важныхъ дѣлъ, о которыхъ бы нужно было ему вести переговоры и удерживать здѣсь своего посланника, получившаго было уже приказаніе возвратиться. Кромѣ того, небезъизвѣстно, что герцогъ оставилъ Вѣнскій союзъ и присоединился къ Ганноверскому трактату, что получаетъ очень значительныя субсидіи отъ Лондонскаго Двора и что оттуда же присланы значительныя суммы посланнику, и всѣ знаютъ, что вѣдь этихъ суммъ не требуется на его личные расходы, потому что расходы, которые онъ лично дѣлаетъ, очень ограничены; что при этомъ, онъ очень часто посѣщаетъ членовъ Верховнаго Совѣта, и что по всѣмъ этимъ причинамъ я считаю его агентомъ Англіи; но что я-де не боюсь всѣхъ его происковъ, пока въ министерствѣ остается онъ—Остерманъ, такъ какъ знаю его за такого усерднаго приверженца Вѣнскаго союза и за такого религіознаго исполнителя своихъ обязательствъ. Баронъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ-де доселѣ не имѣлъ свѣдѣній о похожденіяхъ посланника Вольфенбюттели, что онъ былъ бы благодаренъ, еслибы я разузналъ, кто именно трактуетъ съ нимъ и съ какими министрами онъ видится всего чаще; что, правда, онъ слышалъ, будто Англичане сорятъ здѣсь много денегъ, но не зналъ этого за вѣрное и что во всякомъ случаѣ можетъ увѣрить меня, что царь не приметъ никакого предложенія, которое бы ставило его въ противорѣчіе съ обязательствами Вѣнскаго союза; что пока король нашъ государь будетъ твердо держаться взятыхъ имъ на себя обязательствъ, до тѣхъ поръ будетъ твердо держаться ихъ и Его Царское Величество. На это я ему возразилъ тѣмъ, что показалъ ему то, что мнѣ пишетъ дукъ де-Бурнонвиль, что на конгрессѣ онъ бу-

детъ крѣпко стоять за интересы всѣхъ нашихъ союзниковъ и особенно за интересы царя. Баронъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ также далъ приказаніе Русскимъ уполномоченнымъ дѣйствовать въ согласіи съ дукомъ.

«Объ всемъ этомъ я считаю своею обязанностію дать отчетъ Его Величеству. При этомъ я считаю нужнымъ прибавить, что хотя этотъ Дворъ и хочетъ успокоить насъ, что бояться нечего, но я все таки боюсь, чтобы Турки не напали на эту монархію, а еще болѣе того, что Шведы могутъ объявить себя за Турокъ; я боюсь за крѣпость Кіевъ, столицу Украйны и границу Тартаріи и Польши, которая почти беззащитна, потому что эта монархія послѣ примиренія съ Оттоманами не подумала объ укрѣпленіи своихъ границъ. По всему этому очень я радъ, что у насъ не заключенъ еще трактатъ съ Россіей и слѣд. король нашъ государь не принялъ на себя никакого обязательства, какъ то сдѣлалъ императоръ на случай войны съ Турками въ Европѣ.

«Я также долженъ сообщить вамъ, какъ положительно мнѣ извѣстное, что посланникъ Вольфенбюттеля добивался попасть въ милость у князя Ивана Долгорукаго для того, чтобы успѣшнѣе вести свои негоціаціи. Послѣдняго я предупредилъ объ этомъ, и онъ мнѣ обѣщалъ, что въ случаѣ если тотъ заговоритъ ему въ пользу Англіи, онъ ему отвѣтитъ, что царь его государь вступилъ въ обязательства съ союзниками Вѣны, отъ которыхъ ничто не въ состояніи заставить его отказаться. При этомъ я выразилъ увѣренность, что императоръ въ скоромъ времени напишетъ царю, изъявляя свое удовольствіе, что Его Царское Величество питаетъ такое неограниченное довѣріе къ его сіятельству, который умѣетъ держаться его стороны. Эта лесть ему очень понравилась. Я и въ самомъ дѣлѣ чрезъ посредство секретаря посольства (Германскаго), который находится здѣсь, внушалъ Вѣнскому Двору сдѣлать эту демонстрацію, которая можетъ быть очень полезна».

Другое письмо отъ того же числа. «Въ разговорѣ, который я имѣлъ третьяго дня съ барономъ Остерманомъ, онъ спросилъ меня конфиденціально, не полученъ ли отвѣтъ короля нашего государя на письмо, которое этотъ монархъ писалъ Его Величеству прошлый годъ съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на престолъ. Признаюсь, меня поразилъ этотъ вопросъ, и я сказалъ барону, что не сомнѣваюсь, что отвѣтъ Его Величества не замедлитъ придти. Онъ при этомъ сказалъ мнѣ, чтобъ я не понималъ его такъ, будто онъ дѣлаетъ личное замѣчаніе объ этомъ

опущеніи, но что онъ теперь припоминаетъ, что объ этомъ съ нѣкоторымъ недовольствомъ говорено въ канцеляріи. Я усерднѣйше просилъ его не приписывать замедленія отвѣта ничему иному, какъ невольной забывчивости, такъ какъ король государь нашъ находится въ постоянныхъ путешествіяхъ.»

Третье письмо отъ того же числа. Конфиденціальное. Въ письмѣ отъ 12 Апрѣля маркезъ де-ля-Насъ извѣщалъ дука де-Лирія, что Испанскій король согласился послать царю 6 Андалузскихъ лошадей; сообщивъ эту вѣсть царю, дукъ де-Лирія пишетъ: «Царь прыгаетъ отъ удовольствія, получивъ это извѣстіе».

«Получено донесеніе о смерти герцогини Голштинской, принцессы красивѣйшей въ Европѣ. Но это отнюдь не заставило царя отложить поѣздку на охоту въ окрестности, хотя и безъ принцессы Елисаветы, которая осталась въ городѣ по случаю траура по сестрѣ».

14 Іюня. Вчера приходилъ ко мнѣ церемоніймейстеръ сказать мнѣ по приказанію царя, что наложенъ трауръ по покойной герцогинѣ Голштинской, его теткѣ, и что этотъ трауръ продолжится три мѣсяца. Его Царское Величество будетъ носить строгій трауръ шесть недѣль, а принцесса Елизавета шесть мѣсяцевъ; мы же будемъ носить обыкновенный трауръ, который также будутъ носить камергеры и слуги высшаго ранга.

«Молодой баронъ Мардефельдъ получилъ приказаніе принять характеръ экстраординарнаго посланника (Пруссіи), изъ чего видно, что тотъ Дворъ хочетъ польстить этому для какого-нибудь дѣла.

«Шведскій посланникъ былъ на дняхъ у великаго канцлера и подробно говорилъ ему о претензіяхъ, которыя король его государь имѣетъ къ этому Двору; въ заключеніе хотѣлъ было вручить ему записку о всемъ, что излагалъ ему словесно, но великій канцлеръ не хотѣлъ ничего брать письменнаго, что того очень оскорбило; и два дня тому назадъ онъ мнѣ говорилъ, что невыносимо, какъ Русскій Дворъ трактуетъ короля его государя и что очень можетъ случиться, что не нынѣ такъ завтра онъ получитъ приказаніе уѣхать отсюда, не простившись.

«Сюда пріѣхалъ одинъ офицеръ, который встрѣтилъ князя Меншикова въ Тризнѣ (?), на пути къ мѣсту ссылки, совершенно здоровымъ. Въ здѣшней столицѣ были слухи, что умерла его жена, но этотъ офицеръ говоритъ, что она жива и только въ параличѣ; онъ предполагаетъ что теперь онъ уже приближается къ Тобольску, главному городу Сибири.

гдѣ остановится только для отдыха и оттуда продолжитъ свой путь по водѣ до Березоваго острова, назначеннаго мѣстомъ его ссылки. Ему положенъ рубль на каждый день, рубль его женѣ и по рублю каждому изъ дѣтей, по десяти копѣекъ на каждаго слугу, которыхъ у него десять, что составитъ одно песо на всѣхъ; и такъ всего онъ имѣетъ шесть рублей, приблизительно на Испанскія деньги около шести песовъ для пятнадцати человѣкъ, потому что дѣтей у него трое.

«Царь еще не возвратился съ охоты, но надѣятся, что воротится на этой недѣли. Такъ какъ у меня все готово къ празднику, то я дамъ его тотчасъ же, лишь только возвратится Его Царское Величество».

Другое письмо отъ того же числа. «Въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 12 Апрѣля вы меня извѣщаете, что, по причинѣ измѣненія обстоятельствъ и политической системы Европы, Его Величество не имѣетъ причинъ въ настоящее время заключать особаго трактата съ этимъ Дворомъ, и поэтому онъ мнѣ приказываетъ отклонить его заключеніе такъ, чтобы не давать повода ни къ недовѣрію, ни къ подозрѣнію въ разномысліи. Принимаю къ свѣдѣнію приказаніе Его Величества и постараюсь исполнить его во всей точности, надѣясь сдѣлать угодное Его Величеству и съ осторожностію отклонить заключеніе проэктированнаго трактата. При этомъ вы меня предупреждаете, что для достиженія этой цѣли я могу предложить проэктъ трактата взаимной торговли, который могъ бы послужить къ выгодѣ обѣихъ націй и что это дѣло не мѣшало бы поставить такъ, чтобы трактовать о немъ было поручено Русскому министру, находящемуся въ Мадритѣ.

«Во исполненіе вашего предупрежденія, нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ случай говорить съ барономъ Остерманомъ о торговлѣ этой монархіи и по этому поводу сказалъ ему, что, мнѣ кажется, было бы выгодно Его Царскому Величеству установить прямую торговлю съ нашей монархіей, что могло бы быть величайшимъ благодѣяніемъ для этой (монархіи). Онъ мнѣ отвѣчалъ, что думаетъ также, какъ и я, и что былъ бы очень радъ установить эту торговлю, потому что это еще больше сблизило бы оба государства. При этомъ онъ спросилъ меня: а въ какомъ бы духѣ можно было заключить трактатъ? Я отвѣчалъ ему, что не знаю, какія привилегіи король мой государь дастъ Русской націи, но что мнѣ кажется, что нормою могъ бы служить трактатъ навигаціи и торговли, заключенный между королемъ нашимъ государемъ и императоромъ (Гер-

манскимъ). Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не видѣлъ этого трактата. Я предложилъ ему сообщить его. И въ самомъ дѣлѣ я тотчасъ же перевелъ сказанный трактатъ, опустивши тѣ статьи, которыя по моему мнѣнію не слѣдовало уступать Россіи, и отослалъ ему этотъ переводъ. Чрезъ два дня онъ говорилъ мнѣ, что онъ просмотритъ его и отмѣтитъ тѣ пункты, которыхъ могъ бы потребовать этотъ монархъ отъ нашего и о которыхъ бы можно вести переговоры. Я скромно замѣтилъ ему, что такъ какъ князь Щербатовъ практиченъ въ торговлѣ, можно бы поручить ему трактовать объ этомъ въ Мадритѣ. Но баронъ возразилъ мнѣ рѣшительно, что такъ какъ въ трактатѣ будетъ рѣчь не о товарахъ, а о привиллегіяхъ, то лучше трактовать о послѣднихъ здѣсь, потому что здѣсь же есть министръ короля, а послѣ можно избрать нѣсколько практическихъ людей для того, чтобы условиться и о товарахъ, которые должны составить взаимную торговлю, — послѣднее можно сдѣлать, все равно, или здѣсь или даже въ Мадритѣ.

«Я теперь больше чѣмъ когда-нибудь убѣжденъ, что посланникъ Вольфенбюттеля есть агентъ Англіи: я поставилъ надъ нимъ теперь шпіона, который будетъ доносить мнѣ объ всемъ, что́ онъ дѣлаетъ».

21 Іюня. «Меня очень безпокоитъ болѣзнь принца ([26]). Дай Богъ, чтобы онъ отправился отъ нея, и тогда она можетъ послужить ему еще къ укрѣпленію его здоровья.

«Этотъ монархъ еще не возвратился въ городъ, но надѣюсь, что возвратится на этихъ дняхъ. Вчера я отправилъ къ князю Долгорукому, его фавориту, курьера съ извѣстіемъ, что у меня все готово къ моему празднику; я прошу его устроить дѣло такъ, чтобы Его Царское Величество назначилъ для праздника одинъ изъ дней непремѣнно этой недѣли, потому что чрезъ восемь дней наступитъ постъ, который продолжится до Петрова дня.

«Здѣсь ходятъ разсказы и разсказы ужасные о Дворѣ, и могу увѣрить васъ по всей правдѣ, что никто изъ иностранныхъ министровъ, кромѣ меня, не знаетъ истины объ этихъ разсказахъ. Князь Иванъ Долгорукій, фаворитъ царя, какъ я уже писалъ вамъ, есть врагъ Остермана, а отецъ его, князь Алексѣй, слѣпой другъ барона и думаетъ, что

([26]) Донъ Карлосъ, предполагаемый женихъ Натальи Алексѣевны, который былъ въ это время боленъ оспой.

нѣтъ другаго человѣка въ мірѣ такого умника, какъ Остерманъ. Князь Алексѣй человѣкъ не дальновидный, и его глупость простирается до того, что онъ завидуетъ царской милости къ сыну и желаетъ его паденія, чтобы въ милость царя попалъ другой, который былъ бы по праву Остерману; не проходитъ дня, чтобы онъ не бранился съ сыномъ изъ-за Остермана— и бѣдный молодой человѣкъ въ такомъ отчаяніи, что желаетъ, чтобы царь пересталъ его любить и удалилъ его отъ себя. Друзья его дѣлаютъ все возможное, чтобы поддержать въ немъ духъ, и царь далъ ему слово сдѣлать все къ его удовольствію, хотя бы это было гибелью его враговъ; но онъ такъ отличается умомъ и характеромъ, что лучше желалъ бы быть свободнымъ вовсе отъ всѣхъ этихъ придворныхъ интригъ (*). Его сторонникамъ стоитъ не малаго труда убѣждать его, чтобы онъ не бросилъ всего. Принцесса Елисавета не думаетъ ни о чемъ, кромѣ удовольствій, и не рѣшается говорить царю ни о чемъ, хотя она и другъ фаворита и другъ Остермана.

«Я также долженъ сообщить вамъ, что слышалъ, будто графъ Вратиславскій везетъ приказаніе вести переговоры о бракѣ принцессы Елисаветы съ Д. Мануэлемъ Португальскимъ. Когда пріѣдетъ графъ, увижу, довѣрится ли онъ мнѣ въ этомъ; а если нѣтъ, постараюсь проникнуть, въ чѣмъ тутъ дѣло, чтобы донести вамъ для сообщенія Его Величеству. Конечно, если бы эту принцессу было можно выдать за мужъ вонъ отсюда, это было бы удивительное дѣло, потому что она еще постоянно лелѣетъ мысль взойти на престолъ, вышедъ за мужъ за царя, почему здѣсь всякій министръ, который бы захотѣлъ затѣять переговоры о выдачѣ ея за мужъ вонъ изъ Россіи, встрѣчаетъ величайшія затрудненія. Впрочемъ, не думаю, чтобы было вовсе невозможно добиться этого настойчивостію и ловкостію.

«Англичане продолжаютъ свою подземную работу, какъ я слышалъ, и я дѣлаю всевозможныя усилія, чтобы воспрепятствовать имъ стать здѣсь твердою ногою. Жду съ нетерпѣніемъ графа Вратиславскаго, чтобъ онъ помогъ мнѣ въ этомъ. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга, и думаю, что пріѣдетъ сюда на этой недѣлѣ.

(*) Таковъ былъ именно характеръ знаменитаго князя Ивана. Сличи Записки жены его, княгини Натальи Борисовны въ Р. Арх. 1867 стр. 9. *П. Б.*

«Вчера, въ день св. Троицы по стар. ст., я былъ во дворцѣ поздравить великую княжну съ праздникомъ, и ея высочество сдѣлала мнѣ особенную честь оставить меня обѣдать, посадила меня рядомъ съ собою, пила за здоровье Ихъ Величествъ и за возстановленіе здоровья принца; изъ иностранныхъ министровъ, кромѣ меня, были только посланники Вольфенбюттеля и Бланкенбурга, которые, впрочемъ, считаются фамильными (*).

«Теперь вѣрю, что фельдмаршалъ князь Голицынъ отправляется командиромъ въ Украйну для наблюденія за движеніемъ Турокъ. Хотя здѣшнее министерство и не боится съ ними разрыва, но не мѣшаетъ быть предусмотрительнымъ и нужно имѣть въ виду происки Англичанъ.»

28 Іюня. «Вчера я далъ свой праздникъ, по случаю бракосочетаній принца нашего государя съ сеньерой инфантой Португальской и сеньеры инфанты Доньи Маріи Анны съ принцемъ Бразильскимъ, со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Царь присутствовалъ съ своей сестрой великой княжной, принцессой Елисаветой и герцогиней Мекленбургской, которые были до часу пополуночи и, кажется, остались довольны.

«Третьяго дня по утру пріѣхалъ сюда графъ Вратиславскій и вчера поутру имѣлъ частную аудіенцію у царя, выпросивъ ее такъ скоро для того, чтобы присутствовать на моемъ праздникѣ.»

5 Іюля. «Со времени моего послѣдняго письма къ вамъ я почти каждый день вижусь съ графомъ Вратиславскимъ, который мнѣ сообщилъ послѣднія инструкціи своего Двора, приказывающаго ему увѣрить этотъ Дворъ, что его Дворъ ни на волосъ не отступитъ отъ обязательствъ въ отношеніи къ своимъ союзникамъ и что на конгрессѣ со всею силою будетъ стоять за интересы герцога Голштинскаго. Графъ все это передалъ барону Остерману, а на другой день послѣ этого я тоже передалъ Остерману отъ имени короля нашего государя.

«Здѣсь есть двѣ очень важныя новости: одна, что въ Астрахани моровая язва, а другая — въ Казанскомъ царствѣ собралось столько разбойниковъ, что нельзя путешествовать безъ многочисленной стражи, и опасаются, что въ непродолжительномъ времени они появятся и здѣсь. Этими двумя извѣстіями мы воспользуемся, чтобы убѣдить это министерство о

(*) Въ память матери царя и великой княжны. *П. Б.*

возвращеніи царя въ Петербургъ, хотя я и сомнѣваюсь въ успѣхѣ, по причинѣ слѣпой любви, которую Русскіе питаютъ къ этому городу, и по отвращенію, какое они имѣютъ къ тому.

«То, что я писалъ о предполагаемомъ сватовствѣ принцессы Елисаветы за Д. Мануэля Португальскаго не совсѣмъ вѣрно; но самъ графъ Вратиславскій мнѣ говорилъ, что онъ думаетъ посватать ее за палатина de Saltbach (?), который недавно овдовѣлъ. Онъ еще не получилъ отвѣта на это предложеніе; но если его мысль будетъ одобрена, я пособлю ему сколько могу, потому что нѣтъ ничего важнѣе, какъ удалить отсюда принцессу, такъ какъ, пока она не замужемъ и въ благоволеніи у царя, до тѣхъ поръ царя не возможно женить на иностранкѣ. А очень важно, чтобы онъ не женился на своей подданной, потому что съ этимъ связанъ вопросъ о возвращеніи этой монархіи къ ея первобытному состоянію, чего желаютъ всѣ старые Русскіе. Недовольныхъ теперь безчисленное множество: всѣ жалуются, епископы, солдаты, министры, наконецъ всѣ въ отчаяніи отъ худаго управленія. Не знаю, чѣмъ все это кончится; но боюсь, какъ бы не погибъ Остерманъ, если не постарается поставить дѣла на лучшую ногу, чѣмъ онѣ находятся теперь. Но сдѣлать это ему очень трудно, потому что всѣ противъ него, хотя и безъ всякаго основанія, потому что онъ способный министръ и не желаетъ ничего кромѣ величія этой монархіи.

«Графу Вратиславскому при пріемѣ сдѣлали тѣже почести, что и мнѣ — не больше, съ тѣмъ только различіемъ, что въ дверяхъ комнаты аудіенціи его принялъ только одинъ каммергеръ, а меня князь Алексѣй Долгорукій, второй воспитатель царя, который выше каммергеровъ.

«Посланникъ Вольфенбюттеля понялъ, что мы знаемъ его происки и началъ говорить, что онъ со дня на день ждетъ приказанія возвратиться къ своему Двору; но не думаю, чтобы эта была правда, и онъ едвали уѣдетъ отсюда до тѣхъ поръ, пока Англичане чрезъ его посредство не узнаютъ навѣрное, чего они могутъ ждать отъ этого Двора, который до сего времени, кажется, имѣетъ твердое намѣреніе держаться Вѣнскаго союза.

«Датскій посланникъ мнѣ сказалъ вчера, что король его государь приказалъ ему жить со мною въ дружбѣ, какъ дѣйствительно онъ и дѣлаетъ. Я отвѣчаю ему тѣмъ же.»

12 Іюля. «Третьяго дня, праздникъ св. Петра, патрона царя, праздновался здѣсь со всѣмъ великолѣпіемъ, какое только позволяло время, однакоже не съ такимъ, съ какимъ думали, потому что была мысль дать блестящій банкетъ въ лѣтнемъ саду дворца съ фейерверкомъ, за которымъ долженъ былъ слѣдовать балъ; но такъ какъ вотъ уже двѣ недѣли постоянно идетъ дождь, то празднество ограничилось слѣдующимъ: Его Царское Величество дѣлалъ торжественный выходъ въ соборную церковь къ обѣднѣ, которую служилъ примасъ-архіепископъ Новгорода. Намъ, графу Вратиславскому и мнѣ, баронъ Остерманъ велѣлъ сказать, чтобы мы явились поздравить царя тотчасъ же послѣ обѣдни, что мы и сдѣлали; царь оставилъ насъ обѣдать съ собою. Въ пять часовъ по полудни собрался весь Дворъ для бала, прежде котораго Его Царское Величество ужиналъ за столомъ въ 50 кувертовъ съ принцессами, министрами Верховнаго Совѣта, фельдмаршалами и высшими генералами. Въ танцахъ послѣ Его Царскаго Величества слѣдовалъ графъ Вратиславскій, а потомъ я. Вчера къ семи часамъ вечера пригласили насъ на другой балъ, который продолжался до трехъ часовъ по полуночи, и нынѣ опять приглашены къ тому же часу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ царь былъ ко мнѣ внимателенъ больше, чѣмъ когда-нибудь; я даже не могу и выразить какъ.

«Въ день св. Петра не было другихъ милостей, кромѣ того, что въ этотъ день дозволено барону Шафирову пріѣхать въ столицу и цѣловать руку царя. Эта новость очень существенная, потому что онъ открытый врагъ барона Остермана, который дѣлалъ все возможное, чтобы удалить его. И такъ какъ теперь онъ возвращается въ милость противъ его воли, то ясно, что это сдѣлали враги Остермана, чтобы мало по малу ввести Шафирова въ министерство и погубить Остермана. Самъ Шафировъ третьяго дня говорилъ одному моему и его другу, что въ непродолжительномъ времени онъ будетъ возстановленъ въ своемъ достоинствѣ. Опасаюсь, что графъ Вратиславскій, желая служить своему государю и поддержать Остермана, сдѣлаетъ ему больше зла, чѣмъ добра: онъ открыто сдружился съ нимъ и Левенвольдомъ, что привело въ отчаніе всѣхъ Русскихъ и особенно фаворита, который возненавидѣлъ графа такою ненавистью, что когда тотъ говоритъ съ нимъ, онъ отъ злобы краснѣетъ какъ кармазинъ, и я, который пользуюсь его расположеніемъ, весьма затрудняюсь сдерживать его и препятствовать ему сдѣлать графу какую-нибудь оскорбительную выходку. Въ тоже время я очень хорошъ въ Остерманомъ, но безъ

той публичности, какую придалъ своему расположенію къ нему мой товарищъ. И еслибы я сдѣлалъ тоже, что и онъ, я бы потерялъ весь мой кредитъ у тѣхъ, кто имѣетъ вліяніе на царя.»

Другое письмо отъ того же числа. Въ письмѣ отъ этого числа дукъ де-Лирія представляетъ счетъ расходовъ, сдѣланныхъ имъ по случаю праздника, даннаго имъ 27 числа Іюня, которые составляли 6.979 рублей и 38 коп. Вотъ интересныя статьи этихъ расходовъ:

«Устройство двухъ салоновъ и иллюминація. . . .	671	руб.	к.
Декораціи иллюминаціи.	600	»	. .
Полотно для устройства салона для бала.	120	»	
Росписать этотъ салонъ.	198	»	
Посеребренная люстра.	70	»	
Плотникамъ.	177	»	72 »
Восковыя свѣчи.	182	»	
Музыкантамъ.	100	»	
Поварамъ и лакеямъ.	223	»	
Гвардіи изъ 30 человѣкъ, которые были присланы въ эту ночь на подкрѣпленіе всегда у меня имѣющейся.	40	»	
Кузнецу.	47	»	66 »
Кондитеру за сладкіе напитки.	558	»	
Майордому за 17 дюжинъ кувертовъ.	1171	»	
Monsieur de Caravaca, иллюминатору царя, заправлявшему иллюминаціей.	200	»	
Царскому архитектору.	150	»	
310 бутылокъ вина Токау по 2 руб. каждая. . . .	620	»	
250 бутылокъ шампанскаго по полтора руб. каждая.	375	»	
170 бутылокъ бургонскаго по рублю.	170	»	
220 бутылокъ рейнскаго по полтинѣ каждая.	110	»	
160 бутылокъ мозельскаго по полтинѣ каждая. . .	80	»	
12 бочекъ французскаго вина для фонтановъ по 75 руб. бочка.	900	»	
Двѣ бочки водки для фонтановъ по 80 рублей. . .	160	»	
12 бочекъ пива по два рубли каждая.	24	руб.»	

Въ письмѣ, которое сопровождаетъ этотъ счетъ, дукъ де-Лирія пишетъ: «Не возможно было сдѣлать праздника на меньшую сумму, чтобы былъ достойный праздникъ, особенно при здѣшнемъ Дворѣ, гдѣ все дѣлается съ великолѣпіемъ и блескомъ и гдѣ къ тому же все стоитъ въ четверо дороже, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, особенно вина; прибавьте еще, что на моемъ праздникѣ долженъ былъ присутствовать самъ государь

со всей своей фамиліей и со всею знатью столицы, и это былъ первый праздникъ, даваемый министромъ Испаніи.... Всѣ министры и всѣ Русскіе говорятъ, что здѣсь еще не бывало такого праздника.»

19-го Іюля. „Послѣ моего послѣдняго письма былъ еще балъ во дворцѣ, и сожженъ тотъ фейерверкъ, который не былъ сожженъ въ день св. Петра по случаю дурной погоды.

„Въ одинъ изъ прошлыхъ дней графъ Вратиславскій прочиталъ мнѣ цѣлую обширную проповѣдь о положеніи дѣлъ при этомъ Дворѣ, о дурномъ управленіи, о желаніи всѣхъ Русскихъ возвратиться къ своимъ древнимъ правамъ и заключилъ словами, что единственное средство поправить здѣшнія дѣла—это возвратить Его Царское Величество въ Петербургъ, что̀ много зависитъ отъ вліянія фаворита, князя Долгорукаго; и такъ какъ этотъ кавалеръ весьма друженъ со мною, то онъ усердно просилъ меня потрудиться надъ рѣшеніемъ этого вопроса и постараться убѣдить фаворита, какъ важно, чтобъ Его Царское Величество рѣшился сдѣлать то, чего мы желаемъ всѣ. Я ему отвѣчалъ, что готовъ дѣлать все что̀ нужно для преуспѣянія нашихъ общихъ интересовъ, но боюсь въ этомъ случаѣ неуспѣха, зная, что фаворитъ очень мало расположенъ оставить свою родину; что попытаюсь поискать брода при первомъ же удобномъ случаѣ, лишь только увижусь съ фаворитомъ по возвращеніи царя, который опять уѣзжалъ на дачу на нѣсколько дней и возвратился только третьяго дня.

„На слѣдующій день я обѣдалъ у графа Вратиславскаго. Посланникъ Бланкенбурга, отведя меня въ сторону, началъ мнѣ повторять все то, что̀ говорилъ мнѣ графъ наканунѣ и заключилъ словами, что единственный способъ для этого тотъ, чтобы я постарался влить въ сердце князя (фаворита) желаніе возвратиться въ Петербургъ. Я отвѣчалъ ему, что хотя это и правда, что мы друзья съ нимъ; но на него и на министерство могли бы произвести сильнѣйшее впечатлѣніе представленія графа, чѣмъ мои; что когда графа здѣсь не было, я поддерживалъ интересы императора наравнѣ съ интересами короля моего государя, но съ его пріѣздомъ теперь мое дѣло защищать только мои собственныя идеи. На это онъ мнѣ возразилъ, что такъ какъ графъ только-что пріѣхалъ, то онъ бы подвергся ненависти Русскихъ, если бы началъ здѣсь съ довольно-ненавистнаго для нихъ дѣла — убѣжденія возвратиться въ Петербургъ и что, поэтому, всего лучше мнѣ взять здѣсь роль *внушителя.* Признаюсь,

мнѣ страннымъ показался поводъ, указанный этимъ министромъ, для того чтобы говорилъ я, а не графъ Вратиславскій: поэтому я не могъ не возразить ему, что если графъ не желаетъ говорить о вещахъ ненавистныхъ, также мало желаю и я; что если онъ хочетъ пріобрѣсти расположеніе Русскихъ, не желалъ бы и я потерять то, чего добился въ длинный періодъ осьми мѣсяцевъ; что я готовъ дѣлать тоже, что̀ и графъ Вратиславскій, — небольше. На слѣдующій день поутру я пригласилъ къ себѣ секретаря императорскаго посольства, Караме и передалъ ему разговоръ, который я имѣлъ съ посланникомъ Бланкенбурга; я замѣтилъ ему, что мнѣ кажется странною идеею желаніе, чтобы я взялся за дѣло, въ которомъ государь императоръ заинтересованъ безконечно больше, чѣмъ король мой государь, тогда какъ графъ Вратиславскій не хочетъ говорить объ этомъ дѣлѣ, боясь оскорбить Дворъ! Караме, сколько могъ, извинялъ выраженія посланника Бланкенбурга, говоря, что его мысль была не иная, какъ та, чтобы я только попыталъ брода и чтобы, если не найду большой надежды на успѣхъ, не залѣзать дальше, но у него-де вовсе не было намѣренія вовлечь меня въ то что могло бы разсорить меня съ Русскими; такъ-де это понималъ и Вратиславскій, который, по приказанію своего Двора и по влеченію своего сердца, желаетъ жить со мною совершенно *на прямоту*. Я отвѣчалъ ему, что̀ нужно; хвалилъ его благовидность, съ которою онъ извинялъ выраженія посланника Бланкенбурга, но далъ ему понять, что не остаюсь убѣжденнымъ. По полудни въ тотъ же день я имѣлъ длинный разговоръ съ барономъ Остерманомъ. Я началъ ему говорить о своихъ подозрѣніяхъ, о которыхъ я уже писалъ вамъ не разъ, — подозрѣніяхъ относительно тайныхъ происковъ Англичанъ. Онъ мнѣ откровенно отвѣчалъ, что уже повѣрилъ кое-что изъ моихъ подозрѣній, что онъ съ своей стороны очень осторожно будетъ направлять дѣла̀ въ пользу нашего союза, но что онъ боится, что въ Россіи найдутся люди, которые склонятся на ихъ происки; что, впрочемъ, несмотря на это, онъ все-таки надѣется, что его Дворъ останется вѣрнымъ принятымъ обязательствамъ и что при этомъ необходимо, чтобы графъ Вратиславскій и я слѣдили за происками Англичанъ и противостояли имъ.

«Послѣ этого онъ мнѣ сказалъ, что въ непродолжительномъ времени онъ надѣется сдѣлать мнѣ нѣкоторое предложеніе относительно торговли между этой монархіей и нашей и что я могу быть увѣреннымъ, что царь

во всемъ хочетъ угождать королю моему государю. Я поблагодарилъ его какъ за послѣднія лестныя выраженія, такъ и за откровенность, съ которою онъ мнѣ говорилъ объ Англичанахъ. Я буду продолжать слѣдить за ихъ происками. Они могутъ имѣть три цѣли: одну хорошую и двѣ дурныхъ. Добрая можетъ быть та, что они могутъ добиваться истиннаго единенія съ Россіей, чтобы противопоставить ее Швеціи, потому что Англійскій король, какъ Ганноверскій избиратель, долженъ всегда опасаться, чтобы Швеція рано или поздно не захотѣла возвратить своихъ потерянныхъ владѣній Бремена и Вердена, въ каковомъ случаѣ ему выгодно имѣть на своей сторонѣ Россію, которая того же сама можетъ бояться отъ Швеціи. Но на мой взглядъ, такъ какъ я склоненъ больше бояться за худое для моего отечества, чѣмъ излишне довѣрять благожеланіямъ со стороны другихъ, — на мой взглядъ, Англія можетъ имѣть только одну изъ двухъ дурныхъ цѣлей, если внимательнѣе всмотрѣться въ настоящее положеніе вещей, при неизвѣстности, чѣмъ кончится конгрессъ. Эти двѣ цѣли суть: или охладить Россію и отвлечь ее отъ нашего союза, или, видя ее твердою въ принятыхъ на себя обязательствахъ, дѣйствовать своими деньгами такъ, чтобы царь остался въ Москвѣ, бросилъ свой флотъ и свои новыя завоеванія, возвратившись къ старымъ правиламъ Россіи и, слѣдовательно, сдѣлавшись безполезнымъ для своихъ союзниковъ. Впрочемъ, какова бы ни была цѣль Англичанъ, какъ бы ни былъ успѣхъ ихъ подземныхъ работъ, вѣрно то, что нѣсколько дней тому назадъ одинъ изъ министровъ Верховнаго Совѣта мнѣ сказалъ публично, что для Россіи гораздо выгоднѣе дружба Англичанъ, чѣмъ императора, потому что Русская нація изъ торговли съ Англіею можетъ извлечь громадный интересъ, какого ей никогда не дастъ императоръ. Третьяго дня мы долго разсуждали объ этомъ съ графомъ Вратиславскимъ и согласно рѣшили дѣлать всевозможныя усилія, чтобы помѣшать проискамъ Англичанъ, поступая сначала мирнымъ образомъ; но если этимъ путемъ не успѣемъ и узнаемъ навѣрное, что этотъ Дворъ склоняется на ихъ предложенія, то мы потребуемъ конференціи Верховнаго Совѣта, въ которомъ, говоря съ высокомѣріемъ соотвѣтствующимъ величію нашихъ обоихъ государей, мы, такъ сказать, взявшись за горло, будемъ требовать отъ нихъ исполненія принятыхъ обязательствъ въ отношеніи къ нашему союзу, указавъ имъ на слѣдствія, которыя могутъ выдти для Россіи, если она начнетъ дѣйствовать противъ этихъ обяза-

тельствъ. Въ этомъ мы находимъ для себя послѣднее средство, и я не сомнѣваюсь, что оно заслужитъ одобреніе короля нашего государя.

«Что касается здѣшнихъ новостей, то 14 числа настоящаго мѣсяца уѣхалъ отсюда со всей своей фамиліей фельдмаршалъ Голицинъ командиромъ въ Украйну. Онъ поѣхалъ съ неохотой, такъ какъ, видимо, его удалили не почему другому, какъ потому, чтобы очистить здѣсь мѣсто фельдмаршалу Долгорукому, который только что воротился изъ Персіи и, какъ фельдмаршалъ, моложе Голицина. Его же (Долгорукаго) дѣлаютъ президентомъ Военнаго Совѣта, который приказано перевести сюда изъ Петербурга, какъ и всѣ другіе Трибуналы, которые оставались тамъ. Все это очевидно показываетъ, что въ Петербургѣ вовсе не торопятся возвращеніемъ; и, какъ меня увѣряли, въ Верховномъ Совѣтѣ рѣшено, что впередъ Дворъ останется въ Москвѣ, какъ столицѣ этой монархіи, въ которой жили всѣ царскіе предшественники. Меня также увѣряли, какъ о достовѣрномъ, еще о двухъ рѣшеніяхъ, которыя, если дѣйствительно приняты, возвратятъ эту монархію къ ея прежнему быту: одно — это то, что больше не нужно строить кораблей и, не дѣлая новыхъ, оставить догнивать существующіе; другое — перевести торговлю въ Архангельскъ, чтобы этимъ погубить Петербургъ. Не увѣряю васъ въ этомъ, какъ несомнѣнномъ, но постараюсь разузнать правду и извѣщу васъ.

«Думаю, что этотъ Дворъ пошлетъ своего посланника на Польскій сеймъ, который соберется въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Для этого вѣрно будетъ назначенъ князь Сергій Долгорукій, который уже разъ былъ тамъ.»

26-го Іюля. «[illegible] числа былъ день рожденія великой княжны. Во дворцѣ были ужинъ, балъ и игры, на которыхъ присутствовали всѣ иностранные министры. А предъ вечеромъ, прежде начала всѣхъ этихъ празднествъ, мы имѣли честь цѣловать руку ея высочества, которая нарочно встала для того, чтобы дать намъ аудіенцію и присутствовала за ужиномъ, хотя такъ слаба, что едва можетъ держаться на ногахъ. Всѣ медики думаютъ, что у ней легочная чахотка, и я боюсь, проживетъ ли она еще нѣсколько недѣль, хотя ей и дадутъ то средство, которое рекомендовалъ вчерашняя, а именно молоко женщины. Царь очень здоровъ, не смотря на свою утомительную жизнь. Въ день рожденія своей сестры онъ пожаловалъ двоихъ орденомъ св. Александра и возстановилъ фельдмаршала Долгорукаго въ чинѣ старшаго подполковника гвардіи, который

онъ получилъ двадцать лѣтъ тому назадъ и котораго былъ лишенъ по дѣлу несчастнаго царевича, отца теперешняго царя. Въ тотъ же день графъ Вратиславскій представилъ царю двѣ великолѣпныя кареты, присланныя въ подарокъ императоромъ и, какъ я слышалъ, сего министра отдарятъ высокой цѣны бриллiантовымъ подаркомъ.»

Другое письмо отъ тогожже числа. «Вчера былъ у меня Голштинскій посланникъ и говорилъ мнѣ отъ имени герцога, своего государя, что прошелъ уже годъ, какъ на конвенціи въ Вѣнѣ положили пенсіонъ его высочеству, который усердно проситъ меня сдѣлать новое представленіе королю моему государю, чтобы онъ оказалъ ему свою помощь, особенно принимая во вниманіе и то, что Вѣнскій Дворъ исполняетъ конвенцію съ пунктуальною точностію, и то стѣсненное положеніе, въ которомъ онъ находится. Считаю своею обязанностію сообщить объ этомъ вамъ для представленія Его Величеству; и я не сомнѣваюсь, что Его Величество, по своему благородству, обратитъ вниманіе на положеніе герцога и прикажетъ выплатить ему, если не все, покрайней мѣрѣ часть пенсіона.»

Третіе отъ того же числа. «Между другими письмами съ послѣднею почтою мнѣ принесли письмо, на конвертѣ котораго было написано: à Monsieur Pinguanau, Medecin de S. E. Monseigneur le Duc de Lyria, Ambassadeur de S. M. Catholique à la Cour de Russie à Moscou. Такъ какъ такого господина я не знаю, то я приказалъ хранить письмо секретарю Д. Хуану Каскосу, съ тѣмъ чтобы онъ вручилъ его лично хозяину и чтобы, въ случаѣ если онъ явится за письмомъ, меня извѣстили объ этомъ, потому что я хочу говорить и узнать этого господина; но если меня не будетъ дома, чтобы распросили его, кто онъ такой. Чрезъ нѣсколько часовъ, когда я кончилъ чтеніе писемъ, полученныхъ съ этою почтою, одинъ изъ моихъ кавалеровъ, Французъ, привезенный мною изъ Испаніи, очень дружный съ Французскимъ консуломъ въ Петербургѣ г. Villardeau, говоритъ мнѣ, что тотъ ему пишетъ, что въ Петербургѣ находится какой-то Пэнгано, Французъ, называющій себя моимъ медикомъ и, кажется, большой интриганъ, который переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто съ различными комиссіями, что онъ-де и въ Россію пріѣхалъ несомнѣнно тоже съ какою нибудь комиссіей и что онъ надѣется, что я приму къ свѣдѣнію это извѣстіе, которое, пожалуй, предохранитъ меня отъ какого-нибудь промаха. Я тотчасъ же позвалъ

Д. Хуана Каскоса, попросилъ у него письма, открылъ его и нашелъ, что не только были справедливы подозрѣнія консула, но и письмо-то было отъ г. Фейссаля, секретаря Д. Антонія Касадо, нашего посланника въ Гамбургѣ, какъ вы можете видѣть изъ подписи письма, копію съ котораго я при семъ прилагаю ([27]). Я разсудилъ, что очень не лишнее будетъ сообщить объ этомъ барону Остерману, чтобы мы вмѣстѣ удобнѣе могли открыть, съ какою комиссіею пріѣзжалъ сюда этотъ господинъ. Я отправился къ нему, но не имѣлъ времени поговорить объ этомъ подробно, потому что его тотчасъ же позвалъ къ себѣ царь; но онъ все-таки попросилъ у меня копію съ этого письма для того, чтобы дать нужныя приказанія на почтѣ о задержаніи всѣхъ писемъ къ Пэнгано и тѣхъ, которыя будутъ посылаемы къ Фейссалю, обѣщая, какъ и слѣдуетъ, сообщать мнѣ ихъ содержаніе, и выразивъ мнѣ при этомъ, что о моей внимательности онъ дастъ знать своему государю, надѣясь, что онъ особенно оцѣнитъ это, потому что въ этомъ выражается желаніе короля нашего государя жить съ Его Царскимъ Величествомъ въ добромъ согласіи и самой тѣсной дружбѣ. Я отвѣчалъ ему на это, что имѣю на то точныя приказанія моего государя, что вслѣдствіе нашего союза я долженъ одинаково заботиться объ интересахъ этой монархіи, какъ и нашей. Двѣ причины заставили меня сообщить объ этомъ письмѣ барону Остерману: первая—одинъ я безъ помощи этого министерства никогда бы не могъ точно открыть комиссіи этого Пэнгано, потому что, хотя бы я и задерживалъ письма, адресованныя на его имя, я не могъ бы имѣть тѣхъ, которыя онъ писалъ къ Фейссалю; вторая—въ это дѣло замѣшанъ одинъ изъ секретарей короля моего государя, а вовсе не нужно, чтобы здѣсь насъ подозрѣвали, что мы принимаемъ участіе въ комиссіяхъ этого Пэнгано, и особенно, если онѣ во вредъ этой монархіи. Я не сообщалъ объ этомъ Д. Антонію Касадо, потому что, какъ вы поймете, для меня это еще рано, а вы, имѣя предъ глазами мое сообщеніе, можете сдѣлать это, пожалуй, и теперь; впрочемъ, если это окажется дѣломъ важнымъ, я предупрежу его отъ имени короля моего государя.»

([27]) Копіи этого письма мы не нашли. Но изъ дальнѣйшаго хода дѣла, впрочемъ, видно, что оно не заключало ничего важнаго, хотя догадка объ этомъ господинѣ, какъ интриганѣ, кажется была вѣрна. Мы помѣщаемъ переводъ этого и слѣдующихъ писемъ о Пэнгано въ томъ предположеніи, не найдется ли что-нибудь интересное объ этомъ господинѣ въ нашихъ архивахъ.

Еще письмо отъ того же числа. «Я ни разу еще не писалъ вамъ о флотѣ этого Двора, потому что мнѣ это не приходило на умъ, да и повода къ этому не было. Хотя и прежде было даваемо приказаніе, чтобы морскіе офицеры явились въ Кронштадъ и Ревель, но это было сдѣлано положительно не для вооруженія, а просто въ ожиданіи исхода затрудненій, встрѣтившихся при ратификаціи прелиминарій мира ([28]); а послѣ того, какъ были устранены эти затрудненія, здѣсь до послѣдняго времени не думали ни о какомъ морскомъ дѣлѣ. Но по поводу послѣднихъ событій въ Украйнѣ дано приказаніе вооружить одну эскадру кораблей на случай, еслибы Швеція имѣла что-нибудь общее съ Туркомъ и еслибы оказалось, что этотъ послѣдній возбудилъ Крымскихъ Татаръ вторгнуться въ Россію. Чтобы извѣстить Его Величество со всею точностію, изъ чего состоитъ эскадра и въ какомъ она положеніи, я секретно посылалъ въ Кронштадъ одного моего слугу ([29]), котораго имѣю въ Петербургѣ, для того, чтобы онъ лично посмотрѣлъ корабли, которые вооружаются, что онъ и исполнилъ, приславъ мнѣ прилагаемую при семъ *реляцію*. Не думаю, чтобы эскадра вышла въ этомъ году, потому что нѣтъ нужды для этого, время уже довольно позднее и, какъ меня увѣряли, это министерство не боится ничего со стороны Швеціи, которая и подаетъ собственно поводъ къ вооруженію: каждый ждетъ теперь исхода конгресса. Впрочемъ, можетъ случиться, что нѣкоторые корабли и выйдутъ для рекогносцировки »

Реляція.

«Іюль (число не обозначено).

«Состояніе военныхъ кораблей, которые вооружаются въ Кронштадскомъ портѣ и о которыхъ думаютъ, что они назначены для кампаніи.

«*Рафаэль* въ 50 орудій, подъ командою капитана Литтле, Англичанина. Онъ былъ спущенъ въ 1721 г. Дно его не должно быть изъ луч-

---

([28]) Вѣроятно, составленныхъ въ Вѣнѣ и о которыхъ теперь было разсуждаемо на конгрессѣ по Франціи.

([29]) *Criado*. Впрочемъ нужно думать, что не изъ низшихъ слугъ, п. ч. Дукъ де Лирія слишкомъ много полагается на него, и изъ реляціи, писанной по французски и составленной умно, даже съ пониманіемъ дипломатіи и морскаго дѣла, видно, что этотъ Criado былъ образованный человѣкъ. Примемъ къ свѣдѣнію и показаніе этого слуги о нашемъ тогдашнемъ флотѣ.

шихъ, потому что извѣстно, что корабли Русской постройки не живутъ больше сими или осьми лѣтъ.

«*Перла* въ 50 орудій, подъ командою капитана Делаппъ, Датчанина. Этотъ корабль Голландскій, легкій на ходу. Онъ былъ крейсеромъ во время послѣдней войны Голландіи съ Франціей. Царь купилъ его въ 1715 году.

«*Надежда* въ 50 орудій, подъ командою капитана Бенна, Голландца. Этотъ корабль Голландскій и проданъ его царскому величеству въ 1713 г. Онъ былъ одинъ изъ трехъ, которые были въ Кадиксѣ въ 1725 г.

«*Арендаль* въ 50 орудій подъ командою капитана Эрмитажъ, Англичанина. Этотъ корабль Англійскій и проданъ Россіи въ 1713 г.

«*Петръ II* въ 50 орудій. На него еще не назначенъ капитанъ. Онъ спущенъ въ 1728 г.

«*Наталья* въ 66 орудій, подъ командою капитана Ванверпена. Онъ спущенъ въ 1727 г. Онъ перейдетъ подъ команду Литтле, если эскадра выйдетъ, и тогда капитанъ Ванверпенъ, какъ младшій, перейдетъ на Рафаэль.

«Корабли находятся еще въ бассейнѣ Кронштада. Они вполнѣ оснащены, ихъ паруса на реяхъ, имѣютъ свои канаты, свои якори и пушки, но они не снабжены еще съѣстными припасами, ни военными, и не имѣютъ полныхъ экипажей. Каждый изъ нихъ имѣетъ какихъ-нибудь двадцать человѣкъ, которые занимаются уходомъ и чищеніемъ. Впрочемъ, если придется имъ выйти, они вполнѣ будутъ готовы въ недѣлю. Неизвѣстно еще ихъ назначеніе. Общее мнѣніе то, что они не двинутся съ мѣста. Я впрочемъ не вижу, что бы могло помѣшать имъ даже пройти Зундъ, покрайней мѣрѣ, если не будетъ получено извѣстія, что сюда идутъ военные корабли Англичанъ. Маневры, которые дѣлали въ Кронштадѣ для удовольствія графа Вратиславскаго, весьма легко могли привлечь нѣкоторые изъ нихъ (Англійскихъ кораблей). Видя тогда распускающимися паруса, сосѣди, пожалуй, могли и не повѣрить, что это дѣлается для развлеченія. Предъ этимъ и въ это время въ Кронштадѣ былъ не одинъ Шведъ, которые явились сюда, чтобы видѣть, что здѣсь происходило и которые, не желая знать, что корабли оснащивались и снабжались аппаратами съ единственною цѣлію показать Австрійскому министру величественную идею о морскихъ силахъ Россіи, могли понять дѣло на оборотъ и написать въ Швецію и Англію, что здѣсь вооружаютъ весь флотъ, какъ и въ самомъ дѣлѣ въ началѣ Іюня въ Кронштадѣ было большое движеніе во флотѣ не для того, впрочемъ, чтобы дѣйствительно вооружить его, но чтобы показать только, что онъ вооружается.

«Англійскій консулъ, для котораго здѣсь (въ Петербургѣ) нанятъ домъ и который долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ тотчасъ же по очищеніи

льда, еще не пріѣхалъ. Въ недоумѣніи, вѣрно или нѣтъ извѣстіе о большомъ вооруженіи въ Россіи, Англійскій Дворъ не счелъ ли нужнымъ замедлить его отѣздъ, до тѣхъ поръ, пока вполнѣ вѣрно узнаетъ, для какихъ именно цѣлей дѣлаются всѣ эти приготовленія? И если это извѣстіе онъ счелъ за вѣрное, онъ пожалуй взялъ мѣры предосторожности для того, чтобы всѣ его корабли были готовы вступить въ Балтійское море.

«Другіе корабли здѣсь тоже показываютъ видъ, что вооружаются; но пока еще нѣтъ ни одного вооруженнаго, кромѣ шести упомянутыхъ. Капитаны, управляющіе ими, всѣ хорошіе офицеры, моряки и вмѣстѣ солдаты.

«Въ половинѣ Іюня вышли изъ Кронштадскаго порта два военныхъ корабля Его Царскаго Величества, говорятъ, назначенные въ Колу и Архангельскъ для покровительства рыбной торговлѣ Русскихъ въ этой странѣ. Впрочемъ, нельзя знать положительно, правда ли это; потому что капитаны кораблей часто получаютъ приказаніе открыть вручаемые имъ пакеты, двинувшись уже съ мѣста, и только на дорогѣ узнаютъ свое назначеніе и свои инструкціи. Эти два корабля называются, одинъ *Амстердамъ-Галій*, а другой—*Cron-die-Liebe*, каждый въ 50 орудій и оба построены и куплены въ Голландіи. Начали было вооружать еще два судна, въ 400 тоннъ каждое, которыя должны были сопровождать эти два корабля; но перемѣнили намѣреніе, и эти два судна теперь находятся въ Кронштадскомъ портѣ, откуда, кажется, не выйдутъ въ этомъ году.

«За три недѣли до пріѣзда въ Кронштадъ графа Вратиславскаго, дѣлали видъ, что вооружаютъ до 30 кораблей. Есть Русскіе, которые съ своимъ флотомъ носятся какъ школьникъ, который еще въ первый разъ надѣлъ шпагу: все его вниманіе поглощено ею, онъ вертитъ ее каждую минуту и смотритъ, замѣчаютъ ли окружающіе его, что у него шпага,— и онъ въ восхищеніи, если думаютъ, что онъ умѣетъ владѣть ею.»

2 *Августа*. «Великая княжна продолжаетъ быть больною и едва можетъ держаться на ногахъ. Не получивши никакого облегченія отъ медиковъ, которые лечили ее до сего времени, она отдалась теперь совершенно въ руки одного Голландца, который подаетъ нѣкоторую, хотя и невѣрную, надежду на ея излеченіе.

«Третьяго дня я имѣлъ разговоръ съ фаворитомъ кн. Долгорукимъ, и онъ мнѣ сказалъ, что въ это самое утро онъ говорилъ съ барономъ Остерманомъ и что тотъ выставлялъ ему слѣдствія возвращенія Двора въ Петербургъ, хотя изъ его словъ я и не понялъ, склонилъ ли онъ его къ

этому или нѣтъ. Послѣ онѣ меня увѣрялъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе убѣдить Царя возвратиться въ Петербургъ, но что онъ не желаетъ, чтобы это знали его соотечественники и его родные, которые всѣ хотятъ, чтобы Дворъ оставался здѣсь, и что онъ надѣется побудить царя возвратиться въ Петербургъ тотчасъ же, какъ только выпадетъ достаточно снѣгу, чтобы ѣхать на саняхъ. При этомъ онъ просилъ меня хранить тайну.»

Другое письмо отъ того же числа. „Вчера я отправился къ Остерману, и онъ тотчасъ же заговорилъ со мною о торговлѣ между этой и нашей монархіей. За этимъ онъ сказалъ мнѣ, что въ Петербургъ возвратился консулъ, который былъ нѣсколько лѣтъ въ Кадиксѣ и что онъ приказалъ ему пріѣхать сюда, чтобъ онъ, какъ практическій человѣкъ, сообщилъ ему данныя о торговлѣ и торговой мѣнѣ, какая можетъ быть между двумя монархіями. При этомъ онъ обѣщалъ мнѣ дать реляцію о товарахъ, которые наша монархія можетъ покупать здѣсь изъ первыхъ рукъ, что было бы гораздо выгоднѣе, чѣмъ покупать ихъ у Голландцевъ и Англичанъ, потому что при покупкѣ здѣсь они обойдутся королю нашему государю гораздо дешевле, чѣмъ теперь. Жду пріѣзда этого господина и обѣщанной мнѣ реляціи Остермана.“

9 Августа. „Пріѣхалъ изъ Персіи курьеръ съ извѣстіемъ, что похититель престола Эзрефъ прислалъ сказать генералу Левашеву, который остался тамъ командиромъ послѣ отъѣзда фельдмаршала князя Долгорукаго, что онъ желаетъ жить въ мирѣ съ этимъ Дворомъ, что готовъ пунктуально исполнить трактатъ, заключенный между покойнымъ царемъ и предшественникомъ Эзрефа и что исполнитъ все, чего пожелаетъ Его Царское Величество. Эта вѣсть доставила величайшее удовольствіе здѣшнему министерству: теперь оно не боится войны со стороны этихъ невѣрныхъ, которые оставляютъ царя въ мирномъ обладаніи завоеваніями, сдѣланными его дѣдомъ въ Персіи.

„Великая княжна чувствуетъ себя гораздо лучше съ того времени, какъ ее лечитъ новый медикъ.

„Генералъ Бибиковъ назначенъ отправиться въ Киль къ герцогу Голштинскому выразить ему сожалѣніе о смерти герцогини, его супруги и привести сюда трупъ покойной, для погребенія его въ Петербургѣ рядомъ съ отцомъ ея и матерью. Для этого будутъ посланы военные корабли изъ Кронштада.“

Другое письмо того же числа. „Два мѣсяца тому назадъ я имѣлъ разговоръ съ Шведскимъ посланникомъ. Онъ мнѣ говорилъ о недоразумѣніяхъ, существующихъ между этимъ и его Дворомъ, которыя задержали его здѣсь дольше, чѣмъ онъ предполагалъ, о томъ, что онъ теперь находится здѣсь въ довольно щекотливомъ положеніи, потому что здѣшнее министерство отказалось взять отъ него письменное изложеніе претензій его Двора; что онъ-де много думалъ, кто бы могъ быть посредникомъ для улаженія этихъ недоразумѣній и остановился на томъ, что никто не можетъ быть имъ лучше, какъ король нашъ государь, особенно имѣя здѣсь министра моей представительности, который бы, принимая во вниманіе то благоволеніе, которымъ и лично пользуюсь отъ царя и всего здѣшняго министерства, могъ бы устроить это лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. Я тогда же сообщилъ объ этомъ барону Остерману въ приличныхъ выраженіяхъ и сказалъ ему, что я готовъ сдѣлать по этому дѣлу что нужно, если только мнѣ прикажетъ это король мой государь, но не иначе, и что въ этомъ онъ можетъ увѣрить свой Дворъ. Впрочемъ, разговоръ этотъ былъ такъ вялъ и пустъ, что я тогда не счелъ нужнымъ сообщить о немъ Его Королевскому Величеству, не желая прерывать его государственныхъ занятій подобными пустыми вещами. Послѣ, сказанный посланникъ уже не упоминалъ мнѣ объ этомъ, и я подумалъ, не говорилъ ли онъ мнѣ этого просто, чтобы выпытать мое мнѣніе, не придавая серьезнаго значенія этому разговору.

Третьяго дня я былъ у Остермана, который мнѣ сказалъ, что знаетъ положительно, что Швеція совѣтовалась съ Англійскимъ Дворомъ, принять ли ей или нѣтъ посредство короля нашего государя для улаженія ея недоразумѣній съ этимъ Дворомъ и что онъ изъ этого заключилъ, что это я предложилъ барону Цердекрейцу (Cerdecreuts), а тотъ своему Двору, и что онъ желалъ бы знать, правда ли это. Я отвѣчалъ, что его предположеніе не справедливо и въ угоду ему передалъ вышесказанный мой разговоръ съ Цердекрейцемъ. Другихъ завѣреній не было нужно, потому что баронъ Остерманъ отвѣчалъ, что вѣритъ моимъ словамъ и что еслибы я вздумалъ такъ поступить, то конечно бы предупредилъ его, чтобы дѣйствовать въ согласіи и съ надеждою на большій успѣхъ. При этомъ я сказалъ Остерману, что поговорю съ Цердекрейцомъ и выговорю ему, какъ это онъ написалъ своему Двору о такой неловкой вещи, о которой я говорилъ съ нимъ безъ формальностей и тѣмъ болѣе, что

разговоръ объ этомъ затѣялъ онъ, и что я сообщу ему, что̀ онъ мнѣ отвѣтитъ.

„И дѣйствительно, вчера я видѣлъ Цердекрейца и изложилъ ему мою жалобу. Онъ мнѣ извинительно отвѣчалъ, что это правда, онъ писалъ своему Двору о сказанномъ разговорѣ со мною на случай, не найдетъ ли его Дворъ удобнымъ дѣйствовать этимъ путемъ для улаженія недоразумѣній, но что тамъ худо поняли смыслъ его письма, на что̀ онъ непремѣнно выскажетъ свое недовольство, объяснивъ, что это средство было предложено имъ однимъ, а не мною и не кѣмъ-нибудь другимъ."

$\frac{5}{16}$ *Августа.* „Въ одномъ письмѣ съ послѣдней почтой я говорилъ вамъ, что здѣшнее министерство осталось довольно извѣстіемъ, которое прислалъ ему графъ Левашевъ, командующій въ Персіи, что похититель престола Эзрефъ хочетъ пунктуально исполнять трактатъ, заключенный съ покойнымъ царемъ. Теперь я могу прибавить, что баронъ Остерманъ оффиціально подтвердилъ это извѣстіе графу Вратиславскому, а вчера и мнѣ, прибавивъ, что кромѣ подтвержденія трактата, заключеннаго покойнымъ царемъ, это министерство сдѣлало новый трактатъ съ сказаннымъ Эзрефомъ, который Его Царскому Величеству еще уступилъ много мѣстъ и земель при берегахъ Каспійскаго моря, которыя весьма полезны и послужатъ къ упроченію сохраненія прежде завоеванныхъ провинцій. Для ратификаціи этого трактата со стороны царя въ Испаганъ долженъ отправиться одинъ офицеръ съ Персидской границы. Этими вѣстями здѣсь какъ нельзя больше довольны.

„На этой недѣлѣ обнародованъ указъ, которымъ возвращены имущества, конфискованныя по дѣлу царевича Алексѣя Петровича."

Другое письмо отъ того же числа. „Въ письмѣ отъ 5 Іюля я писалъ вамъ, что увѣряли, будто графъ Вратиславскій имѣетъ вести переговоры о супружествѣ принцессы Елисаветы съ Д. Мануэлемъ Португальскимъ. Вѣрнаго я доселѣ ничего не могъ открыть. Но назадъ тому три или четыре дня я имѣлъ разговоръ съ гр. Вратиславскимъ и нарочно навелъ рѣчь на сеньера Инфанта и сказалъ ему, что не худо было бы женить его на принцессѣ Елисаветѣ. Онъ меня спросилъ: а одобритъ ли этотъ бракъ мой Дворъ? Я отвѣчалъ ему, что это дѣло безразлично для короля моего государя и что конечно одобритъ его, если таково будетъ желаніе Его Царскаго Величества. Тогда онъ мнѣ сказалъ,

что этимъ бракомъ остался бы доволенъ и государь императоръ его государь, но онъ не знаетъ, какъ устроить это дѣло. На этомъ онъ прервалъ разговоръ. Я не настаивалъ на его продолженіи, но я теперь убѣдился, что графъ имѣетъ приказаніе вести объ этомъ переговоры.

„$\frac{2}{13}$ настоящаго мѣсяца великая княжна, которая чувствуетъ себя теперь гораздо лучше, чѣмъ прежде, приглашала насъ, гр. Вратиславскаго и меня, къ себѣ обѣдать. Послѣ обѣда я имѣлъ разговоръ съ Остерманомъ о проискахъ Англичанъ, и онъ мнѣ сказалъ, что предложенія они никакого не дѣлали, но что онъ знаетъ вѣрно, что посланникъ Вольфенбюттеля находится здѣсь для того, чтобы дѣйствовать въ ихъ пользу и что сюда ему присланы векселя на значительную сумму, но что онъ можетъ меня увѣрить, что онъ не имѣлъ никакого объясненія ни съ нимъ, ни съ кѣмъ другимъ изъ Верховнаго Совѣта. При этомъ онъ просилъ меня поговорить объ этомъ какъ можно сильнѣе съ фаворитомъ княземъ Долгорукимъ и объявить ему, что я-де не сомнѣваюсь, что всегда, когда какое-нибудь государство сдѣлаетъ какое-нибудь предложеніе этому Двору, противное обязательствамъ, уже принятымъ, онъ приметъ тѣхъ не иначе, какъ снесшись прежде съ союзниками, которые всегда относились и относится со всею откровенностію къ Его Царскому Величеству. Я принялъ совѣтъ Остермана и постараюсь сдѣлать это, если не нынѣ, то завтра же.

«Считаю также долгомъ извѣстить васъ, что есть всѣ признаки примиренія между фаворитомъ и Остерманомъ, хотя я и опасаюсь, что оно никогда не можетъ быть серьезно, особенно со стороны перваго. О примиреніи хлопочетъ фельдмаршалъ князь Долгорукій, и я дѣлаю что̀ могу для той же цѣли.

«Чтобы ослабить въ царѣ необузданную страсть, которую онъ имѣетъ къ охотѣ, и въ тоже время дать ему нѣкоторое понятіе о томъ, что̀ такое войско, думаютъ устроить маневры въ окрестностяхъ города; впрочемъ этого еще не рѣшили. Что касается домашней жизни Двора, тамъ замѣчается большая перемѣна. Царь уже меньше интересуется принцессой Елисаветой, своей теткой; онъ не выражаетъ ей прежняго вниманія и рѣже входитъ въ ея комнату. Генералу Бутурлину, фавориту принцессы (и какъ говорятъ, ея рабу) приказано не являться въ комнаты Его Величества. Всѣ благонамѣренные люди радуются уменьшенію царскаго фаворитизма принцессы, которая четыре дня тому назадъ отпра-

вилась пѣшкомъ за десять или двѣнадцать миль на богомолье ([32]), только въ сопровожденіи одной дамы и Бутурлина.»

23 *Августа.* «Завтра царь пріѣдетъ съ охоты въ эту столицу. Неизвѣстно еще, когда возвратится принцесса Елисавета съ богомолья. Великая княжна поправляется, и въ скоромъ времени надѣются на ея полное выздоровленіе.

«Фаворитъ и Остерманъ теперь примирились совершенно и окончательно, благодаря посредничеству фельдмаршала Долгорукаго, чѣмъ всѣ мы весьма довольны въ виду той пользы, какая можетъ быть отъ этого примиренія для нашего союза и общаго интереса, потому что Остерманъ нашему союзу преданъ страстно, и теперь надѣются, что царь возвратится въ Петербургъ. При всемъ томъ, зная сказаннаго фаворита и принимая во вниманіе его ненависть къ барону, я боюсь, что эта дружба продолжится не долго.

Указъ этого государя о возвращеніи имѣній, конфискованныхъ его дѣдомъ у сторонниковъ царевича, отца царя, исполняется съ величайшимъ жаромъ. И такъ какъ большая часть этихъ имѣній досталась генералъ-лейтенанту Румянцеву (Romanzof), который по приказанію Петра I отправлялся въ Италію для того чтобы схватить царевича, а послѣ былъ посломъ въ Константинополѣ и затѣмъ оставался въ Персіи для улаженія споровъ о границахъ; то меня увѣряли, что этотъ государь послалъ нужныя приказанія на Персидскую границу для того, чтобы арестовать его и привести въ эту столицу.»

30 *Августа.* Съ послѣдней почтой посланникъ Швеціи, баронъ Цердекрейцъ получилъ приказаніе возвратиться къ своему Двору, и онъ расчитываетъ уѣхать въ скоромъ времени; но онъ всѣмъ говоритъ, что къ зимѣ онъ опять пріѣдетъ сюда, и надѣется, что къ тому времени будутъ улажены всѣ недоразумѣнія между его и этимъ Дворомъ. Мнѣ кажется, впрочемъ, что это не легко; по крайней мѣрѣ, если Шведскій король не начнетъ съ того, что дастъ царю титулъ Императора, потому что безъ этого обстоятельства здѣшній Дворъ не хочетъ обращать вниманія ни на какое предложеніе со стороны Швеціи. Не работаетъ ли

([32]) Считая разстояніе по Испанскимъ милямъ, изъ которыхъ каждая равняется $3\frac{1}{2}$ верстамъ, нужно думать, что это мѣсто не Троица, а какое нибудь другое.

надъ этимъ улаженіемъ графъ Вратиславскій? По крайней мѣрѣ, я такъ подозрѣваю, потому что посланникъ Швеціи постоянно въ его домѣ, и они съ посланникомъ Бланкенбурга (интимнымъ другомъ посланника Швеціи и *гувернеромъ* графа Вратиславскаго) обыкновенно запираются по нѣскольку часовъ подъ предлогомъ игры въ *ломберъ* (33) и не допускаютъ даже къ себѣ ни одного слуги. Можетъ быть, я и обманываюсь въ этомъ, но признаки всѣ такіе, что нельзя вѣрить, чтобы они такъ часто собирались только для игры.

«Принцесса Елисавета возвратилась съ богомолья три дня тому назадъ и теперь лежитъ въ постели, нѣсколько нездоровая отъ дорожнаго утомленія. Она теперь въ дурныхъ отношеніяхъ со всѣми. Верховный Совѣтъ причиняетъ ей теперь не мало безпокойства, потому что онъ узналъ, что, не смотря на то, что она имѣетъ свои имѣнія и свои доходы, для стола ей все отпускается изъ царскаго дома. Истребленіе вина, которое дѣлается въ ея домѣ, такъ велико и такъ обходится дорого, что когда Верховный Совѣтъ прошедшіе дни увидѣлъ счеты, то нашелъ нужнымъ приказать, чтобы впередъ въ счетахъ было больше благоразумія, и рѣшилъ не отпускать ничего безъ требованій майордома принцессы, генерала Нарышкина. А этотъ, видя безпорядокъ въ домѣ и невниманіе хозяйки къ его представленіямъ, не хочетъ ни во что вмѣшиваться. Принцесса, поэтому, въ большомъ затрудненіи, не зная что дѣлать; она ждетъ царя, надѣюсь, что онъ однимъ словомъ уничтожитъ всѣ распоряженія Верховнаго Совѣта. Впрочемъ это сомнительно, потому что Его Царское Величество уже не смотритъ на нее съ такою любовію, какъ прежде.

«Торговлю въ Архангельскѣ дозволено производить по прежнему, тогда какъ это было воспрещено царемъ Петромъ I.

«18 человѣкъ въ Смоленскѣ, на Польской границѣ, сдѣлались католиками. Объ этомъ узнали здѣсь; ихъ тотчасъ же схватили и силою заставили возвратиться къ Русской религіи. Одинъ изъ нихъ былъ тверже другихъ въ католической религіи, ему хотѣли отрубить голову; но наконецъ и его склонили, подобно другимъ. Всѣхъ ихъ сослали въ Сибирь, гдѣ они останутся, пока не раскаются въ своемъ отступничествѣ отъ Русской религіи и не возненавидятъ религіи католической.

---

(33) *Un corto rencgado.*

«Объ устройствѣ маневровъ въ окрестностяхъ города уже не думаютъ, потому поздно собирать войска и дѣлать все необходимое для этого, такъ какъ уже наступаетъ осень.»

Друг. письмо отъ того же числа. Конфиденціальное. «Царь все еще на охотѣ. Здоровье великой княжны улучшается. Вчера я имѣлъ честь быть съ нею воспріемникомъ дочери одного контролера при столѣ Его Величества. И такъ какъ здѣсь есть обычай дарить куму, я поднесъ ея высочеству золотой ящичекъ, осыпанный бриллiантами, который мнѣ стоилъ 1800 песовъ. Бриллiанты занимаютъ средину крышки, въ формѣ сердца, подъ которымъ я велѣлъ сдѣлать вензель короля нашего государя: R. P. V (Rex Philippus V). Желаю, чтобы этого не было часто, потому что такіе подарки не на каждый день.

«Графъ Вратиславскій страдаетъ подагрой, почему и отложилъ празднованіе дня рожденія императора до слѣдующей недѣли. Не могу не сказать вамъ по секрету, что въ немъ нѣтъ и тѣни Рабутина, и что я въ моей жизни не видѣлъ другаго человѣка болѣе подозрительнаго и болѣе легко поддающагося дурнымъ внушеніямъ. Впрочемъ я живу съ нимъ такъ, какъ будто не знаю его характера и дѣлаю все возможное, чтобы предотвратить вредное дѣйствіе дурныхъ намѣреній нѣкоторыхъ лицъ, которыя бы хотѣли между мною и графомъ посѣять какую-нибудь ссору, вредную нашимъ общимъ интересамъ. Для избѣжанія этого я стараюсь угождать ему во всемъ, но въ немъ, впрочемъ, не встрѣчаю соотвѣтствующей откровенности. При всемъ томъ, я не даю ему этого знать и не перемѣняю съ нимъ моего обращенія.»

6 Сентября. «Баронъ Остерманъ вчера сказалъ мнѣ, что Англійскій консулъ писалъ ему, извѣщая его о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ и въ тоже время просилъ его извѣстить его, долженъ ли онъ посылать копію съ своего патента и къ кому онъ долженъ адресовать ее. Онъ еще не отвѣчалъ ему, а прежде хотѣлъ представить это письмо Верховному Совѣту, который и рѣшитъ что отвѣчать.

«Поведеніе князя Долгорукаго, фаворита царя (меня увѣряютъ) съ нѣкотораго времени такъ дурно, что я опасаюсь, что онъ мало по малу потеряетъ благоволеніе Его Величества, которому онъ уже не служитъ съ такимъ усердіемъ, какъ прежде. Впрочемъ, еще продолжается доброе согласіе между нимъ и Остерманомъ, который умѣетъ вести дѣла съ благоразуміемъ и тактомъ.

«Нынѣ день имянинъ великой княжны, который празднуется фейерверкомъ, ужиномъ и баломъ, для чего приглашены всѣ иностранные министры.»

13 Сентября. «Съ послѣдней почтой я получилъ одно ваше письмо отъ 2 дня прошлаго мѣсяца, въ которомъ вы меня предостерегаете относительно торговаго трактата. Повинуясь свято волѣ Его Величества, я не буду самъ заговаривать объ этомъ предметѣ, если не заговорятъ со мною эти министры. Поэтому я не буду дѣлать никакого шага впередъ.

«Нѣсколько времени тому назадъ я извѣщалъ васъ, что графъ Вратиславскій представилъ царю двѣ великолѣпныя кареты отъ имени императора; за этотъ подарокъ Его Царское Величество вчера отдарилъ графа собольимъ мѣхомъ дорогой цѣны.

«Три дня тому назадъ я имѣлъ длинный разговоръ съ фаворитомъ, княземъ Долгорукимъ. Я сильно говорилъ ему противъ всѣхъ происковъ Англичанъ во вредъ нашему союзу и убѣдилъ его внушить царю своему государю рѣшеніе твердо держаться этого союза и не обращать вниманія ни на какое противное ему предложеніе. Послѣ этого я долго уговаривалъ его твердо держаться дружбы съ барономъ Остерманомъ, выставляя ему на видъ, что въ согласіи съ нимъ онъ лучше всего можетъ служить своему государю, а оба они могутъ съ большимъ успѣхомъ противостоять своимъ общимъ врагамъ. Онъ далъ мнѣ слово продолжать жить въ мирѣ съ Остерманомъ и во всемъ просить его согласія. За тѣмъ, я говорилъ ему о возвращеніи въ Петербургъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ на это, что уже два раза говорилъ объ этомъ Его Царскому Величеству, что онъ надѣется, что зимою мы возвратимся туда, и что до того времени онъ не надѣется устроить этого, потому что пока еще можно охотиться здѣсь, нельзя сильно настаивать на этомъ; но какъ скоро охотиться будетъ нельзя, онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы отправиться туда съ первымъ же снѣгомъ.

«30 Августа (ст. ст.), въ праздникъ св. Александра, царь далъ обѣдъ всѣмъ кавалерамъ этого ордена и св. Андрея. Какъ Его Царское Величество, такъ и всѣ кавалеры этого послѣдняго ордена уже не надѣвали въ этотъ день голубой ленты, но надѣли красную, потому что всѣ Андреевскіе кавалеры суть вмѣстѣ и Александровскіе, какъ кавалеры ордена св Духа суть всѣ кавалеры св. Михаила.

«Чрезъ нѣсколько дней царь отправится въ ближайшія мѣстности на охоту недѣль на шесть и не возвратится сюда, пока не заставитъ его сдѣлать это дурная погода и недостатокъ дичи.

«Вчера я видѣлся съ барономъ Остерманомъ, и онъ мнѣ сказалъ, что у него былъ посланникъ Даніи и изъ его разговоровъ онъ-де заключилъ, что король его государь нѣсколько разладилъ съ своими союзниками, и что онъ подозрѣваетъ, что тотъ имѣетъ приказаніе заискивать расположенія этого Двора; что хотя онъ еще и не объяснился съ нимъ на этотъ счетъ, но что пожалуй скоро сдѣлаетъ это, о чемъ онъ обѣщался сообщить и мнѣ. Недурно будетъ отвлечь отъ Ганноверскаго союза такого могущественнаго союзника, какъ король Даніи; — почему я такъ думаю, вы легко поймете безъ моего объясненія.

«9 числа уѣхалъ въ свою столицу посланникъ Швеціи, баронъ Цердекрейцъ, говоря въ тоже время, что возвратится сюда къ зимѣ, по каковому поводу ему не дали никакого подарка, но его женѣ великая княжна подарила бриллiантъ цѣною въ 200 доблоновъ.»

Другое, конфиденціальное. «Русскій уполномоченный, который находится на конгрессѣ, очень много жалуется на дука де-Бурнонвиля. Узнавъ, что это министерство недовольно такимъ поведеніемъ дука, я писалъ ему объ этомъ и не сомнѣваюсь, что онъ пойметъ необходимость ладить съ этимъ дворомъ, по крайней мѣрѣ, пока продолжается конгрессъ. Но жалуясь на дука, въ тоже время Русскій уполномоченный весьма хвалитъ другихъ нашихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ, гг. Санта-Крусъ и Барренечеа, говоря, что они относятся къ нему, какъ настоящіе министры союзниковъ.

„Другъ, я не знаю что и отвѣчать этимъ господамъ, которые ежедневно спрашиваютъ меня: да отправлены ли лошади, которыхъ король рѣшилъ послать царю. Умоляю васъ извѣстить меня о положеніи этого дѣла.“

20 Сентября. „Между письмами отъ 9 прошлаго мѣсяца я получилъ и письмо для Его Царскаго Величества, которое я тотчасъ же и передалъ, объяснивъ барону Остерману причину такого замедленія. Онъ мнѣ сказалъ на это, что здѣшній Дворъ всегда держался обычая не извѣщать о вошествіи на престолъ иначе, какъ въ самыхъ кредитивныхъ граматахъ министровъ, которые находятся при иностранныхъ дворахъ и что такъ онъ поступилъ съ императоромъ, королемъ Франціи и всѣми

другими монархами. Послѣ этого баронъ долго читалъ письмо Его Величества и наконецъ сказалъ мнѣ: почему вы пишете императоръ Иберіи и не все ли равно нѣсколько повыше сказать императоръ Всероссійскій? Я отвѣчалъ, что въ этомъ мы слѣдуемъ всегдашнему обычаю и что императоръ Иберіи не все равно, что̀ императоръ Всероссійскій, потому что Иберія не больше, какъ одна провинція, а подъ Всероссіей разумѣется вся монархія: такъ писалъ король и такъ пишутъ всѣ монархи, исключая тѣхъ немногихъ, которые даютъ Его Царскому Величеству титулъ императора. На это онъ мнѣ замѣтилъ, что христіаннѣйшій король ([34]) готовъ дать царю титулъ императора и предлагалъ его подъ условіемъ вступить съ нимъ въ союзъ, но онъ никогда не хотѣлъ вступить въ этотъ союзъ ко вреду для императора (Австрійскаго) и короля нашего государя; что если бы Его Величество (Испан. король) захотѣлъ дать этотъ титулъ царю, онъ былъ бы готовъ войти во всѣ мѣры, которыя были бы необходимы для большей славы нашей монархіи; что тутъ Его Царское Величество вовсе не претендуетъ на какое-нибудь предпочтеніе, что Англійская корона уже полтораста лѣтъ назадъ давала этотъ титулъ Русскому государю, что тоже дѣлали республики Венеціи и Голландіи и короли Швеціи и Пруссіи, и что онъ можетъ увѣрить меня, что императоръ (Австр.) не оскорбится, если король нашъ государь дастъ царю этотъ титулъ. Дозволивъ барону Остерману высказать все, что̀ онъ хотѣлъ, объ этомъ предметѣ, я замѣтилъ, что я не имѣю никакого приказанія трактовать объ этой матеріи. Тѣмъ разговоръ нашъ объ этомъ и кончился, и мы перешли къ другому.

«Послѣ этого баронъ Остерманъ передалъ мнѣ, что онъ читалъ письмо Англійскаго консула въ Верховномъ Совѣтѣ и что онъ былъ удивленъ тѣмъ, что большая часть министровъ, составляющихъ Верховный Совѣтъ, очень готовы благосклонно допустить консула, но что онъ самъ твердо держится нашей стороны и постарается убѣдить своего государя не принимать никакого предложенія со стороны Англичанъ, не сообщивъ о немъ мнѣ и графу Вратиславскому, и что онъ надѣется, что они не успѣютъ здѣсь въ своихъ проискахъ. Я поблагодарилъ его за откровенность и не сомнѣваюсь, что онъ исполнитъ свое обѣщаніе.

([34]) El Rey. Xristianissimo—старинный титулъ Французскихъ королей.

«Третьяго дня царь уѣхалъ на охоту и не возвратится до 10-го Октября, чтобы 12-го Октября праздновать здѣсь день своего рожденія.

«Прошедшій четвертокъ, 16-го текущаго мѣсяца, день имянинъ принцессы Елисаветы, праздновался не во дворцѣ и безъ особенной пышности; въ этотъ день былъ ужинъ и балъ въ домѣ ея высочества, которая принимала поздравленія отъ придворныхъ поутру, и было очень мало явившихся поздравлять ее. Иностранные министры это исполнили по полудни и были приглашены на ужинъ. Я былъ поутру въ назначенный для меня часъ и къ вечеру возвратился на ужинъ. Этотъ день далъ поводъ къ безчисленнымъ толкамъ какъ для туземцевъ, такъ и для иностранцевъ, потому что было замѣчено, что царь пріѣхалъ поздравить свою тетку только предъ ужиномъ, который продолжался очень не долго, и по окончаніи ужина Его Величество тотчасъ же возвратился во дворецъ, не дождавшись бала. Великая княжна, которая пріѣхала съ царемъ, осталась послѣ него и, протанцовавши нѣсколько минутъ, тоже уѣхала; въ тоже время удалилась въ свою комнату и принцесса, выраженіе лица которой не показывало особеннаго довольства. Изъ этого очевидно, что ихъ дружба начинаетъ охладѣвать» ([35]).

PS. Рукою самаго дука де-Лирія: «Въ настоящую минуту Польскій посланникъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла для князя Долгорукаго, отца фаворита царскаго.»

Другое письмо. Конфиденціальное. «Зима приближается быстрыми шагами. Хотя днемъ и не холодно, но ночью морозитъ, и не сильно, но достаточно, чтобы сковать всю поверхность земли.»

27-го Сентября. «Царь уѣхалъ недѣль на шесть на охоту. Этимъ воспользовались всѣ министры и даже члены Верховнаго Совѣта, и баронъ Остерманъ тоже уѣхалъ на недѣлю или дней на десять. Поэтому мы здѣсь весьма бѣдны новостями. Принцесса тоже отправилась въ свой загородный домъ. Осталась здѣсь только одна великая княжна, которая каждый день выѣзжаетъ въ окрестности на прогулку для укрѣпленія

([35]) Въ переводѣ „Записокъ“ дука Лирійскаго стр. 39 начало перемѣны отношеній царя къ принцессѣ Елисаветѣ замѣчается въ день имянинъ княжны Наталіи, 6 Сентября; но въ письмахъ дука мы не находимъ подтвержденія этому. Напротивъ, здѣсь дукъ де-Лирія замѣчаетъ перемѣну эту въ день имянинъ принцессы Елисаветы, 16 Сентября (5 Сен. ст. с.).

своего здоровья, въ чемъ и успѣваетъ. 23 числа текущаго мѣсяца я праздновалъ банкетомъ и иллюминаціей день рожденія принца нашего государя.

Другое письмо отъ того же числа (36). «Графъ Вратиславскій продолжаетъ сидѣть дома съ своей подагрой, и я не могу не сказать вамъ по секрету, что своимъ поведеніемъ онъ мало дѣлаетъ чести величеству своего государя: онъ такой сумазбродъ, что иногда невыносимъ. Впрочемъ при всемъ этомъ, я стараюсь притвориться и не давать ему никакого поводу къ жалобамъ; хотя тѣ, которые желаютъ насъ разсорить, зная его впечатлительность, постоянно подзадориваютъ его, но они не добьются своихъ цѣлей.»

Третье письмо отъ того же числа. Маркезу де-Кастеляръ (37). «Въ эту столицу пріѣхалъ капитанъ Намюрскаго полка, Донъ Франциско де-ля-Велье и тотчасъ же явился ко мнѣ, какъ министру Его Величества. Цѣль его пріѣзда сюда — просить покровительства здѣшняго государя для испрошенія прощенія у короля нашего государя. Вина его та, что онъ убилъ на дуэли лейтенанта того же полка. Явись ко мнѣ, какъ къ министру Его Величества, онъ просилъ меня принять его какъ его офицера. Я отвѣчалъ ему, что хотя мнѣ извѣстна честь и храбрость, съ которой онъ служилъ Его Величеству, но что я жалѣю, что не могу помочь ему такъ открыто, какъ бы того желалъ, потому что онъ находится подъ королевскимъ гнѣвомъ; но при всемъ томъ, въ уваженіе его заслугъ, я постараюсь помочь ему какъ частный человѣкъ, и если-де онъ хочетъ поступить въ здѣшнюю армію, я поговорю объ этомъ съ кѣмъ нужно. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что никто не долженъ думать и воображать, будто онъ явился сюда искать мѣста, потому что, если бы-де онъ имѣлъ эту цѣль, не для чего бы ему отправляться такъ далеко; что онъ всегда служилъ королю нашему государю и умретъ съ голоду, но не будетъ служить другому. Я похвалилъ его ревность и вѣрность и опять

---

(36) Это письмо вѣроятно конфиденціальное, хотя оно и не помѣчено такимъ.

(37) Это военный министръ Испаніи. Этотъ фактъ въ бумагахъ дука де-Лирія интересенъ потому, что доказываетъ, какъ въ это время слава о Россіи распространилась далеко и потому, что въ немъ незадолго до смерти в. княжны Наталіи высказалось доброе сердце этой преждевременно угасшей, многообѣщавшей питомицы Петра Великаго.

сталъ увѣрять его, что готовъ пособить ему, чѣмъ могу. Онъ сталъ меня просить извѣстить васъ о его пріѣздѣ сюда и о цѣли этого пріѣзда для представленія Его Величеству. И такъ какъ онъ бѣденъ и не имѣетъ ничего для своего пропитанія, то онъ выразилъ мнѣ свою надежду, что я-де ему помогу и не оставлю его. Я отвѣчалъ ему, что извѣстить объ этомъ васъ — это моя обязанность, а относительно прочаго, что онъ можетъ быть увѣренъ, что я не оставлю офицера, который служилъ Его Величеству, и особенно его, который служилъ съ такою честію и отличіемъ. Обо всемъ этомъ я доношу вамъ для представленія Его Величеству, королевской милости котораго испрашиваетъ этотъ бѣдный офицеръ, имѣющій надежду и на вашу доброту, и увѣренный, что вы склоните къ этому душу короля, изложивъ ему его заслуги. Я знаю, что онъ хлопочетъ о протекціи этого Двора, а такъ какъ царя нѣтъ, то онъ ищетъ покровительства его сестры, великой княжны »

4-го Октября. Маркезу де-Кастеляръ. «Капитанъ Намюрскаго полка, Д. Франциско де-ля-Велье прибѣгъ къ покровительству великой княжны, сестры царя (котораго здѣсь нѣтъ) чтобы получить прощеніе короля нашего государя. При этомъ я посылаю вамъ въ оригиналѣ письмо, которое пишетъ ко мнѣ баронъ Остерманъ, проси меня отъ имени ея высочества великой княжны представить Его Величеству мольбу въ пользу де-ля-Велье, что̀ я исполняю по моей обязанности. При этомъ я долженъ прибавить, что Остерманъ въ тотъ же день, въ который прислалъ мнѣ сказанное письмо, самъ приходилъ ко мнѣ въ домъ повторить мнѣ по приказанію ея высочества тоже, что̀ выражено и въ письмѣ, и сказалъ мнѣ, что она-де надѣется на величайшее милосердіе Его Величества, что по ея просьбѣ онъ проститъ этого офицера, за каковую милость не только ея высочество останется признательна, но, какъ Остерманъ меня увѣрялъ, и царь его государь сочтетъ ее за доказательство извѣстной доброты сердца короля нашего государя и дружбы, которую онъ питаетъ къ Его Царскому Величеству, и что наконецъ несчастіе этого офицера и отдаленный путь, который онъ предпринялъ, чтобы искать средства для своего спасенія, возбудили такое состраданіе въ ея высочествѣ, что она чрезъ его (Остерманово) посредство убѣждала его (Испанскаго офицера) прямо отправиться въ Мадритъ, не сомнѣваясь, что Его Величество приметъ ея ходатайство съ обычною своею добротою, которой она вѣритъ вполнѣ. Я отвѣчалъ ему, что точно исполню прика-

заніе ея высочества, которую смиренно благодарю за довѣріе къ королю нашему государю и что ея высочество пусть будетъ увѣрена, что для Его Величества ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ воспользоваться этимъ случаемъ для доказательства своего уваженія къ ея высочеству и Его Царскому Величеству, своему другу и искреннему союзнику.“

11 Октября. «Министры начали возвращаться съ своихъ дачъ, между прочими возвратился великій канцлеръ, но не возвратился еще баронъ Остерманъ, хотя меня и увѣряли, что онъ воротится нынѣ,—чего желаютъ съ нетерпѣніемъ, потому что безъ него остановились всѣ дѣла: нельзя даже получить паспорта на проѣздъ въ Петербургъ. Я только что получилъ извѣстіе, что царь возвратится въ городъ дня чрезъ три или четыре.

Другое конфиденціальное. «Я уже приготовилъ мой домъ къ зимѣ. Морозы начались уже сильные, и дай Богъ прежде чѣмъ окончится зима, чтобы король приказалъ мнѣ выѣхать отсюда, потому что на саняхъ ѣхать лучше, чѣмъ какъ-нибудь иначе.»

18 Октября. «Вчера происходила церемонія врученія графомъ Вратиславскимъ царю ордена Бѣлаго Орла отъ имени Польскаго короля, отъ котораго онъ получилъ на это полномочіе какъ кавалеръ этого ордена. Церемоніймейстеръ отправился въ царской каретѣ за графомъ Вратиславскимъ и Польскимъ посланникомъ, и всѣ трое они съ своею свитою отправились во дворецъ. Графъ представилъ свою кредитивную грамату отъ Польскаго короля и послѣ короткой рѣчи возложилъ на царя орденъ. По окончаніи этой церемоніи Польскій посланникъ вынулъ изъ своего кармана другой орденъ Бѣлаго Орла и сказалъ царю, что король его государь проситъ Его Царское Величество удостоить этого ордена князя Долгорукаго, своего оберъ-каммергера и фаворита. Царь, взявши орденъ изъ рукъ посланника, возложилъ его на своего фаворита. При этой церемоніи присутствовали только кавалеры ордена Бѣлаго Орла, которыхъ здѣсь четверо или пятеро и которые всѣ остались обѣдать съ Его Царскимъ Величествомъ, возвратившимся въ городъ только три дня тому назадъ. Царь, впрочемъ, опять скоро уѣдетъ въ деревню и воротится для празднованія дня своего рожденія, 23 Октября (12 Окт. ст. ст.).»

Другое письмо отъ того же числа. «По пріѣздѣ царя изъ деревни, я посѣтилъ фаворита князя Долгорукаго и говорилъ ему о возвращеніи царя въ Петербургъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что говорилъ-де объ

этомъ царю и тотъ обѣщалъ это исполнить, хотя и не опредѣлилъ времени, но что онъ думаетъ, по зимнему пути; но онъ просилъ меня молчать объ этомъ, чтобы не узнали его единоземцы, желающіе оставаться здѣсь.

«Сказанный фаворитъ также спрашивалъ меня, отправлены ли изъ Испаніи мулы и лошади, которыхъ его государь ждетъ съ нетерпѣніемъ и постоянно спрашиваетъ, не получилъ ли я объ этомъ какихъ-нибудь извѣстій. Я отвѣчалъ, что еще не имѣю извѣстія объ ихъ отправкѣ, что-де если эта отправка замедлена, то не по чему другому, какъ потому, что король нашъ государь приказалъ искать такихъ, которые были бы достойнымъ даромъ Его Царскому Величеству. Признаюсь вамъ, я затрудняюсь въ отвѣтахъ на эти постоянные вопросы: да что отправлены ли? Поэтому умоляю васъ, прикажите отправить сказанныхъ муловъ и лошадей; смѣю увѣрить васъ, что царь ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ.»

Третье письмо отъ того же числа. Конфиденц. «Поведеніемъ графа Вратиславскаго недовольны всѣ, даже его сторонники и друзья, такъ что посланникъ Бланкенбурга, къ которому онъ питаетъ наибольшее довѣріе, и тотъ думаетъ, что чѣмъ дольше онъ останется здѣсь, тѣмъ больше онъ повредитъ интересамъ своего государя; поэтому чрезъ посредство герцогини Бланкенбургской графъ ищетъ для себя другую должность, на которую онъ могъ бы поскорѣе уѣхать и выбраться отсюда пока по добру-по здорову: онъ имѣетъ нѣкоторыя надежды на полученіе новой должности, потому что императрица питаетъ величайшее довѣріе къ герцогинѣ (Бланкенбургской) своей матери.

«Изъ прилагаемой при семъ копіи ([38]) письма, присланнаго мнѣ графомъ Фрейтагомъ (Freitag), цезарскимъ посланникомъ при Шведскомъ Дворѣ, вы увидите, что мы не безъ основанія подозрѣвали, что Англія и Швеція старались разсорить Оттоманскую Порту съ нашими союзниками. Письмо сказаннаго Фрейтага я передалъ Остерману, который мнѣ сказалъ, что далъ приказаніе Русскому резиденту въ Данцигѣ пригласить Турецкаго Агу, когда онъ, при возвращеніи изъ Швеціи, пріѣдетъ туда, и убѣдить его проѣхать чрезъ эту столицу. Если это удастся, то я не премину открыть весь секретъ негоціаціи помянутаго Аги, при помощи какихъ-нибудь подарковъ, на которые такъ падка турецкая жадность.

([38]) Копіи этой мы не нашли въ бумагахъ дука де-Лирія.

«Царь далъ приказъ. чтобы кн. Сергій Долгорукій чрезъ 12 дней отправился въ Польшу для присутствованія, въ качествѣ полномочнаго посланника, на тамошней діетѣ, которая, какъ увѣряютъ, на нѣкоторое время отложена по болѣзни Польскаго короля.

«Третьяго дня этому государю исполнилось 13 лѣтъ, и этотъ день во всемъ городѣ торжествовался иллюминаціей, а во дворцѣ роскошнымъ праздникомъ и ужиномъ, на которомъ присутствовали и иностранные министры; былъ также великолѣпный фейерверкъ; дворецъ и царскій садъ были превосходно иллюминованы.»

Другое отъ тогоже числа. «Въ разговорѣ, который я имѣлъ четыре дня тому назадъ съ Остерманомъ, онъ мнѣ сообщилъ такую вѣсть, какія фабрикуются рѣдко. Ему пишутъ, будто мнѣ здѣсь поручено трактовать о женитьбѣ царя на нашей инфантѣ, такъ еще недавно выданной за мужъ за Бразильскаго принца, какъ будто наши браки съ Португаліей не состоялись на самомъ дѣлѣ; къ этому прибавляютъ, будто нашъ Дворъ оттягиваетъ выдачу принцессы, пока не узнаетъ результатовъ моихъ переговоровъ. Онъ мнѣ сказалъ также, что это извѣстіе (оно вышло отъ графа Мафея (Mafey), Сардинскаго посланника) чрезвычайно встревожило Французскій и Англійскій Дворы, и первый даже далъ приказаніе маркизу де-Бранкасъ (de-Brancas) и находящемуся здѣсь секретарю Маньяну (Magnan) разузнать, имѣетъ ли какое-нибудь основаніе это извѣстіе. Остерманъ со мною много смѣялся этому и говорилъ: «дай-то Богъ, чтобы ея католическое величество родила еще дочь, чтобы отдать ее намъ.» Вчера я видѣлъ помянутаго Французскаго секретаря и нарочно коснулся въ разговорѣ этого предмета, чтобы узнать, дѣйствительно ли онъ имѣетъ приказанія на этотъ счетъ; и хотя онъ ясно не признался мнѣ въ этомъ, но изъ его словъ можно было понять, что это дѣйствительно такъ.

«Кстати о бракахъ. Я узналъ, что императоръ и великая герцогиня Бланкенбурга желаютъ сдѣлать брачную мѣну, женивъ царя на дочери герцога Брауншвейгъ-Беверискаго, а старшаго сына герцога на великой княжнѣ. Но эта мысль не исполнима, вопервыхъ потому, что герцогиня Бевериская приходится сестрою матери царя, и слѣд. ея дѣти двоюродныя Его Царскому Величеству, а Русская религія не дозволяетъ браковъ между близкими родными; во вторыхъ, здѣсь никогда не захотятъ выдать великой княжны за младшаго принца; въ третьихъ же, царь еще не ду-

маетъ жениться, а болѣзнь великой княжны требуетъ отложить переговоры объ этомъ дѣлѣ до полнаго ея выздоровленія.

«Что касается принцессы Елисаветы, я вамъ говорилъ уже, что графъ Вратиславскій хотѣлъ бы посватать ее за принца Сульбахскаго (de Sulbach). Мысль эту онъ предлагалъ своему Двору, но она не была принята, а ему было поручено попробовать посватать ее за марграфа Бранденбургъ-Барейтскаго; онъ уже говорилъ объ этомъ съ Остерманомъ, и они рѣшили попробовать, можно ли это сдѣлать или нѣтъ.»

Третье письмо отъ тогоже числа. Конфиденц. «Три или четыре дня тому назадъ я имѣлъ длинный разговоръ съ Остерманомъ. Рѣчь была о современномъ положеніи вещей въ Европѣ. Онъ мнѣ сильно жаловался на дука де-Бурнонвиля, говоря, что царь его государь удивляется тому, что онъ съ азартомъ противился допущенію на конгрессъ Русскаго уполномоченнаго графа Головкина, по тому только поводу, что въ его граматахъ царь называется императоромъ, тогда какъ самъ король нашъ государь безъ затрудненія принимаетъ письма царя, въ которыхъ онъ называется этимъ титуломъ. Я не пишу вамъ объ этомъ въ оффиціальномъ письмѣ, потому что такъ просилъ меня сдѣлать Остерманъ, говоря, что онъ-де увѣренъ, что дукъ де-Бурнонвиль дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ безъ всякаго приказанія и что, поэтому, онъ не хочетъ приносить на это оффиціальной жалобы, но хочетъ, чтобы это дѣло уладилось дружелюбнымъ образомъ. Впрочемъ баронъ мнѣ прибавилъ, что поведеніе дука де-Бурнонвиля возбудило неудовольствіе во всѣхъ министрахъ и особенно въ великомъ канцлерѣ, отцѣ уполномоченнаго на конгрессѣ.»

1 Ноября. «Этотъ государь еще не возвратился съ охоты и, говорятъ, не возвратится, пока погода не помѣшаетъ совершенно этому развлеченію.

«Два фрегата, посыланные въ Киль за тѣломъ герцогини Голштинской, возвратились въ Петербургъ, и еще неизвѣстно, когда будетъ церемонія погребенія и отправится ли для присутствованія при погребеніи принцесса Елисавета.

«Чрезъ одну компаньенку, которая жила въ домѣ князя Меншикова, а теперь живетъ въ домѣ резидента Голландіи (жена котораго ея старая подруга), до принцессы Елисаветы дошло извѣстіе, что ее сватаютъ за старшаго сына марграфа Альберта, дяди Прусскаго короля. Поэтому ея высочество чрезъ посредство одной дамы, по фамиліи Румянцевой

(Romanz-f), которая бываетъ въ домѣ принцессы и пользуется ея любовію и довѣріемъ, дала знать барону Мардефельду, Прусскому посланнику, что если онъ хлопочетъ объ этомъ бракѣ, то пусть оставитъ такой трудъ: потому что ея высочество вовсе не думаетъ выходить за мужъ и никогда не выйдетъ за сказаннаго сына марграфа Альберта. Я не сомнѣваюсь въ справедливости этого извѣстія, потому что мнѣ его передавала самая эта дама, имѣвшая приказаніе принцессы къ барону Мардефельду, который, при этомъ, сказалъ ей, что онъ вовсе не думалъ хлопотать объ этомъ бракѣ.»

8 Ноября. «Надѣемся, что царь скоро вернется въ городъ; къ этому вѣрно его побудитъ наступившая дурная погода: вотъ уже три дня идетъ снѣгъ и морозитъ, хотя и неособенно сильно; не сомнѣваюсь, что онъ пріѣдетъ по крайней мѣрѣ въ воскресенье, потому что въ понедѣльникъ графъ Вратиславскій думаетъ дать свой праздникъ въ честь императора.»

15 Ноября: «Нынѣ у насъ та новость, что великая княжна въ отчаянномъ положеніи; почему Его Величество возвратится въ городъ нынѣ же, такъ какъ Остерманъ отправилъ къ нему курьера извѣстить его о состояніи здоровья ея высочества. Могу увѣрить васъ, это будетъ незамѣнимая потеря для Россіи: ея умъ, разсудительность, благородство, наконецъ всѣ качества ея души выше всякой похвалы. Иностранцы теряютъ въ ней покровительницу, и особенно Остерманъ, къ которому она всегда имѣла величайшее довѣріе. Смерть, угрожающая великой княжнѣ, заставляетъ меня трепетать за царя, который нимало не бережетъ себя, подвергаясь суровости непогоды съ невыразимою небрежностію. Случись, умри этотъ монархъ, здѣсь произойдетъ ужаснѣйшая революція; не берусь предвѣщать, что̀ послѣдуетъ; скажу только, что Россія возвратится къ своему прежнему состоянію, безъ надежды подняться, по крайней мѣрѣ, въ наше время.

«Принцесса Елисавета послѣ царя теперь будетъ ближайшей преемницей короны, и отъ ея честолюбія можно бояться всего. Поэтому думаютъ или выдать ее замужъ, или погубить ее, по смерти царя заключивъ ее въ монастырь. Въ необходимости послѣдняго она убѣждаетъ ежедневно своимъ дурнымъ поведеніемъ и если впередъ не будетъ вести себя лучше, все же кончитъ тѣмъ, что ее запрутъ въ монастырь. Что касается здѣшняго управленія, все идетъ дурно: царь не занимается дѣ-

лами, да и не думаетъ заниматься; денегъ никому не платятъ и, Богъ знаетъ, до чего дойдутъ финансы Его Царскаго Величества; каждый воруетъ сколько можетъ. Всѣ члены Верховнаго Совѣта не здоровы, и потому этотъ трибуналъ, душа здѣшняго управленія, вовсе не собирается. Всѣ соподчиненныя вѣдомства тоже остановили свои дѣла. Жалобъ бездна; каждый дѣлаетъ то, что̀ ему взбредетъ на умъ. Объ исправленіи всего этого серьезно никто не думаетъ, кромѣ барона Остермана, который одинъ не въ состояніи сдѣлать всего. Я полагаю, что здѣсь все готово для революціи, которая можетъ нанести неисправимый вредъ этой монархіи.

«Графъ Апраксинъ, великій адмиралъ, безнадежно боленъ болѣзнію, которая его удручаетъ уже нѣсколько лѣтъ; думаютъ, что онъ не проживетъ и недѣли.

«Графъ Вратиславскій хотя и думалъ дать свой праздникъ въ день св. Карла Барромео, но не сдѣлаетъ этого, потому что царь еще не возвратился, а къ тому же больна великая княжна. Такимъ образомъ онъ отложитъ свой праздникъ до дня, который будетъ угодно назначить Его Царскому Величеству.»

Другое письмо. Конфиденц. «Я слышалъ, что дукъ де-Бурнонвиль жалуется на свое здоровье, и очень можетъ быть, не воротится въ Вѣну. Въ такомъ случаѣ.... понимаете, — не говорю больше, потому что никто не можетъ сравняться со мною въ готовности служить моему королю и никто такъ не желаетъ представить ему доказательства этого, тѣмъ болѣе, что я считаю себя здѣсь не только безполезнымъ, но даже безполезнѣйшимъ, особенно теперь, когда здѣсь во всемъ замѣтно направленіе къ старымъ правамъ, такъ что мы не можемъ и пособить этому. Великая княжна умираетъ, и ея потеря незамѣнима: въ моей жизни я не видалъ принцессы болѣе совершенной. Царь печалится о ней, но ему только 13 лѣтъ, и онъ утѣшится скоро. Здѣсь всѣ командуютъ, и никто ничего не хочетъ дѣлать. О возвращеніи въ Петербургъ не говорятъ; самъ монархъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только объ охотѣ. Отъ насъ, поэтому, благоразуміе требуетъ сидѣть побольше у себя дома "

22 *Ноября.* „Великая княжна попрежнему въ опасномъ положеніи. Всѣ медики, которые ее лечатъ, рѣшили дать ей женское молоко, каковое средство есть единственное, которое еще можетъ помочь ей въ на-

стоящей ея болѣзни. Вчера она уже начала принимать его; нынѣшнюю ночь она провела лучше, чѣмъ прежнія, — это даетъ нѣкоторую надежду на ея выздоровленіе.

«Вчера умеръ великій адмиралъ, графъ Апраксинъ, оставя большое богатство и часть его царю, какъ наслѣднику.

«Въ Астрахани продолжаетъ господствовать моровая язва. Въ Персіи все спокойно. О возвращеніи въ Петербургъ не говорятъ».

Другое письмо Конфиденц. „Завтра, наконецъ, даетъ праздникъ графъ Вратиславскій, потому что великой княжнѣ нѣсколько лучше. Ей медики предписали молоко женщины, какъ единственное средство, которое можетъ вылечить ее. Я теперь могу похвалиться, что еще четыре мѣсяца тому назадъ я предлагалъ это средство, и тогда бы оно было непремѣнно дѣйствительно.

«Завтра исполнится годъ, какъ я при этомъ Дворѣ, и повѣрьте, этотъ годъ стоитъ двухъ, проведенныхъ въ другомъ мѣстѣ. Дай Богъ, чтобы не прожить здѣсь другаго.

«Зима, кажется, еще не думаетъ наступать: вмѣсто снѣга и мороза по утрамъ теперь непроходимая грязь».

29 Ноября. «Съ того времени какъ великая княжна начала принимать женское молоко, здоровье ея не улучшается: надежды на выздоровленіе не предвидится. По тѣмъ удивительнымъ качествамъ, которыя украшаютъ эту принцессу, потеря ея незамѣнима для Россіи. Доброжелательность, умъ, благородство, разсудительность, любовь къ иностранцамъ – вотъ ея главныя качества, которыя составляютъ ея характеръ; царь ее любитъ и имѣетъ къ ней довѣріе. По смерти этой принцессы, непосредственной преемницей царя будетъ принцесса Елисавета, характеръ которой совершенно противоположенъ характеру великой княжны: красота ея физическая — это чудо (maravilla), грація ея неописанна, но она лжива, безнравственна и крайне честолюбива. Еще при жизни своей матери, она хотѣла быть преемницей престола предпочтительно предъ настоящимъ царемъ; но какъ божественная правда не восхотѣла этого, то она задумала взойти на тронъ, вышедши за мужъ за своего племянника, — но и этого не могла добиться: во-первыхъ, потому, что это противно Русской религіи, которая рѣшительно возпрещаетъ браки въ такомъ близкомъ родствѣ; во-вторыхъ, потому, что своимъ дурнымъ поведеніемъ она потеряла благоволеніе царя. Послѣ всего этого, теперь

она живетъ, скрывая свои мысли, заискивая у всѣхъ вообще, а особенно у старыхъ Русскихъ, которые чувствуютъ себя оскорбленными въ своихъ обычаяхъ. Признаюсь, состояніе здоровья великой княжны заставляетъ меня трепетать за жизнь самаго царя. Мнѣ кажется, болѣзнь ея высочества вовсе не грудная, потому что у ней нѣтъ ни одного изъ симптомовъ чахотки. Я не могу выкинуть изъ головы, что ея болѣзнь, судя по ея медленности, происходитъ скорѣе отъ вѣроломства какого-нибудь тайнаго врага, чѣмъ отъ худаго состоянія легкихъ. Если основательны мои подозрѣнія, естественно думать, что тѣ, кто захотѣли погубить великую княжну, не захотятъ, чтобы остался въ живѣ и царь. Этотъ монархъ нимало не бережетъ своего здоровья: въ своемъ нѣжномъ возрастѣ онъ постоянно подвергаетъ себя суровостямъ холода, не воображая даже, что онъ можетъ же наконецъ отъ этого заболѣть. Хотя Остерманъ и учитъ его, но онъ не обращаетъ вниманія на его предостереженія. Долгорукіе же, которые пользуются наибольшимъ его довѣріемъ, не говорятъ ему должной правды; впрочемъ это и не странно: слѣпою уступчивостью всему, чего хочетъ царь, они думаютъ добиться своихъ цѣлей. Отецъ фаворита думаетъ женить царя на своей дочери, а тщеславіе фаворита доходитъ до того, что онъ задумываетъ жениться на принцессѣ Елисаветѣ. Я узналъ положительно, что онъ уже предлагалъ ей это, но ея высочество отвѣчала, что это нейдетъ принцессѣ ея положенія. Изъ всего этого Его Величество король пойметъ всѣ настоящія интриги этого Двора, которыя Остермана и всѣхъ благомыслящихъ людей заставляютъ плакать кровавыми слезами и наводятъ на тысячи печальныхъ размышленій, а главное, заставляютъ призадуматься, что же станется съ этимъ государствомъ, если не будетъ царя. Не могу увѣрять, что на престолъ послѣ него взойдетъ принцесса Елисавета, потому что, хотя она и имѣетъ друзей, но столько же и враговъ. Дочери царя Ивана, старшаго брата Петра I, кажется, тоже будутъ имѣть свою партію. Не будетъ недостатка и въ третьей партіи, съ цѣлью посадить на престолъ какого-нибудь Русскаго и съ этимъ вмѣстѣ возвратиться къ своимъ древнимъ правамъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ нужно ждать всеобщаго переворота, кровавыхъ безпорядковъ, умерщвленія всѣхъ иностранцевъ и возвращенія этой монархіи къ тому положенію, въ которомъ она находилась до великаго Петра I. Шведскій король воспользуется первымъ же случаемъ и въ одну кампанію возвратитъ отъ Россіи всѣ про-

винціи, которыя потерялъ его предшественникъ; Поляки постараются завоевать тѣ провинціи, на которыя они заявляютъ притязанія; Персы не замедлятъ отбросить Русскихъ отъ береговъ Каспійскаго моря, а Татары наводнятъ сосѣдственныя провинціи. Тогда дружба Россіи для нашей монархіи будетъ совершенно безполезна, а новый царь будетъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ его предшественники. Всѣ эти рѣшенія, впрочемъ, стоятъ въ зависимости отъ жизни царя: но онѣ такъ важны, что я счелъ долгомъ высказать ихъ вамъ для представленія Его Величеству.

«23 числа состоялся праздникъ у графа Вратиславскаго. На немъ присутствовалъ царь съ принцессой Елисаветой; хотя они уѣхали въ десять часовъ, но балъ продолжался до четырехъ часовъ утра. На другой день собрались у него всѣ купцы съ своими женами, и онъ употребилъ все, чтобы праздникъ соотвѣтствовалъ величію его государя.»

Другое отъ того же числа. Конфиденц. «Не представится ли случая вытащить меня изъ этой тюрьмы? Вотъ я здѣсь уже годъ съ недѣлей и увѣряю васъ, это слишкомъ длинный періодъ для человѣка, который привыкъ жить въ странахъ менѣе варварскихъ.

«Плачевное положеніе великой княжны продолжается; женское молоко не принесло ей пользы.

«Наконецъ дня два тому назадъ начало морозить; снѣгъ достаточно покрылъ землю, такъ что можно ѣздить на саняхъ. Дай-то Богъ выѣхать мнѣ отсюда на саняхъ прежде окончанія этой зимы!

«Во вторникъ прошлаго 23 числа графъ Вратиславскій далъ свой праздникъ, на которомъ присутствовалъ царь. Истратилъ онъ много, но отличился мало: его праздникомъ недовольны почти всѣ, потому что, не зная самъ здѣшнихъ обычаевъ, онъ не подумалъ посовѣтоваться съ другими.»

PS. «Уже по написаніи этого письма пришелъ ко мнѣ Голштинскій посланникъ. Онъ много говорилъ мнѣ о субсидіяхъ, которыя мы должны герцогу, его государю; онъ мнѣ сообщилъ также объ отвѣтѣ, данномъ его министру, что-де уплатятъ, когда возвратятся Испанскія суда (?). Между тѣмъ онъ просилъ меня написать вамъ конфиденціально, чтобы, для убѣжденія герцога въ добрыхъ намѣреніяхъ короля, оказали какое-нибудь вспоможеніе находящемуся въ Мадритѣ его министру, что ничего не будетъ стоить для короля, но чѣмъ Его Величество окажетъ вниманіе гер-

цогу въ лицѣ его министра. Я думаю, что не мѣшаетъ удовлетворить эту ничтожную претензію и если вы спасете отъ голодной смерти сказаннаго министра, вы доставите удовольствіе герцогу, его государю.»

25 Ноября (5 Декабря) «Наконецъ великая княжна скончалась 22 Ноября (ст. ст.) ([39]) ночью, оставивъ неутѣшными всѣхъ, кто зналъ ея высочество. Царь безконечно опечаленъ этой потерей и на другое же утро выѣхалъ изъ дворца, въ которомъ умерла его сестра и переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ. Не сомнѣваюсь, что эта смерть посодѣйствуетъ нашему возвращенію въ Петербургъ. Остерманъ желаетъ этого съ нетерпѣніемъ, и вчера онъ имѣлъ со мною, графомъ Вратиславскимъ и посланникомъ Бланкенбурга продолжительный объ этомъ разговоръ. Мы разсуждали о способѣ какъ добиться этого. Всѣ согласились въ необходимости, чтобы графъ Вратиславскій, во имя своихъ государей императоровъ, съ настойчивостію поговорилъ объ этомъ царю, впрочемъ неиначе, какъ подъ предлогомъ заботливости, которую имѣютъ о его здоровьи Ихъ Императорскія Величества, что ему-де важно теперь возвратиться къ своему родному воздуху, послѣ того какъ онъ былъ такъ близокъ къ своей сестрѣ во время ея болѣзни, которою такъ легко могутъ заражаться, особенно близкіе родные. Мы также согласились, что для того, чтобы это представленіе произвело надлежащее дѣйствіе на царя, графъ Вратиславскій долженъ былъ сдѣлать оное письменно. Баронъ Остерманъ по секрету просилъ меня написать это представленіе начерно, чтобы предложить его потомъ графу для подписи. Поэтому, вчера я составилъ это представленіе; къ сожалѣнію копіи его нынѣ я не могу вамъ послать по той причинѣ, что черновую я оставилъ у барона Остермана для исправленія. Что выйдетъ изъ этого, не премину извѣстить. Впрочемъ скажу вамъ, что я имѣю большую надежду на успѣхъ нашего предпріятія, во-первыхъ потому, что царь не питаетъ никакой особенной любви къ этому городу; во-вторыхъ, хотя всѣ Русскіе рѣшительно желаютъ удержаться здѣсь, но мы имѣемъ на своей сторонѣ Остермана и фаворита — князя Долгорукаго, который мнѣ сказалъ, что сдѣлаетъ для этого все возможное; въ третьихъ, потому что великая княжна просила царя объ этомъ во время своей болѣзни; въ чет-

---

([39]) По переводу „Записокъ“ Дюка Лирійскаго стр. 45, великая княжна умерла съ 4 на 5 число ночью; тогда какъ отсюда видно, что она умерла 2 числа (н. ст.) Декабря.

вертыхъ, любовь царя къ своей сестрѣ была такъ велика, что его ужасаетъ даже видъ мѣста, въ которомъ онъ ее потерялъ и такъ какъ она погребена въ одной Кремлевской церкви, то скорбь Его Царскаго Величества будетъ возобновляться постоянно при видѣ гроба той личности, которую онъ до сего времени любилъ больше всего, отъ чего пребываніе для него въ этой столицѣ само по себѣ сдѣлается невыносимымъ.

«Принцесса Елисавета не послѣдовала за Его Царскимъ Величествомъ въ Кремль, и меня увѣряютъ, что если Дворъ останется здѣсь, ея высочество будетъ жить въ собственномъ домѣ и никогда во дворцѣ.»

13 Декабря. «Новостей особенныхъ здѣсь нѣтъ. Въ своемъ письмѣ я ограничусь только отчетомъ (хотя онъ будетъ довольно длиненъ) обо всемъ томъ, что̀ произошло со дня смерти великой княжны донынѣ, потому что все проходило чрезъ мои руки и такъ какъ я (не хвалюсь этимъ) былъ главнымъ кормчимъ этого корабля, то и обязанъ, особенно поэтому, объяснить Его Величеству мою дѣятельность.

«Начиная мое донесеніе въ формѣ дневника, скажу, что, когда я 1 числа текущаго мѣсяца былъ у Остермана, вошелъ графъ Вратиславскій и сказалъ намъ, что онъ только что получилъ письмо отъ императрицы для великой княжны и что принцъ Евгеній (Савойскій) пишетъ ему, чтобы онъ поддержалъ то что̀ пишетъ своей племянницѣ Ея Цезарское Величество, впрочемъ, не посылая ни копіи, ни излагая содержанія письма. Намъ показалось дѣломъ большой важности, чтобы великая княжна тотчасъ же получила сказанное письмо, потому что, въ случаѣ, если въ немъ говорилось о возвращеніи въ Петербургъ, ея высочество могла поговорить объ этомъ царю прежде своей смерти. Но для этого нужно было знать содержаніе письма; почему мы рѣшили осторожно вскрыть его. Сдѣлавъ это, мы нашли, что въ немъ не было ничего, кромѣ вѣжливостей и настоятельныхъ просьбъ, обращенныхъ къ царю, чтобы онъ заботился о здоровьи ея высочества. Мы искали иного. Поэтому мы рѣшили въ письмѣ принца Евгенія прибавить постскриптъ въ шифрахъ, который бы говорилъ, что цезари приказали ему сказать графу, чтобы онъ настойчиво хлопоталъ о возвращеніи Двора въ Петербургъ, потому что заботливость-де о здоровьи царя и великой княжны (ихъ племянниковъ) заставляетъ ихъ думать, что для совершеннаго ихъ здоровья ничего не можетъ быть лучше, какъ возвратиться въ страну, гдѣ они родились.

Графъ дѣйствительно приписалъ PS. (1) и на другой же день представилъ письмо императрицы великой княжнѣ уже умирающей, а равно и PS. письма принца Евгенія; и ея высочество тотчасъ же отдала обѣ эти бумаги царю. На 3 число ночью, какъ я извѣщалъ васъ, великая княжна скончалась, и на утро царь переѣхалъ въ Кремль. Въ этотъ день я не могъ видѣть Остермана; возвратившись къ нему 5 числа, я нашелъ его столь неутѣшнымъ, что онъ едва могъ говорить. Я, сколько могъ, сталъ утѣшать его и говорить ему, что теперь онъ не долженъ думать ни о чемъ, какъ только беречь себя и спасти, если возможно, царя, заставивъ его бѣжать изъ Москвы. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что мнѣ извѣстно какъ онъ желаетъ этого, и что онъ не утѣшится до тѣхъ поръ, пока не увидитъ Его Царское Величество далеко отсюда. Я замѣтилъ ему, что мнѣ кажется, что скрываться больше нечего, и графъ Вратиславскій долженъ говорить царю откровенно и ясно во имя своихъ государей. Баронъ мнѣ отвѣчалъ: онъ-де тогоже мнѣнія, но что по секрету онъ мнѣ признается, какъ онъ мало довѣряетъ краснорѣчію графа. Тогда я предложилъ ему сдѣлать дѣло такъ: пусть графъ представитъ царю памятную записку, въ которой бы онъ не забылъ ничего; хорошо написанная и со вниманіемъ прочитанная царемъ, она сдѣлаетъ больше, чѣмъ сколько можно добиться рѣчью. Онъ одобрилъ мою мысль и сказалъ мнѣ, что такъ какъ онъ столько же мало довѣряетъ перу графа, какъ и его краснорѣчію, то онъ усерднѣйше проситъ меня составить эту памятную записку и что онъ берется уже, чтобы ее принялъ графъ Вратиславскій за свою. Я обѣщалъ ему это и тотчасъ же, какъ писалъ вамъ прошлую почту, составилъ эту записку, копію съ которой съ буквальнымъ переводомъ на Испанскій языкъ и посылаю вамъ теперь. По полудни того же 5 числа я возвратился въ домъ Остермана съ черновою. Онъ одобрилъ ее вполнѣ, но сказалъ мнѣ, что прежде чѣмъ дать ее Вратиславскому, нужно, чтобы ее прочиталъ и одобрилъ фаворитъ. Эту комиссію онъ просилъ меня взять на себя въ увѣренности, что я могу уговорить его лучше, чѣмъ кто нибудь другой. Я взялся за это, но не могъ увидѣть фаворита до 8 числа. Между тѣмъ 6 числа я получилъ отъ Остермана записку, въ которой онъ говорилъ мнѣ, что имѣетъ переговорить со мною объ очень важномъ дѣлѣ. Я отправился къ нему немедленно. Онъ встрѣтилъ меня

(1) Стало быть занимались подобными дѣлами не одни князья Долгорукіе, впослѣдствіи обвиняемые въ оныхъ. *П. Б.*

словами, что онъ въ отчаяніи отъ болтливости и поведенія графа Вратиславскаго, который рѣзко жаловался князю Сергѣю Долгорукому, дядѣ фаворита, что послѣдній не обращаетъ на него своего вниманія, какого онъ ожидалъ, будучи министромъ императора, прибавивъ къ этому нѣсколько выраженій о его ребячествѣ и не разсудивъ того, что князь Сергій — открытый врагъ своего племянника. Остерманъ замѣтилъ, что фаворитъ знаетъ уже весь этотъ разговоръ и что онъ самъ разсказалъ ему все это; и хотя онъ и прежде ненавидѣлъ графа по причинѣ безчисленныхъ непріятностей, которыя онъ причинялъ ему своимъ поведеніемъ, но этотъ разговоръ просто вывелъ его изъ себя. Поэтому онъ просилъ меня быть на сторожѣ, когда будетъ случай упоминать фавориту имя графа Вратиславскаго.

„7 числа Вратиславскій мнѣ сказалъ, что онъ на слѣдующій день хочетъ видѣться съ фаворитомъ. Это меня испугало; мнѣ представилось, что онъ разстроитъ все мое дѣло, если будетъ говорить о немъ первый, потому что еще не понималъ его, во вторыхъ по своей болтливости, въ третьихъ, потому что фаворитъ не можетъ терпѣть его вида и только заговори о дѣлѣ графъ, уже достаточно, чтобы фаворитъ пересталъ раздѣлять наши мысли. Сообразивъ все это, я послалъ сказать посланнику Бланкенбурга, чтобы онъ попросилъ Вратиславскаго отъ имени Остермана оставить намѣреніе ѣхать для свиданія съ фаворитомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не извѣститъ его о времени. Посланникъ Бланкенбурга исполнилъ мое порученіе, и этимъ я успѣлъ, по крайней мѣрѣ на время, предохранить отъ разрушенія мой проектъ; и могу увѣрить васъ, ничѣмъ въ жизни моей я не былъ такъ доволенъ какъ этимъ, потому что фаворитъ такъ озлобленъ противъ графа, что, повидайся онъ съ нимъ въ этотъ день, было бы все потеряно.

„8 числа поутру я имѣлъ длинный разговоръ съ фаворитомъ. Выразивъ ему сожалѣніе о смерти великой княжны, я сказалъ ему, что графъ Вратиславскій по секрету показывалъ мнѣ приказанія, которыя онъ имѣлъ отъ своихъ государей, представить Его Царскому Величеству, какъ цезари его государи желаютъ возвращенія Его Царскаго Величества въ Петербургъ, и что я, узнавъ объ этомъ, счелъ долгомъ по секрету извѣстить его сіятельство, думая, что графъ будетъ просить у царя аудіенціи. Къ этому я прибавилъ, что по этому поводу мнѣ пришла одна мысль, которую я еще не открывалъ никому и не желаю исполнить ее

безъ его желанія и вѣдома: не довѣряя краснорѣчію графа, я задумалъ составить для врученія царю памятную записку въ такихъ выраженіяхъ, которыя всего бы лучше могли убѣдить Его Царское Величество, и если бы эта записка удостоилась одобренія его сіятельства, я бы устроилъ такъ, чтобы ее подписалъ графъ какъ свою, и вручилъ царю въ формѣ, какую бы хотѣлъ придать этому его сіятельство. Онъ много благодарилъ меня за мое довѣріе и одобрилъ мою мысль. Тогда я сказалъ ему, что тотчасъ же составлю записку и на слѣдующій день доставлю ее ему. При этомъ я сильно говорилъ ему, какъ важно наше возвращеніе въ Петербургъ: оно полезно царю, монархіи и дому Долгорукихъ, — царю для его здоровья, — монархіи, потому что Его Величество лично будетъ видѣть завоеванія своего дѣда и свой флотъ, который можетъ погибнуть, если Дворъ долгое время будетъ оставаться въ Москвѣ; наконецъ — дому Долгорукихъ, потому что (чего не дай Богъ!), если воспослѣдуетъ какакое-нибудь несчастіе съ царемъ, они всѣ погибли, такъ какъ ненависть народа къ этому дому такова, что онъ навѣрное передушитъ ихъ всѣхъ; но случись это роковое несчастіе съ царемъ въ Петербургѣ, они не рискуютъ такъ, потому что народъ тамъ вовсе не такъ силенъ. Онъ одобрилъ всѣ мои рѣчи и попрежнему обѣщалъ мнѣ сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы убѣдить царя возвратиться въ Петербургъ.

«По окончаніи этого разсужденія онъ началъ открывать мнѣ свое сердце относительно Вратиславскаго и высчитывать противъ него свои жалобы. Онъ мнѣ повторилъ переданное уже мнѣ Остерманомъ, что графъ жаловался на него князю Сергѣю Долгорукому, прибавивъ къ этому, что онъ нимало не нуждается въ его дружбѣ и что пусть графъ остерегается сдѣлать что-нибудь противъ него, онъ-де съумѣетъ принять свои мѣры и заставитъ его раскаяться въ своихъ злоумышленіяхъ, что онъ-де знаетъ, что особенно оскорбляетъ графа Вратиславскаго — это то, что ему не дали ордена св. Андрея; что онъ можетъ меня увѣрить, не будь въ Россіи никого достойнаго быть украшеннымъ этимъ орденомъ, онъ никогда не дозволитъ, чтобы царь его государь далъ его графу. Давши вылить ему всю злобу, я сказалъ ему, что онъ совершенно правъ, будучи недоволенъ Вратиславскимъ, но для нашего общаго блага лучше не давать знать ему объ этомъ; что Вратиславскаго нужно трактовать какъ глупую старуху — имъ нужно пользоваться какъ средствомъ когда нужно, и бросить его, когда онъ ни на что негоденъ.

«9 числа рано поутру я отправился отдать Остерману отчетъ о моемъ разговорѣ съ фаворитомъ. Онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ свою благодарность за дѣятельность, съ которой я трудился въ дѣлѣ, въ которомъ не имѣлъ другаго интереса, кромѣ блага царя и его монархіи. Мы съ нимъ согласились, чтобы я сказалъ князю Долгорукому, что Вратиславскій получилъ новое приказаніе отъ императора настаивать на возвращеніи царя въ Петербургъ и въ тоже время постараться узнать, не пожелаетъ ли Его Царское Величество какой-нибудь милости со стороны императора для своего фаворита, напр. титула князя Римской Имперіи, или имѣнія, которое нѣкогда было дано имъ Меншикову въ Силезіи. Цѣль наша въ этомъ случаѣ была привязать къ нашему плану фаворита возбужденіемъ въ немъ надеждъ на то, что онъ могъ получить отъ Вѣнскаго Двора.

«Отъ Остермана я немедленно отправился къ Долгорукому. Разговоръ съ нимъ я началъ чтеніемъ записки, которую я составилъ для царя. Онъ нашелъ ее очень хорошею. Теперь ему представилось одно затрудненіе — убѣдить Вратиславскаго представить ее: на это я сказалъ ему, что разсчитываю на посредство посланника Бланкенбурга и постараюсь, чтобы записка была представлена царю или на Нѣмецкомъ или на Русскомъ языкѣ. Лишь только я сказалъ, что предполагаю передать ее или по нѣмецки или по русски, онъ произнесъ нѣсколько восклицаній одобренія, говоря, что это единственная форма, въ которой царь прочтетъ ее со вниманіемъ.

«Добившись со стороны фаворита одобренія своей записки, я перешелъ къ другому пункту, о которомъ мы согласились съ Остерманомъ. Я сказалъ ему, что, считая его такимъ задушевнымъ другомъ, я не могу не сообщить ему по секрету одной вещи, которая касается его лично: вчера-де былъ у меня графъ Вратиславскій и показывалъ мнѣ одно письмо, которое онъ только-что получилъ отъ императора, который приказываетъ ему снова настаивать на возвращеніи царя въ Петербургъ, прибавляя къ этому тысячи льстивыхъ выраженій о домѣ Долгорукихъ вообще и о его сіятельствѣ въ частности и давая приказаніе графу развѣдать, не пожелаетъ ли Его Царское Величество со стороны императора какого-нибудь знака благоволенія его сіятельству. Когда я кончилъ это, Долгорукій съ хохотомъ сказалъ: это вѣрно вслѣдствіе того, что Вратиславскій говорилъ обо мнѣ дядѣ моему, князю Сергію, желая попытать меня

и посмотрѣть, не захочу ли я самъ и могутъ ли они взять меня къ себѣ въ слуги. Къ этому онъ довольно спокойно прибавилъ, что безконечно благодаренъ за честь со стороны императора, но что не желаетъ другихъ милостей, кромѣ милостей царя своего государя, а если бы захотѣлъ чего нибудь, то никогда ничего не захочетъ принять чрезъ посредство Вратиславскаго.

„Я отвѣчалъ ему, что если бы въ самомъ дѣлѣ пришлось сдѣлать что нибудь для его удовольствія, мнѣ пожалуй возможно сдѣлать это и безъ посредства Вратиславскаго и что я готовъ служить ему во всемъ, прибавивъ къ этому, что мнѣ было бы пріятно видѣть его владѣтелемъ имѣнія, которое имѣлъ въ Силезіи Меншиковъ. Фаворитъ началъ распространяться въ благодарностяхъ ко мнѣ. Но въ эту минуту вошли въ комнату другіе, и я долженъ былъ прервать разговоръ. Вечеромъ я отправился къ Остерману и передалъ ему свой разговоръ съ Долгорукимъ; онъ остался доволенъ и сказалъ мнѣ, что фаворитъ уже былъ у него и изъявилъ ему полную готовность говорить царю о возвращеніи въ Петербургъ, но что онъ въ величайшемъ затрудненіи, что̀ предпринять съ принцессой Елисаветой, потому что его отецъ, врагъ принцессы, постоянно побуждаетъ его разорвать всякія связи съ ея высочествомъ и что на счетъ-де этого онъ приходилъ просить у него совѣта. Зная, что фаворитъ довѣріе къ себѣ принцессы предпочиталъ всему, онъ посовѣтовалъ ему продолжать быть съ нею въ прежнихъ отношеніяхъ, выставивъ ему на видъ, что царь, можетъ быть, возвратитъ къ ней свое расположеніе.

«Послѣ этого мы разсуждали съ Остерманомъ о томъ, какъ вести дальше нашу затѣю, и согласились, что въ слѣдующій день онъ долженъ пригласить къ себѣ Вратиславскаго и открыть ему все, въ чемъ я предупредилъ князя Долгорукаго, но такъ, чтобы дѣйствующимъ въ этомъ случаѣ былъ онъ, а обо мнѣ не упоминать ни слова; отъ себя онъ долженъ былъ предложить ему составить памятную записку и, по опыту зная, какъ можно лучше убѣдить царя, онъ долженъ былъ предложить ему свои услуги составить ее по нѣмецки и по русски; вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ былъ сказать ему, что-де извѣститъ его, когда нужно будетъ переговорить ему съ фаворитомъ и просить аудіенціи у царя. Остерманъ при этомъ взялся прочитать Вратиславскому хорошую лекцію, чтобы у него что-нибудь не сорвалось съ языка или чтобы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь такого, что̀ могло бы разрушить все наше предпріятіе.

10 числа поутру Вратиславскій былъ у Остермана и отъ него прямо заѣхалъ ко мнѣ; подъ большимъ секретомъ онъ сказалъ мнѣ, что вслѣдствіе приказаній императора настаивать на возвращеніи царя въ Петербургъ онъ долженъ просить у царя аудіенціи; но принимая во вниманіе то, что Его Царское Величество не вникнетъ надлежащимъ образомъ въ то, что онъ могъ бы сказать ему на словахъ, онъ рѣшилъ составить памятную записку, которую онъ представитъ царю на Нѣмецкомъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ. Признаюсь вамъ, я внутренно смѣялся простотѣ графа. Весьма похваливъ его мысль, я сказалъ ему, что я того мнѣнія, что основаніемъ памятной записки должна быть заботливость и любовь, которую цезари питаютъ къ Его Царскому Величеству. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что это уже надо предоставить ему, что онъ-де составитъ такъ-то и такъ-то, передавая мнѣ одинъ за другимъ всѣ пункты составленной мною памятной записки. При этомъ онъ сказалъ мнѣ, что баронъ Остерманъ берется сдѣлать Русскій переводъ, но что это нужно хранить въ большой тайнѣ и что онъ-де надѣется, что я одобрю составленную имъ записку. Я похвалилъ его и согласился съ нимъ во всемъ, что онъ мнѣ передавалъ. Увѣренностію, съ которою онъ говорилъ мнѣ о мысляхъ, которыя онъ хотѣлъ выставить своими, но которыя никогда не приходили ему въ голову, признаюсь вамъ, онъ доставилъ мнѣ величайшее удовольствіе.

«Въ вечеру въ тотъ же день я отправился къ Остерману, который мнѣ сообщилъ, какъ онъ убѣдилъ Вратиславскаго принять мою записку, увѣривъ его, что это онъ составилъ ее; также сказалъ ему, что онъ уже предупредилъ объ этомъ фаворита, не называя меня, но принимая все на себя. Мы согласились съ нимъ, что на утро я скажу фавориту, что мнѣ-де удалось убѣдить Вратиславскаго принять мою записку и что въ скоромъ времени онъ будетъ просить аудіенціи для представленій ея царю.

«11 числа (н. ст.) былъ день св. Андрея, и я былъ во дворцѣ съ поздравленіемъ, но ничего не могъ сдѣлать: я только разсказалъ фавориту, что успѣлъ убѣдить Вратиславскаго принять мою памятную записку и что онъ представитъ ее царю такою, какою я читалъ ее ему. Послѣ этого я еще не видѣлся съ нимъ и что случится, не замедлю сообщить.

«Вчера (12 Дек. н. с.) уѣхалъ князь Сергій Долгорукій посланникомъ въ Польшу.»

Памятная записка (40), составленная дукомъ де-Лирія, отъ имени графа Вратиславскаго, для представленія царю.

«Государь!

«Я не могу пріискать выраженій, чтобы представить Вашему Величеству ту величайшую скорбь, какую причинитъ Ихъ Величествамъ-Цезарямъ, моимъ государямъ, невозвратимая потеря Вашимъ Величествомъ ея высочества великой княжны.

«По постоянному безпокойству Ихъ Императорскихъ Величествъ въ продолженіе всей болѣзни ея высочества можно уже вообразить ту величайшую скорбь, которую причинитъ имъ горестное извѣстіе о ея смерти. Имѣю честь увѣрить Ваше Величество напередъ, что мои государи вполнѣ и во всемъ раздѣлятъ вашу справедливую скорбь.

«Но, государь, качество болѣзни ея высочества, великой княжны, которая уже давна заставляла Ихъ Императорскія Величества бояться роковаго удара, только что разразившагося, заставляетъ ихъ трепетать и за драгоцѣнное здоровье Вашего Величества.

«Любовь, которую Ваше Величество всегда питали къ Вашей вѣчно незабвенной сестрѣ, скорбь, которую причиняетъ Вашему Величеству ея потеря, непрестанное Вашимъ Величествомъ посѣщеніе ея во все время ея болѣзни, наконецъ самая резиденція, гдѣ находитесь Ваше Величество, которая можетъ постоянно возобновлять вашу скорбь, заставляя Ваше Величество припоминать все, что причинило болѣзнь Вашей сестрѣ,—все это заставляетъ содрогнуться сердце моихъ государей.

«Они любятъ Ваше Величество нѣжнѣйшимъ образомъ, и нѣсколько недѣль тому назадъ ихъ любовь заставила ихъ приказать мнѣ просить Ваше Величество оставить Москву, хотя на короткое время и быть поближе къ своимъ недавно завоеваннымъ провинціямъ. Надежда на возстановленіе здоровья ея высочества, великой княжны и отсутствіе Вашего Величества мнѣ воспрепятствовали прежде исполнить приказаніе моихъ государей.

«Ихъ Цезарскія Величества не имѣютъ личнаго интереса просить объ этомъ Ваше Величество съ такою настойчивостію. Искренняя заботливость о драгоцѣнномъ здоровьи Вашего Величества и желаніе наибольшей славы для Вашего Величества лично и для вашей монархіи — суть

---

(40) Записка эта написана по французски. Въ бумагахъ дука она находится во Французской копіи и въ Испанскомъ переводѣ, въ каковомъ онъ ее пересылалъ маркезу де-ля-Насъ.

единственныя побужденія, которыя въ этомъ случаѣ одушевляютъ Ихъ Цезарскія Величества. Они нѣжнѣйшимъ образомъ умоляютъ Ваше Величество не оставлять великихъ завоеваній, добытыхъ героемъ Вашимъ дѣдомъ силою побѣдъ и трудовъ, и быть лично въ виду своего страшнаго флота, который дозволяетъ Вашему Величеству держать въ страхѣ весь Сѣверъ, и который погибнетъ, если Ваше Величество не будете по временамъ его видѣть.

«Гдѣ бы ни была резиденція Вашего Величества, ихъ Цезарскія Величества одинаково разсчитываютъ на дружбу и союзъ Вашего Величества; но они не перестанутъ о Васъ безпокоиться до тѣхъ поръ, пока не увидятъ Ваше Величество въ мѣстѣ вашего рожденія, по крайней мѣрѣ, на время, пока они могутъ быть увѣрены въ здоровьи Вашего Величества и пока нѣсколько ослабѣетъ скорбь, поражающая Васъ теперь.

«Мои государи проситъ этой милости отъ Вашего Величества не какъ заинтересованные союзники, но какъ дяди, которые, смотря на Ваше Величество какъ на собственнаго сына, желаютъ Вашему Величеству очень продолжительнаго и славнаго царствованія.

Дозвольте, Ваше Величество, ихъ Цезарскимъ Величествамъ имѣть утѣшеніе видѣть исполненными ихъ мольбы и мнѣ увѣрить Васъ въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть и пр.»

«Мое оффиціальное письмо вы найдете нѣсколько длиннымъ; но я счелъ своею обязанностію дать подробный отчетъ о моей дѣятельности для пользы нашихъ интересовъ и блага нашей монархіи. Не сомнѣваюсь, что вамъ будетъ пріятно видѣть ко мнѣ довѣріе со стороны этого министерства, а для того чтобы вы видѣли довѣріе ко мнѣ со стороны Остермана, посылаю вамъ копію двухъ записокъ ([41]), которыя онъ писалъ ко мнѣ на этихъ дняхъ. Не знаю, успѣю ли я въ моемъ предпріятіи, но это вѣрно, что мы взяли единственный путь, на которомъ можемъ добиться успѣха. Впрочемъ, я боюсь только одного, что все наше дѣло можетъ испортить болтливость и тупость графа Вратиславскаго.»

20 Декабря. «Моровая язва въ Астрахани совершенно прекратилась, и въ скоромъ времени возобновится торговля съ этими провинціями.

«Швеція, кажется, хочетъ помириться съ этимъ Дворомъ и уже не будетъ выставлять затрудненій въ наименованіи царя императоромъ; здѣсь надѣются, что тотъ Дворъ сдѣлаетъ нѣкоторыя предложенія, кото-

---

([41]) Къ сожалѣнію мы не нашли копіи этихъ записокъ, которыя, можетъ быть, были бы и характеристичны для дѣятельности создателя нашей дипломатіи и ментора нашихъ дипломатовъ.

рыя здѣсь примутъ съ удовольствіемъ. Здѣсь во всякомъ случаѣ рады будутъ уладить дѣло, если только Швеція согласится называть царя императоромъ.»

Другое письмо отъ того же числа. „Продолжаю свой отчетъ о предпріятіи, о которомъ писалъ прошлую почту.

„12 числа я не могъ видѣть фаворита, но видѣлъ Остермана, который мнѣ сказалъ, что имѣлъ случай говорить съ фаворитомъ это утро. Онъ сказалъ фавориту, что у него-де былъ графъ Вратиславскій и сообщилъ ему о приказаніяхъ императора настаивать на возвращеніи царя въ Петербургъ, предупредивъ его, что онъ думаетъ представить объ этомъ царю памятную записку или ноту, на что онъ-Остерманъ отвѣчалъ ему, что надѣется, что онъ-графъ Вратиславскій покажетъ эту записку предварительно фавориту, что̀ Вратиславскій и обѣщалъ-де ему сдѣлать. Остерманъ передалъ мнѣ при этомъ, что во все время, пока онъ говорилъ, фаворитъ улыбался и наконецъ сказалъ ему, что пусть Вратиславскій представитъ ему эту записку сколько возможно скорѣе, что онъ хотѣлъ бы добиться при ея посредствѣ полезнаго результата. Къ этому Остерманъ прибавилъ, что этотъ разговоръ съ Долгорукимъ заставилъ его призадуматься; что онъ боится, откровенно ли дѣйствуетъ съ ними фаворитъ и что если мы узнаемъ, что онъ съ нами лукавитъ, лучше не представлять записки. Онъ просилъ меня поумнѣе попытать фаворита и выпытать его мысли. Я замѣтилъ ему, что не могу представить, чтобы съ нами лукавилъ человѣкъ, который самъ же предлагалъ ему говорить царю о возвращеніи въ Петербургъ и который есть врагъ всѣхъ, которые противятся этому возвращенію; что пусть его превосходительство (Остерманъ) позаботится съ своей стороны проникнуть въ его мысли, а я съ своей.

«Въ тотъ же вечеръ пріѣзжалъ ко мнѣ фаворитъ, но не засталъ меня дома, и послѣ этого я не могъ видѣть его до 14 числа, когда пробылъ у него очень долго и на свободѣ. Разговоръ свой я началъ тѣмъ, что сказалъ ему о письмѣ ко мнѣ принца Евгенія Савойскаго, въ которомъ онъ усерднѣйше проситъ меня хлопотать о возвращеніи царя въ Петербургъ; за этимъ я началъ другой разъ читать ему составленную мною памятную записку для того, чтобы онъ лучше вникнулъ въ нее и повторилъ ему снова, какъ важно для насъ найти въ немъ помощь для успѣха нашего намѣренія. На это онъ мнѣ отвѣчалъ тоже что̀ и другіе разы, что будетъ

говорить объ этомъ Его Величеству съ величайшею настойчивостію и далъ мнѣ слово для достиженія цѣли употребить всевозможныя усилія. Послѣ этого я сказалъ ему, что такъ какъ задумали послать кого-нибудь въ Вѣну съ извѣстіемъ о смерти великой княжны, то хорошо бы сдѣлали, если бы послали кого-нибудь изъ его родныхъ, который бы могъ извѣстить Вѣнскій Дворъ о дѣятельности фаворита и выставить именно ему въ заслугу рѣшеніе царя возвратиться въ Петербургъ, а равно убѣдить то министерство, что этимъ оно одолжено единственно его вліянію. Я предложилъ ему для этого кн. Александра Долгорукаго, его дядю, его искренняго друга и врага всѣхъ другихъ Долгорукихъ, которые противостоятъ фавориту. Онъ поблагодарилъ меня за эту мысль, одобривъ ее вполнѣ, но спросилъ меня: какъ бы можно было это устроить? Я отвѣчалъ ему, что объ этомъ онъ долженъ переговорить съ Остерманомъ, и вдвоемъ они обдѣлаютъ это дѣло такъ, что никто и не узнаетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ объявлено назначеніе посла, — а тогда уже поздно будетъ воспрепятствовать этому. Онъ согласился со мною, и я тотчасъ же отъ него отправился къ Остерману предупредить его объ этомъ и передать ему о содержаніи вообще всего разговора.

«Всѣмъ, что я разсказалъ ему, онъ еще не убѣдился, что князь дѣйствуетъ съ нами за одно, и мы согласились оба каждый съ своей стороны испытать его еще. На другой день послѣ этого, 15 числа, я опять отправился къ Остерману, и онъ мнѣ сказалъ, что Долгорукій говорилъ царю о памятной запискѣ, но что онъ все еще не можетъ быть увѣренъ, благонамѣренно ли дѣйствуетъ фаворитъ или нѣтъ. Почему онъ просилъ меня, чтобы я, какъ только увижу его, разъяснилъ ему, что, если записка не будетъ имѣть ожидаемаго успѣха, то вѣдь вредныя слѣдствія ея представленія падутъ-де на меня, потому что графъ Вратиславскій не преминетъ сказать своему Двору, что это именно я втянулъ его въ это дѣло, и что я-де расчитываю на дружбу его сіятельства и надѣюсь, что онъ не подвергнетъ меня этой опасности безъ вѣроятностей на успѣхъ.

«Послѣ этого Остерманъ мнѣ говорилъ, что онъ боится, чтобы царь снова не влюбился въ принцессу Елисавету, а что фаворитъ, кажется, уже влюбленъ въ нее. Я ему замѣтилъ, что въ любви къ ней фаворита я могу увѣрить его положительно и что съ своей стороны принцесса не презираетъ его, но она еще только въ сомнѣніи, отъ сердца ли идетъ любовь фаворита, или притворная, для какой-нибудь личной цѣли; почему

въ одинъ изъ предшествующихъ дней принцесса говорила, что она давно очень хорошо знаетъ, что онъ ее любитъ, но что желала бы убѣдиться въ искренности.

«Послѣ мнѣ Остерманъ сообщилъ, что у него въ тотъ же день пополудни былъ Польскій посланникъ, г. Лефортъ, который, говоря ему о графѣ Маврикіѣ Саксонскомъ, сказалъ ему, что принцесса Елисавета недавно спрашивала его, гдѣ онъ находится и пріѣдетъ ли, какъ было слышно, въ Москву. На это Остерманъ отвѣчалъ Лефорту въ общихъ выраженіяхъ, что если-де вполнѣ сдѣлается достовѣрнымъ, что принцесса имѣетъ склонность къ графу Маврикію, то онъ готовъ помогать ему, но стороною, а прямо онъ ни за что не будетъ мѣшаться въ это дѣло. При этомъ баронъ просилъ меня, чтобы я чрезъ моихъ друзей постарался разузнать: — что въ самомъ дѣлѣ думаетъ принцесса объ этомъ предложеніи; потому что онъ-де опасается, что Лефортъ воображаетъ со стороны принцессы больше склонности, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

«Фаворита я не могъ видѣть цѣлую недѣлю; но 17 числа я опять видѣлся съ Остерманомъ, который мнѣ сказалъ, что Долгорукій ему откровенно признался, что говорилъ царю о памятной запискѣ не для чего-нибудь иначе, какъ только приготовить его къ этому и съ цѣлію благопріятствовать успѣху нашего намѣренія и что поэтому графъ Вратиславскій долженъ представить ее сколь возможно скорѣе. При этомъ Остерманъ прибавилъ, что онъ все-таки боится, благонамѣренно ли дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ фаворитъ, почему и сомнѣвается, нужно ли представлять записку или нѣтъ, пока я не попытаюсь еще болѣе проникнуть въ душу Долгорукаго. Признаюсь, эти опасенія Остермана меня приводятъ въ отчаяніе, потому что если мы запиской и не добьемся желаемой цѣли, я не понимаю, какой же вредъ она можетъ сдѣлать, если принять во вниманіе выраженія, въ которыхъ она изложена:—. это не больше, какъ просьба дяди, обращенная къ своему племяннику, котораго онъ любитъ и здоровьемъ котораго интересуется. Но въ этомъ не убѣдишь Остермана. Наконецъ мы согласились въ слѣдующемъ: я долженъ былъ подѣйствовать на г. Лефорта такъ, чтобы онъ убѣдилъ свою жену, которая отличается большимъ умомъ и тонкостію и часто видится съ принцессой, при второмъ или третьемъ разговорѣ попытать ее относительно графа Саксонскаго. Вчера я устроилъ это дѣло: мадамъ Лефортъ взялась исполнить его въ самоскорѣйшее время.»

Третье письмо отъ 20 Декабря. Конфиденц. «Не могу сказать, что я здоровъ; съ нѣкотораго времени меня постоянно мучаетъ какая-нибудь болѣзнь. Въ моемъ домѣ весьма много больныхъ, и къ этому еще присоединяется болѣзнь моего кармана, который умираетъ чахоткою, — и это меня повергаетъ въ крайнюю меланхолію. Надѣюсь на васъ, что денежная болѣзнь моя излѣчится, если вы въ самоскорѣйшее время пришлете мое жалованье и освободите меня изъ этой страны, гдѣ я, если еще пробуду нѣкоторое время, потеряю и послѣднее здоровье. Всею душею умоляю васъ, обратите вниманіе на мое положеніе и не дайте мнѣ погибнуть въ этомъ ледяномъ климатѣ, гдѣ не встрѣтишь ничего, что̀ бы могло поправиться, ничего, что̀ могло бы доставить какое-нибудь удовольствіе или удовлетвореніе.

«Каждый день поведеніе моего императорскаго товарища все хуже и хуже, такъ что приходится нянчиться съ нимъ какъ съ дитятей, для того чтобы онъ насъ не оплевалъ или не сдѣлалъ какого другаго безобразія, которое можетъ погубить всѣ наши старанія.»

27 Декабря. «Продолжая свой отчетъ о нашемъ дѣлѣ по вопросу о возвращеніи Двора въ Петербургъ, скажу вамъ, что 20 числа, уже послѣ отправленія прошедшей почты, я видѣлся съ фаворитомъ и сообщилъ ему письмо, которое я получилъ отъ принца Евгенія (Савойскаго), который меня проситъ хлопотать съ моей стороны, сколько возможно, о возвращеніи царя въ Петербургъ. За этимъ я сказалъ ему, что, считая его сіятельство моимъ искреннимъ другомъ, я полагаю, что онъ не дозволитъ, чтобы извѣстная записка была представлена царю безъ вѣроятностей на успѣхъ, потому что, если ея представленіе повлечетъ за собою дурныя слѣдствія, что̀ не понравится императору, — это падетъ на меня, потому что графъ Вратиславскій для своего извиненія непремѣнно скажетъ, что это я побудилъ его къ этому. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не понимаетъ, какъ можетъ вытти изъ нея что̀-нибудь худое, что вѣдь графъ Вратиславскій повинуется приказаніямъ своего государя, которыя онъ можетъ исполнять или устно или письменно, съ тѣмъ только различіемъ, что письменно онъ легче убѣдитъ царя, чѣмъ устною рѣчью, на которую царь не обратитъ вниманія; что касается его лично, ему-де безразлична форма, но что онъ во всякомъ случаѣ готовъ помогать нашему намѣренію. Я замѣтилъ, что моя рѣчь объ этомъ ему не понравилась. Поэтому я показалъ видъ, что вполнѣ соглашаюсь съ его словами,

и сказалъ, что постараюсь убѣдить графа Вратиславскаго возможно скорѣе представить сказанную записку. Онъ мнѣ отвѣчалъ на это, что теперь еще не скажетъ ничего, потому что нынѣ же пополудни хочетъ переговорить съ Остерманомъ и согласиться съ нимъ, что̀ дѣлать. Возвратившись домой, я тотчасъ же послалъ записку Остерману, чтобы предупредить его, о чемъ фаворитъ думаетъ говорить съ нимъ нынѣшній день, чтобы онъ сообразилъ, что̀ ему отвѣчать.

«20 число я былъ у Остермана, и онъ мнѣ сказалъ, что фаворитъ сидѣлъ у него очень долго и очень много говорилъ о запискѣ и что они рѣшили, чтобы Долгорукій передалъ царю ея содержаніе и постарался выпытать у Его Величества, одобритъ ли Его Величество, если графъ представитъ ее. Я похвалилъ эту мѣру, которая мнѣ показалась лучшею и единственною для успокоеній опасеній Остермана, который мнѣ сказалъ при этомъ, что теперь онъ по истинѣ начинаетъ вѣрить въ благонамѣренность фаворита. За этимъ онъ мнѣ сказалъ, что узналъ, что графъ Вратиславскій начинаетъ выходить изъ себя, потому что онъ нѣсколько разъ посылалъ ему сказать, чтобы тотъ притворялся больнымъ и старался не видѣться съ отцомъ фаворита, не объясняя ему для этого поводовъ; что поэтому онъ рѣшился теперь, если я соглашусь съ нимъ, пригласить къ себѣ Вратиславскаго и сообщить ему (еще только въ первый разъ) памятную записку, которую онъ долженъ будетъ представить царю, и въ тоже время объяснить ему поводы, по которымъ ему не нужно было видѣть отца фаворита, пока записка не была еще представлена царю. Я все это одобрилъ, и мы согласились, чтобъ онъ на утро попросилъ къ себѣ Вратиславскаго.

«Послѣ этого онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ никакихъ средствъ убѣдить отца фаворита, чтобы онъ согласился послать своего брата, князя Александра Долгорукаго, въ Вѣну съ извѣстіемъ о смерти великой княжны и что нужно подумать о какомъ нибудь другомъ.

«До 24 числа я не видѣлъ барона Остермана; но въ этотъ день я просидѣлъ у него долго, и онъ мнѣ сказалъ, что фаворитъ еще не нашелъ случая переговорить и передать царю содержаніе записки и что онъ (фаворитъ) думаетъ также настроить принцессу Елисавету, чтобы и она съ своей стороны поддержала нашу мысль о возвращеніи въ Петербургъ.

«При этомъ онъ мнѣ сказалъ, что сдѣлать Нѣмецкій переводъ записки онъ поручилъ барону Краму, посланнику Блакенбурга, который долженъ былъ первый разъ еще показать ее Вратиславскому и убѣдить его одобрить ее и что онъ теперь ждетъ отвѣта графа. Когда мы это говорили, вошелъ Крамъ и сказалъ намъ, что онъ во весь день не могъ видѣть Вратиславскаго, потому что поутру до половины дня онъ былъ въ постелѣ, а послѣ все время игралъ съ резидентами—Императорскимъ и Голландскимъ и что онъ не можетъ переговорить съ нимъ до слѣдующаго дня.

«Въ самомъ дѣлѣ, 25 числа, Крамъ поутру былъ у Вратиславскаго, отъ котораго прямо зашелъ ко мнѣ сообщить, что графъ въ запискѣ находитъ нѣкоторыя вещи, въ которыхъ онъ затрудняется; тѣмъ не менѣе, впрочемъ, одобрилъ ее и обѣщалъ возвратить ее ему-Краму къ вечеру для передачи Остерману. Вратиславскій дѣйствительно это исполнилъ, и она теперь въ рукахъ Остермана, въ ожиданіи, дозволитъ ли царь ее представить или нѣтъ. Фаворитъ еще не далъ на это отвѣта; но думаю, что дастъ его на этой недѣлѣ.»

28 *Декабря.* «Посылаю вамъ при этомъ письмо для короля нашего государя, которое нынѣ далъ мнѣ баронъ Остерманъ, сказавъ мнѣ, что царь его государь не хочетъ пропустить случая возвращенія въ Испанію капитана Донъ Рикардо Валла (Ricardo Wall) (42), для того чтобы возобновить свои увѣренія дружбы и постояннаго намѣренія хранить ее, вмѣстѣ съ поддержаніемъ совершеннаго согласія, и въ тоже время рекомендовать Его Величеству личность этого офицера, который умѣлъ заслужить благоволеніе Его Царскаго Величества во время своего пребыванія въ этой столицѣ. Я выразилъ барону мою благодарность, прося его передать ее также и государю, котораго онъ-де можетъ увѣрить, что король нашъ государь сохранитъ навсегда сердечную и серьезную дружбу и совершенное согласіе съ Его Царскимъ Величествомъ. При этомъ я препровождаю вамъ и копію съ письма, которое далъ мнѣ Остерманъ для короля моего государя. Я тогда не посмотрѣлъ и не спро-

(42) Рикардо Валлъ былъ въ числѣ кавалеровъ дука де-Лирія въ Москвѣ; но Московскій климатъ подѣйствовалъ на него такъ дурно, что врачи посовѣтовали ему поскорѣе убраться изъ Россіи, и теперь онъ отправляется въ Испанію. Письма 27 и 28 числа посланы были съ нимъ.

силъ, обычно ли это писать письмо къ нашему королю на Италіанскомъ языкѣ, что̀ мнѣ показалось новостію, но кажется въ этомъ не найдется ничего несообразнаго, если я увѣрюсь, что и другія письма, которыя царь писалъ Его Величеству, были писаны также по италіански.»

Годъ 1720.

3 Января. «29 Декабря прибылъ въ этотъ городъ графъ Савва (Рагузинскій) изъ своего посольства въ Китай, гдѣ онъ имѣлъ такой успѣхъ, что возстановилъ торговлю, которая нѣкоторое время была прекращена съ тамошнимъ императоромъ. Послѣдній—жестокій варваръ, который ужасно преслѣдуетъ христіанъ, и миссія, въ его владѣніяхъ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Торговый караванъ еще не пришелъ и не придетъ до слѣдующаго года.

«31 числа былъ наложенъ строжайшій трауръ по покойной великой княжнѣ, тѣло которой нынѣ же будетъ выставлено для публики и съ величайшею пышностію, а погребеніе совершится послѣ праздника Рождества (по ст. ст.). Трауръ будетъ продолжаться восемь мѣсяцевъ, и онъ наложенъ не только на прислугу, но и на экипажи и жилища.

«Графъ Александръ Нарышкинъ, родственникъ царя, котораго полтора года тому назадъ послали въ ссылку, на этихъ дняхъ былъ арестованъ. Ему сдѣлали строжайшій допросъ, хотя и не могли открыть его преступленія; впрочемъ подозрѣваютъ, что онъ интриговалъ противъ настоящаго правительства.

«29 числа, въ день рожденія принцессы Елисаветы, было поздравленіе въ домѣ ея высочества, но не было ни праздника, ни какого-нибудь публичнаго торжества, потому что еще не погребено тѣло великой княжны.»

Другое письмо отъ тогоже числа. «Продолжая извѣщать васъ о ходѣ нашихъ хлопотъ по вопросу о возвращеніи въ Петербургъ, скажу, что я видѣлся съ Остерманомъ 27 и 28 чиселъ прошлаго мѣсяца. Въ нашихъ разговорахъ не было ничего особеннаго; онъ только усердно просилъ меня постараться повидаться съ фаворитомъ и поторопить его, чтобы тотъ поговорилъ царю о содержаніи нашей записки. И дѣйствительно, я видѣлся съ фаворитомъ 29 числа. Лишь только я вошелъ къ нему, онъ сказалъ мнѣ, что съ нетерпѣніемъ хотѣлъ видѣть меня, чтобы передать мнѣ, что

наконецъ выбранъ человѣкъ, который назначенъ для отправленія въ Вѣну съ извѣстіемъ о смерти великой княжны,— это князь Репнинъ, капитанъ гвардейскаго полка, его родственникъ и другъ; что этотъ кавалеръ отлично говоритъ пофранцузски и понѣмецки и представитъ всѣ дѣла такъ, какъ ему (фавориту) хочется и что теперь нужно только узнать нѣчто положительное о возвращеніи въ Петербургъ прежде, чѣмъ уѣдетъ Репнинъ, для того чтобы онъ могъ говорить опредѣленно объ этомъ предметѣ съ цезарскими министрами, потому что это будетъ естественно пунктомъ, о которомъ его будутъ спрашивать больше всего. Я постарался поддержать его въ этой мысли.

«Вечеромъ я видѣлся съ Остерманомъ и извѣстилъ его о намѣреніи фаворита. Онъ весьма похвалилъ его и сказалъ мнѣ, что уже видѣлъ его самъ въ тотъ же день послѣ полудня и что арестомъ Нарышкина воспользовался, чтобы доказать ему необходимость возвращенія въ Петербургъ для удаленія отъ тѣхъ, которые могли бы производить какія-нибудь безпорядки подъ предлогомъ дурнаго управленія, что-де фаворитъ принялъ весьма къ сердцу.

«Спустя два дня, я опять видѣлъ фаворита и нашелъ его также расположеннымъ, какъ въ прежнее свиданіе. Онъ меня спросилъ: что долженъ говорить въ Вѣнѣ Репнинъ относительно графа Вратиславскаго? Я отвѣчалъ ему, что мнѣ кажется, лучше не упоминать о немъ, и если что-нибудь спросятъ о немъ, пусть скажетъ, что не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла, ни близкихъ сношеній.

«По полудни я увидѣлъ Остермана, который мнѣ сказалъ, что былъ у фаворита чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я вышелъ отъ него и что онъ увидѣлъ доброе дѣйствіе на него моихъ внушеній, потому что никогда еще не находилъ его такъ сочувствующимъ возвращенію въ Петербургъ. За этимъ онъ мнѣ началъ высказывать жестокія жалобы на графа Вратиславскаго, говоря, что въ послѣднее свиданіе Вратиславскій говорилъ ему съ такою грубостію и жаловался такъ дерзко на то, что ему не дозволяютъ видаться съ отцемъ фаворита, что-де нужно было все его хладнокровіе и благоразуміе, чтобы не разсориться съ нимъ. При этомъ онъ мнѣ признавался, что боится его болтливости и что не успокоится до тѣхъ поръ, пока не будетъ другаго посланника на его мѣстѣ. Я усердно просилъ его скрывать свои настоящія расположенія съ его обычнымъ благоразуміемъ и да не будемъ думать ни о чемъ, какъ

только о благѣ царя и общихъ интересахъ, къ чему направляются всѣ наши усилія, не обращая вниманія на глупости этого министра.

«Здѣсь нѣкоторые говорили, что императоръ хочетъ рѣшительно мира, даже съ пожертвованіемъ интересовъ короля нашего государя и безъ Его Величества, если онъ не приступитъ къ проекту предварительнаго трактата. Но я, получивъ отъ нашего секретаря въ Вѣнѣ, Д. Хозе де-Эскилусъ, свѣдѣнія объ истинныхъ намѣреніяхъ Его Цезарскаго Величества и о послѣднемъ его заявленіи, успѣлъ разувѣрить здѣшнее министерство въ справедливости этихъ слуховъ и показать ему религіозность, съ которою въ этомъ случаѣ ведетъ себя императоръ.»

Отъ того же числа. Конфиденц. «Капитанъ Рикардо Валлъ уѣхалъ пять дней тому назадъ. Съ нимъ я послалъ королевѣ для пальто соболій мѣхъ, который подаренъ мнѣ царемъ въ прошломъ году и стоитъ очень дорого. Надѣюсь, что этотъ мѣхъ ей понравится также, какъ соболь и муфта, мною ей посланные прежде.

«Жалѣю, что Китайскій караванъ не придетъ до слѣдующей зимы; а то бы я прислалъ королевѣ какія-нибудь рѣдкости, которыя вѣрно привезетъ этотъ караванъ.»

10 Января. «На этихъ дняхъ возвратился сюда изъ своего посольства во Францію молодой князь Куракинъ съ намѣреніемъ въ самоскорѣйшее время жениться, потому что онъ остается единственнымъ представителемъ фамиліи, которая есть одна изъ самыхъ древнихъ и самыхъ славныхъ въ этой странѣ.

«Три дня тому назадъ тѣло покойной великой княжны было выставлено для публики съ величайшею пышностію, и на другой же день всѣ иностранные министры отправлялись отдать честь тѣлу и цѣловать ея руку по обычаю этого двора.»

Отъ того же числа. «3 числа вечеромъ я видѣлся съ Остерманомъ; онъ мнѣ сказалъ, что въ тотъ же день пополудни онъ былъ принужденъ дать фавориту копію съ записки, потому что онъ предложилъ прочитать ее царю и постараться узнать, угодно ли будетъ Его Царскому Величеству, чтобы она была вручена ему или нѣтъ. При этомъ Остерманъ выразилъ такую мысль, что, хотя и знаетъ, что царь весьма склоненъ воротиться въ С.-Петербургъ, но не надѣется на успѣхъ нашихъ хлопотъ, потому что опасается, что, когда дойдетъ дѣло до исполненія, Его Величество не будетъ имѣть достаточно рѣшимости устоять

противъ всего того, что будутъ говорить ему Русскіе, для того, чтобы воспрепятствовать его отъѣзду изъ Москвы.

«Фаворита я не могъ видѣть до 6 числа. Въ этотъ день, чтобы попытать его, я сказалъ ему, что графъ Вратиславскій мнѣ говорилъ, что баронъ Остерманъ просилъ его дать копію съ записки, которую онъ имѣетъ представить царю, но что онъ не согласился дать ее, потому что не хочетъ рисковать ничѣмъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдится въ нѣкоторой вѣроятности успѣха. На это онъ мнѣ отвѣчалъ со смѣхомъ, что уже имѣетъ копію съ записки и что теперь ищетъ случая показать ее царю, что вчера онъ говорилъ съ Его Царскимъ Величествомъ и представлялъ ему, какъ важно теперь показаться ему въ Петербургѣ, хотя бы не больше, какъ мѣсяца на два, что послѣ онъ могъ бы воротиться въ Москву опять, но что въ такомъ случаѣ нужно ѣхать немедленно, чтобы къ веснѣ быть обратно сюда. Къ этому фаворитъ прибавилъ, что если царь разъ приметъ рѣшеніе выѣхать отсюда въ Петербургъ и объявитъ его, онъ долженъ сдержать слово, что бы ни стали говорить противъ него тѣ, которые противятся его отъѣзду; что царь уже знаетъ, что посланникъ императора имѣетъ приказаніе своего государя говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ и что онъ, фаворитъ, доставилъ копію съ записки, которую тотъ имѣетъ представить ему, съ цѣлію прочитать ее предварительно Его Царскому Величеству, для чего, впрочемъ, онъ еще не имѣлъ достаточно времени, потому что только одну минуту былъ съ нимъ наединѣ, хотя и держалъ эту записку у себя въ карманѣ на готовѣ, чтобы показать ее царю, но что изъ разговора онъ замѣтилъ въ Его Царскомъ Величествѣ благопріятное расположеніе къ этому путешествію, и царь сказалъ ему, что поговоритъ съ нимъ объ этомъ въ другой разъ обстоятельнѣе. Я постарался укрѣпить фаворита въ этомъ добромъ расположеніи, и онъ мнѣ предложилъ извѣстить меня тотчасъ же о мысляхъ царя, лишь только покажетъ царю записку.

«Вечеромъ я видѣлся съ Остерманомъ, который остался весьма доволенъ тѣмъ, что я сообщилъ ему о моемъ разговорѣ съ фаворитомъ и сказалъ мнѣ по секрету, что у него былъ посланникъ Пруссіи и выражалъ ему свои подозрѣнія относительно частыхъ визитовъ, которые дѣлаетъ принцессѣ Елисаветѣ мадамъ Лефортъ, жена Польскаго посланника, но что онъ отвѣтомъ своимъ разсѣялъ его подозрѣнія.

«Нынѣ я опять былъ у Остермана, и онъ мнѣ сказалъ, что фаворитъ еще не нашелъ случая показать царю записку, но что онъ убѣдилъ принцессу Елисавету съ своей стороны поговорить царю о возвращеніи въ Петербургъ и что, сдѣлавши этотъ шагъ, фаворитъ будетъ уже говорить отъ себя.

«Послѣ этого Остерманъ мнѣ сказалъ, что изъ разговора, который онъ имѣлъ съ Турецкимъ Агой (прибывшимъ сюда нѣсколько дней тому назадъ на возвратномъ пути изъ Шведской столицы, гдѣ онъ былъ нѣкоторое время), онъ могъ узнать, что были очень основательны наши подозрѣнія на счетъ того, что Швеція и Англія хотѣли втянуть Турокъ въ войну съ этой монархіей въ случаѣ Европейской войны, но что Порта не захотѣла войти въ эти соображенія.»

Третье отъ тогоже числа. Конфиденц. «Желая выѣхать изъ этой страны, я требую не многаго: я провелъ здѣсь двѣ зимы и въ добавокъ настоящую, о которой сами туземцы отзываются, что много лѣтъ не запомнятъ подобной; кромѣ того мое здоровье пострадало здѣсь значительно: я страдаю болью въ груди и постоянно вѣтрами».

17 Января. «Благодарю васъ за извѣстіе, что готовы къ отправкѣ лошади и мулы для здѣшняго государя и что ожидается только случай отправить ихъ. Могу увѣрить васъ, что царь ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ; до весны, впрочемъ, потерпитъ, потому что въ настоящее время всѣ здѣшніе порты замерзли.

«Новаго здѣсь нѣтъ ничего особеннаго; все ограничивается приготовленіемъ къ погребенію великой княжны, которое совершится на слѣдующей недѣли.

«До сего времени, не смотря на строгіе допросы, дѣланные графу Нарышкину, обвиненія противъ него не подтвердились никакими доказательствами; даже напротивъ, послѣ того, какъ служанку, которая его обвинила, подвергнули пыткѣ, она отказалась отъ обвиненій, которыя взводила на него вначалѣ.

«Въ прошлую среду былъ новый годъ по ст. ст.; во дворцѣ было большое стеченіе народа, но безъ парада; не было также и обычнаго раздаванія наградъ. Нынѣшній разъ день Крещенія праздновался съ обычною пышностію, была церемонія освященія воды на Москвѣ-рѣкѣ точно также, какъ это было прошлый годъ въ Петербургѣ.»

Другое письмо отъ тогоже числа «Вчера я былъ у барона Остермана, и мы пришли къ тому заключенію, что фаворитъ непремѣнно сталъ склоняться на сторону своего отца и своихъ земляковъ, потому что съ нѣкотораго времени онъ уже слабо относится къ нашему проэкту. Поэтому мы начинаемъ терять надежду на возвращеніе въ Петербургъ.

«Въ этотъ же разъ Остерманъ сказалъ мнѣ, что Англійскій консулъ ѣдетъ въ Москву и что князь Куракинъ посовѣтовалъ ему пріѣхать сюда, что онъ знаетъ положительно, что этотъ Куракинъ при отъѣздѣ изъ Парижа взялся сдѣлать здѣсь нѣкоторыя предложенія въ пользу Англіи и защищать ея интересы. По поводу этой откровенности, я просилъ Остермана послѣдить за поведеніемъ Куракина и напередъ узнать, каковы его предложенія, чтобы отвергнуть ихъ, когда онъ будетъ ихъ дѣлать. Онъ мнѣ обѣщалъ это въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, высказавъ свою приверженность къ нашему союзу. Это ясно показываетъ, что Англичане всѣми возможными путями стараются отклонить отъ насъ это государство, и я не сомнѣваюсь, они бы успѣли въ этомъ, еслибы это зависѣло только отъ Русскихъ магнатовъ, но по счастію это должно итти чрезъ посредство Остермана, который въ отношеніи къ намъ благороденъ, въ высшей степени благороденъ (fino finissimo).»

Третье письмо отъ того же числа. «Мое затруднительное положеніе и бѣдность таковы, что я принужденъ просить васъ доложить о томъ королю нашему государю. Кредиторы уже не вѣрятъ мнѣ больше. Умоляю васъ представить Его Величеству, чтобы онъ приказалъ министру финансовъ уплатить должныя мнѣ деньги: вѣдь мнѣ доселѣ Испанское казначейство должно сорокъ тысячь песовъ по жалованью и экстраординарнымъ расходамъ, которыя я забралъ здѣсь у разныхъ банкировъ и наибольшую сумму у одного Еврея. Послѣдній еще меньше надоѣдаетъ мнѣ, чѣмъ другіе. Теперь мнѣ уже никто не даетъ денегъ въ долгъ, и я вижу себя въ необходимости заложить свое серебро. А что скажутъ эти люди, когда министръ такого могущественнаго государя, какъ Его Величество, котораго королевство служитъ опорою для другихъ государствъ, будетъ нищенствовать такимъ образомъ, какъ я?»

Четвертое отъ того же числа. «Изъ приложенной при семъ копіи (43) вы увидите, на какой шагъ заставили меня рѣшиться несрав-

---

(43) *Копіи съ представленія,* которое дукъ дѣлалъ чрезъ кардинала

ненныя добродѣтели и благочестіе, съ которыми король нашъ государь всегда способствовалъ не только сохраненію нашей святой религіи, но и ея распространенію. Конечно, ничего не можетъ быть пріятнѣе для его королевскаго благочестія, какъ имѣть случай обнаружить свою пламенную ревность къ служенію Богу и своей церкви, которая въ Его Величествѣ имѣетъ наисильнѣйшаго защитника. Эти-то причины и заставили меня льститься надеждою, что Его Величество удостоитъ приказать кардиналу Бентивогліо, чтобы онъ поддержалъ мои старанія съ наибольшею настойчивостію и твердостію, для того чтобы съ достиженіемъ моего плана Его Величество могъ быть виновникомъ такого благочестиваго дѣла и чтобы чрезъ его королевское посредство эти бѣдные католики получили утѣшеніе, въ которомъ они такъ нуждаются.

«Къ сказанной копіи съ записки я ничего не могу прибавить, развѣ только то, что почтенный отецъ Фрай Бернардъ Рибера ([44]) достойный человѣкъ и особенно годный для такого нововведенія, какъ дать здѣшнимъ странамъ католическаго епископа для утѣшенія живущихъ здѣсь (которыхъ не мало и которые держатся въ этой обширной монархіи покровительствомъ Польши, къ которому еще прибавилось покровительство императора послѣ войнъ, бывшихъ у здѣшняго государства съ тою республикой). Здѣшніе католики, благодаря посредству императора и сказанной республики, уже имѣютъ утѣшеніе свободно отправлять свое богослуженіе. Пусть же покровительству Его Величества и славѣ его царствованія они будутъ обязаны такимъ драгоцѣннымъ обстоятельствомъ, какъ таинство конфирмаціи, для того, чтобы еще больше укрѣпляться въ нашей святой вѣрѣ. Я не сомнѣваюсь, еслибы и встрѣтились какія-нибудь затрудненія ввести въ здѣшнія мѣста эту новость, ихъ устранитъ королевскій авторитетъ короля нашего государя при взаимной дружбѣ и союзѣ съ этимъ государемъ; я же льщу себя надеждою преодолѣть другія затрудненія, которыя могутъ встрѣтиться со стороны его министровъ и клира,— чему много пособитъ высокое мнѣніе и уваженіе, которыя заслужилъ здѣсь отъ всѣхъ отецъ Рибера. Наконецъ, это же есть служба Богу и слава

Бентивогліо, Испанскаго представителя при Римскомъ Дворѣ, къ сожалѣнію, мы не нашли.

([44]) Бенедиктинецъ, котораго дукъ де-Лирія привезъ съ собою какъ священника своей домовой капеллы.

Его Величества, и поэтому я не сомнѣваюсь, что вы окажете содѣйствіе къ осуществленію этого дѣла и съ своей стороны. Я надѣюсь, что все что я писалъ въ сказанной запискѣ къ кардиналу Бентивогліо, будетъ одобрено Его Величествомъ.

«Ко всему этому меня подвигло состраданіе (нужно быть очевидцемъ, чтобы имѣть его въ такой степени, какъ я) къ этимъ бѣднымъ католикамъ, лишеннымъ такого драгоцѣннаго и дѣйствительнаго таинства, а главное, служеніе Богу и славѣ нашего государя, котораго верховное пониманіе лучше оцѣнитъ важность этого святаго дѣла и рѣшитъ, какъ ему будетъ угодно.»

Пятое отъ 17 Января. Конфиденц. «Погода здѣсь ужасная; сами туземцы говорятъ, что этого не бывало давно; только и видишь по улицамъ что обмороженные носы и щеки; но средство находится подъ руками: потереть обмороженную часть немножко снѣгомъ, и она излѣчена.»

24 Января. «Продолжая извѣщать васъ о ходѣ нашихъ хлопотъ, чтобы добиться возвращенія въ Петербургъ, скажу, что я начинаю опасаться за успѣхъ; въ нынѣшнемъ году, кажется, не добьемся этого, потому что фаворита я нахожу очень охолодѣвшимъ къ этому дѣлу и хотя уже нѣсколько дней (какъ я извѣщалъ васъ) у него въ рукахъ копія съ записки, которая предполагалась быть представленною къ царю, но онъ еще не показалъ ее царю,—почему я начинаю даже сомнѣваться, покажетъ ли онъ ее. Баронъ Остерманъ того же мнѣнія объ этомъ пунктѣ, а самъ онъ не имѣетъ достаточно авторитета, чтобъ убѣдить царя безъ помощи фаворита и князя Долгорукаго, его отца, который больше всѣхъ противится возвращенію въ Петербургъ.

«На дняхъ Остерманъ мнѣ сказалъ, что наконецъ онъ отвѣчалъ Англійскому консулу, что его-де патентъ будетъ допущенъ, если онъ будетъ написанъ въ надлежащей формѣ; почему консулъ теперь долженъ писать своему Двору, чтобы ему выслали новый патентъ, написанный въ обычныхъ терминахъ. Между тѣмъ я какъ нельзя больше убѣдился, что посланникъ Вольфенбюттеля работаетъ здѣсь за Лондонской Дворъ, потому что имѣетъ частыя конференціи съ здѣшними министрами, и кромѣ того на дняхъ онъ въ сильныхъ выраженіяхъ убѣждалъ Д. Хакоба Кейта ([45]) помириться съ Англіей и возвратиться на ея службу; но

([45]) Хакобо или Яковъ Кейтъ, Англійскій эмигрантъ и сторонникъ Стюартовъ, впрочемъ изъ протестантовъ; послѣднее было причиною

тотъ не хотѣлъ слушать его. Послѣ того, какъ Хакобъ сообщилъ мнѣ свой разговоръ съ посланникомъ Вольфенбюттеля, три дня тому назадъ, мы рѣшили съ Остерманомъ попытать его, не поведетъ ли онъ того же дѣла и со мною. Для этой цѣли, подъ видомъ крайней довѣренности, я сказалъ ему, что жалѣю, что нахожусь въ дурныхъ отношеніяхъ съ настоящимъ правительствомъ Англіи, тогда какъ судя по тому, что настоящій король, въ бытность мою въ Лондонѣ, принялъ меня съ почетомъ, я могъ бы теперь надѣяться на возвращеніе мнѣ всѣхъ почестей, еслибы до сего времени не находился въ разладѣ съ его министерствомъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это легко уладить; но въ дальнѣйшія объясненія онъ не захотѣлъ входить, хотя я и вызывалъ его на нихъ. Не знаю, какимъ путемъ, но графъ Вратиславскій узналъ объ этомъ разговорѣ, и я знаю, что онъ сталъ смотрѣть на меня подозрительно. Онъ не соображаетъ того, что еслибы я хотѣлъ помириться съ Лондонскимъ Дворомъ, я бы вовсе не сталъ искать посредства посланника Вольфенбюттели, имѣя въ Англіи столько родственниковъ и друзей; кромѣ того, я знаю, какая кровь течетъ въ моихъ жилахъ, и мнѣ еще не приходило въ голову перемѣнять систему. Впрочемъ, я стараюсь притворяться съ нимъ и сообщилъ ему о моемъ разговорѣ съ посланникомъ Вольфенбюттеля, какъ будто и не зная о томъ подозрѣніи, которое этотъ разговоръ возбудилъ въ немъ.

«На этой недѣли я говорилъ съ фаворитомъ три или четыре раза, и каждый разъ онъ мнѣ отвѣчалъ, что ждетъ случая показать царю записку; но я вижу, что онъ очень ослабѣваетъ въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ я не перестану напоминать ему объ этомъ и если не добьюсь чего желаю, по крайней мѣрѣ это будетъ не по недостатку стараній.

«Герцогъ Бланкенбурга съ послѣдней почтой пишетъ барону Краму своему посланнику, что посланникъ Вольфенбюттеля получитъ отъ своего Двора приказаніе возвратиться, но поѣдетъ чрезъ Швецію для исполненія секретной комиссіи. Это ясно показываетъ, что этотъ министръ дѣйствовалъ здѣсь въ интересахъ Англіи: герцогъ Вольфенбюттеля не имѣетъ особенныхъ дѣлъ съ Дворомъ Шведскимъ, кромѣ того, чтобы помогать сближенію его съ Дворомъ Британскимъ».

того, что онъ не былъ принятъ въ Испанскую службу, а по рекомендаціи дука де-Лирія былъ принятъ въ 1728 году въ Русскую службу съ чиномъ генералъ-маіора.

31 Января. «Для доклада Его Величеству, я не могу не извѣстить васъ о разговорѣ, который я имѣлъ на прошлой недѣлѣ за ужиномъ съ фаворитомъ Долгорукимъ и старшимъ конюшимъ Ягужинскимъ. Послѣдній началъ спрашивать меня, сколько всѣхъ кавалеровъ ордена Золотаго Руна, давно ли учрежденъ этотъ орденъ, какой былъ поводъ его учрежденія и о тысячѣ другихъ подобныхъ предметовъ. Я тотчасъ же понялъ, съ какою цѣлію дѣлаются всѣ эти вопросы и отвѣчалъ на нихъ какъ только могъ. За тѣмъ онъ спросилъ меня: ужели нужно быть непремѣнно католикомъ, чтобы имѣть этотъ орденъ? Я отвѣчалъ ему: да, потому что въ одномъ изъ правилъ ордена прямо сказано, что если какой нибудь кавалеръ впадетъ въ преступленіе ереси, онъ немедленно исключается изъ ордена. Спустя нѣсколько минутъ, Ягужинскій отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что всѣ вышеизложенные вопросы онъ предлагалъ мнѣ потому, что какъ царю, такъ и фавориту пріятно было бы имѣть орденъ Золотаго Руна. Я отвѣчалъ ему на это очень холодно сожалѣніемъ о невозможности. На слѣдующій день Ягужинскій былъ у меня и опять повелъ разговоръ о томъ же предметѣ, говоря, чтобы я постарался устроить это дѣло. Я отвѣчалъ ему тоже, что̀ и наканунѣ, что это вещь невозможная.

«Въ тотъ же вечеръ я былъ у барона Остермана, къ которому, какъ вы уже давно знаете, я имѣю особенное довѣріе: я разсказалъ этому *мудрому* министру все, что̀ у меня произошло съ Ягужинскимъ и что̀ я ему отвѣчалъ. Къ этому я прибавилъ, что если бы и возможно было обойти законъ въ пользу царя, какъ коронованной главы, то отнюдь не въ пользу фаворита, который не больше какъ частный человѣкъ подобно мнѣ; кромѣ того, я никогда не посовѣтую королю моему государю дать Золотое Руно одному изъ подданныхъ Русскихъ, хотя бы онъ былъ и католикомъ, чтобы не случилось того же, что̀ уже случилось съ нѣкоторыми, которые имѣли иностранные ордена и умерли отъ руки палача самымъ позорнымъ образомъ, чего никогда не было въ нашемъ славномъ орденѣ и что̀ только бы унизило его. Остерманъ мнѣ отвѣчалъ на это, что я правъ, но что онъ скажетъ-де мнѣ по секрету, что царю очень хочется имѣть орденъ Золотаго Руна и что если бы то устроить, это доставитъ большое удовольствіе Его Царскому Величеству; что нѣтъ-де большаго различія между религіей Католической и Греческой и что въ орденѣ Золотаго Руна нѣтъ ни одного правила, котораго бы не могъ исполнить Рус-

скій кавалеръ его, Греческой вѣры, какъ напр. служить 15 мессъ за души умершихъ братій, потому что въ Греческой религіи совершается таже церемонія; что Мальтійскій орденъ по правиламъ также не дается не. католикамъ, но въ бытность фельдмаршала Шереметева на островѣ Мальтѣ великій магистръ ордена, Переллосъ, съ разрѣшенія папы, почтилъ его большимъ крестомъ и титуломъ судьи (bayliо) и что, наконецъ, если этого отличія удостоенъ подданный, то конечно подобнаго отличія можетъ быть удостоенъ такой великій монархъ, какъ царь его государь. Я отвѣчалъ ему, что онъ правъ въ своихъ словахъ, тѣмъ не менѣе я не рѣшусь предложить этого своему королю оффиціально, но напишу объ этомъ вамъ конфиденціально. Впрочемъ, я считаю нужнымъ написать вамъ объ этомъ оффиціально для представленія Его Величеству. Примѣръ фельдмаршала Шереметева очень силенъ; и мнѣ кажется, если удовлетворить домогательству царя и дать ему нашъ славный орденъ — это произведетъ удивительное впечатлѣніе во всей Европѣ; разрѣшеніе папа навѣрное дастъ.»

Другое отъ того же 31 Янв. «Нынѣ съ величайшею пышностію совершилось погребеніе великой княжны.

«Прошлую недѣлю я почти каждый день видѣлся съ фаворитомъ кн. Долгорукимъ и надоѣдалъ ему по извѣстному вамъ дѣлу о возвращеніи въ Петербургъ. Хотя самъ онъ и кажется склоннымъ къ этому, но онъ не можетъ убѣдить тѣхъ, которые противятся сказанному возвращенію, и особенно своего отца, который, чтобы лучше отклонить царя отъ этого, убѣдилъ его отправиться на нѣсколько недѣль на охоту за пять миль отсюда по Кіевской дорогѣ, и когда онъ возвратится сюда, уже начнетъ таять и дороги будутъ испорчены; почему, если и остается нѣкоторая надежда на возвращеніе царя въ Петербургъ, то конечно это будетъ уже слѣдующей зимой. Это приводитъ въ отчаяніе всѣхъ, желающихъ царю добра; потому что кромѣ того, что онъ рискуетъ повредить своимъ дѣламъ, онъ въ большой опасности для своего здоровья по причинѣ въ высшей степени безпорядочной и утомительной жизни, какую онъ ведетъ здѣсь. Баронъ Остерманъ въ отчаяніи и не въ состояніи помочь этому. Фаворитъ также очень жалѣетъ объ этомъ; только, по несчастію для этой монархіи, въ дѣлахъ существенныхъ больше силы имѣетъ князь Долгорукій — отецъ фаворита, чѣмъ этотъ. А что меня приводитъ въ отчаяніе—это-то, что графъ Вратиславскій, какъ министръ императора, дяди

царя, могъ бы говорить съ настойчивостію, еслибы имѣлъ здѣсь хоть какой-нибудь кредитъ; а онъ не только не имѣетъ его, но каждый день все больше и больше возбуждаетъ къ себѣ ненависти и отвращенія въ Русскомъ народѣ.

„Принцесса Елисавета замѣтно въ немилости у царя, который не видѣлся съ ней вотъ уже три недѣли. Это подаетъ большія надежды тѣмъ, которые хлопочатъ объ интересахъ графа Маврикія Саксонскаго; кромѣ того, сама принцесса показывается довольно склонною къ этому союзу; теперь приходится только подождать, пока жена Польскаго посланника найдетъ случай откровенно поговорить съ принцессою, и тогда посовѣтуютъ графу пріѣхать сюда и лично покончить дѣло.

„Судъ надъ Нарышкинымъ идетъ медленно, и неизвѣстно чѣмъ кончится; въ чемъ его преступленіе, также неизвѣстно.“

Третье отъ того же числа. Конфиденц. „Признаюсь, я того мнѣнія, если бы дать Золотое Руно здѣшнему монарху, этотъ шагъ произвелъ бы удивительное впечатлѣніе не только здѣсь, но и во всей Европѣ, — здѣсь, потому что царь увидѣлъ бы, что ему дѣлаютъ то, чего не сдѣлали ни одному монарху, котораго религія отличается отъ римско-католической, — въ Европѣ, потому что наши враги узнали бы изъ этого что наша монархія находится въ союзѣ съ здѣшней, сила которой не перестаетъ мозолить имъ глаза. Правда, что противно нашимъ статутамъ еретику имѣть нашъ орденъ Золотаго Руна, но есть большое различіе между еретикомъ и схизматикомъ-Грекомъ. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что дѣло идетъ о монархѣ; а такъ какъ папа разрѣшилъ дать орденъ Мальты фельдмаршалу Шереметеву, его святѣйшество конечно не затруднится дать нужное разрѣшеніе и для царя, потому что чрезвычайно незначительно различіе между вѣрованіемъ Русскимъ и нашимъ. Для убѣжденія васъ въ этомъ я разскажу вамъ слѣдующее: между мною и графомъ Братиславскомъ зашелъ споръ о томъ, истинно ли жертвоприношеніе, приносимое Русскими на ихъ литургіи, и ихъ епископы и священники дѣйствительно ли таковы на самомъ дѣлѣ. Графъ поддерживалъ противное мнѣніе, я былъ на сторонѣ Русскихъ. Пять мѣсяцевъ тому назадъ я объ этомъ писалъ въ Римъ. Рѣшеніе, которое я получилъ оттуда, состоитъ въ слѣдующемъ: епископы и священники Русскіе суть таковы поистинѣ; они освящаютъ хлѣбъ и вино также дѣйствительно, какъ и наши, и когда у насъ нѣтъ католической мессы, мы исполнимъ зано-

вѣдь церкви относительно праздника, слушая литургію Русскую. Вы мнѣ простите эти запоздалую вѣсть, но я всегда забывалъ извѣстить васъ объ этомъ рѣшеніи, которое я получилъ изъ Рима. Мнѣ кажется, лучше сообщить вамъ ее поздно, чѣмъ никогда.

„Я долженъ также сказать вамъ, что царь, добиваясь ордена Золотаго Руна отъ короля нашего государя, тѣмъ самымъ дастъ знать, что онъ не признаетъ другаго магистра этого славнаго ордена, кромѣ Его Величества, — обстоятельство ([46]), важное по многимъ причинамъ, которыя ваша проницательность пойметъ безъ моихъ объясненій.

«Коль скоро король нашъ государь удостоитъ сдѣлать эту милость, не дурно будетъ, если онъ по секрету поручитъ кардиналу Бентиногліо попросить на это у папы разрѣшенія, а вы мнѣ сообщите инструкцію, въ какой формѣ я долженъ буду сообщить его, давъ въ тоже время Д. Хуану Каскосъ характеръ секретаря ордена на этотъ разъ.»

7 Февраля. «Идутъ приготовленія къ скорому отъѣзду царя, который, увѣряютъ, пробудетъ внѣ столицы мѣсяца три.

«Вчера всѣ иностранные министры имѣли аудіенцію у царя, для выраженія отъ своихъ дворовъ сожалѣнія о смерти великой княжны.

«Вчера же посланникъ Вольфенбюттеля имѣлъ прощальную аудіенцію и ѣдетъ прямо къ себѣ домой. Стало быть, то извѣстіе, что онъ поѣдетъ сначала въ Швецію съ секретнымъ порученіемъ, ложно.

«Я узналъ, что графъ Вратиславскій очень ревнуетъ меня, что я имѣю частыя конференціи съ барономъ Остерманомъ и фаворитомъ. Не принимая во вниманіе того, что я нахожусь въ искренней дружбѣ и хорошихъ отношеніяхъ съ этими министрами, онъ взялъ себѣ въ голову, что я хлопочу здѣсь въ пользу короля Іакова и что будто бы мнѣ поручена здѣсь покупка кораблей.»

Другое отъ тогоже числа. Конфиденц. «Не знаю, приметъ ли король мое предложеніе, о которомъ я писалъ вамъ прошлый разъ, именно относительно ордена Золотаго Руна; но если король одобритъ его, не дурно бы въ подарокъ царю прислать орденъ осыпанный бриллiантами.

«Молю Бога, чтобы первое приказаніе, которое я получу отъ васъ, было приказаніе выѣзжать отсюда и во всякомъ случаѣ возвратиться къ

([46]) Испанія и Австрія издавна спорили и доселѣ не рѣшили, кто магистръ этого ордена, Испанскій ли король или Австрійскій императоръ.

моей бѣдной фамиліи, потому что, признаюсь вамъ, два года, которые я провелъ въ разлукѣ съ нею, мнѣ показались двумя вѣками. Хотя мое отсутствіе и недолговременно, но я скорблю, что не могу имѣть больше дѣтей (моей женѣ будетъ скоро сорокъ лѣтъ), а хотѣлъ бы имѣть много, чтобы передать имъ желаніе приносить себя въ жертву нашему святому государю.»

14 февраля. «Мы уже нѣсколько разъ разсуждали съ графомъ Вратиславскимъ о частыхъ отлучкахъ царя. Наконецъ было рѣшено, что царь отправится за 50 миль для охоты на три или четыре мѣсяца. Принимая во вниманіе то, что при настоящихъ обстоятельствахъ не только вредно, но и неприлично оставаться намъ такое долгое время безъ всякаго дѣла, безъ возможности съ кѣмъ сноситься о дѣлахъ, такъ какъ съ Его Величествомъ отправляются и большая часть его министровъ, мы рѣшили — какъ это и сдѣлали на прошлой недѣлѣ — говорить объ этомъ великому канцлеру, барону Остерману и другимъ членамъ Верховнаго Совѣта, представивъ имъ неудобства и опущенія, которыя могутъ быть слѣдствіемъ такого долгаго отсутствія царя и что мы иначе будемъ вынуждены представить нашимъ государямъ о безполезности нашего пребыванія въ этой столицѣ, гдѣ нѣтъ царя, ни лица, назначеннаго Его Царскимъ Величествомъ для выслушанія насъ всякій разъ, какъ мы получаемъ какое-нибудь приказаніе отъ нашихъ Дворовъ. Результатомъ этого представленія было то, что царь не только еще не отправился, какъ это было рѣшено, но онъ и не выѣдетъ изъ Москвы еще въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ недѣль. Хотя это рѣшеніе и не было сообщено намъ оффиціально, мы однакоже достовѣрно знаемъ о немъ отъ самихъ министровъ; впрочемъ, предлогомъ, по которому отложенъ выѣздъ царя изъ Москвы, выставляютъ то, что Его Царское Величество прежде отъѣзда хочетъ отпраздновать годовщину своей коронаціи, которая будетъ 7 марта.

«Я частнымъ образомъ также говорилъ съ фаворитомъ, княземъ Долгорукимъ, и третьяго дня онъ меня увѣрялъ, что его государь никакъ не отлучится на опредѣленный срокъ, что такъ далеко не поѣдетъ на охоту и что будетъ развлекаться сю только въ окрестностяхъ города на разстояніи 8 или 10 миль.»

Другое отъ тогоже числа. Конфиденц. «Мое безденежье и то, что Жидъ уже не вѣритъ мнѣ въ долгъ, принудило меня отдать въ

его руки большую часть моего серебра и даже мое Золотое Руно съ брилліантами.»

21 февраля. «Считая долгомъ точно извѣщать короля нашего государя о всемъ, что происходитъ при этомъ Дворѣ, въ исполненіе своей обязанности, я препровождаю къ вамъ отчетъ о настоящемъ положеніи внутреннихъ дѣлъ.»

«Всѣ очень недовольны чрезмѣрною властію дома Долгорукихъ, которые управляютъ всѣмъ и съ крайнимъ произволомъ. Фаворитъ, увѣренный въ царской къ нему любви, не слѣдуетъ за Его Величествомъ съ должнымъ раченіемъ, но большую часть времени проводитъ въ собственныхъ удовольствіяхъ. Я, находясь съ нимъ въ хорошихъ дружескихъ отношеніяхъ, говорилъ ему объ этомъ не разъ; но все напрасно. Понятно, что не станетъ дѣло за людьми, которые постараются погубить фаворита, разсказавъ царю объ его дурной жизни. Я даже думаю, что его отецъ, изъ зависти къ нему, будетъ говорить противъ него же. Послѣднее намъ покажется страннымъ, но я долженъ сказать вамъ, что здѣсь никто не хочетъ знать никакого закона; каждый добивается своей цѣли, а для достиженія ея жертвуетъ отцомъ, матерью, дѣтьми, родными и друзьями.

«Князь Голицынъ, котораго вы знаете по Испаніи и который здѣсь каммергеромъ, правится царю больше другихъ. Онъ изъ дома, который всегда находился во враждѣ съ Долгорукими; онъ уменъ, а отецъ его одаренъ отличными способностями и человѣкъ очень рѣшительный. Если Голицынъ войдетъ въ милость царя и сдѣлается его фаворитомъ, домъ Долгорукихъ тогда погибъ; въ правительствѣ должна произойти совершенная революція, и всѣ иностранцы должны считать себя погибшими, потому что вообще всѣ Голицыны ненавидятъ ихъ.

«Съ другой стороны въ Москвѣ всѣ ропщутъ на образъ жизни царя, виня въ этомъ окружающихъ его. Любящіе отечество приходятъ въ отчаяніе, видя, что государь каждое утро, едва одѣвшись, садится въ сани и отправляется въ подмосковную съ княземъ Алексѣемъ Долгорукимъ, отцемъ фаворита, и съ дежурнымъ каммергеромъ, и остается тамъ цѣлый день, забавляясь какъ ребенокъ и не занимаясь ничѣмъ, что нужно знать великому государю. Мнѣ хорошо извѣстно, что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей князя Алексѣя — заставлять царя вести такую жизнь, состоитъ въ томъ, чтобы удалить его отъ принцессы Елисаветы; но такъ какъ большинство не знаютъ этой важнѣйшей причины, то лишь толку-

ютъ о другой тоже важной его цѣли, для которой онъ будто увоаитъ царя каждый день за городъ, а именно: о его любви ко второму своему сыну Николаю, котораго онъ хочетъ ввести въ милость царя и тѣмъ удалить старшаго. Настоящій фаворитъ знаетъ все, что противъ него замышляется; но, не смотря на то, нѣтъ средствъ убѣдить его держаться ближе своего государя. Я по дружески не разъ говорилъ ему объ этомъ; но онъ всегда отвѣчаетъ мнѣ, что онъ не ѣздитъ за городъ съ государемъ просто потому, что не хочетъ быть свидѣтелемъ глупостей, которыя заставляютъ его дѣлать, и тѣхъ наглостей, съ которыми относятся къ царю его сопровождающіе. Но ясно, что онъ не сопутствуетъ царю, чтобы во время царскихъ выѣздовъ наединѣ предаваться собственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ.

«Принцесса Елисавета дѣлаетъ тоже и съ такою ужасною публичностію, что доходитъ до безстыдства. Нужно ждать, что не далеко то время, когда съ нею поступятъ какъ нибудь рѣшительно.

«Верховный Совѣтъ не собирается, великій канцлеръ страдаетъ подагрою; Остерманъ въ отчаяніи и отъ того боленъ; князь Голицынъ-отецъ притворяется больнымъ и не хочетъ даже слышать о дѣлахъ; князь Алексѣй Долгорукій постоянно съ царемъ, а князь Василій Долгорукій занимается только интригами, стараясь, чтобы Дворъ не возвращался въ Петербургъ. А онъ могъ бы пособить горю, еслибы захотѣлъ, потому что князь Алексѣй, который руководитъ царемъ, слѣпо повинуется его совѣтамъ, но онъ находитъ удовольствіе видѣть дѣла въ дурномъ положеніи; по крайней мѣрѣ, о средствахъ къ исправленію зла онъ вовсе не думаетъ.

«Впрочемъ есть не мало людей, которые говорятъ царю, что народъ ропщетъ на дурное поведеніе Долгорукихъ, на то, что они даютъ ему дурное воспитаніе и пр. Нужно опасаться, что Его Величество, одаренный большою проницательностію и довольно рѣшительнымъ характеромъ, можетъ принять какую-нибудь крутую мѣру, которая произведетъ совершенное измѣненіе въ здѣшнемъ правительствѣ.

«При такой неурядицѣ здѣсь можетъ случиться все, можетъ даже случиться что-нибудь и вредное достоинству короля моего государя, потому что этотъ народъ, разъ выведенный изъ себя, не пощадитъ никого; злоба противъ иностранцевъ всеобщая; народъ не замедлитъ напасть на наши дома, и мы рискуемъ не только пострадать, но и погибнуть. Я готовъ пожертвовать собою по волѣ моего государя, но я считаю своимъ дол-

гомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества для надлежащаго съ его стороны рѣшенія, считая нужнымъ прибавить къ этому, что я дѣлаюсь совершенно ненужнымъ въ Россіи, гдѣ достаточно имѣть одного резидента или секретаря, на котораго можно возложить небольшое число дѣлъ, какія могутъ встрѣчаться здѣсь, судя по состоянію этого Двора, которое жалко.»

Отъ того же числа. «Мы здѣсь мерзнемъ въ домахъ; вотъ уже четыре дня страшный вѣтеръ съ морозомъ, противъ котораго не помогаютъ ни камины, ни печки. Туземцы не запомнятъ такого холода.»

28 *февраля.* «Посланникъ Вольфенбюттеля, баронъ де-Ассебургъ наконецъ уѣхалъ; при отъѣздѣ, ему подарили три тысячи рублей. Въ скоромъ времени также надѣется уѣхать отсюда баронъ Крамъ, посланникъ Бланкенбурга. Умеръ генералъ Гунтеръ, который былъ артиллеристомъ; потеря его чувствительна для этого Двора, потому что онъ былъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ.»

Другое письмо отъ того же числа. «Получивъ на прошлой недѣлѣ письмо изъ Швеціи, въ которомъ меня извѣщаютъ, что Англійскій посланникъ при Шведскомъ Дворѣ имѣетъ приказаніе просить у Швеціи приготовить 5,000 человѣкъ къ апрѣлю мѣсяцу; получивъ при этомъ еще извѣстіе изъ Берлина, что Англичане стараются увѣрить Прусскаго короля, что здѣшній Дворъ съ своимъ удаленіемъ въ Москву будетъ весьма слабъ въ нашемъ союзѣ, я тотчасъ же сообщилъ эти извѣстія графу Вратиславскому и предложилъ ему говорить объ этомъ вмѣстѣ барону Остерману.

«25 числа мы дѣйствительно сообщили ему наши извѣстія. Онъ намъ передалъ, что ему тоже пишетъ изъ Швеціи Русскій посланникъ. Тогда я сказалъ ему, чтобъ дать острастку Шведскому королю и дать видѣть Англичанамъ и королю Прусскому, что здѣшній Дворъ имѣетъ твердую рѣшимость соблюдать принятыя на себя обязательства, не худо было бы стянуть нѣсколько войскъ къ границамъ Финляндіи и Ливоніи, для того, чтобы всѣ знали, что Его Царское Величество находится не только въ оборонительномъ положеніи, но въ случаѣ нужды можетъ даже атаковать. Графъ Вратиславскій поддержалъ мою рѣчь. Баронъ Остерманъ отвѣчалъ намъ, что мы можемъ быть увѣрены, что 30 тысячь человѣкъ, приготовленные къ отправкѣ въ Германію, стоятъ, какъ два года тому назадъ, въ тѣхъ же казармахъ и, если понадобится, готовы къ по-

ходу. Что касается Финляндской границы, то ее стерегутъ достаточно войскъ, и Его Царское Величество рѣшительно намѣренъ выполнять принятыя имъ обязательства въ отношеніи къ нашему союзу.

«Изъ Швеціи мнѣ также пишутъ, что тотъ Дворъ назначилъ посланника въ Польшу и что намѣреніе Шведскаго короля состоитъ не въ заключеніи новыхъ трактатовъ съ той республикой, но въ возобновленіи прежнихъ трактатовъ, и что главное дѣло Шведскаго посланника въ Польшѣ будетъ состоять въ томъ, чтобы помощію денегъ Англіи и Франціи пріобрѣсти сильную партію для обезпеченія Польской короны королю Станиславу, на случай смерти короля Августа.

«Шведскій король также рѣшился дать царю титулъ императора безъ всякихъ ограниченій, надѣясь этимъ закупить царя въ пользу Станислава.»

7 марта. «Признавши заслуги генералъ-лейтенанта Румянцева, царь вчера, въ благодарность, выдалъ ему 20 тысячь рублей за отобранныя у него имѣнія. Эта милость удивила всѣхъ, потому что думали, что Румянцевъ въ опалѣ и что за это его и отозвали съ Персидской границы.

«Арестъ Нарышкина держитъ въ недоумѣніи всѣхъ; судъ надъ нимъ почти забытъ, его уже давно не допрашивали. Ясно, что обвиненіе противъ него было ложно. Но его все-таки держатъ подъ арестомъ.

«Прошлую недѣлю умеръ г. де-Вильде, Голландскій резидентъ, который служилъ здѣсь своему Двору нѣсколько лѣтъ. Его потеря чувствительна, потому что онъ отличался дарованіями и былъ хорошъ со всѣми.»

Другое отъ того же числа. Конфиденц. «Кажется, что я не только здѣсь безполезенъ, но даже противно чести нашего короля оставлять меня здѣсь. Монарха мы не видимъ никогда, развѣ только въ торжественные дни; во дворцѣ не бываемъ никогда; тщеславіе этихъ туземцевъ таково, что они воображаютъ, что мы недостойны равняться съ ними. Правда, ко мнѣ еще нѣсколько больше оказываютъ вниманія, чѣмъ къ другимъ иностраннымъ министрамъ, но вниманіе это ограничивается тѣмъ, что они приходятъ ко мнѣ въ домъ, когда я ихъ приглашаю — и не иначе, и еще думаютъ, что они дѣлаютъ мнѣ слишкомъ много чести. Повторяю вамъ, что уже говорилъ нѣсколько разъ, достаточно и даже

больше чѣмъ достаточно имѣть здѣсь секретаря или по крайней мѣрѣ резидента. Тоже представлялъ своему Двору и графъ Вратиславскій.

«Завтра день коронаціи и будетъ большое торжество во дворцѣ. Посланнику Бланкенбурга дадутъ орденъ св. Александра, каковою милостію онъ обязанъ рѣшительно моему вліянію на фаворита.»

14 марта. «Прошлый вторникъ, 8 марта, въ день возшествія на престолъ царя, во дворцѣ былъ съѣздъ для цѣлованія руки. При этомъ Его Царское Величество пожаловалъ орденъ св. Александра барону Краму, посланнику Бланкенбурга, и барону Остерману, посланнику Мекленбурга (брату здѣшняго министра). Вечеромъ всѣ иностранные министры ужинали съ царемъ; послѣ ужина былъ фейерверкъ и затѣмъ балъ, который продолжался до 7 часовъ утра. Принцессы Елисаветы не было на этомъ праздникѣ: она сказалась больною, хотя наканунѣ была здорова и выздоровѣла на другой же день послѣ праздника, о чемъ было много толковъ.

«Третьяго дня царь уѣхалъ за 15 миль отъ города на охоту, гдѣ пробудетъ недѣли четыре; онъ взялъ съ собою только людей, необходимыхъ для его службы, и оставилъ здѣсь все министерство.

«Невозможно было узнать преступленія графа Нарышкина: но мы знаемъ, что нѣсколько дней тому назадъ его, подъ стражею, отправили въ ссылку за сто миль отсюда.»

«Всѣ негодуютъ на князя Алексѣя Долгорукаго, отца фаворита, который, подъ предлогомъ развлечь Его Царское Величество и удалить его отъ случаевъ видѣть принцессу Елисавету, каждый день выдумываетъ для него новыя забавы и новые выѣзды. Это онъ дѣлаетъ по четыремъ причинамъ: 1, чтобы имѣть его совершенно въ своей власти; 2, чтобы внушать ему старыя русскія правила и возбуждать въ немъ родъ ненависти къ спасительнымъ учрежденіямъ и законамъ великаго Петра I; 3, мало помалу склонить его жениться на одной изъ своихъ дочерей, и 4, чтобы отсутствіемъ уменьшить въ его глазахъ значеніе барона Остермана, потому что онъ боится, и не безъ основанія, того, что этотъ мудрый министръ не имѣетъ другой мысли, какъ только воспитать своего государя въ правилахъ его дѣда, и поэтому можетъ побудить его не только переѣхать на жительство въ Петербургъ, но и жениться на какой-нибудь иностранной принцессѣ.

«Фаворитъ не одобряетъ поведенія своего отца, но не имѣетъ достаточно характера противостать его вліянію, не хочетъ мѣшаться ни во что, ни совѣтовать царю ни за, ни противъ желаній своего отца.

«Въ самый день царскаго отъѣзда, я долго просидѣлъ у фаворита. Любя меня, онъ говорилъ со мною откровенно; я воспользовался этимъ и въ настоящій разъ говорилъ ему такъ, какъ будто я самъ былъ одинъ изъ усерднѣйшихъ подданныхъ Его Царскаго Величества. Я передавалъ ему о народномъ ропотѣ противъ его отца и всѣхъ Долгорукихъ, говорилъ ему о слѣдствіяхъ, какія можетъ повести за собою дурное воспитаніе царя—оно можетъ повести за собою гибель всего его дома; я особенно выставлялъ ему обязанность его самаго и его отца совѣтовать царю заняться государственными дѣлами и поддерживать Россію въ томъ цвѣтущемъ и грозномъ положеніи, въ которомъ оставилъ ее великій его дѣдъ; пусть бы царь, хотя бы и невсегда, присутствовалъ въ Верховномъ Совѣтѣ и приказывалъ бы докладывать себѣ о государственныхъ дѣлахъ. Я указалъ ему на Французскаго короля (Людовика XV), который еще ребенокъ, но присутствуетъ въ своемъ Совѣтѣ, съ цѣлію научиться управлять государствомъ; я припоминалъ ему примѣръ нашей покойной королевы Савойской, которая, сдѣлавшись въ 14 лѣтъ правительницею Испаніи, имѣла терпѣніе присутствовать въ каждомъ собраніи Совѣта. Словомъ, я высказалъ ему все, что̀ мнѣ внушали дружба къ нему, почтеніе къ его государю и небольшая моя опытность. Онъ благодарилъ меня за все и повидимому соглашался со мною; но, мнѣ кажется, онъ вовсе не намѣренъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, по причинѣ своего нерѣшительнаго характера.

«Поведеніе принцессы Елисаветы съ каждымъ днемъ все дѣлается хуже и хуже: она безъ стыда дѣлаетъ вещи, которыя заставляютъ краснѣть даже наименѣе скромныхъ.

«Вчера я былъ у Остермана, и онъ мнѣ говорилъ, что съ началомъ весны онъ хочетъ устроить въ окрестностяхъ города лагерь въ 12 или 15 тысячъ человѣкъ солдатъ, для того чтобы попробовать, не можетъ ли онъ этимъ путемъ удержать здѣсь, хотя нѣсколько, царя и дать ему нѣкоторое понятіе о военномъ искусствѣ.»

Отъ тогоже числа. Конфиденц. «Я такъ нищъ, что и для залога уже не имѣю ничего. А Жидъ безъ залога не хочетъ давать больше взаймы.

«Мы бываемъ во дворцѣ только въ дни парадовъ и тогда, прождавши часа два въ передней, видимъ Его Величество только на минуту. О Петербургѣ здѣсь совершенно забыли и мало по малу начинаютъ забывать и о всемъ хорошемъ, что̀ сдѣлалъ великій Петръ первый; каждый думаетъ о своемъ собственномъ интересѣ и никто объ интересѣ своего государя. Посему, этотъ Дворъ теперь настоящій Вавилонъ.»

21 марта. «Женить графа Маврикія Саксонскаго на принцессѣ Елисаветѣ, видно, не удастся. Польскій посланникъ, кажется, даже и оставилъ эту мысль. Прусскій посланникъ, впрочемъ, еще продолжаетъ хлопотать объ отдачѣ ея замужъ за принца Бранденбургскаго дома, но вѣроятно и онъ не успѣетъ. Мнѣ представляется, что принцесса вовсе не расположена оставлять свое отечество, и я думаю, что въ непродолжительномъ времени она попадетъ въ монастырь — наказаніе, котораго она вполнѣ заслуживаетъ своимъ дурнымъ поведеніемъ.

«Одинъ другъ извѣщаетъ меня, что Прусскій король хочетъ послать королю нашему государю упряжь лошадей съ своихъ заводовъ, и такъ какъ я не сомнѣваюсь, что король нашъ государь пожелаетъ отдарить, то я осмѣливаюсь подсказать Его Величеству, какой именно подарокъ будетъ самымъ пріятнымъ для короля Пруссіи. Онъ страстно любитъ свой полкъ гренадеровъ-великановъ, въ которомъ у него есть солдаты всѣхъ націй, исключая Испанцевъ. Если король нашъ государь вздумаетъ послать ему четверыхъ или шестерыхъ, онъ не сдѣлаетъ лучшаго подарка; только нужно обратить вниманіе, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ по крайней мѣрѣ шесть геометрическихъ футовъ вышины. Къ этому я считаю нужнымъ прибавить, что католики въ Прусскомъ войскѣ пользуются свободою въ религіи и имѣютъ особеннаго капеллана, который регулярно исправляетъ для нихъ божественную службу.

«Здѣшнее правительство съ курьеромъ получило весьма радостное извѣстіе, что возвратился изъ Китая къ Русскимъ границамъ караванъ, который отправился туда два года тому назадъ.

«Я также долженъ довести до свѣдѣнія Его Величества, что жена, двѣ дочери и сыновья князя Долгорукаго, отца фаворита, послѣдовали за царемъ на охоту, куда отправился Его Царское Величество. Это многихъ заставило призадуматься. Мысль Долгорукаго женить царя на одной изъ своихъ дочерей извѣстна всѣмъ. Но теперь всѣмъ представляется, что настоящимъ случаемъ онъ хочетъ воспользоваться для рѣшительнаго

сговора. Я подробно говорилъ объ этомъ съ барономъ Остерманомъ: онъ также боится этого, какъ и я; но онъ все еще не можетъ вѣрить, чтобы дѣло зашло уже такъ далеко. Если князь Алексѣй Долгорукій сдѣлаетъ эту глупость (второй томъ глупости Меншикова), онъ рискуетъ ускорить гибель всего своего дома, противъ котораго раздражены всѣ здѣшніе. Царь еще очень молодъ, и всего можно бояться отъ его благоволенія къ князьямъ Долгорукимъ—отцу и сыну. Если состоится этотъ бракъ, тогда рѣшеное дѣло: Россія возвратится къ своему прежнему варварству.»

Отъ тогоже числа. «Прошу васъ представить королевскому вниманію жалкое положеніе, въ которомъ я нахожусь. Я доведенъ до того, что мнѣ негдѣ достать и сотни песовъ, по причинамъ, которыя я излагалъ вамъ уже не разъ. Я уже заложилъ свой туасонъ (знаки орд. Золотаго Руна) и если мнѣ не вышлютъ скоро векселей, я тоже принужденъ буду сдѣлать съ моею столовой серебряной посудой, что̀ будетъ для меня особенно чувствительно, потому что ее у меня видятъ каждый день и нельзя будетъ скрыть того, что̀ съ нею случилось, какъ это можно сдѣлать съ другими вещами. Прибавьте къ этому постоянныя надоѣданія моихъ кредиторовъ, наступательный и весьма непріятный тонъ ихъ объясненій, при которыхъ я совершенно безмолвенъ и не могу пріискать извиненій своей неуплаты. И я совершенно согласенъ, что они въ правѣ такъ относиться ко мнѣ, особенно этотъ Жидъ, у котораго я забралъ 30.000 песовъ: сумма эта, хотя и незначительна вообще для банкира, но она значительна въ этой странѣ, гдѣ нѣтъ большихъ капиталовъ. Вы знаете, что мнѣ жалованье не уплачено за цѣлыхъ девять мѣсяцевъ, что̀ составляетъ 27.000 песовъ, да не уплачены два счета по чрезвычайнымъ расходамъ, на сумму 13.030 песовъ.»

28 марта. «Третьяго дня я обѣдалъ у фельдмаршала князя Долгорукаго, и онъ при всѣхъ за столомъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ бы безконечно благодаренъ, еслибы я выписалъ ему за его же деньги одну лошадь изъ Испаніи, что̀ составляетъ его задушевное желаніе, и онъ уже давно задумалъ добиться этого чрезъ мое посредство, надѣясь на мою дружбу. Я отвѣчалъ ему, что съ моей стороны ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ имѣть случай сдѣлать угодное его сіятельству, но что я очень жалѣю, что въ этомъ случаѣ пожалуй и не могу услужить ему, потому что король нашъ государь запретилъ вывозъ лошадей изъ своего королевства и что это запрещеніе соблюдается съ такою строгостію, что я не могъ

добиться королевскаго дозволенія, чтобы вывести сюда четырехъ лошадей, которыхъ мнѣ подарилъ при отъѣздѣ одинъ другъ-Испанецъ; что тѣмъ не менѣе, я-де напишу вамъ, прося васъ представить о его желаніи Его Величеству и что лишь только будетъ дано дозволеніе Его Величества, его желаніе будетъ удовлетворено. Я не могъ не сдѣлать ему такого отвѣта и не представить объ этомъ вамъ, принимая во вниманіе то, что это весьма важно для службы Его Величества: человѣкъ этотъ здѣсь одинъ изъ первыхъ, онъ пользуется величайшимъ авторитетомъ какъ по своему роду и должностямъ, такъ и по довѣрію къ нему царя и народа; онъ имѣетъ здѣсь больше власти, чѣмъ кто-нибудь другой, какъ въ дѣлахъ военныхъ, такъ и политическихъ. Поэтому удовлетвореніе его желанія произвело бы здѣсь удивительное впечатлѣніе. И мнѣ кажется, это послужило бы къ чести Его Величества, еслибы онъ приказалъ послать фельдмаршалу Долгорукому пару лошадей, которыхъ бы я представилъ ему отъ имени короля; но если угодно Его Величеству, то я прошу его только дозволить мнѣ вывести ихъ изъ Испаніи, а я уже самъ на свой счетъ прикажу купить и выслать ихъ ко мнѣ, потому что я считаю важнымъ удовлетворить этого человѣка за все, чѣмъ я ему одолженъ, за дружбу, которую онъ ко мнѣ питаетъ и наконецъ для того, чтобы съ достоинствомъ выйти изъ этого дѣла, которое касается чести Его Величества, присутствующаго здѣсь въ лицѣ своего министра.»

Отъ тогоже числа. «24 числа пріѣхалъ сюда Англійскій консулъ. На другой же день онъ далъ знать о своемъ пріѣздѣ барону Остерману и просилъ его назначить ему часъ свиданія. Тотъ отвѣчалъ, что нынѣ онъ не можетъ принять его, потому что долженъ итти въ засѣданіе Совѣта, что онъ-де самъ дастъ знать ему, когда онъ можетъ видѣть его. Такъ Остерманъ поступаетъ съ нѣкоторыми, не означая ни дня, ни часа, когда его можно видѣть. И вотъ прошли уже три дня, а консулъ еще не видѣлъ его и не добился назначеннаго времени, когда онъ можетъ видѣть его. У меня есть всѣ возможныя средства для того, чтобы при этомъ недоступномъ и лукавомъ Дворѣ слѣдить не только за всѣми выходами консула, но и за его домогательствами, о которыхъ, смотря по тому, какъ я ихъ буду открывать, буду доносить вамъ.

«Чрезъ каммергеровъ, которые мѣняются при царѣ каждую недѣлю, мы знаемъ, что царь здоровъ, но ведетъ безпокойную жизнь на охотѣ,

на которую выѣзжаетъ каждый день, не обращая вниманія на погоду, которая еще довольно сурова.»

4 апрѣля. «Англійскій консулъ сдѣлалъ свой первый визитъ барону Остерману, но не говорилъ съ нимъ ни о какомъ дѣлѣ; онъ еще не посѣтилъ ни одного иностраннаго министра.

«Вчера я обѣдалъ у фельдмаршала Долгорукаго, который мнѣ сказалъ, что сдѣлалъ распоряженіе о составленіи лагеря въ окрестностяхъ города (о чемъ я писалъ вамъ въ письмѣ отъ 14 марта) для развлеченія Его Царскаго Величества, котораго ждутъ въ городъ завтра или послѣ завтра. «PS. Царь сейчасъ воротился въ Москву. Его ждали было позже; но онъ поспѣшилъ будтобы потому, что могли испортиться дороги.»

11 апрѣля. «Третьяго дня царь переѣхалъ на жительство въ Слободской Дворецъ, чего, думали, никогда не случится послѣ смерти его сестры; нынѣ же переѣзжаетъ туда и принцесса Елисавета.

«Прошлый вторникъ, по случаю праздника Благовѣщенія, мы были во дворцѣ. При возвращеніи оттуда, на дорогѣ, графъ Вратиславскій былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ и на цѣлый часъ лишился всякаго сознанія. По счастію, моя карета слѣдовала за его каретой; я бросился помочь ему, и его завезли въ близь находившійся домъ одного моего знакомаго. Тотчасъ же былъ позванъ хирургъ, чтобы пустить ему кровь, но онъ сдѣлалъ это, когда уже воротился къ себѣ въ домъ. Теперь онъ поправился и вчера въ первый разъ вышелъ изъ дома.»

18 апрѣля. «Вчера царь слегъ въ постель по причинѣ лихорадки; нынѣ онъ чувствуетъ себя лучше и, думаютъ, на слѣдующей недѣли обычнымъ образомъ онъ выѣдетъ на охоту.

«Послѣдніе четыре дня жители этой столицы больше чѣмъ на треть больны лихорадкой съ кашлемъ, такъ что въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ четверыхъ или пяти больныхъ, а въ моемъ домѣ цѣлыхъ двѣнадцать. Увѣряютъ, что причина этой болѣзни есть вѣтеръ и непостояннѣйшая погода: потому что случаются дни, когда бываетъ шесть-восемь перемѣнъ отъ дождя до снѣга, страшнаго вѣтра и солнечной ясности »

Отъ тогоже числа. «Императорскій резидентъ въ одной мили отъ города имѣетъ нанятую дачу для охоты. Въ понедѣльникъ 11 текущаго мѣсяца онъ отправился туда съ графомъ Милезимо, шуриномъ графа Вратиславскаго, съ которымъ онъ пріѣхалъ изъ Вѣны. На пути, они каждый вылѣзли изъ своихъ экипажей, чтобы стрѣлять изъ ружей. Милезимо

сдѣлалъ три или четыре выстрѣла. Выстрѣлы были услышаны въ домѣ князя Алексѣя Долгорукаго, втораго воспитателя царя, который въ это время находился у себя дома. Онъ тотчасъ же далъ приказъ ([47]) двумъ гренадерамъ своей гвардіи привести выстрѣлившаго, кто бы онъ ни былъ. Попался Милезимо, и они, не очень вѣжливо схвативъ его, сказали ему, что онъ долженъ отправиться съ ними къ царю. Не теряя присутствія духа, онъ сказалъ имъ, кто онъ такой, и что приказаніе вѣрно относится не къ нему, представилъ имъ и другіе резоны, прося, чтобы по крайней мѣрѣ пусть одинъ изъ нихъ отправился сказать, что выстрѣлившій есть кавалеръ министра императора; но онъ не добился этого. Ему даже не дозволили ѣхать въ своей каретѣ, а заставили его итти пѣшкомъ. Такимъ образомъ онъ шелъ пѣшкомъ между двумя ѣхавшими верхами гренадерами, утопая въ грязи и мимо такихъ публичныхъ мѣстъ, какъ гауптвахты дворца, откуда на него смотрѣли офицеры и гвардія, до самаго дома князя Долгорукаго, который находится на разстояніи добрыхъ трехъ верстъ; принужденъ былъ такимъ образомъ перейти рѣку и пройти дворцовый мостъ. Ругательства, которыми гренадеры осыпали графа на русскомъ языкѣ, для него понятномъ по сходству съ Богемскимъ, таковы, что скромность запрещаетъ ихъ передать. Онъ переносилъ ихъ съ величайшимъ терпѣніемъ. Подошедъ къ дому Долгорукаго, онъ увидѣлъ его самаго, и тотъ, не считая нужнымъ его привѣтствовать, не впуская его въ домъ, сказалъ ему изъ дверей, что жалѣетъ, что онъ попался въ такую исторію, но что это было сдѣлано по приказанію царя, что пусть-де отправляется съ своею Матерью Божіей, что ничего больше онъ не имѣетъ ему сказать. Такой пріемъ былъ особенно чувствителенъ графу, который хотѣлъ было объясниться съ княземъ; но тотъ, не слушая его, обратился спиною и вошелъ въ домъ.

([47]) Въ передачѣ этого факта очевидно есть неточности, которыя, впрочемъ, могли зависѣть и не отъ дука де-Лирія. Такъ какъ домъ князя Долгорукаго былъ на разстояніи трехъ верстъ отъ мѣста выстрѣловъ, какъ говоритъ ниже самъ дукъ де-Лирія, то едва ли могъ быть слышанъ оттуда ружейный выстрѣлъ. Арестъ графа Милезимо вѣроятно былъ сдѣланъ по предварительному приказанію. Принимая во вниманіе отношенія графа Милезимо къ дочери князя Долгорукаго, царской невѣстѣ, также и то, что и послѣдняя была неравнодушна къ нему, можно даже предполагать, что князь Алексѣй Долгорукій слѣдилъ за Милезимо какъ за врагомъ и въ настоящій разъ нарочно подстроилъ ему это оскорбленіе.

«Милезимо разсказалъ обо всемъ графу Вратиславскому. Будучи самъ боленъ, на другой день онъ прислалъ ко мнѣ секретаря посольства сообщить мнѣ о происшедшемъ, прося у меня не только совѣта, но и сдѣлать это дѣло общимъ дѣломъ. Дѣйствительно, неприкосновенность, которою пользуются иностранные министры, касается и меня, а тѣмъ болѣе что наши государи находятся въ союзѣ. Я тотчасъ же отправился къ Остерману, разсказалъ ему о случившемся, сказавъ ему, что я съ нимъ говорю какъ съ другомъ, а не какъ съ министромъ, для того, чтобы онъ, размысливъ съ обычнымъ своимъ благоразуміемъ о важности оскорбленія, позаботился дать Вратиславскому надлежащее удовлетвореніе, не заводя дѣла далеко и для избѣжанія публичности, особенно принимая во вниманіе близкое родство государя императора съ Его Царскимъ Величествомъ, дружбу ихъ между собою и союзъ. Мой разсказъ подѣйствовалъ на него очень непріятно, и онъ обѣщалъ мнѣ сдѣлать возможное, чтобы дать Вратиславскому надлежащее удовлетвореніе, даже прежде, чѣмъ онъ будетъ его требовать.

«Отъ Остермана я отправился къ фавориту, которому тоже разсказалъ о случившемся. Онъ былъ расположенъ удовлетворить нашимъ претензіямъ. Отъ него я отправился къ графу Вратиславскому, передалъ ему то, что̀ я сдѣлалъ и о хорошемъ расположеніи барона Остермана. Приказывая не упоминать о моемъ разговорѣ, онъ послалъ секретаря своего посольства къ Остерману передать ему о случившемся и сказать ему, что онъ-де ждетъ отъ справедливости Его Царскаго Величества, что ему будетъ дано надлежащее удовлетвореніе. Остерманъ отвѣчалъ ему тоже, что̀ и мнѣ.

«Въ тотъ же день, пополудни, фаворитъ присылалъ своего секретаря въ домъ графа Вратиславскаго сказать ему, что онъ безконечно жалѣетъ о происшедшемъ, что онъ уже наказалъ гренадеровъ, какъ они того заслуживали. Сказанный секретарь изъ комнатъ графа Вратиславскаго отправился въ комнаты Милезимо, которому выразилъ очень внимательное извиненіе отъ имени фаворита и его глубокое сожалѣніе о случившемся. Милезимо отправился самъ къ фавориту, чтобы лично поблагодарить его за вниманіе, и тотъ повторилъ ему своими устами то, что̀ приказалъ сказать посланному, прося при этомъ у него прощенія за гренадеровъ и за всѣхъ, кто оказался къ нему непочтителенъ.

«Но послѣ баронъ Остерманъ прислалъ къ Вратиславскому одного изъ чиновниковъ иностранной коллегіи сказать ему, что Его Царское Величество безконечно жалѣетъ о случившемся съ Милезимо и о томъ, что онъ былъ веденъ гренадерами, какъ преступникъ, но что они-де его не узнали: иначе, онъ увѣренъ, они бы отнеслись къ нему съ уваженіемъ, которое онъ питаетъ къ императору, его государю, прибавивъ къ этому и другія приличныя извиненія. Подобнымъ объясненіемъ Вратиславскій не удовлетворился; оно еще его взбѣсило не само по себѣ, а особенно по лицу, съ которымъ оно было прислано. Онъ отвѣтилъ чиновнику, что поговоритъ съ Остерманомъ. Вратиславскій разсказалъ объ этомъ мнѣ и просилъ меня по-дружески поговорить съ Остерманомъ, чтобы не разжечь дѣла и не быть принужденъ дѣлать письменнаго протеста. Я исполнилъ его порученіе. Но тутъ Остерманъ мнѣ говорилъ уже иначе, чѣмъ въ первый разъ. Я было началъ разговоръ какъ другъ и частнымъ образомъ, но онъ принялъ тонъ министра, говоря мнѣ, что графу Вратиславскому дано достаточное удовлетвореніе, хотя виноватъ во всемъ былъ Милезимо, напр. онъ нарушилъ приказаніе Его Царскаго Величества не охотиться въ этихъ окрестностяхъ на разстояніи тридцати верстъ, сдѣлалъ выстрѣлъ въ виду дворца и не только грозилъ, но и прицѣливался ружьемъ въ гренадеровъ, обнажилъ даже на нихъ шпагу. Послѣднее ложно; графъ Милезимо не оказывалъ имъ ни малѣйшаго сопротивленія, да и не вѣроятно, чтобъ онъ могъ оказать его въ подобномъ случаѣ. Остерманъ прибавилъ и еще кое-что, заключивъ, что Его Царское Величество неограниченно властенъ отдавать въ своемъ государствѣ приказанія, какія ему угодно и что это должны знать всѣ.

«Послѣднее меня взорвало. Отвѣчая ему на всѣ обвиненія, на послѣднее я сказалъ ему: что касается приказаній, даже дѣти знаютъ, что каждый государь властенъ отдавать ихъ въ своихъ владѣніяхъ; но чтобы съ ними сообразовались иностранные министры, они должны быть извѣщены коллегіею иностранныхъ дѣлъ, и на это бы должны обратить вниманіе государственный секретарь или министръ, чрезъ котораго они ведутъ свои сношенія. Этимъ только и могутъ предупреждаться непріятности, особенно въ такихъ случаяхъ, какъ настоящій. Графъ Вратиславскій, какъ и я, съ своими кавалерами имѣемъ дозволеніе Его Царскаго Величества охотиться всюду въ этихъ окрестностяхъ. Но чтобы было запрещено въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ охотиться не только поддан-

нымъ, но и намъ, которые имѣемъ дозволеніе охотиться всюду, объ этомъ намъ должно бы быть сообщено особое приказаніе.

«Онъ не отвѣчалъ мнѣ на послѣдній пунктъ и, только повторяя мои слова, сказалъ мнѣ, что графъ Вратиславскій долженъ остаться удовлетвореннымъ.

«Все это я передалъ гр. Вратиславскому, который въ четвергъ (почтовый день) по полудни собралъ къ себѣ всѣхъ иностранныхъ министровъ, представилъ имъ случай и данное ему удовлетвореніе, говоря имъ, что послѣднее ему кажется недостаточнымъ для чести и авторитета его государя, что онъ потребовалъ-де другаго большаго и что онъ проситъ ихъ не писать объ этомъ своимъ Дворамъ, пока онъ не узнаетъ, дадутъ ли ему требуемое удовлетвореніе, или нѣтъ. Каждый говорилъ что̀ ему представлялось въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Посланники Польши, Даніи и Пруссіи были на моей сторонѣ.

«На другой день явился ко мнѣ отъ имени гр. Вратиславскаго баронъ Крамъ совѣтоваться, какого удовлетворенія просить ему, а онъ-де удовольствуется всякимъ, какое я выберу. Я извинялся, говоря, что вѣдь дѣло касается его государя; но онъ все-таки настаивалъ, чтобы я далъ совѣтъ. И я предложилъ три слѣдующіе, которые мнѣ казались приличными: пусть кн. Алексѣй Долгорукій лично явится въ домъ гр. Вратиславскаго просить извиненія въ случившемся; или пусть отъ имени царя явится къ Вратиславскому каммергеръ выразить сожалѣніе о случившемся съ гр. Милезимо, или пусть тотъ же каммергеръ съ двумя гренадерами явится отъ имени кн. Алексѣя извиниться и сказать гр. Вратиславскому, что, хотя ихъ и наказали, онъ посылаетъ ихъ въ его распоряженіе и что ихъ накажутъ, какъ угодно будетъ назначить самому гр. Вратиславскому, который можетъ послать секретаря посольства быть свидѣтелемъ экзекуціи.

«Такъ какъ это была страстная недѣля и дни церковной службы, то я ничего не могъ знать объ этомъ до субботы по полудни, когда мнѣ Караме (секрет. Австр. посольства) разсказалъ, что къ гр. Вратиславскому отъ имени кн. Алексѣя Долгорукаго приходилъ одинъ изъ управляющихъ дворцомъ, имѣющій чинъ бригадира (именно тотъ самый, на попеченіи котораго находится запрещенный для стрѣльбы округъ, гдѣ выстрѣлилъ Милезимо) выразить ему, что онъ-де безконечно жалѣетъ о случившемся съ гр. Милезимо, что гренадеры за то, что не отнеслись къ

нему вопреки даннымъ имъ приказаніямъ съ должнымъ почтеніемъ, наказаны какъ того заслуживали, но что ихъ накажутъ еще, если будетъ угодно графу и если онъ сочтетъ недостаточнымъ уже даннаго наказанія. Вратиславскій удовольствовался этимъ удовлетвореніемъ, и дѣло покончено.»

25 апрѣля. „Эпидемія въ Москвѣ продолжается; третья часть жителей этого большаго и многолюднаго города больны. Впрочемъ, отъ этой горячки, благодареніе Богу, никто не умираетъ; потѣніе излѣчиваетъ ее въ 7 или 8 дней.

„Великій канцлеръ Головкинъ боленъ и теперь въ опасномъ положеніи; медики отчаяваются въ его жизни; думаютъ, что онъ не проживетъ и нѣсколькихъ часовъ. По смерти его, не сомнѣваются, великимъ канцлеромъ будетъ кн. Василій Долгорукій, бывшій посланникомъ въ Даніи, Польшѣ и Франціи, который уже давно членомъ Верховнаго Совѣта. Это человѣкъ способный и умный и вполнѣ управляетъ своимъ двоюроднымъ братомъ, кн. Алексѣемъ. Когда онъ получитъ эту должность, домъ Долгорукихъ будетъ занимать всѣ главныя мѣста. Власть ихъ чрезъ это увеличится. На прошлой недѣлѣ царь сдѣлалъ членомъ своего Государственнаго Совѣта кн. Михаила Долгорукаго, брата фельдмаршала.

«Царь выздоровѣлъ; но его второй воспитатель кн. Алексѣй довольно сильно нездоровъ. Остерманъ также не можетъ, хотя и не опасно.»

2 мая. «На этихъ дняхъ пріѣхалъ курьеръ изъ Константинополя отъ Русскаго министра при томъ Дворѣ. Онъ присланъ, вопервыхъ, съ извѣстіемъ о движеніяхъ, которыя дѣлаютъ Турки, пославшіе 60 тыс. человѣкъ къ границамъ Персіи, что, можетъ быть, есть слѣдствіе интригъ Англичанъ и Шведовъ съ Агою, который былъ въ Стокгольмѣ и уже возвратился въ Константинополь; во вторыхъ для того, чтобы просить необходимые паспорты для проѣзда въ эту столицу турецкаго Ефенди (безъ сорокодневнаго карантина) который ѣдетъ сюда для переговоровъ съ здѣшнимъ министерствомъ о границахъ и предѣлахъ между этими двумя государствами въ Персіи и для того, чтобы поискать здѣсь средствъ къ упроченію Турецкой власти надъ провинціями и землями, уступленными Турціи по послѣднему трактату съ Езрефомъ. Это производитъ здѣсь немалую тревогу.

«Кромѣ сказанныхъ движеній, изъ Украйны фельдмаршалъ кн. Голицинъ пишетъ, что Татары также дѣлаютъ нѣкоторыя движенія; почему

онъ просилъ прислать ему пѣхоту, которой тамъ никогда не бываетъ во время мира. Три полка уже отправились туда подъ командою генералъ-майора Бутурлина; въ случаѣ нужды, готовы къ отправкѣ еще три. Бутурлинъ избранъ для команды не по заслугамъ, но для того, чтобы удалить его отсюда; почему думаютъ, хотя войска и воротятся скоро, онъ не воротится.

Отъ тогоже числа. «Болѣзни, о которыхъ я писалъ вамъ, продолжаютъ господствовать, и вотъ уже нѣсколько дней много умираютъ. Здѣшніе врачи говорятъ, что если продолжится ясная погода и не будетъ дождя въ продолженіи еще 7 или 8 дней, то намъ грозитъ зараза. Это (хотя я и не увѣренъ) можетъ побудить царя возвратиться въ Петербургъ не нынѣ, такъ завтра. По крайней мѣрѣ, это далъ мнѣ понять вчера въ разговорѣ фаворитъ.

«Прекурьезная вещь — это упорство, съ которымъ не только Англичане, Голландцы и Французы, но даже Датчане, въ рукахъ которыхъ находятся ворота сюда, увѣрены, что я купилъ здѣсь кораблей для короля нашего государя.

«Великій канцлеръ, графъ Головкинъ, бывшій отчаянно болѣнъ, теперь поправляется и внѣ опасности и уже началъ вставать съ постели.»

9 мая. «6 числа текущаго мѣсяца Его Царское Величество отправился на охоту въ окрестности и не возвратится въ городъ въ продолженіе трехъ недѣль.

Вчера начался дождь и нынѣ продолжается довольно сильный. Если продолжится это счастіе нѣсколько дней, врачи говорятъ, мы спасены отъ заразы, которою намъ грозила крайняя сухость, дошедшая до того, что ни на одномъ деревѣ нѣтъ еще ни листьевъ, ни цвѣтовъ, тогда какъ прошлый годъ уже 1 мая было все зелено.

«4 числа въ шесть часовъ вечера мы имѣли здѣсь ужасное несчастіе. Загорѣлся одинъ домъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Огонь распространился съ такою стремительностію, что въ полчаса пламя охватило шесть или восемь домовъ. Хотя на пожаръ сбѣжалась вся гвардія и царскіе гренадеры со множествомъ народа, но въ такомъ безпорядкѣ, что, вмѣсто того, чтобы принимать мѣры къ прекращенію пожара, они дозволяли огню дѣлать свое дѣло, а сами занялись своимъ; — началось воровство, не только въ домахъ, которымъ угрожала опасность, но и въ тѣхъ, которые были безопасны. Пожаръ распространился и продолжался до двухъ

часовъ ночи. Сгорѣло 124 дома, не считая маленькихъ домиковъ и службъ, прилегавшихъ къ нимъ. Могу увѣрить васъ, что при этомъ случаѣ Русскіе своею небрежностію, съ которою они принимались за потушеніе пожара, выказали ненависть, которую они питаютъ къ иностранцамъ. Не могу не довести до свѣдѣнія Его Величества, что даже офицеры гвардіи не могли добиться себѣ повиновенія отъ солдатъ, которые главнымъ образомъ желали, чтобы пожаръ распространился на домъ Братиславскаго и на мой, говоря, что здѣсь будетъ чѣмъ поживиться. Видите, чему мы подвержены здѣсь съ этимъ народомъ, который питаетъ къ намъ жесточайшую ненависть! Вѣрно, еслибы взялись за дѣло какъ слѣдуетъ, не сгорѣло бы столько домовъ. Но Русскіе говорили публично: *не важно, это горятъ Нѣмцы и Французы* (48). Фаворитъ, какъ капитанъ гвардіи гренадеровъ, дѣлалъ въ этомъ случаѣ все возможное; но и его не хотѣли слушаться.

«Когда Его Царское Величество былъ извѣщенъ о такомъ безпорядкѣ и грабежахъ, онъ приказалъ Остерману представить себѣ къ обнародованію указъ, который запрещаетъ покупать вещи, украденныя на этомъ пожарѣ и въ тоже время повелѣваетъ, чтобы всѣ погорѣвшіе и тѣ, которые, хотя и не погорѣли, но въ домы которыхъ врывалась толпа, представили записки о покраденныхъ у нихъ вещахъ и чтобы все найденное было приносимо въ *Полицу* — родъ тюрьмы — подъ угрозою строжайшихъ наказаній тому, кто не исполнитъ этого приказанія. Баронъ также представилъ Его Царскому Величеству, что было бы достойно его царской милости приказать дать нужнаго лѣса погорѣвшимъ для постройки новыхъ домовъ. Увѣряютъ, что царь согласится на представленіе своего министра.

«Думаютъ, что потеря, причиненная пожаромъ, простирается до 300 тысячъ рублей, не смотря на то, что почти вся домашняя рухлядь была вынесена изъ домовъ. Только въ большомъ количествѣ погибли вино и пиво, которые находились въ погребахъ. Изъ домовъ министровъ, подвергся этому несчастію только домъ барона Штамкена, Голштинскаго посланника; хотя домъ его сгорѣлъ не весь, потому что каменный, но погибла большая часть мебели и все, что было въ домѣ; самъ онъ немного могъ сдѣлать для спасенія своихъ вещей, потому что вотъ уже два мѣсяца, какъ боленъ.

(48) Подчеркнуто въ самой Испанской рукописи.

«Надежда на возвращеніе въ Петербургъ исчезла совершенно, и нѣтъ никакихъ способовъ убѣдить тѣхъ, которые бы своимъ вліяніемъ могли подѣйствовать на предпріятіе этого путешествія, что̀ было бы весьма важно.»

«Въ Кронштатѣ и Ревелѣ даны приказанія снарядить къ концу этого мѣсяца 12 военныхъ кораблей, впрочемъ, только съ цѣлію крейсировки при входѣ въ Финскій заливъ, и попробовать шесть военныхъ новыхъ кораблей, изъ которыхъ одинъ во 100 орудій, и чтобы матросы не забыли маневровъ.

«Царь находится въ двухъ миляхъ отсюда, и полагаютъ, что воротится въ городъ чрезъ три дня. Впрочемъ, въ городѣ не останется долго, а отправится на охоту въ другія мѣста.

«Дождь здѣсь хотя и былъ, какъ я извѣщалъ васъ въ послѣднемъ письмѣ, но только смочилъ землю, и на деревьяхъ мы не имѣемъ ни листьевъ, ни цвѣта, что̀ довольно странно въ такую пору. Впрочемъ болѣзни теперь не многочисленны, и съ молитвою къ Богу надѣемся, что зараза насъ минетъ.»

16 мая. «Вчера б. Остерманъ прислалъ ко мнѣ одного чиновника изъ иностранной коллегіи сказать мнѣ, что по нездоровью онъ не можетъ притти ко мнѣ, но что онъ проситъ сдѣлать милость притти къ нему, что онъ имѣетъ сообщить мнѣ приказаніе своего государя. Я тотчасъ же отправился къ Остерману. Онъ мнѣ сказалъ, что царь приказалъ ему просить меня написать отъ его имени королю нашему государю, ходатайствуя предъ нимъ объ интересахъ герцога Голштинъ-Готторпскаго, чтобы Его Величество удостоилъ приказать удовлетворить его высочество субсидіями, предложенными ему Вѣнскою конвенціей, что̀ со стороны Его Величества будетъ де не только справедливостью, но и благородствомъ, а его Царскому Величеству доставитъ величайшее удовольствіе. Царь надѣется, что король нашъ государь, во вниманіе къ его ходатайству, удовлетворитъ герцога, объ облегченіи судьбы котораго царь старается всѣми мѣрами и съ своей стороны, принимая во вниманіе стѣсненное положеніе его высочества, уже приказалъ уплатить ему должное даже впередъ за полгода.»

Конфиденціально. «То, что̀ мнѣ говорилъ б. Остерманъ, вы увидите изъ моего оффиціальнаго письма. Въ тоже время онъ просилъ меня написать вамъ конфиденціально: въ случаѣ, если изъ казначейства будетъ

выданъ вексель въ пользу герцога Голштинскаго, онъ проситъ или переслать его мнѣ для врученія находящемуся здѣсь Голштинскому посланнику, которому можно вполнѣ довѣрять, или пошлите его вы къ Донъ Антоніо Касадо для врученія прямо въ руки герцогу и никакъ не чрезъ какое-нибудь посредство и особенно не чрезъ посредство графа Бассевича, потому что въ послѣднемъ случаѣ деньги пойдутъ Богъ знаетъ куда и на что.»

23 мая. Конфиденціальное. «Здѣсь новаго нѣтъ совершенно ничего, но за то мы наслаждаемся прекрасной погодой, и на этой же недѣлѣ я надѣюсь переѣхать на дачу за милю отъ города.»

Отъ тогоже числа. «На прошлой недѣли великій канцлеръ гр. Головкинъ присылалъ просить къ себѣ гр. Вратиславскаго. Головкинъ высказалъ ему опасенія о движеніи Турокъ къ Персіи и сказалъ о скоромъ пріѣздѣ Ефенди, которому были посланы необходимые паспорты съ приказаніями Кіевскому губернатору подвергнуть его только половинному карантину. Къ этому онъ прибавилъ, что не сомнѣвается, что, въ случаѣ разрыва съ Турками, императоръ исполнитъ относящіяся сюда статьи Вѣнскаго трактата. Вратиславскій отвѣчалъ на это, что императоръ никогда не пренебрегалъ своими трактатами; въ тоже время онъ надѣется-де, что въ случаѣ неуспѣха переговоровъ Суассонскаго конгресса, Его Царское Величество пошлетъ ему 30 тысячъ войска, согласно Вѣнскому трактату. Головкинъ отвѣчалъ тоже, что сказалъ намъ Остерманъ, о чемъ я писалъ вамъ въ письмѣ отъ $\frac{28}{17}$ февраля. Къ этому Головкинъ прибавилъ, что цѣль пріѣзда сюда Ефенди: удалить споры, которые ведутся между здѣшнимъ Дворомъ и Портой относительно границъ. Поэтому онъ просилъ Вратиславскаго написать императору, чтобы, такъ какъ это не можетъ уладиться слишкомъ легко, онъ приказалъ своему министру въ Константинополѣ предложить Туркамъ свое посредство для улаженія споровъ между двумя Дворами и чтобы прислалъ инструкціи и ему Вратиславскому, чтобы и онъ, въ качествѣ посредника, могъ присутствовать здѣсь при переговорахъ здѣшнихъ министровъ съ Ефенди.»

Отъ тогоже числа. «Въ одномъ изъ писемъ отъ 7 апрѣля вы меня извѣщаете, что отданъ приказъ дуку де-Аркодиспонга отправить лошадей и муловъ для царя въ Гамбургъ или Копенгагенъ. Царь ждетъ ихъ съ невыразимымъ нетерпѣніемъ.

«Всѣ новости здѣсь ограничиваются тѣмъ, что шесть дней тому назадъ царь возвратился въ городъ съ охоты; и хотя 7 текущаго мѣсяца исполнилось 2 года съ его возшествія на престолъ, во дворцѣ не было никакого праздника, и на поздравленіи были только главные Русскіе министры. Завтра царь отправляется опять на охоту къ городу Ростову и не возвратится въ столицу до дня св. Петра. Третьяго дня начали становиться лагерями въ здѣшнихъ окрестностяхъ гвардейскіе полки и другія запасныя войска и останутся въ этомъ положеніи до конца іюля.

«Здѣшнее правительство получило извѣстіе, что Ефенди, который ѣдетъ сюда изъ Константинополя, доѣхалъ до мѣста, гдѣ онъ долженъ держать карантинъ.

«Три дня тому назадъ возвратился изъ Вѣны князь Репнинъ, ѣздившій туда съ извѣстіемъ о смерти великой княжны; онъ въ высшей степени доволенъ почестями и отличіями, которыхъ его удостоили цезари и ихъ министерство и другія лица ихъ Двора; императоръ подарилъ ему перстень цѣною въ 4000 песовъ. Здѣшній Дворъ доволенъ тѣмъ и другимъ.»

30 мая. «Шесть дней тому назадъ царь уѣхалъ на охоту. Съ нимъ поѣхали, по прежнему, жена и дочери князя Алексѣя Долгорукаго. Всѣ министры Верховнаго Совѣта и другихъ трибуналовъ воспользовались отсутствіемъ Его Царскаго Величества и отправились отдыхать на свои дачи; тоже сдѣлалъ и б. Остерманъ. Теперь здѣсь нечего дѣлать, не съ кѣмъ сноситься, и я нынѣ же отправляюсь за милю отъ города на дачу, которую нанялъ на это лѣто.»

Отъ тогоже числа. «Въ письмѣ своемъ отъ 14 апрѣля вы изволите извѣщать меня, что король нашъ государь разсматривалъ предложеніе, которое я дѣлалъ въ письмѣ отъ 31 января прошлаго года относительно образованія компаніи для учрежденія прямой торговли между нашими соотечественниками и туземцами здѣшней страны. Его Величество, не смотря на всѣ неудобства и предвидящіяся затрудненія, о чемъ вы мнѣ пишете, все-таки приказываетъ мнѣ позаботиться, чтобы та личность или личности, о которыхъ мнѣ говорили по этому предмету, составили планъ компаніи навигаціи и торговли между Испаніей и этой страной съ наивозможной ясностію и подробностію и чтобы я послалъ этотъ планъ вамъ для представленія Его Величеству. Принимаю это къ свѣдѣнію и постараюсь исполнить приказаніе, хотя и не могу этого сдѣлать такъ

скоро, какъ могъ бы это сдѣлать прежде: потому что этотъ господинъ, видя, что вы мнѣ не отвѣчаете, три мѣсяца тому назадъ уѣхалъ изъ здѣшней столицы въ Дрезденъ. Господинъ этотъ есть именно одинъ изъ наиболѣе благоразумныхъ и понимающихъ дѣло торговли: онъ служилъ въ торговой коллегіи, учрежденной покойнымъ царемъ; будучи, подобно другимъ, уволенъ послѣ смерти этого монарха, онъ перешелъ на службу къ королю Польскому, потому что былъ уже извѣстенъ ему прежде по разнымъ комиссіямъ въ здѣшней столицѣ, которыя онъ дѣлалъ для того королевства. Впрочемъ, здѣсь не можетъ быть недостатка въ людяхъ, понимающихъ эти вещи: мнѣ и еще нѣкоторыхъ рекомендовали, и я позабочусь, чтобы они составили этотъ планъ сколько возможно скорѣе, и пошлю вамъ его съ обыкновенной почтой; не посылая съ особымъ курьеромъ ([49]), чего я и не думалъ никогда, потому что самое дѣло не заслуживаетъ экстреннаго курьера.»

Конфиденц. «Я здоровъ и такъ поправился отъ зимняго нездоровья, что чувствую себя какъ нельзя лучше.

«Мнѣ уже стыдно въ оффиціальныхъ письмахъ надоѣдать вамъ о моемъ жалованьи; буду говорить вамъ только конфиденціально. Могу увѣрить васъ, что я не знаю какъ и быть: здѣсь нѣтъ капиталистовъ, которые бы могли мнѣ помочь, кромѣ Жида, который и не можетъ и не хочетъ давать мнѣ заимообразно, вопервыхъ, потому что я уже такъ много долженъ ему и онъ не хочетъ увеличивать моего долга; а вовторыхъ, потому что уже далъ мнѣ впередъ столько, что у него нѣтъ больше капитала. Примите во вниманіе еще то, что проценты здѣсь весьма высоки,

---

([49]) Маркезъ де-ля-Насъ въ письмѣ своемъ къ дуку де-Лирія, которому онъ пишетъ отъ имени короля, не придаетъ особаго значенія торговому трактату съ Россіей: онъ пишетъ, что „съ другими націями по тѣмъ же товарамъ можно вести торговлю удобнѣе. Впрочемъ король приказываетъ составить планъ торговой компаніи, но не посылать съ нимъ въ Мадритъ особое лицо, потому что въ этомъ случаѣ будетъ необходимо отблагодарить его надлежащимъ образомъ за длинный путь и содержать его въ здѣшней столицѣ (т. е. въ Мадритѣ), хотя можетъ случиться, что сказанный планъ и не будетъ одобренъ, что и предвидится.“ *Особый томъ рукописей, заключающій письма и депеши маркеза де-ля-Насъ къ дуку де-Лирія за всѣ три года: Embajada de Moscovia.* Письма эти, впрочемъ, всегда очень коротки, состоятъ по большей части изъ нѣсколькихъ словъ въ отвѣтѣ на письма дука де-Лирія, а потому и не представляютъ особаго интереса.

доходятъ до 20 за 100,—это меня разоритъ и погубитъ. Каскосъ (секретарь) со всѣмъ самоотверженіемъ нищъ, а такъ какъ и я нищъ, то и не могу помочь ему.»

6 іюня. «Новостей здѣсь мало. Ждали, что царь воротится въ столицу къ Троицѣ, но онъ не пріѣхалъ, не смотря на ужасные дожди и холодъ, испытываемый нами, который министровъ даже заставилъ бросить свои дачи и пріѣхать въ городъ. Тоже принужденъ былъ сдѣлать и я.

«Генерала Бутурлина, котораго, какъ я писалъ вамъ отъ 2 мая, посылали съ тремя полками въ Украйну, понизили чиномъ, отняли у него орденъ св. Александра и сослали въ Персію съ чиномъ подполковника.»

Другое. «Отъ 21 апрѣля вы меня извѣщаете, что король согласенъ на предложеніе, сдѣланное мною отъ 31 января, относительно ордена Золотаго Руна для царя, и что онъ уже послалъ въ Римъ кардиналу-министру приказаніе позаботиться о полученіи на это разрѣшенія отъ папы. То, что вы мнѣ пишете, чтобъ я не говорилъ объ этомъ ни б. Остерману и никому другому до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено разрѣшеніе отъ папы, это я исполню въ точности.»

Конфиденціальное. «Я возвратился въ городъ. Дурная погода выгнала меня изъ дачи; вотъ уже семь дней безпрестанно идетъ дождь, и холодъ заставляетъ даже топить печки.

«Величайшее удовольствіе доставила мнѣ приписка вашей собственной руки (къ письму отъ 21 апрѣля), которою вы меня извѣщаете, что въ Римъ даны приказанія выхлопотать у папы разрѣшеніе дать Руно этому монарху. Тысячу годовъ жизни вамъ за эту новость! Я, впрочемъ, постараюсь держать ее въ секретѣ, до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что папа далъ разрѣшеніе. Считаю нужнымъ предупредить васъ о нѣкоторыхъ вещахъ, которыя, если будетъ вамъ угодно, необходимо исполнить. Мнѣ кажется, что въ тотъ день, какъ я долженъ буду возложить на царя ожерелье Руна, мнѣ приличнѣе принять характеръ посла, хотя бы сложить его на другой же день, какъ это сдѣлалъ Вратиславскій во имя Польскаго короля, когда возлагалъ на царя орденъ Бѣлаго Орла. Надѣюсь также, что вы пришлете мнѣ инструкцію всего, что я долженъ буду дѣлать и сообщите на этотъ счетъ приказанія короля. Прошу васъ также предупредить мою жену, чтобы она прислала мнѣ мое ожерелье съ тѣмъ же лицомъ, которое привезетъ орденъ для царя. И я надѣюсь, что король

пришлетъ Руно, украшенное бриллiантами, чтобы не остаться позади короля Польскаго. Я не сомнѣваюсь, что торжество это будетъ блестяще, произведетъ эхо во всей Европѣ и будетъ не мало выгодно для славы короля, нашего государя.

«Мой Каскосъ и я, какъ Iудеи ждутъ Мессiи, такъ и мы ждемъ, когда-то вспомнитъ насъ президентъ Счетнаго Трибунала.»

13 iюня. «Чрезъ три дня ждутъ въ эту столицу Ефенди, который посланъ прямо къ царю, чего никогда не бывало, потому что всегда Турецкiе министры адресовались къ великому канцлеру, а Русскiе къ великому визирю.

«Хотя здѣшнiй дворъ и побаивается Турокъ, но считаютъ почти-что невозможнымъ, чтобы они въ этомъ году предприняли что-нибудь въ Европѣ, потому что дѣло уже приближается къ осени, а отъ Турецкихъ границъ весьма далеко до первыхъ Русскихъ крѣпостей. Что касается Персiи, тоже трудно, чтобы они предприняли что-нибудь и съ этой стороны, потому что тамъ они еще не обезопасили своихъ владѣнiй. Впрочемъ, на всякiй случай, здѣшнее правительство дѣйствуетъ предусмотрительно. Съ этою цѣлiю оно распорядилось усилить Персидскiй корпусъ 6-ю тысячами человѣкъ съ двумя генералъ-майорами. Исправлены также укрѣпленiя Выборга, пограничной Финляндской крѣпости, и здѣсь сосредоточено довольно войскъ, такъ что ихъ не застанутъ въ расплохъ.»

20 iюня. «Царя ждутъ завтра, но я не могъ узнать, почему онъ возвращается такъ скоро, какъ никто не ожидалъ. Постараюсь узнать къ слѣдующей почтѣ.

«Изъ Кронштада еще не вышли тѣ корабли, о которыхъ я писалъ вамъ и которые приготовлялись въ томъ портѣ; можетъ быть даже, этимъ лѣтомъ они и не выйдутъ, а если и выйдутъ, то только для небольшой прогулки, потому что время уже поздно.

«Число войскъ, которыя должны итти въ Персiю, увеличено: они должны состоять изъ 8 полныхъ батальоновъ и кромѣ того, отдѣляется по сорока человѣкъ изъ каждаго баталiона всѣхъ наличныхъ войскъ этой монархiи, что составитъ 40 тысячъ человѣкъ, включая и сказанные 8 батальоновъ.»

Отъ тогоже числа. «Трактатъ съ Персiей доставилъ Россiи три слѣдующiя выгоды:

1) Обезопасеніе владѣній, которыя принадлежатъ ей въ Персіи, какъ видно изъ третьяго артикула трактата.

2) Уступка Эзрефу провинцій Астрабада и Мазандрана, которыми Россія никогда не владѣла, но которыя во 2-мъ артикулѣ трактата обозначаются какъ провинціи, которыхъ Персія не можетъ уступить никому другому—это обстоятельство важно въ отношеніи Турокъ, которыхъ главное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы утвердиться на Каспійскомъ морѣ, чего эта монархія не потерпитъ никогда, пока только можетъ. Еслибы случилось Туркамъ получить на этомъ морѣ какой-нибудь портъ, то были бы въ опасности не только новыя Русскія завоеванія въ Персіи, но и самое царство Астраханское и другія древнія владѣнія царя.

3) Осьмымъ артикуломъ трактата Россіи предоставляется свободная торговля съ Восточной Индіей и Бухаріей—съ тѣми мѣстами, откуда приходятъ лучшіе рубины, эсмеральды и другіе цвѣтные драгоцѣнные камни, и этой торговли съ Бухаріей Россія еще никогда не могла добиться съ такою легкостію.“

27 іюня. «Царь возвратился въ городъ 23 числа не по иной причинѣ, какъ потому, что довольно поднявшіеся хлѣба не дозволяютъ больше охотиться.

На прошлой недѣлѣ умеръ графъ Скавронскій (Scobronsky), братъ покойной царицы Екатерины, а нынѣ его похоронили безъ малѣйшей церемоніи, какъ человѣка самаго обыкновеннаго; о томъ много говорятъ и между прочимъ то, что все-де идетъ къ паденію. Что особенно обратило вниманіе всѣхъ при этомъ обстоятельствѣ—это то, что принцессы Елисаветы не было на похоронахъ, и она не пріѣзжала ни разу съ своей дачи повидаться съ умирающимъ.»

Отъ того же числа. «Нѣсколько дней тому назадъ, къ величайшей моей непріятности, со мною случилась исторія, о которой я считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія Его Величества. Между тѣмъ какъ Его Царское Величество отправился на охоту, я отправился на дачу, которую нанялъ въ полмили отъ города, прося всѣхъ моихъ друзей пріѣзжать ко мнѣ за-просто обѣдать. 21 числа настоящаго мѣсяца я пригласилъ къ себѣ 12 или 14 Англичанъ, потому что это былъ день рожденія Іакова, короля Англійскаго. И такъ какъ у этихъ господъ почти необходимо этикетъ требуетъ напиваться до пьяна на подобныхъ празднествахъ, то я лично для себя, какъ дѣлаю и всегда, приготовилъ большой

графинъ воды, подкрашенной виномъ. Въ этотъ же день явился ко мнѣ за-просто обѣдать графъ Матвѣевъ, капитанъ лейтенантъ гвардейскаго полка Преображенской пифантеріи, хотя на этотъ праздникъ особенно я его и не приглашалъ. Я принялъ его со всевозможною любезностію и, отозвавъ его въ сторону, предложилъ ему и просилъ его пить со мною тотъ самый ликеръ, который буду пить я. Онъ весьма благодарилъ меня за это и первые тосты пилъ сказанной водой, подкрашенной виномъ, но потомъ, не знаю почему, обратился къ вину, и напился до того, что забылъ себя. Встали изъ-за стола. Выбранивъ безъ всякаго основанія одного солдата моей гвардіи, который былъ подъ ружьемъ, онъ далъ ему сильную пощечину, а затѣмъ, обнаживъ шпагу, далъ ему нѣсколько ударовъ ею. Сержантъ пришелъ ко мнѣ жаловаться. Я немедленно позвалъ графа въ мою комнату, заперся съ нимъ, ради Бога просилъ его поразмыслить о важности случившагося, что я-де люблю его такъ, что удовольствуюсь, если онъ тотчасъ же предъ гостями скажетъ, что вино довело его до глупости, но что онъ надѣется на мою дружбу и не сомнѣвается, что я его извиню и буду молчать о происшедшемъ. Ни резоны, ни мольбы съ моей стороны, ни со стороны генерала Кейта не могли привести его въ сознаніе. Мы вышли въ палисадникъ, гдѣ продолжали увѣщевать его подружески, но напрасно. Генералъ Кейтъ и графъ Дугласъ въ отчаяніи возвратились въ Москву. Тоже хотѣлъ сдѣлать и гр. Матвѣевъ, но я сказалъ ему, что не позволю, пока не покончитъ этого дѣла. Я опять началъ увѣщевать его, но онъ не только не обращалъ вниманія на мои увѣщанія, но взбѣсился, началъ говорить грубости, что онъ-де готовъ дать мнѣ удовлетвореніе шпагою и другія вещи въ этомъ родѣ. Я, въ полномъ сознаніи и самообладаніи, чего требовалъ мой характеръ, отвѣчалъ ему смѣясь: другъ, вы видите, у меня шпаги нѣтъ, и я министръ. Онъ подбѣжалъ къ одному своему денщику, выхватилъ у него шпагу и побѣжалъ съ нею искать меня. Въ 10 или 12 шагахъ отъ меня, уткнувъ свою шпагу въ землю, онъ началъ ее обнажать. Я спросилъ его, что онъ дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: непремѣнно деремся. Тутъ подошелъ Донъ Хуанъ Каскосъ и, пользуясь тою минутой, когда онъ занимался обнаженіемъ шпаги, выхватилъ ее у него. Я подбѣжалъ къ нему, обнялъ его, говоря: пойдемъ-те-ка въ комнаты пропустить *малую - толику* (lechar un trago). Въ домѣ было уже около 50 человѣкъ и Польскій посланникъ, который только что пріѣхалъ.

«Вотъ случай въ короткихъ словахъ. Онъ очень важенъ по многимъ причинамъ, не только по недостатку уваженія, который графъ выказалъ къ моему королю государю въ моемъ лицѣ и въ лицѣ моей гвардіи, но также и потому, что по законамъ Россіи наистрожайше запрещено обнажать шпагу противъ кого-бы-то ни было.

«На слѣдующій день, 22 числа, я отправился передать б. Остерману о случившемся и сказалъ ему, что не сомнѣваюсь въ справедливости Его Царскаго Величества, что мнѣ будетъ дано надлежащее удовлетвореніе. Баронъ много жалѣлъ о произшедшемъ и отвѣчалъ мнѣ, что онъ обо всемъ доведетъ до свѣдѣнія Его Царскаго Величества тотчасъ же по пріѣздѣ его въ Москву. И дѣйствительно 23 числа, съ пріѣздомъ царя, онъ далъ знать ему обо всемъ, и Его Царское Величество приказалъ тотчасъ же арестовать гр. Матвѣева.

«24 числа рано поутру явился ко мнѣ въ домъ домашній секретарь царя и сказалъ мнѣ, что кн. Долгорукій-фаворитъ прислалъ его сказать мнѣ, что Его Царское Величество весьма жалѣетъ объ оказанномъ неуваженіи гр. Матвѣева и приказалъ его арестовать, чтобы дать мнѣ всевозможное удовлетвореніе. Я поблагодарилъ секретаря и сказалъ ему, что постараюсь быть у князя, что дѣйствительно и сдѣлалъ въ половинѣ дня. Я нашелъ его сіятельство сердитымъ и столь озлобленнымъ противъ Матвѣева, что мнѣ нужно было просить его съ величайшей настойчивостію, чтобъ онъ нѣсколько смягчился. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что царь его государь непремѣнно желаетъ, чтобы мнѣ было дано надлежащее удовлетвореніе и что Матвѣевъ долженъ быть наказанъ по всей строгости. Я отправился къ б. Остерману, который мнѣ сказалъ тоже, что и фаворитъ, разсыпавшись въ выраженіяхъ почтенія и уваженія къ личности короля нашего государя.

«25 числа по полудни пришелъ ко мнѣ въ домъ адъютантъ гвардейскаго полка, посланный фаворитомъ, и сказалъ мнѣ, что Его Царское Величество прислалъ его ко мнѣ сказать, что царь, желая дать мнѣ полное удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное въ моемъ лицѣ моему государю, далъ приказъ предать гр. Матвѣева тотчасъ же суду военнаго совѣта и наказать его по всей строгости законовъ и что Его Величество готовъ дать мнѣ какое-угодно удовлетвореніе, чтобы я остался вполнѣ довольнымъ и чтобы заявить доказательства особенной дружбы и уваженія къ

королю нашему государю, лицо котораго я здѣсь представляю. Я поблагодарилъ адъютанта и сказалъ ему, что отправлюсь лично къ фавориту.

«Въ тоже самое время гр. Матвѣевъ прислалъ мнѣ записку, копію съ которой я посылаю при семъ вамъ, прося у меня не только прощенія, но и сжалиться надъ нимъ, потому что если соберется военный совѣтъ, то онъ погибъ навсегда. Объ этомъ же просить явились ко мнѣ всѣ его родные, излагая мнѣ тоже, что̀ графъ писалъ мнѣ въ запискѣ, которую онъ мнѣ прислалъ съ Алексѣемъ Вишняковымъ, назначеннымъ министромъ въ Константинополь.

«Видя, что не только Его Царское Величество приказалъ наказать сказаннаго Матвѣева, чтобы дать мнѣ полное удовлетвореніе, но въ въ тоже время въ мои руки предавался и самъ преступникъ, предоставляя мнѣ свою гибель и прося милости, я заключилъ, что августѣйшее достоинство короля нашего государя удовлетворено и, принимая во вниманіе его благородную августѣйшую милость и снисхожденіе, я тотчасъ же отправился къ б. Остерману, который прежде, чѣмъ я заговорилъ, сказалъ мнѣ тоже, что̀ мнѣ выразилъ отъ имени Его Царскаго Величества адъютантъ гвардіи, прибавивъ, что поступокъ Матвѣева такъ непріятенъ его государю, что онъ уже строжайше приказалъ дать мнѣ полнѣйшее удовлетвореніе, что таковъ именно приказъ царя и что онъ это передаетъ къ моему свѣдѣнію. Я поблагодарилъ его, говоря, что по этому же дѣлу и я явился къ нему, что у меня-де былъ адъютантъ гвардіи отъ имени Его Царскаго Величества передать мнѣ то, о чемъ я говорилъ выше, и что самъ гр. Матвѣевъ прислалъ мнѣ записку, что все это меня обязуетъ во имя короля моего государя просить прощенія для преступника, повѣряя его милости и снисхожденію Его Царскаго Величества, которому король нашъ государь равно останется благодаренъ, если преступнику будетъ оказана царская милость, такъ какъ теперь я нахожу удовлетвореніе и вполнѣ и справедливо даннымъ. Остерманъ отвѣчалъ мнѣ, что царь его государь сдѣлалъ не больше, какъ только то, чего требовала справедливость, тѣмъ болѣе, что ее нужно было оказать министру государя и союзника, котораго онъ особенно почитаетъ и любитъ. Что же касается помилованія, котораго я прошу для Матвѣева, онъ дастъ-де объ этомъ отчетъ Его Царскому Величеству, но что онъ можетъ меня увѣрить, что моя просьба, будетъ ему очень непріятна, потому что онъ очень разгнѣванъ противъ преступника и хотѣлъ наказать его строго, чтобы дать примѣръ другимъ

Отъ Остермана я отправился къ фавориту, котораго я также благодарилъ и выразилъ ему туже просьбу, и онъ отвѣчалъ мнѣ тоже, что̀ и Остерманъ.

«Вчера въ три часа по полудни явился ко мнѣ придворный секретарь сказать мнѣ, что по представленію кн. Долгорукаго царю моей просьбы о помилованіи Матвѣева, Его Царское Величество приказалъ сказать мнѣ, что онъ такъ разгнѣванъ поведеніемъ графа, что рѣшительно не желалъ бы прощать его, по крайней мѣрѣ, если я не приму этой милости за полное для себя удовлетвореніе. Я отвѣчалъ секретарю, что много цѣню вниманіе царя, но что я еще повторяю мою просьбу фавориту повергнуть къ стопамъ Его Величества мою усерднѣйшую мольбу простить Матвѣева. Я тотчасъ же отправился къ б. Остерману, которому передалъ все, что̀ мнѣ присылалъ сказать фаворитъ, и я повторилъ ему мою просьбу.

«Нынѣ поутру явился ко мнѣ въ домъ гр. Матвѣевъ сказать мнѣ, что царь его государь прислалъ его ко мнѣ не только чтобы просить у меня прощенія, но и сказать мнѣ, что Его Царское Величество прощаетъ его только вслѣдствіе двукратно повторенной, настоятельной моей просьбы. Что касается его лично, онъ разсыпался предо мною въ извиненіяхъ, говоря, что онъ только мнѣ одолженъ своимъ счастіемъ и повторилъ мнѣ буквально то, что̀ писалъ въ запискѣ. Я принялъ его съ величайшею любезностію и увѣрялъ его, что и впередъ онъ не найдетъ друга лучше меня и что я готовъ сдѣлать все для его удовольствія.

«Нынѣ по полудни я нарочно былъ у Остермана и фаворита, чтобы поблагодарить ихъ и просить ихъ передать мою благодарность царю, увѣривъ Его Царское Величество въ величайшей признательности, съ которою король нашъ государь узнаетъ о благородствѣ и доказательствахъ его дружбы и справедливости, съ которою онъ рѣшилъ это дѣло.»

Записка графа Матвѣева къ дуку де-Лирія (50).

«Свѣтлѣйшій государь! Никто еще не испытывалъ такого большаго отчаянія, какое испытываю я, не оказавъ вамъ того почтенія, которымъ я обязанъ не только лично вашему сіятельству, но и вашему важному характеру.

(50) Записка писана на французскомъ языкѣ, съ котораго мы и переводимъ. Дукъ де-Лирія зовется *Monseigneur*.

«Еслибы я не былъ подъ арестомъ, я бы счелъ за счастіе для себя идти лично къ вамъ просить у васъ тысячи и тысячи прощеній за неизвинительный поступокъ, который я сдѣлалъ.

«Но, государь, я въ темницѣ и рискую погубить мое счастіе навсегда, если вы не пожалѣете меня. Его Императорское Величество; мой государь, рѣшилъ дать вашему сіятельству все должное удовлетвореніе, а строгость законовъ такова, что я погибъ. Прибѣгаю къ благородной добротѣ вашего сіятельства, по которой, я надѣюсь, вы не захотите погубить человѣка съ положеніемъ, который только-что начинаетъ свою благородную карьеру, который глупо раскаивается въ своей крайней дерзости, бывшей несчастнымъ слѣдствіемъ вина, а отнюдь не преднамѣреннымъ желаніемъ оскорбить ваше сіятельство, къ которому я всегда питалъ всевозможное почтеніе. Единственно вы, котораго благородство извѣстно всѣмъ, заступничествомъ своимъ можете испросить прощеніе для меня у императора моего государя, и я льщу себя надеждою, что вы мнѣ не откажете въ этомъ.

«Отъ вашего благородства, государь, зависитъ мое счастіе или несчастіе. И если вы удостоите сдѣлать мнѣ эту милость, о которой я прошу, я при всѣхъ возможныхъ случаяхъ постараюсь представить вамъ доказательства не только моего серьезнаго раскаянія, но и глубокаго почтенія, съ которымъ имѣю честь быть къ вамъ даже до смерти, государь, вашей свѣтлости, нижайшій и покорнѣйшій слуга, графъ Матвѣевъ. Москва 12 іюня 1729.»

Собственноручная записка отъ тогоже 27 іюня. «Я нашелъ здѣсь одного честнаго Еврея, который предложилъ мнѣ пунктуально выдавать ежемѣсячное жалованье, если я буду давать ему каждый разъ вексель на государственное казначейство въ Мадритѣ.»

4 іюля. «Три дня тому назадъ здѣшнее правительство получило извѣстіе, что на границу Россіи съ Персіей пріѣхалъ посланникъ принца Тамаса (Tàmas), который и есть собственно законный наслѣдникъ Персидскаго престола. Не смотря на то, что этотъ дворъ уже заключилъ трактатъ съ похитителемъ престола Эзрефомъ, его (т. е. посланника Тамаса) примутъ и ждутъ здѣсь съ величайшимъ любопытствомъ, чтобъ узнать, каковы его претензіи и предложенія.» — «Ефенди еще не пріѣхалъ и думаютъ, что пріѣдетъ къ Петрову дню.»

Отъ тогоже числа. «На этихъ дняхъ Русскій посланникъ сообщилъ мнѣ извѣстія, будто полученныя имъ отъ своего Двора, что Англичане и Французы мирятся съ Испаніей и скоро-де увидимъ, что Англій-

скій флотъ соединится съ Испанскимъ, чтобы ввести Донъ Карлоса ([51]) въ Италію, что Австрія потеряетъ по крайней мѣрѣ Сицилію и что Вѣнскій Дворъ начинаетъ уже тревожиться этимъ. Тоже мнѣ сообщалъ потомъ и посланникъ Голштейнскій.

«Вчера я былъ у Остермана, и онъ тотчасъ же заговорилъ со мною о тѣхъ же извѣстіяхъ, прибавивъ къ этому, что онъ не вѣритъ имъ, потому что ему ничего не пишутъ объ этомъ Русскіе министры при иностранныхъ дворахъ. Продолжая разговоръ объ этомъ дѣлѣ, онъ мнѣ сказалъ, что будетъ весьма жаль, если это случится въ самомъ дѣлѣ, — жаль не только потому, что онъ желалъ бы видѣть единеніе между королемъ нашимъ государемъ и императоромъ, но и потому, что интересы царя связаны съ интересами Его Цезарскаго Величества, и что Россія никогда не разорветъ союза съ императоромъ. Это онъ сказалъ мнѣ съ нѣкоторымъ *ударомъ* министра, и я отвѣчалъ ему слабо, что, надѣюсь, этого не случится, и перемѣнилъ разговоръ. Я долженъ представить Его Величеству, что единеніе Вѣнскаго Двора неразрывно дѣйствительно, по крайней мѣрѣ теперь, потому что Россія никогда еще не нуждалась такъ въ императорѣ по причинѣ движенія Турокъ; кромѣ того Остерманъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся власть что касается иностранныхъ дѣлъ, совершенно на сторонѣ Вѣнскаго Двора и убѣжденъ, что союзъ съ нимъ всего полезнѣе для этой монархіи. Принимая все это во вниманіе, я не могу не представить Его Величеству, если охладѣетъ наша дружба съ Вѣнскимъ Дворомъ, что здѣсь для короля нашего государя не нужно и даже унизительно имѣть своего посланника; потому что здѣсь руководятся правилами Нѣмецкими, а на Испанскаго посланника не только будутъ смотрѣть дурно, но онъ ежедневно подвергнется тысячи непріятностей и не сможетъ служить существенной службы своему государю.»

Конфиденц. «Я въ большомъ затрудненіи, что лошади и мулы для царя еще не отправлены изъ Испаніи. а здѣсь постоянно спрашиваютъ: когда, да когда они придутъ? Начинаютъ уже не довѣрять мнѣ; думаютъ, что все это былъ мой обманъ.»

([51]) Впослѣдствіи король Неаполя и затѣмъ Испаніи подъ именемъ Карла III.

11 іюля. «Весьма благодарю васъ за извѣстіе отъ 26 мая, что король нашъ государь дозволилъ вывести мнѣ изъ Испаніи двухъ лошадей для фельдмаршала Долгорукаго.

«Вчера съ обычною торжественностію праздновался во дворцѣ день св. Петра, имя котораго носитъ царь; торжество это продолжается нынѣ и будетъ завтра.»

18 іюля. «Пять дней тому назадъ пріѣхалъ сюда Ефенди и еще не видѣлся съ Остерманомъ.

«Царь вчера уѣхалъ на охоту за двѣ мили отъ города и, говорятъ, скоро воротится.

«Здѣшнее правительство рѣшило послать посланникомъ въ Пруссію князя Куракина, который былъ въ Парижѣ послѣ смерти своего отца, хотя это рѣшеніе еще и не опубликовано.»

25 іюля. «Ефенди сдѣлалъ визитъ великому канцлеру и барону Остерману, но не говорилъ еще ни о какомъ политическомъ дѣлѣ, и неизвѣстно еще, будетъ ли имѣть аудіенцію у царя. Говорятъ, онъ имѣетъ письмо къ Его Царскому Величеству, но онъ еще не представилъ его копіи и неизвѣстно, письмо это отъ султана или отъ великаго визиря; если отъ перваго, царь дастъ ему аудіенцію, а если отъ втораго, то нѣтъ. На всякій случай, въ Персію послали большой обозъ съ пушками, оружіемъ, пулями, порохомъ и проч. и 300,000 рублей деньгами.

«Великій канцлеръ, который уже очень старъ, хочетъ удалиться въ монастырь, чтобы тамъ провести послѣдніе дни свои. Онъ просилъ для этого позволенія у царя, но еще не получилъ.

«Три дня тому назадъ мы имѣли ужасную грозу; громъ ударилъ въ мой домъ, хотя и не причинилъ особеннаго несчастія.»

1 августа. «Здѣшній государь все развлекается охотой. Прошлые дни на охоту съ царемъ былъ приглашенъ гр. Вратиславскій; третьяго дня онъ отправился туда съ посланникомъ Бланкенбурга, и воротились они вчера вечеромъ. Почему не было сдѣлано той же вѣжливости со мною — это новость, потому что до сего времени между тѣмъ и другимъ не дѣлали различія. Это ясно показываетъ, что съ императоромъ во всякомъ случаѣ хотятъ поддержать единеніе, и если прекратятся наши добрыя отношенія къ Вѣнскому Двору, и этотъ Дворъ прекратитъ съ нами таковыя отношенія. Я впрочемъ веду себя, какъ будто не замѣчаю ничего и живу по прежнему.»

8 августа. «Г. Дитмаръ, Шведскій агентъ при этомъ Дворѣ, получилъ отъ своего Двора приказаніе объявить здѣшнему министерству, что его Шведское Величество рѣшилъ дать царю титулъ императора и что объ этомъ чрезъ нѣсколько дней пришлетъ письмо Его Царскому Величеству. Этой вѣстью здѣшній Дворъ очень доволенъ. Этимъ Шведскій король прекратитъ всѣ недоумѣнія, бывшія между двумя Дворами, и къ здѣшнему Двору изъ Швеціи будетъ назначенъ министръ.

«Англійскій консулъ возвратился изъ Петербурга въ эту столицу. Онъ заключилъ съ Русскими контрактъ на доставку для гвардіи и всѣхъ полковъ суконъ изъ Англіи, необходимыхъ для новой экипировки, которая предстоитъ. Не сомнѣваются, что этимъ останется очень недоволенъ Прусскій Дворъ, уже давно имѣющій здѣсь большую партію суконъ, потребованныхъ княземъ Меньщиковымъ не задолго до его несчастія, послѣ котораго ихъ не хотѣли принять подъ предлогомъ, что они не того качества, какого нужно.

«Царь все наслаждается охотой, несмотря на непостояннѣйшее время, которое длится вотъ уже семь недѣль. Не проходитъ дня, чтобы не было бури съ громомъ и молніей. Прошлую пятницу громъ ударилъ въ домикъ одной деревушки въ шесть домишекъ, и деревушка сгорѣла вся.»

15 августа. «Ефенди вчера имѣлъ у Его Царскаго Величества родъ аудіенціи. Это произошло такъ: его ввели въ комнаты царя, который чрезъ минуту вышелъ съ шляпою на головѣ. Когда онъ остановился съ Ефенди, этотъ сказалъ ему рѣчь, которую онъ выслушалъ какъ бы мимоходомъ. Отвѣтивъ и сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ, Его Царское Величество удалился. Удалился и Ефенди въ комнаты барона Остермана, гдѣ обѣдалъ со всей своей свитой. За два дня до этого, Ефенди вручилъ великому канцлеру письмо, которое привезъ для царя.

«Завтра уѣзжаетъ отсюда баронъ Стамкенъ, Голштейнскій посланникъ, и увозитъ съ собою сто тысячь рублей, которые царь посылаетъ великому герцогу въ счетъ субсидій. На его мѣстѣ съ тѣмъ же характеромъ остается графъ Бонде, каммергеръ его высочества.

Отъ тогоже числа. «Три дня тому назадъ, гр. Вратиславскій и посланникъ Бланкенбурга опять были приглашены на дачу, гдѣ находится царь. Наслаждаясь цѣлый день охотой, уже ночью они возвратились въ городъ. Дружба между этими двумя министрами и частыя конференціи, которыя они имѣютъ съ тѣми, кто составляетъ здѣшнее правительство,

заставляютъ задуматься другихъ министровъ и особенно меня. Нѣкоторые думаютъ, что они ведутъ переговоры о женитьбѣ царя на какой нибудь иностранной принцессѣ, но Вратиславскій держитъ это отъ меня въ секретѣ; и хотя я употреблялъ всѣ мѣры, чтобы выпытать отъ него что-нибудь, но не добился ничего, а онъ меня увѣряетъ, что не получаетъ ничего отъ своего Двора, хотя съ рѣдкою почтою не приходятъ къ нему депеши въ цифрахъ.

«Съ сказанными двумя министрами выѣзжаетъ баронъ Остерманъ, хотя онъ и рѣдко это дѣлаетъ, если къ этому не побуждаетъ его какое-нибудь особенно важное дѣло; на царскую дачу они отправляются обыкновенно раннимъ утромъ, но не выѣзжаютъ на охоту до послѣ-обѣда.»

22 августа. «Царь все еще наслаждается охотой и говорятъ, что въ концѣ мѣсяца онъ поѣдетъ для этого за четыреста верстъ отъ этого города. Но я не могу выдавать этого извѣстія за достовѣрное, равно и того, что Ефенди скоро возвращается въ Константинополь. Хотя онъ уже началъ свои конференціи съ здѣшними министрами, я не могъ узнать, въ чемъ состоятъ его требованія, а б. Остерманъ еще не сообщилъ этого гр. Вратиславскому, который говорилъ мнѣ, что б. Остерманъ обѣщалъ извѣстить его обо всемъ на этой недѣлѣ, чего онъ еще не исполнилъ, будучи весьма занятъ.

29 августа. «Патентъ Англійскому консулу присланъ, и въ желанной формѣ.

«Здѣшнее министерство спѣшитъ проводить отсюда Ефенди, который отправится съ новымъ Русскимъ резидентомъ, назначеннымъ въ Константинополь, Вишняковымъ. Ефенди здѣсь всевозможно угождаютъ, и онъ, кажется, доволенъ здѣшнимъ Дворомъ.

«Императорскому министру еще не сообщили о переговорахъ съ Туркомъ, но мы могли проникнуть, что наши подозрѣнія о переговорахъ Англичанъ и Шведовъ съ Портою были очень основательны: они дѣйствительно дѣлали все возможное, чтобы втянуть Турокъ въ войну съ императоромъ и этимъ государствомъ.

«Королю нашему государю не безъизвѣстно, что недоразумѣнія между Дворами Берлинскимъ и Ганноверскимъ все больше и больше усиливаются, и личная ненависть между этими двумя монархами такъ велика, что можно бояться разрыва. На всякій случай Польскій король далъ приказъ своему генералъ-капитану въ Саксоніи имѣть на готовѣ 12 тысячь

человѣкъ для помощи Прусскому королю, если онъ попроситъ оной.» «Его Польское Величество пріѣхалъ въ Гродно, и 24 числа текущаго мѣсяца должна была открыться Діета.»

Отъ тогоже числа. «Графъ Цеккендорфъ, министръ Его Цезарскаго Величества въ Берлинѣ, конфиденціально пишетъ гр. Вратиславскому, что Прусскій король рѣшился приступить къ трактату, заключенному 6 Августа 1725 г. между здѣшней монархіей и императоромъ, и для этого остается только уладить одно затрудненіе, которое находится въ особомъ трактатѣ, заключенномъ въ томъ же году между Прусскимъ королемъ и царемъ, по которому они обязуются, что не потерпятъ, чтобы послѣ смерти Польскаго короля корона досталась какому-нибудь принцу-государю, но чтобы былъ избранъ туземецъ; а императоръ, хотя и не хочетъ прямо вмѣшиваться, чтобы въ короли Польши былъ избранъ его племянникъ курфирстъ Саксонскій, тѣмъ не менѣе хочетъ предоставить свободу Полякамъ избрать кого угодно безъ сказаннаго ограниченія. Барону Мардефельду, Прусскому министру при этомъ Дворѣ, даны приказанія уладить это затрудненіе: уничтожить эту статью, которая касается Польши въ прежнемъ трактатѣ; и послѣ того какъ это будетъ сдѣлано (а я не сомнѣваюсь, что это сдѣлаютъ), Цеккендорфъ въ Берлинѣ заключитъ трактатъ съ королемъ Пруссіи.»

5 сентября. «Главныя комиссіи, которыя долженъ былъ исполнить здѣсь Ефенди, слѣдующія:

1. Жаловаться на Русскихъ комиссаровъ, которые находятся на Персидской границѣ.

2. Требовать удовлетворенія за 60 тысячь овецъ, которыя, по словамъ Турокъ, были угнаны Русскими, а эти отвѣчаютъ, что это они сдѣлали въ отместку за то, что Турки обратили въ рабовъ многихъ Русскихъ подданныхъ изъ провинцій, сосѣднихъ Турецкимъ провинціямъ въ Персіи.

3. Турки претендуютъ, чтобы царь имъ уступилъ крѣпость, построенную имъ въ Гилянской провинціи на Каспійскомъ морѣ. Но въ этой претензіи Ефенди обманулся: ему ясно отвѣтили, что царь этого никогда не сдѣлаетъ и никогда не позволитъ Туркамъ утвердиться на Каспійскомъ морѣ».

12 сентября. «Меня не перестаютъ спрашивать о лошадяхъ и мулахъ для царя, а третьяго дня за обѣдомъ, по случаю праздника св.

Александра, фаворитъ спросилъ меня о томъ при всѣхъ и при царѣ. Умоляю васъ представить объ этомъ Его Величеству, чтобы онъ приказалъ поспѣшить отправкою этихъ животныхъ: вѣдь въ этомъ замѣшано королевское обѣщаніе, которое я передалъ царю чрезъ б. Остермана.

«Третьяго дни, въ день св. Александра, всѣ кавалеры этого ордена были въ церкви и затѣмъ обѣдали во дворцѣ. Къ вечеру царь уѣхалъ на дачу.

19 сентября. «$\frac{16}{5}$ былъ день имянинъ принцессы Елисаветы. Но ничего не было во дворцѣ, и она не пріѣзжала въ городъ съ своей дачи; впрочемъ были выстрѣлы изъ пушекъ, а въ городѣ иллюминація.

«Третьяго дни царь отправился на охоту въ Sathuna(?) за 20 миль отсюда и проживетъ тамъ до $\frac{23}{12}$ октября, дня своего рожденія, по крайней мѣрѣ, если снѣгъ не заставитъ его воротиться скорѣе.»

Отъ тогоже числа. «Кн. Куракинъ былъ уже назначенъ посланникомъ въ Берлинъ и располагалъ было туда отправиться; но вдругъ назначеніе перемѣнили, и посланникомъ въ Берлинъ назначили князя Сергія Голицина, который былъ при нашемъ дворѣ. Куракинъ оскорбился этимъ рѣшеніемъ, тѣмъ болѣе что оно принято безъ его вѣдома, и онъ узналъ о немъ три дня послѣ того, какъ оно состоялось. Почти всѣ думаютъ, что это не только значитъ то, что Долгорукіе, не долюбливающіе Куракина, сыграли съ нимъ эту штуку, но и то, что они сдѣлали это для упроченія своего вліянія, потому что они начали бояться, чтобы имъ не повредилъ кн. Голицинъ, который по своей должности каммергера былъ постоянно съ царемъ, весьма полюбившимъ его. И Голицинъ дѣйствительно имѣетъ способность внушить къ себѣ любовь.

«Я еще не могъ узнать, какъ принялъ это назначеніе кн. Димитрій Голицинъ, его отецъ, потому что я увѣренъ, онъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ чтобы имѣть своего сына вблизи царя, дабы наблюдать дѣйствія Долгорукихъ, которыхъ власть съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Какъ меня увѣряли, нѣсколько недѣль тому назадъ они предлагали кн. Сергію Голицину, не угодно ли-де ему будетъ, они предложатъ Его Царскому Величеству назначить его генералъ-губернаторомъ всей Сибири. Онъ отвѣчалъ, что ничего не желаетъ, какъ быть у ногъ своего государя. Теперь этого онъ не могъ отвѣчать, потому что царь сказалъ ему, что онъ любитъ его и не хотѣлъ бы разлучаться съ нимъ, но онъ нуженъ при Берлинскомъ Дворѣ. Я не сомнѣваюсь, что эти учтивыя выраженія

внушены царю кн. Алексѣемъ, чего бы онъ не сдѣлалъ, если бы дѣйствительно (какъ говорятъ) не замѣтилъ въ царѣ нѣжнаго расположенія къ Голицину.»

26 сентября. «На прошлой недѣлѣ уѣхалъ Ефенди, очень довольный этимъ Дворомъ за пріемъ, а еще больше за хорошіе подарки.

«20 числа текущаго мѣсяца Прусскій посланникъ, баронъ Мардефельдъ возобновилъ трактатъ, заключенный его Дворомъ въ 1725 году съ покойной царицей. Такъ какъ это дѣлалось и хранится въ величайшемъ секретѣ, то я не могъ узнать въ подробностяхъ содержаніе трактата, но узналъ, что главное содержаніе его состоитъ во взаимной гарантіи завоеваній, сдѣланныхъ Россіей и Пруссіей у Швеціи въ прошлую войну, и въ оборонительномъ союзѣ для взаимной поддержки, въ случаѣ нападенія, вспомогательнымъ корпусомъ въ 5000 человѣкъ. Что касается параграфа о недозволеніи, въ случаѣ смерти настоящаго Польскаго короля Августа, чтобы Польская корона досталась кому-нибудь изъ принцевъ Европы, а перешла къ кому-нибудь изъ туземцевъ: меня увѣряли, въ этомъ новомъ трактатѣ онъ опущенъ».

Конфиденц. «Царя нѣтъ, министровъ тоже, и намъ здѣсь нечего дѣлать. Завтра мы съ гр. Вратиславскимъ отправляемся за 18 миль отсюда насладиться хорошей погодой. Дай-то Богъ, чтобы въ мое отсутствіе пришли мои векселя, потому что слишкомъ нуждаюсь въ нихъ. Всѣ друзья мои говорятъ мнѣ, что еще никогда не случалось ни съ однимъ министромъ, чтобы жить на кредитъ цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ, какъ это дѣлается со мною.»

10 октября. Причина, задержавшая здѣсь Крама — это помогать графу Вратиславскому въ дѣлѣ выдачи въ замужество принцессы Елисаветы, чего съ нетерпѣніемъ желаетъ какъ императоръ, такъ и здѣшнее министерство. Думаютъ выдать ее за наслѣдственнаго маркеза (маргграфа?) Бранденбурга. Баронъ Остерманъ очень одобряетъ предположеніе объ этомъ бракѣ и весьма хлопочетъ уладить его; и такъ какъ маргграфъ de Bareith-отецъ есть родной братъ наслѣдственной принцессы Даніи, то чрезъ посредство Вѣнскаго Двора спрашивали короля Даніи, будетъ ли онъ доволенъ этимъ супружествомъ, и получили совершенное одобреніе. Я не могъ еще узнать, какъ думаетъ объ этомъ сама принцесса Елисавета, которая, вотъ уже четыре мѣсяца, живетъ безвыѣздно на своей дачѣ.

«Теперь я долженъ представить Его Величеству одно размышленіе по поводу поведенія Вѣнскаго Двора въ отношеніи къ здѣшнему. Императоръ слишкомъ уже вѣжливъ съ царемъ по вопросу о Туркахъ. Отъ его имени гр. Вратиславскій объявилъ здѣшнему Двору, что откуда бы Оттоманы ни аттаковали эту монархію, Его Цезарское Величество объявитъ себя на сторонѣ Россіи. Не безъизвѣстно, что секретная статья трактата, заключеннаго между царемъ и императоромъ, говоритъ, что императоръ возметъ сторону царя противъ Турокъ только въ такомъ случаѣ, если нападеніе на Россію будетъ сдѣлано въ Европѣ; но императоръ очень хорошо знаетъ, что Турки теперь не могутъ напасть на Россію въ Европѣ, а развѣ только со стороны Персіи, да и тамъ не предвидится разрыва. Очевидно, давъ Вратиславскому приказъ объявить здѣшнему Двору, что онъ-де не только готовъ исполнять трактатъ, но даже и свыше трактата, онъ хочетъ выставить свою добросовѣстность. И на это онъ имѣетъ двѣ причины: 1) предупредить этотъ Дворъ въ свою пользу на всякій случай и 2) заслужить его расположеніе и такимъ образомъ обязать его. Въ этомъ императору удивительно усердно служитъ и будетъ служить баронъ Остерманъ, который всегда былъ самымъ усерднымъ приверженцемъ Вѣнскаго Двора.»

17 окт. Конф. „Я и Каскосъ такъ бѣдны, такъ бѣдны, что почти что можемъ идти просить супа св. Франциска“ ([52]).

24 октября. «Не смотря на большія приготовленія ко дню рожденія царя, думали, что онъ не пріѣдетъ въ городъ. Такъ и случилось. Вчерашній день, впрочемъ, праздновался иллюминаціей по всему городу и во дворцѣ, въ которомъ былъ данъ большой обѣдъ, на который всѣ иностранные министры были приглашены церемоніймейстеромъ отъ имени Его Царскаго Величества, по обычаю. На обѣдѣ были всѣ министры Верховнаго Совѣта и генералы, такъ какъ будто былъ самъ царь, мѣсто котораго за столомъ было не занято, и каждый изъ гостей занималъ

([52]) *Sopa-boba* — супъ, который въ то время раздавался нищимъ при воротахъ всѣхъ Францисканскихъ монастырей Испаніи, куда тѣ приходили съ своими горшками и ложками и гдѣ происходили самыя интересныя сцены. Извѣстно, что нищихъ въ Испаніи было не мало, и эти раздаванія даровaго супа, который для нѣкоторыхъ нищихъ служилъ даже предметомъ торговли, еще болѣе благопріятствовали развитію нищенства.

свое обычное мѣсто. Угощалъ всѣхъ б. Остерманъ, и все происходило къ общему удовольствію. Не было только фейерверка, который приготовленъ къ этому дню.

«Причина, по которой царь не возвратился въ городъ, заключается въ томъ, что кн. Алексѣй Долгорукій ревнуетъ его ко всѣмъ, и боится, что если царь полчаса поговоритъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, онъ потеряетъ къ нему расположеніе. Кромѣ того, его задушевное желаніе и его единственная мысль — это женить царя на одной изъ своихъ дочерей, какъ я уже извѣщалъ васъ прежде. Онъ таскаетъ своихъ дочерей во всѣ экскурсіи съ царемъ, и тамъ царь по вечерамъ привыкъ играть съ ними въ карты. Такимъ образомъ оказывается, что бракъ дѣло рѣшеное, и думаютъ навѣрное, что Его Царское Величество возвратится въ столицу уже женатымъ, и церемонію брака совершитъ архіепископъ Ростова. Это я узналъ отъ одного изъ фамиліи Долгорукихъ. Есть еще обстоятельство, которое, хотя и мелочно, но ясно показываетъ, что приготовляются къ чему-то чрезвычайному, потому что съ солдатами забираютъ всѣхъ портныхъ изъ Москвы, для того чтобы заставить ихъ работать на Дворъ. И такъ какъ, послѣ вчерашняго торжества, нѣтъ другаго праздника Его Царскаго Величества до будущаго мая ([53]) мѣсяца, то ясно, что это приготовленія для брака. Эти Долгорукіе идутъ по стопамъ Меншикова и со временемъ будутъ имѣть тотъ же конецъ. Ихъ ненавидятъ всѣ, они не хотятъ расположить къ себѣ никого, и теперь они женятъ царя, можно сказать, силою, злоупотребляя его нѣжнымъ возрастомъ; но достигши Его Величество 15 или 16 лѣтъ, его вѣрные министры разъяснятъ ему сущность дѣла: тогда онъ не замедлитъ раскаяться въ своей женитьбѣ, и Долгорукіе погибли, а царица навѣрное кончитъ монастыремъ.

«Нужно замѣтить, что объ этомъ бракѣ ничего не говорятъ императору, родному дядѣ царя. Это его конечно оскорбитъ; но при всемъ томъ, онъ будетъ молчать, потому что рѣшительно хочетъ оставаться въ дружбѣ съ этимъ Дворомъ, чего бы это ни стоило.»

Другое. Конфиденц. «Моя крайняя бѣдность достигла до высшей степени. Я и мой секретарь — вѣдь мы не имѣемъ чѣмъ платить за бѣлье. 18 мѣсяцевъ оставаться безъ всякой помощи!»

([53]) Дукъ де-Лирія забылъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ праздновалось коронованіе Петра II.

7 ноября. «Ждутъ возвращенія царя на слѣдующей недѣлѣ, къ чему его побудитъ начавшееся дурное время: вотъ уже четвертый день идетъ снѣгъ, хотя и не много. Прочіе министры, какъ и б. Остерманъ, возвратились третьяго дни.

«Что касается слуховъ о бракѣ, ничего не имѣю прибавить къ прежнимъ извѣстіямъ, кромѣ того, что съ каждымъ днемъ они становятся все достовѣрнѣе, что̀ подтверждаетъ особенно то, что вся фамилія будущей царицы запасается множествомъ нарядовъ и всѣмъ необходимымъ для подобной церемоніи; Кремлевскій дворецъ отдѣлывается съ величайшимъ великолѣпіемъ. Но при всемъ томъ, есть еще невѣрящіе, чтобъ состоялся этотъ бракъ.

«Князь Голицинъ уѣхалъ въ Берлинъ. На дняхъ ждутъ сюда изъ Польши князя Сергія Долгорукаго, который былъ на тамошней Діетѣ въ качествѣ посланника.

По письмамъ изъ Петербурга узнали, что тамъ были наводненія, которыя причинили много вреда, особенно бывшее въ день рожденія царя.»

14 ноября. «Вчера былъ у меня б. Остерманъ и спрашивалъ меня отъ имени своего государя, получилъ ли я отвѣтъ на представленіе и ходатайство царя за герцога Голштинскаго. Къ этому побудило Остермана то, что царь получилъ отъ герцога еще письмо, въ которомъ онъ опять проситъ его ходатайства. Я отвѣчалъ, что отъ васъ я получилъ отвѣтъ, что вы получили мое представленіе, но что еще не послѣдовало королевскаго рѣшенія, по причинѣ путешествій (54) Его Величества.

«Въ тоже время Остерманъ спросилъ меня о лошадяхъ и мулахъ, не посланы ли они изъ Испаніи? Я отвѣчалъ ему, что не имѣю извѣстія. Мнѣ стыдно отъ этихъ вопросовъ, которые мнѣ постоянно повторяютъ объ этихъ животныхъ.»

21 ноября. «Вчера царь воротился съ охоты; и хотя говорили, что поселится жить въ городѣ, но этого онъ не сдѣлалъ, а остановился въ Нѣмецкой Слободѣ; полагаютъ впрочемъ, что только до конца мѣсяца.»

Другое отъ того же числа къ Донъ-Хосе Патиньё. «Для того, чтобы думали, что здѣсь о флотѣ заботятся по прежнему, для это-

---

(54) Испанская королевская фамилія дѣйствительно путешествовала въ это время по Пиринейскому полуострову. Но дуку де-Лирія было приказано давать уклончивые отвѣты по дѣлу пенсіона герцогу.

го каждый годъ строятъ кое-какія галеры; но оставляютъ въ портахъ гибнуть корабли, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ Россія не будетъ имѣть ни одного годнаго, по крайней мѣрѣ, если царь, когда возмужаетъ, не захочетъ слѣдовать славнымъ стопамъ своего великаго дѣда.»

Третье. Конфиденц. «Вексель изъ Испаніи въ двѣ тысячи дукатовъ на Голландію мнѣ даетъ здѣсь по текущему размѣну только 1863 рубли».

28 ноября. «Здѣшнее правительство получило извѣстіе о выѣздѣ торжественнаго посольства изъ Китая, которое тотъ государь посылаетъ къ этому, чѣмъ здѣшній Дворъ весьма доволенъ и тѣмъ болѣе, что тотъ государь не имѣетъ обычая посылать пословъ къ другимъ государямъ: посольство къ царю – это первое. Ясный знакъ, что Китайцы не только хотятъ сохранить дружескія отношенія къ здѣшнему государству, но и заискиваютъ у него.

«Царь живетъ въ столицѣ, и не говорятъ, возвратится ли въ деревню; но говорятъ о предстоящемъ бракѣ, хотя и не съ положительностію.

«Только вчера гр. Вратиславскій и я были у царя поздравить Его Царское Величество съ возвращеніемъ изъ деревни. Послѣ насъ имѣли аудіенцію: одинъ принцъ-государь Персіи ([55]), находящійся подъ покровительствомъ Россіи; другой принцъ Армянскій; одинъ депутатъ отъ Казаковъ и другой отъ Калмыковъ, каковыя обѣ націи также находятся подъ покровительствомъ этого государя.»

Конфиденц. «Кажется, былъ крупный счетъ въ Римѣ между нашимъ эмпнетиссимомъ, кардиналомъ-министромъ и нашимъ агентомъ; но по всѣмъ извѣстіямъ, полученнымъ мною здѣсь, я думаю, что поведеніе послѣдняго будетъ одобрено Его Королевскимъ Величествомъ. Охъ, еслибы Его Величество призналъ за лучшее имѣть въ Римѣ своимъ министромъ міранина, чѣмъ кардинала, вассала папы!

«Съ жалкимъ положеніемъ моего кармана, я не знаю что и дѣлать; я не знаю, гдѣ достать денегъ, чтобы принять въ моемъ домѣ, въ праздникъ св. Андрея, царя, который имѣетъ обычай бывать у всѣхъ кавалеровъ этого ордена.»

1 декабря. «Хотя нынѣ и необычный день для письма къ вамъ; но я не могу не писать вамъ, чтобы вы съ возможною скоростію могли из-

---

([55]) Дукъ де-Лирія весь Кавказъ называетъ Персіей.

вѣстить Его Величество о великой новости, которую мы здѣсь имѣемъ. Дѣло въ томъ, что вчера царь, въ присутствіи великаго канцлера, графа Головкина, вице-канцлера б. Остермана и другихъ министровъ и магнатовъ этого Двора (которые имѣли предварительное приказаніе быть въ домѣ кн. Алексѣя Долгорукаго) далъ слово вступить въ бракъ съ княжною Екатериною, старшей дочерью сказаннаго Алексѣя II такъ какъ въ ближайшій вторникъ имянины сказанной княжны (по ст. ст.), то увѣряютъ, что въ этотъ день будетъ совершено обрученіе съ обычною торжественностію. Эта новость весьма поразила многихъ, даже тѣхъ, которые живутъ въ круговоротѣ министерства и Двора; потому что, хотя и предполагали, что это можетъ случиться, но не думали, чтобы это могло состояться такъ скоро. Между этими послѣдними были б. Остерманъ и гр. Вратиславскій, которыхъ я не однажды увѣрялъ, что въ скоромъ времени узнаемъ это рѣшеніе Его Царскаго Величества, о которомъ я уже давно предупреждалъ Его Королевское Величество, со всѣми обстоятельствами.

«Не дѣлаю размышленій по этому предмету; ссылаюсь для этого на мои прежнія письма, по которымъ Его Величество можетъ судить о слѣдствіяхъ этого брака. Имъ весьма недовольны всѣ Русскіе магнаты, которые не могутъ скрывать своего неудовольствія, что домъ Долгорукихъ дѣлается такимъ сильнымъ. Скажу только, что я того мнѣнія, что это первый и важный шагъ къ возвращенію этой монархіи къ ея прежнему варварству.

«Принцессѣ Елисаветѣ, которая въ деревнѣ, послано приказаніе возвратиться въ столицу, и ея ждутъ завтра. Я увѣренъ, что лишь только она пріѣдетъ, царь ей предложитъ выдти замужъ за фаворита, а если она не захочетъ этого брака, ей предложатъ монастырь. Это моя собственная мысль, и я не слышалъ ея ни отъ кого; но мое знакомство съ страной меня заставляетъ предполагать это.

«Нѣкоторые не преминули замѣтить, что рѣшеніе о бракѣ объявлено въ день тезоименитства императрицы; полагаютъ, что это только усилитъ неудовольствіе на этотъ бракъ со стороны Вѣнскаго Двора, который желалъ женить царя на иностранкѣ.

«Иностранные министры не были извѣщены объ этомъ; но предполагаютъ, что будутъ извѣщены въ день обрученія, какъ это было при Меншиковѣ, при обрученіи съ его дочерью.»

5 декабря. «Въ этой столицѣ ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о предстоящемъ бракѣ. 1 числа гр. Вратиславскій и я посылали къ кн. Алексѣю Долгорукому и фавориту просить дозволенія поздравить ихъ. Они отвѣчали намъ съ любезностію, что мы можемъ пріѣхать видѣть ихъ. Сверхъ всякаго чаянія, мы нашли тамъ царя и его невѣсту, которыми были весьма обласканы.

«Третьяго дня церемоніймейстеръ явился извѣстить насъ формально о предстоящемъ бракѣ царя; а нынѣ, день, въ который Русскіе празднуютъ память св. Екатерины (имя которой носитъ будущая царица) намъ назначили часъ для поднесенія царю и его невѣстѣ поздравленія; ночью будетъ въ городѣ иллюминація, а во дворцѣ ужинъ и балъ.

«Третьяго дня возвратилась принцесса Елисавета и тотчасъ же отправилась поцѣловать руку своей будущей государыни. Обрученія нынѣ не будетъ, а оно назначено въ будущее воскресенье, въ день св. Андрея.»

12 декабря. «Гр. Вратиславскій сказалъ мнѣ, что на этой недѣлѣ онъ отправляетъ экстреннаго курьера съ извѣстіемъ о торжествѣ обрученія. Но мнѣ кажется, для такого донесенія вовсе не за чѣмъ посылать экстреннаго курьера. Вѣроятно, есть причины для этого поважнѣе, и я въ этомъ не сомнѣваюсь. Я предполагаю слѣдующія:

1) просить новаго полномочія для заключенія союза съ этимъ Дворомъ, въ случаѣ охлажденія нашихъ отношеній къ императору.

2) испросить у Его Цезарскаго Величества титулъ князя священной Римской имперіи для князя Алексѣя Долгорукаго, отца будущей царицы.

3) чтобы императоръ далъ фавориту то герцогство въ Силезіи, которое имѣлъ князь Меншиковъ.

«Въ двухъ послѣднихъ пунктахъ я не сомнѣваюсь, потому что, какъ вы припомните, когда въ прошломъ году мы хлопотали о возвращеніи царя въ Петербургъ, Остерманъ подсказалъ мнѣ предложить фавориту тоже самое, и онъ былъ не прочь отъ этого.

«Гр. Вратиславскій совершенно отдался въ руки б. Остермана и слѣпо дозволяетъ ему управлять собою. Остерманъ теперь желаетъ поддерживать домъ Долгорукихъ, чтобы съ нимъ держаться самому, а Вратиславскій будетъ внушать своему Двору все, чего ни пожелаетъ Остерманъ: во первыхъ, чтобы сохранить его дружбу, а во вторыхъ, нельзя ли-де услужливостію и униженіемъ заслужить благоволеніе Долгорукихъ, которые его ненавидятъ и презираютъ. Доказательства послѣдняго на лицо:

Остерманъ въ продолженіи 15 мѣсяцевъ дѣлалъ все возможное, чтобы Вратиславскому дали орденъ св. Андрея, но никакъ не могъ склонить на это фаворита.

«Вратиславскій съ своими депешами отправляетъ графа Милезимо, своего шурина, и другаго своего кавалера, по имени Билемберга. Милезимо онъ отправляетъ потому, что, будучи господиномъ съ небольшимъ смысломъ, онъ былъ влюбленъ въ будущую царицу. И такъ какъ всѣ знали о его любви, Вратиславскій вообразилъ, что, если онъ теперь останется здѣсь, на это будутъ дурно смотрѣть. Причина, по которой онъ отправляетъ Билемберга, конечно та, чтобы онъ привезъ дипломъ князя имперіи и бумаги для герцогства Силезіи, если на это согласится императоръ, въ чемъ и нельзя сомнѣваться, потому что Его Цезарское Величество былъ всегда снисходителенъ къ этому Двору, не приминетъ быть такимъ и теперь, чтобы привязать къ себѣ родственниковъ царицы. Все это графъ Вратиславскій скрываетъ отъ меня. О Билембергѣ онъ мнѣ сказалъ, что отправляетъ его по своимъ частнымъ дѣламъ; но онъ открылъ мнѣ причину, по которой отправляетъ Милезимо, прибавивъ, что онъ не желаетъ подвергать его непріятностямъ, которыя могутъ довести его до столкновеній, чего избави Боже.»

Отъ тогоже числа. «Здѣсь ни о чемъ больше не думаютъ, какъ только о предстоящемъ бракѣ царя, обрученіе котораго было совершено вчера. Церемонію его вы можете видѣть изъ прилагаемой при семъ меморіи ([56]). Наблюдая церемонію, я замѣтилъ, что Его Царское Величество дѣлалъ все какъ-то равнодушно, не смотрѣлъ въ лицо своей невѣстѣ и не показалъ ни малѣйшаго признака любви къ ней.

«Теперь приготовляютъ все необходимое къ браку, который, предполагаютъ, будетъ въ концѣ января; всѣ хлопочатъ, чтобы явиться съ надлежащимъ блескомъ, особенно иностранные министры. Я же съ своей стороны могу увѣрить Его Королевское Величество въ величайшемъ безпокойствѣ: денегъ еще не нашелъ, даже не даютъ въ долгъ сукна на ливреи и для меня самаго; но мнѣ нужно явиться на этомъ торжествѣ съ приличіемъ, свойственнымъ министру Его Величества, къ милости котораго я прибѣгаю снова, чтобы онъ удостоилъ приказать заплатить мнѣ

([56]) Въ бумагахъ дука де Лирія мы ея не нашли. Описаніе этой церемоніи есть въ приложеніи 9-мъ къ русскому переводу „Записокъ дюка Лирійскаго.“

по крайней мѣрѣ зажитое мною жалованье. Меня также убиваютъ постоянныя напоминанія фаворита и графа Ягужинскаго о лошадяхъ и мулахъ, а барона Остермана о Золотомъ Руинѣ для царя.

«Хотя фамилія Долгорукихъ есть одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи и теперь самая могущественная по милости къ ней царя; они однакоже боятся другихъ, и страхъ ихъ доказывается тѣмъ, что въ день обрученія караулъ во дворцѣ состоялъ изъ цѣлаго батальона гвардіи въ 1200 человѣкъ, когда въ обыкновенное время его занимаютъ только 150 человѣкъ. Гренадерской ротѣ, которой капитаномъ фаворитъ, и которая состоитъ изъ 100 человѣкъ, было приказано войти въ залу тотчасъ же за царемъ какъ бы для большей церемоніальности, но въ сущности, чтобы быть поближе къ собранію и занять всѣ двери; имъ даже было приказано зарядить ружья патронами, чтобы, если кто-нибудь (чего боялись и что бывало прежде) захотѣлъ произвести какой-нибудь безпорядокъ для воспрепятствованія церемоніи, они стрѣляли бы въ недовольныхъ. Это распоряженіе сдѣлалъ фаворитъ безъ вѣдома фельмаршала Долгорукаго, своего дяди, который былъ пораженъ, увидя въ залѣ эту роту. Такъ какъ этотъ послѣдній мой искренній другъ и питаетъ ко мнѣ особенное расположеніе, то онъ мнѣ это сказалъ самъ, и я думаю, что этого никто не зналъ, по крайней мѣрѣ, даже Остерманъ не зналъ этого и также былъ пораженъ такою новостію.

«Сказанный батальонъ еще находился на готовѣ вблизи дворца и, что замѣчательно, онъ держитъ караулъ въ комнатахъ, въ которыхъ живетъ фаворитъ. Изъ всего этого высокій умъ короля нашего государя пойметъ не только то, что въ этомъ бракѣ руководитъ единственно честолюбіе (царь мальчикъ 14 лѣтъ, отдается имъ въ руки безъ пониманія сущности дѣла и съ безразличіемъ) но и то, что они при этомъ боятся народа, привыкшаго къ заговорамъ и возмущеніямъ, въ которыхъ мы, иностранные министры, страдаемъ первые. Зная это, покойный великій Петръ I далъ имъ гвардію для ихъ безопасности; но и со всѣмъ тѣмъ мы безопасности не имѣемъ.

19 декабря. «Прошлый четвертокъ пріѣхалъ сюда генералъ-майоръ Тессинъ, который служилъ посланникомъ герцога Голштинскаго въ Берлинѣ и будетъ занимать тотъ же постъ въ Москвѣ.

«На этихъ дняхъ царь былъ нѣсколько нездоровъ. Онъ принималъ слабительное и теперь поправился. Очень много обращаетъ вниманіе на

себя то обстоятельство, что онъ вовсе не показываетъ нетерпѣнія видѣться съ своей невѣстой. Со дня обрученія онъ видѣлъ ее только еще одинъ разъ, а когда онъ съ нею, онъ весьма скупъ на изъявленіе къ ней знаковъ вниманія: это показываетъ, что бракъ совершается вовсе не по любви, а по насилію, просто потому, что царь не имѣлъ достаточно силы воли воспротивиться постояннымъ преслѣдованіямъ Долгорукихъ.

«Говорятъ о провозглашеніи указа, запрещающаго золото и серебро на одеждахъ, потому что Русскіе дѣлаютъ столько платья и такое богатое, что тѣ, которые не очень богаты, разоряются единственно на подобныя издержки.

«Третьяго дня гр. Вратиславскій отправилъ свои депеши съ двумя своими кавалерами, о которыхъ я говорилъ въ прежнемъ письмѣ. При этомъ гр. Вратиславскій едва не нажилъ срама: его шуринъ, графъ Милезимо надѣлалъ здѣсь множество долговъ и такъ какъ не имѣлъ чѣмъ заплатить ихъ, кредиторы хотѣли арестовать его. По счастію Вратиславскому удалось ихъ уговорить, и они удовольствовались векселями. Впрочемъ, еще не увѣрены, чтобы они не арестовали Милезимо на границѣ,— это опасеніе мнѣ высказалъ самъ Вратиславскій.

«Батальонъ гвардіи, который былъ во дворцѣ, смѣнился въ четвертокъ, и теперь остался обыкновенный караулъ.»

26 декабря. «Я не сомнѣваюсь, что съ заключеніемъ мира между королемъ нашимъ государемъ и Англіей, *торговля неграми* приметъ опять свой обычный ходъ,—тогда я умолю Его Величество, чтобъ онъ приказалъ заплатить мнѣ зажитое мною жалованье.»

1730 годъ.

2 января. «Со времени моего послѣдняго къ вамъ письма особенно новаго здѣсь ничего не случилось, кромѣ развѣ только того, что 29 декабря былъ день рожденія принцессы Елисаветы и, хотя ея высочество приглашала царя провести этотъ день въ ея домѣ и обѣдать у нея, Его Царское Величество утромъ этого дня уѣхалъ на медвѣдей и возвратился въ городъ только на слѣдующій день. Это ясно было замѣчено всѣми, и принцесса Елисавета почувствовала себя безконечно оскорбленною ревнивою заботливостію, съ которою Долгорукіе стараются удалить отъ нея царя. И всѣ знаютъ, что эта ихъ ревность даже противна самому монар-

ху, который, не смотря на все, что́ они заставляютъ его дѣлать, все-таки сохраняетъ къ принцессѣ всегдашнюю любовь. Это вѣрно, что онъ не можетъ не понять, что Долгорукіе управляютъ имъ съ нѣкоторымъ родомъ тиранніи и не дозволяютъ ему даже ступить шага, который бы не былъ совершенно въ ихъ вкусѣ. Доселѣ онъ еще не обнаружилъ рѣшимости свергнуть иго, которое они на него наложили, но я того мнѣнія, что онъ сдѣлаетъ это со временемъ и даже съ рѣзкостію. Вотъ уже два раза, по ночамъ и одинъ, онъ былъ въ домѣ барона Остермана, гдѣ находился и другой министръ Верховнаго Совѣта (кто?); Долгорукіе тотчасъ же всюду бросились ([57]) его искать, и когда они нашли его, онъ сказалъ имъ, что, не могши заснуть, онъ вздумалъ прокатиться въ саняхъ и, проѣзжая мимо дома Остермана, нашелъ его еще не спавшимъ. Послѣдній уже десятый день сказывается больнымъ, но его болѣзнь не опасна. Нужно замѣтить, что когда этотъ министръ сказывается больнымъ подобными болѣзнями, то именно тогда-то онъ и занятъ серьезно, тогда-то онъ и производитъ наибольшія интриги. Меня также увѣряли, что однажды ночью царь былъ на свиданіи съ принцессой Елисаветой, и оба вмѣстѣ они долго плакали, послѣ чего монархъ будто бы сказалъ своей теткѣ, чтобы она потерпѣла, что дѣла-де перемѣнятся. Все это вмѣстѣ съ холодностію, которую царь оказываетъ своей невѣстѣ, заставляетъ меня думать, что въ воздухѣ собирается гроза, что вотъ-вотъ она разразится: нѣкоторые даже воображаютъ, что это случится скорѣе, чѣмъ мы воображаемъ и что царь не женится на Долгорукой.

«Впрочемъ, здѣсь ни за что нельзя отвѣчать: это страна самыхъ внезапныхъ перемѣнъ. Могу сказать только одно: Долгорукіе не увѣрены ни въ чемъ до тѣхъ поръ, пока не совершится самый бракъ царя, и они дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы бракъ былъ совершенъ тотчасъ же послѣ Крещенія. Если царь напередъ не приметъ твердой рѣшимости, то господство Долгорукихъ упрочится, и царь, по выраженію одной Испанской комедіи, *очутится рабомъ въ золотой клѣткѣ.*

«Что касается женитьбы фаворита на принцессѣ Елисаветѣ, *кажется* ([58]) объ этомъ не думаютъ, потому что шесть дней тому на-

---

([57]) Дукъ де-Лирія не говоритъ опредѣленно, оба ли раза Долгорукіе пускались въ поиски царя, когда онъ выѣзжалъ по ночамъ, или только во второй его выѣздъ.

([58]) Дукъ-де-Лирія не совсѣмъ еще вѣритъ, чтобъ фаворитъ не

задъ рѣшенъ бракъ этого юноши на дочери фельдмаршала Шереметева, красавицѣ собой и очень богатой.»

Конфиденц. «Всѣ новости, какія есть здѣсь, вы узнаете изъ моего оффиціальнаго письма. Къ этому я могу только прибавить, что жаль, что такъ спѣшатъ бракомъ царя Если бы я, до совершенія его, еще имѣлъ время получить приказаніе короля на одну вещь, — это могло бы произвести здѣсь чудное впечатлѣніе! Я говорю о томъ, чтобы мнѣ принять характеръ посла, если будетъ замѣтно, что императоръ не склоненъ приступить къ Севильскому трактату. Въ такомъ случаѣ не худо было бы польстить этому Двору, чтобы отклонить его отъ Вѣнскаго Двора. Сказанный шагъ весьма бы польстилъ здѣшнимъ и поставилъ бы императора въ необходимость отозвать отсюда графа Вратиславскаго, потому что Его Цезарское Величество не хочетъ дать характера посла своему министру при здѣшнемъ Дворѣ; а равно не хочетъ и испытывать той непріятности, чтобы его министръ уступилъ здѣсь первое мѣсто другому министру. Еслибы этимъ побудить его отозвать отсюда графа Вратиславскаго, это былъ бы превосходный случай сослужить ему дурную службу, выставивъ этой націи, которая до чрезвычайности тщеславна, то презрѣніе, съ которымъ доселѣ относился къ ней императоръ, не считая ее достойною, чтобы она имѣла посла при стопахъ ея государя. Эту идею не мѣшало бы привести въ исполненіе, еслибы только не поспѣшили бракомъ царя, при которомъ весьма было бы кстати принять мнѣ характеръ посла. Впрочемъ, дай бы Богъ еще прежде брака получить мнѣ приказаніе уѣхать отсюда, потому что, признаюсь со всею откровенностію, я не въ состояніи больше побѣдить своей меланхоліи!»

9 января. «Хотя прямо отъ здѣшняго министерства я и не слышалъ ничего такого, но мнѣ говорятъ, что оно очень оскорблено тѣмъ, что Его Величество не удостоилъ извѣстить Русскаго министра князя Щербатова о заключеніи мира съ союзниками Ганновера, какъ это сдѣлано съ графомъ de Königsseg; что онъ даже не принималъ участія въ празднествахъ, данныхъ по этому случаю.

«Я не сомнѣваюсь, что такъ сюда писалъ князь Щербатовъ. Министры императора уже конечно пораскрасили это, какъ они обыкновенно

имѣлъ претензій на принцессу Елисавету, даже послѣ того какъ былъ уже объявленъ его бракъ на Шереметевой.

дѣлаютъ, когда хотятъ повредить государямъ, которые имъ не-други и особенно въ этомъ случаѣ, когда они, во что бы то ни стало, хотятъ удержать эту націю въ своемъ союзѣ, въ чемъ они и успѣютъ, по крайней мѣрѣ если не измѣнится театръ и особенно, если во главѣ дѣлъ останется Остерманъ, по причинамъ, о которыхъ я уже говорилъ нѣсколько разъ.»

«Дошло извѣстіе, что наконецъ умеръ пресловутый князь Меншиковъ въ ссылкѣ въ Березовѣ, 9 ноября, оставивъ только одного сына и одну дочь, обоихъ въ бѣдности и въ жалкомъ положеніи.

«Пять дней тому назадъ родственники фаворита и родственники дома Шереметевыхъ опредѣлили брачныя статьи, какъ необходимое условіе имѣющаго состояться брака, и вчера съ величайшей пышностью совершилось обрученіе въ присутствіи царя и всѣхъ иностранныхъ министровъ, которые были приглашены на эту церемонію.

«Бракъ этотъ совершится одновременно съ бракомъ царя, и невѣста, какъ меня увѣряютъ, будетъ сдѣлана первой фрейлиной. Боюсь, что бракъ фаворита будетъ началомъ его паденія, о чемъ сильно хлопочатъ его отецъ и его сестра, будущая царица. Онъ помѣстится въ домѣ отдѣльномъ отъ дворца, поэтому не будетъ такъ часто съ царемъ, какъ было доселѣ, и противники его конечно воспользуются этимъ случаемъ чтобы погубить его. Его сестра ненавидитъ его, и меня увѣряли, что она поклялась погубить его; но въ то время какъ она хочетъ подкопаться подъ своего брата, она не совсѣмъ увѣрена въ собственномъ счастіи. Царь не имѣетъ къ ней ни капли любви и относится къ ней весьма равнодушно; кромѣ того, онъ начинаетъ ненавидѣть домъ Долгорукихъ и сохраняетъ еще тѣнь любви только къ фавориту. Ему еще недостаетъ рѣшимости; лишь только онъ обнаружитъ ее, погибли оба (т. е. фаворитъ и его сестра) и здѣсь произойдутъ новыя и ужасныя перемѣны.

«Во всемъ этомъ я могу вполнѣ увѣрить короля нашего государя. Хотя бы даже и совершился въ январѣ бракъ царя, невѣста еще не увѣрена, чтобы и тогда она могла удержаться царицей, по крайней мѣрѣ, если она не обнаружитъ достаточно благоразумія, чтобы вполнѣ привлечь къ себѣ сердце своего супруга, чего и не ожидаю, потому что она отличается характеромъ довольно властительнымъ и не довольно мягкимъ, чтобы угождать волѣ государя, который при томъ еще ея не любитъ.»

Конфиденц. «Другъ и государь мой! На этой недѣли я тоже не получилъ вашихъ писемъ, что̀ меня просто убиваетъ, какъ можете и представить, и я боюсь, что теперь, когда положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось, эта бѣда будетъ случаться со мною частенько, по причинѣ любопытства, которое вѣроятно будутъ имѣть въ Берлинѣ къ тому, что̀ вы мнѣ пишете. По этому я прошу васъ, пишите мнѣ впередъ въ двухъ экземплярахъ чрезъ Данцигъ, какъ досслѣ, и чрезъ Голландію подъ конвертами Д. Николаса де-Оливеръ.

«Вчера мы присутствовали на обрученіи царскаго фаворита, и теперь не говорятъ ни о чемъ другомъ, какъ только о свадьбахъ. Чтобы присутствовать на нихъ съ надлежащимъ блескомъ, какъ прилично моему характеру, не знаю гдѣ достать презрѣннаго металла; но и надѣюсь, что вы не замедлите помочь мнѣ.

«Въ моихъ оффиціальныхъ письмахъ вы увидите, какая жалкая роль предвидится мнѣ здѣсь впереди; но я надѣюсь на Бога, что мнѣ не замедлитъ придти приказаніе оставить эту страну, гдѣ я считаю себя совершенно безполезнымъ. Одно только меня утѣшаетъ — это то, что я здѣсь здоровъ, не смотря на ужаснѣйшій холодъ, даже превосходящій холодъ двухъ предшествующихъ зимъ, которыя я провелъ здѣсь.»

16 января. «Новаго здѣсь только то, что пріѣхалъ въ эту столицу посланникъ принца Тамаса, котораго, какъ я писалъ вамъ, давно здѣсь ждали. Также здѣсь получено извѣстіе, что сказанный принцъ Тамасъ съ величайшимъ успѣхомъ продолжаетъ возвращеніе своихъ владѣній, взялъ городъ Камбоинъ и на голову разбилъ войска Эзрефа, который заперся въ Испагани.

«Сказанный посланникъ чрезъ два или три дня будетъ имѣть свой публичный въѣздъ, о которомъ я не премину послать вамъ донесеніе. Меня увѣряютъ, что въѣздъ будетъ великолѣпенъ, какъ условлено между царями и государями Персіи. Несомнѣнно, поэтому, что Турки возмутъ сторону Эзрефа, и въ такомъ случаѣ въ тѣхъ странахъ возгорится страшная война.

«Здѣшній государь здоровъ и, три дня тому назадъ, отправился за 15 миль отъ города на охоту, съ которой возвратился нынѣшнюю ночь.

«Его Царское Величество, узнавъ бѣдность, въ которой осталась фамилія князя Меншикова, обнаружилъ свое благородство, оставивъ ей тотъ же пенсіонъ, который имѣлъ покойникъ.

«Прошлый вторникъ, находящійся здѣсь Французскій секретарь далъ, въ честь рожденія Дофина, роскошный обѣдъ, на которомъ были всѣ министры Верховнаго Совѣта, фельдмаршалъ Долгорукій и его братъ и другіе изъ этой фамиліи, многіе Русскіе магнаты, равно какъ и иностранные министры. Все было съ величайшимъ блескомъ и къ общему удовольствію. Не были на обѣдѣ, хотя и были приглашены, ни князь Алексѣй Долгорукій, ни фаворитъ, его сынъ: первый по нездоровью, второй потому, что былъ съ царемъ. Послѣдній, впрочемъ, въ 8 часовъ вечера присылалъ въ домъ сказаннаго секретаря узнать, всѣ ли еще гости были въ сборѣ, такъ какъ онъ хотѣлъ отправиться туда же, но не поѣхалъ, потому что всѣ уже разъѣхались.»

Конфиденц. «Исполню точно ваше приказаніе — съ безразличіемъ относиться къ однимъ и находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ другими. Изъ этихъ послѣднихъ и есть только одинъ, именно Англійскій секретарь, съ которымъ я могу трактовать о дѣлѣ и который относится ко мнѣ съ величайшимъ довѣріемъ.

«Съ нетерпѣніемъ жду, когда вы получите приказаніе сообщить мнѣ заключенные трактаты.»

Конфиденц., къ Хосе-Патинье. «Нынѣ чрезъ посредство маркеза де-ля-Пасъ я получилъ вексель на Голландію и хотя онъ слишкомъ на малую сумму (10 тысячъ дукатовъ), но надѣюсь, что вы прикажете послать мнѣ другіе на бо́льшую сумму, и я думаю, что лучше всего было бы, еслибы вы всю должную мнѣ сумму перевели въ Англію на *компанію помѣщенія Петровъ.*»

23 января. «Всѣ здѣшнія новости сводятся къ тому, что 17 числа, когда по стар. ст. было Крещеніе, происходила обычная церемонія освященія воды. Въ тоже утро князь Иванъ Долгорукій былъ объявленъ маіоромъ гвардіи, каковую должность онъ исправлялъ весь этотъ день.

«Третьяго дня имѣлъ публичный въѣздъ въ эту столицу посланникъ принца Тамаса-Софи, законнаго государя Персіи, и хотя говорили, что въѣздъ будетъ великолѣпный, но ничуть не бывало: онъ происходилъ въ формѣ, о которой вы получите понятіе изъ прилагаемой при этомъ реляціи ([59]), которую я посылаю только ради курьеза.

([59]) Реляціи этой нѣтъ въ бумагахъ дука де-Лирія.

«Вотъ уже шестой день царь боленъ и хотя не знаемъ чѣмъ, но по лицамъ придворныхъ, которые ему прислуживаютъ, видно, что болѣзнь не пустая.»

Отъ тогоже числа (60). «Третьяго дня я былъ у б. Остермана. Онъ говорилъ мнѣ о Севильскомъ трактатѣ, замѣтивъ, что онъ вовсе не находитъ его такъ враждебнымъ интересамъ государя императора, какъ это говорили. Признаюсь, этимъ замѣчаньемъ онъ поставилъ меня въ затрудненіе, и я отвѣчалъ ему совершенно по министерски: ни да, ни нѣтъ. Но когда онъ мнѣ сказалъ, что ему прислали изъ Парижа копію сказаннаго трактата, который уже сообщенъ императорскимъ министрамъ, я со стыдомъ принужденъ былъ сознаться, что я его еще не получилъ и не имѣю на этотъ счетъ никакихъ инструкцій.»

26 января. «Хотя прилагаемыя при этомъ письма написаны въ понедѣльникъ, въ день, въ который я обыкновенно пишу вамъ, но я не послалъ ихъ на почту, потому что имѣлъ нѣкоторое основаніе подозрѣвать, что по случаю болѣзни царя не дозволятъ отправить ни одного письма за границу. Но теперь болѣзнь царя извѣстна всѣмъ, и я посылаю мои письма, считая нужнымъ прибавить къ ихъ содержанію то, что случилось послѣ.

«На другой день, во вторникъ, обнародовали, хотя и съ нѣкоторою таинственностію, что болѣзнь царя — оспа, которая-де выступаетъ хорошо и обильно. Нынѣ шестой день, какъ стала выступать оспа и девятый послѣ того, какъ начались лихорадочные припадки. Оспа не имѣетъ тяжелаго характера, и надѣемся, что Богъ избавитъ насъ отъ несчастнаго случая, чего боятся и что предчувствуютъ всѣ, какъ вы можете и вообразить. Впрочемъ нельзя знать съ достовѣрностію настоящее положеніе болѣзни царя, потому что его видятъ очень немногіе, да и тѣ разсказываютъ на разные лады.

«Не могу не представить высокому разумѣнію короля нашего государя, что въ случаѣ, если послѣдуетъ несчастіе смерти этого государя, намъ придется испытать не только перемѣну въ правительствѣ, но и междоусобную войну, которая по моему мнѣнію неизбѣжна, такъ какъ есть четыре партіи, которыя претендуютъ на корону:

(60) Слѣдующихъ писемъ отъ 23 января дукъ де-Лирія не посылалъ до 26 числа изъ опасенія, что они могутъ быть задержаны; онъ послалъ только первое, но и этого онъ послалъ 26 ч. другой экземпляръ.

Первая — принцессы Елисаветы, дочери Петра I.

Вторая — царицы бабки настоящаго царя.

Третья — невѣсты, княгини Долгорукой и

Четвертая — сына герцога Голштинскаго. Хотя этотъ послѣдній и дѣйствительно имѣетъ наибольшее право на престолъ, но его сторонники очень не многочисленны и вовсе не сильны. У принцессы Елисаветы сторонниковъ нѣсколько больше, но и они также не сильны.

«Самые сильные люди на сторонѣ царицы бабки и невѣсты. Это такъ очевидно, что я могу почти увѣрить Его Величество, что, въ случаѣ, если послѣдуетъ роковой ударъ, судя по мѣрамъ, которыя уже приняты, на престолъ взойдетъ или царица бабка, или невѣста — Долгорукая. Я не сомнѣваюсь, что послѣдняя успѣетъ скорѣе, по причинѣ большой силы Долгорукихъ, которыхъ фамилія многочисленна. Но что́ бы тамъ ни послѣдовало, это я знаю, что они думаютъ женить Его Царское Величество на княжнѣ прежде великаго поста, хотя бы не прошло и сорока дней послѣ болѣзни царя.

«PS. По написаніи этого письма, я узналъ, что есть много искательствъ, но въ чемъ я могу увѣрить короля нашего государя, какъ наиболѣе достовѣрномъ,—это то, что, въ случаѣ смерти царя корона навѣрное достанется царицѣ бабкѣ, или княжнѣ Долгорукой, невѣстѣ Его Царскаго Величества. О принцессѣ Елисаветѣ и сынѣ герцога Голштинскаго говорятъ только мимоходомъ и послѣ того времени, какъ царь сдѣлался боленъ, графу Бонде (преемникъ котораго уже пріѣхалъ, какъ я извѣщалъ васъ прежде) сказали, чтобы онъ уѣзжалъ поскорѣе, потому что онъ, со времени болѣзни царя, увлеченный своею ревностію къ герцогу Голштинскому, своему государю, и по своей недальновидности, сталъ говорить больше, чѣмъ слѣдовало, что́ произвело здѣсь страшную тревогу ([61]).

«Изъ этого обстоятельства вы поймете обширность власти Долгорукихъ и то, чему подвергаютъ здѣсь насъ—министровъ: одному изъ насъ, у котораго жена собирается родить, приказываютъ, чтобы убирался тот-

---

([61]) Графъ Бонде былъ оставленъ Голштинскимъ посланникомъ послѣ отъѣзда барона Стамкена, который уѣхалъ изъ Россіи въ іюлѣ 1729 года; но Бонде самъ скоро сталъ проситься въ отпускъ, и въ декабрѣ того же года на его мѣсто пріѣхалъ генералъ Тессинъ. Почему Бонде не успѣлъ съ этого времени отправиться изъ Россіи—это объясняетъ дукъ де-Лирія.

часъ же, хотя онъ не имѣлъ еще прощальной аудіенціи, да и не думалъ просить ея.»

30 января. «Одинъ купецъ отправляется въ Данцигъ, и я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сообщить королю нашему государю о несчастіи, причиненномъ этой монархіи преждевременною смертію царя, который скончался нынѣ въ полчаса втораго по полуночи. Его преемницей уже провозглашена вдова—герцогиня Курляндская, къ которой съ этимъ важнымъ извѣстіемъ уже посланъ князь Василій Долгорукій, министръ Верховнаго Совѣта.

«Я хотѣлъ тотчасъ же послать курьера Мануэля де Лекароса, но мнѣ не дали ни почтовыхъ лошадей, ни паспортовъ, какъ это сдѣлали и съ Вратиславскимъ. То и другое намъ обѣщали дать чрезъ три дня, и тогда сказанный Лекаросъ отправится съ подробнымъ извѣстіемъ обо всемъ. Между тѣмъ я счелъ нужнымъ написать вамъ это письмо въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, купцу удастся проѣхать Русскія владѣнія, и Его Величество скорѣе получитъ столь важное извѣстіе.»

ГУСТАВЪ БИРЕНЪ

БРАТЪ РЕГЕНТА (1).

Находя въ заголовкѣ настоящей статьи слова: «Биренъ,» «Регентъ,» читатель, конечно, приводитъ себѣ на память одну изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ Русской исторіи; въ воображеніи его невольно рисуется картина пытокъ, казней и другихъ золъ, потерпѣнныхъ тогда Русскими людьми, и онъ, читатель, вѣроятно, ожидаетъ повѣствованія о подобныхъ же ужасахъ, почему нибудь оставшихся до сихъ поръ неизвѣстными. Такое ожиданіе весьма естественно: имя Биренъ, принадлежащее и герцогу Курляндскому Эрнсту-Іоганну, десять лѣтъ тиранившему Россію, и генералъ-аншефу Карлу, брату герцога, страшно неистовствовавшему въ Малороссіи (2), по истинѣ, возбуждаетъ представленія, исключительно безотрад-

---

(1) Мы пишемъ Биренъ, а не Биронъ. Извѣстно, что имя *Биренъ* или *Бюренъ*, Büren — самопроизвольно измѣнено герцогомъ, а за нимъ и его братьями, въ *Биронъ*, изъ одного тщеславнаго желанія причесться въ небывалое родство въ древней и знаменитой во Франціи фамиліи Biron.

(2) „Онъ (пишетъ о Карлѣ Биронѣ архіеп. Георгій Конисскій) бывъ совершенный калѣка, имѣлъ однако чинъ полнаго генерала Россійскаго и квартируя нѣсколько лѣтъ съ войскомъ въ Стародубѣ съ многочисленнымъ штатомъ, уподоблялся пышностію и надменностію самому гордому султану азіатскому; поведеніе его и того жъ больше имѣло въ себѣ варварскихъ странностей. И не говоря объ обширномъ сералѣ, сформированномъ и комплектуемомъ насиліемъ, хватали женщинъ, особенно кормилицъ, и отбирали у нихъ грудныхъ дѣтей, а вмѣсто ихъ заставляли грудью своею кормить малыхъ щенковъ изъ псовой охоты сего изверга; другія же его скаредства мерзитъ самое воображеніе человѣческое.“ См. Исторія Руссовъ въ Чтеніяхъ Импер. Общества исторіи и древностей Россійскихъ, при Московскомъ университетѣ, 1846, кн. IV, стр. 243. *М. Д. Х.* Это былъ достойный братецъ Регента, который отличался такого же рода наклонностями (см. Дѣло Бирона въ чтеніяхъ Общ. ист. и др. 1862 г., кн. 1.я) *П. Б.*

ныя. Но въ настоящей статьѣ, хотя и трактующей также о Биренѣ, да еще родномъ братѣ обоихъ изверговъ, читатель не найдетъ ни новаго изверга, донынѣ еще не разоблаченнаго; ни тиранствъ, или неистовствъ, доселѣ никѣмъ не розысканныхъ. Вмѣсто всего этого, мы просто познакомимъ читателя съ незатѣйливою, малоизвѣстною личностію Густава Бирена, который ничѣмъ не походилъ на двухъ другихъ Биреновъ, жилъ и умеръ съ именемъ честнѣйшаго человѣка и оставилъ по себѣ память, свободную отъ нареканій, вполнѣ заслуженныхъ обоими его братьями. Вотъ всѣ права Густава Бирена на нѣкоторое вниманіе къ нему потомства. Другихъ же онъ не имѣлъ и не имѣетъ; но кажется, достаточно и этихъ.

Происхожденіе Биреновъ извѣстно. Они принадлежали къ одной изъ самыхъ незначительныхъ курляндскихъ фамилій, родоначальникомъ которой былъ дѣдъ Густава, первый назвавшійся Биреномъ. Этотъ Биренъ числился старшимъ конюхомъ герцога Курляндскаго Іакова, и былъ награжденъ за свою службу мызою. Изъ двухъ сыновей его, старшій удалился въ Польшу, гдѣ со временемъ достигъ генеральства; а младшій остался на родинѣ, состоялъ конюшеннымъ чиновникомъ при герцогскомъ дворѣ, сопровождалъ принца Александра (сына герцога Іакова) въ Венгрію и по смерти принца, убитаго, въ Офенѣ, въ 1686 году, возвратился въ Курляндію съ экипажами покойнаго, сдѣланъ капитаномъ лѣсничихъ, владѣлъ наслѣдственно-отцовскою мызою ([3]) и оставилъ трехъ сыновей: Карла, впослѣдствіи генералъ-аншефа Русской службы; Эрнста-Іоганна, бывшаго потомъ герцогомъ Курляндскимъ, и Густава, очерку котораго мы посвящаемъ настоящую статью.

Густавъ Биренъ, младшій сынъ курляндскаго капитана лѣсничихъ, родился около 1700 г., въ отцовскомъ имѣньицѣ Каленцеемъ, и росъ въ ту пору, когда отчизна его, Курляндія, пройденная изъ конца въ конецъ Русскими войсками, была разорена войною, залегала пустырями отъ Митавы до самаго Мемеля, не досчитывалась 3 своего обычнаго населенія, зависѣла и отъ Польши и отъ Россіи, содержала на свой счетъ вдову умершаго герцога Анну Іоанновну, присутствовавшую въ Митавѣ, и за-

---

([3]) Geschichte Ernst Iohann von Biron Herzogs in Liefland, zu Curland und Semgallien, in verschieden Briefen entworfen. Frankfurt und Leipzig. 1764. S. 3—4: (слѣд. еще при жизни Регента).—Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année MDCCXXVII jusqu'à MDCCXLIV, etc. par le général de Manstein. Leipzig. 1771. p. 53—54.

очно управлялась настоящимъ герцогомъ Фердинандомъ, послѣднею отраслью Кеттлерова дома, не выѣзжавшимъ изъ Данцига, и не любимымъ своими подданными (4). Все это, вмѣстѣ взятое, составляло упадокъ страны, и разумѣется, препятствовало развитію въ ней просвѣщенія, которое, доставаясь съ трудомъ мѣстному благородному юношеству, не могло быть удѣломъ дѣтей капитана Бирена, человѣка небогатаго и даже не дворянина. Однакоже капитанъ Биренъ сознавалъ, какъ кажется, необходимость просвѣщенія; не имѣя средствъ одинаково обучить всѣхъ своихъ сыновей, онъ избралъ между ними способнѣйшаго, именно средняго, будущаго герцога, и отправилъ его въ Кёнигсбергское училище. Но, какъ извѣстно, будущій герцогъ не успѣлъ окончить здѣсь курса наукъ, котораго остальные братья его, что также извѣстно, никогда и нигдѣ не успѣли даже начать (5).

Слѣдовательно, Густавъ Биренъ, воспитываясь въ домѣ родительскомъ, не пріобрѣталъ ни малѣйшихъ знаній и, достигнувъ совершеннаго возраста, оказался совершеннымъ невѣждою, что, при ограниченномъ отъ природы умѣ его, не могло, какъ казалось, обѣщать ему никакой особенно блистательной карьеры. Но начать какую нибудь было необходимо, потому что наслѣдственной мызы не могло хватить на пропитаніе трехъ братьевъ. И Густавъ задумалъ вступить на военное поприще, какъ болѣе подходившее къ его личнымъ инстинктамъ и менѣе требовавшее именно тѣхъ данныхъ, которыхъ Густавъ не имѣлъ отъ природы и не вынесъ изъ своего домашняго воспитанія. Къ тому же военная служба считалась, въ доброе старое время, несравненно почетнѣе всякой другой. и дѣйствительно, скорѣе выводила людей въ люди.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, Густавъ Биренъ окончательно рѣшился быть воиномъ. Вопросъ о томъ: гдѣ именно проявить будущія военныя доблести свои, — вовсе не существовалъ для Густава. По обычаю соотечественниковъ, такъ сказать, освященному временемъ, Густавъ намѣревался искать счастія не иначе какъ въ Польшѣ, къ которой Курляндія состояла, съ 1551 г., въ отношеніяхъ леннаго владѣнія. Впрочемъ, кромѣ обычая, освященнаго временемъ, въ Польшу заманивало Гу-

---

(4) Nouveaux mémoires sur l'etat present de la Grande Russie, Weber. Paris, 1725 t. 1.

(5) Denkwürdigkeiten des Petersburger Hofes. Leipzig, 1845, S 43.

става и то обстоятельство, что въ тамошней королевско-республиканской арміи давно уже служилъ родной дядя его по отцу, и туда же недавно опредѣлился родной братъ Густава, Карлъ Биренъ, бывшій до того офицеромъ въ Россіи, и бѣжавшій изъ шведскаго плѣна, не обратно въ Россію, а въ Польшу (6).

Въ сообщничествѣ этихъ-то близкихъ родичей началъ Густавъ свою военную карьеру, и первоначально продолжалъ ее съ горемъ по поламъ. Послѣднее происходило отъ того, что Польша, управляемая въ то время королемъ Августомъ II и Рѣчью Посполитою, вообще не была благоустроеннѣе Курляндіи, безпрерывно возмущалась сеймами, которые, по свидѣтельству Бандтке, были ни что иное, какъ «скопища крамольниковъ,» не уживалась съ своими диссидентами, утратила правду въ судахъ, наконецъ, не воюя ни съ кѣмъ, что̀ лишало Густава возможности отличиться, не наслаждалась и прочнымъ миромъ (7). Къ тому же Густавъ, на ряду со всею арміею, недавно преобразованною изъ военныхъ конфедерацій, зачастую получалъ свое жалованье гораздо позже надлежащихъ сроковъ и, въ этомъ отношеніи, долженъ былъ зависѣть отъ болѣе или менѣе успѣшнаго сбора поголовныхъ, дымныхъ, жидовскихъ и другихъ денегъ, опредѣляемыхъ сеймами, часто расходившимися безъ всякихъ опредѣленій (8). Принуждаемый, такимъ образомъ, питаться чѣмъ Богъ послалъ, Густавъ не могъ ожидать никакого подспорья и изъ Курляндіи, не смотря на возраставшее тамъ значеніе брата своего Эрнста Іоганна. Дѣло въ томъ, что хотя Эрнстъ-Іоганнъ и сталъ, наконецъ, первымъ довѣреннымъ лицомъ вдовствующей герцогини Курляндской, но это вовсе не давало ему никакихъ особенныхъ доходовъ, потому что сама герцогиня съ трудомъ поддерживала приличный видъ своего двора, весьма расчитывая на 8 т. рублей, ежегодно ассигнуемыхъ ей изъ Россіи, и далеко не получая тѣхъ 40 т. руб., которые ежегодно слѣдовали ей изъ курляндскихъ доходовъ (9).

---

(6) Russische Günstlinge, v. Helbig. Tübingen 1809. S. 179.

(7) Исторія государства Польскаго. Соч. Георга-Самуила Бандтке. С.-Петербургъ. 1830. Т. I, 141—142.

(8) Польскій Лѣтописецъ, съ 964 по 1764. С.-Петерб. 1782, стр. 344—345.

(9) «Peter von Haven's Reise in Russland aus dem Dänischen übersetzt.» Copengagen 1744. S. 268.

Таково было житье-бытье Густава Бирена въ Польшѣ, во все то время, пока въ Курляндіи одинаково неуспѣшно тягались за герцогскую корону Морицъ Саксонскій и князь Меншиковъ; а въ Россіи оканчивалъ и окончилъ свои баснословные подвиги Петръ, за которымъ смѣнились на его престолѣ Екатерина и другой Петръ. Съ кончиною послѣдняго, въ 1730 г., состоялось избраніе на Русскій престолъ вдовствовавшей герцогини Курляндской Анны Іоанновны — и судьба Густава Бирена, тогда капитана Польскихъ войскъ, неожиданно и быстро измѣнилась къ несравненному лучшему.

Само собой разумѣется, что главнымъ и единственнымъ виновникомъ такого счастливаго переворота въ судьбѣ Густава былъ тотъ же братъ его Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ. Явясь, вопреки желаніямъ всѣхъ избирателей Анны, вслѣдъ за своею государынею въ Москву, — Эрнстъ Іоганнъ Биренъ не замедлилъ смѣнить неважное званіе каммергера Курляндской герцогини на почетное достоинство оберъ-каммергера Русской императрицы, сдѣлался графомъ священной Римской Имперіи и, не сомнѣваясь въ ожидавшемъ его могуществѣ, поспѣшилъ призвать въ Россію близкихъ и дальнихъ родичей своихъ, съ цѣлію разомъ извлечь ихъ изъ прежняго ничтожества, быстро возвысить и, такимъ образомъ, окружить себя собственными креатурами.

Получивъ приглашеніе новаго временщика, братья его не задумались оставить Польшу, и въ томъ же 1730 г. прибыли въ Россію, гдѣ старшій, Карлъ, изъ польскихъ подполковниковъ переименованъ, 19 ноября, въ русскіе генералъ-маіоры, а младшій, Густавъ, капитанъ панцырныхъ войскъ Польской республики, сдѣланъ, 1 ноября, маіоромъ только-что учрежденнаго лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка ([10]). Это послѣднее назначеніе имѣло особый смыслъ, потому что Измайловскій полкъ, обязанный своимъ бытіемъ указу 22 сентября 1730 г., былъ созданъ по мысли оберъ-каммергера Бирена, долженствовалъ служить ему оплотомъ противъ какихъ бы то ни было покушеній гвардіи Петра ([11]), и, въ этихъ видахъ, формировался исключительно изъ украинскихъ ландмилицовъ — потомства стрѣльцовъ, естественно враждебнаго потомству по-

([10]) Подлинные акты архива Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, Книга: Входящія бумаги. 1730 г.

([11]) Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen v. Schmidt, genannt Phiseldek, Riga. 1784. S. 52.

тѣшныхъ, — получилъ офицеровъ на половину изъ Курляндцевъ и вообще Остзейцовъ и ввѣренъ командованію графа Левенвольда ([12]), душою и тѣломъ преданнаго Эрнсту Іоганну Бирену.

Въ качествѣ Измайловскаго маіора, равномъ тогда чину арміи полковника, Густавъ Биренъ долженъ былъ ежегодно получать 600 руб. жалованья и 125 руб. 40 коп. за раціоны, вносить ежегодно же по 4 руб. «на медикаментъ,» пользоваться услугами 6-ти деньщиковъ и имѣть слѣдующее обмундированіе: темнозеленый поколѣнный кафтанъ, съ отложнымъ одноцвѣтнымъ воротникомъ, разрѣзными обшлагами, карманными клапанами, коническими золоченными пуговицами и узкимъ золотымъ галуномъ по борту, обшлагамъ и карманамъ; темнозеленый камзолъ, съ подобнымъ же приборомъ; того же цвѣта штаны, по три вершка ниже колѣнъ, съ золотыми пуговицами и золотымъ галуномъ на боковыхъ разрѣзахъ; бѣлые чулки, въ тупоносыхъ смазныхъ башмакахъ, и бѣлые же холстинные штиблеты, съ черною тесмянною перевязкою у колѣнъ; также сапоги въ родѣ ботфортовъ, съ раструбами и мѣдными шпорами; бѣлый галстухъ изъ тонкаго полотна, повязанный бантомъ назадъ; сборчатые манжеты безукоризненной бѣлизны; черную пуховую шляпу, съ круглой тульей и загнутыми къ верху полями, обшитую золотымъ галуномъ и украшенную плюмажемъ изъ бѣлыхъ и красныхъ перьевъ; наконецъ, узкую аршинную шпагу въ нечерненыхъ ножнахъ, съ золоченнымъ наконечникомъ и темликомъ изъ цвѣтныхъ шерстей, надѣтую на лосиной портупеѣ, отороченной золотымъ галуномъ и опоясывавшей камзолъ. Ко всему этому, въ случаяхъ «строеваго убранства» присоединялись еще: шарфъ черезъ правое плечо, изъ разныхъ шерстей съ примѣсью серебра; узкій серебряный вызолоченый знакъ, съ финифтевою арматурою и андреевскимъ крестомъ, носившійся на андреевской лентѣ; и саженный протазанъ ([13]), съ вычерненнымъ древкомъ, золоченымъ подтокомъ и такимъ же на верху изображеніемъ андреевскаго креста, подъ которымъ, у маіоровъ, привѣшивалась массивная золотая кисть съ серебряной искрой ([14]). Такова бы-

---

([12]) Подписывался всегда по-нѣмецки: *Löwenwolde.* Но въ русскихъ оффиціальныхъ бумагахъ—и, вѣроятно, въ обычной рѣчи—именовался *Левенвольдъ*, что̀, разумѣется, короче и удобнѣе.

([13]) *Протазанъ* — испорченное французское слово *pertuisane*, бердышъ.

([14]) Впослѣдствіи, именно съ учрежденіемъ штатовъ 1731 г., въ первоначальной формѣ обмундированія Измайловскихъ офицеровъ сдѣланы

ла самая первоначальная форма Измайловскаго полка, послѣ многихъ толковъ и большой переписки, апробованная самою императрицею, которая, учреждая этотъ полкъ, имѣла особое «высокое намѣреніе ([15]).»

Служака по преимуществу, Густавъ Биренъ усердно занялся осуществленіемъ мысли своего брата, принималъ участіе въ ежедневныхъ совѣщаніяхъ «господъ полковыхъ штаповъ,» т. е. штабъ-офицеровъ Измайловскаго полка (которыми въ то время, кромѣ полковника Левенвольда, были: подполковникъ Кейтъ, маіоры Шиповъ и Гампфъ) входилъ во всѣ подробности новозаводимыхъ полковыхъ учрежденій, и все-таки, на самыхъ первыхъ порахъ пребыванія своего въ Россіи, успѣлъ не угодить брату, оберъ-каммергеру. Послѣднему дотого не нравились частые визиты Густава къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, ласкавшей благообразнаго маіора, что однажды, когда Густавъ пожаловался брату на кого-то изъ приближенныхъ Ея Высочества, оберъ-каммергеръ просилъ Императрицу запретить Густаву бывать у цесаревны, и тутъ-то, какъ говорятъ, впервыя высказалась угроза: заключить цесаревну въ монастырь, если Ея Высочество и далѣе будетъ дѣлать что либо неугодное Ея Величеству. Извѣстно также, что именно по поводу этой размолвки Императрица не удостоила посѣтить цесаревну 18 декабря 1730 г., въ годовщину рожденія Ея Высочества ([16]).

Послѣ такого придворнаго увлеченія, Густавъ Биренъ съ новымъ рвеніемъ принялся за службу, вступилъ въ командованіе вторымъ баталіономъ Измайловскаго полка и отбылъ съ нимъ, 17 февраля 1731 г., первый Высочайшій смотръ на замоскворѣцкомъ Царицыномъ лугу, гдѣ новый полкъ присягалъ на вѣрность службы и получилъ отъ Императрицы знамена ([17]).

были многія измѣненія, такъ напримѣръ, — вмѣсто темнозеленыхъ камзоловъ даны красные, вмѣсто цвѣтныхъ шарфовъ и темляковъ золотые, штабъ-офицеры вмѣсто протазановъ вооружены эспантонами и проч.

([15]) Слова указа, даннаго Сенату 22 сентября 1730 г. — См. П. С. З. изд. 1830, т. VIII, с. 5623.

([16]) Materialien etc. v. Phiseldek, II, 57—58.—Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1730 г., со всею подробностію повѣствовавшихъ о событіяхъ дворской жизни въ Москвѣ, дѣйствительно, не упоминается ни полу-словомъ о какомъ нибудь торжествѣ 18 декабря, тогда какъ въ Петербургѣ, въ этотъ день отправлены, по обычаю, божественная служба, пушечная пальба и, вечеромъ, иллюминація.

([17]) Историческое обозрѣніе Л. Г. Измайловскаго полка. 1730—1850. Соч. А. Висковатова. С.-Петербургъ. Стр. 8.

Отбывъ съ тѣмъ же вторымъ баталіономъ Измайловскаго полка и другой Высочайшій смотръ всей гвардіи, устроенный Императрицею 7 мая, подъ Донскимъ монастыремъ, въ честь бывшаго тогда въ Москвѣ Турецкаго посла ([18]), Густавъ Биренъ, 28 мая, впервыя вывелъ свой баталіонъ въ караулы, а около половины іюня—въ «кампаментъ,» т. е. лагерь, и здѣсь, 31 іюля, получилъ оффиціальное извѣщеніе подполковника Кейта о скоромъ выступленіи 1-го и 2-го баталіоновъ Измайловскаго полка изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Въ этомъ извѣщеніи, Кейтъ, между прочимъ, писалъ: «Баталіонъ извольте содержать во всякой строгости, какъ воинской порядокъ требуетъ, и до обидъ подкомандныхъ со обывателями отнюдь не допускать, и имѣть стараніе, чтобъ люди въ провіантѣ нужды непонесли. Такожбы полковыя лошади въ добромъ корму содержаны были. И понеже Санктпетербургская дорога невездѣ конскими кормами доволна, но нѣкоторая часть имѣется лѣсовъ и песковъ, то для таковыхъ нужныхъ мѣстъ, по разсмотрѣнію, купить овса и довольствовать лошадей, чтобъ ихъ въ худобу непривесть, а для покупки овса посылать впередъ. Тѣлегибъ всегда были дехтемъ мазаны, отчего какъ осямъ, такъ и лошадямъ, легче быть выможетъ..... Будучи въ пути, помянутый баталіонъ изволте ставить по квартирамъ и въ лагерѣ, гдѣ какъ способнѣе будетъ. Во время маршу, господа офицеры чтобъ ѣхали безотлучно при своихъ ротахъ, кромѣ больныхъ, которымъ позволяетца за полкомъ въ ихъ колясскахъ ѣхать» ([19]).

10 августа 1731 г., 1-й и 2-й баталіоны Измайловскаго полка, въ числѣ 1332 чел. и 146 лошадей, выступили изъ Москвы, подъ главнымъ начальствомъ старшаго изъ маіоровъ, Ив. Аѳан. Шипова ([20]), который на другой же день, 11 августа, изъ д. Ржавокъ, озабоченно спрашивалъ

([18]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1731 г. № 40.—Тутъ замѣчено, что Турецкій посолъ дивился, въ особенности, огромному росту гвардейскихъ солдатъ.

([19]) Подлин. акты арх. Л. гв. изм. п., книга: Московскія дѣла. Исходящія бумаги 1731 г.

([20]) Иванъ Аѳанасьевичъ Шиповъ, одинъ изъ участниковъ Полтавскаго дня при Петрѣ, поступилъ маіоромъ въ Измайловскій полкъ при самомъ его учрежденіи, съ 1735 г. начальствовалъ Малороссійской Коллегіей, въ 1738 г. производилъ казнь надъ самозванцемъ Миницкимъ, въ 1740 г. назначенъ Сибирскимъ губернаторомъ, въ 1744 ревизовалъ черноземную полосу Россіи; умеръ въ 1750-хъ годахъ генералъ-поручикомъ.

Кейта: оправдалась ли «имѣвшаяся въ Москвѣ эха,» о назначеніи Семеновскаго подполковника Л. В. Измайлова ([21]) временнымъ командиромъ всѣхъ маршируюшихъ въ Петербургъ гвардейскихъ баталіоновъ, — и выражалъ недоумѣніе свое о томъ: исполнять ли, безъ предписанія Кейта, распоряженія Измайлова, если таковыя послѣдуютъ. Въ тотъ же день, 11 августа, Измайловскіе баталіоны пошли изъ д. Ржавокъ раздѣльно, «лѣвымъ флангомъ впередъ;» 14 августа Густавъ Биренъ вступилъ въ Клинъ и здѣсь остался на дневку; 16-го сдѣлалъ трудный «за худыми мѣстами и великими грязьми» переходъ до с. Спасскаго; 18-го прибылъ въ Тверь, гдѣ запасся «шорками» для ротныхъ телѣгъ и сальными свѣчами для походной канцеляріи; 26-го дневалъ въ Вышнемъ Волочкѣ, тогда еще селѣ, изъ котораго всѣ больные (43 чел.) и собственныя тягости офицеровъ отправлены въ Петербургъ уже водою, на двухъ баркахъ, купленныхъ за 43 р. 60½ к. у купецкаго человѣка Михайлы Сердюкова, извѣстнаго Калмыка-любимца имп. Петра I. — Выступивъ изъ Волочка 27 августа, Густавъ Биренъ 31 августа прошелъ ямъ Валдай, 3 сентября ямъ Крестцы и затѣмъ прибылъ въ ямъ Бронницы, гдѣ посадилъ весь свой баталіонъ на 6 барокъ, нанятыхъ у мѣстныхъ жителей, цѣною за 3 рубля до Новгорода (36 в.).—Изъ Новгорода, гдѣ 2-й баталіонъ поджидалъ 1-го, оба баталіона слѣдовали на судахъ до Волховской пристани, откуда Густавъ Биренъ, поручивъ свой баталіонъ Шипову, уѣхалъ 13 сентября впередъ, въ Петербургъ, хлопотать о квартирахъ у Миниха, къ которому предварительно писалъ о томъ же изъ Москвы графъ Левенвольдъ, «уповая на высокосклонное къ нему пріятство» ([22]). 22 сентября, ровно чрезъ годъ по учрежденіи полка, Измайловскіе баталіоны вступили въ Петербургъ, гдѣ размѣстились частію въ Переведенскихъ слободахъ ([23]), частію на Петербургской сторонѣ, и Биренъ, оче-

---

([21]) Левъ Васильевичъ Измайловъ, сподвижникъ Петра и первый русскій посолъ въ Пекинѣ, съ 1728 г. ген. маіоръ и гвардіи маіоръ, съ 1733 гвардіи подполковникъ, съ 1734 г. Александровскій кавалеръ и ген. поручикъ, въ 1735 г. храбро бился съ Поляками и умеръ 13 января 1738 г.

([22]) Подлинные акты архива Л. Гв. Измайловскаго полка, книга: Исходящія бумаги Походныхъ баталіоновъ, 1731 г.

([23]) Такъ назывались въ то время нынѣшнія Мѣщанскія улицы, съ принадлежащими къ нимъ переулками, потому что туда были *переводимы* на жительство морскіе и другіе служители изъ разныхъ мѣстъ города

редуясь съ Шиповымъ, началъ свои понедѣльныя дежурства, сопряженныя съ правами и властію полковаго командира и ознаменованныя рядомъ приказовъ по полку, обличавшихъ въ Густавѣ и опытнаго служаку и педанта-начальника. Такъ, напримѣръ, приказомъ его отъ 23 сентября за всѣ судовые припасы и лоцманамъ велѣно было заплатить не изъ казенной суммы, а только однимъ гг. оберъ-офицерамъ «понеже на судахъ имѣлся и ихъ багажъ;» приказомъ 26 сентября Биренъ требовалъ отъ нижнихъ чиновъ, чтобъ они «безъ галстуховъ и шпагъ не ходили и оберъ-офицерамъ отдавали бъ должное почтеніе, имѣя вѣжливость,» и тутъ же особымъ пунктомъ предписывалъ: «у которыхъ солдатъ фалды опустились, чтобъ ихъ подняли.» —Затѣмъ, и едва ли не послѣ первой же недѣли дежурства, Густавъ Биренъ нашелъ возможнымъ и получилъ разрѣшеніе съѣздить въ родную Курляндію, куда, на этотъ разъ, сопровождалъ его землякъ, измайловскій подпоручикъ фонъ-Медемъ, котораго, еще 19 августа, повелѣно было «отпустить съ господиномъ маэоромъ барономъ Бирономъ въ Курляндію, и сколько времени со онымъ господиномъ маэоромъ въ проѣздѣ будетъ, за то у него, Медема, изъ его жалованья вычету не чинить» ([24]).

Но, положительно скучая безъ фронта или какого нибудь строя, Густавъ Биренъ не могъ находиться «въ проѣздѣ» болѣе или менѣе долго — и уже на ученьѣ 19 октября было имъ «усмотрѣно, что короткіе темпы *считаются* и *дѣлаются* скоро, а самые темпы *не оказываются*; чего ради—предписывалъ онъ въ тотъ же день—тѣ короткіе темпы отбивать съ промежуткомъ, въ которомъ бы можно было *трижды счесть*,» къ чему присоединялъ распоряженіе «о погрѣшающихъ» на ученьѣ, которыхъ приказывалъ «безъ милосердія штрафовать жестоко.» Въ слѣдующій же за этимъ недѣльный періодъ своего управленія полкомъ, Густавъ Биренъ, приказомъ, отданнымъ 11 ноября, замѣчалъ, что многіе солдаты «являются во французской болѣзни,» а потому «накрѣпко» подтверждалъ «отъ непотребныхъ бабъ воздерживаться» ([25]).

Вмѣстѣ съ отданіемъ подобныхъ приказовъ, Густавъ, пользуясь вліяніемъ своего брата, доставлялъ полку и нѣкоторыя выгоды, хотя не совсѣмъ законныя: такъ, напримѣръ, когда получились въ Петербургской

([24]) Тамъ же, книга: Московскія дѣла. Исходящія бумаги 1731 г.

([25]) Тамъ же, книга: Приказный журналъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ 1731 г.

таможнѣ шпаги, заказанныя для полка въ Берлинѣ, Густавъ Биренъ выхлопоталъ у брата, чтобъ эти шпаги были выданы полку *безпошлинно*, что̀ и сберегло въ полковой казнѣ болѣе 300 руб. ([26]).

Между тѣмъ, 9 декабря 1731 г. состоялись новые штаты гвардіи, въ силу которыхъ Густавъ Биренъ переименованъ въ премiеръ-маiоры ([27]), что̀ давало ему рангъ бригадирскiй и лишнихъ 300 руб. въ годъ, а въ январѣ 1732 г. Императрица и дворъ прибыли изъ Москвы въ Петербургъ, куда, слѣдовательно, переѣхалъ и братъ Густава, оберъ-каммергеръ Биренъ, уже достаточно заявившiй себя Россiи тѣмъ родомъ дѣятельности, которому болѣе приличествовала эпоха царя Ивана Грознаго съ ея Александровской Слободой.

Спустя нѣсколько дней послѣ торжественнаго въѣзда Государыни въ Петербургъ, Ея Величество уже спѣшила взглянуть на созданный ею полкъ, и въ присутствiи премiеръ-маiора Бирена лично «свидѣтельствовала на людяхъ» новыя ружья, нарочно заказанныя въ Берлинѣ и, въ числѣ 2164, любезно предложенныя Прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I въ даръ Всероссiйской Императрицѣ,—а на другой день, 27 января, Биренъ вывелъ Измайловскiй полкъ передъ дворецъ, на Неву, для Высочайшаго смотра съ пальбою, спрятавъ предварительно людей, которые «въ прiемахъ худо дѣлаютъ и въ стрѣльбѣ мало бывали» ([28]).

Довольная всѣмъ видѣннымъ, Императрица пожелала явить Высочайшую милость брату преданнаго ей оберъ-каммергера, и 3 февраля, въ день имянинъ Государыни, былъ—по сказанiю Вѣдомостей—«обрученъ при дворѣ маэоръ Лейбъ-Гвардiи Измайловскаго полку господинъ фонъ Бiронъ съ Прiнцессою Меншиковою. Обоимъ обрученнымъ показана при томъ отъ Ея Iмператорскаго Величества сiя высокая милость, что Ея Iмператорское Величество ихъ перстни Высочайшею особою Сама размѣнять изволила» ([29]).

([26]) Подл. ак. арх. Л. Гв. Изм. п. Книга: С.-Петербургскихъ баталiоновъ, часть Коммиссарская, ордера коммисару 1731 г.

([27]) Въ сочиненiи А. В. Висковатова: „Историческое обозрѣнiе лейбъ-гвардiи Измайловскаго полка 1730—1850,“ на с. 10, неосновательно указано, будто Густавъ Биренъ, по случаю введенiя новыхъ штатовъ, переименованъ въ подполковники. Этотъ чинъ, какъ увидимъ, онъ получилъ только въ 1734 г.

([28]) Подлин. акты арх. Л. гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ С.-Петербургскихъ баталiоновъ 1732.

([29]) С.-Петербургскiя Вѣдомости 1732 г. № 11.

Странна была судьба этой «прінцессы» Меншиковой! Внука — какъ думаютъ — русскаго простолюдина, потомъ дочь пресловутаго князя Ижорскаго, далѣе невѣста наслѣднаго принца Ангальтъ-Дессаускаго, затѣмъ ссыльная, собственноручно стиравшая въ Березовѣ бѣлье, «прінцесса» долженствовала теперь сдѣлаться женою сына и внука курляндскихъ конюховъ.... Но вдумываться въ такую судьбу княжны, конечно, не доводилось нареченному жениху ея, теперь, какъ и прежде, занятому преимущественно полкомъ и службой. Измѣненіе нѣкоторыхъ подробностей строеваго устава, тогда вводимое, стояло, въ глазахъ Густава Бирена, на первомъ планѣ. Февральскіе морозы, оттепели и гололедицы не мѣшали ему ревностно «мунстровать» Измайловцевъ, зорко наблюдая за ними и въ ихъ неслужебномъ быту. Такъ, съ 10 февраля 1732 г., дня вступленія Густава Бирена въ одно изъ періодическихъ управленій полкомъ, явился приказъ, повторявшійся потомъ всѣми маіорами ежедневно и сдѣлавшійся общимъ мѣстомъ: «на квартирахъ стоять тихо и смирно, обывателямъ обидъ не чинить и отъ огня имѣть опасеніе» (30). Когда же наступилъ великій постъ, Густавъ Биренъ, педантъ, но добрякъ, распорядился, чтобъ говѣли еженедѣльно по 40 чел. съ роты, а унтеръ-офицеры и неслужащіе (31) «по препорціи,» и чтобъ тѣ нижніе чины, которые квартировали близко отъ него, но далеко отъ церкви, приходили молиться на его квартиру: къ часамъ и вечернямъ—по церковному звону, а къ утрени—передъ разсвѣтомъ (32). Такъ прошелъ постъ, 9 апрѣля наступила Пасха, 27 апрѣля состоялся торжественный въѣздъ въ Петербургъ Китайскаго посольства, 28 апрѣля великолѣпно отпразднована годовщина коронованія имп. Анны, а 4 мая Густавъ Биренъ сталъ мужемъ княжны Меншиковой, о чемъ современныя «Вѣдомости» повѣствуютъ слѣдующее: «Заключенное въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ сочетаніе законнаго брака между прінцессою Меншиковой и господиномъ маэоромъ Лейбгвардіи Измайловскаго полку фонъ Бірономъ въ прошедшій четвертокъ съ великою магніфіценціею совершилось. Сіе чинилось при дворѣ, и Ея Им-

---

(30) Подл. акты арх. Л. гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ 1732.

(31) Неслужащими, на оффиціальномъ языкѣ того времени, разумѣлись и числились: цырюльники, профосы, денщики и т. п.

(32) Подлин. акты арх. Л. гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ 1732 г.

ператорское Величество Всемилостивѣйшая наша Монархіня обѣимъ новобрачнымъ персонамъ сію высокую милость показать изволила, что учрежденный сего ради баллъ по Высокому Ея Императорскаго Величества повелѣнію до самои ночи продолжался» (33).

Въ дополненіе къ этому замѣтимъ, что по распоряженію графа Левенвольда, на свадьбу Густава Бирена, въ домъ новобрачнаго, приглашены тѣ только измайловскіе офицеры, у которыхъ имѣлись кареты и коляски съ лошадьми, а провожать Бирена изъ дома во дворецъ, для вѣнчанія, въ 2 часа дня, дозволилось всѣмъ безъ исключенія, «хотя бы пѣшками и верхами;» къ дому же Густава Бирена, въ Большой Милліонной, былъ наряженъ, на время свадьбы, почетный караулъ изъ 8 гренадеровъ и 4 мушкетеровъ, при сержантѣ Гровсѣ (34).

Наконецъ, въ видѣ заключительнаго торжествованія этаго брака, у Густава Бирена, 19 мая, былъ «банкетъ», въ Высочайшемъ и всѣхъ министровъ присутствіи (35).

Счастливый по своему, Густавъ Биренъ, 17 іюня, вывелъ Измайловскій полкъ въ лагерь, разбитый на теперешней Конюшенной площади(36), и тутъ, среди страстно любимыхъ имъ удовольствій фронтовой службы, могъ еще пріятнѣе наслаждаться ожиданіемъ дальнѣйшихъ, несомнѣнныхъ улыбокъ судьбы.

Въ самомъ дѣлѣ, женитьба Густава Бирена, сдѣланнаго 29 іюня того же года генералъ-адъютантомъ Императрицы, какъ нельзя лучше устроила его матеріальное благосостояніе. Съ помощію брата, оберъ-каммергера, онъ успѣлъ получить изъ заграничныхъ банковъ почти всѣ капиталы князя Меншикова, такъ что сыну генералиссимуса, возвращенному изъ ссылки одновременно съ сестрою, едва досталась *пятидесятая* часть громаднаго отцовскаго состоянія (37).

---

(33) С.-Петербургск. Вѣдом. 1732 г. № 37.

(34) Подл. ак. Арх. Л. Г. Изм. п. Книга: Приказн. Журн. С.-Петерб. Батал. 1732 г.

(35) С.-Петербургскія Вѣдомости 1732. № 41.

(36) Подлин. акты арх. Л. гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ 1732 г.

(37) Mémoires pour servir à l'histoire de la cour de Russie, sous les règnes de Pierre le Grand et Catherine I, d'apres les manuscrits originaux de Villebois, Paris, 1853.

Но та же самая женитьба оказывалась далеко не столько же благопріятною для дочери Меншикова, которая, видя въ мужѣ человѣка честнаго, понимала его ограниченность и крайнее необразованіе и, не смотря на окружающую ее пышность и богатство, не могла, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, гордиться счастіемъ, часто вспоминала о послѣднихъ словахъ отца: «*что не одинъ разъ прійдется ей сожалѣть о бывшемъ изгнаніи*,» хранила, какъ драгоцѣнность, въ богатомъ сундукѣ, крестьянскую одежду, въ которой была привезена изъ Березова; каждую недѣлю раскрывала сундукъ и смотрѣла на нее ([38]). Впрочемъ, брачная жизнь бывшей княжны не была для нея и положительнымъ несчастіемъ, потому что Густавъ, какъ извѣстно, чрезвычайно любилъ свою жену, черноглазую красавицу, не уступавшую прелестями старшей сестрѣ своей, нѣкогда невѣстѣ Императора Петра II. Потерявъ золотое кольцо съ женинымъ именемъ, Густавъ объявилъ въ приказѣ по полку, что нашедшему и доставившему пропажу, онъ, кромѣ цѣны кольца, выдастъ еще 4 рубля ([39]).

Пока, такимъ образомъ, устроивалось и, благодаря вліянію брата, устроилось благополучіе Густава Бирена, у оберъ-каммергера произошелъ разладъ съ Минихомъ, до сихъ поръ ему дружественнымъ, даже только что произведеннымъ въ фельдмаршалы (чего безъ одобренія оберъ-каммергера никогда бы не сдѣлалось). Этотъ разладъ былъ возбужденъ преданнымъ оберъ-каммергеру графомъ Левенвольдомъ, который, такъ же, какъ и Густавъ Биренъ, негодовалъ на фельдмаршала за нѣкоторыя перемѣны, касавшіяся и измайловскаго полка. Вотъ какъ излагаетъ, въ своихъ «Запискахъ» всѣ обстоятельства дѣла сынъ Миниха: «Въ гвардейскихъ полкахъ за благо разсуждено, касательно состоящихъ въ каждой ротѣ капитанъ-поручиковъ, сдѣлать перемѣну и ихъ всѣхъ отставить, поелику въ напольныхъ полкахъ сихъ чиновъ не находилось, и слѣдовательно почли ихъ также ненужными въ гвардіи; почему и положено было всѣхъ ихъ выпустить въ армію и тамъ опредѣлить каждаго по чину; а именно: старшихъ премiеръ-маіорами и младшихъ секундъ-маіорами. Сія толь неожидаемая перемѣна была совсѣмъ не по вкусу означенныхъ

([38]) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. Бантышъ-Каменскаго, С.-Петербургъ. 1847. Т. VII, стр. 362 - 364.

([39]) Подл. Ак. Арх. Л. Г. Измайл. п. Книга: Приказ. Журн. С.-Пет. Батал. 1732, см. прик. 7 ноября.

особъ, которыя большею частію были молодые люди изъ знатнѣйшихъ домовъ, и желали у мѣстъ своихъ оставаться до того, пока не выпустятъ въ капитаны, дабы послѣ при выпускѣ въ армію вступить полковниками или бригадирами. Отцу моему препоручено означенное перемѣщеніе произвесть; и потому нельзя было миновать, чтобы, по образцу другихъ, не сдѣлать показанной реформы и въ измайловскомъ полку, въ которомъ графъ Левенвольде былъ подполковникомъ. Сей находился въ оное время въ чужихъ краяхъ и не прежде объ ономъ узналъ, какъ когда пособить не можно было. Чувствительность его по сей причинѣ была столько тронута, что онъ отъ того же часа непримиримую къ отцу моему возъимѣлъ ненависть; по чему лишь токмо онъ возвратился изъ своего путешествія, то и началъ потрясать кредитъ и власть отца моего» ([40]). Старанія Левенвольда, поддерживаемыя Остерманомъ, давно завидовавшимъ Миниху, и Густавомъ Биреномъ, близко принимавшимъ къ сердцу всѣ полковыя невзгоды, увѣнчались успѣхомъ: оберъ-каммергеръ охладѣлъ къ фельдмаршалу, въ которомъ ему указывали соперника, сталъ ловить всѣ предлоги къ удаленію Миниха изъ столицы, разумѣется почетному, и здѣсь-то таится главнѣйшая причина продолжительной Турецкой войны, безполезно, впослѣдствіи, истомившей Россію.

Вина этой войны падаетъ, такимъ образомъ, и на Густава Бирена, но только частію. Вовсе неспособный ни продолжительно злобствовать на людей, какъ его братъ, оберъ-каммергеръ, ни, тѣмъ болѣе, замышлять какія либо отдаленныя политическія интриги, Густавъ Биренъ не замедлилъ пріобыкнуть къ реформѣ въ полку, импровизированной самолюбивымъ Минихомъ, и, посердившись на фельдмаршала, съ прежнимъ рвеніемъ «муштровалъ» своихъ Измайловцевъ, которыхъ, 12 августа, онъ же представилъ на Высочайшій смотръ. «Сіе — повѣствуютъ тогдашнія «Вѣдомости» — отправлялось по новому маперу военной экзерциціи такъ хорошо, что и Ея Императорское Величество оное сама всемилостивѣйше похвалить изволила, а прочія, при томъ бывшія, тому зѣло удивляться принуждены были.» Открытіемъ манежа Эрнста-Іоганна Бирена, великаго охотника до лошадей, и Высочайшимъ посѣщеніемъ этаго зданія 13 ноября въ день годовщины рожденія оберъ-каммергера, заключился знаменательный для Густава Бирена 1732 г.

([40]) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для дѣтей своихъ. С.-Петер. 1817, стр. 61—62.

Не принимая никакого участія въ военныхъ событіяхъ 1733 г., касавшихся возведенія Россіею на Польскій престолъ новаго короля Августа III, Густавъ Биренъ, за отсутствіемъ всѣхъ господъ штаповъ ([41]), оставался старшимъ, т. е. командовалъ Измайловскимъ полкомъ. Въ теченіе этого же 1733 г., кругъ родства братьевъ Бироновъ увеличился еще однимъ лицомъ: Рудольфъ-Августъ фонъ Бисмаркъ, уроженецъ прусской Голландіи и генералъ-маіоръ русской службы, 14 апрѣля былъ обрученъ, а 15 мая повѣнчанъ съ фрейлиной Трейденъ, свояченицей оберъ-каммергера, и, разумѣется, сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Густава Бирена ([42]).

Весной 1734 г. 3-й баталіонъ Измайловцевъ, все еще находившійся въ Москвѣ, прибылъ въ С.-Петербургъ, и, здѣсь, 17 іюня, въ составѣ всего полка, подъ общей командой Густава Бирена, предсталъ на Высочайшій смотръ, о которомъ, въ тогдашнемъ каммеръ-фурьерскомъ журналѣ, сохранилась такая замѣтка (приводимъ её буквально): «Іюнь 17. Понедѣлокъ. Палугу противъ лѣтняго дому имѣлась солдацкая эксерцыция Лейбъгвардіи Измайловского полку приприсудствіи Ея Императоръского Величества іпотомъ трактованы штапъ ноберъ аоицеры вхоромахъ, аундеръ аоицеры и салдаты палугу» ([43]). За этотъ ли смотръ или за что другое, но 12 декабря того же 1734 г., Густавъ Биренъ былъ пожалованъ въ подполковники гвардіи, съ рангомъ армейскаго генералъ-маіора. Тогда только возвратился въ Петербургъ полковой командиръ Измайловскаго полка графъ Левенвольдъ; но, утомленный продолжительнымъ и труднымъ посланничествомъ, и больной, онъ скоро отбылъ изъ Петер-

---

([41]) Полковникъ гр. Левенвольдъ находился чрезвычайнымъ посломъ въ Варшавѣ; подполковникъ Кейтъ командовалъ войсками, расположенными въ Литвѣ; маіоръ Шиповъ производилъ поголовную перепись и разборъ земель въ Ингерманландіи, т. е. нынѣшней Петербургской губерніи.

([42]) Принятый въ 1732 г. въ русскую службу, изъ прусской, Бисмаркъ въ 1734 г. ѣздилъ съ порученіемъ въ Англію, 1735—1736 г. былъ при войскахъ на Украйнѣ и начальствовалъ русскимъ отрядомъ въ Польшѣ, съ 1737 г. былъ генералъ-поручикомъ и губернаторомъ въ Ригѣ, ночью на 9 ноября 1740 г. арестованъ вмѣстѣ съ Биренами и, по допросѣ, сосланъ въ Тобольскъ, откуда возвращенъ при воцареніи императрицы Елизаветы; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Статейка о немъ помѣщена въ 5 и 6 книжк. „Русскаго Архива“ 1867 г. (с. 904—911).

([43]) Журналъ придворной Конторы 1734 году на знатныя при дворѣ Ея Императорскаго Величества оказіи.

бурга въ деревню, лечиться, а командованіе полкомъ осталось снова на рукахъ Густава Бирена, съ слѣдующимъ предписаніемъ графа Левенвольда, отъ 26 февраля 1735 г.:

«Г. фонъ-Бирону.

Высокородный баронъ, (44)

Превосходительный господинъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ и генералъ-адъютантъ.

Вашему высокородію для нынѣшней моей отсель отлучки симъ предлагаю нижеслѣдующее:

1) Безъ нынѣшней моей здѣсь бытности изволите лейбъ-гвардіи надъ Измайловскимъ полкомъ имѣть команду. И что къ лучшему порядку и исправленію по силѣ штата и указовъ опредѣлено, оный полкъ къ тому приводить: дабы во всякомъ достойномъ дѣйствительномъ поведеніи обращался.

2) Чтобъ солдатство въ чемъ не претерпѣло нужды, но въ указныя времена получало жалованіе.

3) Надъ больными, которые нынѣ есть, приказать имѣть всевозможное доброе призрѣніе; и о томъ, такожъ и о пользованіи лекаремъ, крѣпко подтверждать. Ротные же командиры, чтобъ ежели больной солдатъ и явится, того-жъ бы часа и вышнимъ репортовали, дабы болѣзнь ко вкорененію не допустить. Отъ вышнихъ же штабъ-лекарю приказъ объ осмотрѣ и о пользованіи больнаго безпродолжительно данъ быть имѣетъ.

4) О состояніи полку подавать репорты Ея Императорскому Величеству.

5) О происходящихъ въ полку приходныхъ и расходныхъ всѣхъ казенныхъ денегъ, сначала и понынѣ и впредь повсегодно, какимъ образомъ въ полкъ взошли, и на что именно по какимъ указамъ употреблены, каждаго году приходные и расходные щеты, Ревизіонъ-Коллегіи къ тому учрежденной, или куда принадлежитъ, для освидѣтельствованія, по силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ и регламентовъ, отосланы безъ продолженія и надлежащія квитанціи востребованы къ полку быть имѣютъ. О чемъ вашему высокородію подтверждаю.

---

(44) Со времени возвышенія своего, Густавъ Биренъ, неизвѣстно почему, сталъ писаться барономъ.

6) Въ вышеписанномъ и въ прочемъ во всемъ, что̀ принадлежитъ, изволите ваше высокородіе поступать, какъ должность зависитъ. И уповаю, что не приминете. И остаюсь

вашего высокородія

всегдашній слуга

Левенвольдъ (45).

Въ Санктъ питеръ бургѣ, февраля 26-го, 1735 году.»

Но пока измайловскій подполковникъ Биренъ, съ обычною своею пунктуальностію, выполнялъ данное ему предписаніе, а другой подполковникъ того же полка, Кейтъ, начальствовалъ частію корпуса Ласси, двигавшагося къ Рейну, на помощь Венгро-богемской королевѣ Маріи Терезіи, общій ихъ командиръ, полковникъ графъ Левенвольдъ 30 апрѣля 1735 г., умеръ на своей Ряпинской мызѣ, подъ Дерптомъ, а 23-го мая, когда измайловскій полкъ уже стоялъ лагеремъ на Васильевскомъ островѣ (46), было объявлено, чрезъ генерала Ушакова, слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «Указали Мы лейбъ-гвардіи нашей полковъ офицеровъ, желающихъ ѣхать къ Цесарской арміи волонтирами, отправить ихъ туда на нашихъ пакетботахъ водою до Любека, а которые водою ѣхать не пожелаютъ, тѣмъ дается воля на своемъ иждивеніи и сухимъ путемъ ѣхать, только-бъ въ пути до Рейны со всякимъ ѣхали поспѣшеніемъ; а дабы въ томъ ихъ походѣ лучше имъ можно было себя содержать, то пожаловали указали Мы имъ выдать жалованье, по ихъ рангамъ, двойное, съ мая по первое число генваря будущаго 1736 года, и рацыоны по тому жъ, изъ остаточныхъ при гвардіяхъ нашихъ каждаго полку денегъ, и сей нашъ указъ объявить нынѣ же тѣмъ офицерамъ, чтобъ конечно на сей недѣли отправились.» (47). Исполненіе этой высочайшей воли касалось, по преимуществу, Густава Бирена, что̀ тогдашній измайловскій адъютантъ Нащокинъ объясняетъ въ своихъ «Запискахъ» такъ: «Ея Императорское

---

(45) Подл. Ак. Арх. Л. Г. Изм. п., книга: Входящія Бумаги, 1735 г. Измайловскій полков. гр. Левенвольдъ не зналъ по русски и даже подписывался не иначе какъ по нѣмецки; а предписаніе его Биренъ, прилагаемое нами, есть, очевидно, трудъ кого нибудь изъ доморощеныхъ полковыхъ переводчиковъ. Но такъ какъ Биренъ тоже не разумѣлъ по русски ни слова, то остается совершенно неизвѣстнымъ: для кого и чего трудился неизвѣстный переводчикъ.

(46) С.-Петербургскія Вѣдомости 1735 г. № 39.

(47) Подл. Акты Арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Именные Указы. 1735 г.

Величество изволила Ея Величества генералъ-адъютанту, лейбъ-гвардіи измайловскаго полку подполковнику, Густаву фонъ-Бирону, выбрать изъ четырехъ полковъ гвардіи знатное дворянство, и паче достаточныхъ содержаніемъ въ лучшемъ экипажѣ, и съ онымъ Густавомъ фонъ-Биреномъ отправлены были къ той войнѣ на Рейнъ волонтирами, которые были при командѣ принца Евгенія» ([48]). Къ показанію Нащокина мы можемъ прибавить, что въ своемъ полку Густавъ Биренъ выбралъ для этой командировки капитанъ-поручиковъ князя Трубецкаго и барона Мейендорфа, поручиковъ фонъ Левенвольда и князя Борятинскаго, подпоручика Гагемейстера, прапорщиковъ Бока и барона Мейендорфа, гренадеровъ Каргополова и Стрѣлкова. Всѣ они служили подъ начальствомъ принца Евгенія, около 4-хъ мѣсяцевъ, но участвовали или нѣтъ въ военныхъ дѣйствіяхъ,— о томъ никакихъ свѣдѣній не сохранилось ([49]).

Что же касается, по крайней мѣрѣ, до самого Густава Бирена, то изъ газетной корреспонденціи того времени видно, что онъ, откланявшись императрицѣ, 3 іюня 1735 г. со всѣми измайловскими «волонтирами», выѣхалъ изъ Петербурга; дорогою, у богемской границы, нагналъ заднюю русскую колонну, въ 1776 чел., а въ епископствѣ Вюрцбургскомъ — переднюю, въ 13 тыс. чел., и 21 іюля прибылъ въ Брюссель, главную квартиру цесарской арміи, гдѣ, 1 августа, въ свитѣ принца Евгенія, осматривалъ плотину и шанцы, потомъ расположился своею квартирою въ Крумбахѣ, близъ Брюсселя, и, въ половинѣ августа, «трактовалъ» обѣденнымъ столомъ въ Брюсселѣ князя Венцеля фонъ Лихтенштейна, со всѣми русскими «волонтирами» ([50]).

4 января 1736 г. Густавъ Биренъ возвратился изъ-за границы въ Петербургъ и въ тотъ же день былъ милостиво принятъ императрицею, которая, въ его отсутствіи, 15 августа 1735 г., наименовала себя полковникомъ Л. Гв. Измайловскаго полка. Первая годовщина этого событія праздновалась Измайловскимъ полкомъ, съ Густавомъ Биреномъ въ его главѣ, слѣдующимъ образомъ: «Въ Петергофѣ въ домѣ Ея Императорскаго Величества, имѣлось трактованіе того Измайловскаго полка штабъ и оберъ-офицерамъ, который столъ отправлялся противъ покоевъ Ея

([48]) Записки Василія Александровича Нащокина. 1742. Стр. 42.

([49]) Подл. Акты Арх. Л. Гв. Изм. п., книги: Отетвиваго Повытья отлучные списки. 1735.

([50]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1735 г. №№ 45. 64. 66. 68.

Императорскаго Величества, въ верхнемъ саду, въ ставкѣ; а унтеръ-офицерамъ и солдатамъ отпускано было вино простое отъ дворцовой конторы» ([51]). Еще черезъ двѣ недѣли, 31 августа, Густавъ Биренъ былъ героемъ новаго торжества, о которомъ тотъ же каммеръ-фурьерскій журналъ повѣствуетъ такъ: «На лугу, противъ лѣтняго дома, отправлялась солдатская экзерциція Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка. Ея Императорское Величество изволила оной экзерциціи смотрить (sic) изъ новопостроенныхъ на томъ же лугу для гауптвахты покоевъ; и, по окончаніи экзерциціи, того полка штабъ и оберъ-офицеры трактованы въ домѣ Ея Императорскаго Величества, а унтеръ-офицерамъ и солдатамъ и прочимъ чинамъ, на весь полкъ, отпущено вино отъ дворцовой конторы» ([52]). Вполнѣ довольный всѣмъ этимъ, Густавъ Биренъ готовился къ большей радости — быть отцомъ. Но тутъ судьба, едва ли не впервые, жестоко обманула ожиданія Густава Бирена: красавица жена его, обожаемая мужемъ, 13 сентября 1736 г. умерла въ родахъ. Вотъ какъ описываетъ погребеніе дочери Меншикова и скорбь мужа ея, леди Рондо, бывшая тогда въ Петербургѣ: «Собраніе вошло въ залу, гдѣ лежало тѣло покойной. Гробъ былъ открытъ; княгиня была одѣта только въ спальное платье, въ которомъ она скончалась (говорятъ, что она желала, чтобы ее положили въ полномъ одѣяніи); это платье было сдѣлано изъ бѣлой матеріи, вытканой серебромъ; голова украшена была прекрасными кружевами и короною, потому что покойная была княгиня Римской Имперіи; на челѣ лежала лента, на которой золотыми буквами означено было ея имя и возрастъ; на лѣвой рукѣ лежалъ младенецъ, умершій спустя нѣсколько минутъ послѣ своего рожденія, одѣтый въ серебряную ткань; въ правой рукѣ разрѣшительная грамота. Когда всѣ заняли свои мѣста, то взошли слуги проститься съ госпожею, младшіе впереди. Они цѣловали ея руку и дитяти, прося прощенія въ проступкахъ и сопровождая слезы ужасными криками. За тѣмъ подходили знакомые, которые цѣловали умершую въ лицо и также плакали навзрыдъ. Потомъ родственники самые близкіе; послѣ, когда прощался братъ ея, то я думала, что онъ совсѣмъ опрокинетъ гробъ. Но трогательнѣе была сцена при прощаніи супруга. Онъ сначала отказался присутствовать при

([51]) Журн. Придв. Конт. на знатн. при дв. Е. И. В. оказіи 1736.
([52]) Тамъ же.

этой ужасной церемоніи, но герцогъ приказалъ ему покориться обыкновенію Русскихъ, представляя, что онъ, какъ явный чужеземецъ, лишится общаго уваженія. Его вывели изъ комнаты два чиновника, которые, впрочемъ, его болѣе поддерживали, нежели сопровождали. На лицѣ его изображалась скорбь, скорбь безмолвная. Взошедъ въ траурную залу, онъ остановился и потребовалъ пить. Подкрѣпившись питьемъ, подошелъ къ гробу, но здѣсь упалъ въ обморокъ. Когда онъ былъ вынесенъ и приведенъ въ чувство, то подняли тѣло и поставили въ открытой каретѣ. За гробомъ тянулся длинный рядъ каретъ, и такъ какъ покойница была жена генерала, то гробъ провожала гвардія. Поѣздъ отправился въ Невскій монастырь; когда ѣхали по улицамъ, на гробѣ лежалъ парчевый покровъ, который впрочемъ снятъ былъ при входѣ въ церковь. Въ церкви церемонія прощанія повторена была еще разъ; но мужъ, едва приведенный въ чувство, послѣ другаго обморока, увезенъ, бѣдный, былъ домой еще прежде. Послѣ погребенія, всѣ возвратились въ домъ Бирена на большой обѣдъ, на которомъ уже больше веселились, нежели скорбѣли. Казалось, всѣ забыли печальное событіе. Воображаю, что вы коварно улыбаетесь, что я ничего не говорю о несчастномъ супругѣ. Онъ, мнѣ кажется, въ самомъ дѣлѣ сраженъ скорбію. Онъ любилъ ее во все время супружества—это видно было изъ его обращенія съ нею» ([53]).

Огорченный потерею любимой жены, и скучая невольнымъ одиночествомъ, Густавъ Биренъ тѣмъ болѣе подумывалъ о развлеченіяхъ боевой жизни, что случай къ нимъ представлялся самъ собою: война Россіи съ Турціею была тогда въ полномъ разгарѣ. Ласси уже прислалъ въ Петербургъ ключи покореннаго Азова, а Минихъ, ознаменовавъ взятіемъ и разореніемъ Перекопа, Бахчисарая, Ахмечети и Кинбурна первый изъ своихъ Крымскихъ походовъ, дѣятельно готовился къ цѣлому ряду послѣдующихъ. И нѣтъ ничего мудренаго, если желаніе Густава отвѣдать военнаго счастія, заявленное всемогущему оберъ-каммергеру, рѣшило участіе гвардіи въ дальнѣйшихъ подвигахъ Миниха. Въ то время, когда и самая Турецкая война была слѣдствіемъ отношеній оберъ-каммергера съ фельдмаршаломъ, все подобное было очень возможно, даже людямъ, не имѣвшимъ такихъ связей, какъ Густавъ Биренъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что нарядъ во второй Крымскій походъ трехъ ротъ конной гвардіи былъ

([53]) Письма Леди Рондо, Санктпетербургъ 1836. Стр. 71—72

слѣдствіемъ *прошенія*, поданнаго на высочайшее имя командиромъ конной гвардіи Траутфеттеромъ ([54]).

Какъ бы то ни было, высочайшимъ указомъ 12 января 1737 г. повелѣвалось командировать къ арміи Миниха, расположенной въ Украйнѣ, съ каждаго гвардейскаго полка по баталіону, а начальникомъ всего гвардейскаго отряда, къ составу котораго причислены и три роты конной гвардіи, назначенъ генералъ-маіоръ, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка подполковникъ и генералъ-адъютантъ Густавъ Биренъ. Командированные въ походъ баталіоны, одинъ за другимъ, выступили изъ Петербурга въ томъ же мѣсяцѣ; но начальникъ отряда, за болѣзнію оставался въ столицѣ большую часть того времени, пока баталіоны, направляясь на Новгородъ и Москву, слѣдовали раздѣльно до Чернигова, соединились здѣсь, 25 марта, въ одинъ общій отрядъ, поступившій подъ команду измайловскаго преміеръ-маіора Гамифа, и въ этомъ составѣ продолжали движеніе далѣе на г. Лубны, откуда 21 апрѣля пошли по Хорольской дорогѣ къ Днѣпру, 3 мая переправились черезъ эту рѣку, близъ Переволочны, и тогда же соединились съ арміею, стоявшею лагеремъ у ново-построеннаго укрѣпленія Мишурный Рогъ. Густавъ же Биренъ, кое-какъ оправившійся отъ болѣзни, только 6 апрѣля могъ оставить Петербургъ, не ранѣе 27 апрѣля проѣхалъ Глуховъ, гдѣ останавливался въ отведенномъ ему «атаманскомъ» домѣ ([55]), а оттуда, забирая на каждой станціи, до самой Переволочны, по 35 «подводъ» (т. е. лошадей), въ началѣ мая прибылъ къ арміи, немедленно вступилъ въ командованіе гвардейскимъ отрядомъ.

([54]) „Понеже — писалъ Траутфеттеръ — по всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества указу, лейбъ-гвардіи командированные баталіоны имѣютъ нынѣ маршировать къ арміи въ наступающую кампанію, а понеже, Великая Государыня Императрица, и полкъ Вашего Императорскаго Величества конный лейбъ-гвардіи, для показанія вѣрныхъ вашему Императорскому Величеству рабскихъ своихъ услугъ, такого случая всеподданнѣйше и всеусерднѣйше желаетъ, и того ради ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу, дабы и отъ онаго лейбъ-гвардіи коннаго полка, въ означенную кампанію, команда отправлена была, сколько ваше Императорское Величество всемилостивѣйше указать соизволите, — января 22, 1737 года. B. Ev. Trautwetter.“— См. исторія л. гв. коннаго полка, г. Анненкова. С. Петерб., 1842, ч. II. стр. 3 — 4.

([55]) Дневныя записки малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича. Москва. 1859. Ч. II. Стр. 25 — 26.

и, прежде всего, жестоко распекъ измайловскаго преміеръ-маіора Гампфа, за то что Гампфъ, завидѣвъ на Днѣпровской переправѣ фельдмаршала, выѣхавшаго встрѣчать гвардію, дерзнулъ излишне почтить его «уклоненіемъ знаменъ» ([56]). Такое отступленіе отъ правилъ воинскаго устава, а главное въ пользу Миниха, дѣлало преміеръ-маіора тѣмъ болѣе виновнымъ въ глазахъ его подполковника, что Густавъ Биренъ, вообще, не смотря на свою пунктуальность, недолюбливавшій безусловно подчиняться антагонисту своего брата, долженъ былъ, въ самый день прибытія своего къ арміи, принять къ непремѣнному руководству Минихово наставленіе, «какимъ образомъ въ баталіи, оказіи и въ ретраншаментахъ противъ непріятеля дѣйствовать надлежитъ» ([57]).

Простоявъ безъ малаго мѣсяцъ у Мишурнаго Рога, Минихъ снялся съ лагеря и, 17 мая, двинулъ армію къ Бугу, куда въ общемъ ея составѣ, направился и гвардейскій отрядъ, предводимый Густавомъ Биреномъ. При этомъ движеніи, продолжавшемся болѣе мѣсяца, войска испытали множество неудобствъ, были со всѣхъ сторонъ окружаемы партіями татарскихъ наѣздниковъ, по цѣлымъ днямъ стояли подъ ружьемъ, истомлялись жарами, не находили воды, голодали, отъ генерала до послѣдняго солдата: а «питать ихъ въ пустынѣ — наивно замѣчаетъ сынъ Миниха — не трудно, статься можетъ, показалось бы израильскому полководцу Моисею» ([58]). 24 іюня Густавъ Биренъ переправился съ гвардіею чрезъ Бугъ, но и тутъ не оказалось ничего лучшаго: «приходя къ городу Очакову — пишетъ Нащокинъ — маршъ былъ зѣло трудной, потому что шли безводными мѣстами, жженою степью, и отъ великихъ жаровъ чрезвычайно армія въ трудахъ находилась и скотъ въ слабости былъ» ([59]). 28 іюня войска были въ виду Очакова; 29-го отбили первую турецкую вылазку изъ города, послѣ чего Густавъ Биренъ, обще со всѣмъ генералитетомъ, обѣдалъ на курганѣ, тутъ же насыпанномъ солдатами и названномъ, въ честь дня, Петро-Павловскимъ ([60]); а 30 іюня, на разсвѣтѣ,

---

([56]) Историческое обозрѣніе л. гв. измайловскаго полка, соч. Висковатова, С. Петерб., 1850. с. 19—20.

([57]) Исторія л. гв. семеновскаго полка, соч. Карцова, С. Петерб 1854, ч. II, с. 421.

([58]) Записки Миниха, сына фельдмаршала, С. Петерб., 1817, с. 109.

([59]) Записки Нащокина, стр. 45.

([60]) Materialien v. Phiseldek. II. 564.

гвардейскій отрядъ вступилъ въ лагерь при Очаковѣ и занялъ позицію на правомъ крылѣ арміи, между Лиманомъ и Чернымъ моремъ, и въ тотъ же день Густавъ Биренъ присутствовалъ въ военномъ совѣтѣ, гдѣ подалъ голосъ о немедленномъ приступѣ къ Очакову. 1 іюля, гвардія вступила въ шанцы, возведенные ночью, и весь этотъ день, до самаго вечера, участвовала въ жаркой перестрѣлкѣ съ гарнизономъ города, зажженнаго бомбами нашей артиллеріи; а подъ утро 2 іюля, Минихъ, желая воспрепятствовать Туркамъ тушить пожаръ, скомандовалъ наступленіе всею линіею, и, идя самъ впереди измайловскаго баталіона, съ его знаменемъ въ рукахъ, началъ знаменитый Очаковскій приступъ. Густавъ Биренъ, находясь подлѣ фельдмаршала, подвергался всѣмъ опасностямъ, видѣлъ, какъ Минихъ своеручно водрузилъ измайловское знамя у подошвы гласиса, — видѣлъ и то, какъ ровъ передъ этимъ гласисомъ, остановивъ войска, принудилъ ихъ отступить въ свои шанцы, подъ убійственнымъ огнемъ съ Очаковскихъ валовъ. Многихъ послѣ этого не досчитывался Биренъ въ своемъ измайловскомъ баталіонѣ, и оплакивалъ уже однополчанина, подполковника Кейта, тяжелая рана котораго была съ горича признаваема смертельною ([61]). Все дѣло казалось невозвратно проиграннымъ. Но въ 9 часовъ утра того же 2 іюля, въ Очаковѣ, объятомъ пожаромъ, взлетѣлъ на воздухъ пороховой магазинъ, при чемъ погибло до 6-ти т. Турокъ, и устрашенный сераскиръ, Аггья-паша, запросилъ 24 часоваго переговорнаго срока; но, получивъ отказъ, выставилъ бѣлое знамя, и неприступный Очаковъ сдался со всѣмъ гарнизономъ и городскимъ имуществомъ. 4 іюля побѣдители отслужили благодарственный молебенъ, а на другой день Минихъ началъ обратное движеніе всею арміею къ Бугу, во переправѣ за который Густавъ Биренъ, прилично Остзейцу-скопидому, не оставилъ распубликовать при арміи о своихъ лошадяхъ и волахъ, «пропалыхъ» у Очакова ([62]). Отъ Буга, Густавъ Биренъ, съ гвардейскимъ

([61]) Кейтъ, награжденный за Очаковъ чиномъ полнаго генерала, излечился отъ раны своей въ Монпельє, на поѣздку въ который ему было пожаловано 10 т. р., продолжалъ потомъ службу свою въ Россіи, получилъ ленты Александровскую и Андреевскую, въ іюлѣ 1747 г. вышелъ въ отставку, въ ноябрѣ того же года вступилъ въ прусскую армію генералъ-фельдмаршаломъ и 13 октября 1758 г. убитъ въ сраженіи при Гохкирхѣ. Кейтъ происходилъ отъ одной изъ знаменитыхъ фамилій въ Шотландіи.

([62]). Дѣла Артиллер. Архива. 1737 г., кн. № 269 (листы не нумерованы).

отрядомъ, частью кавалеріи и всѣмъ Очаковскимъ «полономъ» направился, особо отъ арміи, къ Днѣпру, 1 августа перешелъ эту рѣку у Мишуринаго Рога, еще черезъ нѣсколько дней вступилъ въ Черниговскую губернію, тутъ распустилъ баталіоны на зимнюю стоянку и, объявивъ главною квартирою отряда г. Нѣжинъ, сдалъ команду семеновскому маіору Стрѣшневу, а самъ, съ плѣннымъ Очаковскимъ сераскиромъ Аггьей-Пашой, уѣхалъ въ Петербургъ. Прибывъ сюда 14 октября, Густавъ Биренъ нашелъ своего брата, оберъ-каммергера, уже носящимъ титулъ герцога Курляндскаго (со 2-го іюня 1737 г.), и былъ, 21 ноября 1737 г., произведенъ, за очаковскій приступъ, въ генералъ-поручики. Добавимъ, что однѣ изъ Очаковскихъ воротъ, тѣ самыя, въ которыя торжественно вступалъ Густавъ Биренъ, тогда же наименованы измайловскими ([63]).

Должно быть, на радостяхъ, по случаю такого двоякаго отличія, Густавъ Биренъ до того усилилъ свою служебную ревность, что, въ этомъ отношеніи, явился даже поэтомъ, огласивъ, въ одинъ изъ морозныхъ декабрьскихъ дней, приказомъ по измайловскому полку, яко бы имъ, генералъ- поручикомъ, гвардіи подполковникомъ и Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантомъ, «запотребно разсуждено: при обученіи солдатъ военной экзерциціи, въ нѣкоторыхъ темпахъ, противъ прежняго учинить *отмѣну*, а именно, чтобъ по время поворотовъ и вздваиванія рядовъ, *для лутчего виду*, могли оказываны быть темпы *ногами*, въ чемъ имѣетъ видима быть немалая *приличность*, а людемъ излишнего затрудненія нимало не прибавитца» ([64]). Этою радикальною «отмѣною» заключился для Густава Бирена и ввѣреннаго ему измайловскаго полка 1737 г., «а въ навечеріи Новаго года — добавляетъ Каммеръ-фурьерская замѣтка — въ Домѣ Ея Императорскаго Величества были на поздравленіи всѣхъ лейбъ-гвардіи полковъ штабъ и оберъ-офицеры, которыхъ тогда трактовать виномъ изволила Ея Императорское Величество Собственною Своею Особою» ([65]).

([63]) Краткая исторія лейбъ гвардіи измайловскаго полка. С. Петерб. 1830. стр. 29.

([64]) Подлин. акты арх. Л.-Гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ 1738 г., см. Приказъ 3 января. Тутъ объяснено, что такъ какъ оказыванію темповъ ногами нѣкоторые уже обучены и Густавомъ Биреномъ „смотрѣны", то съ нихъ „нынѣ же" обучать все солдатство, „съ крайнимъ прилѣжаніемъ."

([65]) Церемоніальный Журналъ 1738 г., см. Января 1.

Такъ наступилъ 1738 г., изъ внутренней и внѣшней политики котораго тотчасъ же объяснилось, что походомъ къ Очакову военные подвиги Густава Бирена далеко не кончились, а скорѣе только начались. Дѣйствительно, въ этомъ 1738 г., должна была открыться новая кампанія противъ Турокъ, и гвардейскій отрядъ, начальникомъ котораго оставался измайловскій подполковникъ Биренъ, снова поступалъ въ составъ арміи фельдмаршала Миниха, сбиравшагося дѣйствовать въ сторонѣ р. Днѣстра. Приготовленія Густава Бирена къ выѣзду изъ Петербурга начались и кончились скоро: 7 марта, измайловскій сержантъ Романъ Воронцовъ (впослѣдствіи отецъ извѣстной княгини Ек. Ром. Дашковой) былъ командированъ «для пріуготовленія почтовыхъ къ маршу его превосходительства подводъ» ([66]). 9 марта, Ея Императорское Величество всемилостивѣйше изволила пожаловать къ его превосходительству господину подполковнику барону-фонъ Бирону, по его генералъ-лейтенантскому рангу, во флигель-адъютанты: въ первые, изъ сержантовъ, Михаилу Лунина ([67]), въ капитанской рангъ армейскихъ полковъ; во вторые, изъ капраловъ, Адеркаса ([68]), въ прапорщичей рангъ армейскихъ же полковъ» ([69]); а 12 марта — Густавъ Биренъ уже отправился къ арміи, предписавъ: «каптенармусу Козлову ([70]) имѣть ходательство въ военной колегіи, чтобъ въ канцелярію (походную) его превосходительства господина подполковника барона фонъ-Бирона даны были надлѣжащіе государственные правы и указы» ([71]). Проѣздомъ черезъ Полтаву,

---

([66]) Подлин. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ 1738 г.

([67]) Михаилъ Кипріановичъ Лунинъ, съ 1761 г. президентъ Вотчинной Коллегіи, съ 1764 г. кавалеръ ордена св. Анны I класса, умеръ въ 1776 г. тайнымъ совѣтникомъ см. о немъ Р. Арх. 1866, стр. 377—379.

([68]) Этотъ Адеркасъ былъ сынъ гувернантки принцессы Анны Леопольдовны.

([69]) Подлин. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ 1738 г.

([70]) Иванъ Ивановичъ Козловъ, въ 1764 г. тайный совѣтникъ, генералъ-рекетмейстеръ и кавалеръ ордена св. Анны I класса, съ 10 іюля 1775 кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, ум. 19 іюня 1778 г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Это — родной дѣдъ поэта Ив. Ив. Козлова.

([71]) Подлин. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ 1738 г., см. приказъ 13 марта.

главную квартиру Миниха ([72]), Густавъ Биренъ былъ съ визитомъ у фельдмаршала, а 2 апрѣля, въ день св. Пасхи, находился уже въ Глуховѣ и обѣдалъ у Александра Ивановича Румянцева, отца графа Задунайскаго ([73]). Вскорѣ послѣ того, именно 13 апрѣля, гвардейскіе баталіоны, поодиночкѣ осмотрѣнные Биреномъ, выступили съ зимнихъ квартиръ и, по предписанію главнокомандующаго, пошли на «рандеву« ([74]) къ р. Омельнику. Густавъ слѣдовалъ, на этотъ разъ, при семеновскомъ баталіонѣ ([75]), съ нимъ, 18 апрѣля, переправился за Днѣпръ; 11 мая, свелъ всѣ баталіоны въ одинъ отрядъ и, 12-го, присоединилъ его къ главнымъ силамъ Миниха, при чемъ, независимо отъ званія начальника гвардейскаго отряда, назначенъ командиромъ 2-й дивизіи арміи. Перейдя 18-мая р. Омельникъ, 20-го — р. Каменку, 27-го —р. Ингулецъ. 8-го іюня — р. Ингулъ и 24-го іюня — р. Бугъ, Биренъ, съ гвардейцами и своею дивизіею, 27-го іюня, расположился въ общемъ лагерѣ арміи, за рѣкою Кодымою, и здѣсь, 30-го іюня, имѣлъ случай отличиться. Въ этотъ день, многочисленная турецко-татарская конница буджакскаго султана Излумъ-Гирея аттаковала лагерь, стремительно ударила противъ праваго крыла, потомъ обрушилась на центръ и охватила со всѣхъ сторонъ авангардъ бригадира Шипова, на выручку котораго понесся съ кирасирами самъ Минихъ, поскакалъ съ орудіями генералъ Левендаль, и двинулся съ гвардейскимъ отрядомъ Густавъ Биренъ. Тогда Излумъ-Гирей, отбитый отъ Шипова, бросился въ сабли на Бирена и завязалъ съ нимъ жестокій бой, стараясь одолѣть его непрерывными аттаками всей своей громады. Но Густавъ, мужественно отразивъ всѣ нападенія, одержалъ верхъ и заставилъ Излума отступить на пушечный выстрѣлъ ([76]). Затѣмъ Густавъ Биренъ принималъ съ измайловскимъ баталіономъ дѣятельное участіе въ бою 8 іюля на р. Са-

---

([72]) Mémoires historiques etc. etc. , par général de Manstein. p, 221.

([73]) Записки Марковича. II. 41

([74]) „Рандеву — объясняетъ С. Тучковъ — терминъ тактическій, слово французское *собраніе*: означаетъ мѣсто и время, назначенное для собранія арміи или какого либо войска.“ См. Военный словарь, соч. Г. М. С. Тучкова. Москва. 1818, ч. II стр. 102.

([75]) Исторія лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, соч. Карцова. С. Петербургъ, 1854. ч. II. стр. 432

([76]) Истор. обозр. л.-гв. изм. п. Висковатова, стр. 30—31. Ист. сем. п. Карцова, II. стр. 434—435.

врани; былъ со всею гвардіею въ дѣлахъ 23 и 26 іюля, между рѣками Бѣлочищемъ и Молочищемъ; подвигался, въ общемъ составѣ арміи, на пушечный выстрѣлъ къ р. Днѣстру и, послѣ отступленія, предпринятаго отсюда Минихомъ 26 іюля, сражался въ головѣ гвардіи, съ Татарами у р. Бѣлочища; потомъ, переправившись обратно за Каменку, Бугъ, и, въ Каневѣ, за Днѣпръ, осенью, отвелъ гвардію на прошлогоднія квартиры, а самъ, такъ же, какъ *всѣ* штабъ-офицеры его отряда, немедленно уѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ 5 ноября ([77]).

Не видно, однако же, чтобъ Густавъ Биренъ получилъ за Днѣстровскій походъ какую нибудь награду, слѣдовавшую ему по всей справедливости. Это, быть можетъ, происходило и оттого, что самый походъ понимался всѣми за очень неудачный и значительно предубѣждалъ общее мнѣніе противъ Миниха, котораго едва ли не голословно оправдываетъ въ своихъ Запискахъ сынъ его, говоря объ этомъ походѣ, что «хотя на ономъ никакихъ новыхъ завоеваній не пріобрѣтено, однако Россійскій солдатъ, при славѣ своей за пріобрѣтенную храбрость и при спокойномъ духа расположеніи, сохраненъ и сей разъ совершенно ([78])». Но, не смотря на неудачу 1738 г., Турецкіе походы, отяготительные для войска и малополезные для государства, не должны еще были прекратиться. Этого требовали и самолюбіе Миниха, и виды герцога Бирена, и просьба Австрійскаго императора, союзника Россіи, наконецъ, даже дѣйствительная необходимость для самой Россіи — принудить Турокъ къ миру прежде, нежели послѣдуетъ разрывъ съ Швеціею, становившійся неизбѣжнымъ. Слѣдовательно, Густаву Бирену, несмѣняемому начальнику гвардейскаго походнаго отряда, неминуемо предстояли новые бранные подвиги, въ ожиданіи которыхъ онъ, по своему обыкновенію, всецѣло предался увлеченію самыми дробными мелочами полковаго быта.

Крупнѣйшею между такими мелочами, по возвращеніи Густава Бирена изъ похода 1738, представляется торжественная аудіенція Персидскому посольству, прибывшему тогда въ Петербургъ. Аудиенція эта, назначенная 28 ноября, отозвалась и въ измайловскомъ полку слѣдующими, такъ сказать, домашними, а потому не лишенными интереса, распоряженіями Густава Бирена, объявленными наканунѣ: «Завтрашняго числа

([77]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1738 г. № 89.

([78]) Записки Миниха-сына, стр. 127.

гренадерской ротѣ, съ надлежащимъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, во всякой чистотѣ и строевомъ убранствѣ, въ новой амуниціи и въ новыхъ перьяхъ (на шапкахъ), по-полуночи въ 9 часу, быть къ дому Ея Императорскаго Величества. Да быть же: сержантамъ — Павлову, Левашову, Ракитину, Козлову; каптенармусамъ — Тютчеву, Пожогину-Отрошкевичу; подпрапорщику Москотиньеву. И какъ гренадерской ротѣ, так и онымъ унтеръ-офицерамъ, явиться Л.-Гв. преображенскаго полка у г. маіора Альбрехта. Да 6-й роты солдатамъ: Ѳедору Николину, Алексѣю Долгому, Пахому Серебрякову, 3-й роты гренадеру Степану Ложникову приказать явиться завтра, по-полуночи въ 7-мъ часу у г. гофъ-маршала и кавалера Шепелева въ канцеляріи, *которые будутъ въ гайдуцкомъ платьѣ*. Да выбрать для онаго строю, изъ солдатъ въ комплектъ въ гренадерскую роту: изъ 6-й роты—князя Кугушева, изъ 8-й роты—Пароена Саламатова, изъ 2-й роты Антипа Чернова, Алексѣя Куранова изъ 3-й — Василья Пуговлина, изъ 5-й — Карпа Литвинова изъ 9-й —Ѳому Овсянникова, *которымъ быть въ парадѣ въ гренадерской ротѣ*. И для онаго жъ строю изъ всего полковаго развода гренадерокъ смѣнить мушкетерами сего числа. А при гренадерской ротѣ завтра въ парадѣ быть гг. оберъ-офицерамъ: капитану-поручику Кнутову; поручику князю Барятинскому, подпоручику Боку, прапорщику барону фонъ Мейендорфу, унтеръ-офицерамъ и капраламъ, которые къ оной ротѣ опредѣлены, да сержанту Юрасовскому (79).» Мы нарочно привели всѣ эти подробности, чтобъ показать, какъ и въ доброе старое время морочили публику, переодѣвая, на казусные случаи, солдатовъ гайдуками, мушкетеровъ гренадерами и т. п.

20 февраля 1739 г., въ Петербургѣ игралась при дворѣ свадьба камергера Миниха, сына фельдмаршала, съ фрейлиною Менгденъ, и Густавъ Биренъ участвовалъ въ свадебномъ кортежѣ, слѣдуя, съ фельдмаршаломъ Ласси, въ каретѣ подъ № 10 (80). Затѣмъ, Густавъ Биренъ, ранней весною, выѣхалъ изъ Петербурга, чтобъ во время поспѣть къ своему походному гвардейскому отряду, расквартированному въ Малороссіи.

Планъ кампаніи настоящаго года состоялъ, въ томъ, чтобы, не подвергая арміи прежнимъ изнурительнымъ движеніямъ по безводнымъ сте

(79) Подлин. акты арх. л.-гв. Изм. п., Приказный Журналъ 1738 г.
(80) Церемоніальный Журналъ 1739 г.

пямъ, дойти къ Хотину, взять его, и потомъ, соображаясь съ дѣйствіями Австрійцевъ, перенести театръ войны въ Молдавію. Въ силу этаго, баталіоны гвардейскаго отряда, 14 апрѣля, начали порознь подниматься съ зимнихъ квартиръ, 2 мая соединились въ Броварахъ, 4 мая, отрядомъ съ церемоніею, вступили въ Кіевъ и, войдя въ общій составъ арміи, расположились съ нею лагеремъ въ урочищѣ Глевахахъ, по Васильковской дорогѣ, гдѣ простояли нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ Густавъ Биренъ неустанно муштровалъ свой отрядъ экзерциціями и съ любовію входилъ во всѣ подробности фронтоваго образованія. Въ іюнѣ Минихъ повелъ всю армію къ Бугу, чрезъ который Густавъ Биренъ переправился съ гвардіей, 22 числа, въ Менджибожѣ, и слѣдовалъ далѣе къ Днѣстру, направляясь на Хотинъ. Это движеніе продолжалось до 10 іюля, когда было получено извѣстіе о сосредоточеніи у Хотина арміи Бендерскаго сераскира, — вслѣдствіе чего, Минихъ оставилъ Румянцева съ 28 т., идти нѣсколько времени по прежнему къ Хотину, а самъ, отдѣливъ въ свою личную команду двадцати-тысячный отрядъ, въ томъ числѣ Густава Бирена съ гвардіею, быстро повернулъ къ Синковицамъ и немедленно перешелъ Днѣпръ, къ изумленію сераскира, свѣдавшаго о Миниховой переправѣ 10 дней спустя. На другой день, 11 іюля, гвардія приносила благодарственное молебствіе за счастливо совершенную переправу; 18 іюля находилась уже въ хорошо укрѣпленномъ лагерѣ у Синковицъ, а 22 іюля, когда сюда же явился Кончакъ-паша, съ 20 тыс. Турковъ и напалъ на фуражировъ, «лейбъ-гвардія — пишетъ Нащокинъ — отъ арміи пришедъ въ сикурсъ имъ, въ жестокой бой вступила, и происходила съ обѣихъ сторонъ баталія, при которомъ случаѣ уронъ не малой на обѣ стороны былъ» ([81]). Въ Синковицкомъ лагерѣ Минихъ стоялъ до 3 августа, и для дальнѣйшихъ дѣйствій раздѣлилъ здѣсь всю армію на три колонны, при чемъ Густавъ Биренъ, съ гвардіею, былъ назначенъ въ «корде-баталь» или центральную. 5-го августа всѣ три колонны арміи двинулись изъ Синковицъ и пошли, валашскими деревнями, къ Хотину; а 14 августа дано знать Миниху, что вся 90 тысячная турецкая армія Вели-паши, оставившая свой лагерь тоже 5 августа, оказывается у д. Ставучанъ, въ 6 верст. впереди Хотина. Получивъ это извѣстіе, Минихъ 15 августа, отдалъ, въ приказѣ по войскамъ, что: «зав-

---

([81]) Зап. Нащокина, стр. 55.

трашняго числа армія, призывая Бога въ помощь, неотмѣнно вступить противъ непріятеля,»—почему многіе, заранѣе приготовляясь къ смерти пріобщились св. тайнъ. На завтра, у р. Жулика, безчисленныя толпы Вели-паши, дѣйствительно, начали со всѣхъ сторонъ напирать на двигавшуюся армію, завязали съ нею жестокую перестрѣлку, держали ее весь день въ ружьѣ и были отогнаны не ранѣе, какъ къ вечеру.

Увѣренный въ близости рѣшительнаго боя, Минихъ, тотчасъ же по отогнаніи нападавшихъ, произвелъ рекогносцировку и, замѣтя, что правый флангъ крѣпкой непріятельской позиціи слабѣе другихъ пунктовъ, основалъ на этомъ всѣ свои дальнѣйшія соображенія. 17 августа, Густавъ Биренъ и Левендаль, посланные Минихомъ, повели фальшивую аттаку на слабый турецкій флангъ. Вели-паша, воображая эту атаку дѣйствительною, тотчасъ же стянулъ къ угрожаемому флангу почти всѣ свои силы, и тѣмъ, разумѣется, ослабилъ другіе крѣпкіе пункты своей позиціи. Этого-то и нужно было Миниху: пока Густавъ Биренъ и Левендаль отбивались отъ турецкихъ полчищъ, что однако же продолжалось до полудня, фельдмаршалъ, имѣя противъ себя несильный отрядъ, успѣлъ гдѣ нужно, навести мосты, набросать фашинника, однимъ словомъ, облегчить себѣ всѣ способы къ достиженію задуманной цѣли. Въ надлежащее время, Минихъ подалъ сигналъ — и всѣ русскія колонны, устремясь по мостамъ и фашиннику въ турецкіе окопы, начали занимать пункты, оставленные непріятелемъ. Обманутый Вели-паша живо смекнулъ неисправимость своей ошибки и яростно бросился на гвардію, желая выместить на ней свою досаду; но Густавъ Биренъ, имѣя всего три тысячи людей, выдержалъ натискъ и, по отступленіи Вели-паши къ Ставучанской горѣ, ключу турецкой позиціи, долго еще бился съ 13 тысячами озлобленныхъ янычаровъ. Тѣмъ временемъ, Минихъ, съ главными силами, уже поднимался на Ставучанскую гору, достигнулъ вершины ея, и тамъ нашелъ непріятельскій лагерь покинутымъ, потому что вся турецкая армія бѣжала въ ужасѣ, спасаясь кто куда могъ. Къ 7 часамъ вечера непріятеля не существовало, побѣда была полная и стоила Русскимъ баснословно малой потери: семидесяти человѣкъ убитыхъ. Черезъ день, 19 августа Миниху безъ боя сдался Хотинъ, со всѣмъ гарнизономъ и 184 орудіями, а еще черезъ день, 21 августа, къ походной церкви измайловскаго баталіона были выведены въ парадѣ всѣ войска; сюда же были свезены всѣ трофеи, и тутъ отправлено благодарственное молебствіе. Вслѣдъ за этимъ

трофеи и плѣнные сданы Густаву Бирену, который 22 августа выступилъ съ гвардейскимъ отрядомъ въ обратный путь и, везя въ своей каретѣ Хотинскаго пашу, переправился 25 августа черезъ Днѣпръ, а 5 сентября — черезъ Бугъ. Тутъ, въ Меджибожѣ, Густавъ Биренъ нашелъ экстренное порученіе: онъ, по свидѣтельству очевидца, былъ «забавенъ (т. е. занятъ), производя, по ордеру фельдмаршала, слѣдствіе о генералѣ Румянцовѣ, иская худаго его управленія на маршѣ до Днѣстра, черезъ то время, какъ отлучился отъ него фельдмаршалъ и до того, какъ снова соединился» (82). По окончаніи этого слѣдствія, Густавъ Биренъ, 10 сентября, отпустилъ домой состоявшихъ при немъ бунчуковыхъ товарищей малороссійскихъ полковъ; потомъ, въ Кіевѣ, сдалъ трофеи и плѣнныхъ; оттуда пошелъ къ Нѣжину, не доходя котораго поручилъ начальствованіе гвардейскимъ отрядомъ Семеновскому маіору Стрѣшневу, а самъ, 25 октября, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ великія приготовленія къ празднованію мира съ Турками, подписаннаго, 7 сентября, въ Бѣлградѣ.

Не безъ пріятности слѣдя за всѣми этими приготовленіями, и лично участвуя въ нѣкоторыхъ, Густавъ Биренъ и самъ готовился къ собственному тріумфу, который ожидалъ его въ тотъ день, когда состоится парадное вступленіе въ Петербургъ гвардейскаго походнаго отряда, уже приближавшагося къ столицѣ. Послѣднее обстоятельство требовало, однако же, личнаго присутствія Густава при вверенной ему части, и онъ въ половинѣ января 1740 г., отправился на встрѣчу измайловскаго баталіона, нашелъ его въ Новгородѣ, слѣдовалъ съ нимъ отсюда, по маршруту, до Петербурга, при чемъ почти ежедневно или списывался съ генераломъ Ушаковымъ, заготовлявшимъ въ столицѣ помѣщеніе для возвращающейся гвардіи, или — «ордировалъ» измайловскаго маіора Чернцова предписаніями о высылкѣ баталіону разныхъ предметовъ обмундированія и вооруженія, требуя, между прочимъ, и двухъ пудовъ тридцати фунтовъ пудры (83). 25 января, измайловскій баталіонъ прибылъ, наконецъ, въ Московскую Ямскую, здѣсь посвятилъ весь слѣдующій день приведенію себя въ надлежащій внѣшній видъ, и 27 января состоялось вождѣленное для Густава Бирена «вшествіе» — слѣдующимъ порядкомъ:

---

(82) Зап. Марковича. ч. II, стр. 89 — 90.

(83) Стоила тогда по 4 к. фунтъ.—См. подл. ак. арх. л.-гв. Изм. п. Книга: Коммисаріатская часть походнаго баталіона въ 1740 г.

1) Заводныя лошади офицеровъ конной гвардіи.

2) Конная гвардія съ штандартомъ, литавршикомъ и трубачами.

3) Экипажъ штабъ-офицеровъ: а) гвардіи маіора Стрѣшнева— шталмейстеръ верхомъ; заводныя лошади; карета цугомъ, походная коляска, голубаго сукна, цугомъ же; б) генералъ-маіора и гвардіи маіора Апраксина—шталмейстеръ верхомъ; три заводныя лошади; карета цугомъ, съ двумя пѣшковыми гайдуками по бокамъ; походная коляска краснаго сукна, цугомъ же; в) отряднаго начальника генералъ-лейтенанта, гвардіи подполковника и генералъ-адъютанта барона Густава Бирена—шталмейстеръ верхомъ; шесть заводныхъ лошадей; карета цугомъ, съ двумя форрейторами впереди и двумя пѣшковыми гайдуками по бокамъ; полевая коляска цугомъ; «покоевая» коляска, краснаго сукна, шестерикомъ.

4) Заводныя лошади адъютантовъ Бирена и другихъ штабъ-офицеровъ отряда.

5) Полковая артиллерія, подъ командою гвардіи от-бомбардиръ поручика. Въ замкѣ бомбардиръ-сержантъ.

6) Измайловскій квартермистръ Соколовъ, верхомъ.

7) Ротные квартермистры, съ ротными значками, пѣшкомъ.

8) Адъютантъ Апраксина, Родіоновъ, верхомъ.

9) Полковые адъютанты, измайловскій Гагемейстеръ и преображенскій князь Путятинъ, верхомъ.

10) Генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ Апраксинъ, верхомъ.

11) Двѣ его заводныя лошади.

12) Гвардейскія гренадерскія роты въ полномъ составѣ.

13) Два хора музыкантовъ.

14) Оберъ-квартермистръ Григорьевъ, верхомъ.

15) Адъютанты Бирена, Лупинъ и Адеркасъ, верхомъ.

16) Въ должности адъютанта измайловскій поручикъ Пальменбахъ, верхомъ.

17) Начальникъ отряда, генералъ-лейтенантъ, гвардіи подполковникъ и генералъ-адъютантъ баронъ Густавъ Биренъ, верхомъ, съ двумя пѣшковыми скороходами по бокамъ и верховыми пажами и егерями сзади.

18) Гвардейскіе баталіоны.

19) Адъютантъ гвардіи маіора Стрѣшнева, Пырскій, верхомъ, — и

20) Гвардіи-Маіоръ Стрѣшневъ, верхомъ ([84]).

([84]) С.-Петербургскія вѣдомости 1740 г. N 10.

«День этотъ — пишетъ Висковатовъ—какъ и вообще вся зима того года, былъ чрезвычайно холодный; но, не смотря на жестокую стужу и на сильный пронзительный вѣтеръ, стеченіе народа на назначенныхъ для шествія гвардіи улицахъ было огромное» ([85]). Войска входили съ музыкою и развернутыми знаменами, «штабъ и оберъ-офицеры—будемъ говорить словами очевидца и участника Нащокина—такъ какъ были въ войнѣ, шли съ ружьемъ, со примкнутыми штыками; шарфы имѣли подпоясаны; у шляпъ сверхъ бантовъ за поля были заткнуты кукарды лавроваго листа, чего ради было прислано изъ дворца довольно лавроваго листа для дѣланія кукардовъ къ шляпамъ: ибо въ древнія времена Римляне, съ побѣды, входили въ Римъ съ лавровыми вѣнцы, и то было учинено въ знакъ того древняго обыкновенія, что съ знатною побѣдою надъ Турками возвратились. А солдаты такія жъ за полями примкнутыя кукарды имѣли, изъ ельника связанныя, чтобы зелень была» ([86]). Пройдя весь Невскій проспектъ, шествіе направилось къ зимнему дворцу, слѣдовало по дворцовой набережной, мимо пресловутаго Ледянаго дома, и, обогнувъ эрмитажную канавку, выдвинулось на дворцовую площадь. Здѣсь, по внесеніи знаменъ внутрь дворца, нижніе чины были распущены по домамъ, «а штабъ и оберъ-офицеры—повѣствуетъ Нащокинъ—позваны ко дворцу, и какъ пришли во дворецъ, при зажженіи свѣчъ, ибо цѣлый день въ той церемоніи продолжались, тогда Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, въ срединѣ галлереи изволила ожидать, и какъ подполковникъ со всѣми въ галлерею вошедъ, нижайшей поклонъ учинили, Ея Императорское Величество изволила говорить сими словами: «Удовольствіе имѣю благодарить лейбъ-гвардію, что будучи въ Турецкой войнѣ, въ надлежащихъ диспозиціяхъ, господа штабъ и оберъ-офицеры тверды и прилежны находились, о чемъ я чрезъ генералъ-фельдмаршала графа Миниха и подполковника Густава Бирона извѣстна, и будете за свои службы не оставлены.»

«Выслушавъ то монаршее слово, паки нижайше поклонились и жалованы къ рукѣ, и Государыня изъ рукъ своихъ изволила жаловать каждаго венгерскимъ виномъ по бокалу, и съ тѣмъ высокомонаршескимъ пожалованіемъ отпущены» ([87]).

([85]) Ист. обозр. л.-гв. изм. п. Висковатова, стр. 48—49.
([86]) Зап. Нащокина, стр. 61.
([87]) Тамъ же стр. 62.

Это «вшествіе», такъ блистательно показавшее толпѣ особу Густава Бирена, было прелюдіей мирныхъ торжествъ, въ распорядокъ которыхъ, между прочимъ, входила и «куріозная» сватьба придворнаго шута князя Голицына съ калмычкою Бужениновою, отпразднованная въ Ледяномъ домѣ, 6 февраля. Главное же торжество и, вмѣстѣ, объявленіе наградъ совершилось 14 февраля. Само собою разумѣется, что братъ герцога Курляндскаго, преисполненнаго наградами, не могъ быть забытъ. Густавъ Биренъ, командовавшій въ этотъ день парадомъ 20 тысячнаго столичнаго гарнизона, произведенъ въ генералъ-аншефы и получилъ золотую шпагу, осыпанную брилліантами ([88]). Затѣмъ, по самое 18 февраля, не прерывались придворные съѣзды, поздравленія, обѣды, концерты, маскерады, городскія иллюминаціи, наконецъ церковный звонъ и даже высочайшее метаніе въ народъ жетоновъ, сопровождаемое выставкою жареныхъ быковъ, съ золочеными рогами, и фонтановъ бѣлаго и краснаго вина, при мгновенномъ уничтоженіи которыхъ надрывались со смѣха «веселившіеся смотрѣніемъ изъ оконъ дворца» ([89]).

Едва успѣлъ Петербургъ придти въ себя отъ угара, произведеннаго мирными торжествами, какъ уже пошло въ ходъ новое впечатлѣніе—и многія головы задумались, многіе языки заговорили, съ начала въ тихомолку, о распрѣ, возникшей между герцогомъ Курляндскимъ Биреномъ и кабинетъ-министромъ Волынскимъ. Но можно сказать съ увѣренностью, не угоралъ, не задумывался и ровно ничего не говорилъ о происходящемъ новый генералъ-аншефъ,—баронъ Густавъ фонъ-Биренъ. Всегда вѣрный себѣ, онъ почти не принималъ участія во всемъ томъ, что̀ не относилось такъ или иначе къ лейбъ-гвардіи измайловскому полку. Происходило ли это отъ излишняго самоубѣжденія Густава въ незыблемости кредитовъ братняго и своего, или отъ врожденно-болѣзненной страсти его къ строю и темпу, или отъ присущей ему вообще неспособности размышлять, — рѣшить тѣмъ труднѣе, что могло быть и то, и другое, и третье, и все вмѣстѣ. Мы думаемъ, что было все вмѣстѣ. Безъ этого, пожалуй, могло бы остаться совершенно необъяснимымъ, какъ могъ Густавъ Биренъ, въ самый день 14 февраля, послѣ полученія двухъ важныхъ наградъ и въ минуту всеобщаго увлеченія совершающимся торжествомъ, какъ могъ онъ

([88]) С.-Петербургскія вѣдом. 1740 г.

([89]) Примѣчанія къ тѣмъ же Вѣдомостямъ.

думать и писать единственно о томъ, чтобъ офицеры внушали «солдатству нести ружье круто и ногами ступать въ одинъ махъ» (90) или, почти въ то же время, усердно розыскивать на полковомъ дворѣ «достойной, сухой сарай, въ которомъ можно-бъ положить нѣсколько сѣна» (91). Впрочемъ, все это еще болѣе объясняется — и, добавимъ, оправдывается — безкорыстною, дѣйствительно-слѣпою привязанностію Густава къ своему полку и тѣми дѣтскими, нетронутыми понятіями, которыя имѣлъ онъ о недосягаемой, по его мнѣнію, высотѣ и неизреченныхъ достоинствахъ фронтоваго образованія вообще. И мы почти понимаемъ положеніе бѣднаго Густава Бирена, когда у него, въ самый разгаръ дѣла Волынскаго, была одна всепоглощающая забота: строеніе полковой слободы; и онъ, равнодушный ко всему остальному, страдалъ душою отъ очевидно-физической невозможности согласить двѣ одинакія необходимости: выгонять ежедневно на тяжелую, 10-ти часовую работу по 400 чел. съ полка—и «всемѣрно обучать роты, гдѣ которой способнѣе» (92). Слѣдовательно, если и могъ Густавъ Биренъ сколько нибудь интересоваться общеинтереснымъ дѣломъ Волынскаго, то не иначе, какъ со стороны собственно-полковыхъ воззрѣній и въ видахъ облегченія собственно-строеваго горя. Такъ, дѣйствительно, оно и было. Выждавъ время и зная, что Волынскій уже арестованъ, Густавъ отнесся куда слѣдуетъ съ оффиціальной просьбой: отпустить измайловскому полку, заимообразно для строенія слободы, бревна, цѣною на 560 руб., занесенныя Конюшенною Конторою про звѣровый дворъ, и, подъ шумокъ получилъ желаемое (93), чего при Волынскомъ, оберъ-егермейстерѣ и, слѣдовательно, начальникѣ Конюшенной Конторы съ ея звѣровыми дворами, Густавъ, навѣрное не добился бы. Въ другомъ случаѣ, касавшемся не бревенъ, а людей, но тоже имѣвшемъ мѣсто, благодаря дѣлу Волынскаго, Густавъ Биренъ, кромѣ того, что получилъ желаемое, могъ свободно, рѣзко и офиціальнымъ образомъ вы-

---

(90) Подл. акты л.-гв изм. п., книга: Приказный журналъ 1740 г.

(91) Тамъ же, книги: Ордера квартирмейстру 1740 г см. 28 февр.

(92) Подл. акты арх. л.-гв. изм. п., книга: Приказный журналъ 1740 г. см. 14 мая.—Густавъ Биренъ безпрестанно отдавалъ приказы объ „экзерзиціяхъ,“ которыя приказывалъ производить и „въ погожіе дни“ и „въ нынѣшнее благополучное время,“ наблюдая при этомъ, чтобы „солдатство дѣлали ровно, били руками крѣпко, стояли бодро“ и проч.

(93) Тамъ же, книга: Входящія бумаги 1740 г. см. промеморіи изъ Конюш. и Егермейстер. Конторъ, 4 мая.

сказать вещи, давно уже лежавшія на его командирскомъ сердцѣ,—и высказать человѣку, который, сильно подозрѣвался въ сотовариществѣ съ Волынскимъ, самъ былъ наканунѣ своего несчастія и, разумѣется, могъ только слушать и исполнять, но не возражать. Мы говоримъ о письмѣ Густава Бирена къ тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину, отъ мая 1740 г. Вотъ это письмо.

«Превосходительной господинъ тайный совѣтникъ и кавалеръ,

Государь мой

Платонъ Ивановичъ.

Понеже между прочими лейбъ-гвардіи полками Измайловскаго, въ прошломъ 1738 году, командировано въ Канцелярію Канфискаціи солдатъ три человѣка для посылокъ здѣсь задолжниками, да три человѣка для посылки въ губерніи и провинціи о взятіи вѣдомостей собираемымъ доходамъ съ отписныхъ и выморочныхъ имѣній, изъ которыхъ первые три человѣка перемѣняются посылкою отъ полку въ ту канцелярію и донынѣ, а изъ другихъ трехъ одинъ, Тыртовъ, предъ нѣсколькимъ временемъ къ полку возвратился, другой, Пелидовъ, на Вологдѣ умре, и мундиръ его безвѣдома полковаго, чего не надлежало, отданъ его наслѣдникамъ; а третій, Жуковъ, засланъ, и нынѣ живъ ли или нѣтъ невѣдаю: извѣстиоль Канцеляріи Канфискаціи, а въ полку неизвѣстно. Канцелярія Канфискаціи состоитъ въ дирекціи вашего превосходительства, а по сему имѣю честь о томъ къ вамъ писать. Для той посылки въ губерніи даны изъ гвардіи солдаты по представленію вашего превосходительства, и слѣдовательно для нужнаго и скорѣйшаго отправленія дѣлъ Ея Императорскаго Величества, а не для того, чтобъ они засланы и вовсе забыты были, какъ помянутой Жуковъ, въ три года не привезъ вѣдомости. А когда чрезъ столько лѣтъ вѣдомости не сдѣлано, то на исполненіе самого дѣла и сроку положить, чаю, невозможно. И видимо нужда была людей изъ такой анатной команды только взять, а не нужда, получа ихъ, попечительно объ нихъ памятовать, достойному ими командовать велѣть и, скоро исправя дѣло, по прежнему ихъ возвратить. Оставляю распространять и о адъюнктахъ, что они не по чести гвардіи дѣло свое имѣютъ, но силошь, какъ разсыльщики, отъ подъячихъ посылаемы бываютъ иногда за такими дѣлами, какоебъ и сторожъ канфискацкій исправить могъ. Однако моя должность не во что вступаться, какъ только объ одномъ, чтобъ люди безъизвѣстно не пропадали. И что одинъ изъ вышеписанныхъ въ три года къ

полку невозвращенъ, о томъ я хотя необходимо имѣю доносить Ея Императорскому Величеству, однакожь прежде долженъ получить отъ вашего превосходительства извѣстіе: 1) оной невозвратившейся гдѣ нынѣ, и какая государственная нужда тако долголѣтно его во отлученіи содержитъ, 2) съ умершаго на Вологдѣ оставшей мундиръ и амуниція, которой въ противность регулу отданъ его наслѣднику, чего ради по полковому требованію понынѣ не отысканъ и въ полкъ не присланъ, 3) въ здѣшнихъ, кои для посылокъ при канфискаціи обрѣтаются, если столько нужды, къ какой гвардіи въ службу употреблять и долголѣтно неокончанной быть; или уже доколѣ канфискація будетъ, разсыльщиками при ней изъ гвардіи быть надлежитъ; а при гвардіи и безъ такихъ постороннихъ дѣлъ въ солдатствѣ имѣются крайнія обстоятельства. Того ради ваше превосходительство покорно прошу о вышеписанномъ приказать меня увѣдомить неукоснительно. Впрочемъ пребываю

вашего превосходительства, государя моего
покорный слуга
Gustaff von Biron (94)

Когда Волынскій погибъ (95), Густавъ Биренъ, разумѣется, еще глубже долженъ былъ увѣровать въ несокрушимую мощь своего брата, герцога, и, полный такой вѣры, самъ неощутительно пріобрѣлъ какой-то требовательный, даже повелительный тонъ, съ которымъ, однакоже, не выдвигался изъ узкой рамки своей, исключительно полковой, сферы. Такъ, напримѣръ, когда о томъ же Волынскомъ «съ товарищи» получилась въ полкъ какая-то бумага, при *указѣ* изъ Тайной Канцеляріи на имя Полковой, Густавъ Биренъ, вовсе не принимая въ уваженіе давнихъ обычаевъ офиціальной переписки, тотчасъ же приказалъ увѣдомить Тайную Канцелярію, чтобы впредь она благоволила относиться въ Измайловскій полкъ не указами, которыхъ принимать не будутъ, а *промеморіями*, какъ уже сносится съ полкомъ Военная-Коллегія, мѣсто высшее Тайной Канцеляріи, «понеже засѣдаютъ генералъ-фельдмаршалы, а не простые

---

(94) Подл. ак. арх. Л. Гв. Изм. п. Книга: Исходящія письма 1740 г.

(95) Недвижимыя имѣнія Волынскаго, казненнаго 27 іюня 1740 г., были отписаны на Ея Величество. Изъ нихъ Клопинскую мызу, въ Копорскомъ уѣздѣ, Императрица пожаловала Густаву Бирену „доколѣ въ службѣ Ея Величества находиться будетъ“. См. Записка объ Артеміи Волынскомъ, въ Чтеніяхъ Импер. Общ. Ист. и Древ. за 1858 г., кн. II, стр. 37.

генералы, какъ господинъ Ушаковъ.» — «Полкъ гвардіи — весьма темно объяснялъ при этомъ Густавъ Биренъ— не подъ именемъ своей канцеляріи зависитъ, но канцелярія подъ именемъ полку обстоитъ, понеже въ ономъ присутствуетъ Ея Величество полковникомъ» (96). Къ чести Густава Бирена замѣтимъ, что онъ не терпѣлъ ни Тайной Канцеляріи, ни Канцеляріи Конфискаціи, и когда могъ, не упускалъ случая дѣлать закавычки начальствамъ этихъ учрежденій. Но за то къ своимъ офицерамъ, которыхъ Густавъ Биренъ не могъ вообразить иначе, какъ вѣчно стоящими во фронтѣ и, повидимому, не понималъ возможности для нихъ всякаго другаго положенія, онъ относился приказами, въ родѣ слѣдующаго: «Понеже извѣстно мнѣ учинилось, что при стоящихъ квартирахъ на С. Петербургскомъ островѣ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка ротахъ ни при которой оберъ-офицера ни одного нѣтъ, а только находятся одни унтеръ-офицеры и капралы, отчего тѣхъ ротъ нетокмо отъ солдатъ, но и отъ ундеръ-офицеровъ и капраловъ непрестанно происходятъ многія непорядки, пьянства, ссоры съ обывателями и прочія продерзости, а страху и воздержанія никакого неопасны, надѣясь, что офицеры живутъ въ отдаленіи и взыскивать некому. Состоящіе въ тѣхъ ротахъ оберъ-офицеры, безсумнѣнія, отговорку имѣютъ ту, что они квартиры нанимаютъ изъ своего кошту, и потому имѣютъ волю нанимать, кто гдѣ похочетъ. Однако всѣмъ извѣстно, что на С. Петербургскомъ островѣ квартиръ наемныхъ сыскать весьма способнѣе и дешевлѣ, нежели здѣсь, на Адмиралтейскомъ или на Васильевскомъ островѣ. Того ради симъ накрѣпко подтверждается, дабы тѣхъ ротъ всѣ оберъ- офицеры *нигдѣ кромѣ С. Петербургскаго острова не стояли*, но конечно обыскалибъ себѣ квартиры на томъ островѣ, и въ самой скорости туда перешли, и былибъ при своихъ ротахъ, имѣя содержаніе своихъ командъ во всякой строгости и въ порядкѣ; дабы отъ солдатства никакихъ продерзостей своевольства происходить не могло, опасая и себя за всякое слабое смотрѣніе тяжкаго отвѣта. — Gustaff von Biron» (97).

Даже на тѣхъ офицеровъ Измайловскаго полка, которые, по обычаю того времени, командировались Высочайшими именными указами въ губерніи, съ порученіями (правда, вовсе не подходящими къ прямому на-

---

(96) Подл. ак. арх. Л. Гв. Изм. п. Книга: Исходящія письма 1740 г.
(97) Тамъ же, книга: Приказный Журналъ 1740 г.; см. Прик. 19 сент.

значенію офицера) Густавъ Биренъ смотрѣлъ по своему и безпрестанно тревожилъ ихъ насылкою ордеровъ, заключавшихъ въ себѣ понужденія: скорѣе оканчивать «что надлежитъ» и ѣхать къ полку. Само собою разумѣется, что понужденія эти строчились болѣе или менѣе грозно, и бѣдняки-офицеры, задерживаемые въ мѣстахъ своихъ командировокъ не собственнымъ произволомъ, а тогдашнимъ распорядкомъ веденія дѣлъ на Руси, становились окончательно въ тупикъ, не зная, какъ имъ поступать и кого слушать. Однимъ изъ такихъ бѣдняковъ былъ, напр., измайловскій капитанъ-поручикъ Автан. Петр. Савеловъ. Посланный съ порученіями прокурорскаго характера въ Бѣлгородъ, Савеловъ пришелъ въ великое смущеніе отъ двухъ, одинъ за другимъ полученныхъ, ордеровъ Густава Бирена и воззвалъ къ своему ретивому до фронтовой службы командиру слѣдующимъ полу-отчаяннымъ «репортомъ,» отъ 13 іюля 1740 г., изъ Бѣлгорода:

«Высокородному и высокопревосходительному господину генералу и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковнику, Ея Императорскаго Величества генералу адъютанту, барону фонъ-Бирону.

всенижайший репортъ.

Вашего высокопревосходительства повелительный вторичный ордеръ, отпущенный изъ Санктпетербурга іюня отъ 18 числа, подъ нумеромъ 544, получилъ въ Бѣлгородѣ, іюля 11, на который изволите повелѣвать: по данной мнѣ комиссіи, въ бытіи моемъ много продолжительнаго времени не втунѣ ли происходитъ. На которое симъ вашему высокопревосходительству всенижайше репортую. По именному Ея Императорскаго Величества указу, и по данной мнѣ отъ правительствующаго сената инструкціи, велѣно три дѣла убійственныхъ, да интересныхъ (т. е. по лихоимству) два, да слѣдственныхъ три изслѣдовать, какъ указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ. А нынѣ изъ правительствующаго сената присланы вновь дѣла: велѣно въ самой же скорости изслѣдовать, и изъ сихъ вышереченныхъ дѣлъ, по окончаніи, велѣно учинить екстракты, и тѣ екстракты прислать въ правительствующій сенатъ. А на выше упоминаемыя дѣла представлено отъ меня многими доношеніями въ правительствующій сенатъ. И на тѣ доношенія никакого указа не получилъ. А не окончивъ по комиссіи слѣдствія по онымъ дѣламъ, ѣхать мнѣ безъ указу не можно. А командированные со мною капралъ и солдаты — и оные употребляются для разныхъ посылокъ въ города, для скорѣйшихъ

справокъ и понужденія въ ту слѣдственную комиссію, и въ безпрестанныхъ трудахъ они находятся. И до окончанія всѣхъ вышеупоминаемыхъ дѣлъ, мнѣ исправиться безъ нихъ невозможно. А я, со всевозможностію моею, безпрестанно изъ комиссіи не выхожу, и трудъ свой неусыпно имѣю. А какъ скоро возможно окончены тѣ дѣла быть имѣютъ, то, не упустя ни малаго времени, въ Санктпетербургъ отправлюсь. Капитанъ-поручикъ Автаномъ Савеловъ.» Для того же, чтобъ усилить ожидаемое впечатлѣніе своего оффиціальнаго «репорта», Савеловъ приложилъ къ нему еще частное письмо, въ заключеніи котораго онъ обращается къ Густаву Бирену такъ: «Я вашего высокопревосходительства всепокорнѣйше прошу не лишить меня вашей высокой милости, и дабы вашимъ высокомилостиваго государя предстательствомъ отсюда взятъ я былъ къ полку, а по комиссіи мои дѣла поручить изслѣдствіемъ окончать новоприбывшему сюда вице-губернатору князю Друцкому (98). А по той комиссіи дѣла надлежатъ и по губернской канцеляріи, и къ скорѣйшему рѣшенію, изслѣдствію и окончанію могутъ оныя приведены быть. За что я о здравіи вашего высокопревосходительства, высокорожденной фамиліи высокомилостиваго государя, вѣчно, до моего гроба, долженъ Господа молить» (99).

Но все это не вело ровно ни къ чему: изъ дальнѣйшей переписки Густава Бирена съ Савеловымъ и подобными ему видно, что Густавъ Биренъ, съ самой остзейскою аккуратностью, раза два въ мѣсяцъ, писалъ каждаго изъ командированныхъ измайловскихъ офицеровъ однимъ и тѣмъ же запросомъ: «не втунѣ-ли происходитъ у него многопродолжительное время» и скоро ли соберется онъ «ѣхать къ полку»?

Такая узкая односторонность взглядовъ Густава Бирена не исключала въ немъ, однакоже, ни присутствія мягкихъ, до извѣстной степени, свойствъ; ни, даже, способности къ нѣжнымъ ощущеніямъ сердца, хотя и то и другое, вслѣдствіе психической аномаліи (встрѣчаемой иногда и въ наше время) постоянно уступало у Густава первое мѣсто насущнымъ для него вопросамъ полковаго быта, даже самымъ мелочнымъ, и могло

---

(98) Князь Данило Андреевичъ Друцкой назначенъ вице-губерн. въ Бѣлгородъ изъ капитановъ Л. Гв. Измайловск. полка. (Дѣдъ поэта Херасковa? *П. Б.*)

(99) Подлин. акты арх. л. гв. Изм. п., книга: Отставнаго повытья объ отлучныхъ чинахъ полка 1740 г.

выникать наружу только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти вопросы или по чему нибудь вовсе не являлись на сцену или, почему нибудь же, разрѣшались съ точки зрѣнія самаго Густава. Видя, напримѣръ, что съ полученіемъ конюшенно-егермейстерскихъ бревенъ строеніе полковой слободы пошло скорѣе; успокоенный, къ тому же, присылкою въ полкъ казенныхъ вещей рядоваго, умершаго на Вологдѣ; еще болѣе удовлетворенный, наконецъ, готовностію отпускныхъ солдатъ дворянъ ставить за себя къ строенію слободы по 2 и по 3 рабочихъ изъ собственныхъ крестьянъ — что̀ давало возможность «всемѣрно обучать роты», — Густавъ Биренъ настроился благопріятно для нѣжныхъ ощущеній, увлекся прелестями фрейлины Якобины Менгденъ, рѣшился, вслѣдствіе этого, прекратить свое вдовство и въ сентябрѣ 1740 г., торжественно обручился съ Якобиною. Въ жизни Густава, эта пора была, конечно, самая пріятная. Все тогда ему улыбалось. Человѣкъ далеко еще не старый, но уже генералъ-аншефъ, гвардіи подполковникъ и генералъ-адъютантъ, Густавъ Биренъ стоялъ въ числѣ любимцевъ своей Государыни и, будучи роднымъ братомъ герцога, котораго единственно трепетала вся Россія, не боялся никого и ничего; имѣлъ къ тому же прекрасное состояніе, унаслѣдованное отъ первой жены и благопріобрѣтенное отъ Высочайшихъ щедротъ; пользовался всеобщимъ расположеніемъ, какъ добрякъ, не дѣлавшій никому зла; едвали, что̀ всего дороже, могъ укорить себя въ какомъ нибудь безчестномъ поступкѣ; наконецъ, въ качествѣ жениха любимой женщины, видѣлъ къ себѣ привязанность невѣсты, казавшуюся страстною. Чего недоставало невѣжественному и ограниченному Густаву Бирену, нѣкогда курляндскому разночинцу и, десять дѣтъ назадъ, голяку-капитану голодавшихъ польскихъ панцырниковъ? Онъ ли не могъ расчитывать на долгое и безмятежное пользованіе благами жизни и случая? Вышло, какъ увидимъ, не такъ.

Внезапная болѣзнь императрицы, въ началѣ октября 1740 г., смутила всѣхъ Биреновъ прежде и больше, чѣмъ кого нибудь. Густавъ Биренъ смущался, во первыхъ, потому что былъ искренно преданъ императрицѣ, а во вторыхъ — доходили до него всеобщіе толки о невыгодахъ состоявшагося тогда объявленія двухъ-мѣсячнаго младенца наслѣдникомъ Всероссійскаго престола, толки, которые Густавъ старался унять, по крайней мѣрѣ, въ своемъ Измайловскомъ полку и отдалъ приказъ, чтобы всѣ чины «отъ всякихъ непристойныхъ разговоровъ имѣли воздержа-

ніе» (100). Свадьба Густава, разумѣется, была пріостановлена. Болѣзнь Государыни развивалась съ опасною быстротою, и 17 октября, вечеромъ императрица Анна Ивановна скончалась.

Потерявъ свою благодѣтельницу, Густавъ Биренъ, утромъ 18 октября, собралъ на своемъ дворѣ «для нѣкотораго объявленія» весь Измайловскій полкъ и, присягая съ нимъ преемнику покойной Государыни, Всероссійскому Императору Ивану Антоновичу, лежавшему еще въ колыбели, присягалъ, именно по этому случаю, и брату своему, герцогу Курляндскому Эрнсту-Іоганну Бирену, назначенному до совершеннолѣтія его величества — регентомъ Всероссійской Имперіи.

Въ тотъ же день, Густавъ Биренъ приказалъ на всѣхъ улицахъ расположенія полка выставить ротные пикеты — что сдѣлано и прочею гвардіею — и потребовалъ къ себѣ 13 человѣкъ полковыхъ портныхъ: потому что онъ, въ качествѣ особы втораго класса, долженъ былъ не только самъ облечься немедленно въ глубокій трауръ, но, на время «перваго квартала», облечь онымъ и всю свою прислугу, лошадей, упряжь, экипажи, наконецъ — одну изъ комнатъ собственнаго дома (101).

За тѣмъ, не принимая ни малѣйшаго участія въ извѣстныхъ передрягахъ эпохи Регентства, Густавъ Биренъ испытывалъ едва ли не одно только непріятное. То, напримѣръ, узналъ онъ изъ донесенія Измайловскаго полковаго коммиссара, что казенныя вещи, хранившіяся на полко-

---

(100) Тамъ же, книга: Приказный Журналъ 1740 г., см. приказъ 11 октября.

(101) Въ „Объявленіи изъ печальной коммиссіи, какимъ порядкомъ по Ея Императорскомъ Величествѣ трауръ во весь годъ быть имѣетъ“ въ 13 пунктѣ значилось: „Мужескія персоны 1 и 2 классовъ въ первомъ кварталѣ платья имѣютъ носить: кафтаны суконные безъ шишекъ, съ четырьми пуговицами сукномъ обшитыми, и на камзолахъ пуговицы такіижъ до пояса; и на опашлатахъ вверху плюрезы шириною въ 1½ вершка, а на рукавѣ камзола плюрезы шириною въ ½ вершка, а у плюреза, чтобъ шовъ былъ въ ¼ плюреза; на шляпахъ висящій короткій флеръ, шпаги обшитыя чернымъ сукномъ, чулки гарусные, башмаки замшаные, пряжки черныя, рубашки безъ маншетъ, напередъ завязанные галстухи; кареты и сани обитыя чернымъ безъ гербовъ, шоры и хомуты обшитыя чернымъ, на лошадяхъ печальныя попоны длиною отъ земли 6 вершковъ; лакеямъ ливрея черная, безъ лентъ, пуговицы до пояса; въ домахъ обивать чернымъ по одной камерѣ.“

вомъ Калинкиномъ дворѣ, «отъ поядения мышами зѣло опасны» ([102])— и приходилъ въ ужасъ отъ такого извѣстія; то получалъ безпрерывныя предписанія объ усиленіи караула, наряжаемаго въ застѣнки Тайной Канцеляріи, куда, наконецъ, велѣно было посылать «сколько, по справкѣ, нужнымъ окажется» ([103])—и крайне негодовалъ за такой расходъ людей, на который Густавъ вообще былъ скупъ; то, какъ на зло ему, издавался указъ, повелѣвавшій: «отъ времени представленія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества, считая впредь четверть года, въ С.-Петербургѣ никакихъ свадебъ не вѣнчать и о томъ во всѣхъ церквахъ тотчасъ съ запрещеніемъ объявить» ([104]). — Густавъ, въ качествѣ счастливаго жениха, конечно, находилъ въ этомъ указѣ нѣкоторыя для себя неудобства. Вся польза, которую Густавъ Биренъ успѣлъ извлечь изъ непомѣрнаго возвышенія своего брата, ограничилась — возможностію отвѣчать Конюшенной Конторѣ, приступавшей съ требованіемъ денегъ за бревна, что «оныхъ денегъ, безъ указа, изъ полку плачено не будетъ, о чемъ въ оной конторѣ благоволятъ быть извѣстны» ([105]); а все развлеченіе его состояло въ удовольствіи обучать унтеръ-офицеровъ «порядочному хожденію при взводахъ и пріемамъ алебардами» ([106]). И нѣтъ ничего мудренаго, если, не въ духѣ отъ всего этого, добрякъ Густавъ окончательно сбивался съ панталыку и отдавалъ нелѣпые приказы, въ родѣ слѣдующаго: «понеже поручикъ Кочетовъ заболѣлъ, то подпоручику Чирикову, *хоша онъ тоже репортуется больнымъ*, всеконечно идти за Кочетова въ караулъ» ([107]), или странные, какъ этотъ: «офицерамъ зарѣчныхъ ротъ на сію (Адми-

---

([102]) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Часть Коммиссарская. Исходящія бумаги 1740, см. рап. Ильина отъ 20 октября.

([103]) Караулъ въ Тайную Канцелярію, наряжаемый изъ гвардейскихъ полковъ, состоялъ обыкновенно изъ 1 оберъ-офицера (чаще прапорщика), 2 унтеръ-офицеровъ, 3 капраловъ и 100 чел. рядовыхъ. Но въ дни Регентства, когда пыточные застѣнки были полнехоньки, обычнаго караула оказывалось недостаточнымъ, и къ нему, 22 октября, велѣно прибавить еще 30 чел., 24 октября еще 10 чел., а 2 ноября, — сколько понадобится. — Изъ дѣлъ арх. Л. Гв. Изм. п.

([104]) См. указъ 4 ноября 1740 г., въ т. X. П. С. З. изд. 1830.

([105]) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Исходящія Письма, 1740 г., см. 4 ноября.

([106]) Тамъ же, Книга: Приказный Журналъ 1740 г., см. прик. 5 ноября.

([107]) Тамъ же, прик. 25 октября.

ралтейскую) сторону Невы безъ позволенія отнюдь не отлучаться» (108). Впрочемъ, передъ исходомъ эпохи Регентства, младшему брату регента наклевывалось было занятіе, которое начинало уже примирять Густава съ дѣйствительностію и, впослѣдствіи, могло бы увлечь его совершенно. Мы говоримъ о передѣлкѣ солдатскихъ шляпъ въ *картузы*, съ зеленою верхушкою и красными опускными полями, изобрѣтенные герцогомъ-регентомъ, «для лучшей солдатству теплоты и покою» (109). Но едва Густавъ, одушевляемый обычнымъ усердіемъ своимъ и такою же пунктуальностію, успѣлъ втянуться въ это картузное дѣло, какъ стряслась бѣда надъ самимъ изобрѣтателемъ—и, въ ночь на 9 ноября 1740, герцогъ-регентъ утратилъ и власть и свободу.

Въ ту же самую, злополучную для Биреновъ, ночь, къ красивому дому Густава, на Милліонной, рѣзко отличавшемуся отъ другихъ изящнымъ балкономъ на четырехъ коллоннахъ сѣраго и чернаго мрамора (110), пришло капральство Преображенцевъ, предводимое Миниховымъ адъютантомъ, подполковникомъ Манштейномъ. Исполняя приказаніе своего генерала, Манштейнъ побывалъ уже въ Лѣтнемъ дворцѣ (111), отыскалъ тамъ опочивальню регента, вытащилъ его высочество изъ постели и, сдавъ буквально съ рукъ на руки живую добычу свою Миниху,—явился теперь за братомъ арестованнаго герцога. Густавъ, разумѣется, спалъ. Но домовой караулъ его, состоявшій изъ 12 Измайловскихъ гренадеровъ

---

(108) Тамъ же, прик. 27 октября.

(109) Тамъ же, книга: Исходящія бумаги 1740 г., см. ордеръ комиссару Ильину отъ 29 окт.

(110) Этотъ домъ принадлежалъ, впослѣдствіи, каммергеру Дивову, у котораго и былъ купленъ Императрицею Екатериною II, въ 1795 г., для подарка Измайловскому секундъ-маіору гр Валер. Александр. Зубову, за потерю ноги въ бою съ польскими мятежниками, 6 іюля 1794 г., при Выгодѣ.

(111) Лѣтній дворецъ находился тогда на мѣстѣ нынѣшней рѣшетки Лѣтняго Сада, со стороны Невы, существовалъ съ 1732 г., замѣнивъ собою „силу“, выстроенную для свадьбы цесаревны Анны Петровны въ 1725 г. и, разобранный въ царствованіе Имп. Елизаветы Петровны, дополнилъ, боковыми пристройками, нынѣшній Екатерингофскій дворецъ. Во время пребыванія регента въ „парадной залѣ“ Лѣтняго дворца было выставлено тѣло покойной Императрицы, погребеніе котораго состоялось лишь 23 дек. того же 1740 г.— См. Примѣчанія къ Камеръ-фурьерскому Журналу за 1734 г., и „Описаніе парадной залы“ въ Прим. къ С.-Петерб. Вѣдом. 1741 г., ч. 18, кн. 24.

при унтеръ-офицерѣ, бдительно оберегалъ любимаго своего командира, и часовые, сначала, не хотѣли пропускать Манштейна; однако, пригроженные силою императорскаго указа и смертію за сопротивленіе, они должны были уступить. Оставивъ Преображенцевъ въ первой комнатѣ, гдѣ спалъ безсмѣнный ординарецъ регентова брата, Измайловскій сержантъ Щербининъ ([112]), осторожный Манштейнъ, подошелъ къ дверямъ спальни Густава, окликнулъ его, получилъ, въ свою очередь, запросъ wer ist da (кто тамъ?) и тотчасъ же назвалъ себя, добавивъ, что имѣетъ крайнюю нужду немедленно переговорить съ хозяиномъ дома о чрезвычайно нужномъ дѣлѣ. Хозяинъ дома, не бывавшій ни отъ какихъ дѣлъ, поспѣшилъ выдти къ ночному гостю, приблизился съ нимъ къ окну и тутъ, схваченный осторожнымъ Манштейномъ за обѣ руки, выслушалъ отъ него объявленіе ареста, именемъ Императора, и вѣсть, что Регентъ — уже не Регентъ. Никакъ не ожидая ничего подобнаго, Густавъ не повѣрилъ ни Манштейну, ни собственнымъ ушамъ, рванулся къ окну, хотѣлъ было отворить его и кликнуть къ себѣ своихъ Измайловцевъ. Но, въ эту минуту, вошли въ комнату Преображенцы, позванные Манштейномъ, и, по его знаку, кинулись къ Густаву, который продолжалъ отбиваться и звать къ себѣ на помощь. Тогда Преображенцы связали ему руки ружейнымъ ремнемъ, заткнули ротъ платкомъ, потомъ закутали всю особу полуодѣтаго Густава въ первую попавшуюся шубу, а голову его, за нескорымъ отысканіемъ шапки, обернули солдатскою шинелью и — въ этомъ импровизированномъ костюмѣ — вынесли Измайловскаго подполковника на улицу, впихнули его въ сани, приготовленныя заранѣе, и повезли на гауптвахту Зимняго дворца ([113]). Здѣсь Густавъ Биренъ уже нашелъ своего брата, герцога, арестованнымъ со всѣмъ семействомъ, и самъ просидѣлъ подъ стражею до сумерокъ 9 ноября, когда къ дворцовой гауптвахтѣ подъѣхали

([112]) Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, въ послѣдствіи преміеръ-маіоръ, Слободско-Украинскій губернаторъ и Александровскій кавалеръ, умеръ генералъ-поручикомъ 26 ноября 1784 года. (Дѣдъ поэта Д. В. Давыдова. *П. Б.*)

([113]) Memoires de Manstein, 1771, p. 363. — Russische Günstlinge, v. Helbig, Tübingen, 1809, S. 180—181; — Въ сочиненіи „Die Heütige Historie von Russland, etc. Leipzig, 1752, перев. съ голландскаго Рейхардомъ, на стр. 337, помѣщено баснословіе, будто бы Густавъ Биренъ, въ ночь своего арестованія, съ мечемъ въ одной и пистолетомъ въ другой рукѣ, хотѣлъ спастись бѣгствомъ черезъ садъ, но былъ остановленъ штыками гвардейцевъ.

два шлафвагена, изъ которыхъ въ одномъ умѣстилось все семейство герцога Курляндскаго, отправлявшееся на ночлегъ въ Александро-Невскій монастырь (съ тѣмъ, чтобы завтра слѣдовать оттуда въ Шлиссельбургъ), а въ другой посадили Густава Бирена и увезли — въ Иванъ-городъ. Но кабинетъ министръ Бестужевъ-Рюминъ, арестованный вмѣстѣ съ Биренами и также препровожденный неизвѣстно куда, отбылъ съ дворцовой бауптвахты не въ шлафвагенѣ, а на дровняхъ ([114]).

Дальнѣйшая судьба Густава Бирена была печальна. Раздѣляя паденіе грата, безъ малѣйшаго участія въ его злодѣяніяхъ, Густавъ Биренъ, содержимый и допрашиваемый въ Иванъ-городѣ, постепенно сходилъ съ пьедестала, на которомъ привыкъ его видѣть Измайловскій полкъ, и каждая изъ такихъ ступеней къ низу — возвѣщалась Измайловскому полку разными распоряженіями разныхъ начальствъ. Такъ 13 ноября 1740 г., къ конфискованному дому Густава былъ наряженъ въ безсмѣнный караулъ Измайловскій поручикъ Павловъ, съ двумя солдатами; 14 ноября, Измайловскому капитанармусу Шевцову, надзиравшему за нѣжинскимъ имѣніемъ Густава, Быковскою волостью ([115]), послано приказаніе «сдавъ все, ѣхать къ полку *тотчасъ*;» 27 ноября, князь Гессенъ-Гомбургскій, новый подполковникъ и командиръ Измайловскаго полка, препроводилъ къ генералу Упакову, описывавшему «пожитки» Густава, требованіе о немедленномъ возвратѣ полку 250 рублей, взятыхъ подполковникомъ Биренемъ изъ полковыхъ суммъ, въ счетъ жалованья; 6 декабря возвращены въ полкъ 12 казенныхъ денщиковъ бывшаго подполковника и разсортированы по разнымъ ротамъ и командамъ; 29 декабря, объявлена въ вѣдомостяхъ продажа лошадей Густава Бирена, «для казны палинныхъ, а для завода годныхъ;» наконецъ 11 апрѣля 1741 г., велѣно собственный «лѣсъ бывшаго подполковника Бирена употреблять на болваны для гренадерскихъ шапокъ» ([116]). Независимо отъ всего этого, предубѣжденіе новыхъ правителей противъ всѣхъ распоряженій низвергнутыхъ Бире-

---

([114]) Motifs de la disgrace d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande (im Büschingschen Magazin IX, s. 381 — 398) — Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, p. 74.

([115]) Главнымъ управляющимъ имѣній Густава Бирена былъ, какъ видно изъ подлинныхъ полковыхъ документовъ, *служащій* арміи поручикъ Гаузенъ.

([116]) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книги: Прик. Журн., Исходящія письма. Входящія бумаги 1740 г.—С.-Петерб. Вѣдомости 1740 г. № 104.

новъ выражалось съ особеннымъ азартомъ и доходило до забавнаго: 22 ноября 1740 г., прекращено и вовсе запрещено шитье картузовъ, изобрѣтенныхъ бывшимъ регентомъ и, конечно, никому и ничему не мѣшавшихъ, даже дѣйствительно полезныхъ; а 19 ноября, у Измайловскаго адъютанта Вельяминова отобранъ его отпускной «паспортъ», потому только, что онъ былъ подписанъ, 6 ноября, Густавомъ Биреномъ, и Вельяминову велѣно «быть при полку» ([117]): то есть адъютантъ, ни за что ни про что, лишился права на отпускъ, уже разрѣшенный ему начальствомъ. Это правительственное предубѣжденіе особенно дорого стоило самому Густаву: невѣстѣ его предоставлено было избрать между замужествомъ съ арестантомъ и пребываніемъ при дворѣ, и Якобина Менгденъ, какъ истая фрейлина, предпочла послѣднее ([118]).

Между тѣмъ, коммиссія, наряженная надъ бывшимъ регентомъ, судила и братьевъ его, изъ которыхъ Карлъ, взятый подъ стражу съ Московскаго генералъ-губернаторства, содержался, какъ извѣстно, въ Рижской цитадели ([119]). Манифестъ «о винахъ» герцога Курляндскаго, изданный 14 апрѣля 1741 г., и объявлявшій низвергнутаго регента государственнымъ преступникомъ, достойнымъ смерти, но сохраняемымъ, по милосердію Правительницы, единственно для вѣчной ссылки, подвергалъ послѣдней и братьевъ герцога, разумѣется, лишенныхъ всего, кромѣ жизни. Въ этомъ манифестѣ, собственно Густава Бирена касались пункты 9, 10 и 28, изложенные такъ: «*Пунктъ 9.* Сіе свое богопротивное желаніе (вымогательство отъ чиновъ 1 и 2 класса подписки къ челобитной о регенствѣ) онъ, Биронъ (герцогъ), исполня, еще, для совершеннаго своего утвержденія, возжелалъ потомъ и всю націю, неслы-

---

([117]) Подл. акты арх. Л. Гв Изм п., книги: Входящія бумаги и Прик. Журн. 1740 г.

([118]) Раздѣливъ впослѣдствіи злосчастную судьбу Правительницы, Якобина Менгденъ, извѣстная болѣе подъ именемъ *Бины*, сопровождала Брауншвейгское семейство въ Холмогоры, жила тамъ и, по смерти Анны Леопольдовны, часто досаждала принцу Антону-Ульриху, ссорилась съ прислугою и, затѣявъ связь съ докторомъ Кожевниковымъ, состоявшимъ при Антонѣ-Ульрихѣ, прижила отъ него дѣтей. См. Описи секретнымъ бумагамъ и т. д., въ Чтен. Общества Истор. и Древ. 1861 г., книг. II, смѣсь.—Voyage en Sibérie, par l'abbé Chappe d'Auteroche, Amsterdam, 1769, t. I.

([119]) „Описи секретнымъ бумагамъ и т. д." въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. 1861, кн. II, смѣсь, ст. 2

ханнымъ же въ свѣтѣ образомъ, обманывать *съ братомъ своимъ Густавомъ Бирономъ,* и другими сообщниками, воровски вымысливъ, что, когда учиненное ими опредѣленіе Ея Императорское Величество, блаженной памяти, апробовать не изволила, чтобъ для прочихъ чиновъ такую жъ челобитную составить, какову предъ тѣмъ временемъ 1 и 2 класса персоны подписать были принуждены. Но какъ разсудилось имъ, что къ подписанію такой челобитной Синодъ, Сенатъ и другихъ чиновъ привесть весьма невозможно, для того, что о томъ дѣлѣ были неизвѣстны, того ради, вмѣсто того выдумалъ (sic) оной лукавой способъ: сочинилъ всей Россійской націи позитивную декларацію въ такомъ воровскомъ умыслѣ, что подписавшіеся подъ первою челобитною первыхъ двухъ классовъ персоны, якобы давъ на себя крѣпость, и оную позитивную декларацію подписать не отрекутся, а на нихъ смотря, и всѣ прочіе чины не подписываться побоятся; а ежели кто хотя мало поупримится и подписываться не будетъ, съ тѣми, яко съ измѣнниками и бунтовщиками, поступать. И подъ такимъ жестокимъ страхомъ приводя человѣкъ по пяти, по два, и по три, утаивая вышеупомянутое сочиненное имъ, Бирономъ, не апробованное опредѣленіе, всѣхъ къ той подпискѣ принудили, и по подпискѣ, подъ жестокимъ истязаніемъ, приказывали, чтобъ содержали оное тайно и никому не разглашали, а особливо чтобъ нашимъ высокимъ родителямъ сообщить никто не дерзнули, въ такомъ зломъ умыслѣ, дабы ему, Бирону, — ежели Ея Императорское Величество, блаженной памяти, упомянутаго опредѣленія не подписавъ, скончается, — по однимъ, часто упомянутымъ, подпискамъ все оное проклятое желаніе исполнить и такую высокую власть получить. — *Пунктъ 10.* Между упомянутыми всѣми лукавствами, онъ, Биронъ, самъ и чрезъ своихъ сообщниковъ весьма старался, дабы нашу вселюбезнѣйшую государыню-мать ([120]) къ тому склонить, чтобъ Ея Высочество его, Бирона, регентомъ утвердить благоволила, и для того, когда Ея Величество нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ персонъ къ себѣ позвать повелѣла, тогда онъ, Биронъ, своимъ сообщникамъ приказывалъ, дабы Ея Величество къ тому всячески склонили, а между тѣмъ тотчасъ разгласили, якобы Ея Императорское Величество того ради оныхъ персонъ призывать изволитъ, что желаетъ имъ о его, Бироновѣ, правительствѣ, объявить. Но какъ они, будучи у Ея Импера-

---

([120]) Манифестъ писанъ отъ имени младенца-императора.

торскаго Величества, не такой, какъ онъ мыслилъ, отвѣтъ получили, но чтобъ они при такихъ обстоятельствахъ такъ поступали, какъ они предъ Богомъ, и предъ всѣмъ свѣтомъ, и предъ нами и предъ государствомъ отвѣтъ дать могутъ: тогда по его, Биронову, *такожъ и брата его, Густава,* приказу, съ сообщниками ихъ, вмѣсто того, чтобъ имъ малѣйшее какое разсужденіе имѣть и о пользѣ въ началѣ нашей Императорскаго Величества Фамиліи, а потомъ и всей Россійской Имперіи, думать, дабы отъ такихъ его, Бирона, злыхъ замысловъ вся Имперія не погибла, вымышленную отъ себя ложь нѣкоторымъ персонамъ внушать стали, будто они, въ бытность свою у Ея Императорскаго Величества, довольно присмотрѣть и примѣтить могли, что будто Ея Величеству его, Биронова, намѣреніе не противно было, а не объявила для того, что нашъ генералъ-адмиралъ графъ Остерманъ надлежащимъ образомъ ея Величеству о томъ тогда не докладывалъ, въ чемъ оные и вину положили на него одного.... *Пунктъ* 28. Его (герцога) братья, Карлъ и Густавъ, тако жъ и свояк, Бисмаркъ, про всѣ вышеупомянутыя его противъ насъ самихъ и нашихъ родителей, слѣдственно жъ къ разоренію и крайней погибели всей Россійской Имперіи касающіяся злоумышленныя предначинанія, и потомъ самымъ дѣйствомъ производимыя коварства, вѣдали, а заблаговременно, по должности своихъ данныхъ предъ Богомъ и св. Евангеліемъ присягъ, о томъ въ надлежащихъ мѣстахъ не доносили, но еще во всемъ томъ споспомогателями и сообщниками были ([121]).»

Хотя весьма сомнительно, да ничѣмъ и не подтверждается, чтобъ Густавъ Биренъ, на самомъ дѣлѣ, могъ пособничествовать своему брату, герцогу, въ какихъ-либо важныхъ замыслахъ, — тотъ же манифестъ 14 апрѣля опредѣлялъ мѣстомъ вѣчной ссылки Густава Бирена Нижнеколымскій острогъ, лежащій на самой окраинѣ сибирской тундры, въ 70 в. отъ Ледовитаго моря, подъ 69° с. ш. — На пути туда, въ Москвѣ, озлобленная чернь едва не кинулась на закрытыя кареты, въ которыхъ везли, по одиночкѣ, ссыльныхъ братьевъ и свояка ненавистнаго регента. Но счастье, вообще ласкавшее Густава Бирена, не совсѣмъ покинуло его и въ бѣдѣ. Густавъ Биренъ доѣхалъ только до Тобольска, откуда онъ и его спутники, Карлъ Биренъ съ Бисмаркомъ, по именному повелѣнію

([121]) Дѣло о Курляндскомъ герцогѣ Биронѣ. Москва. 1862 г., с. 81, 82, 87. (Оттискъ изъ Чтеній въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. унив.).

имп. Елизаветы Петровны, воцаренной новымъ петербургскимъ переворотомъ, были обращены на жительство въ Ярославль. Прибывъ сюда лѣтомъ 1742 г., Густавъ Биренъ нашелъ здѣсь же и экс-регента съ семьею, привезенныхъ въ Ярославль изъ Пелыми. Не смотря однако на такую, по видимому, высочайшую милость къ Биренамъ, первые мѣсяцы ярославской ссылки были тяжелы изгнанникамъ, которые, живя порознь, въ разныхъ концахъ города, содержались каждый подъ крѣпкимъ карауломъ, и почти не видали одинъ другаго. Но послѣ посѣщенія Ярославля лейбъ-медикомъ Лестокомъ, посланнымъ сюда императрицею собственно для осмотра разнемогшагося герцога, положеніе послѣдняго, а также и братьевъ его, значительно улучшилось: потому что Лестокъ, бывъ въ теченіи нѣсколькихъ осеннихъ дней 1742 г. свидѣтелемъ горькой участи Биреновъ, тронулся ею и исходатайствовалъ имъ у Двора не только право сходиться вмѣстѣ, по два раза въ недѣлю, для общаго обѣда, но и выдачу, на карманныя издержки, герцогу по 5 т. р., а каждому изъ братьевъ и зятю его по 1 т. р. въ годъ, — кромѣ прежде опредѣленнаго содержанія ([122]). Въ этомъ улучшенномъ положеніи общая ссылка Биреновъ протянулась до 1744 г., когда оба брата герцога, вмѣстѣ съ Бирмаркомъ, были освобождены и призваны въ Петербургъ. Полагаютъ, что императрица была готова тогда же даровать свободу и герцогу, но этому не сочувствовалъ Бестужевъ-Рюминъ, уже канцлеръ и временщикъ, клеветавшій на бывшаго регента въ слѣдственной коммиссіи 1740 г. и теперь, естественно, не желавшій встрѣчаться съ нимъ при дворѣ ([123]).

Какъ бы то ни было, братья Карлъ и Густавъ Биренъ явились въ Петербургъ. Императрица немедленно уволила искалеченнаго и звѣроправнаго Карла въ его лифляндскія помѣстья ([124]) и удержала въ Петербургѣ Густава, завѣдомо ей и всѣмъ не походившаго нравомъ на своихъ братьевъ. Поэтому-то императрица намѣревалась употребить Густава

([122]) Geschichte des Russischen Staat's, v. Hermann, Hambourg, 1853. B. V. S. 181 — 183. — Также въ нашемъ очеркѣ: „Графъ Лестокъ" (статьи 3-я), Отечеств. Записки 1866 г. № 10, отд. I. с. 259.

([123]) Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français, Berlin 1858, p. 95.

([124]) Карлъ Биренъ ум. 24 января 1746. См. Die Heilige Historie von Russland, Reihard, Leipzig, 1752, S. 386.

опять на службу. Но извѣстно, что Густавъ Биренъ, не успѣвъ еще получить никакого назначенія, внезапно занемогъ и, 25 февраля 1746 г., умеръ въ Петербургѣ, — «къ искреннему сожалѣнію Измайловскаго полка» (125).

Такъ прожилъ и прослужилъ свой вѣкъ Густавъ Биренъ — и таковъ былъ этотъ братъ регента, судя, по крайней мѣрѣ, по отзывамъ печатныхъ источниковъ, свидѣтельствамъ подлинныхъ, рукописныхъ документовъ, отголоскамъ устныхъ преданій, намъ извѣстныхъ. Личность Густава, какъ видитъ читатель, не ослѣпляетъ, не плѣняетъ и не отталкиваетъ; слѣдовательно, сама по себѣ, принадлежитъ къ разряду дюжинныхъ. Но, съ другой стороны, она можетъ и должна быть отнесена къ весьма ограниченному числу личностей, которыя, вращаясь въ обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ, являются съ достоинствами, такъ сказать, отвнѣ происходящими, уважаются, однакоже, современниками и, въ силу приговора послѣднихъ, благовидно поставляются въ глазахъ потомства. Не нося въ своей душѣ тѣхъ злыхъ началъ, какими отличались оба его брата, Густавъ Биренъ уже однимъ этимъ чрезвычайно выигрывалъ въ общемъ мнѣніи; присутствіе же въ его характерѣ одной-двухъ, дѣйствительно, свѣтлыхъ сторонъ, еще болѣе расположило къ Густаву современниковъ, доставило ему ихъ любовь и уваженіе, и, такимъ образомъ, личность регентова брата, сама по себѣ дюжинная, преобразилась въ личность, едва ли не почтенную. А помимо всей этой обстановки, конечно, выгодной для Густава Бирена, но на-половину отъ него не зависѣвшей, младшій братъ регента былъ, прежде всего, безукоризненно честенъ и очень добръ. Въ то жестокое время, когда за бездѣлицу вытягивали изъ людей жилы и ломали имъ кости, Густавъ ограничивался тѣмъ, что приказывалъ, напримѣръ, отсчитать нѣсколько палочныхъ ударовъ слугѣ-малороссу, который дерзнулъ побить Преображенца «галясовавшаго шпагою» въ домѣ его господина (126); или, служака съ головы до пятокъ, онъ не задумался оставить безъ всякаго наказанія 10 чел. рядовыхъ своего полка, которые, въ одинъ изъ дней утомительно-расхожаго для гвардіи регенства, были найдены на часахъ, во дворцѣ, 6 гренадеровъ *сидящими*, а 4 мушкетера *спящими* (127);

(125) Истор. Обозр. Л. Гв. Изм. п., Висковатова. стр. 56.

(126) Записки Марковича, ч. II, с. 41.

(127) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., Книга: Приказн. Жур. 1740 г., прик. 25 окт.

онъ не задумался также взять къ себѣ на ординарцы, въ Малороссіи, бунчуковаго товарища Скоропадскаго, собственно для того, чтобы дать ему возможность уѣхать, по крайней надобности, домой (128). Что касается умственныхъ способностей Густава, онѣ были весьма ограничены. Это видно, напримѣръ, изъ доклада его, поданнаго 3 апрѣля 1737 г. Миниху, съ вопросомъ: приказано ли будетъ взять въ походъ больныхъ и негодныхъ лошадей или оставить ихъ въ штабѣ? Забавность такого вопроса дѣлается крайнею, если замѣтимъ, что лошади были больны *заразою* (129). Случилось также, что, послѣ приказанія: «слѣдовать съ такимъ расчетомъ времени, чтобы къ *такому-то* числу быть *тамъ-то*» — Густавъ наивно входилъ съ новымъ докладомъ Миниху: «во *сколько именно верстъ* повелѣно будетъ дѣлать переходы?» (130) Но тотъ же Минихъ писалъ о генералѣ Густавѣ Биренѣ, что онъ «исправенъ по службѣ, храбръ и надеженъ въ дѣлѣ» (131). Съ этимъ вмѣстѣ, Густавъ былъ лишенъ всякаго образованія и, объясняясь только на своемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ, до того плохо зналъ даже нѣмецкую грамоту, что подписывался — и подъ русскими докладами — не иначе, какъ «Gustaff von Biron».

Одною изъ своихъ слабостей Густавъ сходствовалъ съ современнымъ ему Прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I и, также какъ его Прусское величество, готовъ былъ отдавать все за великорослыхъ людей. Для пріисканія такихъ людей въ ряды Измайловскаго полка, Густавъ Биренъ, не смотря на свое несочувствіе къ командировкамъ офицеровъ вообще, командировалъ, и нерѣдко на многіе мѣсяцы, въ Казань, Симбирскъ, Саранскъ, Пензу и т. д., всегда одного и того же Измайловскаго поручика Данилова, предписывая ему «высматривать» великановъ и въ полевыхъ полкахъ и въ гарнизонахъ, выбирать и изъ разсыльщиковъ и изъ какихъ-то суконщиковъ, «что̀ больше, то лучше, хотя бы и въ сорокѣ,» то есть, сорока лѣтъ (132).

---

(128) Записки Марковича, II, 86.

(129) Исторія Л. Гв. Семеновскаго полка, Карцова, ч. II, прилож. 70.

(130) Тамъ же.

(131) Записка Миниха о генералахъ, служившихъ подъ его начальствомъ, поданная Императрицѣ 22 января 1737 года.

(132) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., Книга: Отставнаго повытья о командировкахъ чиновъ полка за 1740 г.

Имѣлъ Густавъ и другую благородную страсть — къ лошадямъ: держалъ ихъ у себя множество, всякихъ статей и мастей, зналъ въ этомъ толкъ и обыкновенно завѣдывалъ валовою покупкою лошадей для своего брата, герцога, извѣстнаго конелюбителя-знатока. Въ этомъ случаѣ, Густаву усердно содѣйствовалъ тотъ же поручикъ Даниловъ, получавшій Густавовы предписанія доставлять въ полкъ набранныхъ великорослыхъ людей «съ тѣми лошадьми, для которыхъ «вы посланы» ([133]), при чемъ офицерамъ, постоянно находившимся «для полковыхъ дѣлъ» въ Москвѣ, обыкновенно предписывалось «дать имъ (людямъ и лошадямъ) недѣли на двѣ времени, чтобъ они отъ путеваго труда нѣсколько могли исправиться» ([134]). Какъ полковой командиръ, Густавъ Биренъ былъ строгъ, справедливъ, любимъ подчиненными, не вредилъ никому и стоялъ за всѣхъ горою.

Въ доказательство послѣдняго, приведемъ случай, обрисовывающій въ тоже время и нравы эпохи. 13 февраля 1740 г., вечеромъ, къ Екатерингофскому священнику Іоанну Васильеву явился служитель Измайловскаго подпоручика Перепечина, съ просьбою — отпѣть тѣло младенца его господина; священникъ послалъ къ дьячку за церковнымъ ключемъ. Спустя нѣсколько времени, слышитъ священникъ, что къ нему ломятся въ двери; онъ пошелъ взглянуть, что̀ такое. Но, выйдя въ сѣни, увидѣлъ «многолюдство» холопей Перепечина, былъ схваченъ ими за волосы и вытащенъ на крыльцо, откуда его поволокли на улицу «ругательнѣ, не яко іерея, но яко злодѣя.» На улицѣ сидѣлъ въ саняхъ самъ Перепечинъ, передъ которымъ и поставили попа «яко осужденника.» Подпоручикъ не только «не умилился» подобнымъ зрѣлищемъ, но и самъ всячески ругалъ попа «за неоткрытіе церкви.» Тутъ же досталось и дьячку, котораго «били топуками, волоча по землѣ за волосы смертно и потащили, за волосы же, въ церковь, грозя до смерти убить и батожьями засѣчь.» Въ церкви, отпертой самовластно людьми Перепечина, они своимъ священникомъ отпѣли тѣло младенца, похоронили его въ могилкѣ, вырытой тутъ же, и уѣхали. Дѣло было, разумѣется, уголовное, и попъ, 28 февраля, жаловался Сѵноду. Святѣйшій Сѵнодъ изготовилъ запросъ въ полкъ

([133]) Тамъ же, Книга: Исходящія Письма 1740 г, предписаніе Данилову, 21 мая.

([134]) Тамъ же, предписаніе поручику Губину, 3 ноября.

къ 27 марту, отправилъ же его не ранѣе половины мая. Когда запросъ получился въ полковую канцелярію, Перепечина въ Петербургѣ уже не было: онъ, по всемилостивѣйшему указу, пользовался гдѣ-то отпускомъ «безсрочно.» Понятно, что Перепечина могли достать со дна морскаго,— особенно въ тѣ времена, когда отъ разсыльщиковъ герцога не уходилъ никто. Но командиромъ полка, гдѣ возникало дѣло, былъ братъ этого герцога, а самое дѣло касалось офицера весьма строеваго, всегда хаживавшаго на караулы въ особо-торжественныхъ случаяхъ, когда требовался офицеръ «въ гренадерскомъ уборѣ.» Густавъ очень жаловалъ такихъ представительныхъ подпоручиковъ, какъ Перепечинъ, и заключилъ отвѣтную промеморію свою въ Сводъ тѣмъ, что «еслибъ подлинно потребна была на вышеозначеннаго офицера сатисфакція, тобъ меньше времени пропущено было и въ полкъ предложено; а въ полку съ виновными непремѣнно-бъ поступлено было по Ея Императорскаго Величества указамъ и военнымъ правамъ. Когдажъ тако много времени минуло, а оный обидчикъ отъ полку отлучился, и взыскать дѣла его не на комъ» ([135]).

Образчикомъ же того, какъ, съ первыхъ лѣтъ службы Густава Бирена въ Л. Гв. Измайловскомъ полку, относились къ нему, съ своими нуждами сами его подчиненные, можетъ служить слѣдующее письмо Измайловскаго капитана Толстаго, отъ 14 января 1732 г., изъ Москвы, адресованное къ Густаву Бирену:

«Высокородный баронъ, высокопочтенный господинъ маіоръ, милостивый мой государь.

«Природная вашего высокородія великодушія (sic) съ милостію, которую я на себѣ ощущаю, принуждаетъ меня съ симъ явиться предъ вами прошеніемъ, и надежно уповаю на вашу высокосклонную къ себѣ милость быть услышену. Я уповаю, милостивый государь, вамъ обо всемъ извѣстно довольно, какъ мы купно съ княземъ Репнинымъ посланы были на Украйну и во всѣмъ имѣли «опщей» трудъ, за что товарищъ мой, князь Репнинъ, Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, высокою милостію и награжденъ чиномъ. Яже, не имѣя никого о себѣ предстателя, до вашего высокородія едино себѣ прибѣжище имѣю, и прощу обо мнѣ приложить ваше милостивое въ надлежащихъ мѣстахъ стараніе, чтобъ въ томъ же полку Измайловскомъ былъ (я) пожалованъ се-

---

([135]) Тамъ же, Книга: Судное Повытье 1740 г.

кондъ-маіоромъ. За что хотя себя и не въ состояніи нахожу какими мѣры отслуживать, токмо сіе мнѣ останется свободно: по благодареніи Богу, всегда предъ людьми вашего высокородія всюду прославлять имя. И хотя, милостивый государь, симъ и рангу инаго, кромѣ нынѣшняго, не получу, только себѣ за великое пріобрѣтеніе почитать буду, что никогда отлученъ буду вашего высокородія всегдашней милости, которую я между первыми благополучіями моими почитаю. И на сіе мое покорное прошеніе прошу удостоить меня милостивымъ отвѣствіемъ, чего ожидаючи, всегда пребываю вашего высокородія, моего милостиваго государя, покорный слуга Іванъ Талстой» (136).

Повторимъ еще разъ сказанное нами въ началѣ, что Густавъ Биренъ жилъ и умеръ честнымъ человѣкомъ, и заключимъ нашу статью не нашими словами, что этотъ братъ регента «уважался всѣми за правду» и «память о немъ долго жила въ Измайловскомъ полку» (137).

М. Д. Хмыровъ.

Статья эта появилась первоначально въ повременномъ изданіи 1862 года: „Русскій Міръ“ (№ 2 и 3); но здѣсь вновь пересмотрена и значительно добавлена авторомъ. *П. Б.*

---

(136) Дѣла Государственнаго Архива, Картонъ XI. № 53.
(137) Истор. Обозр. Л. Гв. Изм. п., с. 6 и 56.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЕ ПОКАЗАНІЕ АРСЕНІЯ МАЦІЕВИЧА.

Отечественные писатели, посвящавшіе труды свои изученію дѣятельности Арсенія Маціевича (имя котораго на долго еще останется не выясненнымъ въ нашей литературѣ, за неимѣніемъ, разумѣется, достовѣрныхъ историческихъ матеріаловъ), постоянно впадали въ ошибки, говоря о мѣстѣ его рожденія, воспитанія и первой дѣятельности.

Обнародованіе автобіографіи о. Арсенія или, какъ она названа канцелярскимъ языкомъ XVIII вѣка, «сказки», возстановитъ истину и дастъ возможность изслѣдователямъ злополучной судьбы бывшаго архипастыря положительно и точно разсказать начальную дѣятельность его, ссылаясь на его собственныя слова.

По опредѣленіи іеромонаха Варлаама Скаменецкаго въ архимандриты Чудова монастыря, на мѣсто его въ Кадетскій корпусъ предполагалось опредѣлить іеромонаха Арсенія Маціевича, бывшаго въ 1738 году въ С.-Петербургѣ. Св. Сунодъ, не имѣя достовѣрныхъ извѣстій о дѣятельности іеромонаха Арсенія, нашелъ необходимымъ взять съ него «сказку, изъ какихъ онъ чиновъ, и когда и кѣмъ постриженъ, и во іеродіакона, іеромонаха произведенъ, и въ шнурованныхъ книгахъ гдѣ написанъ, и въ какихъ случаяхъ и аказіяхъ обрѣтался.» Въ 1738 г., 16 мая іеромонахъ Арсеній былъ вызванъ въ канцелярію Св. Сунода, въ которой сказалъ слѣдующее:

«Рожденіе его въ Польскомъ государствѣ, на Волынѣ, въ городѣ Владимірѣ. Въ мірѣ ему было имя Александръ. Отецъ его Иванъ Мацѣевичь служилъ въ ономъ градѣ Владимірѣ при Спасской церкви священникомъ. И по возрастѣ своемъ былъ онъ, Мацѣевичь, для наученія въ тамошней Владимірской, такожъ въ Варенжской (sic) и Львовской академіяхъ, и дошелъ до школы риторики, а въ 715-мъ году изъ онаго города, Владиміра, по желанію своему, собою прибылъ въ Россійское государство, въ городъ Кіевъ и явился въ Кіевской академіи префекту тоя академіи, іеромонаху Сильвестру Пиковскому, и по его, Мацѣевича, прошенію, а по

приказу онаго префекта Сильвестра былъ онъ въ той академіи въ школѣ риторики-жъ. А въ 716-мъ году изъ тоя Кіевской школы отбылъ собою, и прибылъ въ Черниговскую епархію, въ Спасской монастырь, что въ Новъ-Городкѣ Сѣверскѣ, и явился того монастыря архимандриту Генадію Стефановичу; и въ томъ-же 716-мъ году по желанію его, Мацѣевича, оный архимандритъ Генадій, въ томъ-же Спасскомъ монастырѣ постригъ въ монашескій чинъ, и наречено ему монашеское имя Арсеній и имѣлъ въ томъ монастырѣ послушаніе крылосное и обучалъ дѣтей латынскаго языка и сказывалъ предики. А въ 1717 мъ году по соизволенію онаго архимандрита Генадія посланъ онъ въ Черниговъ, къ преосвященному Антонію, архіепископу Черниговскому для произведенія во оной-же Спасскій монастырь во іеродіакона, въ который чинъ онымъ, Черниговскимъ архіепископомъ, въ томъ-же году и произведенъ. А въ 1718-мъ году онъ, Мацѣевичъ, въ бытность свою во іеродіаконствѣ, по словесному своему прошенію, отъ онаго преосвященнаго Антонія, архіепископа, такожъ и отъ Спасскаго архимандрита Генадія Стефановича уволенъ паки во оную Кіевскую академію для слушанія Философіи и Богословіи, въ которой, какъ Философіи такъ и Богословіи и обучился. И въ тоё свою въ Кіевѣ въ томъ обученіи бытность, въ 1723-мъ году, чрезъ предстательство тоя Кіевскія академіи ректора, нынѣ-же преосвященнаго Іосифа, епископа Могилевскаго, онъ, Мацѣевичъ, по благословенію бывшаго тогда преосвященнаго Варлаама, архіепископа Кіевскаго, посвященъ во іеромонахи въ Кіевской соборной Софійской церкви, случившимся тогда въ Кіевѣ преосвященнымъ Кирилломъ, епископомъ Переяславскимъ; а ставленныхъ де граматъ, какъ іеродіаконской такъ и іеромонашеской ему, Мацѣевичу, не дано для того, чтобъ таковымъ монахомъ, производящимся во священный чинъ, ставленныя грамоты давать о томъ, въ Малой Россіи, обыкновенія тогда не имѣлось; и по тому его во іеромонаха посвященіи, такожъ и по окончаніи школъ Философіи и Богословіи, 1726-й 1727-й годы жительство имѣлъ при вышеобъявленномъ Варлаамѣ, архіепископѣ Кіевскомъ, въ послушаніи предикатора. А 1728-ый и 1729-ый годы жительство имѣлъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, съ изволенія тоя лавры тогдашняго архимандрита Іоанникія Сенютовича, въ послушаніи предикаторства-жъ; а того 1729-го года во окончаніи, съ вѣдома онаго архимандрита Іоанникія, изъ тоя Кіево-Печерскія лавры отлучился онъ, Мацѣевичъ, на обѣщаніе свое паки въ Черниговскую епархію, и явился въ Черниговъ, пре-

освященному Иродіону, епископу Черниговскому и по приказанію его, архіерейскому, жилъ въ Черниговскомъ Троицкомъ Ильвинскомъ ([1]) монастырѣ, въ послушаніи и іеромонашеской должности. А потомъ преосвященный Антоній, митрополитъ Тобольскій и Сибирскій требовалъ его, Мацѣевича, въ свою епархію (а письменно ль или какимъ другимъ случаемъ и когда, о томъ онъ неизвѣстенъ) у онаго преосвященнаго Иродіона, епископа Черниговскаго, дабы онъ, Мацѣевичь, изъ епархіи Черниговской былъ уволенъ въ Сибирскую епархію для проповѣди Слова Божія, по которому требованію оный преосвященный Иродіонъ, епископъ Черниговскій, изъ своей епархіи и уволилъ и далъ ему, въ 730-мъ году, при подписаніи своей власной руки и печати пашпортъ (который, пашпортъ, и нынѣ у него, Мацѣевича, имѣется), и съ тѣмъ пашпортомъ велѣно ему ѣхать до Москвы для полученія отъ куда надлежитъ объ отпускѣ въ Сибирскую епархію надлежащаго пашпорта, съ которымъ въ Москву, въ томъ-же 730-мъ году и пріѣхалъ и въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Сунодѣ со онымъ пашпортомъ явился. И во ономъже 730 году, получа словесное отъ Сунодальныхъ членовъ позволеніе, въ Сибирскую епархію купно съ ново опредѣленнымъ тогда въ Сибирь губернаторомъ Алексѣемъ Львовичемъ Плещеевымъ и пріѣхалъ; и пріѣхавъ явился вышепомянутому преосвященному Антонію, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, и жилъ въ домѣ его преосвященства, и имѣлъ послушаніе предикаторства. Такожъ опредѣлены были ему отъ его преосвященства ставленики ко обученію къ духовенству. А въ 1733-мъ году, въ началѣ, отъ онаго преосвященнаго Тобольскаго отпущенъ онъ въ Черниговъ, на обѣщаніе свое, въ показанный Спасскій монастырь, и данъ ему отъ его преосвященства при подписаніемъ его руки пашпортъ (который, пашпортъ, и нынѣ имѣется у него) и съ тѣмъ пашпортомъ изъ Сибири надлежащимъ трактомъ пріѣхалъ въ Устюгъ Великій, и изъ

([1]) Это видимо описка писца, который записывалъ показаніе о. Арсенія со словъ его. Черниговскій Троицкій Ильинскій (а не Ильвинскій) монастырь находится въ 1 верстѣ отъ г. Чернигова. Основанъ въ 6587 (1079) году, при великомъ князѣ Святославѣ Ярославичѣ. Въ 1785 году, когда образованы епархіи: Новгородъ-Сѣверская и Черниговская, монастырь былъ возобновленъ и назначенъ для жительства Черниговскихъ архіереевъ. См. Истор. Росс. Іерар. ч. IV, стр. 297—299. Полн. Собр. Истор. свѣд. о монастыряхъ и церквахъ, Москва 1859 г. стр. 541.

Устюга Великаго за случившеюся своею собственною нуждою поѣхалъ на Холмогоры, до преосвященнаго Германа, архіепископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго и, бывъ у его преосвященства и исправя свою нужду, съ благословенія его преосвященства, поѣхалъ на поклоненіе въ Соловецкій монастырь, въ которомъ ради противной морской погоды въ томъ-же году зазимовалъ. А въ томъ-же 733-мъ году по присланному Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода ко оному преосвященному Герману, архіепископу, указу велѣно опредѣлить на корабли въ Камчатскую экспедицію, къ рѣкѣ Оби ученаго іеромонаха, по которому указу его преосвященство изобралъ къ такому дѣлу его, Мацѣевича, чего ради, отъ его преосвященства изъ онаго Соловецкаго монастыря во оную экспедицію, на корабли, онъ, Мацѣевичь, и отправленъ; и въ той экспедиціи былъ четыре кампаніи на морѣ (²). А въ нынѣшнемъ 1738-мъ году, въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ, Мацѣевичь, присланъ въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, при доношеніи изъ Адмиралтейской Коллегіи для опредѣленія за празнымъ его нынѣ обываніемъ въ служеніе, въ каковое Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ соблаговолитъ; а въ подозрѣніи онъ, Мацѣевичь, ни въ какомъ никогда не бывалъ, и нынѣ за собою подозрѣнія не имѣетъ (³). И вышеписанное все объявилъ въ сущую правду, а ежели что сказалъ ложно, а послѣ у кого въ томъ изобличенъ будетъ, и за то подвергаетъ онъ себя тому, что̀ указомъ Ея Императорскаго Величества и опредѣленіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода повелѣно будетъ.»

Оной-же іеромонахъ Арсеній въ пополненіе вышеписаннаго сказалъ: «У состоявшихся-де въ прошлыхъ 1730-ыхъ годѣхъ въ вѣрной Ея Императорскому Величеству и по ней Ея Императорскаго Величества высокимъ наслѣдникомъ службѣ-жъ онъ, іеромонахъ Арсеній, у присягъ былъ, а именно: въ 730-мъ, въ Черниговѣ, въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ, а въ 731-мъ годѣхъ, въ Тобольску, въ соборной церкви съ протчими присягавшими въ то время духовными персонами и на присяжныхъ печатныхъ листахъ онъ, Арсеній, подписался.»

(²) На поляхъ сказки рукою писавшаго ея написана, подъ выноской, слѣдующая припись: „а именно: въ 734-мъ, 735-мъ, 736-мъ и 737-мъ годѣхъ.“

(³) Приписка на поляхъ: „а отъ роду себѣ нынѣ имѣетъ сорокъ второй годъ.“

Подпись: *Къ сей сказкѣ іеромонахъ Арсеній Маціевичь руку приложилъ.*

Подлинность показаній о. Арсенія о присягѣ въ Тобольскѣ подтвердилъ секретарь Сѵнодальной канцеляріи Никифоръ Слопцовъ, въ присутствіи членовъ Св. Сѵнода, 10 октября 1738 года, бывшій въ то время въ Сибири; а о присягѣ въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ Св. Сѵнодъ удостовѣрился справкою изъ Московской Сѵнодальнаго Правленія канцеляріи, въ которой хранился подписанный о. Арсеніемъ присяжный листъ ([4]).

Николай Григоровичъ.

([4]) Поступленіе Арсенія Мацѣевича законоучителемъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ приводило его въ связь съ высшимъ Петербургскимъ обществомъ. *П. Б.*

СЕМЕЙСТВО РАЗУМОВСКИХЪ.

Нигдѣ и никогда не бывало столько временщиковъ (*) какъ у насъ въ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Впервыя явились они при Петрѣ. Для новыхъ порядковъ нужны были новые дѣятели, и они собрались по зову царя отовсюду: изъ Нѣмецкой Слободы, изъ-за границы и изъ низшихъ слоевъ Русскаго общества. Быстро достигли они первыхъ мѣстъ въ государствѣ, тайкомъ набивали карманы, но и неутомимо трудились подъ зоркимъ окомъ мощнаго императора, твердо державшаго ихъ въ рукахъ своихъ. Царствованіе императора Петра Великаго составляетъ первую эпоху въ исторіи Русскихъ временщиковъ. Это была эпоха неутомимаго, почти нечеловѣческаго труда. За нею слѣдуетъ вторая эпоха, дворцовыхъ переворотовъ, продолжавшаяся до времени Екатерины Великой. Здѣсь, при каждомъ новомъ царствованіи, всплываютъ уже не труженики, а личности безъ всякихъ особенныхъ талантовъ или заслугъ, одною слѣпою игрою случая, разомъ возводимыя до высшихъ государственныхъ почестей и пользованія несмѣтными богатствами. Вся дѣятельность этого втораго ряда временщиковъ сосредоточивалась на придворныхъ интригахъ, благодаря которымъ вліяніе ихъ на дѣла было огромное.

При Екатеринѣ начинается третья эпоха. Здѣсь тоже представляется цѣлая толпа юныхъ и красивыхъ любимцевъ счастья; но надо, даже и въ этой темной сторонѣ жизни великой царицы, отдать ей справедливость, — одни только люди въ полномъ смыслѣ талантливые, и при томъ люди Русскаго происхожденія, достигали, по ея благосклонности, государственнаго значенія. Возвысились при ней: Орловы, Потемкинъ, Завадовскій, Мамоновъ, Зубовы, тогда какъ Васильчиковъ, Зоричъ, Ермоловъ, Римскій-Корсаковъ и Ланской получили только богатые подарки, да камергерскіе ключи. Эпоху эту можно по справедливости назвать эпохою вельможъ. Всѣ эти Екатерининскіе орлы, сходя съ поприща придворнаго, уносили въ свои Московскіе дворцы какой-то отблескъ величія, который

(*) Значеніе слова „временщикъ“ хорошо выясняется въ слѣдующемъ выраженіи, которое намъ удалось слышать отъ одной простой старушки, говорившей барину, отправлявшемуся на выгодное мѣсто въ Петербургъ: „Будешь во времени, меня помяни.“ *П. Б.*

во времена оны ярко отражался на первопрестольной столицѣ. Въ короткое царствованіе Павла I-го, звучащее какимъ-то диссонансомъ между правленіями Екатерины Великой и Александра Благословеннаго, снова являются временщики, напоминающіе собою времена Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Это была ихъ вечерняя заря, и съ 1801 года самыя выраженія «временщикъ» и «человѣкъ въ случаѣ» сложены вмѣстѣ со старыми понятіями и преданіями въ архивъ прошлаго. Большая часть временщиковъ, каковы: Меншиковы, Девіеры, Ягужинскіе, Шафировы, Остерманы, Минихи, Брюсы, Левенвольды, Бироны, Лестоки, Разумовскіе, Сиверсы, Шуваловы и проч. родились или на низшихъ ступеняхъ общества или же, хотя и принадлежали къ дворянскимъ родамъ, но не имѣя, до возвышенія своего, ни состоянія, ни преданій, терялись въ огромной массѣ мелкаго дворянства.

Исторія многихъ изъ временщиковъ чрезвычайно романтична. Возвышеніе и паденіе Меншикова, несомнѣнно самаго замѣчательнаго изъ временщиковъ вообще, а тѣмъ болѣе изъ Русскихъ временщиковъ прошлаго столѣтія, породили цѣлую литтературу монографій на всѣхъ возможныхъ языкахъ. Также, хотя и не въ такой мѣрѣ, занята историковъ трагическая судьба талантливаго Остермана и не менѣе его замѣчательнаго Миниха. Другіе временщики, напротивъ еще недавно и столь ярко блиставшіе, теперь окончательно всѣми забыты. Только ознаменовавшіе свой случай рядомъ злодѣйствъ, какъ напримѣръ Биронъ, кровавая память котораго еще не угасла въ народѣ, или тѣ, которыхъ потомки удержали хоть часть богатства и значенія предковъ, не канули еще въ Лету. Кто помнитъ у насъ теперь объ угасшихъ семействахъ Ягужинскихъ, Шафировыхъ, Рагузинскихъ, Скавронскихъ? Какъ много родовъ, недавно возвышенныхъ, успѣли уже обѣднять и, никому не извѣстные, ведутъ скромную жизнь въ какомъ нибудь дальнемъ уголкѣ необозримаго отечества нашего.

Преданія и памятники старины быстро у насъ исчезаютъ. Плохо умѣютъ у насъ сохранять какъ достояніе отцевъ, такъ и самую память о нихъ. Не только въ домахъ и селахъ семейные памятники и воспоминанія, но даже въ храмахъ Божіихъ — самыя могилы предковъ не охранены отъ святотатственныхъ рукъ человѣческихъ. При несчастной страсти нашей все подновлять и передѣлывать, нерѣдко надгробія изъ церквей и монастырей сперва прибираются въ кладовыя (*), а потомъ даже продаются въ ломъ расчетливыми церковными старостами.

(*) Такъ, напримѣръ, поступлено было въ Александро-Невской Лаврѣ съ надгробіемъ Ягужинскаго и въ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ въ Москвѣ съ надгробіями Бутурлиныхъ. Ср. XVIII-й вѣкъ, кн. 1-я, изд. 1-е, стр. 364.

«Вѣтреные Русскіе баре,» громко разсуждающіе объ аристократизмѣ и какихъ-то небывалыхъ правахъ, въ Парижскихъ клубахъ «Moutard или «Jockey», на родинѣ, за безцѣнокъ продаютъ подмосковныя отчины, свадебные дары царскіе, со всѣми семейными воспоминаніями, архивами и портретами. Съ трудомъ укажешь дачу въ окрестностяхъ Москвы или Петербурга, которая бы осталась въ родѣ ея строителя. Всѣ богатыя Московскія палаты заняты казенными заведеніями, да и въ юномъ Петербургѣ едва ли насчитаешь три дома, долѣе 3-хъ поколѣній сохранившіеся въ одномъ и томъ же родѣ...

Графы Разумовскіе принадлежатъ ко второй эпохѣ временщиковъ. Возвышеніемъ своимъ они обязаны только случаю. Прямое потомство ихъ угасло въ третьемъ поколѣніи. Единственными представителями рода этого остались въ наше время никому уже неизвѣстная въ Россіи 80-ти лѣтняя старушка-Нѣмка, свѣтлѣйшая княгиня Константина Разумовская, рожденная графиня Тюргеймъ, вдова князя Андрея Кириловича (доживающая вѣкъ свой въ Вѣнѣ подъ бременемъ тяжкой умственной болѣзни) да Саксенъ-Кобургъ и Готскій подданный и тамошній «Сенешалъ», протестантъ, графъ Левъ Григорьевичъ Разумовскій, не признанный въ Россіи за графа, рожденный и воспитанный въ Германіи. Но, не смотря на это, имя Разумовскихъ, какимъ-то невѣроятнымъ случаемъ, еще не изгладилось изъ памяти народной. Разсказы о нихъ приняли характеръ какой-то легенды. Вообще все относящееся до семейства Разумовскихъ, ихъ неимовѣрный случай, огромное богатство, столь скоро составившееся и почти столь же скоро распавшееся на мелкія крохи, ихъ хлѣбосольство, ихъ щедрость и достоинство на высотѣ почестей — все это носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то сказочнаго. Разумовскіе, безъ сомнѣнія, рядомъ съ Шереметевыми, остались для народа любимыми вельможами прошлаго столѣтія. Еще при жизни своей, они, покрайней мѣрѣ графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи, пользовались общественнымъ сочувствіемъ. Екатерина отзывается о нихъ, что: она «никогда не знавала семейства временщиковъ, болѣе всѣми любимаго (*)». Причину этой любви угадать не трудно: Разумовскіе, не чуждаясь просвѣщенія, жили жизнью народною, любили все отечественное, и къ нимъ вполнѣ можно было примѣнить стихи Державина:

„Я князь, коль мой сіяетъ духъ,
„Владѣлецъ—коль страстьми владѣю,
„Болярнъ—коль за всѣхъ болѣю,
„Царю, отчизнѣ, церкви другъ.

Приводя стихи эти, припомнимъ, что Державинъ заимствовалъ ихъ изъ «Письма о достоинствѣ» А. П. Сумарокова. Сумароковъ долгое время

(*) Mémoires de Catherine II, 113.

былъ генеральсъ-адъютантомъ при гр. Разумовскомъ. Лучшаго идеала достоинства, какъ въ начальникѣ своемъ, найти онъ не могъ, и нѣтъ сомнѣнія, что письмо свое онъ написалъ съ натуры. Кстати замѣтить, что рукопись оды «Вельможа», изъ которой приведены эти стихи, съ помѣткою въ концѣ рукою Державина: «Ноября 12-го 1794 года» — находилась въ библіотекѣ графа Петра Алексѣевича Разумовскаго, проданной съ публичнаго торга въ Одессѣ около 1839 года.

Второе поколѣніе Разумовскихъ уже утратило свой первобытный типъ; но мы думаемъ, что не безъинтересно будетъ прослѣдить за переходомъ отъ простаго Малороссіянина, страстно любившаго свою родину, къ тѣмъ великолѣпнымъ и гордымъ вельможамъ, которыхъ Вигель, въ Запискахъ своихъ, насмѣшливо называетъ «Русскими Монморанси.»

Печатаемыя нынѣ въ первый разъ письма и бумаги, почерпнутыя частью изъ семейныхъ, частью изъ государственныхъ архивовъ, не имѣютъ собственно строго-историческаго интереса; тѣмъ не менѣе мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ полномъ составѣ, ибо отъ нихъ вѣетъ всею прелестью стародавности и, читая ихъ, невольно переносишься ко временамъ Елизаветы и Екатерины и живешь ежедневною жизнью того времени.

I.

Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи.

Въ началѣ прошлаго столѣтія, Черниговской губерніи, Козелецкаго повѣта, въ деревнѣ Лемешахъ, на 9-й верстѣ по старому тракту изъ Козельца въ Черниговъ, жилъ регистровый козакъ «Кіевскаго Вышъ-городъ-Козельца полка, Григорій Яковлевичъ Розумъ» (1). Хотя онъ и «съ великою охотою вси казацкіе противъ Татаръ и протчіихъ непріятелей, отправлялъ походы»; однако счастіе ему не улыбалось, «ради частыхъ нечаемыхъ, ово отъ непріятелей, ово междоусобныхъ, разореній» (2). Григорій Яковлевичъ имѣлъ старшаго брата Ивана Яковлевича и сестру Анну Яковлевну, которая была замужемъ за казакомъ Дубиною (3). Онъ самъ женился на дочери казака Демьяна Стрѣшенцова изъ

(1) Філософіа Арістотелева по умствованію періпатетиковъ и проч... Кіевъ 1745.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же. У Ивана Розума былъ сынъ Иванъ же и внуки Савва, Петръ и Василій; изъ нихъ Петръ Ивановичъ Розумовскій былъ въ послѣдствіи Нѣжинскимъ полковникомъ, а братъ его Василій Ивано-

сосѣдняго села Адамовки, Наталіи Демьяновнѣ, женщинѣ весьма умной: всѣ знали въ околодкѣ эту *Розумиху*.

Что былъ за человѣкъ Григорій Яковлевичъ Розумъ, долго ли жилъ и чѣмъ занимался въ свободное отъ походовъ время, намъ неизвѣстно. Несомнѣнно только, что, при воцареніи Елизаветы Петровны, его уже давно въ живыхъ не было. Въ 1760 году два сына его Алексѣй и Кирила Григорьевичи надъ могилою родителя соорудили каменный храмъ во имя трехъ вселенскихъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста; но причетъ Лемешевскій уже не знаетъ ни времени кончины Григорія Яковлевича, ни точнаго мѣста его погребенія. У Наталіи Демьяновны по смерти мужа осталось три сына: Данило, Алексѣй и Кирила и три дочери: Агафья, Анна и Вѣра. О первомъ сынѣ Данилѣ Григорьевичѣ мы тоже ничего не знаемъ. Кажется, онъ былъ гораздо старѣе братьевъ и умеръ прежде 1741 года, оставивъ на попеченіе Наталіи Демьяновны дочь свою Авдотью Даниловну.

Второй сынъ Натальи Демьяновны, *Алексѣй Григорьевичъ* родился въ Лемешахъ 17-го Марта 1709 года. Онъ былъ сперва пастухомъ общественныхъ стадъ ([4]), но его привлекательная наружность и пріятный голосъ обратили на него вниманіе мѣстнаго духовенства. Причетъ села Чемера ([5]), къ приходу котораго принадлежали Лемеши, взялъ мальчика подъ свое попеченіе. Священнослужители обучили его грамотѣ и церковному пѣнію ([6]), и по праздникамъ молодой Розумъ плѣнялъ чуднымъ голосомъ своимъ Чемерскихъ прихожанъ.

Третій сынъ Наталіи Демьяновны *Кирила Григорьевичъ* родился 18 Марта 1724 года ([7]). Онъ ходилъ за отцовскими волами. Дѣти росли и утѣшали родителей. «Сыновья мои родились счастливыми», говорила въ послѣдствіи Наталья Демьяновна: «когда Алеша хаживалъ съ крестьян-

---

вичъ сперва Гадячскимъ полковникомъ, а потомъ генералъ-маіоромъ (см. о нихъ ниже); у Анны Яковлевны Дубины былъ сынъ Иванъ Ѳеодоровичъ. — ([4]) Марковичъ. Ист. Малороссіи Т. II. стр. 635.

([5]) Село Чемеръ принадлежало впослѣдствіи Будлянскимъ, а нынѣ принадлежитъ Пашковскимъ.

([6]) Manstein. Mém. sur la Russie T. II. стр. 221.

([7]) Какъ свидѣтельствуетъ его собственноручная записка, а не въ 1728, какъ писали до сихъ поръ его біографы. Записка эта, имѣющая заглавіемъ: *„Извѣстіе дому фамиліи“*, находится въ архивѣ гр. А. С. Уварова.

скими ребятишками по орѣхи и грибы, онъ ихъ всегда набиралъ вдвое болѣе, чѣмъ товарищи; а волы, за которыми ходилъ Кирюша, никогда не заболѣвали и не сбѣгали со двора.» Хата, въ которой родился Кирила Григорьевичъ и провелъ дѣтство старшій братъ его, стояла среди Лемешей, по правую сторону почтовой дороги отъ Козельца въ Черниговъ. Въ длину съ сѣнями и каморою обращена была она къ улицѣ и находилась отъ нея шагахъ въ двадцати, среди огорода, на которомъ изрѣдка стояли фруктовыя деревья. Наружнымъ видомъ она не отличалась отъ прочихъ ее окружавшихъ хатъ, а по величинѣ и чистой отдѣлкѣ оконъ и дверей, ее можно было принять за хату довольно зажиточнаго крестьянина. Она была аршинъ $8\frac{1}{2}$ или 9 въ длину и столько же въ ширину. Внутри стѣны были выбѣлены. Вышина хаты была $3\frac{3}{4}$ аршина. На потолкѣ, во всю длину, красовался сволокъ, т. е. поперечная балка, съ слѣдующею рѣзною надписью, подъ титлами, славянскими буквами: «Благословеніемъ Бога Отца, поспѣшеніемъ Сына (за тѣмъ изображеніе креста) содѣйствіемъ Святаго Духа создася домъ сей рабы Божіей Наталіи Розумихи. Року 1711 Маія 5 дня.»—Слова: «Наталіи Розумихи» приписаны были какъ бы другимъ почеркомъ. Въ такомъ видѣ сохранялась хата эта до 16 Іюня 1854 года, когда пожаръ уничтожилъ ее до тла. Сторожилы помнили и надпись и всю хату, всегда въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ ее пожаръ ([8]). Часть села Лемешей принадлежитъ нынѣ Григ. Павл. Галагану, который по женскому колѣну происходитъ отъ сестры Разумовскихъ Вѣры Григорьевны Дараганъ. Въ Лемешевской церкви сохранилась бумага, обязательно сообщенная намъ въ спискѣ А. Ѳ. Бодровымъ. Изъ этой бумаги видно, что Лемеши принадлежали брату Натальи Демьяновны, бунчуковому товарищу Денису Демьяновичу Стрѣшенцову, который ихъ завѣщалъ племяннику своему графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому. Кирила Григорьевичъ въ свою очередь подарилъ ихъ въ 1791 году своей родственницѣ Матренѣ Герасимовнѣ Тепловой (женѣ извѣстнаго Григорія Николаевича) съ обязательствомъ ея и ея наслѣдниковъ вѣчно вносить въ Лемешовскую церковь по 25 рублей на годъ, что̀ намъ и даетъ поводъ думать, что Матрена Герасимовна была рожденная Стрѣшенцова. Въ наше время Г. Ц. Галаганъ дорожилъ хатою Разумовскихъ: всѣ плетни вокругъ нея были разобраны, и при ней постоянно находился сторожъ.

([8]) Москвитянинъ 1855 года № 6 стр. 187—188.

Однажды Натальѣ Демьяновнѣ приснилось, что въ хатѣ у ней, на потолкѣ, свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды всѣ вмѣстѣ. Она пересказала сонъ сосѣдямъ, которые надъ нею смѣялись(9). Дня три послѣ видѣнія, въ началѣ Января 1731 года, въ праздничный день, проѣзжалъ черезъ Чемеръ полковникъ Вишневскій, возвращавшійся изъ Венгріи, куда онъ ѣздилъ покупать венгерскія вина для императрицы Анны Ивановны(10). Вишневскій зашелъ въ церковь, плѣнился голосомъ и наружностью Алексѣя Розума и уговорилъ Наталью Демьяновну отпустить сына съ нимъ въ Петербургъ. Пріѣхавъ въ столицу, Вишневскій представилъ своего питомца тогдашнему оберъ-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольду, который помѣстилъ молодаго Малороссіянина въ придворный хоръ(11). Въ то время почти всѣ придворные пѣвчіе набирались въ Малороссіи. Такъ Марковичъ въ любопытныхъ своихъ Запискахъ разсказываетъ, что въ 1732 году въ Глуховѣ «пѣли въ церкви Св. Николая пѣвчіе многіе, присланные по требованію гетмана (Даніила Апостола) отъ архіерея Кіевскаго и другихъ, для двора государыни» (12). Даже при дворѣ цесаревны Елизаветы Петровны находилися въ то время изъ Малороссіянъ пѣвчіе: Тарасовичъ и *Божко*(13).

Въ придворной пѣвческой Алексѣй Розумъ оставался нѣсколько лѣтъ(14). Однажды цесаревна Елизавета Петровна присутствовала при богослуженіи въ придворной церкви. Она поражена была голосомъ Розума и потребовала, чтобы онъ былъ ей представленъ, послѣ окончанія литургіи. Красота его поразила великую княжну еще болѣе, чѣмъ голосъ. Высокій, стройный, нѣсколько смуглый съ чудными черными глазами и черными же дугообразными бровями, Розумъ былъ настоящій красавецъ. Цесаревна просила графа Левенвольда уступить ей молодаго пѣвчаго(15); графъ согласился, и Алексѣй Григорьевичъ, получившій при поступленіи ко двору Елизаветы, прозваніе Разумовскаго, сталъ счи-

---

(9) Марковичъ, Исторія Малороссіи. Т. II. стр. 635.

(10) Дневныя записки Малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича Т. I. стр. 361.

(11) Manstein. Mém. sur la Russie, II. 221. и Helbig Russische Günstlinge, стр. 210.

(12) Записки Марковича I. 397.

(13) Тамъ же 421.

(14) Manstein. Mém. sur la Russie, II. 221.

(15) Тамъ же.

таться пѣвчимъ цесаревны. Голосъ его вскорѣ началъ спадать, и изъ пѣвчаго онъ переименованъ былъ въ придворные бандуристы ([16]).

До 1731 г. первымъ лицемъ при дворѣ цесаревны былъ сержантъ Семеновскаго полка, Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ, сынъ бѣднаго Владимірскаго помѣщика изъ окрестностей Александрова. Черезъ него Елизавета Петровна познакомилась съ этою мѣстностью, которую очень полюбила и которую посѣщала, даже будучи императрицею. Въ 1731 году ([17]), Шубинъ какъ-то неосторожно выразилъ при свидѣтеляхъ мысль, что напрасно избрали Анну Ивановну и не вспомнили про дочь Петра Великаго. Слова эти были немедленно переданы куда слѣдуетъ. Шубина схватили, пытали; заключили въ такъ называемый каменный мѣшокъ и наконецъ, послѣ наказанія кнутомъ и вырѣзанія языка, сослали въ Камчатку. Арестъ Шубина и его горестная судьба сдѣлали сильное впечатлѣніе на великую княжну. Она долгое время была неутѣшна по своемъ любимцѣ, и есть преданіе, что она намѣревалась принять иноческій чинъ въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ. Когда первые порывы грусти прошли, цесаревна почувствовала себя совершенно одинокою среди неблагопріязненнаго къ ней Петербургскаго двора. Въ это-то время увидѣла она во дворцѣ молодаго Розума. Вскорѣ изъ бандуристовъ уже не Розумъ, а Разумовскій произведенъ былъ въ управляющіе одного изъ цесаревниныхъ имѣній ([18]); мало по малу и другія недвижимыя имущества, а въ слѣдъ за этимъ и весь небольшой дворъ Елизаветы Петровны очутились подъ вѣдѣніемъ Алексѣя Григорьевича; однимъ словомъ, онъ вполнѣ занялъ мѣсто ссыльнаго Шубина. Дочь Екатерины 1-й, непомнившей родства, возросшая среди птенцовъ Великаго Петра, которыхъ грозный царь набиралъ на всѣхъ ступеняхъ общества, Елизавета Петровна была вполнѣ чужда родовымъ предразсудкамъ и аристократическимъ понятіямъ. При дворѣ ея были все люди новые, такъ что Екатерина II-я, сравнивая своихъ придворныхъ съ придворными тётки, не безъ ироніи замѣчала Храповицкому: «что тогда Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, а Сиверсъ изъ лакеевъ» ([19]). Но если бы Елизавета Петровна и желала окружить себя Рюриковичами или потомками Гедимина, едва ли бы уда-

---

([16]) Helbig Russ. Günstlinge. 210.
([17]) La Cour de Russie il y a cent ans, 49.
([18]) Manstein. Mémoires sur la Russie, II, 221.
([19]) Записки Храповицкаго стр. 52.

лось ей это. Оставшись на 18-мъ году отъ рожденія, послѣ смерти матери и отъѣзда сестры въ Голштинію, одна безъ руководителей, во всемъ блескѣ красоты необыкновенной, получивши въ наслѣдіе отъ родителей страстную натуру, отъ природы одаренная добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, кое-какъ или вѣрнѣе вовсе не воспитанная, среди грубыхъ нравовъ, испорченныхъ еще лоскомъ обманчиваго полуобразованія, бывши предметомъ постоянныхъ подозрѣній и недовѣрія со стороны двора, Цесаревна видѣла ежедневно, какъ ея избѣгали и даже нерѣдко отъ нея отворачивались сильные міра сего и по неволѣ искала себѣ собесѣдниковъ и утѣшителей между меньшею братіею. Въ правленіе Анны Леопольдовны Алексѣй Григорьевичъ назначенъ камеръ-юнкеромъ при Цесаревнѣ. Немногіе придворные, ее окружавшіе, преклоняли голову передъ юнымъ любимцемъ и смотрѣли на него уже тогда, какъ на тайнаго супруга Великой Княжны ([20]).

Между тѣмъ мать молодаго любимца, козачка Наталья Демьяновна успѣла пристроить дочерей. Она выдала старшую Агаѳью за ткача Власа Будлянскаго ([21]), вторую Анну за закройщика Осипа Лукьяновича Закревскаго и третью Вѣру за регистроваго козака Ефима Ѳедоровича Дарагана.

Случай Алексѣя Григорьевича отозвался и въ Лемешахъ. Указаніе на сношенія съ Украйною находимъ мы въ слѣдующемъ письмѣ Цесаревны къ Украинскому старшинѣ Горленкѣ, съ которымъ она вѣроятно познакомилась во время нерѣдкихъ путешествій послѣдняго въ Петербургъ. «Благородный господинъ Андрей Андреевичъ! Посланъ отъ насъ въ Малороссію за *нашими нуждами,* каморъ-диперъ нашъ Игнатей Полтавцевъ; и ежели онъ о чемъ у васъ о своихъ нуждахъ просить будетъ, прошу, по вашей къ намъ благосклонности, въ томъ его не оставить. Въ

([20]) Helbig, Russ. Günst. 210.

([21]) Въ Философіи Аристотелевой по умствованію перипатетиковъ и пр. показано, что Агаѳья Розумъ вышла за козака Климовича. Это показаніе противурѣчитъ семейнымъ преданіямъ, да къ тому же о Климовичахъ нигдѣ не упоминается, тогда какъ въ запискахъ, письмахъ и документахъ того времени часто встрѣчаемъ „свойственниковъ Разумовскихъ, Будлянскихъ.“ Точно также младшая дочь Розумихи неправильно названа въ той же Философіи — Анной.

чемъ на васъ и не безнадежна остаюсь, вамъ доброжелательная Елисаветъ. Іюля 11 дня 1737 года» ([22]).

По всему вѣроятію, нужды, о которыхъ упоминается въ письмѣ, относились до жителей Лемешъ. Страстно привязанный къ родинѣ и къ семьѣ, Алексѣй Григорьевичъ радѣлъ о ней среди роскоши своей теперешней жизни и, хотя Кирила Григорьевичъ любилъ вспоминать впослѣдствіи про времена, когда онъ ходилъ за волами, покрикивая: «цопъ, цопъ,» однако нѣтъ сомнѣнія, что дѣтство его протекло при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ дѣтство старшаго его брата. Вѣроятно, онъ получалъ уже въ Лемешахъ начатки образованія. Нѣтъ возможности допустить, чтобы два года позднѣйшихъ путешествій могли бы до того измѣнить юнаго пастуха, если бы почва не была подготовлена, хотя бы весьма недостаточнымъ воспитаніемъ.

Дня за три до восшествія своего на престолъ, Елизавета Петровна собрала «малѣйшій консиліумъ» изъ кавалеровъ двора своего. Правительница Анна Леопольдовна въ этотъ день намекнула Цесаревнѣ, что по городу ходятъ слухи о сношеніяхъ ея со Шведами и Французскимъ посланникомъ. Терять времени нельзя было; всѣ кавалеры настаивали на томъ, чтобы Елизавета дѣйствовала немедленно и рѣшительно. При этомъ Разумовскій сказалъ: «Сія вещь не требуетъ закоснѣнія, но благополучнѣйшаго дѣйствія намѣреніемъ, а ежели продолжится до самаго злополучнаго времени, то чувствуетъ духъ мой великаго смятенія не токмо въ Россіи, но и во многихъ государствахъ по той претензіи, отчего сиповe Россійстіи могутъ прійти въ крайнее разореніе и въ потеряніе отечества своего.» На слова эти Цесаревна отвѣчала: «подлинно такъ, и я не столько себя сожалѣю, какъ бѣдныхъ совѣтниковъ моихъ и всѣхъ подданныхъ». При этихъ словахъ всѣ присутствующіе прослезились ([23]).

Въ ночь переворота съ 24 на 25 Ноября 1741-го года, въ то время, какъ Елизавета Петровна, въ сопровожденіи Лестока, Воронцова, Шувалова и Шварца, объѣзжала гвардейскія казармы и занимала дворецъ, Алексѣй Григорьевичъ оставался наблюдать за порядкомъ въ домѣ Цесаревны на Царицыномъ лугу ([24]). Туда сама Елизавета перевезла въ са-

---

([22]) Маркевичъ, Ист. Малороссіи, Т. II, стр. 631.

([23]) Пекарскій, Маркизъ де ла Шетарди, 429.

([24]) Die Merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen Kaysers Peters des Dritten u пр. von einem Freunde der Wahrheit, 102.

пяхъ павшую Правительницу вмѣстѣ съ Императоромъ Иваномъ Антоновичемъ и новорожденною его сестрою ([25]). Въ самый день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, Алексѣй Григорьевичъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и поручики лейбъ-кампаніи, въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Немедленно отправленъ былъ въ Малороссію офицеръ съ каретами, богатыми уборами и собольими шубами, за семействомъ новаго камергера. Въ отвѣтъ на распросы офицера, по пріѣздѣ въ Лемешн, о томъ, гдѣ живетъ госпожа Разумовская, удивленные крестьяне, какъ гласитъ преданіе, отвѣчали: «Въ насъ зъ роду не було такой пани; а е, коли божаете, хата Розумихи-вдовы.» Не смотря на Петербургскій случай своего старшаго сына, Наталья Демьяновна продолжала слыть между сосѣдями только Розумихой и по прежнему содержала въ Лемешахъ корчьму, что̀ впрочемъ въ Малоросіи вовсе не имѣло унизительнаго значенія. Захваченная въ расплохъ, она не хотѣла вѣрить словамъ офицера и отвѣчала ему: «Пане ясневельможный, ты хлопецъ добрій, не глазуй зъ мене, що я тоби подіяла?» Извѣстія о перемѣнахъ, происшедшихъ въ Петербургѣ, еще не доходили до Лемешъ, а всѣ самыя блестящія представленія старушки о величіи сына, до того далеки были отъ внезапно поразившей ее дѣйствительности, что не трудно понять ея недовѣрчивость. Однако долго сомнѣваться было невозможно; Наталья Демьяновна собралась съ сыномъ, дочерьми, внукомъ и внучьками, родными и двоюродными, и пустилась въ путь-дорогу. За нѣсколько станцій до Петербурга, на встрѣчу къ матери выѣхалъ Алексѣй Григорьевичъ. Наталью Демьяновну напудрили, нарумянили, нарядили въ модное платье и повезли во дворецъ, предупредивъ еѐ, что она должна пасть на колѣна передъ Государыней. Едва простая старушка вступила въ залы дворцовыя, какъ очутилась передъ большимъ зеркаломъ, во всю вышину стѣны. Отъ роду ничего подобнаго не видавшая, Наталья Демьяновна приняла себя за Императрицу и пала на колѣни. Елизавета Петровна радушно встрѣтила старушку и, говорятъ, между прочимъ сказала ей: «Благословенно чрево твое.» Натальи Демьяновна со всѣмъ семействомъ помѣстилась во дворцѣ и вмѣстѣ съ дворомъ переѣхала въ Москву, гдѣ присутствовала при коронаціи Елизаветы Петровны. Здѣсь опять жила она въ царскихъ хоромахъ. «Передъ вечеромъ ѣздили во дворецъ и были у матушки Алексѣя Григорьевича,» пишетъ

([25]) Маркизъ де ла Шетарди, 401.

Малороссійскій подскарбій генеральный Яковъ Марковичъ отъ 1 Іюня 1742 года ([26]). 5-го Октября онъ снова записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Послѣ обѣда ѣздили до матушки Алексѣя Григорьевича, гдѣ и его самого застали и видѣли Василія Танскаго и Костоша, изъ ссылки отысканныхъ милостивымъ указомъ Ея Величества» ([27]). Но модные платья и наряды не пришлись Натальѣ Демьяновнѣ по сердцу. Она отбросила фижмы, робы и самары, выкинула пудру, мушки и румяна и снова облеклась въ свое малороссійское платье. Дворецъ и придворная жизнь были не по ней; она строго придерживалась старыхъ обычаевъ и среди роскоши страдала тоскою по родинѣ. Въ началѣ Октября 1742, какъ видно изъ Записокъ Марковича ([28]), она, не смотря на всѣ просьбы Алексѣя Григорьевича, покинула съ дочерьми своими столицу, оставивъ младшаго сына и старшую внучьку при дворѣ. Наталья Демьяновна вѣроятно въ то же время и пожалована въ статсъ-дамы, хотя Марковичъ относитъ этотъ знакъ монаршей милости ко временамъ гетманства Кирилы Григорьевича. Странно, что ни въ современныхъ календаряхъ, ни въ Карабановскихъ спискахъ, изданныхъ кн. Долгоруковымъ, она въ числѣ статсъ дамъ не числится. У потомковъ Разумовскихъ сохранилось, однако, нѣсколько современныхъ портретовъ Наталіи Демьяновны. Она представлена на нихъ еще не очень старою (слѣд. портретъ былъ писанъ въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны), въ богатомъ малороссійскомъ костюмѣ съ миніатюрнымъ изображеніемъ Императрицы, украшеннымъ брилліантами на Андреевской лентѣ и приколотомъ къ лѣвому плечу. Это ясно доказываетъ, что она была статсъ-дама и что пожалованіе ея относится къ первымъ годамъ царствованія Елизаветы. Наталья Демьяновна возвратилась въ Малороссію и поселилась на родинѣ около села Адамовки, на одномъ изъ хуторовъ, пожалованныхъ Алексѣю Григорьевичу, по сосѣдству села этого. Здѣсь она выстроила себѣ усадьбу, которую назвала Алексѣевщиной, съ домомъ, а при домѣ устроила церковь.

Между тѣмъ Алексѣй Григорьевичъ (пожалованный въ кавалеры Голштинскаго ордена святыя Анны) чувствовалъ, какъ мало подготовленъ

([26]) Дневныя записки Малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича ч. II. 168.

([27]) Тамъ же II. 179.

([28]) 5-го Октября 1742 года Марковичъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ съ матушкою т. е. Натальею Демьяновною, простился, а самъ еще на два мѣсяца остался въ Москвѣ.

онъ былъ къ своему положенію и какъ необходимо было ему окружить себя людьми, которые могли бы выводить его изъ той затруднительной обстановки, въ которую, даже и въ то нехитрое и невзыскательное время, безпрестанно ставило его совершенное отсутствіе всякаго образованія. У Алексѣя Григорьевича въ выборѣ людей было какое-то особенное природное чувство; почти всѣ при немъ служившіе были людьми замѣчательными.

Первымъ, какъ по давности знакомства съ Разумовскими, такъ и по вліянію, которое онъ постоянно имѣлъ на всю ихъ семью, стоитъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, сынъ жены истопника въ Псковскомъ архіерейскомъ домѣ, отъ чего и получилъ онъ фамилію Теплова ([29]) и воспитанникъ знаменитаго Ѳеофана Прокоповича. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ школѣ, учрежденной Ѳеофаномъ при Александро-Невской лаврѣ, а потомъ долгое время учился за границею. Онъ воротился оттуда въ 1736 г., поступилъ въ Академію Наукъ и пристроился къ Артемію Петровичу Волынскому, который никогда, по свидѣтельству Гельбига, не покровительствовалъ невѣжеству ([30]). Съ необыкновенною ловкостью выпутался онъ изъ-подъ суда во время гибели Волынскаго, перешелъ къ занятіямъ ученымъ, назначенъ переводчикомъ при Академіи, а въ 1741 г. адъюнктомъ. Тутъ онъ сталъ искать покровительства у новаго временщика и сдѣлался необходимымъ въ домѣ Разумовскаго. Отъ своего воспитателя Тепловъ наслѣдовалъ большую ученость, соединенную съ весьма широкими понятіями о томъ, какъ обходиться съ людьми сильными и какъ обхожденіе съ ними согласовать со степенью ихъ силы.

Другая личность, состоявшая при Алексѣѣ Григорьевичѣ, былъ Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, ученикъ Миллера, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ Академической гимназіи въ Петербургѣ и первый адъюнктъ изъ Русскихъ въ Россійской Академіи Наукъ. Онъ также довершилъ воспитаніе свое за границей и первый составилъ грамматику Русскаго языка ([31]). Ададуровъ при графѣ былъ чѣмъ-то въ родѣ секретаря и исполнялъ эту должность, какъ свидѣтельствуютъ приводимыя ниже письма, даже въ то время, когда сдѣлался преподавателемъ рус-

---

([29]) Helbig, Russische Günstlinge, 313.

([30]) Тамъ же. Въ 1736 г. умеръ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

([31]) Куникъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ.

скаго языка при Екатеринѣ Великой. По представленію Алексѣя Григорьевича, Ададуровъ получилъ, позднѣе, мѣсто у канцлера графа Бестужева; въ послѣдствіи былъ онъ кураторомъ Московскаго университета.

Къ этимъ двумъ личностямъ прибавимъ еще Александра Петровича Сумарокова, генеральсъ-адъютанта при гр. Разумовскомъ, дослужившагося до бригадирскаго чина. Его извѣстность началась подъ крыломъ графа. Наконецъ такимъ же адъютантомъ при гр. Разумовскомъ и особенно къ нему приближеннымъ встрѣчаемъ Ивана Перфильевича Елагина, несомнѣнно одного изъ честнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Двумъ первымъ порученъ былъ Кирила Григорьевичъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, гдѣ до 1743 г. начальнымъ ученіемъ старался онъ, подъ ихъ руководствомъ, пополнить свое воспитаніе.

Милости сыпались на Алексѣя Григорьевича: въ день коронованія Государыни (25 Апрѣля 1742) Разумовскій, несшій въ церемоніи шлейфъ Государыни, былъ пожалованъ оберъ-егермейстеромъ и получилъ прямо (помимо Александровской ленты) знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. «Жалованъ Алексѣй Григорьевичъ нашъ патріотъ въ кавалеры бликитной ленты,» пишетъ Марковичъ ([32]). 13 Іюня того же года пожаловано ему было изъ собственныхъ императрицыныхъ вотчинъ: Можайскаго уѣзда, село Троицкое-Болычево, село Рождественно-Порѣчье ([33]), да село Николаевское-Карачарово съ заводами. Въ Московскомъ уѣздѣ село Знаменское; 30 того же Іюня Алексѣй Григорьевичъ получилъ изъ Миниховыхъ вотчинъ въ Малороссіи: въ городѣ Носовкѣ, по рѣкѣ Вербѣ и въ селѣ Адамовкѣ хутора, въ селѣ Козарахъ на рѣкѣ Острѣ мельницу; того же года Августа 27-го изъ бывшихъ имѣній Пенлюева — мѣстечки Ропску и Бакланъ ([34]). Казалось, трудно было ожидать большаго. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бывшій пастухъ общественныхъ стадъ достигъ высшихъ степеней государственнаго чиноначалія; но судьба готовила ему новое, дотолѣ немыслимое въ Россіи положеніе при дворѣ.

Хитрый и ловкій графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ еще при Аннѣ Леопольдовнѣ вызванъ былъ изъ ссылки и снова привлеченъ

([32]) Зап. Марковича II. 162.

([33]) Села Порѣчье и Карачарово (подъ Муромомъ) принадлежатъ теперь правнуку гетмана гр. Кирилы Григорьевича Разумовскаго—графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову; село Болычево принадлежитъ г. Редлиху.

([34]) Жалованная грамота 1784, 13 Мая.

къ общественной дѣятельности, благодаря совершенному отсутствію всякаго серіознаго дарованія между людьми, державшими бразды правленія. Одинъ онъ былъ опытенъ въ дѣлахъ и умѣлъ владѣть перомъ. Государынѣ онъ былъ неугоденъ, но умѣлъ хорошо излагать мысли на бумагѣ и объясняться пофранцузски и понѣмецки. По необходимости, его удержали при дѣлахъ ([35]). Несмотря однако на свой умъ и ловкость, Бестужевъ никогда не съумѣлъ пріобрѣсть вполнѣ благорасположенія Императрицы. Ему недоставало той живости въ выраженіяхъ, которая нравилась Государынѣ; въ обхожденіи его была какая то жеманность и натянутость, а въ дѣлахъ мелочность, которая была ей особенно противна ([36]). Бестужевъ былъ на столько хитеръ, чтобы съ разу понять, сколь необходима была для него при дворѣ сильная подпора: онъ ухватился за Разумовскаго. Бывшій камеръюнкеръ короля Великобританскаго Георга I-го, близко знакомый съ англійскою литтературою, живо помнилъ изреченіе Шекспира: «frailty — thy name is woman» т. е. слабость, перемѣнчивость — твое имя женщина. Государынѣ было всего 33 года, красоты она была необыкновенной. Имя Россіи громко звучало по всей Европѣ; въ продолженіи 60 лѣтъ всякіе бездомные иностранцы стекались сюда со всего свѣта и находили здѣсь обильную добычу для кармановъ и честолюбія. Того гляди, какой-нибудь принцъ-искатель приключеній, въ родѣ инфанта Португальскаго, принца де-Конти, принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, или наконецъ графа Маврикія Саксонскаго, приглянется Императрицѣ и, чего добраго, надѣнетъ «вѣнецъ и бармы Мономаха». Тогда конецъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Бестужева, тогда пожалуй опять на сцену выйдетъ Остерманъ, и мѣсто великаго канцлера, на которое уже мѣтилъ Алексѣй Петровичъ, придется промѣнять на хижину въ Березовѣ. Едва Бестужевъ занялъ мѣсто вицеканцлера, какъ уже противъ него образовалась сильная партія. Всѣ сторонники союза съ Франціею и Пруссіею возопили, когда онъ предложилъ тѣсную связь съ Австріею. Лестокъ, по заступленію котораго Бестужевъ былъ снова призванъ къ дѣятельности, теперь вмѣстѣ съ де ла Шетарди сталъ во главѣ его противниковъ, къ числу которыхъ принадлежали Воронцовъ,

---

([35]) Пискарскій. Марк. де ла Шетарди, стр. 585.

([36]) Ernst Hermann. Gesch. d. Russ Staats. T. V. стр. 112, донесеніе графа Линара.

кн. Трубецкой, принцъ Гомбурскій, Шуваловы и проч. — все люди съ вѣсомъ и значеніемъ при дворѣ. Удержаться одному Бестужеву не было возможности. Онъ сблизился съ Алексѣемъ Григорьевичемъ и вскорѣ сдѣлался его лучшимъ другомъ. Но этого было недовольно; надо было еще сдѣлать узы, соединявшія Разумовскаго съ Государыней, неразрывными. Бестужевъ сталъ искать себѣ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ и скоро нашелъ ихъ въ духовникѣ Ѳедорѣ Яковлевичѣ Дубянскомъ и въ епископѣ Юшкевичѣ.

Духовенство, принадлежавшее къ Русской партіи, во имя которой Елизавета взошла на престолъ, только что успѣло свободно вздохнуть отъ гнета, подъ которымъ долгое время оно томилось. Во все царствованіе Анны Іоанновны, Ѳеофанъ Прокоповичъ нещадно преслѣдовалъ сторонниковъ Стефана Яворскаго и приверженцевъ «Камня Вѣры.» Съ большою ловкостью припуталъ онъ къ ихъ убѣжденіямъ интриги іезуитовъ. Главною же ихъ виною было то, что они иностранцевъ называли: «человѣками или людишками,» высказывали мысль, довольно впрочемъ вѣрную, «что государство ихъ питаетъ,» да кромѣ того еще и всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ «многое число честныя особы при дворѣ и въ воинскихъ и гражданскихъ чинахъ рангами высокими почтены, служатъ, неправдою и невѣрностью помарали» (37). Съ воцареніемъ Елизаветы, Русская партія взяла рѣшительный перевѣсъ: во главѣ ея стоялъ духовникъ императрицы Дубянскій, къ которому она особенно благоволила, человѣкъ весьма умный и ловкой царедворецъ, но при дворѣ разыгрывавшій роль простячка, что давало ему еще большую силу, такъ какъ никто изъ царедворцевъ его не опасался. Одинъ только Бестужевъ, а гораздо позднѣе и Екатерина, съумѣли разгадать его. Благодаря Дубянскому, всѣ изгнанные въ царствованіе Анны Іоанновны іерархи — Левъ Юрловъ Воронежскій, Варлаамъ Вантовичъ Кіевскій и другіе были освобождены изъ заключенія, и архіерейскій санъ имъ возвращенъ. Съ каѳедры, въ присутствіи Императрицы, стали сыпаться самыя сильныя обвиненія и ругательства противъ иностранцевъ. Громко стали говорить о чудесахъ, бывшихъ при гробѣ святителя Дмитрія Ростовскаго, искренняго друга Яворскаго. Но все могло измѣниться. Не всѣ иностранцы были еще сокрушены. Лестокъ и де-ла-Шетарди въ

(37) Слова Ѳеофана. См. Чистовичъ, Рѣшиловское дѣло, стр. 9.

высшей степени пользовались еще довѣріемъ Государыни а, по словамъ Ѳеофилакта Лопатинскаго: «женское сердце пуще мужескаго.» Слѣдовало постоянно имѣть при самодержицѣ такое лице, которое было бы предано духовенству и на заступничество котораго можно бы вполнѣ и всегда расчитывать. Такимъ изъ всѣхъ былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Искренно благочестивый, онъ, какъ Малороссъ, принадлежалъ къ партіи автора «Камня Вѣры», сторонники котораго были по большей части Украинцы и Бѣлоруссы; призрѣнный въ младенчествѣ духовенствомъ, возросшій подъ крыломъ его въ рядахъ придворныхъ пѣвчихъ, онъ взиралъ на него съ чувствами самой искренней и глубокой благодарности и былъ ему преданъ всѣмъ своимъ честнымъ и любящимъ сердцемъ. Власть гражданская сошлась со властью духовною. Уговорить богомольную и отчасти суевѣрную Государыню было нетрудно: духовникъ имѣлъ всегда до нея доступъ, и она охотно прислушивалась къ словамъ его. Въ депешѣ отъ 8 Апрѣля 1747 года Саксонскій резидентъ Пецольдъ говоритъ: «Всѣ уже давно предполагали, а я теперь это знаю за достовѣрное, что Императрица нѣсколько лѣтъ тому назадъ (seit ungefähr ein Paar Jahren) вступила въ бракъ съ оберъ-егермейстеромъ, eine Mariage de Conscience errichtet (38). Преданіе гласитъ, что вѣнчаніе (39) происходило осенью 1742 года въ подмосковномъ селѣ Перовѣ (дворъ возвратился въ Петербургъ въ Декабрѣ 1742 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что обрядъ совершалъ Дубянскій. Съ этихъ поръ Государыня особенно полюбила Перово; она одарила церковь дорогою утварью, богатыми ризами и воздухами шитыми золотомъ и жемчугомъ собственной ея работы (40). Возвращаясь съ Алексѣемъ Григорьевичемъ въ Кремль, дорогою, на улицѣ Покровкѣ, противъ церкви Воскресенія въ Барашахъ, Елизавета вспомнила, что послѣ вѣнчанія не былъ отслуженъ молебенъ, велѣла остановиться, вошла въ церковь и отстояла молебствіе. Послѣ молебна она зашла къ приходскому священнику и кушала у него чай. Въ память этого событія, надъ церковью въ Перовѣ и церковью Воскресенья въ Барашахъ, которая была роскошно обновлена Императрицею, поставлены были, надъ крестами, вызолоченныя императорскія ко-

---

(38) Hermann, Gesch. d. Russ. St. V. 202.
(39) Вейдемейеръ, Царствованіе Елизаветы Петровны, стр. 30.
(40) Захаровъ, Путеводитель по окрестностямъ Москвы, 188.

роны, а на мѣстѣ, гдѣ находился домъ священника, возведены были по ея же приказанію графомъ Растрелли богатыя палаты, подаренныя Елизаветою Разумовскому, гдѣ помѣщается нынѣ 4-я гимназія. «Въ возобновленіи и украшеніи храма Воскресенія, говоритъ г. Снегиревъ, участвовали Императрица Елизавета Петровна и графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, имѣвшіе къ нему особенное благоволеніе. Преданіе старожиловъ къ этому прибавляетъ, что на память благодарственнаго молебна, по особенному случаю пѣтаго Елизаветою Петровною въ этомъ храмѣ, его глава, по ея повелѣнію, увѣнчана императорскою короною, которая и донынѣ украшаетъ куполъ. При ней въ верхней церкви устроенъ великолѣпный иконостасъ съ живописными образами, а въ нижней полъ устланъ чугунными плитами, лежавшими дотолѣ на Сѵнодальномъ дворѣ» (41).

Вліяніе Алексѣя Григорьевича послѣ брака стало огромно (42). Всѣ его почитали и съ нимъ обращались, какъ съ супругомъ Императрицы. Онъ занималъ во дворцѣ комнаты, смежныя съ апартаментами Государыни. Когда онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, Елизавета Петровна обѣдывала въ его покояхъ, и онъ принималъ ее и ея приближенныхъ (до 12 человѣкъ за разъ) въ парчевомъ шлафрокѣ (43). Случившійся съ нимъ припадокъ подагры остановилъ весь дворъ, отправлявшійся въ Тихвинъ и даже Великаго Князя и Великую Княгиню, сидѣвшихъ уже въ саняхъ (44). Разумовскій всюду сопутствовалъ Государынѣ и, какъ увѣряетъ очевидецъ, она даже публично оказывала ему знаки нѣжности и сама застегивала ему шубу и поправляла шапку, когда въ трескучій морозъ они выходили изъ театра (45). Одному ему отпускалось рыбное кушанье, въ то время какъ Государыня и весь дворъ содержали строжайшій постъ (46), а графъ Бестужевъ принужденъ былъ обратиться къ патріарху Константинопольскому за разрѣшеніемъ не ѣсть грыбнаго. Однимъ словомъ, его положеніе было совершенно особенное, и это положе-

---

(41) Москвитянинъ 1844 г. т. 5. 424.

(42) Записки Порошина, 72.

(43) Mém. de Cath. II. 55.

(44) Тамъ же стр. 75.

(45) Anecdotes et recueil de coutumes. . . . de la Russie par un vogageur qui a séjourné 13 ans dans cet empire. Londres. 1792. T. VI. стр. 92.

(46) Камер. Фурьер. Журналъ 1753 г. и Р. Арх. 1865, 351

ніе онъ удержалъ до конца жизни Императрицы, не смотря на всѣ усилія враждебной ему партіи. Царедворцы падали ницъ передъ всемогущимъ супругомъ Государыни, и даже гордая Мавра Егоровна Шуваловa, статсъ-дама, пользовавшаяся съ давнихъ поръ довѣренностію Елизаветы Петровны и склонившая ее на гнѣвъ и милость когда хотѣла ([47]), въ Москвѣ пѣвала молебны, когда мужъ ея, графъ Петръ Ивановичъ, возвращался съ охоты у Разумовскаго, не высѣченный отъ него батожьемъ ([48]): Алексѣй Григорьевичъ не могъ отстать отъ страсти всѣхъ Малороссіянъ къ вину и «весьма неспокоенъ бывалъ пьяный ([49])». Въ своихъ увеселеніяхъ дворъ поддѣлывался ко вкусамъ Алексѣя Григорьевича. Благодаря страсти его къ музыкѣ, заведена была постоянная Италіянская опера, за огромныя цѣны выписывались знаменитые по Европѣ пѣвцы, «буфоны и буфонши.» Въ штатѣ двора встрѣчаются бандуристы и бандуристы и даже «Малороссіянка воспѣвальница» ([50]). Украинскіе пѣвчіе, изъ которыхъ особенно отличался Марко Ѳедоровъ Полторацкій, пѣли и на крылосѣ и на сценѣ вмѣстѣ съ Италіянцами. На придворныхъ пирахъ появились Малороссійскія блюда; однимъ словомъ, все Украинское было въ модѣ. Но среди всѣхъ упоеній такой неслыханной фортуны, Разумовскій оставался всегда вѣренъ себѣ и своимъ. На крылосѣ, и въ покояхъ Петербургскаго дворца, среди Лемешовскаго стада и на великолѣпныхъ праздникахъ роскошной Елизаветы, былъ онъ все тѣмъ же простымъ, наивнымъ, нѣсколько хитрымъ и насмѣшливымъ, но въ тоже время крайне-добродушнымъ хохломъ, безъ памяти любящимъ прекрасную свою родину и своихъ родственниковъ. Племянницу свою Авдотью Даниловну онъ пристроилъ фрейлиною къ Государынѣ. Вся родня его вышла въ люди: дядья Стрешнецовы, братья Натальи Демьяновны, шурья Будлянскій, Закревскій и Дараганъ, изъ казаковъ, закройщиковъ и ткачей обратились сперва въ бунчуковыхъ товарищей, а потомъ пошли далѣе, какъ напримѣръ Осипъ Закревскій, сдѣлавшійся генеральнымъ бунчужнымъ или Ефимъ Дараганъ, пожалованный въ Кіевскіе волковники Но, заботясь о своей семьѣ, Разумовскій не забывалъ и о тѣхъ, которымъ отчасти обя-

---

([47]) Бант. Каменскій Біогр. Росс. генералиссимусовъ и генер.-фельд. I. стр. 303.

([48]) Зап. Порошина, 72.

([49]) Тамъ же.

([50]) Камер. Фур. Журналъ 1748.

занъ былъ своимъ возвышеніемъ. Полковникъ Вишневскій былъ у него домашнимъ человѣкомъ, и Марковичъ разсказываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ другими Малороссійскими депутатами во время пребыванія своего въ Москвѣ, проводилъ съ нимъ дружескія вечеринки у Разумовскаго ([51]). Нѣтъ сомнѣнія, что Алексѣй Григорьевичъ, хотя мы и не имѣемъ на то прямыхъ доказательствъ, старался, сколько могъ, облегчить судьбу и падшаго графа Левенвольда. Его предстательствомъ объясняется то, что Левенвольдъ сосланъ былъ въ сравнительно-близкій Соликамскъ, тогда какъ Остермана заточили въ Березовѣ, а Миниха въ Пелымѣ. Еслибы не несчастное Лопухинское дѣло, то Левенвольдъ навѣрное былъ бы возвращенъ. Даже послѣ онаго, въ 1758 году, когда при дворѣ никто уже и не помнилъ про Левенвольда, безъ малѣйшаго сомнѣнія вслѣдствіе предстательства Разумовскаго, отправленъ былъ курьеръ въ Соликамскъ, съ извѣстіемъ объ освобожденіи ссыльнаго графа — но было уже поздно: курьеръ не засталъ Левенвольда въ живыхъ ([52]).

Въ Мартѣ 1743 года Разумовскій отправилъ, уже нѣсколько подготовленнаго въ Петербургѣ, брата своего Кирилу Григорьевича за-границу, подъ строжайшимъ никогнито, «дабы ученіемъ наградить пренебреженное понынѣ время, сдѣлать себя способнѣе къ службѣ ея императорскаго величества и фамиліи своей впредь собою и поступками своими принесть честь и порадованіе.» Кирила Григорьевичъ отправился на два года въ Германію и Францію подъ надзоромъ Григорія Николаевича Теплова. Передъ отъѣздомъ онъ отъ брата получилъ слѣдующую инструкцію, какимъ образомъ поступать, будучи въ чужестранныхъ государствахъ ([53]).

При отправленіи васъ въ чужестранныя государства, и во первыхъ въ Германію, какъ для изученія полезныхъ наукъ, такъ и пристойныхъ честному кавалеру добрыхъ поступокъ, разсудилъ я за потребно: при желаніи вамъ къ тому намѣренію Божія благословенія, дать слѣдующую, къ собственной вашей пользѣ, братскую инструкцію. По силѣ оной должны вы поступать.

I. Во первыхъ, крайнее попеченіе имѣть о истинномъ и совершенномъ страхѣ Божіи, во всемъ поступать благочинно и благопристойно, и вѣру

([51]) Зап. Марковича II. 158.

([52]) Вейдемейеръ, Царствованіе Елизаветы Петровны, 10.

([53]) Прилагаемые два документа мы перепечатываемъ изъ Москвитянина 1852 г. № 12, куда, въ свою очередь, они попали изъ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей.

Православнаго Греческаго исповѣданія, въ которой вы родились и воспитаны, непоколебимо и нерушимо содержать, удерживая себя при томъ отъ всякихъ продерзостей, праздности, невоздержанія и протчихъ честному и добронравному человѣку неприличныхъ поступокъ и пристрастій.

II. Въ разсужденіе же вашихъ еще младыхъ лѣтъ, также и для другихъ важныхъ обстоятельствъ изобрѣлъ я за потребно для васъ до даннаго впредь отъ меня опредѣленія поручить въ смотрѣніе и предводительство Академіи Наукъ адъюнкту Григорію Теплову. Чего ради чрезъ сіе наикрѣпчайше васъ увѣщеваю, ему, какъ опредѣленному надъ вами смотрителю, съ надлежащимъ почтеніемъ во всемъ, что̀ онъ въ вашу пользу за благо изобрѣсти или учредить имѣетъ, быть послушну. Собою и безъ его воли ничего не начинать и не дѣлать, никакихъ кампаній и денежныхъ расходовъ безъ его согласія и позволенія не имѣть, и въ протчемъ во всемъ такимъ образомъ съ нимъ поступать, какъ вы въ томъ, по возвращеніи своемъ, отвѣтъ дать можете, и какъ то разумному человѣку благопристойно.

III. А понеже главное и единое токмо намѣреніе при семъ вашемъ отправленіи въ чужестранныя государства состоитъ въ томъ, чтобы вы себя къ вящей службѣ Ея Императорскаго Величества, по состояніи вашему, способнымъ учинили, и фамиліи бы вашей впредь собою и своими поступками принесли честъ и порадованіе, того ради имѣете вы о дѣйствительномъ исполненіи онаго намѣренія прилагать съ своей стороны неусыпное попеченіе, и оное за едино токмо средство всего вашего будущаго благополучія признавать, оставя всѣ другія разсужденія и пристрастія. Дабы вы, при семъ уже довольно созрѣвшемъ возрастѣ, пренебреженное по нынѣ время своимъ прилежаніемъ въ ученіи наградить и оставшуюся еще, по вашимъ младымъ лѣтамъ, въ васъ способность въ собственную вашу пользу употребить могли, что̀ къ вашей рекомендаціи впредь тѣмъ наипаче служить имѣетъ. Дано въ С.-Пбургѣ Марта дня 1743 года.

Алексѣй Разумовскій.

Третій пунктъ этой инструкціи, въ которомъ Алексѣй Григорьевичъ такъ серіозно смотритъ на образованіе, насъ еще болѣе удостовѣряетъ въ томъ, что какъ въ Лемешахъ, такъ позднѣе и въ Петербургѣ, Кирила Григорьевичъ учился и особенно въ послѣднее время учился много и послѣдовательно. «Пренебреженное доселѣ время», о которомъ упоминается въ томъ же пунктѣ, слѣдуетъ отнести къ занятіямъ въ Лемешахъ, которыя безъ сомнѣнія были самыя элементарныя. Вмѣстѣ съ инструкціею, данною Кирилѣ Григорьевичу, старшій Разумовскій вручилъ другую его

ментору слѣдующаго содержанія; въ ней вполнѣ выражается нѣжная привязанность его къ брату:

Государь мой Григорій Николаевичъ.

При отправленіи брата моего Кирилы Григорьевича въ вашемъ надзираніи въ другія государства, разсудилъ я за потребно объявить вамъ письменно, въ чемъ мое намѣреніе состоитъ и чего я, по вашему обѣщанію, требую: 1) Прежде всего я отъ васъ прошу беречь при всякомъ случаѣ его здоровье и, сколько возможно, отвращать отъ него всякія здоровью его вредительныя приключенія. 2) Законъ Православнаго Греческаго исповѣданіи не только въ немъ наблюдать, но и стараться, по вашему благоразумію, далѣе его въ томъ наставлять, какъ то вамъ самимъ извѣстно, что начало всей человѣческой премудрости — страхъ Божій. 3) Повсягодно не пропускать того и прилѣжно стараться, чтобъ приступать къ Святымъ Тайнамъ, хотя по одному разу. Буде же въ томъ городѣ, гдѣ жить будете, случая къ тому не будетъ, то хотя нарочно въ близкое мѣсто для того ѣздить. 4) По пріѣздѣ вашемъ въ Галлу ([54]) или гдѣ вы разсудите при первомъ случаѣ остановиться и жить, старайтесь такую квартиру занять, которая не была бы излишняя, а была бы во всемъ покойна, а лучше всего, когда найдете мѣсто у профессора какого и столъ свой у него будете имѣть, при которомъ бы всегда была честная и полезная къ воспитанію молодаго человѣка компанія. 5) Перво всего, я думаю, учиться Кирилѣ Григорьевичу нѣмецкаго языка, а когда въ томъ нѣсколько навыкнетъ, то и французской начать надобно, дабы во Францію пріѣхавши, могъ онъ хотя нѣсколько по-французски говорить, и за то ему въ нѣмецкой землѣ столько пробыть дозволяется, сколько вы за потребно разсудите. 6) Между тѣмъ Ариѳметики, Географіи, Исторіи Универсальной учиться онъ долженъ, и къ тому такожъ особливое прилѣжаніе употреблять. 7) Изъ нѣмецкой земли, не отписавъ ко мнѣ и не получивъ на то ему позволенія отъ меня, не выѣзжать. 8) Къ наукамъ его принуждать, смотря по состоянію здоровья, умѣренно, и буде случится (отъ чего Боже сохрани!) занемочь, доктора и лѣкарей искать искусныхъ. 9) Безъ позволенія бы онъ вашего ничего не начиналъ, въ компаніи не вступалъ и гостей бы не принималъ такихъ, съ которыми ему знакомство не прилично. 10) Имя его прямое тѣмъ только открывать, кому вы разсудите за потребно, а безъ того называть всегда такъ, какъ въ паспортѣ прописано, дабы онъ не имѣлъ причины лишнихъ расходовъ содержать. 11) Деньги его чтобъ всегда при немъ были, и за его печатью, только васъ прошу смотрѣть за нимъ, чтобы онъ безъ

([54]) Въ Москвитянинѣ напечатано въ *Гассу*; это очевидная ошибка, такого города нѣтъ въ Германіи, тогда какъ Галле славился своимъ университетомъ.

вашей воли ихъ не издерживалъ, а вы можете расходъ порядочно приказать зависывать, и всякій мѣсяцъ, освидѣтельствовавъ оный, подписывать съ нимъ вмѣстѣ и въ то время, когда отъ меня требовать будетъ пересылать новыя суммы, присылать прошу издержаннымъ деньгамъ исправный расходъ, хотя перечнемъ. 12) Въ платьѣ и галантереи излишества прошу никакого не дѣлать и до того не допускать, развѣ кого изъ учителей онъ необходимо долженъ будетъ подарить чѣмъ. 13) Безчестья ему никакого ни словомъ, ни дѣломъ не наносить, а ежели что случится достойное исправленія, о томъ ему и представлять и выговаривать наединѣ и безъ постороннихъ людей, а о нестерпимыхъ, ежели какія, паче чаянія, случатся отъ него грубости и непослушаніе, писать ко мнѣ немедленно, и тѣ письма напередъ ему прочитывать, ибо ему довольная инструкція дана, какъ онъ долженъ вамъ повиноваться. 14) Для лучшей стройности тѣла его и для забавы, учить его танцовать, фектовать и на лошадяхъ ѣздить, но съ такою умѣренностью, чтобы въ томъ ни излишняго ни времени ни расходовъ не издерживать. 15) Писать ко мнѣ и къ матушкѣ принуждать его сколько можно почаще, а васъ обо всемъ прошу со всякою вѣрностію ко мнѣ обстоятельно писать. 16) Люди, которые будутъ при немъ: Григорій и Иванъ, отдаются въ полное ваше смотрѣніе и когда проступятся предъ Кирилою Григорьевичемъ и вы разсудите, безъ наказанія ихъ, ежели онъ хочетъ, не оставлять; впрочемъ я на васъ во всемъ полагаюся и больше все, что здѣсь опущено, предаю въ ваше собственное разсужденіе. Обѣщеваю за то васъ, по возвращеніи вашемъ благополучномъ, во всемъ по силѣ моей не оставлять и за трудъ вашъ дѣйствительно благодарить, съ которымъ обѣщаніемъ всегда пребываю, вашъ слуга,

Алексѣй Разумовскій.

Кирила Григорьевичъ отправился изъ Петербурга въ исходѣ Марта подъ именемъ Ивана Ивановича Обидовскаго. Это явствуетъ изъ слѣдующей записки, сохранившейся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

«Его сіятельство (Бестужевъ) изволили приказать написать два паспорта на хорошей большой бумагѣ, а именно:

1. Для Ивана Ивановича Обидовскаго, Россійскаго дворянина и при немъ служители:

Василій Егоровъ, Григорій Савинъ, Иванъ Колмыковъ. (Григорій да Иванъ упоминаются въ письмѣ Разумовскаго къ Теплову).

2) Для Кирилы Григорьевича Разумовскаго, Россійскаго шляхтича и при немъ 3 служителя, которые отпущены въ иностранныя государства; и еще сегодня оные, приложивъ печати и съ переводомъ совсѣмъ изготовя, прислать къ его сіятельству господину вице-канцлеру на дворъ.»

Второй паспортъ нуженъ былъ до границы и для «открытія прямаго имени Разумовскаго тѣмъ, кому бы заблагоразсудилось Теплову.» Мы думаемъ, что небезинтересно будетъ приложить здѣсь и самый паспортъ выданный Кирилѣ Григорьевичу — вотъ списокъ онаго:

«Божіею милостью, мы Елисаветъ первая, императрица и самодержица Всероссійская и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе кому вѣдать надлежитъ. Понеже показатель сего Россійскій шляхтичъ Кирила Разумовскій отпущенъ изъ Россіи въ иностранныя государства, того ради всѣхъ высокихъ областей дружелюбно просимъ и отъ каждаго по состоянію чина и достоинства кто симъ употребленъ быть имѣетъ, пріятно желаемъ, нашимъ же военнымъ и гражданскимъ управителямъ всемилостивѣйше повелѣваемъ: помянутаго шляхтича Кирилу Разумовскаго въ надлежащемъ ему пути, какъ туда ѣдущаго, такъ и назадъ возвращающагося, съ обрѣтающимся при немъ его 3-мя служителями и вещами, не токмо вездѣ свободно и безъ задержанія пропускать, но и гдѣ случится побыть ему позволить и всякое благоволеніе и потребное вспоможеніе оказывать велѣли, за что мы каждымъ высокимъ областямъ въ таковыхъ случаяхъ взаимно воздавать обѣщаемъ. Наши же подданные оное наше повелѣніе да исполнятъ. Во свидѣтельство чего данъ ему сей паспортъ за нашею государственною печатью изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ С.-Петербургѣ первагонадесять Марта 1743.»

Въ тотъ же день выданъ паспортъ и адъюнкту Теплову, «для дальнѣйшаго и совершеннѣйшаго обученія, отправленнаго въ иностранныя государства.»

Кирила Григорьевичъ былъ уже подготовленъ къ путешествію; во всякомъ случаѣ онъ уже твердо зналъ грамоту. Не смотря на это, многаго еще недоставало въ немъ чтобы быть тѣмъ что Французы называютъ «un cavalier accompli», и нѣтъ сомнѣнія, что старшій Разумовскій, щедрый до расточительности, не изъ какихъ либо денежныхъ расчетовъ отправилъ брата въ чужіе края подъ вымышленнымъ именемъ и предписывалъ ему строжайшую экономію, а для того, чтобы, такъ какъ неслыханное возвышеніе Алексѣя Григорьевича уже огласилось по всей Европѣ, нѣсколько-деревенская и необтесанная еще личность меньшаго брата не причинила бы Россійскому двору какого посрамленія. Поѣздка въ Галле, какъ видно, не осуществилась. Путешественники остановились сперва въ Кенигсбергѣ, гдѣ были очень хорошо приняты капитаномъ Брилемъ, находившимся вѣроятно въ Прусской службѣ; а оттуда проѣхали въ Данцигъ. Изъ Кенигсберга Кирила Григорьевичъ писалъ о разрѣше-

ніе тамъ остаться цѣлый годъ, чтобы на рубежѣ Европы подготовиться къ дальнѣйшему путешествію. Въ отвѣтъ на свое посланіе онъ получилъ, въ Данцигѣ уже, отъ Ададурова слѣдующій отвѣтъ:

М. Г. мой Кирила Григорьевичъ. Въ исполненіе высокаго повелѣнія его высокопревосходительства брата вашего, моего милостивѣйшаго государя, имѣю я ваше высокоблагородіе съ должною покорностію увѣдомить, что его высокопревосходительство находится въ пожеланномъ здравіи и благополучіи и вашимъ благополучнымъ въ Кенигсбергъ прибытіемъ, а наипаче высочайшею ея императорскаго величества милостію, которая пожалованіемъ васъ минувшаго Апрѣля 25 дня въ дѣйствительные при ея императорскомъ величествѣ камеръ-юнкеры вамъ показана, васъ поздравить, и я ваше высокоблагородіе отъ истиннаго сердца покорнѣйше поздравлю, съ искреннимъ желаніемъ непремѣннаго продолженія къ вамъ высочайшей ея императорскаго величества милости, и всегдашняго умноженія вашего и всей высокой фамиліи вашей благополучія. И понеже сія знатная дистинкція учинена вамъ во мнѣніи наипящшей къ полезнымъ наукамъ вашей прилѣжности и для побужденія васъ черезъ то къ наибольшему старанію о пріобрѣтеніи надлежащей способности къ службѣ ея императорскаго величества и всѣхъ честному и знатному кавалеру пристойныхъ и похвальныхъ свойствъ и добрыхъ поступокъ: то его высокопревосходительство приказалъ мнѣ вашему высокоблагородію чрезъ сіе паки напамятовать, какъ то его высокопревоходительство при случаѣ и самъ учинить не оставитъ, чтобы вы какъ въ нужныхъ вамъ языкахъ и наукахъ, такъ и въ добрыхъ поступкахъ крайнее раченіе и прилѣжность оказывали, послѣдуя во всемъ къ пользѣ вашей предводительству Григорія Николаевича, что́ къ удовольствію его высокопревосходительства, а къ вашему большему авантажу впредь служить имѣетъ. Что ваше высокоблагородіе начали Географіи и Нѣмецкому языку учиться, то его высокопревосходительству весьма пріятно, но притомъ изволилъ его высокопревосходительство въ подтвержденіе прежняго своего повелѣнія приказать чтобы вы и въ Латинскомъ языкѣ нѣсколько обучаться изволили, который для Нѣмецкаго и Французскаго вамъ очень нуженъ и тѣмъ языкамъ вмѣсто основанія служить имѣетъ; а какимъ образомъ въ томъ упражняться и все прочее, полагаетъ его превосходительство на разсмотрѣніе Григорія Николаевича. На требованное вами позволеніе, чтобы первый годъ жить вамъ въ Кенигсбергѣ, его высокопревосходительство согласиться изволилъ, и приказалъ означенный годъ жить вамъ въ семъ городѣ въ такомъ разсужденіи, чтобы тутъ при прочихъ наукахъ особливо понѣмецки научиться, а потомъ съ бо́льшею способностію далѣе путь свой продолжать могли. Что до музыки и танцованія касается, оное его высокопревосходительство для увеселенія вашего также соизволяетъ, токмо съ такою умѣренностію, чтобы вы того за глав-

ное свое упражненіе почитать не изволили, но больше бъ времени и прилѣжности на Нѣмецкій и Латинскій языки (пока Французскаго еще не начинаете), на исправность и чистость въ Русскомъ письмѣ и стилѣ. и на Исторію и Географію употребляли, пока къ дальнимъ и вышнимъ наукамъ вашему высокоблагородію со временемъ приступить можно будетъ. А фехтованіе его высокопревосходительство разсудилъ отложить до тѣхъ поръ, пока ваше высокоблагородіе въ означенныхъ языкахъ и наукахъ пробы своего прилежанія и прогрессовъ оказать и къ его высокопревосходительству прислать изволите. Благодарительныя письма къ тѣмъ особамъ, о которыхъ вы и Григорій Николаевичъ упоминаете, его высокопревосходительство при первомъ способномъ случаѣ писать обѣщалъ, также и г-на капитана Бриля надлежащимъ воспоможеніемъ оставить не изволитъ. Впрочемъ письмами вашего высокоблагородія, которыя всѣ исправно здѣсь получены, его высокопревосходительство весьма доволенъ и приказалъ за оныя благодарить, а самъ на оныя отвѣтствовать не могъ, за неимѣніемъ къ тому времени. Я же за милостивое вашего высокоблагородія приписаніе ко мнѣ въ письмахъ Григорія Николаевича нижайше благодарствую и, желая вашему высокоблагородію всякаго благополучія и счастливаго во всѣхъ намѣреніяхъ вашихъ успѣха, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего высокоблагородія покорнѣйшій и нижайшій слуга Вас. Ададуровъ. Въ Санктъ-Петербургѣ 7 Мая 1743 (Получено 28 Мая 1743 въ Гданскѣ) ([55]).

Дидактическій тонъ письма этого ясно указываетъ на отношенія учителя къ бывшему ученику.

Въ то время, какъ Кирила Григорьевичъ учился Географіи и Универсальной Исторіи, Нѣмецкому и Латинскому языкамъ, братъ его получилъ отъ Государыни 2 Іюня 1743: собственныя ея вотчины въ Псковскомъ уѣздѣ, Корельскую волость съ приписными къ ней въ разныхъ уѣздахъ, засадахъ и губахъ, волостьми и деревнями; 7 Октября того же года отписныя Нигермапландскія деревни и приморскій домъ, да еще имѣющійся въ С.-Петербургѣ, за Малою Невкою называемый Крестовскій островъ бывшаго фельдмаршала Миниха, да въ Копорскомъ уѣздѣ Гостилицкую мызу со всѣмъ и съ красильнымъ заводомъ. При дворѣ же тогда интриги были въ сильномъ разгарѣ. Елизавета Петровна была полнымъ олицетвореніемъ Русской помѣщицы прошлыхъ временъ. Лѣнивая, прихотливая, неимѣвшая опредѣленныхъ часовъ ни для сна, ни для вставанія, ни для ѣды, ни для одѣванія, ненавидѣвшая всякое серіозное. занятіе, то

([55]) Изъ архива гр. А. С. Уварова.

излишне фамиліарная, то за бездѣлицу сердившаяся и бранившая царедворцевъ самыми неизбранными словами, вѣчно окруженная всякими барскими барынями, приживалками, разскащицами, чесательницами пятокъ, она любила толки и въ слушаніи ихъ проводила большую часть дня. Никогда доселѣ не представлялось такого разгула для всякихъ мелкихъ доносовъ, наушничества, пронырствъ и каверзъ. Первую роль тутъ играли женщины: Мавра Егоровна Шувалова, Анна Карловна Воронцова, Настасья Михайловна Измайлова и наконецъ какая-то Елизавета Ивановна, которую графъ А. С. Строгановъ называлъ «le ministre des affaires étrangères de ce temps-là» (56). Отъ женщинъ не отставали и мужчины. Немедля по воцареніи Елизаветы, образовались партіи, только и думавшія о томъ, какъ бы одна другую низвергнуть. Вражда ихъ забавляла Государыню, и часто пересказами старались они еще болѣе возбудить противниковъ другъ противъ друга (57). Съ одной стороны стояли, какъ мы сказали выше, представители союза съ Франціею, къ которымъ присоединилась еще Голштинская свита наслѣдника престола, съ другой Бестужевъ, опиравшійся на Разумовскаго. Самъ же Разумовскій не принималъ участія въ сплетняхъ и интригахъ придворныхъ: они были противны его добродушной и честной природѣ. Его близкими пріятелями были Бестужевъ и Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ (58); но тѣмъ не менѣе въ дѣла государственныя онъ не вмѣшивался, а Бестужева онъ любилъ, потому что въ немъ, не смотря на его недостатки, природнымъ инстинктомъ чуялъ самого способнаго и полезнаго для Россіи дѣятеля. Первая стычка между двумя партіями имѣла слѣдствіемъ несчастное Лопухинское дѣло. Лестоку, во что бы то ни стало, хотѣлось уничтожить соперника, имъ же самимъ возвышеннаго. Онъ ухватился за пустыя придворныя сплетни, надѣялся въ нихъ запутать вицеканцлера и тѣмъ повредить Австріи. Началось слѣдствіе, пытки, казни; но Бестужева дѣло это не сломило, а Лестоку подготовило путь въ ссылку. Послѣ драмматической развязки Лопухинскаго процесса, дворъ переѣхалъ въ Москву. Черезъ нѣсколько недѣль, весною 1744 года, пріѣхала принцесса Ангальтъ-Цербстъ-Бернбургская, Іоганна Елизавета съ дочерью Софіею-Августою-Фридерикою. Пріѣздъ этотъ былъ нежданнымъ ударомъ для Бестужева,

(56) Записки Порошина, 462.
(57) Hermann's Gesch. d. russ. St. T. V. стр. 165.
(58) Зап. Порошина, 72.

мечтавшаго о брачномъ союзѣ для наслѣдника престола съ принцессою Саксонскою; но въ то же самое время мѵропомазаніе принцессы Софіи, принявшей, съ православіемъ, имя Екатерины Алексѣевны, было послѣднимъ торжествомъ Лестока.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, 12-го Мая 1744-го года, Императрица подарила Алексѣю Григорьевичу село Перово и деревни Тетерки и Тимохово, а также и дворъ Гороховскій на поемной землѣ Спасо-Андроніева монастыря, отобранной прежде въ вотчинную канцелярію, но съ тѣмъ чтобы за землю платить монастырю оброчныя деньги. Государыня любила посѣщать Перово и гостила тамъ иногда довольно долго. Туда привозила она въ послѣдствіи и Великаго Князя и Великую Княгиню([59]); тамъ Елизавета Петровна любила потѣшаться соколиною и псовою охотою, на которую приглашались часто чужестранные министры и нѣкоторыя изъ знатныхъ обоего пола особъ.

Въ тѣ времена Перово было не то, что теперь; тамъ красовались великолѣпный домъ, роскошный англійскій садъ съ дорогими растеніями, бесѣдками, фонтанами, статуями и проч. Длинный проспектъ проведенъ былъ вплоть до Измайловскаго звѣринца. Здѣсь Государыня охотилась, а въ самомъ Перовѣ любила смотрѣть на игры и хороводы поселянъ([60]). 16 Мая того же 1744-го года Алексѣй Григорьевичъ, чрезъ предстательство графа Кейзерлинга, Русскаго посланника въ Дрезденѣ, былъ пожалованъ курфирстомъ Саксонскимъ, викаріемъ Римской Имперіи, въ рейхсъ-графы. Самая грамота на графское достоинство Римской Имперіи была подписана императоромъ Карломъ VII-мъ([61]), и въ ней сказано, что Разумовскіе происходятъ отъ знатной фамиліи Польскаго королевства Рожинскихъ, изъ которой фамиліи Романъ Рожинскій поселился въ Малороссійскихъ городахъ, гдѣ его потомки, отъ своихъ полезныхъ заслугъ и многихъ благоразумныхъ совѣтовъ употребляемое нынѣ прозваніе Розумовскихъ получили. Такимъ образомъ іеромонахъ Михаилъ Козачинскій, префектъ Кіевской Академіи, не первый сочинилъ эту фантастическую генеалогію, надъ которою впослѣдствіи не рѣдко посмѣивался Кирила Григорьевичъ и которая была напечатана подъ заглавіемъ:

([59]) Memoires de Cathérine II, стр. 79.

([60]) Захаровъ, Путеводитель по окрестностямъ Москвы, 189.

([61]) Карлъ VII курфирстъ Баварскій, императоръ Германскій съ 1742 по 1745 годъ.

«Философіа Арістотелева по умствованію періпатетиковъ изданная Ея Императорскаго Священнѣйшаго Величества природныя нашея великія Государыни всеавгустѣйшія Императрицы Елисаветы Петровны всея Россіи вѣрному подданному, священныхъ Россійскаго и Римскаго Імперіи сіятельнѣйшему Рейсъ-Графу, высокопревосходительнѣйшему Государственному-Ягеръ-Мейстеру, Дѣйствительному Ежъ Імператорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Оберъ-Камеръ-Геру, Лейбъ-Компаніи поручику и многихъ орденовъ Кавалеру Его Высоко-Рейсъ-Графскому Сіятельству Алексію Григоріевичу Разумовскому, въ лѣтный славнаго Его Тезоименитства День. Приписанная на щировѣрной выписъ изъ печатныхъ, Латинскихъ и Польскихъ книгъ о шляхетной енеалогіи благородныхъ господъ Розумовскихъ, утвержденная въ четыры доводы, раздѣленная и публичними въ Академіи Могилозборовской Кіевской диспутами освидѣтельствованная чрезъ Всенижайшаго Слугу и Богомольца, Академіи Кіевскія Префекта и Тояжде Философіи Троекурснаго Учителя Іермонаха Михаила Козачинскаго Поднесенная. Отвѣтствовалъ же, сея жъ Философіи Слышатель, Греческаго, Еврейскаго и Нѣмецкаго Діалектовъ ученикъ Благородный Господинъ Григорій Щербацкій при учительствѣ Помянутаго Префекта Михаила. Въ Кіевѣ 1745 года, Марта 17 дня».

Какъ скоро въ Малороссіи узнали о полученіи Алексѣемъ Григорьевичемъ достоинства Римскаго графа, отъ всѣхъ чиновъ народа Малороссійскаго отправлено было къ нему поздравленіе. На это поздравленіе графъ Разумовскій отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ ([62]).

Высокопочтеннѣйшіе господа! Ваше поздравительное писаніе, которымъ вы меня почтить изволили, при полученіи графскаго достоинства священныя Римскія Имперіи, въ которое Его Императорское Величество Цесарь меня возвысить соблаговолилъ, одолжаетъ меня чрезъ сіе принесть мое благодареніе съ обнадеживаніемъ всегдашняго благодаренія (sic), и что я во всякихъ случаяхъ то памятовать буду, что вы, высокопочтеннѣйшіе господа, въ моемъ благополучіи участіе пріемлете и тому изволите радоваться, что я принявъ и возблагодаривъ за явленную вами при семъ случаѣ учтивость, оставаюсь всегдашнимъ моимъ обыкновеннымъ почитаніемъ, которое всегда будетъ непремѣнно такимъ же образомъ, какъ и я имѣю честь быть непрестанно вашего высокопочитанія послушнимъ слугою Г. А. Розумовскій, Іюня 28-го 1744 году. Москва.

Черезъ два мѣсяца послѣ пожалованія Алексѣя Григорьевича въ рейхсъ-графы, по случаю заключенія съ Швеціею мира, 15-го Іюня, оба брата

([62]) Перепечатываемъ его изъ Исторіи Малороссіи Маркевича. Т. IV, стр. 417, приложеніе XCI. По ошибкѣ оно названо отвѣтомъ *Гетмана* Разумовскаго.

Разумовскіе возведены были въ графское Россійской Имперіи достоинство. Ададуровъ извѣстилъ объ этомъ Кирилу Григорьевича слѣдующимъ письмомъ:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ. Съ несказанною радостію поздравляю я ваше сіятельство высочайшею оною милостію, которая вамъ отъ Ея Императорскаго Величества вчерашняго числа возвышеніемъ васъ въ графское достоинство Всероссійской Имперіи показана. Сіе есть такое происшествіе, котораго я при торжествованіи заключеннаго со Швеціею вѣчнаго мира для вашего сіятельства тѣмъ наипаче надѣялся, чѣмъ болѣ я увѣренъ о особливомъ и отеческомъ попеченіи, которое объ васъ имѣетъ его высокографское сіятельство вашъ государь братецъ. Я еще за день до сего торжества, послѣдуя движенію моего сердца, осмѣлился съ довольною ясностію открыть вамъ несомнѣнную мою о томъ надежду въ письмѣ, посланномъ съ студентомъ Екимомъ Яковлевичемъ Барсуковымъ, который понынѣ жилъ при братцѣ вашемъ, а поѣхалъ къ вамъ изъ Москвы вчера около полудня, и такъ еще прежде сего вашего повышенія. Вмѣстѣ съ вами объявлены Россійскими графами: Андрей Ивановичъ Ушаковъ (63), Александръ Ивановичъ Румянцевъ (64) и вашъ братецъ. Прочихъ произведеній и пожалованій въ тотъ день было весьма много, при чемъ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ (65) пожалованъ государственнымъ канцлеромъ, графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ (66) вицеканцлеромъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (67) камеръ-юнкеромъ при Ея Императорскомъ Высочествѣ Государынѣ Великой Княжнѣ (68), о которыхъ произведеніяхъ впредь буду стараться услужить обстоятельнымъ извѣстіемъ, а теперь, желая отъ сердца наивящаго благополучія вашему сіятельству и продолженія неотмѣнной къ себѣ вашей милости, пребываю съ глубочайшимъ респектомъ, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Вас. Ададуровъ. Въ Москвѣ 16 Іюня 1744.

P. S. Его сіятельство графъ Григорій Петровичъ Чернышевъ (69)

---

(63) Генералъ-аншефъ графъ А. И. Ушаковъ, грозный начальникъ Тайной Канцеляріи, ум. 1747 г.

(64) Генералъ-аншефъ графъ А. И. Румянцевъ, отецъ Задунайскаго, ум. 1749.

(65) О Бестужевѣ не разъ упоминается въ статьѣ этой, ум. 1766.

(66) Впослѣдствіи государственный канцлеръ, ум. 1767.

(67) Впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и Московскій главнокомандующій ум. 1784.

(68) Екатерины II й.

(69) Генералъ-аншефъ графъ Г. П. Чернышевъ, отецъ предыдущаго, ум. 1745.

ваше сіятельство чрезъ меня сею Ея Императорскаго Величества милостію поздравляетъ; вѣдая же вашего сіятельства къ себѣ милости, принимаю смѣлость донести и о себѣ, что я при семъ торжествѣ Ея Императорскаго Величества высочайшею милостію такожде взысканъ и пожалованъ совѣтникомъ коллежскимъ въ той же герольдмейстерской конторѣ, что̀ я наипаче милостивому предстательству его высокографскаго сіятельства братца вашего приписываю» (70).

Какъ видно, многочисленныя произведенія и пожалованья этого дня дѣлались весьма безтолково. По крайней мѣрѣ Екатерина Великая, по случаю мира съ Швеціею въ 1790 (8 Августа) вспоминая про былыя времена, говорила Храповицкому (71) о безпорядочномъ при императрицѣ Елизаветѣ торжествѣ мира: «занимались только церемоніею и производили въ чины безъ всякихъ правилъ: видно, по внушенію Бестужева и Разумовскаго.»

Мы уже сказали, что вообще старшій Разумовскій въ государственныя дѣла вмѣшиваться не любилъ; онъ понималъ, что высшія правительственныя соображенія не при немъ писаны, что онъ къ этому дѣлу не подготовленъ и по этому ограничивался тѣмъ, что передавалъ Государынѣ бумаги Бестужева, да не пропускалъ случая замолвить за него доброе словцо. Къ тому же свойственная всѣмъ истымъ Малороссіянамъ лѣнь еще болѣе отстраняла его отъ головоломныхъ занятій. Были однако два вопроса, которые его задѣвали за живое; для нихъ забывалъ онъ и природную лѣнь и отвращеніе отъ дѣлъ и смѣло выступалъ впередъ, не опасаясь изъ-за нихъ докучать Государынѣ. Первый вопросъ касался до дѣлъ духовныхъ и духовенства. Благодаря Разумовскому, вліяніе духовенства на набожную и суевѣрную Елизавету приняло огромные размѣры. «Первѣйшій тогда, въ особливой милости и довѣренности у Ея Императорскаго Величества находящійся, господинъ оберъ-егеръмейстеръ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій,» говоритъ князь Яковъ Петровичъ Шаховской, «пріятствомъ съ духовными лицами обходился и въ ихъ особливыхъ надобностяхъ всегда предстателемъ былъ» (72). «Первый тогда фаворитъ», «говоритъ онъ далѣе, «св. Синода членамъ особливо благосклоненъ былъ и неотрицательно по ихъ домогательствамъ и прошеніямъ всевозможныя у Ея Величества предста-

(70) Изъ Архива графа А. С. Уварова.
(71) Записки Храповицкаго, 231.
(72) Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, ч. I. стр. 64.

тельства и заступленія употреблялъ» ([73]). Протоіерей Дубянскій и архіепископъ Амвросій не ошиблись въ своемъ расчетѣ и до конца жизни Елизаветы имѣли у трона скораго заступника и помощника. Это заступничество, вопреки жалобамъ Шаховскаго, имѣло отчасти и плодотворное дѣйствіе. Если не по иниціативѣ Разумовскаго, то по крайней мѣрѣ черезъ его посредство, учреждена была въ Свіяжскѣ особая коммиссія съ цѣлью распространять христіанство въ Заволжьѣ. Миссіонеры посылались и въ Сибирь, и на Кавказъ, и въ Камчатку. Въ Сибири и въ Камчаткѣ миссіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Изъ Татаръ Казанской губерніи, благодаря неутомимой дѣятельности архимандрита Дмитрія Сѣченова, возведеннаго впослѣдствіи и весьма вѣроятно по предстательству Разумовскаго, на Новогородскую каѳедру, крестилось 360,000 человѣкъ, и многія тысячи Калмыковъ приняли вѣру христіанскую. Въ Вѣдомостяхъ безпрестанно появлялись извѣстія о присоединяемыхъ къ Православію, и Государыня очень часто бывала крестною матерью. Доброе сѣмя было брошено и начало уже пускать корни. Вслѣдъ за принятіемъ Христіанства неминуемо бы послѣдовало окончательное обрусѣніе края. Къ сожалѣнію, благіе начатки эти не принесли добраго плода и, благодаря равнодушію слѣдующихъ царствованій, пропали безъ слѣда. Екатерина, среди своихъ огромныхъ трудовъ, не имѣла времени заняться этимъ дѣломъ; при Павлѣ думали только о сокрушеніи всего, что̀ было сдѣлано въ предыдущее царствованіе, и не оставалось времени на прочное созиданіе чего либо новаго.

Рядомъ съ учрежденіемъ миссій упомянемъ еще объ основаніи въ Астрахани семинаріи для приготовленія проповѣдниковъ между иновѣрцами, о печатаніи Евангелія и духовныхъ книгъ для Грузинъ и наконецъ о новомъ изданіи всей Библіи, не появлившейся въ печати съ самаго 1663 года. Къ сожалѣнію это религіозное настроеніе имѣло и свою темную сторону. Набожностью императрицы и Разумовскаго для достиженія своихъ цѣлей безпрестанно пользовались хитрые интриганы. «Я была окружена въ молодости,» говоритъ императрица Екатерина, «богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду» ([74]). Конечно ре-

([73]) Тамъ же ч. I стр. 97.

([74]) Сборникъ Русскаго историческаго общества. Письмо Екатерины Великой къ г-жѣ Жоффренъ отъ 15 Января 1766 года.

лигіозныя убѣжденія Алексѣя Григорьевича были самыя искреннія. Вѣра его была чиста и изливалась изъ глубины души его; но нельзя не пожалѣть, что при всемъ его желаніи добра, отсутствіе всякаго образованія служило помѣхою. Онъ былъ часто орудіемъ ловкихъ и властолюбивыхъ царедворцевъ и лицъ прикрытыхъ рясою, конечною цѣлью которыхъ было по большей части не истинное благо духовенства и преуспѣяніе вѣры Христовой, а достиженіе личныхъ выгодъ и личнаго вліянія на дѣла.

Этимъ объясняется то, что, не смотря на исключительное положеніе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ при дворѣ, во все продолженіе царствованія Елизаветы, и на постоянное благорасположеніе къ нимъ Государыни и непрестанное ходатайство за нихъ Разумовскаго, собственно для улучшенія всего духовенства и раціональнаго усиленія его вліянія было сдѣлано или ничего, или такъ мало, что не стоитъ объ этомъ упоминать.

Другой вопросъ, возбудившій живое участіе въ Разумовскомъ—были дѣла Малороссіи. Здѣсь онъ дѣйствовалъ совершенно самобытно, руководимый единственно страстною любовью къ родинѣ. При дворѣ никто не обращалъ вниманія на отдаленную Украйну, до нея никому не было дѣла, и она, еще столь недавно пользовавшаяся правами свободы, стенала подъ игомъ правителей, насылаемыхъ изъ Петербурга. Права ея были забыты и, по свидѣтельству Георгія Конисскаго, страшнымъ образомъ отозвались въ ней всѣ ужасы Бироновщины. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Елизаветы, по восшествіи на престолъ, было поручить управленіе Малороссіи бывшему любимцу своему Александру Борисовичу Бутурлину. Бутурлинъ принялъ это назначеніе нехотя, съ условіемъ, что оно будетъ временное и только и думалъ, какъ бы скорѣе вернуться ко двору. Коронованіе Государыни вскорѣ послужило ему благимъ предлогомъ. Между тѣмъ, какъ скоро Бутурлинъ привезъ въ Малороссію манифестъ о восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, рѣшено было отправить въ Петербургъ съ поздравленіемъ депутатовъ отъ народа Малороссійскаго. На то избраны были Лубенскій полковникъ Петръ Апостолъ (сынъ послѣдняго гетмана) и бунчуковые товарищи Яковъ Марковичъ, Григорій Лизогубъ и Андрей Горленко. Послѣдній былъ тотъ самый Андрей Андреевичъ, съ которымъ, какъ мы видѣли выше, Елисавета еще Цесаревною была въ перепискѣ и чрезъ котораго Алексѣй Григорьевичъ сносился съ семьею своею. Во время избранія своего въ депутаты онъ нахо-

дился уже въ Петербургѣ, откуда посылалъ Запорожца Гриву за паспортомъ генеральнымъ на званіе депутата (75). Весьма вѣроятно, что самое избраніе и отправленіе въ Петербургъ депутатовъ совершалось по его внушенію и, быть можетъ, онъ поѣхалъ впередъ съ семействомъ Разумихи, которому еще недавно передавалъ письма и посылки, присылаемыя съ «каморъ-динеромъ» Игнатомъ Полтавцевымъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ депутаты отправляются на поклонъ къ Игнату Кириловичу Полтавцеву и «у него покаловъ по нѣскольку вина выпивши, подъ шумомъ» въ свою квартиру возвратились (76). Какъ мы видѣли, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ народомъ Малороссійскимъ. Вѣроятно, что сношенія начались еще до пріѣзда депутатовъ; во всякомъ случаѣ пребываніе ихъ при дворѣ еще болѣе скрѣпило связь Разумовскаго съ Малороссіею. Переписка стала оживленнѣе, и Марковичъ не разъ вручалъ Разумовскому письма отъ старшинъ генеральныхъ. Депутаты прибыли въ Петербургъ въ Январѣ 1742 года. Алексѣй Григорьевичъ несказанно обрадовался землякамъ. «Были мы у Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, камергера, нашего Малороссіянина,» говоритъ Марковичъ. Все, что можно было сдѣлать для радушнаго пріема депутатовъ, было сдѣлано Разумовскимъ. Государыня приняла ихъ отмѣнно милостиво. Въ день аудіенціи она, въ присутствіи дамъ и господъ, стоя выслушала привѣтъ, говоренный полковникомъ Лубенскимъ Апостоломъ. Ему отвѣчалъ оберъ-гофмейстеръ баронъ Минихъ и обнадеживалъ милостью монаршею весь народъ Малороссійскій, а партикулярно депутатовъ. Разумовскаго депутаты посѣщали безпрестанно, то поутру «и были на водкѣ у Алексѣя Григорьевича» (77) то вечеромъ, и въ обществѣ Вишневскаго и Елагина «бокаловъ по 10-ти венгерскаго выпили и подніахомъ» (78). Часто заставали они у него Государыню: «были во дворцѣ у Разумовскаго, гдѣ удостоились быть у ручки Ея Величества и милостивыя слова слышать,» и опять таки «подніахомъ» (79). Ихъ приглашали на всѣ маскарады и банкеты придворные, возили въ оперу, гдѣ «дѣвки

(75) Записки Марковича, ч. II. 152.
(76) Тамъ же, ч. II. 157.
(77) Тамъ же II. 171 и др.
(78) Тамъ же, II. 158.
(79) Тамъ же. II. 160.

Италіанки и кастратъ ([80]) пѣли съ музыкою;» показывали имъ звѣринцы, кунсткамеру, академію и проч. Изъ Петербурга въ слѣдъ за дворомъ депутаты отправились въ Москву. Здѣсь продолжали они столь же часто посѣщать Разумовскаго, да еще нерѣдко бывали у отца духовнаго Дубянскаго, вѣроятно тоже Малороссіянина, у стараго знакомаго Горленки, Полтавцева, у бандуриста Григорія Михайловича и у пѣвчаго Божка, двухъ земляковъ, вскорѣ возведенныхъ въ дворянство ([81]). 25 Апрѣля 1742, въ день коронованія, Малороссійскіе депутаты въ процессіи уступили шагъ одному только Лифляндскому ритеръмаршалу. Черезъ день послѣ коронованія они, на особой аудіенціи, поздравляли Государыню. Потомъ опять начались вечеринки у Разумовскаго («гдѣ напившись венгерскаго вернулись домой»), балы, куртаги, оперы, маскарады и пр. Особенно была по сердцу Малороссіянамъ опера, «гдѣ въ изъясненіе милосердыхъ Сентиментовъ Ея Величества репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ Римскомъ и составленной на него конжюраціи чрезъ Сикстуса и Лентулуса, съ наущенія Вителліи, дочери убіеннаго Виталлія, которымъ всѣмъ оный императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ и проч. при преизрядномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ» ([82]).

Кромѣ этихъ оффиціальныхъ торжествъ и обѣденныхъ пирушекъ у Разумовскаго, были еще у него болѣе интимные праздники, на которыхъ первыми гостями, разумѣется, были Малороссіяне. «Ѣздили мы въ домъ А. Г. Разумовскаго, говоритъ Марковичъ, гдѣ была сватьба его служителя со служебкою, и тамъ мы Малороссіяне (опять таки) подпіяхомъ.» Со сватьбы хохлы наши отправились, вѣроятно въ нѣсколько безобразномъ видѣ, во дворецъ, гдѣ былъ фейерверкъ изрядный и коштовый» ([83]). Эти сватьбы служителей со служебками не только у Разумовскаго, но и при дворѣ повторялись весьма часто и всегда съ особенною торжественностью. Описанія ихъ встрѣчаемъ мы почти на каждой

([80]) Метастазій.

([81]) Тамъ же, II. 157.

([82]) Тамъ же, II. 167—168. La Clementia di Tito, опера Метастазія, поставленная на Московской сценѣ Штелинымъ, нарочно для того вызваннымъ изъ Петербурга. Къ оперѣ онъ придѣлалъ діалогъ: La Russia afflitta e riconsolata (Пекарскій, Извѣстія для біогр. Ломоносова).

([83]) Зап. Марковича, II. 166, 172, 175, 179.

страницѣ Камерфурьерскаго журнала, и рѣдкіе проходили безъ присутствія Государыни. Она бывала на нихъ иногда «аки гостья», иногда изъ двери или окошка инкогнито смотрѣла на веселіе придворной прислуги, или же только одѣвала или осматривала невѣсту во внутреннихъ покояхъ. Видя ласковый пріемъ, дѣлаемый депутатамъ при дворѣ, царедворцы наперехватъ угощали ихъ въ Московскихъ хоромахъ и зазывали въ подмосковныя, князь Черкасскій въ Останкино, фельдмаршалъ князь Долгорукій въ Васильевское. Но среди удовольствій, депутаты не забывали своихъ интересовъ. Разумовскій былъ имъ во всемъ усердный патронъ и ходатай. Апостолъ успѣлъ выхлопотать матери своей, вдовѣ гетмана Даніила, ежегодную пенсію въ 300 руб.; кромѣ того состоялись, безъ сомнѣнія исключительно подъ вліяніемъ Разумовскаго, слѣдующіе сенатскіе указы: 1) запрещено было строжайше Великороссіянамъ принимать Малороссіянъ въ кабалу; 2) приказано было составить особую коммиссію изъ Русскихъ и Малороссіянъ для смотрѣнія за свободными маетностями и 3) строжайше запрещено было Русскимъ, служащимъ на Украйнѣ и проѣзжающимъ черезъ нее, чинить обиды, забирать даромъ провіантъ, дрова и пр. Сняты были всѣ недоимки и уничтожены обременявшія жителей повинности ([84]). Наконецъ, какъ мы видѣли выше, возвращены были изъ Сибири ссыльные: Танскій, Костонъ и другіе, которые радушно были принимаемы и Алексѣемъ Григорьевичемъ и его матерью.

Мѣсто Бутурлина въ Малороссіи занялъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Бибиковъ, и малороссійскіе члены войсковой генеральной канцеляріи получили право пользоваться равенствомъ съ великороссійскими членами, право похищенное у нихъ Леонтьевымъ вопреки указа 1734 г. Кромѣ того, несомнѣнно тоже черезъ Разумовскаго, подтверждены были всѣ права и преимущества города Кіева.

Пріемъ, оказанный депутатамъ въ Петербургѣ, льготы ими привезенныя, разсказы ихъ о силѣ и вліяніи Разумовскаго при дворѣ, о любви его къ родинѣ и всегдашней готовности хлопотать и стоять за земляковъ, произвели сильное впечатлѣніе въ Малороссіи. Всѣ дохнули привольнѣе, во всѣхъ сердцахъ породилась надежда на будущія блага, и «генеральные старшины» громко стали поговаривать объ избраніи гетмана.

([84]) Тамъ же, 169

Во время этого пребыванія двора въ Москвѣ, въ ту эпоху, которая была такъ памятна Петру Ивановичу Шувалову, получавшему удары батожьемъ, Алексѣй Григорьевичъ получилъ отъ Государыни: въ Полтавскомъ полку, слободы Орчакъ, Карловку (85), село Коломакъ; въ Лубенскомъ полку село Андреяшевку, село Андрѣевку (86), а въ Нитинскомъ на Сеймѣ семь бывшихъ гетманскихъ мельницъ подъ Батуринымъ (87). Мастности эти были конфискованы у фельдмаршала Миниха и передавались Разумовскому въ вѣчное и потомственное владѣніе съ деревнями, съ людьми и со крестьяне, съ пашнею, землею, съ лѣсы и сѣнными покосы и съ заводы всякаго званія, съ мельницами, съ лошадьми и со скотомъ и со всѣми къ тѣмъ слободамъ, селамъ и деревнямъ, принадлежностями, какъ оныя во владѣніи Миниха состояли (88).

Но Разумовскій, не алчный къ богатствамъ, домогался инаго. По отъѣздѣ земляковъ онъ сталъ грустить по родинѣ и думать только о томъ, какъ-бы побывать въ Малороссіи. Малѣйшее желаніе тайнаго супруга Императрицы было закономъ для двора. Елизавета Петровна сама рѣшилась посѣтить Кіевъ. Ададуровъ извѣстилъ Кирилу Григорьевича о путешествіи или, какъ тогда выражались, походѣ Государыни слѣдующими письмами:

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ. Вашему сіятельству чрезъ сіе съ покорностію доношу, что Ея Императорское Величество наша всемилостивѣйшая Государыня изволила 27 дня сего Іюня по полудни въ 7 часовъ выступить изъ Москвы для воспріятія своего пути въ Кіевъ и, доѣхавъ до Коломенскаго, тамо ночевать изволила. За Ея Императорскимъ Величествомъ изволилъ слѣдовать и вашъ братецъ, его высокографское сіятельство, который находится, слава Богу, въ совершенно добромъ здравіи и пожелаемомъ благополучіи. За день передъ тѣмъ туда же изволила отправиться по полудни въ 4-мъ часу Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь и Государыня Великая Княжна, также и Ея Свѣтлѣйшая Государыня мать. Печать родоваго гербу (89)

(85) Карловка принадлежала впослѣдствіи графинѣ Марьѣ Григоріевнѣ Разумовской, нынѣ принадлежитъ В. К. Еленѣ Павловнѣ.

(86) Андрѣевка принадлежала княгинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Рѣпниной рожденной графинѣ Разумовской, нынѣ принадлежитъ Василію Аркадіевичу Кочубею.

(87) Жалованная грамота 1784 г.

(88) Зап. Марковича II, 292.

(89) Какъ видно, графъ Кирила, подъ вліяніемъ уже заграничныхъ идей, безпокоился о томъ, что у него не было еще гербовой печати.

ваше сіятельство можете вырѣзать съ той, которою къ вамъ отъ братца письма будутъ печатаны. Она уже у мастера и вырѣзывается на стали; я чаю, что скоро и поспѣетъ. Оная можетъ вашему сіятельству для запечатыванія вашихъ писемъ служить до тѣхъ поръ, пока дипломъ на графское достоинство къ вамъ присланъ будетъ (90). Я получилъ указъ, чтобы ѣхать въ Кіевъ вчера и надѣюсь завтра или въ среду конечно отправиться. И такъ, какъ вашему сіятельству угодно будетъ впередъ къ братцу писать, то можете адресовать оныя чрезъ графа (91) Михаила Петровича (или какъ ваше сіятельство сами за благо изобрѣсти изволите) къ великому канцлеру его сіятельству графу Алексѣю Петровичу, до тѣхъ поръ, пока дворъ изъ Кіева возвратится. Я надѣюсь, что такимъ способомъ письма вашего сіятельства къ братцу очень вѣрно доходить будутъ. Наконецъ, рекомендуя себя въ милость вашего сіятельства, пребываю со всесовершеннымъ респектомъ вашего сіятельства, милостиваго государя

Вотъ описаніе герба Разумовскихъ, заимствуемое нами изъ Гербовника (ч. I. стр. 20—21). Щитъ, раздѣленный перпендикулярно на двѣ части, имѣетъ золотое и черное поле, въ коихъ изображенъ двоеглавый коронованный орелъ, перемѣнныхъ съ полями цвѣтовъ; на груди сего орла голубой щитокъ, содержащій серебряную двумя красными стрѣлами съ обѣихъ сторонъ поперекъ пробитую лату. Сверхъ всего щита положена графская корона, подъ которою поставленъ серебряный коронованный шлемъ о десяти золотыхъ обручахъ, по краямъ золотомъ обложенный, съ висящимъ на немъ золотымъ клейнодомъ и съ стоящимъ сверхъ короны голубымъ прапоромъ, изображенною на немъ вышеписанною серебряною латою украшеннымъ, при которой приложены двѣ красныя крестообразно вверхъ летящія стрѣлы. По сторонамъ щита опущенъ наметъ, съ правой стороны краснаго и чернаго цвѣтовъ, подложенный золотомъ, а съ лѣвой голубаго и краснаго, подложенный серебромъ. На мѣсто щитодержателей, съ одной стороны вооруженный Скиѳъ, съ откровенною головою, лѣвою рукою щитъ держащій, у котораго верхнее одѣяніе голубое, нижнее красное, знамча и поясъ, на которомъ висить сабля, серебряные, а скиѳскій лукъ, колчанъ и сабли золотые. Съ другой стороны такимъ же образомъ вооруженный Полякъ съ откровенною головою, правою рукою щитъ держащій, у котораго верхнее одѣяніе красное, а нижнее голубое, въ другой рукѣ метательное копье держащій. Внизу подпись: „Faciam extendere facies.“ „Щитодержатель Поляка и Скиѳа, сказано въ дипломѣ на графское достоинство Кирилы Григорьевича, изображены для показанія начала фамиліи Разумовскихъ“ т. е. происхожденія отъ Рожинскихъ.

(90) Дипломъ этотъ былъ выданъ, неизвѣстно почему, только въ 1751 г. 1-го Марта изъ С. Петербурга. Начинается онъ такъ: „Мы, Елисаветъ и проч. По объявленной отъ брата его графа Алексѣя Григорьевича грамотѣ, данной ему отъ Карла VII, происходитъ онъ отъ знатной и благородной фамиліи Польскаго королевства Рожинскихъ“ и проч. Далѣе слѣдуетъ нѣчто въ родѣ формулярнаго списка графа Кирилы Григорьевича, потомъ описаніе герба. Дипломъ оканчивается тѣмъ, что всякое оскорбленіе Разумовскому воспрещается „подъ опасеніемъ нашего гнѣва и пени ста фунтовъ чистаго золота, изъ которыхъ половину въ казну нашу, а остальное тому оскорбленному доправлено быть имѣетъ.“

(91) Бестужева, нашего посла въ Берлинѣ.

моего, покорнѣйшій и нижайшій слуга Василій Ададуровъ. Въ Москвѣ 30 Іюня 1744 (92).

Поѣздъ Государыни былъ огромный; ее сопровождали Разумовскій, гофмейстеръ Шепелевъ, графъ Салтыковъ, Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, два архіепископа, графиня Румянцева, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, Брюммеръ, Берхгольцъ, сочинитель извѣстныхъ Записокъ (о первомъ пребываніи его въ Россіи), Декенъ и пр. и пр. (93). Вся свита состояла изъ 230 человѣкъ (94). Старшины генеральные взяли было на себя поставку лошадей и провизіи на станціяхъ отъ Глухова до Кіева. Рѣшено было подготовить 4000 лошадей; но Алексѣй Григорьевичъ писалъ къ Бибикову, что всѣхъ лошадей нужно будетъ 23,000, такъ что принуждены были ихъ собирать съ обывателей (95). Не безъ интереса будетъ здѣсь выписать, сколько какой провизіи для этой свиты положено было поставить каждому старшинѣ. Вотъ что обязался поставить Марковичъ: «Вина воложскаго два ведра, крымскаго 2, пловицъ 2, телятъ 2, валуховъ 10, ягнятъ 8, каплуновъ 10, курчатъ 50, индѣекъ 4, гусей 7, утокъ 20, поросятъ 8, кабановъ 2, яицъ 500, уксусу 1 ведро, масла 1 пудъ, ветчины 4 окорока, муки пшеничной 1 четв., муки ситной 2 четв., грибовъ 500, патоки 15 фунт., водки двойной 10 ведръ, крупъ гречневыхъ 3 четверичка, пшена 3 тоже, сала полпуда.» Отецъ Марковича раскопалъ даже плотину въ своемъ прудѣ, чтобы наловить болѣе рыбы (96).

Передъ Государыней проѣхали Великій Князь съ Великой Княжной и принцессою Ангальтской и сперва въ Козельскѣ, а потомъ въ Глуховѣ дожидались проѣзда Императрицы. Начало путешествія было неблагопріятно. Открылся или, вѣрнѣе, увѣрили Государыню, что былъ открытъ заговоръ. Многія лица изъ свиты прямо съ дороги отправлены были въ ссылку. Благодаря этому, Елизавета Петровна сначала была въ очень дурномъ расположеніи духа (97), но туча разошлась дорогою, и уже въ

(92) Изъ архива гр. А. С. Уварова.
(93) Зап. Марковича II, 209 и Mémoires de Catherine II, 18.
(94) Описаніе Кіева, Николая Закревскаго I, 82.
(95) Записки Марковича II, 205.
(96) Тамъ же II, 207.
(97) Mém. de Cath. II, 19.

Малороссіи разсѣялись послѣдніе слѣды бури. Еще до пріѣзда Государыни стала ходить по полкамъ челобитная объ избраніи новаго гетмана (98). Пріемъ, сдѣланный Елизаветѣ въ Толстодубовѣ, подъ Глуховымъ, на самомъ рубежѣ Украины, былъ великолѣпенъ: 10 полковъ реґистровыхъ, 2 компанейскихъ и нѣсколько отрядовъ изъ надворной гетманской хоругви, генеральные старшины и бунчуковые товарищи, между которыми были и новопожалованные закройщикъ Будлянскій, ткачъ Закревскій и козаки Стрешенцовы и Дараганъ, игравшіе теперь первую роль на родинѣ, расположились лагеремъ въ 6 верстахъ отъ Есмани. Полки были выстроены въ одну линію, въ два ряда; первый полкъ, отсалютовавъ Царицѣ знаменами и саблями, обскакивалъ весь фрунтъ и другой полкъ и останавливался за послѣднимъ; второй дѣлалъ тоже, и такимъ образомъ Государыня видѣла неразрывную цѣпь полковъ до Глухова. Войска были одѣты за-ново въ синихъ черкескахъ съ вылетами и въ широкихъ шальварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками (99). Государыня выходила изъ коляски, пѣшкомъ обходила всѣ команды и ночевала въ наметахъ подъ Есманью. Изъ Есмани Государыня изволила ѣхать въ Глуховъ съ церемоніею.

Около кареты ѣхали старшины и бунчуковые товарищи съ обнаженными саблями. Доѣхавъ до городскихъ воротъ, Государыня вышла изъ кареты. Здѣсь ее привѣтствовалъ архіепископъ Черниговскій. Потомъ она пѣшкомъ пошла въ дѣвичій монастырь, гдѣ слушала обѣдню и гдѣ предику читалъ архіерей Черниговскій. Изъ монастыря съ тою же церемоніею Государыня отправилась въ каретѣ на монастырскій дворъ, гдѣ была аудіенція всѣмъ старшинамъ. Поздравительную рѣчь читалъ Михаилъ Скоропадскій. Послѣ аудіенціи былъ обѣдъ и вечеромъ танцы и «изволила веселиться, говоритъ Марковичъ, танцами нашихъ женъ, польскими и казацкими» (100). На другой день послѣ пріѣзда Государыни, подано ей было черезъ Разумовскаго прошеніе о гетманѣ (101). Въ тотъ же день Елизавета Петровна поѣхала далѣе, милостиво принявъ прошеніе. Такія же встрѣчи были въ Королевцѣ, гдѣ она ночевала, въ Нѣжинѣ и въ Козельцѣ. Изъ Кіевской Академіи были выписаны вер-

(98) Записки Марковича II, 208.
(99) Записки Марковича и Исторія Малороссіи II, 627.
(100) Зап. Марковича II, 201.
(101) Тамъ же.

тепы; пѣвчіе пѣли, семинаристы представляли зрѣлища божественныя въ лицахъ и пѣли канты поздравительные ([102]). Есть преданіе, что въ Козельцѣ Государыня останавливалась у Натальи Демьяновны и, если не ошибаемся, въ Козелецкомъ домѣ ея, принадлежащемъ теперь Г. П. Галагану, сохранилось еще то кресло, на которомъ сидѣла Государыня. Во время пребыванія своего въ Козельцѣ, Елизавета Петровна еще ближе познакомилась съ семействомъ Алексѣя Григорьевича, и изъ сестеръ его особенно пришлась ей по сердцу Анна Григорьевна Закревская. За 60 верстъ отъ Кіева представились Императрицѣ нѣсколько избранныхъ лицъ духовенства и гражданства Кіевскаго; встрѣча въ самомъ Кіевѣ, 29 Августа, была чрезвычайно торжественна: въ ней приняло участіе все народонаселеніе города. Воспитанники духовной Академіи ожидали Елизавету Петровну въ видѣ греческихъ боговъ, героевъ и даже миѳологическихъ животныхъ. Съ помощью машинъ, частью выписанныхъ, частью и собственнаго изобрѣтенія, произведены были разныя удивительныя явленія. Такъ, между прочимъ, выѣхалъ за городъ сѣдовласый старикъ въ богатой древней одеждѣ, украшенной короной и жезломъ. Онъ представлялъ князя Кіевскаго Владиміра Великаго; онъ привѣтствовалъ Государыню и, какъ свою наслѣдницу, приглашалъ ее въ городъ и поручалъ ей весь Русскій народъ. Онъ сидѣлъ на колесницѣ, названной Божественный Фаэтонъ, въ который были запряжены два пѣтическихъ крылатыхъ коня или пегаса. Всѣ полковники на дистанціяхъ до Кіева съ полчанами своими подавали челобитья съ прошеніемъ о гетманѣ. Государыня въ Кіевѣ оставалась двѣ недѣли. Она была въ восторгѣ и отъ пріема и отъ самаго Кіева и однажды произнесла всенародно: «Возлюби меня, Боже, въ царствіи небесномъ Твоемъ, какъ я люблю народъ сей благонравный и незлобивый.» Она посѣщала церкви и монастыри, гдѣ оставляла богатые вклады, собственноручно золотила великолѣпную церковь Андрея Первозваннаго и повелѣла строить въ Кіевѣ дворецъ ([103]). На возвратномъ пути Государыня опять посѣтила Козелецъ, и пригласила Наталью Демьяновну, съ дочерьми, въ Петербургъ на сватьбу наслѣдника престола. Въ Глуховѣ Елизавета Петровна провела двое сутокъ, и крестила тамъ сына у генеральнаго есаула Якубовича и дочь у генераль-

---

([102]) Исторія Малой Россіи Маркевича II, 628.

([103]) Описаніе Кіева 1, 82—83 и Ист. Малой Россіи Маркевича, 629.

наго бунчужнаго Демьяна Оболонскаго. Въ Глуховѣ жъ при дворѣ праздновалась сватьба Пустоты съ дочерью Вибельскаго сотника Тризны ([104]). Въ отвѣтъ на прошеніе о гетманѣ старшинамъ генеральнымъ было приказано прислать въ Петербургъ торжественную депутацію къ дню бракосочетанія наслѣдника. Невольно приходитъ на умъ (хотя впрочемъ это одно только предположеніе), не думала ли Елизавета сдѣлать гетманомъ своего супруга, и не отказался ли онъ отъ этого съ своею обычною скромностью, предлагая на свое мѣсто брата Кирилу? Какъ бы то ни было, но рѣшеніе вопроса объ избраніи гетмана было на время отложено.

Въ то время какъ дворъ посѣщалъ Малороссію, графъ Кирила Григорьевичъ, достаточно подготовленный въ Кенигсбергѣ, съ пѣстуномъ своимъ переѣхалъ въ Берлинъ. Здѣсь младшій Разумовскій сталъ учиться подъ руководствомъ знаменитаго Леонарда Эйлера, стараго знакомаго Теплова по Академіи Петербургской, при которой Эйлеръ профессорствовалъ 14 лѣтъ (1727—1741). Тепловъ изъ Берлина писалъ къ Шумахеру:

«Г. Эйлеръ, вполнѣ заслужившій пріобрѣтенную имъ извѣстность, дѣлаетъ наше пребываніе въ Берлинѣ чрезвычайно пріятнымъ и полезнымъ. Къ несчастію мы принуждены покинуть его, потому что домъ у него и лѣтомъ и зимою слишкомъ тѣсенъ для насъ; притомъ же очень удаленъ отъ отеля его сіятельства графа Бестужева. Мы однако не пропускаемъ продолжать пользоваться уроками г. Эйлера ([105]).

Во время пребыванія графа Кирилы Григорьевича у Эйлера, знаменитый математикъ показалъ ему подлинный гороскопъ, составленный имъ вмѣстѣ съ другими академиками по приказанію Анны Ивановны для новорожденнаго Ивана Антоновича. Заключеніе, выведенное обоими математиками, до того ихъ ужаснуло, что они рѣшили представить Государынѣ другой гороскопъ, предсказавшій молодому принцу всякія благополучія. Пользуясь уроками Эйлера, Разумовскій вѣроятно въ то же время изучалъ и французскій языкъ, бывшій въ то время при дворѣ Фридриха Великаго въ большомъ употребленіи. Изъ Пруссіи путешественники отправились во Францію. Сохранилось семейное преданіе о томъ, что Ки-

---

([104]) Зап. Марковича II, 212.

([105]) Записки Имп. Академіи Наукъ Т. VI (1864) ст. Пекарскаго Имп. Екатерина II и Эйлеръ стр. 60—61.

рила Григорьевичъ учился въ Страсбургѣ. Это преданіе подтверждается тѣмъ, что онъ туда черезъ 20 лѣтъ отправилъ, вѣроятно по старой памяти, сыновей своихъ. О дальнѣйшемъ путешествіи и пребываніи за границею Кирилы Григорьевича, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Весною 1745 года уже мы встрѣчаемъ его въ Петербургѣ при дворѣ, и 29 Мая по возвращеніи изъ чужихъ государствъ, куда онъ, по своей къ полезнымъ наукамъ склонности, Высочайше былъ уволенъ, пожалованъ онъ въ дѣйствительные камергеры и кавалеры Голштинскаго ордена св. Анны ([106]).

Эта двухлѣтняя поѣздка совершенно преобразовала молодаго Разумовскаго. Гельбигъ, вообще не очень снисходительный, говоритъ, что въ Берлинѣ Разумовскій былъ воспитанъ Эйлеромъ на столько удачно, на сколько то было возможно безъ напряженія (ohne Anstrengung); онъ былъ не безъ познаній, говоритъ далѣе Гельбигъ, и по-нѣмецки и по-французски говорилъ отлично ([107]). По своемъ возвращеніи, Кирила Григорьевичъ является при пышномъ дворѣ Елизаветы истымъ вельможею, не столько по почестямъ и знакамъ отличія, сколько по собственному достоинству и тонкому врожденному умѣнію держать себя. Въ немъ не было въ нравственномъ отношеніи ничего такого, что Французы такъ мѣтко назвали parvenu, хотя на самомъ дѣлѣ и онъ и братъ были «*parvenu*» въ полномъ смыслѣ слова, и по этому мелочныя тщеславныя выходки, соединенныя съ этимъ понятіемъ, были бы ему вполнѣ извинительны. Отсутствіе геніальныхъ способностей вознаграждалось въ немъ, прибавляетъ еще Гельбигъ, страстною любовью къ отчизнѣ, правдивостью и благотворительностью, качествами, которыми онъ обладалъ въ высшей степени и благодаря которымъ онъ заслужилъ всеобщее уваженіе ([108]). Не слѣдуетъ заключать изъ этихъ словъ Гельбига, чтобы младшій Разумовскій былъ лишенъ дарованій. Напротивъ того, «онъ былъ хорошъ собою, говоритъ Императрица Екатерина, оригинальнаго ума, очень пріятенъ въ обращеніи и умомъ несравненно превосходилъ брата своего, который также былъ красавецъ, но былъ гораздо великодушнѣе и благотворительнѣе его ([109]). Всѣ красавицы при дворѣ были

([106]) Дипломъ на графское достоинство графа Кирилы Григорьевича отъ 1 Марта 1751.

([107]) Helbig, Russ. Günstlinge 215.

([108]) Тамъ же 218.

([109]) Mém. de Cath. II, 80

отъ него безъ ума. Я не знаю другой семьи, продолжаетъ Екатерина, которая, будучи въ такой отмѣнной милости при дворѣ, была бы такъ всѣми любима, какъ эти два брата» ([110]).

Таковымъ явился въ Петербургъ вчерашній козакъ и таковымъ онъ былъ до конца жизни. Почести и несмѣтное богатство не вскружили ему головы, роскошь и всѣ послѣдствія, съ нею неразрывныя, не испортили его сердца; онъ былъ добръ и великодушенъ, благотворителенъ, щедръ въ милостыняхъ, и безъ малѣйшей гордости и спѣси, всѣмъ доступенъ, со всѣми ласковъ, полонъ живаго оригинальнаго ума съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшливости. А было отъ чего вскружиться головѣ при дворѣ роскошной Елизаветы, и едва ли кто, подобно Разумовскому, съумѣлъ бы сохранить трезвость мыслей среди этого водоворота интригъ и непрестанныхъ наслажденій.

«Дворъ, говоритъ князь Щербатовъ, подражая или лучше сказать, угождая Императрицѣ, въ златотканыя одежды облекался; вельможи изыскивали въ одѣяніи, все что̀ есть богатѣе, въ столѣ—все что̀ есть драгоцѣннѣе, въ питьѣ — все что̀ есть рѣже, въ услугѣ — возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ. Экипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, нестоль для нужды удобныя, какъ единственно для виду, учинялись нужны для воженія позлащенныхъ каретъ. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ, дорогими мебелями, зеркалами и другими. Все сіе составляло удовольствіе самимъ хозяевамъ; вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало, и человѣкъ дѣлался почтителенъ по мѣрѣ великолѣпности его житія и уборовъ» ([111])

Особенною роскошью отличались оба пріятеля графа Алексѣя Григорьевича, великій канцлеръ Бестужевъ, у котораго былъ погребъ «толь великій, что онъ знатный капиталъ составилъ, когда послѣ смерти его былъ проданъ графамъ Орловымъ,» и у котораго палатки, ставившіяся на его загородномъ дворѣ на Каменномъ Острову, имѣли шелковыя веревки; да Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, «всегда имѣвшій великій столъ и гардеробъ, изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоявшій;» который во время 7-ми лѣтней войны, «всѣ спокойствія,

---

([110]) Тамъ же 81.

([111]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, 59.

всѣ удовольствія, какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, съ самою роскошью съ собою перевозилъ.» Впрочемъ и старшій Разумовскій не отставалъ отъ своихъ пріятелей. Онъ первый, по свидѣтельству кн. Щербатова, сталъ носить брилліантовыя пуговицы, звѣзду ордена и эполеты. Онъ велъ большую игру, самъ держалъ банкъ и нарочно проигрывалъ, «при чемъ статсъ-дама Настасья Михайловна Измайлова (рожденная Нарышкина) и другія попросту изъ банка крадывали у него деньги, да и не только столь важныя лица, которыя потомъ въ надлежащемъ мѣстѣ выхваливали его щедрость, но и люди совсѣмъ безважные при томъ пользовались. За д. т. сов. княземъ Иваномъ Васильевичемъ Одоевскимъ, Александровскимъ кавалеромъ и президентомъ Вотчинной Коллегіи, одинъ разъ подмѣтили, что онъ тысячи полторы въ шляпѣ перетаскалъ и въ сѣняхъ отдавалъ слугѣ своему» ([112]). Роскошь при дворѣ приняла особенные размѣры. Готовились къ бракосочетанію Великаго Князя; всѣмъ придворнымъ чинамъ за годъ впередъ было выдано жалованіе, такъ какъ они «по пристойности каждаго свои экипажи приготовить имѣютъ.» Именнымъ указомъ велѣно было знатнымъ обоего пола особамъ изготовить богатыя платья, кареты цугами и пр. «И понеже сіе торжество чрезъ нѣсколько дней продолжено быть имѣетъ, то хотя для онаго каждой персонѣ какъ мужской, такъ и дамамъ, по одному новому платью себѣ сдѣлать надобно. (Впрочемъ всемилостивѣйше дозволялось дѣлать и болѣе). Служителей же при экипажахъ по нижеписанной пропорціи имѣть: 1-го и 2-го классовъ персонамъ у каждой кареты по 2 гайдука и отъ 8 до 12 лакеевъ, кто сколько похочетъ, токмо бъ не мѣнѣе 8 было, такожде по 2 скорохода и кто можетъ еще по 2 или по одному пажу и по 2 егеря» и т. д. По этому росписанію даже лица четвертаго класса обязаны были имѣть не менѣе 4 лакеевъ ([113]).

Изъ Парижа выписано было подробное описеніе всѣхъ церемоній празднествъ и банкетовъ, бывшихъ при свадьбѣ Дофина съ Инфантою Испанскою, а изъ Дрездена—всѣ рисунки, программы, объявленія и проч. тѣхъ торжествъ, которыми во время правленія роскошнаго Августа II сопровождалось бракосочетаніе сына его, царствующаго въ то время короля Польскаго. Государыня страстно любила празднества. При дворѣ бывали

([112]) Зап. Порошина, 72.

([113]) Энциклоп. Словарь состав. Русскими учеными и литер. Отд. II. Елизавета Петровна, ст. Пекарскаго. стр. 468.

безпрестанные банкеты, куртаги, балы, маскарады, комедіи французская и русская, италіанская опера и проч. Всѣ они дѣлились на разныя категоріи; каждый разъ опредѣлялось, въ какомъ именно быть костюмѣ, въ робахъ, шлафорахъ или самарахъ, для дамъ, въ цвѣтномъ или богатомъ платьѣ для мужчинъ. Два раза въ недѣлю бывали при дворѣ маскарады, одни для двора и для тѣхъ лицъ, которыхъ Государыня удостоивала приглашеніемъ, другіе для 6 первыхъ классовъ и знатнаго шляхетства. Кромѣ того бывали часто еще публичные праздники для дворянства. И иногда на нихъ допускалось и купечество и всякаго званія люди, кромѣ людей боярскихъ. На эти маскарады дамы должны были являться въ доминахъ съ «баутами» и «быть на самыхъ малыхъ фижменахъ т. е., чтобъ, обширностью были малые.» Строго запрещалось привозить съ собою малолѣтнихъ и употреблять въ убранствѣ хрусталь и мишуру. Дозволялось являться въ приличныхъ маскахъ и платьяхъ маскарадныхъ, «точію кромѣ пилигримскаго, арлекинскаго и непристойныхъ деревенскихъ.» Кромѣ того мужчинамъ строжайше запрещалось имѣть при себѣ оружіе т. е. сабель, кинжаловъ и прочаго. На праздникахъ этихъ, «знатная маска» отдѣлялась отъ «вольной маски» (114). Даже Французы, которые въ то время гордились Версалемъ и его праздниками, не могли надивиться роскоши нашего двора.

«Красота и богатство аппартаментовъ, говоритъ де-ла-Месселіеръ, секретарь Французскаго посольства, невольно поразили насъ; но удивленіе вскорѣ уступило мѣсто пріятнѣйшему ощущенію при видѣ болѣе 400 дамъ, наполнявшихъ оные. Они были почти всѣ красавицы въ богатѣйшихъ костюмахъ, осыпанныхъ бриллiантами. Но насъ ожидало еще новое зрѣлище; всѣ шторы были разомъ спущены, и дневный свѣтъ внезапно былъ замѣненъ блескомъ 1200 свѣчей, которыя отражались со всѣхъ сторонъ въ многочисленныхъ зеркалахъ.... Загремѣлъ оркестръ, состоявшій изъ 80 музыкантовъ. Великій Князь съ Великою Княгинею подали примѣръ танцамъ.... Вдругъ услышали мы глухой шумъ, имѣвшій нѣчто весьма величественное. Двери внезапно отворились настежъ, и мы увидѣли великолѣпный тронъ, съ котораго сошла Императрица, окруженная своими царедворцами и вошла въ большую залу. Воцарилась всеобщая тишина. Государыня поклонилась троекратно.... Дамы и кава-

(114) Камеръ-фурiерскіе журналы 40-хъ и 50-хъ годовъ.

леры окружили насъ, говоря съ нами по французски, какъ говорятъ въ Парижѣ. Зала была огромная, и заразъ танцовали до 20 минуетовъ, что̀ производило довольно странную, но въ тоже время пріятную для глазъ картину. Контраданцевъ вообще танцовали мало, всего нѣсколько польскихъ и англезовъ. Въ 11 часовъ оберъ-гофмейстеръ объявилъ Ея Величеству, что ужинъ готовъ. Всѣ перешли въ очень большую и богато убранную залу, освѣщенную 900 свѣчами. По серединѣ стоялъ фигурный столъ на 400 персонъ. На хорахъ во все время ужина гремѣла вокальная и инструментальная музыка. Были кушанья всѣхъ возможныхъ странъ Европы, и прислуживали французскіе, русскіе, нѣмецкіе и италіанскіе оффиціанты, которые старались ухаживать за своими соотечественниками» (115).

На этихъ балахъ и маскарадахъ часто разыгрывались лоттереи, и почти всегда садились за ужинъ по билетамъ, которые раздавались гостямъ, такъ что случай рѣшалъ, какому кавалеру сидѣть около какой дамы.

Банкеты бывали великолѣпные; обыкновенно среди фигурнаго стола дѣлали «превзрядною фигурою, фонтанъ съ коскадами, который во все время кушанія играніемъ воды продолжался, и около коскада установлено бывало премножество налитыми бѣлымъ воскомъ шкаликами, которые въ то время были зажжены, также въ залѣ и галлереѣ въ паникадилахъ и кронштейнахъ зажжено бывало премножество бѣлаго воска свѣчь» (116).

Въ 1744-го году Елизавета Петровна вздумала приказать, чтобы на нѣкоторые придворные маскарады всѣ мужчины являлись безъ масокъ въ огромныхъ юпкахъ на фижмахъ, одѣтые и причесанные какъ одѣвались дамы на куртагахъ, а дамы въ мужскомъ придворномъ платьѣ. Такіе метаморфозы крайне не нравились мужчинамъ, которые бывали оттого въ дурномъ расположеніи духа. Съ другой стороны дамы казались жалкими мальчиками; кто былъ постарѣе, ту безобразили толстыя и короткія ноги. Но мужской костюмъ вполнѣ шелъ Государынѣ, и несчастные дамы и кавалеры должны были покоряться судьбѣ своей. При высокомъ ростѣ и нѣкоторой полнотѣ, Елизавета Петровна была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у одного мужчины не было такой

(115) Voyage à S-t Pétersbourg ou nouveaux mémoires sur la Russie par M. de la Messelière 120—123.

(116) Камеръ-фуріерскій журналъ 1750 г.

прекрасной ноги; нижняя часть особенно была необыкновенно стройна. Государыня во всякомъ нарядѣ умѣла придавать движеніямъ своимъ особенную прелесть ([117]); она танцовала превосходно и отличалась особенно въ менуетѣ и русской пляскѣ. Извѣстный въ то время балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуета лучше чѣмъ въ Россіи([118]). Великая Княгиня тоже страстно любила танцы и иногда по три раза на балѣ мѣняла платье. Кокетство было тогда въ большомъ ходу при дворѣ, и всѣ дамы только и думали о томъ, какъ бы перещеголять одна другую ([119]).

Императрица первая подавала примѣръ щегольства; во время пожара въ Москвѣ въ 1753, у нея сгорѣло 4000 платьевъ ([120]), а послѣ смерти ея Петръ III нашелъ въ гардеробѣ ея слишкомъ 15,000 платьевъ, частью одинъ разъ надѣванныхъ, частью совершенно не ношенныхъ; 2 сундука шелковыхъ чулокъ; лентъ, башмаковъ и туфлей до нѣсколькихъ тысячъ, болѣе сотни неразрѣзанныхъ французскихъ матерій и проч. ([121]). Никто не смѣлъ одѣваться и причесываться такъ же какъ Государыня. Елизавета Петровна имѣла особое попеченіе о туалетѣ своихъ придворныхъ; такъ въ 1748 году Е. И. В. изволила указомъ объявить, чтобъ дамы волосы убирали по прежнему: заднихъ отъ затылка не подгибали вверхъ, а ежели когда надлежитъ быть въ робахъ, тогда дамы имѣютъ задніе отъ затылка волосы подгибать къ верху ([122]); а въ 1752 году предписано было оберъ-гофмейстеринѣ, гофмейстеринѣ, статсъ-дамамъ, фрейлинамъ, придворнымъ кавалерамъ съ фамиліями, и генералитету первымъ 4-мъ классамъ съ фамиліями-жъ, во время Высочайшаго Е. И. В. въ Петергофѣ присутствія въ куртагные дни имѣть платье: дамамъ кафтаны бѣлые тафтяные, обшлага, опушки и юпки гарнитуровыя зеленыя, по борту тонкій полументъ, на головахъ имѣть обыкновенный напельонъ, а ленты зеленыя, волосы вверхъ гладко убраны; кавелерамъ: кафтаны бѣлые, камзолы, да у кафтановъ обшлага маленькіе разрѣзные и воротники зеле-

---

([117]) Mémoires de Catherine II, 148—149.

([118]) Вейдемейеръ, Царствованіе Елизаветы Петровны 61.

([119]) Mémoires de Cath. II. 149

([120]) Тамъ же 199. Въ архивныхъ дѣлахъ того времени по сношеніямъ съ Франціею, къ донесеніямъ нашихъ пословъ безпрестанно прилагались длинные счеты закупаемыхъ для двора тканей.

([121]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей 1866. IV. Смѣсь, стр. 100.

([122]) Камеръ-фурієрскій журналъ 1748 г.

ные, кто изъ какой матеріи пожелаетъ, съ выкладкою серебрянаго позумента около петель, и при томъ у тѣхъ петель, чтобъ были кисточки серебряныя жъ, небольшія, какъ оныя прежде сего у Петергофскаго платья бывали» (123).

Не смотря на цѣлый рядъ подобныхъ предписаній, которыми предполагалось ограничить издержки частныхъ людей, роскошь съ каждымъ годомъ усиливалась, тѣмъ болѣе, что другими высочайшими же приказами не только она была терпима, но даже дѣлалась обязательною для людей высшаго круга. Но за этимъ внѣшнимъ блескомъ, за этими румянами, фижмами и бриллiантами, крылись вполнѣ азiатская неопрятность и неряшество. Во время путешествiй Государыни, свиту и даже Великаго Князя и Великую Княгиню помѣщали кое-какъ въ людскихъ и палаткахъ; иногда въ комнатахъ Великой Княгини была по колѣна вода, иногда печи въ ея спальнѣ имѣли огромныя щели. Въ добавокъ при дворѣ бывалъ такой недостатокъ въ мебели, что зеркала, постели, стулья, столы и комоды перевозились изъ зимняго дворца въ лѣтнiй, оттуда въ Петергофъ, Царское Село и даже Москву. При этихъ переѣздахъ все ломалось и билось, и безъ всякой починки становилось въ комнатахъ. Для каждой незначительной поправки требовалось имянное приказанiе Императрицы, добраться до которой было очень мудрено, или же совсѣмъ невозможно (124). Въ богатыхъ домахъ, вмѣстѣ съ гайдуками, гусарами, скороходами въ великолѣпныхъ ливреяхъ, сновала безпрестанно босоногая челядь въ лохмотьяхъ. Въ спальной комнатѣ Елизаветы Петровны спалъ, на тюфячькѣ, ея бывшiй лакей Чулковъ; близь спальной Великой Княгини въ небольшомъ покоѣ, во время томящаго зноя, жило 17 человѣкъ разной прислуги, которые не имѣли иного выхода, какъ черезъ комнаты самой Екатерины (125)....

Но всѣ эти мелочи ускользали отъ Кирилы Григорьевича, который вполнѣ и отъ души предавался удовольствiямъ свѣта. Къ свадьбѣ спѣшили гости изъ Малороссiи. Наталья Демьяновна собралась со всею семьею, оставивъ въ Адамовкѣ одну только дочь Анну Григорьевну Закревскую, которая передъ тѣмъ разрѣшилась отъ бремени и поэтому не могла предпринять дальняго пути. «Былъ у старушки Розумовской,» пишетъ отъ

(123) Тамъ-же 1752 г.
(124) Mémoires de Catherine II. 163.
(125) Тамъ-же 197.

8-го Іюня 1745-го года Марковичъ, которая сегодня пріѣхала въ Глуховъ, а послѣ завтра отъѣдетъ въ Петербургъ» ([126]). Наталья Демьяновна ѣхала по зову Государыни, но главнымъ образомъ влекло ее на сѣверъ свиданіе съ младшимъ сыномъ, только что вернувшимся изъ дальняго странствованія. Мы уже упомянули, что Елизавета Петровна особенно благоволила къ Аннѣ Григорьевнѣ Закревской, которая вѣроятно была любимою сестрою графа Алексѣя Григорьевича. Какъ скоро Государыня узнала, что Закревская осталась въ Адамовкѣ, за нею отправленъ былъ кабинетъ-куріеръ Писаревъ. Передъ отъѣздомъ Писаревъ получилъ подробную инструкцію, которая въ двухъ редакціяхъ сохранилась въ Государственномъ Архивѣ.

«Указъ кабинетъ-куріеру Писареву. Ѣхать тебѣ въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полку полковаго есаула Іосифа Закревскаго, въ село Адамовку и его женѣ Аннѣ Григорьевнѣ объявить нашу милость и соизволеніе, что хотимъ, дабы она пріѣхала сюды для присутствія на бракѣ нашего племянника Его Императорскаго Высочества Великаго Князя, а понеже оная госпожа по отъѣздѣ сюда матери своей осталась беременна въ послѣднихъ дняхъ къ рожденію, что можетъ быть и воспослѣдствовало уже, и для того ѣхать ей сюды соизволяемъ не ранѣе (оставленъ пробѣлъ) недѣли послѣ рожденія младенца; такожъ и время назначеннаго брака въ половинѣ Августа и для того, ежели до пріѣзду твоего уже оная госпожа родила, то ей считая по рожденіи (пробѣлъ) недѣль и въ путь убираться, сюда ѣхать возможно; еслиже оная госпожа родила въ сихъ числахъ, то ей уже времени на исправленіе отъ болѣзней рожденія и сюда пріѣхать не достанетъ, то уже ѣхать ей сюда какъ можетъ исправиться.»

Вѣроятно еще до отъѣзда Писарева, получено было извѣстіе о разрѣшеніи отъ бремени Анны Григорьевны: рядомъ съ редакціею приведенною выше, находимъ другую, писанную рукою кабинетъ-министра барона Ивана Антоновича Черкасова:

«Ѣхать тебѣ въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полку полковаго есаула Іосифа Закревскаго въ село Адамовку, къ его женѣ Аннѣ Григорьевнѣ. Посланное съ тобою своеручное письмо Ея Императорскаго Величества отдать и потомъ посланный съ тобою жъ пакетъ отъ графа Лестока доктору Унгеборну или лѣкарю Яхонтову въ Кіевѣ отдать, куда и ѣхать тебѣ, межъ тѣмъ какъ оная госпожа Анна Григорьевна станетъ въ путь ѣхать сюды собираться и онаго лѣкаря Яхонтова и съ лѣкарствами взять тебѣ при оной же госпожѣ.

([126]) Записки Марковича, II, 223.

Для пріѣзда оной госпожи сюда брать подводы по указу данному тебѣ изъ ямской канцеляріи, сколько потребно, съ заплатою прогоновъ, на что дано тебѣ изъ кабинета Ея Императорскаго Величества 500 рублевъ и, чтобъ, какъ при оной госпожѣ поѣдешь, было ей приготовлено всякое потребное въ пути довольство и покой.

Такожъ и лѣкарю подводы и пищу давать, какъ можетъ доволенъ быть. Расходныхъ денегъ записывать и по пріѣздѣ подать оный расходъ и остаточныя деньги, что будетъ, въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества.» Съ боку приписано:

«И на покупку потребныхъ медикаментовъ нужныя деньги употреблять.»

Елизавета Петровна собственноручно писала Аннѣ Григорьевнѣ слѣдующее:

«Г. Анна Григорьевна.

По пріѣзде онаго курера, ежели Богъ васъ в совершенное здравіе после родовъ привелъ, то пожалуй какъ возможно скорея сберитеся и дочку, которая четверолетняя, объ которой изъперва вамъ писанно было, только за немощию не прислали, то теперь с собою возмите и какъ возможно скорея приежайте к намъ, дабы застать свадбу племянника моего, которую чрезъ помощь Божию надеюсь въ будущей месяцъ совершит, и желаю всемъ серцемъ и васъ при оной видить, а что вамъ ко оной дороге что надобно, то куреру оному прикажите, я ему все велела исполня (ть), что вамъ потребно будетъ.

Елисаветъ»([127]).

Пакетъ отъ Лестока содержалъ указъ лѣкарю Яхонтову:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ медицинской канцеляріи Кіевскаго гарнизона лѣкарю Яхонтову.

Сего Іюля 13-го дня по Ея Императорскому Величеству указу Ея Императорскаго Величества дѣйствительный тайный совѣтникъ, первый лейбъ-медикусъ, директоръ главный надъ медицинскою канцеляріею, и всѣмъ медицынскимъ факультетомъ, рейхсъ-графъ господинъ Лестокъ приказалъ послать къ тебѣ указъ и велѣть по полученіи онаго явиться тебѣ немедленно къ отправляющейся въ Санктъ-Петербургъ превосходительнѣйшаго господина оберъ-егермейстера, Ея Императорскаго Величества лейбъ-компаніи поручика, графа Алексѣя Григоріевича Разумовскаго сестрѣ Аннѣ Григоріевнѣ, въ селѣ ихъ Адамовкѣ, и для пользованія въ случаѣ болѣзни ѣхать при ней до Санктъ-Петербурга, а прибывъ явиться въ медицинскую канцелярію. И Кіевскаго гарнизона лѣкарю Яхонтову

([127]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей 1867 г. IV. Смѣсь, стр. 38.

учинить о томъ по сему Ея Императорскому Величеству указу. С.-Петербургъ Іюля 13-го дня 1745 года. У подлиннаго подписано по нѣмецки: графъ Лестокъ» ([128]).

Кромѣ этого Писареву вручены были слѣдующіе два указа въ Ямскую и Малороссійскую генеральную войсковую канцелярію:

«Въ Ямскую канцелярію.

По Ея Императорскаго Величества указу отправляется отселя въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полковаго есаула Іосифа Закревскаго, въ село Адамовку, для препровожденія сюды жены его, а его сіятельства оберъ-егермейстера, Ея Императорскаго Величества лейбъ-компаніи поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго сестры Анны Григорьевны, кабинетъ-куріеръ Петръ Писаревъ, которому изъ Ямской канцеляріи дать указъ съ причётомъ въ такой силѣ: ежели оный Писаревъ во всѣхъ, отъ того села, ямахъ или почтовыхъ станахъ, состоящихъ въ командѣ ямской канцеляріи, подъ оную госпожу, при ней подлѣкаря, медикаментовъ, служителей ея и подъ багажи ея, будетъ требовать сколько и когда ямскихъ или обывательскихъ подводъ, тобъ ямскіе управители и старосты давали безъ всякаго задержанія за указные прогоны, а ему Писареву отселя до онаго села, также отъ онаго до Кіева и обратно въ то село для привоза лѣкаря и медикаментовъ дать подводъ, сколько потребуется([129]).

Изъ кабинета Ея Императорскаго Величества въ Малороссійскую войсковую канцелярію.

По Ея Императорскаго Величества указу отправляется отсель въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полку полковаго есаула Іосифа Закревскаго, въ село Адамовку, для препровожденія сюды жены его, а его сіятельства, оберъ-егермейстера и Ея Императорскаго Величества лейбъ-компаніи поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго сестры, Анны Григорьевны, кабинетъ-куріеръ Петръ Писаревъ, которому изъ оной канцеляріи дать указъ въ такой силѣ, чтобы оному Писареву вѣдомство Малороссійской генеральной канцеляріи до показаннаго села и оттоль до Кіева и обратно, по селамъ и деревнямъ и мѣстечкамъ состоящимъ въ командѣ оной канцеляріи, сколько и когда будетъ требовать подъ оную госпожу и при ней будущихъ и себя подводъ обывательскихъ, давали бъ безъ всякаго задержанія во всемъ вѣдомствѣ оной канцеляріи за указную плату, и Мало-

---

([128]) Изъ государственнаго архива. Дѣло подъ заглавіемъ: „О привозѣ ко двору изъ Малой Россіи есаула Закревскаго жены (другою рукою) его и графа Разумовскаго матери съ дѣтьми.“ О пріѣздѣ Натальи Демьяновны, въ дѣлѣ этомъ впрочемъ никакихъ бумагъ нѣтъ.

([129]) Тамъ же.

россійская генеральная войсковая канцелярія имѣетъ учинить по Ея Императорскому Величеству указу.»

Какъ видно, Анна Григоріевна ѣхала медленно. Къ ней на встрѣчу отправленъ былъ другой кабинетъ-куріеръ Гуріевъ съ слѣдующимъ предписаніемъ отъ барона Ивана Антоновича Черкасова: «Кабинетъ-курьеру Гуріеву.

По указу Ея Императорскаго Величества принять тебѣ съ конюшни берлинъ со всѣми путевыми припасами и по данной подорожной нужныя лошади впречь и ѣхать по Московской дорогѣ на встрѣчу кабинетъ-куріеру Писареву и гдѣ его ѣдущаго сюда встрѣтишь при сестрѣ его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, Аннѣ Григорьевнѣ, то оной госпожѣ объявить Ея Императорскаго Величества соизволеніе, дабы въ оный посланный съ тобою берлинъ изволила сѣсть и для поспѣшенія съ одною дѣвкою только ѣхать сюда, какъ возможно скорѣе, дабы могла поспѣть сюда къ 20-му сего мѣсяца, ежели ранѣе невозможно и тебѣ самому при ней ѣхать. И на всѣхъ почтовыхъ станахъ велѣть десять лошадей денно и нощно имѣть во всякой готовности съ людьми и хомутами. На оный путь для платежа прогоновъ принять тебѣ изъ кабинета сто рублевъ, изъ которыхъ употреблять на пищу, ежели у Писарева денегъ мало. А гдѣ надлежитъ ей обѣдать или ужинать, то посылать напередъ приготовлять, дабы затѣмъ въ пути долго не мѣшкать, такожъ тебѣ или Писареву ѣздить всегда впереди для того, такожъ и лошадей приготовить. А у багажа ея оставить людей. Б. Ив. Ч. ([130]).

18 Августа 1745.»

Не одно семейство Разумовскихъ спѣшило на свадьбу; туда еще отправились, весьма вѣроятно вмѣстѣ съ Наталіею Демьяновною, генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій, кумъ Государыни, которому она пожаловала села Вишняки и Горожинъ. Ѣхала съ нимъ и жена его, которую Елизавета Петровна, говорятъ, полюбила за сходство ея съ покойною императрицею Екатериною I-ою и пригласила въ Петербургъ ([131]). Кромѣ того ѣхали еще для присутствія при бракосочетаніи депутаты избранные отъ народа Малороссійскаго: генеральный обозный Лизогубъ, хорунжій Ханенко и бунчуковый товарищъ Василій Андреевичъ Гудовичъ. Сенатъ опредѣлилъ сначала всѣмъ тремъ депутатамъ на содержаніе по 30 рублей въ мѣсяцъ т. е. по 10 рублей на каждаго. Государыня, узнавъ о томъ черезъ графа Алексѣя Григорьевича ([132]), отправила въ Сенатъ слѣдующій указъ:

([130]) Тамъ же. — ([131]) Зап. Марковича II. 218.

([132]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи III. 192—193.

«Мы увѣдомились, что Малороссійскимъ чиновникамъ назначено на наемъ квартиры съ покупкою дровъ и свѣчь, по 10 рублей въ мѣсяцъ, по примѣру выдачи производившейся имъ въ 1727 году въ Москвѣ; но какъ они пріѣхали поздравить насъ съ бракосочетаніемъ возлюбленнаго нашего племянника, то повелѣваемъ дать имъ квартиру и по сту рублей въ мѣсяцъ(133) и впредь съ такими пріѣзжими поступать по сему, дабы подданнымъ вѣрнымъ нашимъ не было обиды противъ ихъ достоинства» (134).

Нѣтъ сомнѣнія, что депутаты были своими людьми у графа Алексѣя Григорьевича, и что часто они, по выраженію Марковича, у него «подпивали и куликали.» У старшаго Разумовскаго, они впервыя увидали и познакомились съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ, къ избранію котораго въ гетманы ихъ стали исподоволь подготовлять.

Государыня была къ депутатамъ крайне благосклонна: какъ видно, это милостивое обхожденіе было нѣкоторымъ царедворцамъ не по сердцу, и они позволяли себѣ при дворѣ на ихъ счетъ насмѣшки; но Малороссы, сильные всемогущимъ покровительствомъ супруга Елизаветы, «зло огрызались» (135).

На всѣхъ торжествахъ они занимали почетныя мѣста и продолжали жить въ Петербургѣ, ласкаемые Императрицею и Разумовскимъ и ожидая окончательнаго рѣшенія вопроса объ избраніи гетмана. Но рѣшенія никакого не выходило. Депутатамъ, разумѣется, дали почувствовать, кого имъ готовили въ начальники, но до окончательнаго избранія было еще далеко.

Находили-ли Кирилу Григорьевича слишкомъ юнымъ, онъ ли не желалъ оторваться сейчасъ же по пріѣздѣ отъ столичной жизни, рѣшить трудно; дѣло въ томъ, что Лизогубъ, Ханенко и Гудовичъ сидѣли у моря и ждали погоды, а будущій гетманъ тѣмъ временемъ только и думалъ о праздникахъ.

Свадьба наслѣдника отпразднована съ необыкновеннымъ блескомъ и пышностью. Десять дней продолжались торжества; балъ смѣнялся банкетомъ, банкетъ маскарадомъ, маскарадъ «италіанскимъ дѣйствіемъ называемымъ пастораль», пастораль оперой, французскими комедіями, балетами и пр. Около 140 богатыхъ каретъ насчитывали въ брачномъ по-

(133) Маркевичъ, Исторія Малороссіи II. 628—629.
(134) Маркевичъ, Исторія Малороссіи II. 631.
(135) Записки Марковича II. 229.

ѣздѣ; изъ нихъ особымъ изяществомъ отличалась сіяющая зеркалами и позолотою карета Семена Кириловича Нарышкина; при дворѣ блистала новая богатѣйшая статсъ-ливрея, сукно и галуна для которой выписывались изъ-за границы.

Графъ Кирила Григорьевичъ, только что сошедшій съ школьной скамьи, съ увлеченіемъ пустился въ вихорь свѣта. Имя его безпрестанно встрѣчается къ Камеръ-фуріерскихъ журналахъ: то онъ дежурнымъ, то форшнейдеромъ, то онъ, вмѣстѣ съ женою генералъ-прокурора князя Трубецкаго принимаетъ участіе въ «кадрильѣ Великой Княгини,» состоящей въ 34-хъ персонахъ, которыя обрѣтались, по билетамъ, въ доминахъ бѣлыхъ съ золотою выкладкою, тогда какъ будущая его невѣста (Ивана Львовича Нарышкина дочь) и племянница, графиня Авдотья Даниловна Разумовская, первая съ камеръ-юнкеромъ Сергѣемъ Васильевичемъ Салтыковымъ, а вторая съ княземъ Юсуповымъ участвуютъ въ кадрили его свѣтлости принца Августа Голштинскаго въ доминахъ рудожелтыхъ съ серебряною выкладкою» ([136]). Кирила Григорьевичъ ежедневно находился въ обществѣ Государыни то при дворѣ, то у брата своего. Елизавета Петровна большую часть дня проводила въ комнатахъ своего супруга во дворцѣ, кромѣ того часто посѣщала она его дома и въ городѣ и за городомъ. Какъ любила Императрица гостить въ Перовѣ, такъ точно, во время пребыванія въ Петербургѣ или его окрестностяхъ, часто навѣщала она то Гостилицкую мызу, то Мурзинку, то Славянку, то Приморскій дворъ, подпетербургскія дачи старшаго Разумовскаго. Но особенно любила она Гостилицы. Сюда пріѣзжала она иногда на нѣсколько дней лѣтомъ, позднею осенью и даже зимою. Здѣсь она охотилась верхомъ то съ собаками, то съ соколами, въ мужскомъ платьѣ. Здѣсь давались Алексѣемъ Григорьевичемъ роскошные обѣды и вечернія кушанья, то въ разныхъ аппартаментахъ дома, то на дворѣ въ постановленной бѣлой палаткѣ. Во время этихъ угощеній гремѣла италіанская музыка, иногда играли волторнисты, при питіи здоровьевъ палили изъ пушекъ. Изрѣдка собирались въ домъ крестьянскія «бабы съ дѣвками,» такъ какъ Государыня любила народныя пѣсни.

5-го Сентября 1745 Государыня праздновала въ Гостилицахъ свои имянины. Кампанія была многочисленная. Тутъ были фельдмаршалъ

([136]) Камер.-Фур. журналъ 1745 г.

князь Долгорукій, графъ Румянцевъ, Нарышкины и нѣкоторыя изъ статсъ-дамъ, всего до 40 человѣкъ. Государыня по-полудни въ 1 мъ часу слушала божественную литургію въ полковой церкви Преображенія Господня; по окончаніи обѣдни имѣлась пальба изъ пушекъ. Въ половинѣ втораго началось обѣденное кушанье въ залѣ, на 12-ти штукахъ. Форшнейдеромъ при столѣ былъ камеръ-юнкеръ графъ Воронцовъ. Во время обѣда пили за здравія: Ея Императорскаго Величества, Ихъ Императорскихъ Высочествъ и благополучнаго и счастливаго государствованія Ея Императорскаго Величества, при пушечной пальбѣ, при игранія на трубахъ и битіи въ литавры. Во время кушанія играла музыка. Послѣ обѣда по-полудни въ 6-мъ часу начался балъ въ той же залѣ, гдѣ обѣдали и были поставлены на трехъ штукахъ фрукты. По окончаніи бала играли въ карты, и прочее увеселеніе имѣлось до 12-го часа. Въ половинѣ 12-го въ нижнемъ аппартаментѣ началось вечернее кушаніе, за поставленнымъ на 11 штукахъ столомъ, при которомъ присутствовали Ея Императорское Величество и всѣ вышеозначенныя персоны. Во время того кушанія также имѣлась музыка. При питіи за здоровья палили изъ пушекъ. Противъ дома имѣлась иллюминація. — Особенно любилъ графъ Алексѣй Григорьевичъ угощать Государыню и весь дворъ у себя, въ Цесаревиномъ, а позднѣе въ Аничковскомъ домѣ, въ день своихъ имянинъ 17-го Марта. Для праздниковъ этихъ онъ не щадилъ денегъ, и во все царствованіе Елизаветы, 17-ое Марта считалось чѣмъ-то въ родѣ табельнаго дня

Такъ иногда, хотя и рѣдко, этотъ день праздновался въ Гостилицахъ: бывали пиры, италіанская музыка, иллюминація, и, что не совсѣмъ согласовалось съ набожностью Елизаветы Петровны и Разумовскаго, — не смотря на великій постъ, — танцы. «Около середины великаго поста, говоритъ Екатерина Великая, мы ѣздили съ Императрицею въ Гостилицы на имянины къ оберъ-егермейстеру графу Разумовскому. Тамъ были танцы, и было довольно весело» ([137]). Одно изъ посѣщеній Гостилицъ дорого обошлось Великому Князю и Великой Княгинѣ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ сама Екатерина:

«Въ исходѣ Мая, въ Вознесенье, мы поѣхали въ Гостилицы къ графу Разумовскому. 23 числа того же мѣсяца Государыня пригласила туда им-

---

([137]) Mém de Cath. II. 78—79.

ператорскаго посла барона Претлаха. Онъ провелъ тамъ вечеръ и ужиналъ съ Императрицею. Ужинъ этотъ продолжался далеко за полночь, такъ что, когда мы возвратились въ отведенный намъ маленькій домикъ, солнце уже взошло. Этотъ деревянный домикъ стоялъ на небольшомъ пригоркѣ у катальной горы. Положеніе этого дома намъ понравилось зимою, когда мы были на имянинахъ у оберъ-егермейстера и, чтобы намъ сдѣлать угодное, онъ намъ его отвелъ. Домъ былъ двухъэтажный, въ верхнемъ этажѣ были лѣстница, зала и три комнаты; мы спали въ одной, Великій Князь одѣвался во второй, въ третьей жила г-жа Крузе. Внизу расположились Чеглоковы, мои фрейлины и мои камеръ-фрау. Возвратившись съ ужина, мы всѣ улеглись спать. Около шести часовъ утра, нѣкто Левашевъ, сержантъ гвардіи, пріѣхалъ изъ Ораніенбаума переговорить съ Чеглоковымъ на счетъ построекъ, которыя тамъ производились. Найдя всѣхъ еще спящими, Левашевъ сѣлъ около часоваго, и ему послышалось, что что-то трещитъ; это возбудило въ немъ подозрѣніе. Солдатъ сказалъ ему, что съ тѣхъ поръ какъ онъ стоитъ на часахъ, трескъ уже нѣсколько разъ возобновлялся. Левашевъ обѣжалъ домъ и увидѣлъ, что изъ-подъ дому вываливались большіе камни. Онъ тотчасъ разбудилъ Чеглокова, и сказалъ ему, что фундаментъ дома опускается и что надо изъ него всѣхъ вывести. Чеглоковъ схватилъ халатъ и побѣжалъ на верхъ; тамъ стеклянныя двери были заперты; онъ велѣлъ выломать замки и, дошедши до комнаты, гдѣ мы спали, дернулъ занавѣски, разбудилъ насъ и сказалъ, чтобы мы скорѣе вставали и уходили, такъ какъ подъ домомъ провалился фундаментъ. Великій Князь спрыгнулъ съ постели, схватилъ шлафрокъ и убѣжалъ. Я сказала Чеглокову, что выйду вслѣдъ за нимъ, и онъ ушелъ. Я торопилась одѣться, и одѣваясь вспомнила про мадамъ Крузе, которая спала въ сосѣдней комнатѣ. Я поспѣшила разбудить ее; но такъ какъ она спала очень крѣпко, то и едва добудилась ея и насилу могла ей растолковать, что надо поскорѣе выходить изъ дому. Я помогла ей одѣться и, когда она была совсѣмъ готова, мы пошли въ залу; но едва успѣли мы переступить порогъ, какъ все провалилось, и мы услышали шумъ похожій на тотъ, который бываетъ при спускѣ корабля въ воду. Мадамъ Крузе и я упали на полъ. Въ эту минуту, изъ противоположной двери, со стороны двора, вошелъ Левашевъ; онъ поднялъ меня и вынесъ изъ комнаты. Случайно я взглянула въ ту сторону, гдѣ была катальная гора; она стояла прежде въ уровень со вто-

рымъ этажемъ, а теперь по крайней мѣрѣ на аршинъ была выше. Левашевъ дошелъ со мною до лѣстницы, по которой онъ взошелъ: ея уже не было, она провалилась. Нѣсколько человѣкъ взобрались на верхъ по обломкамъ; Левашевъ передалъ меня ближайшимъ, тѣ дальше, и такимъ образомъ, переходя изъ рукъ въ руки, я очутилась въ сѣняхъ, откуда меня вынесли на лугъ. Тамъ нашла я Великаго Князя въ шлафрокѣ. Вышедши изъ дому, я стала пристальнѣе разсматривать то что̀ происходило тамъ и увидѣла, какъ оттуда выбирались и выносились окровавленные люди. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ была моя фрейлина княжна Гагарина ([138]). Она хотѣла выбраться изъ дома какъ и всѣ другія; но только что успѣла перейти изъ своей комнаты въ слѣдующую, какъ печька стала рушиться, повалила экранъ и опрокинула ее на стоявшую тамъ постель, на которую посыпались кирпичи; съ нею была еще одна дѣвушка, и обѣ онѣ очень пострадали. Въ этомъ же нижнемъ этажѣ находилась небольшая кухня, гдѣ спало нѣсколько человѣкъ изъ прислуги; трое изъ нихъ были задавлены. Но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ произошло между фундаментомъ дома и нижнимъ этажемъ: тамъ спало шестнадцать работниковъ, приставленныхъ смотрѣть за катальною горою; всѣ они до одного погибли подъ осѣвшимъ зданіемъ. Причиною всего этого было то, что домъ выстроенъ былъ осенью на скорую руку. Весь фундаментъ состоялъ изъ четырехъ рядовъ известковаго камня. Въ сѣняхъ перваго этажа архитекторъ велѣлъ поставить двѣнадцать деревянныхъ столбовъ. Ему надо было ѣхать въ Малороссію и уѣзжая онъ сказалъ Гостилицкому управителю, чтобы до его возвращенія онъ не позволялъ трогать этихъ подпорокъ. Не смотря на запрещеніе архитектора, управляющій, какъ скоро узналъ, что мы займемъ этотъ домъ, тотчасъ приказалъ вынести столбы, которые безобразили сѣни. Съ наступленіемъ оттепели, все строеніе осѣло на четыре ряда известковыхъ камней, которые отъ того расползлись въ разныя стороны, и вмѣстѣ съ этимъ самый домъ началъ скатываться съ горы, на которой онъ стоялъ, до маленькаго пригорка, который и остановилъ дальнѣйшее паденіе. Я отдѣлалась нѣсколькими синяками и страшнымъ испугомъ, въ слѣдствіе котораго мнѣ пустили кровь. Всѣ мы были до того напуганы,

---

([138]) Ихъ было двѣ при Великой Княгинѣ: одна вышла за мужъ за фельдмаршала князя А. М. Голицына, а другая за графа Матюшкина.

что, въ продолженіе слишкомъ четырехъ мѣсяцевъ, каждая громко захлопнутая дверь заставляла насъ вздрагивать. Въ тотъ же день, какъ скоро прошелъ первый страхъ, Императрица, обитавшая въ другомъ домѣ, призвала насъ къ себѣ; ей не хотѣлось вѣрить, чтобы опасность, въ которой мы находились, была велика, и потому всѣ старались представить ее незначительною, и иные даже утверждали, что опасности вовсе никакой не было. Испугъ мой очень не понравился Государынѣ, и она за него на меня дулась. Оберъ-егермейстеръ плакалъ, былъ въ отчаяніи и говорилъ даже, что съ горя застрѣлится. Но видно ему отсовѣтовали, потому что онъ остался живъ. На другой день мы возвратились въ Петербургъ» (139).

Такимъ образомъ въ пирахъ и весельи пролетѣлъ первый годъ пребыванія молодаго Разумовскаго при дворѣ. Г. Н. Тепловъ продолжалъ находиться при немъ, хотя въ это время едва ли онъ могъ усмотрѣть за своимъ бывшимъ ученикомъ. Впрочемъ онъ этого и не домогался; онъ терпѣливо выжидалъ времени, когда судьба призоветъ Кирилу Григорьевича въ серіезной дѣятельности и заранѣе готовился принять въ этой дѣятельности самое живое участіе.

Изъ сверстниковъ своихъ графъ Кирила особенно сблизился съ умнымъ, оригинальнымъ и любезнымъ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ. Ихъ связывали и молодость и оригинальность и одинаковые успѣхи въ свѣтѣ, но особенно общая страстная любовь къ отчизнѣ. «Человѣкъ быстрый, увертливый и проворный,» по свидѣтельству кн. Щербатова (140), Чернышевъ долгое время былъ за-границею и «къ несчастію» (прибавляетъ строгій критикъ нравовъ прошлаго столѣтія, представлявшаго, надо признаться, обильную почву для критика) перенялъ за границею все что сластолюбіе и роскошь при европейскихъ дворахъ наиприятнѣйшаго имѣютъ. Столъ его привлекалъ вкусъ, обоняніе и зрѣніе, экипажи его блистали золотомъ, ливрея его пажей была шита золотомъ, вина у него были самыя лучшія и самыя дорогія.» Но среди роскоши и удовольствій въ немъ не загасалъ святый огонь, и проблески этого огня привлекали къ себѣ Кирилу Григорьевича. Отъ природы ума нѣсколько поверхностнаго, Чернышевъ много зналъ и читалъ; за грани-

---

(139) Mém. de Cath. II. 87—92.
(140) Кн. Щерб. стр 60.

цею онъ сошелся со всѣми замѣчательными людьми того времени, отлично говорилъ въ обществѣ, былъ добрый человѣкъ, весьма гостепріимный и со всѣми одинаково любезный. Сходство характеровъ и наклонностей породило дружбу, о которой мы впрочемъ болѣе знаемъ по преданію. Въ бумагахъ графа Кирилы, находящихся въ архивѣ гр. А. С. Уварова, сохранилось письмо отъ Чернышева, ясно указывающее на близость ихъ отношеній. Письмо это написано гораздо позднѣе описываемаго нами времени, однако намъ кажется кстати привести его здѣсь:

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Не знаю, греческая, не знаю латинская пословица, однако есть такая: «лучше поздно, нежели никогда;» она-то со мною сбывается. Уже тому два мѣсяца, какъ я пріѣхалъ въ отечество, да и откудова, изъ Франціи, а къ вашему сіятельству еще не писалъ; уже и на голубую ленту, которую я съ того времени ношу ([141]), я наглядѣлся, а къ вашему сіятельству и о полученіи оной не сообщилъ. Истинно непростительно; когда бы не столь увѣренъ былъ на милость вашего сіятельства, я бы никогда не отважился; однако лучше про оное молчать, а постараться въ оное дурачество впредь не попадаться. «Die Erkenntniss des Fehlers ist die halbe Besserung.» Или Горацій говоритъ: «melius semel, quam nunequam.» Или какъ Голландецъ Vondel говоритъ: «better oit als noit»: *oit* значитъ *иногда*, а *noit* значитъ *никогда*. Trêve de proverbes! Истинно не одинова собирался къ вашему сіятельству писать, и уже не одно письмо и писалъ, только все чиновны таковы, что.... ([142]) ихъ не умѣю, и для того уже разсудилъ хотя глупое или измаранное письмо, да лишь бы написать. Сколь же мнѣ прискорбно, что вашего сіятельства я здѣсь не засталъ, о томъ маню себя, что вы увѣрены. Сколько бы и васъ по пріѣздѣ своемъ изъ Франціи забавилъ. Ризсудите, каковъ я сталъ: другихъ кафтановъ не ношу какъ *шелиновыхъ*, въ красныхъ каблукахъ и все пою пѣсни, да какія — одна другой лучше, и навезъ ихъ столько много, все въ томъ разумѣ, чтобы васъ онымъ поучить. Я въ Парижѣ былъ 10 недѣль и 4 часа и изъ онаго времени въ крайней скукѣ былъ только 4 часа, а въ прочее вы догадаться можете, каково мнѣ было. Хожу всякій день въ двухъ лентахъ, а епанцы (?) всѣ цѣлы; дорого бы далъ, чтобы Гр. П. Тепловъ меня видѣлъ, каковъ я чиненъ сталъ въ двухъ лентахъ: онъ бы на меня глядя все хохоталъ. Платья изъ Парижа навезъ тьма ([143]) и карету, предорога. Прощай, милостивый, государь, будьте

([141]) По свидѣтельству Щербатова, Чернышевъ этою голубою лентою Бѣлаго Орла обязанъ былъ Ив. Ив. Шувалову.

([142]) Неразобранное слово.

([143]) Одѣянія его (т. е. Чернышева) были, говоритъ князь Щерба-

увѣренъ, что я, пока живъ, пребуду все тотъ же, сирѣчь наипризнательнѣйшій и усерднѣйшій изо всѣхъ вашего сіятельства слугъ, и что съ особливымъ почтеніемъ и пр. графъ И. Чернышевъ.

Смѣю ли, милостивый государь, за неимѣніемъ другой бумажки въ письмѣ вашего сіятельства мой поклонъ Гр. Ник. приписать и увѣрить его, что мнѣ истинно безъ него скучно; ни побраниться, ни похохотать, ни поругать, ни пошептать не съ кѣмъ; вѣдь онъ помнитъ, что я всегда говорилъ, что хоть, въ ссорѣ когда съ нимъ, а говорить люблю, и его шутки хороши. Жаль мнѣ очень, что у него въ Глуховѣ нѣтъ моей Стрѣтенской кормилицы, то бы онъ, хотя бы ея шутки ко мнѣ отписалъ. Adieu, Monseigneur.»

Шесть мѣсяцевъ погостила Наталья Демьяновна у сыновей своихъ, и снова стало ее тянуть въ родную Адамовку, гдѣ строился ея хуторъ Алексѣевщина. Она уѣхала съ дочерьми, не думая, что въ послѣдній разъ прощается съ старшимъ сыномъ, оставляя внуковъ и внучекъ родныхъ и двоюрдныхъ Будлянскихъ, Закревскихъ, Дараганов и Стрѣшенцовыхъ на его попеченіе. Передъ нею поскакалъ въ Козелецъ кабинетъ-курьеръ. Писаревъ съ слѣдующимъ указомъ изъ кабинета Государыни:

«Ея Императорское Величество указала для проѣзда отъ С.-Петербурга до Малой Россіи оберъ- егермейстера, лейбъ-компаніи капитанъ-поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера, рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго матери съ дочерьми въ домъ ея, находящіеся на Московской дорогѣ, такоже ежели есть и отъ Москвы, дворцы протапливать и имѣть въ чистотѣ. И того ради ѣхать тебѣ чрезъ Новгородъ до Малой Россіи тѣмъ трактомъ, куда вышеобъявленнымъ персонамъ въ домъ ихъ слѣдовать надлежитъ, и приставленнымъ къ тѣмъ дворцамъ указъ Ея Императорскаго Величества объявить, чтобъ во оныхъ дворцахъ покои протапливали и имѣли въ чистотѣ, и когда означенныя персоны прибудутъ, то имъ въ тѣхъ дворцахъ станцію имѣть не только безпрепятственно, но и со всякимъ учтивствомъ допускали бъ, а когда проѣдутъ, то оныхъ дворцовъ больше не протапливать. Ежели иногда въ которыхъ дворцахъ дровъ недостаточно будетъ, въ такомъ случаѣ немедленно велѣть тамошнимъ обывателямъ, сколько потребно, привезть, а какъ обрѣтающимся при тѣхъ дворцахъ приставникомъ, такъ и находящимся въ тамошнихъ мѣстахъ обывателямъ чрезъ сіе именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ объявляется, чтобы они въ томъ были тебѣ послушны, чего ради имѣешь ты, гдѣ кому надлежитъ, сей указъ для прочтенія объявлять, и отъ послѣдняго дворца обратно ѣхать

товъ, стр. 61, „особливаго богатства и вкуса, и ихъ толь много, что единожды вдругъ 12 кафтановъ выписалъ.“

тебѣ въ Петербургъ. Будучи тебѣ въ пути, обидъ нигдѣ никому не чинить и безденежно подводъ не брать подъ опасеніемъ штрафа по указамъ.»

Подписано отъ 9-го января 1746 года ([144]).

Изъ кабинета было въ то же время предписано въ Ямскую канцелярію:

«По указу Ея Императорскаго Величества посылается изъ кабинета Ея Величества для нѣкотораго дѣла въ Малую Россію до Козельца кабинетъ-курьеръ Петръ Писаревъ, которому надлежитъ до показаннаго мѣста и обратно въ С.-Петербургъ по двѣ почтовыя подводы за указные прогоны, подорожную, и Ямская канцелярія имѣетъ учинить оное по Ея Императорскому Величеству указу.»

9 Января 1746 ([145]).

Дорогою постигло Писарева несчастіе: близь Тулы ему «незапнымъ случаемъ выломали ногу», и на его мѣсто по распоряженію Тульской провинціальной канцеляріи, для подготовленія дворцовъ до Козельца, отправленъ былъ канцеляристъ Тимоѳей Садовниковъ ([146]).

Наталья Демьяновна съ дочерьми и прислугой отправилась изъ Петербурга на 80-ти ямскихъ подводахъ, что̀ видно изъ слѣдующаго предписанія въ Ямскую канцелярію:

«Изъ кабинета Ея Императорскаго Величества въ Ямскую канцелярію. Ея Императорское Величество указали:

Отправляется отсуда въ домъ свой въ Малую Россію до мѣстечка Козельца оберъ-егермейстера, лейбъ-компаніи капитанъ-поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера, рейхсъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго мать съ дочерьми, которымъ для проѣзду ихъ со свитою до показаннаго мѣста Ея Императорское Величество указали дать на 80 ямскихъ подводъ за указный платежъ подорожную, и Ямская канцелярія имѣетъ учинить о томъ по Ея Императорскаго Величества указу» ([147]).

Внуки и внучки Натальи Демьяновны помѣщены были во дворцѣ. Не только Алексѣй Григорьевичъ, но и сама Государыня любила и ласкала ихъ, что̀ подало поводъ, какъ мы увидимъ далѣе, къ разнымъ слухамъ касательно ихъ происхожденія. Особенно полюбила Государыня дочерей Анны Григорьевны Закревской. Къ племянникамъ и къ племянницамъ Алексѣя Григорьевича приставлена была нѣкто мадамъ Шмитъ или Шмитша, какъ она названа въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ ([148]). Шмитша

([144]) Государственный Архивъ: „Дѣло о привозѣ къ двору.“

([145]) Тамъ же. — ([146]) Тамъ же. — ([147]) Тамъ же.

([148]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1748 г.

эта была родомъ Чухонка и жена придворнаго трубача. Она отличалась необыкновенною толстотою и массивностью, была бой-баба и сохранила отъ прежней лагерной жизни особенную грубость тона ([149]). Шмитша обязана была своимъ назначеніемъ покровительству старыхъ Нѣмокъ и Шведокъ, находившихся въ числѣ императрицыныхъ камеръ-фрау, а потомъ, благодаря умѣнію шпіонить и сплетничать, играла довольно важную роль при дворѣ ([150]) и назначена была гофмейстериною при фрейлинахъ ([151]).

Кромѣ Шмитши при племянникахъ Алексѣя Григорьевича состояли еще учитель Носке ([152]), бывшій впослѣдствіи гофмейстеромъ при камеръ-пажахъ, да нѣкто Францискъ Соссеротъ, родомъ изъ Лотарингіи, для обученія ихъ Французскому языку и штилю ([153]). Для племянниковъ и племянницъ съ мадамой бывали, во всѣ дни, отъ двора ординарные столы, да кромѣ того имъ же ежедневно отпускалось отъ двора разныхъ питей на 4 руб. 41 коп., а учителю Носке на 32 съ $\frac{1}{2}$ копѣйки ([154]).

Черезъ годъ послѣ возвращенія изъ-за границы, Мая 21,1746 года, Кирила Григорьевичъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ «въ разсужденіе усмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства» ([155]). Какъ ни странно кажется теперь назначеніе въ президенты 22-хъ лѣтняго юноши, едва выпустившаго изъ рукъ указку, за которую такъ поздно ухватился, однако это объясняется не только исключительнымъ положеніемъ графа Алексѣя Григорьевича при дворѣ, но еще тѣмъ полнымъ отсутствіемъ людей образованныхъ и способныхъ, которымъ отличалось, особенно въ началѣ, царствованіе Елизаветы Петровны. Къ тому же, при тогдашнемъ настроеніи умовъ, во главѣ Академіи хотѣлось видѣть Русскаго, а не Нѣмцевъ, каковы были до сихъ поръ: Блументростъ, Кейзерлингъ, Корфъ и Бреверинъ. Но изъ Русскихъ никто къ этому дѣлу не оказывался годнымъ, такъ что въ первыя пять лѣтъ послѣ вступленія Елизаветы на престолъ, Академія оставалась безъ

([149]) Mém. de Cath. II, 249.

([150]) Anecdotes ou recueil de coutumes и пр. VI. 82.

([151]) Mém. de Cath. II, 249.

([152]) Камеръ-фур. журналъ 1748 г.

([153]) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова.

([154]) Камеръ-фуръерскій журналъ 1748. Носке былъ учителемъ И. И. Шувалова.

([155]) Изъ диплома на графское достоинство отъ 1-го Марта 1751 г.

президента. Тѣмъ временемъ вернулся изъ-за границы братъ всемогущаго временщика съ огромнымъ запасомъ льстивыхъ свидѣтельствъ отъ падкихъ на русскія деньги иностранныхъ профессоровъ. При дворѣ всѣ были отъ новопріѣзжаго въ восторгѣ. Ласкатели Алексѣя Григорьевича, а ихъ въ то время было не мало, громко трубили по городу и при дворѣ о талантахъ и познаніяхъ молодаго Разумовскаго; Академія нуждалась въ президентѣ, и Кирила Григорьевичъ, самъ не сознавая ни значенія ея, ни обязанностей на него возлагаемыхъ, очутился однажды президентомъ Императорской Россійской Академіи Наукъ. Очевидно, что при отсутствіи серіознаго классическаго образованія, при безпрестанныхъ отвлеченіяхъ свѣтской жизни, недавній козакъ, какимъ-то чудомъ преобразившійся въ придворнаго кавалера, не могъ быть примѣрнымъ президентомъ. Безъ руководителя невозможно было обойтиться, и таковымъ сталъ давно знакомый съ Академіею, воспитатель его Тепловъ. Десять дней по назначеніи Разумовскаго, Тепловъ получилъ мѣсто ассессора при академической канцеляріи ([156]). Не смотря однако на недостаточность познаній и на совершенную неподготовленность къ таковому дѣлу, можно смѣло сказать, что Кирила Григорьевичъ ничѣмъ не хуже своихъ предшественниковъ управлялъ Академіею. И Блументростъ, и Корфъ, и Кейзерлингъ, и Бреверпъ мало занимались ввѣреннымъ имъ учрежденіемъ, полагаясь всегда и во всемъ на Шумахера. Состояніе Академіи, послѣ управленія первыхъ четырехъ президентовъ, было самое плачевное. Всѣ лучшіе иностранные профессора уѣхали или, правильнѣе, бѣжали за границу. Ссоры между оставшимися иногда доходили до дракъ и неоднократно разбирались въ Сенатѣ. Интригамъ всякаго рода не было конца, доносы другъ на друга были въ общемъ ходу. Учрежденные при Академіи университетъ и гимназія числились только на бумагѣ. «L'académie sans académiciens, la chancellerie sans membres, l'université sans étudiants, les règles sans autorité, et au reste une confusion jusqu'à présent sans remède» ([157]), писалъ Тепловъ къ профессору Штрубу. Среди этого омута

([156]) Пекарскій. Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Приложеніе къ VIII Тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, стр. 41.

([157]) Т. е. Академія безъ академиковъ, канцелярія безъ членовъ, университетъ безъ студентовъ, правила безъ авторитета, и вообще безпорядокъ, которому до сихъ поръ нѣтъ средствъ пособить. (Сочиненія Ломоносова, изданіе Смирдина. Томъ I. стр. 704).

отчаянно дѣйствовала геніальная личность Ломоносова. Ломоносовъ, возвратившійся изъ за-границы, полный сознанія силъ своихъ, съ горячею любовью къ отчизнѣ, съ жаждою неутомимой дѣятельности, встрѣтилъ на родинѣ пріемъ самый холодный. Ему обѣщали, при отправленіи за границу, мѣсто экстраординарнаго академика, и вмѣсто того назначили въ адъюнкты. Огромное большинство соотечественниковъ или вовсе не обратило на него вниманія или взирало на него недовѣрчиво. Русскій ученый въ тѣ времена былъ чѣмъ-то немыслимымъ; Русскій поэтъ представлялся публикѣ въ видѣ Третьяковскаго, на котораго современники смотрѣли какъ на какого-то шута. Но самыми непримиримыми врагами Ломоносова въ Академіи были Нѣмцы, съ Шумахеромъ во главѣ. Они взяли, такъ сказать, Академію на аренду и смотрѣли на нее какъ на свое собственное достояніе. Нѣмцы тѣснили даже своихъ, когда они, какъ напримѣръ академикъ Браунъ, дружились съ Русскими.

Но со вступленія на престолъ Елизаветы, общій по Россіи крикъ противъ иностранцевъ сталъ раздаваться и въ стѣнахъ Академіи. Немногіе Русскіе, служившіе при Академіи, стали поговаривать о произволѣ Нѣмцевъ. Ломоносовъ очутился во главѣ недовольныхъ и вошелъ въ открытую борьбу съ нѣмецкимъ элементомъ, громко проповѣдуя, что желаетъ видѣть «Россійскую Академію, изъ сыновъ Россійскихъ состоящую.» Со всѣмъ устремленіемъ сильной и цѣльной натуры, шелъ онъ, часто не разбирая средствъ, къ достиженію своей цѣли и надорвался надъ геркулесовою работою. Гдѣ нѣмецкій элементъ пустилъ корни, тамъ онъ долго держится; цѣлаго столѣтія недостаточно было, чтобы осуществить мысль перваго нашего ученаго дѣятеля. Но къ несчастію, въ борьбѣ своей, Ломоносовъ, неуживчивостью, пылкостью и необузданностью, самъ безпрестанно портилъ дѣло и подготовлялъ успѣхъ противникамъ.

Первою заботою новаго президента было ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ академическихъ. Разумовскій потребовалъ изъ Сената всѣ дѣла касательно распрей между академиками и кромѣ того велѣлъ каждому изъ нихъ порознь подать о томъ-же особенную бумагу. Первое впечатлѣніе при разборѣ этихъ бумагъ было самое тягостное и весьма вѣроятно, что впечатлѣніе это съ самаго начала охладило президента къ дѣлу. Во всѣхъ этихъ изложеніяхъ, въ перекрестныхъ навѣтахъ и жалобахъ, была такая путаница, что даже человѣку вполнѣ опытному едвали было возможно доискаться до истины. Право, какъ и слѣдовало

ожидать, осталось за хладнокровнымъ, тихимъ и порядливымъ Шумахеромъ, настоящимъ учредителемъ Академіи. Хитрый, властолюбивый, ласкательный, онъ несомнѣнно обладалъ талантами, а, главное, былъ очень распорядителенъ. Благодаря его трудамъ, Академія была основана; съ крайнимъ искусствомъ съумѣлъ онъ въ началѣ собрать музеи и созвать профессоровъ изъ-за границы. Потомъ онъ мало по малу сталъ забирать власть въ свои руки, и какъ скоро это удалось, онъ исключительно занялся своими выгодами, и Академія стала на второмъ планѣ. Такимъ образомъ онъ въ теченіи болѣе 20 лѣтъ полновластно распоряжался Академіею и сосредоточилъ въ рукахъ своихъ власть первыхъ президентовъ. Шумахеръ былъ въ перепискѣ съ Тепловымъ во время путешествія его по чужимъ краямъ при графѣ Кирилѣ Григорьевичѣ. Расчетливый Нѣмецъ находилъ, что нелишнее быть въ ладахъ съ адъюнктомъ, находившимся въ близкихъ отношеніяхъ съ сильными міра сего. Теперь онъ всячески заискивалъ у новаго ассесора и тѣмъ еще болѣе усилилъ себя. На жалобы Ломоносова и его товарищей, благодаря Теплову и Шумахеру, не было обращаемо вниманія. «Нынѣшній президентъ его сіятельство графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій», говоритъ Ломоносовъ, «отъ Россійскаго народу, могъ бы много успѣть, когда бы хоть немного побольше вникалъ въ дѣла академическія. Но съ самаго начала ввѣрился тотчасъ Шумахеру, а особливо что тогдашній ассессоръ Тепловъ былъ ему предводитель, а Шумахеру пріятель» (158). Къ несчастію крайне неуживчивый Ломоносовъ съумѣлъ поссориться со всѣми лицами, окружавшими Разумовскихъ. Вражда его съ Сумароковымъ извѣстна. Объ Елагинѣ онъ иначе и не отзывался какъ о «Перфильевичѣ,» въ самыхъ презрительныхъ выраженіяхъ; съ Тепловымъ онъ тоже былъ на ножахъ. Понятно, что и Тепловъ, и Елагинъ, и Сумароковъ съ своей стороны его не щадили и что отовсюду доходили до президента самые невыгодные для поэта-академика отзывы. Не смотря на это, Разумовскій безсознательно, самъ собою, понялъ, что Ломоносовъ не походилъ на окружавшихъ его, что въ этой грубой личности было что-то, невольно вселявшее и сочувствіе и удивленіе и какое-то невольное почтеніе къ заносчивому профессору. Русскому вполнѣ, каковъ былъ Разумовскій, нравилась даже эта размашистая натура, которую не удерживали ни приличія свѣта,

---

(158) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 097.

ни торжественность академическихъ засѣданій, и наперекоръ всѣмъ стоявшимъ близь президента, какъ въ оффиціальной сферѣ, такъ и въ семейномъ кружкѣ, онъ, гдѣ только могъ, подавалъ Ломоносову руку помощи. Такъ Разумовскій поднесъ въ 1748 году Государынѣ оду его на восшествіе ея на престолъ и самъ же вѣроятно выхлопоталъ сочинителю награду въ 2000 рублей ([159]). Тотъ же Разумовскій «для поощренія Ломоносова велѣлъ привести академическую лабораторію въ такое состояніе, чтобы Ломоносовъ могъ тамъ удобно и съ пользою производить всѣ опыты, какіе только случатся въ химіи;» благодаря президенту, Ломоносовъ получилъ казенную квартиру и передъ отъѣздомъ Разумовскаго въ Украйну имъ же представленъ къ чину коллежскаго совѣтника ([160]). Ломоносовъ умѣлъ цѣнить эти знаки сочувствія; въ то время у него не было еще могущественнаго покровителя; онъ не забывалъ ихъ и послѣ и, въ минуты самаго сильнаго раздраженія противъ хода дѣлъ въ Академіи, онъ писалъ къ Ивану Ивановичу Шувалову, передъ которымъ имѣлъ обыкновеніе изливать всю душу свою: «Президентъ нашъ добрый, только ввѣрился Теплову» ([161]).

Разумовскій захотѣлъ какъ-нибудь поправить дѣла Академіи. Къ сожалѣнію, распоряженія его не всегда достигали цѣли. Первымъ дѣломъ его было составленіе новаго регламента. Тепловъ съ Шумахеромъ взялись за это. Регламентъ, составленный безъ участія академиковъ, возбудилъ только новую бурю. Въ университетѣ и гимназіи при Академіи не было почти учениковъ. Не смотря на сопротивленіе духовнаго начальства, президентъ вытребовалъ изъ Невской, Московской и Новгородской семинарій лучшихъ воспитанниковъ. Въ Москву для выбора ѣздилъ Тредіаковскій, въ Петербургѣ этимъ дѣломъ занялся Ломоносовъ и другъ его Браунъ. Первое время лекціи шли плохо, изъ гимназіи производили въ студенты безъ экзаменовъ. Ректоръ университета, знаменитый Миллеръ, перессорился и съ Тепловымъ и съ Ломоносовымъ и съ Шумахеромъ. Онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, и на мѣсто его назначенъ Крашенинниковъ. Набранные въ семинаріяхъ студенты кутили, дрались

([159]) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова 118. — Пекарскій, Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова (приложеніе къ VIII тому Записокъ Академіи Наукъ) стр. 29.

([160]) Билярскій, стр. 149.

([161]) Тамъ же, стр. 289.

между собою и грубили начальнику. Но мало по малу дѣла улучшились, ученіе пошло живѣе, и въ числѣ студентовъ находились извѣстные въ послѣдствіи Румовскій, Барсовъ и Поповскій. Въ Январѣ 1748 года Кирила Григорьевичъ вслѣдствіе «имѣвшаго изустнаго указа» императрицы, предписалъ, дабы при Академіи Наукъ «переводили и печатали книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ польза и забава соединена бъ была съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ» ([162]). Это предписаніе осталось на время безъ послѣдствій; оно только подало первую мысль къ осуществившемуся 8 лѣтъ позднѣе изданію «Ежемѣсячныхъ Сочиненій,» о которыхъ будемъ имѣть случай еще говорить далѣе. Между тѣмъ вражда Ломоносова съ Шумахеромъ все болѣе и болѣе ожесточалась. Союзникомъ послѣдняго явился зять его Таубертъ, котораго Шумахеръ готовилъ себѣ въ преемники. Въ довершеніе бѣдъ, пожаръ истребилъ значительную часть зданій и музеевъ Академіи и между прочимъ знаменитый Готорпскій глобусъ.

Изъ бумагъ, относящихся до академической дѣятельности Разумовскаго, сохранились въ архивѣ графа А. С. Уварова три письма, которыя приводимъ здѣсь.

I.

Письмо канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина къ графу К. Г. Разумовскому.

Сіятельнѣйшій графъ, государь мой Кирила Григорьевичъ, любезнодражайшій сватъ ([163]).

Ея Императорское Величество всемилостивѣйше соизволила указать вашему сіятельству объявить, чтобъ изволили къ бывшему въ здѣшней Академіи профессору Эйлеру отписать, не похочетъ ли онъ паки сюда возвратиться и въ здѣшнюю службу вступить, обнадеживая его особливымъ Ея Императорскаго Величества всевысочайшимъ благоволеніемъ и что ему всякія возможныя снисхожденія и выгодности дозволены будутъ, ежели онъ токмо на то вознамѣрится и увѣдомитъ, на какихъ кондиціяхъ онъ на то поступить хощетъ. Все сіе имѣя секретно, наипаче въ Берлинѣ, содержано быть, я ваше сіятельство прошу оное письмо въ коллегію иностранныхъ дѣлъ прислать, дабы оное съ отправляющимся вскорѣ въ Берлинъ курьеромъ къ министру Ея Императорскаго Велич-

---

([162]) Тамъ же, стр. 277.

([163]) Смотри ниже, стр. 337.

ства тамо, г. канцеляріи совѣтнику Гросу([164]), надежно прислано быть могло. Напротиву чего можете и ваше сіятельство въ письмѣ вашемъ къ г. Эйлеру присовокупить, чтобъ онъ свой отвѣтъ для отправленія сюда ему же Гросу поручилъ. Я есмь съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ вашему сіятельству послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

27-го Октября 1750.

Получивъ письмо это, въ которомъ уже видно вліяніе на Государыню только что возвысившагося тогда любителя просвѣщенія Ивана Ивановича Шувалова, Разумовскій написалъ къ Гросу и Эйлеру, отъ которыхъ получилъ слѣдующіе отвѣты:

II.

Письмо Г. Н. Гроса къ графу К. Г. Разумовскому.

Monseigneur,

Quoiqu'en conséquence de la gracieuse lettre de Votre Excellence du 30 Octobre j'aie fait de mon mieux pour porter M. Euler à accepter les conditions avantageuses que Sa Majésté l'Impératrice lui a fait offrir et d'abord il a paru même à y être disposé, ne faisant d'autre difficulté si non celle qu'il aurait de la peine à obtenir ici son congé: cependant par incluse ci-jointe, qu'il me fit remettre hier, Votre Excellence verra que j'ai le chagrin de n'avoir pas reussi auprès de lui dans la négotiation qu'elle m'a confiée. Certainement il n'y a pas de ma faute, mais je ne laisse point d'être sincerement fâché de n'avoir pas pû suivant Vos intentions procurer à l'Académie impériale un si digne sujet. Au reste j'ai l'honneur d'être avec tout le respect possible, monseigneur, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur

Gross. A. Berlin, ce 30 Novembre (11 Decembre) 1750([165]).

([164]) Генрихъ Ивановичъ Гросъ, другъ Кантемира, черезъ котораго и поступилъ на Русскую службу, родился въ 1713 году въ Стутгартѣ. Онъ былъ Русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Варшавѣ, Дрезденѣ, Гагѣ и наконецъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1765 и похороненъ въ церкви Св. Павла см. Русскій Архивъ 1865 г. стр. 1505.

([165]) Т. е. Милостивѣйшій государь, хотя вслѣдствіе милостиваго письма вашего сіятельства отъ 30 Октября, я сдѣлалъ все возможное, чтобы уговорить г. Эйлера на принятіе выгодныхъ условій, ему Ея Императорскимъ Величествомъ предлагаемыхъ и хотя онъ сперва казался готовымъ согласиться, опасаясь единственно затрудненій въ полученіи здѣсь отставки, однако изъ прилагаемаго при семъ письма, мнѣ вчера переданнаго, ваше сіятельство увидите, что къ несчастію порученные мнѣ съ нимъ переговоры ни къ чему не привели Конечно я въ этомъ нисколько не виновенъ, однакожъ не могу не досадовать на то, что мнѣ не удалось доставить, согласно вашему желанію, импера-

III.

Письмо Леонарда Эйлера ([166]) къ графу К. Г. Разумовскому.

Monseigneur,

Les gracieuses intentions de S. M. I. que V. E. m'a bien voulu annoncer pénètrent mon âme du plus profond respect, et je me sens tout à fait rempli de confusion quand je me représente d'un côté les eminments avantages que S. M. I. me fait la grâce de m'offrir et de l'autre côté mes faiblesses qui m'en rendent entièrement indigne. Plus je comprends la grandeur du bonheur auquel je pourrais parvenir par la grace de Votre haute Excellence et dont mon esprit est tout à fait ébloui, plus je dois aussi considérer combien S. M. I. attend de moi à l'égard de son Académie. Or ce serait pour moi la plus grande mortification, si je me trouvais incapable de répondre aux idées avantageuses que V. E. avez formeé de ma capacité et que je dois regarder comme l'effet de la grâce toute particulière dont V. E. m'a bien voulu daigner jusqu'ici en si grande abondance. Or quelque prix qu'on puisse mettre à mes travaux dans l'étude des mathématiques, quoique je n'en connaisse que trop les defauts, je sens assez que le peu de mes forces diminue de jour en jour et comme j'avance à grands pas vers les 50 ans de mon âge, j'éprouve en moi très distinctement le même sort, qu'on remarque généralement dans tous ceux qui se sont livrés aux études mathématiques. Car quelques grands génies, qu'ayant (sic) été Newton, Leibniz, Herman, Wolf et les Bernoulli, on n'observe pas sans suprise, que toutes les belles découvertes, dont nous leur sommes redevables, ont été produites avant la quarantième année de leur âge et bien qu'ils aient vecu plus longtemps, et qu'il y en ait encore en vie, il

---

торской Академіи такого достойнаго члена Впрочемъ имѣю честь быть, м. г. ваше сіятельство и пр. Гросъ.

Въ Берлинѣ 30 Ноября (11 Декабря) 1750.

([166]) Леонардъ Эйлеръ, знаменитѣйшій математикъ прошлаго столѣтія, родился въ Базелѣ въ 1707 году. Молодымъ человѣкомъ пріѣхалъ онъ въ Россію, куда его призвали, чтобы занять мѣсто въ Академіи вмѣстѣ съ его соотечественниками и друзьями Н. и Д. Бернулли, сыновьями его учителя. Въ Петербургѣ Эйлеръ женился на дочери Швейцарскаго живописца Гезеля. Онъ оставался въ Россіи до 1741, когда, вслѣдствіе непріятностей, вмѣстѣ съ другими учеными, онъ покинулъ Академію, чтобы поселиться въ Берлинѣ, куда призвалъ его Фридрихъ II, высоко цѣнившій его геніальныя способности. Тамъ Эйлеръ оставался до 1766 и, послѣ неоднократныхъ приглашеній, только въ этомъ году, уже во время президентства графа Орлова, рѣшился возвратиться въ Россію. Екатерина Великая щедро его одарила. Эйлеръ умеръ въ Петербургѣ слѣпымъ въ 1783.

est surprenant, que tout ce qu'ils ont fait après ce terme n'approche point de leurs premières productions et qu'il s'en faut même beaucoup. Voilà précisément le cas, monseigneur, où je dois avouer que je me trouve actuellement; car ayant déjà passé ce terme, qui ajourne jusqu'ici les découvertes des mathématiciens, je ne saurais me flatter que je fusse à l'avenir en état de réussir dans cette étude mieux que mes predecesseurs. Dans ces circonstances mon devoir et mon zèle pour l'Academie impériale exigent de ma part un sincère aveu de mon impuissance de remplir dignement l'importante charge, à laquelle V. E. me voudrait faire la grâce de m'élever, et quoique cette générosité inouie de S. M. I. dont mon coeur est le plus vivement touché pût mettre ma famille au plus haut degré de félicité, je me vois contraint par mon indignité à renoncer à un si grand bien, auquel la Providence me défend d'aspirer, m'ayant outre cela mis dans un état, où ni ma santé, ni celle de quelques uns de mes enfants ne saurait soutenir un si grand voyage et encore moins un climat si différent de celui d'ici, surtout après que j'ai persuadé ma vielle mère de se transporter chez nous, qui, ayant déjà passé 72 ans, serait tout à fait hors d'état d'entreprendre un tel changement. Cependant ces obstacles insurmontables ne m'empechent pas de reconnaitre le prix infini des hauts avantages que S. M. I. daigne de m'offrir si généreusement par l'entremise de V. E. et comme j'en suis touché le plus vivement et infiniment au de là que je suis (sic) en état d'exprimer mes sentiments de reconnaissance et de respect, je supplie très humblement V. E. d'agréer les faibles marques de ma plus profonde soumission; et comme c'est principalement le véritable interêt de l'Academie impériale, qui me nécéssite de renoncer à des offres aussi glorieux qu'avantageux, je me flatte que V. E. ne désaprouvera pas ma résolution et qu'elle ne me refusera point la continuation de ses hautes graces, dont j'ai été si heureux de jouir jusqu'ici quoique de plus en plus je me vois moins en état de les mériter. Toutefois au défaut de ma capacité, qui va très sensiblement en diminuant, je redoublerai mes efforts pour produir de temps en temps quelque morceau qui ne soit pas tout à fait indigne de l'attention de l'Academie impériale, et ce sera par ce moyen que je tâcherai de soutenir, autant qu'il me sera possible, l'honneur que V. E. me fit en m'accordant si gracieusement une place parmi les membres etrangers. Dans cet état il ne me reste que d'implorer V. E. très humblement de vouloir bien regarder gracieusement mes faibles efforts et mon zèle ardent pour les interêts de l'Academie

impériale. Or la lettre dont V. E. m'a daigné d'honorer (sic) et dont je ne découvrirai j'amais rien à personne, me servira d'un monument perpetuel des grâces de V. E. et augmentera dans mon coeur de plus en plus la haute vénération et le profond respect avec lequel je serai toute ma vie, monseigneur, de Votre haute Excellenre le très humble, très obeissant et très soumis serv teur L. Euler. Berlin ce 25 Novembre 1750 ([167]).

([167]) Т. е. Милостивѣйшій государь. Всемилостивѣйшее намѣреніе Ея Императорскаго Величества, которое ваше сіятельство благоволили мнѣ передать, преисполнило сердце мое глубочайшимъ благоговѣніемъ, и я ощущаю крайнее смущеніе, сравнивая огромныя выгоды, столь милостиво Ея Императорскимъ Величествомъ мнѣ предлагаемыя, съ тою слабостью, благодаря которой я дѣлаюсь совершенно ихъ недостойнымъ. Чѣмъ болѣе постигаю всю огромность счастья, до котораго могъ бы достигнуть черезъ посредство вашего высокосіятельства и которое окончательно ослѣпляетъ мой умъ, тѣмъ болѣе долженъ я принять въ соображеніе всё то, чего Ея Императорское Величество въ правѣ отъ меня ожидать для Академіи. Мнѣ было бы крайне обидно, ежели бы я не могъ поддержать выгодное мнѣніе вашего сіятельства о моихъ способностяхъ, мнѣніе, на которое я смотрю только какъ на слѣдствіе неизсякаемаго вашего ко мнѣ доброжелательства. Какъ бы высоко ни цѣнили трудовъ моихъ по математическимъ наукамъ, всю недостаточность которыхъ слишкомъ ясно сознаю, однако я чувствую ощутительно ежедневное ослабленіе невеликихъ силъ моихъ и такъ какъ я быстро приближаюсь къ пятидесяти годамъ, то и испытываю общую судьбу всѣхъ тѣхъ, которые посвятили жизнь свою изученію математики. Какъ ни великъ былъ геній Ньютона, Лейбница, Германа, Вольфа и Бернуллієвъ, нельзя однако не замѣтить съ нѣкоторымъ удивленіемъ, что всѣ великія открытія, которыми мы имъ обязаны, были ими сдѣланы до сороковаго года ихъ жизни и хотя они жили долѣе, а нѣкоторые изъ нихъ и по сію пору еще живы, однако весьма замѣчательно, что все то, что они произвели послѣ этого срока, весьма далеко отстоитъ отъ ихъ первыхъ трудовъ. Вотъ именно то положеніе, м. г., въ которомъ нахожусь я теперь. Переживъ этотъ роковой для математиковъ срокъ, не могу льстить себя надеждою, что буду счастливѣе моихъ предшественниковъ. Въ такихъ обстоятельствахъ долгъ мой и рвеніе къ Императорской Академіи требуютъ чистосердечнаго признанія въ неспособности достойно занять то высокое званіе, на которое ваше сіятельство хотѣли меня милостиво возвысить. Хотя неслыханная щедрость Ея Императорскаго Величества, глубочайшимъ образомъ меня тронувшая, и поставила бы семейство мое на высшую степень благосостоянія, однако собственное мое недостоинство принуждаетъ меня отказаться отъ этаго великаго благодѣянія, о которомъ самое Провидѣніе не дозволяетъ мнѣ думать, такъ какъ состояніе моего здоровья и здоровья нѣкоторыхъ изъ моихъ дѣтей ставитъ насъ въ невозможность предпринять столь долгое путешествіе и еще менѣе перенесть климатъ столь несходный съ здѣшнимъ. Къ тому же я уговорилъ престарѣлую мать мою переѣхать къ намъ, а такъ какъ ей уже за 72 года, то она уже ни въ какомъ случаѣ не могла бы перенесть подобную перемѣну. Однако, не смотря на всѣ эти непреодолимыя препятствія, я вполнѣ сознаю всю безпредѣльную цѣну огромныхъ выгодъ, которыя Ея Императорское Величество изволила мнѣ предложить чрезъ посредство вашего сіятельства и такъ какъ я живѣйшимъ образомъ тронутъ и далеко не въ состояніи выразить всѣхъ чувствъ благодарности и почтенія, коими пре-

Какъ ни плохо шли дѣла въ Академіи, чрезъ мѣсяцъ послѣ своего назначенія въ президенты, 29 Іюня 1746 года, графъ Кирила Григорьевичъ получилъ Александровскую ленту. 25 Сентября того же года была привѣтная при дворѣ аудіенція Королевско-польскому и Курфирсто-саксонскому полномочному министру графу Фицтуму, или, какъ выражается Камеръ-фуріерскій журналъ, «Виту.» «Пріѣхалъ оный посолъ въ своей каретѣ и въ антикамерахъ принятъ церемоніймейстеромъ, потомъ оберъ-церемоніймейстеромъ; за нимъ на блюдѣ его кавалеръ несъ кавалерію (Бѣлаго Орла) для поднесенія Ея Императорскому Величеству ради Его Сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, и тако препровожденъ черезъ залу въ аудіенцъ-камеру и тамъ передъ Ея Императорскимъ Величествомъ отправлена привѣтная аудиенція.» Въ честь новаго кавалера «того же дня, по полудни, былъ при дворѣ куртагъ въ залѣ, при чемъ играла италіанская музыка» ([168]).

Около этого же времени Императрица сосватала за графа Кирила Григорьевича, нѣсколько (по свидѣтельству Екатерины II) противъ его желанія ([169]), свою внучатную сестру и фрейлину Е. И. Нарышкину. Екатерина Ивановна родилась 11-го Мая 1731 г. Она была дочерью флота

исполненъ, нижайше молю ваше сіятельство принять слабыя изъявленія моей глубочайшей преданности. Одно истинное желаніе добра Императорской Академіи заставляетъ меня отказаться отъ предложеній, столь же выгодныхъ, сколь и лестныхъ; поэтому льщу себя надеждою, что ваше сіятельство одобрите мое рѣшеніе и не откажете мнѣ въ продолженіи тѣхъ высокихъ милостей, коими до сихъ поръ я былъ осчастливленъ, хотя все менѣе и менѣе чувствую себя ихъ достойнымъ. Не смотря однако на недостатокъ способностей, со дня на день уменьшающихся, приложу всѣ усилія, чтобы отъ времени до времени предлагать произведенія не совсѣмъ недостойныя вниманія Императорской Академіи и такимъ способомъ буду стараться, сколько возможно, быть достойнѣе той чести, которую ваше сіятельство мнѣ оказали, даровавъ мнѣ мѣсто между заграничными членами Академіи. Въ теперешнемъ моемъ состояніи, мнѣ только остается просить ваше сіятельство милостиво взирать на слабыя мои усилія и на горячее мое рвеніе къ благосостоянію Императорской Академіи. Письмо, которымъ ваше сіятельство изволили меня осчастливить и о которомъ я никогда и никому не вымолвлю слова, останется для меня вѣчнымъ памятникомъ милостей нашего сіятельства и увеличитъ въ сердцѣ моемъ то высокое почитаніе и ту глубокую преданность, съ которыми останусь всю жизнь, милостивѣйшій государь, вашего высокосіятельства нижайшій, преданнѣйшій и послушнѣйшій Л. Эйлеръ. Берлинъ 25 Ноября 1750.

([168]) Журналы церемоніальный, банкетный, камеръ-фуріерскіе и путевые 1746 года.

([169]) Mémoires, стр. 112.

капитана Ивана Львовича Нарышкина отъ брака съ четвероюродною сестрою N N. Кириловною Нарышкиною-же. По отцу Екатерина Ивановна была внукою любимаго дяди Петра Великаго, боярина Льва Кириловича, завѣдывавшаго посольскимъ приказомъ и умершаго въ 1705 году. Одинъ онъ, изъ всѣхъ братьевъ царицы Натальи Кириловны, оставилъ мужеское потомство. Тетки Екатерины Ивановны при дворѣ Петра Великаго играли весьма важную роль и считались чѣмъ-то въ родѣ принцессъ крови. Изъ нихъ Агрипина Львовна вышла за князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, Александра за знаменитаго Волынскаго, Марія за князя Ѳедора Ивановича Голицына, и Анна за князя Алексѣя Юрьевича Трубецкаго. По матери своей невѣста гр. Разумовскаго происходила отъ Ѳомы Ивановича Нарышкина, дяди Кирила Полуехтовича. Дѣдъ ея Кирила Алексѣевичъ былъ сперва царскимъ крайчимъ, потомъ оберъ-комендантомъ Дерптскимъ, первымъ С.-Петербургскимъ комендантомъ и наконецъ Московскимъ губернаторомъ. Дядя ея Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ, первый щеголь своего времени, бѣжалъ въ царствованіе Анны Ивановны во Францію и проживалъ тамъ подъ именемъ «Тенкина.» Елизавета Петровна, по восшествіи своемъ на престолъ, пожаловала его въ камергеры и назначила посланникомъ въ Англію. Онъ тамъ оставался всего 7 мѣсяцевъ, назначенъ былъ гофмаршаломъ при Великомъ Князѣ, а потомъ оберъ-егермейстеромъ въ 1757. Онъ извѣстенъ тѣмъ, что былъ изобрѣтателемъ знаменитой въ прошломъ столѣтіи у насъ роговой музыки. Тетка Екатерины Ивановны, Софья Кириловна, была за мужемъ за барономъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Екатерина Ивановна лишилась родителей въ первомъ младенчествѣ и воспитывалась въ домѣ дяди своего Александра Львовича, извѣстнаго своею надменностью и женатаго на графинѣ Еленѣ Александровнѣ Апраксиной. Такимъ образомъ все дѣтство свое, пока не была взята ко двору, провела она съ двоюродными братьями своими Александромъ и Львомъ Александровичами, столь извѣстными въ прошломъ столѣтіи любезностью и гостепріимствомъ. Въ приданое получила она половину всего огромнаго Нарышкинскаго имѣнія; за ними считалось 88,000 душъ, и между прочимъ домъ на Воздвиженкѣ (теперь графа Шереметева), подмосковныя села: Петровское (извѣстное подъ именемъ Петровскаго-Разумовскаго) Троицкое, Котлы и др., огромныя Пензенскія вотчины: Чернышево, Ершово и проч.

Вотъ описаніе свадьбы Кирилы Григорьевича, которое мы заимствуемъ изъ Камеръ-фуріерскаго журнала 1746 г.

«27 Октября снятъ трауръ, который носили по Французской дофинѣ. Сего же числа отправлялась при дворѣ Ея Императорскаго Величества свадьба камергера графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго съ фрейлиною Нарышкиною. По полудни знатнѣйшія обоего пола особы съѣхались ко двору Ея Императорскаго Величества въ галлерею, а въ 6-мъ часу по полудни на дворецъ велѣно въѣхать придворнымъ цугамъ, такожъ и другихъ знатныхъ персонъ каретамъ, въ которыя сѣвъ, чиновные по свадебной церемоніи поѣхали по жениха на его дворъ, и въ 7-мъ часу привезенъ онъ во дворецъ прямо къ большому галерейному крыльцу, и препровожденъ въ церковь. Потомъ обыкновенною церемоніею, изъ покоевъ Ея Императорскаго Величества чрезъ галлерею, невѣста ведена съ литавры и трубы маршаломъ его сіятельствомъ княземъ Трубецкимъ съ шаферами и другими кавалерами. Невѣсту велъ Его Императорское Высочество; за нею слѣдовали Ея Высочество Государыня Великая Княгиня и другія чиновныя дамы въ церковь, и по обвѣнчаніи, такою же церемоніею пошли въ галлерею и въ парадныя камеры, пока на пріуготовленные столы кушанья становили. И какъ поставили кушанья, въ покояхъ на сторонѣ Ея Императорскаго Величества, подлѣ малой комнатной церкви, въ трехъ покояхъ: въ 1-й большой 2 стола съ балдахинами, на 80 персонъ; во 2-мъ покоѣ 2 стола, на 80 же персонъ; въ 3-мъ покоѣ на 20 персонъ, то за столомъ обыкновенно подъ балдахиномъ посажена невѣста подлѣ ея матери: по правую сторону Ея Высочество Государыня Великая Княгиня, по лѣвую ея свѣтлость вдовствующая ландграфиня Гессенъ-Гомбургская; въ концѣ стола, изъ Высочайшей милости, изволила присутствовать Ея Императорское Величество; подлѣ Ея Величества, по правую и лѣвую стороны, сидѣли господа послы; во время стола за стульями у пословъ стояли камеръ-пажи; потомъ сидѣли знатнѣйшія дамы. За другимъ столомъ подъ балдахиномъ женихъ; подлѣ его отцы и братья, и прочіе знатные и чужестранные министры. Во время столовъ, по свадебной церемоніи обыкновенно, маршалъ, съ трубы и литавры, приводилъ ближнихъ дѣвицъ и форшнейдера. Здоровья маршалъ съ шаферами пить начиналъ: 1) Жениха и невѣсты, 2) Отцевъ и матерей, 3) Братьевъ и сестеръ, 4) Форшнейдера и ближнихъ дѣвицъ, 5) всѣхъ гостей. Форшнейдеръ былъ камергеръ графъ Скавронскій; шаферовъ, ка-

мергеровъ и камеръ-юнкеровъ 6 человѣкъ. А за прочими столами сидѣли такожъ знатныя персоны до 6 класса. Въ продолженіи стола играла италіанская музыка. И по окончаніи стола возвратились въ галлерею и начались танцы; и, нѣсколько танцовавъ, съ музыкою провожены до каретъ и отвезены женихъ и невѣста въ домъ ихъ. Того дня при дворѣ были надѣта статсъ-ливрея.

«28-го числа Октября, по утру, обыкновенно помянутые камеръ-геръ графъ Разумовскій съ женою Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше благодаренія приносили, такожъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, и того дня при столѣ Ихъ Высочествъ уняты были кушать. Того жъ дня по полудни, собрались ко двору Ея Императорскаго Величества въ галлерею всѣ знатнѣйшіе, и начался балъ; а между тѣмъ въ вышеобъявленныхъ же комнатахъ, въ которыхъ 27-го числа кушали, таковые же столы пріуготовлены. И по окончаніи бала кушали вечернее кушаніе; сидѣли обыкновенно невѣста, въ своемъ мѣстѣ подъ балдахиномъ; потомъ приведенъ графъ-господинъ Разумовскій церемоніею, при битіи литавръ, играніи трубъ, маршаломъ, и сорвавъ надъ своею графинею вѣнецъ, посаженъ съ нею. Ея Императорское Величество, изъ Высочайшей милости, изволила при томъ столѣ присутствовать яко гостья, а Ея Высочество Государыня Великая Княгиня и господа послы сидѣли подлѣ Ея Императорскаго Величества, такъ какъ и въ первый день. За другимъ столомъ Его Императорское Высочество и прочія чиновныя персоны и чужестранные министры. Въ продолженіи стола была италіанская музыка. Здоровья кушали тѣжъ, которыя въ 1 день пили. По окончаніи стола разъѣхались по дворамъ.

«29-го числа Октября роздыхъ.

«30-го числа Октября, по полудни Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества и всѣ знатнѣйшіе и чужестранные были въ домѣ упомянутаго камергера графа Разумовскаго; былъ балъ и кушали вечернее кушаніе» ([170]).

На другой день послѣ свадьбы, 28-го Октября, графиня Екатерина Ивановна была пожалована въ статсъ-дамы.

([170]) Журналы церемоніальный, банкетный, камеръ-фуріерскіе и путные 1746 г.

Мая 27-го 1747, Императрица пожаловала брату новобрачнаго въ Копорскомъ уѣздѣ земли, принадлежащія къ Санковицкой мызѣ, да бывшій кн. Меншикова Рочинскій погостъ, мызу Перелѣскую и мызу Гревову, деревню Нилово, Руддилово, Войносово, да деревню Монастырь. Въ томъ же году 5 Сентября у Кирила Григорьевича родилась дочь графиня Наталья Кириловна. Черезъ годъ 5 Сент. 1748, Государыня собственноручно возложила на графа Кирилу знаки ордена Бѣлаго Орла, присланные ему королемъ Августомъ III-мъ; въ тотъ же день пожаловала его лейбъ гвардіи Измайловскаго полка въ подполковники ([171]) 12 Сентября 1748 года у него родился старшій сынъ графъ Алексѣй Кириловичъ.

Между тѣмъ вліяніе Бестужева на дѣла государственныя усиливалось. Крайне пронырливый и подозрительный, неуживчивый и часто мелочный, Бестужевъ въ то же время былъ твердъ и непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Врагъ непримиримый, онъ былъ однако другомъ друзей своихъ и неиначе ихъ покидалъ, какъ когда они сами измѣняли ему ([172]). Съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣлъ они дѣйствовать даже черезъ недруговъ своихъ, и долгое время Шуваловы служили его цѣлямъ ([173]). Замѣчательно, что на сторонѣ своей онъ имѣлъ честнѣйшихъ людей того времени: такъ баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, кабинетъ-секретарь Государыни, «человѣкъ суровый и упрямый, но любившій порядокъ и справедливость,» былъ лучшимъ его другомъ. Главною силою Бестужева была тайная связь его съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Вліяніе старшаго Разумовскаго на Государыню» пишетъ Пецольдъ отъ 18 Апрѣля 1747 года, до того усилилось послѣ брака ихъ, что хотя онъ прямо и не вмѣшивается въ государственныя дѣла, къ которымъ не имѣетъ ни влеченія, ни талантовъ, однако каждый можетъ быть увѣренъ въ достиженіи того чего хочетъ, лишь бы Разумовскій замолвилъ слово. Хотя говоритъ онъ далѣе, значеніе великаго канцлера было уже очень велико, благодаря всѣмъ его интригамъ (menées), однако онъ дошелъ только теперь, со времени женитьбы сына на молодой графинѣ Разумовской, до высшей степени могущества. Императрица съ тѣхъ поръ поставила Бестужева на такую близкую ногу, что не проходитъ почти вечера безъ

([171]) Изъ диплома на графское достоинство.

([172]) Mémoires de Catherine II, 7.

([173]) Тамъ же стр. 9.

приглашенія его на маленькія «parties de plaisir,» и Государыня дозволяетъ ему всегда говорить ей всё что онъ хочетъ» (174).

Эта «молодая графиня Разумовская,» впрочемъ и въ камеръ-фуріерскихъ журналахъ такъ титулованная, была упомянутая нами Авдотья Даниловна, императрицына фрейлина. 18 Декабря 1746 года, въ день своего рожденія, Императрица обручила сына канцлера графа Андрея Алексѣевича, тогда еще камеръ-юнкера (а впослѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и Александровскаго кавалера) на фрейлинѣ Разумовской во время бала и въ присутствіи всѣхъ чужестранныхъ министровъ и знатнѣйшихъ обоего пола особъ (175). Бракъ, совершенный 5-го Мая 1747 года, былъ несчастливъ. «Хотя Бестужевы еще такъ недавно женились,» пишетъ Пецольдъ въ приведенной нами выше депешѣ,» однако у нихъ уже не разъ бывали домашнія ссоры; молодая графиня грозилась пожаловаться Государынѣ и оберъ-егермейстеру, обѣщаясь обратить свое замужество къ униженію великаго канцлера и его семейства, во столько же, во сколько оно до сихъ поръ служило къ ихъ возвышенію» (176). Въ концѣ 1747 года графиня Авдотья Даниловна поѣхала съ мужемъ въ Вѣну, куда молодой Бестужевъ былъ отправленъ съ поздравленіемъ по случаю рожденія эрцгерцога Леопольда. Марія Терезія, нуждавшаяся въ союзѣ съ Россіею и знавшая, что Бестужевъ и Разумовскіе были сторонниками Вѣнскаго кабинета, осыпала любезностями графиню Бестужеву. Жила она недолго: безпутный мужъ скоро вогналъ ее въ могилу.

Горячій сторонникъ союза съ Англіею, гдѣ онъ провелъ свою молодость, и съ Австріею (дружественныя отношенія съ которой были еще завѣщаны Петромъ Великимъ) Бестужевъ не могъ равнодушно думать о Пруссіи и Франціи. Онъ зналъ, сколько денегъ потратили и Фридрихъ Великій и Версальскій кабинетъ на то, чтобы его свергнуть, и всѣ усилія его стремились къ тому, чтобы окончательно уничтожить вліяніе этихъ двухъ державъ въ С. Петербургѣ. Въ лицѣ Маркиза де ла Шетарди, со срамомъ изгнаннаго за предѣлы Россіи, рушилось вліяніе Франціи. За Пруссію стоялъ еще графъ Лестокъ, которому Государыня была многимъ обязана, но котораго не могъ терпѣть графъ Алексѣй Григорьевичъ и

(174) Hermann, Geschichte des russischen Staats. T. V. стр. 202.
(175) Камеръ фурьерскій журналъ 1746.
(176) Hermann, Gesch. d. russ. St. V. 208.

который самъ, открытымъ презрѣніемъ ко всему русскому, безтактнымъ поведеніемъ и необдуманными словами, готовилъ себѣ погибель. Въ самомъ дѣлѣ 22-го Декабря 1748, Лестока схватили, допрашивали, пытали и сослали сперва въ Угличъ, а потомъ въ Устюгъ Великій. Другіе враги Бестужева, Шуваловы и Воронцовъ, держались, благодаря ихъ женамъ, но трепетали передъ всемогущимъ канцлеромъ. Великій Князь, о которомъ Бестужевъ отзывался съ глубочайшимъ презрѣніемъ, лишенный своей Голштинской свиты, которую канцлеръ выгналъ безъ всякихъ церемоній изъ Россіи, и Великая Княгиня, на которую онъ смотрѣлъ какъ на малозначущую дѣвочку, окруженные соглядатаями, не могли ни двинуться, ни вымолвить слова безъ вѣдома его. Вскорѣ послѣ ссылки Лестока, дворъ снова переѣхалъ въ Москву. Здѣсь Государыня обѣдала и ужинала у Разумовскаго въ Горенкахъ, а 17 Марта въ селѣ Покровскомъ было обѣденное кушанье для тезоименитства его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича; кушали Ея Императорское Величество и Ихъ Высочества и перваго и втораго класса обоего пола персоны. Палили изъ пушекъ при питіи здоровьевъ ([177]).

Въ слѣдъ за дворомъ пріѣхалъ въ Москву и графъ Кирила Григорьевичъ. Вообще, когда дворъ покидалъ Петербургъ, то сѣверная столица обращалась въ совершенную пустыню: не видать было болѣе каретъ, и травою заростали улицы ([178]). По предложенію Шумахера, при президенте въ Москвѣ учреждено было отдѣленіе академической канцеляріи ([179]), при которой письмоводителемъ былъ нѣкто Фелькнеръ ([180]). Въ это пребываніе въ Москвѣ, Государыня очень серіозно заболѣла; у нея сдѣлались страшныя спазмы, отъ которыхъ она лишалась чувствъ, и жизнь ея была въ опасности. Придворные страшно переполошились, но болѣзнь хранилась подъ строжайшимъ секретомъ, такъ что Великій Князь и Великая Княгиня узнали объ этомъ случайно ([181]). «Цѣлую ночь,» (пишетъ Лиаръ, Датскій посланникъ, хорошо знакомый съ тѣмъ, что дѣлалось при дворѣ, ибо онъ, по свидѣтельству Екатерины II-ой ([182])

([177]) Кам.-фур. журналъ 1748.
([178]) Mémoires de Catherine, стр. 126.
([179]) Пекарскій. Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова, стр. 43.
([180]) Тамъ же, стр. 60.
([181]) Mémoires, стр. 105.
([182]) Mémoires de Cath. II. стр. 137.

былъ принятъ какъ свой у Бестужевыхъ) «были собранія и переговоры, на которыхъ между прочимъ рѣшено было главными министрами и военными властями, что, какъ скоро Государыня скончается, Великаго Князя и Великую Княгиню возмутъ подъ стражу и Императоромъ провозгласятъ Ивана Антоновича. Число лицъ замѣшанныхъ въ это дѣло очень велико, но до сихъ поръ никто другъ друга не выдавалъ.... Я подозрѣваю многихъ въ томъ, что они принимали участіе въ этомъ заговорѣ, особенно же, имѣющихъ причины опасаться Великаго Князя и весьма естественно ожидающихъ болѣе милостей отъ принца, который всѣмъ имъ будетъ обязанъ» ([183]). Всегда сдержанный въ депешахъ своихъ, Лиларъ здѣсь явно намекаетъ на Бестужева. Этимъ показаніемъ объясняются ночныя совѣщанія Бестужева и Апраксина у Чоглоковыхъ, о которыхъ упоминаетъ Екатерина ([184]). Вѣроятно и Алексѣй Григорьевичъ зналъ объ этихъ планахъ. Ему, какъ истинно Русскому человѣку, не разъ приходилось внутренно вздыхать въ виду иностранныхъ замашекъ и вкусовъ Наслѣдника престола. Опасенія касательно жизни Государыни скоро разсѣялись; впрочемъ, какъ мы уже сказали, о томъ знали лишь самые къ ней приближенные; всякій спросъ о здравіи Императрицы могъ бы любопытнаго привести прямо въ тайную канцелярію. Елизавета Петровна весною переѣхала въ Перово къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. Сюда приглашены были и Великій Князь съ Великою Княгинею. Каждый день бывали въ Перовѣ охоты, и мужчины возвращались домой поздно, усталые и нелюбезные, такъ что дамамъ приходилось искать развлеченія въ себѣ самихъ.

Государыня ежедневно принимала участіе въ охотахъ; что же касается до Великой Княгини, то она усердно принялась за чтеніе, и тѣмъ составляла исключеніе при дворѣ, гдѣ рѣдко кто брался за книгу. Оберъ-гофмейстерина Чоглокова, состоявшая при Екатеринѣ, горько жаловалась на скуку: не съ кѣмъ было поиграть въ карты, до которыхъ она была страстная охотница, да къ тому же и мужъ ея, котораго она страшно ревновала, выбился изъ рукъ. Благодаря подаренной ему сучкѣ Цирцеѣ, онъ участвовалъ въ каждой охотѣ и сдѣлался предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и шутокъ всей Перовской компаніи. Его увѣряли, что собака

([183]) Hermann, Gesch. des russ. Staats. V. стр. 106.
([184]) Mémoires de Cath. стр. 105.

его не упускала ни одного зайца, и тщеславный Чоглоковъ былъ въ восторгѣ. Въ Перовѣ Великая Княгиня заболѣла, и здѣсь она увидѣла доказательство того обаятельнаго вліянія на приближенныхъ, которымъ природа столь щедро ее одарила. Враждебная ей Чоглокова, приставленная къ ней Бестужевымъ, чтобы слѣдить за каждымъ ея шагомъ, съ самою нѣжною заботливостью стала ухаживать за Великою Княгинею во время этой болѣзни и съ этихъ поръ совершенно перемѣнилась въ своихъ къ ней отношеніяхъ. Вскорѣ послѣ этой болѣзни захворала вторично и Государыня. Она приказала перенести себя въ Москву, и весь дворъ шагомъ ѣхалъ за нею ([185]). Новый припадокъ спазмъ не имѣлъ послѣдствій, и вскорѣ потомъ Государыня отправилась на богомолье къ Троицѣ. Она дала обѣтъ пройти пѣшкомъ всѣ 60 верстъ и начала свое путешествіе отъ Покровскаго дворца. Пройдя въ день версты три или четыре, Императрица возвращалась въ Москву въ каретѣ. Иногда она въ экипажѣ отправлялась далѣе къ тому мѣсту, гдѣ приготовлена была стоянка. Послѣ отдыха она снова возращалась въ каретѣ туда, гдѣ остановилась въ своемъ хожденіи, и отсюда снова продолжала свое шествіе. Такимъ образомъ походъ этотъ занялъ почти все лѣто, тѣмъ болѣе, что иногда Императрица по нѣскольку дней отдыхала въ Москвѣ и селахъ по дорогѣ. На время богомолія Великій Князь и Княгиня переѣхали на Троицкую дорогу и поселились въ Раевѣ, имѣніи Чоглоковыхъ, близь Тайнинскаго. Когда Государыня дошла до Тайнинскаго, гдѣ находился въ тѣ времена дворецъ, въ Раёво сталъ ежедневно пріѣзжать графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій. Онъ жилъ въ имѣніи жены своей Петровскомъ, на тогдашней Петербургской дорогѣ. «Онъ былъ очень веселаго нрава и однихъ съ нами лѣтъ, пишетъ Екатерина, мы очень любили его, и Чоглоковымъ пріятны были его посѣщенія, такъ какъ онъ былъ братъ фаворита. Его визиты не прекращались все лѣто, и мы всегда съ большимъ удовольствіемъ встрѣчали его. Обыкновенно онъ у насъ обѣдалъ и ужиналъ, а послѣ ужина уѣзжалъ къ себѣ въ Петровское, дѣлая такимъ образомъ ежедневно около 40 или 50 верстъ.»

«Лѣтъ 20 спустя, однажды мнѣ вздумалось спросить его, что̀ ему была за охота пріѣзжать въ Раево и раздѣлять скуку и нелѣпость тамошней жизни, тогда какъ у него въ Петровскомъ ежедневно собиралось мно-

---

([185]) Mémoires, стр. 109—111.

жество гостей изъ самаго лучшаго, какое тогда было въ Москвѣ, общества ([186]). На этотъ вопросъ, ни минуты не задумываясь, онъ отвѣчалъ: Я былъ влюбленъ.—Что вы? возразила я, да въ кого же могли вы быть влюблены у насъ?—Въ кого?—отвѣчалъ онъ—въ васъ. Это чрезвычайно меня разсмѣшило, потому что я даже и не подозрѣвала этой любви, тѣмъ болѣе, что онъ въ то время уже нѣсколько лѣтъ какъ былъ женатъ.... и повидимому жилъ съ женою хорошо» ([187]).

Въ Іюлѣ Государыня отправилась въ Воскресенскій монастырь. Графъ Алексѣй Григорьевичъ сопутствовалъ ей, равно какъ и нѣкоторые изъ самыхъ приближенныхъ къ ней особъ. Дорогою Государыня останавливалась въ принадлежащемъ ему селѣ Знаменскомъ и тамъ вечернее кушанье кушать изволила въ ставкахъ на лугу, подлѣ Москвы-рѣки. «Тутъ она и ночевала, на другой день обѣдала, а вечернее кушаніе изволила кушать у князя Голицына, переѣхавъ Москву рѣку, въ селѣ его Голицына ([188]), а ночевать возвратиться изволила въ село Знаменское» ([189]). Этотъ князь Голицынъ, у котораго ужинала Елизавета Петровна, былъ князь Николай Ѳеодоровичъ, сынъ того князя Ѳеодора Ивановича, который, въ первомъ бракѣ, былъ женатъ на Марьѣ Львовнѣ Нарышкиной. Ровно черезъ три мѣсяца послѣ посѣщенія Государыни, Голицынъ женился на сестрѣ Ивана Ивановича Шувалова Прасковьѣ Ивановнѣ ([190]). Весьма вѣроятно, что это пребываніе въ Знаменскомъ и посѣщеніе Петровскаго были связаны съ возвышеніемъ Ивана Ивановича; доказательствомъ этому служитъ то, что онъ уговорилъ Разумовскаго уступить ему Знаменское, напоминавшее ему о началѣ его случая, а впослѣдствіи подарилъ

([186]) Пецольдъ, вѣроятно обманутый какимъ-нибудь придворнымъ нувелистомъ, писалъ ко двору своему: „Трубецкой, Чоглоковъ и молодой графъ Разумовскій получили тайное приказаніе не покидать Великаго Князя, и доносить кому слѣдуетъ обо всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ и предпринимаетъ“ (Hermann, Gesch. d. russ St. V. 203). Показаніе это совершенно ложно: Екатерина не медля бы узнала шпіона и не пощадила бы Кирилу Григорьевича въ Запискахъ своихъ.

([187]) Mém. de Cath. 112—113.

([188]) Село Петровское, Звѣнигор. у., нынѣ князя Михаила Ѳедоровича Голицына.

([189]) Журналъ камеръ-фур. 1749 г.

([190]) Камеръ-фурiерскій журналъ 1749 и Mém. de Cath. стр. 118.

оное сестрѣ ([191]). Наврядъ ли Разумовскій уступилъ бы безъ особенныхъ на то причинъ имѣніе, подаренное ему въ 1742 г. Государыней изъ собственныхъ ея вотчинъ. Какъ бы то ни было, но черезъ мѣсяцъ, наканунѣ своихъ имянинъ, которыя она праздновала въ Новомъ Іерусалимѣ, 4-го Сентября, Императрица пожаловала своего камеръ-пажа Шувалова въ камеръ-юнкеры ([192]). Это было событіемъ при дворѣ: всѣ на ухо поздравляли другъ друга съ новымъ фаворитомъ ([193]). Назначеніе это надѣлало шуму и въ Академіи. Вслѣдствіе письма Теплова отъ 16 Октября 1749 года, въ Русскія и Нѣмецкія вѣдомости было внесено «о пожалованіи камеръ-пажа Ивана Шувалова въ камеръ-юнкеры»—т. е. точно такъ, какъ о томъ выразился въ письмѣ своемъ Тепловъ. Какъ видно, объявленіе это сильно взорвало Шуваловыхъ, которые о томъ довели по всей вѣроятности до Государыни. Письмомъ отъ 6 Ноября того же года Тепловъ сообщалъ Шумахеру, что президенту «безмѣрно удивительно, какъ мало подчиненные смотрятъ на свою должность и отправляютъ дѣла съ крайнимъ нерадѣніемъ и неосторожностью. Сколько памятуется и опредѣленіемъ особливымъ подтверждено было, дабы чины особливаго достоинства всегда вносились въ газеты съ ихъ именемъ и отечествомъ и съ надлежащею учтивостью, а не такъ какъ подъ № 85, объ Иванѣ Ивановичѣ, господинѣ Шуваловѣ.... Чего ради е. с. г. президентъ приказалъ къ вашему высокоблагородію писать, дабы вы, призвавъ въ канцелярію тѣхъ, на какомъ сіе взыскивать надлежитъ, учинили имъ пристойный выговоръ въ канцеляріи» и пр. Академическая канцелярія переполошилась. Наведены были справки. Шумахеръ воспользовался случаемъ, чтобы подвести Ломоносова; но тотъ доказалъ «что Россійскіе артикулы» до него не касаются ([194]). Возвышеніе Шувалова, который, еще камеръ-пажемъ, обратилъ на себя вниманіе Екатерины своимъ прилежаніемъ и любовью къ чтенію ([195]), исподоволь подготовлялось его родственниками. Графиня Мавра Егоровна, женщина умная, ловкая и дальновидная, пользовалась разными случаями, чтобы обратить на красавца

([191]) Знаменское принадлежитъ понынѣ внуку княгини Прасковьи Ивановны, князю Михаилу Ѳедоровичу Голицыну.

([192]) Mémoires de Cath. стр. 117.

([193]) Тамъ же.

([194]) Билярскій, Матеріалы для біогр. Ломоносова 134—137.

([195]) Mém. de Cath. 118.

пажа вниманіе Государыни ([196]) и, благодаря ей Иванъ Ивановичъ получилъ сперва золотые часы, потомъ пожалованъ былъ камеръ-пажемъ, а наконецъ и камеръ-юнкеромъ. Съ обыкновенною хитростью Шуваловы такъ устроили дѣло, что Бестужевъ и Апраксинъ просили Государыню о пожалованіи Ивана Ивановича въ камеръ-юнкеры, и графъ Александръ Ивановичъ «пріѣзжалъ къ нимъ нарочно будто просить, чтобы они фамиліи ихъ сдѣлали одолженіе и Ея Величеству, въ удобное время, доложили» ([197]). Нѣтъ сомнѣнія, что Бестужевъ и Апраксинъ обратились къ другу своему Разумовскому и что добродушный Алексѣй Григорьевичъ самъ же просилъ о возвышеніи своего соперника. Съ этихъ поръ нанесенъ былъ первый ударъ могуществу Бестужева, и Алексѣй Григорьевичъ сталъ мало по малу удаляться на второй планъ. Борьба Бестужевской партіи съ партіею Шуваловыхъ продолжалась девять лѣтъ, девать лѣтъ самыхъ хитрыхъ и большею частью грязныхъ интригъ, особенно со стороны послѣднихъ, которые въ молодомъ и благородномъ родственникѣ своемъ Иванѣ Ивановичѣ встрѣчали скорѣе тормазъ, чѣмъ подпору. Объ этой борьбѣ будемъ мы имѣть случай говорить позднѣе, теперь обратимся къ дѣламъ Малороссійскимъ.

Мы уже видѣли, что депутаты Лизогубъ, Ханенко и Гудовичъ съ 1745 находились при дворѣ, ожидая окончательнаго рѣшенія относительно избранія гетмана. До 1749 жили они то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ и чрезъ графа Алексѣя Григорьевича вымаливали льготы для Малороссіи, жестоко пострадавшей въ это время отъ саранчи и пожаровъ. Винокуреніе было уменьшено, ввозъ хлѣба изъ Польши былъ разрѣшенъ для продовольствія народа, выведены были изъ Украйны квартировавшіе въ ней полки, жители были уволены отъ работы крѣпостей и возки артиллеріи, не приказано было выдавать болѣе «раціоновъ и порціоновъ» на гарнизонъ Глуховскій, на полевую аптеку и на генералитетъ; повелѣно было разобрать конскіе заводы и, наконецъ, индуктныя деньги, около 84,000 рублей, въ теченіи трехъ лѣтъ выдаваемы были бѣднымъ ([198]).

([196]) Ив. Ив. Шуваловъ, ст. П. И. Бартенева, 8.

([197]) Записки Порошина, 72.

([198]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малороссіи III. стр. 194 и Дневныя Записки Якова Марковича II. 271. Маркевичъ, Исторія Малороссіи IV. 426—430.

Генеральные старшины поспѣшили письменно изложить передъ Государынею свою благодарность за оказанныя льготы ([199]). Въ тоже самое время они отправили посланіе и къ графу Алексѣю Григорьевичу, которое мы здѣсь перепечатываемъ ([200]).

Сіятельнѣйшій рейхсъ графъ, высокомилостивый патронъ. По высочайшему ея императорскаго всемилостивѣйшей Государыни монархини нашей милосердію и о здѣшнихъ Малороссійскихъ обывателей, при нынѣшней ихъ скудости и бѣдности, оказанному состоявшійся высокомонаршій указъ о увольненіи Малой Россіи отъ довольствія положенныхъ на сей край консистентовъ и о положеніи неимущимъ денегъ индуктнаго сбора черезъ три года, такожъ и выводѣ конскихъ заводовъ и о прочемъ здѣшней нацы (sic) облегченіи и помилованіи полученъ, и таковый высочайшій ея императорскаго величества всемилостивѣйшій указъ, при всенародномъ собраніи здѣсь въ Глуховѣ, въ церкви по божественной литургіи со вседолжнѣйшимъ ко всещедрому Богу принесеніемъ молебнаго пѣнія за всевысочайшее ея императорскаго величества здравіе и всеблагополучнѣйшее и многолѣтное государствованіе, публикованъ, что̀ и во всѣхъ Малороссійскихъ полкахъ съ молебствіемъ и торжествомъ публиковать же отправлено, о чемъ и къ преосвященному митрополиту Кіевскому, такожъ къ епископамъ и Черниговскому и Переяславскому для ровнаго жъ благоденственнаго исполненія, сообщеніе учинено, и во знаніе бъ и нынѣ же подписавшіеся сколько много быть чиновъ въ Глуховѣ при резиденціи гетманскаго правленія всеподданнѣйшее благодарственное челобитіе чрезъ обрѣтающихся въ Москвѣ отъ здѣшней націи депутатовъ дерзновеніе приняли. И яко довольно чувствуемъ, что сія высочайшая ея императорскаго величества милость по особливому вашего высокографскаго сіятельства ходатайству и патронству слѣдовала, такъ за то вашему высокографскому сіятельству отъ всеискреннѣйшихъ цѣлаго отечества нашего сердецъ нижайшее приносимъ благодареніе съ глубочайшимъ прошеніемъ о содержаніи впредь здѣшняго отечества во всегдашнимъ своимъ высокомъ призѣри и патронствѣ и ниже со всѣмъ здѣ живущими не изобрѣтая болна (sic) какъ бы изъяснимъ всепокорнѣйшихъ сердецъ на-

---

([199]) У Маркевича (Исторія Малороссіи Т. IV. стр. 411 и 419) напечатаны, подъ именемъ докладовъ, два благодарственныхъ адреса къ Государынѣ—одинъ, болѣе пространный, отъ Стародубскаго полка, второй отъ генеральныхъ старшинъ.

([200]) У Маркевича (IV. 421) посланіе это названо „письмомъ Малороссійскихъ старшинъ къ гетману Разумовскому.“ но во первыхъ гетманъ не былъ рейхсъ-графомъ, во вторыхъ до своего избранія въ гетманы (1750 г.) онъ вовсе не былъ въ сношеніяхъ съ Малороссіею; перепечатываемое же нынѣ письмо и доклады относятся къ началу 1749 г.

шихъ вѣрную о томъ благодарность, а крайній долгъ себѣ пріемлемъ высокое вашего рейхсъ графскаго сіятельства имя всегда памятовать незабвенно.

Вашего высокографскаго сіятельства высокомилостиваго патрона всенижайшіе слуги ([201]).

Въ 1747 года отъ 5 Мая вышелъ Сенату слѣдующій именный указъ: Понеже въ бытность нашу въ Украйнѣ, тамошняя старшина и обыватели, именемъ всего нашего подданнаго народа Малороссійскаго, намъ всеподданнѣйше били челомъ о опредѣленіи имъ по прежнему гетмана, того ради мы, на сіе ихъ всеподданѣйшее прошеніе всемилостивѣйше соизволяя, указали нынѣ въ Малороссіи гетману по прежнимъ тамошнимъ правамъ и обыкновеніямъ быть, и онаго во всемъ на такомъ основаніи учредить, какъ бывшій тамъ напередъ сего гетманъ Скоропадскій учрежденъ былъ; и нашему Сенату, будучи въ ономъ всѣ тамошнія Малороссійскія дѣла нынѣ выданы, чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, справясь съ оными, для такого жъ учрежденія и опредѣленія въ Малой Россіи новаго гетмана, немедленно потребныя расположенія учинить и во всемъ, что къ тому принадлежитъ, по тому примѣру поступить и исполненіе учинить, какъ при опредѣленіи вышепомянутаго гетмана Скоропадскаго поступлено было, и учинить по сему нашему указу. Елисаветъ ([202]).

Несмотря на этотъ указъ, дѣло о гетманствѣ не шло впередъ, трудно сказать отъ чего; быть можетъ, отъ лѣности и нерадѣнія къ дѣламъ, на которыя жалуются всѣ современные министры при Русскомъ дворѣ, а еще вѣроятнѣе потому, что самому кандидату на гетманство вовсе не улыбалась мысль ѣхать въ дальнюю Малороссію и покинуть всѣ удовольствія свѣтской и придворной жизни. Въ 1748 году отъ 14-го Марта депутаты писали въ Малороссію, что доподлинно они увѣрены о назначеніи для элекціи гетмана, генералъ-маіора графа Гендрикова, камергера Великой Княгини, и что они надѣются вмѣстѣ съ нимъ быть отпущены во свояси ([203]). Но прошло еще болѣе года, и только 16 Октября 1749 подписанъ былъ Елизаветой Петровной указъ объ отправкѣ графа Гендрикова и о передачѣ всѣхъ дѣлъ Украинскихъ изъ Сената въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Въ то же самое время отпущены были и депутаты, кромѣ обознаго генеральнаго Лизогуба, скончавшагося въ Петербургѣ 24

([201]) Мы перепечатываемъ эту, какъ равно и другія бумаги, безъ сохраненія правописанія подлинниковъ.

([202]) Зап. Марковича II. 249.

([203]) Записки Марковича, II. 260.

Января 1749 года ([204]). При отпускѣ пожалованы были они собольими шубами въ пять сотъ рублей, деньгами по 1000 рублей и бриліантовыми перстнями отъ придворнаго ювелира Дюплона ([205]). Въ началѣ Января 1750 г. депутаты пріѣхали въ Глуховъ. Дѣло объ избраніи графа Кирилы Григорьевича было уже рѣшено въ Петербургѣ, теперь слѣдовало исполнить обрядъ выбора его вольными голосами. 16 Декабря 1749 года подписана была жалованная грамота, въ которой объявлялось Малороссіянамъ духовнымъ, и мірскимъ, войску Запорожскому обѣихъ сторонъ Днѣпра и пр. что «быть въ Малой Россіи гетману по прежнему,» на томъ же основаніи, какъ былъ при Петрѣ Великомъ Скоропадскій; что въ Глуховъ отправляется, для избранія вновь гетмана изъ Малороссійскаго народа вольными голосами, графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ и что въ Глуховѣ должны были собраться всѣ вѣрные подданные Ея Величеству духовные и мірскіе, а также полковники, полковые старшины, бунчуковые и значковые товарищи и козаки изо всѣхъ полковъ, къ тому времени, которое назначитъ графъ Гендриковъ, для избранія себѣ гетмана «по прежнимъ своимъ обыкновеніямъ, кого благопристойно будетъ, изъ вѣрныхъ и искусныхъ особъ.» «Впрочемъ» гласитъ далѣе грамота, «мы обѣщаемъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, Малороссійскому народу, всѣ вольности, права и привилегіи, которыя вы, отъ времени принятія подъ державу Всероссійскую гетмана Богдана Хмѣльницкаго, съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ..... имѣли, свято, ненарушимо и цѣло содержать, и во первыхъ своихъ подданныхъ отъ нападенія всѣхъ непріятелей оборонять и весь Малороссійскій народъ въ непремѣнной своей милости содержать» ([206]). Передъ Гендриковымъ пріѣхалъ въ Глуховъ, вѣроятно, чтобы подготовить ему помѣщеніе, родственникъ его, камеръ-юнкеръ Сафоновъ ([207]); затѣмъ 15 Января 1750 года пріѣхалъ самъ Гендриковъ съ женою своею графинею Елизаветою Сергѣевною, рожденною Бутурлиной ([208]). Онъ привезъ жало-

---

([204]) Тамъ же, II. 271.

([205]) Московскій архивъ Иностранныхъ дѣлъ. Дѣла Малороссійскія 1749 г.

([206]) Ригельмана Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи ч. IV. кн. VI стр. 8—10.

([207]) Записки Марковича, 278.

([208]) Тамъ же, 279.

ванную грамоту, и черезъ два дня по пріѣздѣ, по его требованію, генеральные старшины съѣхались въ генеральную канцелярію и подписывались на «прошеніи въ гетманы Кирилы Григорьевича» (209). Гендриковъ послѣ этого угощалъ напроналую старшинъ, которые не мало у него и «гуляли и куликали». 14 Февраля прибылъ къ избранію митрополитъ Кіевскій и архіерей Черниговскій, а 17-го и всѣ полковники, старшины и бунчужные, кромѣ рядовыхъ казаковъ, которымъ не было указу являться къ этому сроку (210). На другой день въ квартирѣ Гендрикова или, какъ се называли въ Глуховѣ, «въ квартирѣ министерской», собраны всѣ полковники, бунчуковые товарищи, полковые старшины, сотники, архіереи и все духовенство, и имъ объявлено было избраніе гетмана графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, «а рядовыхъ казаковъ при этомъ не было» (211). Нѣсколько дней посвящено было на подготовленія самаго торжества избранія съ обстановкой дотолѣ вовсе неизвѣстной на Украйнѣ. Наконецъ 22-го Февраля произошло самое торжественное избраніе или «элекція», какъ выражались современники. По пробитіи утренней зори и данному сигналу изъ трехъ пушекъ, народъ толпами сталъ собираться со всѣхъ сторонъ на площади, между церквами Николаевскою и Троицкою, гдѣ изготовлено было возвышеніе о трехъ ступеняхъ, покрытое гаруснымъ штофомъ и обведенное перилами, обложенными алымъ сукномъ. Въ тоже время выступили къ тому же мѣсту полки, подъ главнымъ начальствомъ генеральнаго войсковаго есаула Якубовича; сперва полкъ Глуховскаго гарнизона съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою; онъ сталъ позади возвышенія; потомъ изъ-за города стали подвигаться пѣшіе Малороссійскіе казацкіе полки, также съ распущенными полковыми и сотенными знаменами, съ музыкою и литаврнымъ боемъ, подъ предводительствомъ полковниковъ и старшинъ. Первымъ шелъ полкъ Лубенскій, за нимъ слѣдовали полки Миргородскій, Гадяцкій, Переяславскій, Прилуцкій, Стародубскій, Нѣжинскій, Черниговскій, Кіевскій и Полтавскій. Полки расположились по обѣимъ сторонамъ Глуховскаго полка, по четыре съ каждой стороны, такъ что они окружали возвышеніе. Остальные полки, за неимѣніемъ мѣста, помѣщены были на улицахъ. Въ 8 ча-

(209) Тамъ же.

(210) Записки Марковича, II. 280.

(211) Тамъ же.

совъ, по второму данному сигналу, собрались въ домъ полномочнаго министра графа Гендрикова генеральные и войсковые старшины, бунчуковые товарищи и знатное Малороссійское шляхетство, а митрополитъ Кіевскій, Тимоѳей Щербацкій, съ тремя епископами ([212]), Печерскимъ архимандритомъ Іосифомъ Оранскимъ и прочимъ духовенствомъ, съѣхались въ церковь Св. Николая Чудотворца. Въ 9 часовъ третій сигналъ возвѣстилъ народу о началѣ церемоніи. Прежде всего выѣхали со двора Великорусскаго полномочнаго 16 выборныхъ компанейцевъ въ полномъ вооруженіи, подъ предводительствомъ ихъ старшины; за ними слѣдовали гетманскіе войсковые музыканты съ литаврщикомъ, играя походъ; потомъ въ богатой каретѣ, запряженной цугомъ, секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Степанъ Писаревъ, везъ высочайшую жалованную грамоту, которую держалъ въ рукахъ на большомъ серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ. Всѣ полки отдавали ей честь ружьемъ, съ музыкой, барабаннымъ и литаврическимъ боемъ и наклоненіемъ знаменъ. По сторонамъ кареты шли 12 гренадеръ при ружьѣ. За каретою несли гетманскіе клейноды: бунчуковый товарищъ, Иванъ Гамалѣй, несъ большое бѣлое знамя съ Русскимъ гербомъ, подарокъ Петра Великаго гетману Даніилу Апостолу; по сторонамъ его шли два знатные бунчуковые товарища, а за нимъ хорунжій генеральный Николай Ханенко, которому ассистовали 12 бунчужныхъ товарищей. Бунчуковые товарищи, Яковъ Марковичъ (авторъ замѣчательныхъ Записокъ, столь часто нами приводимыхъ) и Ѳедоръ Ширяй, несли на красной бархатной подушкѣ, обложенной золотымъ позументомъ и съ золотыми кистями по угламъ — гетманскую булаву. За ними шли генеральный судья Акимъ Горленко, подскарбій генеральный Михайло Скоропадскій и генеральный писарь Андрей Безбородко, отецъ знаменитаго князя Александра Андреевича, которымъ ассистовало 24 бунчуковыхъ товарища. Илья Лизогубъ и Петръ Черногужскій несли на бархатной подушкѣ гетманскій бунчукъ, за ними шли генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій со всѣми бунчуковыми товарищами и Малороссійскимъ шляхетствомъ. Петръ и Григорій Горленки несли на бархатной подушкѣ гетманскую печать, за ними шелъ писарь генеральнаго суда Иванъ Пиковецъ, имѣвшій по сторонамъ двухъ бунчуковыхъ

([212]) Епископъ Черниговскій заболѣлъ наканунѣ и 23 Февраля преставился въ Глуховѣ.

товарищей, Ивана Жоравку и Илью Журмана, и сопутствуемый канцеляристами войсковой генеральной канцеляріи и генеральнаго суда. Павелъ Макріевичъ несъ войсковый прапоръ, за нимъ слѣдовали всѣ войсковые товарищи. Наконецъ цугомъ ѣхалъ въ богатой каретѣ графъ Гендриковъ и его ассистенція, окруженные гренадерами и придворными лакеями. 16 пѣшихъ выборныхъ компанейцевъ съ ружьями, подъ начальствомъ старшины, замыкали шествіе. По дорогѣ отъ министерскаго двора до самой площади были вытянуты по обѣимъ сторонамъ компанейцы и жондаки ([213]). Когда графъ Гендриковъ приблизился къ возвышенію, взнесена на оное царская грамота и гетманскіе клейноды и положены были на два стола, покрытые красною камкою. Государственное знамя держалъ Гамалѣй съ двумя товарищами около стола, гдѣ лежала грамота. За нимъ помѣстились митрополитъ, епископы, архимандриты и прочее духовенство въ полномъ облаченіи. Около стола, гдѣ лежали клейноды, стали генеральные старшины и бунчуковые товарищи, а вокругъ возвышенія — все шляхетство Малороссійское. Посреди возвышенія сталъ самъ гр. Гендриковъ и произнесъ слѣдующую рѣчь: «Ея Императорское Величество по прошенію всего Малороссійскаго народа, всемилостивѣйше соизволяетъ быть по прежнему по всей Малой Россіи Гетману и повелѣваетъ избрать межъ себя изъ природныхъ своихъ людей Гетмана, по Малороссійскимъ своимъ правамъ и вольностямъ, вольными голосами, для котораго избранія я съ высокомонаршею грамотою сюда, въ Малую Россію, и присланъ.» Послѣ этого, секретарь Писаревъ громогласно прочелъ всему собранію жалованную грамоту. По прочтеніи грамоты, митрополитъ Кіевскій, отъ имени Малороссійскаго народа, принесъ всеподданѣйшее благодареніе «за таковое Ея Императорскаго Величества къ народу милосердіе.» Тогда графъ Гендриковъ, оборачиваясь на всѣ стороны, громогласно нѣсколько разъ спросилъ: «кого желаете себѣ въ гетманы?» На это духовенство, генеральные старшины, бунчуковые и войсковые товарищи, полковники, старшины и шляхетство объявили, что такъ какъ самымъ вѣрнымъ и неутомимымъ ходатаемъ за нихъ постоянно былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, то они за правое полагаютъ быть въ Малой Россіи гетманомъ брату его, природному

([213]) Бантышъ Каменскій, Исторія Малой Россіи III. 196—198, и Ригельманъ, Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи Т. IV. Кн. VI. 6 9.

Малороссіянину, Ея Императорскаго Величества дѣйствительному камергеру, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковнику, Академіи наукъ президенту, орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеру, графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому (214). Народъ троекратными кликами подтвердилъ избраніе. Графъ Гендриковъ поздравилъ тогда всѣхъ присутствующихъ съ новоизбраннымъ гетманомъ. Раздался 101 пушечный выстрѣлъ, и по полкамъ всѣ казаки стали стрѣлять бѣглымъ огнемъ. Грамота и гетманскіе клейноды были внесены въ церковь св. Николая, куда направилось собраніе. Началась литургія, проповѣдь читалъ Софійскій архимандритъ Манасія Максимовичъ. Послѣ литургіи отпѣтъ былъ молебенъ съ многолѣтіемъ Государынѣ, при чемъ произведена была троекратная пушечная и ружейная во всѣхъ полкахъ пальба. Изъ церкви грамота и клейноды перенесены были въ домъ Гендрикова, а полки выведены были за городъ и распущены (215).

Въ знакъ благодарности, графу Гендрикову, именемъ всей Малороссіи, поднесено въ даръ генеральными старшинами 10,000 рублей, свитѣ его 3,000 рублей, а народу «для общей радости» дано вина горячаго болѣе двухъ сотъ ведеръ. Въ самый день церемоніи у Гендрикова «въ двухъ дворахъ» былъ банкетъ, при чемъ играла инструментальная музыка и при питіи за здоровье Государыни и «прочихъ господъ» палили изъ пушекъ, что́ продолжалось до девятаго часу ночи (216). Рано на другой день въ генеральной канцеляріи приступили къ избранію депутатовъ (217), которые должны были ѣхать въ Петербургъ, чтобы благодарить Государыню и поздравить новаго гетмана (218). Избраніе это не съ разу состоялось; только 11-го Марта окончательно рѣшенъ былъ выборъ генеральнаго бунчужнаго Демьяна Оболонскаго, ку́ма Государыни, присутствовавшаго на свадьбѣ Наслѣдника, Нѣжинскаго полковника Семена Кочубея, бунчуковаго товарища Ильи Журмана и писаря войсковаго генеральнаго суда Ивана Пиковца (219). Депутаты отправились въ Петербургъ съ благодарственнымъ адресомъ къ Императрицѣ и письмомъ къ графу Ки-

---

(214) Московск. Архивъ минист. иностр. дѣлъ. Дѣла Малоросс. 1750 г.
(215) Ригельманъ, Лѣт. повѣствованіе о Малой Россіи IV. 10—11.
(216) Ригельманъ т. IV, кн. VI стр. 11.
(217) Записки Марковича II. 281.
(218) Ригельманъ т. IV, кн. VI стр. 12.
(219) Записки Марковича II. 282.

рилѣ Григорьевичу за подписью генеральныхъ старшинъ (220). По окончаніи своего порученія графъ Гендриковъ отправился на поклонъ къ Натальѣ Демьяновнѣ въ село Адамовку (221). Странною показалась вся эта, невиданная дотолѣ обстановка Малороссіянамъ. Многіе безъ сомнѣнія радовались — имя гетмана имѣло въ себѣ для нихъ что-то магическое; къ тому же несомнѣнно много льготъ было даровано, и хотя выборъ «вольными голосами» сильно отзывался приневоливаніемъ; однако можно было ожидать продолженія милостей изъ Петербурга, при такомъ добромъ «патріотѣ,» каковъ былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, ради котораго и совершено было избраніе. За то старые козаки, вздыхая, покачивали головами и чуяли, что настали времена другія, что прошла невозвратно эпоха Сагайдачнаго и Хмѣльницкаго, при избраніи которыхъ и на умъ никому не приходили всѣ эти процессіи, возвышенія обитыя алымъ сукномъ и богатыя кареты заложенныя цугами, тѣ простыя, но вольныя времена, когда громада козаковъ собиралась на площади и шапками забрасывала любимаго избранца. Впрочемъ и самъ Кирила Григорьевичъ въ старости не считалъ своего гетманства за дѣйствительное и называлъ постоянно Мазепу послѣднимъ гетманомъ (222).

Въ то время, какъ въ Глуховѣ происходили выборы, дворъ переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Во время этаго пребыванія двора въ древней столицѣ, главнокомандующій въ Петербургѣ князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, бывшій въ то же время начальникомъ кадетскаго корпуса, завелъ для собственнаго удовольствія и для развлеченія немногихъ сановниковъ (задержанныхъ дѣлами службы въ Петербургѣ) театральныя представленія; актеры-кадеты разыгрывали въ корпусѣ лучшія трагедіи какъ русскія, сочиняемыя въ то время Сумароковымъ, такъ и французскія въ переводахъ. По возвращеніи изъ Москвы, Государыня, узнавъ объ этихъ представленіяхъ, приказала, чтобы они продолжались при дворѣ (223). Кромѣ кадетовъ въ трагедіяхъ этихъ участвовали и офицеры сухопутнаго кадетскаго корпуса. Между артистами особенно отличался фельдфебель Разумовскій (будущій Нѣжинскій полковникъ Петръ Ивановичъ или братъ его, сперва Гадяческій полковникъ, а потомъ егермейстеръ и генералъ-

(220) Тамъ-же.
(221) Тамъ-же II. 283.
(222) Марковичъ, Исторія Малороссіи. Т. II, стр. 633.
(223) Mémoires de Cathérine. 130.

маіоръ Василій Ивановичъ, двоюродные племянники графа Алексѣя Григорьевича), фельдфебель Мелисино и сержантъ Остервальдъ ([224]). Императрица очень забавлялась этими представленіями, и скоро стали замѣчать, что она занимается ими несравненно болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Театръ изъ дворцовой залы перенесенъ былъ во внутренніе покои. Государыня сама наряжала актеровъ, заказывала имъ великолѣпные костюмы, и они являлись на сценѣ, осыпанные драгоцѣнными каменьями Императрицы ([225]). Вѣроятно это поразило прежде всѣхъ великаго канцлера. Пожалованный въ камеръ-юнкеры черезъ предстательство Бестужева, Апраксина и Разумовскаго, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ уже въ Москвѣ считался фаворитомъ, а теперь онъ не только со дворомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но получилъ еще помѣщеніе во дворцѣ ([226]). Сомнѣваться болѣе было невозможно. Бестужевъ видѣлъ, что положеніе графа Алексѣя Григорьевича при дворѣ становится не тѣмъ, каково было прежде; надо было искать другой опоры, и онъ рѣшился замѣнить новаго фаворита своимъ собственнымъ созданіемъ, которое было бы его орудіемъ, а не подмогою для недруговъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ стали примѣчать при дворѣ, что роскошнѣе всѣхъ бывалъ одѣтъ на этихъ представленіяхъ довольно красивый юноша Бекетовъ, лѣтъ 18 или 19, исполнявшій роли первыхъ любовниковъ. Потомъ и внѣ театра показались на немъ и бриліантовыя пряжки, и кольца, и часы, и кружева, и все самое лучшее. Наконецъ онъ вышелъ изъ корпуса и, несомнѣнно вслѣдствіе настояній Бестужева, ненавидѣвшій всякія интриги Алексѣй Григорьевичъ (котораго уже Екатерина II называетъ въ это время *бывшимъ фаворитомъ*) сейчасъ же взялъ молодаго кадета Бекетова къ себѣ въ адъютанты, что давало тогда капитанскій чинъ. Придворные не замедлили вывести изъ этого свои заключенія и стали говорить, что если графъ Разумовскій приблизилъ къ себѣ Бекетова, то это сдѣлано съ цѣлью противупоставить его молодому камеръ-юнкеру Шувалову, такъ какъ бывшій кадетъ обратилъ на себя особенное вниманіе Государыни ([227]). Придворные не оши-

---

([224]) Буличъ, Сумароковъ и современная ему критика. Неизвѣстно почему, почтенный авторъ принимаетъ фельдфебеля Разумовскаго за будущаго гетмана Малороссіи.

([225]) Mémoires de Cathérine II. 150.

([226]) Бартеневъ, Ив. Ив. Шуваловъ, стр. 9 и 10.

([227]) Mémoires de Cath. 150—51.

бались: дѣйствительно Бекетовъ былъ избранъ Бестужевымъ, чтобы отстранить Шувалова и его партію. Во всемъ дѣлѣ этомъ явно видна рука Бестужева. Онъ приставилъ къ молодому и неопытному Бекетову другаго адъютанта, состоявшаго при графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ, Ивана Перфильевича Елагина, который въ то же время служилъ и подъ его начальствомъ, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Жена Елагина, бывшая камеръ-фрау Государыни, доставляла Бекетову тонкое бѣлье и кружева, а такъ какъ она не была богата, то ясно было, что деньги тратились не изъ ея кошелька ([228]). Болѣе года оба соперника жили при дворѣ; Бекетовъ произведенъ въ полковники, занялъ комнаты во дворцѣ и, казалось, бралъ рѣшительный перевѣсъ надъ Шуваловымъ. Положеніе же графа Алексѣя Григорьевича среди всѣхъ этихъ интригъ, для людей не посвященныхъ во всѣ тайны придворной жизни, казалось неизмѣнившимся. Государыня зимой гостила по три и по шести дней у него въ Гостилицахъ и праздновала по обыкновенію въ его домѣ день св. Алексѣя-человѣка Божія, при чемъ въ продолженіи обѣденнаго и вечерняго стола была обычная пальба изъ пушекъ, италіянская музыка и иллюминація ([229]). Братъ его назначенъ гетманомъ, а Кіевскій губернаторъ Леонтьевъ, осмѣлившійся сдѣлать помѣху людямъ старушки Натальи Демьяновны, получилъ слѣдующій выговоръ:

«Указъ нашему генералу Леонтьеву. Увѣдомились мы, что вы по нѣкоторому доносу изъ дома нашего оберъ-егермейстера графа Разумовскаго, отъ матери его въ Глуховѣ, приславъ туда офицера съ командою, взяли въ Кіевъ нѣкоторыхъ его служителей яко въ важномъ какомъ дѣлѣ, чему быть неуповательно, ибо сіе учинили вы по доносу нѣкотораго Шишацкаго, бывшаго лакеемъ въ домѣ нашего оберъ-егермейстера графа Разумовскаго въ Малой Россіи при матери его и за воровство учиненное Шишацкимъ въ томъ домѣ съ наказаніемъ отъ службы отставленнаго, о чемъ вамъ дано знать черезъ поручика Щегловитаго; но вы, о томъ никакого разсужденія не имѣя, учинили обиду матери его, чего было вамъ, не описався къ намъ, и дѣлать не надлежало. Да и никакого о томъ отъ васъ доношенія къ намъ нѣтъ, а ежели бы была законная причина вамъ то учинить, то вамъ надлежало къ намъ о томъ доношеніе съ нарочнымъ какъ наискорѣе присылать. Того для повелѣваемъ по полученіи сего людей взятыхъ изъ дому графа Разумовскаго отъ матери его немедленно отпустить къ ней, а доносителя Шишацкаго со всѣмъ его доносомъ и

([228]) Тамъ-же, 152.

([229]) Камеръ-фурiерскiй, церемонiальный и походный журналъ. 1750 г.

ежели есть сообщники его и произведеннымъ дѣломъ прислать сюда въ нашу тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію за крѣпкимъ карауломъ, а впередъ въ такихъ дѣлахъ имѣете вы осторожно поступать, дабы не учинить напрасно кому обиды подложнымъ и несостоятельнымъ доношеніемъ.

Подписанъ 19-го Февраля 1750. Подлинный посланъ того же числа съ курьеромъ Степаномъ Аничковымъ» (230).

Въ то время, когда, казалось, счастіе окончательно озарило Бекетова, явились въ Петербургъ Малороссійскіе депутаты. 24 Апрѣля дана была имъ публичная аудіенція. Они благодарили Государыню отъ всего народа Малороссійскаго за оказанную милость, а имъ отвѣчалъ великій канцлеръ и объявилъ, между прочимъ, что на выборъ гетманскій воспослѣдуетъ въ непродолжительномъ времени высочайшее утвержденіе (231).

Прошло однако еще болѣе мѣсяца въ ожиданіи, и только 5 Іюня 1750 года подписанъ былъ Императрицею указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, состоявшій изъ пяти пунктовъ. Въ 1-мъ утверждалось избраніе графа Кирилы Григорьевича, въ 2-мъ жаловались ему на урядъ прежнія гетманскія маетности, кромѣ тѣхъ, которыя были подарены Гамалѣевскому, Батуринскому и Межибожскому монастырямъ, Глуховской Анастасіевской церкви, графу Алексѣю Григорьевичу, Витковичу и Павловскому. Маетности эти составляли города Ямполь и Батуринъ съ уѣздами, Гадяцкій замокъ съ Чеховскою и Быковскою волостьми; Почепъ съ уѣздомъ, Шептаковская волость, Бакланскій дворецъ, село Литвиновичи, хуторъ Будійскій, Глуховская мельница о трехъ камняхъ и Переволчинскій перевозъ и опредѣленное доселѣ на монастырское содержаніе село Кучеровка съ приселками Сопичемъ и Потановкою, да села Поповка, Машевъ и Жадовъ. 3) Всѣ доходы Малороссійскіе приказано было собирать и употреблять по «прежнимъ обыкновеніямъ.» 4) Конскіе заводы кирасирскихъ и конно-гвардейскаго полковъ приказано вывесть изъ гетманскихъ маетностей, а также казенную полотняную фабрику изъ Почепа. 5) Великороссійскимъ чинамъ велѣно въ генеральной канцеляріи, въ генеральномъ судѣ, въ коммиссіи экономіи, въ счетной и въ коммиссіи объ обидахъ, болѣе не присутствовать, и министерскую канцелярію упи-

---

(230) Изъ бумагъ С.-Петербургскаго Государственнаго Архива.

(231) Ригельманъ т. IV кн. IV стр. 12. Замѣчательно, что въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1750 объ этой аудіенціи не упоминается.

чтожить. Наконецъ графу Гендрикову предписано возвратиться въ С.-Петербугъ ([232]). Не смотря на этотъ указъ, графъ Кирила не спѣшилъ отъѣздомъ изъ Петербурга; и самихъ депутатовъ тамъ задерживали. 24 Іюля 1750 Государыня подписала рядъ указовъ, въ силу которыхъ Разумовскій, при торжествахъ и публичныхъ церемоніяхъ, получилъ мѣсто съ генералъ-фельдмаршалами, считаясь съ ними по старшинству; соизволялось ему возобновить ([233]) Батуринъ и имѣть тамъ резиденцію, и отдавались ему всѣ доходы съ подлежащихъ на урядъ гетманскій маетностей, деньгами, хлѣбомъ, виномъ, и прочими припасами, собранные до избранія его ([234]). Наконецъ такъ какъ онъ «противъ другихъ гетмановъ имѣлъ ту отличность,» что былъ Русской Имперіи графъ, и такъ какъ Императрица высочайше имѣла къ его персонѣ особливую довѣренность и благоволеніе, то приказано было въ отправляемыхъ къ нему изъ коллегій иностранныхъ дѣлъ грамотахъ «давать ему предикатъ: высоко и благоурожденнаго» ([235]). Три мѣсяца позднѣе, т. е. 31 Октября 1750, Государыня подписала новый указъ, въ силу котораго войско Запорожское поступало также подъ вѣдомство Малороссійскаго гетмана. Въ то же самое время изъ святѣйшаго Сѵнода посланъ былъ слѣдующій указъ ([236]):

Указъ Ея Императорскаго Величества самодержицы Всероссійской изъ святѣйшаго правительствующаго Сѵнода преосвященнѣйшему Тимоѳею митрополиту Кіевскому и Галицкому

Святѣйшему правительствующему Сѵноду правительствующаго Сената вѣдѣніемъ объявлено: въ указѣ Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, сего Іюня 5-го дня въ Сенатъ написано: «Понеже по всемилостивѣйшему Ея Импе-

([232]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи т. IV, стр. 439—40.

([233]) Тоже подтверждено именнымъ указомъ гетману отъ 31 Іюля того же года (см. Ригельманъ IV, VI. 12—13).

([234]) Бантышъ-Каменскій говоритъ: „съ 1734 года собранные,“ но въ указѣ срока этого не указано. Гетманскій доходъ превышалъ 100,000 рублей въ годъ (Бант.-Кам. III. 220).

([235]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи IV. 441—42.

([236]) За сообщеніе приведенныхъ нами указовъ и распоряженій духовнаго вѣдомства обязаны мы Н. Н. Мурзакевичу, доставившему ихъ въ редакцію Русскаго Архива, обязательно намъ ихъ передавшую. Они извлечены изъ рукописнаго сборника указовъ и распоряженій Кіевскихъ митрополитовъ Рафаила Заборовскаго и Тимоѳея Щербацкаго по подвѣдомственной имъ епархіи.

раторскаго Величества повелѣнію учиненное въ Малороссіи тамошняго народа вольными голосами избраніе въ гетманы дѣйствительнаго камергера, Академіи Наукъ президента и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковника графа Кирилы Разумовскаго ему отъ Ея Императорскаго Величества, 24 Апрѣля сего года, объявлено и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ указомъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше конфирмовано, того ради Ея Императорское Величество повелѣли Сенату о всемилостивѣйшемъ пожалованіи отъ Ея Императорскаго Величества его графа Разумовскаго въ гетманы, куда надлежитъ дать знать. И по Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію святѣйшаго правительствующаго Сѵнода велѣно: для надлежащаго о томъ вѣдѣнія въ подчиненныя подлежащія святѣйшему Сѵноду мѣста послать указы и посланы, и преосвященному Тимоѳею митрополиту Кіевскому и Галицкому о томъ вѣдать, № 768. 1750 г. Іюня 19 ч. Подписали: Оберъ-секретарь Яковъ Леванидовъ, секретарь Андрей Сорокинъ, канцеляристъ Борисъ Невскій.

Вслѣдствіе этого указа митрополитъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы новаго гетмана въ церквахъ поминали на литургіи такъ: «Благороднаго Кирила гетмана» — вѣроятно по старинной формулѣ; но этой формулой, какъ видно, новый гетманъ остался недоволенъ, и митрополитъ поспѣшилъ разослать другое предписаніе, которое кстати здѣсь приводимъ, хотя оно относится и къ позднѣйшему времени.

Митрополіи Кіевской пречестнымъ игуменамъ: Сорочинскому Пафнутію, Гадяцкому Исидору, Скельскому Филарету, Полтавскому Ѳеофану, Нехворощанскому Даміану, всечестнымъ протопопамъ: Сорочинскому Дмитрію, Гадяцкому Василію, Зѣньковскому Максиму, Полтавскому Евстаѳію, Кобеляцкому Михаилу, Криловскому Симеону, честнымъ крестовымъ намѣстникамъ: Опошнянскому Іакову, Хорольскому Симеону, Остановскому Иродіону и Іоанну Богаевскому да іереямъ духовной протопопіи Миргородское правленіе содержащимъ: Воскресенскому Іоанну Христенку и Бѣликовскому, Покровскому Петру Михайлову; дѣвичихъ монастырей: Великобудинскаго игуменіи Авраміи, Пушкаревскаго намѣстницѣ Анастасьѣ и Быстрицкаго начальницѣ Памоилѣ. Прошлаго 750 г. Августа 8, по указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію его преосвященства Киръ-Тимоѳея Щербацкаго архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи, отца и архипастыря нашего, отпущенному съ катедральной протопопіи Кіевскія канцеляріи, между прочимъ велѣно вамъ: Ясновельможнаго господина Малыя Россіи, обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетмана, Ея Императорскаго Величества дѣйствительнаго камергера, Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ президента, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковника и ордена

святаго Александра Невскаго такожъ Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго святыя Анны кавалера, Россійскія Имперіи графа Кирила Григорьевича Разумовскаго въ церковныхъ священнослуженіяхъ на обыкновенныхъ мѣстахъ воспоминать тако: «Благороднаго Кирила гетмана;» а понеже таковое воспоминаніе показалось не во удовольствіе; того ради, въ удовольствіе за отличность особливѣйшихъ его ясновельможности показанныхъ предъ всѣми прежними гетманами предикатовъ, съ полученія сего Ея Императорскаго Величества указа вамъ и всему вѣдомству вашему подвѣдомственнымъ приказать воспоминать тако: «высоко и благоурожденнаго графа Кирила Григорьевича, гетмана Малыя Россіи.» О чемъ вамъ вѣдать и чинить по сему Ея Императорскаго Величества указу, полученіе же сего вмѣсто рапорта, подъ симъ подписавъ, изъ послѣдняго мѣста, обратно въ канцелярію прислать катедральную. № 1093. 1751 года Августа 27 дня. Подписали катедральный писарь іеромонахъ Досиоей, митрополіи Кіевской архідіаконъ Манассій, катедральной канцеляріи регентъ іеродіаконъ Лука, канцеляристъ Иванъ Данилевскій.

Этимъ однако дѣло не кончилось, и черезъ годъ митрополитъ разсылаетъ по епархіи новое предписаніе:

По указу великаго господина иже въ Богу (sic) преосвященѣйшаго Киръ-Тимоѳея Щербацкаго архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи отца и архипастыря нашего, съ канцеляріи митрополіи Кіевскія пречестнымъ игуменамъ: Сорочинскому Гавріилу, Гадяцкому Исидору, Скельскому Филарету, Полтавскому Антонію, Нехворощанскому Даміану; всечестнымъ протопопамъ: Сорочинскому Димитрію, Миргородскому Роману, Гадяцкому Василію, Зѣньковскому Максиму, Полтавскому Евстаѳію, Кобеляцкому Михаилу, Криловскому Симеону; честнымъ крестовымъ намѣстникамъ: Оповинянскому Іакову, Хоролскому Симеону, Остапонскому Продіону, Іоанну Богаевскому; дѣвичихъ монастырей: Великобудянскаго игуменіи Авраміи, Пушкаревскаго намѣстницѣ Анастасіи и Быстрицкаго начальницѣ Анѳіи предлагается. Хотя прошлаго 751 года Августа 21 дня отпущеннымъ къ намъ изъ катедральной его преосвященства канцеляріи указомъ велѣно: ясновельможнаго господина Малыя Россіи обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ высокоповелительнаго гетмана, Ея Императорскаго Величества дѣйствительнаго камергера, Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ президента, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковника и обѣихъ Россійскихъ орденовъ святыхъ апостола Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго св. Анны кавалера, Россійскія Имперіи графа Кирила Григорьевича Разумовскаго въ удовольствіе за отличность особливѣйшихъ его ясновельможности показанныхъ заслугъ предъ всѣми гетманами предикатовъ, съ полученія онаго указа вамъ и всѣмъ вѣдомству вашему подсудственнымъ

приказать: въ церковныхъ священнослуженіяхъ на обыкновенныхъ мѣстахъ воспоминать тако: «высоко и благоурожденнаго сіятельнаго графа Кирила Григорьевича, гетмана Малыя Россіи;» но понеже извѣстно его преосвященству учинено, яко нѣкоторые священники по природной своей тупости, и не могучи оныхъ терминовъ настоящe выговорить, оные отмѣняютъ, что не въ удовольствіе, но токмо ко раздраженію слѣдуетъ, того ради, за полученіемъ сего вамъ и всѣмъ вѣдомству вашему подсудственнымъ приказать воспоминать тако: «сіятельнаго графа гетмана Кирила Григорьевича.» О чемъ вамъ вѣдать и чинить по сему непремѣнное исполненіе. Полученіе же сего, вмѣсто репорта, подписавъ, изъ послѣдняго мѣста обратно въ канцелярію митрополіи Кіевской сообщенныхъ копій прежнихъ указовъ прислать. № 410. 1752 года, Марта 17-го дня. Подписали: катедральный писарь іеромонахъ Досиоей канцеляристъ Иванъ Данилевскій.

Депутаты Малороссійскіе были наконецъ отпущены въ концѣ Іюля. Передъ отъѣздомъ они получили по 1000 рублей каждый и по бриллiантовому перстню отъ придворнаго ювелира Дюплона, подобно ихъ предшественникамъ (237). 5-го Іюля было благоденственное молебствіе въ Глуховской церкви Св. Михаила и читана была грамота изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которой объявлялось утвержденіе избраннаго гетмана; послѣ молебствія была пальба. Такія же грамоты разосланы были во всѣ полки. Въ то же время Нѣжинскій полковой есаулъ Долинскій привезъ изъ Петербурга первое приказаніе новаго гетмана. Онъ предписывалъ Лисенкѣ, Скоропадскому и Волкевичу управлять генеральною канцеляріею, а Горленкѣ, Ханенкѣ и Оболонскому завѣдывать генеральнымъ судомъ до его пріѣзда (238). Вскорѣ графъ Гендриковъ и прочіе Русскіе, занимавшіе должности въ Малороссіи, уѣхали обратно въ Россію (239). Самъ же графъ гетманъ не спѣшилъ пріѣздомъ: его задерживали въ Петербургѣ и беременность жены (240), и интересъ борьбы между партіею брата и Шуваловыми, и составленіе себѣ приличнаго штата, и наконецъ сама Государыня, особенно къ нему благоволившая и не желавшая лишить ни себя, ни придворныхъ любезнаго собесѣдника, умѣвшаго отлично угощать, давать банкеты и балы, которые она нерѣдко удостоивала своимъ присутствіемъ (241).

(237) Изъ бумагъ Московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ.

(238) Записки Марковича, II. 284—85. — (239) Тамъ же, II. 287.

(240) 15 Декабря 1749 года графиня родила дочь Елизавету; въ это время она была беременна сыномъ Петромъ, родившимся 15 Января 1751.

(241) Камеръ-фурiерскій журналъ 1750 г.

Соперничество между Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и Никитою Аѳанасіевичемъ Бекетовымъ однако окончилось въ отсутствіе гетмана. Лѣтомъ 1751-го года, когда графъ Кирила былъ уже въ Малороссіи, Бекетовъ, любившій литературу и занимавшійся вмѣстѣ съ другомъ своимъ Елагинымъ стихотворствомъ, сталъ перелагать стихи свои на музыку. Пѣсни, имъ сочиняемыя, пѣвали у него молоденькіе придворные пѣвчіе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Бекетовъ полюбилъ за ихъ прекрасные голоса и въ простотѣ душевной иногда гулялъ съ ними по Петергофскимъ садамъ. Шуваловы ухватились за это и поспѣшили истолковать поведеніе Бекетова самымъ отвратительнымъ образомъ (242). Какъ видно, это было недостаточно; чтобы окончательно погубить молодаго любимца, графъ Петръ Ивановичъ вкрался въ сердце неопытнаго Бекетова, выхвалялъ красоту его, чрезвычайную бѣлизну лица и для сохраненія всегдашней свѣжести далъ ему притираніе. Довѣрчивый Бекетовъ поспѣшилъ имъ воспользоваться, и лице его покрылось угрями и сыпью. Графиня Мавра Егоровна немедля обратила на это вниманіе Государыни, и присовѣтовала удалить Бекетова, какъ человѣка зазорнаго поведенія (243). На этотъ разъ ударъ былъ вѣренъ. Государыня, вслѣдствіе этой послѣдней продѣлки, переѣхала въ Царское, куда запрещено было слѣдовать Бекетову. Несчастный остался съ Елагинымъ и заболѣлъ горячкою, отъ которой чуть не умеръ. Въ бреду онъ безпрестанно говорилъ объ Императрицѣ, которая занимала всѣ его мысли (244). Какъ скоро онъ поправился, его удалили отъ двора. Шуваловы торжествовали.

Но возвратимся къ гетману. Въ Февралѣ 1751 года стали поговаривать на Украйнѣ о безпокойствахъ со стороны Татаръ (245). Мѣшкать было трудно. 13 Марта (246)1751 года новый гетманъ торжественно присягалъ въ С.-Петербургѣ. Весь дипломатическій корпусъ и знатныя обоего пола особы собрались во дворецъ въ галлерею, около придворной

---

(242) Mémoires de Catherine. 160—161.

(243) Бантышъ-Каменскій, біографіи Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ I, 301. Онъ же, Словарь достопамятныхъ людей Русской земли I, 115. Бекетовъ впослѣдствіи былъ Астраханскимъ губернаторомъ.

(244) Mémoires de Catherine II. 161.

(245) Зап. Марковича II, 291.

(246) Въ Запискахъ Марковича означено 3 Марта, это вѣроятно опечатка.

церкви, передъ начатіемъ богослуженія. Императрица, Наслѣдникъ и Великая Княгиня присутствовали при обѣдни. Послѣ обѣдни Государыня съ Великимъ Княземъ и Княгинею вышли изъ церкви. Въ ней остались гетманъ, великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, вице-канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ и остальные мужчины. Первенствующій членъ синода, Платонъ архіепископъ Московскій и Сѣвскій, вышелъ на середину церкви и сталъ передъ налоемъ, на которомъ находились евангеліе и крестъ. Великій канцлеръ взялъ гетмана за руку и подвелъ его къ налою; тогда архіепископъ Платонъ читалъ слѣдующую присягу, которую громко повторялъ гетманъ, поднявъ вверхъ руку:

«Азъ обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его евангеліемъ, что хощу и долженъ Ея Величеству своей природной и истинной всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ самодержицѣ Всероссійской и прочая и прочая и прочая и Ея Императорскаго Величества высокому законному Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству благовѣрному государю Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, который по изволенію и самодержавной Ея Императорскаго Величества власти опредѣленъ, и впредь отъ Ея же Императорскаго Величества по самодержавной Ея Императорскаго Величества власти опредѣляемымъ, и къ воспріятію престола удостоеннымъ высокимъ наслѣдникамъ (247) вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и всѣ къ высокому Ея Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять и въ томъ во всемъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить и при томъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ Ея Величеству вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ, о ущербѣ же Ея Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявить, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщиться буду. Когда жъ къ службѣ и пользѣ Ея Величества какое тайное дѣло или какое бъ оное ни было, которое приказано мнѣ будетъ тайно содержать и то содержать въ совершенной тайнѣ и никому не объявлять, кому о томъ вѣдать не надлежитъ и не будетъ повелѣно; повѣренный и положенный на мнѣ чинъ гетманства надъ войскомъ Запорожскимъ и надъ народомъ Малороссійскимъ вѣрно и постоянно содержать и все то войско и народъ Малороссійскій къ вѣрности, къ службѣ и послушанію приводить и ни съ которыми посторон-

(247) Нѣтъ ли тутъ намека на назначеніе наслѣдницею престола, въ случаѣ бездѣтной смерти Петра Ѳедоровича, Екатерины? Дѣтей у нихъ въ то время еще не было. См. объ этомъ статью П. И. Бартенева: Екатерина Вторая и пр. (Осмнадцатый вѣкъ. Книга первая, стр. 29).

ними государи безъ вѣдома и безъ указу Ея Императорскаго Величества никакой переписки и пересылки собою не имѣть, а гдѣ услышу какихъ непріятелей (отъ чего сохрани Боже) собраніе, и мнѣ гетману о томъ вѣрно и немедленно Ея Императорскому Величеству доносить; а гдѣ повелитъ мнѣ Ея Императорское Величество быть на службѣ съ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, и мнѣ, наблюдая интересъ и повелѣнія Ея Императорскаго Величества, со всею вѣрностью служить и всѣ указы Ея Императорскаго Величества ко мнѣ отъ времени до времени присылаемые надлежащимъ образомъ по совѣсти моей, съ крайнѣйшимъ радѣніемъ исправлять и такимъ образомъ себя весть и поступать какъ доброму и вѣрному Ея Императорскаго Величества рабу и подданному благопристойно есть и подлежитъ и, какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ о томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніи же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь» (248).

Послѣ этого, гетманъ подписался на поднесенной канцлеромъ присягѣ; тоже сдѣлалъ и архіепископъ. По окончаніи обряда гетманъ и великій канцлеръ со всѣми кавалерами вышли въ галлерею и въ аудіенцъ-камеру, куда уже были принесены всѣ клейноды гетманскіе: пребогато украшенная дорогими каменьями золотая булава, большое бѣлое знамя съ Русскимъ гербомъ, бунчукъ, войсковая печать и серебряные литавры съ пребогатыми, на бархатѣ шитыми, заковычками и съ золотыми висящими кутасами (249). Черезъ часъ послѣ выхода своего изъ церкви, Государыня прибыла въ аудіенцъ-камеру. Совѣтникъ Собакинъ поднесъ великому канцлеру положенную на золотое блюдо гетманскую булаву. Бестужевъ ее передалъ Государынѣ, которая ее и другіе клейноды вручила Разумовскому. Этимъ церемонія окончилась (250). Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ гетманша первая тронулась изъ С.-Пе-

---

(248) Изъ С.-Петербургскаго Государственнаго Архива. Бумага носитъ заглавіе: „Копія съ присяги Малороссійскаго гетмана графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, учиненной 13 Марта 1751 года.“ Въ концѣ ея читаемъ: „У подлинной пишетъ тако: Ея Императорскаго Величества Малороссійскаго войска Запорожскаго гетманъ и кавалеръ графъ Кирила Разумовскій по вышеписанному присягаю и подписуюсь. Я смиренный Плятонъ архіепископъ Московскій и Сѣвскій свидѣтельствую о присягѣ господина гетмана и кавалера графа Кирила Григорьевича Разумовскаго и подписуюсь.“

(249) Ригельманъ. Т. IV, 13. Неизвѣстно почему, онъ говоритъ, что Разумовскій получалъ клейноды 24 Февраля.

(250) Записки Марковича II. 292—93.

тербурга въ Москву([251]). Самъ же гетманъ ожидалъ жалованной грамоты и уволенъ былъ въ Малороссію только 22-го Мая([252]).

Того же числа Государыня подписала жалованную грамоту гетману слѣдующаго содержанія:

«Божіею поспѣшествующею милостію, Мы Елисаветъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская (за тѣмъ слѣдуетъ титулъ большой).

Всѣмъ обще и каждому особливо, паче же Малороссійскому народу, извѣстно и вѣдомо да будетъ, что мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, милосердуя о нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Малороссійскаго народа и имѣя о благосостояніи онаго матерниское попеченіе и призрѣніе, дабы сей, изъ давнихъ временъ къ Нашей Имперіи благоприсоединенный народъ Малороссійскій лучшимъ порядкомъ и совершеннымъ радѣніемъ былъ управляемъ и при своихъ издревле пріобрѣтенныхъ вольностяхъ и правахъ наилучше сохраненъ и содержанъ, на всеподданнѣйшее отъ Малороссійской старшины именемъ всего народа прошеніе, высочайше и всемилостивѣйше соизволили по прежнему обыкновенію, вольными голосами, избрать гетмана, яко то при предкахъ нашихъ, Всероссійскихъ Монархахъ и Императорахъ было. Вслѣдствіе же того нашего всемилостивѣйшаго соизволенія, при посланномъ къ тому избранію, нашего Императорскаго Величества генералъ-маіорѣ, лейбъ-компаніи подпоручикѣ, Ея Императорскаго Высочества нашей любезнѣйшей племянницы Великой Княгини камергерѣ и орденовъ св. Александра и св. Анны кавалерѣ, графѣ Иванѣ Гендриковѣ, 22 Февраля прошлаго 1750 года въ Глуховѣ отъ всѣхъ обще Малороссійскихъ чиновъ и народа единогласно избранъ гетманомъ природный Малороссіянинъ, нашъ дѣйствительный камергеръ, Академіи наукъ президентъ и нашей гвардіи Измайловскаго полка подполковникъ, и орденовъ св. Александра, Бѣлаго Орла и св. Анны кавалеръ, графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій и со онымъ выборомъ подписаннымъ всѣхъ при томъ бывшихъ духовныхъ

([251]) Тамъ-же II. 292.

([252]) Ригельманъ IV. 13. Не знаемъ, откуда г. Щебальскій почерпнулъ извѣстіе помѣщенное имъ въ его Чтеніи изъ Русской Исторіи, выпускъ IV, стр. 213, будто Разумовскій пріѣхалъ въ Глуховъ до избранія и открылъ двери для званныхъ и незванныхъ и что поэтому, когда въ слѣдующемъ году „собралась рада, то козаки на вопросъ кому быть гетманомъ или молчали или произносили имя Разумовскаго.“ Этому извѣстію явно противорѣчитъ и Ригельманъ, и Бантышъ-Каменскій, и Записки Марковича, и Исторія Маркевича, и наконецъ Камеръ-фуріерскій журналъ. Такъ точно немного далѣе г. Щебальскій титулуетъ Степана Ѳедоровича Апраксина графомъ!

персонъ, старшины и другихъ чиновъ руками для испрошенія всевысочайшей нашей конфирмаціи присланы генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій, Нѣжинскій полковникъ Семенъ Кочубей, бунчуковый товарищъ Илья Журманъ, да при нихъ суда войсковаго генеральнаго писарь Иванъ Пиковецъ, и Мы Великая Государыня, Наше Императорское Величество, въ разсужденіе того, по повелѣнію нашему общему вольными голосами Малороссійскаго избранія и будучи достаточно о службѣ, вѣрности и благоразуміи чрезъ хвалы достойное правленіе военныхъ и гражданскихъ порученныхъ дѣлъ увѣрены, его, графа Разумовскаго, гетманомъ всемилостивѣйше конфирмовали и по учиненной намъ Великой Государынѣ въ вѣрности своей предъ св. евангеліемъ, при крестномъ цѣлованіи, здѣсь въ придворной нашей церкви при нашемъ канцлерѣ д. т. сов., сенаторѣ, Россійскихъ и другихъ орденовъ кавалерѣ, графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ Рюминѣ, присяги, войсковые клейноты (sic): булаву, знамя, бунчукъ, печать и литавры отъ насъ получилъ, послѣ чего онъ подданный нашъ гетманъ, графъ Разумовскій, просилъ Наше Императорское Величество, дабы мы пожаловали его на урядъ гетманскій и на маетности, на булаву опредѣленныя, жалованною грамотою. И Мы всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская, Наше Императорское Величество, призирая на то подданнаго Нашего гетмана прошеніе и вѣдая его къ Нашему Императорскому Величеству по прежде засвидѣтельствованнымъ при дворѣ нашемъ по чину своему прилежности и благоповеденію, такожде въ гвардіи нашей и въ Академіи наукъ заслугамъ, ревности и добропорядочному правленію и по учиненному нынѣ вновь вѣрности и службы обѣщанію, повелѣли сію милостивую жалованную грамоту на утвержденіе того уряда гетманскаго дать и силою сей Нашего Императорскаго Величества жалованной грамоты соизволяемъ ему подданному нашему гетману войсковую армату или артиллерію и данныя гетманскаго достоинства знаки имѣть такъ, какъ прежніе гетманы, въ вѣрности своей къ намъ бывшіе, содержали, воинскія и гражданскія всякія въ Малой Россіи дѣла управлять, по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу дѣда нашего блаженныя памяти, Великаго Государя, Царя и великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, Его Царскаго Величества, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ и по Нашимъ Императорскаго Величества указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ и къ нему посылаемымъ безъ нарушенія правъ и вольностей стародавнихъ народа Малороссійскаго. А маетностями на булаву опредѣленными противъ иныхъ подданныхъ нашихъ гетмановъ владѣть со всякою пристойною повинностію. Дабы, видя онъ подданный нашъ гетманъ къ себѣ сію нашу ми-

лость, служилъ Нашему Императорскому Велечеству и нашимъ наслѣдникамъ вѣрно и постоянно со всѣмъ подъ правленіемъ его обрѣтающимся подданнымъ нашимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, противъ всѣхъ нашихъ непріятелей во всемъ согласно вышепоименованной присягѣ, которую онъ гетманъ при крестномъ цѣлованіи за подписаніемъ руки своей далъ. За что Наша, Великой Государыни, Нашего Императорскаго Величества, милость и призрѣніе и впредь отъ него подданнаго нашего отъемлена не будетъ, но наипаче умножится и для объявленія вящшей къ нему подданному нашему гетману Нашей милости и утвержденія сію грамоту собственною Нашего Императорскаго Величества рукою подписали и Нашею государственною печатью утвердить повелѣли.

Дана въ резиденціи нашей С.-Петербургѣ Мая 22-го дня лѣта отъ Р. Хр. 1751, государствованія нашего десятаго года (253).

Передъ отъѣздомъ своимъ графъ-гетманъ обратился къ Императрицѣ съ слѣдующимъ докладомъ:

По всемилостивѣйшему и высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію отправляюсь я въ Малую Россію и, будучи отселѣ въ такомъ отдаленіи, не уповаю, чтобъ способно мнѣ было въ томъ же порядкѣ Академію содержать, въ какомъ она при мнѣ находилась. Заведенный же мною въ Академіи порядокъ и непрерывная въ чужестранныхъ государствахъ корреспонденція съ учеными людьми не могутъ ни на малое время остаться безъ главнаго въ Академіи командира. Того ради всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству доношу, не соблаговолено ли будетъ въ Академію опредѣлить Вашего Императорскаго Величества указомъ президента иного; а буде Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ по прежнему мнѣ-жъ президентомъ остаться, то въ такомъ случаѣ весьма бы полезно было прибавить вице-президента, по изобрѣтенію Вашего Императорскаго Величества, и жалованіе ему опредѣлить изъ той суммы, которая президенту положена, а я, будучи высокомонаршею Вашего Императорскаго Величества милостію паче мѣръ моихъ награжденъ, такое президентское достоинство и безъ жалованія нести могу. Оный же вице-президентъ могъ бы въ отсутствіи моемъ всѣ дѣла такъ, какъ и президентъ, равносильно отправлять, а о важнѣйшихъ учрежденіяхъ и дѣлахъ со мною переписку и сношеніе имѣть и такимъ образомъ ущербу казнѣ Вашего Императорскаго Величества никакой не будетъ и дѣла Академическія съ наилучшимъ успѣхомъ теченіе свое непрерывно возымѣютъ.

---

(253) Изъ бумагъ С.-Петербургскаго Государственнаго Архива. Грамота эта напечатана у Ригельмана IV. 15 — 16; но съ ошибками.

На сіе желаю высочайшей резолюціи Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій (254).

Не смотря на послѣднюю фразу доклада, какъ кажется, высочайшей резолюціи не воспослѣдовало; во всякомъ случаѣ она была отрицательная, и Шумахеръ по прежнему продолжалъ управлять неограниченно Академіею. Гетманъ отправился въ Малороссію съ неразлучнымъ спутникомъ своимъ Тепловымъ, со множествомъ экипажей, верховыми лошадьми, съ поварами и музыкантами, съ гайдуками и скороходами, сержантами Измайловскаго полка и даже труппою актеровъ. Въ Москвѣ Разумовскій съѣхался съ женою, и они вмѣстѣ продолжали путь къ Глухову. Въ Ясмани гетмана встрѣтили компанейскіе полки, Запорожцы и депутація, состоявшая изъ архимандрита, протопопа, нѣсколькихъ священниковъ, генеральнаго писаря Безбородки и десяти бунчуковыхъ товарищей. Послѣ ранняго обѣда въ Ясмани, гетманъ поднялся со всею своею свитою и выѣхавшею къ нему на встрѣчу депутаціею. Когда онъ приблизился къ Глухову, то генеральный есаулъ Волкевичъ съ бунчужными товарищами и запорожскими казаками окружили гетманскую карету. Внутри города, отъ Сѣвскаго въѣзда до гетманскаго двора, постановлены были въ два ряда 6000 казаковъ (255). Они отдавали гетману честь съ музыкою, битьемъ въ литавры и со стрѣльбою, пока не раздалась пальба изъ пушекъ. Генеральные старшины и бунчуковые товарищи ожидали гетмана у городскихъ воротъ. Генеральный есаулъ Якубовичъ привѣтствовалъ его рѣчью. Весь поѣздъ направился сперва къ церкви Св. Николая, гдѣ Гомелевскій архимандритъ произнесъ предику и окропилъ ясновельможнаго святою водою, а оттуда въ гетманскія палаты. Здѣсь снова встрѣтили Разумовскаго генеральные старшины и бунчуковые товарищи; генеральный подскарбій Скоропадскій привѣтствовалъ его рѣчью. Гарнизонный Глуховскій полкъ стоялъ въ парадѣ вокругъ церкви и отдалъ на караулъ со стрѣльбою, а рота, стоявшая на гетманскомъ дворѣ, съ поклоненіемъ знаменъ и барабаннымъ боемъ (256). На другой день мужчины являлись къ гетману, а дамы къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. Приглашены были на обѣдъ всѣ гене-

---

(254) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и древностей, 1867. Кн. I. Смѣсь, стр. 4.

(255) Ригельманъ IV. 13.

(256) Зап. Марковича. II. 294—95.

ральные старшины и полковники ([257]). Сейчасъ же по пріѣздѣ гетмана сдѣлано было «повелительное объявленіе,» чтобы старшины, полковники, шляхетство и прочія особы и люди всякаго званія собрались въ Глуховъ къ 13 Іюлю ([258]) для торжественнаго и публичнаго объявленія жалованной грамоты. 13 Іюля, послѣ пробитія утренней зари, по данному сигналу изъ трехъ пушекъ, всѣ Малороссійскіе полки вошли въ городъ пѣшіе и поставлены были по обѣимъ сторонамъ дороги отъ гетманскаго дворца до церкви Св. Николая. Гарнизонный полкъ стоялъ около церкви. Когда послѣдовалъ второй сигналъ, генеральные старшины, бунчуковые товарищи и прочіе чины собрались во дворцѣ, откуда по третьему сигналу двинулся народъ. Войсковая музыка, игравшая маршъ, открывала шествіе, за нею шло 60 компанейцевъ и 60 запорожскихъ казаковъ; потомъ два конюха вели кони въ богатомъ уборѣ, на которомъ привѣшены были пожалованныя гетману серебряныя литавры; по сторонамъ шли 6 бунчуковыхъ товарищей; за ними ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи 12 бунчуковыхъ товарищей генеральный бунчужный Оболонскій, державшій гетманскій бунчукъ. Потомъ верхомъ генеральный хорунжій Ханенко съ національнымъ знаменемъ, поддерживаемымъ двумя пѣшими бунчуковыми товарищами; 12 другихъ бунчуковыхъ слѣдовали за Ханенкой; за ними въ богатой каретѣ цугомъ ѣхалъ генеральный писарь Андрей Безбородко, державшій на богатой бархатной подушкѣ войсковую печать; 6 бунчуковыхъ товарищей ѣхали верхами по обѣимъ сторонамъ кареты, за которой шли 6 лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ; далѣе въ открытой богатой коляскѣ, заложенной парою, генеральный подскарбій Скоропадскій держалъ на бархатной богатой подушкѣ гетманскую булаву; по сторонамъ ѣхали верхами опять 6 бунчужныхъ товарищей, а съ обѣихъ сторонъ и позади шли лакеи въ богатыхъ ливреяхъ; потомъ слѣдовалъ въ богатой каретѣ, цугомъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, уже въ то время коллежскій совѣтникъ, державшій передъ собою на пребогато-убранной подушкѣ, высочайшую жалованную за урядъ гетманскій грамоту; впереди кареты шли два скорохода, по сторонамъ два гайдука, сзади 4 лакея, 12 бунчуковыхъ товарищей ѣхали верхами по сторонамъ. За Теп-

---

([257]) Тамъ же, II. 295.

([258]) Рингельманъ и Бантышъ-Каменскій говорятъ, что церемонія была 14-го Іюля, Марковичъ въ Запискахъ 13-го. Придерживаемся его показанія, такъ какъ онъ былъ очевидецъ и велъ подневныя записки.

ловымъ въ великолѣпной каретѣ, запряженной въ шесть богато убранныхъ лошадей, ѣхалъ самъ ясновельможный гетманъ; впереди кареты верхомъ ѣхалъ графскій конюшій Арапинъ, за нимъ бѣжали 4 скорохода и шли 8 лакеевъ, а по сторонамъ кареты 4 гайдука, всѣ въ богатыхъ ливреяхъ; за каретою ѣхали верхами два сержанта лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Съ правой стороны кареты ѣхалъ верхомъ генеральный есаулъ Якубовичъ, и 12 человѣкъ бунчуковыхъ товарищей ѣхали по обѣимъ сторонамъ; 40 запорожскихъ казаковъ и 60 компанейцевъ замыкали шествіе.

Грамота и клейноды были внесены въ церковь и положены на столъ, покрытый богатымъ персидскимъ ковромъ: посреди положили грамоту, по правую сторону булаву, а по лѣвую печать; по бокамъ стола стали генеральный бунчужный Оболонскій съ бунчукомъ и генеральный хорунжій Хиценко съ знаменемъ въ рукахъ. Началась торжественная обѣдня, по окончаніи которой Теплонымъ прочтена была вслухъ «передъ всѣмъ народомъ» жалованная грамота. За тѣмъ было благодарственное молебствіе, и при концѣ онаго пушечная пальба изъ города и ружейная ото всѣхъ полковъ. Грамота и клейноды тѣмъ же порядкомъ были отвезены въ гетманскій дворецъ. Тамъ Разумовскій роскошно угостилъ всѣхъ знатнѣйшихъ Малороссіянъ. Во время пира играла инструментальная музыка, а при питіи здоровьевъ гремѣла пушечная пальба. Вечеромъ весь городъ горѣлъ огнями (259). Въ Глуховѣ ожидала Разумовскаго его старушка-мать и вѣроятно его сестры (260). Здѣсь увидѣла Наталья Демьяновна свою невѣстку, которую знавала въ дѣвицахъ во время пребываній своихъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Графъ Кирила Григорьевичъ всѣми силами старался удержать мать при себѣ, свято чтилъ всѣ ея деревенскіе обычаи и нарочно для нея заказывалъ привычныя ей кушанья. Но и въ Глуховскомъ дворцѣ, какъ нѣкогда во дворцахъ царскихъ, было старушкѣ и тѣсно и неловко. Навряд ли могла она сойтись съ невѣсткою, съ дѣтства привыкшею къ придворному обхожденію и воспитанною въ домѣ надменнаго Александра Львовича Нарышкина, искавшаго себѣ невѣстъ между дочерями владѣтельныхъ Нѣмецкихъ князей. Графиня Наталья Демьянова впрочемъ болѣе года прожила съ сыномъ, но наконецъ ей стало не въ силу; она

(259) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 199—202 и Ригельманъ IV. 13—17.

(260) Зап. Марковича II, 295.

вернулась въ свою Алексѣевщину и мирный Козелецъ ([261]). Здѣсь начала строить она въ 1752 году, съ благословенія Кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, въ честь святыхъ Захарія и Елизаветы (тезоименитой благодѣтельницы семейства ея) каменный двухъ-ярусный соборъ. При соборѣ воздвигла она и каменную колокольню, по образцу той, которая находится въ Кіево-печерской лаврѣ ([262]). Окончанія храма не довелось уже видѣть Натальѣ Демьяновнѣ. Какъ видно по антиминсамъ, нижній храмъ съ предѣломъ во имя Адріана и Наталіи былъ освященъ въ 1763 т. е. черезъ годъ послѣ ея кончины. Что же касается до верхняго собора, онъ освященъ былъ въ 1773 году Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ, и то колокольня въ это время была еще крыта соломою. Только лѣтъ 20 тому назадъ, Захаро-Елизаветинскій соборъ былъ окончательно оштукатуренъ и отдѣланъ.

Глуховскій дворъ былъ миніатюрною копіею двора Петербургскаго. Графъ гетманъ Кирила Григорьевичъ въ Глуховѣ зажилъ царькомъ. Въ универсалахъ своихъ онъ употреблялъ старинную формулу: «Мы, нашимъ, намъ, того ради приказуемъ, данъ въ Глуховѣ и т. под.» ([263]). При немъ находилась, въ родѣ тѣлохранителей, большая конная команда, подъ названіемъ «команды у надворной корогвы» или гетманскаго знамени. Новый гетманъ облекъ этихъ тѣлохранителей, занимавшихъ караулы при его дворцѣ, въ зеленые гусарскіе мундиры ([264]). Во дворцѣ былъ цѣлый придворный штатъ: капелянъ Юзефовичъ ([265]), придворный капельмейстеръ Новгородскій сотникъ, Рачинскій ([266]), конюшій Арапинъ и проч. При дворѣ гетманскомъ находились еще казаки «бобровники,» стрѣльцы и пташники, обязанностію которыхъ было ловить на гетмана бобровъ и стрѣлять всякую птицу къ столу его ([267]). На торжественные дни и семейные праздники гетманскіе, бывали выходы въ Николаевскую и придворную гетманскую церкви и молебны съ пушечною пальбою. Во дворцѣ гетманскомъ давались банкеты съ инструментальной музыкой, балы, и

([261]) Тамъ же II, 310.
([262]) Щекатовъ, Словарь географическій III. 643.
([263]) Бант.-Кам. Ист. М. Россіи III. примѣч. къ стр. 88.
([264]) Тамъ же III. 234.
([265]) Записки Марковича II. 357.
([266]) Тамъ же II. 387.
([267]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи III. 232.

бывала даже французская комедія. Первую комедію давали въ новомъ гетманскомъ дворцѣ, она называлась: La foire de Hizim (268). Однимъ словомъ, вся придворная Петербургская жизнь въ сокращенномъ видѣ повторялась въ Глуховѣ. Разумѣется, при такой новой обстановкѣ прежній гетманскій дворецъ уже не могъ удовлетворять потребностямъ новоизбраннаго ясновельможнаго. Сейчасъ же послѣ его утвержденія стали спѣшить постройкою новаго дворца, что́ вѣроятно было также одною изъ причинъ медленія Разумовскаго въ Петербургѣ. Однако дворецъ не могъ быть, не смотря на это, готовъ къ пріѣзду гетмана, и только въ Октябрѣ 1751 года онъ перешелъ въ него (269).

Вскорѣ послѣ прибытія графа Кирилы Григорьевича въ Глуховъ, явился туда преосвященный Тимоѳей, митрополитъ Кіевскій. Какъ видно изъ записокъ Марковича, гетманъ его принялъ весьма холодно, такъ какъ владыка опоздалъ не только ко въѣзду, но даже и къ церемоніи гетманскаго установленія (270). За то радушно приняла его старушка Наталья Демьяновна, у которой преосвященный и кушалъ въ самый день своего пріѣзда (271). Вѣроятно, чтобы загладить первое впечатлѣніе, митрополитъ поспѣшилъ разослать по своей эпархіи тѣ указы, которые мы привели выше. Впрочемъ неудовольствіе гетмана не долго продолжалось; дня четыре послѣ своего пріѣзда, митрополитъ и пять архимандритовъ кушаютъ у Разумовскаго «до поздна» при пальбѣ пушекъ (272).

Бразды правленія взялъ въ руки Г. И. Тепловъ. Уже въ Петербургѣ сталъ онъ усидчиво заниматься дѣлами Малороссіи и пріѣхалъ въ Глуховъ вполнѣ ознакомленный съ краемъ. По его выбору въ генеральную канцелярію назначены были: Скоропадскій, Оболонскій, Турковскій, Тарновскій и Борозна (273). Родственникъ гетмана Семенъ Васильевичъ Кочубей, женатый на двоюродной его племянницѣ Стрешневой, опредѣленъ обознымъ генеральнымъ (274). Устроившись и обжившись нѣсколько въ Глуховѣ, графъ Кирила Григорьевичъ отъ 12 Октября 1751 года обратился къ Государынѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня Елисаветъ Петровна, Императрица и самодержица Всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая.

---

(268) Зап. Марковича II. 300. — (269) Тамъ же II. 299.
(270) Тамъ же II. 296. — (271) Тамъ же. — (272) Тамъ же II. 297.
(273) Тамъ же II. 298. — (274) Тамъ же II. 299.

Государственная иностранныхъ дѣлъ коллегія присланными Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ двумя грамотами требуетъ: дабы я оставшіяся въ Почепской волости, отданной мнѣ по высочайшей Вашея Императорскаго Величества милости на гетманскій урядъ, парусныя полотна, коихъ явилось при пріемѣ за меня той маетности 3308 кусковъ, возвратилъ для продажи въ Комерцъ-коллегію, почитая оныя парусныя полотна непринадлежащими мнѣ, ибо оныя до отдачи той Почеповской волости мнѣ ассигнованы были къ вывозу оттуда. И хотя я въ ту иностранныхъ дѣлъ Коллегію пространно писалъ, прося, дабы оныхъ парусныхъ полотенъ, въ силу высочайшаго Вашего Императорскаго Величества именнаго указа, объ отдачѣ мнѣ гетманскихъ маетностей со всѣми въ нихъ наличностями, не отбирано было отъ меня; но о семъ же принялъ смѣлость всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества лицу всеподданнѣйшее мое представить прошеніе.

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества именному всемилостивѣйшему указу отданныя мнѣ на урядъ гетманскій маетности явились весьма опустошены, и подданныхъ въ тѣхъ маетностяхъ, противъ прежнихъ временъ, многимъ числомъ умножилось, а изъ наличностей въ оныхъ пришло мнѣ самое малое число, какъ готовыхъ денегъ, такъ и хлѣба, вина и прочихъ запасовъ; къ тому же изъ маетностей и за прежними гетманами бывшихъ, многія отошли за другихъ владѣльцевъ и нынѣ состоятъ. А здѣсь какъ на устроеніе пристойнаго въ Глуховѣ гетманскаго дома, такъ паче на построеніе въ Батуринѣ церквей Божіихъ, гетманскаго дома и прочихъ публичныхъ апартаментовъ, довольной суммы потребно; на то какъ скарбу національнаго, такъ и на собственное содержаніе мое всемилостивѣйше пожалованныхъ доходовъ крайне недостаточно. Того ради Вашего Императорскаго Величества всенижайше прошу, тѣ парусныя полотна въ гетманской Почеповской волости контомъ Малороссійскимъ и людьми выдѣланныя и нынѣ на лицо тамъ имѣющіяся и мною съ прочими наличностями принятыя, оставить такъ же къ моему употребленію всемилостивѣйше пожаловать указомъ.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій ([275]).

1751 года. Октября 12 дня
въ Глуховѣ.

Веселъ показался жителямъ Глухова 1751—52 годъ. У гетмана балъ смѣнялся комедіею, комедія банкетомъ. На семейныхъ праздникахъ гетманскихъ вино лилось рѣкою. Какъ маленькій властелинъ, давалъ даже онъ аудіенціи старшинамъ послѣ богослуженія въ придворной цер-

([275]) Изъ бумагъ С.-Петербургскаго Государственнаго Архива.

кви, вручалъ торжественно перначь полковому судьѣ Мирогородскому Остроградскому, котораго производилъ въ полковники ([276]) и на пріемахъ у себя поздравлялъ кого съ повышеніемъ, кого съ наградой. Иногда впрочемъ эти замашки его заходили слишкомъ далеко, и изъ Петербурга спѣшили умѣрить его пылъ.

Сіятельнѣйшій графъ, ясновельможный гетманъ, государь мой, писалъ къ нему великій канцлеръ. По высочайшему Ея Императорскаго Величества именному повелѣнію долженствую я вашему сіятельству знать дать, что Ея Императорское Величество съ удивленіемъ о томъ увѣдомиться изволила, что ваше сіятельство двухъ братьевъ Скоропадскихъ, отпустя сюда, въ постороннюю ихъ службу рекомендуете: ибо ежели Голштинскую за чужую не почитать, то однакожъ и за Россійскую признавать не можно; что также никогда не обыкновенно, чтобы мимо своей государыни въ чужомъ мѣстѣ службы искать и тѣмъ паче, когда въ томъ никакой надобности нѣтъ: потому что, ежели бы то для экзерцицій или операній воинскихъ было, то при толь многочисленныхъ Ея Императорскаго Величества арміяхъ всему тому еще лучше всякаго другаго мѣста обучиться можно. Ея Императорское Величество не изъ какого гнѣва, но въ такомъ всемилостивѣйшемъ разсужденіи повелѣла мнѣ къ вашему сіятельству отписать, дабы, вѣдая всевысочайшее ея соизволеніе въ подобныхъ случаяхъ, вы толь лучше могли по онымъ должнѣйше себя располагать. Я есмь съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Санктъ-Петербурга
Марта 29 дня 1752 ([277]).

Что гнѣва не было, доказательствомъ тому служила присланная 18 Апрѣля того же года къ гетману съ капитаномъ-поручикомъ, лейбъ-компаніи унце-капраломъ, Василіемъ Суворовымъ, отцемъ знаменитаго князя Италійскаго, Андреевская лента. Разумовскій спѣшилъ благодарить Государыню слѣдующимъ письмомъ:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая Государыня Елизаветъ Петровна, самодержица Всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая.

При изъявленіи столь многочисленныхъ высокомонаршихъ и высокоматернихъ ко мнѣ всеподданнѣйшему милосердій, благоугодно нынѣ явилось Вашему Императорскому Величеству всемилостивѣйше украсить меня еще орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

([276]) Зап. Марковича, II. 301.
([277]) Изъ архива гр. А. С. Уварова.

Сіе безприкладное великодушіе вкореняетъ столь глубокое въ сердцѣ моемъ благоговѣніе къ Вашему Императорскому Величеству яко къ Помазанницѣ Божіей, что я, единственно монаршею вашею милостью безъ всякихъ заслугъ возвышенный, не иначе приступаю какъ рабъ недостойный къ престолу вашему, почитая таковыя щедроты за верхъ всего моего въ жизни временной благополучія. Повергши же себя предъ стопы ваши высокомонаршія и не имѣя достойныхъ словъ принести Вашему Императорскому Величеству мое всеподданнѣйшее, благодареніе, Богу единому хвалу воздаю и Его молю отъ глубочайшаго моего сердца о укрѣпленіи державы Вашего Императорскаго Величества и о всецѣломъ здравіи освященныя вашея особы, полагая, до послѣдняго пролитія крови, животъ мой за все то что̀ либо потребно къ соблюденію долгоденственнаго и мирнаго вашего государствованія, въ чемъ мнѣ Господь да поможетъ, всегда несумнѣнную надежду и моленіе имѣю со всѣмъ моимъ домомъ.

Съ такимъ всенскрѣпнѣйшимъ усердіемъ молебствіе Богу нынѣ соборнымъ и торжественнымъ пѣніемъ совершилъ и есмь со всѣмъ моимъ потомствомъ по конецъ живота моего, державнѣйшая Императрица, Вашего Всепресвѣтлѣйшаго Величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ Кирила Разумовскій.

Въ Глуховѣ. Апрѣля 22
1752 году (278).

19 Апрѣля въ Глуховѣ было торжество «ради привезенной кавалеріи.» Торжество это продолжалось до 25 числа, подъ которымъ Марковичъ снова замѣчаетъ: «торжество было, обѣдали въ гетманскомъ дворцѣ; ввечеру былъ балъ и фейерверкъ» (279). Въ началѣ Мая гетманъ, сопровождаемый Тепловымъ, генеральнымъ писаремъ Безбородкою, генеральнымъ есауломъ Якубовичемъ и 10 бунчуковыми товарищами, отправился осматривать Малороссійскіе полки. Онъ сперва посѣтилъ Батуринъ, потомъ Стародубъ и Черниговъ, а оттуда проѣхалъ въ степные полки и Кіевъ. Въ гетманское отсутствіе дѣлами правили Скоропадскій, Волкевичъ и Ханенко. Оболонскому была поручена экспедиція строеній. Гетманъ же съ своей стороны поѣхалъ въ Батуринъ (280). Путешествіе продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ (281). Гетмана вездѣ встрѣчали съ радостью, вездѣ устроены были пышные пріемы; вся Малороссія ли-

(278) Изъ бумагъ Госуд. архива.
(279) Записки Марковича II. 304.
(280) Тамъ же.
(281) Ригельманъ IV. 17.

ковала. Одинъ только случай, породившій толки въ народѣ, смутилъ Малороссовъ. Гетманъ въ Черниговѣ объѣзжалъ городскія укрѣпленія; за нимъ ѣхали многочисленная свита его и всѣ чины Черниговскаго полка; онъ подъѣхалъ къ главновому бастіону у церкви Св. Екатерины; вдругъ вихрь сорвалъ съ него Андреевскую ленту. Тепловъ, ѣхавшій за нимъ, успѣлъ ее подхватить и хотѣлъ ее снова надѣть; но гетманъ взялъ у него ленту, свернулъ и положилъ въ карманъ. Ропотъ въ народѣ и толки дошли до старухи Натальи Демьяновны; она уговаривала сына удалить Теплова, предсказывая ему неизбѣжныя несчастія, ежели онъ будетъ слѣдовать совѣтамъ своего любимца. Гетманъ однако не послушался матери ([282]). Передъ окончаніемъ путешествія, Разумовскій еще разъ посѣтилъ Батуринъ, гдѣ была жена его и гдѣ постройки быстро подвигались. Оттуда онъ писалъ къ Государынѣ:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая и пр. Преосвященный Василій, митрополитъ Черногорскій, который предстать счастіе имѣетъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, удостовѣрилъ меня показаніемъ подлинныхъ высочайшихъ грамотъ какъ блаженныя и достославныя памяти Государя родителя вашего, такъ и Вашего Императорскаго Величества, что народъ, отъ котораго онъ посланъ, есть тотъ, который по единовѣрству за благочестіе Православныя Греческаго исповѣданія вѣры особливые опыты показывалъ своего усердія къ престолу монаршему Всероссійскому и во время войны съ Портою Отоманскою въ 1711 не малою храбростью себя отличалъ. Почему вседражайшій родитель Вашего Императорскаго Величества засвидѣтельствовать соизволилъ въ незабвенную память потомкамъ всѣ таковыя ихъ дѣйствія особливыми своими высочайшими грамотами. А яко въ семъ народѣ Православная Греческая церковь, съ западной стороны окружена Римскимъ исповѣданіемъ, а съ другихъ трехъ Магометанами, то въ таковомъ иновѣрныхъ и босурманъ окруженіи охраняетъ себя единымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества. Вѣдая же Ваше Императорское Величество теплоту къ защищенію и распространенію истиннаго христіанства, пріемлю дерзновеніе чрезъ сіе всеподданнѣйше о немъ засвидѣтельствовать и донести, что онъ, преосвященный, показался мнѣ мужъ разумный и не для своей какой либо корысти, какъ видно изъ грамотъ, которыя я читалъ, но для вспоможенія къ соблюденію въ Православіи всего своего народа подаяніемъ въ монастыри ихъ путь воспріялъ — явиться къ престолу Вашего Императорскаго Величества, о чемъ удостовѣряя, есмь до

([282]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи II. 642—43 и Бант.-Каменскій, Исторія Малой Россіи III. примѣчаніе къ стр. 71 и 72.

конца живота моего, державнѣйшая Императрица, Вашего Императорскаго всепресвѣтлѣйшаго Величества.

Всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ Кирила Разумовскій (283).

Батуринъ.

Августа 19-го 1752.

Вскорѣ по возвращеніи гетмана въ Глуховъ, умерла жена Григорія Николаевича Теплова (284), а 22-го Октября у Разумовскаго родился сынъ, названный въ воспоминаніе недавно полученной «бликитной кавалеріи» Андреемъ. Сынъ генеральнаго подскарбія Скоропадскаго былъ отправленъ курьеромъ въ Петербургъ съ этимъ извѣстіемъ. Главные чиновники являлись ко двору гетманскому съ поздравленіями, при чемъ подносили гетманшѣ «обычайный презентъ» (285). Вскорѣ послѣ торжественныхъ крестинъ Наталья Демьяновна вернулась въ Адамовку, а какъ скоро графиня Екатерина Ивановна оправилась отъ родовъ, оба Разумовскіе по приглашенію Государыни поѣхали въ Москву, гдѣ въ то время находился дворъ. Въ свитѣ гетмана находились генеральный обозный Кочубей, генеральный писарь Безбородко, Гадяцкій полковникъ Голецкій, 6 бунчуковыхъ товарищей, старшій канцеляристъ Туманскій и другіе.

Разумовскіе прибыли въ Москву почти въ одно время со дворомъ, который 14 Декабря тронулся изъ С.-Петербурга. Вмѣстѣ со дворомъ пріѣхалъ, разумѣется, и графъ Алексѣй Григорьевичъ, все еще могущественный, хотя уже не всемогущій и единственный фаворитъ.

Великій канцлеръ Бестужевъ не сопутствовалъ двору; дѣла и здоровье задерживали его въ Петербургѣ. Грозная туча стояла на политическомъ горизонтѣ, а при дворѣ ряды его пріятелей замѣтно пустѣли.

Грустный и раздраженный, Бестужевъ изъ Петербурга писалъ гетману слѣдующее:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ.

Не могу я довольно изобразить вашему сіятельству моей благодарности за все то, что въ почтеннѣйшемъ вашемъ отъ 17 сего ко мнѣ письмѣ обязательнаго для меня находится. Ваше сіятельство, не довольствуясь показаніемъ мнѣ дѣйствительнаго одобренія, изволите еще оное умножать образомъ вашего мнѣнія. Я жъ напротиву того теперь токмо при-

---

(283) Изъ Государств. Архива.

(284) Зап. Марковича II, 308. Это была вторая жена Теплова.

(285) Тамъ же II, 309.

лежнѣйше прошу увѣренными быть, что мое признаніе будетъ безконечно. Присовѣтованіе вашего сіятельства быть мнѣ великодушнымъ есть подлинно единственнымъ мнѣ теперь способомъ Да, могу сказать, что я онаго всегда, сколько могъ, держался и много сносить за велико не считалъ. Въ первую, во вторую, отчасти въ третью въ Москвѣ бытность, не меньше же и здѣсь во время оно, хотя работывалъ я, и почти повседневно, до третьяго и четвертаго часа по полуночи, однако же при всемъ томъ спокойно, а иногда сутки и полторы безпрерывно спать могъ; нынѣ же при всемъ моемъ предъ прежнимъ весьма поздномъ житіи, почти совсѣмъ спать не могу. Къ тому же при старости (умалчиваю о скорбутикѣ, о которой отъ непрестаннаго сидѣнія и не удивительно) привязалась ко мнѣ ипохондрія, которая такъ жестоко меня мучитъ, что всю кровь во мнѣ непрестанно въ сильное движеніе приводитъ, и ни мало успокоиться не даетъ, и такъ всегда дня черезъ два или три теченіе отворяетъ. Я же при томъ не имѣю инаго облегченія, какъ токмо самое малое отъ десяти часовъ по утру часовъ до седьмаго вечеру, а прочее время безпрестанно страдаю, такъ что буде на часъ и усну, то однако жъ не инако какъ обутый и въ тулупѣ. Въ такомъ будучи состояніи, со всею вашего сіятельства благосклонно дружескою помощью, за которую паки наиобязательнѣйшее мое благодареніе приношу, къ крайнему моему сожалѣнію не предвижу, когда возмогу къ Москвѣ перетащиться, и ваше сіятельство первономно обнадежить о всесовершенной моей къ вамъ преданности, и съ какимъ усердіемъ и высокопочитаніемъ я есмь и всегда пребуду вашего сіятельства покорнѣйшій слуга графъ А. Бестужевъ-Рюминъ (286).

Въ Санктъ-Петербургѣ.
Генваря 25 дня 1753.

Нѣтъ сомнѣнія, что совѣтъ быть великодушнымъ относился къ Шуваловымъ. Много злобы накипѣло на душѣ великаго канцлера со времени паденія Бекетова. Что же касается до гетмана, то, несмотря на безпредѣльную, почти сыновнюю привязанность къ брату, онъ былъ въ весьма хорошихъ и даже въ близкихъ отношеніяхъ не только съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, но даже съ графомъ Михаиломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ. Съ Шуваловымъ его сблизилъ ихъ общій другъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. О семъ послѣднемъ и о Шуваловѣ при дворѣ и въ обществѣ иначе не говорили, какъ объ Орестѣ и Пиладѣ. Втроемъ они составляли лучшій цвѣтъ тогдашней придворной молодежи, любили и свѣтъ и веселье, но не забывали и ближ-

(286) Изъ Архива гр. А. С. Уварова.

нихъ. Разумовскій надѣялся, съ помощью И. Шувалова и Чернышева, примирить Бестужева съ Шуваловыми, но дѣло между ними зашло слишкомъ далеко; въ борьбѣ канцлера съ Петромъ Шуваловымъ о примиреніи не могло быть болѣе рѣчи. Тѣмъ не менѣе гетманъ всѣми силами старался привлечь канцлера въ Москву, и когда онъ наконецъ былъ туда призванъ, старался облегчить ему путешествіе и рекомендовалъ ему въ спутники профессора и доктора Авраама Коу-Бёргава (Koon-Boerhaave), брата лейбъ-медика и тайнаго совѣтника Германа Бёргава([287]).

Бестужевъ благодарилъ Разумовскаго слѣдующимъ письмомъ:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, графъ Кирила Григорьевичъ, любезнодражайшій сватъ. Покорнѣйше благодарствую ваше сіятельство за почтеннѣйшее ваше отъ 4-го сего мѣсяца ко мнѣ писаніе и за подаваемыя онымъ совѣты хранить мое здоровье. Не меньше обязанъ я вашему сіятельству за скорую присылку адресса къ господину профессору Бургаву, чтобъ онъ въ Москву ѣхалъ со мною. Братъ его господинъ тайный совѣтникъ ко мнѣ уже писалъ, что онъ вашему сіятельству имянное о томъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, да и мнѣ при томъ монаршимъ Ея Величества именемъ объявляетъ, чтобъ я безъ совѣта сего доктора въ дорогу скоро не отваживался, да и во всемъ по его совѣтамъ поступалъ. Такимъ образомъ буду я повиноваться господину профессору, да еще радъ, что такому, отъ котораго я конечно много добра для моего здоровья надѣюся. На немъ уже изволите ваше сіятельство взыскать, ежели я нѣсколько больше запоздаю персонально вашему сіятельству мое почитаніе засвидѣтельствовать.

Увѣдомленіе вашего сіятельства о жестокомъ припадкѣ графу Михайлѣ Ларіоновичу мнѣ крайне прискорбно и печально, и я всѣмъ сердцемъ желаю его сіятельству скораго и совершеннаго выздоровленія. Впрочемъ истинно всегда пребуду съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ и преданностію вашему сіятельству послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ Февраля 8-го дня 1753 ([288]).

Сожалѣніе и печаль относительно болѣзни вице-канцлера едва ли были весьма искренни. Воронцовъ былъ въ тѣсной связи съ Шуваловыми и

([287]) Richter, Geschichte der Medicin in Russland. III, 424. Лейбъ-медикъ Бёргавъ умеръ въ Москвѣ 1753, его мѣсто занялъ докторъ Панаіоти (Павелъ Захарьевичъ) Кондоиди. Авраамъ Бёргавъ пріѣхалъ въ Россію въ 1746 г. и въ 1748 получилъ при Академіи мѣсто профессора физіологіи и анатоміи. Шумахеръ мѣтилъ его и въ профессора химіи, чтобы вытѣснить Ломоносова.

([288]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты занять мѣсто Бестужева. Кстати приведемъ еще записку отъ Бестужева, полученную гетманомъ въ Петровскомъ—Разумовскомъ, гдѣ производились подъ надзоромъ архитектора Филиппа Кокорева (вѣроятно Кокоринова) «многія строенія» (289).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ, любезнодражайшій сватъ. Ваше сіятельство покорнѣйше прошу да соизволите ордеровать господина совѣтника Шумахера, чтобъ онъ позволилъ кому либо изъ служителей Академіи снять два плана съ тѣхъ мѣстъ принадлежащаго мнѣ Каменнаго острова (290), которые господинъ надворный совѣтникъ Штелинъ, будучи ему тѣ мѣста наибольше извѣстны, покажетъ, такъ же чтобы стараніе было приложено о скорѣйшей отдѣлкѣ работаемаго уже тому острову проспекта (291) и чтобы оный и съ другимъ меньшимъ планомъ, какъ экземпляры такъ и доски, ко мнѣ со щетомъ присланы были, дабы я по тому подлежащія деньги немедленно заплатить могъ. Я жъ напротивъ того есмь всегда съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію вашему сіятельству послушнѣйшій слуга г. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Сентября 27 дня 1753.

P. S. Я уже многократно и ежедневно собираюсь къ вашему сіятельству пріѣхать мой поклонъ отдать, но мнѣ всегда сказываютъ, что ваше сіятельство въ городъ переѣзжать изволите, чѣмъ я и воздерживаюсь, дабы тогда переѣзду вашего сіятельства не помѣшать (292).

Хотя Бестужевъ слѣпо вѣрилъ въ свое счастье и, вполнѣ сознавая свои таланты, разсчитывалъ на нихъ твердо, однако онъ съ безпокойствомъ сталъ примѣчать, что царедворцы не скрываясь избѣгали его. По пріѣздѣ въ Москву онъ лихорадочно началъ искать себѣ союзниковъ. Уже съ нѣкоторыхъ поръ остановила на себѣ его вниманіе молодая Ве-

---

(289) Зап. Марковича II.

(290) Каменный островъ, между большой и малой Невой, близь Петербурга, принадлежалъ канцлеру графу Головкину, а потомъ графу Бестужеву, который на украшеніе его употребилъ много денегъ, провелъ поперекъ острова рвы выкладенные камнемъ, развелъ Голландскій садъ и пр. Отъ него перешелъ онъ къ императору Павлу I, тогда еще Великому Князю; нынѣ принадлежитъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

(291) Виды эти принадлежали къ рѣдкимъ частнымъ заказамъ, дѣланнымъ въ тѣ времена академическимъ граверамъ. Тогда состояли при Академіи граверы Вортманъ, Штенглинъ, знаменитый Шмидтъ, а и изъ Русскихъ Соколовъ, Виноградовъ и Генсовъ.

(292) Изъ архива гр. А. С. Уварова.

ликая Княгиня, старавшаяся, въ неравной борьбѣ съ нимъ, воздавать ему, по мѣрѣ силъ, око за око и зубъ за зубъ. Стойкость и хитрость, съ которыми Екатерина защищала интересы и права мужа въ вопросѣ о герцогствѣ Голштинскомъ, доказали ему, что онъ имѣлъ дѣло съ женщиною далеко не обыкновенною; Бестужевъ зналъ, что въ семейной жизни Великая Княгиня была несчастлива. Что касается до Великаго Князя, Бестужевъ уже давно понялъ чего могла ожидать отъ него Россія; къ тому же онъ его ненавидѣлъ какъ друга Фридриха Великаго и сторонника Шуваловыхъ. Беременность Екатерины давала надежду, что скоро родится наслѣдникъ престола, а здоровье Государыни, по свидѣтельству лечившихъ ее врачей, не подавало надежды на долгое царствованіе. Канцлеръ первый разгадалъ и понялъ Екатерину и рѣшился съ нею сблизиться. Черезъ Сергѣя Васильевича Салтыкова узнала она, что канцлеръ ищетъ ея дружбы. Хотя не мало накипѣло у нея злобы на сердцѣ противъ Бестужева, однако шутить такимъ предложеніемъ было нечего. Голштинецъ Бремзенъ, вполнѣ преданный канцлеру, служилъ при Великомъ Князѣ по дѣламъ его герцогства. Ему поручила Екатерина объявить Бестужеву, что она готова войти съ нимъ въ дружескія сношенія. Заключенъ былъ тайный союзъ. Канцлеръ сталъ всячески возбуждать Елизавету противъ племянника. Это было ему легко. Государынѣ давно опостылѣлъ ея наслѣдникъ, и всѣ его нѣмецкія безтактныя замашки были ей крайне противны. Въ запискахъ къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и Ивану Ивановичу Шувалову она въ самыхъ рѣзкихъ и по обыкновенію своему далеко не отборныхъ выраженіяхъ отзывалась о Великомъ Князѣ (293). Но этого было недовольно. Бестужевъ рѣшилъ, въ случаѣ кончины Государыни, возвести на престолъ ея внука, а правительницею государства провозгласить Екатерину. Съ рожденіемъ правнука Петра Великаго, объ Иванѣ Антоновичѣ никто уже не думалъ. Теперь на мѣсто Петра Ѳедоровича, котораго легко можно было или отправить въ Голштинію или заключить въ какіе-нибудь Холмогоры, представлялся наслѣдникомъ не иностранный принцъ, съ дѣтства заключенный въ крѣпости, съ именемъ котораго невольно соединены были всѣ ужасы Бироновщины, а кровь и плоть Петрова. Слѣдовало ко всему этому подготовить Государыню; но дѣло было крайне затруднительно,

---

(293) Mémoires de Catherine II, 329.

такъ какъ Елизавета Петровна страшно боялась смерти. Всякій намекъ на ея кончину могъ бы дорого стоить тому, кто бы на него отважился. Въ планахъ своихъ Бестужевъ нашелъ споспѣшника. То былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Явное презрѣніе ко всему Русскому, пренебреженіе всѣми обрядами Православной вѣры, страсть ко всему нѣмецкому уже давно отдалили старшаго Разумовскаго отъ Великаго Князя. Какъ ни избѣгалъ онъ всякихъ интригъ, какъ ни держалъ себя въ дали отъ дѣлъ государственныхъ, однако въ этомъ случаѣ онъ охотно, какъ видно, поддался вліянію Бестужева. Все дѣло было однако содержимо въ глубокой тайнѣ. Шуваловы ничего не подозрѣвали, а великій канцлеръ и Екатерина, не спѣша и тихомолкомъ, подготовляли свой планъ дѣйствія.

Между тѣмъ гетманъ, среди безпрестанной придворной суеты, не забывалъ Малороссіи. Пріѣхавшіе съ нимъ вмѣстѣ Малороссы имъ были представлены Государынѣ, принявшей ихъ отмѣнно милостиво. Приказано было давать старшинамъ при дворѣ мѣсто съ генералъ-маіорами, а полковникамъ сейчасъ за бригадирами (294). Еще въ бытность гетмана въ Глуховѣ, повелѣно ему было изъ Петербурга выслать 2000 казаковъ для строенія крѣпости св. Елизаветы, нынѣшняго Елизаветграда. Въ Москвѣ Разумовскій съумѣлъ выхлопотать, чтобы вмѣсто 2000 туда отправлены были только 611 человѣкъ. Изъ генеральной канцеляріи были имъ вытребованы въ Москву всѣ бумаги, относящіяся до финансовыхъ вопросовъ (295). Они были нужны гетману для докладовъ Государынѣ, вслѣдствіе которыхъ разные сборы, заведенные Самойловичемъ и Мазепою на Украйнѣ и чрезвычайно отяготительные для народа, были уничтожены; таможни на границахъ Малороссіи и Великоруссіи закрыты, и объявлена свобода торговли между сѣверомъ и югомъ. Эти перемѣны сильно порадовали Малороссіянъ; молебствія раздавались по церквамъ; были въ Глуховѣ и «водка» у генеральнаго бунчужнаго, и банкеты у обознаго въ честь милостиваго указа (296). Тепловъ, какъ кажется, гораздо позднѣе гетмана оставилъ Глуховъ; по крайней мѣрѣ въ Ноябрѣ 1753 года Разумовскій выговаривалъ генеральной канцеляріи за невыдачу подводъ по подорожнымъ, подписаннымъ Григоріемъ Николаевичемъ (297). Какъ видно, Тепловъ иногда manu-propria подписывалъ

---

(294) Зап. Марковича II. 312. — (295) Тамъ же II. 320.
(296) Тамъ же II. 331. — (297) Тамъ же II. 319.

разныя бумаги, па что, между прочимъ, не имѣлъ ни малѣйшаго права, такъ какъ въ Малороссіи не занималъ никакой оффиціальной должности. Старшины, уѣхавшіе съ Разумовскимъ, почти цѣлый годъ при немъ оставались, Безбородко же вернулся на родину только на самое короткое время и снова отправился къ гетману, при которомъ попеременно дежурили въ Петербургѣ и Москвѣ кто либо изъ генеральныхъ старшинъ. Управленіе дѣлами въ Глуховѣ поручено было Кочубею и Скоропадскому, но вскорѣ вслѣдствіе ордера изъ Петербурга мѣсто послѣдняго занялъ Якубовичъ (298).

Не такъ удачно шли дѣла Академіи. Лишь только гетманъ пріѣхалъ въ Москву, къ нему явился Ломоносовъ, исключительно занятый въ то время мыслію о распространеніи въ Россіи мозаичнаго искусства. Шумахеръ отказывалъ ему въ отпускѣ. Ломоносовъ обратился съ просьбою въ Сенатъ и отъ генералъ-адмирала князя Михаила Михаиловича Голицына получилъ паспортъ на проѣздъ въ Москву. Гетманъ-президентъ ласково принялъ Ломоносова и во все время пребыванія его въ Москвѣ оказывалъ дружелюбіе. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ на куртагѣ представилъ Ломоносова Государынѣ, которая пожаловала ему деревни и сама изъявила ему желаніе, чтобы онъ занялся исторіею Россіи.

Довольный возвратился Ломоносовъ въ Петербургъ, но здѣсь его ожидали непріятности. Въ профессорскомъ собраніи ему прочтенъ былъ выговоръ отъ президента, а князь Голицынъ получилъ письмо отъ Теплова, въ которомъ, именемъ Разумовскаго, онъ его просилъ въ чужія дѣла не входить (299). Причину этой перемѣны было угадать не трудно. Разумовскій, занятый дѣлами своего гетманства, не подозрѣвалъ ничего противузаконнаго въ поступкѣ Ломоносова и принялъ его дружески. Рапорты Шумахера, въ которыхъ вѣроятно изображено было самыми черными красками непослушаніе Ломоносова, не признававшаго власти президента, пришли уже послѣ его отъѣзда изъ Москвы. Къ тому же Тепловъ, только что вернувшійся изъ Малороссіи, Елагинъ и Сумароковъ вѣроятно обратили вниманіе Разумовскаго на отношенія Ломоносова къ Шувалову, на благосклонный пріемъ, сдѣланный ему Императрицею, указывали на него какъ на ловкаго пройдоху, интригующаго противъ пре-

---

(298) Тамъ же II. 320.
(299) Билярскій, Матеріалы. 070.

зидента. Въ письмахъ къ Шувалову Ломоносовъ горько жалуется на Академію. Онъ писалъ пространно объ этомъ и къ Разумовскому и просилъ его положить конецъ 20 лѣтнему бѣдственному его положенію и «избавить отъ приближающагося конечнаго раззоренія» (300). Ломоносовъ добивался того, чтобы «никакія ученыя дѣла не отправлялись» безъ обсужденія академическаго собранія и чтобъ президентъ не апробовалъ ничего того, что̀ канцелярія безъ согласія собраній будетъ представлять ему, просилъ Шувалова замолвить слово президенту и ожидалъ какъ отъ Разумовскаго, такъ и отъ Ивана Ивановича «скорой наукамъ помощи» (301). Вслѣдствіе жалобъ Ломоносова, не смотря на хорошія отношенія Ивана Шувалова къ младшему Разумовскому, стали при дворѣ поговаривать объ излишествахъ, недостаткахъ и непорядкахъ Академіи, и президентъ услышалъ непріятныя тамъ рѣчи о своемъ правленіи (302). Слѣдствіемъ этихъ непріятныхъ рѣчей было учрежденіе, по приказанію президента, компаніи, въ которой засѣдали: Шумахеръ, Ломоносовъ, Штелинъ и Миллеръ, «для отрѣшенія излишествъ» отъ Академіи (303). Компанія однако ни къ чему не повела: «съ одного конца Академію хотятъ починивать, а съ другаго портятъ,» отзывался Ломоносовъ Шувалову (304). Кромѣ того президентъ предписалъ Шумахеру всѣ рѣчи, говоренныя академическими студентами, собрать и напечатать на русскомъ языкѣ, и рѣчи читанныя впредь академическими студентами точно также печатать, «ибо сіе въ публикѣ будетъ доказательствомъ происходящимъ въ университетѣ успѣхамъ.» Наконецъ Разумовскій горячо взялся за изданіе русскаго журнала при Академіи. Журналъ этотъ долженъ былъ называться «Санктъ-Петербургскія ежемѣсячныя примѣчанія;» изданіе его поручалось Мюллеру, и онъ долженъ былъ выходить въ 2000 экземплярахъ (305). Ломоносовъ немедля раскритиковалъ заглавіе, объявивъ, что ежели назвать книгу «Санктпетербургскими штапами, то сіе таковожь прилично будетъ» (306). Начались опять споры и непріятности; наконецъ 1-ая книжка журнала вышла въ 1755 году подъ именемъ: «Ежемѣсячныхъ Сочиненій.» Разумовскій особенно интересовался своимъ

---

(300) Билярскій, Матеріалы 229. — (301) Тамъ же 230.

(302) Тамъ же 070. — (303) Тамъ же.

(304) Тамъ же 261. — (305) Тамъ же 46.

(306) Пекарскій. Редакторъ, Сотрудникъ и Цензоръ въ Русскомъ журналѣ 1755 - 1764. (Прилож. къ XII т. Зап. Имп. Ак. Наукъ 5).

твореніемъ и когда въ статьяхъ являлись «нѣкоторыя сумнительства,» самъ лично въ бытность свою въ Петербургѣ разрѣшалъ ихъ (307). По случаю повелѣнія исправить всѣ штаты, регламентъ Академіи былъ снова разсмотренъ въ общемъ профессорскомъ собраніи, тутъ дѣло чуть не дошло до драки между Тепловымъ и Ломоносовымъ, вслѣдствіе чего послѣднему запрещено было присутствовать въ профессорскомъ собраніи, но благодаря заступничеству Ивана Ивановича Шувалова, отрѣшеніе это было объявлено недѣйствительнымъ (308).

Весною 1754 года дворъ изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ. За дворомъ послѣдовалъ и гетманъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Онъ снова поселился въ хоромахъ своихъ на Мойкѣ (309), тогда еще деревянныхъ и снова сталъ принимать у себя все петербургское общество. Зима съ 1754 на 55 годъ была одна изъ самыхъ блестящихъ славившагося празднествами царствованія Елизаветы. По случаю рожденія Великаго Князя Павла Петровича, при дворѣ были безпрестанные пріемы. Частные люди съ своей стороны старались не отставать отъ двора и на перерывъ другъ передъ другомъ устроивали у себя обѣды, балы, маскарады и прочіе праздники съ иллюминаціями и фейерверками (310). Между ними особенно отличались роскошью своею праздники Разумовскихъ. Алексѣй Григорьевичъ принималъ дворъ то въ Аничковскомъ дворцѣ Государыни, то въ Цесаревиномъ домѣ, то на Приморской своей дачѣ, то въ Мурзинкѣ, то въ Гостилицахъ (311). Отъ старшаго брата не отставалъ и Кирила Григорьевичъ. Государыня часто посѣщала его балы и вечера, и иногда оставалась у него до 5-го часа утра (312). Столъ его славился по всему Петербургу, и поваровъ своихъ онъ выписывалъ изъ Парижа.

---

(307) Тамъ же 8.

(308) Билярскій. Матеріалы 071.

(309) Reimers, S. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts II, 177 и Георги, Описаніе С. Петербурга, 101. Домъ этотъ, купленный въ 1797 году казною у гетмана за 300,000 рубл. асс. подъ воспитательный домъ, находится на Мойкѣ недалеко отъ Полицейскаго моста близь дома графа Строганова. Сосѣдній съ нимъ домъ (ближе къ Красному мосту) принадлежавшій сперва банкиру Штегельману, потомъ князю Орлову, потомъ казнѣ (въ немъ жилъ графъ Ангальтъ) и наконецъ графу Бобринскому, купленъ былъ отъ него съ тою же цѣлію въ 1798 году.

(310) Mémoires de Catherine II, 227.

(311) Камер-фур. журналъ 1755 и 56 г.г.

(312) Тамъ же.

Между бумагами младшаго Разумовскаго находимъ нижеслѣдующее письмо отъ Бехтѣева, отправленнаго въ Парижъ тайнымъ агентомъ Русскаго правительства ([313]), но, какъ кажется, занимавшагося болѣе исполненіемъ разныхъ коммиссій для петербургскихъ придворныхъ, чѣмъ политическими дѣлами ([314]).

Сіятельнѣйшій графъ, Милостивый Государь.

По приказу В. С., Григорій Николаевичъ писалъ ко мнѣ о принятіи здѣсь для дома вашего повара или chef de cuisine, а паче всѣхъ стараться склонить къ тому извѣстнаго Баріота ([315]), бывшаго гофмейстеромъ маркиза Шетордія. Сей человѣкъ охотно въ службу къ В. С. идетъ. Изъ приложенной при семъ записки, которую онъ мнѣ подалъ, изволите милостиво усмотрѣть, чего онъ требуетъ, полагаясь впрочемъ на щедроту вашу, что касается до жалованья. Я думаю, что онъ будетъ доволенъ тремя стами рублями. Нижайше В. С. прошу приказать меня увѣдомить о соизволеніи вашемъ, дабы сей человѣкъ напрасно здѣсь время не пропускалъ и послѣ бы какихъ претензій дѣлать не сталъ, какъ то обыкновенно отъ нихъ бываетъ. Впрочемъ прошу нижайше о продолженіи мнѣ высокой вашей милости, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего сіятельства всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга. Ѳедоръ Бехтѣевъ.

Изъ Парижа. Въ 9-е Декабря 1756 ([316]).

Что графъ Кирила Григорьевичъ былъ охотникъ полакомиться, тому служитъ еще доказательствомъ слѣдующее письмо отъ Новгородскаго архимандрита Іоасафа:

Высокосіятельнѣйшій графъ, ясновельможный и высокоповелительный господинъ, милостивый государь и патронъ.

Убогій монахъ, недостойный землякъ вашему высокографскому сіятельству, нижайше челомъ бью. О внутреннемъ моемъ къ высокографской персонѣ вашей искреннѣйшемъ усердіи и почтеніи засвидѣтельствуетъ

([313]) Hermann, Gesch. des Russ. St. V, 134.

([314]) Русскій Архивъ 1864 г. 276.

([315]) Маркизъ де ла Шетарди пріѣхалъ въ Россію съ огромною свитою; при немъ было 12 молодыхъ людей состоявшихъ при его миссіи, секретарь посольства, 6 духовныхъ лицъ, частный секретарь и 50 человѣкъ прислуги, между которой было 5 поваровъ, подъ главнымъ смотрѣніемъ кухмистера Баріота или Барридо (Barrideau), который, какъ говорили современники, искусствомъ превосходилъ знаменитаго Дюваля, главнаго повара Фридриха Великаго. Ла Шетарди съ собою привезъ 100,000 бутылокъ вина, изъ которыхъ было 16,800 бутылокъ Шампанскаго. Съ этихъ поръ Шампанское стало входить въ общее употребленіе, а со времени Екатерины II стали на банкетахъ его пить при тостахъ. До Екатерины при здоровьяхъ пили Венгерское вино.

([316]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

совершеннѣе Богъ и самая моя совѣсть, нежели сіе малое и подлое письмецо. Я при семъ возимѣлъ дерзновеніе послать къ столу вашего высокографскаго сіятельства новгородской особливой рыбки, подборныхъ сто сиржей, которые если милостиво приняты будутъ, то я себя счастливымъ признавать имѣю; а нынѣ до конца жизни моей пребываю съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ вашей ясновельможности временныхъ и вѣчныхъ благъ всеусердно желающій богомолецъ и нижайшій слуга. Антоніева монастыря Римлянина архимандритъ и Новгородской семинаріи ректоръ Іоасафъ.

Съ Новгорода 1754 году Августа 8 дня ([317]).

Но «средь винъ, сластей и ароматъ» Кирила Григорьевичъ не забывалъ всего на свѣтѣ. Утонченныя блюда, приготовляемыя французскими поварами и вкусныя особливыя рыбки не предлагались однимъ только избраннымъ и знакомымъ пріятелямъ. У Разумовскаго былъ всегда открытый столъ, куда могли являться званые и незваные. Правомъ этимъ воспользовался однажды бѣдный офицеръ, жившій по тяжебнымъ дѣламъ въ Петербургѣ и лишенный всякаго способа къ пропитанію. Каждый день обѣдывалъ онъ у гетмана и, привыкнувъ наконецъ къ дому, взошелъ однажды послѣ обѣда въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ графъ игралъ, по обыкновенію, съ пріятелемъ въ шахматы. Разумовскій сдѣлалъ ошибку въ игрѣ, офицеръ не могъ удержать восклицанія. Гетманъ остановился и спросилъ у бѣдняка въ чемъ состояла ошибка. Сконфуженный офицеръ указалъ на промахъ графа. Съ тѣхъ поръ Разумовскій, садясь играть, всегда спрашивалъ «гдѣ мой учитель.» Но однажды учитель не пришелъ къ обѣду — гетманъ велѣлъ навести справки, почему его не было. Съ трудомъ дознались, кто былъ незваный гость графа. Несчастный былъ боленъ и въ крайности. Разумовскій отправилъ къ нему своего доктора, снабжалъ его лекарствами и кушаніями, и послѣ выздоровленія помогъ ему выиграть тяжбу и наградилъ деньгами ([318]).

Другой разъ у гетмана обѣдалъ Австрійскій посолъ, графъ Эстергази, и показывалъ за столомъ богатую табакерку, подаренную ему Государыней. Всѣ ею любовались, и табакерка обошла вокругъ всего огромнаго стола. Подъ конецъ обѣда посолъ захотѣлъ понюхать табаку; онъ

([317]) Изъ архива гр. А. С. Уварова.

([318]) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи III, примѣч. къ стр. 77—78.

сталъ искать табакерку и не находилъ ея. Всѣ присутствующіе, изъ которыхъ многіе были вовсе незнакомы хозяину, поставлены были этимъ въ самое непріятное положеніе. Посолъ сталъ намекать на то, что табакерка украдена. Гетманъ тогда всталъ, перевернулъ свои карманы и громко сказалъ: «господа, я подалъ добрый примѣръ, надѣюсь, что всѣ ему послѣдуютъ и такимъ образомъ успокоятъ господина посла.» Всѣ бросились подражать графу, одинъ только бѣдно одѣтый старичекъ, сидѣвшій на отдаленномъ концѣ стола, отказался отъ этого и со слезами на глазахъ объявилъ, что желаетъ на единѣ объясниться съ гетманомъ. Разумовскій вышелъ въ сосѣднюю комнату, за нимъ послѣдовалъ гость его, на котораго со всѣхъ сторонъ устремились косые взгляды. Когда хозяинъ и старикъ очутились на единѣ, послѣдній сказалъ: «Ваше сіятельство, я въ крайней бѣдности и единственно прокармливаю себя и семейство свое вашими обѣдами; мнѣ стыдно было въ этомъ признаться передъ всѣми гостями, не взыщите на меня: я честный человѣкъ и живу трудами своими.» При этомъ онъ сталъ вынимать разную провизію изъ кармановъ. Въ эту минуту пришли сказать, что табакерка нашлась у посла: она провалилась между кафтаномъ и подкладкой. Бѣдняку гетманъ назначилъ пожизненный пенсіонъ (319).

Въ 1754 году часть индуктнаго сбора, приходившагося на долю гетмана, у него была отнята по распоряженію Сената, но указомъ отъ 15 Мая 1755 года Государыня повелѣла по «высочайшей своей особливой милости выдавать Малороссійскому гетману графу Разумовскому ежегодно по 50 тысячъ рублей изъ собираемыхъ въ Малой Россіи пограничными таможнями тарифной и 30 копѣечной пошлины, производя сію дачу по третямъ года, начавъ оную съ 1-го Сентября прошлаго 1754 года» (320). Какъ видно, Разумовскому содержаніе штата въ Глуховѣ стоило не малаго, потому что, не смотря на эту милость, онъ еще просилъ взаймы 60,000 рублей. Вслѣдствіе этой просьбы, отъ 4 Октября 1756 года Государыня предписала Сенату: «выдать Малороссійскому гетману графу Разумовскому 60,000 рублей, которые изъ опредѣленной ему по пятидесяти тысячъ повсегодной изъ таможенъ суммы вычитать черезъ три года, всякій годъ по 20,000 рублей, начиная съ перваго Января настоящаго 1756 года» (321).

(319) Изъ семейныхъ преданій.

(320) Изъ бумагъ Государственнаго Архива. — (321) Оттуда же.

Указомъ отъ 17 Января 1756 года, состоявшимся по прошенію Разумовскаго, всѣ дѣла малороссійскія были перенесены изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Сенатъ ([322]). Такимъ образомъ гетманъ сталъ зависѣть отъ первой въ государствѣ инстанціи. Въ этой мѣрѣ нельзя не видѣть перваго шага къ уравненію Малороссіи съ остальными частями Имперіи. Гетманъ здѣсь явно дѣйствовалъ по побужденію Теплова. Григорій Николаевичъ, породнившійся третьимъ бракомъ своимъ на Матренѣ Герасимовнѣ Стрѣшенцевой, сестрѣ генеральнаго обознаго Кочубея, съ гетманомъ, сталъ думать о томъ, что̀ можетъ произойти, ежели бы, паче чаянія, старшій Разумовскій былъ удаленъ отъ двора. Онъ, ежели не ошибаемся, уже исподоволь готовился къ переходу въ противный лагерь, или по крайней мѣрѣ заранѣе такъ обставлялъ свои дѣла, чтобы отъ какой либо внезапной перемѣны не пострадать, какъ было во времена оны, когда онъ состоялъ при Волынскомъ. Этимъ объясняется записка Теплова «О непорядкахъ въ Малороссіи» ([323]), гдѣ онъ старается выставить передъ императрицей Елизаветой Петровной аномалію тогдашняго состоянія Украйны и вредъ, который отъ этого претерпѣвала казна. Въ каждой строкѣ записки этой проведена мысль о необходимости радикальныхъ перемѣнъ въ Малороссіи и о уравненіи правъ ея съ правами остальныхъ частей Имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой мысли было много вѣрнаго, но въ тоже время нельзя не замѣтить, что записка эта дѣлаетъ мало чести Теплову. Будь бумага эта представлена Разумовскому, дѣло было бы другое, но она готовилась къ подачѣ Государынѣ и, судя по тону, съ какимъ говорится о послѣднемъ гетманѣ, помимо его. Такимъ образомъ она отзывается скорѣе доносомъ, чѣмъ стремленіемъ ко благу Малороссіи. Но предусмотрительность Теплова была преждевременна. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, правда, съ тѣхъ поръ какъ Шуваловы окончательно вошли въ милость, ни въ какія дѣла болѣе не вмѣшивался, по крайней мѣрѣ открыто, и только изрѣдка, когда представлялся случай, ходатайствовалъ за своихъ родственниковъ и друзей ([324]), но все таки Императрица не оставляла его своими милостями. Такъ племянникъ его Михайло Власіевичъ Будлянскій, воспитанный вмѣстѣ съ извѣстнымъ образованностью своею графомъ Яковомъ Ефимови-

---

([322]) Зап. Марковича, II, 335.

([323]) Кулишъ. Записки о Южной Россіи, II, 171.

([324]) Mém. de Cath. II.

чемъ Сиверсомъ ([325]), былъ пожалованъ камергеромъ ко двору Наслѣдника; другой племянникъ Дараганъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ ([326]). Племянницы — Марина и Софья Осиповны Закревскія и Софья Ефимовна Дараганъ были взяты фрейлинами ко двору, а двоюродные племянники Петръ и Василій Ивановичи Разумовскіе, воспитанные въ кадетскомъ корпусѣ, пожалованы первый—Нѣжинскимъ, а второй—Гадячскимъ полковниками; къ тому же второй нѣсколько позднѣе произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ егермейстеромъ ([328]).

Въ 1756 году ([329]) Государыня подарила старшему Разумовскому, построенный по ея приказанію въ 1748 году ([330]) графомъ Растреллiемъ, Аничковскій дворецъ. Дворецъ этотъ, весьма великій, стоялъ въ тѣ времена на открытомъ мѣстѣ; онъ былъ въ три этажа и имѣлъ совершенно простой фасадъ. На улицу выходилъ на сводахъ висячій садъ, равный ширинѣ дворца. Дворцовый садъ въ видѣ неправильнаго четырехугольника простирался до Садовой улицы. Въ саду находилось камен-

---

([325]) Blum, Ein Russischer Staatsmann IV. Будлянскій умеръ въ 1790-хъ годахъ.

([326]) Камеръ-фурьерскій журналъ, 1755 г.

([327]) Тамъ же, 1756, 57 и 58 годовъ

([328]) Въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ 1759 г. между дамами, приглашенными ко двору, встрѣчаемъ: „егермейстершу Разумовскую.“ Такъ какъ кромѣ Петра и Василія Ивановичей не было другихъ не титулованныхъ Разумовскихъ и одинъ Василій былъ женатъ, то это несомнѣнно жена его. Александра Ѳедоровна, рожденная графиня Апраксина (она была сестрою графа Петра Ѳедоровича Апраксина, женившагося, какъ мы увидимъ далѣе, на дочери гетмана.). Гельбихъ (Russ. Günst). 214) упоминаетъ еще о двухъ дѣвицахъ Разумовскихъ, изъ которыхъ одна вышла за мужъ за бригадира Деденова (Dedenaw), человѣка съ весьма страннымъ и въ обществѣ неуживчивымъ (für die Gesellschaft ganz unbrauchbaren Charakter) характеромъ.“ О нихъ мы ничего не знаемъ, онѣ вѣроятно были сестры предыдущихъ.

([329]) Въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ 1755 года, Аничковскій дворецъ называется еще „Аничковскимъ Ея Императорскаго Величества дворцомъ;“ а въ 1757 уже просто „Аничковскимъ домомъ.“ До 1756 г. онъ отдавался разнымъ лицамъ для праздниковъ, такъ напримѣръ тамъ принималъ Государыню и дворъ Австрійскій посолъ графъ Эстергази (Камеръ-фурьерскій журналъ 1755 года).

([330]) Георги въ Описаніи говоритъ, что Аничковскій дворецъ выстроенъ въ 1744 году, а Reimers (Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts) въ 1748 году; придерживаемся послѣдняго показанія.

ное зданіе въ одинъ этажъ, въ которомъ помѣщена была картинная галлерея графа ([331]). Уже въ первые годы своего царствованія Елизавета подарила Разумовскому дворецъ, въ которомъ она жила до восшествія своего на престолъ, и который былъ извѣстенъ подъ названіемъ Цесаревичнаго дворца. Онъ находился на Царицыномъ лугу не далеко отъ Милліонной, близь дома принадлежавшаго графу Лестоку, а потомъ подареннаго фельдмаршалу Апраксину, на мѣстѣ нынѣшнихъ Павловскихъ казармъ и дома принца Ольденбургскаго. Замѣчательно, что ни жалованныхъ грамотъ, ни указовъ на пожалованіе этихъ двухъ дворцовъ не было. На Цесаревичнъ дворецъ былъ указъ словесный, записанный въ собственной канцеляріи Императрицы. Послѣ смерти брата, графъ Кирила Григорьевичъ обратился къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою о грамотѣ на имѣнія его, вопросъ же о собственности дворцевъ передавалъ на монаршее благоволеніе. Государыня въ жалованной грамотѣ. выданной графу Кирилѣ, объявляла: «Мы сами при томъ были, когда государыня Елисавета Петровна покойному графу Аничковскій домъ пожаловала. Утверждаемъ всѣ вотчины, также Крестовскій островъ, Приморскій дворъ, Аничковскій и Царевичинскій домы и пр....» ([332]). Елизавета Петровна любила посѣщать Аничковскій домъ, хотя графъ Алексѣй Григорьевичъ продолжалъ по прежнему жить при ней во дворцѣ; часто ѣзжала она туда къ обѣднѣ ([333]) и постоянно, покамѣстъ здоровье ей позволяло, праздновала тамъ именины своего тайнаго супруга. Наконецъ 5-го Сентября 1756 года, въ день своего тезоименитства, Государыня пожаловала Алексѣя Григорьевича, въ одно время съ княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, графомъ Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ и Степаномъ Ѳеодоровичемъ Апраксинымъ, въ генералъ-фельдмаршалы. Преданіе гласитъ, что Елизавета уже давно собиралась возвысить Разумовскаго въ это званіе, но скромный Малороссіянинъ всегда отъ него отказывался; наконецъ, когда указъ былъ подписанъ, онъ сказалъ ей: «Государыня, ты можешь меня назвать фельдмаршаломъ, но никогда не сдѣлаешь изъ меня даже порядочнаго полковника. Смѣхъ да и только!»

([331]) Тамъ же стр. 108.

([332]) Жалованная грамота отъ 1784, изъ архива гр. А. С. Уварова.

([333]) Камеръ-фур. журналы 1757, 58, 59 и 60 годовъ.

Въ то время, какъ въ Петербургѣ весело праздновали рожденіе Великаго Князя Павла Петровича и тайные замыслы Бестужева и Екатерины черезъ рожденіе это получали новую силу, событія на Западѣ быстро шли впередъ. Европа, умиротворенная Ахенскимъ конгрессомъ, снова грозила загорѣться всеобщею войною. Бестужевъ справедливо гордился Ахенскимъ миромъ и вполнѣ имѣлъ право смотрѣть на него какъ на свое твореніе. Ахенскій конгрессъ состоялся, благодаря появленію на Рейнѣ Русскаго 30,000-аго корпуса, содержимаго Англіею и Нидерландами. Россія, не тратя ни людей, ни денегъ, вдругъ заняла въ Европѣ первое мѣсто. Дружбы ея домогались первенствующія державы. Но на самомъ дѣлѣ Ахенскій конгрессъ не рѣшилъ ни одного изъ вопросовъ, волновавшихъ Европу. Вражда между Пруссіею и Австріею не ослабѣвала, и обѣ державы только выжидали случая помѣрить силы свои на полѣ битвъ. Это было скорѣе перемиріе, чѣмъ что другое. Вѣрный преданіямъ Петра Великаго и своего недруга Остермана, Бестужевъ, съ самаго начала царствованія Елизаветы, держался, какъ мы видѣли, союза съ Австріею. Съ Вѣнскимъ дворомъ былъ заключенъ договоръ, по которому обѣ державы обязывались, въ случаѣ нападенія на владѣнія одной изъ нихъ, выставить 30,000 корпусъ на помощь союзницы. Въ тоже время Бестужевъ искалъ союза и съ Англіею, къ которой былъ привязанъ лучшими воспоминаніями юности. Отъ Пруссіи и Франціи отдаляли его какъ интересы Россіи, такъ и личная вражда къ Фридриху II-му и Версальскому кабинету, столь долго и неутомимо, черезъ Мардефельда, Ла-Шетарди и Лестока, трудившихся надъ его паденіемъ. Тройственнымъ союзомъ между Россіею, Англіею и Вѣнскимъ дворомъ канцлеръ думалъ удержать statu quo въ Европѣ и помѣшать новому пролитію крови. Изъ Англіи, съ цѣлію заключить тѣсный союзъ, отправленъ былъ въ Россію сиръ Ганбюри-Виліамсъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ политиковъ того времени. Но Императрица не скоро рѣшалась закончить какое либо дѣло. Мѣсяцы текли за мѣсяцами въ нерѣшимости и бездѣйствіи, и въ то время какъ подписаніе союза съ Англіею откладывалось со дня на день, въ Европѣ произошла внезапная перемѣна, которой никто не ожидалъ и не предвидѣлъ и которая спутала соображенія самыхъ искусныхъ дипломатовъ, а между ними и Бестужева. Льстивыя письма Маріи Терезіи ко всемогущей маркизѣ де Помпадуръ измѣнили всю политику Версальскаго двора, а кстати и ловко употребленное выраженіе: «ma cousine» стерло тѣ кро-

вавыя воспоминанія, которыя, казалось, на вѣкъ должны были отдѣлить Францію отъ Вѣнскаго кабинета. Освященныя вѣками, преданія Генриха IV, Лудовика XIII и Людовика XIV были забыты; Франція протянула руку своему историческому врагу и, забывъ недавнюю связь съ Пруссіею, открыто выступила противъ Фридриха Великаго. Австрія, Франція и большая часть Германіи соединились въ одно; на сторонѣ Пруссіи оставалась одна только Англія. При такомъ неожиданномъ переворотѣ, Бестужевъ, болѣе чѣмъ когда либо, стремился къ союзу съ Сен-Джемскимъ дворомъ. Союзъ этотъ могъ парализировать прежній договоръ съ Австріею и спасти Россію отъ пагубной войны. Бестужевъ рѣшился на всякій случай двинуть войска къ границѣ и на готовѣ выжидать удобнаго случая вмѣшаться въ дѣла Европы, не теряя ни людей, ни денегъ. Къ несчастію Бестужева и столь многихъ Русскихъ, павшихъ на равнинахъ Пруссіи, перемѣна въ Европейской политикѣ произошла въ то время, когда положеніе великаго канцлера при дворѣ со дня на день становилось болѣе критическимъ. Не смотря на всѣ свои огромные недостатки, на корыстолюбіе, неразборчивость средствъ для достиженія своихъ цѣлей, на крайнее честолюбіе и пр., и пр., и пр., Бестужевъ все таки оставался на 16-мъ году царствованія Елизаветы тѣмъ, чѣмъ былъ при началѣ его, т. е. единственнымъ человѣкомъ способнымъ управлять кормиломъ государства среди волненій внѣшней политики. Съ большою опытностью въ дѣлахъ дипломатическихъ онъ соединялъ рѣдкія познанія и несомнѣнно желалъ величія Россіи, хотя иногда любовь къ родинѣ подчинялъ личнымъ выгодамъ. Теперь, когда труднѣе чѣмъ когда нибудь было управленіе дѣлами государственными, Бестужевъ долженъ былъ непрестанно бороться съ сильными противниками, на каждомъ шагу натыкаться на подкопы и интриги и видѣть, какъ сокрушалось подъ мѣткими ударами враговъ зданіе его политики, съ такимъ трудомъ и терпѣніемъ возведенное.

Съ другой стороны вліяніе Шуваловыхъ дошло до высшей степени. Иванъ Ивановичъ, открытый любимецъ Государыни, былъ всемогущъ, но вліяніе свое онъ по мѣрѣ силъ употреблялъ на пользу отечества, забывая о себѣ и довольствуясь личнымъ расположеніемъ Государыни. За то двоюродные его братья быстро достигли высшихъ государственныхъ почестей. Оба были уже Андреевскими кавалерами и графами; изъ нихъ графъ Александръ Ивановичъ, по смерти графа Ушакова, назначенъ былъ началь-

никомъ страшной тайной канцеляріи, а графъ Петръ Ивановичъ, настоящая глава всей Шуваловской партіи, въ 1756 году получилъ мѣсто генералъ фельдцейгмейстера. Благодаря женѣ своей графинѣ Маврѣ Егоровнѣ, нѣкогда любимой камерфрау, а теперь всемогущей наперсницѣ Государыни, и двоюродному брату, часто, но къ сожалѣнію всегда безуспѣшно старавшемуся освободиться изъ подъ его опеки, успѣлъ графъ Петръ Шуваловъ завладѣть довѣренностью Елизаветы Петровны. Безпрестанные недуги ослабили нервы Императрицы: ей постоянно приходила на умъ первая ночь ея царствованія, и она опасалась, чтобы съ ней не поступили точно такъ, какъ нѣкогда поступила она съ несчастной Анной Леопольдовной. Этимъ настроеніемъ ловко воспользовался графъ Шуваловъ; онъ старался еще болѣе усилить боязнь Государыни, увѣрялъ ее, что она окружена тайными недоброжелателями, готовыми на всякое преступленіе, и наконецъ ему вполнѣ удалось убѣдить больную и слабѣющую Императрицу въ томъ, что одинъ онъ въ состояніи оградить ее отъ дѣйствія скрытыхъ враговъ. Въ этомъ состояла главная сила его при дворѣ. Безъ всякой подготовки къ дѣламъ государственнымъ, лишенный образованія и познаній, крайне самонадѣянный, Шуваловъ на самомъ дѣлѣ способенъ былъ только къ однимъ мелкимъ придворнымъ интригамъ; но, слишкомъ тщеславный и честолюбивый, онъ, не смотря на всю свою несостоятельность, стремился къ достиженію исключительнаго вліянія на дѣла и хотѣлъ стать во главѣ управленія. Не имѣя никакой опытности въ вопросахъ дипломатическихъ, незнакомый съ тайными пружинами Европейскихъ кабинетовъ, никогда не бывавшій на войнѣ и кое-какъ знавшій службу, онъ однако ни передъ чѣмъ не останавливался: брался и за составленіе новаго уложенія, и за финансовые вопросы, и за управленіе политикой Русскаго двора, и за выдумку гаубицъ, и за учрежденіе военнаго строя. Достигнувъ почти исключительнаго вліянія, онъ, еще недавно съ покорностью склонявшій спину подъ батогами всемогущаго Разумовскаго, сдѣлался теперь самымъ гордымъ временщикомъ двора Елизаветы. Даже многочисленные его кліенты, запрудившіе всѣ отрасли управленія, были надменности невыносимой. Не менѣе Бестужева падкій къ деньгамъ, Шуваловъ набивалъ свои карманы трудовою копѣйкою народа, тогда какъ канцлеръ исключительно наживался деньгами, получаемыми отъ иностранныхъ державъ. Разумѣется, всѣ дѣйствія Шувалова носили отпечатокъ мелкости его способностей. Все дѣлалось наскоро, кое-какъ, безъ системы и логики.

Какъ при Петрѣ были у насъ въ модѣ Голландцы, при Екатеринѣ I и Аннѣ Ивановнѣ Нѣмцы, такъ теперь при Елизаветѣ, со временъ де-ла-Шетарди, въ ходъ пошли Французы. Пышные праздники, блестящая свита и звонкія фразы Французскаго посла сдѣлали глубокое впечатлѣніе на поверхностныхъ людей, а между ними и на П. И. Шувалова. Все французское стало въ модѣ при дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ, французскій языкъ быстро вошелъ въ общее употребленіе. Къ сожалѣнію, въ этомъ слѣпомъ пристрастіи грѣшенъ былъ и Иванъ Ивановичъ, находившійся въ дѣятельной перепискѣ съ Вольтеромъ, который писалъ тогда, по заказу двора нашего, исторію Петра Великаго. Благодаря этому настроенію высшаго общества, графъ Петръ Ивановичъ сталъ открытымъ сторонникомъ Франціи; тѣсный союзъ съ Версальскимъ дворомъ сдѣлался любимою мечтою его. Не разбирая, выгоденъ ли союзъ этотъ для Россіи и какія будутъ отъ него послѣдствія, онъ сталъ всячески, безъ вѣдома Бестужева, стремиться къ осуществленію своей цѣли. Благодаря его проискамъ, отправленъ былъ Бехтѣевъ, довольно впрочемъ ничтожный человѣкъ, тайнымъ агентомъ въ Парижъ. Со стороны Франціи явились въ Петербургъ извѣстный Шевалье или вѣрнѣе «*шевальерша*» д'Эонъ и Шевалье Макензи-Дугласъ. Послѣдній, человѣкъ ловкій и хитрый, вскорѣ сталъ домашнимъ человѣкомъ у Шуваловыхъ и Воронцова и, не имѣя собственно никакого оффиціальнаго положенія при Русскомъ дворѣ, успѣлъ снова завести дипломатическія сношенія между Россіею и Франціею и подготовить путь къ пріѣзду посла маркиза Лопиталя. Бестужевъ долгое время не вѣрилъ успѣху своихъ противниковъ, слѣпо полагался на свое счастье и слишкомъ поздно сталъ думать о добытіи себѣ союзниковъ. Онъ надѣялся, что вліяніе старшаго Разумовскаго, благодаря брачному союзу соединившему послѣдняго съ Императрицей, не оскудѣетъ во все ея царствованіе; но Алексѣй Григорьевичъ отказался теперь отъ всякаго, даже косвеннаго, вмѣшательства въ дѣла управленія. Австрійскій посолъ графъ Эстергази, нѣкогда лучшій другъ канцлера, сталъ требоватъ не только исполненія договора, но еще и того, чтобы Россія всѣми силами своими помогала Маріи Терезіи. Скоро понялъ онъ, что отъ Бестужева ожидать ему нечего, перешелъ на сторону Шуваловыхъ и Воронцова, и изъ пріятеля сдѣлался злѣйшимъ врагомъ канцлера. Барона Черкасова, добраго помощника и совѣтника, не было уже въ живыхъ. На сторонѣ Бестужева оставалась одна только Великая Княгиня, но на нее онъ разсчитывалъ

для будущаго, а въ настоящемъ ея положеніи она могла мало принести ему пользы. Екатерина принуждена была скрывать сочувствіе свое къ канцлеру, которое могло, въ случаѣ, если слухи о немъ дошли бы до Императрицы, сильно повредить и ей и Бестужеву. Противъ Шуваловыхъ могла она дѣйствовать только орудіями свѣтской женщины. Она на каждомъ шагу выказывала имъ глубочайшее презрѣніе, отыскивала ихъ смѣшныя стороны и преслѣдовала ихъ своими насмѣшками и сарказмами, которые повторялись по всему городу. Графы Шуваловы своею нетерпимою гордостью успѣли нажить себѣ много недоброжелателей, поэтому всякій охотно смѣялся и передавалъ знакомымъ колкости Великой Княгини. Кромѣ всего этого Екатерина болѣе чѣмъ когда нибудь ласкала Разумовскихъ, всегда впрочемъ ею особенно любимыхъ (334), и этимъ опять таки досаждала Шуваловымъ, такъ какъ послѣдніе, по ея свидѣтельству, были въ описываемое нами время открытыми недоброжелателями графовъ Алексѣя и Кирилы Григорьевичей (335). Императрица все продолжала хворать, и царедворцы ясно видѣли, что едвали можно было надѣяться на ея выздоровленіе. Такимъ образомъ прошли 1755 и 56 годы. Со всѣхъ сторонъ готовились къ войнѣ; Бестужевъ не переставалъ надѣяться, что, по крайней мѣрѣ для Россіи, до открытой войны дѣло не дойдетъ и, вѣрный своему плану, выдвинулъ къ границамъ войско подъ начальствомъ фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина, лучшаго своего друга, находившагося тоже въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Противъ выбора главнокомандующаго не возстали Шуваловы, ибо дочь Апраксина, княгиня Елена Степановна Куракина, находилась въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Петромъ Ивановичемъ. Апраксину Бестужевъ предписалъ всячески избѣгать столкновенія съ Пруссаками и какъ можно медленнѣе подвигаться къ границамъ, а самъ съ новымъ рвеніемъ сталъ бороться съ врагами внутренними, трудиться надъ своимъ планомъ объ удаленіи Великаго Князя отъ престолонаслѣдія и хлопотать о заключеніи тѣснаго союза съ Англіею.

Военныя приготовленія отозвались и въ Малороссіи. Уже въ 1754 году 200 Запорожцевъ выступили изъ Сѣчи для прикрытія Елизавет-

---

(334) Mém. de Cath. II. 229.
(335) Тамъ же 422.

града отъ нечаянныхъ нападеній Татаръ, а въ слѣдующемъ году, по случаю смерти султана Махмуда I, войска казацкія были усилены на границахъ ([336]). Теперь 5000-ный отрядъ былъ назначенъ для выступленія къ Прусскимъ границамъ подъ начальствомъ генеральнаго есаула Якубовича; однако вслѣдствіе представленій гетмана, выступили только 1000 человѣкъ подъ командою Якубовича, Прилуцкаго полковника Галагана и обозныхъ полковыхъ: Стародубскаго — Скаруна и Кіевскаго — Солонины. При отрядѣ этомъ состоялъ тоже бригадиръ Капнистъ ([337]). Кромѣ того 8000 посполитовъ или крестьянъ отправлены были къ арміи, чтобы исправлять должность погонщиковъ.

Не смотря на близость войны или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе ея, гетманъ все оставался въ Петербургѣ и вовсе не спѣшилъ отъѣздомъ въ Украйну. Наконецъ изъ Конференціи сообщено ему было высочайшее приказаніе ѣхать въ Малороссію. Гетманъ тогда обратился къ Государынѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

Всепресвѣтлѣйшая и проч.

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, дабы мнѣ въ Малую Россію немедленно отъѣхать, мнѣ объявлено изъ Конференціи, по которому и отправлюсь туда съ поспѣшеніемъ. Но при отъѣздѣ моемъ дерзновеніе пріемлю всеподданнѣйше просить милосердымъ окомъ воззрѣть на обстоятельства моей опечаленной теперь фамиліи. Беременная моя почти уже на сносѣхъ жена съ восемью малолѣтними ([338]) и по большей части больными дѣтьми въ такомъ состояніи теперь, что мнѣ ихъ съ собою взять, какъ для холодовъ наступившихъ, такъ и для дальняго пути, и помыслить невозможно; а оставить къ приближающимся родамъ одну её съ столь многочисленною и малолѣтнею фамиліею любовь и самое человѣколюбіе воспрещаетъ, да и Вашего Императорскаго Величества благоутробіе и милосердіе къ роду человѣческому того учинить великодушно не дозволитъ. Того ради съ глубочайшимъ моимъ раболѣпствомъ всеподданнѣйше прошу повелѣть мнѣ здѣсь еще остаться, доколѣ жизнь жены моей изъ страху выйдетъ, дабы я, оставя её въ такомъ опасномъ состояніи, не восчувствовалъ иногда въ отдаленіи осиротѣнія моихъ малолѣтнихъ дѣтей. Впрочемъ военныя обстоятельства зим-

---

([336]) Бант. Каменск. Ист. Малой Россіи. III. 203.

([337]) Тамъ же III. 204.

([338]) Графиня Екатерина Ивановна родила: въ 1753 г. — дочь гр. Дарью Кириловну (ум. въ малолѣтствѣ въ Москвѣ 1762 г.); въ 1754 г. — графиню Анну Кириловну; въ 1755 г. — дочь графиню Прасковью Кириловну.

нимъ временемъ въ Малой Россіи опасными быть не кажутся, а хотя бы что̀ и было сумнительно, то повѣренный тамъ генералитетъ и Малороссійская старшина, сколько мнѣ извѣстно, довольно о томъ предосторожности имѣть могутъ, да и подтвердить имъ, доколѣ я пріѣду, изъ своихъ командъ наистрожайше о томъ можно. Ежели Вашему Императорскому Величеству сіе мое всеподданнѣйшее и всекрайне нужное прошеніе неугодно явится, то я, не пріемля никакихъ о фамиліи моей размышленій, Божію предусмотрѣнію и Вашего Императорскаго Величества милосердому благопризрѣнію предавъ жену и всю малолѣтнюю мою при ней фамилію, отъѣду немедленно въ Малую Россію. На сіе ожидаю всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества милостивѣйшаго повелѣнія и есмь по гробъ Вашему Императорскому Величеству всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ, графъ Кирила Разумовскій (безъ числа) (339).

Прошеніе явилось угоднымъ: графъ получилъ разрѣшеніе оставаться въ Петербургѣ до родовъ жены. Она родила 8-го Января 1757 года сына Льва. 14 Февраля Государыня съ Наслѣдникомъ престола крестила новорожденнаго (340). Сейчасъ послѣ крестинъ, гетманъ съ Тепловымъ, новымъ генеральнымъ судьею Журманомъ и «прочими своими придворными» (341) отправился въ Глуховъ. Графиня Екатерина Ивановна съ дѣтьми и Матреною Герасимовною Тепловою осталась въ Петербургѣ. Въ Глуховъ гетманъ пріѣхалъ 2 Марта, тамъ ожидала его старушка-мать (342).

Осмотрѣвъ состояніе Малороссіи, гетманъ отправилъ къ Государынѣ слѣдующее донесеніе:

Всепресвѣтлѣйшая и проч. По всевысочайшему соизволенію Вашего Императорскаго Величества пріѣхалъ я въ Глуховъ сего Марта 2-го дня и все что всемилостивѣйше мнѣ ввѣрено отъ Вашего Императорскаго Величества по нынѣшнимъ военнымъ конъюнктурамъ осмотрѣлъ, съ крайнимъ моимъ усердіемъ и вѣрноподданническою вѣрностью. По исполненіи же того дерзновеніе пріемлю Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести, что Малая Россія во всѣхъ ея предѣлахъ, самодержавію Вашего Величества подвластныхъ. Богу благодареніе, находится въ вѣрноприсяжной своей должности, и никакихъ постороннихъ ниже подсылокъ, ниже какихъ либо сумнительствъ по сіе время нигдѣ и ни отъ кого не слышно, и не было. О чемъ собственно по моей рабской

(339) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.
(340) Камеръ-фурьерскій журналъ 1757 г.
(341) Записки Марковича. 343.
(342) Тамъ же

должности Вашему Императорскому Величеству доношу, и припадая къ стопамъ, есмь по конецъ жизни моей Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ Кирила Разумовскій.

Марта 17 дня 1757. Глуховъ (343).

Въ Глуховѣ впрочемъ Разумовскій оставался не долго, и безпрестанно посѣщалъ Батуринъ, гдѣ продолжались постройки и куда онъ призывалъ изъ Петербурга архитекторовъ, сперва извѣстнаго Кокоринова, а потомъ, когда оказалось, что ему нельзя было, какихъ-то Италіянцевъ. О дѣятельности гетмана въ это пребываніе его въ Глуховѣ имѣемъ мы мало свѣдѣній; о ней умалчиваетъ даже словоохотливый Марковичъ. Какъ видно однако изъ исторій Бантыша и Маркевича, въ этомъ году учреждена была по приказанію Разумовскаго особая коммиссія съ цѣлью выработать сводъ Малороссійскихъ правъ и вольностей, которыя дотолѣ были весьма неопредѣленны. Къ сожалѣнію, о дѣйствіяхъ коммиссіи мы ничего не знаемъ, но, какъ видно, составленный ею сводъ пришелся не по вкусу генеральнымъ старшинамъ (344). Вѣроятно многія изъ правъ, которыми они болѣе всего дорожили, оказались ни на чемъ не основанными. Но ежели мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ въ это время гетманъ Малороссіи, въ архивѣ графа А. С. Уварова находимъ за то цѣлый рядъ писемъ, полученныхъ Разумовскимъ изъ Петербурга. Каждая строка въ отдаленномъ Глуховѣ была въ эту тревожную эпоху кладомъ. Приводимъ письма эти въ хронологическомъ порядкѣ. Первое письмо, изъ дошедшихъ до насъ, гетманъ получилъ отъ Ивана Ивановича Шувалова. Не смотря на ожесточенную борьбу между Бестужевскою партіею и Шуваловыми, хорошія отношенія между младшимъ Разумовскимъ и новымъ фаворитомъ не прерывались. Иванъ Ивановичъ, хотя и былъ политическимъ противникомъ Бестужева, однако далеко не раздѣлялъ образа мыслей своихъ родственниковъ. «Но, говоритъ его біографъ, онъ не былъ въ состояніи преодолѣть свой уступчивый характеръ и нерѣдко покорялся брату, вопреки убѣжденію» (345). Въ послѣднее время Разумовскій еще болѣе сблизился съ Шуваловымъ по дѣламъ Академіи. При Академіи учреждено было отдѣленіе Изящныхъ Искусствъ, котораго директоромъ назначенъ былъ извѣстный профессоръ

---

(343) Изъ Государственнаго Архива.

(344) Бант.-Кам. Исторія М. Россіи, III, 204.

(345) Бартеневъ, Ив. Ив. Шуваловъ, стр. 11 и 12.

Яковъ Штелинъ (346). Иванъ Ивановичъ Шуваловъ сталъ хлопотать объ учрежденіи (347) Академіи Художествъ и, какъ видно изъ прилагаемаго письма, графъ Кирила всячески старался способствовать Шувалову въ этомъ дѣлѣ.

Письмо отъ Ивана Ивановича Шувалова къ гетману.

Милостивый государь мой, графъ Кирила Григорьевичъ. Вашего сіятельства письмо съ моимъ почтеніемъ честь имѣя получить, видѣлъ къ великому моему обрадованію знакъ вашей ко мнѣ милости, которой буду стараться удостоиться моимъ всегдашнимъ признаніемъ и желаніемъ во всякомъ случаѣ вашему сіятельству показать мое истинное почтеніе, которое я всегда къ вашимъ качествамъ имѣлъ и имѣю. Не примите, ваше сіятельство, сіе за упѣреніе единыхъ обыкновенныхъ словъ, но за чистосердечное мое къ вамъ почитаніе. Долженъ еще повторить симъ вашему сіятельству мое благодареніе за старанія ваши къ моей пользѣ предъ отъѣздомъ вашимъ; если оныя по желанію вашему, къ моему несчастію, дѣйства своего не получили, то я долженъ только жаловаться на мою неудачу; однако неменьше тѣмъ чувствую вашу склонность къ благодѣянію; въ отсутствіи же вашемъ я ко всему подверженъ быть могъ, не имѣя никого кто бы могъ способствовать мнѣ. Сердечно сожалѣю о вашемъ худомъ здоровьи и скукѣ; а я, милостивый государь, уже недѣли съ двѣ какъ всякій день боленъ головою, имѣя при томъ хорошее начало ипохондріи, чего я боялся и ожидаю всегда; и тако заключаю, препоручая себя въ милость вашего сіятельства, будучи всегда съ моимъ глубочайшимъ почтеніемъ вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Шуваловъ.

Апрѣля 14 дня 1757 года С.-Петербургъ.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ гетманъ получилъ другое отъ Шведскаго посланника барона Маврикія Поссе, который, какъ видно былъ дружески принятъ въ домѣ Разумовскихъ и имя котораго встрѣчается въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ между лицами чаще всего приглашаемыми ко двору:

St.-Pétersburg ce 2 de Mai 1757.

Monseigneur.

Un billet doux qu'un amant recevroit de sa maitresse ne sauroit lui causer une joie plus grande que celle que j'ai ressentie en recevant la gracieuse lettre, dont il a plu à V. E. de m'honorer. Une marque si signalée de Votre bienveillance ne foit qu'augmen-

(346) Митроп. Евгеній, Словарь свѣтскихъ писателей, II, 265.

(347) Бартеневъ, Ив. Ив. Шуваловъ, 34—35.

ter en moi le désir inexprimable que j'ai de revoir l'homme d'or, l'homme du monde que j'éstime le plus; et s'il ne tenoit qu'a moi, Monseigneur, je n'hesiterais pas un instant à me mettre tout à l'heure à cheval pour aller Vous rejoindre à Gloukoff, pour Vous témoigner la vive reconnaissance que je conserverai toute ma vie de Vos bontés. L'empressement avec lequel j'ai toujours recherché l'honneur de Votre aimable compagnie, Vous persuadera assez du plaisir que j'aurais de me trouver auprès de V. E., et ce serait en partageant avec Elle les plaisirs de la chasse, comme aussi en prenant part aux autres petits amusements que l'occasion et la fortune nous présenterait, que j'oublierais longtemps les vanités de ce monde, la cour, les interêts des princes et toute la boutique politique. Ce n'est pas, Monseigneur, qu'une société aimable ne rend mon séjour ici des plus agréables: mon propre penchant qui m'invite à faire ma cour très assidûment auprès des deux aimables dames (348), qui par l'absence de leurs chères moitiés se trouvent un peu isolées; l'ancienne habitude que j'ai contractée dans Votre maison, la bonne compagnie qui s'y trouve et le bon accueil que la gracieuse comtesse me fait tout les jours, tout cela m'engage naturellement à augmenter le nombre de ceux qui s'empressent à lui tenir compagnie; par ce moyen je suis parvenu à supporter l'absence de V. E. plus facilement que je ne croyais au commencement. M-r le major d'Endten (349) me fit l'honneur il y a quelque temps de me nommer parrain avec S. E. M-me la Hettmanne d'un garcon dont sa femme était accouchée; l'enfant est mort, mais l'alliance spirituelle que j'ai contractée en cette occasion avec M. la Comtesse subsiste toujours, en faveur de quoi ma gracieuse «Couma» m'a fait présent d'une très belle boite que je conserverai eternellement en souvenir d'un évenement si glorieux. M. le medecin Kruus (350) a conseillé à M-me la Comtesse de se donner beaucoup d'exercice, mais comme elle a été obligée pendant quelque temps de garder la chambre à cause d'un refroidissement, qu'elle êut un jour en voulant pêcher à la ligne dans son jardin, elle ne peut en prendre d'autre que de jouer au volant; en attendant tous les préparatifs sont faits pour

---

(348) Графиня Екатерина Ивановна и Матрена Герасимовна Теплова.

(349) Вѣроятно офицеръ Измайловскаго полка.

(350) Докторъ Карлъ Фридрихъ Крузе (по русски Карлъ Ѳедоровичъ) родомъ изъ Голштиніи, былъ главнымъ докторомъ лейбъ-гвардіи, а потомъ лейбъ-медикомъ. Онъ былъ братъ графини Сиверсъ, жены оберъ-гофмаршала.

monter à cheval et après quelques essais que M-me la Comtesse veut encore faire incognito dans le jardin, il se fera au premier jour une grande cavalcade à Cathrinhof. L'autre jour M-me la Comtesse m'amenait avec elle souper chez la belle Maréchale(351), la compagnie n'était pas nombreuse, et il n'y avait que M-r le chambellan Worontzow (352), M-r le conseiller Borsokoff (353), quelques officiers du régiment d'Ismayloff, M-r Endten et messieurs Belogradski et Raubach qui nous regalèrent, avant souper et pendant que nous jouions au cadrille(354), de plats de leur mêtier. Tout le monde etait de bonne humeur, et la charmante hôtesse dont les beaux yeux n'inspirent rien moins que la tristesse, fit si bien les honneurs de sa maison, que si Vous l'aviez vu, Monseigneur, Vous n'aurez pas été le dernier à convenir qu'elle était toute aimable. On nous flatte, Monseigneur, du plaisir de Vous revoir bientôt ici; en ce cas-là, je ne regretteroi pas du tout le refus dont je suis menacé par rapport à mon rappel, espérant encore d'avoir le bonheur de Vous assurer de vive voix du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être, Monseigneur,

de V. E. le très humble et trés obéissant serviteur M. Posse(355).

---

(351) Вѣроятно здѣсь рѣчь идетъ о теткѣ гетманши — Царышкиной, женѣ Семена Кириловича, который въ то время былъ гофмаршаломъ, но вскорѣ (7 Мая 1757) пожалованъ былъ оберъ-егермейстеромъ. Жены тогдашнихъ фельдмаршаловъ (Трубецкаго, Бутурлина и Апраксина) были всѣ женщины пожилыя.

(352) Графъ Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ.

(353) Вѣроятно это тотъ же Барсуковъ, о которомъ упоминается въ письмахъ Ададурова (см. выше).

(354) Кадриль, игра въ карты, въ родѣ ломбера.

(355) *Переводъ*: С.-Петербургъ 2 Мая 1757. Милостивѣйшій государь, любовникъ, получающій записку отъ любовницы, не могъ быть счастливѣе меня въ ту минуту, какъ я получилъ милостивое письмо, которымъ ваше сіятельство меня почтили. Столь явное доказательство вашего доброжелательства могло только усилить во мнѣ непреодолимое желаніе снова увидѣть золотаго человѣка, котораго уважаю болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и ежели бы это зависѣло только отъ меня, милостивый государь, я ни минуты не колеблясь сѣлъ бы на лошадь, чтобы поскакать въ Глуховъ и словесно вамъ выразить признательность за всѣ ваши милости, которую сохраню на всю жизнь. Стараніе, съ которымъ я всегда изыскивалъ случаи насладиться вашимъ пріятнымъ обществомъ, должно васъ увѣрить въ удовольствіи, которое бы я имѣлъ быть при васъ. Раздѣляя съ вами удовольствіе охоты, равно какъ и другія развлеченія, которыя могли бы намъ представить судьба, я бы на долгое время забылъ тщету міра сего, дворъ, интересы государей и вообще всѣ политическія дрязги. Долженъ однако признаться, что, благодаря любезному обществу, мое пребываніе здѣсь очень пріятно. Собственная моя наклонность, понуждающая меня часто посѣщать любезныхъ дамъ,

Письмо къ Разумовскому вице-канцлера графа Михаила Илларіоновича Воронцова.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, Кирила Григорьевичъ.

Пріятнѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 12 Апрѣля получилъ исправно, изъ котораго съ особливою радостію увѣдомился, что вы въ добромъ здоровьи; желаю всѣмъ сердцемъ продолжительныя о томъ вѣдомости часто получать. На своеручный вашего сіятельства P. S. чрезъ сіе имѣю честь донести, что хотя весьма желательно бы было, дабы извѣстные два злодѣя, находящіеся въ Крыму, могли какимъ случаемъ истреблены или украдены быть, но какъ сей способъ весьма ненадежный, къ тому же и можетъ за собою непріятныя слѣдствія повести, я думаю, что лучше бы было совсѣмъ въ презрѣніи оставить, тѣмъ болѣе, что никакого опасенія отъ ихъ каверзъ имѣть не можно, и они уже престарѣлые люди и скоро во гробъ пойдутъ. Совсѣмъ тѣмъ, я чаю, что ваше сіятельство не излишне учинить изволите, когда о семъ вашемъ намѣреніи и особливо Ея Императорскому Величеству или Конференціи пред-

---

которыя, за отсутствіемъ дражайшихъ половинъ, ощущаютъ нѣкоторое одиночество, старинная привычка посѣщать вашъ домъ, отборное общество, его посѣщающее, радушный пріемъ любезной графини— все это побуждаетъ меня ежедневно умножать собою число гостей, у васъ собирающихся. Маіоръ фонъ-Эндтенъ просилъ меня на дняхъ быть воспріемникомъ новорожденнаго его сына. Мы крестили вмѣстѣ съ г-жею гетманшею и хотя ребенокъ умеръ—родство духовное, въ которое я вступилъ по этому случаю съ графинею, все же существуетъ. Любезная кума моя подарила мнѣ по этому случаю великолѣпную табакерку, которую буду вѣчно хранить въ память столь лестнаго для меня событія. Докторъ Крузъ присовѣтовалъ графинѣ дѣлать какъ можно болѣе движенія, но такъ какъ она, по причинѣ легкой простуды, захваченной при уженіи рыбы въ саду, не можетъ выходить изъ комнаты, то предписанное движеніе до сихъ поръ ограничивалось играніемъ въ воланъ. Между тѣмъ готовятъ все нужное для ѣзды верхомъ и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ въ саду инкогнито, графиня собирается съ большою кавалькадою въ Екатерингофъ. На дняхъ графини взяла меня съ собою къ прелестной гофмаршальшѣ. Общество было не многочисленно. Тамъ были только камергеръ Воронцовъ, совѣтникъ Барсуковъ, нѣсколько офицеровъ Измайловскаго полка, г. Эндтенъ и гг. Бѣлоградскій и Раубахъ. Господа эти угостили насъ передъ ужиномъ, въ то время какъ мы играли въ кадриль, разными кушаніями собственнаго стряпанія. Всѣ были очень веселы, и восхитительная хозяйка, чудные глаза которой разогнали бы всякую грусть, до того мило всѣхъ угощала, что вы, милостивый государь, при видѣ ея первые бы воспѣли ея прелести. Насъ радуютъ извѣстіемъ о скоромъ вашемъ сюда прибытіи; въ этомъ случаѣ, меня не страшитъ угрожающій мнѣ отказъ, на просьбу мою быть отсюда отозваннымъ.

Надѣюсь имѣть счастіе васъ словесно увѣрить въ глубокомъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть милостивѣйшій государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою М. Поссе.

ставить изволите, единственно для показанія тѣмъ вашего усердія и ревности къ службѣ всемилостивѣйшей Государыни, и оное не инако какъ весьма пріятно здѣсь принято быть можетъ. О семъ моемъ предложеніи я и братцу вашему говорилъ и, письмо ваше токмо ему одному къ прочтенію сообщилъ.

Впрочемъ, поручая себя въ непремѣнную дражайшую дружбу, съ истиннымъ почтеніемъ всегда пребуду вашего сіятельства покорнѣйшій и вѣрный слуга г. Михайло Воронцовъ.

1757. Мая 5 дня, въ С.-Петербургѣ.

Въ чемъ состоялъ постскриптумъ гетмана и кто были извѣстные два злодѣя, уже престарѣлые люди, намъ совершенно неизвѣстно. Черезъ три дня послѣ перваго, вице-канцлеръ отправилъ къ гетману новое письмо.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, Кирила Григорьевичъ.

По письму вашего сіятельства отъ 24 Апрѣля я не оставилъ г-ну барону Черкасову говорить и его просить, чтобы архитектуры гезеля Кокорина (356) къ вамъ отпустить; онъ извиняется тѣмъ, что ему поручено дѣло, множество чертежей иконостасу для дѣвичьяго монастыря (357) сдѣлать и что оный не скоро свободенъ быть можетъ; я не оставлю о томъ же стараться, чтобы къ вамъ уволенъ былъ. А Трезину (358) я не говорилъ и не нахожу его за довольно способнаго для произвожденія хорошихъ строеній, токмо буду искать здѣсь способнаго и знающаго архитектора, чтобы такимъ сюжетомъ вашему сіятельству услужить. При семъ для любопытства посылаю вирши господиномъ Вольтеромъ на стихъ Симеона: «Нынѣ отпущаеши раба твоего» сдѣланныя, и ежели что впредь достойное къ вашему свѣдѣнію получится, присылать къ вамъ не премину. Чрезъ сіе вашему сіятельству, какъ моему истинному другу и милостивцу, донести имѣю, въ надеждѣ вашей апробаціи моего поступка, что я, имѣя на себѣ ужасный долгъ, принужденъ противъ воли моей вступить въ трудныя предпріятія, а именно: я подалъ въ Сенатъ прошеніе, чтобы мнѣ дозволено было, съ выключеніемъ другихъ подданныхъ, изъ Россійскихъ портовъ разнаго хлѣба въ заморскій отпускъ выпустить до 300 т. четвертей съ платежомъ пошлины и надѣюсь на сихъ дняхъ получить по тому рѣшеніе, хотя и конкуренты тому съ надлачею въ Се-

---

(356) Архитектуры-гезель т. е. подмастерье, Александръ Филиповичъ Кокоринов, Сибирскій уроженецъ, впослѣдствіи строитель и первый директоръ Императорской Академіи Художествъ, ум. 1771.

(357) Нынѣшній Смольный монастырь.

(358) Архитекторъ Трезинъ, родомъ Итальянецъ, дѣятельный участникъ въ первыхъ постройкахъ Петербурга.

нать явились. При нынѣшнемъ крайнемъ замѣшаніи въ Европѣ, великой дороговизнѣ въ хлѣбѣ, можно надежно уповать, что нарочитый прибытокъ получится; и для того предыдуще вашему сіятельству объявляю, не похочете ли вы въ семъ торгу участіе принять, понеже у васъ въ Украйнѣ ржи и пшеницы весьма много и дешево, къ тому же и въ собственныхъ низовыхъ деревняхъ довольно и купить дешево и легко можно, только надлежитъ правильное исчисленіе сдѣлать, но сколько цѣною каждая четверть хлѣба сюда поставлена съ провозомъ быть можетъ. Я думаю, что Днѣпромъ съ перевозкою до Двины въ Ригу будутъ охотники. Въ Украйнѣ, на примѣръ, хотя 50 т. четвертей поставить, а изъ низовыхъ мѣстъ на судахъ Волгою до Петербурга свободно перевезутъ; и ежели бы только надежно было, что довольное число хлѣба къ портамъ поставится, то безъ сумнѣнія чужестранные купцы съ хорошимъ барышемъ купятъ. Я прошу ваше сіятельство о вышеписанномъ съ примѣчаніемъ подумать и вашу мнѣнія мнѣ дружески потомъ сообщить, дабы къ будущему лѣту изъ портовъ нарочитое число хлѣба отпустить можно было; а на покупку хлѣба денегъ довольно отыскать можно, токмо бы онаго въ натурѣ и по какой цѣнѣ къ порту Рижскому и здѣшнему поставить могли вѣдать потребно; о сей матеріи я и Г. Н. Теплову также писалъ, и сіе письмо ему сообщить извольте. Пребываю съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства покорный и вѣрный слуга г. Михайло Воронцовъ.

1757. Мая 8 дня

Въ С.-Петербургѣ.

Монополіи введены были въ употребленіе графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ (359), который кромѣ того входилъ въ разные казенные подряды (360). Воронцовъ послѣдовалъ его примѣру и хотѣлъ въ предпріятія свои завлечь и Разумовскаго; но, какъ мы увидимъ, безуспѣшно. Кокоринова гетманъ желалъ имѣть при себѣ для построекъ въ Батуринѣ. Въ этомъ 1757 году, «ради великой пользы казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя по сіе время ни одного Русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать» (361), попеченіями Ивана Ивановича Шувалова, только что обезсмертившаго себя основаніемъ Московскаго Университета, положено было начало Императорской Академіи Художествъ. Не смотря однако на указъ объ учрежденіи ея, новая Академія все еще состояла въ видѣ отдѣле-

(359) Mémoires de Catherine II. 311.

(360) Бант.-Кам. біографіи фельдмаршаловъ I. 304.

(361) Бартеневъ, Біографія Ивана Ивановича Шувалова 34—35.

нія Академіи Наукъ, и Разумовскій все-таки оставался главнымъ ея начальникомъ, хотя, какъ кажется, Шуваловъ считался ея почетнымъ попечителемъ. Доказательствомъ этому служитъ приводимое ниже письмо отъ Штелина; изъ него видно, что гетманъ усердно помогалъ въ этомъ дѣлѣ другу своему Шувалову, который съ своей стороны заключалъ отъ своего имени контракты съ выписанными изъ-заграницы для новой Академіи иностранными художниками (362). Штелинъ писалъ слѣдующее:

Monseigneur, la gracieuse résolution (363) que V. E. vient d'envoyer à la chancellerie académique en ma faveur et celle des beaux arts, m'oblige au remerciement le plus humble et le plus sincère en mon particulier et en général au nom de tous les beaux arts, lesquels à la fin s'attendent du sien de leur digne président à leur véritable progrès—l'effet indubitable des nouveaux ordres de V. E. Ce sera le temps et les ouvrages entrepris désormais qui Vous rendront un remerciement actuel. Pour moi je m'estimerai assez heureux, si mon zèle sous la protection de V. E. pourra contribuer à l'accomplissement du louable dessein de V. E. et faire mieux réussir à l'avenir notre Académie des arts dans ses entreprises. En avance je me flatte du moins que V. E. en son retour la trouvera sur un meilleur pied. Plusieures choses du moins les plus nécessaires dans ses départements sont changées déjà et un arrangement fait en sorte que le gâtemêtier et la suffisance ne se puissent plus s'y glisser si aisément en retour. Les maitres et leurs subalternes en sont très satisfaits depuis que je leur ai fait comprendre que la nouvelle direction (364) n'aboutissait qu' à leur avancement dans les arts, à l'honneur de l'Académie et à l'utilité publique. Notre chancellerie, ayant été pressée depuis quelques jours par des oukases du haut Sénat pour rendre à la cour de la monnaie une demi-douzaine de nos meilleurs elèves de l'Académie du dessein (365), j'ai taché de répondre en sorte que nous ne nous depouillons tout à fait du peu de bon qu'il y a encore chez nous capable de profiter des maitres

(362) Тамъ же.

(363) Въ 1757 году Штелинъ пожалованъ членомъ академической канцеляріи и директоромъ отдѣленія изящныхъ искуствъ, см. (Митроп. Евгеній, Словарь русскихъ писателей II, 265).

(364) Т. е. о дирекціи Штелина подъ главнымъ начальствомъ Шувалова.

(365) Изъ этого видно, что, не смотря на почетное попечительство Шувалова, новая Академія зависѣла не только отъ Разумовскаго, но и отъ академической канцеляріи.

artistes que nous attendons (366). De Berlin j'attends avec impatience la réponse de M. Schmidt (367) à ma seconde, qui lui a porté réponse à ses propositions. Peut-être fait elle le circonflexe ou nouveau detour des lettres par la Suède et la benedetta Finlande? Peut-être n'ose-t-il se joindre à nous pendant que les troubles regnent sur les frontières de la Prusse? M. le résident baron Wolf (368) a été charmé de la part que V. E. a voulu bien prendre à sa convalescence. Il m'a chargé de témoigner à V. E. ses remerciements et les sentiments de la plus humble reconnaissance. Depuis trois semaines il demeure dans sa nouvelle maison du jardin à l'ile de St.-Pétersbourg. Au tant que le beau temps permet, il ne manque guère de l'un ou de l'autre gaste. Hier S. E. m. le vice-chancelier (369) avec le Comte Martin Carlowitz (370) et le chambellan Korff (371) a diné chez lui. M-r l'ambassadeur Williams (372), qui reside au Primorsky du baron Wolf y est survenu inopinément. Le Comte Esterhasi (373) garde la chambre à cause d'une érysipèle dans le visage (sic). Son taciturne général St.-André, Suabe (sic), protestant qui n'a pas manqué d'aprobation, est reparti pour Riga le lendemain du jour de cour où il a été présenté à S. M. Le général Boukow (374) né Hano-

---

(366) Ожидаемые художники были: Луи-Жозефъ, Ле-Лоррэнъ (Le-Lorrain), рисовальщикъ Маро, скульпторъ Николай Жиллѐ (Gillet) и наконецъ знаменитый Берлинскій граверъ Георгъ-Фридрихъ Шмидтъ.

(367) Г. Ф. Шмидтъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ художниковъ XVIII вѣка, род. 1712 въ Берлинѣ; въ 1757 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1759 онъ гравировалъ знаменитый портретъ Елизаветы съ картины Токе. Портретъ былъ готовъ за 6 дней до смерти Государыни. Кромѣ этого въ Петербургѣ Шмидтъ гравировалъ еще портреты: Гетмана, гр. М. И. Воронцова, И. И. Шувалова, гр. И. И. Шувалова, доктора Модлея (рѣдчайшій) и Австрійскаго посла графа Эстергази. Въ 1762 Шмидтъ вернулся въ Берлинъ. Онъ умеръ въ 1775 году. Изъ учениковъ его замѣчательны: Чемесовъ, Васильевъ, Герасимовъ и пр.

(368) Баронъ Вольфъ, созданіе Воронцова и Шуваловыхъ, сначала былъ нѣчто въ родѣ банкира, а потомъ замѣнилъ Штамбке при Наслѣдникѣ и сдѣлался министромъ-резидентомъ по Голштинскимъ дѣламъ.

(369) Гр. М. И Воронцовъ.

(370) Графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій генералъ-аншефъ (1717—1776) братъ графини Воронцовой.

(371) Баронъ Николай Андреевичъ Корфъ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ и Андреевскій кав. жен. б. на гр. Екатеринѣ Карловнѣ Скавронской.

(372) Sir Humbury Williams, Англійскій посолъ (см. о немъ далѣе).

(373) Графъ Николай Эстергази де Галанта (Esterhasi de Galantha), Андреевскій кав., Австрійскій посолъ.

(374) Генералы Буковъ и Сентъ-Андре—Австрійцы, прибывшіе чрезвычайными посланниками отъ Маріи Терезіи. Пріемная аудіенція дана

vrien, est encore ici. Le Comte Poniat (375) donne souvent à manger. Le baron Posse a passé une couple de nuits à la belle étoile dans les forêts de Wiborgstoron, et en est revenu chargé de gibier mâle, croyant, avec raison, pécher de tuer les femelles dans la saison présente. L'encan de l'héritage de feu Malzahn (376) s'est fait la semaine passée. M-r l'envoyé van den Osten (377) en a acheté la plus grande partie. M. Douglas (378) se prépare pour partir sitôt que l'ambassadeur, qui est parti de Varsovie (379), comptant arriver ici les premiers jours de Juin, sera arrivé ici. Notre ambassadeur Comte Bestoucheff (380) est passé par Nurnberg, d'où il y a des lettres de fraiche dâte. M-r Prasse (381) continue à chanter le miserere en Saxon. Au lieu d'incommoder V. E. d'avantage par mes nouvelles importantes, j'ai l'honneur de joindre ici un couple (sic) de pièces authentiques, qui ne manqueront pas de divertir V. E. d'un côté et de faire pitié de l'autre. Celle qui nous debite un nouveau monseigneur a été envoyée ici en quantité pour être distribuée aux connaissances du nouveau monseigneur. L'autre en mspt. ne sera imprimée nullement ici. A la gracieuse continuation de la bienveillance de V. E. et à sa généreuse protection se recommande, monseigneur, de V. E. le plus humble et très obéissant serviteur J. Stehlin.

St.-Pétersbourg le 9 de Mai 1757 (382).

была Букову 26 Января 1757 г. (Кам.-фур. жур. с. г.). Буковъ состоялъ при нашей арміи, въ званіи Австрійскаго коммиссара. За Буковымъ и вѣроятно С. Андре (въ Камеръ-фур. жур. говорится такъ: Цесарскіе пріѣзжіе съ прочими) очень ухаживали, показывали имъ Петергофъ, Кронштадтъ, Царское Село и пр.

(375) Станиславъ Августъ Понятовскій, будущій Польскій король, пріѣхалъ въ первый разъ въ качествѣ attaché къ посольству Вилліамса, а теперь былъ Польскимъ посланникомъ.

(376) Баронъ Мальцанъ, Датскій посланникъ, смѣнившій графа Линара, умеръ 1756 года въ Петербургѣ.

(377) Датскій камергеръ фонъ-Остенъ, замѣнилъ Мальцана, его пріемная аудіенція была 24 Февраля 1757.

(378) Шевалье Макензи Дугласъ (см. о немъ выше).

(379) Французскій посолъ маркизъ Лопиталь (Paul Galuccio l'Hôpital, marquis de Chateauneuf) имѣлъ пріемную аудіенцію 27 Іюня 1757 года; въ тотъ же самый день генералъ Буковъ имѣлъ отпускную аудіенцію.

(380) Графъ Михайло Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, братъ канцлера, посолъ нашъ въ Вѣнѣ, отправлялся посломъ во Францію, гдѣ онъ умеръ въ 1760 г.

(381) Прассе, Саксонскій резидентъ, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ домомъ вице-канцлера.

(382) *Переводъ.* М. Г. Милостивая резолюція, присланная вашимъ сіятельствомъ въ академическую канцелярію какъ въ мою пользу, такъ и въ пользу изящныхъ искусствъ, побуждаетъ меня принести вамъ ни-

Не знаемъ навѣрное, на что намекалъ Штелинъ въ концѣ письма своего и кто былъ этотъ новый «Monseigneur,» котораго намъ изъ-за

жайшую и искреннюю благодарность, какъ отъ себя, такъ и во имя изящныхъ искусствъ, которыя наконецъ, по милости ихъ достойнаго президента, на самомъ дѣлѣ подвинутся впередъ. Время и будущія произведенія Академіи безъ сомнѣнія вознаградятъ васъ за теперешнія постановленія. Счастливымъ почту себя, ежели рвеніе мое, подъ вашимъ покровительствомъ, будетъ въ состояніи содѣйствовать къ исполненію достохвальныхъ предписаній нашего сіятельства. Я заранѣе ласкаюсь надеждою, что ваше сіятельство по своемъ возвращеніи найдете Академію Художествъ на лучшей ногѣ. Многое, по крайней мѣрѣ самое необходимое, уже измѣнено, и все устроено такъ, чтобы невѣжество и нахальство не могли бы болѣе вкрасться въ Академію. Учители и воспитанники очень довольны, съ тѣхъ поръ какъ я имъ объяснилъ, что новое управленіе имѣетъ цѣлью ихъ преуспѣваніе въ искусствѣ, честь Академіи и общественную пользу. Такъ какъ канцелярія наша уже нѣсколько дней получаетъ указы отъ высокаго Сената съ приказаніемъ отослать на монетный дворъ человѣкъ шесть изъ лучшихъ воспитанниковъ рисовальнаго класса, я ухитрился отвѣтить такъ, чтобы не лишить Академію тѣхъ немногихъ хорошихъ учениковъ, которые будутъ въ состояніи пользоваться уроками иностранныхъ художниковъ, которыхъ мы сюда ожидаемъ. Съ нетерпѣніемъ жду изъ Берлина отвѣта отъ г. Шмидта на второе мое письмо, съ согласіемъ на его условія. Быть можетъ, письмо мое дѣлаетъ новый крюкъ черезъ Швецію и эту благословенную Финляндію. Быть можетъ тоже, онъ не рѣшается пуститься въ путь, чтобы сюда ѣхать во время безпорядковъ, происходящихъ на Прусской границѣ. Г. резидентъ баронъ Вольфъ очень тронутъ участіемъ, которое вы изволили принять въ его выздоровленіи. Онъ поручилъ мнѣ передать вашему сіятельству всю его благодарность и крайнюю признательность. Вотъ уже три недѣли какъ онъ живетъ на своей дачѣ, на Петербургскомъ островѣ. На сколько дозволяетъ погода, у него недостатка въ посѣтителяхъ не бываетъ. Вчера обѣдалъ у него его сіятельство г. вице-канцлеръ съ графомъ Мартыномъ Карловичемъ и камергеромъ Корфомъ. Внезапно пріѣхалъ г. посолъ Вилліамсъ, живущій въ Приморскомъ домѣ барона Вольфа. Графъ Эстергази не выходитъ изъ комнаты, благодаря рожѣ, которая выступила у него на лицѣ. Его молчаливый генералъ Сентъ-Андре, Швабъ и протестантъ, заслужившій впрочемъ здѣсь не малую похвалу, уѣхалъ въ Ригу на другой день послѣ своего представленія Ея Величеству на куртагѣ. Генералъ Буковъ, природный Гановерецъ, все еще здѣсь. Графъ Поніатовскій часто даетъ обѣды. Баронъ Нюссе провелъ нѣсколько ночей подъ открытымъ небомъ, среди дебрей Выборгской стороны. Онъ возвратился удрученный добычею, хотя стрѣлялъ только по самцамъ, справедливо убѣжденный въ томъ, что въ нынѣшнее время года грѣшно стрѣлять по самкамъ. Публичная распродажа вещей покойнаго Мальдана была на прошлой недѣли. Г. посланникъ ванъ-денъ-Остенъ скупилъ почти все. Г. Дугласъ готовится къ отъѣзду; онъ уѣдетъ, какъ скоро посолъ, выѣхавшій уже изъ Варшавы и предполагающій быть здѣсь въ первыхъ числахъ Іюня, сюда пріѣдетъ. Графъ Бестужевъ уже проѣхалъ черезъ Нюрнбергъ, откуда имѣются отъ него свѣжія извѣстія. Г. Прассе продолжаетъ пѣть: „помилуй мя Боже“ по-саксонски. Вмѣсто того, чтобы далѣе надоѣдать вашему сіятельству важными моими новостями, прилагаю нѣсколько самовѣрнѣйшихъ доказательствъ, которыя не могутъ не разсмѣшить ваше сіятельство; но

границы предлагали. Думаемъ, что мы не ошибаемся, отнеся этотъ намекъ къ вице-канцлеру графу Воронцову. Австрія, а особенно Франція, настаивали на отставкѣ или вѣрнѣе на паденіи Бестужева. Великій канцлеръ еле держался. Съ большимъ трудомъ успѣлъ онъ уговорить Государыню подписать союзъ съ Англіею. Сиръ Ганбюри Вилліамсъ торжествовалъ—это была цѣль всѣхъ его усилій; но на другой день отъ самого Бестужева узналъ онъ, что Россія присоединилась къ конвенціи, заключенной въ Версали между Австріею и Франціею. Такимъ образомъ союзъ съ Англіею дѣлался одною пустою, никуда непригодною формулою. Бестужевъ уже не въ силахъ былъ бороться съ ежедневно усиливавшеюся партіею Шуваловыхъ. Придворныя интриги роковымъ образомъ уносили его, онъ чувствовалъ какъ нетвердо стоитъ при дворѣ и, не думая уже о томъ, чтобы руководить событіями, сталъ заботиться только о собственномъ спасеніи. Генералы Сантъ-Андре и Буковъ пріѣзжали съ тѣмъ, чтобы понудить насъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Явился посолъ маркизъ Лопиталь, «царедворецъ въ полномъ и худшемъ смыслѣ этого слова» (383), и Россія начала войну безславную, не смотря на взятіе Берлина и побѣды при Гроссъ-Егерсдорфѣ и Кунерсдорфѣ, гдѣ мы, въ полномъ смыслѣ слова, задавили непріятеля въ десятеро сильнѣйшею его арміею; войну, стоившую Россіи болѣе трехъ сотъ тысячъ человѣкъ и тридцати милліоновъ рублей. Нѣтъ сомнѣнія, что, не смотря на дружбу съ Ив. Ив. Шуваловымъ, извѣстія о критическомъ положеніи великаго канцлера, лучшаго друга Алексѣя Григорьевича, сильно смущали гетмана. Къ тому же его еще томило личное горе.

съ другой стороны жалости достойны. Та бумага, которая предлагаетъ намъ новаго министра (*) была прислана въ огромномъ количествѣ экземпляровъ для раздачи друзьямъ сего новаго министра. Другая бумага, рукописная, ни въ какомъ случаѣ не будетъ здѣсь напечатана. Милостивому продолженію вашего благоволенія и покровительства поручаетъ себя вашего сіятельства нижайшій и послушнѣйшій слуга. Я. Штелинъ. С.-Петербургъ 9 Мая 1757.

(383) Сборникъ историческаго общества, т. 1-й. Письма Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ, стр. 284.

(*) Титулъ Monseigneur, употребленный въ подлинникѣ, во Франціи до конца прошлаго столѣтія принадлежалъ принцамъ крови, епископамъ и первымъ чинамъ государства т. е. министрамъ, главнымъ президентамъ и пр. Сообразуясь съ тогдашними обстоятельствами, мы избрали въ переводѣ слово „министръ.“

Мы видѣли, что Елизавета женила его нѣсколько противъ воли, что за нимъ бѣгали всѣ Петербургскія красавицы. Цѣломудріе въ то время, не смотря на указъ 1750 года противъ женщинъ вольнаго поведенія, не было въ общемъ ходу, и гетманъ, подобно другимъ, забывалъ подъ-часъ супружескую вѣрность. Онъ любилъ пламенно какую-то намъ неизвѣстную красавицу, и она его обманывала. Вотъ что писалъ къ нему по этому случаю Иванъ Перфильевичъ Елагинъ:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Сколько мои письма до сего были вашему сіятельству пріятны, столько, я думаю, настоящее приключитъ вамъ горести и безпокойства. Любезная ваша доказала, что она женщина и непостоянству женскому подвержена. Романъ Ларіоновичъ ([384]) обо всемъ писалъ къ вамъ обстоятельно, я это вѣдаю и для того не хочу повтореніемъ безпутныхъ рѣзвостей и мщенія недозволительнаго вамъ болѣе дѣлать прискорбности, зная вашу страсть и понимая, каково тяжело слышать вамъ о невѣрности такой персоны, которую вы обожали и можетъ быть еще, услыша всё, обожать не перестанете. Она теперь раскаивается и все мнѣ обѣщаетъ, чего бы я отъ нея ни потребовалъ; но не знаю, истинное ли имѣетъ раскаяніе и исполнитъ ли тѣ обѣщанія, которыя мнѣ дѣлаетъ: время намъ все покажетъ. Я чувствую, м. г., сколь вамъ несносно чтеніе моего письма; и чтобы не умножать болѣе вашей досады, грусти и печали, оканчиваю его тѣмъ, что я, доколѣ живъ, съ непремѣнною преданностію и глубочайшимъ почтеніемъ есмь, сіятельнѣйшій графъ, м. г., вашего высокографскаго сіятельства нижайшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Елагинъ. 5-го Іюля 1757 года С. Петербургъ.

Съ другой стороны баронъ Поссе сообщалъ гетману болѣе утѣшительныя извѣстія объ семействѣ его.

St-Pétersbourg ce 24 de Juillet 1757.

Monseigneur.

Vous connaissez, j'éspère, Monseigneur, le zèle et l'inviolable attachement que je vous ai voué depuis longtemps à vous et à tout ce qui vous appartient. Une suite de ces sentimens invariables me donne occasion d'écrire à V. E. la présente lettre qui la convaincra sans doute de toute la part que je prends à ce qui peut intéresser V. E. le plus sensiblement. S. E. M-me la comtesso votre épouse, vous marquera par ce courrier l'idée que j'ai conçue de procurer à vos aimables enfants un gouverneur très capable de leur apprendre non seulement les sciences qui conviennent à

([384]) Воронцовъ.

de jeunes seigneurs mais de leur inspire des sentiments dignes de leur naissance et de former leurs coers et leur caractère. Ce sont là les qualités essentielles d'un gouverneur pour des enfants de famille, et je ne sais pas trop, si lap ersonne à qui V. E. a confié actuellement cet important soin, pourrait entièrement y répondre; c'est pourquoi je prends la liberté de présenter pour cet effet un sujet, Suèdois de nation, qui est un homme de bonnes moeurs et d'étude et qui outre cela a déjà élevé en Suède quelques seigneurs de mes parents, savoir les barons de Sparre. Un hazard des plus heureux l'a conduit-ici. Il vient d'arriver actuellement de Paris. De crainte que ses talents ne le fissent entrer autre part, je l'ai engagé de ne prendre aucun autre engagement avant que d'avoir reçu la réponse de V. E. Je suis persuadé qu'elle ne pourrait pas trouver un meilleur gouverneur pour ses enfants, et si V. E. veut m'en croire, elle n'hésitera pas à décider son choix. La personne en question s'appelle Safstrom; il a fait ses études à Upsale plusieurs années de suite; depuis il a été en France d'où il vient d'arriver il y a 8 jours muni d'une forte lettre de recommandation pour moi de la part de l'envoyé de Suède à la cour de Françe. Comme au reste il n'est pas assez bien du côté de la fortune pour vivre longtemps ici à ses propre dépens, je Vous supplie, Monseigneur, de faire connaitre au plutôt vos sentiments à S. E. M-me la comtesse Catherine Ivanovna. Je me flatte quand V. E. connaitera le sujet que je prends la liberté de lui recommander, qu'elle me saura un peu gré de le lui avoir procuré. Je ressens un vrai plaisir de procurer par là à V. E. une millième partie de mon inviolable attachement et de l'infinie et respectueuse considération avec la quelle j'ai l'honneur d'être, Monseigneur, de V. E. le très humble et très obéissant serviteur Maurice Posse.

P. S. Mille compliments à M-r le Conseiller Tepleoff (sic). Sa chère Matrona Garasna (sic) se porte comme un charme, et l'on s'apperçoit fort bien à la fraicheur de son tein, qu'elle ne dorme (sic) plus les après-diner et qu'elle jouit pendant les nuits d'un sommeil non interrompu ([385]).

([385]) М. Г. Вы, надѣюсь, не сомнѣваетесь въ моей всегдашней и неизмѣнной преданности какъ къ особѣ вашей, такъ и ко всѣмъ вамъ близкимъ. Вслѣдствіе этихъ постоянныхъ моихъ чувствованій пишу къ вашему сіятельству настоящее посланіе, которое увѣритъ васъ еще болѣе въ томъ глубокомъ сочувствіи, которое принимаю во всемъ, что до вашей особы касается. Ея сіятельство графиня съ этою же почтою сообщитъ вамъ о мысли моей доставить вашимъ милымъ дѣтямъ гувернера, вполнѣ способнаго не только преподавать всѣ науки необходимыя для молодыхъ баръ, но еще внушить имъ чувства достойныя ихъ происхожденія и

Не смотря на эту лестную рекомендацію, Савстромъ однако не поступилъ къ Разумовскому: мы не находимъ даже имени его въ перечнѣ иностранныхъ учителей ([386]), явившихся, вслѣдствіе указа отъ 28 Апрѣля 1757 года, на испытаніе въ Академію Наукъ для полученія свидѣтельства на право быть учителемъ. Что же касается до нѣсколько гривуазной приписки, то Матрена Герасимовна, не смотря на увѣреніе Поссе, въ это время, не столько предавалась покою, сколько была занята любовію къ ней Великаго Князя. Наслѣдникъ поссорился съ фрейлиною графинею Воронцовою и влюбился въ Теплову. Когда онъ ожидалъ ее къ себѣ, то совѣтовался съ Великою Княгинею о томъ, какъ бы лучше украсить свои комнаты, чтобы онѣ были по вкусу Матренѣ Герасимовнѣ. Съ этой цѣлью онъ однажды собралъ кучу гренадерскихъ киверовъ, ружей, перевязей и пр., такъ что комнаты его стали похожи на арсеналъ. Но нѣжная связь съ Тепловой продолжалась недолго. Нѣсколько, какъ видно, романтическая супруга Григорія Николаевича лѣтомъ не могла часто видѣться съ своимъ высокимъ любовникомъ, и принялась за переписку. Она начала съ длин-

---

образовать сердца и характеръ ихъ. Качества эти необходимы для воспитателя дѣтей знатнаго званія, а наврядъ ли ими обладаетъ лице, которому ваше сіятельство поручили столь важное дѣло. Вотъ почему я беру смѣлость предложить вамъ на это мѣсто—Шведа, человѣка отличнаго поведенія и ученаго, который въ Швеціи воспиталъ нѣкоторыхъ знатныхъ моихъ родственниковъ, между прочимъ бароновъ Шпаре. Счастливый случай завлекъ его сюда. Онъ только что пріѣхалъ изъ Парижа, и такъ какъ я опасался, чтобы при его талантахъ, онъ не нашелъ другаго мѣста, и ему посовѣтовалъ ни на что не рѣшаться, пока не получу отвѣта отъ вашего сіятельства. Я вполнѣ увѣренъ, что вамъ невозможно будетъ найти лучшаго гувернера для дѣтей вашихъ, и ежели ваше сіятельство полагаетесь на мое мнѣніе, то поспѣшите своимъ рѣшеніемъ. Лице, о которомъ идетъ рѣчь, называется Сафстромъ, онъ учился нѣсколько лѣтъ сряду въ Упсалѣ; съ тѣхъ поръ жилъ онъ во Франціи, откуда пріѣхалъ съ недѣлю тому назадъ съ письмомъ ко мнѣ отъ Шведскаго посланника при Французскомъ дворѣ. Такъ какъ Сафстромъ не богатъ и не въ состояніи долго жить здѣсь на собственномъ содержаніи, умоляю васъ, милостивый государь, скорѣе сообщите ваше рѣшеніе ея сіятельству графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. Смѣю надѣяться, что когда ваше сіятельство лично узнаете рекомендуемаго мною человѣка, вы будете мнѣ за него благодарны. Я ощущаю истинное удовольствіе доказать этимъ хоть тысячную долю неизмѣнной моей привязанности и безграничнаго почтенія, съ которыми имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства нижайшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Маврикій Поссе.

P. S Тысячу поклоновъ г-ну совѣтнику Теплову; его дорогая Матрена Герасимовна процвѣтаетъ, и легко примѣтить по свѣжести ея лица, что она послѣ обѣда уже не почиваетъ, и ночью вкушаетъ непробудный сонъ.

([386]) Билярскій, Матеріалы 339.

нѣйшаго письма на четырехъ страницахъ, требуя, чтобы Великій Князь съ своей стороны писалъ къ ней по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю. Наслѣдникъ, ненавидѣвшій всякое писаніе, разсердился не на шутку, и этимъ отношенія ихъ пресѣклись (387).

Другъ гетмана и сотрудникъ его по учрежденію Академіи Художествъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, сообщалъ ему между тѣмъ извѣстія съ театра войны и литературныя новости, и присылалъ новыя книги. «Милостивый государь мой, графъ Кирила Григорьевичъ,» писалъ онъ, «пользуясь симъ случаемъ, имѣю честь вашему сіятельству послать нѣсколько книгъ новыхъ; нѣтъ, кажется, ни одной завидной; какъ что ни получу достойное вашего любопытства, то пришлю; я себѣ за честь и удовольствіе почитаю, что мнѣ хотя сіе малое дѣло приказать изволили. Имѣю честь послать вашему сіятельству три медали серебряныя, о уставленіи университета (388). Прошу, милостивый государь, простить, золотыя еще не поспѣли; какъ поспѣютъ, то служить буду. Здѣшнихъ вѣстей новыхъ нѣтъ; какъ я чаю, въ газетахъ видѣть изволите о взятіи Цесарцами у Пруссаковъ города Гавеля (389) и 3500 человѣкъ въ полонъ; сіи послѣдніе, кажется, поправились и счастіе на своей сторонѣ и поверх-

(387) Mémoires de Catherine. II. 248—251.

(388) Указъ объ основаніи Московскаго университета воспослѣдовалъ 12 Января 1754 года, самое же открытіе его 26-го Апрѣля 1755 года. Изъ медалей, выбитыхъ по случаю основанія университета, извѣстны намъ двѣ: одна большая, представляетъ съ одной стороны профиль Государыни съ подписью вокругъ: D. G. Elisabeta I. Imp. Autocr. Omn. Ross. а съ другой аллегорическую фигуру Россіи, окруженную принадлежностями наукъ и искусствъ, сидящую около пiедестала, на которомъ видѣнъ на щитѣ вензель Императрицы. На заднемъ планѣ видна Москва. Вокругъ читаемъ: Nova Sibi monumenta paravit, а внизу подъ аллегорическою фигурой: Academia Mosc. Instit MDCCLIV Другая медаль, меньшая, съ одной стороны подъ императорскою короною имѣетъ надпись: Auspiciis Augustissimae Elisabetae I. Omnium Russiarum Imperatricis et Autocratoris. Die XXV. Aprilis; съ другой стороны видна сидящая Паллада, держащая въ рукѣ вѣнки и окруженная принадлежностями наукъ и искусствъ. Вокругъ находится подпись: Dat praemia laudi, а внизу: Universit. Mosc. (Ricond de Tiregal, Médailles sur les principaux événements de l'empire de Russie, 82 и 83).

(389) Городъ Габель, а не Гавель, былъ занятъ Австрійцами подъ начальствомъ генерала Макира, послѣ 36-ти часовой осады, 15 Іюля (нов. ст.) 1757 года. Городъ защищалъ Прусскій генералъ Путкамеръ. Взятіе этого города открыло Австрійцамъ входъ въ Лужицы (Lloyd und Tempelhof, Gesch. d. 7 jährigen Krieges in Deutschland I, 227).

ность имѣютъ; дай Богъ, чтобъ только пользовались. Наша армія, чаю, въ Пруссіи, только операціи еще нѣтъ кромѣ Мемеля (390); когда ваше сіятельство дозволите, то я буду о приключеніяхъ сихъ писать, которыя за нѣсколько дней прежде газетъ приходить будутъ, желая показать вамъ во всемъ мое глубокое почтеніе; а паче сего желаю, чтобы могъ имѣть честь скорѣе васъ видѣть и засвидѣтельствовать, сколько я есмь вашего сіятельства милостиваго государя моего покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Шуваловъ.

1757 году Іюля 28 дня.»

Разумовскому не сидѣлось въ Малороссіи: и внутренняя борьба партіи Бестужева, къ которой все-таки онъ принадлежалъ, не смотря на хорошія отношенія къ Ивану Шувалову и Воронцову, и борьба внѣшняя, вдругъ разгорѣвшаяся съ береговъ Вислы до Атлантическаго Океана и даже Америки, и сердечныя невзгоды — все это вмѣстѣ тянуло его въ Петербургъ. Въ Августѣ онъ обратился къ Императрицѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

Всепресвѣтлѣйшая и пр. Исполняя всевысочайшую волю Вашего Императорскаго Величества, пробылъ я до сего времени въ Малой Россіи, гдѣ бы желалъ и всю наступающую осень и зиму остаться, дожидаясь будущаго вашего монаршаго повелѣнія; но непритворно Вашему Величеству признаваюся, что въ моемъ слабомъ здоровьи, а паче, что я доктора того лишаюся, который меня привыкъ пользовать, не снесу въ наступающія осень и зиму Глуховскаго сыраго и гнилаго воздуха. Вашему Императорскому Величеству самимъ извѣстно положеніе города Глухова и при томъ обстоятельства моего здоровья. Первое не соотвѣтствуетъ никакъ пользѣ больнаго человѣка, такого какъ я, а другое не соотвѣтствуетъ силамъ моимъ и не старымъ лѣтамъ. Болѣзнь въ правомъ бокѣ, которая началася уже у меня болѣе четырехъ лѣтъ и почти всего меня высушила, перестала было на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я себя отдалъ въ руки доктору Крузу, а нынѣ чувствительно опять показалася. Ежели же мнѣ остаться осень и зиму въ Глуховѣ, то самовидѣцъ тому Богъ, что она меня преодолѣетъ. И для того принимаю смѣлость всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества о дозволеніи мнѣ возвратиться въ Санктпетербургъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, дабы я могъ наступающія осень и зиму пробыть въ лучшемъ воздухѣ и удостоиться видѣть Вашего Императорскаго Величества, а притомъ пользоваться въ моей болѣзни, которая, кажется, не по лѣтамъ моимъ къ гробу меня ве-

---

(390) Мемель былъ занятъ Русскими 24 Іюня 1757 года.

детъ. Уповая на человѣколюбіе и милосердіе Вашего Императорскаго Величества, повергаю себя къ стопамъ вашимъ освященнымъ и есмь, пока живъ, съ раболѣпствомъ и повиновеніемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ К. Разумовскій.

Августа 27 дня. Глуховъ. 1757 (391).

Вѣсти изъ Петербурга шли своимъ чередомъ. Вице-канцлеръ писалъ къ Разумовскому:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, Кирила Григорьевичъ.

Непрестанныя отлучки изъ города и разные переѣзды изъ одного мѣста въ другое мнѣ препятствовали о полученіи вашего пріятнаго письма отъ 21 Іюля увѣдомить и ваше сіятельство покорнѣйше благодарить за присылку извѣстіи, по какимъ цѣнамъ разнаго сорта хлѣба изъ Украины къ Рижскому порту поставить можно; я не оставилъ о томъ нѣкоторымъ купцамъ сообщить, и оные къ своимъ корреспондентамъ писали съ требованіемъ извѣстія, сколько какого хлѣба ластовъ купить и будущаго лѣта изъ Риги взять пожелаютъ; и скоро скоро извѣстіе о томъ получится, то для покупки хлѣба въ Украину нарочный человѣкъ съ деньгами пошлется, и тогда буду просить вашего сіятельства способы подать, какихъ образцовъ наилучше и гдѣ хлѣбъ закупить, или чрезъ надежныхъ людей подрядомъ къ Рижскому порту поставить охотники найдутся. Впрочемъ в. с. справедливо разсуждать изволите, что дозволенное мнѣ Сенатомъ выпущеніе хлѣба сопряжено съ такими околичностями и подвержено многимъ затрудненіямъ, а особливо платежемъ великой пошлины столь отягощено, что едва ли авантажъ какой отъ сего торга имѣть можно будетъ; однакожъ сіе дѣло наиглавнѣйше зависитъ отъ того, чтобы Богъ благословилъ насъ изобильнымъ плодородіемъ, а чужестранныя области имѣли нарочитое оскудѣніе въ хлѣбѣ; въ такомъ случаѣ можно хорошіе прибытки получить. Вамъ извѣстно, что меня крайняя нужда заставила сей поступокъ учинить. По присланному отъ вашего сіятельства контракту, который на Италіанскій языкъ переведенъ, два архитекта въ службу вашу приняты; не смотря на то, что и теперь въ нихъ нѣкоторую нужду имѣю, я велѣлъ имъ немедленно къ вамъ ѣхать; токмо они усильно просили меня, чтобы на нѣсколько дней еще остаться и довершить начатую ими работу на приморскомъ дворѣ, чего ради, въ надеждѣ вашей апробаціи, я имъ дозволилъ до половины Сентября пробыть, а потомъ неотмѣнно велѣлъ въ путь отправиться.

---

(391) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

Бывшій у насъ Англійскій посолъ Вильямсъ собирался черезъ Польшу ѣхать; вдругъ, отмѣня намѣреніе, поѣхалъ черезъ Швецію; но на другой день по отъѣздѣ своемъ возвратился 22 Августа въ городъ, будто по причинѣ худыхъ лошадей, и будучи въ дорогѣ заболѣлъ; теперь сказываетъ, что моремъ въ Англію поѣдетъ. Сей его поступокъ крайне всѣхъ въ удивленіе приводитъ. Мы ежедневно изъ нашей арміи о баталіи извѣстія ожидаемъ, понеже обѣ арміи въ самой близости находятся, и уже частныя схватки между легкими войсками были съ урономъ Пруссаковъ. Дай Богъ благополучныя вѣдомости имѣть. Пребываю съ непремѣнною дружбою и совершеннымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства покорный и вѣрный слуга г. Михайло Воронцовъ.

1757 Августа 25 въ Царскомъ Селѣ.

P. S. Бывшій у насъ chargé d'affaires de France г. Дукласъ 21 числа отъѣхалъ, получа отъ Ея Императорскаго Величества щедрые подарки: я поручилъ ему для васъ хорошую дорожную карету сдѣлать и надѣюсь, что въ томъ услужитъ.

Ожидаемыя извѣстія о баталіи сообщилъ гетману Штелинъ.

Monseigneur.

Une nouvelle tout nouvellement arrivée me fournit l'occasion d'en féliciter V. E. de tout mon cœur. C'était aujourd'hui à la pointe du jour, que le bruit de 101 canons de la fortresse éveilla toute la ville de Pétersbourg. Tout le monde croyait d'abord, que c'était pour annoncer le retour de S. M. I. de Sarskoe Sélo, d'où pourtant à ce que l'on entend S. M. I. ne retournera pas dans le mois présent. Bientôt après on entendit qu'après minuit M. le Gen. Maj. Panin (392) était arrivé à Sarskoe Sélo avec l'agréable nouvelle d'une victoire considérable, que le 19 du courant l'armée de S. M. I. avait remportée sur l'armée prussienne sous le commandement du Maréchal Général Lehwald dans les environs de Welau, une mille au deça du retranchement Prussien (393). Le rapport qui fut écrit au champ de bataille ne contient que l'abrégé de cette journée. Le détail suivera bientôt. Cependant comme

(392) Генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, извѣстный побѣдитель Пугачева. Порошинъ записалъ: „Какъ П. И. Панинъ съ извѣстіемъ о Эрнсдорфской баталіи, съ трубящими почталіонами, въ Царское Село пріѣхалъ, то великій князь испугался. Тотъ день былъ ужасный громъ (Р. Вѣстн. 1866 г. кн. 8, стр. 435).

(393) Битва при Гроссъ-Егерндорфѣ или Егерсдорфѣ, на берегахъ Прегеля, неподалеку отъ Велау. Апраксинъ 19 Августа 1757 года съ 80.000 человѣкъ войска побилъ 22.000 корпусъ Прусскій подъ командою фельдмаршала Левальда Вслѣдъ за побѣдою Апраксинъ переправился обратно черезъ Прегель и очистилъ Пруссію, оставя за собою одинъ Мемель.

rien n'en est encore imprimé, je ne voulais pas manquer d'en donner part (sic) à V. E. même en hâte, autant qu'en est venu à ma connaissance.

Le Feldmaréchal Apraxine, ayant fait sa disposition pour attaquer l'ennemi dans son retranchement, fût attaqué une mille au deça en pleine marche dans un espèce de défilé. Le combat le plus vigoureux dura 3 heures. Nos grenadiers, notre artillerie et surtout nos haubises(394) ont fait des merveilles. Nos généraux se sont distingués par leur bravoure. Les Prussiens furent obligés à décamper avec une perte considérable et se retirèrent dans leurs retranchements. Parmi le nombre des tués de leur côté on a trouvé le général en chef Comte Dohna et beaucoup d'autres officiers. Notre armée a remporté quantité de drapeaux Prussiens, gagné 33 canons de différents calibres et 3 haubises et fait prisonniers 600 et deserteurs 300. De notre côté sont parmi les tués (dont on ne sait pas encore le nombre ni de l'un, ni de l'autre côté) Mr. Lapouchin gen. en chef(395), qui commandait l'aile gauche et qui se précipita dans les escadrons ennemis, Mr. Sibin lieut. général, Mr. Kapnist(396) brigadier des cosaques et le cheval sous le corps de S. E. le Feldmar. Apraxine. Parmi les blessés:

M. Lieven, gen. en chef (397). M. Lieven—lieut. gen. (398). M. Tolstoi — lieut. gen. (399). M. Bousquet — gen. maj. ingen. (400). M. Willebois, qui avec une sanglante blessure dans la tête n'a pas quitté l'action jusqu'a la fin (401). M. Joh. Mauteufel Zöge, beau frère du gen. Lieven. M. Plemenikof — bri-

---

(394) Извѣстныя Шуваловскія гаубицы, здѣсь впервыя употребленныя; онѣ отличались отъ обыкновенныхъ бо̀льшею длиною и овальномъ расширомъ, котораго длина была вдвое болѣе ширины. Орудія эти содержались въ тайнѣ, какъ изобрѣтеніе, отъ котораго ожидали большихъ успѣховъ. Несмотря однако на слова Штелина, опытъ не доказалъ ихъ пользы, и онѣ вскорѣ были вовсе оставлены.

(395) Генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ женатъ былъ на графинѣ Ягужинской.

(396) Капнистъ, отправленный на театръ войны съ Малороссійскимъ отрядомъ (см. выше).

(397) Ген. аншефъ и Александровскій кавалеръ баронъ Юрій Григорьевичъ (Георгъ Гейнгольдъ). + 1763.

(398) Баронъ Матвѣй Эбергардъ + 1762.

(399) Ген. аншефъ и Алекс. кав. Матвѣй Андреевичъ-Толстой + 1763, женатъ былъ на графинѣ Остерманъ.

(400) Ген аншефъ и Алекс. кав. де Боскетъ.

(401) Ген. фельцегмейстеръ и всѣхъ Росс. орд. кав. Александръ Никитичъ Вильбоа.

gad. (402). M. Waymarn — brigad. quartier maitre gen. (403). Nous avons bu aujourd'hui un bon bocal à la continuation de l'heureux succès des glorieuses armées de S. M. I. ce que souhaite de tout son coeur, Monseigneur, Votre très humble et très obéissant J. Stehlin.

A Pétersb. le 28 Août 1757.

P. S. Je viens de recevoir la réponse de M. Schmidt de Berlin à nos dernières propositions. Il les a acceptées et compte partir beintôt pour s'embarquer à Lubec et nous joindre encore dans l'autômne présent. M. l'ambassadeur Villiams ayant été parti d'ici tout à fait pour Stockholm et passé déjà une couple de stations de Finlande, retourna tout un coup (sic) il y a huit jours en ville avec une espèce de fièvre billieuse. Il s'est loge dans son premier quartier chez m. le baron Wolf et se prépare actuellement pour partir avec un vaisseau anglais pour se rendre tout droit par mer en Angleterre (404).

---

(402) Ген. поручикъ и Алекс. кав. Петръ Григорьевичъ Племянниковъ.

(403) Ген. поручикъ и Алекс. кавалеръ Иванъ Ивановичъ Веймарнъ.

(404) *Переводъ.* М. Г. только что полученное извѣстіе дастъ мнѣ случай поздравить отъ всего сердца ваше сіятельство. Сегодня чѣмъ свѣтъ весь городъ былъ пробужденъ 101-мъ пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпости. Всѣ думали сначала, что выстрѣлы эти давали знать о возвращеніи Ея Императорскаго Величества изъ Царскаго Села, откуда однако, какъ слышно, Ея Императорское Величество нынѣшній мѣсяцъ еще не вернется. Вскорѣ однако узнали, что послѣ полуночи пріѣхалъ въ Царское Село ген.-маіоръ Панинъ съ пріятнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной надъ Прусскими войсками подъ начальствомъ фельдмаршала Левальда, въ окрестностяхъ Бейлау, въ разстояніи какой нибудь мили отъ Прусскаго ретраншамента. Реляція, написанная на самомъ полѣ сраженія, содержитъ только общее описаніе дѣла. Вскорѣ будемъ мы имѣть подробности. Не смотря однако на это, такъ какъ еще ничего нѣтъ напечатаннаго, я непремѣнно хотѣлъ хотя вкратцѣ сообщить вашему сіятельству все то, что до меня дошло. Фельдмар. Апраксинъ, приготовившійся къ атакѣ непріятеля въ его ретраншаментахъ, самъ былъ атакованъ на мѣстности похожей на ущелье, за милю до ретраншаментовъ, въ то время, какъ войска къ нимъ подходили усиленнымъ маршемъ. Начался кровопролитный бой, продолжавшійся три часа. Наши гренадеры, наша артиллерія, а особенно наши гаубицы произвели чудеса. Наши генералы отличились храбростью. Пруссаки принуждены были отступить съ значительною потерею и стать за свои ретраншаменты. Между многими убитыми съ ихъ стороны находятся ген.-аншефъ графъ Дона и много другихъ офицеровъ. Наша армія захватила много Прусскихъ знаменъ, 33 пушки разныхъ калибровъ, 3 гаубицы, плѣнными 600 человѣкъ, да еще было 300 дезертировъ. Съ нашей стороны въ числѣ убитыхъ (число которыхъ съ той и другой стороны еще не извѣстно) ген.-аншефъ Лопухинъ, командовавшій лѣвымъ флангомъ, бросившійся въ середину непріятельскихъ рядовъ, ген.-лейт. Зыбинъ, казачій бригадиръ Каниистъ, да еще убита лошадь подъ ген.-фельдм. Апраксинымъ. Въ числѣ ране-

Разрѣшенія вернуться въ Петербургъ гетманъ все таки не получалъ. Онъ вторично обратился къ Государынѣ:

Всепресвѣтлѣйшая и проч. Предъ симъ за нѣсколько мѣсяцевъ, принялъ я дерзновеніе утруждать Ваше Императорское Величество всеподданнѣйшимъ моимъ прошеніемъ о дозволеніи пріѣхать мнѣ на зиму въ Санктпетербургъ, но не получа милостивой резолюціи, чрезъ сіе еще повергая себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу дать мнѣ оное пріѣхать хотя на малое время, дабы я могъ имѣть счастіе видѣть очи Вашего Императорскаго Величества, а потомъ само-персонально пріискать людей себѣ въ службу, безъ которыхъ мнѣ въ Глуховѣ для здоровья моего никакъ пробыть невозможно, и напослѣдокъ, препоручивъ себя высокоматерному вашему милосердію и распорядивъ домъ мой, забраться со всею моею фамиліею въ Малую Россію. Сего всемилостивѣйшаго дозволенія, по крайности моей, испросить отъ Вашего Императорскаго Величества смѣлость принялъ и, какъ необходимо мнѣ надобно, ожидаю съ раболѣпствомъ. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ, графъ Кирила Разумовскій.

Октября 16 дня 1757. Глуховъ. (405).

Къ Разумовскому объ отпускѣ отвѣчалъ вице-канцлеръ:

Сіятельнѣйшій графъ, М. Г. мой, Кирила Григорьевичъ. Я уже давно отъ вашего сіятельства пріятнѣйшихъ писемъ не получалъ и весьма безпокоенъ о здоровьи вашемъ вѣдать, чего ради прошу дружескимъ увѣдомленіемъ меня не оставлять, дабы хотя тѣмъ нѣкоторое порадованіе имѣлъ, когда до нынѣ суетно ласкался васъ вскорѣ здѣсь видѣть; будучи и теперь въ ожиданіи ежечасно услышать, что вамъ сюда пріѣхать повелѣно будетъ, чего всѣмъ сердцемъ желаю, а съ моей стороны все воз-

---

ныхъ: Ливенъ ген. анш., Ливенъ ген.-лейт., Толстой ген.-лейт., Боскетъ инженерный ген.-маіоръ, Бильбуа, который съ страшною раною въ головѣ не покидалъ до конца поля сраженія, Іог. Мантейфель-Цеге, зять Ливена, Племянниковъ бриг., Веймарнъ бригадиръ, генералъ квартирмейстеръ. Мы сегодня выпили по большому кубку за продолженіе успѣховъ побѣдоноснаго воинства Ея Императорскаго Величества и этого отъ души желаетъ, М. Г., вашъ нижайшій и послушнѣйшій Я. Штелинъ.

Петербургъ 28 Августа 1757 года.

P. S. Я только что получилъ отвѣтъ г. Шмидта на наши послѣднія предложенія. Онъ ихъ принялъ и вскорѣ намѣревается выѣхать изъ Берлина, съ тѣмъ чтобы сѣсть на корабль въ Любекѣ и пріѣхать сюда нынѣшнею осенью. Г. посолъ Вилліамсъ, уѣхавшій отсюда въ Штокгольмъ и проѣхавшій уже нѣсколько станцій въ Финляндіи, внезапно сюда вернулся тому назадъ дней восемь. У него что-то въ родѣ желчной горячки. Онъ остановился на своей прежней квартирѣ у барона Вольфа и готовится сѣсть на Англійскій корабль, чтобы поплыть прямо въ Англію.

(405) Изъ Государственнаго Архива.

можное къ тому употребляю, токмо къ чувствительному моему сожалѣнію сіе такъ долго медлится, однакожъ не отчаеваюсь услышать пріятнѣйшее извѣстіе о прибытіи вашемъ сюда, котораго всѣ генерально съ нетерпѣніемъ дожидаются. О себѣ покорнѣйше донести имѣю, что при начавшейся дурной погодѣ, я уже нѣсколько разъ боленъ былъ и принужденъ по большей части въ скукѣ дома сидѣть; къ тому же наипаче худые успѣхи нашей арміи и неожиданныя, странныя и весьма безславныя для насъ поведенія командующаго фельдмаршала столь много меня изнуряютъ, что я сего прискорбія едва сносить могу, будучи усердіемъ и вѣрностію о славѣ всемилостивѣйшей нашей Государыни и любезнаго отечества объятъ и зная какія непріятныя толкованія при всѣхъ дворахъ чинятся, и изъ того худыя послѣдованія быть имѣютъ, умалчивая о напрасныхъ издержкахъ многихъ милліоновъ, что все личѣмъ исправить и наградить не можно, хотя къ тому наисильнѣйшія мѣры употребляются, и начало сдѣлано снятіемъ команды отъ фельдмаршала Апраксина, которая господину генералу Фермеру (406) поручена. Вышеписанное въ довѣренности вашему сіятельству, моему наилучшему другу, откровенно объявляю, зная ваши честные сентименты и усердіе о славѣ Ея Императорскаго Величества и пользѣ дражайшаго отечества, что вы равномѣрно такое же прискорбіе чувствуете. По нынѣ мы худымъ управленіемъ постъ-амта хотя и лишены всѣхъ публичныхъ извѣстій т. е. печатныхъ газетъ, однакоже многія поносныя и крайне огорчительныя извѣстія о бытности нашей арміи въ Пруссіи здѣсь подъ рукою получаются, которыя токмо сожалѣніе умножаютъ, а плохое руководство нашего командира къ вѣчному его посрамленію и осужденію памятью останутся. При семъ для любопытства вашего посылаю недавно здѣсь полученный экстрактъ письма Кор. Прусс. къ фельдмаршалу Кейту; стиль онаго вамъ, надѣюсь, понравится. Въ заключеніе прошу непремѣнно содержать меня въ вашей любви и дражайшей дружбѣ, о которыхъ я совершенно увѣряюсь и вамъ неизмѣнно пребуду истиннымъ другомъ и вѣрнымъ слугою. Я вскорѣ отъ г-на Дукласа ожидаю извѣстія, что онъ въ Парижъ пріѣхалъ и повелѣнную отъ меня дорожную карету для васъ сдѣлать заказалъ; токмо я не могу отъ г-на Елагина дождаться вашего герба, который прислать ко мнѣ обѣщался въ Августѣ, однакожъ г. Ададуровъ приказалъ въ герольдіи наилучшимъ образомъ сдѣлать, и я, получа оный, пошлю къ г. Дукласу. На сихъ дняхъ получено извѣстіе, что г. Вилліамсъ въ Абовъ пріѣхалъ, токмо еще море не переѣзжалъ; можетъ быть, что и въ третій разъ сюда воротится, чего однако же не уповаю. У насъ жестокіе морозы и снѣгъ всякій день идетъ, вчерась нарочитое наводненіе было, и ледъ

(406) Генералъ-аншефъ и Русскихъ орденовъ кавалеръ графъ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ ум. 1771 году. Въ 1759 послѣ Цорндорфской битвы онъ уступилъ команду графу Салтыкову.

во всю рѣку плыветъ; такой ранней зимы никто не помнитъ. Пребываю съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ вашему сіятельству покорный и вѣрный слуга, графъ Михайла Воронцовъ 1757 г. Октября 17, въ С.-Петербургѣ.

Непонятное поведеніе Апраксина до сихъ поръ не совершенно уяснено. Былъ ли причастенъ къ этому дѣлу Бестужевъ или нѣтъ, опредѣлить трудно. Всѣ бумаги, касающіяся до плановъ канцлера, были имъ сожжены. Въ запискахъ своихъ Екатерина совершенно его оправдываетъ. Быть можетъ, что Апраксинъ, самъ отъ себя, рѣшился внезапно отступить послѣ побѣды, и тѣмъ подвергнулъ Русское войско горькимъ упрекамъ и насмѣшкамъ союзниковъ; быть можетъ, что Бестужевъ нуждался для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ въ присутствіи войска въ Петербургѣ. Здоровье Государыни все слабѣло, каждый мѣсяцъ съ нею бывали страшныя конвульсіи, которыя совершенно истощали ея организмъ. Послѣ каждой конвульсіи съ ней дѣлались припадки въ родѣ летаргіи ([407]). Придворные ожидали близкаго конца, и Бестужевъ, ежели вѣрить преданію, хотѣлъ воспользоваться однимъ изъ такихъ припадковъ, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи въ пользу Великаго Князя Павла Петровича и Екатерины. Для этого ему, особенно же въ случаѣ кончины Государыни, нужна была подмога Апраксина и войска, находившагося подъ его командою. Но Бестужевъ нашелъ нежданнаго противника—въ архіепископѣ Новгородскомъ Дмитріѣ Сѣченовѣ. Несмотря на скрытность канцлера, тайна стала разглашаться по городу и дошла до святителя, который поспѣшилъ во дворецъ и уговорилъ Елизавету Петровну не лишать престола законнаго своего Наслѣдника. Во всякомъ случаѣ, Бестужевъ вѣроятно не расчитывалъ на крайнюю неловкость Апраксина. Подъ предлогомъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, послѣ совершеннаго пораженія Пруссаковъ, фельдмаршалъ повелъ армію назадъ съ такою поспѣшностью, что отступленіе походило на бѣгство. Государыня снова поправилась и была крайне раздражена противъ Апраксина и Бестужева. Сами друзья фельдмаршала не знали что сказать въ его оправданіе ([408]). Великая Княгиня черезъ Бестужева сблизилась съ Апраксинымъ. Передъ отъѣздомъ своимъ къ мужу на границы Пруссіи, фельдмаршальша Аграфена Леонтьева Апраксина явилась откланяться къ Екатеринѣ. Послѣдняя между прочимъ сообщила ей свои опасенія на

([407]) Mém. de Cath. II. 284. — ([408]) Тамъ же.

счетъ здоровья Императрицы; изъявила сожалѣніе о томъ, что мужъ ея получилъ такое щекотливое назначеніе въ то время, какъ по всѣмъ предположеніямъ Шуваловымъ не долго придется удержаться при дворѣ, и добавила, что она «на Шуваловыхъ смотритъ какъ на личныхъ враговъ, страшно на нее злившихся за то, что она имъ предпочитала ихъ недоброжедателей, а именно графовъ Разумовскихъ» (409). Слова эти были, разумѣется, переданы Апраксину, и между нимъ и Великой Княгиней завязалась тайная переписка. Бестужевъ, испуганный своею неудачею и впечатлѣніемъ, которое произвело на Императрицу и всю Россію отступленіе нашихъ войскъ, обратился къ Екатеринѣ съ просьбою неотлагательно написать къ Апраксину и остановить его постыдное бѣгство, которое враги объясняли самымъ неблагопріятнымъ и постыднымъ для него образомъ (410). Письмо пришло слишкомъ поздно. Графъ Эстергази и маркизъ Лопиталь громко жаловались на измѣну. Ферморъ назначенъ былъ преемникомъ Апраксину. Фельдмаршалъ на дорогѣ къ Петербургу былъ арестованъ въ Нарвѣ.

Среди этихъ трагическихъ происшествій гр. А. К. Воронцова благодарила гетмана слѣдующимъ письмомъ за поздравленіе съ помолвкою дочери ея графини Анны Михайловны (411) за двоюроднаго брата гр. Екатерины Ивановны Разумовской барона (впослѣдствіи графа) Александра Сергѣевича Строганова (412).

Государь мой Кирила Григорьевичъ!

Я никогда не сомнѣвалась о томъ, что ваше сіятельство примете искреннее участіе по случаю обрученія дочери моей съ барономъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ; но всегда того ожидала отъ истинной дружбы вашей и постояннаго къ намъ благонамѣренія. Всѣ склонныя привѣтствія въ письмѣ вашемъ пріемлю и съ особливою чувствительностію, вѣдая довольно, что онѣ происходятъ отъ искренняго и благороднаго сердца вашего. Ваше сіятельство можете увѣрены быть и о моемъ

(409) Тамъ же 247. — (410) Тамъ же.

(411) Баронесса, впослѣдствіи графиня, Анна Михайловна (1743 † 1769); она не долго жила съ мужемъ и уже въ началѣ царствованія Екатерины II была съ нимъ въ разводѣ.

(412) Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, оберъ-камергеръ, всѣхъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ, президентъ Академіи Художествъ (1734 † 1811). По матери (Софіи Кириловнѣ Нарышкиной) онъ былъ двоюродный братъ графини Разумовской.

къ вамъ усердіи, и что я по толь дѣйствительнымъ опытамъ пріятства вашего конечно не останусь безъ сердечной благодарности и признанія, равномѣрно и дочь моя, которая при самомъ началѣ вступленія въ родство съ вами, видя особливую къ себѣ отъ васъ ласковость, надѣется обрѣсть себѣ милосердаго отца въ особѣ вашей; я, оную вамъ совершенно поручая, пребуду всегда съ непреклоннымъ почтеніемъ къ услугамъ Анна Воронцова.

С.-Петербургъ 20 Октября 1757.

Пожалуй пріѣзжай къ намъ поскорѣе, а то мы скуки (sic) пропадаемъ.

Гетмана нечего было торопить пріѣздомъ; кромѣ писемъ къ Государынѣ, онъ безпрестанно съ тою же просьбою обращался къ вице-канцлеру:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ (отвѣчалъ ему Воронцовъ) на сихъ дняхъ я получилъ вашего сіятельства два дружескія писанія отъ 17 и 23 Октября и что до одного надлежитъ, я въ ежедневномъ ожиданіи пребываю услышать милостивое Ея Величества повелѣніе о пріѣздѣ вашемъ сюды, но къ немалому моему чувствительному сожалѣнію донынѣ онаго не послѣдовало; я не оставлю на сихъ дняхъ при удобномъ случаѣ паки доложить Ея Величеству и, получа соизволеніе, немедленно изъ Конференціи съ указомъ курьеръ къ вашему сіятельству отправится. Вы не можете себѣ представить, сколь много здѣсь всѣ друзья ваши съ нетерпѣніемъ прибытія вашего ожидаютъ. Французскій посолъ ([413]), хотя не имѣетъ чести персонально васъ знать, непрестанно у меня спрашиваетъ, дано ли позволеніе о пріѣздѣ вашемъ сюды. По непремѣнной моей преданности и дружбѣ къ вашему сіятельству, вы легко можете понять, сколько мнѣ прискорбно такъ долгое медленіе вашего прибытія. Что же касается до другаго письма вашего, я не могу довольно благодаренія моего принести за употребленное стараніе ваше въ способствованіи извѣстнаго хлѣбнаго торга; токмо по нынѣ еще никакихъ позитивныхъ извѣстій изъ чужестранныхъ государствъ въ полученіи не имѣю, сколько числомъ ластовъ и какого сорта хлѣба купить желаютъ; я думаю, что высокая цѣна у насъ хлѣбу, а паче великая пошлина съ выпуску, къ тому же хорошій урожай нынѣшняго лѣта всякому хлѣбу за моремъ, есть причиною, что такъ мало охотниковъ являются покупать хлѣбъ въ Россіи. Пребываю съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства покорный и вѣрный слуга г. Михайла Воронцовъ.

1757. Ноября 14 дня въ С.-Петербургѣ.

P. S. На прошлой недѣлѣ я наконецъ получилъ отъ г-на Ададурова рисунокъ герба вашего сіятельства, который и отправилъ въ Парижъ къ

([413]) Маркизъ Лопиталь.

г-ну Дукласу, поруча ему сдѣлать хорошую дорожную карету и чтобы на первыхъ отходящихъ корабляхъ сюда отправилъ; желаю, чтобы счастливо сюда перевезена и угодна вашему сіятельству была.

Рядъ писемъ, полученныхъ гетманомъ въ 1757 году и сохранившихся въ архивѣ графа А. С. Уварова заключается довольно безграмотнымъ письмомъ отъ оберъ-шталмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова.

Сіятельнѣйшій графъ, мой государь милостивый, Кирило Григорьевичъ, я не оправдаюсь, что такъ долгое время не служилъ моими письмами, но могу искреннее мое почитаніе и любовь къ вашему сіятельству засвидѣтельствовать не только любезною вашею супругою, но и всѣмъ домомъ, гдѣ я очень часто бываю съ совершенною искренностію; видѣвъ ея житіе, поступки во всемъ сходные съ честію васъ обоихъ и, однимъ словомъ, не вижу человѣка, ктобъ не хотѣлъ съ большимъ почитаніемъ быть въ домѣ вашемъ для усмотрѣнныхъ меритовъ въ ея сіятельствѣ графинѣ вашей. Она тотъ же домъ имѣетъ для честныхъ и знатныхъ людей, какъ и при вашемъ сіятельствѣ было. Графъ Михаила Ларіоновичъ и графиня Анна Карловна очень часто провождаемъ (sic) дни васъ вспоминая, когда жъ у нея нѣтъ съ кѣмъ поиграть въ кадрилью, что̀ ежедневно между дѣлъ наше единственное утѣшеніе и удовольствіе, наѣзжалъ (sic); она имѣетъ только съ дѣтьми дѣло, и я съ ними; вотъ я и думаю, слышавъ порядокъ моего предъ вами проступка, и свѣтовать уже не будете; чтожъ я забытъ, добромилостивецъ мой, какъ увидимся тогда попеняю; а теперь повѣрьте, государь мой милостивый, что радость всякому честному человѣку домъ вашъ видѣть, и вы найдете оный съ желаніемъ вашимъ во всемъ сходный. Романъ Ларіоновичъ ([414]) истинно усердный вашъ другъ и слуга; я не знаю, когда гдѣ бываетъ, кромѣ вашего дома; печется и хлопочетъ, гдѣ силы достать могутъ, единственно объ васъ и для васъ, чѣмъ я удостовѣрить могу, почитая самъ за первѣйшее удовольствіе, когда бъ какое въ чемъ либо вамъ добро видѣлъ или и слышалъ! А за тѣмъ увѣряю совершенно, вы столь счастливы, что весь городъ васъ здѣсь видѣть желаетъ, слѣдовательно имѣете надежду сюда радостно пріѣхать; спѣшите, спѣшите, всѣ силы употребляя, чего съ моей стороны особенно усердно васъ въ полномъ здоровіи видѣть желая, пребываю во всегда и пр. Петръ Сумароковъ.

14 Ноября 1757. С.-Петербургъ.

Наконецъ въ Декабрѣ дошло до Глухова столь нетерпѣливо ожидаемое дозволеніе: Гетманъ поручилъ управленіе Малороссіею генеральному обозному Кочубею, генеральному подскарбію Скоропадскому, генеральному

([414]) Воронцовъ.

писарю Безбородкѣ, есаулу Волькевичу и хорунжему Ханенкѣ, и въ сопровожденіи одного только канцеляриста Дергуна (415) поскакалъ 12 Декабря въ Петербургъ. Графиня Наталья Демьяновна еще въ Ноябрѣ вернулась въ Адамовку, а Тепловъ, недавно выдавшій племянницу свою за Миклашевскаго (416), какъ кажется, еще остался въ Глуховѣ. Въ Петербургѣ Разумовскій засталъ Маркиза Лопиталя играющаго первую роль какъ въ обществѣ, такъ и при дворѣ. Государыня его особенно жаловала и въ праздникъ ея восшествія на престолъ французскій посолъ стоялъ съ тарелкою у нея за стуломъ (417). Апраксинъ содержался недалеко отъ Петербурга въ мѣстечкѣ Три-Руки, въ путевомъ дворцѣ, не въѣзжая въ городъ, подъ присмотромъ тогоже Суворова, который нѣкогда привезъ въ Глуховъ Андреевскую ленту гетману. Графъ Алексѣй Григорьевичъ на этотъ разъ дѣйствовалъ за одно съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ: оба хотѣли спасти Апраксина, но противъ нихъ были вице-канцлеръ, графъ Бутурлинъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, которыхъ подстрекали Эстергази и Лопиталь (418). Что же касается до Бестужева, то онъ послѣднее время уже почти не видалъ Государыню. Переговоры о дѣлахъ дѣлались черезъ третіе лице, и его положеніе съ каждымъ днемъ становилось болѣе затруднительнымъ.

Мы уже не разъ имѣли случай говорить о томъ, что Великая Княгиня особенно отличала Разумовскихъ. Въ настоящій пріѣздъ свой ко двору Гетманъ еще болѣе сблизился съ супругою Наслѣдника престола.

Екатерина (419) сосватала племянницу Разумовскихъ Марину Осиповну Закревскую за Льва Александровича Нарышкина. Сватовство это началось на балѣ у Великой Княгини. Марина Осиповна, молоденькая и ловкая, мастерски танцовала менуетъ съ Нарышкинымъ. Екатерина, сидѣвшая между сестрою Нарышкина, Сенявиною, и невѣсткою его Анною Никитичною (420) любовалась парою и рѣшила вмѣстѣ съ собесѣдницами своими, что молодыхъ людей слѣдуетъ непремѣнно женить; ее еще

(415) Зап. Марковича, II. 348. — (416) Тамъ же.

(417) Записки Порошина, 72. — (418) Mémoires de Catherine II, 286.

(419) Екатерина въ своихъ Запискахъ относитъ сватовство Закревской и просьбу гетмана къ 1757. Тутъ явная ошибка. Невозможно, чтобы Нарышкинъ былъ такъ долго женихомъ; къ тому же гетманъ лѣтомъ 1757 былъ въ Малороссіи.

(420) Анна Никитична урожд. Румянцова (1730—1820).

болѣе къ этому подстрекало то, что Нарышкина сватали въ городѣ за племянницу Шуваловыхъ, Хитрову. На другой день, на придворномъ маскарадѣ Екатерина подошла къ гетману и сказала, что стыдно ему не похлопотать о счастьи своей племянницы, что ей представляется прекрасная партія въ лицѣ Льва Нарышкина; что мать Нарышкина ([421]) хочетъ женить его на Хитровой, но что гораздо лучше выдать за него Марину Осиповну, и что гетманъ долженъ, не теряя времени, приняться за дѣло. Гр. Кирила Григорьевичъ поспѣшилъ сообщить проэктъ Великой Княгини Теплову, который тотчасъ же передалъ его графу Алексѣю Григорьевичу и получилъ его согласіе. На другой день Тепловъ отправился къ Петербургскому архіепископу и получилъ за 50 рублей разрѣшеніе на бракъ ([422]). Какъ скоро разрѣшеніе было получено, гетманъ съ графинею Екатериною Ивановною явились къ теткѣ своей Еленѣ Александровнѣ Нарышкиной и съумѣли такъ ловко повести дѣло, что та противъ воли согласилась. За тѣмъ гетманъ и родственницы убѣдили Льва Нарышкина жениться на Закревской. Получивъ согласіе жениха, Кирила Григорьевичъ призвалъ къ себѣ племянницу, которая нашла партію слишкомъ выгодною, чтобы отъ нея отказаться. На другой день, въ воскресенье, оба Разумовскіе обратились къ Государынѣ съ просьбою о соизволеніи на бракъ, и тотчасъ его получили. Это сватовство болѣе сдружило Великую Княгиню съ Разумовскими. Оба брата были крайне благодарны Екатеринѣ за то, что она устроила для ихъ племянницы такую блистательную и богатую сватьбу и сверхъ того были довольны одержать верхъ надъ Шуваловыми, съ трудомъ скрывшими свою досаду ([423]). Вскорѣ послѣ своего сватовства, Левъ Александровичъ Нарышкинъ убѣдилъ гетмана приглашать къ себѣ Великаго Князя по секрету на вечера, разъ или два въ недѣлю: на вечерахъ этихъ присутствовали только гетманъ, Марья Павловна Нарышкина ([424]), Великій Князь, Матрена Герасимовна Теплова и самъ Нарышкинъ. Собранья эти происходили великимъ постомъ и подали поводъ къ новой выдумкѣ. Домъ

([421]) Елена Александровна урожд. гр. Апраксина (+1767).

([422]) Трудно понять, какое дозволеніе было нужно для этого брака: между молодыми людьми не было ни малѣйшаго родства.

([423]) Mémoires de Catherine II, 273—276.

([424]) Вѣроятно это была жена оберъ-егермейстера Семена Кирриловича, о которой упоминали мы выше.

гетмана, какъ мы уже упомянули выше, былъ въ то время деревянный; въ комнатахъ графини Екатерины Ивановны ежедневно собирались гости, и такъ какъ хозяйка любила карты, тамъ по вечерамъ бывала постоянная игра. Гетманъ являлся въ гостиную жены, любезничалъ съ гостями и опять исчезалъ, а на его половинѣ, даже въ тѣ дни, когда не бывало Великаго Князя, собиралась своя бесѣда. Кирила Григорьевичъ нѣсколько разъ бывалъ у Великой Княгини на ея тайныхъ вечеринкахъ, и захотѣлъ въ свою очередь принять ее у себя. Великой Княгинѣ и обществу ея отведены были двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ гетманскаго дома; комнаты эти гетманъ называлъ своимъ эрмитажемъ. Наслѣднику престола и супругѣ его строжайше запрещено было выѣзжать изъ дворца безъ особеннаго дозволенія Императрицы. Окруженные шпіонами, они только тайкомъ могли выходить изъ своихъ аппартаментовъ, при чемъ Великій Князь таился отъ Великой Княгини, а Великая Княгиня отъ Великаго Князя. Такимъ образомъ у Кирила Григорьевича, въ одномъ и томъ же домѣ и въ одно время, собиралось по три и по четыре различныхъ общества. Одинъ только хозяинъ да приближенные Екатерины знали о томъ, что происходило въ домѣ; другіе же, начиная съ хозяйки, и не подозрѣвали того, что дѣлалось за стѣнами графининой гостиной и возвращались домой увѣренные, что были единственными гостями хлѣбосольнаго гетмана (425).

Среди этихъ вечеринокъ и приготовленій къ сватьбамъ, которыхъ при дворѣ праздновали разомъ три, Нарышкина съ Закревской, барона Строганова съ графиней Анной Михайловной Воронцовой и графа Петра-Іоны Александровича Бутурлина (426), съ графиней Марьей Романовной Воронцовой, въ то время, какъ гетманъ шутливо бился объ закладъ съ Датскимъ посланникомъ Остеномъ о томъ, который изъ молодыхъ мужей первый будетъ рогоносцемъ (427), — Разумовскимъ грозила страшная опасность. Арестованіе Апраксина и слѣдствіе надъ нимъ нанесли окончательный ударъ Бестужеву. Онъ висѣлъ на волоскѣ, и этотъ волосокъ поспѣшилъ разорвать могущественный при дворѣ маркизъ Лопиталь, нашедшій въ Петербургѣ обширное поле къ упражненію въ интригахъ. Государыня, на канунѣ сватьбы Марины Осиповны, сама была на дѣвичникѣ, который

(425) Mémoires de Catherine II. 278—279. — (426) Сынъ фельдмаршала.
(427) Mémoires de Catherine II, 309.

справлялся въ Аничковскомъ домѣ. Сватьба праздновалась съ обыкновенною торжественностью, съ маршалами, шаферами и ближними дѣвицами; а въ тоже время, по выраженію князя Шаховскаго, «происками злодѣевъ графъ Бестужевъ повергнутъ былъ въ несчастіе» (428). Великій канцлеръ былъ арестованъ, 25 Февраля 1758 г. вечеромъ въ то время, какъ онъ только что пріѣхалъ во дворецъ на конференцію (429). Солдаты, которые должны были арестовать Бестужева, радовались, думая, что имъ велятъ схватить Шуваловыхъ (430). По свидѣтельству Екатерины, общественное мнѣніе было совершенно на сторонѣ Бестужева. Въ одно время съ Бестужевымъ захвачены были два друга графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, герольдмейстеръ Василій Евдокимовичъ Ададуровъ и любимый адъютантъ его Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Напали на слѣды переписки Екатерины съ Апраксинымъ и на подозрѣніе о тайныхъ сношеніяхъ ея съ павшимъ канцлеромъ. Присутствіе духа Бестужева спасло Екатерину: всѣ бумаги и письма ея были имъ истреблены. Графу Петру Ивановичу Шувалову всего этого было не довольно: онъ всячески хотѣлъ завлечь въ эту катастрофу и обоихъ Разумовскихъ. Для этого онъ старался дѣйствовать черезъ другаго адъютанта Алексѣя Григорьевича — поэта Сумарокова. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Сумароковъ имѣлъ довольно честности, чтобы остаться вѣрнымъ своему благодѣтелю.

«Петръ Ивановичъ Шуваловъ мой злодѣй,» писалъ Сумароковъ къ Екатеринѣ II отъ 25 Февраля 1770; «за то особливо, что онъ хотѣлъ меня сдѣлать себѣ противу графа Разумовскаго злодѣемъ» (431). Сумарокова допрашивали (432).

---

(428) Записки кн. Я. П. Шаховскаго, II. 140.

(429) Екатерина спутываетъ въ своихъ Запискахъ числа. Такъ она арестованіе Бестужева относитъ къ 1759 году, на канунѣ сватьбы Льва Нарышкина и графа Бутурлина. Сватьба Бутурлина была 15, Строганова 18, а Нарышкина 22-го Февраля 1758. Память очевидно въ этомъ измѣнила Екатеринѣ. Мы руководствуемся показаніемъ Саксонскаго резидента Прассе. Hermann, Gesch. de Russ. St. V. 225.

(430) Mém. de Catherine. 311.

(431) Библіографическія Записки. Т. I, стр. 433. Вотъ между прочимъ, причина, почему Екатерина, не взирая на все сумасбродство Сумарокова, впослѣдствіи все таки ему покровительствовала.

(432) Прассе говоритъ: „der Oberstallmeister Sumarokow,“ но онъ здѣсь очевидно принимаетъ одного за другаго.

«Графы Разумовскіе, говоритъ Прассе въ депешѣ отъ 28 Апрѣля 1758 года, должны ожидать тоже ареста» (433). Но гроза прошла мимо. Можно предположить, что кромѣ брачныхъ узъ, соединявшихъ съ Государыней старшаго Разумовскаго и несомнѣнно послужившихъ ему и брату его лучшею въ этомъ дѣлѣ защитою, оба были еще многимъ обязаны заступничеству Ив. Ив. Шувалова. Разумовскихъ не только не арестовали, но 17 Марта Государыня пировала у Алексѣя Григорьевича въ Аничковскомъ его домѣ до 2 часовъ утра, при чемъ были генералитетъ, статсъ-дамы и полныя генеральши. Лѣтомъ она снова проводитъ со всѣми статсъ-дамами и кавалерами 5 дней въ Гостилицахъ и наконецъ осенью креститъ сына гетмана — графа Григорія Кириловича, родившагося въ 1758 году 10 Ноября (434). Въ этомъ же году пріѣхалъ въ Петербургъ съ блестящею свитою Поляковъ и Нѣмцевъ принцъ Карлъ Саксонскій; при немъ состоялъ другъ Разумовскаго, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. Первымъ дѣломъ принца, по пріѣздѣ, было отправить къ графу Алексѣю Григорьевичу состоявшаго при немъ въ родѣ пѣстуна генерала Ланиналя. Алексѣй Григорьевичъ былъ боленъ (весьма вѣроятно, что вся Бестужевская трагедія подѣйствовала на его организмъ) и вмѣсто себя отправилъ къ принцу съ поздравленіями бригадира Воейкова. Однимъ изъ первыхъ визитовъ принца былъ къ Алексѣю Григорьевичу и гетману (435). Вообще послѣ попытокъ графа Шувалова поплатиться, хотя нѣсколько поздно, за прежнее сѣченіе батожьемъ, кредитъ Разумовскихъ не только не упалъ, но даже нѣсколько поднялся.

Какъ скоро кризисъ прошелъ и Разумовскіе явились если не съ новой силой при дворѣ, то съ новыми знаками монаршей благосклонности, гетманъ обратился къ Императрицѣ съ прошеніемъ. Какъ ни странно и непріятно поражаютъ въ наше время просьбы въ родѣ той, которую приводимъ ниже, надо однако, въ извиненіе гетмана, сказать, что въ тѣ времена просилъ всякій, бывшій въ случаѣ. На казну тогда смотрѣли, и, надо признаться, до сихъ поръ смотрятъ многіе православные, какъ на мать-кормилицу, неистощимую и неизсякаемую подательницу всякихъ благъ. Никто столько не просилъ, а гдѣ приходилось и прямо не забиралъ, какъ оба графы Шуваловы; просили и Воронцовы, и Трубецкой, и

---

(433) Hermann, Gesch des Russ. St. V. 227.

(434) Камеръ-фур. журналъ 1758 г. — (435) Тамъ же.

Апраксинъ, и Бестужевъ — однимъ словомъ, всякій, кто только занималъ немного видное мѣсто при дворѣ, обращался къ верховной власти съ просьбою о денежномъ пособіи и почти всегда успѣвалъ въ своей просьбѣ. Это обстоятельство должно извинить графа Кирилу, но при этомъ должны мы замѣтить, что наврядъ ли когда такъ поступалъ старшій братъ его. Приводимъ прошеніе гетмана:

Всепресвѣтлѣйшая и пр.

Степень, на которую меня благоугодно явилось Вашему Императорскому Величеству возвести, всему свѣту доказываетъ, сколь далеко простирается милосердіе, и щедрота, и великодушіе Вашего Императорскаго Величества. Равнымъ образомъ и благодарность всей нашей фамиліи не имѣетъ иныхъ предѣловъ какъ только жизнь и дыханіе наше, пока Богъ благоволитъ оныя продолжить. Ваше Императорское Величество даровали намъ все то, что̀ токмо въ щасти (sic) рода человѣческаго пожелать возможно, и я собственно всему племени нашему оставлю въ вѣчный законъ сіе въ Вашемъ Императорскомъ Величествѣ Божіе дарованіе превозносить вѣчнымъ признаніемъ, а самъ, пока живъ, усердными къ Богу молитвами о продолженіи вседражайшаго здравія Вашего, будучи столь изобильно взысканъ милосердіемъ Вашимъ. Но, взирая на умножившееся число дѣтей моихъ, по человѣчески предвижу, Всемилостивѣйшая Государыня, что въ недостаткахъ къ житію могутъ иногда закрыты остаться знаки сихъ благодѣяній въ моемъ потомствѣ.—Я имѣю теперь пять сыновей и пять дочерей: всѣ они, какъ нынѣшніе, такъ и которыми впредь вослибо (sic) Богъ меня благословитъ, однимъ наслѣдствомъ жены моей а ихъ матери, должны будутъ себя снабдить, потому что я собственнаго недвижимаго имѣнія въ вѣчность за собою ни единой души не имѣю. Всемилостивѣйшая Государыня, призрѣвъ столь великодушно на меня, призри милосердо на мое потомство для вящаго прославленія въ поздніе вѣки имени Вашего Величества; сотвори и съ ними для ихъ наслѣдія свою высочайшую и благоутробную милость пожалованіемъ мнѣ въ вѣчное потомство въ Малой Россіи недвижимаго имѣнія, — хотя часть, изъ тѣхъ деревень, которыя въ вѣчномъ же владѣніи у князя Меньшикова были и которыми я по одному только гетманству изъ высочайшей Вашей милости съ нѣкоторыми другими, временно, а потому безпрочно и безкорыстно, нынѣ владѣю. И ежели на всеподданнѣйшее сіе мое прошеніе тѣмъ же милосердымъ окомъ воззрѣть соизволите, то я дерзновеніе принимаю и записку тѣмъ деревнямъ приложить, которыхъ осмѣлился просить мнѣ и потомкамъ моимъ въ вѣчность. Явленная ко мнѣ уже Вашего Императорскаго Величества милость, хотя въ родѣ моемъ не угаснетъ на многіе вѣки, однакожъ чѣмъ болѣе потомки мои достигнутъ позднихъ вѣковъ, тѣмъ болѣе одолженные служить отечеству,

глубочайше прославлять будутъ въ состояніи своемъ собственнымъ примѣромъ, милость, щедрость и великодушіе безпримѣрно-милосердой своей Государыни, о благосостояніи которой я со всѣмъ моимъ племенемъ молить Бога одолженъ, такъ какъ есмь усердно, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и вѣрный рабъ графъ К. Разумовскій. (Безъ числа).

Записка, приложенная къ письму:

1. Волость Почеповская со всѣми деревнями, такъ какъ она во владѣніи за княземъ Меншиковымъ состояла.

2. Волость Батуринская по его же Меншикова владѣнію.

3. Волость Шептаковская и Бакланская по владѣнію также князя Меншикова.

Вышеупомянутыя волости состоятъ теперь по тому же князя Меншикова владѣнію, съ иными многими за нимъ княземъ Меншиковымъ бывшими волостями и деревнями, за гетманомъ Малороссійскимъ, по урядъ его. А оныя какъ тѣ, которыя гетманъ смѣлость принялъ просить, такъ и другія, были отданы ему князю Меншикову въ вѣчное и потомственное владѣніе и по его несчастію на государя отобраны. А Бакланская отдана была Ивану Ивановичу Неплюеву. ([436]).

Просьба Разумовскаго была исполнена: въ Маѣ 1759 года ему подарены города Почепъ и Батуринъ съ уѣздами, а также волости Шептаковская и Бакланская.

Въ этомъ же году лѣтомъ снова пріѣхалъ въ С.-Петербургъ Карлъ Саксонскій, уже въ качествѣ герцога Курляндскаго. Гетманъ былъ почти неразлученъ съ нимъ, и вѣроятно на этотъ разъ назначенъ былъ состоять при немъ. Лѣто жъ графъ Кирила Григорьевичъ жилъ на мызѣ своей Знаменкѣ ([437]), по Петергофской дорогѣ, не далеко отъ Стрѣльны, вѣроятно полученной имъ въ приданное за женою, такъ какъ въ сосѣдствѣ находились извѣстныя въ былое время Нарышкинскія дачи «Ба Ба» и «Га Га.» Государыня часто навѣщала здѣсь гетмана, а онъ самъ былъ почти ежедневнымъ гостемъ въ Петергофѣ, гдѣ въ честь герцога давались безпрестанные праздники. Съ герцогомъ Курляндскимъ Разумовскій объѣздилъ всѣ окрестности Петербурга и угощалъ его на дачахъ своего брата. Въ Мурзинкѣ и Гостилицахъ герцогъ потѣшался рыбною ловлею, качелями, каруселями, стрѣльбой въ мишень изъ штуцеровъ и

([436]) Государст. Архивъ.

([437]) Принадлежитъ нынѣ В. К. Николаю Николаевичу Старшему.

луковъ, катаніемъ съ горъ. Всѣ эти забавы оканчивались роскошными обѣдами, во время которыхъ играли волторнисты старшаго Разумовскаго (438). Принцъ продолжалъ оказывать особенные знаки отличія графу Алексѣю Григорьевичу, посѣщалъ его и даже являлся къ нему съ поздравленіемъ въ день орденскаго праздника Бѣлаго Орла и т. под. (439). Въ честь принца было торжественное засѣданіе въ Академіи. Гетманъ-президентъ звалъ герцога «къ слушанію той Академіи у профессоровъ, вновь сочиненныхъ къ нынѣшнему 1759 году по ихъ наукамъ, разныхъ къ мореплаванію и прочимъ земнымъ обстоятельствамъ, къ лучшей Россійскому государству пользѣ, документовъ» (440). Герцогъ Курляндскій отправился въ Академію въ придворныхъ каретахъ вмѣстѣ съ гетманомъ и всею своею свитою. «По прибытіи его королевскаго высочества, тако жъ иностранныхъ пословъ и Россійскихъ кавалеровъ означенное предсказаніе началось по полудни во 12-мъ часу въ началѣ, которое зачиналъ говорить профессоръ Ломоносовъ на Русскомъ языкѣ, а прочіе говорили на разныхъ языкахъ» (441). Послѣ «предсказанія» принцъ поѣхалъ къ гетману вмѣстѣ съ иностранными министрами и нѣкоторыми Россійскими кавалерами на обѣдъ, «а послѣ обѣда пускали изъ лука стрѣлы въ мишень, а потомъ забавлялись въ билліардъ и и карты» (442). Въ это свое пребываніе въ Петербургѣ, гетманъ особенно занялся Академіею. Профессорское собраніе, университетъ, гимназія и географическій департаментъ поручены были Ломоносову. Штелинъ, какъ мы видѣли выше, имѣлъ подъ своимъ вѣдомствомъ департаментъ художествъ. Тауберту достались: типографія, книжная лавка, инструментальное дѣло. Ломоносовъ для университета и гимназіи составилъ штатъ и сочинилъ новы[illegible]ментъ, которые были Разумовскимъ опробованы. Кромѣ того университетъ и гимназія поступили въ полное и единственное смотрѣніе Ломоносова. Вмѣстѣ съ тѣмъ по его же совѣту гетманъ сталъ заботиться объ учрежденіи самостоятельнаго С.-Петербургскаго университета, и для Академіи велѣлъ купить Строгановскій домъ, находившійся на Васильевскомъ острову (443). Но распри между академиками не прекращались. Ломоносовъ былъ въ открытой враждѣ

---

(438) Камеръ-фурьерскій журналъ 1759. — (439) Тамъ же.
(440) Тамъ же. — (441) Тамъ же. — (442) Тамъ же.
(443) Билярскій, Матеріалы 076—081.

нетолько съ Шумахеромъ и Таубертомъ, но еще съ Румовскимъ и Шлецеромъ, которые, какъ мы увидимъ далѣе, находились при сыновьяхъ гетмана и, благодаря этому, имѣли всегда къ нему свободный доступъ. Къ академической дѣятельности Разумовскаго въ эту эпоху относится письмо, полученное имъ отъ главнокомандующаго Русскими войсками графа Фермора слѣдующаго содержанія:

Сіятѣльнѣйшій графъ, милостивый государь мой, графъ Кирило Григорьевичъ. Находящійся здѣсь въ Кенигсбергѣ профессоръ учитель, Санктъ-Петербургской Имп. Академіи членъ Флотвель, отъ его сіятельства вице-канцлера графа Михайла Ларіоновича Воронцова рекомендованъ ко мнѣ, съ тѣмъ что онъ вашего сіятельства довольно знаетъ и дабы въ пребываніяхъ его возможное вспоможеніе показывать, почему ему всякое удовольствіе для вашего сіятельства учинится; но при томъ онъ проситъ обѣщаннаго ему награжденія, о чемъ хотя прямо къ вашему сіятельству, яко Академіи президенту, отъ него особливо писано, но и меня о семъ неотступно просилъ къ вашему сіятельству рекомендаціею заступить; я, видя ту его просьбу и что ваше сіятельство довольно его знать изволите, не могъ въ томъ ему отказать, чтобъ сей моей рекомендаціи не учинить. При семъ же вашему сіятельству имѣю честь пріобщить говоренную рѣчь въ здѣшней Академіи сего мѣсяца 11 числа на день рожденія Его Императорскаго Высочества на Латинскомъ языкѣ. Впрочемъ пребываю съ моимъ должнымъ высокопочитаніемъ и преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга В. Ферморъ. 15 Февраля 1758 года, Кенигсбергъ ([444]).

Во время долгаго пребыванія гетмана въ Петербургѣ, въ Малороссіи умерли генеральные старшины: Скоропадскій, Оболонскій, Якубовичъ и Волькевичъ, на дочери котораго женился въ 1759 году племянникъ гетмана камергеръ Михайло Васильевичъ Будлянскій ([445]). На мѣсто умершихъ избраны были: Илья Васильевичъ Журманъ, Василій Андрѣевичъ Гудовичъ и Иванъ Тимофѣевичъ Жоравка. На избраніе ихъ собрались въ Глуховѣ въ Сентябрѣ 1758 года всѣ чины Малороссійскіе. Имъ предложено было кромѣ избранія новыхъ старшинъ разсмотрѣть проэктъ коммиссіи о правахъ Малороссійскихъ. Собраніе отложило это дѣло до Января 1759, но и тутъ ничего не рѣшивъ разъѣхалось. Какъ мы уже замѣтили, проэктъ былъ не по вкусу Малороссійской шляхты, и она заботилась только о томъ, какъ бы дѣло отложить въ долгій ящикъ. Вслѣд-

---

([444]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

([445]) Зап. Марковича, II, 357.

ствіе этого отправленъ былъ въ Глуховъ Григорій Николаевичъ Тепловъ ([446]). Онъ оставался въ Глуховѣ до времени пріѣзда гетмана и вѣроятно подготавливалъ рядъ реформъ, которыя Разумовскій намѣренъ былъ ввести въ Малороссіи. Малороссіяне были поражены, говоритъ Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи, «чувствомъ страннымъ и не понятнымъ, при извѣстіи о пожалованіи ранговыхъ волостей гетману въ потомственное владѣніе.» Охотно вѣримъ, что Малороссіяне были поражены, но не этимъ; волости эти лѣтъ 30 до этого принадлежали Меньшикову, а другія и того ранѣе Неплюеву; значитъ, такое жалованіе было не въ новость на Украйнѣ. Что поразило и то не всѣхъ Малороссіянъ, а одно Малороссійское шляхетство, это былъ пріѣздъ Теплова и толки о новыхъ порядкахъ, которые гетманъ собирался завести въ Малороссіи. Рядомъ съ реформами судебными и административными, Разумовскій занялся планомъ университета, который онъ собирался учредить въ Батуринѣ.

Этотъ Батуринскій университетъ занималъ Кирилу Григорьевича гораздо болѣе, чѣмъ существовавшіе въ Петербургѣ при Академіи начатки гимназіи и университета, о которыхъ такъ радѣлъ Ломоносовъ. Въ мысли учрежденія высшаго учебнаго заведенія для Малороссіи видно вліяніе Ивана Ивановича Шувалова, дружба котораго къ гетману усиливалась съ годами. Шуваловъ въ это время былъ всею душею преданъ только что основанному имъ Московскому университету и вѣроятно въ частыхъ бесѣдахъ своихъ съ Разумовскимъ вселилъ въ послѣднемъ желаніе оказать подобную же услугу ввѣренной его управленію Украйнѣ. Проэктъ университета былъ сочиненъ Тепловымъ въ 1760 году. Тепловъ явно руководствовался при этомъ статутами Германскихъ университетовъ. Причинами къ учрежденію университета въ Малороссіи приводятся въ проэктѣ этомъ слѣдующія: во-первыхъ склонность народа Малороссійскаго къ ученію и наукамъ, благодаря которымъ многіе Малороссіяне, не смотря на всѣ затрудненія, ходили учиться въ Польшу, Германію и даже Римъ, а во-вторыхъ недостаточность существовавшихъ въ то время въ Малороссіи школъ или, какъ ихъ называли, Академій. Мѣстомъ заведенія предлагался Батуринъ. Для учрежденія университета по мнѣнію Теплова необходимы были слѣдующія основанія: доходъ, законы, се-

---

([446]) Зап. Марковича.

минарія и профессіи университетскія. Доходъ долженъ былъ быть временный и вѣчный. Первый, на вызовъ и проѣздъ ученыхъ изъ за границы, на разныя постройки, покупку библіотеки, устройство типографіи, ботаническаго сада и анатомическаго театра, покупку инструментовъ и разныхъ другихъ единовременныхъ издержекъ—всего на сумму 20,000 рублей. Для пополненія его предполагалось: обложить мельницы въ Малороссіи на одинъ годъ податью съ каждаго жернова, отдѣлить часть оставшихся комисарскихъ денегъ, учредить шнуровыя книги за подписью «ясновельможнаго и высокоповелительнаго гетмана и генеральныхъ старшинъ, для отправки во всѣ полки: таковую книгу непостыдно было (по мнѣнію Теплова) во первыхъ послать въ С.-Петербургъ, къ двору Ея Императорскаго Величества;» наконецъ расчитывалось на пожертвованія гетмана и старшинъ. Источниками вѣчнаго дохода должны были служить пожалованныя университету свободныя войсковыя выморочныя деревни, маотности Батуринскаго монастыря, который предполагалось упразднить и зданіе употребить подъ университетъ; часть таможенныхъ сборовъ, налогъ на Цыганъ, налогъ на косы ввозимыя въ Малороссію, и наконецъ типографія и книжная лавка. Гетманъ долженъ былъ носить пожизненно титулъ фундатора и протектора Малороссійскаго Батуринскаго университета, съ правомъ передать, кому онъ захочетъ, по смерти достоинство протектора, но не фундатора. Инавгурація университета должна была совершиться по примѣру другихъ Европейскихъ университетовъ и на будущіе вѣка каждаго столѣтія два раза «долженъ былъ праздноваться съ принятыми при такихъ торжествахъ обрядами» юбилей. Ректоръ университета долженъ былъ пользоваться всѣми правами, какими пользовались ректоры Германскихъ университетовъ; онъ долженъ былъ избираться первостатейными профессорами на годъ, имѣть «калификацію «Magnificus;» а «по приличію Русскаго царѣчія, высокопочтенный» и при «публичныхъ актахъ пурпурою ему украшатися.» Ректоръ былъ президентомъ университетскаго директоріума, состоявшаго изъ профессоровъ. Студенты были подсудны во всемъ кромѣ уголовныхъ преступленій одному директоріуму. Ректоръ и профессора должны были сочинить сводъ особливыхъ университетскихъ узаконеній, которыхъ бы гетманъ утвердилъ особливымъ универсаломъ. Желающіе поступить въ университетъ должны были явиться къ ректору, который бы на экзаменѣ вписывалъ ихъ въ университетскую книгу и отсылалъ при письменномъ видѣ къ тому про-

фессору, котораго лекціи были потребны вступающему. Всѣ студенты, какого бы то они званія ни были, получали право носить шпагу или саблю. Изъ школъ: Кіевской, Черниговской, Переяславской, Бѣлогородской и изъ школъ Польскихъ, ученики при хорошихъ аттестатахъ, окончивъ классъ реторическій, получали право поступать прямо въ Батуринскій университетъ, при чемъ Малороссійскія школы не должны были задерживать желающихъ вступить въ университетъ. Крѣпостные не могли иначе поступать въ предположенный университетъ, какъ получивъ отъ господъ своихъ вольную, которая должна была храниться въ университетскомъ архивѣ и въ случаѣ дурнаго поведенія студента возвращалась вмѣстѣ съ изгнаннымъ студентомъ владѣльцу. Курсъ ученія долженъ былъ продолжаться три года; послѣ его окончанія студенты должны были писать диссертаціи на ученыя степени и защищать ихъ въ публичныхъ диспутахъ. Получившіе аттестатъ отъ ректора должны были опредѣляться въ гражданскую и военную службу въ предпочтеніе неученымъ. Входя въ университетъ, студенты должны были подписываться подъ законами университетскими и присягать въ исполненіи ихъ. Профессора, кромѣ публичныхъ лекцій для всѣхъ студентовъ, могли еще читать по желанію студентовъ и частныя лекціи, «Collegia privata и privatissima.» При университетѣ учреждалась семинарія для 40 человѣкъ бѣдныхъ шляхтинцевъ и всякихъ разночинцевъ «способныхъ и не вовсе увѣчливыхъ.» Они должны были готовиться въ студенты и кончивъ курсъ, за даровое воспитаніе, оставаться на службѣ университета, для обученія другихъ сперва учителями, потомъ магистрами, и наконецъ профессорами. Въ семинаріи ученики должны были учиться Латинскому языку (переводить Корнелія Непота, Цицерона, Юстина, Саллюстія и Юлія Цезаря, а изъ поэтовъ Виргилія, Овидія, Горація и Марціала), краткой исторіи и географіи, французскому и греческому языкамъ, а для дѣтей шляхетныхъ еще назначались фектованія и танцы. Въ университетѣ предполагалось учредить 9 профессуръ: 1) Латинскаго краснорѣчія, 2, логики, метафизики и практической философіи, 3) естественнаго права и юриспруденціи, 4) древностей, исторіи «литеральной» и политической, генсалогіи и геральдики, 5) физики экспериментальной и математики со всѣми ея частями, 6) физики теоретической и практической, 7) анатоміи, 8) химіи и наконецъ 9) ботаники и естественной исторіи. При университетѣ предполагалось еще учредить церковь со всѣмъ прич-

томъ, больницу, экономическую контору, карцеръ, гауптвахту, лабораторію и пр. и пр. (447).

Кромѣ мысли объ основаніи университета, гетманъ могъ заимствовать отъ того же друга своего И. И. Шувалова пристрастіе его ко всему французскому. Французами въ это время бредилъ весь дворъ; Шуваловымъ, а между ними и Ивану Ивановичу, обязана Россія введеніемъ французскаго языка въ общее употребленіе и вообще тѣмъ подражаніемъ и преклоненіемъ предъ всѣмъ, что́ къ намъ приходитъ изъ Парижа, которыми до сихъ поръ страдаетъ общество наше. Кирила Григорьевичъ увлеченъ былъ общимъ примѣромъ, противъ котораго устоялъ однако старшій братъ его, до конца жизни не любившій иностранцевъ и оставшійся, не смотря на окружавшихъ, истымъ Русскимъ и по обычаямъ и по чувствамъ.

Въ Февралѣ 1760 года графиня Екатерина Ивановна со всѣми дѣтьми отправилась въ Глуховъ. Вслѣдъ за нею поѣхалъ и гетманъ, прибывшій въ свою резиденцію 8 Марта «и при немъ» говоритъ Марковичъ, «Французовъ не мало» (448). Гетманъ по пріѣздѣ серіозно занялся дѣлами, объѣздилъ всѣ полки (449) и, съ помощью Теплова, дѣятельно принялся за реформы. Какъ видно, Григорій Николаевичъ въ это время считалъ уже Разумовскаго крѣпкимъ на мѣстѣ и купилъ даже у Якова Марковича въ Глуховѣ домъ на Вергинѣ, на Сыпивской улицѣ (450). Гетманъ отправилъ въ армію 2000 казаковъ подъ командою Прилуцкаго полковника Григорія Галагана. Одна тысяча была составлена изъ полковъ компанейскихъ, а другая изъ полковъ городовыхъ (451). Смерть генеральнаго хорунжаго Ханенки дала Разумовскому случай сдѣлать перемѣну въ судопроизводствѣ. Генеральный судъ, въ которомъ прежде засѣдали всѣ генеральные старшины и президентомъ котораго былъ съ 1728 г. самъ гетманъ, въ послѣднее время состоялъ изъ одного только генеральнаго судьи, рѣшенія котораго были подвержены апелляціи въ генеральную канцелярію. Такимъ образомъ въ Малороссіи въ то время было пять инстанцій: сотенный судъ, полковникъ, генеральный судъ, генеральная войсковая канцелярія, наконецъ гетманъ. Чтобы возвысить судъ и со-

(447) Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей. 1863 г. Книга II. Смѣсь, стр. 67—85.

(448) Зап. Марковича II, 365. — (449) Тамъ же, 368.

(450) Тамъ же, 369. — (451) Рихельманъ, IV, 19.

кратить проволочку въ дѣлахъ, Разумовскій, универсаломъ отъ 17 Ноября 1760 года, велѣлъ присутствовать въ генеральномъ судѣ двумъ генеральнымъ судьямъ и десяти депутатамъ отъ Малороссійскихъ полковъ, выбраннымъ дворянствомъ изъ полковыхъ старшинъ. Каждый изъ нихъ при слушаніи дѣла, до полка ихъ относящагося, выходилъ изъ присутствія; тѣмъ же правиломъ руководились и генеральные судьи ([452]). Среди этихъ занятій, въ Мартѣ 1761-го года, гетманъ непріятно и неожиданно былъ пораженъ указомъ, въ силу котораго Кіевъ отдѣлялся отъ гетманства и снова непосредственно подчиненъ былъ Сенату; всѣхъ казаковъ приказано было оттуда вывести и поселить на лѣвомъ берегу Днѣпра ([453]). Указъ этотъ безъ сомнѣнія былъ дѣломъ рукъ графа Петра Ивановича Шувалова.

Какъ ни прискорбно было Разумовскому видѣть, что главный городъ Малороссіи, по распоряженію враждебной ему партіи, отходитъ изъ подъ его вѣдомства, однако онъ съ тѣмъ же рвеніемъ продолжалъ заниматься дѣлами. Универсаломъ отъ 6-го Іюля 1761 года гетманъ положилъ преграду злоупотребленіямъ, происходившимъ отъ излишняго винокуренія, дошедшаго до такихъ размѣровъ, что ведро водки продавалось по 15 копѣекъ. Малороссіяне, сказано въ универсалѣ, не только пренебрегаютъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, отъ которыхъ проистекаетъ богатство народное, но еще, вдаваясь въ непомѣрное винокуреніе, часто покупаютъ хлѣбъ по торгамъ дорогою цѣною не для пріобрѣтенія себѣ какихъ либо выгодъ, а для одного пьянства, истребляя лѣсныя свои угодья и нуждаясь отъ того въ дровахъ необходимыхъ къ отапливанію ихъ хижинъ. Во избѣжаніе происшедшихъ отъ сего безпорядковъ, опредѣляемъ: 1) чтобы винокуреніемъ занимались одни только владѣльцы и казаки, имѣющіе грунты и лѣсныя угодья, кромѣ духовенства, купечества и посполитаго народа. 2) Полковникамъ и сотникамъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ лишенія мѣстъ, надзирать за точнымъ исполненіемъ сего. 3) Запрещается имѣть въ Малороссіи винокурни и шинки Великороссіянамъ и вообще не тамошнимъ владѣльцамъ, въ особенности купцамъ и крестьянамъ. 4) Возбраняется также полковникамъ и полковымъ старшинамъ нанимать бѣдныхъ, хотя и имѣющихъ грунты, казаковъ для произведе-

---

([452]) Бант.-Кам. Исторія Малой Россіи III, 205.
([453]) Записки Марковича, II, 373.

нія подъ ихъ именами винокуренія и шинковства; но каждому предоставляется производить оныя въ своихъ земляхъ и изъ собственнаго имущества» (454).

Въ Октябрѣ 1761 года гетманъ вдругъ былъ отозванъ ко двору. Его призывалъ братъ, чтобы присутствовать при послѣднихъ дняхъ благодѣтельницы Разумовскихъ. Еще въ 1758 году ожидали близкой ея кончины. Съ каждымъ годомъ она все слабѣла и въ концѣ 1760 и въ 1761 году уже не была въ состояніи выѣзжать изъ дворца, и для развлеченія ее переносили въ комнаты то Шувалова, то Разумовскаго, гдѣ она или обѣдывала или ужинала. Лѣтомъ 1761 года съ большимъ трудомъ Государыня переѣхала въ Петергофъ, оттуда ее еле живую перевезли осенью обратно въ Петербургъ. Гетманъ, только отпраздновавшій сватьбу племянницы своей Марины Будлянской съ Даниломъ Петровичемъ Апостоломъ (455), 23 Октября поскакалъ въ Петербургъ съ Тепловымъ, Скоропадскимъ, Туманскимъ и племянникомъ своимъ Будлянскимъ, оставивъ въ Глуховѣ всю семью свою (456).

Разумовскій остановился въ Москвѣ, чтобы осмотрѣть Университетъ. Мысль объ Университетѣ въ Батуринѣ его не покидала. Изъ Малороссіи онъ велъ объ этомъ дѣятельную переписку съ Миллеромъ (457). 12 Ноября Разумовскій вмѣстѣ со многими Московскими вельможами и Тепловымъ посѣтилъ Московскій университетъ. Въ провожденіи куратора Веселовскаго, онъ вошелъ сначала въ латинскій классъ ректора Шадена, гдѣ встрѣтили его рѣчью и стихами латинскими, и здѣсь выслушалъ переводъ на русскій языкъ изъ Цицероновыхъ писемъ, потомъ историческую лекцію профессора Рейхеля. Въ большой аудиторіи профессоръ Барсовъ встрѣтилъ его русскимъ привѣтствіемъ. Профессоръ Фроманнъ взошелъ на каѳедру и прочелъ лекцію объ вѣроятности (de probabilismo). За тѣмъ слѣдовали юридическіе тезисы: de principibus juris naturae, между студентами Дилтея. Изъ большой аудиторіи гетманъ перешелъ во французскіе классы Билона, Бойе, и въ латинскій классъ Попова. За тѣмъ поѣхали въ домъ, гдѣ жили пансіонеры. Гетманъ осмотрѣлъ его, типографію и словолитню; посѣтилъ камеру, гдѣ читаются физическія лекціи. Показавъ инструменты, профессоръ Ростъ прочелъ лек-

(454) Бант.-Кам. Исторія Малой Россіи III. 205—206.
(455) Зап. Марк. II. 375. — (456) Тамъ же 376.
(457) Шевыревъ, Исторія Москов. Университета, 91.

цію: de pressione et compressione uëris, и сдѣлалъ опыты сюда относящіеся, съ надлежащимъ вниманіемъ. Въ заключеніе гетманъ осматривалъ минералогическій кабинетъ, химическую лабораторію, гдѣ показаны были нѣкоторые малые опыты, и наконецъ библіотеку. Обзоръ университета окончился обѣдомъ у Куратора ([458]).

Когда К. Г. Разумовскій пріѣхалъ въ Петербургъ, Государыня хворала простудною лихорадкою, которая началась 16 Ноября. Лихорадка прошла. Царедворцы опять стали надѣяться, но 12-го Декабря открылась жестокая рвота съ кашлемъ и кровью; 23-го болѣзнь усилилась. Государыню пріобщили, а 24-го соборовали масломъ. 25-го Декабря въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни Императрицы Елизаветы Петровны не стало. Нѣтъ сомнѣнія, что Разумовскіе не отходили отъ изголовья своей благодѣтельницы, которую, особенно же графъ Алексѣй Григорьевичъ, любили всѣми силами преданнаго, простаго сердца. Слезы обоихъ братьевъ были слезами искренними, и скорбь ихъ была вполнѣ сердечная. Покойная Государыня, возведшая ихъ изъ ничтожества на верхъ почестей, была къ нимъ неизмѣнно добра. Несмотря на всѣ свои недостатки, Елизавета несомнѣнно имѣла даръ вселять въ другихъ глубокую къ себѣ привязанность. Въ горести И. И. Шувалова, Разумовскихъ, Чулкова и нѣкоторыхъ другихъ вѣрныхъ слугъ ея, слышалось не сожалѣніе о концѣ ихъ случая, но глубокое, вполнѣ чистосердечное сокрушеніе о той, которую они такъ искренно и неподкупно любили.

Передъ тѣмъ, чтобы продолжать разсказъ нашъ, остановимся нѣсколько на легендѣ о таинственныхъ князьяхъ и княгиняхъ Таракановыхъ, этихъ загадочныхъ дѣтяхъ Елизаветы и Разумовскаго, о которыхъ немало было писано заграницею и у насъ въ послѣднее время.

О Таракановыхъ говорили заграницею въ сочиненіяхъ своихъ: Кастера, Дюкло, Архенгольцъ и др. еще въ прошломъ столѣтіи; у насъ имя это появилось въ печати весьма недавно. Его ввели въ моду бумаги, напечатанныя въ Русск. Бесѣдѣ 1859 г. № 4, статья М. Н. Лонгинова въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1859. Т. 24, и особенно талантливая, хотя и запечатлѣнная анахронизмомъ, картина покойнаго художника Флавицкаго. Напечатанныя въ первой книгѣ «Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей,» за 1867 г., оффиціальныя бумаги и свѣдѣнія объ иска-

---

([458]) Тамъ же, 91—92.

тельницѣ приключеній, надѣлавшей столько шума въ Европѣ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, ясно доказываютъ, что она ничего общаго съ такъ называемыми Таракановыми не имѣла. Она называла себя султаншей Алиной или Али-Эмете, потомъ владѣтельницей Азова (dame d'Azov) наслѣдницею дома Володимірскаго (de la maison de Volodimir), принцессой Елизаветой Володимірскою, принцессой Елизаветой Всероссійской, также графинею Пиненбергъ и графинею Селинскою, но никогда и нигдѣ имени Таракановой не принимала, да и вѣроятно о такой фамиліи никогда и не слыхала. О странной женщинѣ этой распространяться мы не будемъ. Она стала выдавать себя за дочь Елизаветы и «казацкаго гетмана князя Разумовскаго, родственника Шаху Персидскому» и за сестру Пугачева, только во второй половинѣ своей романтической каріеры; весь разсказъ ея о своей первой молодости до того наивно баснословенъ, что невольно дивишься, какъ женщина, несомнѣнно умная, могла до самой смерти разсказывать такія бабія сказки.

Покойный гр. Д. Н. Блудовъ разсказывалъ, что существовали братъ и сестра Таракановы, дѣти Елизаветы, получившіе фамилію свою отъ слободы Таракановки, мѣста рожденія графа А. Г. Разумовскаго, что сестра была послушницей и потомъ монахиней въ Вознесенскомъ монастырѣ Московскаго Кремля и что на ея похороны въ началѣ нынѣшняго вѣка собрались всѣ жившіе въ Москвѣ члены и родственники фамиліи Разумовскихъ; братъ же жилъ въ какомъ-то монастырѣ, кажется, близъ Переяславля-Залѣсскаго ([459]). Г. Снегиревъ сперва въ Русской Старинѣ ([460]), а потомъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ ([461]) приводитъ преданіе объ «старицѣ Досиѳеѣ, присланной по секретному указу Екатерины II-й въ Ивановскій монастырь въ 1785 году, получавшей кромѣ ежегодной особенной суммы изъ казначейства еще значительныя деньги отъ неизвѣстныхъ лицъ и знакомой (кромѣ игуменьи, духовника и причетника) съ однимъ только Московскимъ купцомъ Шепелевымъ (!) Старица эта, послѣ 25 лѣтняго пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ, скончалась 4 Февраля 1810, какъ гласитъ ее надгробіе, или 1808, по надписи на «ея портретѣ» (!) Отпѣвалъ ее, за болѣзнію митрополита Платона, викарій его преосвященный Августинъ съ почетнымъ духовен-

([459]) Русскій Архивъ 1865, 656.
([460]) Русская Старина, изданіе Мартынова, годъ второй, стр. 87.
([461]) Русскія Достопамятности, выпускъ V. 14—17.

ствомъ. На отпѣваніе съѣхались главнокомандующій столицы графъ И. В. Гудовичъ, женатый на дочери Гетмана, и другіе вельможи Екатерининскаго времени. Тѣло Досиѳеи погребено въ Новоспасскомъ монастырѣ, усыпальницѣ Романовыхъ.» Къ V-му выпуску Русскихъ Достопамятностей приложенъ даже литографическій портретъ монахини Досиѳеи. «Оригиналъ, говорилъ г. Снегиревъ, «по сказанію г. Мельникова (въ Русской Старинѣ этотъ авторитетъ не приводится и прямо сказано: «портретъ хранится въ настоятельскихъ кельяхъ») хранится въ настоятельскихъ кельяхъ Новоспасскаго монастыря; писанъ на полотнѣ выш. 10½, шир. 7½ вер. На задней его сторонѣ читаемъ: «Принцесса Августа Таракапова, въ иноцѣхъ Досиѳея, постриженная въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ во многихъ лѣтѣхъ, проведенной жизни своей, скончалась 1808 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ.» Между потомками гетмана сохранялось тоже преданіе о таинственной старицѣ княжнѣ Таракановой, жившей отшельницею въ Московскомъ Никитскомъ монастырѣ. Преданіе гласитъ, что были двѣ княжны Таракановы, воспитывавшіяся въ Италіи. Съ ними вмѣстѣ тамъ жила въ одно время нѣкая Лопухина. Гр. Орловъ предательски арестовалъ въ Ливурно обѣихъ сестеръ. Одну дорогой утопили, другую спасъ матросъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, спасенная Тараканова явилась къ бывшей подругѣ своей, Лопухиной; та крайне перепугалась, дала Таракановой крестьянское платье и видъ какъ своей крѣпостной, умоляя ее скорѣе покинуть ея домъ. Съ этимъ видомъ Тараканова отправилась въ Москву, гдѣ постриглась въ Никитскомъ монастырѣ. Она всегда на себѣ носила какія-то бумаги, которыя сожгла передъ смертью.

Въ Посадѣ Пучежѣ, Костромской губерніи, сохранится преданіе о дочери Елизаветы, инокинѣ Аркадіи, жившей тамъ подъ именемъ Варвары Мироновны Назаровой ([462]). Въ Казани за дочь Елизаветы Петровны и даже за рожденную княжну Тараканову почитали княгиню Баратову, которой, говорятъ, Императоръ Павелъ I-й оказывалъ, во время своего тамъ пребыванія, особые знаки почтенія. Въ Перми г. Турчанинова считали за сына Императрицы. Подобныя же преданія сохранились въ Екатеринбургѣ, Уфѣ, Нижнемъ и Костромѣ ([463]). Кастера говоритъ, что

([462]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древ. 1866, кн. II.

([463]) Княгиня Тараканова и принцесса Владимірская, П. Мельникова, стр. 5.

княжна Тараканова (здѣсь онъ разумѣетъ: la princesse de Volodimir) была младшая изъ троихъ дѣтей, рожденныхъ отъ брака Елизаветы Петровны съ гр. А. Г. Разумовскимъ, что одинъ изъ ея братьевъ былъ еще живъ въ 1800 году, а другой, готовясь въ юности къ горной службѣ, учился химіи у профессора Лемана и погибъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, задушенный ядовитыми испареніями какого-то состава, пролившагося изъ разбитой по неосторожности стклянки (464). Дюкло говоритъ, что 8 незаконныхъ дѣтей Елизаветы Петровны, изъ которыхъ ни одинъ не былъ ею признанъ, воспитывались у приближенной къ ней Итальянки Іогинны, какъ собственныя дѣти послѣдней (465). Наконецъ Гельбигъ повѣствуетъ: «Увѣряли, что у Елизаветы было 8 человѣкъ дѣтей, въ числѣ которыхъ находились всѣ братья и сестры Закревскіе; однако лица, которыя это могутъ знать, увѣряютъ, что одинъ только тайный совѣтникъ и президентъ медицинской коллегіи Закревскій былъ сыномъ Императрицы Елизаветы и графа Разумовскаго. Сколько мы знаемъ, добавляетъ онъ въ примѣчаніи, у Государыни было двое дѣтей, сынъ отъ Разумовскаго и дочь отъ Шувалова (466). Въ біографіи Шувалова Гельбигъ разсказываетъ исторію принцессы de Volodimir, которую называетъ княжною Таракановою (467). Вотъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя данныя о дѣтяхъ Елизаветы.

Строго взвѣсивъ эти противурѣчащія другъ другу извѣстія, мы дошли до окончательнаго убѣжденія, что у Елизаветы Петровны никогда никакихъ дѣтей не бывало. Нѣтъ возможности допустить, чтобы Елизавета, имѣвшая несомнѣнно доброе сердце, могла бы заточить плоть и кровь свою по разнымъ монастырямъ обширнаго своего государства. Въ тѣ времена открытаго фаворитизма, на приличія свѣта не обращали слишкомъ строгаго вниманія. Ежели бы у Елизаветы были дѣти, то они воспитывались бы во дворцѣ и со временемъ получили бы и чины и богатство. Положеніе Екатерины II-й, особенно же въ первые года ея царствованія, было не въ примѣръ щекотливѣе положенія Елизаветы. Недоброжелатели ея толпились на ступеняхъ трона: Великій Князь Павелъ Петровичъ былъ ей постояннымъ упрекомъ, и она могла на каждомъ шагу опасаться переворота во имя его, а тѣмъ не менѣе для воспитан-

(464) Casterà, Histoire de Catherine II. Paris an VIII. I, 99.
(465) Duclos. Mémoires secrets sur la France, II. 350.
(466) Russische Günst'inge 213. — (467) Тамъ же. 249.

ника своего она намѣревалась же учредить княжество въ Германіи, наградила его огромнымъ состояніемъ, благодаря которому онъ сталъ вельможею въ высшемъ обществѣ, вполнѣ знавшемъ объ его происхожденіи. Нельзя тоже вообразить, чтобы такой рѣдкій семьянинъ, какъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, такой почтительный сынъ, любящій братъ, попечительный дядя, оставилъ бы безъ всякаго призрѣнія и присмотра дѣтей своихъ, чтобы онъ ими никогда не занимался при жизни и ничего не отказалъ имъ по смерти. Самое имя Таракановыхъ, данное дѣтямъ Елизаветы и Разумовскаго, доказываетъ всю нелѣпость басни о ихъ существованіи. Во первыхъ, Алексѣй Григорьевичъ родился въ Лемешахъ; во вторыхъ, слободы Таракановки нѣтъ во всей Черниговской губерніи ([468]), не было ея также и между имѣніями, дарованными Елизаветой старшему Разумовскому, да и самое слово тараканъ не существуетъ въ Малороссійскомъ нарѣчіи. Наконецъ фамилія Таракановыхъ существовала въ Россіи до Елизаветы и была въ тѣ времена весьма извѣстною и въ столицахъ и при дворѣ. Генералъ-аншефъ и Александровскій кавалеръ Алексѣй Таракановъ отличился во время Турецкихъ походовъ царствованія Анны Ивановны, подъ начальствомъ Миниха, получилъ деревни въ Малороссіи, занималъ почетное мѣсто въ обществѣ и умеръ въ 1760 году. Съ какой стати дала бы Государыня дѣтямъ своимъ фамилію, принадлежащую лицу всѣмъ извѣстному?

Что же касается до схимницъ, то почти нѣтъ значительнаго женскаго монастыря на Руси, въ которомъ не было бы преданія о какой либо таинственной затворницѣ, присланной по высочайшему указу, получающей неизвѣстно откуда огромныя деньги, передъ которой изгибаются губернаторы и мѣстныя власти и на похороны которой являются всѣ городскіе тузы въ полной формѣ, а иногда еще нарочно присланные чиновники изъ столицы. Въ основаніи всѣхъ этихъ разсказовъ лежатъ обыкновенно сплетни праздныхъ женщинъ, желающихъ придать рельефность своему городу и монастырю. Басни о старицѣ Досиѳеѣ, какъ видно изъ разсказа г. Смагина ([469]), равно какъ и семейное преданіе, сохранившееся у потомковъ гетмана, до того спутаны съ исторіею принцессы Володимірской, что оба очевидно носятъ на себѣ печать изобрѣтенія.

([468]) Мельниковъ, кн. Тараканова. 24—25.
([469]) Современная Лѣтопись 1865 г. № 13

Портрета старицы Досиѳеи ни въ настоятельскихъ, ни въ какихъ другихъ кельяхъ Новоспасскаго монастыря не существуетъ. Шесть лѣтъ тому назадъ мы, основываясь на статьѣ г. Снегирева, не разъ на мѣстѣ разыскивали этотъ портретъ: никто изъ братіи, начиная съ отца архимандрита, объ немъ не зналъ и не слыхивалъ. Въ прошломъ году, на выставкѣ Любителей Художествъ въ Москвѣ выставленъ былъ портретъ старицы Досиѳеи, писанный масляными красками и присланный, ежели не ошибаемся, изъ Новоспасскаго монастыря, но это ничто иное какъ новѣйшая, и при томъ весьма плохая, копія, сдѣланная съ литографическаго портрета, приложеннаго къ V-му выпуску Русскихъ Достопамятностей.

Откуда же взялась басня о Таракановыхъ? Кто могъ выдумать подобное имя?

Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ отрывкѣ изъ Записокъ Шлецера и въ письмѣ, которое сохранилось въ архивѣ графа А. С. Уварова. Шлецеръ, какъ мы уже упомянули, состоялъ учителемъ при сыновьяхъ графа; онъ велъ подетныя Записки, изъ которыхъ намъ придется не разъ дѣлать выписки, говоря о второмъ поколѣніи Разумовскихъ. Въ Запискахъ его мы между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующее: «Разъ обѣдали у насъ 4 сына Императрицы Елизаветы (поэтому двоюродные братья нашихъ графовъ), подъ или съ именемъ графовъ Т—выхъ (von T—v), вмѣстѣ съ ихъ наставникомъ (Hofmeister) Нѣмцемъ по имени Д—ль (D—l), который выдавалъ себя за полковника и даже носилъ военный мундиръ. Они только что возвратились изъ Швейцаріи, гдѣ провели 6 лѣтъ и въ это время проучили, т. е. проѣли, 36,000 рублей. Они остались полнѣйшими невѣждами и не по своей винѣ, а благодаря наставнику. Такъ какъ они часто насъ посѣщали, то я наскоро прошелъ съ вторымъ графомъ ([470]) по Бюшингу географію Женевы. Какъ удивились юноши, когда ученикъ мой сталъ ихъ распрашивать про улицы, гулянья, образъ правленія и проч. города, гдѣ онъ никогда не бывалъ, а они, проведшіе въ немъ столько лѣтъ, не могли дать на вопросы ни одного удовлетворительнаго отвѣта» ([471]). Въ правдивости Шлецера сомнѣваться нельзя. Ктожъ были эти Т—вы, или нѣрнѣе Таракановы

([470]) Графъ Петръ Кириловичъ.

([471]) Aug. Lud. Schlözer's Oeffentl. u. Privat-Leben v. ihm selbst beschrieben, 139—140.

(ибо пропущенныя буквы сами собою просятся наружу), о которыхъ упоминаетъ ученый профессоръ и которые такъ долго жили въ Женевѣ подъ руководствомъ недостойнаго наставника Д—ля? Вопросъ этотъ разрѣшается слѣдующимъ письмомъ, писаннымъ къ графу Алексѣю Григорьевичу его племянниками въ 1761 году ([472]):

«Сыятельнѣйшій графъ, прымногомылостивый отецъ и благодѣтель. Всенижайше просымъ ваше сіятельство, высокомилостыво насъ простыть, что мы такое долгое время пропустили безъ засвидѣтельствованія нашего должнаго почтенія; мы сымъ при самой истинной (sic) вашему сіятельству имѣемъ честь донесть, что до нашей преданности и безконечнаго къ вашему сіятельству всенижайшаго почтенія и благодарности никогда изъ мыслей не выходыло и изразить (sic) онаго на бумагѣ удерживались за тѣмъ самымъ только, чтобы не обезпокоить вашего сіятельства нашыми письмами; нынѣжъ, полагаясь на высокую вашего сіятельства отеческую мылость, прыняли дерзновеніе чрезъ сіе представить нашу жалобу на г. «*Дитцеля.*» Какъ вашему сіятельству небезизвѣстно, что ужъ годъ и тры мѣсяца, что мы выѣхали изъ С.-Петербурга и никакою жалобою не утруждали; а нынѣ по необходимости должны донесть, что г. Дитцель содержитъ насъ не такъ какъ въ инструкціи прыказано отъ вашего сіятельства и издерживаетъ на себя и на свои веселья вдвое нежели на насъ на всѣхъ исходитъ; а когда мы у него требовать станемъ, то отговорку ту имѣетъ, что не получалъ денегъ, а напротывъ того мы увѣдомылись, что онъ часто деньги беретъ и въ долгъ даетъ по 50 луидоровъ, а можетъ статься и болѣ. Учителей намъ давать тѣхъ не хочетъ, которыхъ мы требуемъ, а все дѣлаетъ по совѣту другихъ и не разсматриваетъ, показыетъ ли онъ хорошо или нѣтъ, и каждый почти мѣсяцъ новые учители, а намъ понять ничего невозможно кромѣ время терять, также и деньги. А мы, видя такые безпорядки, осмѣлились трудить ваше сіятельство, чтобы на насъ взыскано не было, когда мы ничего не профытуемъ; и для того нижайше просымъ сдѣлать съ нами отеческую милость перемѣнить г. Дицеля или намъ самымъ пожаловать деньгы въ руки, а чтобы онъ отписувалъ къ вашему сіятельству, ежелы мы излишнее будемъ издерживать, а въ ученьи не упражняться, такъ какъ намъ въ инструкціи прыказано. Мы же теперь неизвѣстны, сколько ваше сіятельство изволилы пожаловать на наше содержаніе, и исходытъ ли та сумма или нѣтъ, о томъ мы неизвѣстны. Счёты, которые г. Дыцель посылаетъ къ вашему сіятельству, не сумнительно, чтобы тамъ чего и двойнаго не написано, что на насъ и не исходыло; онъ же ни-

---

([472]) Мы приводимъ письмо съ сохраненіемъ Малороссійскаго произношенія сочинителей.

когда не исправится о цѣнѣ и поручаетъ покупать другымъ, а тѣ купчины не безъ того, чтобъ половину не профытовалы, а тѣмъ, которые намъ вѣрнѣе, не вѣритъ и дѣлаетъ по совѣту другихъ, которые его обманываютъ. Кромѣ всего этого столь много другихъ безпорядковъ въ его поступкахъ, о которыхъ и не хотымъ утруждать вашего сіятельства, кромѣ того показать надъ нами отеческую мылость, перемѣнить г. Дицеля или деньги въ руки намъ пожаловать; а намъ съ нымъ инако жыть не можно, потому что онъ наполненъ интрыгами, а сколько разъ старался сдѣлать между намы несогласіи, послѣ описывалъ къ вашему сіятельству, что будто мы не хотымъ вмѣстѣ жыть. А мы инаго способу избрать не могли, какъ только прынесть нашу жалобу и препоручыть себя въ высокую вашего сіятельства отеческую мылость и благоволеніе и пребудемъ по жизнь нашу вашего рейхсъ-графскаго сыятельства премногомылостиваго государя и отца всенижайшіе племянныки: Андрей Закревскій, Кирила Стрѣшенцовъ, Иванъ Дараганъ, Григорій Дараганъ, Григорій Закревскій.

1761 году Ноября 10.

Женева.

И такъ князья Таракановы были никто иные, какъ племянники Разумовскаго господа Закревскіе, Дараганы и Стрѣшенцовъ, воспитанные, какъ мы видѣли выше, сперва во дворцѣ, подъ смотрѣніемъ г-жи Шмидтъ и г-на Носке, а потомъ за границею подъ вѣдѣніемъ г. Дитцели, который въ Петербургѣ выдавалъ себя за полковника. Вотъ почему Гельбигъ говоритъ, что всѣхъ дѣтей Елизаветы насчитывали до восьми и въ числѣ ихъ находились всѣ братья и сестры Закревскіе. У насъ до сихъ поръ, даже въ высшихъ слояхъ общества, часто ищутъ таинственнаго происхожденія тамъ, гдѣ никакой тайны нѣтъ; тѣмъ болѣе искали ее въ царствованіе Елизаветы Петровны, о бракѣ которой съ Разумовскимъ говорили только шопотомъ. Дѣти привезенныя изъ Украйны, отцы которыхъ никогда не являлись при дворѣ, а матери только мелькомъ, и то въ началѣ царствованія Елизаветы, воспитанныя во дворцѣ подъ смотрѣніемъ м-мъ Шмидтъ, которая и есть вѣроятно Италіанка Іоганна, о которой упоминаетъ Дюкло, обратили на себя вниманіе царедворцовъ. Ласки къ нимъ Государыни, возвышеніе ихъ мамки и учителя, отправка ихъ на воспитаніе за границу, все это вмѣстѣ породило между этими же царедворцами мысль о ихъ якобы таинственномъ происхожденіи. Особенно поразило слухъ придворныхъ дотолѣ вовсе неизвѣстная въ Петербургѣ и звучащая какъ-то странно фамилія «Дараганъ,» которую придворные служители, какъ видно изъ Камеръ-фуріерскихъ журналовъ, перекрестили

въ «Дарагановы.» Этимъ именемъ стали вѣроятно безразлично называть всѣхъ племянниковъ графа Алексѣя Григорьевича, жившихъ при дворѣ. Нѣмцы, которыхъ, не смотря на торжество Русской партіи, оставалось при Елизаветѣ Петровнѣ не малое количество въ Петербургѣ, изъ Дараганових сдѣлали «Таракановыхъ,» по свойству своего произношенія. Вѣроятно для пущей важности, «полковникъ» Дицель за границею пустилъ въ ходъ молву, что онъ состоитъ при дѣтяхъ Императрицы Елизаветы «графахъ von Taracanov,» путешествующихъ подъ строгимъ инкогнито. Память путешествія гетмана подъ чужимъ именемъ еще была жива по Европѣ. О ней знала и принцесса Володимірская, принимавшая только Кирила Григорьевича за Пугачева ([473]).

Такимъ образомъ, басня, сочиненная, отъ нечего дѣлать, придворными, значительно подкрашенная и преувеличенная Дицелемъ, получила право гражданства въ Европѣ, напечатана была публицистами въ родѣ Кастеры какъ нѣчто несомнѣнное и изъ Германіи и Франціи снова залетѣла къ намъ въ Россію, чтобъ здѣсь облечься въ форму преданій о всякихъ монахиняхъ Досиѳеяхъ и старицахъ Назарьевыхъ.

Заключимъ повѣствованіе наше о Разумовскихъ въ періодъ царствованія Елизаветы Петровны письмомъ, относящимся къ послѣднимъ днямъ 1761 года и полученнымъ гетманомъ отъ бывшаго «придворнаго философа,» а въ описываемое нами время «старшаго при Академіи наукъ переводчика» Киріака Кондратовича:

Сіятельнѣйшій графъ Кирила Григорьевичъ, милостивѣйшій патронъ. Хотя я, по милостивѣйшему вашего сіятельства представленію отъ правительствующаго сената, за долговременную мою службу награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора; но остался при томъ же 300 рублевомъ жалованіи, за тѣмъ что Академія объявила, что и полное получаю жалованіе, а прибавить не изъ чего; а младшій переводчикъ Лебедевъ въ то время получалъ и нынѣ получаетъ 350 р. въ годъ. Прежде меня бывшіе ассессоры, какъ Россійскіе, такъ и иностранные, и при правленіи и при переводахъ книгъ, всѣ получали по 600; и въ штатѣ академическому ассессору 600 положено; и по указу дозволено коллегіямъ и канцеляріямъ самимъ собою чинить прибавку; и понеже я не только никакихъ деревень не имѣю, но и всѣ мои пожитки до 5000 р. въ Камѣ рѣкѣ потонули и, для выданія замужъ двухъ моихъ дочерей, задолжался до 500 р. и съ четырьмя оставшимися малолѣтними дѣтьми и съ женою, претерпѣваю крайнюю

([473]) Мельниковъ, кн. Тараванова, 99.

скудость и отъ заимодавцевъ безпокойство: того ради рабски прошу сотворить со мною бѣднымъ и раззореннымъ высокую патронскую милость, по которой бы я удостоился имѣть приличное моему чину пропитаніе. Вашего графскаго сіятельства раболѣпнѣйшій ассессоръ Киріакъ Кондратовичъ. 1761 года Декабря 13 дня (474).

*

При перемѣнѣ правленія, о возвращеніи въ Малороссію для гетмана не могло быть рѣчи. Камергеръ Петръ Кириловичъ Нарышкинъ, дядя графини Екатерины Ивановны, поскакалъ на Украйну съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III-го (475). Гетманша со всѣмъ семействомъ въ Январѣ 1762-го года возвратилась въ Петербургъ. Первыя минуты новаго царствованія были тяжелы для графа Алексѣя Григорьевича. Другъ Бестужева и ненавистникъ иностранцевъ, онъ былъ постоянно въ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ къ Великому Князю и вполнѣ симпатизировалъ проэкту канцлера объ удаленіи Петра III-го отъ престолонаслѣдія. Къ глубокой сердечной скорби присоединялась еще неизвѣстность о томъ, какая судьба его ожидала. Въ тѣ времена еще живы были преданія о ссылкахъ и преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались при началѣ новаго царствованія любимцы покойнаго монарха или монархини. «Изъ всѣхъ Русскихъ вельможъ, писалъ графъ Брюль, достойнѣе всѣхъ себя показалъ фельдмаршалъ Разумовскій, братъ гетмана. Послѣ кончины Императрицы онъ повергъ къ стопамъ новаго Монарха всѣ свои знаки отличія, испрашивая какъ единственную милость оставить за собою, изъ всего огромнаго имущества, одно только имѣніе въ Малороссіи (вѣроятно Адамовку), гдѣ бы могъ онъ провести остатокъ дней своихъ» (476). Петръ III-й, по душѣ человѣкъ весьма добрый, былъ тронутъ поступкомъ честнаго Малороссіянина; онъ не только не принялъ его отставки, но еще подтвердилъ всѣ жалованныя грамоты покойной тетки и постоянно выказывалъ свое благоволеніе старшему Разумовскому. Графъ Алексѣй Григорьевичъ послѣ смерти Елизаветы покинулъ императорскій дворецъ и окончательно поселился въ своемъ Аничковскомъ домѣ. Тамъ часто навѣщалъ его новый Императоръ, любившій по вечерамъ выкуривать трубку въ гостепріимныхъ палатахъ супруга своей тётки. Изрѣдка Алек-

(474) Изъ архива А. С. Уварова. — (475) Зап. Марковича. II. 377—78.
(476) Hermann. Gesch. des Russ. Staats. V, 265.

сѣй Григорьевичъ давалъ здѣсь праздники и банкеты, особенно любимые Петромъ Ѳеодоровичемъ. Въ день переѣзда Императора въ новый зимній дворецъ, Алексѣй Григорьевичъ поднесъ ему богатую трость и просилъ дозволенія присоединить къ подарку этому—милліонъ рублей. Государь, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, охотно принялъ оба подарка ([477]) и сталъ еще благосклоннѣе къ Разумовскому, который вторично просилъ объ отставкѣ и на этотъ разъ получилъ ее. Еще ближе къ новому Императору стоялъ гетманъ. «Гетманъ постоянно находится при особѣ Государя,» пишетъ графъ Брюль, «и повидимому онъ любимый его собесѣдникъ. Люди, хорошо знакомые съ ходомъ дѣлъ, увѣрены, что отвращеніе, которое питаетъ Императоръ ко всему тому, что̀ походитъ на вице-королевство, заставляетъ его постоянно имѣть при себѣ гетмана, а иные думаютъ, что Государь находитъ особое удовольствіе принуждать къ военнымъ упражненіямъ привыкшаго къ нѣгѣ Разумовскаго» ([478]). Такое положеніе при дворѣ должно было глубоко оскорблять графа Кирила Григорьевича. Онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ шута и не могъ при своемъ свѣтломъ умѣ, съ первыхъ же дней новаго царствованія, не понять жалкой роли, которую онъ разыгрывалъ. Однимъ изъ первыхъ удовольствій Петра III-го было заставлять старыхъ и изнѣженныхъ царедворцевъ Елизаветы ежедневно выдѣлывать передъ дворцемъ новое Прусское ученье, только что введенное въ войска наши. Съ перваго же дня восшествія его на престолъ, всѣ фельдмаршалы и генералы получили каждый особый полкъ, для котораго должны были сочинить новыя формы. Подполковники и маіоры гвардейскихъ полковъ, въ какомъ бы чинѣ ни были, принуждены были лично командовать, когда во дворцѣ смѣнялись караулы и стоять передъ фрунтомъ во время парадовъ ([479]). Этому новому правилу принужденъ былъ подчиниться и гетманъ, не имѣвшій дотолѣ понятія о военномъ строѣ и не бравшій никогда въ руки эспантона. Чтобы не подвергнуть себя публичному выговору отъ Императора и не быть предметомъ насмѣшекъ, онъ, подобно товарищамъ своимъ, держалъ у себя на дому молодаго офицера, хорошо знавшаго военный артикулъ, и раза по три или по четыре въ день бралъ у него уроки въ

([477]) Biographie Peter des Dritten. Tübingen 1808. II, 90.

([478]) Hermann, Gesch. de Russ. St. V, 265.

([479]) Записки Штелина объ имп. Петрѣ III. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей. 1866 г. IV, Смѣсь. 101—107.

новой Прусской экзерциціи ([480]). Какъ однако гетманъ ни трудился, все таки приходилось публично глотать и выговоры и насмѣшки, глубоко оскорбительныя для человѣка, привыкшаго при Елизаветѣ играть чуть не первую роль при дворѣ. Петръ III-й однако не сознавалъ своихъ промаховъ и, пожуривъ и насмѣявшись публично надъ гетманомъ, запросто заходилъ къ нему въ гости, не подозрѣвая того, сколько горечи накипѣло на сердцѣ графа Кирила Григорьевича. «Я была очень смѣшлива,» разсказывала Пушкину, долго послѣ описываемаго нами времени, старшая дочь гетмана, остроумная Наталья Кириловна Загряжская; «Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на Государя.» «Однажды, разсказывала она ему же, Государь объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарциссъ; этотъ арапъ подрался на улицѣ съ палачемъ, и Государь хотѣлъ снять съ него безчестіе (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и покрыли его ими. Тѣмъ дѣло кончилось» ([481]).

Эти странныя выходки и безпрестанныя мелкія обиды, безсознательно наносимыя Императоромъ, дѣлали ему страшный вредъ. Всѣ невольно обращали взоры на забытую и загнанную Императрицу, которая въ уединеніи оплакивала смерть тетки, тогда какъ супругъ ея, съ перваго дня царствованія своего, принялся за пирушки, не обращая ни малѣйшаго вниманія на едва охладѣлое тѣло покойной Государыни. Въ высшихъ слояхъ общества сталъ слышаться ропотъ, быстро распространявшійся по столицѣ и по всей Россіи, когда узнали о мирѣ съ Пруссіею, когда увидѣли презрѣніе новаго Императора ко всему Русскому и поклоненіе, доходившее до фетишизма, передъ вчерашнимъ нашимъ врагомъ. Однажды Императоръ хвастался предъ гетманомъ тѣмъ, что Фридрихъ произвелъ его въ генералъ-маіоры Прусской службы. «Вы можете съ лихвою отомстить ему, отвѣчалъ Разумовскій: произведите его въ Русскіе фельдмаршалы» ([482]). Не смотря на насмѣшки свои надъ гетманомъ,

---

([480]) Тамъ же.

([481]) Примѣчанія къ сочиненіямъ Пушкина (изд. Исакова) Гр. Геннади 104—105. Пушкинъ записалъ 9 анекдотовъ Н. К. Загряжской, изъ которыхъ только 6 были до сихъ поръ у насъ напечатаны. Кн. Дашкова въ своихъ Запискахъ разсказываетъ послѣдній анекдотъ нѣсколько иначе.

([482]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III. 207.

Петръ снова возвратилъ Кіевъ подъ его вѣдомство, и всѣ доклады его по Малороссійскимъ дѣламъ были утверждены. Зять гетмана, генеральный бунчужный Осипъ Лукьяновичъ Закревскій, Безбородко, Гамалѣя, Бороздна и Черниговскій полковникъ Божичь получили отставку, съ пожалованіемъ перваго въ генеральные обозные, вторыхъ въ генеральные судьи, третьяго въ генеральные бунчужные, а послѣдняго въ бригадиры (483). На мѣсто ихъ избраны были Дублянскій, Туманскій и Скоропадскій (484); въ хорунжіе избранъ племянникъ гетмана Даніилъ Апостолъ, а въ бунчужные Тарновскій (485). Кромѣ этого назначено безъ выборовъ нѣсколько полковниковъ, что было, если не ошибаемся, нововведеніемъ въ Малороссіи. — Но какъ уничтоженіе Тайной канцеляріи и дарованіе вольностей дворянству не могли заглушить всеобщаго неудовольствія, такъ точно возвращеніе Кіева и утвержденіе нѣсколькихъ производствъ далеко не удовлетворяли гетмана. Перемѣна мундировъ, безпрестанныя утомительныя ученія, явное предпочтеніе Нѣмцамъ, слухи о новой войнѣ, предпринимаемой изъ-за Гольштиніи, порождали громкій ропотъ между гвардейцами. По всему городу слышны были жалобы, между народомъ ходили глухіе слухи, въ воздухѣ чуялось тревожное волненіе, предшествующее бурѣ. Всѣ желали перемѣны и перемѣну эту ждали отъ Екатерины. Преданностію своею къ православной вѣрѣ и Русскимъ интересамъ, уваженіемъ къ народнымъ нравамъ и обычаямъ, которые такъ безразсудно попиралъ Петръ III, открытымъ предпочтеніемъ ко всему Русскому, Императрица съумѣла вселить къ себѣ общее сочувствіе. На нее смотрѣли какъ на надежду Россіи, отъ нея ожидали единственнаго спасенія. Неоднократно подвергавшаяся въ обществѣ грубымъ выходкамъ Императора, она жила въ Петергофѣ, но въ уединеніи своемъ зорко слѣдила за ходомъ дѣлъ и оборотомъ, который принимало общественное мнѣніе. Она съ необыкновенною ловкостью и искусствомъ держала въ рукахъ своихъ нити общественнаго заговора, съ каждымъ днемъ усиливавшагося, во главѣ котораго стояли предпріимчивые и талантливые братья Орловы. Но долгое время заговорщики считали въ рядахъ своихъ одну только молодежь; имъ нужны были теперь люди съ вѣсомъ и значеніемъ въ свѣтѣ, и прежде всего надо было склонить на свою сторону

(483) Levesque, Histoire de Russie V. 285.
(484) Ригельманъ, Повѣствованіе о Малой Россіи IV, 20.
(485) Зап. Марковича II, 379.

наставника Великаго Князя Наслѣдника, Никиту Ивановича Панина и обожаемаго гвардіею гетмана графа Разумовскаго. Главное искусство Екатерины состояло въ томъ, что она до послѣдней минуты не высказывалась, многіе изъ заговорщиковъ, а между ними Панины и, какъ думаютъ иные, гетманъ, увѣрены были, что дѣло идетъ о возведеніи на престолъ Павла Петровича и ошибку свою увидѣли только тогда, когда Екатерина была уже провозглашена самодержицею и когда дѣлать уже было нечего. Давнишній поклонникъ Екатерины, графъ Кирила Григорьевичъ находился постоянно въ лучшихъ съ нею отношеніяхъ. Отношенія эти не прерывались съ перемѣною правленія. Гетманъ не могъ не сокрушаться о томъ, что Государь не внималъ совѣтамъ своей супруги и всячески старался унижать ее передъ посторонними. «Любимый полкомъ своимъ, говоритъ княгиня Дашкова, Разумовскій, хотя и жалуемый при дворѣ, понималъ всю неспособность царствовавшаго монарха и ясно сознавалъ всѣ опасности, грозившія Россіи отъ его правленія» (486). Гвардія, а особенно Измайловскій полкъ, добавляетъ Германъ, обожали гетмана, крайне щедраго къ бѣднымъ офицерамъ и солдатамъ (487). Привлеченіе такой личности было дѣломъ величайшей важности для заговорщиковъ. На дѣло это отважился Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Онъ явился къ Разумовскому ночью. Гетманъ хладнокровно выслушалъ рѣчь Орлова, потомъ, подумавъ немного, присовѣтовалъ Орлову ѣхать къ другому для совѣщанія и сказавъ: «онъ умнѣе насъ,» потушилъ свѣчи и пожелалъ нежданному гостю покойной ночи (488). Такой странный отвѣтъ долженъ былъ сильно озадачить заговорщиковъ. Послѣ неудачи Орлова выступили впередъ княгиня Дашкова, эта безпокойно-романтическая личность, этотъ философъ, поэтъ и впослѣдствіи директоръ академіи, соединявшая съ несомнѣнными достоинствами огромные недостатки и вполнѣ предавшаяся въ настоящую минуту своей страсти къ интригамъ и смѣлымъ предпріятіямъ. Княгиня только что оказала Екатеринѣ огромную услугу, уговоривъ Ник. Ив. Панина принять участіе въ заговорѣ. На Разумовскаго Дашкова старалась дѣйствовать черезъ Рославлевыхъ и Ласунскаго, служившихъ въ Измайловскомъ полку душою и тѣломъ преданныхъ Екатеринѣ и находившихся въ близкихъ отношеніяхъ

(486) Memoirs of the Princess Dashkow. I. 55.
(487) Hermann, Gesch. de Russ. St. V, 283.
(488) Бант.-Каменскій, Біографіи Русск. фельдмаршаловъ, I. 242—43.

къ гетману; Ласунскій, даже, какъ говорили, имѣлъ на него значительное вліяніе (489). Но на врядъ ли удалось молодымъ людямъ этимъ уговорить графа Кирилу Григорьевича. Заговорщики рѣшились тогда дѣйствовать черезъ Теплова. При безграничной довѣренности гетмана къ Теплову, послѣднему было легче, чѣмъ кому другому, склонить его на сторону Екатерины. Тепловъ вошелъ въ сношенія съ заговорщиками и нерѣдко позволялъ себѣ рѣзкія выраженія относительно Императора. Между многочисленною прислугою гетмана находился нѣкто Валуа, каменьщикъ, выписанный имъ изъ Франціи для разныхъ построекъ, производимыхъ имъ заразъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Украинѣ. Этого Валуа какъ-то обидѣлъ Тепловъ; но особенно любимый, какъ видно, домочадцами младшаго Разумовскаго, Валуа поклялся отмстить за обиду. Неосторожныя слова, произнесенныя Тепловымъ при немъ, вскорѣ представили ему къ этому случай. Каменьщикъ написалъ доносъ на Теплова и подалъ его Государю, въ то время, какъ онъ верхомъ ѣхалъ обѣдать къ англійскому послу Кейту (490). Петръ уже давно недоброжелательствовалъ Теплову и, будучи еще Великимъ Княземъ, горько жаловался Ив. Ив. Шувалову на интриги Теплова, благодаря которымъ гетманъ не исполняетъ ни одну изъ просьбъ его (491). Императоръ велѣлъ посадить Теплова подъ караулъ и допросить его строжайшимъ образомъ. Арестъ этотъ сдѣлалъ глубокое впечатлѣніе на гетмана; онъ всячески сталъ заступаться за своего бывшаго наставника и постояннаго совѣтника, и наконецъ, вслѣдствіе его настойчивыхъ домогательствъ, Тепловъ безъ допроса былъ выпущенъ изъ крѣпости. Едва выпущенный на волю, Тепловъ поспѣшилъ къ сторонникамъ Императрицы и душею и тѣломъ предался заговору. Съ этихъ поръ дѣло Екатерины было выиграно, и она могла расчитывать на помощь Разумовскаго.

Между тѣмъ странныя выходки Императора не прекращались. Уже давно лежалъ у него на душѣ вопросъ о Шлезвигѣ; уже давно хотѣлось ему, до сихъ поръ игравшему только въ солдатики, испробовать настоящей войны. Однажды на большомъ обѣдѣ у графа Алексѣя Григорьевича, въ Аничковскомъ его домѣ, Государь сидѣлъ напротивъ Датскаго посланника графа Гакстгаузена. Вдругъ, совершенно для всѣхъ неожиданно,

---

(489) Memoirs of the Princess Dashk. I. 56.

(490) Vie de Pierre III. I. 230. — (491) Русскій Архивъ 1866 года, 582.

онъ сказалъ: «Довольно долго Данія пользовалась моею Голштиніею, теперь и я хочу отъ нея попользоваться.» Испуганный Гакстгаузенъ отправилъ тѣмъ же вечеромъ секретаря посольства Шумахера съ этимъ извѣстіемъ въ Копенгагенъ (492). Датскій дворъ не медля принялъ мѣры къ оборонѣ и поручилъ главное начальство надъ войсками генералу графу де Сенъ-Жерменю (493). Со стороны Россіи началось вооруженіе, еще болѣе усиливавшее всеобщее неудовольствіе. Гетманъ назначенъ былъ главнокомандующимъ и съ 30 полками долженъ былъ выступить противъ Даніи (494). «Я тебя выбралъ,» сказалъ ему при этомъ императоръ, «чтобы сопутствовать мнѣ въ походѣ и командовать моею арміею.» «Въ такомъ случаѣ,» отвѣчалъ Разумовскій, я позволю себѣ дать Вашему Величеству совѣтъ: повелите выступить двумъ арміямъ, дабы за арміею, находящеюся подъ моею командою, постоянно слѣдовала другая, чтобы заставить моихъ солдатъ итти впередъ; иначе не предвижу, какимъ образомъ предпріятіе Вашего Величества можетъ осуществиться (495).

Въ то время, какъ гетманъ присталъ къ сторонникамъ Екатерины, въ числѣ заговорщиковъ находились уже многіе изъ самыхъ близкихъ его пріятелей: Панинъ, Ласунскій, Рославлевы, князь Михайла Никитичъ Волконскій, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, Тепловъ и многіе другіе Петръ III лѣто проводилъ въ Ораніенбаумѣ, Императрица жила въ Петергофѣ. Ожидали скораго отъѣзда Императора: онъ долженъ былъ ѣхать къ войску, направленному противъ Даніи и заѣхать въ Берлинъ для посѣщенія обожаемаго Фридриха II. Заговорщики отложили исполненіе своего предпріятія до отъѣзда Государя, а до тѣхъ поръ всячески старались дѣйствовать на народъ и гвардію: распространяли, впрочемъ не совершенно ложный, слухъ о томъ, что Петръ намѣренъ заключить Императрицу въ монастырь и жениться на графинѣ Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой. Между тѣмъ полковникъ баронъ Будбергъ увѣдомилъ Государя, что противъ него есть заговоръ и что самому Будбергу предлагали принять въ немъ участіе (496) Императоръ не обратилъ вниманія на слова Будберга, но заговоръ принималъ такіе размѣры, что сохранить тайну не было почти возможности; со всѣхъ

(492) Зап. Штелина о Петрѣ III. 101. — (493) Biographie Peters des Dritten II. 57—58. — (494) Зап. Марковича. II. 381. — (495) Histoire de Pierre III. и пр. I. 145. — (496) Biographie Peter des Dritten II. 107.

сторонъ стали доходить до Императора предостереженія. 26 Іюня Государыня посѣтила Петра III въ Ораніенбаумѣ. Въ японской залѣ былъ большой обѣдъ, а вечеромъ маскарадъ въ театрѣ. Заговорщики съ безпокойствомъ замѣтили, что Императоръ былъ въ очень дурномъ духѣ при началѣ праздника, но къ вечеру онъ опять повеселѣлъ (497). 27 Іюня Императоръ и Императрица отправились въ Гостилицы, гдѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ давалъ въ ихъ честь великолѣпный праздникъ (498).

Въ Гостилицахъ Петръ III и Екатерина увидѣлись въ послѣдній разъ. Приведемъ здѣсь разсказъ Натальи Кириловны Загряжской, записанный Пушкинымъ, о послѣднемъ днѣ царствованія Петра III.

«Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кириловна (499) и я въ одной каретѣ, батюшка съ Васильемъ Ивановичемъ (500) въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что Государь приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: «Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ они явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ.... И охота ему проказить на канунѣ праздника.» Но курьеръ попросилъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили, и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ.

Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ: часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: «полно, перестань; что за глупость!» и потомъ, обратясь къ часовому: «мы пріѣхали по приказанію Государя.» — Извольте идти въ караульню. Батюшка пошелъ, а насъ отправилъ къ ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir, видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour.

«А Государь ужасно сердитый. Увидя Государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: «ни за что не пойду на галеру.» На силу меня

---

(497) Тамъ же II. 121. — (498) Тамъ же II. 122. — (499) Графиня Апраксина см. о ней ниже. — (500) Вѣроятно Чулковымъ.

уговорили. Миниихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ.

«Матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюбку. Вмѣсто шлюбки черезъ нѣсколько минутъ видимъ Государя и всю его компанію: бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру; кричать, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ гр. Лизаветой Романовной; а Миниихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ.

«На другой день зовутъ насъ къ обѣдни. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за Императрицу и кричалъ намъ: ура!.. На другой день Государыня привезла матушкѣ ленту.»

Арестованіе одного изъ заговорщиковъ, Пассека, вдругъ измѣнило всѣ ихъ планы. Медлить болѣе было невозможно. Императрица въ ночь съ 27 на 28 Іюня уѣхала изъ Петергофа — прямо въ Измайловскія казармы. Гетмана, какъ видно изъ разсказа его дочери, при этомъ не было; онъ изъ Петергофа пріѣхалъ въ Петербургъ, когда полки гвардіи, одни за другимъ, а равно и прочія войска, бывшія въ столицѣ и всѣ ея жители, принесли уже присягу новой Государынѣ. Онъ поспѣшилъ послѣдовать общему примѣру и посовѣтовалъ Екатеринѣ ѣхать въ Казанскій соборъ ([501]). Здѣсь встрѣтили ее духовенство и сенѣтскіе сановники; она была провозглашена самодержицею, и отслуженъ былъ благодарственный молебенъ.

Изъ собора Екатерина, въ сопровожденіи гетмана и блестящей свиты, отправилась во дворецъ, гдѣ наскоро собранъ былъ совѣтъ и рѣшено печатаніе манифестовъ. Редакція ихъ, вѣроятно по совѣту Разумовскаго, поручена была Теплову ([502]). Когда совѣтъ кончился, Императрица, въ преображенскомъ мундирѣ стараго покроя, принадлежавшемъ Талызину, съ распущенными волосами, въ трехугольной шляпѣ, обвитой дубовыми листьями, сѣла на пѣгаго коня и во главѣ гвардейскихъ полковъ выступила въ Петергофъ. Ей сопутствовали княгиня Дашкова, то

([501]) Vie de Pierre III. I. 258. — ([502]) Russ. Günstl. 314.

же въ преображенскомъ мундирѣ, гетманъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ ([503]). Между тѣмъ Петръ III, узнавъ, что въ Петербургѣ началось возстаніе, поспѣшилъ въ Петергофъ, гдѣ, какъ мы видѣли, застали его Разумовскіе. Убѣдившись собственными глазами, что Императрица покинула Петергофъ, онъ, по совѣту Миниха, поплылъ со всею своею свитою въ Кронштадтъ. Но вице-адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ успѣлъ уже привести тамошній гарнизонъ къ присягѣ. Въ совершенномъ изнеможеніи духа, воротился несчастный Императоръ въ Ораніенбаумъ. Узнавъ, что гетманъ находится въ свитѣ Екатерины, онъ послалъ въ Гостилицы за графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ ([504]). Всѣ окружавшіе Петра, кромѣ Миниха и Гудовича и весьма вѣроятно старшаго Разумовскаго, спѣшили его покинуть. 29 Іюня въ то время, какъ Императрица достигла Сергіевой пустыни, вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ вручилъ ей отреченіе Петра III. На другой день послѣ переворота, Измайловскій полкъ, отъ «мечтательнаго своего превозношенія,» собрался своевольно около лѣтняго дворца требовать, чтобы Императрица къ нему вышла и увѣрила лично, что она здорова. Говорили, что она увезена «хитростями» Фридриха II. Дежурные придворные, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и шефъ полка гетманъ, старались ихъ успокоить, увѣряя, что Государыня здорова и опочиваетъ. Солдаты не унимались. Государыня принуждена была явиться. Вслѣдъ за этимъ вышелъ манифестъ, въ которомъ Императрица благодарила солдатъ, но въ то же время, напоминая имъ о дисциплинѣ, объявляла, что съ тѣми, которые не будутъ повиноваться начальникамъ, будетъ поступлено со всею строгостью закона ([505]). Всѣ главные сторонники Екатерины были щедро награждены. Гетманъ получилъ сверхъ своихъ прежнихъ окладовъ по 5000 рублей въ годъ ([506]) и пожалованъ былъ въ сенаторы и генералъ-адъютанты Государыни. Племянникъ его камергеръ Михайла Васильевичъ Будлянскій посланъ былъ въ Малороссію съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Екатерины II ([507]).

Въ Августѣ 1762 года Государыня отправилась въ Москву для коронаціи и остановилась въ подмосковной гетмана, селѣ Петровскомъ. Здѣсь провела она нѣсколько дней, посѣщая изрѣдка городъ подъ строгимъ

([503]) Biographie Peters III. II. 133 и Memoirs of the Princess Dashkow I. 80—84. — ([504]) Тамъ же II. 135. — ([505]) Записки Державина 23.

([506]) Русскій Архивъ 1864, 402. — ([507]) Зап. Марковича, II. 381.

инкогнито. Здѣсь увидалъ ее Державинъ, находившійся тогда простымъ солдатомъ на караулѣ при Петровскомъ домѣ ([508]). Во время коронаціи гетманъ, вмѣстѣ съ возвращеннымъ изъ ссылки графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, былъ ассистентомъ у Государыни, а графъ Алексѣй Григорьевичъ несъ корону и послѣ обряда коронованія бросалъ въ народъ жетоны.

Въ Москвѣ, среди празднествъ коронаціи, Разумовскіе получили извѣстіе о кончинѣ, престарѣлой ихъ матери. Графиня Наталья Демьяновна мирно кончила жизнь на хуторѣ своемъ Алексѣевщинѣ, близь Адамовки, 12 Сентября 1762 года. Ее похоронили въ Козельцѣ, въ нижнемъ лѣвомъ придѣлѣ Захаро-Елизаветинскаго храма, который, какъ мы видѣли, она начала строить. Въ придѣлъ этотъ перенесли иконостасъ изъ домовой церкви ея въ Алексѣевщинѣ, гдѣ до сихъ поръ видны слѣды ея дома. Самый иконостасъ давно уже истлѣлъ и замѣненъ другимъ, который отъ сырости тоже испортился. Вообще нижній этажъ Козелецкой Захаро-Елизаветинской церкви содержится въ непозволительной небрежности, безъ оконъ, наполненный соромъ и всякаго рода хламомъ; вода по лѣстницамъ безпрепятственно стекаетъ въ храмъ и потому все, что только есть въ церкви, покрыто плесенью. Гробница Натальи Демьяновны изъ простаго кирпича, на ней стоитъ гипсовый крестъ вершковъ въ 10 высоты. На крестѣ съ одной стороны Славянская надпись: «Со святыми упокой, Христе, душу рабы твоея графини Наталіи, идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная,» а съ другой: «1762 года Сентября 12-го дня.» Въ придѣлѣ служатъ два раза въ годъ заупокойныя обѣдни 12-го Сентября и 26 Августа, и въ это время поютъ панихиды по Адріянѣ и Натальи. (Этотъ Адріянъ новѣйшаго изобрѣтенія, — между родственниками Разумовскихъ никакого Адріяна никогда не бывало).

Гетманъ оставался при Государынѣ все время въ Москвѣ т. е. до Іюня 1763 года. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Монархини, которая возлагала на него дѣла первой важности. Такъ дѣло о братьяхъ Гурьевыхъ и Хрушовыхъ, замышлявшихъ свергнуть Екатерину съ престола, было въ 1762 г. слѣдовано въ Москвѣ гетманомъ ([519]). По совѣту генераловъ, собравшихся въ Москву на коронацію, учреждена была при

([508]) Записки Державина 24. — ([519]) Русскій Архивъ 1865 г. 667.

высочайшемъ дворѣ воинская комиссія, изъ наличнаго лучшаго генералитета ([510]) для составленія новыхъ штатовъ всей арміи. Первенствующимъ членомъ этой комиссіи назначенъ былъ Разумовскій. Вслѣдствіе этого назначенія онъ получилъ слѣдующее письмо отъ графа Фермора, находившагося въ то время въ отставкѣ:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, Кирила Григорьевичъ. Увѣдомясь о учрежденной отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей Государыни, военной комиссіи, беру смѣлость къ вашему высокографскому сіятельству, яко первенственному члену, адресоваться, покорнѣйше прося вспоможеніемъ вашимъ удостоить меня того счастія паки въ славной службѣ Ея Императорскаго Величества, яко всемилосердой Государыни моей, быть и послѣднюю мою жизнь въ оной продолжить. Я бы, милостивый государь, себя счастливымъ почиталъ, ежели бы удостоенъ былъ прежнимъ моимъ старшинствомъ и жалованіемъ, вице-президентомъ военной коллегіи присутствовать и тѣмъ долгъ мой отечеству своему всеподданнѣйше оказать; но и то все предоставляю всевысочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества, гдѣ раба своего употребить соизволитъ. Рекомендуя себя въ благоволеніе и милость вашего высокографскаго сіятельства, съ должнымъ высокопочитаніемъ всегда пребуду вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга графъ В. Ферморъ.

Декабря 14-го дня 1762. С.-Петербургъ ([511]).

Какъ видно, Государыня осталась вполнѣ довольною трудами комиссіи. Штаты ею сочиненныя были конфирмованы, и по приказанію Императрицы составлены были три списка: 1, всѣмъ служащимъ военнымъ отъ фельдмаршала до послѣдняго въ табели о ротахъ находящагося. 2, генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и 3-е, всѣмъ военнымъ, опредѣленнымъ къ гражданскимъ дѣламъ и не у дѣлъ находящимся ([512]).

Среди этихъ занятій, гетманъ не забывалъ и Малороссіи. По представленію Разумовскаго, разрѣшенъ былъ безпошлинный вывозъ лѣса изъ Польши, откуда въ-то же самое время запрещено было впускать горячее вино въ Новую Сербію и въ Запорожскую Сѣчь, и уничтожены въ Украйнѣ табачные и другіе откупы, стѣснявшіе тамошнюю торговлю ([513]). Универсаломъ отъ 17 Февраля 1763 года гетманъ подтвер-

---

([510]) Тамъ же, 483.

([511]) Изъ Архива гр. А. С. Уварова. Ферморъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Смоленскъ. — ([512]) Русскій Архивъ 1865, 483.

([513]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи III, 208.

дилъ полковымъ канцеляріямъ и челобитчикамъ, представленія и прошенія доставлять прямо въ генеральный судъ, откуда они должны были поступать на гетманское утвержденіе; генеральной канцеляріи, въ силу того же универсала, предписано было сноситься съ генеральнымъ судомъ во всякихъ перепискахъ сообщеніями ([514]).

Мы упомянули о томъ, что Бестужевъ присутствовалъ при коронаціи Екатерины: немедленно послѣ переворота 28 іюня Императрица вызвала, изъ подмосковнаго села Горетова, своего стараго сторонника. Бестужевъ поспѣшилъ ко двору и нашелъ тамъ много новыхъ ему вовсе незнакомыхъ дѣятелей. Канцлерское мѣсто его было занято графомъ Михайломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ. Екатерина пожаловала старика въ фельдмаршалы, назначила ему значительный окладъ, и въ то же время «во уваженіе преклонныхъ лѣтъ,» уволила его отъ занятій военныхъ и гражданскихъ. Времена Елизаветинскія прошли невозвратно; вседѣятельному и всеобъемлющему уму Екатерины нужны были новые сотрудники. Она осыпала милостями старыхъ наредворцевъ тетки своей, посѣдѣвшихъ въ придворныхъ сплетняхъ и интригахъ, но въ то же время выдвигала впередъ цѣлую фалангу новыхъ дѣятелей, которыхъ не только хватило на ея 34-хъ лѣтнее царствованіе, но и еще на первыя тридцать лѣтъ нынѣшняго вѣка. Горькà должна была показаться старому канцлеру и новопожалованному фельдмаршалу второстепенная роль его при дворѣ. Онъ всячески старался снова вкрасться въ довѣріе Государыни и нерѣдко докучалъ ей непрошенными совѣтами и представленіями. Съ первыхъ дней новаго царствованія значеніе графа Григорія Григорьевича Орлова стало ясно всякому. Бестужевъ поспѣшилъ съ нимъ сблизиться, и въ старческой головѣ его снова возникла та же мысль, благодаря осуществленію которой, въ 1742 году, 16 лѣтъ сряду держалъ онъ бразды правленія въ рукахъ своихъ. Короче, онъ придумалъ женить Орлова на Государынѣ. Мысль свою онъ передалъ Орлову; 28-лѣтній временщикъ былъ отъ нея въ восторгѣ, а Бестужевъ началъ собирать подписи для представленія Императрицѣ формальнаго прошенія о томъ, чтобы она избрала себѣ супруга ([515]). Между лицами, подписавшимися подъ прошеніемъ этимъ, по свидѣтельству барона де Бретеля, Французскаго посланника, главную роль игралъ старинный союзникъ Бестужева — духовен-

---

([514]) Тамъ же. — ([515]) Mémoirs of the Princess Dashkow I. 123—124.

ство. Прошеніе это надѣлало много шуму. Во главѣ тѣхъ, которые особенно возставали противъ вторичнаго брака Императрицы, находились канцлеръ графъ Воронцовъ, Никита Ивановичъ Панинъ и гетманъ Разумовскій ([516]). Гетманъ съ первыхъ же дней восшествія на престолъ Екатерины вошелъ въ столкновеніе съ графомъ Григоріемъ Орловымъ. Разсказываютъ, что разъ, за обѣдомъ во дворцѣ, Григорій Григорьевичъ расхвастался, говоря о недавнемъ переворотѣ, приписывалъ все дѣло одному себѣ и наконецъ, разгоряченный виномъ, сталъ увѣрять, что въ мѣсяцъ времени берется сдѣлать новый переворотъ и низвергнуть Екатерину. «Быть можетъ, возразилъ смѣясь Разумовскій, черезъ мѣсяцъ ты это бы и сдѣлалъ, но мы бы тебя прежде двухъ недѣль повѣсили» ([517]). По свидѣтельству княгини Дашковой, Воронцовъ явился лично къ Государынѣ ([518]), и объявилъ, что бракъ ея съ Орловымъ произведетъ самое грустное впечатлѣніе на всѣхъ Русскихъ. Екатерина отвѣчала, что она никогда не поручала старому интригану составлять прошенія и что она яко бы вполнѣ умѣетъ цѣнить чистосердечность и прямоту образа дѣйствій Воронцова.

Старикъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, какъ мы видѣли, вмѣстѣ со дворомъ пріѣхалъ въ Москву на коронацію; тамъ оставался онъ все время пребыванія Государыни и жилъ въ домѣ своемъ на Покровкѣ, о которомъ мы уже говорили. Орловъ нерѣдко намекалъ Екатеринѣ о тайномъ бракѣ Императрицы Елизаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Однажды, вѣроятно вскорѣ послѣ разговора съ Воронцовымъ, Императрица призвала его къ себѣ и приказала ему написать проэктъ указа, въ которомъ объявлялось, что въ память почившей тётки своей Императрицы Елизаветы Петровны, Государыня признаетъ справедливымъ даровать графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, вѣнчанному съ Государыней, титулъ Императорскаго Высочества, каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ своей объявляетъ ему и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ сіе гласнымъ во всенародное извѣстіе» ([519]). При этомъ Екатерина приказала Воронцову попросить

([516]) Hermann, Gesch. de russ. Staats V. 323, La Cour de Russie il y a cent ans. 229. — ([517]) Castéra, Hist. de Cath. II. I. 449.

([518]) Mém. of the Princess Dashkow II. 124—125.

([519]) Подробности эти мы почерпнули изъ имѣющагося у насъ въ спискѣ разсказа графа С. С. Уварова на обѣдѣ у фельдмаршала князя

у Разумовскаго всѣ документы, касавшіеся до его брака съ Императрицею Елизаветою Петровною, дабы изъ нихъ можно было составить актъ, облеченный въ законную форму. Воронцовъ былъ какъ громомъ пораженъ приказомъ Государыни, который противорѣчилъ не столько словамъ, сколько тону отвѣта, сдѣланнаго ему за нѣсколько дней до того; онъ хотѣлъ было возражать, но Екатерина настойчиво подтвердила свое повелѣніе и вышла, оставя канцлера въ совершенномъ недоумѣніи. Дѣлать было нечего. Воронцовъ на скоро набросалъ проэктъ указа и поѣхалъ съ нимъ къ старшему Разумовскому. Онъ его засталъ въ домѣ на Покровкѣ, близъ Воскресенія въ Барашахъ, сидѣвшимъ въ креслахъ у камина, вѣроятно въ той комнатѣ, которая по преданію служила спальнею Елизаветы Петровны и извѣстна до сихъ поръ ([520]) подъ именемъ мраморной (ее теперь занимаетъ директоръ), читающимъ св. Писаніе Кіевской печати въ октаву. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Воронцовъ объявилъ Разумовскому истинную причину своего посѣщенія. Графъ Алексѣй Григорьевичъ потребовалъ проэктъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ тихо съ своихъ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выло-

---

Паскевича о бракѣ Елизаветы Петровны. Сущность разсказа этого (напечатаннаго in extenso въ чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей 1863 г. Книга 3-я. Смѣсь 153—157), отзывается правдой; но многое въ немъ невѣрно, такъ напримѣръ мѣстомъ событія въ разсказѣ предполагается Петербургъ, тогда какъ весь эпизодъ предполагаемаго брака съ Орловымъ разыгрался въ Москвѣ; сказано, что Разумовскій изъ дому ѣзжалъ только въ церковь, удаляясь отъ свѣта, тогда какъ онъ до конца жизни принималъ у себя Государыню и дворъ и имѣлъ въ обоихъ домахъ своихъ въ Петербургѣ домовыя церкви и пр. И кромѣ того иногда слышатся не слова графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго (тестя графа Уварова, передавшаго ему разсказъ этотъ), а личныя воззрѣнія повѣствователя. Такъ изъ словъ гр. Уварова вытекаетъ, что Екатерина уже заранѣе готовила отказъ Орлову и что, коротко зная честную и прямую натуру Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, она предугадывала и разсчитывала на его образъ дѣйствій. Но это противорѣчитъ другимъ современнымъ извѣстіямъ, обнародованнымъ позднѣе и которыя по этому не были извѣстны въ то время (1843 г.) гр. Уварову. Екатерина напротивъ хотѣла вступить во вторичный бракъ, но поступокъ Разумовскаго и всеобщій ропотъ заставили ее измѣнить свое намѣреніе.

([520]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи. 1866 г. книга III, Смѣсь, стр. 249—50.

женный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ бумаги, обвитыя въ розовый атласъ. Онъ развернулъ бумаги, атласъ спряталъ назадъ въ ящикъ, и бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Все это онъ дѣлалъ, не прерывая молчанія. Наконецъ, прочитавъ бумаги, поцѣловалъ ихъ, подошелъ къ образамъ, перекрестился, со слезами на глазахъ и съ примѣтнымъ волненіемъ возвратился къ камину у котораго оставался канцлеръ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресло и, помолчавъ немного, сказалъ: «Я не былъ ничѣмъ болѣе какъ вѣрнымъ рабомъ Ея Величества, покойной Императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями превыше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ, я изъ какой доли и на какую степень возведенъ я десницею ея. Обожалъ ее какъ сердобольную мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку и никогда не дерзалъ самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ! Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ «его же не прейдемъ,» въ молитвахъ ко Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей Монархини, подъ скипетромъ которой безмятежно, въ остальныхъ дняхъ жизни, вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память Монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей Государынѣ: да продлитъ она милости свои на меня старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство, да останется все прошедшее между нами тайною; пусть люди говорятъ, что̀ имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ свои надежды къ ложнымъ величіямъ, но мы не должны быть причиною толковъ.» Отъ Разумовскаго Воронцовъ поѣхалъ прямо къ Государынѣ и донесъ ей съ подробностью о томъ, что̀ произошло между нимъ и графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Императрица, выслушавъ, взглянула на Воронцова проницательно, подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и сказала: «Мы другъ друга понимаемъ. Тайнаго брака не существовало, хотя бы и для усыпленія боязливой совѣсти. Шопотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго Малороссіянину самоотверженія.» Съ послѣднимъ словомъ она погрузилась

въ мрачную глубокую думу. Воронцовъ вышелъ. Приходъ графа Григорія Григорьевича Орлова прервалъ размышленія Государыни. О чемъ они говорили, неизвѣстно.

Въ разговорѣ съ Воронцовымъ Екатерина слѣдовала не формулированному еще въ тѣ времена извѣстному афоризму князя Талейрана, что слова созданы для скрытія настоящей мысли. Поступокъ Разумовскаго открылъ ей глаза и доказалъ всю невозможность, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, брака съ Орловымъ, одна молва о которомъ породила заговоръ Хрущовыхъ и Гурьевыхъ; но, отсылая Воронцова къ Разумовскому, Екатерина вполнѣ разсчитывала воспользоваться документами, находящимися въ его рукахъ. Кредитъ Орлова послѣ поступка Алексѣя Григорьевича ни сколько не ослабѣлъ: девять лѣтъ оставался онъ еще всемогущимъ любимцемъ Императрицы. Напротивъ того, всѣ слишкомъ явно возстававшіе противъ брака, начиная съ канцлера, мало по малу впали въ немилость, и между прочими княгиня Дашкова, которая находилась въ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ съ братьями Орловыми. Неудовольствіе Екатерины пало въ нѣкоторой степени и на гетмана; но съ врожденнымъ своимъ тактомъ, она назначила именно его для слѣдствія надъ заговорщиками, которые сходились съ нимъ въ исходной точкѣ. Что же касается до Алексѣя Григорьевича, Екатерина, при возвышенномъ умѣ своемъ, не могла не быть тронутою рѣдкимъ (особенно же въ тѣ времена) между сильными міра сего, примѣромъ полнаго самоотверженія и благородства. Государыня до конца жизни Алексѣя Григорьевича оказывала ему знаки особаго уваженія и обращалась съ нимъ скорѣе какъ съ родственникомъ, чѣмъ съ подданнымъ. Когда старшій Разумовскій являлся къ Государынѣ, она вставала и выходила къ нему на встрѣчу, сама сейчасъ же подавала кресло и, когда онъ уходилъ, Императрица провожала его до дверей своего кабинета.

18 Іюня 1763, гетманъ выѣхалъ изъ Москвы въ Малороссію. Передъ нимъ туда отправились сперва племянники его Будлянскій и Петръ Ивановичъ Разумовскій, со всею свитою, пѣвчими и конюшнями, а потомъ гетманша съ младшими сыновьями и дочерьми. Старшіе сыновья Разумовскаго оставались въ Петербургѣ, гдѣ, какъ мы увидимъ далѣе, они воспитывались подъ руководствомъ гувернеровъ своихъ Бурбье, Румовскаго и Шлецера. Тепловъ уже не сопровождалъ гетмана. Переворотъ 1762 года и важныя заслуги, имъ оказанныя, особенно же 8 Іюля того же

года, открыли ему болѣе обширное поле дѣятельности. Онъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ при Государынѣ вмѣстѣ съ Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ и Иваномъ Перфильевымъ Елагинымъ, и такимъ образомъ самъ сталъ въ ряды сановниковъ имперіи. Съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ ѣхали на этотъ разъ родственникъ его Семенъ Васильевичъ Кочубей генеральный обозный, и Илья Журманъ генеральный писарь, прибывшіе въ Москву на коронацію депутатами отъ народа Малороссійскаго. Разумовскій при отъѣздѣ находился въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ. Тепловъ, оставшійся при дворѣ, видя, что звѣзда гетмана закатывается, поспѣшилъ забыть своего покровителя, чтобы сдѣлаться угоднымъ Монархинѣ: это подтверждаютъ и Георгій Конисскій, и Бантышъ-Каменскій, и преданіе, и весь прежній образъ дѣйствій Теплова. Несомнѣнно однакожъ то, что гетманъ не вѣрилъ въ двуличіе Теплова и что онъ послѣ, какъ и прежде, оставался съ Григоріемъ Николаевичемъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Пріѣхавъ въ Глуховъ, гетманъ дѣятельно принялся за преобразованія, начало которыхъ было еще положено при Елизаветѣ.

Казаки, носившіе до тѣхъ поръ разнообразныя одѣянія, получили мундиръ, который послѣдствіе универсала гетмана 1763 года долженъ былъ быть во всѣхъ полкахъ одного цвѣта и покроя. Въ полки стали вводиться регулярный строй и порядокъ. Многіе полковники, особенно же въ царствованіе Петра III-го, подражая гетману, стали носить мундиры того же цвѣта какъ и мундиры казаковъ, но нѣмецкаго покроя ([521]). По всей Малороссіи производилась народная перепись, оконченная въ 1764 году. Въ исходѣ того же года гетманъ созвалъ въ Глуховъ всѣ чины Малороссійскіе на генеральное собраніе. Здѣсь обсуживались вопросы первой важности для Малороссіи. Прежде всего выработано было прошеніе о уровненіи чиновъ Малороссійскихъ съ Великорусскими. Прошеніе было отправлено въ Петербургъ, и Государыня милостиво приняла его, поручивъ коммисіи, трудившейся въ Петербургѣ надъ составленіемъ правъ и вольностей для дворянства — сочинить положеніе о рангахъ Малороссійскихъ и объ образѣ производства ихъ ([522]). Въ силу этого положенія, чины Украинскіе были совершенно уравнены съ Великорус-

([521]) Бант.-Кам. Ист. Малой Россіи III, 234—235.

([522]) Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, IV. 20—21.

скими. Кромѣ этого положенъ предѣлъ свободному переходу крестьянъ, указомъ 1742 года снова введенному въ Малороссіи (523). Благодаря этому рѣшенію собранія, уменьшилось бродяжничество. Но главное вниманіе гетмана обращено было на судоустройство. Какъ мы видѣли, универсалами своими изъ Москвы, Разумовскій уменьшилъ число инстанцій и сократилъ проволочку дѣлъ. Теперь онъ принялся за реформу болѣе радикальную. Уничтоженные Богданомъ Хмѣльницкимъ суды земскіе, градскіе и подкоморскіе были снова возстановлены. Такимъ образомъ полковники и сотники остались чисто военными начальниками, и власть гражданская отдѣлилась отъ власти военной. Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ: Козелецкій, Остерскій, Черниговскій, Мглинскій, Стародубскій, Погарскій, Глуховскій, Батуринскій, Нѣжинскій, Переяславскій, Золотоношскій, Прилуцкій, Винницкій, Лубенскій, Роменскій, Гадячскій, Зѣньковскій, Миргородскій, Остаповскій и Полтавскій. Въ каждомъ повѣтѣ находился земскій судъ, въ которомъ три раза въ году собирались немѣняемые: судья, подсудокъ и земскій писарь, избранные вольными голосами изъ шляхетства того повѣта. Въ судахъ подкоморскихъ, въ которыхъ разбирались спорныя дѣла о землѣ, и подъ вѣдомствомъ которыхъ находились межи, засѣдалъ подкоморій съ двумя помощниками-коморниками. Для уголовныхъ дѣлъ установленъ былъ въ каждомъ полку градскій судъ; полковникъ остался его предсѣдателемъ, но судья и писарь стали уже называться не полковыми, а городскими. Полковыя и сотенныя канцеляріи занимались только производствомъ дѣлъ военныхъ и сотенныхъ своего вѣдомства (524).

Вѣроятно къ этому послѣднему пребыванію гетмана въ Глуховѣ относится слѣдующій анекдотъ. Одинъ Малороссійскій помѣщикъ несправедливымъ рѣшеніемъ суда лишенъ былъ всего своего достоянія; нѣсколько разъ приносилъ онъ на судей письменныя жалобы, не доходившія до гетмана, нѣсколько разъ безъ всякаго также успѣха старался онъ лично объясниться съ нимъ; наконецъ, по совѣту одного пріятеля, рѣшился онъ черезъ садъ пробраться къ гетманскому кабинету и ожидать въ сѣняхъ появленія его. По увѣренію пріятеля, гетманъ обыкновенно, послѣ полуденнаго отдыха, выходилъ въ садъ, въ то время какъ приближенные къ нему играли въ биліардъ или занимались другими увеселеніями. На-

(523) Тамъ же.—(524) Бант.-Кам. Исторія Малой Россіи III. 208—209.

прасно бѣдный проситель ожидалъ въ углу, опасаясь вмѣсто гетмана увидѣть его камердинера: дверь изъ сѣней не отворялась, и молчаніе было только прерываемо стукомъ биліардной игры. Наконецъ помѣщикъ услыхалъ шорохъ въ кабинетѣ и узналъ тяжелые шаги гетмана, отворявшаго дверь въ другую комнату. Бѣдный проситель трепетно ожидалъ появленія Разумовскаго, но тишина снова водворилась въ кабинетѣ. Вдругъ шорохъ снова раздался близъ самой двери въ кабинетъ. Не теряя времени, помѣщикъ нагнулся къ порогу и просунулъ черезъ оный свою челобитную. Вскорѣ бумага исчезла и потомъ опять явилась изъ-за порога. Помѣщикъ схватилъ ее и пустился бѣжать. Развернувъ бумагу, онъ увидѣлъ, что гетманъ нетолько велѣлъ суду возвратить ему несправедливо отнятое имѣніе, но еще удовлетворить за всѣ понесенные протори и убытки. «Кто привелъ къ вашему сіятельству просителя?» спросили потомъ гетмана его приближенные. «Никто,» отвѣчалъ онъ. «Гдѣ же вы его видѣли?» — «Нигдѣ.» — «Но какимъ образомъ дошла до васъ просьба?» — «Такимъ, которымъ и хитрѣйшій изъ васъ не умѣлъ бы воспользоваться: она пролѣзла черезъ порогъ» (525).

Среди своихъ многотрудныхъ занятій, гетманъ былъ непріятно пораженъ затѣяннымъ Новороссійскимъ губернаторомъ Мельгуновымъ вербованіемъ задніпровскихъ казаковъ въ пикинерные полки. Вербованіе это, извѣстное въ Малороссіи подъ названіемъ пикинеріи и вербунокъ, породило сперва стычки между новонабранными солдатами и гетманскими казаками, а потомъ и открытый мятежъ, когда пикинеровъ стали учить строевой службѣ. Между казаками начался ропотъ, стали поговаривать о старинныхъ правахъ и о договорахъ Хмѣльницкаго (526). Все это дошло до Петербурга и еще болѣе усилило неудовольствіе Екатерины на гетмана.

Мы теперь подходимъ къ эпохѣ, о коей до сихъ поръ имѣются одни смутныя и довольно сбивчивыя данныя. Эпоха эта — есть уничтоженіе гетманскаго достоинства. Всѣ бумаги, касающіяся до этого дѣла, долго хранились во второмъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи; теперь онѣ находятся въ Государственномъ Архивѣ, но такъ какъ на нихъ помѣчено рукою Екатерины: «сохранить въ тайнѣ,» то до сихъ

---

(525) Бант.-Кам. Исторія Малой Россіи III. примѣч. стр. 75—76.
(526) Маркевичъ. Исторія Малороссіи II. 653.

поръ онѣ еще не доступны для изслѣдователя. Многое бы также объяснилось, если бъ бумаги Теплова, которыхъ вѣроятно осталось немалое количество у его потомковъ, были напечатаны. Екатерина вела (какъ свидѣтельствуютъ письма ея къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву, напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ 1863 года) непрерывную переписку съ своими секретарями. Письма ея къ Теплову съ 1763 по 1764 годъ должны были исключительно касаться до Малороссіи. Въ настоящее время мы можемъ только воспользоваться тѣми немногими свѣдѣніями, которыя передали намъ Георгій Конисскій, Бантышъ-Каменскій и Марковичъ. Словоохотливый Яковъ Марковичъ о причинахъ уничтоженія гетманства вовсе не упоминаетъ.

Въ концѣ генеральнаго собранія, когда вопросъ о судоустройствѣ былъ рѣшенъ, между нѣкоторыми старшинами и полковниками зашла рѣчь о томъ, чтобы гетманство было наслѣдственно въ родѣ Разумовскихъ. Говоръ объ этомъ все болѣе и болѣе усиливался. Написана была просьба отъ лица всей Малороссіи; въ ней выставленъ былъ на видъ примѣръ Юрія Хмѣльницкаго, избраннаго и утвержденнаго гетманомъ по кончинѣ отца его, знаменитаго Богдана. «Причины для потомственнаго гетманства показаны были,» говоритъ Маркевичъ, «оскорбительныя для Малороссіи; всѣ гетманы и старшины, живые и мертвые—обруганы и озлословлены» ([527]). Прошеніе это, писанное по свидѣтельству Георгія Конисскаго по совѣту Теплова, безъ сомнѣнія бывшаго въ дѣятельной перепискѣ съ Разумовскимъ, произвело въ собраніи безпорядокъ. Многіе изъ старшинъ отказались подписать его ([528]). Тогда по приказанію гетмана разосланы были сторонники прошенія по полкамъ и повѣтамъ и сотнямъ съ просьбою подписаться ([529]). Безпорядокъ еще болѣе усилился. Глуховскій комендантъ Де Латуръ отнесся рапортомъ къ Кіевскому оберъ-коменданту Чичерину и тамошнему генералъ-губернатору Воейкову о томъ, что происходило въ Глуховѣ; послѣдніе поспѣшили донести объ этомъ въ Петербургъ ([530]).

Гетманъ съ своей стороны отправилъ къ Государынѣ прямо отъ себя просьбу о преемственности гетманства, которую, по выраженію Марке-

---

([527]) Тамъ же. — ([528]) Бантышъ-Кам. Ист. Малой Россіи III, 209, и примѣч. 260 и 261. — ([529]) Маркевичъ. Ист. Малороссіи II. 653.
([530]) Бант.-Камен. III. 209.

вича, можно назвать пасквилемъ на Малороссіянъ ([531]). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ происшествій гетманъ былъ отозванъ въ Петербургъ. Посѣтивъ Батуринъ и отпраздновавъ новый годъ въ Глуховѣ, Разумовскій отправился въ столицу 9 Января ([532]). Правленіе Малороссіи было ввѣрено Семену Васильевичу Кочубею, Василію Григорьевичу Туманскому и Данилѣ Петровичу Апостолу. Генеральному есаулу, хорунжимъ и бунчужнымъ гетманъ поручилъ передъ своимъ отъѣздомъ военныя суда и войска, приказавъ имъ, по возможности, сохранять единообразіе въ мундирахъ и оружіи ([533]). Гетманъ, какъ видно, вполнѣ разсчитывалъ на самое краткое пребываніе въ столицѣ. Онъ даже оставилъ въ Глуховѣ жену и дѣтей и поѣхалъ на легкѣ. Вѣроятно Тепловъ, въ тайнѣ противъ него дѣйствовавшій, успокоивалъ его своими письмами. Лишь только Разумовскій пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ его непріятно поразило извѣстіе, что Кіевъ исключенъ вновь изъ его вѣдомства. Государыня, уже и прежде недовольная гетманомъ, благодаря Теплову, безпрестанно подававшему ей доклады по дѣламъ знакомой ему Малороссіи, теперь крайне была возмущена противъ него. Тепловъ въ докладахъ своихъ представлялъ всю опасность, грозившую Россіи отъ замысловъ Разумовскаго и волненія въ Малороссіи. Еще до пріѣзда гетмана, въ Петербургѣ распространился слухъ, что графиня Разумовская ѣдетъ въ столицу и что она была уже въ Кромахъ (Орловской губерніи). «Адамъ Васильевичъ, писала Екатерина къ Олсуфьеву отъ 4-го Января 1764 г., спроси у своего курьера, самъ ли онъ видѣлъ гетманшу, народный ли слухъ, или онъ отъ вѣрныхъ людей слышалъ, что она въ Кромѣ; напиши отвѣтъ и пришли, а я очень любопытна» ([534]). Какъ скоро Разумовскій прибылъ въ Петербургъ, онъ явился во дворецъ. Тепловъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Графъ Григорій Орловъ, бывшій въ той же комнатѣ во время этой встрѣчи, воскликнулъ: «и лобза его же предаде» ([535]). Пріемъ, сдѣланный гетману, былъ самый холодный и глубоко оскорбилъ его.

Разумовскаго всѣ любили, и между царедворцами образовалась въ его пользу цѣлая партія, громко осуждавшая правительство. Государыня,

---

([531]) Марковичъ II, 653—654. — ([532]) Зап. Марковича II, 388—389.
([533]) Бант.-Кам. Исторія Малой Россіи, III, 210.
([534]) Русскій Архивъ 1863, 424.
([535]) Бант.-Кам. Ист. Малой Россіи III, примѣч. 73—74.

крайне ревнивая ко всему, что касалось до верховной власти, запретила гетману являться ко двору и требовала отъ него прошенія объ увольненіи отъ званія гетмана. Въ городѣ приписывали эту немилость интригамъ Орлова и говорили, что Государыня гетманомъ назначитъ графа Григорія Григорьевича ([536]). Эти слухи, которыми впослѣдствіи вѣроятно воспользовался Тепловъ, чтобы очистить себя въ глазахъ Разумовскихъ, глубоко оскорбляли Екатерину. «Адамъ Васильевичъ, писала она отъ 17 Февраля 1764 къ Олсуфьеву, дайте пожалуй разумъ людямъ прочесть и сами разскажите друзьямъ своимъ происхожденіе гетманскаго дѣла, его поведеніе въ Малороссіи, какъ я два мѣсяца о томъ знала, какъ не вѣрила, наконецъ какъ позвала Неплюева, Панина, Шаховскаго, васъ и вице-канцлера, какъ вы вообще всѣ согласны были на то, чтобъ Панинъ и Голицынъ къ нему поѣхали для растолкованія гетману непорядочныхъ его поведеній, и какъ наконецъ онъ самъ узналъ и они ему совѣтовали, дабы изъ этого съ честью выйтить, что иидѣ дороги нѣтъ, какъ только просить объ увольненіи отъ этой должности; а нынѣ въ Петербургѣ иные говорятъ, будто то все происходитъ отъ гоненія на гетмана графа Григорія Григорьевича Орлова, и вамъ лучше извѣстно, сколь то ложно выдумано» ([537]). Гетманъ долго не поддавался. Гетманша, не дождавшись мужа, въ Мартѣ мѣсяцѣ покинула Глуховъ и пріѣхала въ Петербургъ. До какой степени Государыня была гнѣвна на Разумовскаго, видно изъ другаго письма ея къ Олсуфьеву отъ 27 Марта 1764-го года ([538]). Въ письмѣ этомъ Государыня, дѣйствуя совершенно по-женски, старалась придраться и къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. «Адамъ Васильевичъ, гласитъ письмо это, пошлите кабинетъ-курьера отселѣ до Москвы и велите ему навѣдаться подъ рукою и будто отъ себя, объ ѣздѣ сюда Катерины Ивановны Разумовской. Она сегодня пріѣхала, а сказываютъ, что лошадей по ста на станціяхъ безденежно брали и будто два гренадера и сержантъ, которые вездѣ предъ нею шествовали, прибили чуть не до смерти въ Ляжелбицахъ ямщика и множество озарничества дѣлали по дорогѣ; и естьли то такъ, то

([536]) Hermann, Gesch. de Russ. Staats V, 567 — депеша Сакена.

([537]) Русскій Архивъ 1863 г., 427.

([538]) Въ Русскомъ Архивѣ (1863, 437) письмо это помѣчено отъ 27 Марта 1765. Тутъ явная ошибка. Весною 1765-го года Разумовскіе были уже за границею.

велите курьеру, чтобъ онъ совѣтовалъ обиженнымъ мнѣ подать челобитенъ, прося защищенія и удовлетворенія; однакожъ, чтобъ они въ правду просили, а не въ вымысленныхъ обидахъ. Пожалуй, умненько сдѣлайте; а какъ до Москвы доѣдитъ, то день другой проживъ, велите съ записанными извѣстіями ѣхать обратно сюда.»

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Разумовскій увидѣлъ, что дѣлать было нечего, послѣдовалъ совѣтамъ Панина и князя Александра Михайловича Голицына и подалъ прошеніе объ увольненіи. Прошеніе было подано въ Октябрѣ. Императрица, повелѣвшая Олсуфьеву составить секретныя инструкціи для губернаторовъ Ярославскаго, Астраханскаго и Новгородскаго (Мельгунова, Бекетова и Сиверса), письмомъ отъ 30 Октября приказываетъ ему изготовить такую же инструкцію для Малороссійскаго генералъ-губернатора, «оставя на имя его мѣсто.» — «Прибавить надлежитъ, продолжала Императрица, чтобъ сколь возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли; и разбирать и раздѣлить le gouvernement militaire d'avec le civil, souverainement confondu dans cette province.... раздѣлить ихъ настоящія правы съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили, и во всемъ ему должно имѣть и лисій хвостъ и волчій ротъ. Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отселѣ имъ дается 48,000. 2-й пунктъ. Сего пункта нѣсколько перемѣнить надобно и что на одну персону написано, писать на общее лице» (539). Эта одна персона былъ несомнѣнно самъ гетманъ.

Приводимое нами письмо интересно, ибо оно раскрываетъ намъ мнѣніе Екатерины о тогдашнемъ состояніи Малороссіи.

Наконецъ 10 Ноября 1764 года вышелъ указъ объ уничтоженіи гетманства, который начинался такъ:

Божіею милостью, Мы Екатерина II и проч. Объявляемъ нашему вѣрноподданному Малороссійскому народу. Малороссійскій гетманъ, графъ Разумовскій, просилъ насъ всеподданнѣйше, чтобъ мы, въ разсужденіи пространства многотрудныхъ дѣлъ Малороссійскихъ, а напротивъ того и другихъ въ Великой Россіи не меньше важныхъ его упражненій, чѣмъ гетманство, и наложенное на него по тому правленіе Малой Россіи съ него сняли. Мы, видя его графа Разумовскаго не малое по справедливости обремененіе, и снисходя на его къ намъ всеподданнѣйшее прошеніе, уволили его всемилостивѣйше, какъ отъ чина гетманскаго, такъ и отъ всѣхъ Малороссійскихъ по оному дѣлъ.

---

(539) Тамъ же, 433.

Того же числа Государыня, переименовавъ Разумовскаго въ генералъ-фельдмаршалы, пожаловала ему пожизненно гетманское содержаніе въ 50,000 рублей на годъ съ прибавкою изъ Малороссійскихъ доходовъ 10,000 рублей, городъ Гадячъ съ селами и деревней, Быковскую волость и домъ построенный на казенныя деньги въ принадлежавшемъ уже ему Батуринѣ ([540]).

Двери дворца снова раскрылись для графа Кирилы Григорьевича. До тѣхъ поръ мы ими его встрѣчаемъ только разъ въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ, между лицами приглашенными къ двору, и то по случаю двойной сватьбы, племянника и племянницы, Андрея Осиповича Закревскаго на княгинѣ Маріѣ Ивановнѣ Одоевской и фрейлины Софьи Ефимовны Дараганъ за князя Петра Васильевича Хованскаго ([541]); но уже въ Іюнѣ онъ сопутствуетъ Государынѣ въ поѣздкѣ ея по Прибалтійскому краю, и съ этихъ поръ, какъ видно изъ Записокъ Порошина, безпрестанно обѣдаетъ во дворцѣ, бываетъ у Наслѣдника и играетъ въ карты съ Государыней. Какъ мало уничтоженіе гетманства пошатнуло довѣріе графа Кирила Григорьевича къ Теплову, видно изъ слѣдующаго письма отъ гетмана, писаннаго почти на другой день послѣ увольненія его, къ Ивану Перфильевичу Елагину, бывшему въ то время, какъ уже сказано, однимъ изъ секретарей Государыни.

Письмо это мы приводимъ со всѣми украинизмами Разумовскаго.

Государь мой и другъ Иванъ Перфильевичъ; прошу васъ государя моего приложенную челобитную о коммиссіи Почеповской представить Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Государынѣ. Я, вѣдая обстоятельно, что оная или за посули секретарямъ и подъячимъ или отъ непроницательства судьями дѣлъ и обыкновеній Малороссійскихъ помѣщиковъ, до такого замѣшательства доведена, что не только мнѣ, но едваль и наслѣдникамъ моимъ доведется видѣть окончаніе оной. Чего для симъ моимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ принужденъ прибѣгнуть третично къ защищенію и правосудію нашей всемилостивѣйшей Монархини, прося всенижайше, чтобъ сіе дѣло разсмотрено было въ какомъ ни есть сенатскомъ департаментѣ. Васъ же государя моего прошу внушить Ея Императорскому Величеству, дабы высочайшимъ своимъ имяннымъ указомъ изволили повелѣть по сему дѣлу, для объясненія господамъ сенаторамъ, присутствовать Григорію Николаевичу Теплову, яко одному такому, который по справедливости тамошнія дѣла въ точности ихъ вѣдаетъ. Симъ спосо-

([540]) Ригельманъ, Повѣствованіе о Малой Россіи IV, 22.

([541]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1764 года.

бомъ правосудіе спискано будетъ, и дѣла, получа свою ясность отъ затмѣнія ябедниковъ, челобитчиковъ, секретарей и подъячихъ ихъ помощниковъ, получатъ свое скорое и справедливое какъ для интересовъ государевыхъ такъ и для меня окончаніе, надѣюсь не долѣ какъ въ два мѣсяца. Я есмь со всегдашнимъ моимъ почтеніемъ и дружбою, вашъ государя моего всепокорный другъ и слуга, графъ К. Разумовскій.

Ноября 2, 1764 (542).

Возвращаясь изъ Балтійскаго края, Екатерина заѣхала къ старому графу Алексѣю Григорьевичу въ Гостилицы. Она туда прибыла въ 11 часовъ по полудни; у крыльца встрѣтилъ ее хозяинъ «со всѣми своими свойственниками, и для высочайшаго прибытія, изъ постановленныхъ предъ домомъ пушекъ, производилась пушечная пальба изъ 101-го выстрѣла. Вечернее кушанье Ея Императорское Величество изволили кушать въ 18-ти персонахъ; при столѣ пили здоровье, при чемъ производилась пушечная пальба: 1) Ея Императорскаго Величества благополучнаго прибытія зачиналъ его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ съ выстрѣломъ 51 пушки, 2) Ея Императорское Величество изволила зачинать пить здоровье его сіятельства графа, яко хозяина тому дому, съ выстрѣломъ 21-й пушки.» На другой день былъ обѣдъ въ 30 кувертовъ, и Государыня изволила кушать въ 30 персонахъ, въ продолженіе котораго пѣли пѣвчіе графа и пились тѣ же здоровья. Потомъ Государыня играла въ карты, каталась съ горъ и въ линеѣ по саду. За ужиномъ «столъ былъ убранъ пристойною великолѣпностію, а изъ пирамидъ были пущены по два фонтана.» 23 Іюля, послѣ завтрака, пожаловавъ хозяина и свойственниковъ его къ рукѣ, Государыня отправилась при пушечной пальбѣ въ Петергофъ (543).

Если вѣрить преданію, бывшаго гетмана ожидала въ Петербургѣ новая непріятность. 5-го Іюля, въ день выѣзда Императрицы изъ Пернавы, произошло въ Шлюссельбургѣ покушеніе Мировича, стоившее жизни несчастному затворнику Ивану Антоновичу. Въ судьи Мировичу, гласитъ преданіе, назначенъ былъ и графъ Кирила Григорьевичъ. Когда судьи спросили Мировича, кто подалъ ему мысль предпринять такое ужасное дѣло?—тотъ отвѣчалъ: г. гетманъ, графъ Разумовскій. Всѣ судьи, а въ томъ числѣ и Разумовскій, были крайне изумлены. Оказалось, что

---

(542) Изъ Государственнаго Архива.
(543) Камер.-фур. журналъ 1764 г. (дополненіе).

Мировичъ доискивался до имѣнія, несправедливо отнятаго у его предковъ, и не разъ объ этомъ просилъ гетмана. Графъ отвѣчалъ ему однажды, что мертваго изъ гроба не ворочаютъ и добавилъ: «ты молодой человѣкъ, самъ прокладывай себѣ дорогу, старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе.» Эти слова графа подали Мировичу мысль искать счастія въ возведеніи принца Ивана на престолъ (544). Преданіе это, набросанное на бумагу Г. Ѳ. Квиткою, имѣетъ много правдоподобнаго. Екатеринѣ же все напоминавшее про дѣло Мировича было особенно непріятно. Такъ генералъ-поручикъ Александръ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, командовавшій во время заговора полкомъ, въ которомъ служилъ Мировичъ, никогда не могъ добиться, не смотря на всѣ усилія честолюбивой жены и знатныхъ при дворѣ родственниковъ ея, до генералъ-аншефскаго чина. Хотя совсѣмъ бездоказательно, однако все-таки имя Разумовскаго было замѣшано въ дѣлѣ. Онъ почелъ благоразумнымъ, а, быть можетъ, ему это присовѣтовали свыше, удалиться на время отъ двора, и въ Апрѣлѣ 1765-го года онъ отправился, вѣроятно съ женою, въ Ахенъ, а оттуда во Францію, Италію и Англію (545). Проѣздомъ черезъ Берлинъ, Разумовскій представился Фридриху Великому, который его пригласилъ на большіе маневры. «Какого вы мнѣнія о движеніяхъ войска?» спросилъ его Фридрихъ. «Государь, отвѣчалъ Кирила Григорьевичъ, я фельдмаршалъ не военный, а гражданскій.» «Такихъ чиновъ мы здѣсь не знаемъ,» сухо отвѣчалъ король Прусскій (546). Въ Парижѣ встрѣтился Разумовскій съ другомъ своимъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Ознакомившись съ столицею Франціи, Разумовскій поселился въ Фонтенбло, гдѣ вѣроятно лѣчился виноградомъ (547). Изъ Фонтенбло графъ Кирила Григорьевичъ отправился въ Италію и по дорогѣ заѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ воспитывались его сыновья «Графъ Разумовскій (писалъ Полѣновъ, учившійся въ то время въ Страсбургѣ на счетъ Академіи, пріятелю своему Заутерсгейму), о которомъ вы вѣроятно уже слыхали, когда еще онъ жилъ въ Парижѣ, пріѣхалъ сюда для свиданія съ своими дѣтьми. Узнавъ, что Руссо еще здѣсь, графъ хотѣлъ на другой же день своего пріѣзда посѣтить его. Онъ, говорятъ, имѣлъ намѣреніе предло-

(544) Русскій Архивъ, 1863 г. 478. — (545) Тамъ же 1864 г. 389.
(546) Castéra Histoire de Catherine II. I, 221.
(547) Русскій Архивъ, 1864 г. 395.

жить ему въ подарокъ всю свою библіотеку, дать ему пенсію и мѣстопребываніе въ любомъ изъ своихъ многочисленныхъ помѣстьевъ въ Малороссіи. Къ сожалѣнію, это великодушное намѣреніе графа не исполнилось, потому что Руссо выѣхалъ изъ Страсбурга въ тотъ же самый день, какъ графъ сюда пріѣхалъ» ([548]). «На обратномъ пути изъ Парижа,» писалъ еще Полѣновъ къ Тауберту, «графъ Разумовскій остановился здѣсь на нѣсколько дней. Мы (т. е. Полѣновъ и Лепехинъ) имѣли честь быть ему представлены г. Шепфлиномъ (почетный членъ Петербургской Академіи, жившій въ Страсбургѣ). Графъ говорилъ со мною нѣсколько минутъ и, какъ кажется, остался очень доволенъ тѣмъ, что̀ г. Шепфлинъ объ насъ сказалъ. Посѣтивъ этого профессора, чтобы видѣть его библіотеку, графъ подарилъ ему золотую медаль на коронацію августѣйшей нашей Государыни» ([549]). Изъ Страсбурга, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ Алексѣемъ Кириловичемъ, Разумовскій чрезъ Швейцарію поѣхалъ въ Миланъ, откуда писалъ къ канцлеру графу Воронцову, «что онъ весело свое путешествіе продолжаетъ»([550]), посѣтилъ Флоренцію, Пизу, Сіенну, Римъ и Неаполь и передъ отъѣздомъ изъ Италіи поручилъ сына своего Ивану Ивановичу Шувалову, съ которымъ тамъ снова съѣхался. Въ Сентябрѣ 1767 года мы уже встрѣчаемъ Кирилу Григорьевича на праздникѣ, данномъ Екатеринѣ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ въ подмосковномъ селѣ Островѣ ([551]).

Во время пребыванія Разумовскаго за границею, въ 1766 году, директоромъ Академіи Наукъ назначенъ былъ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, меньшой братъ любимца Екатерины. Занятый Малороссіею, государственными переворотами и вопросомъ о гетманствѣ, Разумовскій при немалой доли природной лѣности, уже вовсе не занимался Академіею. Дѣла тамъ продолжали итти крайне плохо; даже въ обществѣ стали роптать противъ того, что̀ въ Академіи дѣлалось. Никита Ивановичъ Панинъ, который не принадлежалъ къ числу враговъ Разумовскаго, громогласно говорилъ, что Академія оставлена безъ всякаго попеченія и колко отзывался о томъ, что Кирила Григорьевичъ находился подъ вліяніемъ Теплова ([552]). Объ этомъ періодѣ,—не скажемъ дѣятельности, но президенства Разумовскаго,—мы почти ничего не знаемъ. Въ бума-

---

([548]) Тамъ же 1865 г. 585.—([549]) Тамъ же 587.— ([550]) Тамъ же 1864 г. 397.—([551]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1767 г.—([552]) З[illegible] Порошина.

гахъ его, сохранившихся въ архивѣ графа А. С. Уварова, нашли мы только благодарственное письмо отъ д'Аламбера за избраніе его въ почетные члены Академіи, да въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей (1866 г. IV. Смѣсь 130—33) напечатаны письма Эйлера къ нему и Тауберту. Изъ нихъ мы видимъ, что, благодаря заступничеству Разумовскаго, Эйлеръ въ 1763 году получилъ деньги 1200 рублей въ награду за Шарлотенбургскій домъ его, разрушенный Русскими войсками при взятіи Берлина, и что Эйлеръ, недовольный предпочтеніемъ оказываемымъ въ Берлинѣ Французамъ, желалъ вернуться въ Россію. Онъ только опасался, что «Monseigneur le Hetman» сердился на него за прежній отказъ и желалъ, чтобы графу объяснены были тогдашнія критическія его обстоятельства. Таубертъ взялся за это дѣло, но, какъ кажется, за реформами на Украйнѣ и родившимся въ тоже самое время вопросомъ о наслѣдственномъ гетманствѣ, Кирилѣ Григорьевичу было не до Эйлера. Знаменитый математикъ только въ 1766 году принятъ былъ снова на службу Академіи и переѣхалъ въ Петербургъ уже при графѣ Орловѣ. Приводимъ здѣсь письмо отъ д'Аламбера (553).

Monsieur, je n'ai reçu que depuis très peu de jours par le canal de M-r le prince Galitzine (554) le diplôme, que V. E. m'a fait l'honneur de m'envoyer et la lettre très obligeante qu'elle a bien voulu y joindre. J'ai déjà eu l'honneur de remercier l'illustre Academie Impérinle par une lettre, que j'ai remise à M-r le prince Galitzine, dès que j'eus appris mon élection. Permettez-moi, Monsieur, de l'assurer de nouveau de mon respect, de mon attachement et de ma recconnaissance. Permettez moi aussi de Vous assurer des mêmes sentiments, comme étant le digne chef de cette illustre compagnie, depuis longtemps connu dans toute l'Europe par votre amour éclairé pour les sciences et les lettres.

---

(553) Д'Аламберъ (род. 1717+1783). Екатерина на первомъ году царствованія вошла съ нимъ въ переписку, призывала въ Петербургъ, чтобъ быть воспитателемъ Великаго Князя и предлагала ему огромное жалованіе. Знаменитый философъ и математикъ отказался. Нѣтъ сомнѣнія, что вниманіе Екатерины побудило Академію избрать его въ члены.

(554) Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, род. 1734, сконч. въ 1799. До 1764 онъ былъ посланникомъ въ Парижѣ, а съ 1764 въ Гагѣ.

Je suis avec un profond respect, monsieur; de V. E. le très humble et très obéissant serviteur D'Alembert.

A Paris le 3 Novembre 1764 (555).

Вернувшись изъ чужихъ краевъ, Разумовскій поселился въ Петербургѣ уже не въ деревянномъ домѣ, а въ построенныхъ на его мѣстѣ великолѣпныхъ каменныхъ палатахъ, до сихъ поръ существующихъ и которыя, по рѣдкому у насъ случаю, не измѣнили своего внѣшняго вида. «Домъ его на Мойкѣ,» говоритъ Гельбигъ, «одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ и обширнѣйшихъ дворцовъ столицы. Онъ въ немъ жилъ истымъ вельможею. Насчитывали въ одномъ этомъ городскомъ домѣ болѣе 200 человѣкъ служителей. Онъ давалъ великолѣпные праздники и ежедневно принималъ. Къ нему охотно собирались, ибо всѣхъ притягивало добродушное, сердечное и благородное обхожденіе фельдмаршала, высокія достоинства сыновей его, равно какъ умъ и любезность его дочерей» (556). Въ домѣ этомъ, въ богатомъ кабинетѣ графа, стоялъ изящный накладной шкафъ изъ розоваго дерева; въ немъ свято хранились пастушечья свирѣль и простонародный кобенякъ, который во дни юности носилъ Лемешевскій козакъ Кирило Розумъ, теперешній фельдмаршалъ и вельможа. Разумовскій часто показывалъ эти памятники давно-прошедшаго своимъ приближеннымъ. Дурное впечатлѣніе, произведенное дѣломъ Мировича, мало-по-малу изглаживалось въ умѣ Государыни. Разумовскій сталъ ея почти ежедневнымъ собесѣдникомъ. Въ придворныя интриги онъ не впутывался, хотя засѣдалъ въ Сенатѣ и назначенъ былъ членомъ Совѣта при дворѣ, учрежденнаго въ 1769 году для сужденія о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ и состоявшаго изъ семи членовъ. Его мѣткія и колкія рѣчи ходили по городу, но самая колкость ихъ ды-

---

(555) *Переводъ*: Милостивый государь, я только недавно получилъ чрезъ посредство князя Голицына дипломъ, который ваше сіятельство сдѣлали мнѣ честь прислать, равно какъ и обязательное письмо, которое вы изволили къ нему приложить Я имѣлъ уже честь, какъ скоро узналъ о своемъ избраніи, отблагодарить достопочтенную Академію письмомъ, врученнымъ мною князю Голицыну. Позвольте мнѣ, милостивый государь, снова увѣрить Академію въ моемъ почтеніи, преданности и благодарности. Позвольте также увѣрить въ тѣхъ же чувствахъ и васъ, достойнаго начальника достойнаго уваженія общества, васъ, которые уже давно извѣстны всей Европѣ любовью вашею къ наукамъ и литературѣ. Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства и пр.

Парижъ 3 Ноября 1764.

(556) Helbig, Russische Günstlinge, 217.

шала добродушіемъ, и на Разумовскаго никто не сердился. «Что у васъ новаго въ Совѣтѣ?» спросилъ его однажды одинъ пріятель. «Все по старому,» отвѣчалъ Разумовскій: «одинъ Панинъ (Никита Ивановичъ) думаетъ, другой (Петръ Ивановичъ) кричитъ, одинъ Чернышевъ (графъ Захаръ Григорьевичъ) предлагаетъ, другой (графъ Иванъ Григорьевичъ) труситъ: я молчу, а прочіе, хоть и говорятъ, да того хуже» (557). Другой разъ, за обѣдомъ у Государыни, палъ разговоръ, во время десерта, на ябедниковъ, и Екатерина предложила тостъ за честныхъ людей. Всѣ подняли бокалы, одинъ Разумовскій не дотронулся до своей рюмки. На вопросъ Императрицы, «почему онъ не доброжелательствуетъ честнымъ людямъ.» — «Боюсь, отвѣчалъ Разумовскій, моръ будетъ» (558). Когда началась первая война съ Турками, главнокомандующимъ былъ назначенъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Графъ Кирила Григорьевичъ, по гетманству, считался старшимъ фельдмаршаломъ; кто-то изъ его знакомыхъ, желая польстить Разумовскому, изъявилъ удивленіе, почему младшему ввѣрена была армія противъ Турковъ. «Потому, отвѣчалъ графъ, что ему достаточно одной, а я, лишась двухъ, съ третьею только разобью непріятеля» (559). Въ Сенатѣ и Совѣтѣ онъ отличался необыкновенною правдивостью и независимостью. Однажды въ Сенатѣ Разумовскій отказался подписать рѣшеніе, которое считалъ несправедливымъ. «Государыня желаетъ, чтобъ дѣло было рѣшено такимъ образомъ,» объявили ему сенаторы. «Когда такъ, не смѣю ослушаться,» отвѣчалъ Кирила Григорьевичъ, перевернулъ бумагу и подписалъ свое имя. Екатерина потребовала объясненій. «Я исполнилъ вашу волю,» сказалъ онъ, «и подписалъ рѣшеніе, но такъ какъ оно по моему мнѣнію неправое и товарищи покривили совѣстью, то я и почелъ нужнымъ криво подписать свое имя.» Государыня пересмотрѣла дѣло, отмѣнила рѣшеніе сенаторовъ и сказала Разумовскому: «Вы мнѣ настоящій другъ, ибо не допустили меня совершить несправедливость» (560). Другой разъ разбиралось въ Совѣтѣ дѣло о женитьбѣ князя Орлова на его двоюродной сестрѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Зиновьевой. Орловъ, всегдашній недоброжелатель Разумовскаго, въ это время уже былъ въ немилости, и члены

---

(557) Бант.-Кам. Біографіи фельдмаршаловъ I. 244.
(558) Бант.-Кам. Исторія Малой Россіи, III, Примѣчаніе стр. 79.
(559) Тамъ же стр. 78. — (560) Тамъ же.

Совѣта, долго передъ нимъ преклонявшіеся, теперь рѣшили его разлучить съ женою и обоихъ заключить въ монастыри. Кирила Григорьевичъ отказался подписать приговоръ и объявилъ товарищамъ, что для рѣшенія дѣла не доставало выписки изъ постановленія «о кулачныхъ бояхъ.» Всѣ засмѣялись и требовали объясненія. «Тамъ, продолжалъ графъ, сказано между прочимъ: лежачаго не бить. Еще недавно всѣ мы считали бы себя счастливыми, ежели бы Орловъ пригласилъ насъ на свою сватьбу, а теперь, когда онъ не имѣетъ прежней силы и власти, то стыдно и совѣстно намъ нападать на него» ([561]). Не смотря однако на слова эти, приговоръ состоялся; но Екатерина объявила, что рука ея отказывается подписать подобную бумагу противъ человѣка, которому она столь многимъ обязана. Пожалованіе княгини Орловой въ статсъ-дамы и Екатерининская лента, ей присланная, затушили все это дѣло. Слова и поступки Разумовскаго быстро разносились по столицамъ. Оригинальный образъ выраженія, Малороссійское произношеніе, слѣды котораго находимъ даже въ правописаніи Кирила Григорьевича, все это давало особенную рельефность его рѣчамъ и усиливало его популярность. Въ домашнемъ архивѣ князя Михаила Ѳедоровича Голицына сохранилось нѣсколько писемъ графа Кирила Григорьевича отъ 1768 года въ Италію, къ другу его Ивану Ивановичу Шувалову. Приводимъ ихъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ.

№ 1. Февраля 4 ст. ст. 1768. Москва.

Дружеское письмо ваше отъ 22-го Декабря ст. ст., изъ Рима подъ № 17 пущенное, мною получено, изъ котораго съ особливымъ удовольствіемъ вижу, что вамъ пребываніе въ Римѣ не скучно и что вы даже до такого (sic) степени дошли, что приватно маленькія ужины имѣете, что весьма трудно для чужестранныхъ. Я сими выгодами не могъ въ бытность мою пользоваться по причинѣ моего малаго въ семъ городѣ пребыванія и притомъ великаго поста. Я надѣюсь, что вы всѣ антики и болванчики въ Римѣ выкупите; только не думаю, чтобы такой промахъ сдѣлали, какъ бывшій мой докторъ Пперъ, который подъ видомъ достойныхъ вещей всю дрянь, которая въ погребахъ и подъ кровлями валялася, выкупилъ; еслибы я его совѣтамъ послѣдовалъ, то бы много вздору покупалъ; со всѣмъ тѣмъ въ Падоѣ (sic), послѣдуя его совѣтамъ, нѣсколько негодныхъ картинокъ цапнулъ. Сожалѣю, любезный мой другъ, что обстоятельства вашего здоровія принуждаютъ васъ такъ долго въ Италіи остаться, и сколь

([561]) Тамъ же.

бы я ни желалъ, чтобъ сынъ мой съ вами вмѣстѣ былъ, но вижу, что ему должно будетъ разстаться съ вами, ибо я не болѣ хочу его оставить какъ до Октября мѣсяца, какъ уже я вамъ и прежде имѣлъ честь о семъ писать; а мнѣ необходимо хочется, чтобы онъ въ Англіи, прежде нежели въ отечество возвратиться, побывалъ. И такъ прошу васъ, любезнаго моего друга, постараться пріискать ему достойнаго сопутника и отпустить изъ Италіи въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, предписавъ ему такой путь, какой вы заблагоразсудите; я же бы думалъ, чтобы лучше ѣхать въ Гену (sic) и въ Марсель и видѣть меридіональныя французскія провинціи, нежели повторять дорогу черезъ Альпы, которую уже онъ со мною сдѣлалъ. На сихъ дняхъ, то есть 20-го Генваря, Ея Величество въ С.-Петербургъ уѣхать изволила; Великій Князь здѣсь нѣсколько времени оставался, по причинѣ великой стужи, а завтра также отсюда отправится. Фамилія моя отсюда также уже уѣхала, а я на первой недѣлѣ поста конечно отсюда выѣду. Вотъ всѣ вамъ здѣшнія вѣсти. Прошу сказать сыну, что я письмо его подъ нумеромъ первымъ отъ перваго Генваря получилъ и что не отвѣтствую особливымъ письмомъ: истинно времени нѣтъ, а что я и всѣ домашніе здоровы, въ томъ онъ изъ вашего письма увѣриться можетъ. Я уже не ласкаю себя писать вамъ отсюда, а по пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ конечно не оставлю васъ увѣдомить. Послѣднее письмо ваше было подъ № 15, а сіе, на которое имѣю честь вамъ отвѣчать, подъ № 17; и такъ 16-е я не получалъ: если то ошибка въ нумерахъ, то нѣтъ ничего, а если на дорогѣ пропало, то я сожалѣю. Прости, любезный другъ, желаю вамъ веселиться наступающею весною, а мы весьма еще далеко отъ того отстоимъ.

Прежде писалъ я къ вамъ о пріисканіи мнѣ повара хорошаго и метеръ-дотеля и теперь о семъ вамъ просьбу мою повторяю, если возможно, но чтобы оба люди были такіе, которые въ знатныхъ и большихъ хоромахъ бывали и знаютъ обходиться съ большими столами. Въ семъ случаѣ, кажется, господинъ Нагъ способствовать можетъ, а мнѣ крайняя нужда, а особливо въ хорошомъ поварѣ, ибо метръ-дотель чужестранной съ нашими людьми не вдругъ управится, однакожъ нуженъ для стола. Я о семъ кромѣ васъ никому коммиссіи не давалъ, такъ ни отъ кого болѣе какъ отъ васъ же и не ожидаю, дабы иногда двухъ не приговорить черезъ разныя руки.

*

№ 2. Февраля 26, 1768. С.-Петербургъ. Три письма ваши я получилъ, одно отъ 29 Декабря 1767 подъ нумеромъ 18; другое отъ 9 Генваря подъ № 1-мъ, третье отъ 23 Генваря жъ подъ нумеромъ 3-мъ, одно изъ оныхъ въ Москвѣ, а два уже здѣсь пріѣхавши. на которыя, если по сіе время не отвѣчалъ, прошу васъ, любезный другъ, на меня

не попенять: причина тому мой переѣздъ изъ Москвы сюда. Теперь вамъ на полученныя письма вкратцѣ отвѣчаю, а впредь переписка наша исправнѣе будетъ, будучи на такомъ мѣстѣ, куда письма исправнѣе и ближе приходятъ, нежели въ Москвѣ. Я благодарствую за принимаемое вами участіе въ разсужденіи моей болѣзни. Я ожидаю теперь весны, съ которой зачавъ, продолжать намѣренъ черезъ все будущее лѣто излѣченіе моихъ припадковъ, которые зимою весьма для меня несносны бываютъ. Изволите писать, что вы намѣрены господину Николаю за его труды, которые онъ принимаетъ въ ученіи сына моего, сдѣлать награжденіе, то которое вы опредѣлили было французу Кронье: я не только что въ семъ случаѣ вашего мнѣнія, и прошу то самымъ дѣломъ исполнить, дабы сей достойный мужичекъ за его труды награжденіемъ не былъ оставленъ. Къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву писалъ я цидулкою, спрашивая его, получилъ ли онъ письмо то, которое вы къ ему писали въ горестныхъ часахъ, ибо я его сіи дни не видалъ во дворцѣ; какой отъ него отвѣтъ получилъ, при семъ сообщаю. Приморскаго вашего двора я никакъ купить не могу, ибо и мой собственный въ пустѣ какъ опальный стоитъ, также и братъ свой бросилъ и никогда тамъ не живетъ, а довольствуется Гостилицею; что же касается до деревни, то я ему о томъ говорить буду, а лучше бы оба мы вмѣстѣ ее выторговали по благополучномъ вашемъ возвращеніи въ отечество. Что касается до пересылки писемъ вашихъ къ сестрицѣ вашей, то для меня сія коммиссія весьма пріятна, и для того извольте ихъ присылать на мое имя, а я всегда въ Москву оныя доставлять не премину. Во второмъ письмѣ отъ Генваря 9 подъ № 1 изволите описывать пространный разговоръ, который вы имѣли, или паче сказать отеческое наставленіе дѣлали сыну моему. Я бы желалъ отъ сердца, чтобъ онъ по сему поступалъ, но думаю, что проклятая съ ребячества вкравшаяся и возрастающая лѣность воспретитъ ему пользоваться вашими здравыми совѣтами, сколько онъ ни обѣщаетъ послѣдовать онымъ. Съ моей стороны васъ, любезнаго моего друга, достойно возблагодарить не могу за участіе, которое вы принимаете въ благополучіи сего молодаго человѣка; совѣты ваши столь полезны, что никакой другъ и свойственникъ, ниже я самъ, лучшихъ дать не могу. Если онъ не будетъ стараться преодолѣть сію страсть, то для его же хуже, я же буду сожалѣть только о томъ, что, прилагая стараніе дѣлать его себѣ и отечеству полезнымъ, а больше ему самому хотѣлъ доставить въ жизни благополучіе, въ надеждѣ своей обманутъ; онъ бы не долженъ забывать и того, что у меня ихъ шесть, и я изъ нихъ ни одного слѣпо не люблю, а ожидаю, чтобъ они того достойны были; и такъ если въ немъ утѣшенія чаемаго имѣть не буду, то уповаю отъ другихъ быть награжденъ за мое неусыпное объ нихъ попеченіе; но будетъ ли то полезно для его, въ томъ ему разсуждать оставляю. Васъ же, любезнаго моего друга, прошу не уны-

вать, постараться его всѣми мѣрами отвращать отъ сей ему пагубной страсти, пока онъ еще съ вами пребываетъ. Пишете вы, что онъ имѣетъ близкое знакомство съ одной дамою; я сего не порочу, если она такъ добра, какъ вы пишете; любовь иногда хорошею школою бываетъ для молодыхъ людей; но опасаться надобно и того, что Италіянцы бываютъ иногда гораздо ревнивы и весьма мстительны, дабы иногда съ досады мужъ стилетомъ въ бокъ не ткнулъ, когда вздумаетъ, что дружба его рогами платится.

Пишете вы, милостивый мой другъ, что вы намѣрены побольше въ одномъ мѣстѣ пожить; какъ для ученія сыну то полезнымъ почитаете, такъ и для того, что вы не любите часто мѣстъ перемѣнять, изъ чего я заключаю, что вы долго Италію не намѣрены оставить, и сколь ваши резоны ни законны, только не сходны съ намѣреніемъ тѣмъ, которое я предпріялъ съ моимъ сыномъ, то есть чтобъ ему возвратиться будущею осенью въ отечество. Я не считаю за потерянные часы то время, которое онъ съ вами проводитъ, но хотѣлось бы мнѣ, чтобъ Италію оставили; ваша склонность, чтобъ не куріерствовать, намѣреніе чтобъ употреблять воды въ Пизѣ будущимъ лѣтомъ, великое знакомство и хорошее, которое вы въ Италіи надѣлали, представляютъ мнѣ, что вы ни въ концѣ будущаго лѣта оную не оставите, и думаю, что всю предбудущую зиму тамо прокочуете; если бы я зналъ заподлинно, когда вы съ симъ краемъ разстаться намѣрены, то бы постарался, буде возможно, соединить вояжъ сына моего съ вашимъ, а иначе прошу его отправить, если онъ лишится сего авантажу, что принужденъ будетъ отъ васъ отстать, изъ Генуи на Марсель, оттуда онъ, проѣхавъ и посмотрѣвъ меридіональныя французскія провинціи въ Англію проберется и тамо можетъ васъ еще подождать: ибо я думаю, что и вы тотъ же путь предпріять изволите и въ Парижѣ недолго останетесь. Сіе есть мое распоряженіе въ разсужденіи моего сына, которое однакожъ подвергаю вашему благоизобрѣтенію и ожидаю на сіе вашего отвѣта какъ и на то, что я думаю пора деньги ему переслать; такимъ ли образомъ какъ прежде или другимъ какимъ, прошу меня увѣдомить.

Въ третьемъ письмѣ отъ 23 Генваря подъ № 3-мъ пишете вы ко мнѣ о деньгахъ, которыя вы доставили принцу Курляндскому, тысячу триста пятьдесятъ червонныхъ въ Венеціи, почему и вексель и полномочіе для принятія оныхъ прислать изволили. Я удивляюсь, что вы, имѣвъ всегда въ незабвенной памяти четыре особы, какъ-то: Сумарокова, Лефорта, князя Хованскаго и Веревкина, разсудили за благо еще пятаго къ нимъ подъ масть подтасовать. Сей дѣтина есть сущій промышленникъ, который, таскается по свѣту безъ воли и удовольствія, слѣдовательно и безъ заплаты отъ отца своего, который ему не больше даетъ какъ шесть тысячъ талерей въ годъ, что учинитъ не съ большимъ пять тысячъ на-

шихъ рублей. Онъ уже столько намоталъ и столь поступокъ непристойныхъ званіямъ его подѣлалъ, что наконецъ въ Бастильѣ теперь резидуетъ по фальшивымъ векселямъ, и говорятъ, что будто отецъ отъ его и подѣланныхъ имъ долговъ отрицается, какъ новокрещенный отъ Сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Однако, любезный мой другъ, когда вы заблагоразсудили дать мнѣ сію коммисію, чтобъ вамъ отыскать сіи деньги, то я не оставлю употребить всевозможнаго старанія, вслѣдствіе чего разсудилъ призвать Александра Ивановича Черкасова, которому вручилъ для пересылки письмо къ принцу Петру, давъ ему знать, сколько вашъ поступокъ честенъ и знатенъ въ разсужденіи сей фамиліи и что вы по справедливости для спокойствія вашего немедленно удовольствованы быть должны. Я на сіе буду ждать отвѣту и если они затрудненіе будутъ дѣлать, то я тогда черезъ министерство пойду и ежели необходимость требовать будетъ, то и самой Государынѣ внушить не оставлю и просить Ея Величество о доставленіи вамъ удовольствія. Наскучилъ я вамъ долгимъ моимъ отвѣтомъ на ваши три письма, пора перестать. Прости, любезной мой антикваріосъ. Если за благо разсудите и для меня какую древнюю статуйку подцѣпите, то мнѣ великое удовольствіе сдѣлаетъ. Adieu.

*

№ 3. Февраля 29, 1768. С.-Петербургъ. На полученное письмо отъ сына и отъ васъ, Февраля 6 изъ Рима пущенное, симъ отвѣчаю. Прикащика вашего я сыскалъ и самъ ему письмо вручилъ въ самый тотъ день, въ который получилъ и велѣлъ ему немедленно въ тотъ же самый день въ Москву переслать, яко сіе случилось въ самый почтовый день отсюда въ Москву. Что касается до заплаты денегъ, которыя вы заняли для принца Курляндскаго, то будь, мой любезный другъ, спокоенъ: я ничего не упущу, что̀ потребно будетъ къ доставленію вамъ оныхъ. Вѣстей у насъ новыхъ никакихъ нѣтъ, зима жестокая стоитъ, снѣгу мало, а морозовъ и много и прежестокіе, словомъ подобно какъ бываютъ большая стужа и морозы крещенскіе, хотя завтра 1-е Марта, а у васъ уже около половины, у людей весна. Я только прошу Бога, чтобъ солнце увидѣть не ладное, а подобное тому, которымъ вы пользуетесь, и котораго я уже мѣсяцей шесть не видалъ. Никита Ивановичъ Панинъ столь замёрзъ зимою, что лучшаго способа не нашёлъ къ согрѣтію плоти своей какъ поять себѣ жену и чрезъ то уподобиться мужьямъ постояннымъ, а не вѣтреннымъ волокитамъ. Вотъ уже видите два авантажа изъ сего послѣдующіе — теплота и постоянство, а третій есть тотъ, который многіе за собою имѣютъ, что жена будетъ предорогая, злая, постоянно хозяйка въ домѣ совершенная и притомъ и богата, словомъ она — Анна Петровна Шереметьева. Сговоръ былъ вчера; благодарили обѣ стороны всемилостивѣйшую Государыню и говорятъ, что послѣ Свѣтлаго праздника сватьба

будетъ. Прошу сказать сыну, что я здоровъ, письмо его подъ № 5-мъ получилъ, расходовъ обѣщанныхъ ожидаю и какъ я, такъ и всѣ домашніе здоровы, и сіе бы принялъ онъ за отвѣтъ на его послѣднее письмо; впрочемъ завидую вамъ, что вы, бѣгляи, пользуетесь благорастворенным воздухомъ, а я здѣсь всякій день какъ собака золъ, что ни малѣйшей оттепели на дворѣ не вижу, да и надежды къ тому нѣтъ, Ecco la cara patria! Прости, любезный мой другъ, пора тебѣ жениться, а мнѣ прикажи кого сватать.

*

№ 4. С.-Петербургъ Марта 7, 1768. Дружеское письмо ваше подъ № 20, 12 Генваря ст. ст. изъ Рима пущенное и приписанное въ сыновнемъ письмѣ, мною получено; деньги я къ сыну вскорѣ постараюсь переслать такимъ образомъ, какъ вы совѣтуете. Прилагаю къ вамъ письмо отъ вашего здѣсь прикащика; письма ваши я всегда къ нему отсылаю, а иногда прямо ихъ адресую въ Москву по ихъ надписямъ. Тому дней съ четыре, какъ у графа Ивана Григорьевича сынъ родился, и надѣятся, что онъ въ Маѣ мѣсяцѣ въ Англію отправится. Поступками сына моего я очень доволенъ, онъ пишетъ часто и довольно, что все приписываю вашимъ напоминаніямъ; прошу ему сказать, что я письма его отъ 22 и 30 получилъ, отвѣтствовать впредь буду, а теперь нельзя: простудился тому нѣсколько дней, и докторъ не велитъ много писать. Прости, любезный мой другъ, у насъ еще по сіе время превеликая зима продолжается.

*

№ 5. Государь мой и другъ Иванъ Ивановичъ, письмо ваше подъ № 4, Февраля 2 дня, получилъ 13 Марта; и по оному главное, о чемъ васъ увѣдомить нынѣ хочу и что васъ безпокоитъ, есть обнадежить васъ поскорѣе, что деньги ваши, данныя въ займы принцу Курляндскому, не пропадутъ, ибо уже о томъ ко мнѣ отозвались; вчера баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ письмомъ, которое при семъ къ вамъ въ оригиналѣ прилагаю, и трактовалъ со мною, чтобы уплату помянутаго долгу получить серебряною здѣшнею монетою, и я, чтобъ только поскорѣе опасное ассюрировать, сказалъ, что все равно, только бы червонные уплачены были такою цѣною, какою они здѣсь ходятъ. И такъ теперь только остается мнѣ знать отъ васъ, что, когда оныя деньги получу, прикажете съ ними дѣлать. Письмо отъ сына увѣдомительное о полученіи имъ моего векселя и подлинно послѣ получилъ я, такъ какъ вы и думали; и потому онъ не виноватъ, о чемъ отъ меня уже къ нему и писано. Что касается до того, чтобы вояжъ сына моего согласить съ вашимъ, то мнѣ сіе весьма пріятно тѣмъ, что для меня неопасно, и для него весьма полезно. Хотѣлъ бы я только знать именно, въ какое вы время точно полагаете изъ Италіи выѣхать, о чемъ прошу, государь мой

другъ, меня увѣдомить, какъ-то уже и прежде я вамъ о семъ писалъ довольно. Есмь съ почтеніемъ и дружбою вашего превосходительства, государя моего и друга, вѣрный всегдашній слуга графъ К. Разумовскій.

*

№ 6. 1768 г. Марта 14. ст. с. Не прогнѣвайся, любезный мой другъ, что своею рукою письмо не могъ написать: я тому нѣсколько дней простудился; теперь превеликій кашель, и докторъ не велитъ писать. Прошу сказать сыну, что я его послѣднее письмо и приложенный расходъ получилъ; деньги къ нему вскорѣ пересланы будутъ, васъ же прошу его оными ссужать, пока онъ нынѣ посланныя получитъ. Письма къ нему особливаго не пишу по вышепрописанной причинѣ. Впрочемъ прилежаніемъ его къ трудамъ и къ ученію весьма доволенъ и васъ, моего любезнаго друга, довольно возблагодарить не могу, за то что вы вашими столь полезными совѣтами истребляете въ немъ оставшуюся дѣтскую лѣность и вкореняете съ мужествомъ прилежность къ трудамъ. Прилагаю къ вамъ струны пробы, противу которыхъ прошу хорошую провизію прислать, а при томъ и для скрипицъ разныхъ сортовъ по нѣскольку бунтовъ прибавить, которую коммиссію прошу поручить сыну, ибо думаю, что онъ и самъ musicalischer Geist.

*

№ 7. Апрѣля 1, 1768. С.-Петербургъ. Письмо ваше, любезнаго моего друга, отъ 16 Февраля пущенное, я получилъ исправно Марта 20 нов. шт. Вы хорошо сдѣлали, что въ Неаполь не поѣхали зимнимъ временемъ; зима вездѣ свои неудобства имѣетъ, у насъ она означивается большими громадами снѣговъ и льдовъ, а въ вашихъ мѣстахъ холодными вѣтрами и дождями, которые весьма неспособны для любопытныхъ людей въ тамошнихъ мѣстахъ. А особливо присутствіе господина Галлитона въ Неаполѣ гораздо вамъ тамошнее пребываніе пріятнымъ сдѣлаетъ, онъ человѣкъ любопытный и знающій и притомъ не лѣнивъ таскаться вездѣ и показывать свою услугу чужестраннымъ; я и самъ въ бытность мою въ Неаполѣ по его предписанію всѣ тамошнія околичности смотрѣлъ; сколь онъ ни желалъ самъ со мною вездѣ быть и показывать, но здоровье его не дозволяло. Если сіе мое письмо васъ въ Неаполѣ застанетъ, прошу, любезный другъ, засвидѣтельствовать ему мое почтеніе. Изъ часто получаемыхъ отъ сына писемъ и также изъ вашихъ дружескихъ увѣреній вижу, что онъ гораздо поприлежнѣе сталъ предъ прежнимъ и весьма будучи какъ его прилежаніемъ доволенъ, такъ и вижу, что вы, любезный мой другъ, его пребываніемъ съ вами не скучаете и не обезпокоены, почитая притомъ, что онъ лучше не можетъ времени употребить, какъ находясь съ вами и пользуясь вашими дружескими совѣтами, которые къ немалому моему удовольствію вижу изъ писемъ его ко мнѣ,

что онъ чувствуетъ сходными съ его пользою и принимаетъ такъ, какъ должно принимать отъ честнаго человѣка, нелестнаго друга и милостивца, и проситъ въ послѣднемъ письмѣ, чтобъ ему сроку прибавить. И хотя мое намѣреніе было непреложное, чтобъ онъ въ будущемъ Сентябрѣ или Октябрѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургъ былъ, но, видя, что пребываніе ваше и расположеніе несходно съ моимъ, по причинѣ предпріятаго вами употребленія теплицъ въ Пизѣ, то, желая чтобъ сынъ мой съ вами вмѣстѣ изъ Италіи выѣхалъ, сроку ему до будущей весны прибавляю, желая, чтобъ онъ будущую зиму въ Англіи вмѣстѣ съ братьями препроводилъ, которые туда вскорѣ отправляются; васъ же прошу, милостиваго моего друга, не оставлять его вашими дружескими совѣтами, дабы онъ, сколько возможно, время свое не праздно препровождалъ, въ чемъ имѣю на васъ твердую надежду. Апропо. Въ проѣздъ мой черезъ Пизу, я заѣзжалъ къ водамъ, которыя мили двѣ или три отъ города, и оныя пробовали съ Миллеромъ и докторомъ тамошнимъ, имени котораго не упомню. По экспериментамъ нами дѣланнымъ нашли, что воды очень слабы, а докторъ глупъ, такъ что казалось намъ тогда, что не токмо человѣка, но ниже любимой собаки ему повѣрить лѣчить нельзя. Напротиву того есть воды недалеко отъ Сіенны, которыя гораздо сильны и славны еще были при древнихъ Римлянахъ, да и докторъ весьма мужикъ изрядный и ученый и силу водъ фундаментально знаетъ. Я, любя васъ и почитая, желаю отъ сердца, чтобы вы всякую пользу отъ употребляемыхъ водъ получили, и совѣтую, чтобъ въ проѣздъ вашъ черезъ Сіенну съ тамошнимъ лучшимъ докторомъ поговорить о вашихъ припадкахъ, о качествахъ тамошнихъ водъ, не могутъ ли онѣ вамъ годиться; также извольте о подахъ, которыя въ Пизѣ, говорить съ докторомъ герцогскимъ во Флоренціи, а на того, что въ Пизѣ, не извольте полагаться, ибо онъ великій невѣжа и чучело, сколько мы въ короткое время примѣтить могли. Деньги къ сыну я скоро пошлю, надѣясь на ваше дружеское обнадеживаніе, что ему въ оныхъ нужды не будетъ; съ пересылкою оныхъ не спѣшу, потому что курсъ здѣсь чрезвычайно низокъ по причинѣ страстной недѣли и праздника, въ которые никакихъ торговъ не дѣлается, а послѣ праздника, какъ скоро хоть немного подымутся, такъ я деньги переведу. Прилагаю письмо, которое вашъ управитель мнѣ отдалъ, оно у меня пролежало, потому что почты двѣ или три къ вамъ не писалъ. О деньгахъ, которыя вы принцу Курляндскому заняли, ничего не слышу. А на сихъ дняхъ еще, гдѣ надлежитъ, потолкаюсь. Прости, мой любезный другъ.

*

№ 8. Санктпетербургъ. Апрѣля 9, 1768.

Я не хотѣлъ пропустить, чтобъ васъ, любезнаго моего друга, не увѣдомить съ сею почтою, что деньги ваши тысячу триста червонныхъ я

вчера принялъ; теперь ожидаю вашего повелѣнія, куда оныя прикажете перевесть или здѣсь отдать. Вексель я отдалъ и копію изъ уполномочія, а оригиналъ у себя оставилъ; и такъ ваши деньги на принцѣ Курляндскомъ не пропали. Въ послѣднемъ письмѣ, подъ нумеромъ десятымъ отъ сына полученномъ мною, пишетъ онъ, также и вы изволите упоминать (*неразобрано*) французѣ Монфоръ инженеръ. Я ничего заподлинно обѣщать не могу, а ежели онъ сюда пріѣдетъ и ко мнѣ явится, то не оставлю его рекомендовать, гдѣ надобно будетъ, дабы онъ могъ мѣсто сходное съ его желаніемъ и достоинствомъ въ службѣ здѣшней получить. По сей почтѣ посылаю я къ сыну векселей на три тысячи рублей; курсъ весьма низокъ, не больше какъ 44 за рубль; черезъ мѣсяцъ увѣряютъ, что оный непремѣнно подвысится, но я не хотѣлъ такъ долго дожидаться, дабы моею остановкою иногда вамъ безпокойства не навесть, а на предбудущей почтѣ повторительные векселя отправлю. У насъ время настало сырое, дурное и холодное, рѣка еще льдомъ покрылася, и думаю, что дней десятокъ простоитъ, хотя уже караулы поставлены и черезъ рѣку не пропускаютъ никого. Пребываю съ непремѣнною дружбою и преданностію.

*

№ 9. Санктпетербургъ 1768. Апрѣля 11-го дня.

Прилагаю къ вамъ повторительные векселя, вслѣдствіе тѣхъ, которые я отправилъ къ сыну на прошедшей почтѣ, которые прошу ему вручить и сказать, что я и домашніе всѣ здоровы. У насъ теперь время весьма настало мокрое и дурное, рѣка еще не вскрылась, земля распускается, я сейчасъ ѣду на дежурство, а завтра Ея Величество изволитъ ѣхать въ Сарское Село обѣдать, куда и слуга вашъ слѣдуетъ, убѣгая дурнаго городскаго воздуха; тамо пробудемъ до двадцать втораго сего мѣсяца и, отправя праздникъ рожденія Ея Величества, возвратимся въ городъ для слушанія оперы Эфигеніи Авторидъ во вкусѣ французскомъ, а музыка Бурапельлева; прямо ли она похожа будетъ на французскую, впредь вамъ отпишу. Другъ вашъ Иванъ Перфильевичъ лежитъ боленъ въ подагрѣ; больше къ вамъ, любезному моему другу, съ сею почтою ничего писать не имѣю; и такъ, желая вамъ всякаго удовольствія купно и съ моимъ юношею, остаюсь съ непремѣннымъ почтеніемъ и искреннею дружбою.»

1771 годъ былъ годомъ скорбнымъ для семейства Разумовскихъ. 6 Іюля скончался въ Аничковскомъ своемъ домѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Оставивъ службу еще при Петрѣ III-мъ, онъ жилъ въ обширныхъ палатахъ своихъ, окруженный воспоминаніями о родинѣ; его столъ, его привычки, его прислуга были чисто Малороссійскіе. Онъ рѣдко посѣщалъ

дворъ, но не избѣгалъ его и любилъ, когда царедворцы и лучшее Петербургское общество у него собиралось ([562]). Онъ изрѣдка давалъ пиры Государынѣ, которая съ своей стороны нерѣдко запросто по утрамъ посѣщала его ([563]). Графъ Алексѣй Григорьевичъ, говоритъ Бантышъ-Каменскій, чуждался гордости, ненавидѣлъ коварство и, не имѣя никакого образованія, но одаренный отъ природы умомъ основательнымъ, былъ ласковъ, снисходителенъ, привѣтливъ въ обращеніи съ младшими, любилъ предстательствовать за несчастныхъ и пользовался общею любовью. Незадолго до смерти его, одинъ купецъ предлагалъ ему 70,000 рублей за пеньку, назначенную имъ въ продажу и стоившую гораздо дороже. Торгъ не состоялся, и вскорѣ сгорѣлъ анбаръ, въ которомъ хранилась пенька. Приближенные изъявляли сожалѣніе Разумовскому, что онъ не сошелся въ цѣнѣ съ купцомъ: «Нечего жалѣть», отвѣчалъ Алексѣй Григорьевичъ, «напротивъ я благодарю Бога, что понесъ эту потерю. Она для меня ничтожна, а была бы весьма чувствительна для бѣднаго торговца» ([564]). Бывшій генеральсъ-адъютантъ графа Алексѣя Григорьевича, назначенный вслѣдствіе предстательства его въ директоры театровъ, Сумароковъ слѣдующими стихами оплакалъ своего благодѣтеля:

Элегія ко Степану Ѳедоровичу Ушакову, Губернатору Санктпетербургскому, на преставленіе Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго.

Пущéнное тобой письмо ко сей странѣ,
Мой другъ, уже дошло, уже дошло ко мнѣ,
Дошло, и мнѣ во грудь и сердце мечъ вонзило:
Какъ молніей меня и громомъ поразило.
Хочу отвѣтствовать, ничто на умъ нейдетъ:
Примаюсь за перо, перо изъ рукъ падетъ.
Одну съ другою мысль неволею мѣшаю,
И токомъ горькихъ слезъ бумагу орошаю.
Прощаюся, о графъ! съ тобою навсегда,
И не увижуся съ тобою никогда.
Три мѣсяца прошло, какъ я съ тобой разстался,
Три мѣсяца мнѣ ты, въ очахъ моихъ, мечтался,
Въ болѣзни, въ слабости, сто въ день стенящій разъ,
И сей въ Петрополѣ послѣдній самый часъ,
Въ который у тебя былъ я передъ глазами,
Ты очи наполнялъ прощаяся слезами,

([562]) Helbig Russische Günstlinge 213.—([563]) Камеръ-фуріерскій журналъ.
([564]) Бант.-Кам. Біографіи фельдмар. 1. 271—272.

Вручая о себѣ во памяти мнѣ знакъ,
Хотя бы поминалъ тебя я, графъ, и такъ.
Взирая на него, колико слезъ я трачу!
Рыдаю и стеню, терзаюся и плачу.
О мой любезный графъ! Ты весь свой прожилъ вѣкъ,
Какъ долженъ проживать честнѣйшій человѣкъ.
Любимцы царскіе, въ иныхъ предѣлахъ свѣта,
Предъ Вышнимъ предстаютъ нерѣдко безъ отвѣта.
О тайныя судьбы! сего ужъ мужа нѣтъ,
И можетъ быть еще какой злодѣй живетъ,
Въ глубокой старости, въ покоѣ и забавѣ,
Во изобиліи и въ пышной мнимой славѣ,
Не числя, сколько онъ людей перегубилъ,
И сколько онъ господъ ругаясь истребилъ,
Не внемля совѣсти ни малыя боязни,
И кровью ихъ багрилъ мѣста онъ смертной казни,
Во удивленіе, что Богъ ему терпѣлъ,
И весь народъ на то въ молчаніи смотрѣлъ.
А сей умершій мужъ тиранствомъ не былъ страстенъ,
И сильной наглости ни мало не причастенъ,
Съ презрѣніемъ смотря, когда ему кто льстилъ,
И собственной своей досады онъ не мстилъ,
Степенью высоты во вѣкъ не величался,
И добродѣтелью единой отличался.
Екатериною онъ былъ за то хранимъ,
И милости ея до гроба были съ нимъ.
Не требовалъ ему никто отъ Бога мести,
Никто бъ его, никто не прикоснулся чести,
Какъ развѣ нѣкто бы носящій въ сердцѣ ядъ,
Какова бъ варвара извергъ на землю адъ.
Но ужъ, любезный графъ, и онъ тебя не тронетъ.
Прости!... падетъ перо, и духъ мой горько стонетъ.

Съ другой стороны, извѣстный помѣщикъ Николай Еремѣевичъ Струйскій, заведшій типографію въ Пензенскомъ помѣстьи своемъ, селѣ Рузаевкѣ, сочинилъ слѣдующую эпитафію покойному Разумовскому:

Любимца царскаго здѣсь тлѣнъ опочиваетъ.
Со именемъ его и прахъ не сотлѣваетъ;
Но если бъ и сотлѣлъ и мельче пепла былъ,
То и тогда-бъ сей прахъ для всѣхъ безцѣннымъ слылъ.
На мѣстѣ семъ лежитъ, быть мнится, добродѣтель,
Елизаветинскихъ щедротъ, всѣхъ дѣлъ свидѣтель.
Монархиня сама ему вѣнцы плела,
Рукой своей безсмертья въ храмъ ввела" (565).

(565) Сочиненія Н. Струйскаго т. I. стр. 9.

Черезъ нѣсколько дней по смерти Алексѣя Григорьевича, Іюля 22-го того же 1771 года, скончалась, едва достигнувъ сорока лѣтъ, графиня Екатерина Ивановна Разумовская.

Какъ кажется, въ послѣдніе годы между графомъ Кирилою Григорьевичемъ и женою уже не было прежняго согласія, на что намекаетъ правдивый Шлёцеръ. «Графъ Разумовскій, говоритъ онъ, имѣлъ кучу дѣтей, между прочимъ троихъ сыновей 13, 11 и 8 лѣтъ. Онъ хотѣлъ ихъ хорошо воспитать, потому что онъ былъ хорошій человѣкъ, и желалъ, чтобы дѣти его были образованы ранѣе его. Достоянія на то было у него довольно—гетманскій доходъ оцѣнивали въ 600,000 рублей; но маминька, какъ говорили, весьма затрудняла воспитаніе» (aber die Mama, sagte man, mache eine gute Erziehung ...schwer) (566).

И графъ Алексѣй Григорьевичъ и графиня Екатерина Ивановна похоронены въ Александро-Невской лаврѣ, въ Благовѣщенской церкви. Сохранилось семейное преданіе, будто при гробѣ экъ-гетманши дежурили камергеры и придворныя дамы, по причинѣ родства ея съ покойной Государыней, которой она приходилась, какъ сказано выше, внучатною сестрою. Графъ Кирила Григорьевичъ надъ могилами брата и жены воздвигъ великолѣпный мраморный памятникъ въ видѣ тріумфальныхъ воротъ съ слѣдующею эпитафіею: «Здѣсь погребены тѣла въ Бозѣ усопшихъ: рабы Божіей графини Катерины Ивановны Разумовской урожденной Нарышкиной, двора Ея Императорскаго Величества Императрицы Всероссійской дѣйствительной штатсъ-дамы, ордена святыя Екатерины кавалера; родившейся 1729 году Мая 11-го дня (567), скончавшейся въ Санктпетербургѣ 1771 года Іюля 22 дня, жившей 42 года 2 мѣсяца и 12 дней, и раба Божія Римскаго и Россійскаго графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, Россійскихъ войскъ генерала-фельдмаршала, оберъ егермейстера, лейбъ-кампаніи капитанъ-поручика, перваго камергера, лейбъ-гвардіи конпаго полку подполковника, орденовъ Россійскихъ святаго апостола Андрея, святаго Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и святыя Анны кавалера, родившагося 1709-го года Марта 17-го

(566) Aug. Lud. Schlözers öffentl. u. privat Leben. 119.

(567) Въ собственноручной запискѣ графа Кирилы Григорьевича, сохранившейся въ архивѣ графа Уварова и носящей заглавіе: „Извѣстіе дому фамиліи графа Разумовскаго,“ годомъ рожденія графини Екатерины Ивановны означенъ 1731 годъ.

дня, скончавшагося въ Санктпетербургѣ 1771-го года Іюля 6-го дня, жившаго 62 года 3 мѣсяца и 19 дней. Сей монументъ сооруженъ въ знакъ супружеской и братской любви и незабвенной памяти генераломъ фельдмаршаломъ графомъ Кириломъ Разумовскимъ 1779 года.»

По смерти жены, графъ Кирила Григорьевичъ оставался еще въ Петербургѣ, хотя часто посѣщалъ Москву, а особенно любимую имъ подмосковную Петровское-Разумовское. Отъ брата онъ получилъ огромное наслѣдство, которое еще умножило его уже болѣе чѣмъ значительное достояніе и поставило его на ряду первыхъ богачей. Едва ли, кромѣ графа Шереметева, кто бы могъ съ нимъ теперь соперничать. Екатерина грамотою отъ 5 Декабря 1779 года подтвердила всѣ права Кирила Григорьевича на пожалованное Елизаветою Петровною брату его имущество. Грамота эта еще была подтверждена другими въ 1782 и 1784 годахъ. Примѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ управленіемъ, Разумовскій еще пріумножилъ полученное имъ за женою и послѣ брата имущество, о чемъ онъ упоминаетъ въ запискѣ, которую въ 1784-мъ году представилъ Государынѣ. Всѣ дочери его взяты были ко двору, сыновья подросли, окончили воспитаніе за границею и поступили на службу.—Къ этому десятилѣтію жизни Разумовскаго относятся слѣдующіе два анекдота, записанные Бантышемъ-Каменскимъ. Послѣ Чесменской побѣды, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ присутствіи Государыни и всего двора, Митрополитъ Платонъ, тогда еще архіепископъ Тверской, произнесъ по этому случаю знаменитое слово, среди котораго онъ внезапно сошелъ съ амвона, подошелъ къ памятнику Петра Великаго и, ударивъ по немъ посохомъ, воскликнулъ: «Возстани теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстани и воззри на любезное изобрѣтеніе твое» и пр. Среди общаго восторга и умиленія, графъ Кирила Григорьевичъ тихонько сказалъ окружавшимъ его: «Чего онъ его кличетъ; если онъ встанетъ, намъ всѣмъ достанется» ([568]).

Однажды, когда Разумовскій былъ въ благородномъ собраніи, у сонного гусара украли дорогою графскую соболью шубу; гусаръ испугался нестолько графа, котораго всѣ служащіе обожали, сколько главнаго дворецкаго, и умолялъ Кирила Григорьевича скрыть отъ дворецкаго пропажу. «Не бойся, отвѣчалъ ему графъ, я обѣщаю тебѣ, что кромѣ меня и тебя никто не будетъ объ этомъ знать.» Вернувшись домой, гусаръ на всѣ

([568]) Бан.-Кам. Словарь достопамятныхъ людей IV. 275.

распросы о шубѣ ссылался на Разумовскаго, который хладнокровно отвѣчалъ встревоженному дворецкому: «объ этомъ знаемъ я, да гусаръ» (569).

Въ 80-хъ годахъ, выдавъ дочерей за-мужъ (изъ нихъ графиня Елизавета Кириловна, какъ мы увидимъ послѣ, вышла за графа Апраксина, противъ воли отца, вслѣдствіе чего Разумовскій прервалъ съ нею всякія сношенія) и женивъ старшаго сына на первой Русской невѣстѣ по богатству и знатности, графъ Кирила Григорьевичъ передалъ сыновьямъ имѣніе ихъ матери, оставивъ себѣ седьмую часть, продалъ казнѣ городъ Гадячъ съ селами и деревнями за 596,088 рублей (всего въ этомъ владѣніи считалось 9948 душъ) и переѣхалъ на жительство изъ Петербурга въ Москву.

Въ тѣ давнопрошедшія времена, вельможи и царедворцы, прослуживъ царю и отечеству достаточное число лѣтъ, уступали мѣста свои новому поколѣнію и удалялись въ Москву, гдѣ вполнѣ наслаждались otium cum dignitate, о которомъ теперь изгладилось даже преданіе. Тогда рѣдко можно было встрѣтить при дворѣ еле дышащихъ, дряхлыхъ стариковъ, съ жадностію придерживающихся окостенѣлыми руками къ послѣднимъ призракамъ прежняго значенія, а въ высшихъ сферахъ административныхъ не попадались сѣдые какъ лунь сановники, борящіеся съ недугами и немощами глубокой старости. Къ тѣмъ, которые удалялись въ Москву на покой, присоединялись еще недовольные, какъ напр. графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Куракины и другіе. «Количество дворянъ, живущихъ въ Москвѣ,» повѣствуетъ одинъ путешественникъ, «не вѣроятно. Русскихъ вельможъ весьма немного въ Петербургѣ.... Освободившись отъ службы, они всѣ переѣзжаютъ въ Москву.... Петербургъ не представляетъ ни одного примѣра этихъ колоссовъ великолѣпія и азіатской пышности, которыхъ намъ не разъ случалось встрѣчать здѣсь» (570). И въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Москва была не то что теперь. По всей бѣлокаменной возвышались великолѣпныя палаты Русскихъ баръ: на Вздвиженкѣ стояли хоромы Разумовскаго и Нарышкиныхъ (теперь Горное Правленіе), на Никитской домъ княгини Дашковой и графини Головкиной, на Остоженкѣ — Еропкиныхъ (Коммерческое Училище), на Знаменкѣ - Апраксиныхъ (Александровскій Кадетскій корпусъ), на Моро-

---

(569) Онъ-же, Исторія Малой Россіи. Примѣчанія къ III тому, 78.
(570) Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe III. 345.

сейкѣ графовъ Румянцевыхъ, на Покровкѣ Ивана Ивановича Шувалова, на Басманной Демидовыхъ (Елизаветинскій Институтъ и Школа Топографовъ), на Разгуляѣ графа Мусина-Пушкина (2-я гимназія). Подъ Донскимъ жили Орловы, на Тверской Чернышевы и Салтыковы. На Страстномъ бульварѣ Гагарины (Екатерининская больница), на Моховой Пашковы и Барятинскіе (Университетъ); нынѣшній Сиротскій Домъ принадлежалъ Голицынымъ, теперешній Межевой Корпусъ Куракинымъ, и пр. и пр. и пр. Всѣ эти дома биткомъ набиты были рѣдчайшими коллекціями, библіотеками, мраморами, картинами. «Можно подумать», говоритъ Кларкъ, бывшій въ Москвѣ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, «что обобрали всю Европу для составленія богатѣйшихъ Московскихъ музеевъ» ([571]).

Въ Москвѣ вельможи имѣли значеніе сами по себѣ, а не по мѣсту ими занимаемому. Они любили народъ, раздѣляли его вкусы и были любимы имъ. Каждый вельможа помнилъ, что недовольно было родиться или подняться на верхъ, чтобы заслужить всеобщее уваженіе и быть чѣмъ-либо.

Въ тѣ блаженныя, но увы! протекшія времена, Шереметевы строили странопріимные дома, Куракины богадѣльни, Голицыны больницы, Демидовы осыпали золотомъ юный Московскій Университетъ и только что созданный Екатериною Воспитательный Домъ. Тогда, въ новопожалованныхъ помѣстьяхъ, Орловы, Разумовскіе и пр. строили великолѣпные храмы и сами часто посѣщали свои имѣнія. Постоянная жизнь въ Петербургѣ, а тѣмъ болѣе за границею, была немыслимою для истаго боярина.

Независимое положеніе Москвичей поддерживало въ нихъ независимый образъ мыслей, которымъ не только не презирала, но на который даже нерѣдко обращала особое вниманіе великая Екатерина. Этимъ независимымъ духомъ впрочемъ обуреваемъ бывалъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій и до переѣзда своего въ Москву. Какъ кажется даже, колкія выраженія его относительно того, что̀ дѣлалось, навлекли гнѣвъ Государыни; иначе трудно объяснить слова сказанныя ею Храповицкому: «графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій не глупъ, но имѣетъ испорченное сердце» ([572]), столь противурѣчащія мнѣнію, выраженному ею о немъ въ ея Запискахъ.

([571]) Clarke, Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie I. 108.
([572]) Записки Храповицкаго, 56.

Среди двора и развлеченій Петербургской жизни, Разумовскій зорко слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ его многочисленныхъ помѣстьяхъ, заботился не столько объ увеличеніи своихъ доходовъ, сколько о благосостояніи крестьянъ и интересовался вопросами, касающимися до отношеній ихъ къ помѣщику. Слѣды этого попеченія встрѣчаемъ мы въ слѣдующемъ коллективномъ письмѣ къ Кирилѣ Григорьевичу Штелина, Нартова и Эйлера:

Подъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ изъ Вольнаго Экономическаго Общества его сіятельству г-ну генералу-фельдмаршалу, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанту, сенатору, дѣйствительному камергеру, Академіи Наукъ президенту, Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковнику, разныхъ орденовъ кавалеру и онаго общества члену, графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому. За рѣшеніе задачи о назначеніи земли подъ крестьянское тягло ваше сіятельство изволили обѣщать въ награжденіе 35 червонныхъ, а какъ въ числѣ присланныхъ піэсъ нашлась одна такая, которая по довольномъ разсматриваніи комитетомъ признана во всемъ соотвѣтствующею оной задачѣ, по тому Вольное Экономическое Общество сочинителю помянутой піэсы господину пастору Гросману присудило выдать обѣщанное награжденіе и за должное почло вашему сіятельству сообщить о томъ письменно во извѣстіе, прося при томъ, чтобы ваше сіятельство благоволили оныя деньги 35 червонныхъ прислать въ собраніе Вольнаго Экономическаго Общества для выдачи обѣщаннаго награжденія помянутому пастору Гросману, яко рѣшителю вышеозначенной задачи. I. фонъ Штелинъ. Андрей Нартовъ. L. Euler. Ноября 30 дня 1776.

Рукою графа Кирила Григорьевича подъ письмомъ этимъ помѣта: «Генваря 6 числа 1777 года писано къ Андрею Осиповичу ([573]) и велѣно требуемую сумму заплатить, о чемъ въ общество того же числа дано знать» ([574]).

Приводимъ здѣсь кстати два письма, относящіяся ко времени жизни Разумовскаго въ Петербургѣ. Первое къ нему отъ графа Петра Ивановича Панина, второе отъ него къ Государынѣ, безъ числа, но вѣроятно относящееся ко времени переѣзда Кирила Григорьевича изъ Петербурга въ Москву:

Милостивый государь мой, графъ Кирила Григорьевичъ. Милостивое вашего сіятельства опредѣленіе лекаря Ленца сугубо меня тѣмъ одол-

---

([573]) Закревскому, племяннику Разумовскаго.

([574]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

жаетъ, съ какимъ вы, милостивый графъ, расположеніемъ къ памяти покойнаго брата моего оное сдѣлать изволили. Я, отнеся сіе особливо къ тѣмъ вашимъ врожденнымъ добродѣтельнымъ качествамъ, къ которымъ въ Бозѣ почившій братъ мой и собственно я всегда наполнялись почтеніемъ и привергли себя искреннимъ усердіемъ къ вашему сіятельству, приношу чрезъ сіе мое вамъ за все оное наипризнательнѣйшее благодареніе, прося, чтобъ ваше обращаемое расположеніе къ обоимъ намъ съ покойнымъ братомъ моимъ, теперь обратить на единаго меня съ тою полною вѣрою, что я, зная прямую тому цѣну, буду соотвѣтствовать оному всегда искреннѣйшимъ усердіемъ и вѣрностью, имѣю честь и преданность навсегда пребывать съ совершеннымъ почтеніемъ вашему сіятельству, милостивому государю моему, покорнѣйшій и покорновѣрный слуга графъ Петръ Панинъ.

Декабря 29-го дня 1783 года. Москва(575).

Къ Государынѣ Разумовскій писалъ слѣдующее:

Всемилостивѣйшая Государыня. Припадки, случающіеся въ здоровіи моемъ, требуютъ по совѣту докторскому того, чтобъ я на нѣкоторое время климатъ перемѣнилъ и употребилъ безпрерывное движеніе, которое средство они почитаютъ наилучшимъ для меня лекарствомъ; но притомъ и упавшіе по заочности и отдаленному правленію доходы мои, такъ какъ и всей экономіи худыя обстоятельства, понуждаютъ меня самого необходимо всѣ деревни мои осмотрѣть и привести въ лучшее состояніе какимъ нибудь распорядкомъ. Сего ради дерзаю, всемилостивѣйшая Государыня, симъ всеподданнѣйше просить объ увольненіи меня на два года въ мои деревни, съ тѣмъ, чтобъ изъ высочайшей ко мнѣ милости по чину моему штатъ мой и все прочее, что я получаю, при мнѣ сохранены остались. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій (576).

Зимнее время графъ Кирила Григорьевичъ проводилъ въ Москвѣ, въ великолѣпномъ домѣ, который выстроилъ на мѣстѣ прежде бывшихъ жениныхъ палатъ, по плану графа З. Г. Чернышева, въ 1782 году (577) и который до нынѣ не измѣнилъ внѣшняго своего вида. Весну, лѣто и осень, когда не уѣзжалъ въ Малороссію, проводилъ онъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Имѣніе это, говоритъ Коксъ, путешествовавшій по Россіи вмѣстѣ съ лордомъ Гербертомъ въ 1778-мъ году, походитъ скорѣе на городъ, чѣмъ на дачу. Оно состоитъ изъ 40 или 50 домовъ разной величины. Одни дома кирпичные, другіе деревянные; одни окрашены, другіе

(575) Изъ архива гр. А. С. Уварова. — (576) Изъ Государственнаго Архива. — (577) Русская Старина, Мартынова II, 115. Домъ этотъ на Воздвиженкѣ, нынѣ графа Д. Н. Шереметева.

нѣтъ. У графа Разумовскаго находятся тутъ тѣлохранители, множество слугъ и оркестръ музыки(578). Огромные Петровскіе пруды были выкопаны работниками-Малороссами. Графъ увѣрялъ, что они лучше копаютъ землю, чѣмъ Великоруссы, но потомъ признавался, что ихъ выписывалъ за тѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе садиться среди нихъ во время работъ и говорить съ ними на родномъ нарѣчіи. Несмотря на утонченную роскошь свою, на путешествія и придворную жизнь, Разумовскій все-таки оставался хохломъ и признавался, что когда передъ нимъ заиграютъ на бандурѣ, то долженъ скорѣе вспомнить, кто онъ и гдѣ онъ, чтобы не пуститься отплясывать трепака.

Въ Москвѣ, какъ въ Петербургѣ, бывалъ у Разумовскаго ежедневный открытый столъ, для званыхъ и незваныхъ. Кромѣ того онъ любилъ давать праздники въ городѣ и на дачѣ. Подъ старость онъ часто являлся на свои обѣды и балы въ ночномъ колпакѣ и шлафорѣ съ нашитою на немъ Андреевскою звѣздою. Въ послѣдній проѣздъ Потемкина черезъ Москву (1791), онъ заѣхалъ навѣстить Разумовскаго. На другой день Кирила Григорьевичъ отдалъ ему визитъ. Великолѣпный князь Тавриды принялъ его по обыкновенію неодѣтый и неумытый въ шлафрокѣ. Въ разговорѣ, между прочимъ, князь попросилъ у гостя дать въ честь его балъ. Разумовскій согласился и на другой день созвалъ всю Москву и принялъ Потемкина, къ крайней досадѣ послѣдняго, въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ.

Но и въ Москвѣ недолго пожилось графу Кирилѣ Григорьевичу; его тянуло на родину, и въ 90-хъ годахъ онъ окончательно поселился въ Батуринѣ. При немъ находилась любимая племянница его графиня Софья Осиповна Апраксина, младшая сестра Марины Осиповны Парыкиной. Здѣсь предался онъ съ увлеченіемъ своей страсти къ постройкамъ. Онъ выстроилъ въ селѣ своемъ Яготинѣ(579) совершенно круглую церковь, обведенную Іоническою колонадою съ каменнымъ иконостасомъ, обложеннымъ мраморомъ, и домъ по планамъ архитектора Менеласа. Домъ этотъ состоялъ изъ главнаго корпуса и 6 павильоновъ, изъ которыхъ каждый могъ равняться большому дому. Съ каждой стороны дома были большія каменныя службы. Въ Бакланѣ выстроилъ онъ домъ въ подражаніе

(578) Voyage en Pologne, Russie etc. Will-m Coxe, traduit par Mallet. éd. in 4° I. 148.

(579) Принадлежитъ нынѣ княгинѣ Софьѣ Дмитріевнѣ Репниной.

сельскихъ домовъ въ окрестностяхъ Рима ([580]), въ Почепѣ великолѣпный каменный домъ и церковь. Домъ этотъ, построенный по планамъ де-ла-Мота, былъ огромный, съ залами для баловъ и концертовъ и библіотекой въ 5000 томовъ. Вокругъ его, по красивымъ берегамъ Судости, фельдмаршалъ развелъ садъ въ Голландскомъ вкусѣ ([581]). Наконецъ, въ послѣдніе дни жизни своей, онъ еще занятъ былъ постройкою каменнаго дома и церкви въ Батуринѣ. Занимаясь украшеніемъ имѣній своихъ, Разумовскій не забывалъ и усовершенствованій хозяйства. Въ 1797 выписалъ онъ шпанскихъ овецъ съ заводовъ князя Лихтенштейна ([582]) и такимъ образомъ можетъ считаться однимъ изъ первыхъ основателей овцеводства въ Россіи; разводилъ шелковицу и вводилъ шелководство въ Яготинѣ, выписывалъ машины, заводилъ мельницы, свѣчныя фабрики въ Батуринѣ и проч. Есть преданіе, что Разумовскій первый развелъ въ Малороссіи пирамидальные тополи. Въ то же самое время онъ былъ примѣрнымъ помѣщикомъ. «Крестьяне благословляютъ память покойнаго фельдмаршала Разумовскаго,» говоритъ фонъ-Гунъ. «Сколько я ни ѣздилъ по здѣшней сторонѣ, вездѣ находилъ, что и старые, и малые, и дворяне, и простолюдины, безъ изъятія, всѣ единогласно прославляютъ память графа Кирила Григорьевича, бывъ исполнены искреннѣйшаго къ покойному почитанія и благодарности. Времена, въ кои онъ жилъ посреди ихъ, называютъ златыми» ([583]). Память этихъ златыхъ временъ не совсѣмъ угасла и до сихъ поръ между бывшими крѣпостными графа. Въ памятный 1861 годъ, когда настала эра свободы для нашей меньшей братіи, у многихъ изъ потомковъ послѣдняго гетмана, сохранившихъ въ Малороссіи мелкія частицы его громаднаго состоянія, крестьяне требовали, чтобы опять все было какъ при Разумовскомъ!

Почти ежегодно фельдмаршалъ объѣзжалъ свои владѣнія, но настоящею его резиденціею былъ Батуринъ. Онъ жилъ въ сломанномъ теперь деревянномъ домѣ, подаренномъ ему Екатериною. Передъ домомъ былъ валъ, на которомъ стояли пушки. Здѣсь Разумовскій жилъ, какъ и всегда, истымъ вельможею. Штатъ служителей его былъ огромный. При немъ находились: 1 дворецкій, 1 камердинеръ, 1 подлѣкарь, 2 карлика, 4 парикмахера, 2 ихъ ученика, 2 кондитора, 1 ихъ помощникъ, 3 ихъ

([580]) Фонъ-Гунъ, Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малую Россію въ осени 1805 г.

([581]) Тамъ же. — ([582]) Тамъ же. — ([583]) Тамъ же.

ученика, 1 кофишенкъ, 1 его помощникъ, 1 мундшенкъ, 1 его помощникъ, 1 ученикъ, 1 келлермейстеръ, 3 квасника, 2 ихъ ученика, 1 тафельдскарь, 2 его помощника, 3 женщины для чистки серебра, 1 домоправитель, два писаря, 3 мальчика, 2 солдата, 1 писарь при графинѣ Софьѣ Осиповнѣ Апраксиной, 2 геодозиста, 4 ученика, 1 камеръ-лакей, 10 лакеевъ, 4 ѣздовыхъ лакея, 1 козакъ, 1 маркёръ, 2 скорохода, 2 егеря, 13 охотниковъ, 10 истопниковъ, 3 кухмистра, 1 помощникъ 1 приспѣшникъ, 1 хлѣбникъ, 1 ученикъ, 11 кухонныхъ учениковъ, 1 хлѣбница, 1 капельмейстеръ, 14 музыкантовъ, 18 пѣвчихъ, 1 конюшій, 1 берейторъ, 1 ясельничій, 2 кучера, 2 форрейтора, 4 ямщика, 40 конюховъ, 7 учениковъ въ лазаретѣ, 2 надзирателя, 2 женщины, 1 кастелянша, 17 прачекъ, 7 бѣлошвеекъ, 2 коровницы, 2 ученицы ихъ, 1 сѣдельникъ, 2 шорника, 3 слѣсаря, 4 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 каретникъ, 1 переплетчикъ, 2 ихъ ученика, 2 портныхъ, 3 столяра, 2 ихъ ученика, 1 серебряникъ, 3 живописца, 1 квартирмейстеръ, 1 корзинщикъ 1 обойщикъ, 1 рѣзчикъ, 18 сторожей, 15 разныхъ лицъ находившихся при нѣкоторыхъ служителяхъ графа—всего 261 человѣкъ. Всѣ они получали жалованіе отъ графа, которое ежемѣсячно простиралось до 2 тысячъ тогдашнихъ ассигнаціонныхъ рублей (584). Ежедневно для стола графа и его прислуги выходило: цѣлый быкъ, 10 барановъ, 100 куръ и проч. Графиня Софья Осиповна, завѣдывавшая въ послѣдніе годы графа Кирилы Григорьевича всѣмъ его хозяйствомъ, неоднократно требовала уменьшенія числа служителей. Наконецъ она рѣшилась подать ему два реестра о необходимыхъ и о лишнихъ служителяхъ. Графъ подписалъ первый, а послѣдній отложилъ въ сторону. «Я согласенъ съ тобою,» сказалъ онъ племянницѣ, «что люди эти ненужны мнѣ; но спроси ихъ прежде, не имѣютъ ли они во мнѣ надобности, и если они откажутся отъ меня, то и я тогда смѣло откажусь отъ нихъ» (585).

Однажды Кирила Григорьевичъ гулялъ по Батурину съ Михайломъ Васильевичемъ Гудовичемъ, почти постоянно проживавшимъ въ домѣ графа и старавшимся черезъ гр. Софью Осиповну вкрасться въ его довѣренность. Гуляя, они прошли мимо только что отстроеннаго дома графскаго управляющаго. Гудовичъ замѣтилъ, что пора бы смѣнить управ-

---

(584) Москвитянинъ 1852 г. № 4.

(585) Бант.-Кам. Біографіи фельдмаршаловъ I. 248—50.

ляющаго, что онъ воръ и на графскія деньги отстроилъ себѣ домъ. «Нѣтъ братъ,» отвѣчалъ Разумовскій, «этому только осталось крышу крыть, а другаго взять, онъ «съизнова станетъ весь домъ строить (586).

Вѣроятно этотъ-же самый управляющій пришелъ ему объявить, что нѣсколько сотенъ изъ его крестьянъ бѣжали въ Новороссійскій край. «Можно ли быть до такой степени неблагодарными!» добавилъ управляющій. «В. С. истинный отецъ своимъ подданнымъ.» «Батько хорошъ,» отвѣчалъ Разумовскій, «да матушка — свобода въ тысячу разъ лучше. Умные хлопцы: на ихъ мѣстѣ я бы тоже ушелъ.» Одинъ прикащикъ графскій изъ крѣпостныхъ затѣялъ несправедливую тяжбу съ сосѣдомъ, бѣднякомъ-помѣщикомъ. Благодаря имени графа и деньгамъ, помѣщикъ проигралъ дѣло, и у него отняли все небольшое его имѣніе. Объ этомъ узналъ графъ Кирила Григорьевичъ, велѣлъ возвратить помѣщику отнятое имѣніе да еще подарилъ ему ту деревню, къ которой приписанъ былъ прикащикъ. Черезъ нѣсколько дней однако прикащикъ, по желанію графа, считавшаго его довольно наказаннымъ, отъ новаго помѣщика своего получилъ отпускную. Другой разъ случилось опять нѣчто подобное. У бѣднаго же помѣщика управляющіе графскіе оттянули послѣднее его достояніе, описали его какъ человѣка весьма безпокойнаго и просили графа сдѣлать ему такой пріемъ, отъ котораго онъ не устоялъ бы на ногахъ. «Чего стóитъ отнятая у тебя деревня?» спросилъ Разумовскій. — «Семь тысячъ рублей,» отвѣчалъ помѣщикъ. «Сей часъ велю,» продолжалъ графъ, «выдать тебѣ 15,000 рублей.» Пораженный помѣщикъ палъ на колѣни. «Посмотрите, сказалъ Кирила Григорьевичъ управляющимъ, подымая помѣщика: «я сдѣлалъ вамъ угодное, онъ не устоялъ на ногахъ» (587).

Объѣзжая свои владѣнія, Разумовскій примѣтилъ бѣдную хату, стоявшую среди полей, и велѣлъ перенести ее на другое мѣсто. «Это невозможно, отвѣчалъ ему управляющій, хата принадлежитъ козаку.» Такъ купить ее! «Козакъ слишкомъ дорожится, продолжалъ управляющій, онъ за нее требуетъ 3,000 рублей.» «Ты не умѣешь торговаться, сказалъ графъ, пришли его ко мнѣ.» — Козака привели къ графу. Разумовскій сталъ ему доказывать, что онъ запрашиваетъ слишкомъ дорого за свою

---

(586) Изъ семейныхъ преданій.

(587) Бант.-Кам. Біографіи фельдмаршаловъ I. 246.

хату, при которой находится только 10 или 12 десятинъ земли; козакъ утверждалъ, что у него было больше десятинъ, но что графскіе же хлопцы ихъ у него отрѣзали; наконецъ, послѣ продолжительнаго торга, козакъ согласился сбавить 500 рублей. Графъ немедля всталъ съ своихъ креселъ и вынулъ изъ своего стола 5000 рублей, при чемъ сказалъ козаку: «Смотри, чтобъ черезъ три дня не было уже твоей хаты на моей землѣ!» Козакъ началъ представлять невозможность столь скоро пріискать себѣ другое мѣстожительство. «Это мое дѣло,» отвѣчалъ графъ и, оборотясь къ управляющему, прибавилъ: «отведи ему въ концѣ моихъ владѣній двойное количество купленной у него земли и построй на мой же коштъ новую хату (588).

Въ 1796 г. посѣтилъ Разумовскаго въ Яготинѣ одинъ изъ лучшихъ дѣятелей временъ Екатерины, графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ. «Фельдмаршалъ только что сюда прибылъ изъ Батурина, писалъ Сиверсъ къ дочери изъ Яготина отъ 17 Іюля 1796 года. Онъ очень удивился меня видѣть, такъ какъ я его не предупредилъ о моемъ посѣщеніи. Онъ меня принялъ съ истинною сердечностью, какъ одного изъ старѣйшихъ своихъ знакомыхъ. Удовольствіе мое съ нимъ свидѣться было сильно помрачено жалкимъ состояніемъ его здоровья. Онъ страдаетъ одышкою и очень ослабѣлъ. У него были раны на ногѣ, которыя истощили его силы. Доктора считали ихъ неизлечимыми, но, благодаря простому средству одного мужика, онъ отъ нихъ отдѣлался. При немъ не было никого изъ его сыновей и дочерей, но находились старая его подруга, вдовствующая графиня Апраксина и генералъ-маіоръ Гудовичъ.... Около самого дома разведенъ небольшой регулярный липовый садъ, далѣе фруктовый садъ со множествомъ винограда.... Мы ходили смотрѣть на мельницы.... и закончили прогулку тѣмъ, что меня болѣе всего интересовало и понравилось—именно шелковичнымъ садомъ (это настоящій лѣсъ) и домомъ, гдѣ находятся шелковичные червяки... Весь образъ приготовленія шелка доказываетъ, что Италіанскій графъ, которому фельдмаршалъ платитъ страшно дорого, ничего не понимаетъ въ этомъ дѣлѣ.... Сегодня мы осматривали плотину: это просто Римская работа. Графъ намѣренъ обратить въ озеро огромный лугъ, находящійся передъ

(588) Тамъ же 248.

домомъ. Я хотѣлъ ѣхать сегодня, но добрый старикъ фельдмаршалъ меня никакъ не отпустилъ» (589).

Царствованіе Павла Петровича прошло, кажется, безоблачно для графа Кирилы Григорьевича. Жестокая болѣзнь въ ногѣ снова открылась и дѣлала его почти неподвижнымъ. Доктора совѣтовали ему леченіе въ Теплицѣ. Разумовскій рѣшился ѣхать въ Вѣну, къ сыну своему Андрею Кириловичу, а оттуда на воды, для пользованія ноги. Съ этою цѣлью графъ Андрей Кириловичъ заказалъ въ Лондонѣ для отца карету особаго устройства. Карета эта была устроена такъ, что посредствомъ довольно хитраго механизма можно было въ нее вкатывать постель. До отправки въ Россію, карета эта была выставлена въ Лондонѣ, и ее показывали за деньги; мастеръ, какъ въ то время увѣряли, выручилъ такимъ образомъ до 5000 рублей. На ввозъ иностранныхъ каретъ было въ царствованіе Павла I запрещеніе, и надо было имѣть особенное дозволеніе отъ Государя на провозъ кареты. Императоръ немедленно разрѣшилъ его, и когда карета прибыла въ Петербургъ, потребовалъ, чтобы ее привезли для осмотра сперва на Каменный Островъ, а потомъ къ Государынѣ въ Павловскъ. Съ доставкою въ Батуринъ карета обошлась въ 18,000 тогдашнихъ рублей. Фельдмаршалъ захотѣлъ ее попробовать, но она оказалась слишкомъ грузною: 8 лошадей послѣ 4-хъ верстной ѣзды едва могли ее довезти домой (590)

Послѣ этой неудачи Разумовскій, какъ видно, пересталъ уже думать о путешествіи. Изрѣдка его посѣщали въ Батуринѣ сыновья и дочери съ внуками и внучками. Впрочемъ долгое отсутствіе какъ бы нѣсколько разъединило ихъ, и самою приближенною къ нему особою оставалась племянница Апраксина. Изъ Батурина, среди своихъ немочей, Разумовскій привѣтствовалъ восшествіе на престолъ Александра I-го. Государь отвѣчалъ ему слѣдующимъ рескриптомъ отъ 15 Мая 1801 года.

«Графъ Кирила Григорьевичъ. Прослуживъ вѣрно и ревностно толикимъ Монархамъ, нося и оправдывая на себѣ ихъ милости, вы имѣете все право наслаждаться въ недрѣ покоя вашего всеобщимъ уваженіемъ и отличнымъ моимъ благоволеніемъ. Примите истинную мою признательность за поздравленіе ваше и желанія его сопровождающія. Я увѣ-

(589) Ein russicher Staatsmann von K. L. Blume, IV, 246—48.
(590) Фонъ-Бунъ. Поверх. замѣч. испр.

ренъ, что мольбы столь почтенной старости пріятны будутъ Небесамъ. Молю Всемогущаго, да ниспошлетъ вамъ силы и здравіе, и западъ жизни вашей да исполнится тихія радости, неотъемлемой и единой истинной награды добрыхъ дѣлъ. Пребываю вамъ всегда доброжелательный Александръ» (591).

Какъ видно изъ приводимаго ниже письма, фельдмаршалъ до конца жизни пользовался всѣми дарованными ему Елизаветою и Екатериною пенсіями.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Выполняя желаніе вашего сіятельства, въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ отъ 2-го Августа сего года къ его высокопревосходительству г. дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, государственному казначею и кавалеру барону Алексѣю Ивановичу Васильеву, предписано отъ экспедиціи государственныхъ доходовъ С.-Петербургскому штатному казначейству, дабы оно слѣдующія вамъ, милостивый государь, въ пенсіонъ за Майскую сего года треть деньги 21,450 р. отпустило его сіятельству графу Петру Кирилловичу. О семъ поставляя долгомъ увѣдомить ваше сіятельство, имѣю честь быть и пр. Ѳедоръ Голубцевъ. Августа 28 дня 1801 года (592).

Но недолго пришлось еще пользоваться графу Кирилѣ Григорьевичу пенсіями и человѣческими почестями. Здоровье его видимо слабѣло. Онъ уже почти не могъ двигаться; за 4 мѣсяца до кончины своей онъ ѣздилъ осматривать церковь (гдѣ онъ и похороненъ), которая въ то время строилась. Это была его послѣдняя прогулка. Онъ окончилъ жизнь свою 9-го Января 1803 года.

Графъ Кирила Григорьевичъ похороненъ въ трапезѣ Батуринской церкви. Сыновья его поставили надъ могилою памятникъ, имѣющій форму пирамиды съ мраморнымъ рельефнымъ медальономъ покойнаго. Надгробная надпись гласитъ:

«Здѣсь покоится тѣло Его Сіятельства Господина Генералъ Фельдмаршала, Сенатора, Дѣйствительнаго Камергера и орденовъ Россійскихъ св. Апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго св. Анны кавалера, графа Кирила Гри-

---

(591) Бант.-Кам. Біогр. фельдмар. I. 245.
(592) Изъ архива гр. А. С. Уварова.

горьевича Разумовскаго, родившагося 1728 года ([593]) Марта 18 дня и скончавшагося въ Батуринѣ 1803 года Января 9 дня въ 2 часа пополудни. Житія его было 74 года, 9 мѣсяцевъ и 22 дня.»

Противъ памятника въ деревянной рамкѣ сохраняется шитый гербъ Разумовскаго. Въ алтарѣ находится стальное узорчатое рѣзное кресло, формою похожее на курульный стулъ, принадлежавшее гетману.

Село Ершово. Августъ 1868.

Александръ Васильчиковъ.

([593]) Надпись эта вѣроятно ввела въ ошибку біографовъ Разумовскаго.

ПРИКАЗЪ ЯРОСЛАВСКАГО ПОМѢЩИКА КАРНОВИЧА,

отправленный изъ Москвы въ вотчину его 26 іюля 1765 года.

Въ Ростовскую мою вотчину село Холмъ-Агарево съ селами и деревнями выборному Тихону Петрову и старостѣ Дмитрію Федорову со крестьяны.

Репортуете вы сего іюня отъ 21 числа 1765 года, что дворовой мой человѣкъ Иванъ Харитоновъ съ женою Федосею Алексѣевою живутъ въ вотчинѣ моей добропорядочно, но только впредь вы ему воли къ забіачеству не давайте. Вѣдомость о крестьянскихъ дочеряхъ-дѣвкахъ лѣтъ отъ двадцати, двадцати пяти и тридцати, какъ я и прежде къ вамъ писалъ, до пріѣзду моего не присылайте. Оброчныя деньги на вторую сего года половину, какъ прежде вамъ писано, по исправности собирайте. Которые крестьяне мнѣ лѣтнею порою платить оброчныхъ денегъ не въ состояніи, оныхъ платежемъ не принуждать, а брать съ тѣхъ, которые безъ нужды платить будутъ, а маломощные пусть по времени исправляются и заплатить могутъ въ осеннее время. Когда жъ что потребно будетъ по приказу жены моей Софіи Васильевны (1) прислать въ Москву денегъ, то вы, сколько можете собрать, присылайте безостановочно. Со обвѣнчанныхъ же Троицкимъ мясоѣдомъ осмнадцати свадебъ куничныхъ денегъ (2) до нынѣшней осени увольняю.

По указу состоявшемуся и по инструкціи, въ Ростовской воеводской канцеляріи о неимущихъ пропитаніи крестьянехъ, чтобъ они по міру не ходили и чтобъ не имущимъ крестьянамъ на пропитаніе и на сѣмена хлѣба давать, въ томъ подписку дайте. А въ вотчинахъ моихъ каковые

---

(1) Рожденная Неронова, дочь Рязанскаго помѣщика.

(2) Куница (cunus) плата куничныхъ денегъ — старинный поборъ съ каждаго новобрачнаго въ пользу помѣщика.

есть убогіе люди, то каковыхъ кто лѣтъ? И когда возможно по лѣтамъ и по корпусу ихъ до пріѣзду моего нѣкоторыхъ употребить въ наемъ къ другимъ крестьянамъ въ работники и въ пастухи, а изъ женскаго полу крестьянъ домовничать хотя изъ хлѣба; да чтобъ старики и старухи не имѣли отговорокъ, какъ писалъ. У прочихъ случается, что нѣкоторые лѣтнею порою съ малыми ребятами въ домахъ крестьянскихъ за лѣностію домовничать не хотятъ, и которые уже и той домовнической должности снесть не въ состояніи и точно что престарѣлые и больные, то таковыхъ до моего пріѣзду какъ возможно пропитаніемъ снабдѣвать, хотя прошеніемъ милостыни только въ однихъ вотчины моей деревняхъ, а въ другія вотчины ихъ по міру ходить накрѣпчайше не допускать подъ жестокимъ наказаніемъ. А я для таковыхъ по времени, какъ и прежде къ вамъ изъ С.-Питербурга писалъ, намѣренъ въ вотчинѣ моей при церквахъ построить богадѣльны и сколько оныхъ убогихъ людей сыщется, которые уже ни въ какую работу не годятся, о томъ по исправности прислать ко мнѣ вѣрную вѣдомость. Изъ города Ярославля крестьянина моего Ивана Тимофеева сына Лапшина съ женою Анною Ивановою и со снохою Дарьею Агѣевою, когда они тамо въ Ярославлѣ ходятъ по міру, то взять въ Холмъ, и отдать хотя бы силою къ крестьянамъ въ домовитые или въ другую какую либо работу по возможности. Да не имѣется ли и въ другихъ мѣстахъ крестьянъ моихъ по міру бродящихъ? И тѣхъ чтобъ собрать и учинить съ ними благопріятное разсмотрѣніе по вышеписанному.

Дементья Антипина и Никифора Никифорова, яко законопреступниковъ Православной Каѳолической вѣрѣ и беззаконно противниковъ Божіей Православной Христіанской церкви, ни въ какіе по вотчинѣ совѣты, мірскіе сходы и ни въ какія повѣренности не принимать и дѣтямъ ихъ обоего полу, такожъ и сродственникамъ и всѣмъ вотчины моей крестьянамъ въ ихъ домы не ходить и ихъ въ свои домы не пущать и на улицѣ и въ другихъ мѣстахъ съ ними разговоровъ не имѣть. А священникамъ Горегряжскому и Пятницкому отъ меня скажите, чего они въ своихъ приходахъ о таковыхъ законопреступникахъ попеченія не имѣютъ, о чемъ я буду впредь утруждать Его Преосвященство.

А что вы пишите, что записались въ расколъ Дементій Антипинъ съ женою Анною Васильевою, а Акинфъ Никифоровъ точно ли одинъ безъ жены и дѣтей? И того ради вамъ объ ономъ достовѣрно справиться. Буде

Никифорова жена съ нимъ къ расколу въ несогласіи, то неотмѣнно, безъ всякаго впредь моего приказанія, при доношеніи представить ее въ Ростовскую Духовную Консисторію, и не опредѣлено ли будетъ резолюціею Его Преосвященства отъ него Никифорова жену отвесть. А съ моей стороны, когда она, Авдотья Степанова, въ расколъ не вступила, то отдать ей весь домъ мужа ея въ вѣчное владѣніе и дѣтей, и я отпущу на прежнее жилище для пропитанія, а мужа ея и Дементья Антипова съ женою по пріѣздѣ моемъ отошлю на разсужденіе Святѣйшему Правительствующему Сѵноду. А съ полученіемъ сего приказанія у нихъ Антипина и Никифорова, до объявленія бъ симъ людямъ сего приказанія, движимое и недвижимое имѣніе ихъ и сколько у нихъ въ посѣвѣ имѣется, описать и оную опись вамъ у себя содержать до моего пріѣзду и съ того бъ имѣнія ихъ въ продажу имъ ничего не давать кромѣ нужнаго ихъ содержанія и то съ вѣрною запискою.

(Сообщено Е. П. Карновичемъ).

МАСОНСКІЯ БУМАГИ.

1. Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву.

«Высокопочтенный мастеръ, почтенные надзиратели, чиновники и члены учрежденные на востокѣ Москвы ☐ Святаго Моисея!

Распространившему во отечествѣ нашемъ учрежденіемъ свободнаго Каменщества Великому Строителю благо да возсылается честь и слава во вѣки вѣковъ аминь!

А вамъ единую съ нами матерь почитающимъ ☐ сестры нашея членамъ, пріятнымъ писаніемъ вашимъ насъ удостоившимъ, чрезъ сіе усерднѣйше принося благодарность и подавая вамъ руки союза, удостовѣряемъ васъ, что мы съ возстановленіемъ здѣсь новаго храма добродѣтели, елико возможно зачинаемъ стараться о снисканіи просвѣщенія и блаженства, прилежа о чтеніи книги природы и Священнаго Писанія, стараемся разбирать всѣ наши дѣла при блистающей звѣздѣ разума, возженной Великимъ Строителемъ міра во святая святыхъ души нашей, дабы возсіялъ на насъ свѣтъ истины и да принесетъ желанію нашему совершенное удовольствіе.

Возлюбленные, почтенные и единоутробные братія! Намъ вся природа о васъ вѣщаетъ, что безъ дружбы вашей жизнь наша есть намъ неутѣшна и посему мы, препоручая себя въ нѣдро дружбы единодушія вашего, прилагаемъ здѣсь списокъ членамъ ☐ нашей, которые въ братской дружбѣ съ троекратнымъ три раза числомъ пребудутъ

Вамъ покорными и вѣрными братьями.

СПИСОКЪ ЧЛЕНАМЪ ☐ ЗЛАТАГО ВѢНЦА:

Александръ Федоровичъ Голубцовъ (Великій Мастеръ).
Федоръ Николаевичъ Ладыженскій (1-й Надзиратель).
Иванъ Васильевичъ Калюбакинъ (2-й Надзиратель).

Иванъ Васильевичъ Жадовскій (Секретарь).
Семенъ Васильевичъ Аржевитиновъ (Обрядоначальникъ).
Александръ Петровичъ Соковнинъ (Риторъ).

ТОВАРИЩИ:

Николай Михайловичъ Карамзинъ.
Петръ Яковлевичъ Норовъ.
Иванъ Даниловичъ Щербстъ.
Николай Петровичъ Полторацкій.
Иванъ Петровичъ Тоскани.
Иванъ Григорьевичъ Воецкій.

УЧЕНИКИ:

Петръ Афанасьевичъ Макаровъ.
Иванъ Петровичъ Хардинъ.
Петръ Александровичъ Соковнинъ.
Михаилъ Федоровичъ Фитингофъ.
Андрей Григорьевичъ Воецкій.»

Ни года, ни числа не выставлено.

(*Писано рукою Александра Петровича Соковнина; сообщено, равно какъ и нижеслѣдующее письмо, внукомъ Соковнина, Николаемъ Михайловичемъ Соковнинымъ*).

II. Письмо И. И. Тургенева къ Александру Петровичу Соковнину.

Симбирскъ 2 іюня 1784.

Почтенный братъ!

Съ радостнымъ сердцемъ получилъ я почтенное письмо ваше, и въ отвѣтъ скажу, что я послѣ завтра намѣреваюсь выѣхать изъ Симбирска въ Тургенево. Весьма я увѣренъ, что желаете вы споспѣшествовать намѣреніямъ вперенным въ меня нашею ложею-матерію, которая препоручила мнѣ стараться о сооруженіи здѣсь ложи. — Правду вы говорите, любезнѣйшій братъ, что милость Божія нужна необходимо къ воспаленію

въ сердцахъ огня, нужнаго къ сему дѣлу, и аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудятся зиждущіи. Единая только надежда на Него можетъ увѣрить насъ въ событіи желаній нашихъ. Что жъ до насъ касается, намъ просить помощи у Бога и стараться надлежитъ, да будемъ неповинни и цѣли, чада Божіи, непорочны, дабы могъ свѣтить свѣтъ нашъ предъ человѣки, да видятъ дѣла наши и прославятъ Отца нашего Иже есть въ небесахъ. — И такъ съ помощію Его завтра сбираемся мы масоны, откроемъ комитетъ изъ братьевъ, коихъ здѣсь число довольное, и когда будутъ сіи согласны къ составленію □, то будутъ дѣлать орнаменты и прочее нужное для открытія и учрежденія ложи, и когда сіе будетъ готово, я пріѣду изъ деревни, и хотя бъ тогда съ вами увидѣться, то есть при открытіи, хотя бъ я и прежде желалъ и очень желалъ видѣть васъ въ Тургеневѣ. — Съ позволенія сына вашего, которое я выпросилъ у него, завтра сберемся въ вашемъ домѣ. Я ему совѣтовалъ попросить у васъ дозволенія вступить въ масоны. Не знаю, потребуетъ ли онъ его. Заключая сіе искреннимъ желаніемъ вамъ временнаго и вѣчнаго благополучія, пребываю вашъ, почтенный братъ, покорнѣйшимъ слугою И. Тургеневъ.

III. Письма Каунница Ритберта къ князю Александру Борисовичу Куракину по Масонскимъ дѣламъ 1777 года.

St.-Petersbourg ce 2 Juin.

1. Vous m'avez prévenu bien agréablement, mon cher frère et ami, par la lettre que vous avez bien voulu m'ecrire. Je sais que votre service et les bontés du Grand Duc vous retiennent constamment près de sa personne.... Les papiers que je dois vous remettre, ne m'arriveront qu'avec le roi de Suède. Je n'ai que très peu de choses parmis mes effets que j'aurai ce matin. Lorsque tout me sera parvenu, je vous en ferai part, mon très cher et J. E. f—re, et je m'en tiendrais dès lors strictement à nos lois et usages et à ce que m'a été prescrit, soin que surtout nous ne devons jamais perdre de vue un moment, de facon que vous voyez bien que tout ira bien et j'espère aussi que tout ce que nous aurons à faire et à traiter ensemble quoique aussi difficile et compliqué qu'épineux dans les circonstances où nous nous

trouvons ici en général et en particulier, se pourra faire avec un plus grand secret.

St.-Petersb. 23 Août (3 Septembr.) 1777.

2. En conséquence de mes lettres reitireés au duc de Zudermanie, je viens de recevoir la lettre ci-jointe de son altesse royale des mains du prince Bieloselsky, par laquelle vous verrez les raisons qui ont causé son retard et qui arretent encore la conclusion de l'affaire. Je m'empresse de vous la communiquer pour votre décharge à l'égard des personnes qui auront sans doute insisté sur cette conclusion qu'il ne dépent de personne de nous autres d'effectuer dans ce moment-ci. Je vous prie de la communiquer à m. le senateur de Jelagin et au prince Gagarin et d'en faire savoir le contenu au général Melessino et à ses deux Surv-ls. Moi je vous prie aussi de ne la point laisser sortir de vos mains et de celles de m-r de Jelagin.

3. $\frac{5}{16}$ Sept. 1777. Je suis très faché que m. de Jalagin ne vous ait remis qu'hier la lettre que j'ai eu l'honneur de vous envoyer il y a longtemps. Il me semble qu'elle est parfaitement propre à vous servir de d'écharge à l'egard du très petit nombre de frères auxquels vous etiez chargé de communiquer l'idée d'eriger ici un Chapitre et elle doit produire cet éffet puisqu'elle prouve incontestablement que vous avez sollicité cette affaire, que conformément à ce que vous leurs avez rapporté il devait être créé incessament, mais qu'un empéchement, un ordre, qui regarde généralement tous les Chapitres provenant d'un supérieur qui commande celui avec lequel vous avez à faire, qui vous commande tous, oblige à en retarder l'exécution pour quelque temps. Pour les autres frères qui ne savent rien et ne doivent rien savoir du Chapitre, il depend encore de vous de les mettre sur le bon chemin, en leur faisant accepter des mains du Grand-Maitre qu'ils ont reconnus, les actes de Suède que vous pouvez avoir de m. de Rosenberg et des constitutions legales, et en les mettant ensuite en correspondance avec la Grande Loge de Stockholm, après quoi ils pourront être assurés que tout ce qui regarde leurs grades ils l'auront aussi parfaitement qu'on l'a en Suède.

ПЕРЕВОДЪ.

С.-Петербургъ. 2 Іюня 1777.

1. Вы предупредили меня самымъ пріятнымъ образомъ, любезный братъ и другъ, письмомъ, которое вы мнѣ написали. Я знаю, что служба и милости Великаго Князя удерживаютъ васъ постоянно при его особѣ. Бумаги, которыя я долженъ передать вамъ, получатся мною не иначе какъ съ Королемъ Шведскимъ. У меня очень мало въ вещахъ моихъ, которыя получу сегодня утромъ. Когда все мнѣ будетъ доставлено, то я сообщу вамъ о томъ, любезнѣйшій братъ, и съ того времени я буду держаться строго нашихъ законовъ и обычаевъ и того, что было намъ предписано, заботы о чемъ особенно мы не должны терять изъ виду ни одной минуты. Такимъ образомъ вы видите, что все пойдетъ хорошо, и я надѣюсь тоже, что все что намъ придется дѣлать и обсуждать вмѣстѣ (хотя это столь же трудно и сложно, какъ и щекотливо при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы здѣсь вообще находимся) можно будетъ держать въ величайшемъ секретѣ.

С.-Петербургъ. 23 Августа (3 Сентября) 1777.

2. Въ слѣдствіе повторительныхъ писемъ моихъ, къ герцогу Зюдерманландскому, я сейчасъ получилъ изъ рукъ князя Бѣлосельскаго прилагаемое письмо отъ Его Королевскаго Высочества, изъ котораго вы увидите причины промедленія и того, что окончаніе дѣла еще задерживается. Спѣшу сообщить вамъ это письмо, чтобы вы могли оправдаться передъ тѣми лицами, вѣроятно настаивающими на этомъ окончаніи, которое не зависитъ ни отъ кого изъ насъ въ настоящую минуту. Прошу васъ сообщить это письмо г. сенатору Елагину и князю Гагарину и передать его содержаніе генералу Мелисино и его двумъ надзирателямъ. Прошу васъ тоже не выпускать письма изъ рукъ вашихъ и г. Елагина.

$\frac{5}{16}$ Сентября 1777.

3. Очень сожалѣю, что г. Елагинъ передалъ вамъ только вчера письмо, которое я имѣлъ честь писать къ вамъ уже давно. Мнѣ кажется, что оно совершенно достаточно, чтобъ служить вамъ оправданіемъ передъ тѣмъ небольшимъ числомъ братьевъ, которымъ вамъ было поручено сообщить мысль объ учрежденіи здѣсь Капитула. Оно должно произвести такое впечатлѣніе, потому что неоспоримо доказываетъ, что вы ходатайствовали объ этомъ дѣлѣ, что, согласно съ тѣмъ, что вы имъ передали, онъ дол-

женъ былъ учредиться безотлагательно, но что помѣхою — приказаніе, относящееся вообще до всѣхъ Капитуловъ, исходящее отъ главы, начальствующаго надъ тѣмъ изъ нихъ, съ которымъ вы имѣете дѣло, и заставляющее промедлить нѣсколько времени исполненіемъ. Что касается другихъ братьевъ, которые ничего не знаютъ и не должны знать о Капитулѣ, то отъ васъ зависитъ еще обратить ихъ на прямой путь, убѣдивши ихъ принять, изъ рукъ признаннаго ими великаго мастера, Шведскіе акты, которые вы можете получить отъ г. Розенберга и законные статуты и, поставивши ихъ потомъ въ сношенія съ большой Стокгольмской ложей, послѣ чего они могутъ быть увѣрены, что все, что относится до ихъ степеней, они будутъ имѣть такъ же хорошо, какъ бы въ Швеціи.

Примѣчаніе.

Первое изъ этихъ писемъ написано за три дня до пріѣзда въ Петербургъ Шведскаго Короля Густава III, послѣдовавшаго $\frac{5}{16}$ іюня 1777. Съ нимъ должны были, повидимому, прибыть изъ Стокгольма масонскія бумаги, которыя долженъ былъ передать Куракину неизвѣстный намъ кореспондентъ его. Можно предполагать, что это былъ агентъ Стокгольмскихъ Масоновъ, присланный впередъ въ Петербургъ, чтобы сдѣлать приготовленія къ окончательной организаціи Русскаго масонства по Шведской системѣ и послѣ къ подчиненію его Стокгольмской Главной ложѣ. Подчиненіе это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ 1770 году учредилось въ Петербургѣ правильное устройство масонства по Англійской системѣ, и тамошнія ложи, въ коихъ Великимъ Мастеромъ былъ Елагинъ, подчинились Лондонской ложѣ-матери въ 1772 году. Но въ то же почти время была завезена въ Петербургъ Цинпендорфская система Рейхелемъ (товарищемъ котораго былъ Розенбергъ) къ которой сначала были очень враждебны Елагинскія ложи. Но вскорѣ многіе члены ихъ стали думать, что соединеніе съ Рейхелемъ принесетъ пользу братству, и Елагинъ былъ вынужденъ на оное. Но Розенбергъ не приступилъ лично къ этому новому союзу. Это случилось въ началѣ 1776 года, и всѣ эти ложи получили названіе «Соединенныхъ.» Они находили весьма вредною масонскую систему «Строгаго Наблюденія,» по которой Масоны считались преемниками средне-вѣковыхъ Тампліеровъ и управлялись орденскими капитулами. Между тѣмъ Петербургскіе Масоны приступали къ Рейхелю съ просьбами открыть имъ высшія тайны. Рейхель, самъ не

посвященный въ нихъ достаточно, указалъ, что получить ихъ можно только въ иностранныхъ государствахъ. Въ это время, то есть осенью 1776 года, князь А. Б. Куракинъ, бывшій Масономъ, отправленъ былъ къ Шведскому Двору съ извѣщеніемъ о второмъ бракѣ Наслѣдника Русскаго Престола. Рейхель, не знавшій, что въ Швеціи въ недавнее время господство Циннендорфской системы уступило мѣсто чистѣйшему «Строгому Наблюденію,» которое такъ не любили ни самъ онъ, ни Елагинъ и ихъ товарищи, подалъ мысль войти въ сношеніе съ процвѣтавшимъ тогда Шведскимъ Масонствомъ. Случай представлялся удобный, и Петербургскіе братья дали Куракину рекомендательное письмо къ Главной Стокгольмской ложѣ съ просьбою посвятить его въ высшіе градусы и снабдили его необходимыми полномочіями. Просьба эта была съ радостію исполнена въ Стокгольмѣ, при чемъ условлено, чтобы Куракину быть Гросмейстеромъ Русской Провинціальной ложи, съ правомъ передать должность эту князю П. Г. Гагарину, и чтобы ложа эта, со всѣми ей подвѣдомственными, подчинилась Главному Шведскому Капитулу, гдѣ начальникомъ былъ Герцогъ Зюдерманландскій, братъ Короля Шведскаго. И такъ Куракинъ возвратился въ Россію въ началѣ 1777 года, подчинивши Петербургское масонство, на основаніи полномочій своихъ, Шведскому, и первое, неожиданно и даже противъ воли своей, присоединилось къ «Строгому Наблюденію.»

Приведенныя выше письма, адресованныя, вѣроятно, въ Гатчину, гдѣ жилъ Куракинъ при дворѣ Наслѣдника, относятся именно къ этой первой эпохѣ подчиненія Русскаго Масонства Шведскому и приготовленій къ образованію въ первомъ Орденскаго Капитула по образцу Шведскихъ. Видно, что для этого ожидались какія-то бумаги, которыя везъ въ Россію кто-нибудь изъ свиты ѣхавшаго къ намъ Короля Шведскаго, а потомъ какія-то разрѣшенія или новыя приказанія брата его, Герцога. Видно также, что учрежденіе Орденскаго Капитула, существовавшаго вездѣ отдѣльно отъ организаціи собственно ложъ «Строгаго Наблюденія,» было извѣстно немногимъ избраннымъ, которые нетерпѣливо его ожидали. Кажется также, что въ числѣ прочихъ братьевъ были такіе, которые неохотно шли въ подчиненіе къ Герцогу и что Розенбергъ, не приступившій въ началѣ 1776 года къ союзу Англійскихъ ложъ Елагина и Циннендорфскихъ — Рейхеля, держалъ себя въ сторонѣ, сдѣлавшись въ то время почему либо сторонникомъ Шведской системы и, при неожидан-

номъ торжествѣ ея въ Россіи, черезъ полтора года, опять сталъ играть роль въ Русскомъ масонствѣ. Не нужно распространяться о томъ, какое важное значеніе имѣли въ послѣднемъ, вмѣстѣ съ Елагинымъ, упоминаемые въ письмахъ П. И. Мелисино и князь Г. П. Гагаринъ, которому вскорѣ передалъ Куракинъ свое Гросмейстерство, чѣмъ и кончилось дѣятельное участіе его въ масонствѣ. Что касается до князя Бѣлосельскаго, то это вѣроятно — князь Александръ Михайловичъ (род. 1752, ум. 1809), отецъ знаменитой Княгини З. А. Волконской и авторъ оперы «Олинька» (у Сопик., № 7465); онъ никогда впрочемъ не былъ значительнымъ лицомъ въ орденѣ. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о томъ Кауницѣ, который писалъ вышеприведенныя письма.

Михаилъ Лонгиновъ.

Орелъ.
2 Іюня 1868 г.

IV. Изъ донесенія князя Прозоровскаго о Масонахъ императрицѣ Екатеринѣ.

На основаніи того, что̀ я слышалъ отъ князя Гаврилы Петровича Гагарина, въ Петербургѣ существовала ложа, гдѣ Grand maître былъ Ив. Перфил. Елагинъ. Онъ началъ списываться съ Московскими и Шведскими ложами, и къ нимъ посланъ былъ отъ него Лукинъ въ видѣ депутата. Мѣсто Елагина занялъ князь Гагаринъ, и тогда получено согласіе тѣхъ ложъ; чтобъ и въ Россіи учредить провинцію, какъ и учреждена; но сіе было гіероглифическое масонство. Къ нимъ присланы были, на заведеніе онаго, изъ Швеціи 500 червонныхъ, о чемъ и до свѣдѣнія Вашего Величества дошло и Вы принять сіе изволили съ гнѣвомъ, но наконецъ сіе осталось въ забвеніи. Въ Москвѣ возстановлено было масонство профессоромъ Шварцомъ. Графиня Чернышева, видя ихъ благочестіе, сильно имъ покровительствовала.

(*Эти свѣдѣнія, равно и письма Кауница, сообщены С. М. Соловьевымъ*).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первой и второй книгахъ «Осмнадцатаго Вѣка».

Абрамовка, село Можайск. уѣз., I, 61.

Августинъ, епископъ Дмитровскій, викарій Московской митрополіи, I, 507. II, 439.

Августъ II, кор. Польскій, I, 273, 287, 307; II, 20. 23—25, 56, 107, 109, 149, 178, 179, 181, 202, 304.

Августъ III, кор. Польскій, I, 14; 27; 247—251, 287; его сынъ и внукъ 250; 288; 289, 290, 292, 301, 468, 477, 478; II, 214, 304, 336.

Августъ, братъ матери имп. Екатерины, I, 27, 28; его письмо къ сестрѣ 28. 29; отзывъ о немъ Елисаветы Петровны 30.

Августъ, пр. Голштинскій, II, 314.

Аврамій Палицынъ, келарь, уп.. I. 504.

Аврамія, игум. Великобудянскаго монаст. II, 356, 357.

Аггѣя, паша, II, 222, 223.

Агѣева, Дарья, крестьянка, II, 504.

Ададуровъ, Василій Евдокимовичъ, I, его челобитн. Елис. Петровнѣ 61; свѣдѣнія о немъ, II, 272, 273; его пис. къ гр. К. Г. Разумовск. 284, 285, 289, 296—298, 399, 418, 421; арестованъ 426.

Адамовка, деревня Гетмана Разумовскаго, II, 264, 271, 273, 308—311, 320, 351, 374, 423, 447, 457.

Адеркасъ, адъют. Г. Бирона, II, 224, 231.

Адольфъ-Фридрихъ, пр. Голштинскій, I, 13; потомъ наслѣдникъ Шведскій 14, 15, 17, 28, 30; переходитъ на сторону враговъ Россіи 30.

Азовъ, гор. I, 266, 321, 328; II, 219, 439.

Академія наукъ, въ Петербургѣ, I, 35; II, 272, 301, 322—324. Академическ. лабораторія, 326. Указъ объ изданіи общеполезн. книгъ, 327. Пожаръ, 327. Докладъ президента Разумовскаго, 364 365. Ссоры академиковъ, 379—381. *Ежемѣсячныя Сочиненія*, издав. Академіею 381, 382. Учрежд. отдѣленія изящныхъ искусствъ 396. Почетный попечитель II. И. Шуваловъ 403, 410. Торжественное засѣданіе 430, 432, 473, 474. Директоръ Академіи гр. В. Г. Орловъ 474—476.

Академическая гимназія, II, 272, 323, 326, 327, 430, 432.

Академія художествъ, въ Петербургѣ; хлопочетъ объ ея учрежденіи И. И. Шуваловъ II, 397. Положено начало ея 402, 403, 406, 411.

Акутинъ, казачій атаманъ, I, 442.

Алатырь, гор., I, 141.

Албрехтъ, маіоръ Преображенскій, II, 227.

Александра Павловна, вел. кн., ея неудавшійся бракъ съ Шведскимъ королемъ, I, 419.

Александровская слобода, I, 55. II, 267.

Александро-Невская Лавра, I, 460; II, 51, 219, 245, 261.

Александро-Невская Семинарія, I, 490; *школа*, II, 272.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, I, 377.

Александръ Павловичъ, вел. кн. его рожденіе I, 169, 387; свидѣтельство о немъ Эстергази 422, бракосочетаніе 409—411, 414; упом. 398, 488, 505; имп. милостивъ къ Радищеву и его семейству 243; упом. 387; II, 261. Рескриптъ его Гетману Разумовскому 500, 501.

Александръ, принцъ Курляндскій, II, 200.

Александръ Левшинъ, братъ м. Платона, протоіер. Успенск. собора. Екатер. награждаетъ его крестомъ за дѣятельность во время чумы I, 132, 133; его достатки 134; неблагопристойные поступки 171, 172; путешествіе по Россіи 167. (497, 501?)

Алексѣева, Федосея, дворов. женщина, II, 503.

Алексѣевщина, дерев. Разумовскихъ, II, 271, 320, 368, 457.

Алексѣй Петровичъ, царев. II, 89, 96, 98.

Альба, (де), дукъ, нынѣшній представитель дома де-Лиріевъ въ Испаніи, его архивъ II, 5, 53.

Альберони, кардиналъ, первый министръ Испанскаго кор. Филиппа V-го, II, 8, 10, 14.

Альбертъ, маркграфъ Бранденбургъ-Барейтскій II, 110, 111.

Амвросій (Подобѣдовъ), архіеп. Казанск. I, 491.

Амвросій, архіеп. II, 291.

Амида, духовникъ кор. Испанск., II, 5, 15, 18, 22, 41.

Амплахоровъ, кн., президентъ Вотчинной Коллегіи въ Москвѣ, I, 172.

Анастасія, намѣстница Пушкаревскаго монаст., II, 356, 357.

Анастасія Ивановна, принцес. Гессенъ-Гомбургская, сестра И. И. Бецкаго, I. 12, 23, 45, 46.

Ангальтъ, графъ. II, 382.

Ангальтъ-Цербскіе князья суть Славяно отмеченные I, 6.

Андрѣевка, село, II, 296.

Андрѣишевка, село, II. 296.

Анживилье, ун., I, 358.

Аничковъ, Степанъ, курьеръ, II, 354.

Анна Іоанновна, импер. I, 10, 115, 262, 287, 288, 289, 460. II, 198, 261, 392; герцогиня Курляндская 56; 70, 200, приближаетъ къ себѣ Э. Бирона 202; императ. 203, утверждаетъ форму Изм. полка 204; размолвка съ цесарев. Елис. 205, 267; осматр. войска 205, 206, 209, 213, 214, 218; празднества 211, 217, 218, 230, 233; именуетъ себя полковникомъ Измайловскаго полка 217; жалуетъ Г. Бирона мызою 236; болѣзнь 210, 241, и кончина 241, 243; приказываетъ Эйлеру составить гороскопъ 301; упом. 247, 333, 266, 267, 275, 412.

Анна Леопольдовна, I, 262, 398, 460; II, 81, 224, 246, 268—270, 273, 391.

Анна Петровна, герц. Голштинская, I, 7, 11; ея портретъ 11, 12; II, свадьба 52, 55, 243; ея красота 77; кончина 77; тѣло ея перево-

зятъ изъ Киля въ Петербургъ 94, 110; 268.

Антипина, Анна Васильева, раскольница, II, 504, 505.

Антипинъ, Дементій, крестьянинъ (раскольникъ) II, 504, 505.

Антоній, архіеп. Черниговск., II, 256.

Антоній, (митроп. Сибирскій и Тобольск.), II, 257.

Антоній, игуменъ Полтавскій, II, 357.

Антонъ-Ульрихъ, герц. Брауншвейгскій I, 15, 460, 462; II, 246.

Анюія, начальница Быстрицкаго монастыря. II, 357.

Апостолъ, Даніилъ, гетм. II, 266, 292, 295, 318.

Апостолъ, Петръ, полковн. Лубенскій. II, 292, 293, 295.

Апостолъ (рожден. Будлянская), Марина Власьевна, II, 437.

Апостолъ, Даніилъ Петровичъ, II, 437; хорунжій 450, 468.

Апраксина, (рожден. Соймонова), Арафена Леонтьевна, супруга фельдм. Апраксина, II, 399, 419.

Апраксина, графиня (рожденная гр. Разумовская) Елисавета Кириловна, I, 162; II, 387, 491.

Апраксина, графиня (рожд. Закревская) Софья Осиповна, II, 387, 495, 497, 499, 500.

Апраксинъ графъ (Петръ Ѳедоровичъ), I, уѣзжаетъ изъ дворца фрейлину гр. Разумовскую 162; заключенъ въ монастырь 162; переведенъ въ Калязинъ, откуда само вольно отлучился 170, 171; получаетъ разрѣшеніе жить въ своихъ Нижегородскихъ деревняхъ 173, уп. II, 387.

Апраксинъ, (Степанъ Ѳедор.), ген.-м II, 231; его пріязнь съ гр. А. Г. Разумовск. 286; отличался роскошью 303; участвовалъ въ ночныхъ совѣщаніяхъ у Чоглоковыхъ 339; проситъ государыню Елис. о пожалованіи И. И. Шувалова въ камеръ-юнкеры 343, 352; уп. 362; его домъ въ Петербургѣ 388; фельдмаршалъ 388, 393; побѣда при Гроссъ-Егерсдорфѣ 414—420; арестованъ въ г. Нарвѣ 420, 423, 425, 426, 428.

Апраксинъ, гр. (Ѳедоръ Мат.), адмир. II, 45; болѣзнь 112; умираетъ, оставивъ большое богатство, часть коего завѣщалъ Петру II, какъ наслѣднику 113.

Арантъ, Владиміръ, отставн. корнетъ, I, 105.

Аранинъ, конюшій Гетмана Разумовскаго, II, 367, 368.

Арбеневъ Іосифъ Іеплевичъ, командиръ Измайловскаго полка, I, 405, 412, 413, 415.

Арбеневъ, Петръ Іосафовичъ, I, 415.

Арнсбургъ, гор., I, 438, 439, 441, 444, 448—450.

Аржевитиневъ, Сем. Вас., Симб. масонъ (обрядоначальникъ) II, 507.

Арамбергъ (д'), князь I, 410.

Арамбергъ (д'), (урожд. кн. Шаховская), кн. Елисавета Борисовна, I, 410.

Арнбокъ см. **Ораніенбаумъ**.

Аркадія, инокиня; по преданію, дочь императр. Елисаветы Петровны; жила подъ именемъ Варвары Мироновны Назаровой, II, 440.

Аркодисконга (де), дукъ, II, 164.

Арсеній Мацѣевичъ, автобіограф. показаніе, II, 255—259.

Арсеній Могилевскій, архиман. Троицко-Сергіевскій, I, 54—57.

Арсеній, митрополитъ Кіевскій, II, 358.

Архангельскъ, гор. I, 15; II, 13, 34, 93; торговля 40, 88, 93, 99.

Архаровъ, Иванъ Петров., подполковникъ, принимаетъ участіе въ усмиреніи Пугачевскаго бунта, I, 140, 144.

Архаровъ, Никол. Петровичъ, I, назнач. Московскимъ оберъ-полиц. 92; жалуется 5,000 руб. на уплату долговъ 117, 118; объявляетъ генер. Кару запрещеніе ѣхать въ Петербургъ 128; неослабно наблюдаетъ за тишиною въ Москвѣ 137; благодарность отъ Екатерины 142; получаетъ 5,000 р. „на извѣстное ему употребленіе" 160; еще 15.000 для той-же надобности, 169; ему поручаютъ: разобрать тяжебное дѣло—между Демидовымъ и Сахаровымъ 170;—произвести слѣдствіе „о жестокостяхъ и мучительствахъ Ѳед. Дм. Мамонова надъ людьми" 171; доноситъ о нерадѣніи къ дѣтямъ и объ отягощеніи крестьянъ поборами графини Ефимовской 177; ему поручаютъ изловить бѣжавшаго изъ Межигорскаго-Кіевскаго монастыря Калычова 166; упом. 167, 174—176, 388.

Ассебургъ, бар., послан. Вольфенбюттельскій при Петрѣ II-мъ, II, 73, 75, 76, 79, 81, 82, 97, 139, 140, 144, 148.

Астафьева, (урожд. Комаровская) Дарья Ѳедот. I, 386, 387.

Астафьевъ, Алексѣй Никол. I, 386, 387, 412, 418.

Астраханъ гор. II, моров. язва 81, 113, 125; основ. семинаріи 291.

Ахенъ, гор. II, 473.

Аѳанасій, царев. Грузинск. I, 168.

Аѳанасьевъ, Андрей, Яицкій казакъ, I, 245.

«Ба Ба» и **«Га Га»**, Нарышкинскія дачи, II, 429.

Бабицынъ, Андрей, канцеляристъ, I, 498.

Бакланъ мѣст., принадлежащее Гетману Разумовскому, II, 273, 495.

Бакланская волость, II, 429.

Бакланскій дворецъ, II, 354, 495.

Бала, провожалъ Дидро изъ Петербурга, I, 365.

Балкъ (рожд. Шеремет.) Мареа Вас., I, 59.

Балкъ, Петръ Ѳедоров., дѣйств. камергеръ, I, 59.

Балта, гор. I, 259.

Барридо (Barrideau), кухмистеръ, II, 383.

Баратова, княгиня, ее почитали за дочь Елисав. Петровны, княжну Таракапову, II, 440.

Барзукъ-Монза, (писатель), Ѳома, I, 502.

Барренечеа, II, 102.

Барсовъ (Антонъ Алексѣевичъ) студентъ, II, 327; I, профессоръ красноречія въ Московскомъ унив. 490; II, 437.

Барсуковъ, Екимъ Яковлевичъ, студентъ, состоявшій при графѣ А. Г. Разумовскомъ, II, упоминается въ письмахъ къ графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому: Ададурова 289 и Шведскаго посланника барона Поссе 399, 400; совѣт. 400.

Баро, Французъ I, 99.

Барская конфедерація I, 255, 258, 299.

Баскаковъ, ген.-лейт. I, 450.

Бассевичъ, гр. II, 164.

Бастилья, крѣпость I, 339. II, 482.

Батуринская волость, II, 429.

Батуринскій университетъ, проэктируемый Гетманомъ Разумовскимъ, II, 432—435, 437.

Батуринскій монастырь, II, 354, который предполагали упразднить, а зданіе употребить подъ Батуринскій университетъ 433. Батуринская церковь, гдѣ похороненъ Гетманъ Разумовскій 501.

Батуринскій уѣздъ, II, 429, 465.

Батуринскій дворецъ, II, 370; 471, 496.

Батуринъ, резиденція Малорос. Гетмановъ, II, 296, 354, 355, 370, 372, 373, 396, 402, 429, 432, 437, 468, 471, 495—497, 499, 500, 502.

Батуринъ, полковн. I, 160.

Батюшковъ, Конст. Ник., I, 370.

Бахчисарай, II, 219.

Бауръ, ген. пор., производитъ въ Москвѣ водяныя работы I, 175—177.

Бахметевъ, об.—полицейм. Московскій, смѣняется Архаровымъ, I, 92.

Бахметевъ, надв. совѣтн., у рекетмейстерскихъ дѣлъ, I, 168.

Бахмутъ, гор., I, 314.

Бахтинъ, сержантъ, I, 434.

Беверскій принцъ, I, 25.

Безбородко, графъ Ал—дръ Андр., I, его бумаги 10, его служба при Румянцовѣ Задунайскомъ, 387, 418. Опредѣляетъ племянника своего В. П. Кочубея въ пансіонъ 387. Къ нему опред. на службу Евгр. Ѳедот. Комаровскій 387, 396, 402; жалуется оберъ-гофмейстеромъ 411—413; пріятность его разговора 418, его способности 418; упом. 424, 462—464, 488, 489. II, 348.

Безбородко, Андрей, Малорос. ген. писарь, I, 63, II, 348, 365, 366, 372, 374, 380, 423, уволенъ въ отставку съ пожалованьемъ въ генеральные судьи 450.

Безобразовъ, Василій, I. 176.

Безобразовъ, Михаилъ, поручикъ, I, 132.

Бекетовъ, (Никита Аѳанасьевичъ), II, черезъ канцл. Бестужева приближенъ къ И. Елис. 352—354. Любилъ литературу и занимался стихотворствомъ. II. И. Шуваловъ портитъ лице его, чтобы удалить отъ Государыни 359, паденіе 375. Астраханскій губернаторъ; секретная инструкція ему Екатерины II-й, 470.

Беклешевъ, (Ал-др. Андр.), ген. прокуроръ, I, 448, 449.

Белингтонъ, пѣвица, I, 400.

Белль, другъ Дидро, I, 377.

Бельцскій палатинатъ, I, 280.

Бендеры, гор. I, 73.

Бенинъ, морской капит., II, 92.

Бентиволіо, кардиналъ, II, 15, 67, 138, 139, 144.

Бервикъ, маршалъ, II, его Записки, 10.

Бергавы, Авраамъ и Германъ, II, 376.

Бередниковъ, Комендантъ Шлиссельб. крѣп. I, 463.

Березовъ, остр.; II, 78, 193, 210, 212, 279.

Берлинъ, гор., взятіе его II, 407, 475. **Рыцарская академія** въ Берлинѣ, I, 5.

Бернулли, Н. и Д., II, соотечественники и друзья Эйлера, 329.

Бертье, гонитель Дидро, I, 337.

Берхгольцъ, оберъ-камергеръ, авторъ Записокъ, I, 48, II, 298.

Бестужева-Рюмина, (рожд. Разумовская) Авдотья Даниловна, 1-я супруга графа Андрея Алексѣев. Бестужева-Рюмина, II, 336, 337.

Бестужева-Рюмина, (рожденная кн. Долгорукова), графиня Анна Петровна, супруг. графа Андрея Алексѣевича, I, 85.

Бестужева-Рюмина, (рожд. Талызина), Евдокія Ивановна, мать канцлера, I, 70.

Бестужевъ-Рюминъ, графъ Ал-й Петр., I, его нравственныя качества 14, 15; Елисав. Петр. ему сообщаетъ свой взглядъ на выборъ невѣсты для наслѣдника 16; его сношенія съ отцемъ Екатерины 29, 34; черезъ его руки проходятъ письма Екатер. къ матери 35, его низверженіе 37, 79. Камеръ-юнкеръ Хитровъ ему приписываетъ намѣреніе склонить Екатерину ко вступленію въ бракъ съ гр. Орловымъ 77, 78; гр. Г. Г. Орловъ находитъ въ немъ подпору 89, 250; его ссора съ сыномъ 85. 86; противодѣйствуетъ сближенію съ Пруссіей 250, 287, 304; его мнѣніе въ пользу избранія на Польскій престолъ Саксонскаго Курфирста (по смерти Августа III) 290, 291; его домъ въ Москвѣ 110—114; II, уп. 273—275, 277, паденіе 245, его показанія въ слѣдственной коммиссіи 1740 г., 249; приказываетъ написать заграничный паспортъ К. Г. Разум. 282, въ пріязни съ гр. А. Г. Разумовск. 286, 290; придворныя интриги 286, 336, 338, 339; государ. канцлеръ 289, его вліяніе 290, 336; (упом. 297) роскошь 303, винный погребъ 303. письмо къ гр. К. Г. Разумовск. 327, 328; сторонникъ союза съ Англіею и противникъ Пруссіи 337, приставляетъ Чоглокову къ в. кн. Екатер. 340, возвышеніе Шуваловыхъ 343, противопоставляетъ имъ Бекетова 352, 353, уп. 360, 361, 363. Письма къ Гетману Разумовскому 371, 374 — 377, отношенія къ Екатер. 377 — 379. Остается вѣренъ преданіямъ Петра I въ дѣлахъ внѣшней политики; вражда къ Фридриху II, 389, Значеніе его 390. Подкупность его 391; 392, 393. 396. 407, 412, 419, 420. 425. 427. 428; арестованъ 426. 447. Возвращенъ Екатериной II-ю изъ ссылки 457. Присутствуетъ при коронаціи Екатерины II, 457. Пожалованъ въ фельдмаршалы съ увольненіемъ отъ всѣхъ дѣлъ; задумываетъ женить графа Григорія Орлова на императрицѣ Екатеринѣ II-й, собираетъ подписи къ прошенію 459. 460.

Бестужевъ-Рюминъ, графъ Андрей Алексѣевичъ. I. 85. 86; II, обрученъ съ фрейлиною Разумовскою 336. 337, свадьба 337. домашнія ссоры 337. отправленъ въ Вѣну съ поздравленіемъ по случаю рожденія эрцъ-герцога Леопольда 337.

Бестужевъ-Рюминъ. графъ Мих. Петр., отправляется въ Берлинъ полномочнымъ посланникомъ I. 15. 32; 1742 г. имп. Елисавета жалуетъ ему «синюю ленту» 48. (упом. 297). въ Берлинѣ 301. Посолъ въ Вѣнѣ, потомъ въ Парижѣ II, 405, 406.

Бестужевъ. Петръ. возведенъ въ графское достоинство I. 48.

Бестужевы, II, 337. 339. 343. 396.

Бехтѣевъ, тайн. агентъ Русск. правительства въ Парижѣ, II. 383. 392.

Бецкій, Ив. Ив.. I, его пріязнь съ матерью Екатерины. 10; 12. 21. 23; 44; принимаетъ участіе въ перего-

ворахъ съ Рюльеромъ о перекупкѣ его сочиненія 350, его трудъ Екатерина поручаетъ издать Дидро 368. 369, упом. 60. 170, 242, 345, 346.

Бибикова, (рожд. кн. Козловская). Анастасія Семеновна, I. 134.

Бибиковъ. Ал-дръ Ильичъ. I. усмираетъ Пугачевскій бунтъ 126. 129. 131, 361; болѣзнь 133; смерть 134; упом. 127, 131, 144, 310.

Бибиковъ. ген., отправленъ за тѣломъ герцог. Голштинской, II. 94. (Ив. Ив. смѣняетъ Бутурлина въ Малороссіи 295; 298).

Билембергъ. кавалеръ Австр. посла при Петрѣ II-мъ. II. 188.

Билонъ. лекторъ французск. языка въ Москов. унив., II, 437.

Бироновщина. II. 292. 378.

Биронъ дѣдъ, старш. конюхъ герцога курляндск., II. 200.

Биронъ. отецъ, II. 200. 201.

Биронъ, Густавъ. его біографическій очеркъ II. 199—254.

Биронъ. Эрнстъ-Іоганнъ. временщикъ. I. 24 — 26; 462; указы Екатер. касательно возвращенія ему Курлянд. престола 466—480; его гробница 479; II. 199—205, 208. 209. 211. 212. 213, 219. 223. 226, 233. 236. 240. 250, 252, 253.

Биронъ, Карлъ, генералъ-аншефъ. II, 199—203, 246, 248—250.

Биронъ, герц. Петръ. I. 460—465 479 480; принцъ Курляндскій II. 481 — 483. 485. 486.

Биронъ. (рожд. Меньшикова) Александра Александровна. II. 209—212. 218, 219.

Бироны, II. 199, 203, 214, 240, 245. 246. 249. 261.

Бискайцы II. 40.

Бисмаркъ. (Рудольфъ-Августъ), ген.-маіоръ Рус. службы, I. 468, 469; II. 214, 248, 249.

Бисмаркъ, (рожд. Трейденъ), II. 214.

Бірнстэль, шведъ, I, 367.

Благодаровъ, Яковъ, студентъ, I, 493, 497, 502.

Блументростъ,(Лаврентій.лейбъ-медикъ), президентъ Академіи, II, 322. 323.

Бобринскій. гр. (Алексѣй Григор.). I. его жизнь въ Парижѣ 393, Лондонѣ 398. 401, 402; по возвращеніи въ Россію отправленъ въ Ревель 402; II (не его ли домъ въ Петербургѣ?) 382.

Богомоловъ, Иванъ, I, 502.

Богородскій, Василій, студентъ Духов. Академіи, I, 500.

Боергаве, докторъ, I, 45.

Божичь, Черниговскій полковникъ. бригадиръ, II. 450.

Божко, пѣвчій при дворѣ цесаревны Елисав. Петр., II, 266, 294.

Бойе, лекторъ французскаго языка въ Москов. унив., II, 437.

Бокумъ, путеводитель молодыхъ людей, отправленныхъ Екатериною въ Лейпцигскій университетъ, I, 190—193, 195—202, 204, 205, 241. 242; его жена 192.

Бокъ, прапорщ. Измайловскій II, 217, 227.

Болычево, село. См. Троицкое.

Бомарше, I, 392.

Бонде, графъ, посланникъ Голштинскій при Петрѣ II-мъ, II, 177, 197.

Борисова, Марья, I, 64.

Борнеовъ, мыза, I, 61.

Боровскъ, гор., I, 92.

Бороздина, I, обѣщала доставить Дидро Русскія народныя пѣсни, 360.

Бороздинъ, К. М., I. 47.

Бороздна, казакъ, II, 369, генеральный бунчужный 450.

Борхъ, графъ, Шведскій послан. при Елисаветѣ, I, 54.

Борятинская, княгиня Аграф. Мих., I. Екатер. разрѣшаетъ ей ѣздить цугомъ, I, 177.

Борятинскіе, князья, I, 77.

Борятинскій, кн. Иванъ Ѳедоровичъ, I. 71, посломъ во Франціи, 152; 153.

Борятинскій, кн. (Ѳедоръ Серг.), оберъ-гофмаршалъ, I, 413.

Борятинскій, кн., поручикъ Измайловскій, II, 217, 227.

Боскампъ, прусскій резидентъ, I, 73, 75.

Боскетъ, (де), ген.-аншефъ, II, 415, 417.

Бетта, маркизъ, Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, I, 20.

Боуверъ, маіоръ Московск. гарнизона, I, 89.

Брагацкій дукъ, II, 23.

Бранкасъ, (de Brankas), маркизъ, II, 109.

Брасланъ, куп. Зарайскій, I, 126.

Братовщино, село, I, 54, 57, 162.

Брауншвейгская герцогиня, у ней воспитывалась мать Екатерины II-й, I, 10.

Брауншвейгскій герцогъ, I, 408.

Браунъ, Академикъ, II, 324; другъ Ломоносова 326.

Бреверпъ, президентъ Академіи, II, 322, 323.

Бремзенъ, Голштинецъ, II, 378.

Бреславль, гор.; публичный праздникъ въ честь Русскихъ побѣдъ, I, 271, 390.

Бретель, бар., Французскій посланникъ въ Петербургѣ, I, 347. (404?); II, 459.

Бретонъ, (де), парижск. книгопродавецъ, I, 334, 339.

Бриллін (де). ген.-лейт., I, 61.

Бриль, капит., II, 283, 285.

Бримеръ (Примеръ), (воспитатель им. Петра III); и-ца Елисав. жалуетъ ему „синюю ленту", I, 48; сопровождаетъ Елисав. въ ея путешествіи въ Малороссію II, 298.

Бровары, м., II, 228.

Бровицы, I, 53; II, 207.

Броунъ, графъ Юрій Юрьевичъ, ген.-губерн. Лифляндскій, I. 176, 434—448. указы къ нему Екатерины 450—453; о капитанѣ Серг. Пушкинѣ 98, 453—457; о Невзоровѣ и Колокольниковѣ 458—460; о Кременчугскомъ купцѣ Тимоѳеѣ Курдиловѣ 460—465; о баронѣ фонъ Герштерфѣ 465, 466; касательно возвращенія Курляндскаго престола герцогу Эрнсту-Іоганну Бирону 466—479; о ратсгерѣ Гастѣ и купцѣ Цукербекерѣ 480—483.

Брюль, гр., Саксонскій министръ, I, 250, 478; II, 447, 448.

Брюссель, гор., II, 217.

Брюсъ, графиня, (рожд. Румянцова Праск. Александр.), ей посвящаетъ Екатер. свои Записки I, 8.

Брюсъ, графъ Александръ Романов., I, 165. 422.

Брюсъ. графъ (Яковъ Александровичъ), I, 490, 491.

Брянцовъ, Андрей, лекторъ латинск. яз. Московс. Унив., I, 495.

Бугульма, гор. I, 133.

Бугъ, р., I. 281 II, 221, 222. 225, 228. 230.

Будбергъ, баронъ, полковникъ. Увѣдомилъ Петра III-го, что противъ него составился заговоръ, II, 453.

Буджацкая степь, I, 73.

Будійскій хуторъ, II, 354.

Будлянская, (рожден. Розумъ) Агаѳ. Григ., II, 268.

Будлянская, (рожден. Волькевичъ), II, 431.

Будлянская, Марина, см. **Апостолъ**.

Будлянскіе, II, 264. 268. 320.

Будлянскій, Власъ, ткачъ, II, 268, 278. 299.

Будлянскій, Мих. Власьевичъ, камергеръ, II, 386, 431, 437. Посланъ въ Малороссію съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Екатерины II-й, 456, 463.

Буксгевденъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Лифлянд. ген.-губ., I, 449, 450.

Буковъ, генералъ, Австрійскій посланникъ, II, 404—407.

Бурбоны, I, 279, 332; 404; II. 11.

Бурбье, гувернеръ сыновей Гетмана Разумовскаго, II, 463.

Буркерероде, бар., I, 44.

Бурновъ, казакъ Яицкій, I, 433. 436.

Бурнонвиль, (де), дукъ, II, 12, 13, 15—18, 20, 37, 44, 47, 61, 75, 102, 110, 112.

Бутурлина, (рожден. кн. Куракина) Екат. Борис., супруга фельдм. Ал. Борис., II, 399.

Бутурлина, графиня (рожд. графиня Воронцова) Марья Романовна, II, 425.

Бутурлина, (рожд. Сумарокова), I, 87. 88.

Бутурлинъ, графъ Александръ Борис. (I, 48?) II, 36, 45, 97, 98, 161; 167; управл. Малорос. 292, 295; Противникъ фельдмарш. Апраксина 423; фельдмаршалъ 388.

Бутурлинъ, Аркадій Иван., камергеръ, вселяетъ раздоръ между Сумароковымъ и его матерью, I, 88.

Бутурлинъ, графъ Петръ-Іона Александровичъ, II, 425, 426.

Бутурлины, ихъ надгробія въ Московск. Георгіевскомъ монастырѣ, II, 261.

Бухарія, торговля съ Россіей, II, 169.

Бухваловъ, Ѳедоръ, колодникъ, I, 98, 103.

Быковская волость, Нѣжинское имѣніе Густава Бирона, II, 245, (354?).

Быковская волость, II, 471.

Бѣлгородъ, II, 238.

Бѣлобородовъ, казненъ въ Москвѣ, I, 149.

Бѣлогородская школа, II, 434.

Бѣлоградскій, офицеръ Измайловскаго полка, II, 399. 400.

Бѣлоруссы, народъ, I, 304. II. 276.

Бѣлосельская-Бѣлозерская (рожд. Козицкая) кн. (Анна Григ.), I, ея богатства 417.

Бѣлосельская-Бѣлозерская (рожд. Наумова). княг. Анна Мих., I, ея несогласія съ мужемъ 118 и связи съ Салтыковыми 118.

Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, кн. Ал-дръ Мих., I, его женидьба и жизнь въ Москвѣ 417, 418, посланникъ въ Дрезденѣ 202—204; 241, 242, II, 509, 510, 513.

Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, кн. Андрей Михайловичъ, его жалоба Императрицѣ Екатеринѣ II-й на свою жену I, 118, 119.

Бѣляевъ, Аѳанасій, I, 502.

Бѣлянкинъ, Софронъ, купецъ, I, 463, 464.

Бѣлочище, р., II, 226.

*

Вагнеръ, Василій, „новокрещенный иноземецъ“, I, просилъ и-цу Елисавету, „чтобъ позволено было ему и дѣтямъ его къ пропитанію

нхъ покупать недвижимыя имѣнія", 65.
Вадбольскій, князь, I, 497.
Вадковская, Екатер. Ив., I, 411, 416.
Валдай, гор, II,207.
Валка, гор., I, 438, 439.
Валуа, каменьщикъ, II, 452.
Вальполь, Робертъ, II, 22.
Ванверменъ, морск. капит., II, 92.
Вандель, дочь Дидерота, I, 340, 345. 349. 352. 254. 355. 369.
Ванъ-Свитенъ, бар. Австр. посланникъ въ Берлинѣ, I, 268, 270, 276, 279, 318. 322, 325, 327.
Варлаамъ Вантовичъ, еписк. кіевскій, II, 275. (256?).
Варлаамъ Скаменецкій, іеромонахъ. II, 255.
Варшава, I, 32, 84, 253, 256, 280, 306. 320; II, 406.
Василій, митроп. Черниговскій, II, 373
Василій, протоіер. Гадицкій, II, 356. 357.
Васильевское, подмосковн. фельдмаршала кн. Долгорукаго, I, 59; II, 293.
Васильевъ, Екимъ, Яицкій казакъ I. 245.
Васильевъ, Прокофій, I, 500.
Васильевъ, ученикъ извѣстнаго граверa Шмидта, II, 404.
Васильевъ, баронъ Алексѣй Ивановичъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ, государственный казначей, II, 501.
Васильково, почт. станція, I, 389.
Ватиканъ, I, 421.
Ведель, бар. Иванъ I, 61.
Веймарнъ, Ив. Ив. I, 308, ген.-поручикъ II, 416, 417.
Великороссіяне, II, имъ запрещено принимать Малороссіянъ въ кабалу, 295; гетманъ Разумовскій универсаломъ запретилъ имъ имѣть винокурни и шинки въ Малороссіи 436, 495.
Вели-паша, II, 228, 229.
Величьскія соляныя копи I, 280.
Велье (де-ла), Донъ - Франциско, II, 105, 106.
Вельяминовъ, адъютантъ Измайловскій, II, 246.
Венденъ, гор., I, 438, 439.
Верба. р., II, 273.
Веревкинъ, упоминается въ письмахъ Гетмана Разумовскаго къ И. И. Шувалову II, 481.
Вержень, его наслѣдникамъ императрица посылаетъ въ подарокъ коллекцію Россійск. медалей I, 389.
Версаль, I, 257, 258, 265. II, 305.
Вертильякъ, маркизъ, I, 398.
Веселовскій, маіоръ, I, 24.
Веселовскій кураторъ Московскаго университета. II, 437. 438.
Вестфаленъ Датскій посланникъ при Петрѣ II-мъ, II, 82, 102.
Вехельнъ, забавный Брауншв.— Волфенбютельскій замокъ. I, 8.
Викюменилль (Vicuméniile) М-ше, I, 392.
Виллардо (Villardeau), Французскій консулъ въ П-бургѣ. II, 89.
Вилляръ, герцогъ, I, 336.
Вильбоа, Александръ Никитичъ, ген.-фельдцейхмейстеръ, II, 415, 417.
Вильде, Голландскій резидентъ, умеръ въ Москвѣ II, 149.
Вилье, лейбъ-медикъ. II. Александръ I посылаетъ его оказать помощь умирающему Радищеву I, 243.
Вильнёвъ. (де), его пансіонъ въ П-бургѣ I, 387.

Винницкій уѣздъ, II, 465.
Виноградовъ, граверъ, II, 377.
Висла, р.. I, 81, 270, 276.
Витгенштейнъ, гр., I, 407.
Витковичъ. его маетности въ Малороссіи II, 357.
Вишневскій, ген. м. I, 61; (ѣздилъ въ Венгр. за винами для имп. Анны) II, 266; плѣняется голосомъ и наружностью пѣвчаго Чемерской церкви Алексѣя Розума и привозитъ его въ П-бургъ 266; упом. 279; 293.
Вишняки, село, II, 312.
Вишняковъ, Алексѣй, резидентъ въ Константинополѣ II, 172. 178.
Владиміръ-Волынск. гор., II, 235.
Спаская церковь, II, 255.
Владимірская (Духовная) Академія, II, 255.
Власовъ, Иванъ, казакъ Яицкій, I, 245.
Воланъ, Софія, другъ Дидро, I, 336, 340, 352, 357.
Воейковъ, бригадиръ, II, 427.
Воейковъ, Кіевскій генералъ-губернаторъ при Екатеринѣ II-й, II, 467.
Воецкіе, Андрей и Иванъ Григорьевичи, Симбирскіе масоны, II, 507.
Воздвиженское, село, I, 54.
Войносово, деревня, II. 336.
Войтяховскій, Ефимъ, штыкъюнкеръ, I, 496.
Волга. р., I, 144, II, 70, 402.
Волкевичъ, генеральн. есаулъ, II, 358, 365, 372, 423, умеръ 431.
Волконская (рожд. Бѣлосельская-Бѣлозерская) кн. Зин. Алдр., II, 513.
Волконскій, кн. Мих. Никит., I, допрашивалъ Хитрово 78; участіе его въ Семилѣтней войнѣ 79; вліяніе на него Фридриха Великаго 79; его родство съ А. П. Бестужевымъ-Р. 70, 79. Содѣйствуетъ Екатер. вступить на престолъ 79, 82; II, 453; и по ея воцареніи дѣлается ея совѣтникомъ I, 79; его посольство въ Польшѣ 79, 89, 184, 308; обращикъ его дипломатическихъ мнѣній 80—82; письма къ нему Екатерины 82—183; депутатъ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія 88; товарищъ по сухопутному корпусу Сумарокова, котораго семейныя дѣла Императрица поручаетъ уладить ему 88; *его управленіе Москвою* 89—181; дружба съ Орловыми 89; 121; его донесенія о гр. П. И. Панинѣ 121 — 123, 129; 130; предлагаетъ Императрицѣ удалять отъ двора и отъ обоихъ резиденцій „всѣхъ суспектныхъ людей 122; *его донесенія:* о воровствахъ и разбоихъ въ Москвѣ 123; о пожарѣ въ Архивѣ Юстицъ-Коллегіи 125; объ откомандированіи отряда войскъ въ Казанскую губернію 125, совѣтуетъ дѣйствовать энергичнѣе противъ оренбургскихъ бунтовщиковъ 125; о пріѣздѣ ген. Кира въ Москву 127, 128; о толкахъ объ Оренбургскихъ дѣлахъ 127, 128; боленъ подагрою 128; приказываетъ Архарову употребить надежныхъ людей для подслушиванія разговоровъ въ публикѣ и примѣчать всякіе разговоры между дворянами 128; 129; приказываетъ примѣчать, какое впечатлѣніе произведетъ на народъ чтеніе манифеста о Пугачовѣ 129; увѣдомляетъ Императрицу, что въ Москвѣ „тихо и смирно“ и „вракъ стало меньше“ 129, 130; доноситъ о „достаткѣ“ Успенскаго протоіерея Александра

Левшина 133, 134; опечаленъ смертью А. И. Бибикова и отзывъ его о немъ 134; его мѣропріятія на случай приближенія къ Москвѣ Пугачова 136, 137; примиряется съ гр. П. И. Панинымъ 140, его донесенія о Пугачовѣ 139—141, 143, 144, 149, 151—154, 156; его донесенія о привозѣ въ Москву Пугачева и о показаніяхъ его 155—158, 160; о подрядахъ припасовъ ко Двору 158, 159; о покупкѣ хлѣба у кн. Мещерскаго 161, увольняется въ отпускъ въ деревню на 5 дней 165; его проектъ о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ и о раздѣленіи имперіи на губерніи 182; получаетъ увольненіе отъ службы 180; съ возвышеніемъ Потемкина падаетъ его личное вліяніе при дворѣ 181; совѣтуетъ Императрицѣ приступить къ раздѣлу Польши 184; увѣдомляетъ объ учиненіи смертной казни надъ Бѣлобородовымъ 149, опровергаетъ слухъ, что будто бы въ Москву стеклись разоренные отъ мятежа за подаяніемъ 151; доноситъ о болтаньи барынь 151; умир. 184.

Волконскій, кн. Павелъ Мих., I оставляетъ память благодѣтельнаго помѣщика 181; участвуетъ къ игрѣ комедіи въ домѣ графини Головкиной 416; б. друженъ съ Евгр. Ѳедот. Комаровскимъ 416; его служба при дворѣ 417; оставляетъ службу и переѣзжаетъ въ Москву 417.

Волковъ, (Дмитр. Васильевичъ) сенаторъ, I, отзывъ о немъ Екатер. 93, 104; участвуетъ въ слѣдствіи надъ Мих. и Серг. Пушкиными 96, 98, 99, 101, 102. Императрица поручаетъ ему разсмотрѣть проэктъ о Московскихъ приходахъ и церквахъ 100; проситъ его переговорить съ Сумароковымъ о планѣ Московскаго театра 103; возлагаетъ надежду на его „недремянное бдѣніе“ по принятію мѣръ осторожности противъ возобновленія моров. язвы 104; посылаетъ ему свой поклонъ 106, 112.

Вологодское намѣстничество, I, 428.

Волоцкой, капит., I, 131.

Волховская пристань, II, 207.

Волынская, (рожд. Нарышкина) Александра Львовна, II, 333.

Волынскій, (Артемій Петровичъ), II, 233—236, 272; уп. 386.

Вольтеръ, I его письмо въ Фридриху Великому на счетъ раздѣла Польши 324; уп. 333, 335 черезъ него Императрица предлагаетъ Дидро перенести печатаніе Энциклопедіи въ Россію 336 — 339; безпокоится, чтобы Іоаннъ Антоновичъ не свергъ съ престола Екатерину, 338, приходитъ въ восторгъ отъ покупки библіотеки Дидро 341, 342, его переписка съ кн. Дм. Алексѣевымъ Голицынымъ 351, съ Екатериною 360, 361, 364, 365, упом. 333, 335, 342, 343, 407; II. въ перепискѣ съ И. И. Шуваловымъ; писалъ по заказу Русск. правительства исторію Петра I, 392; уп. 401.

Вольфъ, баронъ, министръ-резидентъ по Голштинскимъ дѣламъ II, 404, 406, 416, 417.

Вороблевскій, Василій, I, 493.

Воронежская губернія, I. верфи, 164.

Воронежъ. I. 144.

Воронцева, графиня Елисавета Романовна, I, 67: слухъ о намѣреніи Петра III жениться на ней, 68, II, 453, 455.

Воронцова (урожд. Скавронская), графиня Анна Карловна, I, 32; II, 286, 404; письмо къ Гетману Разумовскому 420—422, 455.

Воронцова (урожд. Сенявина), графиня (Екатер. Алексѣевна), I, 401.

Воронцовъ, графъ Александръ Романовичъ, I, 357.

Воронцовъ, графъ Михаилъ Илларіоновичъ, вице-канцлеръ, I письмо къ нему матери Екатер. 22; посѣщаетъ ее въ Цербстѣ и съ тѣхъ поръ находится съ нею въ дружеской переписки 32; великій канцлеръ 36; его переписка съ кн. Дм. Мих. Голицынымъ о послѣднихъ дняхъ жизни матери Екатерины, 37—41; упом. 74. 285. получаетъ „красную ленту“ 48; уп. II, 269, 274, 360; пожалованъ вице-канцлеромъ 289; врагъ канцлера Бестужева 338, 376: въ хорошихъ отношеніяхъ съ гр. К. Г. Разумовск. 375; и въ тѣсной связи съ Шуваловыми 376, 377, 392: письма къ гр. К. Г. Разумовскому 400—402; его портретъ 404; 405—407. 412: письма къ гетману Разумовскому 408. 413; 414, 417—419, 421—423. 431 канцлеръ 459. Возстаетъ противъ задумывавшемаго брака Екатерины съ гр. Орловымъ 460—463.

Воронцовъ, гр. Романъ Иллар., II. 224. 399, 400.

Воронцовъ, графъ Семенъ Романовичъ, посломъ въ Лондонѣ, I, 396. 401. 402.

Воронцовъ, гр., II (въ 1745 г. камеръ-юнкеръ) 315.

Воронцовы, II, 427.

Воскресенскій (новый Іерусалимъ) монастырь, I, 77. II. 341, 342.

Вортманъ, граверъ, II. 377.

Воутъ, Робертъ, амстердамск. купецъ, I, 483.

Воутъ, Гюльхеръ, купеческ. сынъ, I, 483.

Вратиславскій, графъ. Австрійск. посолъ при Петрѣ II-мъ. II. 42, 44. 57. 58, 66. 67, 69, 80—83. 85—87, 89, 92, 93, 96, 97—99, 100, 101, 103, 105, 107, 108, 111—113. 115—123, 125—131, 133. 135. 140, 142—145 148, 150. 155, 157—159, 162, 164, 167. 176. 177—179; 181. 182, 185. 186—188, 190, 192, 198.

Временщики, II. 260—262.

Всеволоцкій, I, 500:

Всесвятское. село, I, 54.

Вырубовъ, Павелъ, I, 495.

Вырубовъ. тайн. сов., I, 165.

Вышеславцовъ, Михайло, квартермистръ, I. 496.

Вышній-Волочокъ, г., II, 207.

Вѣна. I. 402; II. 500.

Аугартенъ и **Пратеръ**, обществен. гулянья въ Вѣнѣ, I, 403 Стефана св. кафедр. церковь I, 403.

Вяземскій. кн. Александръ Алексѣевичъ, генералъ-прокуроръ, I, вызываетъ изъ Москвы Мельгунова 93; къ нему обращается съ просьбою Анны Поспикова 94; упом. въ пис. Екатерины къ кн. М. И. Волконскому 154, 155; его переписка съ гр. Броуномъ 434—439. 443, 444. 447, 457, 464, 465.

Вятка, гор., I, 135.

Габсбурги, I, 406.

Гавриловъ, Матвѣй, лекторъ Нѣмец. яз. въ Моск. Унив. I, 496.

Гавріилъ, игум. Сорочинскій, II, 357.

Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій I. 487. 488.

Гага, гор. I, 345, 348, 349, 366.

Гагаринъ, кн. (Гавріилъ Петровичъ), именитый П-бургскій масонъ, II. 509. 510. 512, 513.

Гагаринъ, кн. Сергій Васильев., (шталмейстеръ?) I. рекомендуетъ Екатеринѣ управителя. 182.

Гагемейстеръ, подпор. Измайловскій, II. 217. 231.

Гадячъ, гор., II, 471. 491.

Гадячскій уѣздъ, II, 465.

Гадяцкій замокъ, II. 354.

Гакстгаузенъ, графъ (Датскій посланникъ при Петрѣ III) II, 452, 453.

Галаганъ, Григорій Павл., II, 265, 300.

Галаганъ, прилуцк. полковникъ, II, 394; 435.

Галаховъ, Преображенскій капитанъ. I. 142, 143, 148, 150, 153—155, 157.

Гальверъ. Испанскій посланникъ, въ Петербургѣ I, 423.

Гамалѣевскій, монаст. II, 354.

Гамалѣй, Иванъ II, 348, 349; генеральный судья 450.

Гаманнъ, теологъ, I, 349.

Гамильтонъ, (Галянтонъ) объяснявшій Неаполитанскія достопримѣчательности гетману Разумовскому II. 484.

Гамнфъ, маіоръ Измайловскій II, 205, 220, 221.

Ганбюри, Вилiамсъ, сиръ, англійск. посолъ, II, 389, 404—407, 414, 417, 418.

Гардель, француженка, гувернантка Екатерины II-й I, 9.

Гарезина, Анна. ассессорша, I, 145.

Гарсъ, графъ, I, 259.

Гастингсъ, вицерой Индіи, I, 397.

Гастъ, ратсгеръ, I, 480—482.

Гатчина, гор. II, 512.

Гаузенъ, поручикъ, управляющій имѣніями Густава Бирона, II, 245.

Гедеонъ, архиманд.. I, 497.

Гезель. живописецъ, II, 329.

Геллертъ, I, 209, 210.

Гельфекгофъ, мыза, I, 434, 438.

Гемстергюйсъ, писатель I, 319.

Геннадій, Стефановичъ, архимандритъ, II, 256.

Гендрикова, (урожд. Бутурлина), граф. Елис. Серг., II, 316.

Гендриковъ, графъ (Иванъ Симоновичъ), II, отправленъ въ Глуховъ для избранія гетмана 345—351. Оставилъ Малороссію 355, 358. Уп. 362.

Генрихъ. принцъ Прусскій. братъ Фридриха Велик., I, его пріѣздъ въ Петербургъ 266, 268, 304—306, 309, 328.

Генсовъ, граверъ, II, 377.

Генрихъ IV, король Француз., I, 361, II, 390.

Генуа, гор., II, 479, 481.

Геньятъ, I, его картинная галлерея, 345.

Георгъ I-й, кор. Англійскій, II, 13, 14, 22, 274.

Георгъ II, кор. Англійскій, II, 36, 87.

Георгъ III, кор. Англійскій. I. 397.

Георгъ-Людвигъ, герц. Голштинскій, I, 468.

Герасимовъ, ученикъ извѣстн. гравера Шмидта, II, 404.

Гербертъ, лордъ, путешественникъ, II. 494.

Гереншуринъ, докторъ, I. 38.

Германъ, архіеп. Архангелогородск. и Холмогорск., II, 258.

Германъ Батуровичъ, архимандритъ, I, 63.

Герцбергъ, графъ, I, 262, 317—319.

Герштерфъ, (фонъ) бар., флигель-адъютантъ пр. Виртембергскаго, I, 465, 466.

Герцъ, графъ, Прусскій послан. въ Петербургѣ, I, 304—307, 315—317, 320.

Герпъ. Шведскій министръ, II, 10.

Гессенъ-Гомбургскій, принцъ, I, 60, II, 245, 275.

Гессенъ-Кассельскій, ландграфъ, I, 291.

Гете, I, 349.

Гетингенъ, гор., I, 458.

Гиппіусъ. Фридрихъ, содержатель вольной типографіи въ Москвѣ, I, 491.

Гилленбургъ, графъ, I, 343.

Гиршенгофъ. мыза, I, 434, 438.

Гишъ (де), герцогъ, I, 404.

Глатковъ, Василій, секретарь егермейстерской канцеляріи, I, 64.

Глевахи, уроч., II, 228.

Глуховъ, гор., I, 65, II, 220, 225, 266, 298 — 301, 309, 320, 344, 346, 347, 353, 362, 365—370, 372, 374, 379, 385, 395, 396, 412, 417, 422, 432, 435, 437, 461, 465, 467, 468, 469.

Глуховская Анастасьевская церковь, II, 354.

Глуховская св. Михаила церковь, II, 358.

Глуховская св. Николая церковь II, 266, 347, 348, 350, 365, 366, 368.

Глуховская Троицкая церк., II, 347.

Глуховская мельница, II, 354.

Глуховской Дѣвичій монастырь, II, 299.

Глуховской уѣздъ, II, 465.

Глуховскій Гетманскій дворецъ, II, 365—370; 372, 374.

Марковича домъ въ Глуховѣ, на Веригинѣ въ Сѣнявск. улицѣ, II, 435.

Придворная гетманская церковь въ Глуховѣ, II, 368, 703.

Сѣвскій въѣздъ, въ Глуховѣ, II, 365.

Глѣбовъ, Александръ Ивановичъ, генералъ-прокуроръ, I, 78, 148, его служба въ Москвѣ при комиссаріатѣ 148, 149, подъ слѣдствіемъ по дѣлу о похищенныхъ въ комиссаріатѣ деньгахъ 173.

Гогенцолернъ - Бранденбургская династія I, 308.

Гогенцолернъ, резидентъ, II, 57, 58, 67.

Годеинъ, московск полицеймейст., I, 491. 493, 495.

Голецкій, полковн., II, 374.

Голицына (урожд. Бужениновa) кн. Евдокія Ивановна, II, 233.

Голицына, (урожден. Гагарина) Дарья Алексѣевна, II, 317.

Голицына, (урожд. Нарышкина) Марья Львовна, II, 333, 341.

Голицына, (урожд. графиня Шметау), кн. Амалія Самуиловна, I, ея извѣстность въ нѣмецкой литературѣ 349. ея знакомство съ Дидро 349, 350, 366, 367; образъ ея жизни въ Гагѣ 367.

Голицына, (урожд. Шувалова), княг. Праск. Иван., II, 341, 342.

Голицына, (урожд. гр. Чернышева), кн. Натолія Петровна, въ Парижѣ, I, 393; въ Петербургѣ 415.

Голицынъ, кн. Авг. Петр., I, 37.

Голицынъ, кн. (Александръ Михайлов., фельдм.), I, 259; II, сопровождаетъ и-цу Елисав. въ ея поѣздкѣ въ Малороссію 298, женится на фрейл. в. кн. Екатер. Алекс. кн. Дар. Алексѣевнѣ Гагариной), 317, 477.

Голицынъ, кн. (Александръ Михайл., вице-канцлеръ), I, 73, 252; оберъ-камергеръ 417, живетъ въ Москвѣ 417: 454, II, вручилъ Екатеринѣ II-й отреченіе Петра III отъ престола 456, 469, 470.

Голицынъ, кн. (Борисъ Владиміровичъ), I, 416.

Голицынъ, кн. (Владиміръ Борисовичъ) бригадиръ, I, посланъ кн. М. Н. Волконскимъ съ отрядомъ войскъ занять дорогу отъ Москвы до Мурома для провоза Пугачова 155, въ Парижѣ 393.

Голицынъ, кн. Дмитрій Алексѣевичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, I, 340; Гриммъ знакомитъ его съ Дидро 340, котораго библіотека продана Императрицѣ при его посредствѣ 340, 341; 350; посломъ въ Гагѣ 349, Дидро проѣзжая Гагу останавливался у него въ домѣ 349—352, 366, 367; II, посланникомъ въ Парижѣ 475, 476; черезъ него велись переговоры съ Рюльеромъ о перекупкѣ его сочиненія I, 350; по его рекомендаціи Екатерина вызываетъ изъ Парижа Мерсье-де-Ларивьера 351, въ перепискѣ съ Вольтеромъ 351; перепечатываетъ въ Гагѣ запрещенное во Франціи соч. Гельвеція „О Духѣ“ 351.

Голицынъ, кн. Дмитрій (Михайловичъ, членъ верховн., тайнаго совѣта) II, 24, 26, 27, 146—148.

Голицынъ, кн. Дмитрій Михайловичъ, I, (31, 32); 40—43; Сорокъ лѣтъ не былъ въ Петербургѣ 402, получилъ отъ Маріи-Терезіи въ подарокъ одну изъ окружающихъ Вѣну горъ (Predig-Stuhl), которую по смерти своей завѣщалъ графу Н. П. Румянцову 403. За престарѣлостью смѣняется граф. Андр. К. Разумовскимъ 403, учреждаетъ въ Москвѣ больницу 402.

Голицынъ, кн. Егоръ, прапорщикъ Преображенскій, I, 407.

Голицынъ. кн. Михаилъ Алексѣевичъ, его женидьба на Калмычкѣ Бужениновой II, 233.

Голицынъ, кн. Мих. Мих. фельдм., II, 19, 36, 81, 88, 160, 380.

Голицынъ, кн. Михаилъ Михайловичъ, I, 417.

Голицынъ, кн. Мих. Ѳед., II, его подмосковная 341, 342; его архивъ 478.

Голицынъ, кн. Ник. Ѳедор., II, 341

Голицынъ кн. Петръ Михайловичъ, I, поѣхалъ вмѣстѣ съ Бибиковымъ усмирять Пугачевскій бунтъ, 126.

Голицынъ, кн. Серг. Дмитр., посланъ Петромъ I: въ Мадритъ съ именемъ легаціонс-рата II, 7, 8, 13; камергеръ двора Петра II-го, 30; въ милости 180, назначенъ посланникомъ въ Берлинъ 180, 181, 184, (его челобитная Елисаветѣ Петр. I. 60?).

Голицынъ, кн. С. Ѳ., I, 418. 450

Голицынъ, кн. Ѳедоръ Иванов., II. 333, 341.

Голицыны, кн., II, 33, 34, 36. 62, 146; 492.

Голландія и **Голландцы**, I. 99. 349. 359. 368, 369. 394. II, 392.

Головинъ. адмир., (гр. Ник. Ѳедор.), I, 49.

Головкина, графиня, упом. въ Записк. Комаровскаго, I. 416.

Головкинъ, графъ (Александръ Гавр.), б. посломъ въ Берлинѣ, II, 24, 110.

Головкинъ, графъ (Гавр. Иван.) великій канцлеръ, II. свидѣтель-

ство о немъ дука-де-Лирія 26, 27, 29. 30. 45, 110, 147, 160, 161, 164, 176, 177, 186, ему принадлежалъ Каменный островъ 377.

Головкинъ, графъ, I, 283.

Головцынъ, В. П., I, 387.

Голубцовъ, Өедоръ. его письмо къ гетману Разумовскому. II, 501.

Голубцовъ, Александръ Өедор., Симбирскій масонъ, II. 506.

Голштейнъ (фонъ), Датскій послан. въ Петербургѣ, I, 59.

Голштинское знамя, I, 147 — 150.

Гольцъ, бар. Прусскій министръ въ Петербургѣ. I, 73. 258.

Горбуновы, I. 158.

Горегряжскій священникъ, II, 504.

Горенки, подмосковное село гр. Разумовск., II, 338.

Горетово, подмосковное село, мѣсто ссылки канцлера гр. Бестужева-Рюмина, I. 61. II. 459.

Горленки, Акимъ, Григорій и Петръ, II. 348.

Горленко, Андрей бунчуков. товарищъ, II, 268, 292—294. 358.

Городенкій, Ильи. стряпчій, I, 62.

Городчаковъ, прапорщ., I, 131.

Горожинъ, село, II, 312.

Гороховскій дворъ, на поемной землѣ Спасо-Андроніева монастыря, II. 287.

Гостилицы, село С. Петербургской губерн., Петергофскаго уѣзда, II, 283, 314, 315, 353. 382, 427, 429, 454, 456, 472, 480.

Грамонъ, п-ше, I. 347.

Гревова, мыза, II, 336.

Гревсъ, сержантъ Измайловскій, II, 211.

Грива, Запорожецъ, II, 293.

Григори, I. 26.

Григорій Михайловичъ, бандуристъ, II, 294.

Григорьевъ. об. кварт. Изм. п., II. 231.

Гриммъ, бар. Фридрихъ, I, его свидѣтельство о вознагражденіи Дидро за труды по Энциклопедіи, 339 знакомитъ Дидро съ кн. Д. А. Голицынымъ 340, 350; 343; его переписка 344; пріѣзжаетъ въ Петербургъ 355; 361, 362; его вліяніемъ объясняется пристрастіе Дидро къ протестанскимъ учебнымъ заведеніямъ 372; по его просьбѣ Екатерина нанимаетъ для Дидро великолѣпную квартиру въ Парижѣ 378; въ перепискѣ съ Екатериною, которая поручаетъ ему купить въ Парижѣ собраніе гравированныхъ камней герцога Орлеанскаго 390, подъ его присмотромъ жилъ въ Парижѣ А. Г. Бобринскій 393; I, уп. 207.

Гринвичъ, гор., I, 329.

Гриневa, Аграфена Ильин., I. 64.

Гриневъ, Иванъ, I, 64.

Гродницкій, Павелъ, I. 494.

Гродно. гор., II, 179.

Гросманъ, пасторъ, II, 493.

Гросъ, Г. И. письмо его къ гр. К. Г. Разумовскому, II. 328.

Гроссъ-Егерсдорфъ, побѣда, II, 407, 414.

Грузинская. к. Марья Григор.; ея челобитная Елисаветѣ Петров. I, 63.

Грузинскій, кн. Александръ, I, 100; его жена 100; семейство 100, 102.

Грумбковъ, фельдмарш., I, 288.

Губинъ, Александръ, протоколистъ, I. 495. 497. 498. 500. 502.

Гудовичъ, (рожден. гр. Разумовская) гр. Праск. Кирил. II, 440.

Гудовичъ, графъ Иванъ Васильевичъ. главнокомандующій Москвы, II, 440, 456.

Гудовичъ, графъ Андрей Ивановичъ, I. 66—68.

Гудовичъ, Вас. Андр. II. 312, 313, 343; избранъ въ генеральные старшины 431.

Гудовичъ, Мих. Васильевичъ. II, 497; ген.-маіоръ 499.

Гурьевъ городокъ, I, 432.

Гурьевы, гвардейцы, I. 76; дѣло объ нихъ II, 457, 463.

Гурьевъ, кабинетъ-курьеръ. II. 312.

Гуляевъ, курьеръ, I, 196.

Гунтеръ, артил. ген., II, 148.

Густавъ, III, кор. Шведскій, II, 508, 510—512.

Густавъ IV-й, кор. Шведскій, I, 419.

Гюндиккенсъ, Англ. послан. въ Берлинѣ, I, 273.

Гюнинъ (де). дипломат. агентъ, I, 258.

*

Давыдовъ, маіоръ конной гвардіи, I, 142.

Дазэикуръ,(Dazaincourt),актеръ Парижскій, I, 392.

Даламбертъ, I, 333—337, 340—342, 344, 366, 368; II. письмо его къ гетману Разумовскому, 475. 476.

Дамилавиль, письмо къ нему Вольтера, I, 341.

Даміанъ. игуменъ Нехворощанскій, II. 356. 357.

Даниловскій, Ив., канцеляристъ, II, 357, 358.

Даниловъ, поруч. Измайловскій, II, 251. 252.

Данцигъ. гор., I, 275—277. 282. 283. 322.

Дараганъ, Вѣра Григорьевна, II, 265, 268.

Дараганъ, Ефимъ Ѳедоровичъ, регистровый казакъ, II, 268, 278. 299.

Дараганъ, камеръ-юнкеръ, II, 387.

Дараганъ, С. Е. см. Хованскій.

Дараганъ, Иванъ Ефимовичъ, II, 445.

Дараганъ, Григорій Ефимовичъ, II, 445.

Дараганы. II, 320, 445. 446.

Даржансъ, его перепис. съ Екатериной II-й, I, 314.

Даржанталь, гр., I. 337.

Дарсе. химикъ, I, 358.

Дашкова (урожд. гр. Воронцова). кн. Екатерина Романовна, I, ея сношенія съ Дидро 341, 346—348, 349. 356—361, 363, 364, 369; упом. 78: II, 224; участіе ея въ заговорѣ противъ Петра III, 451, 455; 463.

Двина, рѣка, I, 365. II, 402.

Дворишевъ, Степанъ, студентъ, I, 501.

Девьеръ, графъ Петръ Антоновичъ, пис. его къ Е. И. Шарогородской отъ іюля 1762 г. I. 70, 71; свѣдѣніе о немъ 72.

Девьеръ, графъ Антонъ, петербургскій генералъ-полиціймейстеръ, I, 72.

Дегильонъ, герцогъ, I, 312. 327.

Деденовъ, бригадиръ, II, 387.

Декенъ, II. 298.

Декута. Константинъ, Малорос., I, 64.

Деланнъ, морск. кап., II. 92

Дельвигъ, драгунск. полковникъ. I. 147, 148.

Демидовъ. Акинѳій. его челобитная Елис. Петр., I, 65.

Демидовъ, Павелъ Григор., I, 358, 359.

Демидовъ, Прок. Акинѳ., I, 119, 120, 170.

Демидовы, II, покровители Московскаго университета и Воспитательнаго Дома 492.

Денгофъ, графъ, II, 25.

Деревягинъ, Никита, дворовый человѣкъ I, 103.

Дергунъ, канцел. II, 423.

Державинъ, II, 457.

Дерптъ, гор., I, 438, 439.

Дефаржъ, торговалъ библіотеку Дидро, I, 340.

Дивовъ, ген.-рекетм., I, 62.

Дидро, I, 333, издаетъ Энциклопедію 334, 335; по устраненіи Даламбера отъ редакціи, весь трудъ изданія беретъ на себя 335; гоненія 335, 337; Екатерина предлагаетъ ему перенести печатаніе въ Ригу 336—338; отказывается отъ этого предложенія 338, 339; оканчиваетъ изданіе 339; гонорарій 339; его неразсчетливость 339; семья 339, 340; 344; продаетъ свою библіотеку 339—343; знакомство съ кн. Дашковой, бесѣда съ ней и письма 344; 346—348, 361, 370; характеристика кн. Дашковой 348; его отзывъ о сочиненіи Рюльера 347; 350, 351. поѣздка въ Петербургъ 348; въ Гагѣ останавливается въ домѣ кн. Д. А. Голицына и дружба его съ нимъ и его женою 349—351, 367; пребываніе въ Петербургѣ 352—361; его свиданія и бесѣды съ Екатериною 354—356; 361—363 369; его отзывъ о Екатеринѣ и энтузіазмъ къ ней 354,—356, 358; 360, 363, 366; холодно принятъ вел. кн. наслѣдникомъ 356; его поведеніе при Петербургскомъ дворѣ 363; впечатлѣніе произведенное имъ на придворныхъ 368; случай изъ его петербурской жизни 368, его отношенія къ Фальконету 352, 353; интересуется Русскою музыкой и его мысли вообще о музыкѣ 359, 360; неохотно разстается съ Петербургомъ 364, 365; выѣздъ 364, 365; обратное путешествіе 365,—367; возвращается къ своему семейству 369; привозитъ въ Парижъ минералогическія коллекціи, 358, 359; его Voyage de Hollande 368; его планъ организаціи учебныхъ заведеній въ Россіи 368—377; его мысли объ изученіи древнихъ языковъ 375, послѣдніе годы его жизни и кончина 377; *отзывы о немъ*: Фонъ-Визина 340; Екатерины 360—363; Фридриха Великаго 368; кн. Дашковой 346; 347; Ростопчина 349, 350.

Дильтей, профессоръ Московскаго университета, II, 437.

Дмитревскій, Дмитрій Иванов., I, 493. 494.

Дмитріевъ, Григорій, гезель архитектуріи, I. 64.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Алдр. Матв., I, 386. 388. II, 260.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Мат. Вас., сенаторъ, I, 386.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Ѳед. Ив., бригад., I, жалуется императрицѣ, что Московскій Сенатъ запретилъ ему напечатать его „привѣтствіе публикѣ“ 125; Екатерина повелѣваетъ произвести слѣдствіе объ его отношеніяхъ къ крестьянамъ и освидѣтельствовать состояніе его разума 171; опредѣляютъ къ нему опекуновъ 174, 175.

Диссиденты, I. 256, 257, 273, 284, 285, 292, 293, 296 — 302, 325, 328, II, 202.

Дитмаръ, Шведскій агентъ въ Россіи, II, 177.

Дитцель, гувернеръ племянниковъ гр. А. Г. Разумовскаго, II, 443—446.

Дмитрій, протоіер. Сорочинскій, II, 356. 357.

Дмитрій Сѣченовъ, архимандр., II, его миссіонерство 291; чрезъ гр. Разумовск. возвед. на Новгор. каѳедру 291, 419, 424.

Днѣпръ, рѣка, I, 262, 388. II, 220. 223. 225. 226. 228. 230. 402.

Днѣстръ, рѣка, I, 73, 281, II, 224, 226, 228, 230.

Добровскій, Петръ, совѣтникомъ посольства при нашей миссіи въ Парижѣ, I, 390; покровительствуетъ всѣмъ молодымъ людямъ, пріѣзжающимъ изъ Россіи курьерами 390; его манускрипты, поступившіе въ Имп. Пуб. Библіотеку 391.

Добрянскіе купцы, I, 160.

Долгой, Алексѣй, солд. Измайловскій, II, 227.

Долгополовъ, I, 157, 158.

Долгорукова, кн. Екат. Алексѣевна, невѣста имп. Пет. II-го, свидѣтельство о ней дука де-Лирія, II, 6, 114, 152, 165, 183, 186—188, 190, 191, 193, 195, 197.

Долгорукова, кн. Елена Алексѣев., II, 152, 165, 183.

Долгорукова, (урожд. Шереметева), кн. Нат. Бор., II, 80, 192, 193.

Долгорукова (урожд. кн. Хилкова), кн. Прасков. Юрьевна, супр кн. Алексѣя Григорьевича, II, 152, 165.

Долгорукова, кн. К. Ѳ., I, ея свѣтская жизнь въ Петербур., 415. 416.

Долгоруковъ, кн. Алексѣй Григ. II, свидѣтельство о немъ дука де-Лирія 30, 34, 45, 56, 72, 79, 80, 82, 104. 114, 122, 130, 133, 134, 137, 139, 142, 146, 147, 150—153, 156, 159, 160, 165, 181, 183, 186, 187, 193.

Долгоруковъ, кн. Василій Васильев., сынъ Московск. главнокомандующаго, I, 183.

Долгоруковъ, кн. Васил. Влад., фельдмарш., II. свидѣтел. о немъ дука де-Лирія 70, 88. 91. 97. 98, 133. 154, 160, 176, 189. 195; его подмосков. I. 59; 63; II. 295; въ 1745 г. празднуетъ въ Гостилицахъ рожденіе II. Елисаветы 315; которая жалуетъ ему „синюю ленту“ I, 48; его челобитная 60.

Долгоруковъ, кн. Василій Владимір.. I. въ его подмоск. скрывался сосланный въ Казань графъ Апраксинъ 170.

Долгоруковъ, кн. Вас. Лукичъ, членъ верховнаго тайнаго совѣта II, свидѣтельство о немъ дука де-Лирія 45, 56, 57, 147, 160, 198,

Долгоруковъ, князь Александръ (Григорьевичъ), II, 127, 130, 147.

Долгоруковъ, кн. Вас. Михайл., I, 144; Екат. посылаетъ ему свой поклонъ 163; Крымскій 165. 181; смѣняетъ кн. М. П. Волхонскаго (по управленію Москвою) 181; 183.

Долгоруковъ, кн. Ив. Алексѣев., фаворитъ, II, свидѣтельство о немъ дука де-Лирія, 34, 45, 54, 56, 57, 61, 68—73, 76, 79, 80, 83, 85, 93, 97, 98, 100, 101, 107, 108, 114, 116, 118,—121, 123, 126—137, 139—142, 144, 147, 150, 151—153, 157, 161, 162, 171—173 180, 186, 187—189; 191. 193—195.

Долгоруковъ, кн. Михаилъ Вл., II. 160, 195.

Долгоруковъ, князь Николай Алексѣев., II, 72, 80, 147, 152.

Долгоруковъ, кн. Сергѣй Григ., II, 88, 109, 119—121, 123, 184.

Долгоруковъ, кн. Юрій Владиміровичъ, I, 107, 170.

Долгоруковы, кн., II, свидѣтельство о нихъ дука де-Лирія 24, 33, 34, 36, 42, 45, 56, 57, 61, 62, 73, 114, 118, 120, 121, 127, 146, 147, 151, 153, 160, 180, 183, 184, 186, 187, 189—191, 193, 197.

Долинскій, Нѣжинскій полковой есаулъ, II, 358.

Дона, графъ, Прусскій ген.-аншефъ, II, 415, 416.

Донскіе казаки, I, 149, 154.

Донъ, р., I, 61, 141.

Досифей, іеромонахъ, митрополіи Кіевскій катедральный писарь, II, 357, 358.

Досифея, старица Ивановскаго монастыря, II, 439. Ея портретъ съ надписью «принцесса Августа Таракинова» и кончина 440, 442, 443.

Древицъ, перехватываетъ письмо Августы Сулковскаго и доставляетъ его кн. Н. В. Репнину, I, 299.

Дружининъ, Владиміръ, его челобитная, I, 62.

Дружининъ, Иванъ, I, 103.

Друцкой, кн. Данило Андр., II, 239.

Дубянскій, Ѳедоръ Яковл., придворный духовникъ; черезъ него Екатерина, будучи еще в. княгинею, просила, чтобы ее отослали назадъ въ Германію, I, 44; II, 275, 276; покровительствуемъ графомъ А. Г. Разумовскимъ 291, уп. 294; сопровожд. Елис. въ ея поѣздкѣ въ Малорос. 298; (упом. I, 72).

Дубина, Анна Яковлевна, II, 263, 264.

Дубина, Ѳедоръ, казакъ, II, 263.

Дубина, Иванъ Ѳедор., II, 264.

Дублянскій, (генеральный старшина), II, 450.

Дубовка, дер., I, 158.

Дугласъ, см. Макензи.

Дугласъ, гр., II, 170.

Дурасовъ, президентъ Московскаго магистрата, I, 170.

Дурлахъ, замокъ, I, 410.

Дюваль, глинный поваръ Фридриха II-го, II, 383.

Дюгазонъ, (Dugason) Парижскій актеръ, I, 392.

Дюманіанъ, (Dumaniant), писатель и актеръ, I, 321.

Дюплонъ, придворный ювелиръ, II, 346, 358.

Дюссельдорфъ, гор., картинная галлерея, I, 352.

Дюшателе, маркизъ, Французскій посолъ при Вѣнскомъ дворѣ, I, 273, 302.

*

Евгеній, (Евѳимій Болховитиновъ), митроп., I, 492, 501.

Евстафей, протоіер. Полтавскій, II, 356, 357.

Евгеній, пр. Савойскій, II, 15, 117, 118, 126, 129, 207.

Евдокія, Ѳеодоровна (Лопухина), царица, II, 34, 45, 46, 50, 51, 60, 62, 68, 69, 197.

Егоровъ, Василій, слуга Разумовскаго, II, 282.

Едельсгеймъ, Прусск. посланникъ, I, 330

Екатерина I-я, импер., I, 47; II, присоединяется къ Вѣнскому трактату 1725 г. 10.12.181; ея титулъ 11, 27, 38, 39; кончина ея 17, 18, 20; вліяніе на нее Меньшикова 20, уми-

раетъ ея братъ 169, трактатъ ея съ Пруссіей 1725 г. 181, уп. 203, 267, 268, 312, 392.

Екатерина II-я, императр.. I, ея отецъ. 5, 6. 7; мать 7, 8; родилась въ Штетинѣ 8; ея Записки о своей жизни до пріѣзда въ Россію 8, родилась въ праздникъ, при звонѣ колоколовъ; ея склонность подмѣчать случайности и придавать имъ таинственное значеніе 8, младенчество и ребячество; первоначальныя впечатлѣнія; разсказы о Россіи; вліяніе Французскаго языка и Парижскаго общежитія; учитель чистописанія 9; собственный разсказъ о своемъ малолѣтствѣ 10; ея воспитаніемъ занимается мать 10, брачный союзъ 13—15; ея портретъ 16. отъѣздъ въ Россію 14. отзывъ о ней Фридриха Великаго 16, 21; пріемъ въ Петербургѣ и пребываніе въ немъ 22, 23; получаетъ отъ имп. Елизаветы шубу и Екатерининскій орденъ; пріѣздъ въ Москву 23; 45; 54, 58; II, 286; ея болѣзнь I, 23, 24; 45; 46; учится по русски и готовится къ переходу въ Православіе; отецъ благословляетъ ее на бракъ 24; въ Головинскомъ дворцѣ принимаетъ Православіе и произноситъ Символъ Вѣры на церковно-славянскомъ языкѣ: обручается и отправляется на богомолье въ Кіевъ 27; ея письма къ импер. Елизаветѣ Петровнѣ. 50. 51; бракосочетаніе 30; въ случаѣ бездѣтной кончины мужа назначается быть наслѣдницей Русскаго Престола 30, ея приданое 32. переписка съ родителями объ отрицаніи отъ нѣкоторыхъ правъ на наслѣдіе въ Цербстѣ 32—35; ея сношенія съ матерью затруднены 35, посылаетъ въ ней календарь академическій 35, въ духовной отца назначается наслѣдницей въ случаѣ кончины брата 35, мать извѣщаетъ ее объ ученіи ея брата 35, въ опалѣ у импер. Елизаветы 36. посылаетъ своей умирающей матери въ Парижъ чай и ревень 39. ей сообщаютъ копію съ духовной ея матери 41. въ которой не упоминается о ней „ни единымъ словомъ“ 44. черезъ духовника проситъ. чтобы ее отвезли назадъ въ Германію 44. съ кончиною матери прекращаются ея связи съ Германіей 44; ея жизнь при Елизав. Петровнѣ 54, 58, II, 277, 287, 290, 291, 296, 298, 305, 307, 308, 314—318, 334, 335, 338—342. 345, 352, 360, 377, — 379, 389, 392, 393, Особенно отличала Разумовскихъ 393; 410, 423, 424; на тайныхъ вечерникахъ у гетмана Разумовскаго 425. Открываются ея тайная переписка съ фельдмарш. Апраксинымъ и тайныя сношенія съ канцлеромъ Бестужевымъ 426; I, три циркуляри. указа за первые мѣсяцы ея царствованія: а) о принятіи мѣръ противъ набѣга Крымцевъ 73. 74; б) о Прусскихъ дѣлахъ 74, 75; в) о явившихся въ Москвѣ бунтовщикахъ 75, 76; ея распря съ супругомъ 79; за нее постридалъ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ 79. требуетъ отъ кн. М. Н. Волконскаго мнѣній по дипломатическимъ дѣламъ 79, 80; *ея переписка съ нимъ*: въ день своего восшествія на престолъ жалуетъ его генералъ-аншефомъ и конной гвардіи подполковникомъ 82. пребываніе въ Ревелѣ. гдѣ осматриваетъ дивизію гр.

Румянцова 82, 83; упоминаетъ о кончинѣ Іоанна Антоновича 83, о Польскихъ дѣлахъ 83, 84; Турецкихъ 83, увольняетъ кн. Волконскаго въ отпускъ 84, о наслѣдствѣ графа А. П. Бестужева-Рюмина 85, о дерзости противъ матери стихотворца Сумарокова 85—88: награжаетъ дѣятелей по усмиренію Московскаго чумнаго возмущенія 89; поручаетъ кн. Волконскому завѣдывать дѣлами Московской тайной экспедиціи 89, ея правила о дѣлахъ подобнаго рода 90, о наказаніи „пралей плетьми публично черезъ полицію“ 90, поручаетъ кн. Волконскому, вытребовать мнѣніе: „какъ быть съ бумагами и дѣлами тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ подьячіе вымерли“ 90, и „ободрить трудившихся“ 90, 91; изъявляетъ желаніе купить домъ кн. Трубецкаго въ Кремлѣ 91—94, 115; награждаетъ П. Д. Еропкина 20 тыс. руб. 91, повелѣваетъ сдержать обѣщаніе гр. Г. Г. Орлова касательно освобожденія отъ податей служащихъ въ больницѣ по прекращеніи заразительной болѣзни 91, изъявляетъ удовольствіе объ уменьшеніи заразы въ Москвѣ 91, 94; совѣтуетъ послать въ Ярославль надежнаго чиновника, для принятія мѣръ „дабы болѣзнь паки тамъ не проснулась“ 92, трудившимся посылаетъ свой поклонъ 92, объ уничтоженіи заставъ учрежденныхъ по случаю заразы, съ оставленіемъ одной Серпуховской 92, требуетъ увѣдомить о состояніи здравія въ Ярославлѣ 92, назначаетъ Н. П. Архарова Московскимъ оберъ—полиц. 92, 93; заботится о помѣщеніи служащихъ въ Москвѣ 93, а команду совѣтуетъ помѣстить „въ какомъ ни есть здоровомъ монастырѣ“ 93, по случаю прекращенія заразы повелѣваетъ: возвратить въ Петербургъ посланныхъ съ гр. Орловымъ военныхъ и дворцовыхъ людей 93, а также ген. пор. Мельгунова 93, отзывъ ея о тайн. сов. Волковѣ 93, отложить молебствіе (о прекращеніи заразы) до 2-й нед. поста 94, 95; наказать публично появившихся въ Москвѣ „вракъ“ 94, выдать Аннѣ Постниковой изъ „комнатныхъ суммъ“ на устройство деревни 94, нанять домъ кн. Трубецкаго 94, арестовать Михаила Пушкина 95, 96; облегчаетъ участь одного колодника, который во время чумы погребалъ умершихъ 98, 99, 103; о розыскѣ по дѣлу Пушкиныхъ (поддѣлки ассигнацій) 96, 98; лично занимается этимъ розыскомъ 98—100; *повелѣваетъ:* пріѣхать въ Петербургъ женѣ кн. Грузинскаго 100, кн. Волконскому, Еропкину и Волкову разсмотрѣть проэктъ и докладъ Духовной Коммиссіи о Московскихъ церквахъ и приходахъ 100, 102; поручаетъ передать матери кн. Грузинскаго о причинѣ переселенія ея внучатъ въ Петербургъ 100, 102; увольняетъ корнета Шереметева за границу „для наученія“ и поручаетъ ему посовѣтовать „ѣхать куда къ университету нежели въ Парижъ, гдѣ нечего перенять“ 102, письма Сумарокова о Московскомъ театрѣ 103, предоставляетъ на усмотрѣніе кн. Волконскаго нѣкоторыя дѣла 104, объ опекунахъ надъ расточителями 105, прощаетъ корнета Аранта, обвиняемаго въ продажѣ чужихъ людей 105; поручаетъ изслѣдовать точно ли дочь Натальи Пассекъ имѣла намѣреніе отравить свою мать 106,

107, 114; повольваетъ увѣдомить, всѣ ли дома въ Москвѣ послѣ заразительной болѣзни выкурены 106, подозрѣваетъ и сторожится графа Н. И. Панина 107, разрѣшаетъ женѣ Мих. Пушкина слѣдовать за нимъ въ Сибирь 107; *требуетъ*: представить мнѣніе какъ бы облегчить рекрутскій наборъ въ селеніяхъ, пострадавшихъ отъ чумы 107, прислать планъ Лефортова дворца, изъ котораго она желаетъ сдѣлать pied-à-terre для двора 108, 109; перестройку котораго поручаетъ кн. Макулову 110—117; жалуетъ погорѣвшему сунодальному прокурору 4000 руб. 108; о прошеніи поданномъ ей однодворцами Козловскаго уѣзда Воронежской губерніи 108; *приказываетъ*: отправить въ Таганрогъ капитана гвардіи для принятія мѣръ противъ явившейся тамъ опасной болѣзни 109, прочесть Норманкому рѣшеніе о немъ Юстицъ-Коллегіи 109, 110; прислать планъ Мирлинскаго дома и увѣдомить, что стоитъ починка Бестужевскаго дома 110; о шалостахъ Сумарокова, котораго приказываетъ унять 110, 111; изъявляетъ сожалѣніе о смерти фельдм. гр. Салтыкова и приказываетъ письма свои къ нему запечатать, чтобы не попались въ чужія руки 111; выражаетъ удовольствіе, что слухи о шалостяхъ Сумарокова оказались ложны 112; ея мнѣніе объ инвалидахъ 113; разрѣшаетъ кн. Волконскому переѣхать изъ Кремля въ свой домъ и напоминаетъ ему пунктъ его инструкціи о Кремлѣ 114; приказываетъ построить въ Москвѣ каменный магистратъ 114, вслѣдствіе дороговизны отказывается отъ мысли перестроить Лефортовъ дворецъ 115, поручаетъ отобрать свѣдѣнія объ Анненгофскомъ дворцѣ 115, 116; отказываетъ въ требуемой кн. Макуловымъ извести изъ артиллерійскаго двора 116, о постройкѣ дворца на Анненгофскомъ фундаментѣ 116, 117; приказываетъ сказать кн. Макулову, чтобы онъ въ сѣняхъ сдѣлалъ большіе камины, „дабы барскіе люди могли тамо грѣться" 117, прислать реэстръ всѣмъ Московскимъ фабрикамъ, на коихъ работаютъ болѣе 50 крѣпостныхъ 117; о сунодскомъ опредѣленіи касательно образа Боголюбскія Богородицы 117, жалуетъ Н. И. Архарову 5. тыс. на уплату долговъ 117; поручаетъ кн. Волконскому помирить мужа и жену Бѣлосельскихъ 118, ея отзывъ о Салтыковыхъ 118; жалуетъ Сумарокова тысячью рублями 119, о Московскихъ пожарахъ 119, одобряетъ мнѣніе кн. Волконск. о кирпичахъ и черепичныхъ крышахъ 119, приказываетъ поступить по законамъ съ ея камердинеромъ Сахаровымъ и Прокопіемъ Демидовымъ за прокаэу ими сдѣланную надъ секретаремъ Юстицъ-Коллегіи и при этомъ изъявляетъ желаніе, чтобы публика видѣла, что „безпутство и въ ея комнатныхъ справедливое возмездіе получаетъ" 119, 120; по построенію дворца 120; ея рѣзкое мнѣніе о гр. Паниныхъ 121, извѣщаетъ о свадьбѣ в. кн. Павла Петровича 121, о графѣ Н. И. Панинѣ 121, 122; поручаетъ разсмотрѣть прошеніе Московскаго купца Котельникова объ отдачѣ ему въ Китаѣ-городѣ харчевенъ 123; принимаетъ участіе въ дѣлѣ ген. Костюрина о наслѣдствѣ 123, 124, 131; о заразительной болѣзни въ Запорожскихъ селеніяхъ 124, о приведеніи въ исполненіе конфиск-

маніи надъ Ильею Рачинскимъ 124; о бригадирѣ Ѳедорѣ Дмитріевѣ-Мимоновѣ 125, о Заранскомъ купцѣ Брасланѣ 126, о Пугачевскомъ бунтѣ 126, 127; находитъ утѣшеніе въ сравненіи своего положенія съ положеніемъ въ подобныхъ же случаяхъ Петра Великаго, котораго называетъ *дѣдушкою* 127; благодаритъ кн. Волконскаго за откровенность 127, запрещаетъ Карупоказываться ей на глаза 128, приказываетъ обновить въ Москвѣ указы „о неболтаніи" 128, упом. что подобные указы въ ея царствованіе возобновлялись часто 128, оцѣнить архитекторамъ домъ гр. Шувалова 129. Кн. Волкон. увѣдомляетъ ее, что манифестъ о Пугачевѣ публикованъ 129, приказываетъ узнать причину отрѣшенія отъ наслѣдства гофъ-курьера Монсеева 130, 134; цирк. кн. Волк. по тайнымъ дѣламъ 130, 131; назначаетъ Ерошкина разобрать дѣло ген. Костюрина 131, манифестъ о Пугачевскомъ бунтѣ 131, 132; приказываетъ нарядить особую коммиссію „изъ людей честныхъ и справедливыхъ" для изслѣдованія дѣла Михаила Безобразова 132, награждаетъ брата преосв. Платона крестомъ и приказываетъ разузнать объ его достаткахъ 132, строющійся въ Москвѣ дворецъ называетъ Екатерининскимъ 133, извѣщаетъ о болѣзни Бибикова и приказываетъ послать къ нему въ Бугульму доктора 133, обрадована извѣстіемъ о побѣдѣ гр. Румянцева надъ Турками 134, 135; въ честь побѣды жалуетъ кн. Волконскому табакерку 135, о Пугачевскомъ бунтѣ 135; приказываетъ прислать планъ Тайнинскаго дворца 135, извѣщаетъ о заключеніи мира съ Турціею 136, о принятіи мѣръ на случай нападенія Пугачева на Москву 137, 138; опредѣляетъ графа П. И. Панина „къ утушенію Пугачевскаго бунта" и письмо къ нему объ этомъ 138, „для Бога и государства" проситъ кн. Волк. остановить несогласія съ гр. Пан. и дѣйствовать общими силами 139. О Пугачевѣ 141, 142; посылаетъ гр. Пан. 30 тыс. на чрезвычайные расходы 144; о выдачѣ М. М. Измайлову денегъ на покупку дома въ Москвѣ 144, утверждаетъ смертный приговоръ надъ однимъ изъ воровъ 145, о тяжебномъ дѣлѣ Анны Гарезиной 145, объ отобраніи свѣдѣній по дѣлу Лукерьи Маковой 145, сообщаетъ слухъ о неспокойствѣ Тульскихъ ружейныхъ мастеровъ 146, собирается ѣхать въ Москву 146, о дѣлахъ Турецкихъ 146, присылаетъ Голштинское знамя, отнятое у Пугачева 147, объ изслѣдованіи по этому дѣлу 147,—149); жертвуетъ въ пользу разоренныхъ 20 тыс. 150, объ отправленіи доктора Ореуса для пользованія фельдм. Румянцева 152, присылаетъ выпись изъ письма кн. Барятинскаго 152, о Пугачевѣ 152, 153; о дворцовыхъ подрядчикахъ, которые просятъ неумѣренную цѣну 159, жалуетъ Н. И. Архарову 5 тыс. 160, о покупкѣ у кн. Василія Мещерскаго хлѣба 161; приказываетъ „внушить умѣренность какъ въ числѣ, такъ и въ казни преступниковъ" по Пугачевскому бунту 161, собирается ѣхать въ Москву 162; объ удвоеніи содержанія Апраксина и о сосланіи его подъ начало 162, о выдачѣ денегъ на постройки, которыми распоряжается М. М. Измайловъ 163; описываетъ болѣзнь и кончину в. кн. Наталіи Алексѣев-

ны 163, 164; о постройкѣ фрегатовъ въ Воронежской губерніи 164, объ отпускѣ денегъ на строеніе города Москвы 165, о княжнѣ Марьѣ Тюфякиной 165, требуетъ свѣдѣній: о занятіяхъ коммиссіи учрежденной для изслѣдованія о солиныхъ доходахъ 165, и «объ успѣхахъ въ строеніяхъ по Москвѣ» 166, о поимкѣ бѣжавшаго изъ Межигорскаго монастыря Колычева 166; жалуетъ монастырской дѣвицѣ Крыловой 500 руб. 166, о князѣ Дм. Кантемирѣ 166, 167; разрѣшаетъ совершить путешествіе по Россіи протоіер. Александру Левшину 167, объ уплатѣ Московскимъ купцамъ Колосовымъ за парчу 168, принимаетъ участіе въ тяжебномъ дѣлѣ графини Степаниды Ефимовской 168, о выдачѣ Н. П. Архарову 15 тыс. «на извѣстное ему употребленіе» 169, разрѣшаетъ кн. Волконскому пріѣхать въ Петербургъ 169, о дознаніи автора какой-то пасквильной рѣчи, ходившей по Москвѣ 169, о присыланіи черезъ всякія двѣ недѣли меморій комитета, учрежденнаго для изслѣдованія о похищенныхъ казенныхъ деньгахъ 169, извѣщаетъ о рожденіи в. кн. Александра Павловича 169, освобождаетъ гр. Апраксина изъ монастыря 170, поручаетъ: разобрать тяжебное дѣло Пр. Демидова 170, и дознать слухъ, что будто бы сосланный въ Казань гр. Апраксинъ живетъ въ подмосковной у Долгорукихъ 170; о жестокомъ обращеніи съ людьми Ѳедора Дмитріева-Мамонова 171, о неблагопристойныхъ поступкахъ протоіерея Александра Левшина 171, 172; по дѣламъ комитета о похищенныхъ казен. деньг. 172, дозволяетъ гр. Апраксину имѣть пребываніе въ Нижегородскихъ деревняхъ 173, о постройкахъ въ Москвѣ 174, объ опредѣленіи опекуновъ къ Ѳ. И. Дмитр. Мамон. 174, 175; извѣщаетъ о рожденіи в. кн. Константина Павловича 175, о снабженіи Москвы чистою водою 175, 176; позволяетъ кн. Волк. отлучиться въ Калужскую деревню 176, увѣдомляетъ о полученіи Вас. Безобразовымъ ложнымъ образомъ 5000 р. изъ Рев. ген.-губ. канцеляріи 176, жалуетъ княгинѣ Агр. Мих. Баратинской пенсію и разрѣшаетъ ей ѣздить цугомъ 177, объ опекѣ надъ дѣтьми гр. Ефимовскаго и приказываетъ внушить гр. Ефимовской, чтобы она перемѣнила свое обращеніе съ людьми 177, 178; увѣдомляетъ о врученіи Сестренцевичу главнаго церковнаго начальства надъ Римскимъ исповѣданіемъ въ Россіи 178; распоряженіе по поводу оказавшагося недостатка въ соли 179, 180; рескриптъ кн. Волкон. объ увольненіи его отъ должности и назначеніи на его мѣсто кн. Долгорукаго Крымскаго 180, о выдачѣ кн. Волк. его дочери за ген. пор. кн. Прозоровск. 181, увольняетъ сына кн. Волк. 181, учрежд. о губерн. 182; поручаетъ кн. Волкон. сыскать вѣрнаго нѣмца, котораго она могла бы послать къ своему брату, чтобы уговорить его не ѣхать въ Россію 183, разрѣшаетъ снять Тверскія ворота 183, приказываетъ стоящимъ у заставъ свидѣтельствовать проѣзжающихъ 183, приглашаетъ кн. Волкон. на конференцію о Польскихъ дѣлахъ 183, ея внѣшняя политика I, 246—259, 262, 263, 265—276, 280, 281, 283, 285—289, 292, 296—306, 308—310, 314, 319—321, 324, 328, 330—332.

ея отношенія къ Дидро, I, 334, 336-345; 348, 352, 354; 355, 356, 358, 360, — 363, 365, 369, 377, 378, церемоніалъ ея шествія черезъ Харьковское намѣстничество I, 379—385; путешествіе въ полуденную Россію I, 387, 388; Гримъ присылаетъ къ ней вещи, купленныя въ кабинетѣ герц. Орлеанскаго, I, 393, въ Москвѣ гр. Петръ Бор. Шереметевъ даетъ ей праздникъ I, 394, приказываетъ гр. Н. П. Румянцеву быть полномочнымъ отъ нея министромъ при коронаціи импер. Франца, I, 406, озабочивается женитьбой в. кн. Александра Павловича; поручаетъ гр. Н. П. Румянцеву объѣхать дворы мелкихъ германск. владѣтелей и доставить ей свѣдѣнія о всѣхъ принцессахъ «бывшихъ въ лѣтахъ для бракосочетанія» I, 409—411; ея выборъ падаетъ на Баденскій дворъ, I. 409, внезапное уклоненіе Шведскаго короля отъ брака съ в. кн. Александрой Павловной производитъ губительное вліяніе на ея здоровье, I. 418, 419; упом., I, 403. 406, 407, 412, 413, 415; свидѣтельство о ней Эстергази, I, 421, 422; смерть князя Потемкина, 423, 425, ея опера Олегъ. I, 425, 426; рескриптъ А. П. Мельгунову о народныхъ училищахъ. I, 428, 429; *указы ея къ Рижскому генер. губ. Броуну:* I, о вступленіи на престолъ 451 — 453; о капит. Сергѣѣ Пушкинѣ 453, 454; 456, 457; о студентахъ Невзоровѣ и Колокольниковѣ 458, 459; о бар. фонъ Герштерфѣ 465, о возвращеніи Курляндскаго престола герц. Эрнесту-Іоганну Бирону 466—479; о ратсгерѣ Гастѣ и купцѣ Цукеберкерѣ 480—483; ея пис. къ Курляндскому ген. губ. бар. Палену, I, 483; указы о вольныхъ типографіяхъ въ Москвѣ 490 — 492; I, посылаетъ въ Лейпцигскій универс. 12 юношей для обученія юриспруденціи 186, письмо о нихъ 241, 242; покупаетъ домъ гр. В. А. Зубову на Милліонной II, 243, отзывы: о книгѣ Радищева I, 243, и о немъ самомъ 241, 243; о Разумовскихъ II, 262, 302; 303; временьщики 260, 261; ея замѣчаніе о придворныхъ Елизаветы Петровны. 267; уп. 273, 275, 291, 329, 383, 388; донесеніе князя Прозоровскаго о масонахъ 513; упом. I. 354; II. 441; участіе ея въ заговорѣ противъ Петра III-го II, 449—454. Слухъ о намѣреніи Петра III заточить ее въ монастырь 453. Государственный переворотъ и воцареніе ея I, 67 и 68 II. 455; 456. Возстановляетъ дисциплину въ войскѣ и награждаетъ сторонниковъ своихъ; коронація въ Москвѣ 456. Собрана при дворѣ воинская коммиссія для составленія новыхъ штатовъ армі 458; трудами коммиссіи осталась довольна; возвращаетъ изъ ссылки Канцлера Бестужева-Рюмина 458, намѣреніе ея вступить въ бракъ съ графомъ Григоріемъ Орловымъ 459, 461. Приказываетъ составить проэктъ указа объ дарованіи графу А. Разумовскому титула Императорскаго Высочества 460—464. Указъ 1742 года, прекращавшій бродяжничество въ Малороссіи 465. уничтоженіе гетманства въ Малороссіи 466, 467; принимаетъ гетмана Разумовскаго очень холодно 468, письма ея къ А. В. Олсуфьеву 467—470. Указъ 1764 объ уничтоженіи гетманства. секретныя инструкціи губернаторамъ 470. Путешествіе по Прибалтійскому краю 471. Гоститъ у гр. А. Г. Разумовскаго въ его селѣ Гостилицахъ

472. Взволнована преступнымъ покушеніемъ Мировича 472 — 479, 481; 482. 486, 487, 490, 492—494. 496; I. записки и письма, относящіяся ко времени восшествія ея на престолъ 69—72; кончина 419, 484—489.

Екатеринбургъ, гор., II, 440.

Екатеринославское намѣстничество, I, 379.

Елагинъ, генер. пор.. Иванъ Перфильевичъ, I, 48; II, 293, 325, 353, 359, 380; письмо къ гр. К. Г. Разумовскому 408. 418; арестованъ 426; назначенъ статсъ-секретаремъ при Екатеринѣ 464; письмо къ нему Гетмана Разумовскаго 471; боленъ подагрой 486; 509—513.

Елена Павловна, великая княгиня, II. 296, 377.

Елисавета Алексѣевна (рожд. принцесса Баденская Луиза). ея наружность I. 410; 411; пріѣздъ въ Петербургъ 414; избр. въ супр. вел. кн. Александра Павловича 414.

Елисавета Ивановна, (?) нѣкто, игравшая роль при дворѣ Елисаветы II. 286.

Елисавета Петровна, цесаревна; умир. ея женихъ I, 7; 23; II, празднованіе дня ея рожденія 26, 27; даетъ аудіенцію Испанскому послу 29, 30; наружность 34, 35; довѣріе и любовь къ ней Петра II, 34, 35, 56; кн. Ив. Ал. Долгорук. нѣсколько отстраняетъ ее отъ импер. 34, 35; ея власть надъ Петромъ II устрашаетъ Русскихъ 35; желаютъ выдать ее замужъ 35; участіе ея въ политикѣ 39; Курлянд. герц. Фердинандъ дѣлаетъ ей предложеніе 39; ея нравственный характеръ въ письмахъ дука де-Лирія рисуется черными красками 42; ея свиданіе съ царицею Евдокіею (Лопухиной) 46, 51; 55; ея отношенія къ князю И. А. Долгорук. 57, 58. 70; нездорова горломъ 60; принимаетъ поздравленіе отъ испанскаго посла со днемъ Пасхи 68; сопровождаетъ импер. на охоту 68; сватовство гр. Маврикія Саксонскаго 70, 128; 143; 152. въ траурѣ по сестрѣ герц. Голштинской 77; 110. другъ Остермана 80; переговоры объ ея бракѣ съ Д. Мануэлемъ Португальскимъ 80, 82, 96; 109; присутствуетъ на праздн. Испанскаго посла 81; охлажденіе къ ней импер. 97. 99, 104; отправилась пѣшкомъ на богомолье 98; возвратилась больною 99; въ дурныхъ отношеніяхъ со всѣми 99, распоряженіе верховнаго совѣта относительно ея хозяйства 99; празднованіе дня ея имянинъ 104; отправилась въ свой загородный домъ 104; сватовство за пр. Сульбахскаго, 110; маркгр. Бранденбургъ-Барейтскаго 110. 111. 181; ея честолюбіе 111; поведеніе 111, 113; 147; 151; красота 113; нравственность рисуется въ черныхъ краскахъ 113, 114, 151; кн. И. А. Долгор. намѣренъ сдѣлать ей предложеніе 114; престолъ 114; мѣсто ея жительства 117; политика 136; въ немилости у императора 143; кн. Алексѣй Долгорукій способствуетъ этому 146; не присутствовала на балѣ во дворцѣ по случаю дня восшествія на престолъ императора, 150; переѣзжаетъ на жительство въ Слободскій дворецъ 155; не присутствовала на похоронахъ гр. Скавронскаго 169; день ея имянинъ 180; попытки выдать ее замужъ 181, 186; цѣлуетъ руку у царской невѣсты кн. Долгорукой 187; Долгорукіе съ ревнивою заботливостью стараются отдалить ее отъ императора 190; ея свиданіе съ нимъ 191; права ея на пре-

столъ 197; письмо къ гр. Скавронской, I. 47, императрица, собственноручная записка 48; указъ кабинету 48; поѣздка въ Кронштадтъ. описанная в. к. Петромъ Ѳед. 49, 50; письма къ ней вел. кн. Екатер. Алексѣевны 50, 51. ея сочувствіе къ Голштиніи 11; письма къ ней изъ Киля отъ М. Е. Шепелевой (впослѣдствіи граф. Шуваловой) 11; проситъ кн. Анг. Цербскую доставить ей портретъ герц. Ан. Петр. 11, а ей доставляетъ свой портретъ 12; привозятъ въ Петерб. ея племянника (будущаго Петра III) 12; ея отношенія къ нему 13; заботы обезпечить престолонаслѣдіе 13, 14; ея поѣздка въ Москву и пребываніе въ ней 53—59; принимаетъ въ Москвѣ будущую супругу своего племян. 14; мнѣніе объ ея выборѣ 16; упом. въ пис. Фридриха II къ матери Екат. 16; издержки по путешествію невѣсты въ Россію беретъ на себя 17—19; ея отношенія къ Фридриху II-му. 20; его письмо къ ней о матери и невѣсткѣ 21; и письмо къ ней матери объ ихъ прибытіи въ Петербургъ 22; высылаетъ изъ Москвы встрѣчать ихъ 23; въ Москвѣ жила въ Головинскомъ дворцѣ; даритъ матери перстень своего покойнаго жениха 23; теряетъ довѣріе къ матери 23; грамота къ ней отъ отца Екатерины 24; письмо отъ него о Курляндіи 26; въ ея присутствіи Екатерина принимаетъ Православіе 27; путешествіе въ Кіевъ 27; жалуетъ брата Екатерины 10 т. руб. 28; выпроваживаетъ мать Екатер. 30; разочаровывается въ Голштинскомъ домѣ 30; проситъ Фридриха смѣнить Прусск. посланника при ея дворѣ 30; ея охлажденіе къ Фридриху и союзъ съ Маріею Терезіею 31; одариваетъ мать Екат. 31; отецъ и дядя Екат. просятъ уладить ихъ ссору съ курфюр. Саксонскимъ 31; непріязненныя отношенія къ Екатеринѣ 36; мать передъ своею кончиною желаетъ съ нею примириться 38; не одобряетъ ея расточительность 39; кн. Д. М. Голицынъ доноситъ ей объ ея кончинѣ; повелѣваетъ сообщить копію съ ея духовной Екатеринѣ 40; письмо къ ней князя Д. М. Голицына 41, 42; ея таинственныя объясненія черезъ духовника Дубенскаго съ Екатер. 44, 72; упом. 45—59; 127, 286—490; 305; 67. II, 249, 261, 264. 267. Жизнь цесаревною 122, 127, 130, 132. 135, 136, 205, 266, 267, 368—270; I. царствованіе 262, 286—290, 305, 306, 462. 467, 468. II, 270, 271, 273, 274—278, 285—287, 290—296, 298—316; 318, 320—322, 324, 326—328, 332—346, 349—355; 358—364, 371, 373; 374, 378, 379. 380, 382, 384—390: недуги ея и развивающаяся подозрительность 391, 393; письмо гр. Кирилы Гр. Разумовскаго 394, 395: ея портретъ, гравированъ. Шмидтомъ 404; 407, 408, 411; письмо Гетмана Разумовскаго 412, 413; 416; прошеніе гетмана Разумовскаго 417: здоровье ея очень плохо 419, 420; 423—425; пировала у гр. А. Г. Разумовскаго въ его Аничковскомъ дворцѣ 427; прошеніе Гетмана Разумовскаго о денежномъ пособіи 427, —429, послѣдніе дни ея 437, 438: смерть 438; о князьяхъ и княжнахъ Таракановыхъ 438—449, 459—462, 464, 490, 501.

Елисавета, сестра импер. Екатерины II-й, I, 31.

Елисавета Фарнезе, супруга кор. Испанск. Филиппа V-го, II.8—11, 14.

Елисавета Володимірская, принц. самозванка, II, 439. 442, 446.

Елисавета, эрцъ-герц., I. 402. 403.

Елисаветградъ, гор., I, 314. II. 379, 394.

Елисаветградская провинція, I, 124.

Елисаветградскій театръ, I, 385.

Ельбингъ, гор., I, 281. 282. 322.

Евгалычевъ, князь Парфеній, Сержантъ Преображ. п., I, 496.

Еропкинъ, Петръ Дмит. I. 91, 92. 100, 102. 131, 138. 314.

Ермоловъ, Александръ Петров., фаворитъ I, 393. II, 260.

Ершово, село (Пензенской губ.. Чембарскаго уѣзда) II, 333.

Ефимовская, граф. Степан. Никоновна, I, произошла изъ крѣпостныхъ крестьянокъ 168; прим. дѣло ея съ Грузинск. царев. Аѳанасіемъ 168; не радитъ о дѣтяхъ и отягощаетъ крестьянъ 177.

Ефимовскій, гр. Андрей Михайловичъ, I, 177.

Ефремовъ, Степанъ Дан., I, атаманъ Донскій 61, 445.

*

Жадовскій, Иванъ Васильевичъ, Симб. масонъ, II, 307.

Жадовъ, село (Черниговск. губ., Новгородъ-Сѣвер. уѣз.) II, 354.

Жаксонъ, англ. кулачный боецъ. I, 399, 400.

Жгуна, р., I, 380.

Женева, I. 335; географія этого города составлен. Бюшингомъ, II, 443, 444.

Женевское духовенство, I, 335

Жилле, Николай, скульпторъ, II, 404.

Жоли, секретарь графа Сем. Роман. Воронцова, I, 401.

Жомовъ, Гавріилъ, канцеляристъ. I. 494.

Жоржъ, принцъ Голштинскій, дядя импер. Петра III-го, I, 66.

Жоровка, Иванъ Тимоѳѣевичъ, бунчук. товар. II, 349; избранъ въ генеральные старшины 431.

Жоффренъ (Geoffrin), была въ перепискѣ съ Екатериной II-й, I, 287, 344, 346, 347.

Жукова, I. упом. въ прошеніи матери Сумарокова, 88.

Жуковъ, Михайло сержантъ преображенск. п., I, 496, 497.

Жуковъ, II, 235.

Жуликъ, р.. II. 229.

Журавлевъ, Венедиктъ, крестьянинъ, I. 442, 444.

Журманъ, Илья Васильевичъ, бунчук. товар. II, 349, 350, 363. Генеральный судья 395; избранъ въ генеральные старшины 431, 464.

*

Завадовскій, графъ Петръ Васил., I, 370; его пис. къ А. И. Мельгунову 429, 430. II, 260.

Загоровскій, Николай Иванов., I, 494 497—501.

Закревская (сестра гр. А. и К. Григор. Разумовскихъ) Анна Григорьевна, II, 268, 300, 308—312, 321.

Закревская, (рожд. княгиня Олоевская) Марія Ивановна. II, 471.

Закревская, Мирина см. *Нарышкина*.

Закревская, Соф. Осип. см. *Апраксина*.

Закревскій, Андрей Осиповичъ II, 445, 471, 493.

Закревскій, Григорій Осиповичъ, II, 445.

Закревскій, Осипъ Лукьяновичъ, закройщикъ, потомъ генеральный бунчужный, генеральный обозный II, 268, 278, 299, 309, 311. 450.

Закревскій, тайный совѣтникъ и президентъ медицинской коллегіи, II, 441.

Закревскіе, II, 320, 321, 441, 445.

Залускій, еп., I, 298.

Залышкинъ, Егоръ, актеръ, I, 495.

Замятнинъ, Гаврило, его челобитная, I, 64.

Запорожское войско, II, 346, 355—357. 360. 361. 363—365. 393.

Запорожская Сѣчь, I, 461. II, 393, 458.

Запорожскія селенія, I. 124.

Заустергеймъ, студентъ, II, 473.

Зейдлицъ, Прусск. ген. I, 36.

Земцова, Марья, вдова, II, 63.

Зиновьева, Вѣра, упом. въ пис. Екатерины II-й, I, 124.

Зиновьевъ, В. П., I, упом. въ Зап. гр. Комаровскаго 393; камеръ-геръ 413.

Зиновьевъ, Николай, обучался въ Лейпцигѣ, I, 241.

Зміевъ, гор., I, 380.

Золотое Руно, Испанск. орденъ, II, 8, 9. 141, 143, 144, 146, 167, 168, 189.

Золотоношскій уѣздъ, II, 465.

Знаменское, подмосковная, II, 273, 341, 342.

Знаменка, мыза около Стрѣльны Гетмана Разумовскаго, II, 429, 454.

Зотовъ, Захаръ, камердинеръ императрицы Екатерины II-й, I. 487.

Зубовъ, гр. Валер. Александр., I, поѣхалъ служить волонтеромъ въ Австр. армію 412; II, Екатер. покупаетъ для него домъ на Милліонной 243.

Зубовъ, кн. Платонъ Александр., I, упом. въ Зап. гр. Комар. 404—406. 411, 412; въ пис. Эстергази 421, 422, 424; пис. къ гр. Броуну 459, 460, 488.

Зубовы, II, 260.

Зыбинъ, ген.-лейтенантъ; убитъ въ сраженіи подъ Вейлау II, 415, 416.

Зыбинъ, его чудачества, I, 403.

Зѣиковскій уѣздъ, II, 465.

Зюдерманландскій герцогъ, II, 509, 510, 512.

*

Иванова, Домна, I, 64.

Иваново, село, Сузд. у., I, 442.

Ивановъ, Никита, Яицкій казакъ, I, 245.

Иванъ-городъ, крѣп., II, 245.

Изумъ-Гирей, буджакск. султанъ, II, 225.

Измайлова, (рожден. Нарышкина), Настасья Михайловна, играла значительную роль при дворѣ Елисаветы Петр., II, 286, 304.

Измайлово, село, I, 58.

Измайловскій Звѣринецъ, II, 287.

Измайловъ, Левъ Васильев., подполк. Семеновскій, II, 207.

Измайловъ, Мих. Мих., I, упом. въ пис. Екатер. 144—147, 163.

Иперъ, докторъ Гетмана Разумовскаго, II, 478.

Инверпесъ, графъ, II, 13, 14.

Ингулецъ, р., II, 225.

Ингулъ, р., II, 225.

Иродіонъ, епископъ Черниговъ., II, 257.

Иродіонъ, намѣстн. Остаповскій, II, 356, 357.

Исидоръ, игум. Гадяцкій, II, 356, 357.

Испанія, II, дипломатическія и торговыя сношенія съ Россіей, 5—12, 17, 19, 23, 29, 37, 39, 40, 78, 94, 165, 166.

*

Іаковъ II-й, кор. англійск., II, 10.

Іаковъ III, титулов. кор. II, 10, 13, 14, 22, 144; его жена 13—15, 22, 23, 169.

Іаковъ, герц. Курляндскій, II, 200.

Іаковъ, намѣстникъ Опошнянскій, II, 356, 357.

Іеронимъ, іеромонахъ, I, 499.

Іоаннникій Сенютовичъ, архимандритъ, II, 256.

Іоанна-Елисавета, кн. Ангальтъ-Цербская, мать Импер. Екатер. II-й, I, біографическія о ней свѣдѣнія 3—44; пребываніе ея въ Петербургѣ 45, 46; уп. 51, 54, 287, 343; II, 286, 296, 298.

Іоаннъ-Августъ, кн. Ангальтъ-Цербскій, I, 6, 21.

Іоаннъ Антоновичъ, имп. I, 77; заставляетъ Вольтера безпокоиться на счетъ судьбы Екатерины 338, 339; II, 270; манифестъ объ его кончинѣ I, 83; 460; II, 241, 244, 301, 339, 378. Покушеніе Мировича 472, 473.

Іоаннъ Алексѣевъ, свящ. Божедомскій, I, 494, 498.

Іоаннъ Богаевскій, II, 356, 357.

Іоаннъ Богословскій, I, 498.

Іоаннъ Васильев., свящ. Екатерингофскій, II, 252.

Іоаннъ Полубенскій, свящ., I, 498.

Іоаннъ Христенко, священникъ, II, 356.

Іоаннъ-Людвигъ, кн. Анг.-Цербскій, I, 6, 31, 32, 33.

Іоасафъ, архимандр. Новгород., II, 383, 384.

Іоганна, итальянка; фаворитка Имп. Елизаветы Петровны, II, 441, 445.

Іоиѳъ, еписк. Могилевск., II, 256.

Іосифъ II, импер. Австрійскій, I, 247, 255, 260, 261, 263, 265, 266, 271, 276—278, 280, 299, 303, 305, 312, 313, 315—317, 319, 320, 324—326, 328—330, 332, 388, 402, 403, 406.

Іосифъ Оранскій, Кіево-Печерскій архимандр., II, 348.

Іустинъ, іеромонахъ, I, 499.

*

Казаки, отзывъ о нихъ Фридр., I, 13; уп. 504. II, 185, 464, 466.

Казанское царство, разбойники, II, 81.

Казанскіе татары, II, 291.

Казань, гор., I, 141, 170, 171; II, 440.

Какотъ, I, упом. въ пис. отца Екатер., 26.

Каленцеемъ, отчина Бироновъ въ Курляндіи, II, 200.

Каллоннъ (de Kallonne), эмигр., I, 404.

Калмыки, нар., II, 74, 185, 291.

Калышъ, Петръ Ив., кошевой, I, 461.

Калуга, гор., I, 92.

Калюбакинъ, Иванъ Васильев., Симбирск. масонъ, II, 506.

Кама, рѣка, I, 135. II, 446.

Камекъ, графъ, I, 263.

Каменка, р., II, 225, 226.

Каневъ, гор., I, 388. II, 226.

Кантемиръ, кн. Дмитр., I, упом. въ пис. Екатер., 166, 167.

Кантемиръ, кн. Константинъ, лейбъ-гвардіи капитанъ, I, его

челобитная импер. Елисав. Петр., 62.

Кантемиръ, кн., ген.-м., I, его челобитная импер. Елисаветѣ Петровнѣ, 61, 63.

Кантемиръ, кн. Сергій, I, упом. въ пис. импер. Екат., 166, 167.

Каннель, I, упом. въ письмѣ отца Екатер., 26.

Каннистъ, бригадиръ, II, 394, 415; убитъ въ сраженіи подъ Вейлау 416.

Каравака (de Caravaca), иллюминаторъ, II, 84.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ, I, 492, 493, 496, 497, 499, 506; подписался подъ посланіемъ Симбирскихъ мясоновъ въ Москву II, 507.

Каргополовъ, гренадеръ Измайловскаго полка, II, 217.

Каргополь, гор., I, 386.

Караме, секретарь Австрійскаго посольства при Импер. Петрѣ II-мъ, II, 58, 67, 86, 159.

Карачарово, село. См. **Николаевское**.

Карловка, мѣст. (Полтавск. губ. Константиноград. у.) II, 296.

Карлосъ (донъ), инфантъ, (впослѣдствіи испанск. король Карлъ III), II, 8, 10, 39, 65, 66, 79, 175, 274.

Карлеруэ, гор., I, 408—410.

Карлъ VI, импер. Австрійскій, I, 5, 289; II, 10—12, 20, 24, 29, 38, 48, 57, 65, 71, 76, 78, 86, 87, 89, 97, 100, 101, 103, 109, 121, 122, 124, 126, 129, 134, 138, 164, 165, 175, 176, 179, 181—183, 187, 188, 192, 226.

Карлъ VII, импер. Австр., II, 287, 288, 297.

Карлъ X, (гр. д'Артуа), кор. французскій, I, 391, 403, 420, 423.

Карлъ X, Густавъ, кор. Шведскій, I, 307.

Карлъ XII, кор. Шведскій, I, 7, 12, 307.

Карлъ-Августъ, еп. Евтинскій и Любскій, I, обрученъ съ царевною Елис. Петр.; умир. отъ оспы 7; 8; 11; его перстень 23.

Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштинскій, супр. Анны Петр., I, 7, 10; 12; его записки 11; II, 12, 17, 21, 22, 24, 29, 52, 81, 89, 94, 115, 116, 163, 164, 177, 184, 197.

Карлъ, герц. Курляндскій, I, 466—469, 471—476, 478; II, 429; принцъ Саксонскій 427, 429; Петербургскіи празднества, въ честь его данныя, 429, 430.

Карлъ, пр. Лотарингскій, I, 291.

Карповичъ, помѣщикъ Ярославскій, его приказъ, II, 503—505.

Карповичъ, (рожд. Неронова), Соф. Васильевна, II, 503.

Каролатъ, (Шенайхъ) кн., Прус. посолъ въ Польшѣ, I, 253, 254, 256, 297.

Каръ, ген.-м., I, отставленъ отъ службы за неуспѣшное дѣйствіе во время Пугачевск. бунта 126, 127; его пріѣздъ въ Москву 127. И-ца запрещаетъ показываться ему себѣ на глаза 128, отзывъ о немъ простонародья Московскаго 129.

Касадо, Д. Антоній, Испанскій посланникъ въ Гамбургѣ, II, 90, 164.

Каскосъ, Хуанъ, секр. Испанскаго посольства при Петрѣ II-мъ, II, 24, 27, 30, 41, 59, 67, 89, 90, 144, 167, 168, 170, 182.

Кастеляръ (де) маркезъ, военный мин. Испаніи, II, 105, 106.

Кастри (де), французск. фельдмарш., I, 389.

Каткартъ, лордъ, Англійскій посл. при Екатер., его депеши о пребываніи Дидро въ Петерб. I, 356.

Кауницъ (Ритбертъ), масонъ, его пис. къ кн. А. Б. Куракину (1777), II. 508—511, 513.

Кауницъ, дипломатъ, I, 246, 260, 265, 267, 270—273, 275, 276, 278, 279, 312, 313, 317, 319, 322, 325, 326, 329—332. 402.

Кашира, гор., I, 92.

Кейзерлингъ, графъ, Русскій посланникъ въ Дрезденѣ, I, 476—478; II, 287.

Кейзерлингъ, президентъ Академіи, II, 322, 323.

Кейтъ, Хакобо (Яковъ), ген. II, 39, 139, 140, 170; Измайловскій подполковникъ 205—207, 214, 216, 222.

Кейтъ, фельдмаршалъ, II, 418.

Кейтъ, Англійскій посолъ при Петрѣ III-мъ, II, 452.

Кенигсбергъ, гор., I, 307, 352; II, 201, 283, 284, 301.

Киль, гор., I, 11—13. II, 94, 110.

Кинбурнъ, II, 219.

Кирѣевъ, почт. станція, I, 411.

Кириллъ, еписк. Переяславскій, II, 256.

Китай, II, 132, 152, 185.

Китайцы, I, 367; II, 185, 210.

Китайскій торговый караванъ, II, 132, 134, 152.

Киргизъ-Кайсацкія степи, I, 432.

Кіевъ, гор., I, 27, 28; пребываніе въ немъ имп. Екатер., 388, упом., II, 76, 228, 230; пребываніе въ немъ Елисаветы Петровны, 300, дворецъ I, 53, II, 300; подтверждены всѣ права и преимущества его II, 295; отдѣленъ отъ гетманства Малороссійскаго и подчиненъ Сенату 436; 450, 468.

Кіево-Печерская лавра, I. 388, II, 256, 368.

Кіевская губернія, I, 437.

Кіевск. духовная академія, I, 374; II, 283. 256.

Кіевская школа, II, 256, 434.

Андреевская церковь, въ Кіевѣ, I, 53; II, 300.

Софійскій соборъ (монастырь), въ Кіевѣ. I, 53. 388; II, 256.

Клаусъ, Христофоръ Александр., I, 491.

Клейстъ, Прусскій ген., I, 36.

Климентъ XI, папа. II, 14.

Клеронъ, I, ея коллекцію естественныхъ произведеній покупаетъ П. Г. Демидовъ 359.

Климовскій, Иванъ, солдатъ Преображ. полка. I, 64.

Клинъ, гор., I, 53, II, 207.

Клонинская мыза, въ Копорскомъ уѣздѣ, II. 236.

Кнутовъ, капит.—пор., II, 227.

Княжнина, (рожд. Сумарокова) Александра Петровна, мать писателя, I, 87, 88.

Князевъ, статск. сов., I, упом. въ пис. Екатер. 168.

Кобенцель, графъ, I, находился въ свитѣ Екатер. во время ея путешествія въ Полуденную Россію 388; доводитъ до свѣдѣнія Екатер. о замужствѣ кн. Шаховской 410, въ Петербургскомъ большомъ свѣтѣ 415, 416: упом. въ пис. гр. Эстергази 421—424.

Коблецъ, гор. , I, 404, 405, 408.

Кобургскій, принцъ, I, разговоръ его съ Суворовымъ послѣ одержанной при Фокшанахъ побѣды 260.

Колыма, р., II, 225.

Кожевщиковъ, д-ръ, II, 246.

Козары, село, на р. Острѣ, II, 273.

Колодавлевъ, обучался въ Лейпцигскомъ университетѣ, I, 241.

Колелецъ, гор. Черниговской губ., II, 299, 300, 320, 321, 368, 457. Захаро-Елизаветинск. церковь II. 368, 457.

Колелецкій, уѣздъ, въ Малороссіи, II, 465.

Козельскъ, гор., II, 298.

Козицкій, Г. В., секр. имп. Екат., I, 103, 168; его жена 168.

Козловъ, Ив. Ив., тайн. сов., ген.-рекетм., II, 224. (227?)

Кокоревъ, (Кокориновъ?) Филиппъ, архитекторъ, II, 377, 396.

Кокоринъ, Александръ Филипповичъ, архитектурный подмастерье, II. 401, 402.

Коксъ, путешественникъ, II, 494.

Кола, гор., II, 40, 93.

Колло (Collot), дѣвица—скульпторъ, I, 356. 357.

Колмыковъ, Иванъ, слуга Разумовскаго, II, 282.

Колоколовъ, Андрей, студентъ I, 496.

Колокольниковъ, Василій, Московскій студентъ, I, 458—460.

Коломакъ, село (Харьк. г., Валковскаго у.), II, 296.

Коломенскій дворецъ, I, 110, (службы 112); 116.

Коломенское, село, I, 58; II, 296.

Коломна, гор., I, 140, 146.

Колисовы, Василій и Иванъ, Московскіе фабриканты, I, 168.

Колычовъ, I, бѣжалъ изъ заточенія въ Межигорскомъ монастырѣ, 166.

Колычовъ, камеръ-геръ, I, былъ на корон. имп. Франца II-го, 407.

Комаровская, Анна Ѳедот., I, 386, 387, 412.

Комаровская, (рожд. Рындина), Дарья Степановна, I, 387.

Комаровская, Софья Ѳедот., I, 387.

Комаровская, (рожд. Зиновьева), Іулиніи Ив., I, 386.

Комаровскій, гр. Евграфъ Ѳедот., ген.-ад., I, его Записки 386—419.

Комаровскій, Иванъ Аѳанас., I, 387.

Комаровскій, Ѳедотъ Аѳанас., I, 386. 387.

Комаровъ, человѣкъ бригвд. Ѳедора Дмитріева-Мамонова, I, 74.

Комаровъ, Матвѣй, I, 499.

Кондоиди, II, 376.

Кондратовичъ. Киріакъ, переводчикъ, II, 446, 447.

Коноваловъ, Василій, Яицкій казакъ, I, 433, 436—439, 448, 450.

Константинъ Павловичъ, цесар., I, Екатер. извѣщаетъ кн. М. Н. Волк. о его рожденіи 175; его кавалеръ 398, свадьба 417, свидѣтельство о немъ Эстергази 422; 488.

Конта (Contat), актр., I, 392.

Конти (де), принцъ, II, 274.

Кончакъ—паша, II, 228.

Корвенскій, еписк., I, 10.

Корельская волость, II, 285.

Корфъ, уп. вѣпис. отца Екат., I, 26.

Корфъ, презид. Академіи, II, 322, 323.

Корфъ, баронъ Николай Андреевичъ, II, 404, 406.

Корфъ, баронесса (рожд. графиня Скавронская), Екатерина Карловна, II, 404.

Королевецъ, гор, II, 299.

Коротковъ, купецъ, I, 130.

Костошъ, ссыльный, II, 271. 295.

Кострома, гор., II, 440.

Костюринъ, И. И., ген., I, 123, 127, 130, 131.

Костюринъ, сержантъ, I, 123, 127, 130, 131.

Котельниковъ, Василій, Московскій купецъ, I, 123.

Котлы, подмосковн. село, II, 333.

Кочетовъ, поруч. Измайловскій, II, 242.

Кочубей, рожденная Стрѣшенцова, II, 369.

Кочубей, Васил. Аркад., II, 296.

Кочубей, кн. Викт. Павл., I, 387.

Кочубей, Семенъ Васильевичъ, полковн. Нѣжинскій, II, 350, 363, 369; генер. обозный 374, 380, 386, 422, 464, 468.

Кочуровъ, Кузьма, Яицкій казакъ, I, 433, 436—448, 450.

Кошелевъ, Род. Александр., I, 393.

Кошлаковъ, Петръ, сержантъ, I, 63.

Крамъ, бар., послан. Бланкенбургскій, при Петрѣ II-мъ, II, 72, 73, 81, 85. 86, 99, 108, 116, 119, 121, 131, 140, 148, 150, 159, 176, 177, 181.

Краснинскій, графъ, маршалъ Барской конфедераціи, I, 258.

Красное-село, I, 46.

Краснощокова, Анна, I, ея челобитная Елис. Петр., 62.

Краснощековъ, казацк. полковникъ, I, 140.

Краузе, Карлъ Ѳедоровичъ, лейбъ-медикъ, II, 398, 400, 412.

Крашенинниковъ, II, 326.

Крегеръ, Митавс. харчевникъ, I, 463.

Кременчугъ, гор., I, 385.

Крестцы, гор., II, 207.

Кречетниковъ, генер.-маіоръ I, упом. въ пис. Екатер. 92; отправляется въ Ярославль для принятія мѣръ противъ заразы 92.

Кривцовъ, I, его дѣло съ Михайломъ Безобразовымъ 132.

Крипицынъ, придворный духовникъ I, 391.

Кріадо (Criado), уп. въ пис. дука Лирія, II, 91.

Кромы, гор. Орловской губерн. II, 468.

Кронштадтъ, I, 49, 67, 69, 71, 72, II, 91. 92. 93. 163, 168, 405, 455, 456.

Кронье, гувернеръ дѣтей Гетмана Разумовскаго II. 480.

Крузе, г-жа, II, 316.

Крузъ, докторъ, I, пользовалъ вел. кн. Нат. Алексѣев. супругу Павла Петровича 164.

Крылова, монастырская дѣвица, I, 166.

Крымъ, I, 388. 461. II, 400.

Крымскіе татары, II, 74, 91.

Кувалдинъ, Иванъ, I, 500.

Кугушевъ, кн. Измайловецъ II, 227.

Кульмскій палатинатъ, I. 272, 282, 322.

Кумберландскій герц. I, 261.

Куперсдорфъ, побѣда, II, 407.

Куничныя деньги II, 503.

Куракина, кн. (урожд. Апраксина) Елена Степановна II, 393.

Куракинъ, кн. (Александръ Бор.), посл. въ Парижѣ II, 19, 134; способствуетъ паденію Меньшикова 24, совѣтуетъ Англ. консулу пріѣхать въ Москву 137; посланникомъ въ Пруссію 176; отмѣняется 180.

Куракинъ, кн. Александръ Борисовичъ, письмо къ нему масона Кауница 508—511. 512. 513.

Куракинъ, кн. Алексѣй Борисов. I, 415. 416.

Куракины, кн. I, 70; II, 24, 491, 492.

Кураповъ, солдатъ Измайл. полка II, 227.

Курдиловъ, Кременчугскій куп. его самозванство I, 460—465.

Курляндія. I, 468, 469, 472, 473, 474, 475, 478, 479, II, 19, 23, 24, 25, 35, 200, 201, 203.

Курляндск. рыцарство и земство, I, 470, 471, 472, 474.

Курмышъ, гор., I, 137.

Курьяновъ, Игнатій, однодворецъ, I, 108.

Кусково, подмоск. село, праздникъ въ честь Екатер. I, 394.

Кутузовъ, А—й Мих., I, пис. къ нему о Житіи Ушакова, 185—215; обучался въ Лейпцигѣ 241. 494.

Кучеровка, село (Черниг. губ., Глух. уѣзда), II, 354.

Кушникова (ур. Бекетова), I, 417. 418.

Кушниковъ, Серг. Серг., I, 417.

*

Ладыженскій, Ѳедоръ Николаев. Симбирск. Масонъ, II, 506.

Лаксъ, I, упом. въ пис. Сергѣя Пушкина, 97; 98.

Ламбаль, мадамъ I, упом. въ пис. гр. Эстергази 424.

Ланде, балетмейстеръ II, 307.

Лапшина, Анна Иванова, крестьянка, II, 504.

Лапшинъ, Иванъ Тимоф., крестьянинъ, II, 504.

Ларивъ (Larive), трагикъ I, 391.

Ларіоновъ, Сергѣй, прокуроръ, I, 494.

Лассій, (Петръ), Русскій фельд. II, 216, 219, 227.

Лассій, (Морицъ), Австр. фельд. I, 402.

Ласунскій, (Михаилъ), капитанъ Измайлов. полка, I, 77, 78; II, 451, 452, 453.

Латуръ (Де) Глуховск. комендантъ, II, 467.

Лаудонъ, австрійск. фельдмарш. I, 402.

Лашиналь, ген, I, 467; II, 427.

Лебедевъ, переводчикъ при Академіи Наукъ II, 446.

Левальдъ, Прусскій фельдмарш. II, 414; разбитъ фельдмаршаломъ Апраксин. подъ Вейлау, II, 416.

Левашидовъ, Яковъ, оберъ-секр. II, 356.

Левоновъ, Григорій, полковникъ казачій I, 245.

Левашовъ, ген. (Вас. Яковл.) II, дѣйствовалъ противъ Эзрефа, похитителя Персидскаго престола 94, 96.

Левашовъ, П. А. кавалеръ при велик. князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ I, 398, 401.

Левашовъ, сержантъ Измайлов. полка II, 227; (спасъ вел. кн. Екат. отъ неминуем. гибели) 316, 317.

Левенвольдъ, графъ Рейнгольдъ, II, принадлежалъ къ партіи в. кн. Наталіи Алексѣевны 33; ненависть противъ него 34, 35, 44, ужинаетъ у Испанск. посла 54; бар. Остерманъ его поддерживаетъ 57, 71; въ числѣ друзей кн. А. Д. Меньшикова 71; его дружба съ Австр. министромъ и вражда съ кн. И. А. Долгорукимъ 83; II, 266, 279.

Левенвольдъ, графъ Карлъ Густавъ, II; служба въ Измайл. полку 204, 205, 207, 211, 212, 213, 214; посл. въ Варшавѣ 214, письмо къ Густаву Бирону 215; умир. 216.

Левенвольдъ, поруч. Измайловск. полка II, 217.

Левшинъ, Василій, поруч., I, 494, 498.

Левъ Юрловъ, еписк. Воронежс., II, 275.

Лейденъ, гор., I, 460.

Лейпцигъ, гор., 187, 190, 192, 194, 196, 197, 198, 202, 204, 205.

Лекаросъ, Мануэль, курьеръ, II, 198.

Леманъ, профессоръ химіи, II, 441.

Левендаль, гер. II, 225. 229.

Лемешн, село (Черниговск. губ., Козелецкаго уѣзда), мѣсто родины Разумовскихъ II, 263—265, 268. 269. 270. 280. 442.

Ленцъ, лекарь II, 493.

Леонтьевъ, (Михаилъ Ивнов.), ген.-губерн. Кіевскій II, 295, 353.

Леопольдъ II-й, эрцъ-герцогъ, его переписка съ брат. Іосифомъ I, 266, 276, 277, 280, 313, 324, 326, 330, 331, II, 337; импер. Австр. I. 402, 405, 406, 407.

Лепехинъ, Иванъ Ивановичъ, путешеств. II, 474.

Лестокъ, I, 23, 25, 45; „за благополучное пущеніе импер. Елис. Петр. крови“ награждается 5 тыс. 58; II, 269, 274, 275; посылается импер. въ Ярославль для осмотра разнемогшагося герцога Бирона 249; былъ свидѣтелемъ горькой участи Бироновъ 249; участвуетъ въ придворн. интригахъ 286, 287; (упом. 309, 310, 311, 337.), сосланъ 338, 389.

Лефортъ, II. Польскій послан. при Петрѣ II-мъ 57, 104, 107, 128, 135, 143, 152, 159, 170, 481.

Ливенъ, бар. (Юрій Григорьевичъ), ген. анш., II, 415, 417.

Ливенъ, бар. ген.-лейтенантъ II, 415, 417.

Ливурно, II, 440.

Лизингъ, фрейл. матери Екатерины I, 42.

Лизогубъ, Григорій, бунчуков. товарищъ II, 292.

Лизогубъ, генеральный обозный, депутатъ II, 312, 313. 343, 345.

Лизогубъ, Илья, II, 348.

Липаръ, графъ, диплом., I, 261. 262: (Рокъ Фридрихъ, свѣдѣнія о немъ 262), 263, 307, 308, 311; II, 338; датскій посланникъ 405.

Липаръ, Морицъ Карлъ, послан. Польско-Саксонскій, при императ. Аннѣ Іоанновнѣ, I, 262, 263.

Липденгенъ, дѣвица, I. 43.

Липдеманъ, д-ръ I, 164.

Линь (де), принцъ, I, 388.

Липецкая, поч. ст., въ Харьковск. намѣстничествѣ, I, 382.

Липскій, Польскій сенат. I, 477.

Лирій (де) дукъ, его *Письма о Россіи въ Испанію* II, 5—198.

Лисенко, казакъ II, 358.

Литва, I, 284, 300, 304, II, 214.

Литвиновичи, село II, 354.

Литвиновъ, Карпъ, Измайловецъ, II, 227.

Литтле, морякъ II, 91, 92.

Лифляндія, I, 433, 437. 442, 443, 444. 460, 472.

Лифляндскія права, 434.

Лифляндское дворянство, I, 434, 481, II. 294.

Лихтенштейнъ, фонъ Венцель, кн., II, 217; его заводъ Испанскихъ овецъ 496.

Лобковичь, кн. Австрійскій министръ, въ Петербургѣ, I, 280, 321, 323, 330.

Лодыгинъ, Григорій I, 497.

Ложниковъ, Степанъ, гренадеръ Измайл. полка, II, 227.

Ломоносовъ, II, академикъ 324 — 327, 342, 376, 380 — 382; профессоръ, его рѣчь во время торжествен. засѣданія Академіи Наукъ; заботится объ учрежденіи Петербургскаго университета 430; распри его съ прочими академиками 431, 432.

Лондонъ, I, пѣшіе и конные воры 395, 396; жизнь въ немъ 396, 397; улицы 397; парламентъ 397, 399; уголовный судъ 397, 398: кулачные бойцы 399, 400; театры 400; кофейни 401; II, 500. масонская ложа, 511. Вестминстерское аббатство, I, 397.

Лопиталь, маркизъ Французскій посолъ, II, 405, 407, 420, 421, 423, 425.

Лопухина, (урожд. Балкъ), Нат. Ѳед., I, ея заговоръ 20, II, 286.

Лопухина (урожд. гр. Ягужинская), II, 415.

Лопухина, II, жившая, по преданію, вмѣстѣ съ княжнами Таракановыми, въ Италіи 440.

Лопухинъ, Андрей, I, его челобитная императр. Елисав. Петр. 62.

Лопухинъ, Степанъ, I, 60.

Лопухинъ, Ив. Влад., I, 458, 460.

Лопухинъ, кн. Петръ Вас., мин. юст., I, 449, 450.

Лопухинъ, Василій Абрамовичъ, ген.-авш., II, 415; убитъ въ сраженіи подъ Вейлау 416.

Лоранъ, учитель чистопис. имп. Екатерины, I, 9.

Лорихъ, Иванъ, полковн., I, его челобитная имп. Елис. Петр. 63.

Лоррэнъ (лс), худож., II, 404.

Лубны, гор., II, 220.

Лубенскій уѣздъ, II, 465.

Лука, іеродіаконъ, регентъ катедральной канц., Кіевской митрополіи II, 357.

Лукинъ, Масонъ, II, 513.

Лупинъ, Александръ Михайлов., капитанъ-гвардіи, I, 144.

Лупинъ, Мих. Кипр., II, 224, 231.

Люблинъ, гор., 390.

Люблинскій, палатинатъ, I, 280.

Людовикъ XIII, кор. Франц., II, 390.

Людовикъ XIV, кор. Французск., I, его вѣкъ 9; II, 390.

Людовикъ XV, кор. Французскій, I, отводитъ помѣщеніе матери Екатер. въ Люксембургскомъ дворцѣ 37, покровительствуетъ Станиславу Лещинскому 289; письмо къ нему герцога Рогванскаго 312; II, его несостоявшійся бракъ съ Испанскою инфантою, 9. Уп. 151.

Людовикъ XVI, кор. Французскій, I, дѣлаетъ смотръ войскамъ 391; его братья 403; бѣгство 420; вел. кн. Павелъ Петровичъ бесѣдовалъ объ его участи съ гр. Эстергази 423.

Людовикъ, герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій, I, 285.

Людовикъ, принцъ Роганскій I, 312, 313, 327, 330.

Люп-Жозефъ, художникъ, II, 404.

Люскъ, ея пансіонъ въ Петербургѣ, I, 387.

Львовъ, гор., I, 263, 280.

Львовская Академія, II, 255.

*

Маврипъ, капит.—поруч., I, 433.

Магги, Іосифъ, (Gioseppe Maggi), I, 495.

Магометъ, Марокскій имп. II, 9.

Мадритъ, II, 21, 23, 27.

Мадритскій Корол. Музей, II, 6.

Мазепа, II, 351, 379.

Майнъ, р., I, 407, 408.

Макаровъ, Василій, I, 500.

Макаровъ, Петръ Аѳан., Симбирскій Масонъ, II, 507.

Макензи-Дугласъ, Французскій политическій агентъ, II, 392, 405, 406, 414, 418, 422.

Макпра, Австрійскій генералъ, II, 411.

Макова, Лукерья, ассессорша, I, 145.

Маковъ, Борисъ, ассессоръ, I, 145, 146.

Макріевичъ, Павелъ, II, 349.

Максимиліанъ-Іосифъ, курф. Баварскій, I, 14.

Максимиліанъ, сынъ имп. Маріи Терезіи и братъ императоровъ Іосифа II и Леопольда II-го., курф. Кельнскій, I, 406.

Максимъ Грекъ, уп. I. 504.

Максимъ, протоіер. Зѣньковскій, II, 356, 357.

Макуловъ, кн. архитекторъ, I, 110—117, 120, 130, 133.

Малиновскій, Алексѣй, I, 502.

Малороссійская шляхта, II, 432,

Малороссійскія права, II, 431. 464.

Малороссійское судоустройство, II, 435, 436, 437, 459, 465.

Малороссійскія школы, II, 432, 434.

Малороссія, I, 27; II, Малороссіяне при Разумовскихъ 266, 270, 276, 278, 288, 290, 292—301, 311—313, 343, 344—350, 354—356, 358, 359, 379, 386, 393, 394, 395, 396, 402, 412, 413, 422, 428, 431, 432, 433, 435, 436, 437, 442, 445, 447, 450, 452, 456, 458, 459, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 474, 475, 495, 496.

Мальтійскій, орденъ, II, 142, 143.

Мальцанъ, баронъ, Датскій посланникъ, II, 405, 406.

Манасій, Максимовичъ, архимандр. Софійскій, II, 350.

Манасій, архидіаконъ Кіевской митрополіи, II, 357.

Мантейфель-Цеге, Іоганъ, офицеръ, II, 415, 417.

Мануэль, Португ. принцъ, II, 80, 82, 96.

Манштейнъ, адъют. Миниха, II, 234, 244.

Маньянъ (Magnan), секр. посольства, II, 109.

Мардефельдъ (старшій), бар., II, Прусскій посланникъ при Петрѣ II-мъ, 53, 81, 111, 135, 152, 159, 179, 181.

Мардефельдъ (младшій), бар., Прусскій посланникъ, въ Россіи, I, 11, 14, 15; Елисавета Петр. желаетъ его отозванія 30, II, 389.

Маріанна, принц. Беверпская, I, 10.

Маріанна, принцесса, вторая дочь Польск. Кор. Августа III-го, I, 14, 16.

Маріенбургскій палатинатъ, I, 272. 282, 322.

Марія, Анна, донья, инфанта испанская, II, 60, 109.

Марія Антуанета, королева Французская, I, 391, 421.

Марія Терезія, импер. Австр., I, 31, 247, 255, 260, 262, 263, 267, 269, 271, 274, 276, 277, 278, 279, 280, 282, 299, 303, 317, 319, 320, 324; 325, 326, 327, 328, 329, 330, 332, 403, 406; II, 10, 216, 337, 389, 404.

Марія Ѳеодоровна, импер., I, 169, 175; 402, 488, 489, II, 500.

Марковичъ, Яковъ, генеральн. подскарбій, авторъ дневныхъ За-

писокъ, II, 279, 292, 293, 298, 348, 366, 435.

Марковъ, гр. (Аркадій Ив.), его отзывъ о Безбородко, I, 418.

Маро, рисовальщ., II, 404.

Марсель, гор.. II, 479, 481.

Марчихина Буда дер. въ Малороссіи, I, 62.

Маршъ (де-ла), графъ, I, 42.

Масловъ, полковн., упом. въ пис. Екатер., I, 98.

Масонскія бумаги, II, 506.

Массонъ, его пансіонъ въ Петербургѣ, I, 387.

Матвѣевъ, гр. Преобр. капит.-лейт., его дѣло II, 6, 170—174.

Матюшкина, (урожд. кн. Гагарина Анна Алексѣевна), граф., II, 317.

Матюшкинъ, графъ (Дмитр. Михайловичъ), II, 317.

Мафей (Mafey), Сардинскій послан., II, 109.

Махмудъ I, султанъ, II, 394.

Машанъ, камердинеръ гр. Н. П. Румянцова, I, 389.

Машевъ, село (Черниг. г., Новг.—Сѣв. у.), II, 354.

Мглинскій уѣздъ, въ Малороссіи, II, 465.

Медемъ, (фонъ) Измайлов. подпор., II, 208.

Медоксъ, Михайла, I, 491.

Менджибожъ, м., II, 228, 230.

Межибожскій монастырь, II, 354.

Межигорскій монастырь, I, 166.

Мейендорфъ, бар., Измайл. кап.-пор.. II, 217, 227.

Мейсенъ, гор., фарфоровая фабрика, I. 390.

Мейсперъ, таможен. досмотрщикъ, I, 243.

Мелиссино, (урожд. кн. Долгорукая), Праск. Владиміровна, I, 107.

Мелиссино, Петръ Ивановичъ, II, 352, 509, 510. 513.

Меліанъ (урожд. Конноръ), играла на домашнемъ спектаклѣ гр. Головкиной, I, 416.

Мельгуновъ, Александръ, учитель Московск. Дух. Академіи I, 495.

Мельгуновъ, Ал-й Петр., I, 92; 93; 101; рескриптъ ему II. Екатер. 428; 429; письмо II. В. Завадовскаго 429, 430; замѣтка объ его могилѣ 430, 431. Новороссійскій губернаторъ, II, 466; Ярославскій губернаторъ, секретная инструкція ему Екатерины II-й, 470.

Мельгуновъ, Петръ Алексѣев., ген.-маіоръ, I, 497.

Мемель, гор. II, 412, 414.

Менгденъ, каноникъ, I, 6, предсказываетъ корону Екатеринѣ II-й, 7.

Менгденъ, г-жа, I, 22; Юлія? 262.

Менгденъ, Якобина, II, 240, 246.

Менеласъ, архитекторъ, II, 495.

Мено Голстъ, коммерцъ-совѣтникъ, I, 480, 481. 482. 483.

Меншикова, (урожд. Арсеньева) кн. Дарья Мих., II, 64, 65, 77. 78. 194.

Меншикова, кн. (Марія Алексан.) невѣста Петра II-го II, 186. 193. 212.

Меншиковъ, кн. (Александръ Александр.), сынъ кн. Ал-дра Дан., II, 24, 193. 211.

Меншиковъ, кн. Ал-дръ Данил., II, свѣдѣнія о немъ 19, 20, 56; паденіе 24, 31; ссылка 25, 64, 77; 78; его домъ въ Москвѣ 53; ходатайство о немъ 62, 65; свояченицы его 65; допросы по его дѣлу 65; умир. 193; семейство его обезпечивается пенсіономъ 194; упом.

I, 72; II, 32, 71, 121, 122, 153, 177, 183, 186, 187, 194, 203, 210, 211. 212. 261. 336. 428. 429. 432.

Мерефа, деревня, I, 380, 381, 382.

Мерзляковъ, профессоръ поэзіи и краснорѣчія, цензоровалъ соч. Радищева, I, 241.

Мерлинъ, I, былъ у разбора Голштинскихъ дѣлъ 148.

Мерсье-де-Ла-Ривьеръ, другъ Дидро, I, 351.

Месселіеръ (де ла), секретарь Французск. посольства, въ Петербургѣ, II, 305.

Мещерская, (урожден. гр. Матвѣева), Нат. Андр., внучка славнаго Матвѣева, I, 161.

Мещерскій, кн. Вас. Ив., I, его хлѣбные запасы 161.

Миклашевскій, родственникъ Г. Н. Теплова, II, 423.

Микѣшинъ, ген.-м., I, 173.

Миланъ, гор., II, 474.

Милезимо, графъ, II, влюбленъ въ царскую невѣсту кн. Долгорукую 6, 156, арестъ 156, 157—159. 188. 190.

Миллеръ, исторіографъ, I, 182; II, 272, 326, 381; переписка съ Гетманомъ Разумовскимъ объ основаніи университета въ Батуринѣ 437, 485.

Мильхертъ, „Измайловскаго звѣринца“ форшъ-мейстеръ, I, 62.

Милюковъ, Егоръ полковн., I, 63.

Минихъ, отецъ, (фельдмарш.), I, 67; 467. II, 207, 212, 213, 219, 220, 221, 222, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 232, 243, 251; 261, 279, 285, 296, 442, 455, 456.

Минихъ, сынъ, (камергеръ), II, 212, 213, 226, 227; его супруга (ур. Менгденъ) 227.

Минихъ, бар. оберъ-гофмаршалъ, II, 293.

Минницкій, самозванецъ, II, 206.

Миргородскій уѣздъ, II, 465.

Мировичъ, дѣло объ немъ, II, 472, 273; его преступное покушеніе I, 460, II, 472.

Митава, гор., I, 193, 365, 470 471.

Митавскій зимокъ I, 479,

Михайловъ, Иванъ, I, 497.

Михаилъ, Вишневецкій кор. Польскій, II, 251.

Михаилъ Козачинскій, іеромонахъ, сочинилъ генеалогію Разумовскихъ, II, 287, 288.

Михаилъ, протоіерей Кобеляцкій, II. 356, 357.

Михалково, подмосковная гр. П. И. Панина, I, 121.

Михельсонъ, его дѣйствія противъ Пугачева, I, 143, 147, 149.

Мишурный рогъ, укрѣпл., II, 220, 221, 223.

Міеровичъ, Петръ, Енисейск. воевода. I, 61.

Могилянскій, Матвѣй, студентъ, I, 500.

Модлей, докторъ; его портретъ, II, 404.

Можайскіе дворяне, I, 137.

Моисей, игуменъ, цензоръ, I, 490—502.

Моисеевъ, гофъ-курьеръ, I, 130, 134.

Молдавія, II, 228.

Моле (Molé), актеръ, I, 392.

Молочище, р., II, 226.

Монастырь, деревня, II, 336.

Монтескье, I, 333, 343.

Мономрсиь, Франц. мин. ин. дѣлъ, I, 389.

Монфоръ, Франц. инженеръ, II, 486.

Морандъ (Morand), лингвистъ, I, 397.

Мордасовъ, Василій однодворецъ, I, 108.

Морп, аббатъ (l'Abbé Maury), I, 404, папскій нунцій по случаю коронаціи импер. Франца 407; превозноситъ Екатерину 407.

Морицъ Саксонскій, I, 27; II, 23, 35, 36, 58, 70, 128, 143, 152. 203. 274.

Москва, I, выкурпваніе домовъ во время заразительной болѣзни 106; смута противъ Екатерины 77, 78, 107. Мѣры принятыя противъ заразы 92, 93; пожары 119; воровства и разбои 123; II, 161; мѣры на случай нападенія Пугачева 136, 137, 138, 139, 142; сюда стекаются разоренные бунтомъ 150; строенія 165, 166, 173, 174; снабженіе чистою водою 175, 176; празднованіе свадьбы в. кн. Константина Павловича 417; II, политическое значеніе 23, 88; охота 32, 33, 64. дороговизна 43; коронація Петра II-го, 51. 53. 54. банкирскія дѣла 59, 61; окрестности 64; вода 67; мануфактура парусовъ 71; любовь къ ней Русскихъ 82; климатъ 33, 64, 67, 129, 131, 139, 148; празднованіе Св. Пасхи 66; празднованіе тезоименитства Петра II-го, 83. уп. 88, маневры войскъ, 97. 100, 151, 155. 165, уп. 118, 120, 124, 136, 261. Коронація Екатерины II-й 456, 457, 460, 464; 480, 491, 492, 494, 495; 506. Эпидеміи 155, 160, 161.

Москва, рѣка, I, 58. II, 136. 341.

Московиты (Русскіе), II, отзывы дука де Лирія, 18, 19, 23, 24, 36, 46, 82, 85, 146, 147, 149, 162, 189, 190.

Московская, провинція, I, 107.

Московскіе дворяне, I, 136, 137, 139, 142, 143, 146. 151.

Московскіе раскольники, I, 141. 507.

Московскій университетъ, I, 359, 490; основанъ И. И. Шуваловымъ 402. Указъ объ основаніи его; медали о установленіе университета 411, 432. Гетманъ Разумовскій подробно осматриваетъ его 437, 438. 492.

Московскій: театръ, I, 58; 103. II, (московитскій) языкъ 44.

Алексѣевскій монастырь, I, 431.

Анненгофскій дворецъ, I, 115, 116, 129, 130; переименован. въ Екатерининскій, 133.

Апраксиныхъ домъ на Знаменкѣ, (нынѣ Алекс. Воен. Учил.) II, 491.

Артиллерійскій дворъ, I, 116.

Бестужевскій домъ, I, 110, 112, 113, 114.

Вознесенск. мон. въ Кремлѣ, II, 439.

Воскресенія на Барашахъ, церковь (на Покровкѣ), II, 276, 277. 481.

Воскресенскія ворота, I, 157.

Гагариныхъ домъ на Стр. бульварѣ (нынѣ Екатер. больница) II, 492.

Георгіевскій монастырь, II, 261.

Голицинская больница, I, 402.

Головинскій дворецъ, I, 23, 27, 46, 57, 116.

Головинскій садъ, I, 115.
Головкиной домъ, на Никитской, II, 491.
Грановитая Палата, I, 433.
Дашковой домъ на Никитской, II, 491.
Демидовыхъ домъ на Басманной (нынѣ Елизав. Институт. и Школа Топографовъ) II, 492.
Долгоруковъ домъ на Пречистенкѣ, I, 144, 145, 147.
Донской монастырь, I, 431.
Еропкиныхъ домъ на Остоженкѣ (нынѣ Коммерческ. Училище) II, 491.
Заиконоспасская духов. академія, I, 374.
Замоскворѣцкій Царицынъ лугъ, II, 205.
Ивановск. мон., II, 439.
Каменный приказъ I, 165, 166, 174.
Католическая церковь въ Москвѣ, II, 51, 66, 67.
Китай-городъ I, 123.
Комедіанскій домъ, I, 58.
Кремлевскій дворецъ, I, 57; 104; II, 116, 184.
Кремль, I, 45, 57, 114, 117, 118.
Кривое колѣно, переулокъ, I, 129.
Лефортовъ дворецъ, I, 108—115.
Магистратъ, I, 114, 115.
Малаго Вознесенія церковь на Никитской, I, 47.
Марлинскій домъ, I, 110, 113.
Монетный дворъ, I, 154, 155.
Московскія масонскія ложи. II, 513.
Мусина-Пушкина домъ, на Разгуляѣ (нынѣ 2 Гимназія) II, 492.
Нарышкинск. домъ на Воздвиженкѣ (нынѣ гр. Шереметева) II, 333.
Нарышкиныхъ домъ, на Воздвиженкѣ (нынѣ Горн. Правл.) II, 491.
Никитскій монаст. II, 440.
Никольскій Греческій монастырь. I, 59.
Новоспасск. монаст., II, 440, 443.
Нѣмецкая слобода, II, 52, 53, 58, 161, 184, 260.
Разумовскаго домъ, на Покровкѣ, II, 461.
Румянцевыхъ домъ на Моросейкѣ. II, 492.
Семинарія, II, 326.
Сенатъ, I, 57, 123, 124, 125.
Слободскій дворецъ, II, 52, 58, 155.
Тайная экспедиція, I, 434.
Талызинскій домъ, I, 113.
Тверскія ворота, I, 183.
Трубецкаго домъ въ Кремлѣ (нынѣ зданіе Сената) I, 91, 93, 94, 115.
Чудовъ, монастырь, I, 505, II, 255.
Шувалова домъ на Покровкѣ, II, 492.
Шуваловскій домъ (нынѣ домъ министерства финансовъ на Мясницкой) I, 129.
Юстицъ-коллегія, I, 125.
Московское государство, I, политическія преданія 310.
Москотиньевъ, Измайловск. подпрап., II, 227.

Мотъ, (де-ла), архитект., II, 496.

Мошковъ, Сергѣй, I, 501.

Мошковъ, секр. посольства въ Парижѣ, I, 391.

Мурахва, мѣст. I, 61.

Мурзинка, въ окрестностяхъ Петербурга, II, 314, 382, 429.

Муромъ, гор., I, 154.

Мусина-Пушкина, гр. Марѳа, I, 63.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Валент. Платонов., I, (144), 423.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Алексѣй Ивановичъ, I, 505.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. (Плат. Иван.?), его села въ Можайск. у., I, 61; пис. къ нему Г. Бирона. 235, 236.

Мустафа III, султ. Турецкій, I, 361.

Муфель, маіоръ, I, 142.

Мѣдно, село, I, 53.

*

Нагель, (фонъ) Лифляндскій ген. губ., I, 448, 449.

Нагъ, (комиссіонеръ Гетмана Разумовскаго), II, 479.

Назарова, или *Назарьева* Варвара Мироновна см. *Аркадія* инокиня.

Нарва, гор., II, 420.

Нармацкій, Андрей, капит., I, 103, 104, 109, 110, 119, 120.

Нартовъ Андрей, письмо его къ Гетману Разумовскому, II, 493.

Нарциссъ, арапъ Петра III-го, II, 449.

Нарышкина, Анна Никитична, тетка гр. Н. П. Румянцова I, 413, 414; II, 423.

Нарышкина (урожд. граф. Апраксина), Елена Александр. II, 333, 424.

Нарышкина, Марья Павловна, супруга оберъ-егермейстра С. К. Нарышкина II, 399, 400, 424.

Нарышкина, N. N. Кириловна, супруг. Ив. Льв. Нарышкина, II, 333.

Нарышкина, Софья Кириловна II, 420.

Нарышкина, (урожд. Закревская) Марина Осиповна. II, 387, 423, 424, 425, 495.

Нарышкинъ, (Александръ Александровичъ) I, Елисав. Петр. высылаетъ его изъ Москвы встрѣтить Цербскихъ путешественницъ и вручить имъ шубы 23; сопровождаетъ въ Петербургъ Дидро, который и находитъ въ его домѣ пріютъ 351, 352, 355, уп. 358; его дача подъ Петербургомъ и гостепріимство 413, 414; II, 333.

Нарышкинъ, Кирила Алексѣев., II, 333.

Нарышкинъ, Кирила Полуехтов., II, 333.

Нарышкинъ, Петръ Кириловичъ, камергеръ II, 447.

Нарышкинъ, (Александръ Львовичъ?) маіордомъ цесар. Елисав. Петр. II, 99; (графъ 132, 133, 136), судъ надъ нимъ 136; 143, 149; сосланъ 150, 333, 367.

Нарышкинъ, Ив. Льв. II, 314, 333.

Нарышкинъ, Левъ Александр. II, 423, 424, 425, 426.

Нарышкинъ, Левъ Кирил. дядя Петра Велик., II, 333.

Нарышкинъ, гофмаршалъ потомъ оберъ-егермейстеръ Семенъ Кирил. II, 314, 333, 399, 424.

Нарышкинъ, Ѳома Иванов. II, 333.

Нарышкины I, 355; II, 315. 333.

Пасакинъ, Иванъ обучался въ Лейпцигѣ I, 241.

Пассау-Зигенъ, принцъ I, 404, 405, 406, 412.

Наталія Алексіевна, супр. в. кн. Павла Петровича, I. 121; описаніе ея болѣзни и кончины 163, 164.

Наталія Алексіевна, в. кн., сестра имп. Петра II-го II, свидѣтельство о ней Испанскаго посла Дука де Лирія 30, 33, 36, 39, 41, 42, 46, 55, 56, 60, 63, 66, 68, 69, 70, 79, 81, 88, 93, 94, 97, 98, 100, 101, 104, 105—107, 109, 110—118, 119, 124, 127, 130, 132, 133, 134, 136, 142, 144, 155.

Наталія Кирилловна, (Нарышкина), царица II, 333.

Наумовъ, Андрей, I, 499. 500.

Наумовъ, Ив. Григ., отст. ротмистръ, I, 123, 130, 131.

Наумовъ, Ѳедоръ, ген. полиц. I, 60.

Наумовъ, I, упом. въ пис. Сергѣя Пушкина 97, 98.

Наумовъ, бригадиръ I, 105.

Нащекинъ, Василій Александр., адъютантъ измайловск. п., его Записки II, 207, 216, 221. 228, 231.

Неаполь, II, гор. 474, 484.

Нева, р., II, 27. 209.

Невзоровъ, Максимъ, Московскій студентъ. I, пис. о немъ Екатер. 458 459; разсказъ его 460.

Невскій, Борисъ, канцеляристъ II, 356.

Несловъ, полковникъ I, 67, 71. 72.

Неккеръ, г-жа, I, бесѣда съ Дидро 362.

Нелединскіе, I, 70.

Нелединская, Наст. Никол. I, 404, 405.

Нелидовъ, поруч. сенат. роты I, 89,

Нелидовъ, Измайловецъ II, 235, 236.

Неплюевъ. Иванъ Иваночичъ II, 273, 429, 432. 469.

Несвицкій, кн. камеръ-юнкеръ, I, 77.

Несвицкій, князь Александръ, обучался въ Лейпцигѣ I, 241.

Неца, р,. I 281.

Нижнеколымскъ (въ Сибири), II, 248.

Нижній-Новгородъ, гор. I, 137. 139. 141. 158. II, 440.

Никифорова, Авдотья Степанова, крестьянка, II, 504, 505.

Никифоровъ. Никифоръ, раскольникъ, II, 504. 505.

Никифоръ Зыринъ свящ., I, 498.

Николаевское-Карачарово, село II, 273.

Николай, (учитель сына Гетмана Разумовскаго) II, 489.

Николай Николаевичъ, старшій, Великій Князь. II, 429.

Николай Павловичъ, импер. I. 386.

Николшинъ, Ѳедоръ, солдатъ Измайлов. п., II, 227.

Никонъ, монахъ I, 56.

Нилово, дер. II, 336.

Нитинское. село, на Сеймѣ, II, 296.

Новгородъ-Сѣверскъ, гор., II, 256. Спасскій монастырь, II, 256.

Новгородъ, I, 163. II, 207. 320.

Новгородскій Софійскій соборъ, I, 505.

Новгородская семинарія, II, 326.

Новороссійская губернія, I, 436.

Новиковъ, Н. И., его типографія, I, 490. 491.

Носке, мадамъ, приставленная къ племянницамъ гр. А. Г. Разумовскаго II, 445.

Носке, учитель И. И. Шувалова II, 322.

Носовка, гор., (въ Малороссіи,) II, 273.

Норовъ, Петръ Яковлевичъ, Симбирск. Масонъ II, 507.

Нумерсъ, Кронштадскій комендантъ I, 72.

Нѣжинъ, гор., II, 223, 230. 299.

Нѣжинскій уѣздъ, II, 465.

Нѣмцово, сельцо подъ Малоярославцемъ I, 242.

Нѣмцовъ, капит. гв. I, 109.

Нэжонъ, другъ Дидро I, 349, 368. 371, 374.

*

Обертенъ (д'); уп. I, 359.

Оболонскій, Демьянъ, генер. бунчужный II, 301, 312, 348, 350, 358, 363, 366, 367, 369, 372. умеръ 431.

Обрѣзковъ, (Алексѣй Михайл.,) дипломатъ, I, 73, 266, 267. 276.

Обрѣзковъ, П. А. совѣтникъ посольства въ Парижѣ I, 391, 393.

Обь, р. II, 258.

Овсянниковъ, Ѳома, Измайловецъ I', 227.

Одесса, гор., II, 263.

Одоевскій, кн. Иванъ (Васильевичъ?), его челобитная Импер. Елисаветѣ I, 60; II, 304.

Окуловъ, принималъ участіе въ домашнемъ спектаклѣ гр. Головкиной I, 416.

Олешинъ, статсъ-секретарь, I, 506. 507.

Оливеръ, (де) Д. Николасъ, II, 194.

Оливье, актеръ I, 392.

Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ, I, 105; письмо къ нему Екатер. о русскихъ студентахъ обучавшихся въ Лейпцигѣ 241, 242. Назначенъ статсъ-секретаремъ 242; II, 464; письма къ нему Екатер. II, 467, 468, 469. 470.

Олсуфьевъ, Петръ, драгунск. полковн. I, 61.

Олсуфьевъ, Сергѣй Адамовичъ, обучался въ Лейпцигѣ I, 241. 242.

Олсуфьевъ, Ѳ. Я., командиръ Измайл. полка, I. 387.

Омельникъ, р., II, 225.

Омеръ, (Omer Joli de Fleury). ген. адвокатъ Парижскаго парламента, I, 335, 337.

Ораніенбаумъ, (Аренбовъ) гор. I, 49, 66, 67, 69; II, 316, 453. 454. 455. 456.

Ораніенбаумскій арсеналъ I, 147.

Оренбургъ, гор., I, 127.

Ореусъ, докторъ, I, 152. 153,

Орлеанскій герцогъ, его кабинетъ гравированныхъ камней I, 390. 393.

Орлова, княгиня (урожд. Зиновьева) Екатерина Николаевна, супруга графа Григорья Григорьевича Орлова II, 477. 478

Орловъ, (Чесменскій) гр. А-й Григ. I, неудовольствіе противъ него 78; Екатерина посылаетъ ему въ Москву поклонъ 163; его обѣды 417; II. по преданію, арестовалъ княженъ Тваракановыхъ въ Ливурно, 440; уговариваетъ гетмана Разумовскаго принять участіе въ заговорѣ противъ Петра III, 451; 474.

Орловъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ. Назначенъ директоромъ Академіи Наукъ II, 329, 474.

Орловъ, кн. Григ. Григ., I, Московскій слухъ о намѣреніи И. Екатер. вступить съ нимъ въ бракъ

77, 78; его дѣятельность во время Московской чумы 89, 91; письмо къ нему Яицкихъ казаковъ о Пугачевѣ 142, 151, 152, 244, 245; поддерживаетъ у И-цы политику канцлера Бестужева 250, 290: подрываетъ довѣріе И-цы къ гр. Н. И. Панину 304; жалоба на него кор. Станислава Понятовскаго 306; II, его домъ въ Петерб. 382, его значеніе въ первые годы царствованія Екатерины II-й. Въ Петербургѣ ожидаютъ брака его съ Екатериной II-й 459; неумѣстная выходка его на обѣдѣ во дворцѣ. 460, I, уп. 93; II, 463, 468, 469; дѣло о женитьбѣ его на двоюродной сестрѣ 477. 478.

Орловъ, Степанъ, студентъ Московск. Университ. I, 495, 497. 499. 500.

Орловъ, гвардейскій офицеръ I, 66.

Орловы, I, неудовольствіе противъ нихъ 77, 78; дружба ихъ съ кн. М. Н. Волконскимъ 121; сходятъ съ придворнаго поприща 181; политика 320: II, покупаютъ винный погребъ канцлера Бестужева 303; стоятъ въ главѣ заговора противъ Петра III-го 450; 463: ихъ домъ въ Москвѣ подъ Донскимъ 492.

Орчакъ, слобода II, 296.

Останкино, подмосковная II, 295.

Остаповскій уѣздъ, въ Малороссіи II, 465.

Остенъ-сакенъ, Датскій послан., въ Петербургѣ, I, (287?) 305, 306. 309: II, 405, 406, 425.

Остервальдъ, (Т. И.) II, 352.

Остерманъ, баронъ, Мекленбургскій посланникъ при Петрѣ II-мъ, II, 150.

Остерманъ, (Генрихъ Іоганъ Фридрихъ, графъ Андрей Ивановичъ), вице-канцлеръ, свидѣтельство о немъ Испанскаго посла Дука де Лирія II, 9, 26, 28—37, 39, 42, 44, 45, 47, 49, 50, 54—58, 60—66, 68—83, 86, 90, 93, 94, 95, 96 — 98, 100 — 104, 106 — 112. 114, 116, 117 — 123, 125, 126—128, 130—137, 139—142, 144, 145, 147, 148, 151, 153, 154, 155, 157, 158, 160, 162, 163—165, 167, 171—173, 175—178, 180, 181—184; 186—189, 191, 193, 196; упом. 213, 248, 261, 274. 279. 389.

Остерманъ, гр. (Иванъ Андр.), вице-канцлеръ I, 394, 417, 423. 424. 489.

Остерскій уѣздъ, въ Малороссіи II, 465.

Остзейскія провинція, I, 182.

Острецово, село Сузд. у., I, 63.

Островъ, подмосковное село графа А. Г. Орлова II, 474.

Остроградскій, Миргородскій полковой судья II, 371.

Отейль, адвокатъ I, намѣревался купить библіотеку Дидро 340.

Очаковъ. II, 221, 222, Измайловскія ворота, 223.

*

Павелъ Петровичъ, имп. II, рожденіе 382, 389, покушенія возвести его на престолъ при жизни матери I, 78, 107, 121; въ день его бракосочетанія разносится по Петербургу вѣсть о появленіи Пугачева 121; умираетъ первая его супруга 163, 164; выказываетъ „презрѣніе къ низкому ласкательству“ Дидро „и отрицаніе къ пагубнымъ началамъ этого философа“ 356: нерасположеніе къ лицамъ, къ которымъ расположена была его мать 356; аудіенція

графу Эстергази 423; предпологавшіяся сношенія его съ Масонами 469; канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ замышлялъ произвесть въ пользу его государственный переворотъ II, 378, 393, 419, 441, 451, 471, 475, 479, 500, 508, 510, 512 его царствованіе II, 261, 291. освобождаетъ Радишева 243; упом. I. 66. 310, 386; 402; 488: 489. II, 414. 440. ему принадлежалъ Каменный Островъ II. 377.

Павелъ, монахъ, отправленъ при студентахъ въ Лейпцигъ I, 194—196.

Павловскій, Левъ, студентъ, I. 494, 499.

Павловскій, его маетности въ Малороссіи, II, 354.

Павловскъ, гор. Петерб. губ. II, 500.

Павловъ, секрет. посольства, въ Парижѣ I, 391.

Павловъ, поруч. Измайловскій II, 245.

Павловъ, сержантъ Измайловск. II, 227.

Павловъ, Никита, подрядчикъ, I, 164.

Падуа, городъ II, 478.

Падуровъ, сообщникъ Пугачева, I, 433.

Палези, торговалъ библіотеку Дидро I, 340.

Паленъ, бар. П. А. Первый Курляндскій ген. губерн. I, 480: письмо къ нему Екатер. 483.

Пальменбахъ, поручикъ Измайловск. п., II, 231.

Пальфли, упом. въ пис. гр. Эстергази I, 422.

Памфилій, начальника Быстрицкого монастыря II, 356.

Панина (урожден. баронесса Вейдель), гр. Марія Родіоновна, I, 167.

Панинъ, графъ Никита Ивановичъ; I, 121; награждается чиномъ, деревнями, деньгами, пансіономъ „и другими многими монаршими щедротами" 123; представляетъ И-цѣ желаніе своего брата „быть употребленнымъ къ утушенію бунта" Пугачевскаго 138; его дипломатическая дѣятельность 246—253, 255, 263, 269, 270, 272, 280, 282. 285, 286, 294; 295, 299, 304. 308. 309. 310. 311. 320. 321. 322. 323. 325. 330. 332. 473. II, наставникъ В. К. Павла Петровича 451; склоненъ къ участію въ заговорѣ противъ Петра III-го 451, 453; I. возстаетъ противъ задумываемаго брака Екатерины II-ой съ графомъ Григоріемъ Орловымъ 77, 78, II, 460. 469, 470, 474; I, письмо къ нему адмирала Талызина отъ 29 Іюня 1762 г. 69, 70. II. уп. 477. 482. 494.

Панинъ, графъ Петръ Ивановичъ привозитъ въ Царское Село извѣстіе о побѣдѣ одержанной фельдмаршаломъ Апраксинымъ надъ Пруссаками II, 414; 416; I. его наущенію нѣкоторые приписывали Московское смятеніе 1771 года 107: Екатер. его сторожится и подозрѣваетъ 107; его нескромныя рѣчи 121; холодныя отношенія къ кн. М. Н. Волконскому 121; донесенія о немъ сего послѣдняго 121, 122, 123; 129; 130; назначается главнокомандующимъ противъ Пугачева 138—140, 142, 143, 144, 146—148. 149, 150, 151, 152. 153, 154, 155, 156, 158, его супруга (урожден. Вейдель) 167; пис. къ нему фонъ Вилина о Дидро и д'Аламберѣ 340; II, 477, 491; письмо его къ графу К. Г. Разумовскому 493. 494.

Пардо, загородный дворецъ Испанскаго короля Филиппа V-го, II, 11. 13.

Парижъ, I, замѣчаніе о немъ Екатерины II-й, 102; его общежитье водворяется въ Германіи 9; театръ 391, 392, кофейни 392; гуляньи 392, 393. Русскіе 393, 394; сравненіе его съ Лондономъ 396, 397; II, поклоненіе ему Русскаго общества 435; 473, 474, 481.

Паскевичъ, князь, фельдмаршалъ II, 461.

Пассекъ, Петръ Богдановичъ, капитанъ Преображенскаго полка I, 77, 106; содѣйствовалъ вступленію на престолъ Екатерины II-й, и его арестъ II, 455.

Пассекъ, Василій Васильевичъ I, его Записки, 106, 167.

Пассекъ, Наталья, I, ея жалоба Екатеринѣ на дочь 106, 107, 114; свѣдѣнія о ней 106. 107.

Пасынковъ, студентъ I, 241.

Пастуховъ, д. ст. сов. I, 370.

Пасъ, (де-ля) маркезъ II, депеши къ нему дука до Лирія 5—198

Патиньё, (Донъ Хосе) II, 184. 195.

Пафнутій, игум. Сорочинскій II, 356.

Пахринская, дворцов. волость, I, 164.

Пелымъ, I, 467. II, 249, 279.

Пенза, предположеніе учредить университетъ, I, 374.

Пенъ, живописецъ снималъ портр. съ Екатер. I, 16.

Переволочинскій перевозъ, II, 220. 354.

Перекопъ, гор., II, 219.

Пермава, дер. II, 472.

Перелѣская мыза, II, 336.

Перепечинъ, подпор. Измайловскій, II, 252. 253.

Переллосъ, великій магистръ Мальтійскаго ордена, II, 142.

Переяславль-Залѣсскій, гор. II, 439.

Переяславская школа, II, 434.

Переяславскій уѣздъ, II, 465.

Пермь, гор. II, 440.

Перновъ, гор., I, 438. 439. 441. 442. 444. 448. 449. 450. 480.

Перово, подмосковное село, II, 276, 287, 314, 339. 340.

Перфильевъ, Яицкій казакъ, I, 142, 151 ,152, 153, 154, 157. 158. 245. 433.

Петелинъ, Николай, I, 498.

Петергофъ и Петергофскіе сады, I, 49, 50, 66, 67, 71, 72, II, 217, 218, 308, 359, 405, 429, 437. 450. 453. 454. 455. 456. 472.

Петрово-Соловово (урожд. кн. Щербатова, Анна Григор.), I, 417.

Петрово-Соловово (Ѳедоръ Никол.), I, 4.

Петровское село, Звенигор. у., принадлеж. кн. Голицыну, II, 341.

Петровское-Разумовское, фельдмаршала гр. К. Г. Разумовскаго, I, 394; II, 333, 340, 377, 456, 457. 490. 494. пруды 495.

Петровъ, Тихонъ крестьянинъ, II, 503.

Петровъ, Филипъ, маркитантъ, I, 445.

Петровъ, Александръ, переводчикъ, I, 495.

Петровъ, Дмитрій, слуга гр. П. Б. Шереметова, I, 498. 499.

Петръ I-й Великій, I, держитъ войска свои въ Померанія 7; разсказы объ его чудныхъ подвигахъ доходятъ до слуха малолѣтней Екатерины 9; его походы имѣли для Русскихъ образовательное значеніе 79; о немъ воспоминаетъ Екатерина въ трудныя минуты своего

царствованія 127; въ союзѣ съ Саксонскимъ домомъ, 251; 287, 290; 310; основаніе Петербурга, 314; памятникъ ему, 345, 352, 353; его законъ о владѣніи желѣзными рудниками и соляными варницами, 411; указъ о монахахъ, 504. указъ о рукописяхъ, хранящихся въ монастыряхъ, 505; II, его взглядъ на отношенія Россіи къ Испаніи, 7, упом. въ пис. дука де Лирія, 10, 24, 26, 27, 29, 32, 34, 38, 46, 49, 96, 98, 99, 105, 114, 150, 151, 152, 166, 185, 189 197; уп. 203, 206, I, юрналы, 52, (уп. II, 203, 207), временьщики, 260, (упом.) 267, 333, 337, 346, 348, 373. 378; 389; 392. Памятникъ ему 490.

Петръ II-й импер., I, грамота къ нему князя Ангальтъ-Цербскаго, въ коей извѣщаетъ о своей женидьбѣ, напоминаетъ о родствѣ и проситъ о протекціи, 7, 8; II, свидѣтельство о немъ Испанскаго посла Дука де Лирія, 5. 20, 22, 25, 26, 27, 28, 30. 31, 32, 33—36, 38, 42, 43—48, 50, 51, 52, 53—58, 60, 61, 62 — 66. 68, 69, 70 — 73, 76, 77, 78, 79, 80, 81—83. 85, 87—90. 94—104, 107—136, 139—147, 149, 150—158, 160—165; 167—169. 171—173. 176—191. 193—198. уп. 203. 212.

Петръ III-й (Карлъ Ульрихъ), I, 6; привезенъ въ Петербургъ 12, преизбыточествуетъ царскими правами, 12; 13; объявляется наслѣдникомъ Россійскаго престола и отказывается отъ Шведскаго 12, заботы о его бракосочетаніи 13, 14; II, 287 родство жениха и невѣсты, деньгами отстраняется препятствіе ко вступленію его въ бракъ I, 15, упоминается въ письмѣ Фридриха Великаго 16, наканунѣ дня его рожденія прибыла въ Москву невѣста 23, обрученіе, отправляется на богомолье въ Кіевъ 27, болѣзнь 30, бракосочетаніе 30, въ случаѣ бездѣтной кончины его супруга назначается наслѣдницей престола 30, переписка съ тестемъ о приданомъ 32; уп. 45. 46. 284. 287. 304, его жизнь при Елисаветѣ Петр. 49, 51, 53, 58, 60, II, 277, 287, 296, 298, 300, 301, 304, 305, 307, 308, 309, 310, 313, 315, 316, 317, 333, 334, 335. 338. 340. 341. 350. 360. 378. 387. 395. 440. Канцлеръ Бестужевъ хлопочетъ объ удаленіи его отъ престолонаслѣдія 339, 378, 379, 393. 419. 447. Въ интимныхъ отношеніяхъ съ М. Г. Тепловой 410, 411; 419, 423, 424. На тайныхъ вечеринкахъ у гетмана Разумовскаго 424, упом. 425; 447, 448—450 заговоръ противъ него 450—454. Слухъ о намѣреніи его заточить Екатерину II-ю въ монастырь и жениться на Воронцовой, 453 уп. 454, 455; свергнутъ съ престола 455, 456; 464; 486. арестъ и отреченіе отъ престола, I, 67, 68; 69. 71. Императоръ, произвольно измѣняетъ политику дѣда и тетки по отношенію къ Германіи, 79; упом. 50, 75, 248, 431, 468, (его договоръ съ Фридрихомъ II) 284, 285, 301, 302. дукъ де-Лирія называетъ его барономъ II, 52, его упражненія въ словесности I, 49—50.

Петръ, архіеп., его челобитная Елисаветѣ Петр. I, 64.

Петръ Алексѣевъ, протоіерей Архангельскаго собора, I, 172

Петръ Михайловъ іерей, II, 356.

Петръ Симеоновъ, свящ. Глинищевскій, I, 496.
Пигаль, скульпторъ I, 354.
Пиза, гор. II, 474, 481, 485.
Пиковецъ Иванъ, войсковой генер. писарь, II, 348, 350, 363.
Писаревъ, Степанъ, секретарь коллегіи иностр. дѣлъ, I, 64, II 348, 349.
Писаревъ, Петръ кабинетъ-курьеръ, II, 309, 310, 311, 312, 320. 321.
Питра, торговецъ, II, 63, 64,
Питтъ, первый министръ, Англіи I, 397.
Плетенбергъ, регирунгсъ-ратъ, I, 479.
Платонъ, архіепск. Московскій и Сѣвскій приводилъ къ присягѣ на гетманство графа К. Г. Разумовскаго II, 360, 361.
Платонъ, архіеп. Крутицкій I, 55, 56.
Платонъ, архіепископъ Тверской II, 490; митр. Московскій I, 132; 490. 491. 505. II, 439.
Племянниковъ, Петръ Григорьевичъ, ген.-поручикъ II, 415, 417.
Плещеевъ, Алексѣй Александр. премiеръ маіоръ, I. 500.
Плешеевъ, Алексѣй Львовъ Сибирск. губернаторъ, II, 257.
Плоховъ, Степанъ, I, 500, 501.
Плятеръ, польскій сенаторъ I, 477.
Погарскій уѣздъ, въ Малороссіи II, 465.
Поденпльсъ, графъ, первый мин. Фридр. II-го I, 18.
Пожогинъ-Отрошкевичъ, каптенармусъ Измайловскій II, 227.
Покровское, подмосковное село I, 57. 58, 59; II, 338. Дворецъ, 340.
Покучье, I, 281.
Полежаевъ, Тимофей, Московск. купецъ, I, 501.
Полтавцевъ, Игнатъ Кирил., „каморъ-динеръ" цесаревны Елизаветы Петр., II, 268, 293, 294.
Полтава, гор., II, 224.
Полтавскій уѣздъ II, 465.
Полторацкій, Марко Федоровъ, придворный пѣвчій, II, 278.
Полторацкій, Николай Петровичъ, Симбирскій Масонъ II, 507,
Полуботокъ, Андрей, бунчуковый товарищъ I, 62.
Польскія школы II, 431.
Польша и Поляки, I, 26, 27, 83, 84, 184,. 246—251, 253—260, 262, 263, 267—284, 286—312, 314—317, 319—325, 327—331, 388, 390, 468, 469, 474, 475—480, 504; II, 20, 25, 35, 38, 76, 109, 115, 138, 149, 179, 200—202. 343. 427. 432. 458.
Полѣновъ, (Алексѣй Яковлевичъ) II, 473, 474.
Помпадуръ, маркиза II, 389.
Пономаревъ, Андрей Карповъ, содержатель вольной типографіи въ Москвѣ, I. 490.
Пономаревъ, Степанъ, I, 497, 498, 499.
Пономаревъ, Матвѣй, I, 500.
Поповъ, лекторъ Латинскаго языка въ Московскомъ Университетѣ II, 437.
Поповка село II, 354.
Поповскій, (Н. Н.) II, 327.
Пораскевичъ, Дмитр. Петр., Грекъ I, 64.
Порѣчье, село. См. Рождественно.
Поссе Маврикій, баронъ, Шведскій посланникъ II, 397; письмо гр. К. Г. Разумовскому 397, 398, 399, 400, 406, 408—410.

Поссіетъ, ген. м. I, 439, 444. 445.

Постникова, Анна, I, услуги ея Екатеринѣ 94.

Потаповка, присел. II, 354.

Потемкинъ, кн. Григ. Александр., I, 181. 304, 310. 388. 436. смерть 424; 425, упом. 505. II, 20. 260. 495.

Потемкинъ, Петръ Ив., стольникъ, II, его посольство въ Испанію 5, 6; его портретъ въ Мадритскомъ Королевскомъ Музеѣ 6, 7.

Потемкинъ, Пав. Серг. I. 141, 145, 148, 155, 158, 160, 161.

Почепъ, гор. II, 354, казенная полотняная фабрика, 354, 429, 496.

Почеповская волость II, 370. 429.

Почеповскій, дворецъ гетм. Разумовскаго, II, 496.

Почиталинъ. Яковъ, казакъ Яицкій I, 433, 436. 437. 438. 439. 448.

Праленъ, Франц. мин. ин. дѣлъ I, 273.

Прассе, Саксонскій совѣтникъ посольства I, 287, 467; II, 405, 406, 426.

Предигъ-Штуль, гора около Вѣны, подарена имп. Маріею Терезіею кн. Д. М. Голицыну I, 403.

Преображенское, село, I, 96, 131.

Претлахъ, бар. II, 316.

Прилуцкій уѣздъ, II, 465.

Прозоровская (урожд. кн. Волконская), кн. Анна Михаиловна I, 166, 181.

Прозоровскій, кн. Ал-дръ Ал-др. фельдм., I, 166, 181; его донесеніе и-цѣ Екатер. о Масонахъ, II, 513.

Протасовъ, Сумеонъ, учитель греческ. языка, I, 498.

Протопоповъ, Василій, I, 496, 501. 502.

Прохоровъ Левъ, I, 495. 496. 498.

Псіолъ, Василій, студентъ, I, 497.

Псковъ, предположеніе учредить въ немъ университетъ II, 374.

Пугачевъ, I, его бунтъ; 121, 125, 126, 129, 132, 135, 137, 138—140, 141, 142—144, 147—149; 150, 151, 152, 153, 154; 155; его жена и сынъ 155; 156; 157, 158, 160, 244, 245, 361, 432, 433, 434, 435, 436, 442, 449, II, 414, 439, 446.

Пуговкинъ, Василій, Измайловецъ II, 227.

Пустобаевъ, Петръ, Яицкій казакъ I, 433, 436, 437, 438, 438, 439, 442, 445, 446, 447, 448.

Пустота, его свадьба II, 31.

Путкамеръ, Прусскій генералъ II. 411.

Путятинъ, кн. Иванъ, I, 63; (II, 231).

Пучежъ, посадъ Костромской губ. II, 440.

Пушкина, Аграфена, I, 97.

Пушкина, (урожд. кн. Волконская). Нат. Абр., I, 99, 107.

Пушкинъ, Михаилъ, I, 95, 96, 96—101, 107, 120; 453, 454, 455, 456.

Пушкинъ, Сергѣй, I, 95—99, 101, 120; 453, 454, 455, 456, 457. Сынъ его, I, 107.

Пущинъ, сенаторъ, I, изслѣд. дѣло о фальшив. ассигнаціяхъ 99.

Пущинъ, полковн., просилъ объ опредѣленіи его „въ какое нибудь порожнее мѣсто“ I, 62.

Пчолкинъ, купецъ, I, 461.

Пыпинъ, Алексѣй, I, 502.

Пырскій, адъютантъ II, 231.

Пьяный, Яицкій казакъ, сообщникъ Пугачева, I, 160.

Пэнгано, Французъ, выдававшій себя въ П-бургѣ за медика Испанскаго посланника II, 89, 90.

Пясты, династія I, 248, 249, 251, 253, 284, 285, 290, 291, 296, 301.

Пятницкій, священникъ, II, 504.

*

Рабутинъ, графъ, Австр. послан. II, 17, 26, 49, 58, 67, 100.

Рагузинскій, графъ Савва II, 132.

Рагузинскій, Ефимъ камергеръ I, 48.

Радзивилъ, князь упом. въ пис. дука де Лирія II, 25.

Радзивилъ, (Карлъ) I, 82.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ II, его „Житіе Ушакова" 185—215; 241: о первомъ изданіи этой книги 240, 241. Екатерина подозрѣваетъ его въ революціонныхъ замыслахъ 241; біографическ. свѣдѣнія 242, 243.

Раево, имѣніе Чоглоковыхъ, близь Тайнинскаго II, 340.

Раевскій, Василій, студентъ, I, 500.

Ракитинъ, сержантъ Измайловскій II, 227.

Растрелли, графъ, архитекторъ, II, 277, 387.

Рафаилъ, Заборовскій митроп. Кіевскій II, 355.

Ратъ, маіоръ находился при гр. Эстергази во время его пребыванія въ П-бургѣ I, 421, 422, 423.

Раубахъ, офицеръ измайловскаго полка II, 399, 400.

Рачинскій, Илья, полковн. Смоленской шляхты, конфирмація надъ нимъ I, 124; его сынъ, 124;

Рачинскій, придворный капельмейстеръ II, 368.

Ребиндеръ, комендантъ Шлиссельбургской крѣпости, I, 461, 463.

Ревель, гор. I, 82, 176, 402. II, 163.

Рейнсдорпъ, Оренбургскій губернаторъ, пис. его къ гр. Броуну I, 442, 443, 444.

Рейнъ, р., I, 407, 408.

Рейнъ, Ирландскій кулачный боецъ I, 399, 400.

Рейхель, Масонъ, II, 511, 512.

Рейхель, (Іоганъ Готфридъ) профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ II, 437.

Рексинъ, посланникъ Фридриха II-го въ Константинополѣ I. 303,

Рембовскій Карлъ, I, 499.

Репнина, княгиня Софья Дмитріевна II, 495.

Репнина, (урожд. гр. Разумовская) кн. Варвара Алексѣевна II, 296.

Репнинъ, кн. Василій Аникитичъ, ѣздилъ въ Вѣну съ извѣстительною грамотою о кончинѣ В. Кн. Наталіи II, 133, 165. уп. 253.

Репнинъ, кн. Николай Васильев., I, 77; посланникомъ въ Берлинѣ 73; сообщаетъ Екатеринѣ, что въ Алатырѣ „все было здорово" 141; отправленъ посломъ въ Царьградъ 146; черезъ него фельдм. гр. Румянцовъ проситъ прислать доктора въ Фокшаны 152, 153; его переписка съ гр. Н. И. Панинымъ 247; въ Польшѣ 253. 256, 257, 288, 292, 294, 295, 296; 299, 308. свидѣтельство о немъ графа Комаровскаго 316, 404, 405, 414, 415.

Реткинъ, упом. въ пис. Екатерины I, 182.
Ржавки дер., II, 206, 207.
Ржевскій, Александръ, камеръюнкеръ, I, 77.
Ржевуцкій, польный гетманъ коронный I, 256.
Ржевъ, гор., I, 154.
Рибера, (де) доминиканецъ, капеланъ, II, 67, 138.
Рига, гор. I, 83, 95, 336; 337, 365, 449, 454, 468, 469, 480, II, 25, 402.
Рижскій портъ II. 402, 413.
Рижская губернія, I, 434, 439, 452.
Рижская цитадель, I, 434, 435, II, 246.
Рижская таможня, I, 457.
Рижскій, торговый уставъ II, 186.
Рикардо-Валлъ Донъ, капитанъ Испанской службы II, 131, 134.
Римъ, гор. туда ѣздили учиться многіе Малороссіяне II, 432; 474, 478.
Римско-католическ. церкви и монастыри въ Россіи, I, 178.
Римскій-Корсаковъ, Алексан. Николаевичъ, ген.-поручикъ II, 473.
Ринперда, бар. II, 9.
Рихтеръ, подполковн. Голштинск. службы, I, 452, 453.
Ришелье, герцогъ, I, 261.
Рогалинскій, аббатъ I, 300.
Роде, Прусскій послан. I, 276.
Родіоновъ, адъютантъ Апраксина II, 231.
Рождественно-Порѣчье, село, II, 273.
Рожерсонъ, докт. I, 164.
Рожествено, село, I, 60.
Рожинскіе, Польская фамилія, отъ которой производили Разумовскихъ II, 287, 297.
Рожинскій, Романъ, II, 287.
Рожновъ, Сергѣй, Синод. прокуроръ (въ Москвѣ) I, 108.
Розановъ, Ѳома, I, 500.
Розбахъ, недалеко отъ Мейсена, I, 390.
Розенбергъ, Масонъ II, 509, 511, 512.
Розенкранцъ, біографъ Дидро, I. 333, 334, 336, 343, 344, 348, 349, 352, 354, 355, 358, 365, 367, 370, 371—373, 375, 376, 377.
Рокуръ, актриса I, 391.
Романъ, протоіерей Миргородскій II, 357.
Роменскій уѣздъ, II, 465.
Рондо, леди, II, 218.
Ропнъ, Григорій, унтеръ-шталмейстеръ Даниловскаго конюшеннаго завода I, 63.
Ропска, мѣст., II, 273.
Рославлевы, офицеры Измайловскаго полка I, 77, 78; II, 451, 453.
Рославлевъ. ген.-поруч., опекунъ малолѣтнихъ графовъ Ефимовскихъ, I, 177.
Ростъ, (Иванъ Акимовичъ, профессоръ математики и физики въ Московскомъ университетѣ) II, 437.
Ростовъ, городъ, II, 165.
Ростовская. воеводская канцелярія. II, 503.
Ростовская Духовн. Консисторія, II, 505.
Ростопчинъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ, I, его отзывъ о Дидро 349, 350; живетъ въ Лондонѣ 398, 399; отзывъ о немъ гр. Комаровскаго 402; принимаетъ участіе въ домашнемъ спектаклѣ граф. Головкиной 416. Упом. 507.
Рочинскій погостъ, II, 336.
Рубановскій, Андрей, обучался въ Лейпцигѣ, I, 241.
Руддилово, деревня, II, 336.

Рузаевка, дер. Пензенской губ., II, 488.

Румовскій, студентъ, II, 327; академикъ 431, 463.

Румянцова, граф. Екатер. Михаил., I, 163, 164.

Румянцова. (урожд. Матвѣева), гр. Марія Андреевна, II, 110, 111, 298.

Румянцовъ, графъ (Александръ Ивановичъ), I, 60, II, 98, 149, 225. 228, 230, 289.

Румянцовъ, графъ Николай Петровичъ, I, министромъ при нѣсколькихъ Нѣмецкихъ дворахъ 389, 404; а также и при братьяхъ Людовика XVI, 403; получилъ отъ кн. Д. М. Голицына одну изъ окружающихъ Вѣну горъ (Predig-Stuhl) 403, 405; находится полномочнымъ отъ Екатерины министромъ при коронованія импер. Франца II-го 406, 407; 408. Екатер. поручаетъ ему объѣхать мелкіе Нѣмецкіе дворы и доставить ей свѣдѣнія о всѣхъ принцесахъ, бывшихъ въ лѣтахъ для бракосочетанія 409; въ Карлсруэ 409, 410, 411; его свиданіе здѣсь съ княг. В. А. Шаховскою 411; отправляетъ гр. Комаровскаго съ депешами въ Петербургъ 411; которыя приказываетъ вручить кн, П. А. Зубову 412, въ родствѣ съ Анной Никитичной Нарышкиной 413, уп. 506.

Румянцевъ, графъ Петръ Александр., I, (въ Ревелѣ его дивизію осматриваетъ Екатерина) 82; извѣщаетъ И-цу о разбитіи „знатнаго Турецкаго корпуса 134, 135, 136, 137 (327); упом. 146; 387; проситъ И-цу прислать къ нему доктора 152; Екатерина посылаетъ „наипаче" ему свой поклонъ 163; переговоры съ Турками 265; (упом. 275); на границѣ Черниговской губерніи встрѣчаетъ Екатер. 388; гр. Безбородко любилъ о немъ разсказывать 418, уп. II, 225.

Румянцовъ, гр. Серг. Петр., I, письмо къ нему Екатер. 285: 314; посланникомъ въ Берлинѣ 394. Знакомитъ гр. Комаровскаго съ Наст. Ник. Нелединскою 404; его „проверby" 404.

Руничь Ефимъ, I, 496.

Руссо. Жанъ-Жакъ, I, 333, II, 473, 474.

Рыкановъ, купецъ, I, 461.

Рылѣевъ, Никита Ивановичъ, С.-Петербургскій оберъ-полицейм. пропустилъ „Путешествіе" Радищева, I, 242, 243.

Рыпдинъ, Дм. Степ., I, 387.

Рюльеръ, I, его „Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie en 1762" 346; 347, 350.

Ряпинская мыза, подъ Дерптомъ, II, 216.

*

Савва, духовникъ Екатерины II-й, I, 487.

Савеловъ, Авт. Петр., капит. поруч. Измайловскій: II, 238, 239.

Савинъ, Григорій, слуга, Разумовскаго, II, 282.

Савинъ Терентьевъ, свящ., I, 498.

Савичь, упом. въ пис. кн. М. Н. Волконскаго, I, 158.

Саврань, р., II, 226.

Садиковъ. Михаилъ, I, 495.

Садовниковъ, канцеляристъ, II, 321.

Сагайдачный, гетманъ II, 351.

Саксенъ-Готская герцогиня, въ перепискѣ съ матерью Екатер. I, 27, 28.

Саламатовъ, Парѳенъ, Измайловецъ, II, 227.

Салтыкова, графиня Дарья Петровна, I, 415.

Салтыкова, графиня, статсъ-дама песар. Елисаветы Петровны, II, 30.

Салтыковъ, Вас. Ѳед. получаетъ отъ И-цы Елис. Петр. „синюю ленту". I, 48.

Салтыковъ, графъ Иванъ Петровичъ, Екатер. приказываетъ отдать ему на храненіе ея письма къ его отцу, I, 111, 452 453.

Салтыковъ, графъ Петръ Семеновичъ, фельдмаршалъ, I, громитъ Фридриха II-го не смотря на мирныя условія заключенныя восшедшею на престолъ Екатериною 74, 75. Главнокомандующимъ въ Москвѣ 88, 89; умираетъ 111; переписка съ Екатериною, которая дарила его своею откровенностью, родство его съ Мятлевыми 111; II, не онъ ли сопровождалъ II. Елис. въ ея путешествіи по Малороссіи 298; 418.

Салтыковъ, Серг. Вас., камеръ-юнкеръ, II, 314, 378.

Салтыковы, Александръ, Алексѣй и Борисъ Михайловичи, I. ихъ связи съ княгинею Анной Михайловной Бѣлосельской-Бѣлозерской и неодобрительный отзывъ о нихъ Екатерины, 118, 119.

Сальдернъ, I, его разговоры съ Фридрихомъ II-мъ 253, 288, 9 мая 1766, въ Шарлотенбургѣ 292, 293, 314; упом. 309.

Самойловичъ, гетманъ, II, 379.

Самойловичъ, лекарь, I, находился при „здравительной коммиссіи" въ Москвѣ и по приказанію Екатер. отправленъ въ Бугульму для пользованія умирающаго Ал. Ил. Бибикова 133.

Самойловъ, графъ, оберъ-прокуроръ, I, 488, 489.

Самуилъ, митроп. Кіевскій, I, въ Свѣтлое Воскресенье, послѣ вечерни въ Софійскомъ соборѣ, его, больнаго въ кельѣ, посѣщаетъ Екатерина 388.

Сандомиръ, гор. I, 281.

Санковицкая, мыза; II. 336.

Санктъ-Петербургъ, I, свидѣтельства о немъ: гр. Эстергази, 421, 423; II, дука де-Лирія 18, 23, 32, 41, 43, 46, 82. 88, 120, 136; наводненіе 184. 418; Екатерины I, 314, II, 338, 402, 412, 413, 407; жестокіе морозы 43, 232, 418, 419, 421, 423—427, 429, 430, 431, 437, 440, 444—447, 449, 452, I, Возстаніе 66, 67, 68, II, 455, 456, 460, 461, 463, 467, 468, 469, 472, 475, 476, 479, 480, 482, 485, 490, 491, 492, 493, 494, 495.

Аничковск. дворецъ II, 315, 382, 387. 426, 427, 447, 452, 486.

Бирона (Густава) домъ на Милліонной, II, 243. 245.

Васильевскій островъ, II, 216, 237.

Военная коллегія II. 236.

Вольное Эконом. Общество, II, 493.

Выборгская сторона, II, 406.

Дворцовая площадь, II, 232.

Дивова домъ на Милліонной, II, 243.

Дѣвичій мон. (нынѣ Смольный) II, 401.

Екатерингофъ, II, 399, 400.

Зимній дворецъ, I, 8, II, 232, 244, 308, 448.

Казанскій соборъ, II, 455.
Калинкинъ дворъ, II, 242.
Каменный островъ, I, 416, II. 303, 377. 500.
Канцелярія конфискацій, II, 235, 236, 237.
Конюшенная контора, II, 234, 242.
Конюшенная площадь, II, 211.
Крестовскій островъ II, 285, 388.
Ледяной домъ, II, 232, 233.
Лестока домъ на Царицын. лугу, II. 388.
Лѣтній дворецъ, II, 243, 308.
Невская Семинарія, II, 326.
Невскій проспектъ, II, 232.
Переведенскія слободы (нынѣ Мѣщанскія улицы) II, 207.
Петербургская крѣпость, 460.
Петербургская сторона, II, 207, 237.
Петербургская таможня, II, 208.
Петербургскіе Масоны, ложа, II, 510, 511, 512, 513.
Петропавловск. соборъ, II, 490.
Преображенія Господня церковь, II, 315.
Приморскій дворъ, II, 314, 382, 388, 406. 480.
Разумовскаго домъ на Мойкѣ. (нынѣ Воспитат. Домъ), II, 382, 476.
Ревизіонъ - коллегія, II, 215.
Сергіевск. пустынь, II, 456.
Строгановой (баронессы) домъ на Дворцов. набережн. I, 416.
Строгановск. домъ, на Васильв. Остр. (нынѣ Акад. наукъ) II. 430.
Тайная канцелярія. II, 236. 237, 242, 391, 450.
Цесаревичъ дворецъ (на Царицыномъ Лугу), II, 269, 315, 382, 388.
С.-Петербургская губ. (нигерманландія), поголовн. перепись, II, 214.
С.-Петербургскій университетъ. Старанія Ломоносова, объ учрежденіи его, II, 430, 432.
Санта-Крусъ, маркизъ, II, 44, 102.
Сантъ-Андре, генералъ, Австрійскій посланникъ, II, 404, 405, 406, 407.
Сантѣй, графъ, его челобитная Елизав. Петр., I, 65.
Санъ, р., I, 281.
Санхецъ, докторъ, I, 45.
Саратовъ, гор., I, 158, 164.
Саратовское намѣстничество, I, 385.
Сарти, придворный капельмейстеръ, I, сочиняетъ музыку къ написанной Екатериною оперѣ „Олегъ 425.
Сафоновъ, камеръ-юнкеръ, II, 346.
Сафстромъ, Шведъ, гувернеръ, II, 410.
Сахаровъ, Александръ, каммердинеръ Екатерины, I, 119, 120, 170.
Свирскій монастырь, въ немъ заключенъ былъ сынъ канцлеръ графа Бестужева-Рюмина, I, 85.
Свищовъ, Алексѣй, I, 502.

Свіяжскъ, гор., коммиссія для распространенія христіанства въ Заволжьѣ, II, 291.

Сегюръ, графъ, I, 362, описалъ путешествіе Екатер. въ Полуденную Россію 388.

Сегюръ, Фр. мин. сухоп. силъ, I, 389.

Секкендорфъ, графъ, Австр. посланникъ въ Берлинѣ, II, 24.

Свѣтиковъ, Дмитрій, прапорщ. I, 501.

Свѣтушкинъ, Александръ, кол. ассесоръ, I, 500.

Селивановскій, Семенъ Аник., Московск. типографщикъ, I, 242.

Селивановскій-сынъ, Московскій типографщикъ, его Записки, I, 242, 243.

Сенъ-Жерменъ, графъ, „извѣстный чудодѣй" Парижскій, I, 37.

Сенъ-Жерменъ (де), графъ, генералъ Датской службы, II, 453.

Сенъ-При, генералъ Русской службы, I, упом. въ пис. г. Эстергази 421. 422. 424; его жена 424,

Сенъ-При, I, 319, 320.

Сентъ-Симонъ, маркизъ, I, его отношенія въ Парижѣ къ матери Екатерины и отзывъ о немъ кн. Д. М. Голицына 40—43.

Сенявина (урожден. Нарышкина) II, 423.

Сенявинъ, Григорій Алексѣевичъ, I, въ Лондонѣ 398; служилъ въ Англійскомъ флотѣ и былъ въ Индіи 401; родная сестра его въ замужествѣ за графомъ Сем. Ром. Воронцовымъ 401; катанье по Темзѣ и питье въ Orange-Caffé-House *half and half* 401, отличный морской офицеръ и любимъ въ Англійскомъ флотѣ 401.

Серапіонъ (Александровскій), архимандритъ, I, 491.

Серафимъ (Стефанъ Глаголевскій), митроп., I, 492, 494.

Сербія-Новая II, 458.

Сергій, придворный протоіерей I, 488.

Сергій, монахъ I, 56.

Сердюковъ, Михайло, любимецъ Петра I-го, II, 207.

Серебряковъ, Пахомъ, Измайловецъ II, 227.

Серебряковъ, Тимофей, I, 500.

Серпуховъ, гор., I, 92.

Сестренцевичъ, Богушъ, Станиславъ; Екатерина ему ввѣряетъ главное церковное начальство надъ Римскимъ исповѣданіемъ въ Россіи I, 178

Сіенна, гор. II, 474, 485.

Сиверсова, фабрика, I, 457.

Сиверсъ, графъ Яковъ Ефимовичъ, Новгородскій губернаторъ I, 95; II, 387; секретная инструкція ему Екатерины II-ой, 470; письмо его къ дочери о гетманѣ Разумовскомъ 499, 500.

Сиверсъ, графиня II, 398.

Сидонсъ (Missis-Sidons) трагическая актриса, I, 400.

Сильвестръ Пиковскій, іеромонахъ, II, 255, 256.

Симбирскъ, гор., I, 153, 154, 155, II, 507, 508.

Симбирскіе Масоны, II, 506, 507, 508.

Симеонъ, протоіер. Криловскій II, 356, 357.

Симеонъ, намѣстн. Хорольскій II, 356, 357.

Симолинъ, (Иванъ Матвѣевичъ), нашъ министръ въ Парижѣ, I, 390 его образъ жизни 391; упом. 393.

Симолинъ, (Карлъ Густавъ Матвѣевичъ), нашъ министръ въ Митавѣ I, 466, 467, 469, 470, 471 473, 476, 477, 479.

Симоновъ, Алексѣй I, 63.
Синковицы, д., II, 228.
Скавронская (урожд. Сабурова). гр. супруга Ѳедора Самойловича, письмо къ ней цесар. Елизаветы Петр. I, 47.
Скавронскій, графъ Мартынъ Карловичъ II; (334), 404, 406.
Скавронскій, графъ Ѳедоръ Самойлов., I, свѣдѣнія о немъ 47; умираетъ, II, 169.
Скарунъ, обозный II, 394.
Скарятина, (урожд, кн. Щербатова, Наталія Григорьевна) упом. въ Запискахъ гр. Комаровскаго I, 417.
Скарятинъ, (Яковъ Ѳедоровичъ) I, 417.
Скоропадскій, гетманъ, II, 345, 346.
Скоропадскій, (Михаилъ) генеральный лодскарбій II, 251, 299, 348, 358, 365, 366, 369, 372, 380, 422, 346, 374; умеръ 431.
Скоропадскій. II, сопровождалъ гетмана Разумовскаго въ Петербургъ 437; генеральный старшина 450.
Славянка, мыза II, 314.
Смирновъ, Григорій Матв., I, 497. 500.
Смирновъ, Яковъ Ивановичъ, священникъ нашей церкви въ Лондонѣ, его дѣятельность по дипломатической части I, 398.
Смоленскъ, гор. II. 99.
Снѣгиревъ, Михайло, I, 497, 498.
Собакинъ, совѣтникъ II, 361.
Соковнинъ, Александръ Петровичъ (риторъ), Симбирск. Масонъ II, 507, 508.
Соковнинъ, Петръ Александр., Симбирск. Масонъ II, 507.
Соколовскій, Алексѣй, кол. рег., I, 495.
Соколовъ, Иванъ, I, 502.
Соколовъ, Измайловецъ II, 231.
Соколовъ, граверъ II, 377.
Сокольскій, Иванъ, I, 499.
Соликамскъ, мѣсто ссылки гр. Левенвольда, II, 279.
Солицовъ, кабинетн. курьеръ, I, 30.
Соловецкій, монастырь I, 99. II, 258.
Соловцовъ, Илья, штукмейстеръ, I, 62.
Солонина, обозный II, 394.
Солтыкъ, князь-примасъ I, 298.
Сольмсъ, графъ I, 247, 248—250, 252, 253, 255, 263, 269, 270, 271, 272, 283, 286, 298—300, 303, 306, 308, 309, 311, 320, 321, 322, 325, 327, 330.
Сомбрель, гр. эмигрантъ I, 404.
Сонне, де-ла, докт., I, 38.
Сопичь, приселокъ II, 354.
Сорокинъ, секретарь II, 356.
Соссеротъ Французскъ, учитель франц. яз., II, 322.
Софія-Христіана, тетка Екатерины (по отцу) I, 35.
Спасо-Андроніевъ монастырь II, 287.
Спасское, с., (Тв. г.), II, 207.
Ставровскій, Иванъ, I, 495.
Ставучаны, д., II, 228. Ставучанская, гора, II, 227.
Станиславъ Лещинскій, кор. Польскій I, 251, 288, 289, 307. II, 85.
Станиславъ-Августъ, Понятовскій, кор. Польскій I, 247, 249—251, 253, 254, 256—258, 273, 281, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 296, 305, 306; его свиданіе съ Екатер. въ Каневѣ 388; II, 405, 406.
Староговичъ, Михайло, Сербенинъ I, 64.

Стародубъ, гор. II, 199, 372.
Стародубскій уѣздъ, II, 465.
Стерликова, Анисья, капитанша, I, 64.
Стефанъ Яворскій, II, 275.
Стокгольмъ, масонск. ложа, II, 509, 511, 512.
Страсбургъ, гор. II, 302, 473, 474.
Стрекаловъ, (Степанъ Ѳедоровичъ?), привозитъ въ Петербургъ будущую и-цу Елизавету Алексѣевну I, 411.
Строгонова (урожд. Нарышкина). барон. Софья Кириловна II, 333.
Строгонова баронесса (впослѣдствіи, графиня), урожденная Воронцова, Анна Михайловна, супруга Александр. Серг. Строг. II, 420. 425.
Строгоновъ, бар. Серг. Григ., II, 333.
Строгоновъ, баронъ, (впослѣдствіи графъ) Александръ Сергѣевичъ II, 286; Президентъ Академіи Художествъ 420, 425, 426; участвуетъ въ заговорѣ противъ Петра III-го 453.
Строгоновъ, бар. А. С, I, упом. въ Записскихъ гр. Комаровскаго 416.
Строгоновъ, бар, Г. А., I, упом. въ Зап. гр. Комаровскаго 418.
Струйскій, Николай Еремѣевичъ завелъ типографію въ своемъ Пензенскомъ помѣстьи Рузаевкѣ II, 488.
Стрѣлковъ, Измайловецъ II, 217.
Стрѣльна, гор. II, 429.
Стрѣшенцовъ, Демьянъ, казакъ II, 263.
Стрѣшенцовъ, Денисъ Демьяновичъ, бунчуковый товарищъ II, 265.
Стрѣшенцовъ, Кирила II, 445.
Стрѣщенцовы, казаки II, 278, 299. 320.
Стрѣшневъ, маіоръ Семеновскій II, 223, 230, 231.
Суворовъ, (князь Италійскій) Александръ Васильевичъ, I, отряжается Екатериною противъ Пугачева 137; котораго привозятъ въ Симбирскъ 154; его разговоръ съ пр. Кобургскимъ послѣ одержанной при Фокшанахъ побѣды 259, 260.
Суворовъ, Василій Ивановичъ, отецъ кн. Италійскаго, сенаторъ I, 78; II, 371, 423.
Судость, рѣка II, 496.
Сукинъ. Александръ Яковлевичъ, старшій адъютантъ кн. Н. В. Репнина I, 415.
Сукинъ, Ѳедоръ Иванов., вице-президентъ мануфактуръ-коллегіи, I, 99—100, 101, 102; 455.
Сульбахскій (de Sulbach) принцъ II, 110.
Сулковскій, Августъ, I, его перехваченное письмо (1769 г.) 299, 300.
Сумарокова, Прасковья, I, жалуется Екатеринѣ на сына-писателя 85—88.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ, писатель, I, его неудовольствія съ матерью 85—88; письма къ и-цѣ Екатеринѣ о Московскомъ театрѣ 103; и-ца поручаетъ кн. М. Н. Волконскому его унять 110, 111; слухи о немъ оказались ложны 112; пожалованъ тысячью рублями 119; II, генеральсъ-адъютантомъ при гр. А. Г. Разумовскомъ 263; свѣдѣнія о немъ, 273; и его „письмо о достоинствѣ“ 262; враждуетъ съ Ломоносовымъ 325, 380; его трагедіи идутъ на театрѣ 351; его благородство 426, 481; Элегія его на преставленіе графа А. Г. Разумовскаго 487 и 488.

Сумароковъ, Петръ Панкратьевичъ, отецъ писателя I, 86, 87.

Сумароковъ, Петръ Спиридоновичъ, I, 145; II; оберъ-штальмейстеръ; письмо къ гетману Разумовскому 422.

Сухаревъ, сенаторъ, назначенъ Екатериною для разслѣдованія дѣла о фальшивыхъ асигнаціяхъ I, 99.

Сѣдухинъ, раскольникъ, I, 156,

Сюаръ (Suard), другъ Дидро I, 370, 371.

*

Таврида, I, мысли Екатер. объ ея завоеваніи 314.

Таганрогъ, гор. I, 99; опасная болѣзнь 109.

Тайницкое село II, 340. Дворецъ, I, 135; II, 340.

Талейранъ, князь, дипломатъ II, 463.

Талызинъ, офицеръ Преображенскаго полка II, 455.

Талызинъ, Лукьянъ Ивановичъ I, 70.

Талызинъ, Иванъ, Лукьяновичъ, вице-адмиралъ II, 456; генералъ-адмиралъ I, 67, 69; пис. его къ Н. И. Панину 69, 70; свѣдѣніе о немъ 70, 71, 72.

Талызинъ, П. А. шт. кап. измайл. п., I, 415.

Тамасъ (Tāmas), наслѣдн. персидскаго престола, II, 174, 194, 195.

Танской, Василій, полковникъ I, 61; II, 271, 295.

Танѣевъ, ст. секр. I, 371.

Таракановы, князья и княгини II, 438—446.

Таракановъ, Алексѣй, ген.-аншефъ II, 442.

Таракапова, Августа принцесса см. *Досифея*.

Таракановка, слобода (Черниговск. губ.) II, 439, 442.

Тарасовичъ, придворн. пѣвчій, II, 266.

Тарновскій, казакъ II, 369; бунчужный 450.

Тархановъ, капитанъ, I, 459, 460, 462, 464.

Татариновъ, Якимъ. адъютантъ, I, 497.

Татары замѣчаніе о нихъ Фридриха Великаго I, 13; упом. 141, 266, 267, 314, 321, 504. II, 263. II, нападенія ихъ 70, 73, 74. 115, 160, 226, 359, 394.

Татищевъ, I. упом. въ пис. Екатер. 1773 г. 120.

Татовъ, Василій, однодворецъ, I, 108.

Таубертъ, II, совѣтникъ академической канцеляріи 327; начальникъ академической типографіи и книжной лавки 430; ссора его съ Ломоносовымъ 431, 474, 475.

Тверь, гор., I, 163. II, 207.

Твороговъ, Яицкій казакъ, I, 150, 433, 435, 437, 438. Его братъ Алексѣй 438, 439, 445, 446, 447, 448, 449, 450.

Текелли, ген. пор., I, 461.

Текельсоръ, деревня, I, 60.

Темниковъ, гор., I, 143.

Темза. р., I. 401.

Теплицъ, гор. II, 500.

Теплова (урожд. Стрѣшнева?) Матр. Герасимовна II, 265, 386, 395, 398, 410; находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ Петромъ III-мъ 410, 411, 424.

Тепловъ?, I, 77.

Тепловъ, Алексѣй Григорьевичъ, обучался въ Лейпцигѣ I, 241.

Тепловъ, Григор. Николаевичъ, I, беретъ къ себѣ въ секретари Ѳ. В. Ушакова 186; котораго Екатерина называетъ „вскормленникомъ Теплова“ 241; свѣдѣнія о немъ, II, 272; подъ его руководствомъ обучается за границей гр. К. Г. Разумовскій 279—285, 301; по пріѣздѣ сего послѣдняго въ П-бургъ продолжалъ быть при немъ 318; упом. въ пис. гр. П. Г. Чернышева 319, 320; его дѣятельность по Академіи 323, 325, 326, 342; ссора съ Миллеромъ 326, (365, 366, 367, 369, 372, 373 374,) 380, 382, (383); Малороссія 379, 380, 386, 395, 402, 410, 423, 424, 432, 435, 437. 452; составленный имъ проэктъ Батуринскаго университета 432 и 433, 434, 435, 463, 474; участіе его въ заговорѣ противъ Петра III-го 452, 453; по совѣту гетмана Разумовскаго ему поручена редакція манифестовъ, по случаю воцаренія Екатерины II-й 455; неблагодарность его къ своему благодѣтелю гетману Разумовскому, назначенъ статсъ-секретаремъ при Екатеринѣ II й, 464; объ оставшихся послѣ него бумагахъ 466; прошеніе къ Государынѣ о преемственномъ гетманствѣ, говорятъ, было написано по его совѣту 467; интригуетъ противъ гетмана Разумовскаго 468, 469, 471.

Терскій, рекетмейстеръ I, 412.

Тессинъ, генер., Голштинскій посланникъ въ Пбургѣ II, 189, 197.

Тетерки, дер. II, 287.

Тимохово, дер. II, 287.

Тимоѳей Щербацкій, митр. Кіевскій II, 347, 348, 349, 355, 356, 357, 358, 368, 369.

Тиравлей лордъ, Англ. въ Россіи, I 59.

Тихвинъ, (гор.), II, 277.

Тобольскъ, гор., I, 99. II, 77, 214, 248, 258, 259.

Тоде, D-г I, 164.

Толгскій монастырь, близъ Ярославля I, мѣсто погребенія А. П. Мельгунова 430.

Толстая (урожд. графиня Остерманъ) II, 415.

Толстодубовъ, (слобода), II, 299.

Толстой, графъ, сенаторъ, I, нараженъ Екатериною для изслѣдованія по дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ (1772), 99.

Толстой, Матвѣй Андреевичъ, ген.-аншефъ II, 415, 417.

Толстой, маіоръ Преображенскаго полка I, (1775) 162.

Толстой, ген.-лейтенантъ II, 415, 417.

Толстой, Иванъ, капитанъ Измайловскій II, (1732) письмо его къ Густаву Бирону 253, 254.

Торновъ, сообщникъ Пугачева, I, 433.

Тоскани, Иванъ Петр., Симбирск. Масонъ II, 507.

Траутфеттеръ, командиръ конной гвардіи II, 220.

Тредьяковскій, Вас. Кир. II, 324, 326.

Трезинъ, архитекторъ II, 401.

Тризна, м., уп. въ пис. Лирія, II, 77.

Тризна, Вибельскій сотникъ II, 301.

Три-руки, мѣстечко въ которомъ былъ заключенъ фельдмаршалъ С. Ѳ. Апраксинъ II, 423.

Трифоновъ, Астафій Яицкій казакъ I, 142—144, 150, 153, 154, 155.

Троепольскій, Тимофей, студентъ, I, 501.

Троицкое-Болычево, село Можайск. у., II, 273.

Троицкое, подмосковное село II, 333.

Троицко-Сергіева лавра I, 54, 55, 56, 57, 504. II, 340.

Трестинъ, Дмитрій, переводчикъ, I, 501.

Трубецкая (урожд. Нарышкина), кн. Анна Львовна II, 333.

Трубецкой, кн. (Александръ Юрьевичъ?) II, 334.

Трубецкая, кн., супруга фельдмаршала Никиты Юрьев., II, 399.

Трубецкой, кн. Алексѣй Юрьевичъ II. 333; (Измайловецъ 254?).

Трубецкой, кн. Василій, обучался въ Лейпцигѣ I, 241.

Трубецкой, кн. Иванъ Юрьевичъ, упоминается его жена II, 314.

Трубецкой, кн. Никита Юрьевичъ I, 48, II, 388, (427).

Трубецкой, кн. Николай, проситъ И-ну Елисавету о пожалованіи ему обѣщанной деревни I, 61.

Тула, гор., I, 443. II, 321.

Тульская провинціальная канцелярія, II, 321.

Тульскіе Оружейники, I, 146.

Туманскій, Василій Григорьевичъ II, сопровождалъ гетмана Разумовскаго въ Петербургъ 374; 437; генеральный старшина 450, 468.

Тургенево, село Симбирск. губерніи II, 507, 508.

Тургеневъ, Иванъ Петровичъ, его письмо къ А. П. Соковнину II, 507, 508.

Туркевскій, казакъ II, 369.

Турчаниновъ, его считали сыномъ Императрицы Елисаветы Петровны II, 440.

Тыртовъ, Измайловецъ. II, 235.

Тьебо, его воспоминанія о Дела Ривьерѣ I, 351.

Тюльпинъ, Иванъ, камердинеръ Екатерины II-й, I, 487. 488.

Тютчевъ, каптенармусъ измайлов. п. II, 227.

Тюфякина, княг. Марья, ея просьба Екатер. I, 165.

Тюфякинъ, кн. Иванъ, камеръюнкеръ I, 165; его сынъ 165.

Ф

Угличь, гор., II, 338.

Уды, р., I, 381.

Ульрика, принц. Прусская и потомъ королева Шведская I, 14, 15. 266. 305.

Унгеборнъ, докторъ II, 309.

Уральскъ, гор., I, 442.

Успенскій, дѣвичій монастырь, въ Александровой слободѣ I, 56. II, 267.

Устюгъ Великій, II, 257. 258. 338.

Уфа, гор. I, 127; II, 440.

Ухотская волость, I, 386: Спаская церк., 387.

Ухта, р., I, 386.

Ушаковъ, Андрей Ивановичъ, начальникъ тайной канцеляріи II, 216, 230, 237, 245. 289. 390.

Ушаковъ, Ѳедоръ Васильевичъ, I, его Житіе 185—215, 241; сочиненія 211, 212; 216—240 обучался въ Лейпцигѣ 196; 209; 241. секретарство у Г. Н. Теплова 186, 189.

Ушаковъ, Степанъ Ѳедоровичъ, Санктпетербургскій губернаторъ II, 487.

Ушаковъ, Михаилъ, обучался въ Лейпцигѣ, I, 241.

Ушаковъ, полковникъ, I, 456.

*

Фаворита (La Favorite), загородный домъ Майнскаго курфирста I, 408.

Фальконетъ, изготовляетъ статую Петра Великаго I, 345, 346; 352. 353.

Федоровъ, Дмитрій, сельск. староста. II. 503.

Фейссаль, секретарь Испанск. послан. въ Гамбургѣ II, 90.

Фелькнеръ, письмоводитель Московск. отдѣленія Академической канцеляріи, II, 338.

Фердинандъ, герцогъ Курляндскій, дѣлаетъ предложеніе цес. Елисав. Петр. II, 39; (управлялъ Курляндіею изъ Данцига 201?)

Ферморъ, графъ Вилимъ Вилимовичъ, ген. аншефъ II, 418, 420; письмо къ Гетману Разумовскому 431; еще письмо къ Гетману Разумовскому 458; назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ 458.

Ферстеръ, I, былъ у разбора Голштинскихъ дѣлъ (уп. въ пис. Екатер. 1774) 147. 148.

Филаретъ, игуменъ раскольн. I, 156.

Филаретъ, игум. Скельскій II, 356. 357.

Филиппъ, герц. Орлеанск., II, 9.

Филиппово, село I, 381.

Филипповъ, Алексѣй, крестьянинъ I, 479

Филипповъ, Андрей слуга гр. Б. П. Шереметева, I, 499.

Филиппъ II, кор. Испанскій, II, 23.

Филиппъ V. кор. Испанскій II, 6, 8, 9, 19—21, 26, 27, 29, 35, 40, 44, 51, 52, 59, 60, 61, 62, 71, 75, 76, 77, 78, 81, 86, 87, 88, 89, 90, 94, 95, 102, 103, 105. 106. 108. 110. 115. 131. 134 137. 138. 141. 144. 152. 153. 163. 165. 167. 172. 175. 180. 184. 192.

Фитингофъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, Симбирскій Мясонъ II, 507.

Фицтумъ, королевско-Польскій и курфирстро-Саксонскій посолъ, въ Петербургѣ II, 332.

Фицъ-Гербертъ, англійск. посолъ, I, 388.

Флеммингъ, графъ, первый министръ Польскаго короля II, 63.

Флотвель, профессоръ С.-Петербургской Академіи Наукъ II, 431.

Флоренція, гор. II, 474.

Флотъ, (Русскій) II, 19, 23, 32, 72, 87, 88, 91—93, 120. 125, 184, 185.

Фокеродъ, Прусскій дипломатъ, I, Елисавета не желаетъ его имѣть при своемъ дворѣ 30.

Фогтъ, бригадиръ I, 446. 447. 448.

Фолень. маркизъ, шталмейстеръ матери Екатер I, 44.

Фонтенбло, II. 473.

Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ, характеристика Дидро и д'Аламбера I. 340. 347.

Фофановъ, Козьма, Яицк. казакъ, I, 434, 435. 439. 443. 448. 449. 450.

Фофановъ, Семенъ, уральск. казакъ, I, 449.

Франкфуртъ на Майнѣ, гор., коронація Франца II-го и празднества, I, 406, 407.

Францисканскіе монастыри въ Испаніи, II, 182.

Францискъ, король Французскій I, 337.

Французы, ненависть къ нимъ Англичанъ, I, 398; II, пристрастіе къ нимъ Русскихъ 392, 435.

Францъ II, императоръ Австрійскій, вступаетъ на престолъ и коронуется, I, 402, 405—408, 412.

Фрейманъ, генер.-м., I. 127.

Фрейтагъ, графъ, Цезарскій посланникъ при Шведскомъ дворѣ, II, 108.

Френь (де), маркизъ, I, 36, 37.

Фредерика, принцесса Баденская, сестра импер. Елисав. Алекс., I, 410. 411. 414.

Фридрихъ I-й, кор. Прусскій, I, 5.

Фридрихъ Вильгельмъ I-й Кор. Прусск., I, 5, II, 36, 38. 57. 62, 110. 148, 152, 179, 209, 251.

Фридрихъ-Вильгельмъ III-й кор. Прусск., I, 408.

Фридрихъ II Великій, кор. Прусскій, I, 6: 12; 15. его мнѣніе о Россіи 13; разсказъ о брачномъ союзѣ Екатер. 13—16; переписка съ матерью ея 16—21; даетъ ей послѣдней рекомендательное письмо въ Россію 21; (она дѣйствуетъ въ его пользу въ Москвѣ 23); желаетъ отозванія изъ Берлина гр. П. Г. Чернышева 30; охлажденіе къ нему Елисаветы, его столкновеніе съ братомъ Екатер. Фридрихомъ Августомъ 36, отношенія къ импер. Екатер. 74, 75; имѣетъ образовательное значеніе для Русскихъ полководцевъ и госуд. людей 79; упом. 80, 81, 84; его политика съ 1763 г. по 1775 г. 246—332; его отношенія къ энциклопедистамъ 338, 343, 366; неблагосклонный отзывъ о Дидро 366, 368; упадокъ арміи (по его смерти) 408; упом. 390; 407, 408; II, при его дворѣ Французскій языкъ въ большомъ употребленіи 301, тратитъ много денегъ, чтобы свергнуть канцлера Бестужева 337; почитаетъ Эйлера 329 (уп. 378; 390.); его поваръ 383. Ненависть къ нему канцлера Бестужева-Рюмина 389. Упоминается письмо его къ фельдмаршалу Кейту 418; 449, 453, 356. Пріемъ гетмана Разумовскаго 473.

Фридрихъ Гессенскій, король Шведскій, II, 38, 70, 77, 98, 114, 148, 149. 177.

Фридрихъ, герцогъ Голштейн-Готторпск., погибъ въ Сѣверной войнѣ, сражаясь въ войскахъ Карла XII-го I, 7.

Фридрихъ-Августъ, дядя Екат., привезъ въ Россію портретъ своей племянницы, I, 16.

Фридрихъ-Августъ, братъ Екат., I, 21; 31; 33; наслѣдуетъ отцу въ правахъ владѣнія 35; отправленъ матерью учиться въ Лозанну 35; вступаетъ въ управленіе Цербстомъ 36; питаетъ отвращеніе къ Фридриху Великому 36; его столкновенія съ нимъ 36; бросаетъ свою страну 36; съ нимъ угасаетъ княжескій Цербскій домъ 36; его жизнь внѣ отечества 36; 46; не присутствовалъ при кончинѣ матери 40, Екатер. отклоняетъ его пріѣздъ въ Россію 183.

Фридрихъ, принцъ Баденскій, I, 409, 410.

Фриманнъ, профессоръ логики и метафизики въ Московскомъ университетѣ, II, 437.

Хапенко, хорунжій, II, 312, 313, 343, 348, 358, 366, 367, 372; 423; умеръ 435.

Хардинъ, Ив. Петр., Симбир. Мисовъ, II, 507.

Харитоновъ, Иванъ, дворов. человѣкъ, II, 453.

Харьковъ, гор., I, 379. 381. 384. 385.

Харьковское намѣстничество, I, 379—382.

Хельмскій, палатинатъ, I. 280.

Херасковъ. поэтъ. II, 239.

Херсонъ, мысли Екатер. объ его пріобрѣтеніи. I. 314.

Хитрово. Петръ, егермейстеръ, I, 60.

Хитрово, Ѳедоръ. камеръ-юнкеръ (1762). I, 77. 78.

Хитрово. вахмистръ конной гвардіи. I. 78.

Хитрово. племянница Шуваловыхъ. II. 424.

Хлоповъ. Николай Петровичъ. обучался въ Лейпцигѣ. I. 241.

Хлѣбниковъ. I. Ив. Ив., 156. 157.

Хмѣльницкій Богданъ. Гетманъ Малороссіи. II, 346. 351. 363. 465. 466. 467.

Хмѣльницкій, Юрій Богдановичъ, II, 467.

Хованская. княгиня (урожд. Дараганъ). Софья Ефимовна. II, 387, 471.

Хованскіе князья. (1762). I. 77.

Хованскій. князь Петръ Васильевичъ. II. 471.

Хованскій. кн. Алексѣй, упом. въ пис. Екатер. 1774 г., I, 146; II. 481.

Хозе-де-Эскилусъ Донъ, секретарь Испанскаго посольства въ Вѣнѣ. II. 134.

Холмогоры, гор. I, 461. 462. II. 246. 258.

Холмъ-Агарево, село, II. 503. 504.

Холодная гора. I. 381.

Хотиловскій ямъ. I, 51, 54.

Хотиловъ, д., I. 163.

Хотинъ, гор., I, 259. II, 228. 229.

Хохбергъ, графиня, была въ морганическомъ бракѣ съ маркграфомъ Баденскимъ, упом. въ Записк. гр. Комаровскаго. I, 409. 410.

Хрисоскулѣевъ, канцеляріи совѣтникъ. I, 62.

Христіанъ-Августъ, кн. Ангальтъ Цербскій. I. отецъ И-цы Екатерины біографическія о немъ свѣдѣнія 5—7, 10. 12. 14. 17. 18. 19. 24—27, 29, 31. 32. 33. 34. 35.

Христіанъ-Августъ Голштинскій, дѣдъ (по матери) И-цы Екатер., I, 7, 32.

Хрущовъ, Александръ, I, 498.

Хрущовы гвардейцы. (1762), I, 76. Дѣло объ нихъ, II. 457, 463.

Ц

Царицынъ. гор., I. 147. II, 70.

Царское Село. I, 50, 51, 162, 163. водопроводы, 175; 411; 412. 413; II. 308. 359. 405. 414. 416. 486.

Цербстъ, I. 5. 6. 7, 8, 12. 19. 24. 25. 31. 32. 35. 36. 37. 41. 42. Дорнбургъ, загородный дворецъ, 19. 21. 32.

Цербстъ, Иванъ Даниловичъ, Симбирскій Масонъ. II. 507.

Цердекрейцъ. бар. Шведскій посланникъ при Петрѣ II-мъ II, 66, 70. 77. 95. 96, 98, 99. 102.

Цинское староство, I. 267. 268. 270. 282. 305. 309. 321. 328.

Цинцендорфъ, графъ, II, 17; 179.

Цориндорфская битва, II, 418.

Цукербекеръ, купецъ, I, 480—482.

Цыгане. ихъ предполагали обложить налогомъ въ пользу проектируемаго Батуринскаго университета, II, 433.

Чарторыжскіе, князья, I, 251, 253. 287, 288.

Чарторыжскій, I, князь Адамъ 250, 291.

Чеглокова, Марья Симонов., I, 32. II, (339, 340).

Чеглоковъ, въ Пугачевской шайкѣ, I. 149.

Чеглоковы. II. 316. 339, 340.

Чемеръ, село, II, его причетъ былъ первымъ покровителемъ графа А. Г. Разумовскаго 264. 266.

Чемесовъ, ученикъ извѣстнаго гравера Шмидта, II. 404.

Черемошанская, почт. ст., I, 382.

Черкасовъ, баронъ Александръ Ивановичъ, II, 482, 483.

Черкасовъ, бар. Иванъ Антоновичъ, кабинетъ министръ, II, 309, 312. 336. 392. (401).

Черкасская, (урожд. Нарышкина), кн. Агрип. Львовна, II, 333.

Черкасскій, кн. Ал-й Мих., великій канцлеръ, II, (295?). 333.

Черкасскій, кн Эль-Мурза Бековичъ, его челобитная И-цѣ Елисав. Петровнѣ, I, 63.

Черниговъ. II, 220, 372, 373; городскія укрѣпленія, 373; предположеніе учредить въ немъ университетъ I. 374.

Черниговскій Троицкій Ильинскій монаст., II, 257. 258.

Церковь Св. Екатерины. II, 373.

Черниговская губ., II, 223.

Черниговская школа, II. 434.

Черниговскій уѣздъ, II, 465.

Черногужскій, Петръ II, 348.

Черновъ, Антипъ, измайловецъ, II, 227.

Черновъ, Иванъ, камердинеръ Екатерины, I, 487.

Черницовъ, маіоръ Измайловскій, II, 230.

Чернышева, (урожд. Вейдель, Анна Родіоновна), граф. покровительствуетъ Масонамъ, I. 167. II, 513.

Чернышево, Пензенская вотчина, Нарышкиныхъ, II. 333.

Чернышевъ, Григорій Петров. I, возводится въ графское достоинство 48. проситъ И-цу Елизавету Петровну о пожалованіи его либо генералъ-фельдмаршаломъ, Спб. генералъ-губернаторомъ, либо генералъ-адмираломъ 60; упом. II, 289.

Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, I. по воцареніи Екатер. помогаетъ Фридриху II, въ битвѣ при Букерсдорфѣ 75: (упом. 77?) женатъ на Вейдель 167; его слова принцу Генриху послѣ разговора его съ Екатер. 268: въ царствованіе Петра III, находился подъ командою Фридриха II. 304; жалоба на него Станислава Понятовскаго 306; проситъ И-цу Елизавету объ опредѣленіи его въ придворную службу 61: II, произведенъ въ камеръ-юнкеры, 289. сопровождаетъ И-цу Елисавету въ Малороссію 298, 477. Гетманъ Разумовскій выстроилъ домъ въ Москвѣ по его плану 494.

Чернышевъ, гр. Иванъ Григорьевичъ, I. его домъ на Каменномъ Острову 416; II, сблизился съ гр. К. Г. Разумовскимъ 318; письмо его къ нему 319; дружба съ П. И. Шувал 375, 376, 427, 477, 480, 483.

Чернышевъ графъ Петръ Григорьевичъ, I, посломъ въ Пруссіи 6; его правописаніе слова „Перо́скій" 6; донесеніе объ отцѣ Екатеринѣ 12; упом. въ пис. Фридр.

17; отца Екатер. 25; Фридрихъ II, желаетъ его отозванія 30; упом. 80.

Чернышевъ, полковникъ, Симбирскій комендантъ, I, 126.

Чернышевы, графы. I, 320; ихъ домъ въ Москвѣ на Тверской II, 492.

Чертковъ, Василій Алексѣев., ген. поруч., свѣдѣнія о немъ, I, 385.

Четрицъ ген., I, 300.

Чеховская, волость, II, 354.

Чика, сообщникъ Пугачева, I, 433.

Чилищевъ, обучался въ Лейпцигѣ, I, 241.

Чириковъ, подпор. Измайловскій, II. 242.

Чичеринъ, Никол. (Ивановичъ?), сенаторъ. I. 105.

Чичеринъ Кіевскій оберъ-комендантъ. II, 467.

Чичеринъ, Петербургск. полицеймейст., I, 481.

Чорба, ген.-м., I, 135, 137, 140, 142.

Чудово, село, I, 53.

Чулковъ, Василій Ивановичъ; истопникъ И-цы Елисав. Петр. II, 308. Искренняя скорбь его о кончинѣ Елисаветы Петровны 438, 454.

Чумаковъ, Ѳедоръ, Яицкій казакъ, I, 150, 433, 434, 436, 437, 438, 439, 442, 444, 445, 446, 447, 448.

*

Шагалуровъ, Иванъ, отставной ассесоръ, I, 64.

Шагинъ-Гирей, крымск. ханъ, I, 461.

Шаденъ, лекторъ Латинскаго языка въ Московскомъ университетѣ, II, 437.

Шамно (Champeaux) Французъ дипломатическій чиновникъ I, 37.

Шарлота, супруга царевича Алексѣя Петровича I, 8.

Шарогородская, Екатер. Ивановна, пис. къ ней графа П. А. Девьера I, 70, 71; свѣдѣнія о ней 72.

Шаръ-городъ, мѣстечко въ Малороссіи I, 72.

Шафировъ, бар. вице канцлеръ II, 34, 35, 83.

Шаховская (урожд. баронесса Строгонова), книг. Варвара Александровна I. 410, 411.

Шаховскій, Я. И., II, 469.

Шацкъ гор. I, 143. 144.

Шевцовъ. каптенармусъ Измайловскій II, 245.

Шварцъ, профессоръ-Масонъ II. 513.

Шелудяковъ, Семенъ, Яицкій казакъ I, 433, 436.

Шенкъ, дѣвица, пріѣхала въ Россію вмѣстѣ съ Екатер. I, 21.

Шепелевъ, Московскій купецъ II, 439.

Шепелевъ, гофмаршалъ, II, 227; (298?).

Шепелевъ, его дѣло съ Михайломъ Безобразов., I, 132.

Шептаковская волость II, 354, 429.

Шепфлинъ, почетный членъ Академіи наукъ II, 474.

Шереметева, графиня Анна Петровна II. 482.

Шереметева, (урожд. кн. Ромодановская) Ирина Ѳедор., I, 59.

Шереметевъ, графъ (Борисъ Петр.), фельдмаршалъ II, 142, 143, 192.

Шереметевъ, графъ Петръ Борисовичъ, даетъ въ своемъ селѣ Кусковѣ великолѣпный праздникъ

въ честь Екатерины, I, 394; II, 490.

Шереметевъ, Василій Васильев., капитанъ, I, 59.

Шереметевъ, корнетъ (гр. Николай Петровичъ?), I, 102.

Шереметевы, II, 193. 262. 492.

Шестаковъ, Андрей I, 63.

Шетарди, маркизъ I, 15. 26; II, 269. 274, 275, 337, 383, 389, 392.

Шеферъ, Шведскій министръ въ Парижѣ I, 38. 40, 41, 43.

Шешковскій С. И., оберъ-секретарь Тайной Экспедиціи, I, присланъ въ Москву производить слѣдствіе по Пугачевскому бунту 148, 150—152. 155—158; для допроса Натальи Пассековой 107; допрашивалъ Московскихъ студентовъ Колокольникова и Невзорова 460.

Шигаевъ, I, сообщникъ Пугачева 433.

Шиповъ, гвардіи маіоръ, доноситъ о возобновленіи заразительной болѣзни въ Запорожскихъ селеніяхъ I, 124.

Шиповъ, Иванъ Ивановичъ, маіоръ Измайловскій II, 205, 206, 207, 208, 214, 225.

Ширай, Ѳедоръ II, 348.

Шишацкій, его доносъ II, 353.

Шлецеръ (Августъ-Людвигъ) академикъ II, ссора его съ Ломоносовымъ 431; ссылка на его Записки 443; гувернеромъ сыновей Гетмана Разумовскаго 463, 489.

Шлецеръ (Курдъ), I, 320.

Шлюссельбургъ, крѣп. I, 83, 460, 461, 463, 467, II, 245; 472.

Шметау, графъ Самуилъ, Прусскій фельдм., I, 366.

Шмидтъ, Георгъ-Фридрихъ граверъ II, 377, 404, 406, 416, 417.

Шмитъ, (Шмитша), мадамъ приставлена къ племянникамъ и племянницамъ гр. А. Г. Разумовскаго II, 321, 322, 445.

Шоме, Аврамъ свѣдѣнія о немъ I, 335, 336, 337.

Шпаре, Шведскіе бароны II, 410.

Шриверъ, секретарь Русскаго посольства въ Берлинѣ I, 12; его переписка съ отцемъ Екатерины по поводу исканія Курляндіи 24—27; упом. 29.

Штакельбергъ, баронъ, I, 309.

Штакельбергъ, I, 60.

Штамбке (де) бар. послан. Голштинскій, при Петрѣ II-мъ II, 29. 55, 115, 162, 164, 175, 177, 197, 401.

Штегельманъ, банкиръ II, 382.

Штедингъ, графъ, посолъ Шведскій въ Петербургѣ I, 421, 422, 424.

Штелинъ, Яковъ, профессоръ элоквенціи въ Академіи Наукъ II, (377), 381; директоръ отдѣленія изящныхъ наукъ при Академіи 397, 403; письмо къ гр. К. Г. Разумовскому, 403, 404, 405. 406, 407, 414, письмо къ Гетману Разумовскому 414—417; начальникъ Департамента Художествъ 430; 493.

Штенглинъ, граверъ, II, 377.

Штендрихтъ, Ліріонъ, сержантъ, I, 465, 466.

Штетинъ, гор. мѣсто рожденія И-цы Екатерины Великой I, 5, 6, 8, 9, 17, 19.

Штофель, ген. I, 472.

Штрубе, профес. II, 323.

Шуазель, I, 258.

Шубинъ, Алексѣй Никифоровичъ, сержантъ Семеновскаго полка, II, 267.

Шувалова (урожд. Костюрина), графиня Екатер. Ивановна) I, 127.

Шувалова, (урожд. граф. Салтыкова Екатерина Петровна), графиня I, 111; привозитъ въ Россію будущую и-цу Елисавету Алексѣевну 411.

Шувалова (урожд. кн. Щербатова, Софья Григорьевна), графиня I, 417.

Шувалова (урожд. Шепелева), граф. Мавра Егор., ея пис. къ Елисав. Петр. I, 11; II, 278; играла первую роль при дворѣ Елисав. Петр. 286; способствуетъ возвышенію И. И. Шувалова 342; посовѣтовала Елисав. Петр. удалить Бекетова 359; наперсница Елисаветы Петровны 391.

Шуваловъ, графъ Александръ Ивановичъ I, 127; получаетъ „красную ленту" 48; способствуетъ возвышенію И. И. Шувалова 343; назначенъ начальникомъ Тайной Канцеляріи II, 390.

Шуваловъ, графъ Андрей Петровичъ, I, 111.

Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ I, (камергеръ? 287); ведетъ переговоры съ Энциклопедистами о печатаніи Энциклопедіи въ Россіи 336—339; II, по его ходатайству гр. И. Г. Чернышевъ получаетъ Бѣлаго Орла 319; его учитель 322; Ломоносовъ былъ съ нимъ оч. откровененъ, 326; любитель просвѣщенія 328; его возвышеніе 341, 342, 343; канцлеръ Бестужевъ силится противопоставить ему Бекетова 352, 353, 359; въ хорошихъ отношеніяхъ съ гетман. Разумовскимъ, II, 375, 376; записки къ нему Елисав. Петровны о в. кн. Петра Ѳедоров. 378; отношенія къ нему Ломоносова 380, 381, 382; открытый любимецъ Елисаветы Петровны 390; въ перепискѣ съ Вольтеромъ 392, 396; хлопочетъ объ учрежденіи Академіи Художествъ, письмо къ гр. К. Г. Разумовскому 397; основатель Московскаго университета, почетный попечитель Академіи Наукъ 402, 403; его портретъ 404, 407; высылаетъ Гетману Разумовскому при письмѣ медали о установленіи Московскаго университета 411, 412, 423, 427; подъ его вліяніемъ, Гетманъ Разумовскій задумалъ учредить университетъ въ г. Батуринѣ, 432; его страсть ко всему французскому 392, 435; искренно скорбитъ о кончинѣ Елисаветы Петровны 437, 438; біографія его, написанная Гельбигомъ 441, 452; участвуетъ въ заговорѣ противъ Петра III-го 453, 456, 473, 474; письма къ нему Гетмана Разумовскаго: 478—486.

Шуваловъ, графъ Петръ Андреевичъ I, 416.

Шуваловъ, Петръ Ивановичъ I, получаетъ „красную ленту" 48; упом. II, 269; получаетъ удары батожьемъ 278; 296; 391; портитъ лице Бекетова, чтобы удалить его отъ Елисаветы Петровны 359; непримиримая вражда съ канцл. Бестужевымъ, 376; назначенъ ген.-фельдцейхмейстеромъ 391; самый гордый временщикъ Елисаветы; берется за все; жадность къ деньгамъ 391, 392; въ близкихъ отношеніяхъ съ Е. С. Куракиной 393; имъ введены монополіи; входитъ въ казенные подряды 402; его портретъ 404; гаубицы его изобрѣтенія 415 и 416, 423; интриги его 426; старается отомстить гр. А. Г. Разумовскому за прежнія сѣченія батожьемъ 426, 427. 436.

Шуваловы. II, 275, 336, 338, 342, 343, 353, 358, 359, 375, 376, 378, 379; 386. значеніе ихъ 390, 391, 392, 393, 396, 404, 407, 420, 424, 426, 427, 435. 436.

Шумахеръ (Іоганъ-Даніилъ, совѣтникъ Акад. канцеляріи) II, 301, 323 — 327, 338, 342, 365, 376, 377, 380, 381. 431.

*

Щегловитый, поруч. II, 353.

Щербатовъ, князь Алексѣй Григорьевичъ, I, 417.

Щербатовъ, кн. Андрей, шт. кап., I, 452.

Щербатовъ, князь Григорій Алексѣевичъ, I, его дочери 417.

Щербатовъ, князь (Иванъ Андреевичъ), посланникъ въ Испаніи II. 7, 8, 13, 21, 28, 29, 49, 61, 79, 192.

Щербатовъ, князь (герольдмейстеръ) I. 168.

Щербацкій, Григорій II. 288.

Щербина, Анна, домовладѣлица Московская, I, 490.

Щербининъ, Евдокимъ Алексѣевичъ, дѣдъ поэта Д. В. Давыдова II. 244.

Щолоковъ. I, допрашиваемъ о Пугачевѣ 156.

Щулепникова, А. А. племянница графа Евграфа Ѳедот. Комаровскаго I, 386.

*

Эбергардъ, баронъ Матвѣй II, 415.

Эдуардъ, принцъ Уэльскій, (впослѣдств. Англійск. король), II, 14. 22

Эзель, остр., I, 438. 440.

Эзрефъ, похититель Персидскаго престола II, 39, 44, 74, 94, 96, 160. 169. 174. 194.

Эйлеръ, Леонардъ, математикъ, I, его свиданія съ Дидро въ Петербургѣ 355, 368; II, подъ его руководствомъ учился въ, Берлинѣ гр. К. Г. Разумовскій 301, 302: вторично вызывается въ Россію 327; 328. письмо его къ гр. К. Г. Разумовскому 329—332; свѣдѣнія о немъ 329; 475, 493.

Экстеръ, Карлъ, I, 499.

Экъ, почтъ-директоръ, I, 455.

Эльбтъ, бригадиръ I, 472.

Эмануилъ, принцъ Португальскій, I, 288.

Энгель, Ѳ. И., служившій при кн. И. В. Репнинѣ I, 405.

Эндтенъ, (фонъ), маіоръ Измайловск. полка II, 398, 400.

Эонъ. (д') „Шевальерша", Французскій политическій агентъ II. 392.

Эпинусъ. д. ст. сов., I, 370.

Эрмитажъ. морск. капитанъ, II, 92.

Эрмитажъ, въ Петербургѣ, I, библіотека 371; собраніе гравированныхъ камней 390; при Екатеринѣ, по свидѣтельству Эстергази, 421, 422, 424.

Эрнести, проф. I, 372.

Эстергази, князь, магнатъ Венгерскій, I, 407.

Эстергази, де Галанта, гр. Николай Австр. пос. въ Пбургѣ I, 421, II, 384, 385, 404; его портретъ 404, 406, 420, 423.

Эстергази, графъ Валентинъ-Владиславъ, I, свѣдѣнія о немъ 420; два его письма изъ Петербурга 1791 г. 420—427.

Эстляндское дворянство, I, 486.

*

Юдино, село, I, 63.

Юзефовичъ, капеланъ Глуховск. гетманск. дворца, II, 368.

Юрасовскій, сержантъ II, 227.

Юсуповъ, кн. Борисъ Григорьевичъ II, заводитъ театральныя представленія въ Петербургѣ 351; (участвуетъ въ придворныхъ увеселеніяхъ 314?).

Юшкевичъ, списк., II, 275.

*

Яготино, село Гетмана Разумовскаго II, 495; церковь и дворецъ, 495; 499; шелковичн. садъ, 499.

Яготинскій-Кушенинскій, сотникъ Переясл., I, 63.

Ягужинскій, графъ Пав. Ив. старшій конюшій Петра II-го, свидѣтельство о немъ дуки де Лирія II, 28, 30, 33, 54; 61. 141. 189. его надгробіе 261.

Яжелбицы, деревня I, 53. II, 469.

Яикъ, р. I, 160. 434.

Яицкіе казаки, I, 148, 153, 156, 160, 244; письмо ихъ къ князю Г. Г. Орлову 142, 151, 152; 244, 245. поселеніе ихъ въ Прибалтійскомъ краѣ 432 — 450.

Яицкій городокъ, I, 148 150. 433. 436.

Якоби, (Фридрихъ Генрихъ), философъ, I, 349.

Яковлевъ, Ѳедоръ, однодворецъ I, 108.

Якубовичъ, генеральный есаулъ II, 300, 347, 365, 367, 372, 380, 394; умеръ 431.

Якутскъ, гор., II, 64, 65.

Ямполь, гор. II, 354.

Янковичъ, Ѳедоръ, директоръ училищъ въ Темесварскомъ уѣздѣ. Екатерина призываетъ его въ Россію для устройства народныхъ училищъ I, 373.

Яновъ, Сергѣй, обучался въ Лейпцигѣ I, 241, 242.

Янсонъ, Петръ, таможен. досмотрщикъ, I, 457.

Янъ Казимиръ III, король Польскій I, 307.

Ярославль, гор. I, 91, 92; училище высшихъ наукъ 359; учрежденіе Масонской ложи 431. 462. 467. 468. Уп. 249. II, 504.

Ярославское, намѣстничество, открытіе народныхъ училищъ I, 428, 429.

Ясмань, деревня II, 299. 365.

Яуза, р. I, 58, 110, 112. 113.

Яхонтовъ, лекарь II, 309. 310.

Яценковъ, Николай, I, 502.

*

Ѳедуловъ, казакъ Яицкій I, 433. 436. 437. 438. 439. 445. 446. 447. 448.

Ѳеофанъ, игум. Полтавскій II, 356.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, (архіепископъ), I, 496, 499; II, 272, 275.

ОПЕЧАТКИ.

страница	строка	напечатано	вмѣсто
6	1	намъ	и намъ
25	28	Цетербурга	Петербурга
69	7	тмоу	тому
118	13	большо	больше
121	12	въ немь	въ немъ
203	26	(0)	(10)
245	9	грата	брата
292	30	Цетербургъ	Петербургъ
309	34	съ тобюю	съ тобою
319	27	Ряасудите	Разсудите
333	11	гр. Рааумовскаго	гр. Разумовскаго
336	17	они	онъ
342	11	въ писмѣ	въ письмѣ
367	34	Бантышъ-Каменскій	Бантышъ-Каменскій
399	40	ооществомъ	обществомъ
404	30	умеръ	умеръ
437	22	ректора	лектора
451	25	выступили	выступила
512	15	П. Г. Гагарину	Г. П. Гагарину

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. Письма о Россіи въ Испанію *Дука-де Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева* . . . . . 5—198

II. Густавъ Биренъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*. 199—254

III. Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацієвича*, съ примѣч. *Н. И. Григоровича*. . . . . 255—259

IV. Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій . . . . . 260—502

V. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карновича* 1765 года. 503—505

VI. Масонскія бумаги:

а) Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву. . 506—507

б) Письмо *И. П. Тургенева* къ А. П. Соковнину . . 507—508

в) Письма *Кауница Ритберта* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонгинова* . . . . . 508—513

г) Изъ донесенія *князя Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ* 513

РУССКІЙ АРХИВЪ
1869

Цѣна годовому изданію одного Русскаго Архива на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ Осмнадцатаго Вѣка 10 р. а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ Осмнадцатаго Вѣка, съ пересылкою двѣнадцать рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ: первая по 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. вторая по 3 р. съ пер. 3 рубля.

☞ Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р. а также и тѣ, кои получили обѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р. симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль, вторыя—два рубля.

Желающіе получать Русскій Архивъ или Осмнадцатый Вѣкъ, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ Русскій Архивъ прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной

Тетради Русскаго Архива по одиночкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **8** р.; *во Францію и Бельгію* **8** р. **50** к; *въ Англію* **9** р.; *въ Швейцарію и Италію* **10** р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Иногородные обращаются въ Москву, къ издателю П. И. Бартеневу и прилагаютъ 50 к. за пересылку.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
127
B37
kn.2

Bartenev, Petr Ivanovich
Osmnadtsatyi viek